

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Выпуск посвящается 80-летию
Орловского государственного университета*

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 6

ОРЕЛ—2011

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 6

Редакционно-издательская коллегия:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Белевитина Т.М. (ответственный редактор журнала), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии), Александрова А.П., Алексеев А.П., Зайченкова М.С., Золотарев Ю.В., Иванов А.Е., Изотов В.П., Исаева Н.И., Капустин А.Я., Колесникова А.Ф., Львова С.И., Минаков С.Т., Михеичева Е.А., Оскотская Э.Р., Пахарь Л.И., Пивень В.Ф., Репин О.А., Седов Е.Н., Серегина Т.В., Тер-Минасова С.Г., Тыртышников Е.Е., Уман А.И., Шабанов Н.К.

Серия «Гуманитарные и социальные науки»

Редакционно-издательская коллегия серии:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Белевитина Т.М. (ответственный редактор журнала), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии), Антонова М.В., Аронова С.А., Бахвалова Т.В., Гелла Т.Н., Изотов В.П., Крючкова Т.Б., Литвин Ф.А., Марковичева Е.В., Минаков С.Т., Михальченко В.Ю., Михеичева Е.А., Назарова Г.Ф., Никифоров В.А., Новиков С.Н., Образцов П.И., Рымшина Т.А., Селютин В.Д., Серегина Т.В., Тюрикова Г.Н., Уман А.И.

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации журнал «Ученые записки Орловского государственного университета» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим отраслям научных специальностей:

01.00.0 – физико-математические науки; 02.00.00 – химические науки; 03.00.00 – биологические науки; 06.00.00 – сельскохозяйственные науки; 07.00.00 – исторические науки; 08.00.00 – экономические науки; 09.00.00 – философские науки; 10.00.00 – филологические науки; 12.00.00 – юридические науки; 13.00.00 – педагогические науки; 14.00.00 – медицинские науки; 17.00.00 – искусствоведение; 19.00.00 – психологические науки; 25.00.00 – науки о земле.

Учредитель –

ФГБОУ «Орловский государственный университет»

Адрес редакции: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95,

Орловский государственный университет

Редакция журнала «Ученые записки ОГУ»

E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

ISSN 1998-2720

© Коллектив авторов, 2011

© Орловский государственный университет, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА	
<i>Н.Ф. Авдеев</i>	Международные организации в процессе модернизации экономики 5
<i>Л.И. Губарева,</i> <i>В.Н. Синельникова</i>	Экологическая ответственность фирмы и экономический успех 8
<i>А.Г. Зайцев</i>	Взаимодействие институтов в рамках эволюции маркетинговых теорий 14
<i>Е.П. Иконникова</i>	О некоторых аспектах повышения конкурентоспособности отечественного производства 17
<i>О.М. Моногаров</i>	Оценка внутренней взаимосвязи факторов устойчивости малого промышленного комплекса и ее применение при сценарном анализе инвестиционных проектов 21
<i>М.Г. Никишина</i>	Субъекты инвестиционной деятельности и их экономические связи 26
<i>Т.С. Соболева</i>	Исследование причинно-следственных связей между инновационными и инвестиционными процессами в регионах России на основе теста Грэнджер 34
<i>А.В. Стеценко,</i> <i>М. Лукьянчиков</i>	Анализ нормативно-правовой базы основ государственной инновационной политики как необходимого условия внедрения кластерного подхода к развитию промышленности 38
<i>Е.В. Такмакова</i>	Роль социальной стандартизации в реализации социальной политики и развитии отраслей социальной сферы 41
<i>С.А. Халин</i>	Страхование как инструмент инновационного развития отечественной пищевой промышленности 47
ИСТОРИЯ	
<i>А.В. Борзов</i>	Вопрос о религиозных церемониях в школах в деятельности первой администрации Р. Рейгана (1981–1985 гг.) 54
<i>А.Н. Верижников</i>	Части особого назначения как центры военного обучения в 1921–23 гг. (на примере Орловской губернии) 61
<i>А.Б. Гулярян</i>	Уставы орловских общественных организаций как исторический источник 66
<i>А.В. Крыжан</i>	Социально-политическая повседневность в Советской России в 20-е гг. XX в. 74
<i>В.А. Можина</i>	Культурная политика и политические партии во Франции в конце 50-х – начале 90-х гг. XX века 80
<i>А.С. Рогожина</i>	Отчеты Орловской губернской земской управы как источник по государственной продовольственной политике во второй половине XIX в. 88
<i>Л.Г. Степанова</i>	Новые подходы в моделировании бюджета крестьян XV–XVI вв. 95
<i>А.Н. Судакова</i>	«Защитники наши задолжались» 101
<i>А.В. Штепа</i>	Полемика по вопросу о необходимости составления особого пенсионного капитала духовенства Калужской епархии в местной периодической печати во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам «Калужских епархиальных ведомостей») 106
ФИЛОСОФИЯ	
<i>И.В. Андреев</i>	Б.Н. Чичерин и становление современной теории политических партий 114
<i>Е.В. Дерусова</i>	Политико-правовые основания деятельности молодежных структур на региональном уровне 119
<i>О.А. Ежова</i>	Контркультурные тенденции в современном социокультурном пространстве 126
<i>М.О. Изотов</i>	Понятие коррупции: основные подходы 133
<i>Е.В. Ковалева</i>	Слово как объективная реальность в онтологии и эстетике С. Н. Булгакова 139
<i>Ж.В. Латышева</i>	Анализ оснований повседневного знания в теории социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана 144
<i>Г.Ф. Назарова,</i> <i>Т.В. Серегина</i>	Гуманизация и гуманитаризация высшего образования – магистральный путь повышения уровня современных образовательного и воспитательного процессов 151
<i>Т.Ю. Павельева</i>	Экстернальные факторы становления и развития научных школ 157
<i>С.В. Старкин</i>	К вопросу об идентификации концепта «стратегическая разведка» в контексте становления разведывательного сообщества США 165
<i>В.С. Хоптяная</i>	Переосмысление роли метафизики в развитии научного знания К. Поппером 171
ФИЛОЛОГИЯ	
<i>А.А. Бельская</i>	Имя Наталья в контексте романа И.С. Тургенева «Рудин» и тезоименные героини А.С. Пушкина 177
<i>О.Н. Веселова</i>	От Раскольникова к Логину (герои романа Сологуба как преломление образов Достоевского) 187
<i>О.Е. Денисова</i>	«Исторические эмоции» в художественном мире поэта-эмигранта Ю.Б. Софиева (проблема творческого мастерства) 194
<i>Я.О. Дзыга</i>	Образ России в эмигрантском творчестве И.С. Шмелева и К.Д. Бальмонта 200
<i>М.М. Каткова</i>	Учение Н. Фёдорова и его влияние на творчество А. Платонова в рецепции англоязычных критиков 205
<i>Л.Н. Колесникова</i>	Профессиональный имидж современного преподавателя 209
<i>Квак Хе Ми</i>	Тема Петербурга в творчестве К.И. Чуковского 216
<i>Ю.В. Маринина</i>	Жанровое своеобразие религиозно-философского наследия Л.П. Карсавина (на примере исповедального произведения «Noctes Petropolitanae» 1922 год) 220
<i>Н.А. Мартынова</i>	Особенности процесса именования инокультурных реалий при межкультурной коммуникации 224
<i>Н.А. Ощепкова</i>	Языковые средства описания аргументативности 228
<i>Е.В. Павлова</i>	Реконструкция элементов этнической духовной культуры на основе анализа языковых моделей поведения 234
<i>Н.А. Переверзева</i>	Метафора, сравнение, синестезия как разновидности метафоры 240
<i>Т. В. Платонова</i>	Место сравнений в художественной речи А. И. Куприна 246
<i>О.С. Стрелкова</i>	Жанр рассказа о чудесах на страницах курской духовной периодики XIX – начала XX в. 253
<i>Т.А. Трафименкова</i>	Номинации полевых цветущих растений как фрагмент русской языковой картины мира 260
<i>С.Р. Туманова</i>	«Время, время, как ветер, шапку рвёт с головы...» (К проблеме художественного времени в лирике А.Т. Твардовского) 268
РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ	
<i>В.В. Винокуров</i>	Концепция динамической феноменологии религии Рене Жирара: близнецы 278
<i>А. Голубов</i>	Русская зарубежная церковь: проблемы существования в инокультурном пространстве 284
<i>И.В. Левит</i>	Основные направления консервативного протестантизма в современной Германии 288

<i>В.В. Петрунин</i>	Церковь и средства массовой информации: проблема взаимоотношений	294
<i>Епископ</i>	Архитектура Богоявленского собора Авраамиева монастыря в контексте художественно-	
<i>Воскресенский Савва</i>	символической программы эпохи Ивана Грозного	298
<i>С.М. Санькова</i>	Роль Русской Православной Церкви в деле народного образования в представлении М. Н. Каткова	304
<i>А.И. Тюрин</i>	Избранные аспекты исторического спора о происхождении древнеегипетской цивилизации и религии между египтологией и криптоисторией	307
<i>Т.Г. Человенко</i>	Интегративные особенности религиозно-феноменологического дискурса П. Рикёра	312
<i>С.Н. Худовеков</i>	Ориген и эллинистическое воспитание	318
ПРАВО		
<i>А.П. Александрова</i>	Американский федерализм как форма организации правовой системы государства	323
<i>Ю.В. Быстрова</i>	Профилактические меры борьбы с коммерческим подкупом при проведении государственных закупок	326
<i>Н.Ю. Давыдова</i>	К вопросу об эволюции авторских правоотношений в истории российского права XVIII – начала XX в.	330
<i>А.В. Меркулова</i>	Материнский капитал: вопросы теории и практики	336
<i>С.Т. Сазин</i>	Следственные органы США, Германии и Российской Федерации как основной инструмент защиты прав и свобод человека и гражданина	30
<i>И.Р. Султанов</i>	Соотношение международного и внутригосударственного права и актуальность проблемы в эпоху глобализации	345
<i>Р.Ю. Черпунов</i>	Проблемный характер местного самоуправления в Российской Федерации как идеологически-стабилизационного института	351
ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ		
<i>В.А. Андриеш</i>	Условия повышения качества профессиональной подготовки педагогов в вузе средствами педагогического тестирования	359
<i>М.Ю. Артемов</i>	Историко-критический анализ метода проектов в системе языкового образования	364
<i>Г.В. Бакалдина</i>	Развитие пространственных представлений в пропедевтических концепциях Баухауза и Вхутемаса	372
<i>А.Н. Бачун</i>	Формирование готовности учащихся к реализации АТД	377
<i>Н.И. Бочарова</i>	К вопросу о разработке содержания и психолого-педагогических оснований технологий охраны здоровья участников образовательного процесса высшего учебного заведения	383
<i>И.В. Вискова</i>	От логико-грамматического к коммуникативно-деятельностному подходу в обучении русскому языку (из истории становления методики морфологии)	391
<i>С.В. Дерепаско,</i>		
<i>В.Н. Правдюк</i>	Принципы подготовки педагога профессионального обучения отрасль «Дизайн»	394
<i>И.Н. Иваненко</i>	Введение ФГОС как основа осуществления духовно-нравственного развития и воспитания начального общего образования	399
<i>Н.А. Ильина,</i>		
<i>Е.В. Кузнецова</i>	Организация внутренних аудитов в структурных подразделениях Орловского государственного университета ..	404
<i>Н.Е. Копытова</i>	Методологические подходы и принципы построения компетентностно-развивающей модели повышения квалификации профессорско-преподавательского состава вузов	407
<i>Н.Е. Лысенко</i>	Развитие приёмов запоминания учебного материала при изучении русского и иностранного языков	412
<i>Л.Н. Макарова,</i>		
<i>И.А. Шаршов</i>	Вариативная модель повышения квалификации педагогов дополнительного образования: сущность и структура	420
<i>Ю.В. Макарова</i>	Развитие исследовательской культуры в процессе профессиональной подготовки специалистов по социальной работе	426
<i>М.В. Малявкина</i>	Духовно-нравственная основа профессиональной подготовки студентов в учреждениях специального музыкального образования	431
<i>О.В. Минакова</i>	Формирование профессиональной мотивации студентов медицинского вуза на основе компьютерных технологий	436
<i>В.А. Митрахович</i>	Педагогическое сопровождение формирования профессионализма у военнослужащих контрактной службы ..	439
<i>И.В. Осипова</i>	Работа со «Словарём языка Пушкина» в школе	446
<i>Е.А. Ралькова</i>	Самооценивание учебных достижений как личностная компетенция учащегося	449
<i>О.Е. Сальникова</i>	История становления и развития гражданского воспитания в странах устойчивой демократии (на примере школ Канады)	453
<i>О.Б. Самойленко</i>	Теоретические аспекты организации самостоятельной работы как средства формирования профессиональной компетентности будущих специалистов в военном вузе	457
<i>Л.А. Стахнева</i>	Субъектность как предмет психологического исследования	464
<i>О.В. Филатова,</i>		
<i>И.Ю. Гнездилова</i>	Некоторые аспекты профессиональной подготовки кадров для социально-педагогической работы в пенитенциарных учреждениях в контексте компетентностного подхода	471
<i>Н.Г. Хмызова,</i>		
<i>В.Н. Правдюк</i>	Формирование научных знаний у будущих педагогов профессионального обучения	477
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ		
<i>О.Ю. Амелина</i>	Учебное проектирование в подготовке дизайнера к профессиональной деятельности по созданию ансамбля интерьера	481
<i>В.С. Балакин</i>	Использование межпредметных связей в процессе обучения школьников в детской художественной школе	485
<i>Л.А. Кузнецова</i>	Декоративно-прикладное искусство как исток изобразительного искусства	489
<i>Д.А. Хворостов</i>	Проектные работы в наследии архитекторов Захарова и Барановского	493
	Редакционно-издательская коллегия журнала «Ученые записки Орловского государственного университета»	498
	Редакционно-издательская коллегия серии «Гуманитарные и социальные науки»	499
	Требования к оформлению статьи	500

ЭКОНОМИКА

*Н.Ф. АДДЕЕВ, аспирант кафедры мировой экономики
Санкт-Петербургского государственного университета
Тел. 8 921 3180558; hjs86@mail.ru*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

В данной статье описывается роль международных организаций в процессе модернизации экономики. Приводится попытка оценить выгоды для экономики России от участия в международных организациях.

Ключевые слова: международные организации, международная торговля, инвестиционный поток.

На сегодняшний день наш мир опутан сетью международных организаций, появление которых и ознаменовало начало эпохи глобализации. Поэтому в разговоре о модернизации национальной экономики стран необходимо уделять внимание деятельности международных организаций. Причем не только в угоду моде, но и из-за скрывающегося в них потенциала. Попробуем выяснить, в чем же польза конкретно для России от международных организаций.

Вернемся на 30 лет назад. В это время такая организация, как ЮНИДО, уже 14 лет осуществляла свою деятельность. Основными регионами деятельности этой организации были Африка, Латинская Америка и Восточная Европа. Основным источником инвестиций была Западная Европа. Франция была основным инвестором для Африки, конкретнее, для своих бывших колоний. Деятельность ЮНИДО осуществлялась на общественных началах. В этой же сфере формируется отдельная от ООН организация ТАСИС под эгидой Европарламента. Заметим, что объемы инвестиционных потоков при ТАСИС были несравнимо больше, чем у ЮНИДО. Тем самым ей был обеспечен свободный выход с меньшими рисками и затратами на рынки Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии, для европейского капитала, а впоследствии и товаров. Ярким примером деятельности этой организации служит компания Carrefour (Перекресток), ныне самый крупный ритейлер в мире после Wall-Mart. Carrefour вначале посредством ЮНИДО вышла на рынок Африки, а затем, уже при помощи ТАСИС, ею были освоены рынки Азии и Латинской Америки. Подобная деятельность в рамках международных организаций дает множественный эффект. Во-первых, развивающаяся экономика получает дополнительные инвестиции порой даже не в самые доходные, но необходимые отрасли. Во-вторых, развитая экономика находит нишу для реализации своего избыточного производства.

А что же в России? В 1982 году из 60 предоставленных ей проектов были выполнены только два, причем не самых известных и дорогостоящих. Спросите, почему? Ответ очевиден: 80–90-е годы XX века отмечены недоверием по отношению к иностранным инвесторам, при этом существовали некоторые ограничения на деятельность международных организаций, основными из которых были 3 года окупаемости и малый объем финансирования. Сложившаяся в то время ситуация отнюдь не поспо-

собствовала развитию отношений России и ЮНИДО. Да и сейчас отношение к ЮНИДО в России, на наш взгляд, слегка пренебрежительное, об этом свидетельствует и тот факт, что даже при создании инвестиционных проектов практически никто не пользуется методикой ЮНИДО.

Однако ситуация постепенно меняется в лучшую сторону: в 2007 году в Москве при посредничестве ЮНИДО был осуществлен проект стоимостью 800 тыс. долл. США. Данный проект подразумевал внедрение российской технологии по дистанционному зондированию в Эквадор. Отраднo, что по завершении этого проекта было подано еще три заявки на российские технологии из стран Латинской Америки. Да, размер сделки очень мал по отношению к другим макроэкономическим показателям, однако в условиях необходимости диверсификации российского экспорта данная деятельность полезна для модернизации нашей национальной экономики.

Отметим, что роль международных организаций в формировании инвестиционных потоков особенно важна в период модернизации национальных экономик как для развитых, так и для развивающихся стран. Однако приток инвестиций в развивающиеся и наименее развитые страны не единственное глобальное благо, которое обусловлено институтом международных организаций. К группе данных благ можно отнести, например, такие:

- гуманитарная помощь;
- укрепление международной стабильности;
- борьба с бедностью;
- развитие фундаментальных научных знаний;
- снижение уровня неопределенности в мировых хозяйственных связях и т.д.¹

Иными словами, современные процессы по модернизации национальной экономики вне зависимости от страны обязательно проходят при участии тех или иных международных организаций. Россия в данном контексте не является исключением. Более того, программа по модернизации экономики нашей страны подразумевает активное ее участие в международной торговле. Рассмотрим, например, влияние международных организаций, специализирующихся в сфере международной торговли, таких как ЮНКТАД, ОЭСР и ВТО.

Активное участие РФ в деятельности ООН способствует созданию адекватной современным условиям концепции внешней экономической деятельности, определению своей роли в процессе

содействия международному развитию, а также выработке согласованной между всеми странами позиции в отношении причин мирового кризиса и механизмов борьбы с его негативными последствиями. Продолжается работа по распространению на страны СНГ результатов применения программного обеспечения ASYCUDA, которое является ведущим информационным средством по модернизации таможен более чем 90 стран мира. Главная цель этой программы – поддержать страны в создании благоприятных условий для торговли путем укрепления операционной способности Таможенных Администраций по выполнению их налоговых и контрольных функций через внедрение современных и надежных информационных систем².

Заметим, что Россия является членом Комитета ОЭСР по стали, во всех остальных работает в качестве наблюдателя. Однако даже это положение дает возможность для мониторинга и обмена опытом со странами – членами ОЭСР по интересующим Россию аспектам международной торговли. При условии полного вступления России в ОЭСР наша страна получит следующие преимущества:

- 1) информационно-консультативная поддержка со стороны ОЭСР (определенная информация доступна только странам-членам);
- 2) улучшение инвестиционного климата (в рамках ОЭСР идет работа по присвоению странам категорий риска);
- 3) рост политического престижа (клуб богачей – 60% мирового ВВП);
- 4) учет интересов России в процессе разработки международных норм торговли.

Уже сегодня Россия в значительной степени действует в правовом поле ВТО. Приведение российского законодательства в соответствие с требованиями этой организации во многом способствовало формированию открытого торгового режима страны, т.е.:

- созданию стабильной и предсказуемой правовой среды для развития торговли и инвестиций для иностранных и отечественных компаний,
- снижению административных барьеров для деятельности компаний на российском рынке,
- оздоровлению конкурентной среды в важнейших секторах экономики,

- общему улучшению инвестиционного и предпринимательского климата.

Немаловажно, что система государственного регулирования внешнеторговой деятельности, в том числе в сферах лицензирования, таможенного администрирования, охраны прав интеллектуальной собственности, становится гораздо более открытой и предсказуемой. Это создает преимущества не только для иностранных контрагентов, но и для российских компаний.

К сожалению, до формального завершения процедуры присоединения к ВТО Российская Федерация в значительной мере изолирована от полноценного участия в выработке «правил игры» в этой области. В то же время статус наблюдателя в ВТО уже позволяет российским экспертам принимать участие как в формальных, так и в неформальных встречах, проводящихся в рамках этой организации, и высказывать свою точку зрения по вопросам, представляющим интерес для Российской Федерации, с целью поиска союзников в их решении.

Так, в частности, в рамках заседаний Комитета по техническим барьерам российские эксперты совместно с экспертами из заинтересованных стран–членов ВТО принимают участие в обсуждении вопросов, затрагивающих экспорт товаров в ЕС (например, система REACH и вопросы классификации никелевых соединений).

В рамках Комитета по правилам торговли была подготовлена и распространена среди возможных союзников позиция российской стороны по вопросу изменения правил расчета компенсационных мер, реально узаконивающих практику применения энергетических корректировок. В этой позиции, в частности, отражены доказательства появления внутренних противоречий между нормами и правилами ВТО в случае принятия такого решения.

Таким образом, в современном мире любая программа по модернизации национальной экономики малоэффективна без участия международных организаций.

Примечания

¹ Сутырин С.Ф. Международная торговая система в контексте теории общественных благ // Современная система мирохозяйственных связей: тенденции развития и перспективы // Материалы международной научно-практической конференции 25 апреля 2008 г. «Европейский Дом». – СПб., 2008.

² Обзор внешней экономической деятельности РФ 2010 // www.mid.gov

Библиографический список

1. Сутырин С.Ф. Международная торговая система в контексте теории общественных благ // Современная система мирохозяйственных связей: тенденции развития и перспективы [Текст] // Материалы международной научно-практической конференции 25 апреля 2008 г. «Европейский Дом». – СПб., 2008.
2. Обзор внешней экономической деятельности РФ 2010 [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: // www.mid.gov

N.F. AVDEEV

INTERNATIONAL ORGANIZATION IN ECONOMICAL MODERNIZATION PROCESS

The role of international organizations in economical modernization process is described in this article. There is estimation of profits for Russian economy to take part in international organization.

Key words: international organization, international trade, investment's flow.

Л.И. ГУБАРЕВА, кандидат педагогических наук, доцент кафедры сервиса и туризма Орловского государственного университета
Тел. (4862) 72-09-77; gubareva88@mail.ru

В.Н. СИНЕЛЬНИКОВА, преподаватель кафедры общих дисциплин факультета среднего профессионального образования Орловского государственного института экономики и торговли
Тел. (4862) 72-35-79; mara4ka@yandex.ru

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ФИРМЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УСПЕХ

В статье освещаются вопросы экологической ответственности бизнеса в условиях обострения экологической ситуации как в России, так и в мире в целом. Рассматриваются механизмы оценки деятельности предприятий с точки зрения влияния на окружающую среду, устанавливается зависимость конкурентоспособности фирмы на рынке от публикации ее экологического рейтинга.

Ключевые слова: экосистема, экологическая ответственность, иски, конкурентоспособность, экологический рейтинг.

Экологическая эффективность бизнеса, отражаемая такими показателями, как экологические издержки (объемы потребления воды и энергии, образование отходов, сточных вод и выбросов в атмосферу, площади нарушенных земель), прозрачность экологической отчетности и темпы сокращения воздействия на окружающую среду, является надежным критерием оценки бизнеса. Экологи отмечают, что экологическая эффективность не зависит от взлетов и провалов финансовых индикаторов и может быть использована при принятии решений о вложении государственных инвестиций в реальный сектор экономики.

Всемирный совет по устойчивому развитию (World Business Council on Sustainable Development) определяет корпоративную социальную ответственность как приверженность бизнеса концепции устойчивого экономического развития в работе со своими сотрудниками, их семьями, местным населением, обществом в целом с целью улучшения качества их жизни. В данном определении прослеживается зависимость между развитием компании и улучшением качества жизни общества в целом.

В последнее время появился ряд работ российских и зарубежных авторов, посвященных развитию экологической ответственности бизнеса. Экологическая ответственность бизнеса рассматривается как добровольная разработка программ и мероприятий, выходящих за рамки законодательства в сфере охраны окружающей среды, и их реальное осуществление.

Само понятие социально-экологической ответственности бизнеса первоначально трактовалось как углубление известного в экономике природопользования принципа «загрязнитель платит» и его развитие до требования социально-экологической ответственности предпринимательства. Одновременно с этим специалистами была введена широкая трактовка принципа устойчивости в рамках «треугольника устойчивого развития». Согласно этому подходу перед современным бизнесом стоит задача объединения в практической деятельности трех взаимосвязанных целей: экономической

эффективности, экологической ответственности и социальной активности.

Обычно в теории и на практике основное внимание уделяется возможности синергетических (т.е. взаимно усиливающих друг друга) эффектов от реализации бизнесом высоких экологических обязательств и их положительного воздействия на финансово-экономические параметры его деятельности. Достижение синергетического эффекта проявляет себя в устойчивой конкурентоспособности бизнеса, причем как в краткосрочном, так и в особенности в средне- и долгосрочном периодах, что расширяет возможности в области социально-экологических инициатив.

Так, с учетом достижения комплексной цели снижения техногенной нагрузки на природную среду и повышения экономической результативности уже в течение ряда лет реформируется налоговая система в странах Евросоюза. В основе налоговой реформы лежит концепция «двойного дивиденда», т.е. одновременного достижения более высоких экологических и экономических результатов.

То же относится и к обрабатываемому в настоящее время во многих странах, включая Россию, международному механизму торговли разрешениями (сертификатами) на выбросы парниковых газов. Этот механизм среди прочего нацелен на снижение техногенной и антропогенной нагрузки на экосистему Земли до приемлемого уровня с применением наиболее эффективных решений, отбор которых должен стимулировать рыночный конкурентный механизм.

Вместе с тем не менее важной задачей представляется и учет неоднозначных соотношений между экологическими и социальными задачами. Между этими целями существует тесная, часто положительная взаимосвязь: так, минимизация экологических воздействий предприятий-загрязнителей оказывает прямое позитивное воздействие на повышение качества жизни и укрепление здоровья, причем не только персонала предприятия, но и местного населения.

Социально-экологическая ответственность представляет собой наряду с интернализацией внешних отрицательных эффектов деятельности бизнеса его осознанное и мотивированное участие в разнообразных предупреждающих экологический ущерб и нерациональное природопользование мероприятий, в обеспечении (производстве) общественных социальных и экологических благ, вклю-

чая меры по охране здоровья, повышению качества окружающей природной среды и устойчивому природопользованию. В ее основе лежит экологически и социально ответственное предпринимательство, под которым понимается экономически свободная инициативная деятельность, связанная с риском и направленная на достижение рыночных результатов при соблюдении требований экологической безопасности, закрепленных в нормативно-правовых документах, а также в общественно признанных, отвечающих сложившимся в обществе этическим нормам.

Обратим внимание на два важных обстоятельства. Во-первых, согласно современным представлениям социально-экологическая ответственность предполагает не только и не столько компенсацию наносимого деятельностью предприятия ущерба окружающей среде, сколько проведение предупреждающих этот ущерб мероприятий. Сюда же относится поддержка общественно значимых социально-экологических инициатив (мер по охране здоровья, сохранению культурно-исторического наследия, поддержке особо охраняемых природных территорий, сохранению исчезающих биологических видов и т.п.). Во-вторых, реализация социально-экологической ответственности тесно связана с утверждением адекватной этим задачам бизнес-этики, которая призвана дополнить систему формальных правовых норм и требований, зафиксированных в официально утвержденных законах, стандартах, регламентах и т.п., морально-нравственными нормами и принципами, подкрепив тем самым действие формальных институтов.

К настоящему времени сформировался ряд концептуальных подходов и создаваемых на их основе механизмов и инструментов реализации экологической ответственности бизнеса. Представленный ниже перечень этих подходов в целом отражает эволюцию содержания и инструментов реализации экологической ответственности.

– Трансформация внешних негативных экологических эффектов, обусловленных деятельностью фирмы, в ее внутренние издержки на основе налога А. Пигу и производных от него инструментов (включая платежи за негативное экологическое воздействие, как это имеет место в России), применяемых к виновнику загрязнения природной среды и основанных на активном участии государства в деле нейтрализации рыночных провалов.

– Методы и механизмы, обеспечивающие экологически устойчивое социально-экономическое развитие, позволяющие раздвинуть временные рамки ответственности бизнеса за счет социально-экологических обязательств перед будущими поколениями и стейкхолдерами, не снимая при этом задачи повышения финансово-экономической результативности.

– Интернализация внешних экологических издержек во внутренние затраты фирмы в ходе прямых рыночных переговоров между «жертвой» (жертвами) загрязнения природной среды и его виновником в условиях четко определенных имущественных прав и минимизации государственного присутствия – в соответствии с теорией Р. Коуза.

– Экономико-правовой метод реализации экологической ответственности, включающий два прикладных направления: 1) страхование экологической ответственности предпринимателей рискованных секторов экономики, обязательное и добровольное, 2) реализация ответственности посредством наложения административных и уголовных наказаний в ходе судебных разбирательств.

– Участие бизнеса в купле-продаже квот на выбросы парниковых газов в рамках формирующихся межгосударственных механизмов разрешения глобальных экологических проблем.

– Добровольные экологические соглашения и партнерства (бизнес–государство, бизнес–бизнес, бизнес–НГО). Это гибкий инструмент выхода бизнеса за пределы законодательно зафиксированных норм экологической безопасности и рационального природопользования и концентрации усилий на решении межотраслевых ресурсно-экологических проблем (утилизация и рециклинг отслужившей крупногабаритной техники, железнодорожных вагонов, самолетов и т.п.). Его использование применимо и для решения проблем высокой степени неопределенности и асимметричного распределения необходимой для принятия эффективных решений информации.

Прозрачность социально-экологической отчетности на встрече Большой восьмёрки в Германии была признана важным фактором для мировых рынков. Для российских регионов экологическая ответственность бизнеса становится все более серьезным аргументом в привлечении инвестиций. Следует отметить, что многие российские компании уже довольно продолжительное время вкладывают большие средства в модернизацию

производства, строят новейшие очистные сооружения, финансируют множество социальных и экологических программ.

Однако это скорее вынужденная мера, поскольку в последние годы в российской экономике отмечается рост воздействия производства на окружающую среду и здоровье населения.

Посткризисный рост экономики всегда чреват резким обострением экологической ситуации. Подъем после Великой депрессии в США поставил на грань гибели экосистемы Великих озёр. Восстановление послевоенной Европы превратило Рейн в сточную канаву, очистка которой впоследствии потребовала колоссальных затрат. При обострении экологической ситуации и снижении социально-экономической напряжённости закономерно возрастает внимание общественности к охране окружающей среды. Это естественный процесс, который также отмечался и в США, и в послевоенной Европе.

В условиях, когда угроза экологической деградации России становится всё более реальной, столь же реальными стали возможности повышения капитализации тех компаний, которые проводят эффективную социальную и экологическую политику.

Показателями, на которые могут ориентироваться как контролирующие органы, так и общественность, — экологические рейтинги. На сегодняшний момент их публикация стала популярной как в деловых, так и в массовых изданиях. Как показывает практика, подобные публикации существенно влияют на экономическое положение фирм.

Так, Автономная некоммерческая организация «Независимое экологическое рейтинговое агентство» (АНО «НЭРА») провело мониторинг реакции фондового рынка на оглашение оценок социально-экологической ответственности ведущих компаний и зарегистрировало суммарный рост котировок в группе, по которой СМИ были представлены позитивные экологические оценки (рис. 1) [6]. Для группы компаний, по которым были упомянуты объективные экологические проблемы, отмечено опережающее снижение котировок.

Эта тенденция вызвана повышенной ролью экологических факторов в конкурентной борьбе на наиболее выгодных европейском и североамериканском рынках. Наряду с прозрачностью корпоративного управления социально-экологическая ответственность оказалась своеобразным «вход-

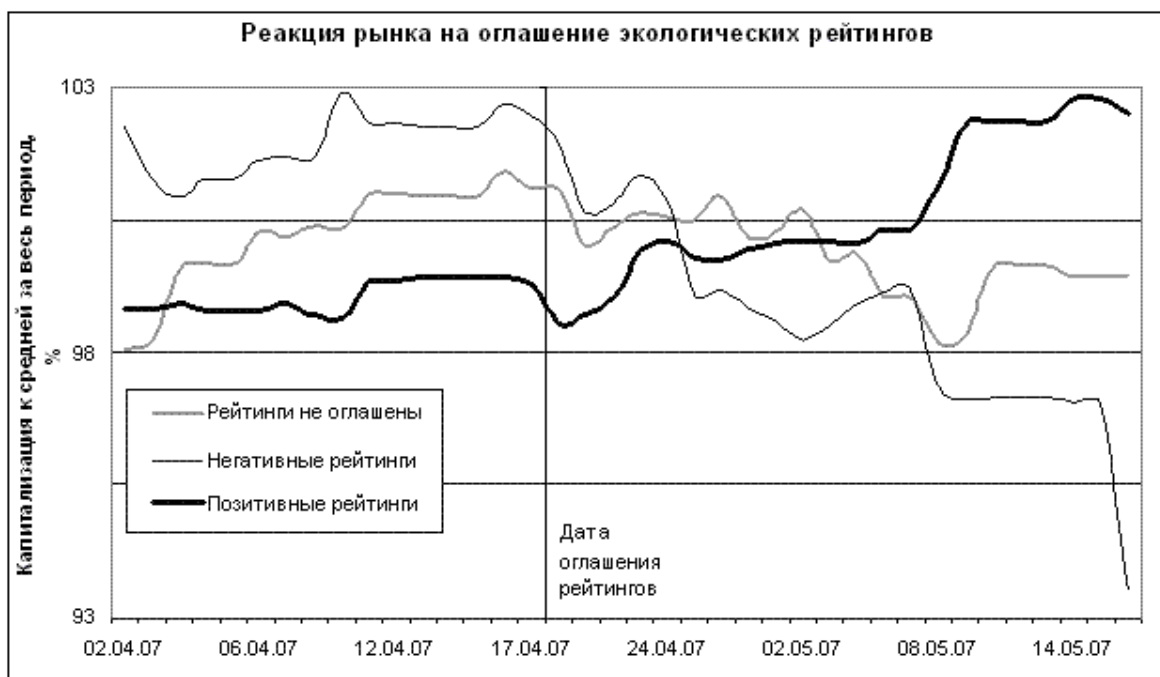

Рис. 1. Зависимость роста котировок от оглашения экологических рейтингов

ным билетом» в международное деловое сообщество.

Скрытие или непродуманная подача информации об экологических или социальных проблемах производства вызывает острую реакцию населения и заинтересованных общественных организаций, в том числе в форме демонстраций «красных» и «зеленых» или судебных исков. Намерения или действия сторон в таких конфликтах всегда вызвали ответные контрдействия и кампании в прессе, которые в массе поглощали интеллектуальные и финансовые ресурсы, а главное – ресурсы общественного внимания. Сопоставление затрат на взаимные обвинения и достигнутых результатов показало неэффективность подобных средств согласования интересов. Пока бизнес не уделяет должного внимания взаимодействию с гражданским обществом, будет идти накопление субъективного груза прошлых конфликтов, которое блокирует даже порой очевидное разрешение проблем. Именно поэтому встала задача оптимизации способов информирования общества об экологических и социальных последствиях производства.

До последнего времени ответственность за углубление экологического кризиса вместе с бизнесом разделяло и общество в целом, поскольку оно больше полагалось на эмоциональное восприятие действительности. Людям необходимо освоить

методы воздействия на бизнес своим кошельком, предпочитая тех производителей, кто менее других разрушает природу.

Вместе с тем заинтересованность бизнеса в соблюдении экологической ответственности еще недостаточна. На сегодняшний момент никакого автоматизма в согласовании целей социально-экологической ответственности и конкурентоспособности бизнеса нет. То есть не каждая компания, достигая определенного баланса между экологическими, социальными и финансовыми результатами, способна продемонстрировать при этом высокую конкурентоспособность.

Ключом решения данной проблемы является то, что интегрирующим показателем конкурентоспособности компании служит ее способность обеспечивать в соответствующем рыночном сегменте устойчивое лидерство. В этой связи актуален вопрос о предпосылках и условиях, необходимых для того, чтобы активность компаний в социально-экологической сфере сопровождалась высокими и устойчивыми финансово-экономическими результатами, способствовала укреплению ее конкурентоспособности.

Существенному расширению социально-экологических инициатив, одновременно обеспечивающих для бизнеса приращение финансово-экономических результатов, служит интенсивное развитие

в последние годы сферы экологического предпринимательства, в которой напрямую осуществляется совместное достижение коммерческих и экологических целей.

Среди прочих решений проблемы экологической ответственности бизнеса наблюдается устойчивое развитие эко-предпринимательства. Данный сектор был традиционно ориентирован на изготовление приборов по экологическому мониторингу, специализированного природоохранного оборудования, призванного сократить загрязнение окружающей природной среды, в настоящее время активно развиваются и расширяются его новые секторы. В их числе индустрия по переработке отходов, в том числе тех, которые ранее практически не утилизировались, например электронных отходов. В Евросоюзе этому в немалой степени способствуют специальные Директивы, которые обязывают компании-производители организовывать у себя системы утилизации для отслуживших у потребителей изделий. Широкие возможности для эко-предпринимательства открываются в области производства био-продукции (по некоторым оценкам, за последние годы емкость этого рынка росла ежегодно на 20–25%), а также био-текстиля. Радикальные изменения под воздействием глобальных экологических вызовов переживает мировое автомобилестроение, а в последнее время и авиастроение. Активно развивается так называемая альтернативная энергетика, включая применение ветряных установок и солнечных батарей, биотоплива. На рынке

упаковочных материалов формируется подсектор биоразлагаемой упаковки и т.д. Аналогичные тенденции характерны и для сектора услуг. Так, ежегодные обороты экологического туризма превышают 300 млрд. долл.

Все это дает основание заключить, что в современной, во многом новой конкурентной среде такие общественные вызовы, как возрастающие экологические угрозы, климатические изменения, а также преодоление бедности и глубокого социального расслоения общества, представляют собой не только риски, но и значительные рыночные шансы.

Объектом активного внимания становятся и происходящие изменения в мировой экономике, обусловленные ее глобализацией и вступлением в постиндустриальную эпоху с характерным для нее возрастанием значения информационно-интеллектуальных, а также инновационных факторов эффективности и долгосрочной конкурентоспособности. Экология наряду с повышением качества и реализацией инноваций относится к числу ведущих направлений, по которым разворачиваются в текущем столетии основные конкурентные битвы. При определении приоритетов для перехода на инновационный и социально-экологически ответственный путь развития в поле внимания бизнеса и правительства должны находиться как постепенные, так и в особенности радикальные инновационные подходы при учете всей богатой палитры их разновидностей.

Библиографический список

1. Бобров А.Л. Развитие системы экологического менеджмента в России [Текст] / А.Л. Бобров // Экологический ежегодник. – 2007. – № 1. – С. 34–45.
2. Ибатуллин О.У. Интеграция инновационной деятельности и системы экологического менеджмента [Текст] / О.У. Ибатуллин, У.Г. Ибатуллин // Экология и промышленность России. – ЭЖиП. – 2009. – Январь. – С. 56–59.
3. Индикаторы устойчивого развития России (эколого-экономические аспекты) [Текст] / Под ред. С.Н. Бобылева, П.А. Макеенко. – М.: Изд-во ЦПРП, 2001. – 220 с., ил.
4. Малков А.В. Интегрирование систем обеспечения промышленной безопасности в общую систему менеджмента организации [Текст] / А.В. Малков // Менеджмент в России и за рубежом. – 2003. – № 6. – С. 35–38.
5. Независимое Экологическое Рейтинговое Агентство [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.biodat.ru/pera3.htm> – Загл. с экрана
6. Пахомова Н. В. Экологический менеджмент: Учебное пособие [Текст] / Н. В. Пахомова, А. Эндрес, К. Рихтер. – СПб.: Питер, 2003. – 536 с.
7. Плущевский М.Б. Стандарты для систем экологического менеджмента [Текст] / М.Б. Плущевский // Экология производства. – 2009. – № 2. – С. 38–43.
8. Симаганова Л.Б. Экологический менеджмент как инструмент устойчивого развития [Текст] / Л.Б. Симаганова // Современные аспекты экономики. – 2003. – № 4. – С. 53–57.
9. Трифонова Т.А. Экологический менеджмент: Учебное пособие для высшей школы. [Текст] / Т.А. Трифонова, Н.В. Селиванова, М.Е. Ильина. – М.: Академический Проект: Фонд «Мир», 2003. – 320 с.

10. Хачатуров А.Е. Экологический менеджмент на промышленном предприятии. [Текст] / А.Е. Хачатуров, А.В. Малков, Т.А. Якушкина. – М.: РХТУ, 2003. –267 с.
11. Ферару Г.С. Экологический менеджмент: Учебное пособие [Текст] / Г.С. Ферару. – Москва, 2006. – 336 с.

L.I. GUBAREVA, V.N. SINELNIKOVA

ENVIRONMENTAL LIABILITY COMPANY AND ECONOMIC SUCCESS

The article highlights the issues of environmental responsibility in business in a worsening of ecological situation in Russia and the world at large. The mechanisms evaluation of companies in terms of impact on the environment, set dependence of competitive firms in the market from the publication of its environmental rating.

Key words: ecosystem, environmental liability, claims, competitiveness, environmental performance rating.

*А.Г. ЗАЙЦЕВ, кандидат экономических наук, доцент
Орловского государственного университета
Тел. 8-910-207-77-37; alexGZ@rambler.ru*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНСТИТУТОВ В РАМКАХ ЭВОЛЮЦИИ МАРКЕТИНГОВЫХ ТЕОРИЙ

В статье рассмотрены проблемы институтов, их роль и влияние на экономику, а также институциональная структура, развитие институционализма и взаимосвязь в развитии теорий институционализма и концепций маркетинга.

Ключевые слова: институционализм, концепция маркетинга, институциональная структура, институциональная среда.

В сегодняшнее время экономика России преодолевает существенные изменения и проблемы, вступая в новый этап ее развития. Эти изменения характеризуются новыми качественными условиями хозяйствования, которые связаны с развитием новых отраслей производства, с увеличением дифференциации и интеграции отдельных производств и углублением международного разделения труда, необходимостью перехода к информационному обществу, усиливающейся зависимостью российской экономики от мирового хозяйства. Эти факторы привели к поэтапному усложнению структурных составляющих экономики, включая изменение качественных параметров последних, а также усложнение условий, систем и механизмов их функционирования и развития на разных уровнях экономической системы.

Проблема федеральных и региональных структур в обеспечении маркетинговой деятельности существует в экономической системе, но ей уделяется меньше внимания, так как отсутствуют научные и литературные труды, посвященные этой теме¹.

Исследование институтов, институциональных структур и новых форм их проявления является в настоящее время одной из центральных проблем в мире науки. Современный институционализм образует два научных направления – неоинституциональная экономика (Рональд Коуз) и новая институциональная экономика (Дуглас Норт). В ряде концепций, относящихся к неоинституционализму, разработкой теории общественного выбора занимались Дж. Бьюкенен, Г. Таллок, М. Олсон; теорией прав собственности – Р. Коуз, А. Алчиан, Г. Демсец.

Институты образуют институциональную структуру общества и экономики. Они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия и влияют на функционирование социально-экономических систем.

Дуглас Норт пишет, что институты создают базовые структуры, с помощью которых люди на протяжении всей истории добились порядка и этим снизили степень своей неуверенности².

Институты, по Д. Норту, – это «правила игры» в обществе, или созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют отношения между людьми. Институты влияют на функционирование экономических систем, образуя институциональную структуру общества и экономики³.

В составе институтов он выделяет три составляющие:

- формальные правила (конституции, законы, административные акты, официально закрепленные нормы права);
- неформальные ограничения (традиции, обычаи, договоры, соглашения, добровольно взятые на себя нормы поведения, неписаные кодексы чести, достоинства, профессионального самосознания и пр.);

– механизмы принуждения, обеспечивающие соблюдение правил (суды, полиция и т.д.).

Институты создаются людьми, и они развиваются, изменяя институты. Институты влияют на экономический процесс тем, что оказывают воздействие на поддержание обмена и производства (транзакционные и трансформационные). Институциональные изменения определяются развитием общества во времени и являются ключом к пониманию исторических перемен.

Роль институтов состоит в уменьшении неопределенности (структурирование повседневной жизни) путем установления устойчивой структуры взаимодействия между людьми; организации взаимоотношений между людьми; определении и ограничении набора альтернатив, которые имеются у каждого человека.

Существует широкая концепция институтов и институциональной динамики, опирающаяся на понятия прав собственности, транзакционных издержек, контрактных отношений и групповых интересов и претендующая на объяснение самых общих закономерностей развития человеческого общества. Благодаря освоению экономической наукой этих понятий стало возможно изучение институциональной структуры производства. Институциональная среда задает систему стимулов (положительных и отрицательных), направляя деятельность людей по определенному руслу. Институты влияют на определенные экономические процессы с помощью воздействия их на издержки обмена и производства.

Сильные институты обеспечивают нормальную работу рыночных механизмов, что важнее для успеха трансформации, чем радикальность и темпы либерализации. Из-за слабости институтов произошло гигантское увеличение масштабов теневой экономики; падение доли государственных доходов в ВВП; невыполнение государством обязательств по перераспределению материальных благ; накопление неплатежей по заработной плате; криминализация и т.д. Об этом свидетельствует опыт Китая и Вьетнама, которые сумели добиться впечатляющих результатов эффективности реформирования экономики при сохранении сильных рычагов власти⁴.

Наличие института влечет за собой наличие «институциональной структуры», которая в экономической литературе имеет множество трактовок. Институт и институциональная структура различаются по своему содержанию. Институт – это созданные человеком ограничительные рамки, которые

организуют взаимоотношения между людьми. Существуют институты, которые являются объективным результатом развития общественного хозяйства, его факторов и условий (деньги)⁵.

Институциональная структура – наличие субъекта (агента), осуществляющего свою деятельность в соответствии с имеющимися институтами (внешними по отношению к нему) и создающего, формирующего собственные (внутренние) институты, которые составляют его внутреннюю организацию. Применительно к институциональной системе структура ее как внутреннее устройство может рассматриваться с разных позиций. С точки зрения организаций, для которых устанавливаются правила игры, формальные и неформальные ограничения и которые самостоятельно вырабатывают собственные нормы и установки, следуют им, адаптируясь к общим условиям институциональной среды, все эти институты определяют их внутреннее устройство, т.е. структурируют их.

В настоящее время институциональные теории редко используются для определения феномена маркетинга, следовательно, можно проследить взаимосвязь в развитии теорий институционализма и концепций маркетинга.

Институциональная теория и маркетинг как экономическое понятие и особый вид предпринимательской деятельности возникли на рубеже XIX–XX вв., когда экономика ушла от модели свободной конкуренции. На данный период появляются монополии, олигополии, и производитель задумывается, что производить. При появлении институционализма и маркетинга стали решаться проблемы реализации развития крупномасштабного производства и нарастающей конкуренции рынка. Появилась потребность осваивать новые, более эффективные приемы рыночной деятельности. Институционалисты заметили, что ограничить роль производителей могли только институты или государство.

Дальнейшее развитие институционализма сопровождалось возникновением новых направлений и форм. Здесь важную роль сыграла работа Дж. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» (1961 г.), где анализируется место техноструктур в экономике. Гэлбрейт рассматривает эволюцию корпораций, которая включает 2 стадии: предпринимательскую и зрелую. На второй стадии усложняется производство, увеличивается число работников, управление переходит в руки специалистов, в т.ч. к специалистам по маркетингу.

Качественно новый толчок и в развитии маркетинга приходится на 60–80-е гг. Это связано с переходом экономически развитых стран от индустриального к постиндустриальному периоду. Производство перестает быть массовым, крупносерийным и ориентируется на индивидуализированные запросы потребителей; происходит дифференциация рынков, и возможности снижения издержек на предприятиях уменьшаются за счет роста небольших предприятий, существенно повышается роль научно-технической информации⁶.

Развитие институционализма и теории маркетинга переплетается. В современных условиях прибыль предприятия зависит от внимания, которое уделяется исследованию рынка и конкурентов, качеству товара и организации его успешного продвижения на рынок, от успешного взаимодействия с другими институциональными структурами.

Институциональные основы управления на региональном и муниципальном уровнях включают правовые, экономические и организационные фор-

мы воздействия на процесс социально-экономического развития региона:

- прямое участие в развитии инфраструктуры региона с помощью бюджетного финансирования, образования и использования внебюджетных средств и фондов, выпуска займов и т.д.;
- установление льгот производителям, работающим на насыщение внутреннего рынка;
- разнообразная правовая и финансовая поддержка предпринимателей, участвующих в развитии агропромышленного комплекса и обеспечивающих наполнение рынка потребительскими и продовольственными товарами⁷.

Инструменты формирования и реализации региональной экономической политики рассматриваются региональным маркетингом, так как основная концептуальная посылка маркетинга присутствует в практике управления. Маркетинговая деятельность региональных органов власти переплетается с интересами бизнеса и граждан, целью которой становится максимизация социально-экономического развития региона.

Примечания

¹ Гапоненко А.Л. Управление экономическим развитием / А.Л. Гапоненко [Текст]. – М.: Экономика, 2003. – 283 с.

² Норт Д. Институты, идеология и эффективность экономики // От плана к рынку: будущее посткоммунистических республик. – М.: Catallaxy, 1993. – С. 307–319.

³ Норт Д. Институты, идеология и эффективность экономики // От плана к рынку: будущее посткоммунистических республик. – М.: Catallaxy, 1993. – С. 307–319.

⁴ Олейник А.Н. Институциональная экономика. – М.: ИНФРА-М, 2000.

⁵ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – С. 17.

⁶ Ховард К. Принципы и технология маркетинга в свободной рыночной сфере / Ховард К. [Текст]. – М.: Юнити, 1998. – С. 152.

⁷ Ховард К. Принципы и технология маркетинга в свободной рыночной сфере / Ховард К. [Текст]. – М.: Юнити, 1998. – С. 152.

Библиографический список

1. Гапоненко А.Л. Управление экономическим развитием / А.Л. Гапоненко [Текст]. – М.: Экономика, 2003. – 283 с.
2. Норт Д. Институты, идеология и эффективность экономики // От плана к рынку: будущее посткоммунистических республик. – М.: Catallaxy, 1993. – С. 307–319.
3. Олейник А.Н. Институциональная экономика. – М.: ИНФРА-М, 2000.
4. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – С. 17.
5. Ховард К. Принципы и технология маркетинга в свободной рыночной сфере / Ховард К. [Текст]. – М.: Юнити, 1998. – С. 152.

A.G. ZAYTZEV

THE INTERACTION OF INSTITUTES WITHIN THE LIMITS OF THE EVOLUTION OF THE MARKETING THEORIES

In this article the problems of institutes, their role and their influence on the economy, and also the institutional structure, the development of the institutionalism and the interrelation in the development of theories of the institutionalism and the marketing concepts are considered.

Key words: the institutionalism, the marketing concept, the institutional structure, the institutional environment.

Е.П. ИКОННИКОВА, соискатель кафедры технологии
и предпринимательства

Орловского государственного университета
Тел. (4862) 76-38-60; elena_ikonnikova@list.ru

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Рынок и конкуренция – неразрывные понятия. Россия обязана знать свои слабые и сильные стороны в конкурентной борьбе и умело ими пользоваться по всему спектру внутренней и внешней политики.

Ключевые слова: конкурентоспособность, собственность, система регулирования хозяйственной деятельности.

Конкурентоспособность – это сложное экономическое отношение, выражающее способность в условиях рынка обеспечивать устойчивое рентабельное производство и реализацию товаров. В каждый данный момент она определяется комплексом природных, экономических, социальных и прочих условий хозяйственной деятельности. Их комбинации настолько многообразны и противоречивы, что отдельные отрасли, достаточно конкурентоспособные внутри страны, далеко не всегда являются таковыми на мировом рынке. Например, природные условия России не позволяют ей рассчитывать на высокую конкурентоспособность на рынках Западной Европы плодоводства и овощеводства, свекловодства. Исторически сложившееся экономическое отставание не давало возможности выйти на эти рынки со многими видами продукции машиностроения. В то же время низкая цена земли и дешевизна рабочей силы облегчали реализацию за рубежом экологически чистого вологодского сливочного масла, ряда других элитарных продуктов [2].

В советские годы конкурентоспособность нашей нефтегазовой промышленности опиралась на совокупность таких факторов, как объем подготовленных для относительно дешевой разработки месторождений, бесплатное землепользование при добыче и транспортировке сырья; довольно высокий уровень технологии добычи и транспортировки; мощная индустрия материально-технического обеспечения нефтегазового комплекса; беспрошленный транзит по территориям, которые ныне именуются странами ближнего зарубежья; отсутствие таких форм криминала, как самостоятельный разбор топлива из трубы и т. п. Сказывалась и общая финансовая мощь страны, позволявшая эффективно маневрировать рынками сбыта и условиями реализации продукции. Давали знать о себе и многообразные механизмы военного и дипломатического обеспечения внешнеэкономических связей и давления на конъюнктуру мирового рынка энергоносителей.

Поскольку с распадом СЭВ, а затем и СССР многие из этих преимуществ были утрачены, соответственно снизилась и конкурентоспособность российского нефтегазового комплекса. Свидетельство тому – пропорции, по которым нефть и газ обмениваются на импортируемую продукцию. Так, если в 1990 году в странах дальнего зарубежья мы приобретали 1 тонну мяса за 11,1 тонны нефти и 1 тонну сливочного масла за 15,1 тысячи кубических метров газа, то уже к 1995 году за то же количество продовольствия пришлось вывезти на 28% больше нефти и на 47% больше газа. Причем

все это, не считая потерь на расходах за транзит.

В утрате нашей экономикой ее прежней конкурентоспособности особая роль принадлежит утвердившемуся в 90-е годы курсу социально-экономической политики на реставрацию в России капиталистических отношений через ускоренное первоначальное накопление капитала. Механизм действует, не считаясь с новыми реалиями мирового хозяйства, требующими концентрации производства и централизации капитала в качестве необходимого условия достаточной конкурентоспособности на уровне не только мирового рынка, но и внутреннего оптового оборота.

Заменив систему планового регулирования хозяйственной деятельности современной анархией в формировании производственных связей и упуская из виду, что в капиталистических странах подобные отношения были преодолены примерно 150 лет назад активной экономической политикой, мы получили значительное удорожание издержек обращения. Сколь существенно бремя данного фактора снижения конкурентоспособности наших товаров свидетельствуют следующие данные Госкомстата. Если в 1990 году в составе ВВП на 1000 рублей произведенных товаров приходилось 106 рублей добавленной стоимости коммерческих и финансовых услуг, то в настоящее время – где-то 400 рублей, т. е. почти в 4 раза больше.

Материалы Госкомстата РФ позволяют количественно довольно выразительно характеризовать влияние на падение конкурентоспособности значительного усиления в 90-е годы налогового бремени. Если в 1990 году в составе ВВП на 1000 рублей произведенных товаров приходилось 114 рублей чистых налогов на продукты и импорт, то сейчас – где-то в пределах 250–270 рублей.

Трудно переоценить негативную роль в ослаблении конкурентоспособности российских товаров безответственно проведенной приватизации и превращения частной собственности в «священную корову». Достаточно сослаться на уже широко распространившуюся практику скупки наших предприятий зарубежными фирмами только для того, чтобы свернуть либо сократить их производство и тем самым убрать с рынка российского конкурента. Но еще важнее другое: обеспечив простор для экономической реализации частного эгоизма, мы стали свидетелями того, как многие российские предприятия сбрасывают за рубеж за бесценок ту

продукцию, без которой нельзя рассчитывать на конкурентоспособное производство на часто соседних отечественных предприятиях. Типичный пример – экспорт минеральных удобрений по ценам в два-два с половиной раза более низким, чем для отечественных производителей сельскохозяйственной продукции. В итоге – многократное сокращение в последние годы объемов внесения удобрений, спад производства таких заведомо конкурентоспособных продуктов, как зерно и семена подсолнечника [2].

Существенным фактором подрыва конкурентоспособности нашей экономики, причем с долговременными последствиями, является слабая инвестиционная деятельность, в том числе за счет радикального сокращения использования по назначению начисленной амортизации. В результате в течение нескольких последних лет отмечается, с одной стороны, нарастание аварийности, а с другой – распад материально-технической базы народного хозяйства. Так, ежегодное сокращение массы основных фондов в России достигает 6–7% ВВП. Практически это означает, что ни о каком даже простом воспроизводстве не может быть речи при сложившихся темпах прироста ВВП.

Негативные последствия деградации основных фондов особенно очевидны в сельском хозяйстве, где старение и сокращение машинно-тракторного парка удлиняет сроки выполнения сельскохозяйственных работ, что приводит к потере части урожая, увеличению как общей суммы затрат, так и особенно издержек в расчете на единицу конечной продукции. В известной мере по причине старения основных фондов растет материалоемкость нашей экономики. Причем она утяжеляется не только все большей долей амортизации, но и увеличением затрат на единицу продукции топлива, горючего, электроэнергии. В частности, электроемкость ВВП России за последние 7 лет возросла более чем на 35%.

Падение конкурентоспособности российских товаров в 90-е годы в конечном счете и в решающей мере связано с фетишизацией накопления капитала и доведенной до вседозволенности либерализацией хозяйственных отношений. Наиболее очевидное их проявление – разгул коррупции и рэкета, издержки которых производители и коммерсанты вынуждены перекладывать на покупателя. Точные суммы на этот счет определить сложно, но они не только не сокращаются, а растут.

Значительно достоверней можно установить потери России от либерализации внешнеэкономической деятельности. Одно из направлений наших потерь в этом плане – создание искусственно неравных условий конкурентной борьбы для российских производителей. Например, известно, что в США 1 кг «ножек Буша» в 1994 году был реализован за 2,5 доллара, тогда как в Россию они поступали по цене 0,9 доллара, т. е. на демпинговой основе.

Само собой разумеется, что таким способом решается элементарная задача – разрушение российского мясного птицеводства, чтобы в дальнейшем можно было вздуть цены до уровня, при котором никто не упрекнет американских экспортеров и их российских коллег-компрадоров в провокационных льготах российским покупателям.

Примерно такова же ситуация с подрывом конкурентоспособности отечественных производителей за счет искусственного расширения «ножниц цен» по товарам, реализуемым на российском и зарубежных рынках. В самом деле, как можно состязаться «на равных» орловскому производителю с американским фермером, если в США, выручив от продажи 1 литра молока 29 центов, фермер приобретает 1,3 литра дизтоплива, а его российский коллега – 0,7 литра? Не намного лучше пропорции в ценах на удобрения, семена, равнокачественную технику, на электроэнергию и т. д. И все это никак не учитывается при определении импортных пошлин, которые в лучшем случае выполняют сугубо фискальный, но не защищающий отечественного производителя характер.

Через широко распахнутые ворота свободной внешнеэкономической деятельности уплывают за рубеж и значительные объемы потенциально инвестиционных ресурсов, которые могли бы нам позволить не только не допустить развала материально-технической базы народного хозяйства, но и в значительной мере осуществить ее реконструкцию, а значит, вывод экономики на более высокий уровень конкурентоспособности. Ко всему этому «уплывающие» за рубеж финансовые ресурсы работают на повышение конкурентоспособности товаров дальнего зарубежья, что еще более ухудшает позиции российских товаропроизводителей.

Исходя из вышесказанного, можно прийти к выводу, что в системе мероприятий, позволяющих радикально изменить конкурентоспособность нашей экономики, решающая роль должна принад-

лежать принципиальной смене курса социально-экономической политики на иной курс – национально ориентированного государственного регулирования основных пропорций развития народного хозяйства. Прежде всего рационально сочетаемым долгосрочным, среднесрочным и краткосрочным индикативным планированием; овладением рычагами экономического регулирования банковских операций и оптового оборота; жестким контролем за внешнеэкономической деятельностью с использованием реквизиционных санкций за немотивированную перекачку отечественных капиталов за рубеж; всемерным стимулированием вытеснения с российского рынка тех видов зарубежной продукции, производство которых может быть обеспечено за счет отечественных предприятий [3].

Сколь действенным может быть государственное регулирование процессов вывода экономики из отсталости, убедительно свидетельствует опыт нэпа, когда в течение шести-семи лет были полностью преодолены последствия жесточайшего восьмилетнего кризиса 1914–1921 годов, причем практически без зарубежной помощи. Не менее впечатляющими оказались итоги развития нашего народного хозяйства после второй мировой войны, когда опять-таки, опираясь исключительно на собственные ресурсы, СССР превратился во вторую мировую державу и до 70-х годов оставался крупным экспортером широкого ассортимента машин и оборудования, продовольствия и сельскохозяйственного сырья.

О том же свидетельствуют и показатели экономического роста зарубежных стран, активно практикующих государственное регулирование экономики в последние годы: Южной Кореи, Таиланда, Малайзии, Индонезии и особенно коммунистического Китая и Вьетнама, где темпы роста ВВП оказались в 2–3 раза выше, чем в странах с более либеральной экономикой – Мексике, Бразилии, Пакистане, ОАЭ и др.

И, наконец, такой примечательный факт. Из 15 государств, сложившихся на постсоветском пространстве, Россия явно обладала наилучшими условиями для сохранения созданного в рамках СССР потенциала конкурентоспособности, поскольку на ее долю приходилось 90% добычи нефти и 79% добычи газа в СССР. Однако глубина сокращения объемов производства ВВП в Российской Федерации оказалась заметно большей, чем в ряде бывших республик. Больше того, оказалось,

что, как только произошло изменение курса социально-экономической политики в Республике Беларусь после прихода к власти А.Г. Лукашенко, ее экономика немедленно отреагировала существенным ростом производства (за 1996–1997 годы на 13%), несмотря на практически полное отсутствие энергетического сырья и выхода к морю. И все последующие годы Беларусь опережала Россию по темпам развития.

И природные, и экономические ресурсы России позволяют ей рассчитывать на значительно более высокие показатели темпов преодоления нынешнего кризиса, чем демонстрирует Беларусь. Проблема лишь в том, чтобы снять те политические вериги, которые мешают нашим производителям сначала овладеть отечественным рынком, а затем на основе восстановления межрегиональных связей продвинуть свою продукцию на рынки стран СНГ, а также в сопредельные страны Азии и Восточной Европы. Все говорит за то, что на современном этапе нашей истории экономическое возрождение России как великой державы возможно лишь с приходом к руководству экономикой людей, озабоченных приоритетными интересами своего народа, прежде всего трудящегося люда, а не глашатаев частного эгоизма под флагом «общечеловеческого мышления» [1].

На эту отнюдь не экономическую сторону про-

блемы особенно важно обратить внимание в настоящее время, поскольку под давлением либералов Россию лишают последнего из пока частично сохраняющихся резервов потенциальной конкурентоспособности ее экономики – почти бесплатного землепользования. Нужно ясно отдавать себе отчет в том, что законодательное закрепление свободной купли-продажи сельскохозяйственных земель, подкрепленное активно стимулируемым массовым обнищанием сельского населения, позволит сначала за бесценок передать землю абсентеистам (собственникам, не занимающимся сельскохозяйственным производством и проживающим вне ферм), которые позднее вздуют на нее арендные цены.

А поскольку арендная плата войдет в издержки производителей, то соответственно повысится цена продуктов земледелия и, следовательно, понизится конкурентоспособность. Первой жертвой такого рода либерализации рынка земли, видимо, станет наше зернопроизводство, что будет нокаутирующим ударом по нашей экономике.

Теперь, когда взят решительный курс на модернизацию, очень важно правильно оценить сложившуюся ситуацию, наши возможности и перспективы в конкурентной борьбе, чтобы не допустить просчетов в направлениях, методах и формах рестройки экономики.

Библиографический список

1. Загайтов И.Б. Россия от кризиса до кризиса (по свидетельству экономиста) / И.Б. Загайтов. – Воронеж: ФГОУ ВПО ВГАУ, 2009.
2. Загайтов И.Б., Яновский Л.П. Специфика действия экономических законов в агросфере / Коллектив авторов под общей редакцией проф. И.Б. Загайтова, проф. Л.П. Яновского. – Воронеж: ФГОУ ВПО ВГАУ, 2006.
3. Паршев А.П. Почему Россия не Америка / А.П. Паршев. – Изд-во «Крымский Мост», 2001.

E. P. IKONNIKOVA

ABOUT COMPETITIVENESS OF OUR ECONOMY

The market and competition indissoluble concepts. Russia is obliged to know weak and strengths in competitive struggle and was able to use them on all spectrum internal and foreign policy.

Key words: competitiveness, the property, system of regulation of economic activities.

О.М. МОНОГАРОВ, аспирант
Государственного университета – УНПК
Тел. 8 910 7476340; z0604@ostu.ru

ОЦЕНКА ВНУТРЕННЕЙ ВЗАИМОСВЯЗИ ФАКТОРОВ УСТОЙЧИВОСТИ МАЛОГО ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА И ЕЕ ПРИМЕНЕНИЕ ПРИ СЦЕНАРНОМ АНАЛИЗЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

В статье рассмотрена специфика малых промышленных комплексов с точки зрения их экономической устойчивости. Сформулированы предложения по оценке и прогнозированию устойчивости малых промышленных комплексов на основе модифицированной модели Альтмана и использования коэффициента внутренней взаимосвязи факторов при сценарном анализе инвестиционных проектов

Ключевые слова: малый промышленный комплекс, устойчивость, модель Альтмана, сценарный анализ, анализ чувствительности.

Малый промышленный комплекс (МПК) – это совокупность промышленных предприятий, расположенных на территории административно-территориальной единицы с численностью компактно приживающего населения менее 100 тыс. человек, доля иногородних работающих в которых не превышает 10 процентов среднесписочного состава, обладающая признаками территориального комплекса в виде общих объектов производственной и социальной инфраструктуры.

Характерными чертами МПК являются:

- территориальная отдаленность от основных потребителей продукции и, как следствие, значительная доля транспортных издержек в структуре себестоимости продукции;
- слабость развития местной инфраструктуры, в том числе финансовой, что создает сложности с доступом к кредитным ресурсам;
- доступ к трудовым ресурсам ограничивается как отсутствием широкой номенклатуры проживающих в границах административно-территориальной единицы, так и обычно более низким уровнем дохода, что существенно ограничивает возможность привлечения высококвалифицированных специалистов из центральных регионов;
- более высокая лояльность работающих, связанная с ограниченностью количества рабочих мест и более высокими доходами, чем в агропромышленном комплексе;
- подавляющее большинство МПК сформированы до начала радикальной экономической реформы и сильно пострадали от разрыва хозяйственных кооперативных связей;
- основные фонды большинства производств сильно устарели, а их модернизация затруднительна вследствие ограниченности доступа к финансовым ресурсам;
- ресурсы местных органов власти сильно ограничены, часто они не способны ни самостоятельно провести модернизацию существующих мощностей, ни создать

условия для прихода стороннего стратегического инвестора.

Рассмотрим возможность использования для оценки экономической устойчивости МПК такого традиционного инструмента, как модель Альтмана.

Z-модель Альтмана (Airman's Z-score) представляет собой статистическую модель, которая на основе оценки показателей финансового положения и платежеспособности компании позволяет оценить уровень риска банкротства.

$$Z = 1,2X_1 + 1,4X_2 + 3,3X_3 + 0,6X_4 + 0,999X_5, \quad (1)$$

где Z – показатель Альтмана для компаний, не обращающихся на бирже;

X_1 – отношение оборотного капитала к активам;

X_2 – отношение нераспределенной прибыли к активам;

X_3 – отношение величины прибыли до налогообложения к активам;

X_4 – отношение величины рыночной стоимости капитала к балансовой стоимости обязательств;

X_5 – отношение выручки к активам.

В результате подсчета Z-показателя для конкретного предприятия делается заключение:

если $Z < 1,81$ – высокая вероятность банкротства (вероятность банкротства от 80 до 100%);

если $1,81 \leq Z \leq 2,7$ – средняя вероятность банкротства (вероятность от 35 до 50%);

если $2,7 \leq Z \leq 2,99$ – вероятность банкротства невелика (вероятность банкротства от 15 до 20%);

если $Z \geq 3,0$ – вероятность банкротства крайне мала (вероятность банкротства до 10%).

Модель Альтмана дает достаточно точный прогноз вероятности банкротства с временным интервалом 1–2 года.

В общем, можно сказать, что применение метода Альтмана позволяет прогнозировать финансовое развитие компании и на данный момент используется в мировой практике.

В мире функционирующей финансовой инфраструктуры подавляющее большинство финансовых и прочих показателей меняется во времени в соответствии с изменениями макроэкономических и иных условий. Экономисты из разных стран, на практике проверяющие множество методов, апробировали и модель Альтмана, применив ее к разным периодам времени. После внесения незначительных корректив в предложенную Альтманом методологию большинство финансовых экспертов

согласились, что его прогнозы отличаются высокой работоспособностью и статистической надежностью, т.е. с помощью этих моделей можно максимально точно определять предприятия, у которых велика вероятность финансовых «сбоев». Чем ближе банкротство, тем более очевидны результаты, которые показывает модель Альтмана, как, впрочем, и любой другой метод.

Преимуществом методов, подобных модели Альтмана, является высокая вероятность, с которой предсказывается банкротство приблизительно за два года до фактического объявления конкурса, недостатком – уменьшение статистической надежности результатов при составлении прогнозов относительно отдаленного будущего.

Существуют различные неформальные критерии, дающие возможность прогнозировать вероятность потенциального банкротства предприятия. К их числу относятся:

- неудовлетворительная структура имущества предприятия, в первую очередь текущих активов. Тенденция к росту в их составе трудно реализуемых активов (сомнительной дебиторской задолженности, запасов товарно-материальных ценностей с длительным периодом оборота) может сделать такое предприятие не способным отвечать по своим обязательствам;
- замедление оборачиваемости средств предприятия (чрезмерное накапливание запасов, ухудшение состояния расчетов с покупателями);
- сокращение периода погашения кредиторской задолженности при замедлении оборачиваемости текущих активов;
- тенденция к вытеснению в составе обязательств предприятия дешевых заемных средств дорогостоящими и их неэффективное размещение в активе;
- наличие просроченной кредиторской задолженности и увеличение ее удельного веса в составе обязательств предприятия;
- значительные суммы дебиторской задолженности, относимые на убытки;
- тенденция опережающего роста наиболее срочных обязательств в сравнении с изменением высоколиквидных активов;
- падение значений коэффициентов ликвидности;
- нерациональная структура привлечения и раз-

мещения средств, формирование долгосрочных активов за счет краткосрочных источников средств;

– убытки, отражаемые в балансе, и др. [1].

Сравнивая результаты расчетов по всем моделям (Альтмана, Спрингейта, Тафлера, Фулмера и прогнозной модели Иркутской госакадемии), можно увидеть, что все модели риска банкротства практически одинаково воспроизводят изменение ситуации на предприятии. То есть практически все модели достаточно адекватно отражают ситуацию на предприятии.

Однако при этом данные расчетов показывают, что в каждом случае решения будут различны и иметь различные последствия. Более того, эти различные действия потребуют привлечения дополнительных материальных, интеллектуальных, денежных и трудовых ресурсов.

То есть, какая бы модель ни была выбрана, есть громадный риск заблуждения в принятии решений, которые, в свою очередь, потребуют вложения материальных, денежных, интеллектуальных и трудовых ресурсов. Основной причиной заблуждений при выборе той или иной модели является, собственно, не сама модель (ситуацию на предприятии они воспроизводят аналогично), а те критерии, на основании которых и должно приниматься то или иное решение относительно фактического финансово-экономического состояния, определенные для каждой из моделей [2].

Впрочем, аналитики довольно часто предостерегают от механического переноса результатов использования западных моделей в российскую действительность. Все эти модели были разработаны на основе данных финансовой отчетности, выполненной по американским GAAP.

Совершенно непонятно, насколько велика описательная сила показателя совокупных активов в российской отчетности; активы постоянно переоцениваются, при этом многие из них просто не имеют разумной исторической стоимости (в частности, активы, которыми наделялись приватизируемые предприятия, учитывались по придуманным Госкомцен «ценам»).

Совершенно понятно, что «чистая прибыль» в терминологии Министерства финансов России далеко не чистая, поскольку из нее выплачивается целый ряд реально понесенных издержек (премии сотрудникам, расходы по содержанию социальной сферы и т. п.).

В России не соблюдается принцип постоянства положений учетной политики, то есть, сменив учетную политику, компании не корректируют отчетность предыдущих лет в соответствии с вновь принятой учетной политикой [3].

Несмотря на указанные недостатки, попытаемся применить модель Альтмана к анализу финансовой устойчивости малых промышленных комплексов.

При этом возникают две основные проблемы:

1. В модели Альтмана все показатели суммируются. То есть переменные в модели принимаются не зависящими друг от друга, а итоговый показатель формируется по накопительному (аддитивному) принципу. Если для крупных предприятий это, может быть, и справедливо, то для МПК – нет.

2. МПК обычно являются достаточно значимыми производственными единицами для социальной жизни регионов и муниципалитетов, в которых они расположены. Банкротство МПК не то чтобы невозможно, но следует учитывать, что при угрозе ликвидации социально значимого предприятия включается ряд механизмов, задача которых – сохранить возможность дальнейшего обеспечения производственной деятельности данного предприятия. В связи с этим сбор статистики о банкротстве МПК существенно затруднен.

Было предложено следующее решение указанных проблем:

1. В модель Альтмана предлагается ввести корректирующий коэффициент (формула 2), который хотя бы частично учитывает взаимовлияние факторов. Более точный учет взаимовлияния факторов потребовал бы построения сложных рекурсивных моделей, практическое использование которых представляется проблематичным.

$$Z = 1,2\alpha X_1 + 1,4\alpha X_2 + 3,3\alpha X_3 + 0,6\alpha X_4 + 0,999\alpha X_5, \quad (2)$$

$$\text{где } \alpha = \sqrt{X_1 \times X_2 \times X_3 \times X_4 \times X_5}.$$

2. Адекватность прогноза с временным лагом от полугода до года оценивалась не по факту банкротства, а по субъективной оценке текущего состояния предприятия, даваемой топ-менеджментом предприятия. При этом использовалась следующая шкала градаций и соответствий между оценками текущего состояния предприятия и интерпретациями значений функции «Z»:

– высокая вероятность банкротства – ситуация катастрофическая;

- средняя вероятность – ситуация на предприятии оценивается как тяжелая;
- вероятность банкротства невелика – состояние нормальное;
- банкротства маловероятно – состояние отличное.

По результатам поквартального мониторинга, который проводился на двух МПК Орловской области в течение 1,5 года (точнее сказать, базовых предприятиях Ливенского и Мценского МПК), можно сделать вывод, что модифицированная модель Альтмана продемонстрировала соответствие расчетного значения «Z» субъективно оцениваемому текущему состоянию предприятия с лагом в 0,5 года в 80% случаев, а с лагом 1 год – в 60%, в то время как традиционная модель – лишь в 50% и 40% соответственно.

Верификация модели осуществлялась следующим образом. Поскольку посчитать количество фактически наступивших банкротств в группе предприятий, имевших определенный уровень, не представлялось возможным, была использована следующая методика. Значение коэффициента Альтмана рассчитывалось по общепринятой и по модифицированной модели один раз в квартал. В это же время проводился опрос ряда топ-менеджеров МПК, которые характеризовали текущее состояние предприятия по определенной шкале. Между шкалой оценок состояния предприятий по оценкам топ-менеджмента и шкалой по модели Альтмана было установлено соответствие: высокая вероятность банкротства – ситуация катастрофическая; средняя вероятность – ситуация на предприятии оценивается как тяжелая; вероятность банкротства невелика – состояние нормальное; банкротства маловероятно – состояние отличное.

Менеджеры не были проинформированы о расчетах, полученных по нашим моделям, а также для исключения возникновения негативных ассоциаций было решено исключить из шкалы термин «вероятность банкротства». Прогностическая сила модели оценивалась на основании сопоставления соответствия полученных расчетов оценке состояния МПК менеджментом с интервалом 1, 2 и 4 квартала. Если по оценке текущего состояния (лаг равен нулю) оценки топ-менеджмента совпадали с оценками по обеим моделям в 95% случаев, то по мере увеличения лага можно наблюдать не только общий уровень снижения точности предсказания со-

стояния предприятия, но и больший процент точных оценок у модифицированной модели.

Полученный поправочный коэффициент может быть использован при анализе чувствительности инвестиционных проектов в малых промышленных комплексах. Факторы внешней и внутренней среды обычно взаимозависимы и изменяются нелинейно. Однако составление модели, учитывающей все эти взаимодействия, например, по методу Монте-Карло, достаточно сложный и дорогостоящий процесс, поэтому предлагается использовать поправочный коэффициент, учитывающий нелинейность влияния факторов на общую эффективность проекта по принципу автокорреляции. Поправочный коэффициент может быть получен неформальным методом, как это было показано выше, или на основе экспертной оценки. Эксперт оценивает, насколько более сильное отклонение n-го фактора от базового сценария будет усиливать его негативное воздействие на эффективность проекта. Для простоты степень данного воздействия принимается одинаковой на всем диапазоне изменения данного фактора. В данном случае не рассматривается механизм данного воздействия, а просто дается оценка меры данного воздействия. Экспертное заключение формируется на основе опыта осуществления аналогичных проектов в рамках данного или других малых промышленных комплексов. Значение коэффициента *A* может быть интерпретировано как соотношение тангенсов углов наклона прямых эффективности проекта при разных уровнях чувствительности.

Применение данного метода было использовано при анализе целесообразности и выборе варианта приобретения станка Beaver 26AVTS на ОАО «ГМС Насосы» (до 26.08.10 ОАО «Ливгидромаш») в рамках машиностроительного МПК г. Ливны. Было установлено, что такой фактор, как «стоимость обслуживания», является гораздо более критичным, чем «объем инвестирования» или «сдельная заработная плата». В результате этих расчетов были внесены коррективы, связанные с методом финансирования и местом приобретения оборудования. Предпочтение было отдано в пользу более дорогой, чем кредитной, но включающей в платежи стоимость обслуживания в виде «дополнительной услуги» лизинговой схемы. На рисунке 1 представлены расчеты чувствительности проекта по приобретению станка Beaver 26AVTS на ОАО «ГМС Насосы».

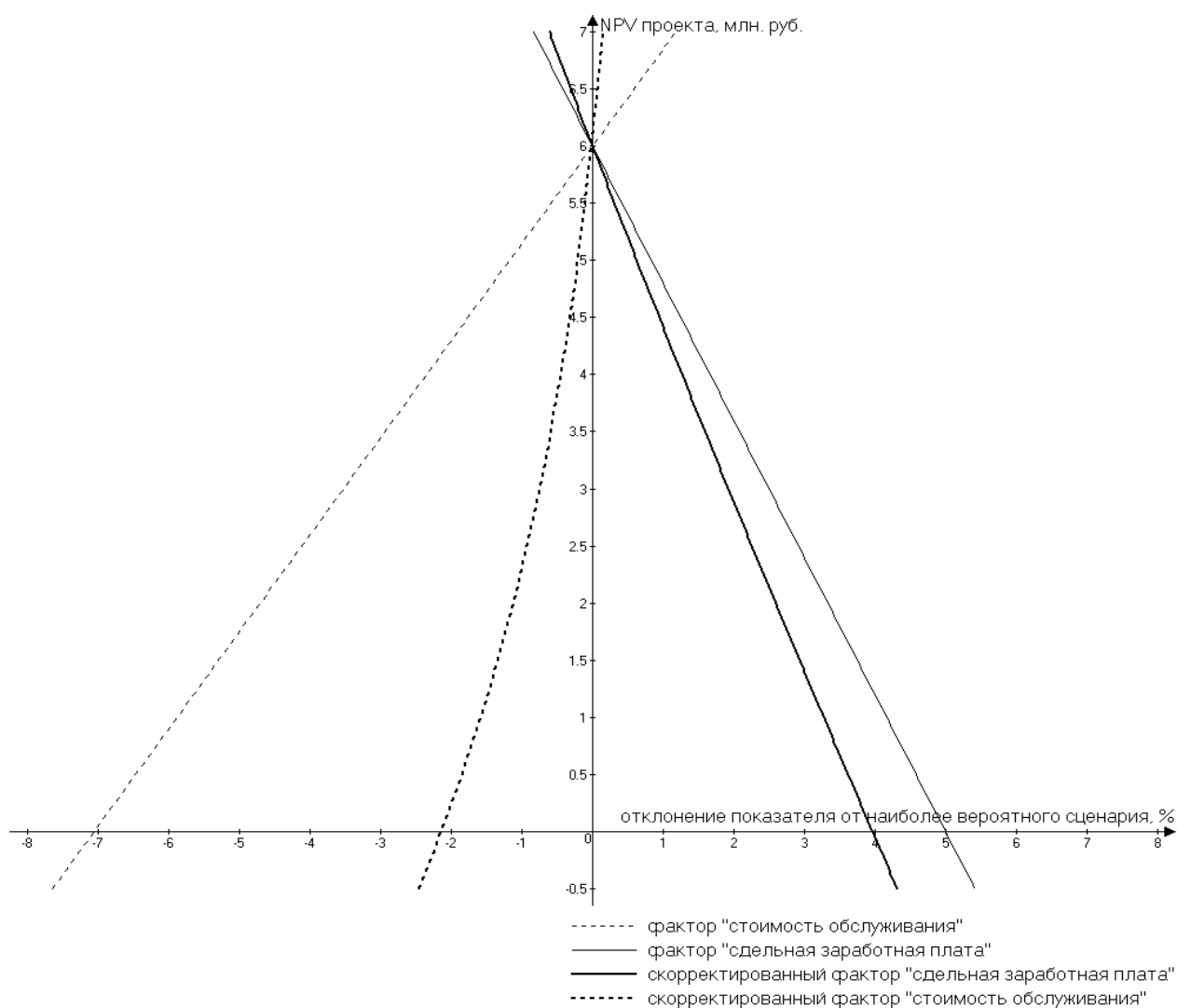

Рисунок 1 – Чувствительность проекта по приобретению станка Beaver 26AVTS на ОАО «ГМС Насосы» (Ливенский машиностроительный МПК)

Библиографический список

1. Зинкович С. Модель Z Альтмана <http://ladybiznes.ru/2009/04/model-z-altmana/>
2. Лазарев Г.И. Определение вероятности банкротства предприятия http://www.afdanalyse.ru/publ/bankrostvo/bankrot_1/13-1-0-10
3. Шувалов А. Искусство управления <http://shuvalov.wmsite.ru/materialy-stati/bjudzhet-finansy/model-altmana>

O.M. MONOGAROV

EVALUATION OF THE INTERNAL RELATIONSHIP BETWEEN THE FACTORS OF STABILITY OF SMALL INDUSTRIAL COMPLEX AND ITS APPLICATION IN A SCENARIO ANALYSIS OF INVESTMENT PROJECTS

The article considers the specificity of small industrial complexes in terms of their economic sustainability. Formulating proposals for assessing and predicting the stability of small industrial complexes based on a modified model of Altman and use the coefficient of coherence factors in the scenario analysis of investment projects.

Key words: small industrial complex, the stability, the model of Altman, scenario analysis, sensitivity analysis.

М.Г. НИКИШИНА, аспирант кафедры теории и истории
экономики Орловского государственного университета
Тел. 8 920 819 58 86; marinageorgievn@rambler.ru

СУБЪЕКТЫ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ИХ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Статья посвящена рассмотрению круга лиц, являющихся субъектами инвестиционной деятельности, и их правового положения. Проведен анализ сущности понятий инвестор, заказчик, подрядчик, пользователь объектов инвестиционной деятельности и их экономических связей. Особое внимание уделяется государству, которое выступает, с одной стороны, как инвестор, а с другой – как носитель властных полномочий.

Ключевые слова: субъекты инвестиционной деятельности, инвестор, заказчик, подрядчик, пользователь объектов инвестиционной деятельности.

Одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на инвестиционный климат любой страны, является действующая законодательная система, которая обуславливает национальный правовой режим инвестиционной деятельности, регламентирует принципы, особенности и механизм взаимоотношений инвесторов с государственными органами, с одной стороны, и с субъектами хозяйственной деятельности – с другой. Ключевым нормативно-правовым актом, специально ориентированным на организацию экономических отношений в процессе осуществления капитальных вложений между различными участниками этого процесса (субъектами инвестиционной деятельности), является Федеральный закон от 25 февраля 1999 года № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (далее – Закон № 39-ФЗ). Так, в соответствии со статьей 4 Закона № 39-ФЗ субъектами инвестиционной деятельности, осуществляемой в форме капитальных вложений, являются инвесторы, заказчики, подрядчики, пользователи объектов капитальных вложений и другие лица. То есть перечень субъектов инвестиционной деятельности является открытым.

Главным субъектом инвестиционной деятельности независимо от вида рынка, на котором осуществляются инвестиции, является инвестор. Однако в настоящее время нет однозначного определения категории «инвестор». Так, при раскрытии данного понятия В.А. Бублик отождествляет фигуру инвестора и предпринимателя. То есть инвестор (предприниматель) вкладывает в производство деньги и (или) иное имущество, участвует в управлении производством, несет всю ответственность за результаты деятельности и разделяет все риски, связанные с использованием инвестиций [4, с. 13]. Однако инвестор вправе получать часть прибыли не в силу факта участия в ее создании, а в силу наличия соответствующего правоотношения между ним и лицом, получившим инвестиции. Также в процессе развития бизнеса и расширения производства предприниматель вкладывает в дело собственные, заемные или привлеченные средства, таким образом, выступает в определенных правоотношениях как инвестор. Однако не каждый инвестор должен быть предпринимателем, поскольку в противном случае приобретатель акции или иной ценной бумаги должен регистрироваться в качестве предпринимателя. Большинство специалистов (Е.П. Губина, И.В. Ершова, Г.М. Иванова, А.В. Майфат) склоняются именно к такой точке зрения [12, с. 230; 8, с. 7; 6, с. 227].

Другие авторы, например Н.Г. Селютина, склоняются к тому, что инвестор становится инвестором лишь тогда, когда он размещает капитал в производство как средство получения им дохода [13, с. 36]. Для инвестора целью участия в инвестировании является получение материальной выгоды, прирост имущества, иными словами – «доходность» [8, с. 6]. Очевидно, что результатом инвестиционной деятельности является не только получение прибыли, но и достижение определенного положительного эффекта (социального, инновационного, экологического, повышение конкурентоспособности). Так, в случае, когда государство выступает инвестором, оно не ставит перед собой цели максимизации прибыли. Цель государства – создание новых рабочих мест, развитие инфраструктуры и через это – увеличение благосостояния.

В статье 2 Закона РСФСР от 26 июня 1991 года № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» (далее – Закон № 1488-1) (в части норм, не противоречащих Закону № 39-ФЗ) дается определение инвестора как субъекта инвестиционной деятельности, осуществляющего вложение собственных, заемных или привлеченных средств в форме инвестиций и обеспечивающего их целевое использование. Согласно Конвенции от 28 марта 1997 года «О защите прав инвестора» инвестор – государство, юридическое или физическое лицо, осуществляющее вложения собственных, заемных или привлеченных средств в форме инвестиций.

Так как Закон № 39-ФЗ и Федеральный закон от 09.07.1999 г. «Об иностранных инвестициях в РФ» № 160-ФЗ определение категории инвестор не содержат, а только указывают на перечень лиц, которые вправе быть инвесторами, поэтому наиболее распространено и приемлемо данное понятие раскрывается в Законе № 1488-1. Однако Закон «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» не раскрывает существенных признаков, которыми должно обладать лицо, чтобы считаться инвестором.

Раскрытие этой категории осуществляется через понятие инвестиционной деятельности.

Обобщив имеющиеся понятия, мы можем определить инвестора как участника инвестиционной деятельности, вкладывающего собственные, заемные и (или) привлеченные средства в форме инвестиций в объекты предпринимательской или иной деятельности в целях получения прибыли и

(или) достижения иного полезного эффекта. Формулировка «достижение иного полезного эффекта» позволяет учитывать инвесторов, не преследующих целей достижения прибыли, однако приносящих общественно полезный результат.

Согласно пункту 2 статьи 4 Закона № 39-ФЗ субъектами инвестиционной деятельности могут быть:

- физические, юридические лица;
- объединения юридических лиц, создаваемые на основе договора о совместной деятельности;
- не имеющие статуса юридического лица объединения юридических лиц;
- государственные органы;
- органы местного самоуправления;
- иностранные субъекты предпринимательской деятельности.

С учетом направленности основной хозяйственной деятельности, осуществляемой инвесторами, их разделяют на индивидуальных и институциональных инвесторов. Индивидуальный инвестор – это физическое или юридическое лицо, осуществляющее вложения собственных средств в форме инвестиций для развития основной производственно-хозяйственной деятельности. Как правило, индивидуальный инвестор заинтересован только в том, чтобы свободные деньги принесли ему прибыль, которая станет источником дохода на пенсии или же обеспечит финансовую стабильность его семье [5, с. 57].

Институциональный инвестор — это финансовый посредник, аккумулирующий средства индивидуальных инвесторов и осуществляющий инвестиционную деятельность от своего лица [11, с. 24]. Они осуществляют свою деятельность за счет и в целях владельцев средств и распределяют результаты инвестирования между собственниками. В качестве институциональных инвесторов выступают банки, инвестиционные компании, инвестиционные фонды, специализирующиеся, как правило, на операциях с ценными бумагами, пенсионные фонды, страховые компании. Деятельность индивидуальных инвесторов можно охарактеризовать двумя признаками: привлечение инвестиций посредством заключения соответствующих инвестиционных договоров пенсионного, доверительного управления, акционерного и других; инвестирование имущества в деятельность иных субъектов оборота на основании договоров инвестиционного характера.

Преимущества реализации инвестиционного интереса через институциональных инвесторов в следующем [8, с. 9]:

- 1) объединение инвестиций, полученных от множества инвесторов, позволяет принять участие в инвестировании на более выгодных условиях с экономической точки зрения и более защищенных – с юридической (возможность приобретения контрольного пакета акций, получения информации о деятельности общества и другое);
- 2) инвестиционную деятельность осуществляют субъекты, обладающие специальной правоспособностью;
- 3) оценка инвестиционной привлекательности, равно как и защита уже осуществленных инвестиций, производится на профессиональном уровне;
- 4) риск неисполнения обязательств по инвестиционным договорам коллективного инвестора принимает на себя сам институциональный инвестор.

Имея ряд особенностей, все названные группы инвесторов, выступая в качестве субъектов инвестиционной деятельности, обладают правовым статусом, в значительной степени определяемым видом инвестиционных вложений и соответственно рынком, на котором они осуществляют инвестиции. Так, права, обязанности, гарантии и ответственность инвесторов, осуществляющих прямые инвестиции в форме капитальных вложений, регулируются Федеральным законом от 25 февраля 1999 года № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», а осуществляющих портфельные инвестиции в ценные бумаги – Федеральным законом от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», Федеральным законом от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и другими. Существенным в регулировании правового положения инвесторов является обеспечение равных прав и гарантий, возложение равной ответственности на всех инвесторов независимо от их организационно-правовой формы и формы собственности.

Инвесторы, осуществляющие капитальные вложения, имеют, в частности, равные права на самостоятельное определение объемов и направлений капитальных вложений; владение, пользование и распоряжение объектами и результатами капи-

тальных вложений; передачу по договору и (или) государственному контракту своих прав на осуществление капитальных вложений и на их результаты другим лицам; осуществление контроля за целевым использованием средств, направляемых на капитальные вложения; объединение собственных и привлеченных средств со средствами других инвесторов в целях совместного осуществления капитальных вложений.

Права инвестора, осуществляющего портфельные инвестиции, определяются ценными бумагами, которыми он владеет. Так, например, обыкновенная акция удостоверяет имущественные права (на получение дохода в виде дивиденда, на ликвидационную квоту) и неимущественные права (на участие в управлении, на получение информации о деятельности общества).

Обязанности инвесторов, осуществляющих капитальные вложения, также закреплены на законодательном уровне и заключаются, в частности, в соблюдении стандартов (норм и правил); исполнении законных требований, предъявляемых компетентными государственными органами и их должностными лицами; в использовании средств по целевому назначению.

Гарантии инвесторов – важнейшая составная часть их правового статуса. Стабильность инвестиционного климата во многом определяется уровнем предоставляемых инвесторам гарантий. Основными гарантиями для всех категорий инвесторов являются обеспечение равных прав при осуществлении инвестиционной деятельности, защита инвестиций, в том числе от национализации и реквизиции (за исключением случаев, предусмотренных законодательством, а при реквизиции – при наличии надлежащей компенсации), предоставление права на обжалование в суд действий государственных органов, организаций, должностных лиц, ущемляющих права инвесторов.

Для законодательства, регулирующего инвестиционную деятельность, характерна так называемая стабилизационная норма, защищающая инвестора от изменений законодательства в ходе реализации инвестиционного проекта, ограничивающих его права. Такие нормы имеются, например, в подпункте 2.3 статьи 15 Закона № 39-ФЗ, в статье 9 Федерального закона «Об иностранных инвестициях в РФ» от 09.07.1999 г. № 160-ФЗ, в статье 17 Федерального закона «О соглашениях о разделе продукции» от 30.12.1995 г. № 225-ФЗ. Так,

если при реализации приоритетного инвестиционного проекта, осуществляемого в форме капитальных вложений, изменяются федеральные законы и иные правовые акты, приводящие к увеличению совокупной налоговой нагрузки на деятельность инвестора или устанавливающие режим запретов и ограничений в отношении осуществления капитальных вложений, такие законы и правовые акты не применяются к инвестору в течение срока окупаемости инвестиционного проекта, но не более семи лет со дня начала финансирования проекта при условии, что товары, ввозимые на территорию Российской Федерации, используются инвестором по целевому назначению для реализации приоритетного инвестиционного проекта.

Лица, осуществляющие инвестиционную деятельность в Российской Федерации, несут ответственность в соответствии с приоритетно действующими международными договорами или законодательством РФ.

Права других участников инвестиционной деятельности законодательством не определены. Это означает, что все остальные субъекты инвестиционной деятельности определяют круг своих полномочий по договоренности с инвестором и закрепляют их в договоре.

Наряду с инвесторами участниками инвестиционных отношений являются заказчики. В соответствии с Законом № 39-ФЗ заказчиками являются уполномоченные на то инвесторами физические и юридические лица, которые осуществляют реализацию инвестиционных проектов, не вмешиваясь при этом в предпринимательскую и (или) иную деятельность других субъектов инвестиционной деятельности, если иное не предусмотрено договором между ними. Заказчиками могут быть инвесторы, но существуют ситуации, когда заказчик не является инвестором и наделяется правами владения, пользования и распоряжения капитальными вложениями на период и в пределах полномочий, которые установлены договором и (или) государственным контрактом в соответствии с законодательством Российской Федерации. Обычно этот период завершается созданием объекта инвестиционной деятельности и передачей его инвестору или пользователю.

Заказчики непосредственно реализуют инвестиционные проекты, то есть подыскивают подрядчиков, поставщиков, заключают с ними договоры (контракты), контролируют исполнение.

Пользователями объектов капитальных вложений в соответствии с Законом № 39-ФЗ являются физические и юридические лица, в том числе иностранные, а также государственные органы, органы местного самоуправления, иностранные государства, международные объединения и организации, использующие объекты инвестиционной деятельности. По сути, это выгодоприобретатели, то есть субъекты, для удовлетворения потребностей которых и создаются объекты капитальных вложений. Пользователями объектов инвестиционной деятельности могут быть инвесторы.

В качестве пользователей объектов капитальных вложений может выступать население (домашние хозяйства) как потребитель результатов инвестиционной деятельности (пользователи произведенной на созданных или обновленных мощностях продукции, положительных и отрицательных моментов инвестиционной деятельности), которое одновременно является собственником сбережений [3, с. 84].

В соответствии с Законом № 39-ФЗ подрядчиками выступают физические и юридические лица, которые выполняют работы по договору подряда и (или) государственному или муниципальному контракту, заключаемым с заказчиками в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. Подрядчики обязаны иметь лицензию на осуществление ими тех видов деятельности, которые подлежат лицензированию. Однако некоторые авторы в качестве основных субъектов инвестиционных отношений рассматривают только инвесторов, заказчиков и пользователей [10; 3, с. 85; 7, с. 129]. При этом Е.Г. Алпацкая и О.В. Пинякина считают, что подрядчики не всегда участвуют в инвестиционной деятельности, а выступают исполнителями определённых работ (участвуют в инвестиционной деятельности косвенно). На наш взгляд, такая позиция является обоснованной, поскольку хотя формально подрядчики участвуют в инвестиционном процессе, но они действуют на основе гражданско-правового договора и их предпринимательский риск не связан с ожидаемым эффектом инвестирования. Их основная задача – выполнить работу и впоследствии получить за это вознаграждение.

Также с данной точкой зрения согласна Е.С. Макушева, косвенно подтверждая этот вывод налоговым режимом подрядчиков, который не отличается от налогообложения лиц, не участвующих в

инвестиционном процессе, но осуществляющих реализацию работ (услуг) на основании договора подряда и возмездного оказания услуг [9].

Особым правовым статусом в инвестиционных отношениях, безусловно, обладает государство, которое, с одной стороны, может выступать непосредственно как инвестор, а с другой стороны – как носитель властных полномочий.

Государство как участник инвестиционной деятельности, выступая в качестве инвестора, равноправного субъекта гражданско-правовых отношений в инвестиционной деятельности, одновременно осуществляет управление ею в пределах государственной территории. В то же время государство выступает и собственником имущества. Управление государственной собственностью является административной, властной деятельностью. Организация управления государственной собственностью представляет собой сложную совокупность действий органов государства: выступая как собственник, государство должно решать задачу по эффективному управлению своим имуществом, что подразумевает, в свою очередь, наличие инвестиционных отношений, в которых оно выступает в качестве инвестора [2, с. 17].

Государство, являясь участником частноправовых и публично-правовых отношений, часто оказывается в таком положении, когда, с одной стороны, оно должно соблюсти публичный интерес, за которым стоит все общество в целом, а с другой – подчиниться нормам гражданского права, отражающим интересы частного лица в конкретном деле, что зачастую приводит к конфликту указанных интересов. Государство как особый субъект в отличие от других субъектов права самостоятельно, через соответствующие законы определяет объем своей гражданской правоспособности и свой имущественный статус, поэтому важно, чтобы законы строго поддерживали баланс публичных и частных интересов, обеспечивали надежную защиту прав участников инвестиционных отношений [15, с. 380].

Степень участия государства в инвестиционной сфере имеет объективные пределы. Эти пределы обусловлены, с одной стороны, реальными финансовыми возможностями, а с другой – тем, что присутствие государства в экономике должно способствовать притоку частных инвестиций, а не их вытеснению, так как в процессе развития рыночных отношений доказано, что частные ин-

вестиции используются эффективнее, чем бюджетные [14, с. 14].

Государственное инвестирование и государственное регулирование инвестиционной деятельности должны быть направлены на поддержку приоритетных отраслей и производств, носить взвешенный и системный характер при ориентированности инвестиционной стратегии в целом на перенос центра тяжести с государственного инвестирования на формирование инвестиционной среды, благоприятной для частных инвесторов, посредством совершенствования денежно-кредитных, налоговых, амортизационных и иных методов. В первую очередь необходимо ориентироваться на эффективные программы развития жизнеобеспечивающих отраслей и сфер народного хозяйства, поддержки отечественных производителей и обеспечения внутреннего спроса в экономике.

Условием эффективности государственной инвестиционной политики является разработка концепции структурной перестройки производственного сектора, особенно в части приоритетных направлений, на базе которой должны быть определены стратегии и механизм инвестирования для различных групп предприятий, масштабы, формы и методы государственной поддержки, модели организации производственных структур с учетом реально сложившихся в российской экономике условий [1, с. 17].

Для регулирования государственных инвестиций используются следующие инструменты: формы осуществления государственных инвестиций; экспертиза эффективности государственных инвестиций; экспертиза эффективности бюджетных инвестиций; механизм отбора инвестиционных проектов для финансирования из федерального бюджета, в том числе в рамках федеральных целевых программ.

Инвестиционная активность государства нередко сочетается с выделением на инвестиционные цели и задачи недостаточного объема ресурсов; сокращением инвестиционных статей бюджета; финансированием инвестиционных расходов по остаточному принципу, что свидетельствует об ограниченности ресурсов государства. Таким образом, в силу ограниченных ресурсов, которые государство может выделить на инвестиционные проекты, используется бюджетная политика точечного поддержания инвестиционной деятельности, суть которой состоит в том, что государство ин-

вестирует исключительно конкретные проекты и только под конкретные результаты. Указанные действия позволяют снизить инвестиционную нагрузку на бюджет, а также привлечь свободные средства независимого бизнеса в поддерживаемые государством проекты [1, с. 17].

Данный подход основывается на составлении государственной инвестиционной программы. Все проекты в рамках этой программы ранжируются по степени социально-экономической отдачи, учитывающей положительное влияние проектов на эффективность экономики в целом. В государственном бюджете устанавливается, какие именно проекты будут реализованы, что позволяет обеспечить наибольшую экономическую отдачу от бюджетных средств и предотвратить бюрократический произвол.

Государство как носитель властных полномочий может оказывать воздействие на инвестиционную активность, осуществляя правовое регулирование различных сфер предпринимательской деятельности, в том числе финансовой, банковской, налоговой. Ряд норм Налогового кодекса РФ напрямую касаются реализации инвестиционной политики государства.

С 1 января 1999 г. организации могут воспользоваться инвестиционным налоговым кредитом, который представляет собой отсрочку уплаты налога на прибыль, а также региональных и местных налогов на срок от одного года до пяти лет с последующей поэтапной уплатой суммы кредита и начисленных процентов (статья 66 Налогового кодекса РФ (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ). В соответствии со статьей 6 Налогового кодекса РФ не допускается устанавливать проценты на сумму кредита по ставке менее одной второй и превышающей три четвертых ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации. Налоговые платежи организации вследствие предоставления инвестиционного налогового кредита могут быть уменьшены в каждом отчетном периоде не более чем на 50% платежей по соответствующему налогу.

Основаниями для предоставления инвестиционного налогового кредита могут быть, в частности, проведение организацией научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ или технического перевооружения собственного производства; осуществление внедренческой или инновационной деятельности, в том числе создание новых или

совершенствование применяемых технологий, создание новых видов сырья и материалов.

Еще одним примером являются положения подпункта 11 пункта 1 статьи 251 Налогового кодекса РФ, исключающие из налоговой базы по налогу на прибыль организаций доходы в виде имущества, полученного российской организацией безвозмездно от организации или физического лица, если уставный капитал получающей (передающей) стороны более чем на 50% состоит из вклада передающей (получающей) стороны; доходы в виде имущества, полученного налогоплательщиком в рамках целевого финансирования в качестве инвестиций при проведении инвестиционных конкурсов, а также полученных от иностранных инвесторов на финансирование капитальных вложений производственного назначения (подпункт 14 пункта 1 статьи 251). Аналогичные цели преследуют нормы, устанавливающие повышенный коэффициент амортизации, например, в отношении имущества, полученного по договору лизинга (пункт 8 статьи 259 Налогового кодекса РФ); положения об учете в составе расходов при обложении налогом на прибыль тех расходов, которые не дали положительного экономического эффекта, например, если не достигли результата поиски полезных ископаемых (пункт 3 статьи 261 Налогового кодекса РФ).

При осуществлении инвестиционной деятельности особый интерес представляют правила Налогового кодекса РФ, регулирующие порядок признания расходов для целей обложения налогом на прибыль, поскольку такая деятельность по сути представляет собой вложение определенных средств в развитие бизнеса. В соответствии с пунктом 1 статьи 252 Налогового кодекса РФ расходами признаются обоснованные и документально подтвержденные затраты, при этом под обоснованными понимаются экономически оправданные затраты. Между тем не всегда такие вложения достигают своей цели – получения прибыли, что не должно лишать налогоплательщика-инвестора права на учет произведенных расходов при исчислении налога на прибыль.

Наиболее эффективным и самым распространенным средством привлечения инвестиций является предоставление налоговых льгот в связи с вложением капитала или осуществлением определенной деятельности, а также введение в налоговое законодательство иных мер, стимулирующих инвестиции.

Взаимодействия, возникающие в ходе инвестиционной деятельности, сложны и многообразны. На каждой стадии инвестиционной деятельности эти взаимодействия различны в связи как с субъектами, их осуществляющими, так и с целями и результатами этих взаимодействий.

В первую очередь происходит привлечение средств, где непосредственно идет взаимодействие между инвесторами и населением как субъектом сбережений. Население осуществляет сбережения в виде банковских депозитов, обязательных и добровольных страховых взносов и др. Желания собственников сбережений осуществлять вклады в банках или других финансовых институтах зависят от выгоды, которую они получают в будущем. Институциональные инвесторы, аккумулируя средства населения и индивидуальных инвесторов, осуществляют вложение инвестиционных ресурсов в конкретные проекты. При вложении средств в конкретные инвестиционные проекты происходит взаимодействие между инвесторами и предприятиями как объектами инвестиций по поводу заключения и реализации инвестиционных договоров.

Основными движущими мотивами целенаправленной деятельности сторон являются для инвесторов:

- возвратность инвестированных средств и своевременное получение прибыли либо иного желаемого эффекта;
- размещение средств в проекты, имеющие высокую эффективность и низкий уровень рисков;
- обеспечение сохранности и ликвидности инвестированных средств;
- использование инвестированных средств только по назначению, строгая отчетность о ходе проекта;
- стабильность правовой среды, экономического и политического положения в стране;
- гарантии под риски потери вложенных инвестиций, надежность получателя инвестиций;
- как правило, получение контроля над объектами инвестирования.

Полученный инвесторами доход в результате реализации инвестиционных проектов может быть реинвестирован в ходе дальнейшей деятельности.

Для пользователей объектов инвестиционной деятельности:

- поиск путей повышения эффективности производства и соответственно получение за счет этого дополнительного объема прибыли;
- быстрый поиск возможных инвесторов под заданное инвестиционное направление;
- привлечение инвестиционных ресурсов на приемлемых условиях;
- сохранение контроля над предприятием в ходе реорганизации управления;
- развитие имеющихся направлений деятельности;
- снижение издержек производства и сбыта.

Интересы государства и его институтов заключаются:

- в расширении налогооблагаемой базы, в результате – получении больших финансовых средств для решения государственных задач;
- в инвестировании эффективных программ развития жизнеобеспечивающих отраслей и сфер народного хозяйства, поддержке отечественных производителей и обеспечении внутреннего спроса в экономике;
- создании новых рабочих мест, улучшении социального климата в результате роста благосостояния населения;
- в создании благоприятного режима для деятельности частных инвесторов, направленной на поддержку приоритетных отраслей и производств, в целях переноса центра тяжести с государственного инвестирования;
- в создании проектов, имеющих большое значение для национального престижа.

В дальнейшем в ходе реализации инвестиционных проектов происходит отдача в виде получения дохода или других положительных результатов. Возникающие здесь взаимодействия определяются величиной этого результата.

Таким образом, субъекты инвестиционной деятельности взаимодействуют между собой на различных этапах инвестиционного процесса, имеют и преследуют различающиеся цели и отражают специфические интересы, что обуславливает многомерность инвестиционного процесса. Наряду с характерными интересами каждого участника инвестирования по отдельности существуют и взаимные интересы и цели по отношению к другим сторонам, участвующим в инвестиционной деятельности.

Библиографический список

1. Акопян О.А. Законодательство в области инвестирования в капитальные вложения [Текст]: статья / О.А. Акопян // Журнал российского права. – 2010. – № 2. – С. 13–22.
2. Алдошин О.Н. Ответственность государства по обязательствам во внутреннем гражданском обороте [Текст]: статья / О.Н. Алдошин // Журнал российского права. – 2001. – № 1. – С. 15–24.
3. Алпацкая Е.Г. Инвестиционная деятельность: институциональный аспект [Текст]: статья / Е.Г. Алпацкая // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 14. – С. 82–89.
4. Бублик В.А. Гражданско-правовое регулирование предпринимательства с долевым участием иностранных инвестиций на территории Российской Федерации [Текст] / В.А. Бублик. – Екатеринбург: УрГЮА, 1999. – С. 13.
5. Гущин В.В., Овчинников А.А. Инвестиционное право [Текст] / В.В. Гущин, А.А. Овчинников: Учебное пособие. – М.: МГИУ, 2008. – С. 186.
6. Ершова И.В., Иванова Г.М. Предпринимательское право [Текст] / И.В. Ершова, Г.М. Иванова: Учебное пособие. – М.: Юриспруденция, 2000. – С. 416.
7. Литягин Н.Н. Правовые основы инвестиционной деятельности в Российской Федерации [Текст]: статья / Н.Н. Литягин // Вестник МГИУ. – 2002. – № 2. – С. 121–135.
8. Майфат А.В. Инвестор: понятие, статус, деятельность [Текст]: статья / А.В. Майфат // Современное право. – 2005. – № 10. – С. 6–10.
9. Макушева Е.С. Вопросы соотношения отдельных норм законодательства о налогах и сборах и законодательства об инвестиционной деятельности [Электронный ресурс]: статья / Е.С. Макушева // Налоговое право: актуальные вопросы. – 2008. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс: Высшая школа». – Версия № 12, 2004–2010.
10. Пиняскина О.В. О правовой природе инвестиционной деятельности [Электронный ресурс]: статья / О.В. Пиняскина // Банковское право. – 2010. – № 2. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс: Высшая школа». – Версия № 12, 2004–2010.
11. Подшиваленко Г.П., Лахметкина Н.И. Инвестиции [Текст] / Г.П. Подшиваленко, Н.И. Лахметкина. Учебное пособие. – М.: КНОРУС, 2006. – С. 200.
12. Предпринимательское право [Текст] / Под ред. Е.П. Губина, П.Г. Лахно. Учебник. – М.: Юрист, 2001. – С. 416.
13. Семилютина Н.Г. Инвестиции и рынок финансовых услуг: проблемы законодательного регулирования [Текст]: статья / Н.Г. Семилютина // Журнал российского права. – 2003. – № 2. – С. 30–42.
14. Сергеев И.В., Веретенникова И.И. Организация и финансирование инвестиций [Текст] / И.В. Сергеев, И.И. Веретенникова. Учебное пособие. – М.: Финансы и статистика, 2000. – С. 272.
15. Фархутдинов И.З., Трапезников В.А. Инвестиционное право [Текст] / И.З. Фархутдинов, В.А. Трапезников. Учебное пособие. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – С. 432.

M.G. NIKISHINA

SUBJECTS OF INVESTMENT ACTIVITY AND THEIR ECONOMIC LINKS

This article is a review of a range of people who are subjects of investment activity and of their legal status. There is an analysis of the notions of investor, customer, contractor, user of objects of investment activity and their economic links. Special attention is devoted to the state, which is an investor on the one hand and authority on the other.

Key words: subject of investment activity, investor, customer, contractor, user of objects of investment activity.

*Т.С. СОБОЛЕВА, старший преподаватель кафедры
математического и информационного анализа экономических
процессов Орловского государственного университета
Тел. (4862) 54-40-92; sotase@rambler.ru*

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ИННОВАЦИОННЫМИ И ИНВЕСТИЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ В РЕГИОНАХ РОССИИ НА ОСНОВЕ ТЕСТА ГРЭНДЖЕР

В статье представлена попытка применения теста Гранджер для выявления типов экономического роста среди субъектов Российской Федерации. По результатам проведения исследования причинно-следственных связей между показателями инвестиционной, инновационной и экономической активности региона было сформировано разбиение их на группы. В результате выявлены некоторые закономерности в поведении регионов, связанном с обеспечением их привлекательности для реализации инновационных и инвестиционных проектов.

Ключевые слова: анализ панельных данных, инвестиционная привлекательность, инновации, инновационный климат, тест Гранджера, экономический рост.

Решение проблем роста экономики как на региональном, так и на глобальном уровне невозможно без привлечения инвестиций в экономику. Одним из основных показателей экономической активности региона, а следовательно, его экономической привлекательности и экономического роста является валовой региональный продукт как в натуральном выражении, так и на душу населения.

Инвестиционную привлекательность можно оценить с помощью очевидного показателя – объема привлекаемых инвестиций. Однако если инвестиции привлекаются для экстенсивного роста – ремонт и переоборудование уже существующих предприятий, то это не самый благополучный показатель. Иными словами, по количественным характеристикам инвестиционной деятельности невозможно судить ни о типе инвестиционной активности, ни о типе роста экономики, с ней связанной.

Современная экономика должна основываться на инновационных принципах. Именно поэтому необходимо рассмотреть показатели инновационной активности региона как потенциала реализации модернизационного процесса. Государственным комитетом статистики РФ рассматривается ряд показателей, характеризующих инновационные процессы в регионах России. Наиболее репрезентативными из них стоит признать число инновационно активных предприятий в регионе, затраты на исследования и разработки, затраты на технологические инновации, объем инновационной продукции (товаров, работ, услуг), число поданных заявок и выданных патентов на изобретения и разработки.

Существует большое количество подходов к объяснению взаимосвязи между инновационными и инвестиционными процессами. При этом важно знать, какие факторы являются предшествующими, а какие результирующими. Решение подобной зада-

чи еще в 1969 году предложил сэр Клайв Уильям Джон Грэнджер (4.09.1934 – 27.05.2009) в своей статье «Investigating causal relations by econometric models and cross-spectral methods» [1]. Основным смыслом этого теста, обобщенного для случая панельной выборки, сводится к следующему: пусть имеется два ряда, обозначенных x_{it} и y_{it} . Для каждого объекта $i = 1 \dots N$, и для каждого момента наблюдения $t = 1 \dots T$ рассматривается следующая линейная модель:

$$y_{it} = \sum_{k=1}^K \gamma_i^{(k)} y_{i,t-k} + \sum_{k=0}^K \beta_i^{(k)} x_{i,t-k} + v_{i,t},$$

где $v_{i,t} = \alpha_i + \varepsilon_{it}$, где ε_{it} – белый шум с нулевым математическим ожиданием и постоянной дисперсией,

α_i – индивидуальных эффект, предположительно фиксированный. Исходная панельная выборка при этом предполагается сбалансированной. Аналогичная модель строится и для переменной x_{it} . При этом говорят, что x_{it} обуславливает (по Грэнджеру) y_{it} , если предшествующие значения x_{it} помогают предсказать будущие значения y_{it} . Данный тест является чувствительным к выбору лага K . В настоящее время некоторые разработки посвящены возможности предсказания (прогнозирования) с помощью этого теста.

В результате теста (Pairwise Granger Causality Tests) возможно получить один из четырех вариантов:

- 1) взаимное отсутствие причинно-следственной связи (гомогенная беспричинность);

- 2) взаимное присутствие причинно-следственной связи (гомогенная обусловленность);
- 3 и 4) так называемые разнородные (гетерогенные) случаи, когда условное предсказание одной величины, например y_{it} от x_{it} , является верным, а обратное – нет.

Анализ проводился на основании информации о деятельности каждого региона, после чего делался вывод о наличии либо отсутствии обусловленности между инвестициями в регион, затратами на инновации и объемом ВРП (валового регионального продукта).

В приведенном и последующих фрагментах использованы следующие обозначения: LOG(INV) – объем инвестиций в регион, LOG(INV_I) – затраты на исследования, разработки, технологические инновации, LOG(Y) – ВРП. Выбранный лаг(Lags) равен 2, т.к. это, во-первых, максимально возможное значение при данном количестве периодов наблюдения, а во-вторых, наиболее подходящий с точки зрения экономической интерпретации, т.к. именно этот срок влияния показателей друг на друга является оптимальным.

На рис. 1 представлен результат расчетов, выполненных в программе Eviews 6.0. Предполагаемая взаимосвязь между показателями (Null Hypothesis) проверялась на основе принятия или отклонения нулевой гипотезы по величине F-статистики (F-Statistic), рассчитанной для заданного числа наблюдений (Obs) и уровня значимости (Prob.), рассчитанного из соотношения $P(F_{кр} > F_{набл}) = p$.

Pairwise Granger Causality Tests

Lags: 2

Null Hypothesis:	Obs	F-Statistic	Prob.
LOG(INV) does not Granger Cause LOG(Y)	414	4.56321	0.0110
LOG(Y) does not Granger Cause LOG(INV)		11.7743	1.E-05
LOG(INV_I) does not Granger Cause LOG(Y)	414	0.08555	0.9180
LOG(Y) does not Granger Cause LOG(INV_I)		10.2687	4.E-05
LOG(INV_I) does not Granger Cause LOG(INV)	483	1.54469	0.2144
LOG(INV) does not Granger Cause LOG(INV_I)		5.72984	0.0035

Рис. 1. Фрагмент результатов теста Грэнджера, проведенного для всей исследуемой совокупности

По результатам проведения теста по данным всей совокупности можно сделать вывод о взаимном влиянии инвестиций и ВРП, об обусловленности

затрат на инновации величиной валового регионального продукта (LOG(Y) does not Granger Cause LOG(INV_I), Prob=0,000004 (4.E-05)) и о

том, что инвестиции, привлекаемые в регион, влияют на затраты на инновации.

Таким образом, первопричину региональных изменений выделить нельзя. Поэтому было принято решение о проведении теста для каждого объекта наблюдения отдельно. На основании про-

веденных тестов было выделено несколько групп. Первую из них характеризует влияние привлекаемых инвестиций в регион на затраты на инновации, исследования и разработки. Фрагмент таблицы с результатами теста для одного из регионов приведен на рис. 2

Pairwise Granger Causality Tests

Lags: 2

Null Hypothesis:	Obs	F-Statistic	Prob.
LOG(INV) does not Granger Cause LOG(Y)	6	0.46676	0.7192
LOG(Y) does not Granger Cause LOG(INV)		7.33508	0.2526
LOG(INV_I) does not Granger Cause LOG(Y)	6	0.61125	0.6708
LOG(Y) does not Granger Cause LOG(INV_I)		0.28180	0.7997
LOG(INV_I) does not Granger Cause LOG(INV)	7	2.17527	0.3149
LOG(INV) does not Granger Cause LOG(INV_I)		64.6779	0.0152

Рис. 2. Фрагмент таблицы с результатами теста Грэнджера, характерными для первой группы

Данная группа, в которой наблюдается ведущая роль инвестиций в отношении инновационной деятельности, содержит 11 регионов. Однако при объединении наблюдений по этим регионам в одну совокупность за весь период исследования и проведении теста по объединенным данным обусловленность затрат на технологические инновации инвестиционной активностью не была выявлена – тест выявлял полную взаимную необусловленность. Это можно объяснить тем фактом, что выявленная первоначально форма зависимости могла иметь различное направление влияния, поэтому при объединении в группу оно терялось. Другими словами, несмотря на то, что инвестиции оказывают влияние на затраты на инновации, в разных регионах это влияние могло быть не только в сторону увеличения, но и в сторону снижения зависимого показателя, что с экономической точки зрения может быть связано с различной скоростью освоения инвестиций в разных регионах.

С точки зрения философии и системного анализа отсутствие наблюдения свойств, характерных для каждого элемента в отдельности у совокупности объектов, можно обозначить как zero-эмерджентность, то есть невозможность зафиксировать формализованными процедурами системообразующие свойства, характерные для каждого объекта в отдельности, при изучении совокупности данных объектов в целом. Если обратиться к соци-

альной риторике, принцип zero-эмерджентности гласит: группа хороших певцов – еще не хор.

Аналогичная ситуация складывалась еще в нескольких группах. Это группы, в которых отдельно инвестиции либо вложения в исследования и разработки влияют на ВРП, а также отдельно ВРП или объемы затрат на инновации влияют на объемы привлекаемых инвестиций.

Это связано еще и с тем, что данный тест не показывает направление влияния, а только отражает, имеется оно или нет.

Всего полученных групп оказалось 7, и еще несколько регионов было невозможно однозначно причислить к какой-либо группе. Самая многочисленная группа характеризовалась полной взаимной необусловленностью всех показателей. Она содержит 35 объектов – половину всей выборки. Если эти регионы объединить в группу и сделать также проверку тестом Грэнджера, то она покажет значимое влияние ВРП как на затраты на инновационную деятельность, так и на инвестиции в регион, а между собой инвестиции влияют на инновационные затраты.

Еще ряд групп меняют свойства при переходе от частных наблюдений к совокупности. Например, если в каждом регионе наблюдалась зависимость ВРП от инвестиций и инноваций вместе, то после объединения таких объектов в единый кластер тест показывает влияние объема ВРП на зат-

Таблица 1 – Распределение субъектов РФ внутри сформированных совокупностей

Обозначение группы	Краткое описание	Число элементов в группе
1	группа с обусловленным влиянием INV на INV_I	11
2	группа с обусловленным влиянием INV и INV_I на Y	2
3	группа с обусловленным влиянием INV_I на Y и INV	1
4	тройная безусловность на 5%-ном уровне	35
5	группа с обусловленным влиянием Y на INV_I	4
6	группа с обусловленным влиянием INV на Y	4
7	группа с обусловленным влиянием Y на INV	2
8	группа с обусловленным влиянием INV_I на Y	3
0	не попадают ни под одну из классификаций	6

раты на исследования, разработки и инновации.

Таким образом, можно говорить о том, что простыми механическими действиями сложно обнаружить сходное инвестиционно-инновационное поведение регионов. При выполнении ряда свойств в отдельном, частном случае они исчезают после механического формирования совокупности из, казалось бы, схожих регионов. Классификации строятся на основе выявления групп, состоящих из объектов со схожими свойствами. Обычно проявление свойств в группе в целом соответствует

проявлению свойств для каждого объекта. Применительно к детерминантам инновационного процесса в регионах данная закономерность не прослеживается, то есть сходные свойства, присущие отдельным объектам в частности и служащие классификационным признаком, не проявляются на совокупности в целом. Это можно объяснить различной природой как одинаковых проявлений взаимообусловленности, так и проявления zero-эмерджентных свойств применительно к группе регионов.

Библиографический список

1. Granger C.W.J Investigating causal relations by econometric models and cross-spectral methods. *Econometrica*, vol 37, n°3, pp 424-438, Granger C.W.J, 1969.
2. Российский статистический ежегодник. 2008: Стат. сб. / Росстат. – М., 2008. – 847 с.
3. Российский статистический ежегодник. 2009: Стат. сб. / Росстат. – М., 2009. – 795 с.

T.C. SOBOLEVA

INVESTIGATION OF THE RELATIONSHIPS BETWEEN INNOVATION AND INVESTMENT ACTIVITY IN RUSSIA'S REGIONS BASED ON THE GRANGER CAUSALITY TEST

The article is devoted to the attempt to apply Granger test to identify points of economic growth among the subjects of the Russian Federation. According to the results of the study of cause in relationships between investment, innovation and economic growth in the region was formed some classes, which describes a number of regularities in the behavior of regions associated with their level of attractiveness for investors and innovative activity.

Key words: panel data analysis, investment attraction, innovation, innovation climate, the Granger causality test, economic growth.

*А.В. СТЕЦЕНКО, кандидат экономических наук, доцент кафедры
прикладных экономических дисциплин
Орловского государственного университета*

*М. ЛУКЬЯНЧИКОВ, аспирант кафедры прикладных экономических
дисциплин Орловского государственного университета
sava4@mail.ru*

АНАЛИЗ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЙ БАЗЫ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ КАК НЕОБХОДИМОГО УСЛОВИЯ ВНЕДРЕНИЯ КЛАСТЕРНОГО ПОДХОДА К РАЗВИТИЮ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В статье проведен анализ отечественного нормативно-правового обеспечения государственной инновационной политики как основание для государственной поддержки процесса формирования промышленных кластеров. Обосновывается необходимость законодательного закрепления основ и принципов государственной инновационной политики, а также внедрения на уровень регионального нормативно-правового поля принципов и основных аспектов инновационной политики субъектов Федерации.

Ключевые слова: инновации, инновационное развитие, государственная инновационная политика, кластер.

Современное состояние и тенденции дальнейшего развития экономики Российской Федерации обуславливают необходимость соответствующего нормативно-правового обеспечения данной сферы общественных отношений. На современном этапе практически завершён переход к рыночным отношениям в Российской Федерации, однако именно на данном этапе было выявлено серьёзное несоответствие законодательных норм новым условиям управления в сфере науки, техники, инновационной деятельности.

Отсутствие оптимального нормативно-правового регулирования является одним из сдерживающих факторов развития инновационной деятельности, и, понимая это, органы власти субъектов Российской Федерации пытаются устранить этот недостаток принятием региональных документов. На сегодняшний день проблематика инновационной деятельности в России не подкреплена необходимыми научными исследованиями в области юриспруденции – объём правовых исследований, посвящённых проблеме инновационных отношений, весьма незначителен. В этом можно усмотреть причину того, что пусть и фрагментарная, но ведущаяся законодательная деятельность по вопросам инноваций, не имея научно обоснованных практических рекомендаций для исполнительной и законодательной власти, даёт тот эффект, который сегодня отчетливо виден: инновационное законодательство развивается не только медленно и непоследовательно, но и без четкой концепции, вне определения методов правового регулирования, предмета регулирования и круга регулируемых отношений [1].

Ориентир на инновационную экономику существенно видоизменяет место и роль знаний в современной экономической жизни и хозяйственном обороте, а степень вовлечения в коммерческий оборот объектов интеллектуальной собственности стано-

вится важным фактором развития рынка. Это побуждает к поиску новых аспектов в теории права интеллектуальной собственности, когда недостаточно исследовать лишь сам институт интеллектуальной собственности в целях решения проблем, связанных с толкованием понятий, являющихся предметом дискуссий. При всем многообразии способов технологического обмена, основными правовыми средствами передачи и приобретения интеллектуальных ресурсов в Российской Федерации являются договор уступки патента, лицензионный договор о предоставлении права на использование охраняемых объектов промышленной собственности, договор о предоставлении ноу-хау, а также договор коммерческой концессии о предоставлении пользователю комплекса исключительных прав, включающего фирменное наименование или коммерческое обозначение [1].

Необходимо отметить, что сдерживающим фактором в развитии рынка технологий является право государственной собственности на абсолютное большинство из них. Этот фискальный подход был характерен для дореформенной экономики, однако преобладает он и сейчас. Необходимо проведение последовательной, сбалансированной, системной политики по правовому обеспечению этого процесса с постепенным внедрением вместо фискального подхода либерального, который будет способствовать и снижению себестоимости научной продукции, и повышению ее доступности для товаропроизводителей.

Преодоление обозначенных законодательных проблем должно восполнить недостающие правовые звенья в регулировании инновационных отношений. Тогда будет возможно говорить о полноценном правовом обеспечении складывающихся в этой области экономических отношений. Кроме того, это позволит не только упорядочить внутренний рынок интеллектуальных ресурсов и прав на них, но и даст России возможность быть конкурентоспособным участником международного рынка интеллектуальных ресурсов. В сфере государственного управления инновационным развитием, как одной из предпосылок влияния государства на процесс формирования промышленных кластеров очень важным является закрепление на законодательном уровне понятия «государственная инновационная политика». Отметим, что в Законе РФ «Об инновационной деятельности и о государственной инновационной политике» прием

двухуровневого описания законодатель применил и для определения понятия «государственная инновационная политика». В статье 1 Закона указано: «Государственная инновационная политика – часть государственной социально-экономической политики, направленной на совершенствование государственного регулирования, развитие и стимулирование инновационной деятельности» [4]. В последующих статьях законодатель указывает на составную, иерархическую организацию государственной инновационной политики России. Статья 5 в своем названии вводит понятие государственной инновационной политики Российской Федерации, в отличие от «инновационной политики субъектов Российской Федерации, а также инновационной политики муниципальных образований». Кроме того, определено, что «государственная инновационная политика формируется с учетом предложений субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» [4]. Тем самым устанавливается иерархическая структура формирования комплексного механизма реализации инновационной политики Российской Федерации.

Государственная поддержка инновационной деятельности осуществляется в следующих формах:

- ✓ финансирование научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, связанных с инновационной деятельностью;
- ✓ финансирование инновационных программ и проектов, обеспечивающих инновационную деятельность мероприятий, а также деятельность субъектов инфраструктуры инновационной деятельности;
- ✓ финансирование патентования за рубежом изобретений и промышленных образцов, входящих в состав экспортируемой или готовящейся к экспортированию отечественной продукции;
- ✓ инвестирование средств в создание и развитие субъектов инфраструктуры инновационной деятельности;
- ✓ размещение государственного заказа на закупку продукции, созданной в результате инновационной деятельности;
- ✓ предоставление субсидий на реализацию отдельных инновационных проектов и обеспечивающих мероприятий;
- ✓ поручительство перед российскими и иностранными кредиторами и инвесторами по

обязательствам субъектов инновационной деятельности и субъектов инфраструктуры инновационной деятельности;

- ✓ предоставление права использования принадлежащего государству имущества, в том числе объектов интеллектуальной собственности, и т.д. [3].

В развитии инновационной деятельности особое место занимает наличие разветвленной инфраструктуры – организаций, предоставляющих услуги субъектам инновационной деятельности, такие как финансирование, производственно-технологические, правовые, консультационные услуги и ряд других. В этой связи законом предусмотрены критерии отнесения субъектов инфра-

структуры к субъектам, деятельность которых может стимулировать государство. Для оценки деятельности субъектов инфраструктуры инновационной деятельности предусмотрено проведение аккредитации. Развитие инновационной деятельности, стимулирование инновационной активности невозможны без финансирования. Для этих целей предусмотрено использование различных источников: от средств частных инвесторов до государственного бюджетного финансирования. Международная практика показывает, что средства, направляемые государством на реализацию инновационных программ гражданского назначения, как правило, не превышают 60 процентов [3].

Библиографический список

1. Волынкина М.В. Проблемы правового обеспечения инновационной деятельности в России [Электронный ресурс] НОУ «Институт гуманитарного образования», г. Екатеринбург. Режим доступа http://www.uran.ru/reports/2005/3dic_2004/section2/s2p102.htm
2. Бердашкевич А.П. Федеральный закон об инновационной деятельности [Электронный ресурс] Комитет Государственной Думы по образованию и науке. Режим доступа: <http://sci.informika.ru/text/magaz/newspaper/messedu/cour9912/3000.html>
3. Кресс В.М., Грачев В.А., Фетисов В.П. Законодательное обеспечение инновационной деятельности [Электронный ресурс] Комитет Совета Федерации по науке, культуре, образованию, здравоохранению и экологии. Режим доступа: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/1999/vestniksf101-13/vestniksf101-13020.htm>
4. Федеральный закон «Об инновационной деятельности и о государственной инновационной политике»

A.V. STECENKO, M. LUKYANCHIKOV

THE ANALYSIS OF IS STANDARD-LEGAL BASE OF BASES OF THE STATE INNOVATIVE POLICY AS NECESSARY CONDITION OF INTRODUCTION КЛАСТЕРНОГО THE APPROACH TO INDUSTRY DEVELOPMENT

In article the analysis of domestic is standard-legal maintenance of the state innovative policy as the basis for the state support of process of formation industrial кластеров is carried out. Necessity of legislative fastening of bases and principles of the state innovative policy, and also introduction on level regional is proved is standard-legal field principles and the basic aspects of an innovative policy of subjects of federation.

Key words: innovations, innovative development the state innovative policy, кластер.

Е.В. ТАКМАКОВА, кандидат экономических наук, доцент кафедры
 прикладных экономических дисциплин,
 Орловского государственного университета
 Тел. 89092288289; takmakovae@mail.ru

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ СТАНДАРТИЗАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ И РАЗВИТИИ ОТРАСЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ

В статье рассматривается роль процесса социальной стандартизации в социальной политике государства; проанализированы методологические проблемы в сфере социального нормирования; освещены задачи и принципы социальной стандартизации; выделены и охарактеризованы отдельные аспекты процесса социальной стандартизации.

Ключевые слова: социальная политика, социальный стандарт, социальные нормы и нормативы, политика доходов населения, минимальные социальные стандарты.

На современном этапе экономического развития в России решаются две основные задачи: переход к устойчивому инновационному развитию и одновременное повышение качества социального развития. Для решения этих задач необходимо устойчивое экономическое развитие, которое позволит обеспечить ресурсами выполнение социальных функций государства.

В соответствии с Конституцией РФ (ст. 7) Россия является социальным государством. Конституция РФ провозглашает, что социальная политика Российской Федерации «направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [3, ст. 7]. Это предполагает реализацию соответствующих направлений социальной политики, что должно привести к созданию важнейших элементов социального государства.

Социальная политика государства – это комплекс мероприятий по улучшению материального благосостояния, духовному и физическому развитию населения, оказанию поддержки инвалидам и малообеспеченным гражданам. Исходя из комплексности социальной политики, ее обычно расчленяют на составные части: политика доходов населения; социальная защита граждан; развитие системы здравоохранения, образования, культуры, обеспечения товарами, услугами, условиями проживания; молодежная политика.

Особенно важное место в социальной политике государства занимает политика доходов населения. Главным ее содержанием является создание благоприятных условий, позволяющих экономически активной части населения зарабатывать средства, величина которых состоит из суммы получаемой заработной платы, поступлений от владения собственностью, выплат из общественных фондов потребления и некоторых других. Воздействие на уровень доходов осуществляется через договорные отношения между работниками и работодателями, систему налогообложения, создание условий для роста заработной платы и другие элементы.

На каждом этапе развития общество предъявляет конкретные требования к уровню и качеству жизни. Совокупность этих требований определяет стандарт жизни, или социальный стандарт.

Но прежде чем говорить о социальной стандартизации, следует определить, что такое стандартизация вообще. Согласно Федеральному закону «О техническом регу-

лировании» от 27 декабря 2002 года «стандартизация – это деятельность по установлению правил и характеристик в целях их добровольного многократного использования, направленная на достижение упорядоченности в сфере производства и обращения продукции...» [4, с. 48]. В соответствии с законом различаются государственные стандарты и стандарты отдельных отраслей, предприятий и общественных организаций. Требования, устанавливаемые государственными стандартами, являются обязательными для соблюдения государственными органами управления, субъектами хозяйственной деятельности.

Однако нам представляется, что указанное определение стандартизации не вполне применимо по отношению к социальной сфере (тем более что в законе указано на то, что его действие не распространяется на отношения в социальной сфере, которые должны регулироваться иными нормативно-правовыми актами). Но сам термин «стандартизация» имеет достаточно широкое применение в социально-экономической сфере.

Можно сказать, что общим в технических и социальных стандартах является то, что в процессе стандартизации осуществляется сопоставление достигнутых характеристик продукции или какого-либо процесса установленным требованиям, отраженным в нормативных документах. Но в

сфере производства, товарного обращения стандартизация реализуется в виде стандартов, технических условий, технических регламентов, а в социальной сфере она должна реализовываться через требования специально созданных социальных стандартов.

Что касается разграничения понятий «норма», «норматив» и «стандарт» применительно к социальной сфере, то оно до сих пор точно не произведено. Зачастую понятия «норма» и «норматив» используются как синонимы, хотя в действительности это не так¹.

Большинство авторов склоняется к тому, что социальные нормы – это стандарты деятельности и правила поведения, выполнение которых ожидается от члена группы или общества и поддерживается с помощью санкций. Социальные нормы упорядочивают и регулируют социальные взаимодействия, а не всякую деятельность вообще. Социальные нормы зачастую не имеют количественного выражения, так как это морально-этические правила и стереотипы, присущие обществу.

В отличие от социальных норм социальные нормативы должны иметь количественное представление, то есть должны иметь форму показателей.

Допустима следующая классификация социальных нормативов, которую можно применять для формирования социальных стандартов (см. табл. 1).

Таблица 1 – Виды социальных нормативов

Критерии классификации	Виды социальных нормативов в соответствии с критерием	Сущность
1. По видам	распределительные	Регулирование распределительных отношений
	потребительские	Требования к развитию производственной и непроизводственной сферы
2. По пределам, в которых располагаются ¹	уровневые	Отражение абсолютных и относительных величин нормативов в натуральных показателях и пропорциях
	точечные	Равенство фактического значения показателя величине норматива без отклонений
	интервальные	Фактические значения могут находиться в некоторых границах, задаваемых нормативом
3. Исходя из количественных и качественных требований	максимальные	Фактическое значение не должно превышать уровень норматива
	минимальные	Фактическое значение не должно быть меньше нормативного уровня
	рациональные	Оптимально необходимые для конкретных условий
4. В зависимости от характера потребления	индивидуальные	Рассчитываются на одного человека
	коллективные	Применяются в отношении жизненных благ совместного пользования – предметов культурно-бытового и хозяйственного назначения

¹ Асеев В.Г. Нормативы развития социальной сферы [Текст] / В.Г. Асеев. – СПб.: Инфо-да, 2008.

Продолжение табл. 1.

Критерии классификации	Виды социальных нормативов в соответствии с критерием	Сущность
5. В зависимости от функциональных особенностей применения ¹	формирование доходов и расходов населения	минимальный потребительский бюджет, минимальная заработная плата, размер заработной платы
	социальное обеспечение	размер и условия предоставления пенсий, пособий, льгот на услуги здравоохранения, жилищно-коммунальное обеспечение
	социальная демография	удельный вес молодежи, пенсионеров, трудоспособного населения в его общей численности, рождаемость, смертность людей, среднее количество детей
	потребление населением материальных благ и платных услуг	потребление продовольственных товаров, обеспеченность товарами длительного пользования (холодильниками, легковым автотранспортом, телевизорами), радиоэлектронными средствами связи
	жилищно-коммунальные условия жизни населения	количество жилой и общей площади на одного жителя, обеспеченность горячей и холодной водой, отоплением
	развитие торговли, общественного питания и бытового обслуживания	обеспеченность столовыми, парикмахерскими
	транспорт и связь	транспортная подвижность населения, средняя продолжительность и протяженность поездки одного пассажира, количество установленных телефонных аппаратов на 1000 чел.
	охрана здоровья населения	средняя продолжительность жизни, обеспеченность лечебными учреждениями
	рабочее, нерабочее и свободное время	продолжительность рабочего дня, время, связанное с восстановлением жизнеспособности
	организация и условия труда	коэффициент занятости трудовой деятельностью, уровень загрязнения воздуха в производственных помещениях, наличие ионизирующих излучений, степень механизации ручного и тяжелого физического труда
	состояние и охрана окружающей среды	выбросы вредных веществ в воздушный бассейн, обеспеченность питьевой водой

¹ Прогнозирование и планирование экономики [Текст] / Под общ. ред. В.И. Борисевич. – Мн.: Интерпрессервис, 2001. – С. 102.

В самом общем виде понятие социального стандарта характеризует сложившийся уровень потребления тех или иных благ, который признается большинством населения или представителями группы людей приемлемым (нормальным) для себя.

Процедуры социального нормирования в последние годы часто используются для формирования социальных стандартов. В качестве примеров, иллюстрирующих распространенность социальных стандартов в регулировании социальной сферы, можно указать на следующее:

- 1) минимальный размер оплаты труда;
- 2) прожиточный минимум;
- 3) социальные нормативы обеспеченности населения объектами социальной инфраструктуры.

Вообще государственная социальная стандартизация – это правовая регламентация приоритетных социальных нормативов и норм в качестве государственных минимальных социальных стандартов. Для решения задач в сфере потребления, обеспечения минимальных государственных социальных гарантий гражданам используются главным образом минимальные социальные стандарты.

Под государственными минимальными социальными стандартами следует понимать установленный законами РФ или решениями представительных органов государственной власти субъектов РФ на определенный период минимально необходимый уровень социальных гарантий. Совокупность взаимосвязанных федеральных и региональных государственных минимальных соци-

альных стандартов образует систему государственных минимальных социальных стандартов. Формирование системы государственных минимальных социальных стандартов зиждется на следующих основных принципах:

- 1) соблюдение конституционных прав граждан;
- 2) общедоступность социальной защиты и социальных услуг, закрепляемых в качестве обеспечения государственных минимальных социальных стандартов;
- 3) рациональное распределение полномочий между органами государственной власти и местного самоуправления, регулирующими процесс формирования и использования государственных минимальных социальных стандартов;
- 4) прозрачность бюджетного и внебюджетного финансирования расходов по обеспечению государственных минимальных социальных стандартов;
- 5) обоснованность устанавливаемых государственных минимальных социальных стандартов с учетом социально-экономической ситуации в стране целом, а также региональных особенностей;
- 6) предоставление всем социальным слоям и группам равных гарантий;
- 7) гласность и информированность населения о государственных минимальных социальных стандартах;
- 8) ответственность органов государственной власти и управления за применение и соблюдение

государственных минимальных социальных стандартов.

Система социальных стандартов устанавливается и применяется для решения следующих задач:

- 1) реализация конституционных прав граждан;
- 2) удовлетворение потребностей населения на определенном уровне;
- 3) нормативное обеспечение, формирование и использование бюджетных и внебюджетных средств на социальные нужды;
- 4) концентрация финансовых ресурсов на приоритетных направлениях социальной политики;
- 5) определение видов гарантированных социальных выплат и услуг за счет бюджетов всех уровней и оказание необходимой социальной помощи нуждающимся гражданам;
- 6) обеспечение социальной стабильности в обществе и сохранение единого социального пространства страны на основе выравнивания условий доступности потребления благ и услуг в различных регионах;
- 7) разработка и реализация государственной социальной, экономической политики, программ социально-экономического развития.

Процесс социальной стандартизации должен включать в себя проработку целого ряда аспектов: правового, экономического, научного, финансового. Их характеристика представлена в таблице 2.

Таблица 2 – Аспекты процесса социальной стандартизации

Вид аспекта	Сущность
1. Правовой	подразумевает подготовку и принятие конкретных правовых документов, регламентирующих порядок формирования и механизм реализации социальных стандартов
2. Экономический	должен включать в себя средства бюджетов различных уровней и внебюджетных социальных фондов, с одной стороны, и направления расходования этих средств, с другой стороны
3. Научный	предполагает разработку научно обоснованных социальных норм и нормативов в сфере доходов населения и предоставления социально значимых услуг
4. Финансовый	включает в себя стоимостное выражение научно обоснованных норм; на основе таких финансовых норм возможно обоснование потребностей в средствах для достижения бюджетной обеспеченности

Только детальная проработка всех перечисленных моментов может позволить рационально распределить ограниченные бюджетные ресурсы для реализации системы социальной стандартизации.

Разработку государственных минимальных со-

циальных стандартов следует осуществлять по двум основным направлениям.

Первое из них связано с обоснованием норм прямого действия, регулирующих прежде всего сферу денежных доходов граждан и обеспечивающих гарантии приобретения ими минимума благ

и услуг, предоставляемых на платной основе. В этом случае в основу стандартизации должен быть положен прожиточный минимум по основным социально-демографическим группам населения.

Второе направление охватывает сферу бесплатного предоставления минимума социально значимых услуг. Вторая группа реализации государственных минимальных социальных стандартов для отраслей социальной сферы может устанавливать минимальный фиксированный набор социально значимых услуг, ограниченный по видам и объему, с указанием порядка их предоставления.

Перечень государственных минимальных социальных стандартов в отраслях социальной сферы следует увязывать с целями и задачами социальной политики, финансовыми возможностями государства. Формирование системы государственных минимальных социальных стандартов – процесс сложный и достаточно длительный, который потребует выбора приоритетов и определенной последовательности.

С учетом положений Конституции РФ к основным направлениям социальной стандартизации можно отнести:

- 1) доходы населения;
- 2) социальную защиту граждан;
- 3) образование, здравоохранение, культуру;
- 4) социальное обслуживание населения;
- 5) жилищно-коммунальное хозяйство;
- 6) юридическую помощь гражданам.

Важнейшим государственным минимальным социальным стандартом, регулирующим сферу доходов населения, является прожиточный минимум по основным социально-демографическим группам.

Одним из важнейших социальных нормативов является минимальный потребительский бюджет. Минимальный потребительский бюджет – это стоимость материального обеспечения жизни человека продуктами питания, основными непродовольственными товарами и платными услугами по научно обоснованным нормам и нормативам. С учетом экономических возможностей государства иногда вводится и другой социальный норматив – «прожиточный минимум», который отличается от минимального потребительского бюджета более

жесткими требованиями к фактическому потреблению продуктов, товаров и услуг. Такое ужесточение может составлять до 40 и более процентов, исходя из конкретно складывающейся ситуации. По существу данный норматив выступает критерием при определении черты бедности жизни населения.

Для установления стоимостного показателя прожиточного минимума вводится понятие «бюджет прожиточного минимума». Бюджет прожиточного минимума представляет собой стоимостную оценку натурального набора, а также включает расходы на налоги и другие обязательные платежи.

Итак, социальные стандарты в самом общем виде представляют собой социальные и одновременно финансовые нормы, в соответствии с которыми следует определять структуры и размер бюджетных расходов. Система государственных минимальных стандартов призвана удовлетворять потребности на социально значимом уровне, но только в соответствии с финансовыми возможностями государства. Государственные минимальные стандарты – это гарантия получения минимального набора социальных благ и услуг. Система государственных минимальных стандартов выражается через конкретные нормативы. То есть государственные минимальные социальные стандарты – это закрепленная законодательно система нормативов, направленных на обеспечение людей минимально необходимыми социальными благами и услугами.

Введение системы государственных минимальных стандартов вызывает необходимость координировать целый ряд законов и иных нормативно-правовых актов. Это касается вопросов разграничения предметов ведения и полномочий между Федерацией, ее субъектами, органами местного самоуправления; бюджетного и налогового законодательства, отношений в отраслях социальной сферы и вопросов социальной защиты населения.

Наконец, центральным является вопрос принятия Федерального закона «О государственных минимальных социальных стандартах», на базе которого будут разработаны законы об установлении и применении социальных стандартов в отдельных отраслях социальной сферы.

Примечание

¹ Вообще норма (лат. norma – дословно «наугольник», переносное значение «правило») – регулирующее правило, указывающее границы своего применения. Норматив: 1) универсальная норма, относящаяся преимущественно

к удельному расходу сырья, материалов, энергии на единицу количества продукции, на другие единицы, характеризующие объект потребления ресурсов; 2) экономический норматив – обобщающая норма, установленная для обширного круга однородных экономических показателей. (Борисов А.Б. Большой экономический словарь [Текст] / А.Б. Борисов. – М.: Книжный мир, 2003. – 895 с.)

Библиографический список

1. Асеев В.Г. Нормативы развития социальной сферы [Текст] / В.Г. Асеев. – СПб.: Инфо-да, 2008. – 356 с.
2. Борисов А.Б. Большой экономический словарь [Текст] / А.Б. Борисов. – М.: Книжный мир, 2003. – 895 с.
3. Конституция Российской Федерации [Текст]. – М.: АСТ, Астрель, 2009. – 48 с.
4. О техническом регулировании. Федеральный закон и акты по его реализации [Текст]. – М.: Книга-сервис, 2003. – 78 с.
5. Прогнозирование и планирование экономики [Текст] / Под общ. ред. В.И. Борисевич. – Мн.: Интерпрессервис, 2001. – 380 с.

E.V. TAKMAKOVA

ROLE OF SOCIAL STANDARDIZATION IN REALIZATION OF SOCIAL POLICY AND IN DEVELOPMENT OF INDUSTRIES OF SOCIAL SPHERE

In the given article the role of process of social standardization in state social policy is considered; methodological problems in sphere of social regulation are analysed; purposes and principles of social standardization are shined; separate aspects of process of social standardization are allocated and characterized.

Key words: social policy, the social standard, social rates and specifications, a policy of incomes of the population, the minimum social standards.

*С.А. ХАЛИН, заместитель управляющего ДО Павелецкое
АКБ «Абсолют Банк» (ЗАО),
аспирант Государственного университета – УНПК
Тел. +7(926) 589-24-19; s.khalin@absolutbank.ru hal_man@list.ru*

СТРАХОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В данной статье отражен комплексный подход к проблематике страхования рисков при реализации инновационных проектов на предприятиях пищевой промышленности. Выделена специфика пищевой промышленности при внедрении инноваций, дано определение риска, отражены ситуации возникновения инновационного риска. Проведен анализ сегмента рынка страхования, и выявлена потребность в развитии программ по страхованию инновационных рисков.

Ключевые слова: страхование, инновации, пищевая промышленность, инновационный риск, инновационный проект, государство.

В последнее время одним из основных направлений в развитии экономики российской правительство считает инновации. Перед научным сообществом стоит четкая задача разработки, внедрения и рационального использования передовых технологий, отвечающих мировым стандартам.

Правительством выбран ряд приоритетных направлений, в которых действие инновационных процессов будет ощущаться наиболее существенно. К одним из таких направлений можно отнести пищевую промышленность. Являясь основой продовольственной безопасности страны, пищевая промышленность нуждается в серьезной модернизации как всей отрасли, так и отдельных ее процессов в целом.

Как и остальные отрасли промышленности, пищевая имеет ряд специфических черт, на которые при реализации инновационной политики необходимо обратить особое внимание (табл. 1).

Степень внедрения инноваций в пищевую промышленность на сегодняшний день находится на низком уровне¹. Ведь преимущественно при внедрении того или иного процесса предприятие сталкивается с серьезными финансовыми вложениями, и, более того, всегда присутствует риск неоправданности и невозврата вложенных средств. При поиске дополнительных источников финансирования снижению производственных издержек могли бы способствовать предоставление субсидий инновационным предприятиям, снижение ставок налогообложения, корректировка таможенно-тарифной системы и другие меры государственного воздействия. Сложнее в этом случае становится с риском окупаемости вложенных средств и возможностью их невозврата. При внедрении продуктов инновационной деятельности предприятие не имеет гарантий, что вложенные средства вернутся в среднесрочной/долгосрочной перспективе. Рассчитать приблизительный порог окупаемости вложенных инвестиций при определенных условиях представляется возможным, но утверждать со 100-процентной гарантией – нет. Избежать полностью риска в инновационной деятельности невоз-

Таблица 1 – Специфика пищевой промышленности при реализации инновационной политики

Специфическая особенность пищевой промышленности	Проявление специфики в инновационной деятельности	Инструменты, способствующие увеличению объема внедрения инноваций в пищевую промышленность
1. Слабая инновационная инфраструктура	Отсутствие доступной схемы материализации инновационной мысли/проекта в готовый продукт, высокий уровень риска некупности затраченных средств	Создание общепринятой схемы реализации инновационных проектов на предприятиях пищевой промышленности, а также формирование программ по минимизации рисков
2. Низкая степень обеспеченности инновационной сферы кадровым потенциалом	Количество квалифицированных специалистов прямым образом отражается на количестве/качестве реализации инновационных проектов на предприятии	Формирование профильных научных центров на базе действующих университетов с тесной интеграцией в производство
3. Техническое истощение производственной и перерабатывающей базы	Производство инновационных продуктов возможно только с помощью передового, высокотехнологического оборудования	Разработка и внедрение программ, обеспечивающих предприятия разнообразными льготами при покупке отечественного пищевого оборудования
4. Уровень конкурентного потенциала предприятий пищевой промышленности стремительно падает	Перечень производимых товаров не обновляется, многие товары не соответствуют мировым стандартам качества	Внедрение альтернативного вида сырья, расширение ассортимента производимой продукции
5. Сложность вывода на рынок и сбыта новой продукции	Потребитель конечной продукции обладает разнообразными вкусовыми пристрастиями	Предварительный анализ потребительского спроса, формирование модели реализации продукции с учетом анализа спроса
6. Низкий уровень отечественного пищевого машиностроения	Производство конкурентного продукта, отвечающего мировым стандартам качества, возможно с использованием преимущественно импортного, дорогостоящего оборудования	Формирование отечественного производства пищевого машиностроения

можно, поэтому предприятиям следует тщательно анализировать инновационные процессы, чтобы избежать возможных ошибок на стадии отбора проектов. В некоторых случаях наиболее эффективной возможностью сокращения негативных последствий или снижения уровня риска инновационной деятельности являются прямые управленческие воздействия на возможные управляемые факторы риска, такие как анализ и оценка инновационного проекта, проверка предполагаемых партнеров по инновационному проекту, планирование и прогнозирование инновационной деятельности, подбор персонала, участвующего в осуществлении инновационной деятельности.

При рассмотрении вопроса о рисках, связанных с внедрением инновационных проектов, альтерна-

тивной в нем можно назвать систему страхования. Страхуя тот или иной риск, предприятия смогут минимизировать потери, связанные с процессом инновационной деятельности. Предприятия пищевой промышленности в данном случае не будут исключением, ведь инновационная деятельность предприятия в большей степени, чем другие направления его деятельности, сопряжена с риском. Однако возможный рост прибыли от внедрения инновационного проекта компенсирует повышенный риск значительно выше других направлений деятельности предприятия.

Под определением инновационного риска можно понимать вероятность потери, возникающей при вложении предпринимательской фирмой средств в производство новых товаров/услуг, которые в

процессе реализации не найдут ожидаемого спроса, а также риски, связанные с разработкой новых товаров². Более системным представляется следующее определение: инновационные риски охватывают весь спектр предпринимательских рисков, связанных с реализацией инновационного процесса, рассматривающее не специфический риск (инновационный) в традиционной сфере, а традиционный риск (неполучения ожидаемого дохода) в специфической сфере. Предприятие, делающее акцент на производство инновационных продуктов, может столкнуться с инновационным риском в определенных ситуациях:

- использование менее затратного метода производства;
- производимые продукты готовятся с использованием более современных технологий и оборудования;
- создание продукта при помощи устаревшего оборудования;
- реализация оборудования, непригодного для выпуска высокотехнологичного продукта;
- ошибки при разработке продуктов или технологий.

Страхование инновационных рисков достаточно сложная и специфическая сфера деятельности. В теории управления рисками, страховой науке в настоящее время разработаны лишь принципиальные подходы к организации страховой защиты предприятий от инновационных рисков³. В условиях слабой коммерческой привлекательности страхования предпринимательских рисков в инновационной деятельности для российских страховщиков следует предпринять в рамках государства ряд мер налогового и иного характера, стимулирующих как страховщиков, так и страхователей к заключению таких договоров страхования.

Большинство специалистов рынка страхования считают, что страхование инновационных рисков в нашей стране находится в зачаточном состоянии. Страховые компании не готовы рассматривать страхование инновационных рисков вне зависимости от того, в какой области они намечаются. Доход от реализации страховых продуктов инновационной деятельности, рассчитанный на долгосрочную перспективу, связанный с повышенным риском, является не столь доходным и экономически не обоснованным по сравнению с уже привычными, понятными и прогнозируемыми продуктами общего страхования.

Однако, беря во внимание курс государства на инновации, следует ожидать, что в ближайшее время рынок страхования должен сформировать комплекс определенных продуктов, нацеленных на качественное изменение страхования инновационных рисков. Государство заинтересовано в модернизации экономических процессов во всех отраслях промышленности за счет внедрения инновационных проектов. Предприятия в борьбе за рынок обязаны внедрять новые процессы, технологии, формировать новые продукты, отвечающие мировым стандартам качества. Но, как известно далеко не все проекты в инновационной сфере в той или иной мере гарантируют предприятию сверхприбыли при минимальных инвестициях и отсутствии риска.

Для повышения привлекательности внедрения инновационных проектов и минимизации рисков, связанных с их реализацией, основной альтернативой должны выступить страховые компании. В свою очередь страховщики получают громадный рынок сбыта комплекса страховых продуктов (схема 1).

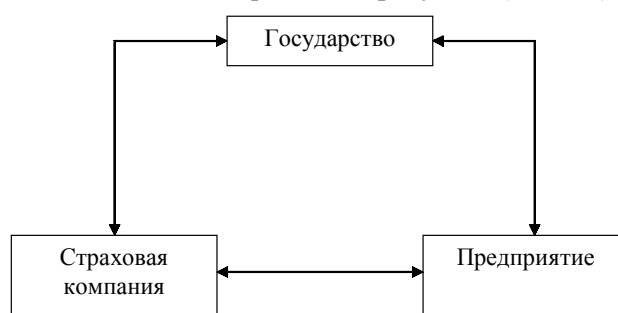

Схема 1. Взаимодействие государства со страховщиками и предприятиями

Учитывая тезис о необходимости интеграции страховых компаний в инновационный процесс, следует учесть, что данное предположение возможно при создании благоприятных условий как для страховых компаний, так и для предприятий, страхующих свои риски при внедрении инновационных проектов.

Со стороны государства должна быть предложена четкая схема стимулирования развития страховых компаний, нацеленная на повышение привлекательности участия в страховании рисков инновационной деятельности. Все аспекты государственной поддержки могут быть реализованы в федеральной целевой программе, которая, в свою очередь, в зависимости от региона и его специфики, количества предприятий пищевой промышленности и страховых организаций будет реализована в региональной целевой программе (схема 2).

Схема 2. Реализация федеральной целевой программы

В рамках федеральной целевой программы государством должны быть предложены конкретные меры, нацеленные на стимулирование роста активности страховых компаний в области страхования инновационных рисков. Причем стоит учесть, что федеральная целевая программа должна стать основой для региональных программ, которые, в свою очередь, учитывая специфику региона, должны будут сформулировать комплекс мер для эффективного взаимодействия страховых компаний и предприятий пищевой промышленности, использующих в процессе производства инновационные проекты.

К таким первостепенным мерам можно отнести:

- Предоставление налогового послабления страховым организациям, участвующим в страховании инновационных процессов.
- Оказание финансовой поддержки создающимся страховым организациям, специализирующимся на страховании инновационных рисков.
- Стимулировать спрос к использованию страхования инновационных процессов.

– Обеспечить надежность страховых компаний.

При создании государством благоприятной среды для развития рынка инновационного страхования следует ожидать увеличения активности со стороны страховых организаций. Следует отметить, что государственные меры поддержки должны быть направлены не только к уже существующим компаниям, но и в большей мере к новым, планирующим выйти на рынок страхования инновационных рисков.

Формируя конкурентную среду в сфере страхования инновационных рисков, государство в первую очередь предоставит страхователям право выбора страховой организации, что, в свою очередь, позволит расширить комплекс предлагаемых продуктов, снизить комиссионное вознаграждение, повысить качество сервиса. Страховые компании в борьбе за потребителя должны будут постоянно совершенствовать свои продукты, более тщательно выявлять потребности и разрабатывать новые программы страхования. Процесс страхования инновационных рисков должен стать понятным как страховщикам, так и страхователям и получить широкое применение в реализации инновационной политики государства.

На схеме 3 представлен проект апробации применения типовой схемы развития инновационного страхования в пищевой промышленности при реализации региональной целевой программы в Курской области. Согласно предложенной программе разработана схема взаимодействия между страховой компанией, предприятием, заинтересованным в страховании инновационных рисков, и государством. Со стороны государства предложен комплекс мер, которые должны оказать влияние на рост рынка инновационного страхования.

Страховые организации, в свою очередь, должны сформулировать четкое предложение страхователю, выделить, согласно инновационной политике предприятия, объект страхования и предложить комплекс мер, нацеленных на минимизацию рисков, связанных с внедрением инновационных проектов на предприятии. При этом стоимость данных услуг должна быть ориентирована на рынок и контролироваться государством. Организация, страхующая свои риски, может рассчитывать на качественное сотрудничество со страховой компанией при выполнении ряда требований (табл. 2):

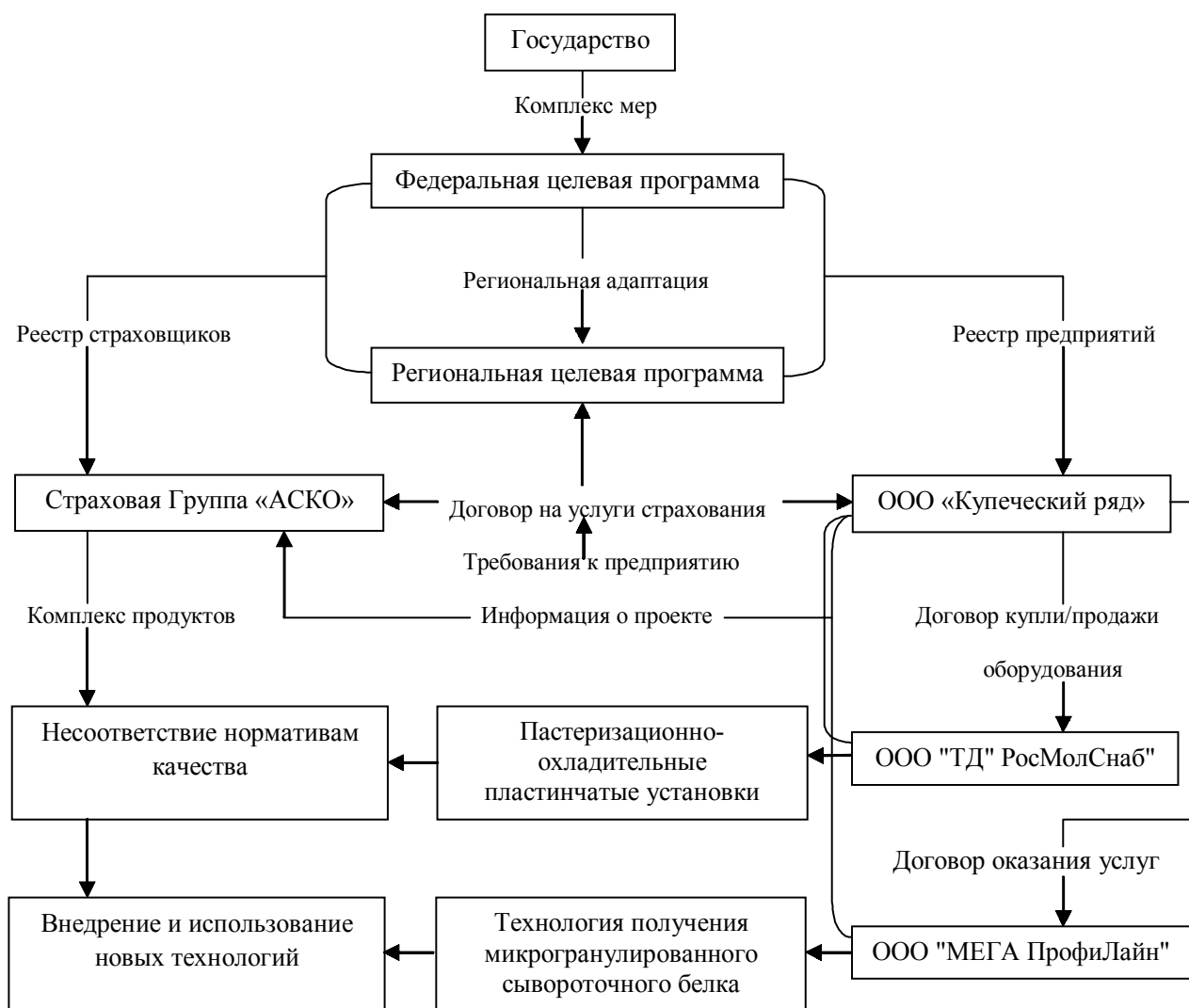

Схема 3. Реализация региональной целевой программы на примере предприятий Курской области

Большую работу необходимо проделать и самим страховым компаниям. Имея тот спектр услуг, которым обладают на сегодняшний момент, страховые организации удовлетворить потребность в страховании инновационных рисков предприятий-инноваторов попросту не смогут. Отсутствует комплексный подход к системе страхования рисков. Встречаются предложения по частичному или поверхностному страхованию отдельных направлений инноваций, но в совокупности, чтобы полностью застраховать процесс внедрения, реализации, выхода на рынок инновационного проекта, на сегодняшний момент попросту нет. Более того, те немногочисленные предложения по частичному страхованию инновационных рисков многим предприятиям недоступны по причине чрезмерно высоких комиссий.

Что касается предприятий пищевой промышленности, то страхование рисков инновационных проектов тут является наиболее уместным. Ведь конечный продукт предприятий данной отрасли попадает в рацион потребителя. Риски, возникающие в процессе внедрения новых технологий, оборудования, продуктов, могут качественным образом отразиться на конечном продукте. Соответственно данная отрасль должна быть одной из первых, где необходимо рассматривать варианты с комплексным страхованием рисков.

С учетом того, что на данный момент разработаны лишь принципиальные подходы к организации страховой защиты предприятий от инновационных рисков, четко выделить основные моменты специфики страхования инновационной деятельности в пищевой промышленности не представляется

Таблица 2 – Специфика требований страховых организаций при возможном страховании инновационных рисков

Требования к производственной организации	Обоснование выдвигаемых требований	Специфика требований
1. Участие в целевой программе	Предприятие пищевой промышленности, страхующее инновационные риски, должно быть включено в реестр целевой программы	Предоставление предусмотренных целевой программой комплекса мер по взаимодействию со страховыми организациями
2. Документарное подтверждение сделок с контрагентами	Страховщик обязан оценить качество сделок с контрагентами, их количество на основе ретроспективного и перспективного анализа	Дает возможность анализа специфики инновационного проекта, прогнозирования возможных рисков
3. Предоставление сертификационной документации	Все товары/услуги, участвующие в инновационном проекте, должны быть сертифицированы или предусматривать определенные схемы сертификации в будущем	Сертифицированный товар или услуга, участвующие в инновационном проекте, минимизируют степень ответственности страховой компании
4. Предоставление подробной информации о реализуемом инновационном проекте	Страховая компания должна тщательно изучить всю документацию, которая связана с инновационным проектом, самостоятельно или с привлечением сторонних экспертов	Понимание процесса в достижении конечного результата позволит прогнозировать уровни риска на каждом этапе реализации инновационного проекта
5. Предоставление аттестационных данных персонала, участвующего в реализации проекта	Каждый сотрудник, участвующий в реализации инновационного проекта, должен соответствовать по уровню подготовки	Уровень квалификации специалистов позволит оценить степень качества выполняемых работ и, как следствие, риски, связанные с человеческим фактором
6. В зависимости от инновационного проекта выделить объект страхования	Объекты страхования оговариваются в рамках программы государственной поддержки, страховая компания может расширить спектр страхуемых объектов, но уже без гарантий со стороны государства	Четкое формулирование и понятие объекта страхования дает возможность оценить возможные риски и согласовать интересы всех сторон
7. Оценить условия наступления страхового случая	В зависимости от специфики инновационного проекта условия наступления страхового случая могут меняться и поддаваться корректировке	Условия наступления страхового случая (как и объекты страхования) оговариваются в рамках целевых программ. Страховая компания может предложить «лучшие» условия, но размер государственных гарантий и компенсаций распространяется лишь на условия, оговоренные в программе

ся возможным, однако можно сформулировать особенности страхования в этом направлении промышленности:

- Риски, связанные с климатическими условиями, которые качественным и количественным образом могут отразиться на конечном продукте.
- Риски контроля качества конечного продукта при использовании новых технологий.

- Оценка качества сырья контрагентов, участвующих в производстве конечного продукта.
- Риски, связанные с разработкой новых технологий и продуктов (научные риски).

Следует отметить, что основное внимание в пищевой промышленности должно быть сосредоточено на рисках, связанных с качеством выпускаемой продукции. Причем контроль качества должен осуществляться на каждой стадии производ-

ства, начиная от выбора инновационного проекта, его структурного анализа на пригодность внедрения на данном предприятии, его формирования как продукта и, основное, на выходе готовой продукции.

Рассматривая схему внедрения инновационного проекта на предприятие пищевой промышленности, страховая компания может проанализировать, какие риски у предприятия могут возникнуть на том или ином этапе. Логичным может быть предложение разработки типовой схемы внедрения инновационного проекта в зависимости от профиля предприятия, стратегии его развития. Согласно данной схеме страховые компании смогут предложить предприятию комплекс мер, нацеленных на страхование рисков, возникающих на том или ином этапе. Это позволит страховым компаниям быстро и качественно производить анализ предприятия и готовить предложение, сформированное с учетом всех потребностей организации. Следует отметить, что важно именно комплексное предложение, это позволит более качественно контролировать процесс внедрения инновационного проекта и минимизировать риски на каждом из этапов.

Необходимо рассматривать вариант частично-софинансирования со стороны страховых компаний инновационных проектов предприятий, которые по тем или иным причинам не могут довести начатый процесс до момента его окупаемости. Изучив показатели 2009 года, можно утверждать, что страховые компании обладают необходимыми средствами, заработав по итогам года более триллиона рублей⁴. Российские страховщики и их зарубежные коллеги, допущенные на российский

рынок, обладают серьезными льготами со стороны государства для получения сверхприбылей. Так, страховые организации, ведущие деятельность на территории нашей страны, забирают себе примерно 30–40% страховых премий, тогда как иностранцы у себя на родине вынуждены отдавать все 100% и, более того, ограничивать инвестиционный доход 5% годовых, тогда как в России он вообще не регламентируется. Исходя из этого, можно предположить, что частично эти средства, полученные за счет сверхприбылей, государство может обязать направлять в те сферы, которые особенно важны для развития инновационной экономики.

Возвращаясь к предприятиям, участвующим в модернизационных преобразованиях за счет внедрения инновационных проектов, можно утверждать, что формирование комплексного, доступного и, самое главное, понятного процесса страхования инновационных рисков послужит существенным стимулом в становлении тенденции роста к инновациям. Понимая, что без внедрения новых технологий отечественные предприятия не смогут оказать существенной конкуренции новейшим продуктам/услугам, произведенным с учетом мировых стандартов качества за рубежом, государство должно двигаться в сторону интеграции инновационных проектов в производство. Формирование рынка страхования инновационных рисков является серьезным направлением, двигаясь в котором государство сможет минимизировать издержки предприятий при реализации инновационных проектов, повысить интерес к инновациям, а значит, и ускорить процесс интеграции инноваций в производство.

Примечания

- ¹ http://www.innovbusiness.ru/content/document_r_150B5543-C4C5-4BA0-8718-AF90D78AA480.html
- ² http://www.e-college.ru/xbooks/xbook166/book/index/index.html?go=part-012*page.htm
- ³ http://www.fin-izdat.ru/journal/national/journal.php?SECTION_ID=364
- ⁴ http://www.kapital-rus.ru/articles/article/strahovanie_riskov_mimo_kassy/

Библиографический список

1. http://www.innovbusiness.ru/content/document_r_150B5543-C4C5-4BA0-8718-AF90D78AA480.html
2. http://www.e-college.ru/xbooks/xbook166/book/index/index.html?go=part-012*page.htm
3. http://www.fin-izdat.ru/journal/national/journal.php?SECTION_ID=364
4. http://www.kapital-rus.ru/articles/article/strahovanie_riskov_mimo_kassy/

S.A. KHALIN

INSURANCE OF INNOVATIVE ACTIVITY IN THE FOOD-PROCESSING INDUSTRY

In the given clause the complex approach to a problematic of insurance of risks is reflected at realization of innovative projects in the food-processing industry enterprises. Specificity of the food-processing industry is allocated at introduction of innovations, risk determination is made, situations of origin of innovative risk are reflected. The analysis of a segment of the market of insurance is carried out and the requirement for development of programs on insurance of innovative risks is revealed.

ИСТОРИЯ

*А.В. БОРЗОВ, аспирант, ассистент кафедры новой
и новейшей истории
Владимирского государственного гуманитарного университета
Тел. (4922) 338653 (раб.), 89607305695; borzovalex@yandex.ru*

ВОПРОС О РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕРЕМОНИЯХ В ШКОЛАХ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРВОЙ АДМИНИСТРАЦИИ Р. РЕЙГАНА (1981–1985 гг.)

В статье освещается законотворческая политика президента США Р. Рейгана в годы его первой администрации (1981–1985 гг.) в вопросе восстановления религиозных церемоний в государственных общеобразовательных школах. Автор анализирует особенности взаимодействия Белого дома и Конгресса в решении данного вопроса и раскрывает причины неудачи инициативы президентской администрации.

Ключевые слова: Р. Рейган, США, Конгресс, религия, школьная молитва, государственные школы.

В течение последних двух десятилетий в американской гуманитарной мысли обсуждается феномен «культурной войны». Важнейшим аспектом данного явления является идейное противостояние между религиозными консерваторами и приверженцами секулярно-либеральной идеологии, обострившееся в США в 1960–1970 гг. и ставшее важной составляющей политических дебатов в конце 1970–1980 гг., когда в стране усилилось влияние правых республиканцев и к власти пришёл Рональд Рейган. Объектом полемики являлось место христианских религиозных ценностей в жизни американской нации. «Культурная война» в значительной степени сводилась к борьбе вокруг политики федеральной судебной власти США, которая, начиная с 1960-х гг., предприняла ряд постановлений, способствовавших ослаблению влияния религии и традиционных морально-этических ориентиров в американском обществе. В частности, одним из наиболее резонансных было решение Верховного суда 1962 г. по делу *Engel v. Vitale*, запретившее добровольные неденоминационные молитвы в муниципальных школах, как нарушающие закреплённый в Конституции принцип отделения церкви от государства.

Споры вокруг проблемы школьной молитвы затрагивают вопросы, связанные с интерпретацией конституционной нормы разделения церкви и государства, а также с местом религии в системе светского образования и жизни американской нации в целом.

В глазах многих консервативных христиан США, прежде всего протестантов-евангеликов, данная проблема приобрела значение цивилизационного выбора. Религиозные традиционалисты предрекали крушение американской цивилизации в результате того, что «школы отвернулись от Бога, отказавшись от школьной молитвы»¹. Острота общественной дискуссии отразилась на деятельности Конгресса. Сторону протестантов-евангеликов заняли многие конгрессмены-республиканцы и диксикраты. В 1960–1970 гг. ими были представлены сотни биллей, нацеленных на

законодательное разрешение религиозных церемоний в школах, однако эти попытки не увенчались успехом. Общественные организации, находившиеся под влиянием консервативных христианских деноминаций и выступавшие за отмену решения Верховного суда о школьной молитве, оказали поддержку Р. Рейгану в его предвыборной кампании 1980 г. Таким образом, задача восстановления молитвы в школах вошла в программу 40-го президента США.

Вопрос о политике администрации Рейгана в сфере взаимоотношений церкви и школы не нашёл детального рассмотрения в отечественной историографии, хотя был частично затронут в работах З.А. Мальковой, Д.Е. Фурмана и Ю.А. Замошкина. Среди исследователей нет однозначной позиции по данной проблеме. По мнению Д.Е. Фурмана, вопрос о школьной молитве был навязан Рейгану со стороны консервативных протестантов, членов Христианской правой, и сам президент проявил мало деятельного интереса в его решении. З.А. Малькова и А.Ю. Мельвиль, напротив, считают, что Р. Рейган был достаточно последовательным сторонником религиозных консерваторов в этом отношении.

Данная статья имеет своей целью исследование особенностей подхода первой администрации Рейгана к решению вопроса о религиозных церемониях в школах и оценку итогов её деятельности в данном направлении. Значимость поставленной темы определяется тем, что дебаты вокруг проблемы взаимоотношения церкви и государства, которая в США в значительной степени спроецирована на вопрос о школьной молитве, актуальны сегодня и для самой Америки, и для нашей страны.

Отношение Р. Рейгана к проблеме восстановления школьной молитвы характеризуется двумя аспектами. Во-первых, для него, как и для значительной части населения США, религиозные церемонии в школах стали символом приверженности нации своему традиционному морально-религиозному наследию, необходимость возрождения которого провозглашал 40-й президент США. Р. Рейган заявлял, что «с начала существования американских колоний молитва в школе практиковалась и почиталась как важный способ выражения религиозной веры»². Как и многие другие консерваторы, президент усматривал в решении Верховного Суда по делу *Engel v. Vitale* цивилизационный сдвиг, начало массивной секуляризации всего

американского общества и его отхода от своей культурно-исторической традиции³. В своих выступлениях Рейган говорил о школьной молитве как о средстве социализации учеников в соответствии с духом социокультурного традиционализма: «Консерваторы выступают за такое общество, в котором дети ... обучались бы в школах также и фундаментальным ценностям. Именно поэтому мы будем бескомпромиссно преданы задаче восстановления права наших школьников на молитву»⁴.

Проблема запрета религиозных церемоний в школах имеет также государственно-правовой аспект, на который часто ссылался Р. Рейган с целью продемонстрировать американскому обществу неправоту решения Верховного суда. Президент заявлял, что запрет на школьную молитву – нарушение прав человека (в данном случае – нарушение прав ребёнка)⁵ и что разрешение молитвы в государственных школах несколько не противоречит американской Конституции, а именно заключённым в 1-й поправке пунктам об отделении церкви от государства и о свободе религиозного выражения. Р. Рейган утверждал, что данная конституционная поправка была неверно истолкована Верховным судом при вынесении решения по делу *Engel v. Vitale*. По мнению президента, высший судебный орган проигнорировал положение о том, что «государство не должно препятствовать религиозной практике»⁶. Более того, запрещая молитву, государство нарушает свой религиозный нейтралитет, так как этим запретом «оно устанавливает религию секуляризма»⁷. Отстаиваемая Р. Рейганом интерпретация 1-й поправки является спорной. Тем не менее настойчивость, с которой федеральные судебные органы после 1962 г. выносили запретительные вердикты в отношении присутствия религии в различных сферах общественной жизни США, свидетельствует о том, что судебная власть отходила от позиции религиозного нейтралитета, приближаясь, на наш взгляд, к политике секулярного диктата, что отмечали отечественные исследователи⁸.

Ещё до прихода Р. Рейгана к власти среди сочувствовавших консервативным христианам законодателей было выработано два пути решения вопроса о школьной молитве. Во-первых, это принятие конституционной поправки, разрешающей религиозные церемонии в школах. Во-вторых, предлагалось законодательно ограничить или ликвидировать юрисдикцию федеральных судов в вопро-

сах церковно-государственных отношений. Администрация Р. Рейгана взяла на вооружение первый способ решения проблемы. В платформе республиканской партии 1980 г. была поставлена задача принять закон, который бы предоставил индивидам право участвовать в добровольной неденоминационной молитве и других религиозных церемониях в средней школе⁹.

17 мая 1982 г. Р. Рейган официально передал на рассмотрение в Конгресс свой проект конституционной поправки по школьной молитве, подготовленный при участии Департамента юстиции. Поправка разрешала проведение добровольных молитв в средних школах. В своём окончательном варианте президентская поправка 1982 г. гласила: «Ни одно положение Конституции не должно быть истолковано как запрет на индивидуальную или групповую молитву в государственных школах и других общественных учреждениях. Ни органы власти США, ни органы власти какого-либо штата не могут никого заставить принимать участие в молитве»¹⁰. В послании Конгрессу Р. Рейган подчёркивал, что данная поправка «также утверждает право каждого воздержаться от участия в молитве» и «уполномочивает местные общины самим решать относительно того, разрешать молитву в местных школах или нет, а также позволяет индивидам самим выбирать, хотят они принимать участие в молитве или нет»¹¹.

Таким образом, президент всячески пытался заверить общественность и Конгресс в том, что в случае реализации его предложения религиозные церемонии в школах будут на самом деле иметь добровольный характер. Впоследствии в своём дневнике он «сетовал» на то, что часть сенаторов не верили в добровольность школьной молитвы¹². Предусмотренная передача полномочий по решению вопроса о молитве в школах местным общинам отвечала такой важной составляющей идеологии Р. Рейгана и других консерваторов, как стремление максимально ограничить власть федерального центра в социокультурной сфере в пользу семей и местных органов власти. Кроме того, в данном случае президент уповал на «провинциальный» консерватизм и религиозность, свойственные многим локальным сообществам «одноэтажной» Америки. Одобренная Департаментом юстиции поправка отражала умеренный подход к решению проблемы, и, по словам экспертов, предложенная формулировка была достаточно неуз-

вимой с юридической точки зрения. Р. Рейган избрал позицию, которую один из его помощников обозначил как «самоустранение федерального правительства от дела защиты или запрета молитвы». По замечанию обозревателя «Вашингтон пост» Лу Кэннона, поправка теоретически даже предоставляла штатам возможность запрета школьных молитв¹³. Таким образом, президентская администрация стремилась дать понять, что предложенная поправка ни в коем случае не станет конституционным переворотом в духе протестантской теократии, а лишь восстановит недавний status quo, возвращая молитвы в те общеобразовательные школы, в которых они были до решения Верховного суда по делу Engel v. Vitale 1962 года. В этой связи нельзя не согласиться с политологом Н. Глейзером, который пишет, что «администрация Рейгана выбрала курс не возрождения традиционного порядка, а защиты традиционных норм там, где они существуют, без распространения этих норм на всё общество. ... [Белый Дом] следует программе защиты анклавов традиционных ценностей и политического реагирования на требования представителей этих анклавов»¹⁴.

В Сенате поправка 1982 г. (S.J.Res. 199) была внесена сенаторами С. Тёрмондом (респ., Южная Каролина) и О. Хэтчем (респ., Юта)¹⁵. В нижней палате ее представили республиканцы Т. Кайнднес (Огайо), Т. Лотт (Миссури) и Р. Бирд (Теннесси). 25 мая 1982 г. Юридический комитет Сената рассмотрел проект конституционной поправки Р. Рейгана, но ни в одной из обеих палат Конгресса не было устроено общего голосования по данной инициативе. Неудача, которая постигла президентскую поправку, спровоцировала недовольство Белым Домом со стороны Религиозной правой. Руководители «Морального Большинства» открыто критиковали Р. Рейгана за то, что он, по их мнению, не оказал активного содействия продвижению инициативы по религиозным церемониям в школе. По словам К. Томаса, президент «не использовал личное давление с целью продвижения поправки по школьной молитве»¹⁶.

1983–1984 гг. стали временем, когда консервативные силы и в исполнительной, и в законодательной ветвях власти действовали наиболее активно с целью снятия запрета на проведение религиозных церемоний в государственных школах. С самого начала деятельности Конгресса 98-го созыва сенаторы С. Тёрмонд и О. Хэтч продолжали

оказывать поддержку поправке Р. Рейгана. В марте 1983 г. Рейган вновь направил проект поправки, текст которой остался неизменным, на рассмотрение в Сенат¹⁷. В ходе слушаний в Юридическом комитете Сената в формулировку было решено внести следующее дополнение, представленное самим президентом: «Ни органы власти США, ни органы власти какого-либо штата не должны составлять слова молитвы, которая будет читаться в школе»¹⁸. Это было рассчитано на то, чтобы сделать инициативу ещё более неуязвимой перед обвинениями в нарушении пункта первой поправки к Конституции США, запрещающего учреждение государственной религии. Президент стремился убедить религиозную общественность и законодателей в том, что предложенная им поправка не является вмешательством государства в церковные дела. С помощью такого шага Р. Рейган надеялся «положить конец разногласиям среди защитников конституционной поправки о добровольной школьной молитве, ... устранить причину беспокойства [некоторой части] коалиции»¹⁹, объединив тем самым общественно-политические силы, желающие ввести религиозные церемонии в школах в том или ином виде.

В поддержку своего начинания Р. Рейган развернул мощную пропагандистскую кампанию. В 1982–1983 гг. президент затрагивал тему школьной молитвы в каждом публичном выступлении. В октябре 1983 г., выступая перед женщинами-лидерами христианских общественных организаций, он призвал собравшихся и вместе с ними «миллионы наших друзей» обрушить на Конгресс в преддверии слушаний шквал телефонных звонков, писем и телеграмм с требованиями принять поправку²⁰. К началу 1984 г. поддержка данной инициативы общественным мнением достигла своего пика: в соответствии с исследованиями Гэллапа, проведёнными в сентябре 1983 г., до 81% американцев, которые знали о предложенной конституционной поправке, разрешающей молитвы в государственных общеобразовательных школах, положительно относились к этому шагу²¹.

В феврале 1984 г. Рейган объявил конституционную поправку по школьной молитве одним из трёх законодательных приоритетов на текущий год²². В марте Белый дом в третий раз официально передал её на рассмотрение Конгресса – в редакции 1983 г. Дебаты в Сенате по поправке, включённой в совместную резолюцию S.J.Res.73, дли-

лись с 5 по 20 марта 1984 г. В ходе дебатов сенатор Э. Диксон (дем., Иллинойс) предложил в качестве альтернативы более умеренную инициативу S.J.Res.212, предполагавшую разрешение «молчаливой молитвы» или «периода размышления» в школах. Данная поправка была представлена ранее сенатором О. Хэтчем (респ., Юта) и гласила следующее: «Ничто в Конституции не должно быть истолковано как запрет на индивидуальную или групповую молчаливую молитву или размышление в общеобразовательных школах. Ни власти США, ни власти какого-либо штата не должны никого принуждать к участию в такой молитве или размышлению и не должны поддерживать какую-либо [конкретную] форму молитвы или размышления»²³.

Этот, более умеренный вариант разрешения религиозных церемоний в школах при помощи конституционной поправки имел сторонников даже среди либеральной общественности. Издание «Нью Рипаблик» отмечало, что поправка о молчаливой молитве «могла бы стать подходящим решением, которое успокоило бы тотальных секуляристов и не угрожало бы религиозной свободе, ... данный шаг гораздо более благоразумен и с политической, и с идеологической точки зрения»²⁴.

Однако против рассмотрения данной инициативы выступили многие сенаторы, которые считали, что она помешает провести прямое, безальтернативное голосование по поправке Р. Рейгана²⁵. Сам президент негативно относился к предложению по «молчаливой молитве», однажды высказав в отношении него саркастическое замечание: «Мы уже имеем право на молчание. На это у нас есть Пятая поправка»²⁶. Кроме того, некоторые члены Сената рассматривали вопрос о школьной молитве лишь как средство получения политических дивидендов для республиканцев, а потому были подспудными противниками какого-либо конструктивного его решения. Данная позиция характеризуется журналом «Нью Рипаблик»: «[сенатор] Г. Бейкер пытался не дать законопроекту о молчаливой молитве всплыть в качестве компромисса, приемлемого обеим сторонам. ... И Бейкер, и Уикер боялись поправки о молчаливой молитве, потому что боялись, что она победит. ... Бейкер, работая на Рейгана, желал либо полной победы, либо (что более вероятно) полного поражения. Полное поражение могло бы дать в руки республиканцев удобный избирательный список

сенаторов-демократов, которых в ходе избирательной кампании можно будет заклеить «противниками молитвы». Этот манёвр также предоставил бы Рейгану тему, вокруг которой он сможет вести предвыборную кампанию в своей любимой роли – роли невинного наблюдателя, не несущего ответственности за действия возглавляемого им самим правительства»²⁷. В итоге 15 марта 1984 г. проект поправки по «молчаливой молитве» сенаторы «положили под сукно»²⁸.

В ходе обсуждения в Сенате наиболее активную поддержку президентской поправке оказали прежде всего ультраконсервативные республиканцы. В то же время, многие умеренные коллеги президента по партии выступали против разрешения на проведение молитв в государственных школах. Известно, что Р. Рейган пригласил нескольких членов республиканской партии, в частности Р. Стэффорда (Вермонт) и А. Спектера (Пенсильвания), в Белый дом на беседу, чтобы попытаться убедить их проголосовать в Сенате за принятие поправки, но это не изменило их позиции²⁹. Голосование, проведённое 20 марта 1984 г., не позволило одобрить президентскую инициативу (56–44). Для прохождения поправки не хватило 11 голосов. Из 55 республиканцев 37 отдали свои голоса за проект поправки, 18 – против; из 45 демократов 19 – за, 26 – против³⁰. Главной фигурой, ответственной за неудачный исход слушаний в Сенате, сам президент считал сенатора Л. Уикера (Коннектикут), своего соратника по партии. Двадцатого марта 1984 г. Рейган написал в своём дневнике: «Лоуэлл Уикер был главарём оппозиции. Он всегда выступает против того, чего мы хотим. Он напыщенный ... глупец»³¹.

Выразив разочарование итогами голосования в Сенате, Р. Рейган заявил: «Проблема свободного выражения религиозных чувств не является такой же безнадежной, каким был итог данного голосования. Мы пережили регресс в решении данной проблемы, но мы не сокрушены. Наша борьба продолжится»³². Несмотря на это заверение, инициатив по данной проблеме, подготовленных республиканской администрацией, после 1984 г. в Конгресс уже не поступало. В значительной степени это было связано с тем, что с 1985 г. расклад сил на Капитолийском холме изменился не в пользу религиозных консерваторов.

Неудача с поправкой по школьной молитве отразилась на стратегии сторонников присутствия

религии в государственных школах. Они обратили своё внимание на принятие закона, «разрешающего ученическим религиозным группам собираться в помещениях общеобразовательных школ на тех же условиях, какие существуют для других ученических групп»³³. В мае 1984 г. в Палате представителей был представлен на рассмотрение законопроект «О равном доступе». Данный билль давал старшим школьникам право использовать помещения школы для каких-либо религиозных собраний во внеучебное время.

Сильной стороной данного законопроекта, которая давала надежду на широкую поддержку среди законодателей, было то, что формально он фокусировался не на религии, а на свободе слова и ставил религиозные собрания в один ряд с другими формами внеклассной активности школьников³⁴. Р. Рейган изначально одобрял такую законодательную инициативу и признал её достойной и имеющей больше шансов на успех альтернативой своей конституционной поправке. Президент публично поддержал законопроект «О равном доступе» и призвал Конгресс принять его, «чтобы добровольные ученические религиозные группы могли собираться в помещениях ... школ на тех же самых условиях, что и другие объединения школьников»³⁵. После пересмотра и доработки 25 июля 1984 г. билль был одобрен Палатой представителей, а 11 августа его подписал президент. Данный закон был поддержан не только всеми конгрессменами-консерваторами, но и большинством либералов, а также многими ведущими религиозными деноминациями, которые были настроены против поправки по школьной молитве, что ознаменовало достижение некоторого политико-религиозного консенсуса.

Президенту не удалось реализовать предвыборное обещание, данное республиканской партией консервативным христианам, и восстановить то положение религии в государственных школах, которое имело место до 1962 г. Конституционная поправка по школьной молитве, на которую евангелические протестанты рассчитывали в первую очередь, не была принята. Причиной этому является прежде всего отсутствие достаточной поддержки данной инициативы в Конгрессе, в том числе и среди республиканской фракции. В свою очередь, колоссальный разрыв между общественным мнением и мнением конгрессменов по данному вопросу объясняется тем, что политические

элиты разделяли консервативные религиозные ценности в меньшей степени, чем их собственный рядовой электорат³⁶.

Второй причиной неудачи Белого дома было то, что исполнительная власть не оказала своевременной поддержки более компромиссным вариантам поправки, в частности инициативе, которая предусматривала разрешение «периодов молчаливой молитвы» в школах. В целом для коалиции религиозно-политических сил, выступавших за возвращение религии в общеобразовательные школы, было характерно отсутствие единства мнений. Свою роль сыграло также желание некоторых сенаторов использовать поправки по школьной мо-

литве не как средство выполнения обещания, данного консервативному протестантскому электорату, а как источник дополнительных политических дивидендов. Для христиан-фундаменталистов данный вопрос остался открытым, дискуссия по поводу присутствия религии в школах продолжала быть важной частью общественно-политических дебатов в США и после ухода Р. Рейгана с поста президента. Это свидетельствует о том, что в американском социуме отсутствует консенсус относительно его основополагающих духовных идеалов и ценностей, причём линия раскола пролегла в некоторой степени между большинством населения и общественно-политической элитой.

Примечания

¹ Dierenfield B. «Somebody is Tampering with America's Soul»: Congress and the School Prayer Debate // *Congress & the Presidency*. Autumn 1997. Vol. 24. Iss. 2. <http://proquest.umi.com/pqdweb?did=26504967&Fmt=3&clientId=23774&RQT=309&VName=PQD> (дата обращения: 12.12.2010).

² Written Responses to Questions Submitted by Indro Montanelli, Editor of *Il Giornale*, on Foreign & Domestic Issues. June 1, 1984. http://www.reagan.utexas.edu/search/speeches/speech_srch.html (дата обращения: 10.12.2005).

³ Remarks at an Ecumenical Prayer Breakfast. August 23, 1984. http://www.reagan.utexas.edu/search/speeches/speech_srch.html (дата обращения: 10.12.2005).

⁴ Remarks at the Conservative Political Action Conference Luncheon. February 20, 1987. http://www.reagan.utexas.edu/search/speeches/speech_srch.html (дата обращения: 10.10.2005).

⁵ Ibid.

⁶ Debate between the President and Former Vice President Walter F. Mondale in Louisville, Kentucky. October 7, 1984. http://www.reagan.utexas.edu/search/speeches/speech_srch.html (дата обращения: 10.10.2005).

⁷ Radio Address to the Nation on Prayer in Schools. February 25, 1984. http://www.reagan.utexas.edu/search/speeches/speech_srch.html (дата обращения: 10.10.2005).

⁸ Дзукаева З.Н. «Священная война» в Америке // *США–Канада: Экономика. Политика. Культура*. 1992. № 5. С. 73–75.

⁹ 1980 Republican Party Platform. <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=25844> (дата обращения: 24.10.2009).

¹⁰ U.S. Congress. *Congressional Record*. Vol. 128. Pt. 8. Wash. D.C., 1982. P. 10371.

¹¹ Message to the Congress Transmitting Proposed Legislation on a Constitutional Amendment on Prayer in Schools. May 17, 1982. <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=42527> (дата обращения: 23.11.2009).

¹² Reagan R. *The Reagan Diaries*. N. Y., 2007. P. 227.

¹³ Cannon L. Hill Gets Reagan's Amendment // *The Washington Post*. May 18, 1982. P. A-10

¹⁴ Glazer N. The "Social Agenda" // *Perspectives of the Reagan Years*. Wash. D.C., 1986. P. 27.

¹⁵ U.S. Congress. *Congressional Record*. Vol. 128. Pt. 8. Wash. D.C., 1982. P. 10371.

¹⁶ Austin C. Religious Right Growing Impatient With Reagan // *The New York Times*. August 16, 1982. P. A-13.

¹⁷ Message to the Congress Transmitting the Proposed Constitutional Amendment on Prayer in Schools March 8, 1983. <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=41024> (дата обращения: 21.11.2009).

¹⁸ Action in Congress. School Prayer Amendment // *Congressional Digest*. May 1984. P. 136.

¹⁹ Clines F. Reagan Would Bar Officials From Writing School Prayers // *The New York Times*. July 17, 1983. P. A-15.

²⁰ Remarks and Question-and-Answer Session with Women Leaders of Christian Organizations. October 13, 1983. http://www.reagan.utexas.edu/search/speeches/speech_srch.html (дата обращения: 10.10.2005).

²¹ U.S. Congress. *Congressional Record*. Vol. 130. Pt. 4. Wash. D.C., 1984. P. 4329.

²² President's News Conference. February 22, 1984 http://www.reagan.utexas.edu/search/speeches/speech_srch.html (дата обращения: 10.10.2005).

²³ Action in Congress. School Prayer Amendment // *Congressional Digest*. May 1984. P. 136.

²⁴ Easterbrook G. Into Thy Closet // *The New Republic*. April 09, 1984. P. 21.

²⁵ U.S. Congress. *Congressional Record*. Vol. 130. Pt. 4. Wash. D.C., 1984. P. 5322.

²⁶ Unsocial Issues // The New Republic. February 27, 1984. P. 10.

²⁷ Easterbrook G. Into Thy Closet // The New Republic. April 09, 1984. P. 21.

²⁸ Голоса 81 – 15 (U.S. Congress. Congressional Record. Vol. 130. Pt. 4. Wash. D.C., 1984. P. 5733).

²⁹ Prayer Left Unanswered // Time. April 02, 1984.

<http://www.time.com/time/printout/0,8816,954181,00> (дата обращения: 15.11.2007).

³⁰ Congress and the Nation. Vol. VI. 1981–1984. Wash. D.C., 1990. P. 703.

³¹ Reagan R. Op. cit. P. 227.

³² Action in Congress. School Prayer Amendment // Congressional Digest. May 1984. P. 137.

³³ Congress and the Nation. Vol. VI. 1981–1984. Wash. D.C., 1990. P. 927.

³⁴ Dierenfield B. Op. cit.

³⁵ Action in Congress. School Prayer Amendment // Congressional Digest. May 1984. P. 137.

³⁶ Green J., Guth J. The Missing Link. Political Activists and Support for School Prayer // Public Opinion Quarterly. Spring 1989. P. 41.

A.V. BORZOV

**THE ISSUE OF RELIGIOUS EXERCISE IN SCHOOLS IN THE DOMESTIC POLICY OF THE
FIRST R. REAGAN ADMINISTRATION (1981–1985)**

The article deals with the US president R. Reagan's legislative activity during his first Administration (1981–1985) toward the issue of restoring of religious exercises in public schools. The author analyzes peculiarities of the interaction between the White House and the Congress regarding this issue and explains the reasons for the failure of the Administration's initiative.

Key words: R. Reagan, USA, Congress, religion, school prayer, public schools.

А.Н. ВЕРИЖНИКОВ, соискатель
Орловского государственного университета
Тел. (4862) 41-17-11; won@list.ru

ЧАСТИ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ КАК ЦЕНТРЫ ВОЕННОГО ОБУЧЕНИЯ В 1921–23 гг. (на примере Орловской губернии)

В данной статье дается характеристика работе по обучению коммунаров в рамках частей особого назначения на территории Орловской губернии в 1921–23 гг. Автор приходит к выводу, что, несмотря на многочисленные трудности, части особого назначения внесли огромный вклад в дело военного обучения населения губернии.

Ключевые слова: части особого назначения, коммунар, военное обучение.

Части особого назначения (ЧОН) – военно-партийные отряды, создававшиеся при заводских партячейках, райкомах, горкомах, укомах и губкомах партии для оказания помощи органам Советской власти по борьбе с контрреволюцией, несения караульной службы у особо важных объектов и других задач – являлись наряду с тем центрами военного обучения. Формирование ЧОН вызвало потребность иметь в их рядах хорошо обученных бойцов, готовых в любую минуту составить боевую единицу, для чего было признано необходимым ликвидировать военную неграмотность среди коммунаров.

Ежедневное обучение коммунаров военному делу началось в Орле и в Малоархангельске еще в 1919 г. [1, с. 41]. До марта 1921 г. система велась в рамках Всеобщая – системы обязательной военной подготовки граждан, затем непосредственно в ЧОН. Летом 1921 г. началась ударная работа по ликвидации военной безграмотности. Вначале обучение проводилось бессистемно и неорганизованно, но с объявлением учебных сборов обучение в ЧОН приняло системный порядок и обучение пошло более-менее удовлетворительно.

Была разработана новая система учета, согласно которой все члены РКП(б), кандидаты РКП(б) и члены РКСМ в возрасте от 17 до 55 лет должны были состоять в одной из трех очередей призыва. Зачисление в возраст призыва производилось на основании состояния здоровья, рода занятий, возраста и пола. Состояние здоровья коммунара определялось медицинскими комиссиями на основании расписаний болезней для ЧОН; по роду службы очереди определялись парткомиссией. Члены РКСМ до 17 лет должны были состоять на вспомогательном учете. Очередей призыва было установлено три: 1-я очередь позиционировалась как основная сила ЧОН, которая организовывалась применительно к уставам, принятым Красной Армией. В первую очередь зачислялись лица, пригодные по состоянию здоровья быть в строю и могущие по первому требованию явиться в таковой. Вторая очередь мыслилась как резерв ЧОН, призываемый или наравне с первой очередью, или отдельно от нее и пополняющий первую очередь; во вторую очередь зачислялись лица, не вошедшие в первую очередь или по физическому состоянию здоровья, или в силу занимаемой ими должности по определению парткомиссии. Наконец, третья очередь была предусмотрена для военных действий и исключительной обстановки; в нее зачислялись коммунары, находящиеся в Красной Армии, органах ГПУ, милиции, пожарных коман-

дах и пр., не вошедшие в первую и вторую очереди по определению медицинской и партийной комиссий. Каждая очередь призыва, в свою очередь, распадается на 3 разряда военной подготовки: к 1 разряду относятся лица, прошедшие обучение по всем предметам службы ЧОН, служившие в старой или в Красной Армии или окончившие учебные школы, команды и курсы. Ко 2 разряду – лица, прошедшие военное обучение, но не прошедшие специальных наук о службе ЧОН и служившие в старой или Красной Армии не менее 6 месяцев, и к 3 разряду – не прошедшие службы ЧОН и служившие в старой или Красной Армии менее 6 месяцев.

Помимо распределения коммунаров на очереди призыва и разряды военной подготовки учет их заключался еще и в разбивке на городских и сельских, по родам оружия и специальности и по годам рождения [4, л. 40–49 об.].

Разбивка велась постепенно, а ее результаты несколько раз пересматривались. В течение второй половины 1921 г. коммунары были разбиты на очереди и степени военной подготовки. Так, в 1-м отдельном батальоне ЧОН Орловской губернии, насчитывавшем 636 человек, военная подготовка 178 человек была оценена как «хорошая», 304 человека прошли через 96-часовую программу Всевобуча, необученных было всего 97 человек. 57 женщин в составе батальона были выделены в отдельную графу без указания степени их военной подготовки [2, л. 6 об.]. В 5-й отдельной роте ЧОН по состоянию на 20 декабря 1921 г. в 1-й очереди было 88 обученных и 48 необученных коммунаров, во второй – 39 и 23 соответственно, в третьей – 32 и 14 [2, л. 11 об.].

Обучение коммунаров военному делу было организовано казарменным порядком по 96-часовой программе, рассчитанной на 18 дней. Изучались устав внутренней службы, устав гарнизонной службы, устав строевой стрельбы, устав строевого дела, устав полевой службы, устав гимнастики, уставы других родов оружия. По итогам занятий проводилась проверка знаний и выставлялись оценки. Комиссии были достаточно придирчивыми, и получить хорошую оценку на экзамене было нелегко [3, л. 2].

Многие коммунары, призванные на сборы, не могли их закончить ввиду срочной мобилизации на различные кампании. Часто занятия прерывались и по более прозаическим причинам. В марте 1922 г. штаб 3-й отдельной роты ЧОН доносил в губ-

штаб ЧОН, что «занятия с коммунарами казарменным положением не производятся за неимением топлива и освещения» [3, л. 44].

В общей сложности за 1921 год во всех частях ОН Орловской губернии было обучено 1558 коммунаров, которые были переведены в 1 разряд военной подготовки [5, л. 67].

В период до мая 1922 г. несколько раз производился переучет. В 1-м отдельном батальоне ЧОН по состоянию на 9 февраля 1922 г. в 1-й роте по трем очередям числилось соответственно (обученных и необученных): по первой – 59 и 39, по второй – 120 и 6, по третьей – 47 и 48; во 2-й роте: по первой – 25 и 15, по второй – 4 и 4, по третьей – 67 и 11; в 3-й роте: по первой – 60 и 42, по второй – 7 и 3, по третьей – 18 и 15; в 4-й роте: по первой – 117 и 39, по второй – 25 и 5, по третьей – 20 и 11 [2, л. 19 об.].

Первые шаги по обучению коммунаров в Орловском батальоне до июля 1922 г. дали неудовлетворительные результаты. Обучение происходило казарменным порядком, для чего коммунары, находящиеся на своих постах, снимались с них на период обучения. Численность коммунаров, подлежащих обучению, в то время определялась в 405 человек. Обучение за летний период прошел 131 человек, остальные же коммунары, преимущественно из сельских ячеек, обучение не прошли, потому что на них были возложены обязанности по проведению продовольственной кампании, и отвлекать их от этого дела было нельзя.

Кроме того, отмечалось несознательное отношение к делу обучения как со стороны коммунаров, так и со стороны партийных организаций: примером последних может служить уездный комитет и железнодорожный комитет организаций РКП(б), которые, несмотря на даваемые им указания как губкомом, так и командиром ЧОН, проявляли непопустительную апатию.

Случаев уклонения коммунаров от прохождения обучения наблюдалось очень мало, так как к «уклонистам» применялись меры партийного воздействия [4. Л. 47–48 об.].

В ноябре обучение коммунаров казарменным порядком строевому делу было возобновлено. На обучение коммунаров явилось только 50% из числа подлежащих обучению в первой группе (50 человек), обучение производилось под общим руководством начальника учебной школы и двух кадровых комвзводов. На помощь последним призы-

вается милиционный комсостав в числе двух человек, обучение коммунаров производилось в течение 144 часов, т.е. трех недель. Отступление от программы по строевому делу вызывалось тем, что коммунары для обучения являлись не сразу группой в строго установленный срок, а поодиночке, что нарушало уже начатое обучение и заставляло комсостав отвлекаться на работу с вновь поступившими [4, л. 53].

31 декабря было закончено обучение коммунаров, обучавшихся в учебной школе батальона, казарменным порядком. Результат обучения был вполне удовлетворительный, окончившие учебную школу коммунары переведены в 1 разряд военной подготовки.

Того же числа было закончено обучения курсантов Губсовпартшколы, обучавшихся казарменным порядком по сокращенным на 64 часа программам по строевому, связи, пулеметному, саперному и разведывательному делам. Результаты обучения этих курсантов оказались удовлетворительными, за исключением строевиков, которые недостаточно усвоили строевой устав. С последними прохождением строевого устава было положено произвести в марте 1923 г.

Того же числа было закончено обучение коммунаров – студентов рабфака, обучавшихся полуказарменным порядком по сокращенным на 36 часов программам по разведывательному, пулеметному и строевому делам, последними специальное и строевое дело было достаточно усвоено, за исключением строевого дела. Устранение этого недостатка предусмотрено было произвести одновременно с курсантами Губсовпартшколы.

Не прошедшим в ЧОН обучения коммунарам в конце 1922 г. было произведено испытание их знаний строевого дела, для производства которого были командированы в Орловский уезд на места командиры взводов, последние при испытании получили удовлетворительные результаты в знании воендела и переводились в 1 разряд военной подготовки.

К 1 января ликвидация военной неграмотности среди коммунаров г. Орла и его уезда была закончена. Оставалось во 2 и 3 разрядах военной подготовки 1 и 2 очереди призыва 147 человек РКСМ, обязанность обучения которых, как родившихся в 1903, 1904 и 1905 годах, принадлежала, согласно циркулярному распоряжению Наштачонгуба Орловской, 1922 г., за № 1681, Всевобучу. Для создания твердого кадра специалистов из милиционно-

го состава, для пополнения таковым штатных команд батальона с 15 февраля было предположено приступить к обучению коммунаров специальному делу из числа пропущенных через испытательную комиссию и не прошедших обучение в ЧОН.

В конце декабря 1922 г. в целях более лучшей подготовки командного состава было приступлено к занятиям с последним. Занятия с комсоставом велись в свободное время по 6 часов в неделю: 2 часа по политграмоте, 2 часа по тактике или топографии и 2 по стрелковому делу согласно особо выработанной программе.

Для более лучшего усвоения как командным, так и красноармейским составом батальона техники стрелкового дела при батальоне был организован стрелковый кабинет, где производятся занятия с комсоставом батальона исключительно по стрелковому делу [4, л. 53–55].

В отдельной Ливенской роте ЧОН к обучению коммунаров было приступлено 15 мая 1922 г. 44 человека прибыли на казарменное положение. 9 июня было выпущено 38 человек, 6 человек, не выдержавших испытание, были оставлены на казарменном школьном положении, 16 июня окончили и были переведены в первый разряд военной подготовки.

18 июня были созданы на казарменное школьное положение коммунары 2-й группы 1-й очереди призыва для прохождения 12-часовой программы ЧОН (48 человек). 29 июня была создана комиссия под председательством 2-й ОН роты Внукова, которая констатировала хорошие результаты в обучении.

3-й сбор на казарменное школьное положение начался с 5 июля 1922 г., всего было собрано 60 человек, занятия проводились по 140-часовой программе. 17 июля все 60 человек были переведены в 1-й разряд военной подготовки.

4-й сбор стартовал 25 августа 1922, был мобилизован 71 человек. Обучение производилось по 144-часовой программе в течение 22 дней. Экзаменационная комиссия отметила «хорошие и обильные плоды их трудов»; все коммунары выдержали испытание и переведены в 1 разряд военной подготовки.

С 26 сентября 1922 г. было приступлено к сбору и обучению коммунаров специальных команд в числе 37 человек, обучались следующие команды: 1) пулеметчики; 2) связь; 3) разведчики и 4) гренандеры по программам, высланным Штачонгубом. 18 октября обучение было закончено (в 22-дневный срок).

5-й сбор начался 15 октября 1922 г., было обучено 46 человек по 144-часовой программе (до 6 ноября).

6-й сбор на казарменное школьное положение (26 человек) начался 1 декабря 1922 г. по 144-часовой программе (до 19 декабря).

21 декабря начался сбор коммунаров для обучения в составе специальных команд (38 человек). 10 января обучение закончилось.

Всего за период с 15 мая 1922 г. по 10 января 1923 г., несмотря на все препятствия (ударная кампания по продналогу, выборы и съезды на уездную и губернскую конференцию и т.д.), было обучено 364 человека, из которых 75 было обучено специальному делу.

Делу обучения мешали как пассивность со стороны коммунаров, так и массовые ударные кампании.

Занятие с кадркомсоставом и милькомсоставом производились нерегулярно, в период сборов коммунаров на казарменное школьное положение, ввиду того что комсостав вынужден был заниматься 8–9 часов в сутки по всем военным уставам РККА с обучающимися коммунарами, эти занятия не велись из-за утомленности и отсутствия времени. Милиционный состав привлекался к занятиям во время отсутствия казарменных сборов вместе с кадркомсоставом.

Кадровый красноармейский состав проходил обучение вместе с коммунарами при казарменных сборах, проходящими 19–20-дневное обучение по 144-часовой программе [4, л. 47 об.–48 об.].

Во 2-м отдельном Елецком ОН батальоне (с июля 1922 г. – 48-й Елецкой ОН роте) привлечение коммунаров к обучению военному делу до получения приказа ЧОНгуб № 21/ск от 3 ноября 1921 г. производилось по группам с городскими коммунарами по существовавшему тогда порядку, т.е. 1 раз в неделю с 3 разрядом военной подготовки 6 часов, 2 разрядом – 2 часа и 1 разрядом – 1 час по 96-часовой программе, для чего Укомпартом совместно с командиром батальона отдавались приказы по районам, последние извещали членов на общих районных собраниях. К не явившимся по неуважительным причинам применялись меры взыскания в порядке партдисциплины. В ежемесячном докладе командира батальона Комчонгубу отмечалось, что все проходящие обучение были разбиты на три группы по степени их подготовки, как городские, так и уездные. Количество обучаемых по городу составляло 357 человек, по уезду – 286 человек. В первой половине ноября занятия

не проводились по причине отсутствия казарменных помещений для коммунаров.

В декабре 1921 г. обучение коммунаров изменилось, групповые занятия по 6-2-1 ч. отменяются, и коммунары были переведены на казарменное положение.

Во второй половине декабря 1921 г. был произведен второй сбор группы, в состав которой входили уездные коммунары в числе 84 человек; из-за продналоговой кампании их число было сокращено до 35 человек. 31 декабря занятия закончились.

В январе-феврале 1922 г. состоялся вызов 3-й группы (63 человека), из них успешно закончили обучение 44.

С началом посевной кампании сбор на казарменное положение прекратился.

3 июля был объявлен сбор новой группы, но из 102 человек прибыли только 42.

В сентябре 1922 г. приказом ЧОНгуб № 220/ск была поставлена задача обучить всех коммунаров 1 и 2 очереди призыва 2 и 3 разряда военной подготовки и специальные команды: связь, гренандеры, пулеметчики и разведчики с 1 октября по 1 января 1923 г.

Во исполнение этого приказа был составлен учебный план с точным распределением и расчетом времени. Коммунары были разбиты на 3 основные группы, а 4 группа включала в себя всех коммунаров, не имевших возможности пройти обучение в составе первых трех групп.

В 1 группу входили 1 и 2 очередь призыва 3 разряда военной подготовки, в числе 121 человек городских и уездных, которые должны были пройти обучение 1–13 октября. 2 группа составляла 1 и 2 очередь призыва 2 разряда военной подготовки в числе 100 человек, которые должны были пройти обучение с 20 октября по 7 ноября, и 3 группа составляла 1–2 очереди призыва 2 разряда военной подготовки в числе 23 человек – с 12 ноября по 1 декабря, но из-за продналоговой, финансовой и предвыборной кампаний первые 2 группы дали вместо 221 человека всего 22.

Таким образом, и здесь налаживанию учебной работы помешал форс-мажор – ударные кампании [4, л. 72 об. – 73 об.].

В 49-й ОН Дмитровской роте обучение коммунаров военному делу проходило только казарменным порядком, причем был обучен с начала 1922 г. по 10 октября того же года 101 человек и необученных оставалось на 1923 г. 210 чел. Кадр красноармейцев обучался вместе с коммунарами, находящимися на казарменном положении. Мильком-

состав к участию в обучении коммунаров не привлекался. Учебные планы были составлены своевременно и проводились в жизнь так же.

Отношение коммунаров, уже прошедших казарменное положение, к обучению военному делу было негативное. Это было вызвано отрывом от полевых работ, т.к. преобладающее число коммунаров было из крестьянства [4, л. 77 об.].

1923 год вошел в историю ЧОН Орловской губернии как год учебы.

Намеченный Штачонгубом учебный план как на летний, так и на зимний период, несмотря на ряд препятствий, был выполнен на 100%, имевшийся на территории губернии 3-й разряд военной подготовки был ликвидирован совершенно; одновременно были произведены повторные учсборы коммунаров 1 и 2 разрядов и подготовка специалистов. Всего учсбор прошли 1960 человек, из них 1731 человек обучено пехотному делу, 229 специальным родам: пулю делу – 75, кавделу – 25, разведке – 46, саперному делу – 18, связи – 27 и гренадерскому делу – 38.

Прошедших повторный сбор было 644 человека, а всего было подвергнуто обучению 2604 человека.

Сборы производились преимущественно казарменным и лагерным порядком и лишь незначительный процент – полуказарменным, занятия велись по 120- и 160-часовой программе, а с специалистами по 144-часовой, преимущественно силами кадра при незначительном участии милькомсос-

тава. Из числа последнего в течение всего года было привлечено только 56 человек.

Отношение коммунаров к обучению в большинстве своем было вполне сознательное, случаи уклонения были единичны. К уклонявшимся командованием ЧОН, а также и парторганами принимались соответствующие меры воздействия. Парторганы, а также и Усовчон в деле обучения оказывали всяческое содействие как морально, так и материально.

Препятствиями при проведении учсборов являлись главным образом отсутствие обмундирования и обуви, особенно в зимнее время, разбросанность коммунаров по губернии и отчасти перегруженность коммунаров основной работой, когда отрыв на обучение отражался на работе того или иного партийного или советского органа.

Таким образом, в 1921–23 гг. части особого назначения на территории Орловской губернии сыграли большую роль в деле повышения качества военной подготовки населения. Значимость проделанной работы – а к началу 1924 г. в ЧОН были организованы даже военно-научные кружки и стали формироваться специализированные библиотеки – трудно переоценить. В разоренной гражданской войной голодной губернии, наводненной бандитами, азам военного дела были обучены тысячи людей, готовых в любой момент взять в руки оружие. Итоги тем более впечатляют, если учесть, что организацию обучения в ЧОН начинали «с нуля», методом проб и ошибок.

Библиографический список

1. Разгром денкинцев под Орлом и Кромами осенью 1919 года. – Орел, 1989. – С. 41.
2. Сведения о военной подготовке кадров в ротах ЧОН Орловской губернии. Списки получивших разряды. Переписка с командирами ЧОН по этому вопросу // ГАОО. Ф. Р-1152. Оп. 1. Д. 62.
3. Сведения о степени военной подготовки в ЧОН Орловской губернии. Списки красноармейцев, прошедших срок обучения военному делу // ГАОО. Ф. Р-1152. Оп. 1. Д. 168.
4. Сведения об истории формирования частей особого назначения в Орловской губернии // ГАОО. Ф. Р-1152. Оп. 1. Д. 161.
5. Циркуляры, инструкции штаба ЧОН Орловской губернии о формировании конницы, составлении оперативных и разведывательных сводок; историческая справка о формировании ЧОН в Орловской губернии // ГАОО. Ф. Р-1152. Оп. 1. Д. 45.

VERIZHNIKOV A.N.

THE UNITS OF SPECIAL APPOINTMENT AS THE CENTRES OF MILITARY TRAINING IN 1921–23 (ON THE EXAMPLE OF OREL PROVINCE)

This article gives the characteristic to the military training of communars in the units of special appointment on the territory of Orel province in 1921–23. Author comes to the conclusion that units of special appointment brought in the big contribution into the work of military training of population of the Orel province in spite of numerous difficulties.

Key words: units of special appointment, communar, military training.

*А.Б. ГУЛАРЯН, кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии и истории
Орловского государственного аграрного университета
Тел. 8 905 167 17 91; gugachohan@mail.ru*

УСТАВЫ ОРЛОВСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье анализируются уставы общественных организаций как исторический источник. В частности, условия выработки и принятия уставов, особенности правоприменительной практики в разные исторические периоды. В качестве примеров взяты уставы Орловских медицинского и ветеринарного обществ.

Ключевые слова: регламент, некоммерческая общественная организация, «нормальный» устав, медицинское общество, ветеринарное общество, социальные цели, задачи общества, членство.

При изучении официальных документов как советского, так и дореволюционного периодов, особенно таких, как уставы различных учреждений и организаций, можно сравнительно легко оказаться в плену представления о том, что официальный документ содержит однозначно достоверную информацию. Однако это не так, ибо уставы являлись скорее компромиссом между учредителем и государством. В этой связи особенно актуальным является исследование информационного взаимодействия между властью и обществом, движения информации в управляющей вертикали и особенностей правоприменительной практики Российской империи. Не пытаюсь найти ответы на все поставленные вопросы, остановимся на отдельных моментах.

Начало формирования нормативно-правовой базы для создания и функционирования некоммерческих общественных организаций в России относится ещё к 1775 г. Именно тогда Екатериной II был принят Указ об образовании частных и общественных благотворительных организаций. При этом Устав Благочиния 1782 г. Екатерины II, провозгласивший свободу союзов и «частных» обществ, отнес юридические нормы, определяющие их деятельность, к отрасли государственного права. Это привело к тому, что почти сто последующих лет некоммерческие общественные организации в империи легитимизировались исключительно по рескриптам императоров, вследствие чего их численность была ничтожной. Лишь во второй четверти XIX века, несмотря на преследования и жёсткие юридические ограничения, начинает расти число официально созданных общественных организаций, прежде всего благотворительных обществ.

Во второй половине XIX в. отношение к неправительственным общественным организациям несколько смягчилось. Согласно высочайшему рескрипту от 12 января 1862 г., право утверждать уставы «частных» обществ кроме императора получили десять институтов государственной власти – от губернаторов до Отдельного корпуса жандармов включительно. Наступил период ведомственно-циркулярного управления общественными организациями. В то же время изменения порядка регистрации коснулись не всех видов некоммерческих организаций. Так, в вышеупомянутом рескрипте 1862 г. особо указывалось: «Во изменение изъяснённого порядка, учреждение

обществ для взаимного вспомоществования или с другой благотворительной целью, Высочайше предоставляю, по соглашению с подлежащими ведомствами, министру внутренних дел». В то же время в отношении иных обществ прежний порядок «высочайшего соизволения» сохранялся, вследствие чего, например, императором Александром II в декабре 1863 г. было отклонено ходатайство об учреждении Петербургского гимнастического общества.

Одной из основных проблем при создании общественных организаций была необходимость грамотно оформить ходатайство и составить устав в рамках тех требований, которые предъявляло правительство к документации легальных обществ. Всякое отступление от канонов грозило неоднократной переделкой положенных документов. Представленный учредителями проект рассматривался многими правительственными учреждениями, каждое из которых могло наложить вето и потребовать доработки и переработки документа, в связи с чем утверждение бумаг порой затягивалось не на один год. К подобного рода случаям можно отнести мытарства учредителей Малоархангельского общества сельского хозяйства, не сумевших в 1873 г. утвердить свой устав [3, л. 2]. Дело в том, что до 4 марта 1906 г. (когда появились Временные правила об обществах и союзах) среди многочисленных российских законоположений отсутствовал один общий закон об общественных организациях; отдельные законодательные нормы были разбросаны по разным частям Свода законов.

В вопросе о разрешении некоммерческих общественных организаций даже в пореформенное время было много неясного и неопределённого. Единственной общей нормой, говорившей о «законном утверждении обществ», оставалась статья 117 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, которая не давала вразумительного ответа на главный вопрос, где и на каких условиях можно получить разрешение на создание общества. Таким образом, установившийся порядок разрешения обществ в форме «высочайшего утверждения», одобренного Комитетом министров, Устав общества основывался не на точной букве закона, а на действующей правовой традиции.

После проведения в жизнь либеральных реформ 1860-х гг. постепенно право разрешения учреждения общественных организаций (кроме обществ, просивших особые льготы и привилегии) перешло

к соответствующим министрам: внутренних дел, народного просвещения, государственных имуществ и пр. Однако с 1896 г. ввиду многочисленных заявок на открытие обществ, поступавших в министерства, порядок разрешения некоммерческих обществ ещё более упрощается: разрешение на открытие объединений, принимавших изданные для них министерствами нормальные или примерные уставы, давала местная администрация (губернаторы, градоначальники). Иногда, чтобы ускорить процесс утверждения устава, учредители общества обращались за помощью к влиятельным лицам. Дело с легализацией объединения упрощалось и в том случае, если оно создавалось по стандартным («нормальным») уставам.

Действительно, правовые основы функционирования добровольных общественных организаций тщательно регламентировались в первую очередь их собственными уставами, которые «лишь в самой незначительной степени являлись продуктом творчества их учредителей». В то же время необходимо отметить, что уставы 1860-х гг. обладали достаточно произвольной манерой изложения материала, отражавшей индивидуальность составлявшего их автора. Не имея под рукой справочной литературы по составлению уставов (особенно в уездных городках и сельской местности), учредители руководствовались исключительно собственными соображениями, превращая устав в громоздкое подобие правил поведения или сборника этикета. Очень часто учредители какого-либо общества брали за образец утвержденный уже устав аналогичного общества и дорабатывали его под себя. Так, Орловский музыкально-драматический кружок использовал для своего устава опыт Виленского, Калужского и Московского драматических обществ [4, л. 2], а устав Орловского общества любителей изящных искусств копировал устав аналогичного общества в Саратове [6, л. 1]. Второй пример подобного рода будет подробно описан ниже. По мере роста числа общественных организаций и демократизации их состава требования, предъявляемые чиновниками к уставам, становились более жёсткими, чему способствовали принятые министром внутренних дел правила от 29 апреля 1897 г. Вследствие этого уставы многих старых обществ подвергались пересмотру с целью приведения их в соответствие с новыми требованиями.

Типовая структура устава была изложена К.Г. фон-Плато в составленных им «Общих указаниях

для составителей уставов»: «Каждый устав должен начинаться указанием цели учреждения общества и способов достижения этой цели. Далее перечисляются средства, которыми общество предполагает покрывать свои расходы, указывается состав общества, обязанности и права членов, порядок управления его делами и отчетности, и, наконец, приводятся постановления на случай закрытия общества и ликвидации его дел» [1]. Разрешительный порядок учреждения «частных» обществ и учреждений был усовершенствован в 1897 г. Были разработаны «нормальные» (примерные) уставы, такие как «Нормальный устав общественных собраний», «Устав общественного призрения в России», «Примерный устав общества пособия бедным», «Устав попечительского общества о доме трудолюбия» и т.д. Таким образом, законодательные и уставные акты являлись основой правового существования легальных общественных организаций. Именно поэтому их роль в процессе образования объединений так значительна. В то же время, сталкиваясь с реалиями жизни, добровольные общества старались втиснуть в жёсткие рамки уставов разнообразные, порой неожиданные формы своей деятельности, ориентируясь на местные условия и потребности членов своих организаций.

Активная деятельность общественно-культурных организаций обращала на себя пристальное внимание со стороны местной администрации и правоохранительных органов, стремившихся регламентировать её настолько, чтобы каждый шаг членов объединений находился под постоянным контролем. В арсенал контролирующих средств входили ежегодные отчеты обществ перед губернатором и Министерством внутренних дел, регулярно посылаемые властям извещения о своих заседаниях, а также ходатайства на проведение любого массового мероприятия (лекции, народных чтений, спектакля, концерта, бала, маскарада, вечера и пр.), присутствие полицейских чинов на них с обязательным последующим отчетом перед губернатором о правильном расходовании денег, полученных с продажи билетов, и т.п.

* * *

В пореформенное время в среде так называемой «образованной публики» усиливалась обеспокоенность здоровьем нации. Это активизировало работу по учреждению и деятельности в России

медицинских обществ. В области здравоохранения работало несколько общероссийских организаций: Русское общество охранения народного здоровья, Общество русских врачей памяти Н.И. Пирогова, Всероссийское общество Красного Креста, Всероссийская лига для борьбы с туберкулёзом, а также огромное количество провинциальных медицинских обществ.

Исследователь истории гражданского общества в дореволюционной России А.С. Туманова утверждает в своих работах, что провинциальные медицинские общества были многопрофильными организациями и объединяли целый ряд отраслей медицины, а также занимались организацией здравоохранения и проведением санитарно-эпидемических мероприятий в своих регионах. Кроме того, медицинские общества внесли заметный вклад в рост профессионализма медиков, а также способствовали развитию их корпоративного сознания и культуры самоорганизации [2, с. 97–99]. Эти выводы находят свое подтверждение при изучении уставов медицинских обществ, действовавших до революции в Орловской губернии.

Орловское общество врачей было образовано 20 апреля 1861 г. из потребности объединить и координировать деятельность медицинских работников на территории Орловской губернии. Первоначально данное общество объединяло врачей, фармацевтов и ветеринаров, практикующих на территории губернии. Общество было переименовано в 1891 г. в медицинское общество, а в 1895 г. от него отделилось Орловское ветеринарное общество.

В фонде орловского губернатора Государственного архива Орловской области имеются тексты «Устава Общества орловских врачей» (Стол 1, дело 4810), «Устава Орловского медицинского общества» (Стол 1, дело 3045), а также «Устава Орловского ветеринарного общества» (Стол 1, дело 3653). Эти уставы являются важным историческим источником, способным показать динамику развития системы здравоохранения Орловской губернии и прояснить вопрос по поводу типологизации медицинских обществ. Некоторые исследователи при классификации общественных организаций выделяют медицинские общества в отдельную самостоятельную категорию. Но это неконструктивно, ибо тогда мы должны выделять в отдельные разделы все научные, досуговые и профессиональные организации на том основании, что они имеют свою специфику. Но, с другой стороны,

медицинские задачи действительно достаточно специфичны, и их трудно интерпретировать или как только научные, или как только профессиональные.

Устав Общества орловских врачей был издан в Орле в типографии газеты «Орловский вестник» в 1882 г. На обложке кроме заголовка имеется следующая надпись: «На подлинном написано «Утверждаю». Апреля 11 дня 1863 г. Министр внутренних дел статс-секретарь Валуев. Верно: Директор медицинского департамента Е. Пеликан». Устав представляет собой восемь листов белой немелованной бумаги формата 1/16 листа. На последнем листе стоят подписи директора медицинского департамента Е. Пеликана, начальника отделения Ф. Исмена и секретаря общества А. Красина [8 л. 17–21].

Устав Орловского медицинского общества 1891 г. представляет собой машинописный экземпляр, выполненный на мелованной бумаге формата ¼ (современный А-4) черной машинописной лентой. Документ озаглавлен: «Устав Орловского медицинского общества, утвержденный 23 мая 1891 г. взамен устава 1863 г.». Объем документа – шесть листов [5 л. 6–12]. Устав Орловского ветеринарного общества также представляет собой машинописный экземпляр на трех листах, озаглавленный: «Устав Орловского ветеринарного общества. Утверждаю ноября 10 дня 1895 г. Управляющий Министерством внутренних дел, сенатор Горемыкин» [7 л. 20–23]. Автор предполагает, что этот документ является копией устава, предназначенного для тиражирования в типографии.

* * *

При анализе содержания уставов сразу начинаются сложности с классификацией медицинских обществ, ибо по закрепленным «Общим положениям» их с равной степенью можно отнести как к научным, так и к профессиональным организациям. В Уставе 1863 г. первый параграф записан в следующей формулировке: «Общество орловских врачей имеет целью следить за современными успехами всех отраслей медицинской науки и врачебного искусства, способствовать дальнейшему развитию членов его и оказывать вспомоществование бедным врачам, их вдовам и сиротам». Из самой формулировки положения видно, что собственно научные и профессиональные цели общества поставлены на первое место, а цели социальной защиты обозначены в конце пункта. Тем не

менее и профессиональные, и социальные цели общества объединены в одном пункте.

Задачи общества конкретизированы во втором параграфе Устава Общества орловских врачей 1863 г., который разбит на пять пунктов, маркированных буквами латинского алфавита (что тоже является спецификой медицинского общества, ибо в других уставах используется кириллица). Выясняется, что для достижения своих целей общество врачей:

- а) «занимается чтением врачебных сочинений, журналов, газет»;
- в) «наблюдает характер болезней в Орловской губернии»;
- с) собирает и изучает материалы «для медицинской географии и медицинской статистики губернии»;
- д) собирает и изучает наблюдения «о замечательных болезнях, отчеты госпитальных или вольнопрактикующих врачей и судебно-медицинских исследований, произведенных судебными врачами»;
- е) создает кабинет «для чтения оригинальных сочинений, журналов и газет по всем отраслям врачебных наук». Планировалось также приобретение медицинских инструментов и приборов для кабинета.

Все эти задачи так или иначе связаны с профессиональным статусом медицинских работников, их научной деятельностью и повышением квалификации. Второй параграф устава ничего не говорит о задачах помощи больным или о социальной защите самих врачей. Столь узкая постановка задач не могла способствовать активизации имеющегося в провинциальном обществе потенциала для ускорения развития медицины в Орловской губернии, тем более что земские учреждения, а значит, земская медицина еще не были созданы.

В Уставе Орловского медицинского общества 1891 г. научные и профессиональные задачи, с одной стороны, и социальные задачи – с другой оказались разведены. Первый параграф целиком посвящен задачам развития медицины в Орловской губернии и разбит на восемь пунктов, маркированных буквами кириллического алфавита (в отличие от устава 1863 г., где использовался латинский алфавит). Сравнение их с пунктами Устава 1863 г. показывает, что четыре пункта параграфа первого в Уставе 1891 г., а именно: «г»), «д»), «е»), «з»), не имеют аналогов в старом уставе и введены

вновь. Был исключен пункт «е») старого устава, поскольку задачи, запланированные для этого пункта, были выполнены: медицинский кабинет был создан и действовал. Все остальные пункты старого устава вошли в новый и были только слегка отредактированы.

Какие же пункты появились в параграфе первом Устава медицинского общества в 1891 году? Рассмотрим их содержание.

Пункт «г») ставит задачу проведение «с надлежащего разрешения» просветительских лекций и издание «с соблюдением общих цензурных правил» популярной литературы по медицине для «распространения в народе здравых понятий по предметам общей и частной гигиены, искоренения невежества, суеверия и предрассудков в деле народного здравия».

Еще более интересен с точки зрения анализа происшедших изменений пункт «д»). В нем общество обязуется оказывать «содействие местной администрации, земству и городскому управлению в решении вопросов по врачебной части».

Пункты «е») и «з») были призваны увеличить профессиональное и личное взаимодействие между врачами – членами общества. В первом пункте члены обязывались делать друг другу доклады о наблюдениях за болезнями, о наиболее успешных способах лечения, о новых открытиях и изобретениях, во втором выражалась надежда, что общество будет способствовать «личному, более тесному сближению между собой членов для поддержания доброго согласия и взаимодействия в видах пользы науки и общественного здравия».

Социальные цели общества вынесены во второй параграф Устава 1891 г. и несколько расширены. Кроме «доставления возможной помощи бедным врачам, их вдовам и сиротам» медицинское общество оговаривает себе право на открытие в городе Орле лечебницы. Здесь тоже видно расширение целей и задач общества за счет краткосрочной перспективы.

В этом отношении Устав ветеринарного общества 1895 г. кажется наиболее ясно проработанным. Это неудивительно, ибо по времени это более поздний документ, появившийся после того, как ветеринария окрепла достаточно для того, чтобы отпочковаться от общей медицины. Кроме того, в своем прошении на имя орловского губернатора ветеринары прямо указали, что образцом для них послужил Устав общества ветеринарных врачей в

городе Одессе, утвержденный министром внутренних дел 5 июня 1893 г. [7 л. 1.] Даже его стиль изложения – более лаконичный и четкий – отличается от стиля уставов медицинского общества.

Параграф первый решен здесь в следующей формулировке: «Общество имеет целью изучение эпизоотических и других болезней животных, изыскание средств к предупреждению и ограничению их, собиране и разработку статистических данных о болезнях домашних животных и изучение местных условий, влияющих на происхождение этих болезней». То есть он полностью посвящен научным и профессиональным задачам ветеринарной медицины и не сильно отличается от соответствующих параграфов уставов общества врачей и медицинского общества. Хочется отметить лапидарность формулировки параграфа, в одном предложении наметившего четыре направления работы вновь создаваемого общества.

В противоположность первому параграфу этого устава, положения второго параграфа оказались размыты: «В круг деятельности общества входят кроме всех отраслей научной и практической ветеринарии вопросы, имеющие прямое отношение к быту ветеринарного сословия». Представляется, что такая формулировка была выбрано намеренно, дабы избежать возможных административных ограничений в деятельности социального характера. Подобная формулировка намного шире «доставления возможной помощи бедным врачам, вдовам и сиротам» из Устава 1891 г. как по средствам социальной защиты, так и по объектам защиты.

Закреплены в Уставе ветеринарного общества и положения, аналогичные пунктам «г») и «д») первого параграфа Устава медицинского общества. В параграфе третьем ветеринарное общество закрепляет за собой право проводить популярные лекции и издавать популярные сочинения «в видах распространения в публике здравых понятий по различным вопросам ветеринарии» и «с точным соблюдением всех действующих по сим предметам узаконений». По параграфу четвертому общество пользуется правом представлять «на благоусмотрение правительства» меры по развитию скотоводства и предотвращению эпизоотий. Выделение подобных положений в самостоятельные параграфы можно расценивать как шаг вперед по отношению к Уставу медицинского общества, ибо повышало их значимость.

По-разному решен в Уставах медицинского общества 1863 и 1891 гг. вопрос информирования общественности о результатах деятельности медицинского общества. Если в Уставе 1863 г. Общество орловских врачей обязуется обнародовать «результаты своих заседаний» в газете «Орловские губернские ведомости», то по Уставу 1891 г. Орловское медицинское общество пользуется правом ежегодно публиковать собрания своих трудов и отчетов самостоятельно, но «с надлежащего разрешения и с соблюдением правил». То есть у врачей появляются средства для типографских расходов по печатанию «Трудов Орловского медицинского общества». Аналогичное право закреплено в тридцатом параграфе Устава 1895 г. – ветеринары собирались с дозволения цензуры издавать «Труды Орловского ветеринарного общества» с приложениями, а также протоколы своих заседаний.

Существенным отличием ветеринарного Устава от медицинских следует считать закрепленное в пятом параграфе право «предлагать темы для конкурса, присуждать и выдавать денежные премии за выдающиеся сочинения и работы из области ветеринарии, естествознания и сельского хозяйства». Премии должны были выделяться «из сумм, специально на то назначенных или пожертвованных обществу». Подобного положения не имеется в собственно орловских уставах, оно появилось под явным влиянием одесского.

Об увеличении сил и средств Орловского медицинского общества и о росте активности общественных сил в стране свидетельствуют и изменения положений устава, связанные с членством и управлением организацией. По Уставу 1863 г. в обществе состояли действительные члены и корреспонденты. Согласно параграфу девять Устава 1863 г.: «Действительными членами общества могут быть все врачи, фармацевты, ветеринары, проживающие в городе Орле и в Орловской губернии и изъявившие на то свое согласие». Следующие два параграфа излагали обязанности действительных членов: выступать раз в год со статьёй своего собственного сочинения на медицинскую тему и уплачивать пять рублей членских взносов на расходы общества. Параграф четырнадцатый приглашал в члены-корреспонденты общества «всех врачей уездных городов Орловской губернии и других врачей, изъявивших желание участвовать в занятиях общества доставлением и разработкой сведений, указанных в § 2 устава».

Эти положения характеризуют изучаемую общественную организацию не только как научную и профессиональную, но и узко корпоративную организацию, ибо медицинские работники и до сего дня остаются узкой замкнутой корпорацией, отделенной от остального общества специфическим образовательным цензом. Становится более понятной и ранняя дата образования Общества орловских врачей, устав которого был утвержден министром внутренних дел Валуевым на два года раньше нового устава Орловского дворянского собрания (1865 г.) и на пять лет раньше устава Орловского купеческого собрания (1869 г.).

Устав 1891 г. существенно расширил понятия членства в медицинском обществе. Кроме действительных членов и членов-корреспондентов шестой параграф устанавливает почетное членство и соревновательное членство. Согласно восьмому параграфу Устава: «В почетные члены общество избирает лиц, известных своей ученостью или покровительством врачебной науке, а также содействовавших своим влиянием и трудами делу общества» [5 л. 7 об.]. Как видно из формулировки, разработчики нового устава попытались предусмотреть разнообразные случаи почетного членства. На него могли претендовать и ученые академического типа, выдающиеся светила медицины, и высшие государственные служащие, содействующие развитию медицины в стране, и филантропы, жертвующие на развитие медицинских учреждений.

Параграф десятый определяет соревновательное членство: «Членами-соревнователями могут быть естествоиспытатели... изъявившие желание содействовать своими трудами обществу... содействовать обществу материальной поддержкой, пожертвованием деньгами, книгами, инструментами, медикаментами». То есть членом-соревнователем мог стать любой желающий человек с естественнонаучным образованием. Это открывало приток в общество образованной публики, что являлось существенной приметой времени. Именно против этого категорически возражал орловский губернатор Шидловский, справедливо замечавший: «Не стоит вводить в общество членов-соревнователей, так как общество наполнится людьми, незнакомыми с врачебной наукой и характер общества нарушится» [5 л. 4.].

Устав ветеринарного общества 1894 г. устанавливает следующие виды членства: почетное, дей-

ствительное, сотрудники и конкуренты. Причем по параграфу восьмому действительными членами общества могли быть «исключительно лица, имеющие звание ветеринара и проживающие в г. Орле и Орловской губернии». Следующий параграф устанавливает, что членами-сотрудниками могут быть «все ветеринары и все лица с высшим образованием, имеющие какое-либо отношение к ветеринарной медицине и естествознанию». То есть здесь мы видим ту же самую узкую корпорацию, что и по девятому параграфу Устава общества врачей 1863 г.

В то же время почетное и конкурентное членство существенно расширяет состав ветеринарного общества. Их формулировки аналогичны соответствующим в медицинском Уставе 1891 г. с поправкой на ветеринарию и с оговоркой, что почетным членом могут быть люди «всех стран света» (влияние Одессы, крупного порта, завязанного на международную торговлю), известные своими научными трудами «в области ветеринарии, медицины и вообще естествознания», либо «оказавшие обществу значительные услуги». Эта формулировка несколько шире, чем в медицинском Уставе. Оговаривается также, что человек, претендующий на конкурентное членство, должен внести в кассу общества не менее пятнадцати рублей. Это положение более конкретно, чем в медицинском Уставе.

Новым положением, не встречающимся в уставах медицинского общества, были ограничения, наложенные на членство в Уставе Орловского ветеринарного общества. По этим ограничениям членами общества не могли быть: а) женщины, б) несовершеннолетние, за исключением имеющих классный чин, в) учащиеся, нижние чины и юнкера, г) ограниченные в правах по суду. В данном случае этот пункт являлся одним из требований «нормального» устава и был обязательным для уставов общественных организаций в конце XIX века. Он появляется в большинстве уставов орловских общественных организаций, принятых в это время (Общества любителей изящных искусств, Орловского общества велосипедистов, Орловского общества рыболовства и т.д.).

В то же время необходимо отметить, что административный контроль над деятельностью Орловского медицинского общества по новому Уставу 1891 г. усилился. Об этом свидетельствует пятый параграф, по которому медицинское об-

щество состояло под наблюдением орловского губернатора и обязывалось представлять последнему информацию о времени и месте своих собраний, а также протоколы, постановления и отчеты о своей деятельности. В Уставе 1863 г. такого положения не было.

Содержание уставов также демонстрирует расширение состава управления обществом. По параграфу шестому Устава 1863 г. правление Общества орловских врачей состояло из президента общества и секретаря, совмещающего обязанности кассира и библиотекаря. Параграф восемнадцатый Устава 1891 г. определял, что управление медицинским обществом осуществляют председатель, заместитель («товарищ») председателя, секретарь, кассир и библиотекарь. Тут мы видим и расширение состава правления за счет введения новых должностей кассира и библиотекаря, и переименование высшего должностного лица из президента в более демократического председателя. Это расширение не потребовалось бы, если бы не разрослись дела общества и не увеличилось подотчетное имущество общественной организации.

Действительно, обязанности должностных лиц по Уставу распределились следующим образом. Председатель общества вел собрания, наблюдал за «порядком дел» в обществе, отслеживал нарушения Устава и правил, проводил в жизнь постановления общества. Секретарь вел дела общества, составлял отчеты, подписывал исходящие бумаги и хранил печать общества. Кассир хранил деньги, вел приходно-расходные книги и должен был отчитываться в своих действиях перед ревизионной комиссией. Библиотекарь заведовал библиотекой, кабинетами анатомии и фармакологии, хирургическими инструментами и аппаратами. Разумеется, прежний состав правления при всем желании не мог бы должным образом поддерживать подобное количество дел [5 л. 9 об.–10 об.].

Таким образом, анализируя три представленных устава общественных организаций, мы видим эволюцию от узких научных задач Общества орловских врачей к более широким профессиональным и социальным целям Орловского медицинского общества и Орловского ветеринарного общества. По новым уставам общества претендуют на просветительскую деятельность, содействие местной администрации и общественному самоуправлению, готовы открыть свои собственные лечеб-

ницы. Это свидетельствовало не только об увеличении сил и средств данных конкретных обществ, но и об изменении общественной ситуации в стране, что позволило ставить подобного рода задачи. Расширение круга уставных задач и само приня-

тие нового Устава совпали с началом в России нового общественного подъема, отмеченного в мемуарах ряда современников: П.Н. Милюкова, В.А. Маклакова, В.А. Оболенского и других общественных деятелей той эпохи.

Библиографический список

1. Положения о частных обществах, утверждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников / Сост. К.Г. фон-Плато. – Рига, 1903.
2. Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. – М.: Новый Хронограф, 2008.
3. ГАОО. Ф. 580, ст. 1. Д. 2440.
4. ГАОО. Ф. 580, ст. 1. Д. 2522.
5. ГАОО. Ф. 580, ст. 1, Д. 3045.
6. ГАОО. Ф. 508, ст. 1. Д. 3466.
7. ГАОО. Ф. 580. ст. 1, Д. 3653.
8. ГАОО. Ф. 580, ст. 3. Д. 4810.

A.B. GULARYAN

CHARTERS ORYOL'S PUBLIC ORGANIZATION AS A HISTORICAL SOURCE

The article analyzes the charters of public organizations as a historical source. In particular, the conditions of development and adoption of the Charter, especially enforcement practices in different historical periods. As examples, drawn statutes Oryol's medical and veterinary communities

Key words: regulation, non-profit social organization, the «normal» statute, the medical community, veterinary community, social goals, objectives of society membership.

А.В. КРЫЖАН, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Регионального открытого социального института г. Курск
Тел. (4712) 51-22-03, 8-910-216-67-48; kryzhan@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В 20-е гг. XX в.

В статье анализируется повседневная жизнь Советской России 20-х годов XX в. Хронологические рамки охватывают период невиданных перемен, которые воздействовали на ежедневное поведение людей. Автор приходит к выводу, что в условиях отсутствия частной собственности и свободы предпринимательства все жизненно важные действия личности были политически запрограммированы.

Ключевые слова: повседневность, политическая власть, Советы, общественные процессы, обыватель, субъективное восприятие реальности, свобода личности.

«In maxima potentia minima licentia»¹

Категория повседневности исследуется представителями разных наук: социологами, этнографами, культурологами, историками. Н.Л. Пушкарева, анализируя предмет истории повседневности, отмечает, что «в современном гуманитарном знании нет согласия в определении круга вопросов, которые следует относить к истории повседневного» [12, с. 3]. В исторической науке повседневность в большинстве своем рассматривается как социально-экономическая категория и понимается как быт или уклад жизни людей. В исторической науке повседневность в большинстве своем рассматривается как социально-экономическая категория и понимается как быт или уклад жизни людей. В данной статье предпринята попытка проанализировать повседневную жизнь не только как привычный людям быт и образ действий, но как реальность, которая «интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира» [1, с. 38]. Это определение подчеркивает двойственную природу повседневности: с одной стороны, реальность – это «здесь» и «сейчас» для каждого конкретного человека, и потому она глубоко субъективна, с другой стороны, это окружающий мир, в котором человек живет и взаимодействует с себе подобными. На наш взгляд, подобный подход наиболее соответствует историческому пониманию повседневности.

Хронологические рамки статьи охватывают тот период, когда происходили невиданные ранее катаклизмы, которые не могли не воздействовать на привычную окружающую обстановку и ежедневное поведение людей. При этом они не просто воздействовали, а диктовали новые правила, и люди, учитывая характер происшедших в России событий, не могли этим правилам не подчиниться. Поэтому рассмотрение складывающейся в 20-е гг. советской повседневности как социально-экономической реалии не позволяет осознать всей полноты данного явления.

Изучение повседневной жизни есть попытка проникнуть в человеческий опыт. Социальные конфликты и движения, деятельность политических сил создают ту реаль-

ность, которая не может не воздействовать на человека, не вызывать его субъективного отношения к себе. Структурные изменения в обществе влияют на исторические действия, на людей, поэтому для анализа повседневности важно, как «простые люди» переживают воздействие разнообразных социально-политических структур и процессов. Очевидно, что столкновение общественного и частного интересов происходит на уровне обыденной жизни, однако тон социальным отношениям и конфликтам задают права на собственность и власть. Применительно к первым десятилетиям советской истории стоит говорить прежде всего о власти политической.

К российской действительности 1920-х годов применимо понимание политической власти как системообразующего элемента общества. Это уже не власть, «возникновение которой стало результатом определенного исторического развития, а Власть, которая была предпосылкой целого потока исторического развития... Эту Власть нельзя редуцировать к государственности, как и русское понятие «правда» нередуцируемо к истине» [9, с. 62].

Известный русский правовед Н.Н. Алексеев считал, что Советское государство и право противоречили духовным устоям русского народа². Такая точка зрения правомерна, если рассматривать советскую власть в хрестоматийном понимании политической власти, которая возникает на основе концентрации воли большинства и является организационным началом общества. Но данная понятийная система мало применима к советской реальности 1920-х гг.

Провозглашенную большевиками идею всеобщего народовластия воплощали в жизнь Советы разного уровня, представлявшие собой свободные неформальные собрания без ясно очерченных функций. Лозунг «Вся власть – Советам!» зачастую понимался в том смысле, что никакой власти, кроме ближайшего Совета, признавать не следует. Местные Советы называли себя «совнаркомми», принимали постановления, идущие вразрез с декретами и установлениями центральной власти. Несомненно, это сильно импонировало рядовому обывателю, которого доступность власти и реальная возможность «поучаствовать» в ней стимулировали к активному политическому участию. Исполком местного Совета мог заявить, что «примлет декреты центральной власти постольку, по-

скольку они для него приемлемы» [6, с. 42]. Подобное самоуправство в России, где власть долгое время успешно расправлялась с различными своеволиями, было бы невозможным, если бы местные Советы не ощущали живого и активного участия населения. В Советы выбирались обыватели, чей менталитет складывался в условиях так недавно свергнутой монархии и для которых понятие «властвовать» прежде всего означало «иметь право распоряжаться».

Наличие Советов во многом предопределило осознание людьми новой политической системы и отношение к ней. В 1939 г. известный немецкий антифашист О. Рюле писал: «...большевистская партия не знала, как ей увязать эту странную систему Советов с ее собственными решениями и действиями» [13]. Данная точка зрения представляется весьма субъективной. Статья О. Рюле была написана летом 1939 г., и позиция автора явно определяется эмоциональным восприятием обозначившейся тенденции сближения СССР с руководством фашистской Германии. На самом деле большевики быстро увидели возможность увязать Советы с создаваемой ими моделью власти. В.И. Ленин не рассчитывал на возможность долго продержаться у власти без поддержки мирового пролетариата. Это подтверждает и Л.Д. Троцкий: «В моей «Истории русской революции» (см. «Приложение» к последнему тому: «Социализм в отдельной стране»)»³ собраны высказывания на этот счет вождей большевизма за время с 1917 до 1923 года. Все сходятся в одном: без революции на Западе большевизм будет ликвидирован либо внутренней контрреволюцией, либо внешней интервенцией, либо их сочетанием» [15]. В 1918 г. большевики оказались лицом к лицу с таким сочетанием, а мировой пролетариат не торопился повторить опыт российских собратьев. Единственным противовесом внутренней и внешней контрреволюции могла стать поддержка нового режима народными массами. В условиях отсутствия других точек опоры отказываться от популярной идеи осуществления народовластия через Советы было нерационально. Советская система была приспособлена к интересам государства, так как она как нельзя лучше позволяла сформировать у населения позитивное отношение к режиму, но благодаря функциональной и структурной аморфности не имела возможности оказывать реального влияния на ход событий.

Власть оказалась самым важным и массовым элементом общественной жизни. «Во власть впервые было включено население, популяция, народ, продемонстрировавший невиданную жесткость по отношению к самому себе» [10, с. 193]. «Включение» народа во власть объяснялось двумя позициями. Первая достаточно полно охарактеризована И.В. Павловой в полемической статье «Власть и общество в СССР в 1930-е гг.»: «...власть и степень захвата ею общества были доведены до крайнего выражения, что в реальности означало отсутствие какой-либо свободы выбора» [8, с. 51]. Однако отсутствие свободы в конечном итоге приводит к такой степени народного протеста, которая позволяет сбросить ненавистные оковы. Современная историческая наука оперирует достаточным количеством документов, позволяющих судить о наличии недовольства большевистской властью в первые десятилетия её существования⁴. Тем не менее явное неприятие и негативное отношение к режиму не переросло в действенные формы протеста, которые позволили бы этот режим свергнуть. Это может быть объяснено с учетом второй позиции, которая позволяет ответить на вопрос: почему рядовые граждане, столкнувшись с чрезвычайными методами действия власти, не организовались для борьбы с ней, а продолжали жить в предложенных ею условиях? Ответ становится очевиден, если признать, что в 20-е годы в условиях гражданской войны и реальных фактов сопротивления контрреволюционных сил власть настолько часто прибегала к чрезвычайным мерам, что они стали обыденной реальностью, то есть перешли в разряд повседневности. «Повседневное» – это то, что происходит каждый день, в силу чего не удивляет. Оно обнаруживается в форме рутины, привычки и многочисленных знакомых явлений. Повседневными являются ситуации, которые часто повторяются в столь похожей форме, что уже не воспринимается их уникальность. Повторяемость этих ситуаций приводит и к повторяемости реакций на них. Другими словами, недовольство советским режимом также перешло в разряд обыденности.

Однако не будем забывать, что немаловажную роль в жизни людей играет не только власть, но и отношения собственности. Отрицание коммунистами частной собственности придало этому институту сугубо политический характер. Радикальная ликвидация рыночных отношений в период воен-

ного коммунизма предполагала, что вся экономическая жизнь граждан предопределялась политическими решениями.

Голод и лишения времен гражданской войны поставили рядового обывателя на грань выживания. Естественным спутником подобных социальных катаклизмов является спекуляция. Понятие «спекуляция» имеет экономическое содержание, которое предполагает готовность к рискованным действиям, умение прогнозировать потребности. Однако в рассматриваемый нами период спекуляция не просто воспринималась как форма девиантного поведения, она квалифицировалась как тягчайшее преступление, для борьбы с которым был создан специальный орган – ВЧК. Кроме того, дела, связанные со спекуляцией, относились к подсудности ревтрибуналов.

Спекуляция достигла невиданных масштабов. Здесь мы наблюдаем ту же ситуацию, что и с властью: в спекуляцию вольно или невольно были втянуты все, она превратилась во всепоглощающее явление. Одна часть населения участвовала в этом процессе активно, составляя тот слой, который быстро получил название «мешочники». Вне зависимости от того, были ли это крестьяне, продававшие выращенное собственным трудом, бывшие управляющие господских имений или оборотистые приказчики, регулярное занятие подобной предпринимательской деятельностью рано или поздно приводило их к контактам с криминальной средой. Во-первых, власть квалифицировала подобные действия как тягчайшее преступление, поэтому любой из застигнутых на самостийных рынках мог физически оказаться среди уголовников и контрреволюционеров в застенках ЧК. Во-вторых, сами уголовники использовали мешочников в качестве канала для скупки и продажи краденого. Другая часть населения, менее активная, имевшая какое-либо имущество, не решаясь самостоятельно выходить на рынок из-за репрессивных действий властей, вынуждена была за бесценок отдавать мешочникам все нажитое: меха, портьеры, одеяла, скатерти, зеркала и прочий домашний скарб, а иногда и драгоценности. Это также не улучшало криминогенной обстановки в стране. И, наконец, практически все страдали от высоких цен на продовольствие и товары первой необходимости. Того, что поставляли официальные хозяйственные органы, катастрофически не хватало, что позволяло спекулянтам еще больше взвинчивать

цены, несмотря на карательные меры, используемые против них государством. Ответ на вопрос, почему большевикам не удалось победить спекуляцию, аналогичен ответу на вопрос, почему недовольный большевистским режимом народ не сбросил его. Во-первых, сама сущность большевистского режима заставляла власть действовать только в юридической, вернее сказать, в политической плоскости, не учитывая экономическую, рыночную составляющую спекуляции. Между тем с экономической точки зрения люди не могли обходиться без спекулянтов. Ю.В. Братющенко, опираясь на различные источники, приводит сведения о том, что в период военного коммунизма спекулянты обеспечивали от половины до 2/3 потребности городского населения в продовольствии и товарах первой необходимости [2, с. 11]. Во-вторых, спекуляция, как и репрессии, применяемые против нее, за неимением других вариантов развития событий перешла в разряд обыденного. К тому же действия ЧК в борьбе со спекулянтами не шли вразрез с общей диктаторской сущностью нового режима.

С введением нэпа ситуация изменилась. Власть оказалась перед сложной задачей. С одной стороны, за годы гражданской войны был создан политический аппарат нового государства. Во многом именно гражданская война заставила большевиков выбрать приоритетное направление развития и совершить наиболее целесообразные преобразования⁵. С другой стороны, полная централизация не оправдала себя экономически, и большевики вынуждены были разрешить частную собственность и обеспечить гарантии тех, кто еще вчера считался врагом. Деятельность, которая недавно могла закончиться расстрелом, теперь становилась абсолютно законной. На первый план выходит экономическая сущность спекуляции, и государство всячески стимулирует крестьянина к вывозу продуктов на рынок. Но здесь возникло своеобразное препятствие. Выступая на X съезде с докладом «О замене разверстки натуральным налогом», В.И. Ленин отмечал: «Вопрос о замене разверстки налогом является прежде всего и больше всего вопросом политическим, ибо суть этого вопроса состоит в отношении рабочего класса к крестьянству» [7, с. 399]. Начиная с 1917 г. большевистское государство декларировалось как государство рабочих и беднейших крестьян, поэтому крестьяне, обладавшие в годы военного коммунизма излишками продуктов,

были обречены еще и идеологически. В годы нэпа, наоборот, беднейший крестьянин не соответствовал новому социально-хозяйственному назначению. Что же касается зажиточных крестьян, то в силу консервативности мышления они с опаской относились к хозяйственным новшествам, тем более что первые эксперименты новой власти в деревне не внушали им оптимизма. Ленин сам указал причину недоверчивого отношения крестьян: «... люди, полные самых добрых намерений и желаний, шли в деревню ... не умея хозяйничать, потому что коллективного опыта у них не было. Опыт этих коллективных хозяйств только показывает пример, как не надо хозяйничать: окрестные крестьяне смеются или злобствуют» [7, с. 401]. Между тем решение продовольственного вопроса напрямую зависело от отношения зажиточных крестьян к власти, и в этой связи вывод Ленина абсолютно однозначен: «Как ни трудно наше положение в смысле ресурсов, а задача удовлетворить среднее крестьянство должна быть разрешена» [7, с. 400].

Вместе с частной собственностью нэп узаконила частное предпринимательство, а значит, и экономическую сущность спекуляции, связанную с предпринимательским риском. Здесь мы снова сталкиваемся с тем, что демарш власти вызвал к жизни новое явление и связанное с ним обывательское понятие – «нэпман». Известная негативная окраска этого понятия в советской историографии обычно объяснялась с тех позиций, что образ жизни новой советской буржуазии раздражал пролетариат, вульгарность нуворишей претила интеллигенции и в принципе не соответствовала культурным традициям народа. Не оспаривая истинность этого утверждения, следует отметить следующее. Нововведения, произведенные властью, активизировали прежде всего тех же бравых приказчиков и управляющих, избежавших застенков ЧК или сумевших избежать расправы при помощи элементарной взятки⁶. Пользуясь легальностью своей деятельности, они позволяли себе взвинчивать цены, вступать в сомнительные сделки, создавать ложные кооперативы и артели. Жертвами подобных действий становились не только деловые партнеры, но и рядовые обыватели. Государству сложно было бороться с этим, поскольку преследование спекулянтов уже не укладывалось в прокрустово ложе новой экономической политики.

Возвращаясь к пониманию повседневности не только как ежедневной реальности, но и субъектив-

ных отношений людей к этой реальности, следует сказать, что эти отношения, несомненно, определяются степенью свободы личности в обществе. Свобода личности основывается на свободе экономической, именно поэтому в условиях западных буржуазных демократий, основанных на предпринимательстве и господстве частной собственности, обыденные отношения формировались прежде всего в социально-экономической плоскости. В Советской России 20-х годов мы имеем дело с совершенно иной ситуацией. В ходе военно-коммунистического эксперимента частная собственность, как известно, была ликвидирована. В годы нэпа она воспринималась как собственность разрешенная, а следовательно, контролируемая во всех аспектах. Частник рассматривался не как конкурент госсобственности, а скорее как контрагент, используемый для достижения конкретной цели – оживления экономи-

ческих отношений. В этой связи можно говорить о том, что нэпманы сыграли ту же роль, что и псевдодемократические Советы, – они создавали видимость экономической свободы.

В советском варианте ни сама повседневная реальность, ни отношение людей к ней не могли находиться вне политического контекста, поскольку люди были лишены какого-либо реального выбора. Более того, лидеры нового государства считали, что политическая свобода, основанная на частной собственности и свободе предпринимательства, – это атрибут буржуазного правопорядка, а без этих атрибутов свободы достичь невозможно. Другими словами, все жизненно важные социальные действия личности были политически запрограммированы, и этот единственный способ выживания в данной системе сам по себе также становился обыденным.

Примечания

¹ Чем сильнее власть, тем меньше свободы (древнеримская мудрость).

² См. об этом подробнее: Право Советской России [Текст] / Сост. Н.Н. Алексеев, Н.С. Тимашев. Вып. 1. – Прага: Пламя, 1925.

³ Ссылка сделана Троцким.

⁴ См. об этом подробнее: Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. [Текст] – М.: РОССПЭН, 1998.

⁵ См. об этом подробнее: Сахаров А.Н. 1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора [Текст] / А.Н. Сахаров // Вопросы истории. – 2008. – № 9. – С. 40–41; Искандеров А.А. Первые шаги Советской власти [Текст] / А.А. Искандеров // Вопросы истории, 2003. – № 2. – С. 97.

⁶ Случай взяточничества среди работников ЧК были не столь уж редки, они были естественным следствием полной бесконтрольности этой службы. Так, в сентябре 1919 г. в результате оперативных действий, произведенных Курским губернским отделом юстиции совместно с Реввоенсоветом, был арестован и передан суду трибунала заведующий секретным отделом Курского ГубЧК Орлов. В ходе расследования выяснилось, что за взятки спиртными напитками, бриллиантами, в крайнем случае деньгами Орлов освобождал из ЧК любых заключенных [Государственный архив РФ. Ф. А–353. Оп. 3. Д. 81. Л. 75].

Библиографический список

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности [Текст] / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Братющенко Ю.В. НЭП: государство, частник, кооперация [Текст] / Ю.В. Братющенко // Вопросы истории. – 2007. – № 2. – С. 8–15.
3. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. [Текст]. – М.: РОССПЭН, 1998. – 328 с.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А–353. Оп. 3.
5. Искандеров А.А. Первые шаги Советской власти [Текст] / А.А. Искандеров // Вопросы истории, 2003. – № 2. – С. 77–93.
6. Кабанова Л.В. Система Советов послереволюционных лет и проблема централизации власти [Текст] / Л.В. Кабанова // Ярославский педагогический вестник. – 2004. – № 4. – С. 40–49.
7. Ленин В.И. Доклад «О замене разверстки натуральным налогом». X съезд РКП(б) [Текст] / В.И. Ленин / КПСС в резолюциях и решениях. Т. 2. – М.: Политиздат, 1983. – 606 с.
8. Павлова И.В. Власть и общество в СССР в 1930-е гг. [Текст] / И.В. Павлова // Вопросы истории. – 2001. – № 10. – С. 46–57.

9. Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. О нынешней ситуации и проблемах изучения русской истории (на путях к россиеведению) [Текст] / Ю.С. Пивоваров, А.И. Фурсов // Русский исторический журнал. Т. 1. – 1998. – № 1. – С. 5–72.
10. Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Русская Система и реформы [Текст] / Ю.С. Пивоваров, А.И. Фурсов // Pro et Contra. Т. 4. – 2000. – № 4.
11. Право Советской России [Текст] / Сост. Н.Н. Алексеев, Н.С. Тимашев. Вып 1. – Прага: Пламя, 1925. – 325 с.
12. Пушкарева Н.Л. Современное состояние и предмет истории повседневности. Отличие истории повседневности от этнографических исследований быта [Текст] / Н.Л. Пушкарева / Социальная история российской провинции. Материалы межрегиональной научной конференции (май 2004 г.). – Тамбов: Юлис, 2004. – 127 с.
13. Рюле О. Борьба с фашизмом начинается с борьбы против большевизма [Электронный ресурс] / О. Рюле. / <http://www.gumer.info/bibliotek>. – Заглавие с экрана.
14. Сахаров А.Н. 1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора [Текст] / А.Н. Сахаров // Вопросы истории. – 2008. – № 9. – С. 40–69.
15. Троцкий Л.Д. Сталинизм и большевизм [Электронный ресурс] / Л.Д. Троцкий // Бюллетень оппозиции (большевик-ленинцев). – 1939. – № 58–59 / <http://www.komintern-online.com>. – Заглавие с экрана.

A.V. KRYZHAN

In article the everyday life of the Soviet Russia in the 20-th years is analyzed. Chronological frameworks cover the period of the unprecedent changes, witch influenced daily behaviour of people. The author comes to conclusion that in the conditions of absence of a private property and a freedom of enterprise all vital actions off the person have been politicaly determined.

Key words: everyday life, political power, Sovietes, public processes, the inhabitant, subjective perseption of reality, a personal freedom.

В.А. МОЖИНА, аспирант кафедры всеобщей истории
 Орловского государственного университета
 Тел. 8 910 203 60 50; violetblue@list.ru

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ВО ФРАНЦИИ В КОНЦЕ 50-х — НАЧАЛЕ 90-х гг. XX ВЕКА

Статья посвящена взглядам крупнейших политических партий Франции на политику в области культуры во второй половине XX века. Анализируется становление полемики по вопросам культуры, предлагается её периодизация. Выявляются сходства и различия, как программных заявлений партий, так и их воплощения в реальной политике.

Ключевые слова: культурная политика, голлисты, Французская социалистическая партия, Французская коммунистическая партия, демократизация культуры.

В современном политическом строе Франции практически все партии имеют собственную позицию по вопросам культуры. Однако исторически так было не всегда. С момента учреждения во Франции Пятой республики в 1958 году политические партии прошли сложный путь становления и развития собственных концепций культурной политики.

Проанализируем вначале собственно процесс становления полемики по вопросу культурной политики в Пятой республике. Для самих французов тема культурной политики очень живая, и в связи с этим она выходит далеко за рамки строго политических дебатов. В этой связи на первом этапе, который хронологически относится ещё к Четвертой республике и первым годам Пятой, споры о формах и методах культурной политики, порой ставящие под сомнение даже саму необходимость каких-либо государственных мер в этой области, являлись достоянием широкого круга интеллектуалов и самих деятелей культуры. Политическому элементу отводилось место маргинальное, если он присутствовал вообще. Возможно, именно поэтому первыми сформировали собственные культурно-политические взгляды французские коммунисты: интеллектуалы, принадлежавшие и симпатизировавшие ФКП, стали высказывать свои точки зрения по культурным вопросам в партийной прессе.

С развитием собственно культурной политики, ростом министерского вмешательства стало возможным говорить о выходе полемики на новый этап, который можно охарактеризовать как этап отрицания культурной политики. Создана Служба проектирования и исследований, изучавшая в том числе и спрос на «продукты» культуры. В 70-х гг. появляются первые социологические исследования культурных практик французов. Культурная общественность осознает, что с ростом культурной политики Франция всё ближе подходит к проблеме спроса на культуру, к мысли, до сих пор вызывающей разнообразные дискуссии: можно ли, нужно ли и если да, то как сделать высокую культуру доступной для народа? [9, с. 27]. Ведь доступные теперь социологические данные по культурным практикам не отражали рост спроса на «высокую» культуру. Интеллектуалы, культурная общественность, социологи (например, П. Бурдьё [2]) обвиняли голлистское министерство в том, что оно не достигло целей, провозглашенных при собственном основании: «Сделать доступными для наибольшего количе-

ства французов величайшие творения человечества и в первую очередь Франции; обеспечить наибольшую востребованность нашему культурному наследию; способствовать созданию произведений искусства и стимулировать творческий настрой в обществе» [3]. С приходом к власти социалистов полемика обретает новый характер: культурная общественность (в лице, например, Ф. Урфалино [11], М. Фюмароли [5]) начинает критиковать правительство за размывание самого понятия «культура», обвиняя его уже в иных шагах: чрезмерном вмешательстве, волюнтаризме, попытках профанизировать, довести высокую культуру до массового уровня. Критика культурной политики со стороны интеллектуальных кругов, конструктивная или не совсем, как мы видим, относится к любым правительствам, вне зависимости от их политической принадлежности.

Этап становления полемики собственно политической хронологически менее определен, что связано с тем, что различные партии обретали свое культурно-политическое «лицо» в разное время, разными путями и при различных обстоятельствах. Попробуем дать краткий обзор того, как конкретно это происходило, охарактеризовав в общем, каковы тенденции отношения к культуре основных политических партий Франции.

Говоря об общих тенденциях, можно отметить, что культура традиционно считается во Франции темой более важной для левых партий на любом управленческом уровне (национальном или местном, в правительстве или же в парламенте). Именно программы французских социалистов и коммунистов – представителей левого крыла политического спектра – в первое время были более проработаны относительно культурных вопросов, чем взгляды их голлистов. Последние же считали культуру (рассматривая её как творчество или художественных вкус) личной, более индивидуальной сферой, в которой государственное вмешательство должно быть ограниченным. В общем, левые партии делали акцент на демократизацию культуры и её защиту от чисто коммерческих интересов. Кроме того, большое количество самих деятелей культуры чаще и с большей охотой заявляли о своих левых взглядах, чем о принадлежности к голлистской партии. Однако, несмотря на всё вышеперечисленное, именно в правление правых – голлистов – в 1959 году во Франции впервые

появляется орган по управлению культурой в форме министерства [8, с.71].

Процесс осознания необходимости предложить особую программу в области культурной политики или хотя бы занять определенную позицию в этом вопросе проходил с разной скоростью для разных партий. Здесь также следует подчеркнуть закономерность: левое движение оказалось более быстрым и заинтересованным. Рассмотрим, как конкретно проходил процесс включения культуры в сферу интересов партий в исторической перспективе и каких взглядов придерживаются политики на современном этапе.

Лидером в процессе формирования собственных взглядов на культуру были французские коммунисты. С момента создания партии в 1920 году в ней вскоре появляются особые органы, занимающиеся вопросами культуры (секции интеллектуалов, комиссии по культуре). Деятели партии обращаются к вопросам культуры в статьях и в политических выступлениях. Культура изначально становится важным элементом политического дискурса коммунистов. Партия предлагает большое количество материалов по вопросам культуры через свои журналы «Нувель Критик» (Nouvelle Critique) и «Ле Летр Франсез» (Les Lettres Francaises), издательские дома (например, «Эдисьон социаль» – Editions sociales), спектакли (например, представления на Празднике газеты Юманите – ежегодный фестиваль, проходящий во вторые выходные сентября, который объединяет в себе политические выступления и культурные мероприятия). В дальнейшем коммунисты получили шанс воплотить собственные идеи в области культуры уже в послевоенное время. На волне послевоенной популярности ФКП получает представительство в муниципалитетах, что послужило началом развития локальных культурных политик в тех самых муниципалитетах, где была представлена ФКП с начала 50-х гг. Идеи коммунистов собственно и заключались в самом *наличии* культурной политики именно как политики; «красные» муниципалитеты начинают планомерно выделять на культуру бюджетные средства, проводить в жизнь соответствующие меры планомерно. Безусловно, для каждого города набор мер и приоритетных направлений был различным, однако можно говорить о том, что этот комплекс мер обобщались в национальный опыт, то есть у ФКП было стремление более активно вести деятельность и

вмешиваться в область культуры. Характерно, что инициативы коммунистов появились и были осуществлены на местном уровне. С одной стороны, это вопрос представительства, электорального успеха и необходимости воплощать идеи в жизнь там, где представляется возможность, но, с другой стороны, именно местный уровень давал возможность развиваться и обрести реальный фундамент идее культурной демократии, разделяемой коммунистами. Когда первый министр культуры Пятой республики Андре Мальро выступил с идеей создания домов культуры (*maisons de la culture*) для развития децентрализации и ликвидации культурной монополии Парижа, он столкнулся с наличием собственных взглядов на культуру и собственных культурных политик у ряда муниципалитетов.

Однако со временем, в условиях падения популярности коммунистов, инициативу и реноме «передовой» партии в области культурной политики ФКП теряет. Это происходит под воздействием ряда факторов: идеи коммунистов о культурной демократии стали достоянием политической общности, их муниципальный опыт был также известен, т.е. в связи с этим появилась возможность перенять риторику. Ею и не преминула воспользоваться партия социалистов, которая начала высказывать схожие идеи о необходимости большей децентрализации культурной политики, демократии, говоря также о мультикультурализме. Кроме того, интеллектуальная общественность, которая ранее, в предвоенные годы Третьей республики, была «прокоммунистической», постепенно начинает переходить в стан сочувствующих менее радикальной левой идее в лице социалистов. Вместе с этим идеи более внимательного отношения к культуре осваивают и правые. Голлистское министерство Мальро разворачивает активную деятельность, при этом во многом именно в той нише, которую пыталась занять ФКП, – в политике на местах, улучшении условий для развития культуры в провинции. Таким образом, ФКП постепенно вытесняется с культурно-политической арены под совместным давлением слева и справа, уступая место тяжеловесам французской политической сцены – голлистам и социалистам.

Культурно-политический дискурс французских социалистов начинает быть заметным с начала 70-х гг., когда партия была реструктурирована и начала преодолевать внутренний кризис. В 1974 г.

в структуре партии появляется Национальный секретариат культурно-просветительской работы. Подчеркнем характерную особенность обращения к теме культуры у социалистов: вначале у них складывается именно идейный и программный аппарат, как у партии, длительное время пребывавшей в оппозиции. Идеи социалистов относительно культуры были продиктованы, с одной стороны, необходимостью критики правящей партии голлистов, с другой – частично они переняли популярные идеи коммунистов.

Обращение к теме культуры можно найти в различных программных документах партии, например, «Изменить жизнь» (1972) и «110 предложений для Франции» (программы Франсуа Миттерана в качестве кандидата в президенты на выборах 1981 г.). В дальнейшем, уже в период пребывания социалистов у власти, Ф. Миттеран говорит о культуре и в «Письме ко всем французам» (1988 г., также во время избирательной кампании). Если в первых программах звучат в основном идейные концепции и предложения, то в последнем говорится уже и о проделанном на поприще культурной политики. Однако нельзя сказать, что культура располагается на первых местах, среди проблем, освещаемых в документах, как и обычно, она занимает скромные строки ближе к концу политических программ, например, 97–100 пункты из 110 миттерановских предложений 1981 года (хотя 99 пункт заверяет, что «культурное возрождение страны будет поставлено на первое место в ряду стремлений социалистов») [2].

Каковы основные темы, звучащие в документах? Безусловно, предвыборные программы призваны в первую очередь привлечь избирателей, но в них также можно рассмотреть важные акценты. Так, приоритетами, отмечаемыми в документах социалистов, можно назвать децентрализацию, демократизацию и мультикультурализм. Выделяется необходимость внедрения на всей территории страны центров творчества и распространения культуры, которым обещают частичное госфинансирование; для обеспечения лучшего доступа к культуре больших слоёв населения поднимается вопрос об улучшении преподавания предметов, связанных с культурой, в школе, о продлении часов работы музеев, библиотек и других культурных учреждений; провозглашается поддержка творчества практически во всех областях искусства [2].

Специфику взглядов социалистов на культуру можно выделить, принимая во внимание их акцент на демократию в культуре и децентрализацию. В отличие от других партий, их способ приближения культуры к каждому человеку – это создание целого ряда отдельных культур, даже не национальных, а разнокалиберных: на уровне региона, города, интернациональных, даже социальных через административную сеть, поддержанную социалистами в регионах, и через общественные организации. Этот своеобразный мультикультурализм фактически означает поддержку тех культур и субкультур, которые ранее можно было характеризовать как миноритарные. В практическом воплощении такая политика социалистов выливается, например, в поддержку Министерством культуры ранее игнорируемых музыкальных течений (рок, рэп и пр.). Этот подход к культуре – важнейшая характеристика культурной политики социалистов.

«Письмо ко всем французам» также содержит главу, посвященную культуре под названием «Больше культурных пространств» [6], однако в ней рассуждается скорее о молодёжи и необходимости вовлечения её в жизнь общества, о культуре и культурной политике в целом идёт речь, лишь констатируя факты, подчеркивая достижения социалистов в этой области. Дело в том, что и на самом деле меры социалистов в области культуры были весьма заметны, дополнительного внимания и разъяснения они не требовали. Речь идёт в первую очередь о так называемых «Больших Работах» (*Grands Travaux*) – крупномасштабных проектах реконструкции и возведения крупных памятников культуры (Лувр, Опера Бастий, Музей Орсе, Институт арабского мира, Квартал Дефанс и др.) с выделением на эти проекты огромных сумм общим объёмом более 30 млрд. франков [8, с. 180]. Проекты в своё время вызвали бурю обсуждений как о собственно целесообразности художественной, так и о необходимости вложения таких сумм именно в такие огромные, гипертрофированные проекты. Культуру называли «секретным оружием Миттерана» [4], сравнивая его амбиции с идеями древних правителей (например, Миттеран – Тутанхамон, который первым делом решил построить в Лувре пирамиду).

Однако за критикой можно увидеть реальное воплощение программы социалистов в жизнь. Кроме упомянутых Больших Работ выделяются средства и на расширение культурных сетей – откры-

ты 1000 новых библиотек, 1000 музыкальных репетиционных залов, 200 новых театров, 600 новых кинотеатров, 120 музеев открыто или отреставрировано, созданы десятки центров искусства и несколько отраслевых, специфических центров по отдельным видам искусства в разных городах; начата реставрация 3000 различных памятников культурного наследия как в крупных городах, так и в небольших населенных пунктах [6]. При помощи расширения культурной инфраструктуры социалисты воплощают свою идею о необходимости культурной демократизации, расширения доступа к культуре.

Идеи децентрализации также были осуществлены: они выразились в открытии в созданных социалистами же регионах Региональных дирекций по вопросам культуры (*Directions Régionales des Affaires Culturelles*), которые фактически являются представительствами Министерства культуры в регионах. Хотя идея децентрализации путем создания дополнительных органов существовала давно, окончательную свою форму и воплощение она приняла именно при социалистах; их заслуга ещё и в том, что дирекции выполняют роль посредника, своеобразного координатора между центром и регионами, обеспечивая согласованность политики на разных уровнях.

Практическая реализация культурной политики социалистов, связана с именем Жака Ланга, министра культуры во всех правительствах социалистов при Миттеране, фигуры столь же знаковой для социалистов как Мальро для голлистов. Демократизация, участие общественных организаций, улучшение финансирования культуры – все эти идеи обнаруживают в Ланге скорее умелого управленца, чем выразителя потребностей деятелей культуры и искусства. В таком же ключе скорее искусного регулирования, чем новаторских мер, надо рассматривать и ещё одну характерную черту культурной политики социалистов – поддержку индустрии культуры. Рост спроса на продукты культурной *индустрии*, с одной стороны, – это объективный процесс в обществе потребления. С другой стороны, меры социалистов (то есть фактически увеличение предложения на рынке индустрии культуры) стимулировали перемещение культурных практик именно в сферу культурной индустрии. Не будем вдаваться в глубины спора о том, что вообще такое культура и что ею не является, отметим лишь, что социалисты собственной по-

литикой поддержки любительского искусства и общественных организаций (associations) в сфере культуры заслужили критику из стана представителей «высокой» культуры.

В 1990-х гг. идеи самих социалистов относительно культурной политики уже не получают должного дальнейшего развития под шквалом критики со стороны культурной общественности. Особенно большой объём критических книг и статей приходится на конец 80-х – начало 90-х гг., однако в них критикуется не только политика социалистов. Итогом нарастания критики и неудовлетворенности результатами политики со стороны культурной общественности стало создание в 1996 г. комиссии по пересмотру основ культурной политики под руководством Жака Риго [9]. Таким образом, меры социалистов в определенной степени спровоцировали кризис основ культурной политики Пятой республики.

Говоря о голлистах и их взглядах на культуру, мы должны принять во внимание тот факт, что они проявлялись поначалу уже как готовые политические решения, а не как программные заявления. Через посредство ими же созданного Министерства культуры в жизнь проводились конкретные идеи партийных лидеров, в первую очередь лично Андре Мальро – первого министра культуры Пятой республики и ближайшего друга Де Голля. Таким образом, можно говорить о процессе формирования культурного дискурса голлистов как о постепенном осмыслении уже реализованных политических шагов в русле партийной идеологии. Этот способ складывания партийных взглядов на культуру даже более интересен, чем традиционные выступления с политическими заявлениями. Он достаточно своеобразен, необычен, довольно продолжителен (встречи «Культура во Франции», организованные для подготовки писаной программы культурной политики партии, состоялись лишь в 1993 г.). Интересен он и тем, что решения принимались на различных уровнях партии – от Министерства до голлистских муниципалитетов. Существование Министерства культуры, которое лишь на год младше самой Пятой республики, то есть Министерства *изначально* голлистского, обусловило и тот факт, что у голлистов не было создано и национальной структуры, ответственной за культурную политику. Министерство исполняло и роль генератора идей, само же и претворяло их в жизнь.

В том, что касается культурной политики, голлисты производят довольно своеобразное впечатление: впечатление партии, которая предпочитает говорить делом, а не словом. После десятилетней деятельности Мальро на посту министра и его активнейших новаторских шагов, после того как им была фактически создана вся система этой политики, первые шаги по оформлению идей в партийные документы начали предприниматься лишь в 70-х гг., во многом в ответ на активное включение культуры в зону своих интересов социалистами и на осознание важности темы культуры на выборах. Это было обусловлено не только тем, что голлисты находились у власти и их идеи воплощались не столь в партийные документы, сколь сразу в законы. Один из важнейших факторов – это личность первого министра культуры – Андре Мальро, личность популярная, объединившая в себе такие немаловажные черты, как верность президенту де Голлю и подходящий социальный статус – писатель, знаток истории культуры, одним словом, человек, понимавший чаяния мира культуры. Во многом именно авторитет Мальро сделал Министерство по делам культуры государственным, а доверие де Голля своему министру не позволило новому министерству стать очередной химерой в ряду существовавших ранее органов по делам изящных искусств. Но вместе с этим Мальро был своеобразным романтиком в плане политики. Необходимо чётко понимать, что идеи Мальро были *его* идеями. Можно сказать, что он в каком-то смысле стоял отдельно от партии, которая в целом определённых взглядов на культуру не имела. Вместе с этим, однако, можно утверждать, что взгляды голлистов на культуру формировались под воздействием идей Мальро, которые на деле, в историю вошли как меры голлистского правительства.

Какие же конкретно идеи исповедовал Мальро? Они вполне отразились в самом процессе создания Министерства культуры, первым главой которого он был. В силу того, что он стоял у истоков этого учреждения, идейная основа и цели могли быть изложены сразу же в законодательстве. Декрет 1959 г. о создании министерства провозглашает: «Задача министерства по делам культуры – сделать доступными для наибольшего количества французов величайшие творения человечества и, в первую очередь, Франции; обеспечить наибольшую востребованность нашему культур-

ному наследию; способствовать созданию произведений искусства и стимулировать творческий настрой в обществе» [3]. В данном тексте, как и во многих выступлениях Мальро-министра, мы видим основную идею Мальро – сделать культуру доступнее, ближе обычным людям, уйти от культуры как элитарного феномена. В какой-то мере эта мысль созвучна мысли о демократизации культуры французских левых. Однако существует важное отличие: Мальро в первую очередь хотел донести уже существующее культурное достояние до большего числа людей. Конечно, нужно делать скидку на разный исторический фон эпох, в которых звучали эти разные по сути идеи: Мальро ещё не пришлось столкнуться с проблемой культурного потребления в той мере, в какой социалистам в 1980-х гг. Идея, к которой приходит Мальро в результате размышлений относительно способа, как сделать культуру доступной для всех, гениальна в собственной очевидности: сделать культуру бесплатной. Он говорит о бесплатном театре, в этой же связи предвидит подавляющий рост влияния телевидения. Однако Мальро был писателем, творцом идей, а не политиком, прекрасные и утопичные мечты его наталкивались на скромность бюджета молодого Министерства и неспособность министра добиваться финансирования.

Голлисты также обязаны Мальро появлением идеи децентрализации и в их культурно-политической программе. Как уже было показано ранее, за децентрализацию в той или иной её форме выступали и французские левые. У Мальро эта идея принимает форму создания домов культуры. Проекты создания домов культуры (*maisons de la culture*) начинают разрабатываться с начала 1960-х гг. Основной сложностью стала необходимость преодоления любительской основы, с которой была зачастую связана культурная жизнь в провинции. Проблема состояла, с одной стороны, в низком качестве (если применительно к культуре вообще можно говорить о качестве) подобного творчества. С другой стороны, практически все организации энтузиастов подобного рода (как, например, ассоциации народного образования, *éducation populaire* – наследие политики Народного фронта) были тесно связаны с Министерством образования, которое находилось не в самых лучших отношениях с Министерством культуры, отобравшим у него изрядную долю полномочий. И если с первой сложностью возможно было как-то мириться или даже,

больше того, превратить её в плюс, пользуясь близостью этих организаций к широким общественным слоям, постепенно поднять их уровень, то вторая проблема представлялась трудно решаемой. Связь с невольным противником в лице Министерства ставила бы под угрозу самостоятельность региональной культурной инфраструктуры. В этой ситуации создаваемые дома культуры должны были стать опорой государства в его отношениях с миром творческих людей и организаций, ещё одной площадкой для диалога; появлялся новый, широкий творческий цех, получающий государственные субсидии [7]. Однако надо сказать, что проект домов культуры Мальро если не потерпел полный крах, то постепенно сошел на нет, виной чему стал всё тот же недостаток финансирования. К концу министерской деятельности Мальро было открыто лишь восемь из более чем двадцати домов [8, с. 99].

Мальро как идеолог министерства видел многие процессы, происходившие в культуре, и, насколько можно говорить об этом сейчас, довольно точно мог прогнозировать её дальнейший путь развития, в том числе и в сторону культуры массовой. Именно поэтому он понимал важность модернизации подхода к культуре, отказа от понятия культуры в рамках изящных искусств. Зелёный свет современному искусству – также знак модернизации. Поддержка классических художественных стилей, академического господства стала бы для министерства поддержкой культурной элитарности, отказом от идеи доступности культуры, именно поэтому Мальро открывает дорогу почти любым представителям авангардных течений в искусстве того времени. Это находит отражение и в списках участников крупнейших культурных событий, выставок, фестивалей, а также в политике госзаказов на произведения искусства. Например, большие споры вызвало решение предоставить право оформления потолка Парижской Оперы Марку Шагалу [10]. Поощрение современного искусства стало стабильным явлением французской культурной политики, однако первоначально это встречало серьёзное сопротивление, особенно среди представителей творческой элиты, занимавших посты во Французской академии.

В результате идеи Мальро предстают нам как своеобразное соединение идей модернизации и сохранения наследия, поощрения авангарда и доступности широким общественным слоям одновре-

менно. Без сомнения, они оказали кардинальное влияние на культурно-политические воззрения не только самих голлистов, но и всей французской политической элиты в целом.

Современные французские исследователи (В. Дюбуа) отмечают, что взгляды партий на культуру отражались не только в политике партий, но и в формировании представлений о самой партии. Идеи, существовавшие у каждой партии в сфере культурной политики, а также характерные меры становятся со временем своеобразными клише, способствовавшими в том числе и формированию партийной идентичности. Для коммунистов подобным символом стал ореол «партии интеллектуалов». Социалисты, с одной стороны, унаследовали от Народного фронта заботу об общественном досуге, с другой – своеобразным «знаком» социалистов стали строительство и реконструкция крупнейших культурных учреждений (*Grands Travaux*) в 1980-х гг. Деятельность Андре Мальро стойко ассоциируется с голлистской партией. Можно отметить использование культуры для создания образов в общественном сознании.

Рассмотрев идеи и практические меры, принимавшиеся важнейшими партиями на французской политической арене в области культурной политики, в их воззрениях выявили ряд отличий. Однако важность сохранения культурной политики в той или иной её форме является предметом политического консенсуса. Ни одна из партий не отрицает необходимость улучшения культурной жизни провинции и децентрализации. Партии принимают в той или иной форме идею о том, что важно сделать культуру более близкой для массовой публики. Вызывает единодушное одобрение цель распространять в мире французское культурное влияние и повышать международное значение французского языка (что в статье детально не рассматривалось, т.к. внешняя культурная политика во Франции институционально отделена от внут-

ренней). Подобное положение дел можно объяснить двумя причинами. Во-первых, самой спецификой культуры как области приложения политики. Вряд ли какая-либо партия в состоянии высказать мысль, например, что поддерживать культуру не надо или что нет нужды развивать культурную жизнь в провинции. Во-вторых, культурная политика действительно является областью консенсуса среди политических сил по основным параметрам. Главными возбудителями спокойствия и выразителями противоречий зачастую являются сами деятели культуры, недовольные либо вмешательством в их творческую жизнь, либо, наоборот, недостаточным в неё вмешательством, если дело касается финансирования.

На современном этапе культурная политика продолжает вызывать споры как среди политиков, так и среди культурной общественности. В 1990-х гг. обсуждение вопросов политических проходило ещё и на фоне национальных дебатов по вопросу о современной культуре вообще и о том, что можно считать культурой. Получая широкое освещение в прессе, подобные дебаты имеют широкий общественный резонанс. В итоге этого обсуждения можно говорить о формировании к настоящему моменту двух точек зрения, концепций вмешательства в культуру: государственной, согласно которой власть вправе при помощи культурной политики вмешиваться в дела культуры как на уровне финансирования, так и на уровне идей (данной точки зрения придерживаются большинство политиков и партий в целом), и либеральной, согласно которой вмешательство государства должно быть минимизировано и сведено в основном лишь к защите памятников культурного наследия, а современные авторы должны быть предоставлены сами себе (эту точку зрения отстаивает большинство представителей интеллектуальных кругов). В практической политике же сейчас, бесспорно, господствует первая концепция.

Библиографический список

1. Bourdieu P. Les musées et leur publics, *L'Expansion de la recherche scientifique*, № 21, décembre 1964.
2. «110 Propositions pour la France» // *L'OURS* [Электронный ресурс] URL: <http://www.lours.org/default.asp?pid=307> Дата обращения: 17.09.10
3. 50 ans en quelques pages // *Culture 1959–2009* [Электронный ресурс] URL: <http://www.50ans.culture.fr/50ans/patrimoine/1> Дата обращения: 20.08.10
4. De Roux E. Culture: l'arme secrète du préésident Mitterrand // *Le Monde* 10.01.1996
5. Fumaroli M. *L'Etat culturel. Essai sur une religion moderne*, Paris, Ed. De Fallois, 1991.
6. «Lettre a tous les Franzais»// *PS Information* [Электронный ресурс] URL: <http://miroirs.ironie.org/socialisme/www.psinfo.net/entretiens/miterrand/1988lettre.html> Дата обращения: 17.09.10

7. 1961 – Cr ation des Maisons de la Culture // Culture 1959–2009 [Электронный ресурс] URL: <http://www.50ans.culture.fr/> hier Дата обращения: 20.08.10
8. Poirrier Ph. L'Etat et la Culture en France au XX-e si cle, Ed. Le Livre de Poche, 2000.
9. Pour une r fondation de la politique culturelle (rapport au minist re de la Culture), Rigaud J., president de la Comission d' tude de la politique culturelle d'Etat. Paris, La Documentation fran aise, 1996.
10. Pr sentation // Op ra de Paris [Электронный ресурс] URL: http://www.operadeparis.fr/cns11/live/onp/L_Opera/Palais_Garnier/PalaisGarnier.php?lang=fr Дата обращения: 20.08.10
11. Urfalino Ph. L'Invention de la politique culturelle, Paris, Hachette, 1996.

V.A. MOZHINA

CULTURAL POLICY AND POLITICAL PARTIES UNDER THE V-TH REPUBLIC IN FRANCE

The article treats the opinions of the main French political parties concerning cultural policy during the second half of the XX-th century. The process of establishing the polemics on cultural questions is also analyzed, the author offering it's periodization. Differences and similar trends in the political programs as well as in real politics are emphasized.

Key words: cultural policy, the Gaullist party, the French Socialist Party, the French Communist Party, cultural democratization.

*А.С. РОГОЖИНА, аспирантка кафедры истории России
Орловского государственного университета
Тел. 89208129285; minakona.angelina@yandex.ru*

ОТЧЕТЫ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЗЕМСКОЙ УПРАВЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

В статье рассматриваются Отчеты Орловской губернской земской управы. Анализируется их информативность с точки зрения оценки государственной политики в области народного продовольствия. Проводится структурное изучение разделов источника. В заключении делается вывод о высокой информативности данного источника, свидетельствующего о том, что продовольственная политика в Орловской губернии проводилась в соответствии с принятыми законодательными актами и при высокой заинтересованности земских учреждений.

Ключевые слова: земство, губернская управа, отчет, хлебный запасной магазин, продовольственный капитал.

Важнейшим источником по истории государственной продовольственной политики являются Отчеты губернских земских управ.

В 1811 г. при Министерстве полиции было основано Статистическое отделение для рассмотрения губернаторских отчетов и составления из них общих сводов. Указом от 22 декабря 1852 г. оно было упразднено. Взамен учреждался Статистический комитет, который был переименован в 1857 г. в Центральный комитет и был образован в составе двух отделений – статистического и земского, причем последнее в 1861 г. было выделено из состава Комитета в самостоятельный (земский) отдел Министерства внутренних дел. В связи с реформой 1864 г. и выходом в свет «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» наиболее заметную роль начали играть статистические подразделения органов земского самоуправления, одним из важнейших направлений исследований которых было аграрное, в частности вопрос обеспечения населения продовольствием во время голода и неурожая.

Отчеты представляли особый вид делопроизводственной документации и были порождены эпохой «Великих реформ» и последующими за ней несколькими десятилетиями.

При Орловской губернской земской управе существовали земские статистические органы, которые занимались составлением и подготовкой делопроизводственных отчетов, среди которых были и Отчеты Орловской губернской земской управы.

Ежегодно по результатам своей работы управа публиковала отчет о проделанной работе по различным направлениям хозяйственной деятельности. Важное место в этих отчетах отводилось вопросу продовольственного обеспечения населения губернии и его статистическим приложениям, которые представлялись в форме «Ведомости о состоянии хлебных запасов, урожае хлебов и трав и о торговых ценах на рожь и овес в Орловской губернии за год». Каждая такая «Ведомость...» представляла собой таблицу с достаточно четким формуляром, содержащим несколько разделов, так или иначе ориентированных на продовольственное направление. Один из них –

«Заключение уездных земских управ и собраний о степени урожая и о размере испрашиваемых ссуд из продовольственного капитала» – содержал оценки уровня урожая за минувший год по каждому уезду. В «Отчетах» приведены заключения уездных земских управ и собраний о степени урожая за «голодный» 1892 г. [13, с. 194–199]. Так, Орловская уездная управа сообщает, что «урожаем скуден»; Мценская уездная управа – «урожаем ржи ниже среднего, овса – плохой, местами даже не собрано семян»; по Карачевскому уезду – «в западных волостях урожай ржи вполне хороший, в северной части рожь уродилась ниже среднего, а в восточной и южной – лишь возвращены семена; овес повсеместно не уродился»; Севский уезд – «урожай ржи удовлетворительный, овса – полный неурожай, остальные яровые – ниже среднего»; в Малоархангельском уезде – «полный неурожай ржи и овса»; Ливенская и Елецкая управы сообщают о плохом урожае озимых и яровых.

Изучение Отчетов губернских земских управ привлекает внимание целого ряда исследователей. В частности, Минаков А.С. в своей статье, посвященной непосредственно Отчетам Орловской губернской земской управы, сообщает интересные сведения о том, что при подготовке к публикации текста отчета отсутствовала обработка материалов, присланных из уездных земских управ, на что главным образом указывает несравнимость данных указанного раздела ведомости по всем 12 уездам губернии в целом [2, с. 322–323].

Важной дополнительной информацией были сведения о формировании семенного фонда уездов [там же, с. 325]. Они встречаются практически по каждому уезду и за каждый год. Однако, к примеру, за 1878 г. сведения «о количестве хлеба, которое должно было быть засыпано в магазины», не были представлены Орловской и Карачевской уездными управами [5, с. 66–71]; за 1880 г. – Орловской уездной управой [6, с. 76–81]; за 1886 г. – Дмитровской и Елецкой управами [11, с. 2–13].

Далее обращает на себя внимание раздел, в котором указывались сведения «о количестве хлеба в магазинах на лицо». По некоторым уездам в разные годы в указанном разделе стоял прочерк, однако это вовсе не означало, что земские управы соответствующих уездов не подали вовремя сведения. Дело в том, что все количество хлеба, которое должно было находиться в наличии в магазине к моменту составления отчета, было

выдано в ссуды. Так, в 1877 г. в подобном положении оказался Мценский уезд [4, с. 60–65], в 1881 г. – Болховский, Брянский и Севский уезды [7, с. 92–103], в 1882 г. – Карачевский, Трубчевский и Севский уезды [8, с. 76–91], в 1883 г. – Карачевский и Севский [там же], в 1884 г. – Орловский и Карачевский уезды [9, с. 130–141] и т. д.

Еще один раздел «Ведомостей...» был посвящен сведениям о размерах испрашиваемой ссуды из хлебозапасных магазинов. Размер ссуды и ее необходимость находились в прямой зависимости от размера урожая. Между тем размер урожая сообщался не всегда. В случае надобности в отчете часто указывались конкретные цели, на которые предполагалось истратить ссуду. Порой встречалась формулировка типа «Размер ссуды не определен». Это означало, что на момент составления отчета с размером ссуды или вообще с целесообразностью ее истребования в уезде еще не определились.

В «Ведомостях...» также существовал раздел, посвященный количеству хлебных магазинов. Если сравнивать «Ведомости...» губернских управ за 1877–1893 гг., то можно выявить следующие особенности. Самое большое количество магазинов в Орловской губернии существовало в 1877 г. – 3076 магазинов [4, с. 60–65]. Однако уже на следующий год наблюдался резкий спад, в результате чего количество магазинов уменьшилось до 2557, что составило на 519 магазинов меньше по сравнению с предыдущим годом [5, с. 66–71]. Подобная ситуация может свидетельствовать об отсутствии необходимости содержать лишние хлебные магазины, ненужные в условиях благоприятного урожая. Следующей точкой подъема являлся 1882 г. [8, с. 76–91], когда количество магазинов увеличилось и достигло отметки в 2699, после чего опять наступает снижение этого показателя, дошедшего до 2411 магазинов к 1888 г. [12, с. 170–172].

Кроме того, «Ведомости...» содержали информацию и о торговых ценах на рожь и овес в Орловской губернии. Так, ценовой максимум за 9 пудов ржи был зафиксирован в 1881 г. в Трубчевском уезде и составил 13 рублей, а овса – в 1893 г. – в Брянском уезде и составил 4 рубля 60 копеек [7, с. 92–103; 14, с. 108–111]. Что же касается ценового минимума, то самую дешевую рожь (в прежнем количестве – 9 пудов) можно было купить в Ливенском уезде в 1888 г. за 3 рубля 48 копеек, а

овес – в Дмитровском уезде в том же 1888 г. за 1 рубль 88 копеек [12, с. 170–172]. Примечательно, что, казалось бы, в самые тяжелые для сельского хозяйства 1891–1892 годы цена на рожь и овес не достигла высшей отметки.

Наряду с высокой информативностью данной части «Отчетов» имеется один очевидный недостаток – полное отсутствие данных по ряду уездов за отдельные годы. Например, по Орловскому и Карачевскому за 1878 г. [5, с. 66–71], по Орловскому за 1880 г. [6, с. 76–87], по Дмитровскому и Елецкому за 1886 г. [11, с. 2–13].

Однако помимо «Ведомостей о состоянии хлебных запасов, урожае хлебов и трав и о торговых ценах на рожь и овес в Орловской губернии» Отчеты Орловской губернской земской управы содержали еще и письменные разделы о состоянии народного продовольствия в губернии. Эти разделы включали сведения об ассигнованных ссудах как из губернского, так и из общего по империи продовольственных капиталов, информацию о состоянии продовольственных капиталов сельских обществ, которые предпочли замену хлебного сбора денежным, и о сельских обществах, изъявивших желание в будущем году воспользоваться подобной заменой, а также сведения об испрашиваемых ссудах на будущий год. Кроме того, в Отчетах за некоторые годы изложены обстоятельства исполнения тех или иных государственных постановлений, касающихся деятельности земских учреждений.

В Отчетах Орловских губернских земских управ за 1867–1868 гг. сохранились интересные сведения о продовольственном обеспечении губернии. Так, в 1867 г. губернская управа, предвидя затруднения в продовольственном обеспечении населения, обратилась во все уездные управы с просьбой ходатайствовать о приостановлении предназначенной правительством продажи хлеба из Мценского центрального хлебного магазина, чтобы в случае необходимости земство могло приобрести этот хлеб на деньги из продовольственного капитала. Однако, несмотря на то, что управы ответили удовлетворительно, покупка земствами хлеба не состоялась ввиду высокой цены, назначенной правительством.

Исходя из изложенной ситуации, можно предположить, что правительство, руководствуясь, по видимому, общегосударственными интересами, своими постановлениями несколько усложнило про-

цедуру обеспечения продовольствием населения Орловской губернии, инициированную земскими учреждениями, и, возможно, пыталось извлечь выгоду даже из покупки хлеба для потенциально голодающего населения, фактически присвоив себе продовольственный капитал.

Далее источник сообщает, что «в то же время губернская управа просила уездные управы доставить сведения о состоянии хлебных сельских магазинов и свои соображения: на какое время примерно хватит хлеба в уезде с помощью имеющихся запасов в магазинах? Из полученных отзывов выяснилось, что в большей части уездов продовольствия не достанет и на первую половину 1868 г.; а в некоторых уездах (Брянский, Трубчевский) хлебных запасов вовсе не оказалось. Вследствие этого в конце 1867 г. уже начали поступать просьбы об оказании пособия в продовольствии; уездные же управы, ходатайствуя об удовлетворении таких просьб, доводили до сведения губернской управы, что жители некоторых местностей, наиболее потерпевших от неурожая, не имея ни хлеба, ни овощей, питаются одними жемчужками, от употребления которых начали развиваться поварные болезни» [3, с. 16–17].

В действительности же этих сведений председатель губернской управы удостоверялся личным дознанием по некоторым наиболее бедствовавшим губерниям.

В итоге докладом губернскому собранию о неблагоприятных обстоятельствах, угрожающих населению недостатком продовольствия, губернская управа полагала: «1) ассигновать из продовольственного капитала 144 тыс. рублей на продовольствие населения в течение 1868 г. с тем, чтобы уездные управы оказывали пособие только действительно нуждающимся (1-го разряда), предоставив их усмотрению, делать ли пособие деньгами или хлебом, который без сомнения они могут покупать большими партиями за более сходную цену, чем в розницу каждый нуждающийся; 2) расход на пересылку денег в уездные управы относить на счет тех же высылаемых ссуд; 3) возврат выданных пособий на продовольствие денег рассрочить на три года. Кроме ассигнованных собранием 144 тыс. рублей губернской управой было получено еще 25 тыс. рублей на помощь голодающим из Комиссии пособия жителям России, пострадавшим от неурожая. Озаботившись исполнением постановления собрания и в то же время

имея в виду уже поступившие просьбы о пособии нуждающимся в продовольствии, губернская управа тотчас же обратилась во все уездные управы о безотлагательном доставлении указанных собранием сведений, как-то: сколько лиц, нуждающихся в уезде, могут быть причислены к 1 разряду и какая существует цена на озимый хлеб».

В изложенных требованиях губернского собрания и губернской управы непонятными является способ и критерии определения степени нужды населения. Предположим, что из всей массы нуждающихся уезда лишь 20% окажутся приписанными к 1 разряду. В таком случае возникает вопрос, каким же образом должна спастись от голода оставшаяся часть населения? По-видимому, этот же вопрос поставил в затруднение и уездные управы, которые не смогли собрать данные, в результате чего «сведения не всеми уездными управами были доставлены своевременно, а число нуждающихся, показанное в списках, далеко не совпадало ни с численностью населения уездов, ни с положением оных по степени урожая, а потому и не могли быть принимаемы за основание при распределении пособия» [там же, с. 17].

Далее «Отчет» сообщает, что «таким положением дела губернская управа была поставлена «в крайне затруднительную ситуацию». И это неудивительно. Ведь, с одной стороны, управа обязана была исполнить постановления собрания и распределить пособия по числу нуждающихся именно 1 разряда. А с другой стороны, должна была уступить крайней необходимости и немедленно оказать пособие, не ожидая сомнительных сведений.

Рассмотрим, как же поступила в реальности Орловская губернская управа.

«Принимая во внимание, что при дальнейшей медлительности в распоряжении благоприятное время для покупки хлеба может быть упущено, губернская управа признала необходимым, не ожидая сведений и соображаясь со степенью недостатка хлеба, ощущаемого в уездах, начать правильное израсходование оных» [там же, с. 18]. Другими словами, губернская управа решила, не дожидаясь сведений о количестве нуждающихся первого разряда, передать ассигнованные деньги уездным управам и фактически возложить на них всю ответственность.

При этом губернская управа выдвинула ряд условий выдачи ссуд из продовольственного капитала, а именно: «1) чтобы пособие нуждающимся

оказываемо было не деньгами, а хлебом, ибо оптом можно было купить дешевле, чем в розницу, тем более что мера эта была признана более удобною и более существенною и Комиссией пособия жителям России; а правильная раздача хлеба была бы возложена на членов управы, при содействии уполномоченных от крестьян; 2) чтобы весь разобранный из сельских магазинов хлеб был засыпан из неурожая 1868 г. и чтобы раздача оных производилась крайне нуждающимся; 3) чтобы деньги, или приобретенный на оные хлеб возвращены были в продолжение трех лет; 4) чтобы оставшиеся неизрасходованными деньги были возвращены в губернскую управу для присоединения к общему продовольственному капиталу» [там же, с. 19].

Если проанализировать вышеизложенные требования губернских управ относительно условий выдачи пособий, то можно найти в них, по крайней мере, противоречия, а по большому счету, даже грубое нарушение закона. Так, губернская земская управа настаивает на том, «чтобы пособие нуждающимся было оказываемо не деньгами, а хлебом», ссылаясь при этом на собственные умозаключения и выводы Комиссии пособия жителям России, будто «мера эта признана была более удобною». Однако согласно «Положению о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 г. [1, с. 19] губернские и уездные управы, распоряжаясь назначенною на продовольствие суммою, могли, лишь учитывая ходатайства сельских обществ, отпускать денежные пособия как для покупки хлеба, так и для раздачи денег по рукам. При этом закупка хлеба для продовольствия самими управами допускалась только по просьбе нуждающегося общества. Таким образом, требования губернской управы фактически противоречат закону.

Кроме того, обращает на себя внимание второй пункт требований касательно раздачи хлеба только крайне нуждающимся. Ведь логично предположить, что если уездные управы не смогли собрать сведения о нуждающихся первого разряда ранее, то от того, что капитал будет распределен по уездам, эта процедура не ускорится и, тем более, не упростится. Особенно учитывая, что критерии для оценки нужды не были четко определены.

Так, проанализировав материалы, предоставленные источником, можно сделать вывод о том, что земские учреждения в первые три года своей фак-

тической деятельности были растеряны и достаточно беспомощны. По большому счету, на них были возложены, пусть еще и частично, обязанности по регулированию одной из самых проблемных и противоречивых отраслей государственного хозяйства.

Обратимся же теперь к Отчету Орловской губернской земской управы за 1881 г. [7, с. 11–14]. Что в этом источнике примечательного?

Вспомним, что правила для земских учреждений 1864 г. предоставляли право земским собраниям устанавливать особые сборы со всех предметов обложения для усиления продовольственного капитала. Этим правом воспользовались немногие земства, преимущественно уездные. Когда Министерство внутренних дел обратило внимание земских собраний на эту меру, некоторые приступили к образованию капиталов. Другие, не возражая против целесообразности сборов, воздержались от их установления ввиду обременения плательщиков, особенно крестьян, усиленным обложением земель, на которые преимущественно падало всякое увеличение земских сборов. Третьи обуславливали применение этой меры привлечением к обложению торговых документов на общем основании.

В Отчете Орловской Губернской земской управы за 1881 г. сохранилось пространное предложение, ярко иллюстрирующее реакцию орловских земских начальников на реализацию подобной меры, что является информационной характеристикой данного источника.

Так, в августе по вопросу обеспечения народа продовольствием в 1881 г. поступило к Орловскому губернатору предложение министра внутренних дел, генерала-адъютанта, графа Игнатьева, в котором было высказано следующее: «... в устранении тех прискорбных случайностей и неожиданностей, которые имели место и прежде и которые могли бы сопровождаться и теперь, при изъясненных условиях, важными затруднениями, министр внутренних дел признает совершенно необходимым обратить внимание на настоятельную потребность в усилении местных продовольственных источников, посредством установления особых сборов на продовольствие со всех предметов земского обложения. Некоторые земства не замедлили сделать к тому нужные распоряжения; но было бы желательно, чтобы и другие земства воспользовались принадлежащим им правом на введение

продовольственных сборов» [там же]. Кроме того, граф Игнатьев обращает внимание на излишние затраты земства на покупку хлеба большими партиями, что «ставит население в большее стеснение».

О таком циркуляре министра внутренних дел губернская земская управа сообщила уездным земским управам, прося их, ввиду более или менее хорошего урожая в нынешнем году, принять энергичные меры к пополнению хлебных магазинов и взысканию недоимок продовольственного капитала прошлых лет, дабы губернское земство не было вынужденным в недалеком будущем, при отсутствии в наличности продовольственных запасов и капиталов, прибегнуть к указанной мере и тем самым увеличить земский бюджет, пополнение которого и без того было обременительно для населения [7, с. 14–15].

Было сделано также обращение к волостным правлениям с требованием представлять ежемесячные отчеты о состоянии возврата недоимок. В итоге за август, сентябрь и октябрь 1881 г. были возвращены следующие недоимки: озимых хлебов – 47 846 чет., яровых хлебов – 18 517 чет., ссуд из продовольственного капитала – 12 451 руб. и из общего по империи продовольственного капитала – 45 146 руб. [там же, с. 16]

Таким образом, благодаря стремительным мерам, предпринятым губернским земством, дополнительного налогообложения населения Орловской губернии удалось избежать.

Помимо всего прочего против предложений об установлении дополнительных земских сборов на продовольствие в земских собраниях нередко приводилось соображение, что, при сословном характере существующей продовольственной системы, представлялось бы несправедливым привлекать к обложению классы, не имеющие права на пользование пособиями. С другой стороны, раздавались голоса и в пользу образования земских, т. е. всесословных, капиталов.

Наконец, Отчет Орловской губернской земской управы за 1885 г. приводит сведения о ситуации, приключившейся в Орловской губернии в связи с ходатайством об отпуске ссуд из общего по империи продовольственного капитала.

Орловское губернское собрание ходатайствовало перед министром внутренних дел об отпуске Орловскому земству 150 тыс. рублей из общего по империи продовольственного капитала на че-

тыре года без процентов. Причем из них 135 тыс. рублей было предназначено для Ливенского уезда и 15 тыс. рублей – для Елецкого уезда.

Эти суммы губернское собрание постановило выдать с неперенным условием, чтобы уездные земства, ходатайствующие о выдаче ссуд в размере более 50% годового своего бюджета, обязаны были одновременно представить и постановления уездных собраний о том, что за полноту и своевременность уплаты испрашиваемой ссуды перед губернским земством отвечает уездное земство всеми предметами обложения.

Вследствие этого Ливенская управа созвала чрезвычайное Ливенское собрание, которое в ходе долгих дискуссий пришло к заключению, что «губернское собрание не имеет права указывать уездному собранию способ раскладки налогов, падающих на земство». В Отчете Орловской губернской земской управы за 1885 г. приведены следующие заключения чрезвычайного Ливенского собрания: «Смысл постановления губернского собрания, указывающего на других собственников для ручательства в уплате ссуды крестьян, лишает крестьян дарованного им полноправия. Постановление губернского собрания налагает на собственников тягости помимо их воли и тогда, как они избранников своих в уездное собрание не уполномочивали налагать на них ответственность за тех, кто, воспользовавшись займом, не пожелает его возвратить. Такого рода постановление подрывает значение учреждений или даже уничтожает их и возлагает ответственность в ссуде на тех, которые ее не получают, к тому же не имеют никакой возможности понудить должников» [10, с. 84–85].

Ливенское собрание постановило воспользоваться разрешенною уже экстренным губернским собранием ссудою в 50 тыс. рублей без условия последнего постановления. Кроме того, испрашивало еще 44 тыс. рублей, которые не превышали 50% бюджета.

В ответ губернская управа не признала возможным удовлетворить Ливенское собрание, так как годовой бюджет Ливенского земства равнялся 94 тыс. рублей, а 50 тыс. рублей уже были выданы земству, таким образом, и вся дальнейшая выдача ссуд превышала бы 50% бюджета.

О таком постановлении Ливенского собрания было доложено министру внутренних дел, который разъяснил, что «попечение о народном продовольствии составляет важнейшую из обязанностей земства, от исполнения коей оно отказываться не вправе».

В итоге Ливенское собрание постановило: Высочайше утвержденное постановление Комитета министров принять к руководству, а в данном случае и к безотлагательному исполнению [там же, с. 9].

Таким образом, рассмотрев содержание Отчетов Орловской губернской земской управы, можно сделать вывод о высокой информативности данного источника, в котором данные о размерах урожая, семенном фонде, количестве хлебных магазинов, испрашиваемых ссуд и состоянии продовольственного капитала часто подкрепляются в большинстве случаев интересными уточняющими и дополняющими сведениями. Кроме того, исследованные Отчеты позволяют проследить определенную динамику развития продовольственного вопроса в Орловской губернии и свидетельствуют о том, что продовольственная политика в Орловской губернии проводилась в соответствии с принятыми законодательными актами и при достаточно высокой заинтересованности земских учреждений. Население рассматриваемой губернии в неурожайные годы было практически полностью обеспечено продовольствием. Однако собственных запасов, т. е. запасов хлебных магазинов и продовольственного капитала губернии, часто не хватало, что вынуждало население посредством земских учреждений испрашивать ссуды из общего по империи продовольственного капитала, служившего для обеспечения населения лишь в чрезвычайных ситуациях. Однако в рассматриваемый период особо острого неурожая и голода не наблюдалось. Таким образом, даже неполный урожай требовал от населения обращения к неприкосновенному продовольственному запасу империи, что могло свидетельствовать либо о некомпетентном исполнении земствами своих обязанностей, либо о неэффективности продовольственной политики в целом, по крайней мере, на примере отдельно взятой губернии.

Библиографический список

1. Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. // Полное Собрание Законов Российской империи. Собр. 2. Отд. I. Т. XXXIX. – СПб., 1867. – Ст. 61.

2. Минаков А. С. Отчеты Орловской губернской земской управы как источник по оценке урожайности крестьянских хозяйств // Материалы XXIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Орел, 2006. – С. 322–327.
3. Отчет Орловской губернской земской управы за 1866–1868 гг. Орел, 1869.
4. Отчет ОГЗУ за 1877 г. Орел, 1877.
5. Отчет ОГЗУ за 1877–1878 г. Орел, 1878.
6. Отчет ОГЗУ за 1880 г. Орел, 1880.
7. Отчет ОГЗУ за 1881 г. Орел, 1881.
8. Отчет ОГЗУ за 1882 г. Орел, 1882.
9. Отчет ОГЗУ за 1883–1884 гг. Орел, 1884.
10. Отчет ОГЗУ за 1884–1885 гг. Орел, 1885.
11. Отчет ОГЗУ за 1885–1886 гг. Орел, 1886.
12. Отчет ОГЗУ за 1887–1888 гг. Орел, 1888.
13. Отчет ОГЗУ за 1891–1892 гг. Орел, 1892.
14. Отчет ОГЗУ за 1892–1893 гг. Орел, 1893.

A.S. ROGOZHINA

**REPORTS OF THE OREL PROVINCE OF THE DISTRICT COUNCIL AS A SOURCE OF
THE STATE RATION POLICY IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY**

Reports of the Orel province of the district council are considered in the article. Their informativity in the terms of evaluation of the public policies on the national ration supply is analyzed in the article. The structural study of the sections of the source is conducted. The high information content of the source, which indicates that the ration policy in the Orel province was conducted in accordance with the laws and the high interest of the local governments.

Key words: zemstvo, provincial council, report, bread spare magazine, a ration capital.

Л.Г. СТЕПАНОВА, кандидат исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин
и регионоведения Академии маркетинга и социально-
информационных технологий – ИМСИТ г. Краснодар
Тел. 8 918 468 9992; liliya_stepanova@list.ru

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В МОДЕЛИРОВАНИИ БЮДЖЕТА КРЕСТЬЯН XV–XVI вв.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с моделированием крестьянского бюджета в XV–XVI вв. Учитывая современные данные, анализируются показатели, берущиеся за основу при моделировании: урожайность зерновых культур, численность крестьянской семьи, нормы потребления.

Ключевые слова: крестьянский бюджет, урожайность, Новгородская земля, мужские души, размер дворохозяйства.

Новгородская земля, расположенная в зоне не очень благоприятного климата для развития земледелия, постоянно испытывала недостаток в хлебе. Многодневный труд крестьянина в поле приносил невысокие урожаи. Имеющиеся в нашем распоряжении немногочисленные сведения об урожайности зерновых культур на данной территории на протяжении XVI–XVIII вв. свидетельствуют о ее колебаниях в диапазоне от сам-0,4 до сам-3,2. Урожайность ржи, являющейся основным хлебным злаком, в XVI в. в различных уездах Новгородской земли, по данным Н.А. Рожкова, варьировалась в пределах от сам-1,5 до сам-1,7 [11, с. 56–57]. В 60–70-х гг. XVIII в., по данным А.И. Комисаренко и М.Ф. Прохоровой, урожайность ржи в Новгородском уезде находилась в диапазоне от сам-0,3 до сам-2 [7, с. 92], в 80–90-х гг. XVIII в., по данным Л.В. Миловой, она колебалась от сам-2,1 до сам-3,2 [8, с. 184].

Для рубежа XV–XVI вв. мы располагаем сведениями, зафиксированными в новгородских писцовых книгах, об эквивалентном переводе хлебного оброка, берущегося определенной долей урожая, на фиксированный оброк, выражающийся непосредственно в количестве зерна. Благодаря этому удалось рассчитать среднюю урожайность в Водской и Шелонской пятинах Новгородской земли, находившуюся в это время в диапазоне от сам-1,9 до сам-2,1 [13, с. 184]. При таком уровне урожайности хлебный баланс всех новгородских пятин должен быть дефицитным. Расчеты, произведенные авторским коллективом «Аграрной истории Северо-Запада России» под руководством А.Л. Шапиро, показывают, что даже при урожайности сам-4, которую они взяли за основу, на рубеже XV–XVI вв. собственным хлебом не могли себя обеспечить крестьяне Деревской пятины и в привозном хлебе нуждались жители Великого Новгорода. По нашим подсчетам, уже при урожайности сам-3 баланс всех новгородских пятин оказывается отрицательным [14, с. 84–90]. При этом возникает закономерный вопрос: каким же образом при таком дефицитном хлебном балансе в Новгородской земле формировался бюджет самих крестьян, занятых тяжелым физическим трудом в поле?

В своем многотомном труде ленинградские историки попытались смоделировать бюджет крестьянской семьи, жившей на данной территории в XVI в. По их данным, крестьянское однолошадное хозяйство в трех наиболее полно представленных в писцовом описании пятинах (Шелонской, Водской и Деревской), как правило, соответствовало одной обже, а средняя запашка на обжу равнялась 3,2 коробы, или 9,5 га в

трех полях. При расчете крестьянского бюджета исследователи отталкивались также от состава крестьянской семьи, равного 5 душам обоего пола, средней урожайности ржи в сам-4 и средних размеров повинностей [1, с. 363]. В результате моделирования ученые пришли к заключению, что при урожайности сам-4 и при низкой норме потребления хлеба (15 пудов в год на человека и 15 пудов на скот) в Водской и Шелонской пятинах крестьянские хозяйства при получении небольших доходов от леса и реки могли иметь сравнительно небольшой остаток зерна. В среднем однолошадном хозяйстве при этой урожайности на питание людей и корм скота уходило не менее 67% совокупного продукта, на долю хозяйственного накопления, таким образом, оставалось 33% [1, с. 365–366]. А.Л. Шапиро полагал, что имеющийся хлебный дефицит бюджета крестьяне перекрывали за счет подсек, а сама лешая пашня не входила в обожный счет [1, с. 348]. Он сделал также вывод о том, что в XVI в. своего зерна северному крестьянину не должно было хватать даже для собственного обихода. Однако в реальности продуктивность крестьянского хозяйства все же превышала его потребности и даже позволяла крестьянину продавать излишки зерна [1, с. 46–56].

Тезис о том, что среднее крестьянское хозяйство в Шелонской, Водской, Деревской и Бежецкой пятинах в большинстве случаев соответствовало одной обже, на первый взгляд, не вызывает возражений и, более того, только подкрепляется расчетами, позволяющими заключить, что обжа являлась нетвердой окладной единицей, опирающейся на производственные показатели среднего двора отдельного региона. Судя по всему, обжа выступала в качестве своеобразного эталона, с которым сравнивались крестьянские дворы данного региона и в зависимости от своей производственной мощности подлежали большему или меньшему обложению (т.е. клались в доли обжи или в несколько обож). Поэтому размер обжи в разных пятинах был неодинаков. По нашим подсчетам, в Шелонской пятине в обжу клался двор, в котором запашка в среднем достигала 4,3 коробы ржи и заготавливалось около 38,1 копны сена. В Деревской пятине однообожный двор имел уже 2,4 коробы пашни и 16,1 копны сена, в Водской пятине – 3,8 коробы и 24,4 копны сена, в Бежецкой пятине – 2,9 коробы и 16,6 копны сена, а в Обонежской пятине к одной обже писцы приравнивали

двор, имевший 1,8 коробы пашни и 16 копен сена [13, с. 230].

В среднем по всем пятинам по нашим расчетам, в однообожном дворе запашка составляла чуть меньший размер, чем по данным ленинградских историков, – 3 коробы пашни. Однако в Обонежской пятине вследствие климатических и почвенных условий местности средним считался вовсе не однообожный двор, а двор, положенный в меньшие доли обжи. Вместе с тем и в других пятинах показатели запашки в среднем на двор существенно отличались от показателей среднего однообожного двора. Это связано как с нетвердостью самой окладной единицы, так и с измерением писцами потенциальных возможностей крестьянского хозяйства, а значит, и его платежеспособности, на глаз, а также и с тем, что в отдельных микромассивах земель имелись крестьянские дворы, отличающиеся друг от друга по своим показателям, которые трудно было приравнять к определенному эталону.

Так, в Шелонской пятине на рубеже XV–XVI вв. из 1247 отдельно описанных крестьянских дворов, взятых в выборку, самая большая группа из них была положена в одну обжу (43,8%). 14,4% дворов писцы приравнивали к пол-обжи, 20,9% дворов – к полторы обжи, 15,2% – к двум обжам, 3,6% – к двум с половиной обжи и 2,1% дворов – к трем, четырем и пяти обжам [13, с. 132]. В Водской пятине из 1859 отдельно описанных дворов к одной обже писцы приравнивали больше половины дворов (53,3%), в пол-обжи положили – 2,7 дворов, в полторы – 12,3%, в две обжи – 17,9% и 3,8% дворов определили к многообожным [13, с. 144]. В Деревской пятине из 2963 крестьянских дворов писцы положили в одну обжу основную их массу (86,8%) к двум обжам они приравнивали 7,3% дворов, к полобжи 2,7% и к полоторам обжи – 2,9%. К многообожным дворам в Деревской пятине были отнесены всего 8 дворов (0,3%) [13, с. 138]. Если учесть все недочеты при оценке писцов платежеспособности крестьянского двора и брать за основу все же не однообожный двор, а средний крестьянский двор, размер запашки в поле для моделирования бюджета средней крестьянской семьи значительно меняется. В Шелонской пятине он составляет 5,4 коробы, в Деревской пятине – 2,6 коробы, в Водской пятине – 4,8 коробы, в Обонежской – 1,3 коробы и в Бежецкой пятине – 3,8 коробы. Получается, что в целом по Новго-

родской земле запашка среднего крестьянского двора достигала 4 коробьи в поле.

Вопрос о «людях» писцовых книг является до сих пор дискуссионным, поскольку этот показатель не отражает реальный численный состав двора. Многие ученые полагают, что в среднем крестьянском дворе XVI–XVII вв. проживало 6–7 человек. Авторы «Аграрной истории Северо-Запада России» подходят ко дворам, описанным в новгородских писцовых книгах, дифференцированно: на двор с одной семьей они кладут 5 человек, на двор с двумя семьями – 7,5 человека, на двор с тремя – 10 человек [1, с. 19–20]. Точку зрения авторов «Аграрной истории Северо-Запада России» о том, что в новгородских писцовых книгах зафиксированы главы семейств, можно признать достаточно аргументированной. Источники по Северу и Северо-Западу России свидетельствуют о многовариантности брачного поведения, а также об увеличении количества многосемейных дворохозяйств на протяжении XVII–XIX вв. [2, с. 56–58; 3, с. 37–38]. В то же время источники по Заонежью XVII в. позволяют провести параллель брачного и семейного поведения жителей этого региона с «европейской» моделью брачности [15, с. 359–360].

Имеющиеся в нашем распоряжении синхронные данные по странам Западной Европы, характеризующие «европейскую» модель брачности, опираются на выявленные сведения о численности отдельных дворохозяйств и свидетельствуют о том, что в северной Франции в середине XVI в. средний размер домохозяйства составлял 4–5 человек [5, с. 78]. В среднеанглийских графствах в это время большинство хозяйств были односемейными и состояли в среднем из 4–4,85 человека. Более того, с конца XVI в. до начала XX в. количество людей в дворохозяйстве сильно не менялось и достигало в среднем 4,75 человека [4, с. 317]. Чуть более высокий показатель – 6 человек на двор – дают данные, относящиеся к XVI в. и территории Великого Княжества Литовского [9]. Но здесь мы сталкиваемся уже с «восточноевропейской» моделью брачного поведения.

Выборка, составленная на основании описания в новгородских писцовых книгах однодворных деревень и отдельноописанных крестьянских дворов, включающая 7195 дворов, в которых писцы зафиксировали 10 499 мужских душ, позволяет заключить, что в среднем на один крестьянский двор в Новгородской земле на рубеже XV–XVI вв. при-

ходило 1,5 мужские души. Этот показатель оказывается на несколько десятых выше, чем у ленинградских ученых, в связи с тем, что при расчетах использовались разные методики извлечения сведений писцовых книг (по предыдущим данным на один крестьянский двор приходилось 1,3 женатых мужчины) [4, с. 274]. Тем не менее, полученные данные позволяют сделать вывод о широком распространении в Новгородской земле в XV–XVI вв. малых, однопоколенных или двухпоколенных семей, состоящих из родителей и их детей, и согласиться с доводами авторов «Аграрной истории» о средней численности двора, где зафиксирована 1 мужская душа, в 5 человек.

Попытаемся определить доходы и расходы среднего крестьянского двора в XVI–XVII вв. в новгородских пятинах, взяв за обычную норму годового потребления на одного взрослого едока 24 пуда зерна. Для XVI в. Н.А. Рожков определял норму потребления в 20 пудов [11, с. 363]. В «Аграрной истории Северо-Запада России» максимальная норма потребления на человека составляет 20 пудов, а минимальная – 15. В то же время авторы исследования выделяют еще 20 пудов для кормления скота [1, с. 363]. Норма в 3 четверти (24 пуда) на душу обоего пола, куда входит расход – как на продовольственные, так и хозяйственные нужды, принята в научной литературе для XVIII и XIX вв. и считается обычной для расчета крестьянского бюджета [8, с. 387–389; 6, с. 3; 14, с. 292; 12, с. 238, 243]. Учитывая калорийность каждого вида хлеба в крестьянском рационе питания, исследователи полагают, что ниже этой нормы питания для взрослого человека при большом объеме физической нагрузки и недостатке других продуктов питания спускаться уже было нельзя, поскольку в пересчете на калории она составляла около 3200 ккал в день [8, с. 388]. Однако именно из этой расчетной нормы при высчитывании годового крестьянского зернового бюджета нужно еще вычесть расход зерна на подкормку скота (на рабочую лошадь – 16 пудов в год [10, с. 363], на две коровы и свинью – 8 пудов [8, с. 389]). В то же время для детей и престарелых следует исходить из половинной нормы взрослого человека [16, с. 141].

Большинство исследователей считают, что одной коробье ржи соответствовало 7 пудов ржи. Авторы «Аграрной истории Северо-Запада России» на основании сопоставления относительного

веса яровых культур с озимой рожью установили, что коробья овса весила 4,7 пуда, коробья ячменя – 6, коробья пшеницы – 7–8 пудов [1, с. 31–32]. При запашке 4 коробьи в поле и урожайности сам-2 новгородский крестьянин мог получить в трех полях (озимь, ярь и пар) валовой урожай размером в 16 коробьи, или 93,6–104 пудов зерна (56 пудов ржи, 37,6 пудов овса или 48 пудов ячменя). Однако для собственных и хозяйственных нужд можно было оставить только его половину (8 коробей, или 47–52 пуда зерна), остальную половину нужно было сберечь на семена.

Для того, чтобы прокормить крестьянскую семью, состоящую из 5 человек (двух взрослых и троих детей), минимально требовалось 84 пуда зерна, но при среднем коэффициенте по новгородским пятинам 1,5 мужские души на двор средней крестьянской семье, состоящей из 6–7 человек (3 взрослых и трех-четырёх детей), для своих продовольственных нужд необходимо было не менее 108 пудов зерна. Дефицит продовольственного бюджета средней крестьянской семьи при урожайности сам-2, таким образом, составлял 56 пудов зерна. При более высоких уровнях урожайности ситуация улучшалась. Так, при урожайности сам-3 доход от хлебопашества увеличивался до 24 коробей, или 140,4–156 пудов зерна (84 пуда ржи, 56,4 пуда овса или 72 пуда ячменя). Но и в данном случае дефицит зернового бюджета средней крестьянской семьи в новгородских пятинах составлял 4 пуда.

Однако не следует забывать, что эти средние данные нивелируют региональные различия, имеющиеся между крестьянскими хозяйствами, расположенными в различных климатических, ландшафтных и почвенных условиях. Более правильно проводить моделирование бюджета среднего крестьянского хозяйства по пятинам. При неизменных показателях теперь ситуация существенно меняется. Типичное среднее крестьянское хозяйство Шелонской пятины с запашкой 5,4 коробьи в поле и 1,7 мужской души (6–7 человек в семье или 3 взрослых и 3–4 детей) при урожайности сам-2 получало валовой урожай размером 21,6 коробьи в трех полях, или 126,36–140,4 пудов зерна (75,6 пуда ржи, 50,76 коробьи овса или 64,8 коробьи ячменя), половину из которого необходимо было оставить на семена. Для питания семьи им требовалось 120 пудов зерна. Дефицит зернового бюджета при этом уровне урожайности составлял около

50 пудов. При урожайности сам-3 урожай достигал 32,4 коробьи, или 189,5–210,6 пуда зерна (113,4 пуда ржи, 76,1 пуда овса или 97,2 пуда ячменя). При расчете на взрослого человека 24 пуда и на ребенка 12 пудов зерновой бюджет крестьянской семьи после вычета семян оказывался даже в небольшом «плюсе», составлявшем 6 пудов.

В Деревской пятине размер запашки в среднем дворе достигал 2,6 коробьи, количество мужских душ – 1,2 человека. При урожайности сам-2 валовой урожай здесь достигал 10,4 коробьи, или 60,8–67,6 пуда зерна (36,4 пуда ржи и 24,4 пуда овса или 31,2 пуда ячменя). Для собственного потребления крестьянская семья могла оставить только половину из этого объема зерна, остальное надо было припасти для посева на следующий год. Средней крестьянской семье Деревской пятины, состоявшей из пяти человек (двух взрослых и трех детей), при принятой норме потребления хлеба требовалось около 84 пудов зерна. Недостаток его в семейном бюджете составлял 34 пуда. При урожайности сам-3 валовой урожай значительно увеличивался и достигал 15,6 коробьи, или 91–101,4 пуда зерна (54,6 пуда ржи и 36,7 пуда овса или 46,8 пуда ячменя). Однако, оставив необходимое количество зерна еще на семена, на собственное потребление семья могла пустить только от 61 до 66,6 пуда. Дефицит хлеба в бюджете оставался на уровне 17–23 пудов.

Запашка среднего двора Бежецкой пятины составляла 3,8 коробьи, в среднем на двор здесь приходилось 1,4 мужские души. При урожайности сам-2 крестьянская семья могла получить только 15,2 коробьи зерна, или 88,9–98,8 пуда (53,2 пуда ржи, 35,7 пуда овса или 45,6 пуда ячменя). Средней крестьянской семье, проживавшей в Бежецкой пятине, требовалось в год для питания 84 пуда зерна. Недостаток в бюджете при такой урожайности достигал 40 пудов. При урожайности сам-3 валовой урожай достигал 22,8 коробьи или 133,4–148,2 пуда зерна (79,8 пуда ржи, 53,6 пуда овса или 68,4 пуда ячменя). При принятых нормах потребления семья, состоявшая из двух взрослых и троих детей, могла уже свести концы с концами (оставались 4 пуда зерна).

В среднем дворе Водской пятины при запашке 4,8 коробьи насчитывалось 1,7 мужской души (6–7 человек в семье или 3 взрослых и 3–4 детей). При урожайности сам-2 валовой сбор равен 19,2 коробьи, или 110,4124,8 пуда зерна (67,2 пуда ржи,

43,2 пуда овса или 57,6 пуда ячменя). На будущий год половину урожай нужно оставить на семена. На питание семьи необходимо 120 пудов зерна, дефицит составлял 65 пудов. При урожайности сам-3 крестьянская семья уже может собрать 28,8 коробьи, или 168,5–187,2 пуда зерна (100,8 пуда ржи и 67,7 пуда овса или 86,4 пуда ячменя). После вычета семян остается всего 113,3–124,8 пуда. Для питания не хватает около 7 пудов.

Особенно сложная ситуация в обеспечении хлебом складывалась в Обонежской пятине, где при средней запашке на двор 1,3 коробьи приходилось 2 мужские души. Валовой урожай при урожайности сам-2 здесь достигал всего 5,2 коробьи, или 30,4–33,8 пуда зерна (18,2 пуда ржи, 12,2 пуда овса или 15,6 пуда ячменя). По принятым в наших расчетах нормах, чтобы прокормиться средней семье Обонежской пятины, состоявшей из двух семей (4 взрослых и 3–4 детей), нужно было 138 пудов зерна. Однако при небольших посевах и низкой урожайности зерновой дефицит здесь достигал 121 пуда.

Крестьяне Шелонской пятины по сравнению с остальными крестьянами, жившими в Новгородской земле, находились в более выгодном положении вследствие природных особенностей местности. Но даже у них при ежегодных небольших урожаях зерновой бюджет семьи был отрицательным, и перекрыть его только за счет неучтенной подсеки было невозможно. Только приспособляясь к природным условиям местности, учитывая все потенциальные возможности окружаю-

щей среды для организации своего питания в неурожайные и голодные годы, крестьянская семья могла перекрыть дефицит своего продовольственного бюджета.

В реальной жизни ситуация с обеспечением крестьянской семьи хлебом была не столь однозначной. Несомненно, что в повседневной жизни крестьянской семьи большую роль играли вековые традиции, которые помогали компенсировать складывающийся дефицит в питании за счет выпекания хлеба с различными добавками, а также включения в пищевой рацион растений-хлебозаместителей [17, с. 19, 25]. Приспосабливаясь к имеющимся условиям жизни, крестьянин максимально оптимизировал свою жизнь. Реальные условия местности подталкивали его сеять только определенные зерновые культуры, приносящие по сравнению с остальными более высокие урожаи. В угоду этим культурам могли сокращаться посевы других, само поле (при несомненном господстве трехполья, когда два поля заняты посевами, а третье отдыхает под паром) могло также перекраиваться иначе, предоставляя место для более нужных хлебов. Не стоит забывать и о бытовавшей практике использования переложных земель, а также подсеке, требовавшей большого напряжения сил, но время от времени позволявшей получать высокие урожаи. Моделирование зернового бюджета крестьянской семьи, при отсутствии ряда данных в исторических источниках эпохи средневековья, позволяет нам более точно оценить реальный уровень жизни крестьян.

Библиографический список

1. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. [Текст]. – Л., Наука, 1971. – 402 с.
2. Аграрная история Северо-Запада России XVII в. (население, землевладение, землепользование). – Л., 1989. – 231 с.
3. Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере: конец XVII–XVIII вв. – М., 1976. – 221 с.
4. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 2. [Текст]. – М., 1986. – 696 с.
5. История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. 3. [Текст]. – М., 1986. – 590 с.
6. Кеппен П. О потреблении хлеба в России [Текст] // Оттиск из Журнала Министерства Внутренних Дел. -1840. – Июнь. – С. 402–421.
7. Комиссаренко А.И., Прохорова М.Ф. Посевы и урожаи зерновых культур в Новгородском уезде в 60–70-х годах XVIII в. [Текст] // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. 14–16 ноября 1995 г. – Новгород, 1995. – С. 91–93.
8. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. [Текст]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. – 573 с.
9. Носевич В.Л. Традиционная белорусская деревня в европейской ретроспективе. – Минск, 2004. [Электронный ресурс]:[сайт] // Персональный сайт белорусского историка Вячеслава Носевича. Режим доступа: http://vln.by/book-village_index.htm, свободный. – Загл. с экрана.
10. Осминский Т.И. Бюджет пошехонской вотчины П.М. Бестужева-Рюмина (1731 г.). [Текст] // Вопросы аграрной истории (Материалы научной конференции). – Вологда, 1968. С. 116–126.

11. Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. [Текст]. – М., Университетская типография, 1899. – 511 с.
12. Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. [Текст]. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – 495 с.
13. Степанова Л.Г. Новгородское крестьянство на рубеже XV–XVI столетий (уровень развития хозяйства). [Текст]. – М.: Древлехранилище, 2004. – 322 с.
14. Степанова Л.Г. Роль зернового хозяйства Новгородской земли в процессе складывания хлебного рынка России [Текст] // Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. Материалы XXIX сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Орел, 2005. – С. 84–90.
15. Чернякова И.А. Концепция изучения традиционной крестьянской семьи в Карелии доиндустриальной эпохи по массовым источникам нового времени [Текст] // Материалы XV Всероссийской научной конференции «Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков». К столетию со дня рождения П.А. Колесникова. – М., 2008. – С. 355–366.
16. Янсон Ю.Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. [Текст]. – СПб.: типография Стасюлевича, 1881. – 102 с.
17. Гудков А.Г. Дефицит продовольственного бюджета крестьянского хозяйства Русского Севера и источники его компенсации в конце XVIII – первой половине XIX в. Автореф. дис. к.и.н. – М., 2006. – 26 с.

L.G. STEPANOVA

**NEW APPROACHES IN THE DESIGNING OF THE RURAL ECONOMY BUDGET
IN THE XV–XVI CENTURY**

The article deals with the issues related to the designing of the rural economy budget in XV–XVI century. Taking into account current data the basic indicators for the modeling: grain crop yield, number of peasant family, consumption rates have been analyzed.

Key words: the budget of rural economy, yield, Novgorod earth, male population, size of a country estate.

А.Н. СУДАКОВА, аспирант кафедры истории России
Орловского государственного университета
Тел. 8 920 082 5212; Sunduk88888@mail.ru

«ЗАЩИТНИКИ НАШИ ЗАДОЛЖАЛИСЬ»

В статье рассматривается материальное обеспечение комсостава и санитарно-бытовые условия его существования в 1923–24 годах XX века. Проанализированы меры ЦК РКП(б) по улучшению материального состояния комполитсостава, а также их эффективность на бытовые условия, настроение, физическое и моральное состояние комсостава Красной Армии.

Ключевые слова: комсостав, комполитсостав, РККА, РВСР, СКВО, ЦК РКП(б).

«Красной Армии как организованной обученной, политически воспитанной... у нас в настоящее время нет. В настоящем своём виде Красная Армия небоеспособна» [2, 21] – к такому неутешительному выводу пришла Комиссия Пленума ЦК в своём Заключении от 3 февраля 1924 года. А между тем именно в 20-х гг. XX века велось активное строительство Вооруженных сил социалистической страны. Констатируя плачевное состояние Красной Армии, Комиссия выделила причины, которые привели к упадку армии, и одной из главных была названа текучесть основного состава, в том числе и большой недокомплект младшего комсостава.

Острый некомплект комсостава, особенно младшего, который достигал 1/3 штатного состава, всё время рос и являлся результатом того, что комсостав, не обеспеченный материально, стремился всеми силами уйти из армии, не желая оставаться на военной службе добровольно после выслуги за полученное в вузах образование или достижения возрастных сроков обязательной службы.

А ведь командный состав как ядро любой армии обеспечивает общую боеспособность страны. «Во все времена в любом из государств основные усилия руководства страны всегда направлялись на создание такого начальствующего корпуса, который был бы всецело предан идеям, целям и задачам государства и соответствовал бы современным, для своего исторического периода, военно-профессиональным требованиям» [7, 15]. Для создания такого командного корпуса не последнюю роль играет материальная сторона вопроса. Именно от того, насколько государство ценит армию, зависит готовность войск стоять на защите его основ.

К 1923 году РВСР (Революционный военный совет Республики, СССР) сделал расчёт, что после первого этапа повышения окладов содержания комсоставу можно надеяться если не на прекращение бегства комполитсостава из армии, то, во всяком случае, на уменьшение размеров этого бегства.

РВСР рассматривал повышение окладов как систематическое увеличение ставок по Военведу в соответствии с улучшением экономического положения СССР до размеров, допускающих сносное и безбедное существование комполитсостава. Поскольку РВСР понимал, что комсостав – основа Красной Армии и без него в кадровой армии нельзя подготовить ни развёртывание мирных кадров, ни сколько-нибудь удовлетворительную армию военного времени, то был разработан план постепенного увеличения окладов комсостава. Программа улучшения материального положения комсостава видна из следующей таблицы [6, 183]:

Должности:	В товарных рублях в месяц			
	установлено		намечается установить	
	на июль	на август	на сентябрь	на октябрь
Ком. отделения	10	13	14	15
Ком. взвода	15	19	22	25
Ком. роты	25	29	33	40
Ком. полка	43	52	55	60
Ком. дивизии	54	80	85	100

Намеченное на сентябрь 1923 года улучшение планировалось провести не только за счёт дополнительных ассигнований, но и за счёт ряда мер, разработанных ВРСР. Была переработана тарифная сетка, и все должности, не соответствовавшие по своему значению командному, административному и политическому составу, были перемещены в разряды ниже первой командной должности, т.е. ниже командира отделения. Такой дисквалификации подверглись около 38 000 должностей.

Вторая мера – сокращение числа командных, административных и политических должностей уже после произведённой дисквалификации. Результатом этой работы, проведённой в течение июля, явилось сокращение около 16 000 должностей, что в подробностях видно из следующей таблицы [6, 183]:

Категории сокращённых должностей	Число сокращённых должностей
Комсостав	6 669
Адмсостав	6 185
Политсостав	3 038
Итого	15 892

По части личного состава перед ВРСР стояли два основных вопроса: 1) изыскание мер по уменьшению некомплекта в красноармейском составе главным образом за счёт привлечения в армию добровольцев, 2) дальнейшее улучшение материального положения командного, административного и политического состава, а в связи с этим и качественное его улучшение.

В марте 1924 года вышло приказание по ПУ РККА (Политическому Управлению Рабоче-Крестьянской Красной Армии) об обеспечении военнослужащих, увольняемых в связи с реорганизацией Военного ведомства. Военнослужащие, подлежащие увольнению, разбивались «на несколько групп в зависимости от прохождения и продолжи-

тельности военной службы, от полезности своей предыдущей деятельности, возраста, состояния здоровья, аттестации и др.» [6, 184].

Предполагались следующие меры обеспечения военнослужащих: единовременное пособие в размере 2-недельного оклада; ходатайство о выдаче пенсий на существующих основаниях; выдача содержания за счёт страховой кассы с правом лечения до выздоровления для тех, кто находится на излечении в лечебных заведениях; «автоматическое зачисление на биржу труда с предоставлением некоторым группам права преимущества в получении мест с проведением регистрации в Штабе РККА в особом порядке»; ходатайство о предоставлении гражданскими наркоматами преимущественного права для поступления на службу в эти ведомства [5, 42].

К концу 1920-х годов советским властям удалось решить проблему текучести кадров и наладить снабжение войск самым необходимым. «Однако кардинального улучшения материального и бытового положения военнослужащих не произошло. Денежное довольствие командного состава РККА было в 6–10 раз меньше, чем в польской, французской, британской и американской армиях. По калорийности, не говоря уже о разнообразии рациона, паёк красноармейца уступал всем крупным армиям мира» [4, 10]. Руководство Советского Союза понимало бедственное положение РККА и на протяжении 20-х годов пыталось поднять уровень жизни военнослужащего на должный, достойный уровень. Вот только предпринятых мер было явно недостаточно. В июле 1923 года в Письме военных работников ЦК РКП(б) обращается внимание центрального органа партии на следующие факты:

«Красная Армия в квартирном и топливном отношениях находится в худшем состоянии, чем она находилась в 1920–22 гг. Казармы разруша-

ются. Крыши, не покрашенные в течение 10 лет, проржавели, протекают и разрушают стены, потолки, полы, фундамент и печи. Рамы сгнили, стекло нет, уборные переполнены, водопровод испорчен, света нет, всюду мрак, сырость и разрушение.

Огнесклады и складочные помещения вообще представляют ещё более тяжелую картину. Взрывы, имевшие место за последние 1–2 года, стоившие государству много миллионов золота, красноречивее всяких слов говорят о положении.

Нужен капитальный ремонт казарм и хозяйственных построек.

Отпускаемые государством средства столь мизерны, что их не хватает даже на текущий мелкий ремонт. А при настоящих условиях мелкий ремонт является бессмысленной и вредной тратой денег и средств. Без капитального ремонта затраченное гибнет в кратчайший срок, не меняя общего положения.

Достаточно иллюстрировать примером МВО (Московский военный округ), где требовалось на ремонт по жесткому минимальному подсчету 2 500 000 довоенных золотых рублей и где абсолютно ничего не отпущено...

В некоторых округах определён встает вопрос о выводе частей из казарм, в которых нельзя будет зимовать, обратно в деревни, игнорируя учебу и высокое моральное состояние войск» [1, 93]. Здесь же констатируется, что положение командного и политического состава продолжает оставаться безвыходно тяжелым. Намеченные мероприятия по улучшению их материального состояния проводятся в жизнь чрезвычайно медленно. Командный и политический состав Красной Армии, героически перенося эти невзгоды и лишения, всё же стремится уйти из армии.

Зимой 1924 года правительство сняло с натурального довольствия административно-хозяйственный и командный состав, заменив стоимость пайка денежной компенсацией. В это же время в Докладе Бюро ячеек Военной академии Центральному Комитету РКП (б) говорится, что болезненные процессы в Армии не только не изживаются, а, наоборот, углубляются. «Материальная необеспеченность низшего и среднего комсостава, соблазны НЭПа, бесперспективность служебного продвижения (отсутствие регламентации сверху, обеспечивающей продвижение наиболее способным и революционным элементам), воздействие протекций толкают его на путь прислужничества

и карьеризма, либо загоняют в семейный угол кое-какого благополучия (уродливые браки с Сухарёвскими обывательницами), или вызывают стремление избавиться во чтобы то ни стало от военной службы, как от тяжелого наказания.

Обстановка, в которой находится наш армейский командир, такова, что достаточно того или иного повода, подчас самого незначительного, чтобы разложение пошло самым интенсивным образом» [2, 58]. И разложение пошло. Трибуналы в огромном количестве были завалены делами о мелких кражах, совершаемых потому, что случались перебои со снабжением частей самым необходимым, хотя это было заурядным явлением первой половины 20-х годов XX века в Армии. Истоки проблемы военные работники Ленинградского военного округа в своём письме в ЦК РКП(б) видели в том, что «значительное число мелких служебных преступлений командным и административно-хозяйственным составом совершается в силу крайне нищенского существования и облегчается плохой постановкой отчётности, правильно поставить которую не представляется возможным за неимением подчас средств на канцелярские расходы.

Нищенское содержание командного, административно-хозяйственного и политсостава ведёт к снижению их работоспособности, развитию демнастроения и форменному разложению основных кадров армии» [2, 111].

Естественно, что последствия низкого уровня жизни командного состава сказывались на общем настроении Красной Армии. Председатель РВС СССР М. Фрунзе в августе 1924 года характеризует положение комсостава следующим образом, «недочёты в области денежного довольствия, выражавшиеся в мизерности окладов жалования, массовом запоздании в его выдаче (можно указать факты по Туркфронту, где, например, в 11 кавдивизии в апреле не было выплачено жалование за ноябрь – декабрь 1923 г.), особенно тяжело отразились на кадровом составе Армии, её командном и политическом составе. Положение некоторых категорий этого состава (средний и младший) было невыносимым: задержки в уплате жалования, семейных денег приводили к массовым крайне отрицательным явлениям в области быта и политико-морального состояния, как-то задолженность комполитсостава у частных торговцев, продажа им вещей на рынках, проституция жен ком-

политсостава, эпидемия самоубийств на почве материальной необеспеченности, преступность, физическое истощение комполитсостава и т.д.

Приводимый ниже фактический и цифровой материал достаточно ярко иллюстрирует указанные явления.

Подив 9 (СКВО – Северо-Кавказский военный округ) доносит: «Если холостой комсостав ещё кое-как перебивается, то с семейным дело обстоит гораздо хуже, а семейного комсостава в дивизии 40%. По общему подсчёту, для питания семьи из трёх лиц при получении одного пайка необходимо прикупать продуктов на 30–40 рублей в месяц».

В результате такого положения задолженность комполитсостава, как сообщает ПУУВО (Политическое управление Уральского военного округа), почти поголовно достигает 80%, а иногда доходит до 300–400% получаемого оклада. Замечаются не единичные случаи, когда на улице в районе части должника-командира ловят частные торговцы-кредиторы, а проходящий обыватель язвит, что «защитники наши задолжались».

81-я дивизия отмечает, что очень часто приходится видеть на рынке лиц комсостава, продающих свои вещи.

Жены комполитсостава 11-й кавдивизии Туркфронта (где, как указывалось, положение особенно тяжело) занимаются проституцией, чтобы добыть пропитание семье.

Во 2-й кавдивизии военком хлебопекарни покушался на самоубийство, не будучи в состоянии вынести того, что его жена ввиду тяжёлого материального положения занимается проституцией и самогоноварением.

Самоубийства, принявшие эпидемический характер в Красной Армии за первую половину сего года, в значительной мере вызываются тяжёлым материальным положением военнослужащих: из 132 выясненных случаев (первая треть года) 80 так или иначе вызваны этим мотивом (всего 239 случаев).

Особенно резко выражено упадочное настроение (попытки к самоубийству комполитсостава на почве тяжёлых бытовых условий) в 3-й кавказской стрелковой дивизии, находящейся в Армении. Там нередко заявления партийцев, что «самоубийство – наш удел», и там же анкетирование партийцев отмечает, что мысль о самоубийстве «появилась у 31 человека из 114» (преимущественно на почве материальной необеспеченности – у 15 человек).

Председатель Военколлегии Верховсуда СССР подчеркивает, что должностные и хозяйственные преступления в Красной Армии, составляющие 22,2% всех преступлений за январь – апрель сего года, вызываются недостаточной материальной обеспеченностью низшего и среднего комсостава. Даже среди комиссарского состава из общей суммы проступков 21,4% приходится на «преступления по должности» [3, 57].

Кроме всего прочего скудность содержания комполитсостава сказалась на физическом его состоянии. Огромный процент физически больных среди комполитсостава свидетельствует о плохом его питании. Во всех случаях подавляющее число заболеваний приходится на истощение, малокровие, неврастению и туберкулёз.

«Освидетельствование 156 чел. Политсостава Смоленского гарнизона дало только 8 человек здоровых. Из освидетельствованных 94 чел. Комполитсостава Каспфлота признано нуждающимися в лечении 47 человек. Из числа анкетированных партийцев 3 кавказской стрелковой дивизии больных – 40%. Результаты анкетирования партсостава УВО дают процент больных: из политбойцов – 41,4, младшего комполитсостава – 44,3, среднего – 44,8, старшего – 42,1. Освидетельствование (в июне сего года) 2484 человек командмполитсостава Кавказской Армии даёт ещё более неутешительные результаты. Оказалось больных: среди политсостава – 56,8%, комсостава – 44,8%, адмсостава – 53, 6%, медсостава – 63,7%» [3, 57].

Итогом материальной необеспеченности комполитсостава служит также сильнейшее развитие демобилизационных и упадочных настроений кадра РККА, ведущих в понижению всякого интереса к военной службе. Некоторое повышение ставок комполитсостава не привело к желаемому результату. Так, жалование отделкома, получавшего до 1 июня 1924 года 15 рублей в месяц, повышено до 19 рублей, комроты – с 40 до 42 рублей. Однако это повышение ставок ни в какой мере не улучшило тяжёлого положения комполитсостава РККА. Возникло общее неудовлетворение столь незначительным увеличением жалования, надеждами на которое комполитсостав долгое время жил. Политуправление Западного военного округа доносит: «Материальная необеспеченность комполитсостава в июне месяце выплыла с особой резкостью. Жалобы на нужду и необеспеченность продолжают. Задолженность кооперативам и частным

лицам достигает 75% получаемого оклада. Выходом из положения является продажа вещей и обмундирования... новые ставки не оправдали надежд комполитсостава и положения почти не изменили» [3, 58].

Интерес к военной службе всецело падал, что видно из социологического исследования, проведённого в августе 1924 года. По его результатам из 62 анкетированных человек комполитсостава Самарского гарнизона «не желают служить» 18 человек (29%), в УВО (по анонимной анкете) «удовлетворены своим положением» всего лишь 24,2% политбойцов, 23,7% – младшего комполитсостава и 33,7% среднего комполитсостава; желают демобилизоваться: политбойцов – 86%,

младшего комсостава – 73%, среднего – 62%; материальная необеспеченность как мотив этого отмечена: у политбойцов – в 59,7%, младшего комсостава – 61,5%, среднего – в 45,2% случаях. В 3-й кавказской стрелковой дивизии из обследованных дивпарткомиссий 114 человека партсостава «считают своё пребывание в Армии временным и стремятся уйти из неё» – 59%.

ЦК РКП(б), чтобы сгладить дальнейшие лишения комполитсостава, взял курс на повышение уровня его материального положения. Только длительная финансовая работа в этом направлении могла создать сколько-нибудь удовлетворительные условия существования комполитсостава Армии, а пока были лишь разочарование и неудовлетворённость.

Библиографический список

1. АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 253.
2. АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 254.
3. АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 255.
4. Вестник Архива Президента Российской Федерации «Красная Армия в 1920-е годы». – Москва, 2007.
5. РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Д. 585.
6. РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 537.
7. Реформа в Красной Армии. Документы и материалы 1923–1928 гг. Книга 1. – М.: Мзд-во «Летний сад», 2006.

A.N. SUDAKOVA

«OUR DEFENDERS WERE RAN IN DEBT»

In this article we consider a material providing of commanders and sanitary terms of their living in 1923–24 years. We analyzed the actions increasing the material providing of political commanders, which had been taken by The Central Community of Russian Communistic Party (Bolsheviks), and its efficiency for the life terms, the mood and the feelings of cmmmanders of The Red Army.

Key words: commanders, political commanders, The Red Army, The Revolutionary Military Council of the Republic, The North Caucasus Military District, The Central Community of Russian Cjmmunistic Party (Bolsheviks).

*А.В. ШТЕПА, кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента и экономики туризма Калужского института туристского бизнеса» – филиал РМАТ, докторант Московского педагогического государственного университета
Тел.: 8(4842)-79-25-10; 8-920-617-84-63; a-v-stepa@yandex.ru*

ПОЛЕМИКА ПО ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОСТАВЛЕНИЯ ОСОБОГО ПЕНСИОННОГО КАПИТАЛА ДУХОВЕНСТВА КАЛУЖСКОЙ ЕПАРХИИ В МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ «КАЛУЖСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ»)

В статье раскрывается сущность дискуссии, развернувшейся в местной прессе во второй половине XIX – начале XX в. по вопросу о целесообразности учреждения в Калужской епархии специального пенсионного капитала. Дана характеристика эмеритальной кассы как формы оказания дополнительной помощи нуждающемуся духовенству, представлен опыт организации подобных касс в епархиях России (Тульской, Волынской и т.д.).

Ключевые слова: Калужская епархия, духовенство, пенсионный капитал, периодическая печать.

Вопрос о взаимопомощи в среде духовенства в епархиях Европейского центра России во второй половине XIX – начале XX в. стоял очень остро. Нельзя сказать, что духовенством, в том числе и калужским, ничего не предпринималось для того, чтобы по возможности минимизировать социальную проблему, заключающуюся в крайне неудовлетворительном положении некоторых категорий духовного сословия.

Основная нагрузка по материальному обеспечению и призрению наиболее бедных, слабых, больных, престарелых лиц духовного звания, а также членов их семей ложилась на епархиальные попечительства, существовавшие в епархиях с 1823 года. Но они не могли самостоятельно решить назревшую проблему по поддержанию слабо защищённых категорий духовенства, в первую очередь малолетних детей-сирот, учащихся духовно-учебных заведений, вдов, старцев, священнослужителей, вышедших по возрасту в отставку (за штат), и т.д. Необходима была помощь всей епархии, мобилизация всего духовного сословия, отвечающая к тому же его собственным интересам.

На страницах главного епархиального печатного издания – «Калужских епархиальных ведомостей» постоянно дискутировался вопрос о необходимости составления особого пенсионного капитала или кассы взаимопомощи и, главное, об источниках их пополнения.

Ещё в середине 1860-х гг. Комитет, специально учреждённый для обсуждения средств к составлению пенсионного капитала для духовенства, нашёл решение проблемы в ежегодных и *для каждого причта обязательных* (выдел. мной. – А.Ш.) взносов в состав пенсионного капитала определённой суммы по числу приходских

душ при церкви. Взнос должен был производиться в размере по копейке с души или рублю со ста человек, что признавалось неотяготительным. Причём принимать участие в сборе должны были не только мужчины, но и женщины, в том числе и раскольники. Так как мужчин по исповедным росписям за 1864 г. значилось в Калужской епархии всего 454 111 чел., то и сбор в состав пенсионного капитала был бы меньшим, чем хотелось бы, т.е. равен только 4514 руб. 11 коп. Поэтому решено было взимать с мужчин по 1 коп., а с души женского пола $\frac{1}{2}$ копейки в сельских приходах и по копейке и с мужчин, и с женщин – в городских. Что касается причтов, служивших при бесприходных церквях, то они должны были вносить в состав пенсионного капитала ежегодно по 2% с рубля. Сбор предполагалось начать с 1865 года. Главным кредитным учреждением должен был стать калужский Малютинский банк, выдававший 5% годовых по сумах, внесённым свыше 1000 руб. на пять и более лет. Таким образом, если бы был принят данный проект составления пенсионного капитала, то при предполагаемом сборе по епархии в 1865/66 гг. 6000 руб., положенных в банк, через год при приращении процентами взнос бы составил уже 6300 руб., а в 1868 г. – 6615 рублей. В течение 6–7 лет основной пенсионный капитал имел бы шанс возрасти до значительных размеров, до 50 000 рублей [3, с. 87–90].

Интересные соображения по поводу составления пенсионного капитала в епархии высказал священник Д. Любимов. Не секрет, что к очередным сборам, даже и на благие цели, духовенство, в том числе и калужское, не всегда относилось с одобрением. Действительно, существовало много обязательных сборов (священник называет их «поборами»), как официальных, так и неофициальных¹. Д. Любимов замечает: «Дай в попечительство, дай на устройство церквей, дай на школы. Дай на Кавказ, дай на Греков, дай в Западные губернии, дай на устройство какого-нибудь памятника, дай на инвалидов, дай на переплёт книг в консисторском архиве, дай прогоны благочинному (нельзя и не дать по двум причинам: за безмездную службу и во избежание неприятных отношений)... Приглашают дать на семинарские бursy, на улучшение быта семинарских наставников. Теперь давай самому себе, т.е. с нас возьмут теперь, поберегут у себя, а после наше дадут нам же, как пенсию...». Разные мысли посещали умы представителей

духовного сословия, многие из которых рассуждали тогда так: «да я и сам отложу для себя, если есть из чего, и поберегу на чёрный день». Но требовалось, чтобы именно духовенство приняло участие в составлении пенсионного капитала для собственного обеспечения посредством обязательного взноса известной суммы. Д. Любимов считал, что более 3%-го сбора назначить невозможно, потому что из получаемого духовенством жалованья и так вычитался 2%-й налог. По подсчётам священника всего сбора должно было получиться более 3,6 тыс. руб., учитывая, что городское духовенство жалованья не получало, кроме причтов кафедрального и ещё нескольких других церквей в епархии. Принимая во внимание способность калужских приходских церквей отчислять некоторую сумму от своих ежегодных доходов (от 636 церквей – 3816 руб., в среднем по 6 руб.), а также право использовать на нужды пенсионеров штрафные деньги за проступки представителей духовенства, доход от продажи церковных книг и 2%-й налог с получаемых пенсий, начальный пенсионный капитал мог бы возрасти примерно до 8000 рублей.

Д. Любимов предложил и размеры пенсий в зависимости от бывшего служебного положения пенсионеров. Священнику полагалась пенсия в 200 руб., его вдове – 100 руб.; диакону – 50 руб., вдове – 60 руб.; причетнику – 250 руб., его вдове – 40 рублей. Расчёт был на то, что ежегодно в епархии будет около 50 чел., включая вдов, имеющих право на получение пенсии из епархиального капитала, на что потребуется 4,7 тыс. руб. Священник находил желательным, чтобы действие пенсионной кассы открылось с того момента, когда составится необходимый капитал. Однако пенсия должна была начисляться только лицам, получавшим право на неё с момента составления капитала, а на вышедших ранее за штат это право не распространялось. Правом на пенсию должны были пользоваться все, кроме уволенных от должности по суду за преступления, также сильно замеченных в нетрезвой жизни или пьянстве и людей бездомных. Но жёны их и дети, особенно при вдовстве и сиротстве, получали право на пенсию [4, с. 338–352]. Однако эти предложения были положены под сукно, а пенсионное обеспечение духовенства, принятое на общеимперском уровне, явно было не таким справедливым.

Прошло несколько десятилетий, изменились материальные условия жизни, и вопрос об эмери-

тальных кассах для духовенства вновь стал дискуссионным. К 90-м гг. XIX столетия духовенство, в том числе и калужское, осознало необходимость образования не только сыновей, но и дочерей, но денег на это весьма нужное дело, конечно же, хватало не у многих. Мало того, тяжёлые думы навели заботы о необеспеченной старости после выхода за штат, достаточно дорогое медицинское обслуживание, судьба после смерти главы семейства его близких, в первую очередь вдов и сирот. Епархиальное начальство признавало, что необеспеченность семьи в случае смерти священнослужителя часто занимала умы духовных лиц, волновала его чувства, отвлекая от более высокого и свойственного святости служения!

Существовавшая для духовенства пенсия была недостаточна для безбедного существования в старости, пособия от попечительства были, в принципе, ничтожны сравнительно с нуждами сирот и других категорий нуждающихся. Такая ситуация налагала на само духовенство нравственный долг, обязанность, не выходя из пределов позволительного и возможного, общими силами изыскивать средства, которые были бы достаточно сильны для того, чтобы, с одной стороны, устранить эти грустные явления, а с другой – сделать само духовенство более свободным и способным для своего высокого служения. Тем более что в 1888 г. император Александр III разрешил учреждение в епархиях *эмеритальных касс* с внесением в оные обязательных от духовенства взносов, предоставив, правда, открытие таковых касс добровольному желанию духовенства и усмотрению епархиального начальства.

Что же такое эмеритальные кассы? Эти организации можно определить как кассы взаимопомощи, учреждавшиеся для выдачи пенсий священноцерковнослужителям, участвовавшим в составлении касс своими взносами, оставившим службу или по исполнении числа платных лет (т.е. по выслуге), или по увечью и болезненному состоянию, лишившимся вследствие этого возможности продолжать службу, а также лицам, состоявшим на службе в духовно-учебных заведениях, в местной консистории, но тоже участвовавшим в составлении касс, их вдовам и сиротам. Конечно же, императорский указ не дал, как это могло бы быть, мощный толчок к повсеместному открытию эмеритальных касс в епархиях Российской империи. К тому же кассы подобного рода ещё задолго до 1888 г.

появились в некоторых епархиях России. Например, самарская эмеритальная касса существовала с 1866 г., тульская эмеритальная касса – с 1876 года.

В основном капитал эмеритальной кассы, который мог бы служить основным её фондом, составлялся: из ежегодных определённых взносов от церковью епархии (либо определённая сумма ежегодно со всех церковью епархии, например 500 руб., либо в отдельности от каждой церкви); из единовременных взносов от духовенства епархии, к примеру, священники Волинской епархии делали единовременный взнос по 100 руб., псаломщики и диаконы по 20 рублей. Ежегодные доходы касс пополнялись регулярными взносами участников кассы. В состав ресурса эмеритальных касс входили ежегодные обязательные взносы: от приходских церковью (с кошелевых, кружечных, свечных и арендных денег), разлагаемые по благочиниям, или $2\frac{1}{4}$ сбор от церковью (петербургская эмеритальная касса). Кроме того, нельзя было сбрасывать со счетов посторонние добротные пожертвования² в пользу эмеритальной кассы, ежегодные приращения процентов на суммы, поступающие в кассу, и доходов с разных статей. К разным статьям могли относиться доходы от земельных угодий (например, в Рижской епархии взималось по 50 коп. с дес.); взносы за награды, начиная с архиерейского благословения, благодарности, похвального листа и оканчивая орденами (от 1 до 40 руб.). В Вятской епархии были определены взносы от духовенства епархии за пользование казёнными квартирами.

Из указанных источников в некоторых епархиях составились значительные эмеритальные суммы. Из наиболее близких по географическому положению к Калужской епархии эмеритальная касса духовенства Черниговской епархии к 1891 году насчитывала 158 тыс. руб., касса Тульской епархии – 121 163,42 руб., Владимирской епархии – 119 634 рубля [8].

Свои выдачи эмеритальные кассы начинали обыкновенно спустя 5, 8, 10 лет после своего основания, и пособия, выдаваемые ими, соотносились с тем разрядом, к которому принадлежал вкладчик, с числом платных лет (т.е., сколько времени он отчислял на нужды кассы) и физическим состоянием вкладчика. Служащие в местных духовно-учебных заведениях, а также в консистории и попечительстве, как правило, получали эме-

ритальные пенсии в размерах, какие причитались по состоянию кассы, если имели 25 лет выслуги в этих учреждениях, с предоставлением им тех льгот, какие были положены в уставах о казённых пенсиях для выходящих в отставку ранее определённых сроков обязательной службы по расстроенному здоровью.

Соответственно таким правилам о выдаче пенсий эмеритальные кассы могли, если позволяли средства, оказывать значительные вспомоществования. Интересно в связи с этим проследить движение сумм эмеритальной кассы духовенства Тульской епархии, как расположенной на границе с Калужской епархией. Так, в Тульской епархии в 1889 г. было израсходовано на пособия 4340 руб. (в том числе пособия девицам на выходе их в замужество – 317 руб. 14 коп.) [6, с. 243]. А в 1899 г. из кассы на пособия было отчислено: сиротам – 72 руб., девицам-невестам – 1098 руб. 95 коп. В первые два года XX века тульские сироты духовного звания получили 1033 руб. (1901 г.) и 233,75 руб. (1902 г.); на приданое невестам было выдано соответственно 1032 руб. 26 коп. и 577,6 рублей. В 1903 г. была назначена пенсия заведующей больницей Тульского епархиального училища М.И. Троицкой, прослужившей 21 год, в размере – 60 руб. и выдано ей единовременное пособие в размере годового оклада – 180 руб. [9, с. 91, 99]. В 1909 г. XXVII съезд духовенства Тульской епархии постановил выдать пособие из эмеритальной кассы дочерям умершего в 1902 г. псаломщика Евгении и Александре Благовещенским за 5 лет, прошедших с момента его смерти, т.е. до 1907 года [10, с. 29].

Уставы эмеритальных касс не оставляли без разрешения вопрос о том, кто не имеет права пользоваться пенсией и на сколько капитал эмеритальной кассы составляет собственность участника кассы. Эмеритальные пенсии обычно не выдавались: а) платившим в кассу менее положенного числа лет; б) переместившимся на службу в другую епархию. Не получали пенсий вообще:

- 1) перешедшие добровольно или по распоряжению и суду начальства из духовного в светское ведомство;
- 2) подвергшиеся по суду лишению всех прав состояния;
- 3) высланные в другие губернии на поселение или водворение;
- 4) поступившие в монашество;

5) священнослужители, добровольно снявшие сан, а также лишённые сана по суду [6, с. 244].

Таковы были основные принципы и правила функционирования существовавших в конце XIX века в России эмеритальных касс. А что же Калужская епархия?

По поводу возбуждённого вопроса об учреждении эмеритальной кассы для духовенства Калужской епархии часто собирались окружные благотворительные съезды. Но дело продвигалось не очень быстро. К примеру, на прошедшем 27 сентября 1891 г. в Жиздре съезде вопрос об эмеритуре не особенно заинтересовал окружное духовенство: суждения велись очень вяло, к разработке вопроса с практической стороны никаких мнений не было высказано, кроме того, что «дело доброе, на учреждение согласны, лишь бы не были обременительны взносы» [5, с. 808].

Среди причин такой пассивности у калужского духовенства выдвигались и такие: прослужившие более 25 лет полагали, что они уже не доживут до образования фонда, из которого предполагалась выдача пенсионного вспомоществования, а так как со смертью их прекратится и взнос на основание фонда, то, стало быть, и семейства их ничего не получают, и внесённые за сколько-нибудь лет деньги пропадут. Прослужившие половину сего срока или около того, особенно же только начавшие или начинавшие службу, думали, что они не дослужат до срока пенсии, почему их взносы опять будут бесцельны и бесполезны для семьи.

Однако вопрос об эмеритуре постоянно обсуждался на страницах печати. Священник М. Успенский в своей статье говорил о плюсах и выгоде такого рода кассы для местного духовенства. Он предлагал устроить кассу на таких началах, чтобы каждый член за выслугу своего срока, по увольнению за штат или по смерти семейство его могло получать пенсионный оклад из эмеритальной кассы без всякого ожидания. Правила должны быть таковы, чтобы после первого начального взноса для основания фонда каждый был уверен: если ему в следующий год придётся оставить службу или умереть, то с того же времени ему или осиротевшему семейству его будет назначен соответственный срок его службы и оклад пенсии. Срок службы для права на получение пенсии священник разделил на четыре разряда, соответственно чему и предполагалось распределять оклады пенсий. Для получения полной пенсии необходима

была 25-летняя выслуга для всех священнослужителей, а оклад пенсии за сей срок устанавливался такой: священнику – 300 руб., диакону – 200 руб., псаломщику – 100 руб. Жёнам с семьями и без семейств полагалась половина во все сроки оставления службы. Одним сиротам без матери – четвертая часть, причём детям мужского пола можно пользоваться правом на сию часть или долей части до поступления на место или до 25 лет, а детям женского пола – до выхода в замужество, а в противном случае – до смерти. Второй срок для выслуги половинной пенсии предполагался в 15 лет, а оклад пенсии назначался в таких размерах: священнику – 200 руб., диакону – 134 руб., псаломщику – 66 руб., жёнам – половина, детям – четвертая часть. Третий срок – 10 лет: оклад священнику – 100 руб., диакону – 67 руб., псаломщику – 33 руб., семейным – аналогично с предыдущими. Самый маленький срок выслуги – 5 лет, соответственно и назначаемый пенсионный оклад намного меньше: священнику – 60 руб., диакону – 40 руб., псаломщику – 20 руб.; жене – половина, детям – четвертая часть. Тем, кто не выслужил и пяти лет, внесённые ими деньги возвращались без уплаты процентов.

Взносы для образования фонда для пенсионной кассы М. Успенский предлагал установить в таком размере: каждый священник одновременно вносит 30 руб., диакон – 20 руб., псаломщик – 10 руб., и, сверх того, каждая церковь за каждый комплект вносит по 10 рублей. Затем для пополнения кассы устанавливались ежегодные взносы: от священника – 9 руб., от диакона – 6 руб., от псаломщика – 3 руб. и от каждой церкви за каждый комплект – по 5 рублей. По проекту Успенского, если бы единовременный взнос был сделан уже в 1891 г., а ежегодные взносы стали бы поступать с 1892 г., то тогда же можно было выдавать пенсию сообразно сроку службы всем, имеющим оставить службу по старости, болезни или в случае смерти, жёнам и сиротам их. Если учесть количество духовенства Калужской епархии (священников – 600, диаконов – 300 и псаломщиков – 1000), то собранные на составление первоначального капитала средства в 1892 г., по расчётам М. Успенского, равнялись бы 55 850 рублям. А в первый год после открытия эмеритальной кассы пришлось бы выдать пенсии лицам 1-й категории (священникам) – 1950 руб., 2-й (диаконам) – 1898 руб., 3-й (псаломщикам) – 424 руб., 4-й (семье) –

240 руб. и не дослужившим до 5 лет возратить 375 рублей. Таким образом, общая сумма выданных пенсий могла бы равняться 4887 рублям [9, с. 810–812].

Через пять лет, т.е. к 1897 г., проект предполагал получение из различных источников наличной суммы в размере 94 452 рублей. Пенсии предполагалось выдать: пенсионерам, имевшим право на пособие с первого года работы кассы – 2888 руб., тем, кто присоединился к ней на втором году существования – 3208 руб., третьем – 3564 руб., четвёртом – 3960 руб., пятом – 4399 руб., а всего сумма выданных пенсий составила бы более 18 тыс. рублей. Ещё бы осталось к 1898 г. 76 433 рублей [9, с. 814].

Довольно рациональный пятилетний расчёт, пусть тоже только приблизительный, давал возможность калужскому духовенству хоть как-то решить наболевший вопрос обеспечения пенсионеров, вдов и сирот, однако и этот проект был оставлен на бумаге.

В появившейся в 1892 г. статье священника Алексея Никольского были обозначены основные принципы, на основании которых, по его мнению, должна бы быть учреждена касса взаимопомощи духовенству. «Первый и главный принцип, долженствующий лечь в основу такого учреждения, – писал священник, – это – чем более отдельных единиц будет участвовать в кассе, тем более будет возможность оказать помощь в несчастных случаях; чем сочувственнее будет относиться отдельная личность к делу кассы, тем успешнее пойдут её операции или, иными словами, степень помощи... будет прямо пропорциональна капиталу его» [7, с. 137].

По мысли А. Никольского, эмеритура должна преследовать две цели: а) обеспечение самого лица, участвующего во взносах и б) его семейства, сирот. Обеспечение самого участника кассы должно простирается на два случая: а) когда он оставляет службу или по исполнении числа платных лет в кассу и б) по старости и неспособности вследствие ли болезни или иных каких случаев продолжать оную. Таким лицам помощь или пенсия предполагалась пожизненная. К последнему разряду относилась и частная, временная помощь в случае продолжительной болезни лица-члена, когда при этом болезнь сопрягалась бы с наймом постороннего лица для отправления треб с большим расходом по лечению.

Жена участника кассы в случае смерти последнего получала также пожизненное право пользоваться помощью кассы, причём размер помощи соответствовал количеству оставшихся после смерти отца членов семьи. Сыновья получали пособие до окончания курса или до поступления на место, но только до 21 года. Дочери содержались из сумм кассы до выхода замуж, незамужние удерживали право пользования пособием пожизненно, если личным трудом были не в состоянии добывать в месяц до 10 руб. Болезненные сироты, по мнению Никольского, должны пользоваться со стороны кассы особым попечением. Однако при назначении помощи сиротам-учащимся необходимо иметь в виду, пользуются ли они казённым содержанием или нет, и сообразно этому уменьшать или увеличивать размеры её.

Источники составления капитала кассы у А. Никольского в общем схожи с теми, которые указывали авторы ранних проектов. Он предлагал составить запасной капитал из единовременных и ежегодных взносов как от самого духовенства, так и от церквей, считая необременительным для церквей 30%-й единовременный взнос от дохода с продажи свечей, что равнялось бы 16 тысячам рублей. Священник справедливо считал самым спорным источником формирования основного капитала кассы единовременный взнос от духовенства. По его мнению, единовременный взнос с членов причта должен соответствовать доходам членов причта, так чтобы часть священника равнялась 50 руб., что дало бы взнос с двучленного причта (священник и псаломщик) 75 руб., а с трёхчленного – 100 рублей. Общий же единовременный взнос со всех причтов епархии составил бы в таком случае более 54,5 тыс. руб., а с учётом церковного взноса – более 70,5 тыс. рублей. Кроме того, ежегодные взносы членов кассы, по расчёту, должны были бы приносить доход в 13 860 руб., а привлекаемые к участию в делах кассы церкви должны были ежегодно отчислять 10% со свечного взноса, что дало 5334 руб. дохода, а ежегодный доход от этих источников равнялся бы 19 194 рублям.

Поскольку проект предполагал открытие действий кассы только по истечении пятилетнего срока, то положенный в банковские учреждения капитал под 4–5% годовых позволил бы получить через пять лет сумму около 170 тыс. руб., учитывая, конечно же, постоянные ежегодные поступ-

ления, обозначенные выше. А. Никольский рассчитывал, что к началу деятельности пенсионной кассы неприкосновенный капитал даст процент почти в 6,5 тыс. руб., что с учётом 19,1 тыс. ежегодных поступлений могло бы составить оборотный капитал в среднем не менее 25,6 тыс. рублей. Кроме того, имелись в виду и такие источники пополнения запасного капитала, как единовременные взносы от новых членов кассы, взносы за награды, плата за церковные помещения и т.п.

Размер оказываемой помощи, считал священник, определить при желании не составило бы особого труда. Важным в его проекте было то, что предоставлялось право вдовам, если они того желают, доплачивать членский взнос мужа с тем, чтобы приобрести возможность получать известный размер помощи. Например, если член умрёт в течение первых 3–5 лет существования кассы, его вдова может внести деньги за 1–2 года, а касса обязана тогда принять её под своё попечение. При нежелании же вдовы делать взносы касса обязывалась выдать внесённые её мужем деньги обратно [7, с. 138, 141–144].

Неизвестный автор на страницах «Калужских епархиальных ведомостей», говоря об эмеритальных кассах, доказывал, что наибольшую пользу от их существования могут извлечь только духовные лица, являющиеся третьим поколением первых основателей кассы. По-своему он был прав, предлагая в качестве оказания помощи вдовам и сиротам использовать практику ссудно-сберегательных касс, существовавших, например, при некоторых калужских духовных и светских учебных заведениях. Здесь у каждого участника кассы вычиталась известная часть получаемого содержания, и накопившаяся таким образом сумма вместе с наросшими процентами выдавалась при отставке или смерти участника. Таким образом, вкладчик получал столько, сколько внёс (считая, конечно, и накопившиеся проценты), ничего не выигрывая и не проигрывая. Правда, если оставить в стороне ссудные операции этих учреждений, то всё значение их состояло в принудительности откладывания на «чёрный день», что, по мнению автора, «для человека с широкой русской натурой всегда бывает не излишне» [2, с. 700]. Ещё одно достоинство ссудно-сберегательных касс автор видел в простоте ведения дела и лёгкости их открытия. В то время как эмеритура требовала обстоятельной разработки статистических данных

и сложных математических выкладок, для открытия ссудно-сберегательных требовались только добрая воля известного круга лиц и разрешение начальства. Прав был неизвестный автор и в том, что для эффективной деятельности пенсионных касс был желателен постоянный мощный источник финансирования кроме взносов вкладчиков и церковных взносов. Таковой была, например, эмеритура военного ведомства, пользовавшаяся значительным пособием от государственного казначейства³.

Отсюда рассуждения автора приводили к выводу о том, что «задача будущего учреждения должна быть не благотворительною в полном значении сего слова и не такою, чтобы улучшать положение одних на счёт других, как это бывает в повсюду вводимых эмеритурах, а *должна путём принудительных и невыгоднейших сбережений* (курсив мой. – А.Ш.) оставлять в будущем возможно менее дела для епархиального попечительства» [2, с. 702].

Для составления неприкосновенного капитала благотворительного учреждения автор предлагал использовать ежегодные, свободные от определённого назначения доходы епархиального свечного завода, отчисляя на обеспечение заштатных и сиротствующих до 15 тыс. рублей в течение не менее 35 лет. Кроме того, к этой сумме присоединялись ежегодные принудительные взносы от самого духовенства и проценты со всех имеющих в кассе капиталов. «Нормальным» взносом в кассу, по мнению автора, можно было установить от священника 30 руб., от диакона – 20 руб., от псаломщика – 10 рублей. Для желающих этот взнос мог быть уменьшен до 1/3 части, но при этом они пропорционально теряли в размере получаемого пособия.

Для каждого вкладчика кассы предполагалось открыть особый лицевой счёт, проценты по которому начислялись бы так же, как в государственных сберегательных кассах, по истечении года, а вся прибыль распределялась между членами пропорционально наличному счёту каждого вкладчика.

Каждый вкладчик по окончании года мог бы справиться, сколько его капитала имеется в кассе и сколько начислено процентов из дохода кассы за истекший год. В случае смерти или при отставке каждого вкладчика деньги со всеми наросшими процентами планировалось, по мысли автора, выдавать немедленно по принадлежности, или по желанию они оставались бы в кассе до совершеннолетия сирот, причём на оставленный капитал выплачивалась ежегодная надбавка в шесть процентов. По приблизительному, как отмечал сам автор, расчёту, священник-вкладчик, делавший ежегодно взнос в 30 руб., через 25 лет мог совершенно прекратить свои взносы и получать до своей смерти или отставки по 100 руб. ежегодно, а по смерти или отставке получить в пользу семейства капитал в 1500 рублей. По таким расчётам, духовенство епархии чрез 35 лет должно было бы обладать капиталом в 525 тыс. руб. и обходиться без всяких взносов для увеличения неприкосновенного капитала [2, с. 703].

Такое длительное и весьма подробное рассмотрение проектов, предполагавших учреждение пенсионных касс для обеспечения определённых категорий духовенства хотя бы на уровне ниже среднего, не даёт нам право упрекнуть лучших представителей калужского духовенства в бездействии, в нежелании помочь своим собратьям по сословию, создать им условия для безбедного существования. И не их вина, что выносимые ими на обсуждение всего калужского клира предложения не нашли необходимого отклика.

Известно, что эмеритальные кассы функционировали в начале XX века в семи епархиях, их общий капитал составлял 89 434 руб. наличными и 333 635 руб. билетами, а расход составлял соответственно 67 тыс. руб. и 104 тыс. руб. [1, с. 129]. Правда, как правило, суммы отдельных денежных пособий, выдаваемых эмеритальными кассами, отставали от требований жизни, однако поддержка касс всё же помогала наиболее необеспеченным категориям духовенства сводить концы с концами, а это лучше, чем ничего.

Примечания

¹ Неофициальный напр. «побор» – это уступка нескольких процентов с получаемого жалованья в пользу чиновников уездных казначейств помимо 2% с рубля, следующих в казну.

² Например, в мае – июне 1890 г. таких взносов поступило в пользу Донской эмеритальной кассы 200 руб.

³ Эмеритальная касса военно-сухопутного ведомства с самого начала получила из казначейства 7,5 млн. руб., а по государственной росписи на 1897 г. ей было назначено 1,2 млн. руб. (См.: Положение об эмеритальной кассе (п.14) и Приложение к государственной росписи № 282.)

Библиографический список

1. Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода за 1903–1904 гг. – СПб., 1909.
2. К вопросу об обеспечении заштатного и сиротствующего духовенства в Калужской епархии // Калужские епархиальные ведомости (далее – КЕВ). 1897. – № 23. Неоф. ч.
3. КЕВ. 1865. – № 12. Оф. ч.
4. КЕВ. 1865. – № 13. Прибавления.
5. КЕВ. 1891. – № 23. Прибавления.
6. КЕВ. 1891. – № 6. Прибавления.
7. Никольский А. К вопросу об обеспечении духовенства [Текст] / А. Никольский // КЕВ. 1892. – № 4. Прибавления.
8. Подробнее см.: Церковные Ведомости. 1890. – № 42.
9. Протоколы XIII Епархиального съезда духовенства Тульской епархии. – Тула, 1903.
10. Протоколы XVII Епархиального съезда духовенства Тульской епархии. – Тула, 1909.
11. Успенский М. Об эмеритуре [Текст] / М. Успенский // КЕВ. 1891. – № 23. Прибавления.

A.V. SHTEPA

THE CONTROVERSY ON THE QUESTION OF THE NEED FOR A SPECIAL PENSION CAPITAL OF KALUGA DIOCESE CLERGY IN LOCAL PERIODICALS IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURIES. (BASED ON «THE KALUGA DIOCESE GAZETTE»)

The article reveals the essence of the discussion that took place in the local press in the second half of XIX – early XX centuries on the desirability of establishing in the Kaluga diocese special pension assets. The characteristic emeritalnoy cash as a form of additional assistance to the needy clergy, describes the experience of organizing similar banks in the dioceses of Russia (Tula, Volyn, etc.).

Key words: Kaluga diocese, the clergy, the pension capital, the periodical press.

ФИЛОСОФИЯ

*И.В. АНДРЕЕВ, кандидат философских наук,
доцент кафедры истории, философии и социологии
Московской государственной академии
коммунального хозяйства и строительства
i1532@yandex.ru*

Б.Н. ЧИЧЕРИН И СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

В статье освещается эволюция представлений выдающегося русского философа Б.Н. Чичерина об институте политических партий. Автор приходит к выводу о том, что Чичерин может рассматриваться как один из основоположников современной теории политических партий, в частности, на основании осуществленного им анализа роли «радикально-социалистической» партии в эвентуальной политической системе, которую сам мыслитель называл «всеобъемлющей машиной» и которая обозначается в наши дни как тоталитарная.

Ключевые слова: Б.Н. Чичерин, теория политических партий, партийное строительство, системные партии, внесистемные партии, тоталитаризм.

В работах современных исследователей творчества выдающегося русского философа и социального мыслителя Б.Н. Чичерина (1828–1904) справедливо подчеркивается его первопроходческая роль в становлении политологии как самостоятельной науки не только в России, но и в мире. Отмечалось и то, что Чичерин обозначил начальные вехи формирования и развития одного из разделов политологии – теории политических партий (партологии). В частности, внимание исследователей привлекла проблематика анализа им совокупности базовых признаков понятия «политическая партия», социальных функций и типологии политических партий и пр. В то же время, на наш взгляд, дальнейшей разработки заслуживают вопросы влияния социально-философских взглядов Чичерина на его концепцию политических партий, уточнения основных этапов эволюции этой концепции, общей оценки роли и места мыслителя в процессе становления современной партологии. Обозначить свои подходы к анализу данного круга проблем и было целью автора настоящей статьи.

Истоки методологии исследования Б.Н. Чичериным института политических партий находятся в системе философских представлений Гегеля, горячим сторонником взглядов которого на протяжении всего своего творческого пути был русский мыслитель. Вместе с тем придерживавшийся умеренно-либеральных политических ориентаций Б.Н. Чичерин, как известно, был склонен к консервативному истолкованию гегелевской философии. В отличие от, например, К. Маркса он не стремился делать «революционные» выводы из гегелевской диалектики, предпочитая поиск механизмов бескризисного, реформистского развития общества, обнаружение в рамках политической сферы того, что не разъединяет, а объединяет социальные группы. Отсюда и столь

значимый *нормативный* компонент в партологических изысканиях Чичерина: он не только изучает партии, но и настойчиво *призывает* их к акцентировке в ходе своей деятельности потребностей общества как целого, к достижению разумных компромиссов, к усвоению наиболее удачных программных установок друг друга.

Мы полагаем, что исходной точкой исследования Б.Н. Чичериным института политических партий является написанная им еще до заграничного путешествия и не привлекавшая до сих пор большого внимания книга «Очерки Англии и Франции» (1858), включающая в себя обзор нескольких политических сочинений зарубежных авторов. В частности, в этой работе можно отметить элементы сравнительного анализа партийных систем двух ведущих западноевропейских стран, установку на выявление социально-классовых детерминант партогенеза, базовую типологию западноевропейских идейно-политических течений. Достаточно явно выражены здесь и нормативные установки автора, проявившиеся прежде всего в высокой оценке партийной системы Великобритании в целом и доминирующей роли в ней аристократии в частности. Именно аристократия, полагал он, внесла определяющий вклад в формирование реформистского компонента британской политической культуры, связанного с представлениями об оптимальной «постепенности хода» исторического развития как результата «мудрых сделок со старым» [1, 36]. Как мы видим, уже в этой ранней работе были обозначены некоторые направления анализа института политических партий, характерные и для последующего творчества Б.Н. Чичерина.

Наблюдения, сделанные Чичериным во время трехлетнего пребывания за границей (1858–1861 гг.), лишь утвердили его в преимуществе британской партийно-политической системы перед западноевропейскими аналогами: «в политической области», отметил он, англичане «могут служить образцом для всех...» [2, 114]. После возвращения на родину Чичерин приступил к работе над докторской диссертацией «О народном представительстве», которая была защищена им в 1866 г. Проблематика политических партий рассматривалась ученым специально в одной из глав («Партии») раздела «Условия народного представительства», а также в некоторых других фрагментах этого сочинения. Его содержание свидетельствует о существенном продвижении автора в разработке данной темы. В

частности, Чичерину удалось выявить ключевые признаки понятия «политическая партия», признаваемые и современной политической наукой (наличие организационной структуры, установка на достижение государственной власти, стабильность существования, наличие идейно-политической программы, стремление заручиться поддержкой максимально возможного числа граждан). Кроме того, мыслитель охарактеризовал ряд выполняемых партиями социальных функций, дал более развернутую, чем в предшествующих своих работах, типологию партий, обозначил некоторые закономерности межпартийной конкуренции. Серьезным недостатком работы было отсутствие конкретного анализа структурных (организационных) аспектов данного политического института, однако этот недостаток в те годы был присущ и сочинениям зарубежных исследователей.

Следующей вехой в разработке Чичериным партологической проблематики следует признать монографию «Собственность и государство» (1882–1883), в которой он с целью более глубокой разработки места и роли института политических партий обратился к традиционной для социально-философской мысли проблематике взаимосвязи *гражданского общества и государства*. Примечательно, что последнее рассматривалось мыслителем в контексте более широкого «политического союза» (или «политического порядка»), включающего помимо государственных органов и негосударственные политические структуры, в частности политические партии. Тем самым Чичерин, по сути дела, придал новую жизнь локковскому подходу к анализу данного круга вопросов, в рамках которого, как известно, английский мыслитель ввел понятие «политическое сообщество» как более широкое по сравнению с понятием «государство» и включавшее в себя все виды добровольных союзов и соглашений людей по поводу выбора своих способов правления. В качестве другой ключевой пары понятий Чичерин использовал понятия «*органических*» и «*неорганических*» *социальных связей*. Под первым из них он подразумевал совокупность целенаправленно и императивно регулируемых социальных связей, в сущности, тождественных системе взаимодействия государственных органов. «Неорганические» же социальные связи, по определению философа, выступая несущей конструкцией сферы «свободы», были лишены этих характеристик и включали в себя не

только всю сферу гражданского общества, но и негосударственные компоненты «политического союза» («политического порядка»), в частности «влияние общественного мнения», прессу, по-

литические партии, «политические собрания» [3, 571–572]. Схематично взаимосвязь вышеуказанных понятий можно представить следующим образом.

«Политический союз»	Государство	Сфера органических социальных связей
	Негосударственные компоненты «политического союза» (партии, пресса и др.)	Сфера неорганических социальных связей
Гражданское общество		

Из контекста рассуждений Чичерина с полной очевидностью следует, что институт политических партий он рассматривал как *высший тип* негосударственных компонентов «политического союза» в силу таких присущих партиям и близких к признакам «органических» социальных отношений черт, как наличие развитых организационно-иерархических структур, стабильность, непосредственное участие в формировании органов государственной власти. В этой же связи он отмечал и мощное, зачастую определяющее влияние партий на функционирование прессы, общественного мнения и пр. Поэтому не вполне точной была бы характеристика политических партий как посредника между гражданским обществом и государством: в действительности они опосредуют взаимоотношения «органической» и «неорганической» подсистем социальной системы; «формально» относясь к последней, партии как бы «возвышаются» над ней, приближаясь по ряду своих измерений к государству и, в сущности, являясь *вторым по значимости после него* политическим институтом. Для «государственника» Чичерина это очень весомая характеристика.

Наиболее глубокую во всем творчестве Чичерина разработку данная проблематика получила в трехтомной монографии «Курс государственной науки» (1894–1898). «Политике партий» был посвящен один из разделов («книг») этой работы, включавший в себя три главы. И если первая из них («Партии в государстве») во многом воспроизвела материал докторской диссертации автора, то две последующие главы («Организация партий» и «Способы действия партий») давали основание говорить о существенном приросте знания по сравнению со всеми предшествующими работами Чичерина. Так, например, в этих главах нашли отражение важнейшие тенденции партогенеза в США

и Западной Европе во второй половине XIX века, связанные с усложнением организационной структуры политических партий под воздействием расширения избирательного права, нарастанием признаков «олигархического» перерождения партийных элит, размыванием идейно-политической идентичности «традиционных» партий наряду с ростом влияния «новых», социал-демократических партий. Примечательно, что при освещении этих вопросов мыслитель опирался на последние достижения западной политической науки и прежде всего материал, содержащийся в монографии английского исследователя Дж. Брайса «Американская республика» (1888).

Особый интерес представляют содержащиеся в «Курсе государственной науки» прогностические соображения Чичерина относительно особенностей эвентуальной политической системы радикально-социалистического типа – соображения, во многом перекликающиеся с разработанной значительно позже теорией тоталитаризма; он, кстати, использовал для обозначения этой системы термин «всеохватывающая машина» [4, 515], являющийся, по существу, калькой с латинского *totalitas* – полный, всеобъемлющий. В частности, Чичерин выделил такие общепризнанные впоследствии научным сообществом черты «всеохватывающей машины», как безраздельное доминирование в системе властных отношений радикально-социалистической партии, принудительное навязывание обществу партийной идеологии, обусловленная однопартийным характером политической системы тенденция к установлению режима личной власти и др. Мыслитель отметил и принципиально иной по сравнению с традиционными партиями характер радикально-социалистической партии, которая отличается от них не только своими «внесистемными» программными установками, но и доведен-

ными до высшей степени организованностью и идейным фанатизмом, обуславливающими ее повышенную политическую конкурентоспособность [4, 514–516]; нетрудно заметить, что Чичерин «предвосхитил» здесь, если можно так выразиться, некоторые существенные черты разработанного В.И. Лениным несколькими годами позже проекта партии «нового типа».

Таким образом, Чичерин показал, что система общественных отношений в условиях господства «всеохватывающей машины» претерпевает качественные изменения. Самыми главными из них являются крайнее сужение сферы «неорганических» социальных связей как пространства «свободы» и абсолютное доминирование навязанных социуму императивных «органических» регуляторов. Конкретными проявлениями этой трансформации выступают фактическое элиминирование гражданского общества и устранение тех негосударственных компонентов «политического союза», которые представляются радикал-социалистической элите «нефункциональными» с точки зрения обеспечения ее господства. Вместе с тем колоссально возрастает значимость радикал-социалистической партии, не только вытесняющей из политической жизни всех своих конкурентов, но и становящейся своего рода *alter ego* государства, стирая тем самым границу между институтами государственной власти и негосударственным блоком «политического союза».

В завершающих творческую биографию Б.Н. Чичерина публикациях 1900–1904 гг., посвященных анализу реалий предреволюционной России, проблематика политических партий затрагивалась, к сожалению, лишь вскользь. Верно предугадав основные перспективы трансформации абсолютной монархии в дуалистическую, ученый в то же время полагал, что одной из главных причин неготовности России к «парламентскому правлению» было отсутствие «сложившихся партий» [5, 152–153]; это суждение, на наш взгляд, проистекало из определенной недооценки Чичериным происходившего в то время подспудного интенсивного процесса кристаллизации идеологических, организационных и тактических оснований партийной деятельности.

Обратимся теперь от, так сказать, историко-фактологического «измерения» эволюции взглядов Б.Н. Чичерина к ее итоговой общей характеристике, включающей, между прочим, и оценку вклада мыслителя в развитие мировой теории политических партий.

Для решения этой задачи надо иметь в виду, что в мировой политической науке в 60–70-е гг. XIX в. обозначился *переход от «предпартологии» к современной партологии*. Принципиальное отличие этих двух этапов развития партологических исследований состоит в следующем. «Предпартология» имела предметом своего изучения партии «раннего» (немассового) типа, причем из всей совокупности политических отношений, складывавшихся по поводу их деятельности, преимущественным вниманием исследователей пользовались отношения экзогенного (внешнего) типа, т.е. отношения партий с другими элементами политической системы, а также с теми или иными социально-классовыми группами. Современная же партология выросла на основе изучения современных массовых партий и всех типов политических отношений, складывающихся по поводу их деятельности – как экзогенного, так и эндогенного (внутреннего, т.е. связанного с изучением структурных компонентов партийной организации). Следует отметить также, что, поскольку становление современной партологии совпало по времени с периодом быстрого развития социологической науки, в рамках партологических исследований в несравненно больших масштабах, чем прежде, стали применяться социологические методы сбора и обработки информации. Первопроходцами современной партологии были Дж. Брайс и российский исследователь М.Я. Острогорский.

Б.Н. Чичерин же, будучи в курсе полученных в рамках данной парадигмы достижений и продолжая размышлять над партийной проблематикой, всё же непосредственно не занимался исследованиями эндогенного типа партийных отношений с использованием конкретных социологических методов, обеспечившими качественный прирост знания в ходе становления современной партологии. Это обстоятельство дает основание для подразделения эволюции представлений мыслителя относительно института политических партий на два основных этапа.

В ходе *первого этапа (1858–1866 гг.)* философ, изучая функционирование политических партий *раннего*, «незрелого» типа, сформулировал ряд *оригинальных* положений, которые обеспечили ему *на тот момент* статус одного из лидеров «предпартологии» в рамках *мирового* научного сообщества.

В ходе *второго этапа (1867–1904 гг.)* Чичерин, имея в качестве объекта исследования

«системные» политические партии *современно-го* типа (Демократическую и Республиканскую партии США, Консервативную и Либеральную партии Великобритании), вынужден был формулировать выводы, носившие *вторичный* характер, будучи производными от результатов исследований основоположников современной партологии, прежде всего Дж. Брайса (вышедшая в 1902 г. за рубежом монография М.Я. Острогорского «Демократия и организация политических партий», вероятно, осталась вне сферы внимания Чичерина). А поскольку именно проблематика «системных» партий рассматривалась научным сообществом *того времени* как основная, то Чичерин постепенно все более *воспринимался* специалистами и политизированной интеллигенцией как величина лишь *регионального* значения в партологии, как разработчик преимущественно нормативной по своему характеру российской «либерально-консервативной» системы взглядов на роль и место политических партий в общественной жизни.

Но это представление всё же было не вполне адекватным истине. Ретроспективный взгляд на историю развития политической науки свидетельствует о том, что Б.Н. Чичерин стал одним из первых ученых, начавших разрабатывать проблематику «*внесистемных*» (в данном случае – левых) партий в контексте анализа сущностных черт эвентуальной в его время тоталитарной политической системы. И достигнутые им на этом направлении научные результаты – в виде примечательных по

своей точности предвидений – позволяют нам утверждать, что и на втором этапе своей эволюции Б.Н. Чичерин остался величиной *мирового*, а не регионального масштаба в партологии – партологии уже современной.

Одним из важнейших факторов, обеспечивших достижение Б.Н. Чичериным значимых результатов в партологии, было использование им разнообразных и в целом продуктивных методологических процедур, соотносившихся с его базовыми социально-философскими представлениями. Ключевое место среди них, вероятно, принадлежало диалектическому методу, позволившему Борису Николаевичу вскрыть основные противоречия, детерминирующие направленность и специфику партогенеза, особенности межпартийной конкуренции, обозначить грань, разделяющую социально приемлемые и деструктивные составляющие партийной политики. Использовал он и исторический метод исследования, некоторые элементарные приемы политического прогнозирования, а также системного и функционального анализа.

Столь широкий набор применявшегося Б.Н. Чичериным методологического инструментария свидетельствует о том, что *общий формат* его исследовательского проекта был близок к нашим сегодняшним представлениям о содержании политической науки как отрасли знаний, *интегрирующей* разноплановые сведения о политической сфере. Но верно и другое: произведения российского исследователя сами внесли свой вклад в формирование данных представлений.

Библиографический список

1. Чичерин Б.Н. Очерки Англии и Франции. – М., 1858.
2. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Путешествие за границу. – М., 1932.
3. Чичерин Б.Н. Собственность и государство. – М., 2005.
4. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. 3. – М., 1898.
5. Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. – 3-е изд. – Берлин, 1901.

I. V. ANDREYEV

B.N. CHICHERIN AND THE ORIGINS OF THE MODERN THEORY OF POLITICAL PARTIES

The article deals with the evolution of notions of an outstanding Russian philosopher B.N. Chicherin on the institute of political parties. The author comes to the conclusion that Chicherin can be recognized as one of the founders of the modern theory of political parties, particularly, on the basis of his analysis of the role of the «radical-socialist» party in the eventual political system which the thinker called «the all-embracing machine» and which nowadays is known as totalitarian.

Key words: B.N. Chicherin, the theory of political parties, the party construction, system parties, out-system parties, totalitarianism.

*Е.В. ДЕРУСОВА, аспирант кафедры социологии и политологии
Орловского государственного университета
Ekaterina-derusova@mail.ru*

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖНЫХ СТРУКТУР НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

В данной статье рассматриваются основные факторы и условия функционирования молодежных структур в условиях современной России. Анализируется законодательная база, регламентирующая права и обязанности молодых граждан и их объединений. Кроме этого существенное внимание уделяется изучению регионального законодательства в отношении молодежи и выявлению в нем негативных аспектов, препятствующих молодым гражданам стать полноценными и действенными акторами политического процесса.

Ключевые слова: право, общественные объединения, молодежные объединения, региональная молодежная политика, субъекты региональной молодежной политики.

Реформирование и демократизация российской общественно-политической системы, становление новых форм взаимоотношений между индивидом и государством обусловили бурный рост молодежных общественных объединений и структур. В связи с этим крайне актуальной стала задача преобразования созданной на данный момент времени правовой базы в отношении молодых граждан.

Право, как справедливо отмечают многие исследователи [2, 5], является закономерным продуктом общественного развития. Обычаи, моральные и религиозные нормы, выполняющие функции контроля поведения индивида, групп, масс, отходят на второй план, уступая место правовой регламентации общественных отношений.

На сегодняшний день ученый мир рассматривает и характеризует право как социальное явление, без которого невозможно существование цивилизованного общества. Более того, подчеркивается, что право в нормативной форме должно отражать требования общечеловеческой справедливости, служить интересам общества в целом, а не отдельным его классам или социальным группам, учитывать индивидуальные интересы и потребности личности как первоосновы общества [14, с. 280].

Современное право является источником и условием четкой и строгой регламентации всех сфер жизнедеятельности существующего общества. Однако это не делает его фактором, ограничивающим свободу личности. Еще мыслители XIX – нач. XX в. рассматривали природу и сущность права через призму свободы. Так, Кант определял право как совокупность условий, при которых произвол одного может быть согласован с произволом другого по общему для них правилу свободы [7, с. 218]. А Гегель указал на то, что основой права, его необходимым элементом является свободная воля, мир духа, порожденный им самим как некоторая вторая природа [4, с. 67]. Таким образом, можно говорить о бесспорной связи данных категорий и явлений.

Рассматривая вопрос об особенностях правовой регламентации деятельности молодежных структур на региональном уровне, нельзя, на наш взгляд, не обратиться к анализу федерального законодательства, поскольку именно оно является правовым фундаментом

современной России. Правовая система Российской Федерации включает в себя: Конституцию Российской Федерации, совокупность Конституционных Федеральных законов, свод Федеральных законов, распоряжения и указы Президента РФ, региональное законодательство, которые определяют и гарантируют право индивида участвовать в общественных процессах в качестве политического, экономического, социального, культурного субъекта.

Анализ правовых основ функционирования молодежных сообществ в общественно-политическом пространстве современной России считаем целесообразным начать с текста отечественной Конституции.

В рамках исследуемого вопроса наибольший интерес, по нашему мнению, вызывают статьи 30, 32 и 33 Конституции РФ, а также их анализ. Согласно тексту статьи 30 Конституции РФ регламентируется право каждого на объединение, которое включает в себя право создавать на добровольной основе общественные структуры для защиты общих интересов и достижения общих целей; право вступать в существующие общественные объединения либо воздерживаться от вступления в них, а также право беспрепятственно выходить из общественных объединений. Разновидностями последних являются добровольные, самоуправляемые, некоммерческие формирования, созданные по инициативе граждан в целях удовлетворения их (духовных, материальных) потребностей. Цель объединения заключается в удовлетворении интересов личности, входящей в такое объединение.

Право на объединение может являться не только личным, но и политическим, если речь идет об объединениях политического характера (партия, политические движения и т. д.). Право на объединение предполагает также принцип свободы деятельности общественных объединений и их равноправия. Учредить любое общественное объединение могут граждане, достигшие совершеннолетия. В членстве же молодежных общественных объединений могут состоять лица в возрасте 14 лет [1, с. 45].

В области политических прав Основным законом современной России определяется право и возможность человека и гражданина (молодежь не является исключением) участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей; право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления [8, с. 10].

Кроме этого статья 33 Конституции РФ определяет право каждого обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления [8, с. 10].

Конституция РФ как Основной закон современной России является также определенным базисом для разработки специализированных правовых актов, регламентирующих конкретные сферы жизнедеятельности социума. Первым специальным федеральным документом, который определил и оформил принципы, способы, методы взаимодействия между государством и молодежными общественными объединениями, стал Указ Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 16 сентября 1992 года «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» [10]. Далее последовало Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 3 июня 1993 года «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации», в котором констатируется, что государственная молодежная политика осуществляется государственными органами и их должностными лицами, молодежными объединениями, их ассоциациями, молодыми гражданами. Поддержка деятельности молодежных и детских общественных объединений определяется как приоритетное направление и важный механизм реализации государственной молодежной политики [9].

Действительно, под влиянием демократических идей в 90-е годы XX в. была отмечена интенсификация процесса структурообразования не только в политике, но и в общественной сфере, что во многом и заставило законодателей обратиться к изучению данной проблематики. Итогом аналитической работы стал принятый 14 апреля 1995 года Федеральный закон РФ «Об общественных организациях».

Несмотря на то, что в названии данного закона и в его статьях не использовалось словосочетание «молодежные организации», указанный документ представляет для нас значительный интерес, поскольку является нормативной основой, регламентирующей деятельность общественных объединений в современной России, в том числе и молодежных структур.

В тексте Федерального закона парламентарии вновь подтверждают право граждан Российской Федерации на объединение (молодежь не является исключением) и достаточно четко фиксируют технологию, причину, цель, основание для интеграции [13;

ст. 3]. Граждане Российской Федерации обладают правом создавать общественные объединения на добровольной основе с целью защиты собственных интересов и реализации поставленных задач. Помимо этого законодатель закрепляет за россиянами право свободно выходить из общественной структуры, а также вступать в ряды ранее созданных объединений. Процедуры структурирования общественных объединений, формирования его персонального состава не должны зависеть от разрешительной позиции структур государственной власти и органов местного самоуправления [13; ст. 4].

Крайне важно подчеркнуть то, что российские парламентарии признают конструктивную роль общественных объединений, в том числе и молодежных, в политико-правовой жизни, поскольку создание общественных структур способствует более успешной и полной реализации прав и законных интересов граждан России.

Отечественные законодотворцы определили возрастные параметры для граждан России, желающих реализовать свое конституционное право на объединение. Так, согласно статье 19 Федерального закона РФ «Об общественных объединениях» основными субъектами, учредителями, членами и участниками общественных объединений являются граждане, достигшие 18 лет, и юридические лица [13; ст. 19]. Кроме этого данной статьей определяется субъект молодежных объединений, которым может быть гражданин Российской Федерации, достигший возраста 14 лет [13; ст. 19].

Общественные объединения, и молодежные в том числе, должны руководствоваться в своей деятельности целым рядом принципов: добровольности, равноправия, самоуправления и законности [13; ст. 15]. Помимо вышесказанного общественные объединения свободны в определении своей внутренней структуры, целей, форм и методов своей деятельности. Последняя должна быть гласной, а информация об учредительных и программных документах общественных объединений – общедоступной [13; ст. 16].

Являясь субъектом всего многообразия социальных и политико-правовых отношений, общественные объединения обладают определенными правами, которые закреплены и гарантированы в анализируемом законе. Так, согласно статье 27 Федерального закона «Об общественных объединениях», данные организации наделены правом: свободно распространять информацию о своей деятельности; участвовать в выработке решений органов государ-

ственной власти и органов местного самоуправления в порядке и объеме, предусмотренных настоящим Федеральным законом и другими законами; проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирование; учреждать средства массовой информации и осуществлять издательскую деятельность; представлять и защищать свои права, законные интересы своих членов и участников, а также других граждан в органах государственной власти, органах местного самоуправления и общественных объединениях; осуществлять в полном объеме полномочия, предусмотренные законами об общественных объединениях; выступать с инициативами по различным вопросам общественной жизни, вносить предложения в органы государственной власти; участвовать в выборах и референдумах в порядке, установленном законодательством Российской Федерации [13; ст. 27].

Параллельно с реализацией своих прав в общественно-политическом процессе общественные структуры имеют значительный объем обязанностей, среди которых можно выделить: соблюдение законодательства Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права, касающихся сферы его деятельности, а также норм, предусмотренных его уставом и иными учредительными документами; ежегодное информирование органа, принявшего решение о государственной регистрации общественного объединения, о продолжении своей деятельности с указанием действительного места нахождения постоянно действующего руководящего органа, его названия и данных о руководителях общественного объединения в объеме сведений, включаемых в единый государственный реестр юридических лиц; разрешение присутствовать на проводимых общественным объединением мероприятии представителей органа, принявшего решение о государственной регистрации общественного объединения; оказание содействия представителям органа, принимающего решение о государственной регистрации общественных объединений, в ознакомлении с деятельностью общественного объединения в связи с достижением уставных целей и соблюдением законодательства Российской Федерации [13; ст. 29].

Рассматривая особенности правовой регламентации отношений в системе «государство – общественное объединение», необходимо отметить, что вмешательство органов государственной власти и их должностных лиц в деятельность обществен-

ных объединений, равно как и обратная процедура, в целом не допускается [13; ст. 17]. Исключением составляют случаи, предусмотренные действующим законодательством.

Таким образом, важность и значение Федерального закона РФ «Об общественных объединениях» не вызывает сомнений, поскольку данный закон четко и основательно рассматривает условия и направления деятельности общественных организаций, формы и методы их участия в общественно-политическом процессе.

Рассмотренный выше Федеральный закон не стал единственной правовой нормой, которая определила правовой статус негосударственных объединений в современной России. В этой связи можно назвать такие документы, как: Федеральный закон РФ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» (18 июня 1995 г.), ФЗ РФ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (11 августа 1995 г.), ФЗ РФ «О некоммерческих организациях» (12 января 1996 г.), ФЗ РФ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» (12 января 1996 г.). По сути, именно данные законодательные акты сформировали правовую основу взаимодействия органов государственной власти и общественных объединений в Российской Федерации.

Однако непосредственно молодежной проблематике в правовой системе Российской Федерации посвящен ФЗ РФ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений». Бесспорным плюсом указанного документа является разделение общественных структур по возрасту и общности интересов, что значительно облегчает анализ и восприятие указанного закона. Согласно тексту Федерального закона Российской Федерации молодежные объединения и организации, как активные и инициативные акторы общественно-политической жизни, наделены следующими правами:

- готовить доклады Президенту Российской Федерации и Правительству Российской Федерации о положении детей и молодежи, участвовать в обсуждении докладов федеральных органов исполнительной власти по указанным вопросам, а также вносить предложения по реализации государственной молодежной политики;
- вносить предложения субъектам права законодательной инициативы по изменению федеральных законов и иных нормативных

правовых актов, затрагивающих интересы детей и молодежи;

- участвовать в подготовке и обсуждении проектов федеральных программ в области государственной молодежной политики [12; ст. 5].

Таким образом, молодежные структуры, по мнению отечественных парламентариев, вполне способны стать заметной, действенной силой, которая может влиять на процессы, происходящие в социуме, а также определять характер и направленность взаимодействия с институтами государственной власти.

Значительный интерес представляет статья 4 ФЗ РФ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», поскольку она посвящена формам и методам государственной поддержки молодежных объединений. В тексте статьи указывается, что объектами государственной помощи являются молодежные объединения граждан в возрасте до 30 лет, объединившихся на основе общности интересов. Помимо этого молодежная структура должна представлять собой юридическое лицо, действовать не менее года с момента государственной регистрации, а также включать в себя не менее 3000 членов [12; ст. 4].

Определенной разновидностью государственной поддержки согласно законодательству является федеральный реестр молодежных объединений. Включение молодежных объединений в указанный реестр осуществляется бесплатно в течение месяца после предоставления ими письменного заявления и документов, подтверждающих соответствие объединения требованиям Федерального закона [12; ст. 13].

Кроме вышесказанного необходимо отметить, что в 90-е годы законодатели выступили с инициативой разработки и принятия федерального закона «О молодежи», но этот документ в силу различных причин и обстоятельств так и не был принят. Однако он стал основой для концепций и стратегий в сфере молодежной политики, которые на сегодняшний день являются наиболее значимыми нормативными документами, регламентирующими отношения между государством и молодыми гражданами.

Рассмотрев федеральное законодательство в качестве основы для участия молодежных структур в общественно-политической жизни страны, считаем необходимым обратиться к анализу региональной правовой системы для полноценного отражения данного вопроса. Так, региональные политические лидеры неоднократно выражали за-

интересованность в укреплении демократического пространства на уровне субъекта РФ [3]. Однако нельзя не отметить, что на сегодняшний день все еще существуют проблемы в данной области. В связи с этим необходимо обратиться к анализу нормативно-правовой базы, который позволит выявить степень заинтересованности институтов публичной власти в молодежи и ее структурах как в действенных участниках общественно-политической жизни на примере Орловского региона.

Анализ Устава Орловской области позволяет говорить о наличии достаточно невысокого интереса местных органов власти к молодежи и к ее структурам вопреки их значительной заинтересованности в организации и функционировании институтов исполнительной власти [11]. Безусловно, мы не оспариваем важности и значимости нормативно-правовой регламентации деятельности институтов публичной власти в регионе. Однако отмеченная в Уставе области цель построения и укрепления демократии и гражданского общества не может быть достигнута, на наш взгляд, только усилиями официальных структур. В связи с этим внимание депутатского корпуса субъектов РФ к проблеме нормативно-правовых гарантий участия граждан, в том числе и молодого поколения, в общественно-политической жизни социума считаем недостаточным.

Изучение Устава Орловской области, а также научной литературы по данному вопросу позволяет нам сделать вывод о том, что проблема молодежи, молодежных общественных объединений и их функционирования не является абсолютно приоритетной для региональных законодателей. Однако объективная значимость молодежи как особой социально-демографической группы и общественно-политического актора детерминирует стремление институтов публичной власти субъекта Российской Федерации оптимизировать участие молодых граждан в политической жизни страны. Так, в Орловской области разработан и внедрен в правовую практику Закон «О региональной государственной молодежной политике в Орловской области». Данный закон определяет своей целью содействовать молодым гражданам в возрасте до 30 лет и их общественным объединениям в осуществлении ими своих прав и свобод, жизненном самоопределении, самовыражении и самоорганизации в интересах всего общества [6, с. 4]. Такое содействие может осуществляться органами государственной власти Орловской области путем реализации основных на-

правлений региональной молодежной политики в Российской Федерации на территории Орловской области, а также путем создания дополнительных к общероссийским экономических, организационных и правовых условий и гарантий, исходя из компетенции указанных органов и имеющихся средств.

Участие молодых граждан в формировании и реализации политики в области молодежи предполагается непосредственно или через молодежные и детские объединения путем внесения предложений для рассмотрения в органы государственной власти Российской Федерации и Орловской области, а также путем участия в конкурсах, проектах и программах государственных учреждений, молодежных и детских общественных объединений, отдельных молодых граждан и иными способами, предусмотренными законодательством Российской Федерации и Орловской области.

В Орловской области признается равенство участников правоотношений в молодежной среде, неприкосновенности собственности, свободы договора и других принципов гражданских правоотношений, а для поощрения талантливой молодежи устанавливаются стипендии, премии, гранты, исходя из имеющихся средств на развитие образования, науки, культуры и другие социально значимые цели.

Администрация Орловской области, органы местного самоуправления оказывают в пределах имеющихся средств и возможностей содействие по созданию рабочих мест для молодежи на основе региональных программ, предусматривающих мероприятия по обеспечению ее постоянной, временной и вторичной трудовой занятости, формируют для этого соответствующие структуры.

Одним из видов возможного трудоустройства молодых граждан являются молодежные предприятия с некоммерческим и/или коммерческим характером при условии, что в их штате более 75 процентов составляют молодые граждане. Включенные в специальный реестр молодежные предприятия в первые три года деятельности могут быть освобождены от уплаты налогов в части, поступающей в областной и местные бюджеты.

В рассматриваемом законе достаточно подробно регламентируется деятельность региональных молодежных общественных организаций, в том числе определяются условия и формы их государственной поддержки. Так, объектами последней становятся структуры, созданные молодыми гражданами, в случае, если эти объединения:

- имеют общеобластной характер;
- имеют местные отделения как минимум в половине районов области;
- действуют не менее 1 года с момента государственной регистрации;
- в объединениях насчитывается не менее одной тысячи членов;
- проект программы, заявленный объединением для финансирования, предусматривает предоставление социальных услуг не менее чем одной тысяче детей или молодых граждан [6, с. 9].

В условиях формирующейся демократии в Российской Федерации структуры гражданского общества, к которым относятся и молодежные объединения, как правило, слабы, неустойчивы и крайне зависимы от государственной власти. Последняя может способствовать становлению и укреплению общественных объединений или, напротив, используя различные политико-управленческие технологии и властные ресурсы, упразднить гражданские ассоциации как участника общественно-политической жизни. Орловские законодатели и политики отдают предпочтение конструктивному диалогу, а не конфронтации. Именно поэтому, руководствуясь принципами демократического процесса, в регионе законодательно закреплено и гарантировано право на информацию для всех участников политического взаимодействия. Так, молодежные структуры своевременно оповещают о планируемых и реализуемых мероприятиях региональной молодежной политики. Помимо этого орган специальной компетенции области и органы местного самоуправления могут заключать с молодежными и детскими объединениями договоры-заказы на проведение исследований общественного мнения и информированности молодежи о региональной молодежной политике и иных информационно-аналитических работ.

На фоне существующих проблем в социальной и экономической сферах жизнедеятельности социума структуры, созданные по инициативе и при непосредственном участии молодых граждан РФ, оказываются крайне уязвимыми. В этой связи на уровне субъектов Российской Федерации разработаны определенные мероприятия в поддержку молодежных объединений. Например, согласно статье 18 Закона «О региональной государственной молодежной политике в Орловской области» определена поддержка проектов или программ

молодежных и детских объединений, которая осуществляется органом специальной компетенции области на конкурсной основе. Более того, финансовая поддержка оказывается программам молодежных и детских объединений, направленным на:

- реализацию и защиту прав молодых граждан;
- интеграцию в обществе, профессиональную подготовку, повышение уровня образования, культуры наиболее социально уязвимой категории молодых граждан;
- военно-патриотическое воспитание молодых граждан;
- организацию содержательного досуга молодых граждан;
- развитие и расширение сферы деятельности молодежных и детских объединений;
- подготовку кадров молодежных и детских объединений [6, с. 9].

В заключение считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что нормативно-правовая база Российской Федерации включает в себя значительный массив специализированных документов, регламентирующих не только политическую, но и социально-экономическую, духовную, культурную, информационную стороны отечественного социума. Разумеется, приоритет среди правовых документов отдается Конституции РФ, каждая статья и положения которой ориентируют гражданина, группу, общность, организацию на укрепление, расширение и развитие демократии. Однако наряду с ней в современной России принят и действует целый пакет федеральных законов. Именно эти нормативно-правовые документы более детально, подробно регламентируют поведение того или иного субъекта общественно-политической жизни. Помимо этого федеральное законодательство помогает индивиду определить наиболее оптимальное с точки зрения выгоды соблюдение законности, вариант участия в общественно-политическом пространстве. В связи с этим мы пришли к выводу, что проанализированные федеральные законы являются в целом конструктивными, несмотря на наличие определенных недостатков. Однако список законов, нормативных актов, посвященных непосредственной правовой регламентации деятельности молодежи как общественно-политического субъекта, неоправданно мал. В основном источником информации о формах, направлениях, методах включения молодежи в политическую жизнь являются концепции и стратегии государственной политики по молодежному вопро-

су. Но ко всему этому необходимо отметить тот факт, что существующее законодательство в сфере молодежи и ее объединений разработано в 90-е годы, и это не может говорить нам о том, что, во-первых, за истекший период произошли существенные изменения общественно-политического процесса, которые наложили свой отпечаток на функционирование молодежных организаций. Во-вторых, реализация государственной политики в сфере молодежи не должна основываться на внедрении и воплощении в жизнь лишь федеральных целевых программ, которые должны, по нашему мнению, служить лишь дополнением к действующему законодательству в области молодежи, а не его заменой. Таким образом, на сегодняшний день необходимы разработка и принятие новых нормативных документов в сфере молодежи, и в первую очередь

молодежных объединений, либо существенное дополнение существующего. Кроме этого данные рекомендации являются актуальными также и для регионального законодательства, поскольку на примере Орловской области мы видим, что участие и поддержка молодежных общественных структур на уровне региона, как отмечается действующим законодательством, осуществляются, как правило, в форме исполнения комплексных и целевых областных программ, а также подпрограмм и планов социально-экономического развития области. Мы считаем, что интерес современных российских законодателей к молодежи, ее объединениям должен постоянно усиливаться, поскольку именно данная социально-демографическая группа представляет собой социальный, психологический, интеллектуальный потенциал страны.

Библиографический список

1. Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации [Текст] / Е.Ю. Бархатова. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 256 с.
2. Венгеров А.Б. Теория государства и права [Текст] / А.Б. Венгеров. – М.: Юристъ, 2004. – 180 с.
3. Выступление А.П. Козлова на заседании Орловского областного Совета народных депутатов 27.02.2009 [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.adm.orel.ru/index.php?head=6&part=7&unit=2&in=106>, свободный. – Загл. с экрана.
4. Гегель. Философия права [Текст] / Гегель. – М.: Наука, 1990. – 218 с.
5. Глухарева Л.И. Права человека в современном мире [Текст] / Л.И. Глухарева. – М.: Юристъ, 2003. – 150 с.
6. Закон Орловской области «О региональной государственной молодежной политике в Орловской области» № 32-ОЗ // Орловская правда. – 13.03.1997. – № 42.
7. Кант И. Трактаты [Текст] / И. Кант. – М.: Наука, 2006. – 552 с.
8. Конституция РФ и государственная символика. – М.: ООО «Рид Групп», 2010. – 48 с.
9. Постановление ВС РФ от 03.06.1993 № 5090-1 «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации» // «Ведомости СНД и ВС РФ», 24.06.1993. – № 25. – С 3–6.
10. Указ Президента РФ Б. Н. Ельцина от 16.09.1992 «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики» [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/org/doc-ukaz.htm>, свободный. – Загл. с экрана.
11. Устав Орловской области, № 7-ОЗ // Орловская правда. – 02.03.1996. – № 43.
12. ФЗ РФ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных организаций» № 98-ФЗ // Российская газета. – 04.07.1995. – № 127. – С. 2–12.
13. ФЗ РФ «Об общественных объединениях» № 82-ФЗ // Справочная система «КонсультантПлюс»: Высшая школа [Электронный ресурс]. – 2008. – Вып. 10.
14. Хропанюк В. Н. Теория государства и права: Уч. пособие для высших учебных заведений [Текст] / В.Н. Хропанюк. – М.: ИКФ Омега-Л, 2004. – 382 с.

E.V. DERUSOVA

POLITICAL AND LEGAL FOUNDATION OF YOUTH STRUCTURES AT THE REGIONAL LEVEL

This article considers the major factors and conditions of the youth organisations functioning in Russia nowadays. The legislative resources regulating rights and duties of the young citizens and their associations are analysed there. Besides the essential attention is paid to the studying of the regional legislation in respect of the youth and the exposing its negative aspects. The aspects that hinder the young citizens to become full-fledged and operating doers of the political process

Key words: right, associations, youth associations, Regional Youth Policy, subjects of regional youth policy.

*О.А. ЕЖОВА, ассистент кафедры философии и культурологии
Орловского государственного университета
Тел. 8 920 8002467; ezhova_olly@mail.ru*

КОНТРАКУЛЬТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Статья посвящена анализу понятий «контракультура» и «субкультура», а также рассмотрению контракультурных тенденций, существующих в современном социокультурном пространстве. Произведено исследование оснований типологизации субкультур, сравнение контракультуры стран Запада и нашей страны, а также оценка роли контракультуры в развитии общества. Указана связь контракультуры с формированием «новой религиозности» – движения «нью-эйдж».

Ключевые слова: контракультуры, субкультура, господствующая культура, глобалистика, нью-эйдж.

При определении современной контракультуры возникает проблема разграничения таких понятий, как «контракультура» и «субкультура», которые в исследовательской литературе нередко отождествляются. Так, Сергеев В.К. пишет: «К явлениям субкультуры или контракультуры в современной молодежной культуре мы относим неформальное молодежное движение или объединение. Это альтернативные формы культуры, связанные с процессом создания и выработки нового отношения к миру» [8]. Для него молодежные неформальные объединения представляют собой лишь форму альтернативной культуры или контракультуры, которая имеет определенные характеристики, такие как критическое отношение и стремление к пересмотру традиционных ценностей, частичный или полный (иногда скрытый и неосознанный, иногда демонстрационный) отказ от существующей официальной идеологии, отрицательное отношение к официальной культуре, традиционному искусству, ориентация на собственные идеалы, ценности, образ жизни, характерные данной субкультуре, объединению или группе. Участниками данных образований становятся молодые люди, оказавшиеся невостребованными обществом [8].

Подобное понимание контракультуры в своем основании содержит ее рассмотрение в узком смысле слова, при котором учитывается преемственность между контракультурой США 60-х годов XX века и субкультурными образованиями XXI века. В этом смысле можно говорить о существовании контракультуры и в современном социокультурном пространстве и времени. Оказавшая влияние на развитие и трансформацию господствующей культуры XX века, как стран Запада, так и России, она распространилась в различных областях современной действительности при помощи многочисленных субкультур, сосуществующих наряду с основными формами культурного пространства.

Однако оценка масштаба результатов воздействия контракультуры, понимаемой в широком смысле как механизм обновления и развития культуры, не позволяет отождествлять современные тенденции молодежных субкультур с контракультурой 60–70 гг. XX века. Данное понимание контракультуры приводит к выводу об отсутствии современной контракультуры, так как существующие молодежные неформаль-

ные объединения, позиционирующие свою исключительность и особенность по отношению к господствующей культуре, являются достаточно разрозненными группировками и не представляют необходимого основания для трансформации общественных ориентиров.

Распространение в современном социокультурном пространстве все большего числа субкультур, источником появления и распространения которых является субкультура битников и хиппи в 50–60 гг. XX века в США, позволяет актуализировать анализ зарождения в них контркультурных тенденций.

Основным социальным фактором, способствующим возникновению субкультурных молодежных объединений, является невозможность самореализации в традиционной культурной среде из-за отсутствия взаимопонимания с носителями традиционных культурных ценностей. Среди побуждающих мотивов к уходу индивида в неформальные объединения можно выделить стремление преодолеть одиночество, заполнив свободное время общением с единомышленниками, уйти от контроля родителей, учителей, противопоставив обществу коллективную силу неформального объединения.

Процесс появления молодежных субкультур имеет основой ярко выраженное негативное отношение к господствующему типу культуры, связанному с «культурой отцов». В психологическом плане субкультура, как и контркультура, предполагает конфликт «отцов» и «детей». Его острота зависит от состояния общества и степени несоответствия идеалов и реальной действительности. Переоценка молодым поколением традиционных ценностей является источником конфликта. Часто главенствующими для молодежи предстают общечеловеческие ценности, заключающие в себе любовь и справедливость, которые отличаются от ценностного содержания «культуры отцов» с преобладающим значением материальных благ и карьерного роста. Несмотря на отрицание ценностей существующей культуры, в молодежной среде редко происходит становление новой ценностной системы, поэтому выражение собственного мировоззрения происходит в эмоционально-чувственной форме.

Существует разные подходы к классификации современных субкультурных образований. Так, Кофырин Н.В. считает, что активность молодежи зависит от нескольких факторов. К их числу он относит уровень образования, возраст и место

жительства. При этом он считает, что субкультурная направленность в большей степени проявляется у молодых людей с более низким уровнем образования возраста 16–17 лет преимущественно в городской среде, так как именно там обилие социальных связей дает реальную возможность выбора ценностей и форм поведения [3].

М. Топалов классифицирует молодежные объединения по направленности их интересов, среди которых он выделяет увлечение современной молодежной музыкой, устремление к правопорядковой деятельности, занятия определенными видами спорта, философско-мистические, защита окружающей среды [6].

С.А. Сергеев предлагает следующую типологизацию молодежных субкультур: романтико-эскапистские субкультуры (хиппи, индеанисты, толкиенисты, с известными оговорками – байкеры), гедонистическо-развлекательные (мажоры, рэйверы, рэпперы), криминальные (гопники, люберы), анархо-нигилистические (панки, экстремистские субкультуры «левого» и «правого» толка), которые можно также назвать радикально-деструктивными [10].

Сикевич З.В. предлагает другую характеристику субкультурного молодежного движения с учетом определенных критериев. Так, по способу времяпрепровождения он выделяет музыкальных и спортивных фанатов, металлистов, любителей и нацистов, учитывая социальную позицию – экокультурные объединения, образ жизни – «системников» с их многочисленными ответвлениями, альтернативное творчество – официально не признанных живописцев, скульпторов, музыкантов, актеров, писателей [11].

В зависимости от отношения к официальной культуре среди различных молодежных групп можно встретить асоциальные, антисоциальные и просоциальные объединения [4]. Асоциальные группы отличаются прежде всего своим внешним видом или формой поведения, не представляя угрозы для общества. К ним примыкают современные хиппи, панки, рокеры, мажоры. Представители антисоциальных объединений противостоят правоохранительным органам исполнительной власти. Часто их несогласие с последними принимает агрессивные формы. К числу подобных групп обычно примыкает движение скинхедов. Члены просоциальных молодежных объединений напротив стремятся к положительной, с точки зрения

господствующей культуры, деятельности. Например, движение «зеленых» выступает за сохранение экологической нормы на нашей планете.

Одним из важнейших вопросов, связанных с возникновением и функционированием субкультурных объединений, возникающим перед исследователями, является вопрос о соотношении западных и отечественных молодежных субкультур. Часто такие российские субкультуры, как хиппи, панки, рэйверы, стилиги рассматриваются как следствие копирования западных образцов. Непонимание обществом индивида, чувство одиночества в совокупности со стремлением утверждения собственных ценностей является общим основанием формирования молодежных объединений, как в западных странах, так и в нашей стране.

Рассматривая влияние западных субкультур на распространение российских молодежных объединений, исследователь Сергеев С.А. пишет о том, что сами западные молодежные субкультуры даже при поверхностном рассмотрении обнаруживают наличие множества элементов, заимствованных из культурных традиций, подчас противоположных западной культуре, или, точнее, культуре американского (западноевропейского) среднего класса [9].

Таким образом, как западные, так и отечественные неформальные объединения осознанно ищут некий новый стиль жизни, основой которого часто становится трансформированный и адаптированный к местным условиям заимствованный образ культуры или цивилизации, литературного персонажа или киногероя, культовой личности или музыкальной группы, романтизированных и идеализированных. Большинство мифологизированных западных молодежных субкультур, а также групп постсоветского пространства заимствовали свои идеалы от буддистских традиций и ритуалов Востока, Африки, культуры североамериканских индейцев, глубинных российских традиций [8]. Так, например, субкультура московских хиппи вмещает в себя традиции странничества и анархопафизма, толстовское отрицание государства и «непротивление злу насилием».

Многие отечественные молодежные субкультуры являются крупными структурно организованными образованиями. Западные образцы субкультурных ценностей во многом переосмыслены в соответствии с особенностями российской культуры и ментальности.

Одна из особенностей большинства российских субкультур заключается в их повседневно-игровом, нежели философском, характере. Часто они тяготеют к проведению досуга в среде единомышленников, либо к распространению информации в виде обмена музыкальными дисками или книгами. Если альтернативные движения западных стран участвуют в социально-политических процессах, гуманитарных программах, то российские носят более символический и демонстративный характер и в большей степени лишены глубинных основ. Возможно, подобное различие связано как с чужеродностью большинства субкультур, так и с социально-политическими условиями, в которых развивается российская молодежь, местом и ролью государства, долгое время отлучавшего граждан от самостоятельности и спонтанной активности.

В исследовании М.В. Дягтеревой, направленном на изучение контркультурных элементов в нашей стране, можно выделить три периода их развития: модернистские течения и зарождающаяся культура пролетариата (начало XX века – 20-е гг. XX века), «вторая» культура внутри существующей культуры соцреализма (конец 20-х гг. – 60-е гг. XX века), демократическая культура (60-е гг. – 90-е гг. XX века), которая с середины 90-х гг. теряет статус контркультуры [2].

Наибольшее сходство между контркультурными тенденциями России и контркультурой западных стран проявляется во второй половине XX века, тогда как «бум» российских молодежных субкультур приходится на 80-е – начало 90-х гг.

В 60-х годах в нашей стране контркультура проявила себя в качестве протеста интеллигенции, однако по сравнению с западной контркультурой она имела свои отличительные особенности. Если западная контркультура выражала свое протестное отношение против технизирования мира и потребительского сознания, то российская интеллигенция стремилась выразить «бунтарский дух», направленный против тех или иных элементов культуры советского периода. Подобное отношение к существующей культуре было отражено в творчестве российских «шестидесятников», которые представляли контркультуру в форме рок-культуры, «самиздате», «андеграунде», стихах и песнях бардов (Высоцкого, Окуджавы, Визбора, Галича). Все они формировали духовный облик мыслящего поколения и внесли свой вклад в транс-

формацию нашего общества, в перестройку, в ликвидацию тоталитаризма в нашей стране [12].

Однако при переходе контркультуры к третьей стадии своего развития в качестве демократической культуры формируется ее новое содержание и форма. Это подчеркивается в работах одного из отечественных аналитиков, занимавшегося проблемами молодежного бунта, Ксении Мяло «Под знаменем бунта» и «Время выбора». Во втором исследовании она сравнивает западную и отечественную контркультуру 80-х годов. Она говорит, что если для западной контркультуры был характерен мощный глобализм, антимилитаризм, глубокая озабоченность проблемами неимущих, то наша молодежь 80-х была полностью равнодушна не только к глобальным проблемам или к Третьему миру, но и к трагическим событиям в собственной стране [7]. Она пишет, что мы в нашей стране строим потребительское общество, отвергнутое в свое время контркультурой Запада, как тупиковый путь развития, но при этом считаем это высокой целью социальной деятельности [7].

Современные исследования контркультуры в большинстве своем дают положительную оценку процессам распространения контркультуры и нередко возлагают на нее надежды по выходу общества из существующего духовного кризиса.

Среди исследователей положительную роль контркультуры в обществе дает доктор философских наук А.С. Панарин, который, сравнивая ее с глобалистикой, определяет в качестве предтечи духовно-этической революции современности. «Глобалистика – поздний продукт сайентизма, результат ее диалектического самоотрицания» [12], – пишет он. Сходство между глобалистикой и контркультурой он видит в предчувствии «возможного и при этом близкого конца техногенной цивилизации» [12]. Однако если в поле рассмотрения глобалистики находится в большей степени проблема разрушения окружающей среды, то для контркультуры главным образом встает вопрос о духовном состоянии человечества и возможном распаде личности.

Рассмотрение контркультуры одним из ее современных исследователей – М.А. Султановой – также представлено положительной оценкой данного явления. Она пишет: «Наша задача – показать ее позитивный, гуманистический, демократический потенциал, которым она, безусловно, обладала» [12]. Анализируя воззрения одного из зна-

чительных теоретиков контркультуры США XX века Теодора Роззак, Мира Султанова указывает на основную причину появления контркультуры – рост потребительского сознания. Она пишет о том, что Роззак видел серьезные симптомы в «восстании неугнетенных» в самой демократичной стране, что он различил симптомы не только морального кризиса потребительского общества, но и универсального, глобального кризиса базовых целей и ценностей техногенной цивилизации. Роззак показывает, что контркультура послужила зеркалом, отразившим острейшие современные проблемы в жизни человечества [12].

Сухина И.Г., исследующая феномен контркультуры, указывает на три основные причины ее формирования. Во-первых, это обеспеченный в результате модернизации западного общества на основе НТП переход от «экономики скудости» к «экономике изобилия», во-вторых, широкое распространение системы высшего образования, а также, в-третьих, бурное развитие технических средств массовой коммуникации, что привело к возрастанию динамики социокультурной жизни на Западе [13]. В результате своего исследования, автор приходит к мнению о том, что «контркультура является своеобразной реакцией на глобальные проблемы культурно-цивилизационного развития человечества, четко обозначившиеся на современном этапе модернизации» [13]. Поддерживая основную идею контркультуры о революции сознания, Сухина указывает на положительную роль контркультуры для развития культуры в целом. Она пишет: «контркультура выражает оптимистическую перспективу решения глобальных проблем и выступает с инициативами: выработки нового мировоззрения, адекватного глобализации антропогенного влияния и культурно-цивилизационного развития человечества» [13].

Исследователь функционирования контркультуры Миндолина М.В., рассматривающая появление новой культурной альтернативы как ответ на современные проблемы, видит необходимость создания мощной контркультуры, которая бы смогла заменить собой основные массовые тенденции и стать новым культурным прорывом, имеющим созидательное будущее [5]. Однако она разграничивает роль контркультуры для общества, связанную с проявлением разных ее качеств. Каждое из них зависит от носителей контркультуры, среди которых можно встретить как интеллигенцию

(носители созидания), так и маргинальные слои населения (носителей разрушения). Миндолина пишет: «Если носителем контркультуры выступает интеллигенция, то контркультура выражается в виде неофициальной культуры, которая развивается параллельно с господствующей, представляя собой культуру повседневности и, постепенно внедряясь в сознание людей, становится новой культурой, формируя альтернативный образ жизни. В данном случае контркультура выступает как процесс созидания новой господствующей культуры, которая проявляется в защитной, развивающей, преобразующей и компенсаторной ее формах. Контркультура позволяет обществу приспособиться к изменившимся историческим условиям и привести свой уровень развития в соответствие с ними, что позволяет рассматривать *ее контркультуру* не только как особый вид творчества, но и как вид социальной адаптации, которая остро проявляет себя в кризисные периоды, связанные с потерей традиционных ценностей того или иного общества» [5].

Таким образом, для Миндолиной целью контркультуры является выведение общественного развития на новый этап, устранение несоответствия между уровнем развития общества и изменившимися историческими условиями, то есть, осуществление адаптации общества к новым социальным реалиям [5].

Что касается определения роли контркультуры для развития общества в целом, то, например, Дегтярева сразу отделяет контркультуру от маргинальной культуры, не сводит последнюю даже к формам проявления контркультуры. Она говорит: «...характерное для позиций многих исследователей контркультуры отождествление содержания последней лишь с адекватным(ой) маргинальным группам общества простой нигилистической духовной доминантой не является достаточным в характеристике действительной специфики контркультуры» [2]. Для Дегтяревой цель исследования контркультуры состоит в глубоком изучении данного явления, так как уже сформированные взгляды рассматривают ее в качестве негативного элемента. Дегтярева видит подобную ориентацию в недостаточной проработанности оценки роли контркультуры для общества и пытается восстановить объяснение причин возникновения этого явления, раскрыть цели его распространения и показать адекватную роль контркультуры для развития культуры в целом.

Таким образом, современные исследователи контркультуры склоняются к мнению о том, что данное явление в целом можно охарактеризовать как положительное. Контркультура должна существовать в обществе и поддерживать его функционирование. Основная ее роль по отношению к реалиям современного сознания заключается в формировании нового сознания, ориентированного против общества потребления и потребительского общества в целом. Так, например, Сергеев В.К. среди выделенных им функций, выполняемых контркультурой, говорит о главенствующей из них, которая заключается в возможности самореализации, т.е. субъективного воплощения личности. Наряду с ней он называет инструментальную функцию, когда субкультурная среда становится средством для достижения осознанных и неосознанных результатов, а также компенсаторную, связанную с личной зависимостью и отсутствием свободы в официальных структурах. Эвристическая функция выражает художественно-творческие и нравственные устремления молодежи и реализуется в социокультурной деятельности [8].

Однако при всех заслугах и положительной роли контркультуры в формировании нравственных и эстетических идеалов, невозможно не заметить проникновение в нее потребительского сознания. Об этом рассуждает Таран А.В. в работе «Контркультура и новая культура потребления». Она посвящена анализу знаменитой книги Дж. Хиза и Э. Потера «Бунт на продажу: как контркультура создает новую культуру потребления», в которой контркультура рассматривается в качестве источника и предтечи потребительского общества. По их мнению, основные методы радикальной борьбы с ним, заключенные в индивидуализме, бунте, протестах, создают новые рынки для потребителей. Эти рынки развиваются современным бизнесом, интегрируя бунтарей в общество потребления. Таран подчеркивает, что контркультура и конформизм — две стороны одной медали [14]. Он пишет: «в 80-е годы то самое поколение, которое “настроилось, подключилось и выпало”, сыграло главную роль в самом мощном в американской истории витке демонстративного потребительства» [15, с. 15].

Потребительский характер западной контркультуры можно проследить и по ее отношению к вопросам религиозного характера, который проявился как в смешении религий, психологии и науки, так и в явлении психоделического мистицизма,

когда интерес к самопознанию и самореализации часто подменялся и сменялся наркотическими пристрастиями.

Одной из важнейших форм проявления контркультуры является ее религиозно-мистическая составляющая. Как пишет Балагушкин, «Особенно заметными религиозно-мистические влияния оказались в молодежной контркультуре, на почве которой впервые появились все известные нетрадиционные религии, секты и культы, начиная от *дзэн-буддизма*, воспринятого молодыми антиконформистами в форме *битнического дзэна*, и кончая *психоделией* (культом религиозно-наркотического опьянения, известного в России под названием *герметики*) и *раджнишизмом* (культом недавно скончавшегося Бхагавана Шри Раджниша, предлагавшего Горбачеву свои услуги в духовном возрождении нашей страны)» [1].

Появление подобного рода религиозно-мистического в совокупности с психоделическим мистициз-

мом оценивается по-разному. Так, например, Султанова видит в нем зарождение и возможное развитие диалога культур. Она пишет: «Целью жизни молодежь объявляла духовный рост, духовное развитие, самосовершенствование. В своих поисках путей самосовершенствования и саморазвития она открывала для себя ценности восточных религий, мистический опыт восточной традиции, первая начав, таким образом, настоящий “диалог культур”, который так высоко ценится сегодня» [12].

Однако зарождение подобного рода явлений в нашей стране в 90-х годах XX века можно оценивать и с противоположной позиции – как формирование «новой религиозности» – движения нью-эйдж, сочетающего в себе различные оккультные системы. Общая их идея состоит в концепции создания единой универсальной религии. Это было обусловлено распространением глобализации, при которой происходит нивелирование культурных традиций той или иной страны.

Библиографический список

1. Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Balag/06.php, свободный. – Загл. с экрана.
2. Дегтярева М.В. Контркультура в структуре культуры России XX века. Автореф. дис. канд. культурол. наук. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/degtjareva.html>, свободный. – Загл. с экрана.
3. Кофырин Н.В. Проблемы изучения неформальных групп молодежи [Текст] / Н.В. Кофырин // Социологические исследования. – 1991. – № 1.
4. Кравченко А.И. Социология девиантности [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://lib.socio.msu.ru/libRARY?e=d-000-00-001ucheb-00-0-0-0prompt-10-4-0-11-1-ru-50-20-help—00031-001-1-0windowsZz-1251-10&a=d&c=01ucheb&cl=CL1&d=HASH01d860037a6f82dbb24fe132.4.1>, свободный. – Загл. с экрана.
5. Миндолина М.В. Контркультура: сущность и существование. Автореф. дис. канд. филос. наук. [Текст] / М.В. Миндолина. – Белгород, 2006. – 29 с.
6. Молодежная культура: Молодежь и проблемы современной художественной культуры. Сб. науч. тр. [Текст] / Ред. сост. С.Н. Добротворский. – Л.: ЛГИТМИК, 1990. – С. 8–9.
7. Мяло К.Т. Время выбора [Текст] / К.Т. Мяло. – М.: Политиздат, 1991. – 251 с.
8. Сергеев В.К. Молодежная субкультура в условиях мегаполиса [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://synerg.narod.ru/SER_MEGA.htm, свободный. – Загл. с экрана.
9. Сергеев С.А. Молодежные субкультуры в республике [Текст] / С.А. Сергеев // Социологические исследования. – 1998. – № 11.
10. Сергеев С.А. К вопросу о классификации и некоторых особенностях молодежных субкультур России [Текст] / С.А. Сергеев // Социальное знание: формации и интерпретации. Материалы международной научной конференции. – Казань, 1996.
11. Сикевич З.В. Молодежная культура: «за» и «против». Заметки социолога [Текст] / З.В. Сикевич. – Л.: Лениздат, 1990. – 204 с.
12. Султанова М.А. Концепции контркультуры в дискурсе современных глобальных проблем [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://www.utopiya.spb.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=308:2010-03-22-03-08-45&catid=47:-14&Itemid=140, свободный. – Загл. с экрана.
13. Сухина И.Г. Контркультура как феномен и категория: основы культурфилософского анализа [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://www.nbuvgov.ua/portal/Soc_Gum/Niz/2008_9/Suhina.htm, свободный. – Загл. с экрана.

14. Таран А.В. Контркультура и новая культура потребления [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://infoculture.rsl.ru/niklib/home/news/KVM_archive/articles/2010/02/2010-02_r_kvм-s16.pdf, свободный. – Загл. с экрана.
15. Хиз Дж., Поттер Э. Бунт на продажу [Текст] / Дж. Хиз, Э. Поттер. – М.: Добрая книга, 2007. – 456 с.

O.A. EZHOVA

COUNTERCULTURAL TRENDS IN CONTEMPORARY SOCIAL AND CULTURAL SPACE

Article thesis is the analysis of the concepts of «counterculture» and «subculture», as well as examining countercultural trends existing in the modern social and cultural space. The research is carried out on what principles the typology of subcultures is based, comparing the counterculture in the western countries and in our country, as well as the estimation of counterculture role in the development of society. The connection is specified between the counterculture and the formation of the «new religion» – the movement «New Age».

Key words: counter-culture, subculture, the dominant culture, globalization, New Age.

*М.О. ИЗОТОВ, аспирант кафедры философии
Орловского государственного аграрного университета
Тел. 89208129064; Max198522@mail.ru*

ПОНЯТИЕ КОРРУПЦИИ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ

Статья посвящена анализу понятия коррупции в социально-гуманитарном знании. Рассмотрены теоретические подходы определения этого термина в рамках социологии, политологии, экономики, юридических наук и социальной антропологии. Предлагается на основе философии объединить достижения этих дисциплин для разработки единого междисциплинарного подхода к коррупции как сложному социальному феномену.

Ключевые слова: коррупция, общество, государство, государственная служба, гражданское общество.

В последнее время проблема распространения коррупции стала еще более актуальной. Возросшее внимание к этому негативному социальному явлению проявилось и в возрастании исследовательского интереса со стороны представителей различных социальных и гуманитарных наук к проблеме коррупционных действий и противодействию им. В рамках социологии, политологии, экономики, социальной антропологии, юридических наук сформировались методологические подходы, по-своему описывающие механизм коррупционного поведения государственных служащих. Рассмотрим их подробнее.

В социологии коррупция понимается как дисфункциональное явление, патология общества, порождающая в нем уродливые формы взаимоотношений между людьми. «Коррупция представляет собой особую социальную структуру, то есть совокупность устойчивых и достаточно универсальных (они приспособлены к существованию в различных сферах жизни общества) норм, принципов взаимоотношений людей. При этом имеются в виду не отдельные, единичные случаи и персоны, а социальные группы, которые поддерживают эту структуру в качестве главного или в качестве неотъемлемого условия (источника) своего существования» [1; 192]. Здесь коррупция предстает в виде неофициальной подсистемы социального регулирования, существующей параллельно с официальным механизмом регуляции общественной жизни. Эта «параллельная система» регулирования порождается неэффективной деятельностью органов государственной власти. В соответствии с таким подходом коррупционное поведение должностных лиц определяется как «неформальное, девиантное (отклоняющееся) поведение управляющей элиты, проявляющееся в нелегитимном использовании ею социальных благ» [2; 47].

В основе подобного социологического понимания феномена коррупции лежат теория рациональной бюрократии М. Вебера, структурно-функциональный подход и теория социальной аномии Т. Парсонса и Р. Мертона.

Вебер, исходя из своих трех типов легитимного господства, утверждает, что современное государство осуществляет господство над своими гражданами при помощи бюрократии. Поэтому необходимым условием нормального функционирования государственной власти выступает работа бюрократии, основанная на формальной рациональности. Такая рациональность предполагает «развитие и превращение современного чиновничества в совокупность трудящихся, высококвалифицированных специалистов духовного труда, профессионально вышколенных многолетней подго-

товкой, с высокоразвитой сословной честью, гарантирующей безупречность, без чего возникла бы роковая опасность чудовищной коррупции и низкого мещанства» [3; 657]. Таким образом, согласно концепции Вебера, распространение коррупции среди государственных служащих связывается с нерациональной организацией их деятельности.

В структурном функционализме Т. Парсонса утверждается, что основной характеристикой любого общества является его структура, под которой понимается «совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе» [4; 11]. Коррупция здесь также рассматривается структурным элементом, органично включенным в социальную систему. При этом коррупционная деятельность является отклоняющимся от социальных норм поведением, которое носит неформальный характер. То есть, здесь отмечается важная характеристика коррупции: ее дополнительность по отношению к формальным институтам.

В структурном функционализме раскрывается механизм воспроизводства этого явления. Согласно этому подходу, в период социальной стабильности степень распространенности коррупции стабильна, находится примерно на одном уровне, характерном для того или иного общества. Иначе дело обстоит, когда в социальной системе происходят стремительные перемены и ее структура нестабильна. В этот момент коррупция получает широкое распространение. Для описания этой ситуации следует обратиться к понятию «социальная аномия». Социальная аномия, согласно Мертону, возникает в результате «расхождения между культурно предписанными устремлениями и социально структурированными путями осуществления этих устремлений» [5; 247]. Аномия порождает ситуацию в обществе, при которой ее члены не способны достичь своих целей законными или одобряемыми социумом средствами и игнорируют их, пытаясь достичь своих целей незаконными средствами. Как следствие, ситуация аномии приводит к падению авторитета правовых и нравственных норм и рождает спрос на отклоняющиеся, девиантные формы поведения, в том числе и на коррупционные практики.

Таким образом, в рамках структурного функционализма коррупция может рассматриваться как специфический вид отклоняющегося от нормы поведения должностных лиц, возникающего в рам-

ках отдельных подструктур социального организма и порождаемого нарушениями функционирования социальной структуры.

В политологии коррупция рассматривается как одно из явлений политической сферы, деформирующее политическую организацию общества. Здесь исследование коррупции преимущественно связано с вопросом обладания властью или способностью борьбы за нее. Коррупционная деятельность в таком контексте понимается как поведение, выражающееся в нелегитимном использовании должностными лицами своего положения с целью занятия и удержания власти в обществе. При этом основным участником коррупционных отношений выступает господствующая политическая элита, представляющая собой привилегированный слой общества – ограниченный круг лиц, активно влияющих на происходящие социальные процессы посредством использования механизма политической власти [2; 44–45].

Сами же эти коррупционные отношения, по мнению политологов, особенно наглядно проявляются во время выборов. Например, исследователь политических партий М. Дюверже отмечает, что для обеспечения победы участники выборов часто прибегают к коррупционным практикам [6; 201]. Здесь отмечается важная черта коррупции. Она заключается в том, что коррупционные отношения направлены не только на удовлетворение личных корыстных интересов их участников, но и на достижение определенных целей: получение властных полномочий для обеспечения безопасности и возможностей дальнейшего обогащения на коррупционной основе.

В политологии основные причины распространения коррупции среди чиновников кроются в особенностях взаимоотношений между представителями политической элиты и простыми гражданами. Если в обществе слабо развиты гражданские отношения, граждане проявляют пассивность к происходящим политическим процессам, то отсутствует общественный контроль за деятельностью должностных лиц и возникают благоприятные условия для развития коррупционных отношений в эшелонах власти. Если же, наоборот, развит институт гражданского общества, которое активно участвует в политической жизни и влияет на деятельность государственного аппарата, то в обществе формируется неблагоприятная среда для развития коррупции.

Исходя из этих причин, в политологии предлагаются меры борьбы с коррупцией, которые связаны с укреплением институтов политической власти, развитием гражданского общества и повышением уровня политической культуры населения. Совершенствование политических институтов, по мнению Дюверже и Хантингтона, приводит к более эффективной организации государственного аппарата и отношений между гражданами и властью. «Коррупция находится в обратной зависимости от степени политической организации» [7; 87], – считает С. П. Хантингтон.

Политическая культура характеризует особенности ценностей, позиций, образцов поведения, характерных для взаимоотношений граждан и власти того или иного общества. По отношению к коррупции уровень политической культуры определяет два аспекта. Во-первых, он влияет на нравственное отношение к этому феномену. «...политическая культура способствует поддержанию баланса между властью правительственной элиты и ее ответственностью» [8; 125], – отмечает по этому поводу Алмонд. Во-вторых, от уровня политической культуры зависит степень участия граждан в политической жизни общества и наличие общественного контроля за деятельностью государственных лиц. Наличие развитой политической культуры будет приводить к снижению уровня коррупционных отношений в обществе. Поскольку она способствует активному участию граждан в политической жизни и развитию зрелого гражданского общества в целом, способного уменьшать произвол со стороны представителей власти.

Таким образом, с точки зрения политологии, коррупция рассматривается как поведение должностных лиц, выражающееся в нелегитимном использовании ими своего положения с целью занятия и удержания власти в обществе. Основными мерами по предотвращению такой деятельности являются укрепление институтов политической власти, развитие гражданского общества и повышение уровня политической культуры.

В экономической науке, в рамках неонституциональной школы, сформировался свой подход в исследовании феномена коррупции. Согласно ему, коррупция изучается исходя из посылки, что она является рациональной разновидностью поведения, направленной на нахождение оптимального способа реализации интересов в условиях ограниченности ресурсов. То есть, «решение дать (взять) взятку

опирается на ту же калькуляцию затрат и выгод, что и любое другое экономическое решение» [9; 37]. Например, у С. Роуз-Аккермана коррупция определяется как «разновидность экономического поведения в условиях риска, обусловленного совершением преступления и возможным наказанием за него» [10; 27].

Коррупционное поведение описывается при помощи модели «принципал – агент», детально описанной в работах Эггертсона [11]. Эта модель характеризует взаимоотношения трех участников: принципала, агента и клиента. Принципалом является лицо или организация, ставящие перед собой цели и обладающие ресурсами для их реализации. В его роли могут выступать какой-либо государственный орган или ведомство, государство или общество в целом. Для реализации поставленных перед собой целей принципал нанимает агента, которым являются государственные служащие. Агенту задаются цели, передаются необходимые ресурсы (властные, финансовые) и назначается вознаграждение за выполненную работу. В дальнейшем принципал, наняв агента, может контролировать его деятельность, чтобы обеспечить достижение необходимого результата и адекватное для этого расходование ресурсов. Клиентом является лицо, группа, организация, которые для решения своих проблем, целей нуждаются в использовании вверенного агенту ресурса и поэтому вынуждены обращаться к нему (например, граждане, предприниматели, обратившиеся за помощью к чиновнику). Коррупцией в рамках этой модели выступают такие действия агента, при котором он использует ресурсы принципала не для решения задач последнего, а для достижения собственных целей. Клиенты при этом выступают в роли взяткодателей, вступивших в сговор с агентом для решения своих проблем за передаваемую ему взятку.

Сами коррупционные ситуации в рамках описываемой модели возникают из-за наличия асимметрии в доступе к информации, существующей между агентом и принципалом. Агент по сравнению с принципалом владеет большей информацией о состоянии текущих дел, может утаивать ее и использовать в личных, корыстных целях. В результате разрыв в доступе к информации приводит к тому, что чиновник имеет монопольное право распоряжаться государственным ресурсом в условиях отсутствия контроля со стороны государства и

общества, а также маловероятного риска наказания за коррупционную деятельность. В таких ситуациях и возникают коррупционные сделки.

Основные причины распространения коррупции в обществе экономисты видят в чрезмерном и неэффективном вмешательстве государства в экономические процессы. Поэтому ими предлагаются такие антикоррупционные меры, которые должны быть направлены на ограничение возможностей произвольного усмотрения и чрезмерного вмешательства государственных служащих в хозяйственную деятельность простых граждан.

Таким образом, в экономической теории под коррупцией принято понимать разновидность поведения государственных служащих, направленного на извлечение выгоды за счет использования государственных ресурсов в личных целях. Причины размаха коррупционной деятельности видятся в чрезмерном и неэффективном вмешательстве государства в экономическую жизнь общества. Поэтому основные меры борьбы с коррупцией направлены на уменьшение произвола и чрезмерного вмешательства чиновников в хозяйственную деятельность простых граждан.

В юридической науке сложилась традиция толкования феномена коррупции как общественно опасного противоправного явления, характеризующегося подкупом-продажностью должностных лиц при корыстном использовании ими своих должностных полномочий. Например, Кушниренко определяет коррупцию как «социально-правовое явление, выражающееся в систематическом использовании государственными служащими своего служебного положения за материальное вознаграждение в интересах третьих лиц или групп, в результате чего подрывается авторитет государственной власти и государственной службы; прямом или косвенном использовании должностными лицами своих служебных возможностей и полномочий для личного обогащения» [12; 3–4].

Юристами выделяются следующие признаки коррупционного преступления [13; 19–20]: 1) непосредственное нанесение вреда авторитету или иным охраняемым законом интересам государственной власти; 2) незаконный характер получаемых государственными служащими каких-либо благ; 3) использование государственным служащим своего статуса вопреки интересам государственной службы; 4) наличие у государственного служащего умысла на совершение действий

(акта бездействия), объективно причиняющих ущерб интересам государственной власти; 5) наличие у виновного корыстной или иной заинтересованности.

Основными причинами, способствующими распространению коррупции в органах государственной власти, с юридической точки зрения выступают следующие: несовершенства и противоречия в системе законодательства, отсутствие реально функционирующего правового механизма наказания за противоправную коррупционную деятельность, а также деформирование правосознания граждан. В качестве мер противодействия коррупционным преступлениям в юриспруденции выделяются: разработка специального законодательства, регулирующего антикоррупционную деятельность государства; организация деятельности независимых и дееспособных правоохранительных структур и судов; проведение криминологических экспертиз действующего законодательства с целью выявления коррупциогенных норм и т.д.

Таким образом, в юридической науке коррупция рассматривается как разновидность правонарушения, преступления чиновников против интересов государства. А меры противодействия с ней связаны с совершенством законодательства и созданием условий неотвратимости наказания за совершение противоправного деяния.

Наконец, необходимо отметить сложившийся антропологический подход исследования коррупционной деятельности государственных служащих, в котором делается акцент на изучении субъективного отношения человека к этому явлению. «...необходимо более широкое понимание феномена коррупции, которое должно не только учитывать культурный и исторический контекст, но и включать оценки самих участников» [14; 69], – подчеркивает Тон Кристин Сиссенер. По мнению социолога Левады, «в общественном мнении откладываются прежде всего не политические или юридические, экономические, а «человеческие» аспекты коррупции – готовность массового человека отвергать или принимать условия коррумпированного существования, меру вынужденного приспособления к этим условиям» [15; 7]. Здесь коррупция трактуется как явление, характерное для власти и властных отношений, воспроизводимое культурной традицией этих отношений и опирающееся на определенные ценностные ориентации. Так, по мнению Хофстеда, распространенность коррупци-

онной деятельности в обществе зависит от следующих показателей [16]:

- 1) доминирование коллективистических ценностей над ценностями индивидуализма,
- 2) высокого уровня дистанции власти (т.е. меры согласия граждан с неравномерным распределением власти в обществе),
- 3) уровня маскулинности в обществе (т.е. меры ориентации на материальный успех),
- 4) наличия чувства неопределенности в общественном развитии,
- 5) превалирования долговременной или краткосрочной ориентации при построении отношений между бизнесом и властью.

Доминирование в общественном сознании этих ценностных ориентаций приводит к широкому распространению коррупционных практик в системе общественных отношений. И без изменения подобного отношения членов общества к феномену коррупции, исходя из антропологического подхода, сложно добиться изменения ситуации в положительную сторону.

Таковы основные традиции (социологическая, политологическая, экономическая, юридическая и социально-антропологическая) исследования феномена коррупции, сложившиеся к настоящему времени в гуманитарной мысли. Оценивая значимость приведенных выше подходов, следует отметить, что каждый из них вносит существенный вклад в развитие проблематики коррупции и борьбы с ней.

Однако до сих пор нет единого консолидированного определения коррупции как социального явления. Это обстоятельство делает необходимым

разработку междисциплинарной концепции анализа коррупции с целью формирования удовлетворяющего всех целостного взгляда на данное социальное явление.

Становлению такого подхода к определению сущности коррупции как социального феномена может способствовать использование потенциала философии, для которой свойственен целостный взгляд на рассматриваемую проблему. На базе философского дискурса возможно преодоление жестких границ между подходами, исследующими коррупцию с разных точек зрения.

Действительно, коррупция изучается как социальное явление, как форма поведения, как социальный институт, как сеть взаимоотношений между людьми и т.д. Каждое из этих измерений выявляет важные характеристики коррупции, но делает это, исключив прочие грани этого феномена. По нашему мнению, с философской точки зрения коррупцию можно определить как социальный феномен, предполагающий деятельность государственных служащих, их взаимоотношения с другими членами общества, связанные с использованием ими своего должностного положения в личных корыстных целях, приносящим ущерб государственными общественным интересам.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что рассмотрение коррупции в рамках философии позволяет использовать уже наработанные методологические подходы для определения ее сущности и выработки на этой основе комплексной стратегии борьбы с коррупцией в современном обществе.

Библиографический список

1. Дахин А.В. Коррупция: элементы социологической модели // Коррупция в органах государственной власти: природа, меры противодействия, международное сотрудничество: Сборник статей / Под редакцией П.Н. Панченко, А.Ю. Чупровой, А.И. Мизерия. – Н. Новгород. – 2001. – С. 192–201.
2. Гараев Р.Ф. Понятие коррупции / Р.Ф. Гараев, Н.В. Селихов // Следователь, 2001. – № 2. – С. 43–50.
3. Вебер М. Политика как призвание и профессия // М. Вебер Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 644–704.
4. Парсонс Т. О социальных системах. – М.: Академический Проект, 2002. – 832 с.
5. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, 2006. – 873 с.
6. Дюверже М. Политические партии. – М.: Академический Проект, 2000. – 538 с.
7. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс–Традиция, 2004. – 480 с.
8. Алмонд Г.А. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. А. Алмонд, С. Вебра // Пол. Ис., 1992. – № 4. – С. 122–134.
9. Барсукова С.Ю. Коррупция: научные дебаты и российская реальность // Общественные науки и современность, 2008. – № 5. – С. 36–47.
10. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы / пер. с англ. О.А. Алякринского. – М.: Логос, 2003. – 400 с.

11. Эггертсон Т. Экономическое поведение и институты. – М.: Дело, 2001. – 408 с.
12. Кушниренко С.П. Понятие и основы профилактики коррупции // Противодействие коррупции на муниципальном уровне: сборник – М.: Волтерс Клувер, 2008. – С. 3–30.
13. Максимов С. В. Коррупция. Закон. Ответственность. – М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2008. – 255 с.
14. Сиссенер Т.К. Феномен коррупции в антропологической перспективе // Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции / Сост. и отв. ред. И.Б. Олимпиева, О.В. Паченков. – СПб.: Алетейя, 2007. – С. 56–82.
15. Левада Ю. Человек в корруптивном пространстве. Размышления на материалах и на полях исследования // Мониторинг общественного мнения, 2000. – № 5. – С. 7–14.
16. Husted B.W. Wealth, Culture and Corruption // Journal of International Business Studies, 1999. – № 2 (Vol. 30). – P. 339–359.

M.O. IZOTOV

CONCEPT OF CORRUPTION: THE BASIC APPROACHES

Article is devoted to the analysis of concept of corruption in socially-humanitarian knowledge. Theoretical approaches of definition of this term within the limits of sociology, political science, economy, jurisprudence and social anthropology are considered. It is offered to unite on the basis of philosophy achievements of these disciplines for working out of a uniform interdisciplinary campaign to corruption as to a difficult social phenomenon.

Key words: corruption, society, State, public service, civil society.

Е.В. КОВАЛЕВА, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Государственного университета – УНПК
Тел. 45-48-75; evikova@yandex.ru

СЛОВО КАК ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В ОНТОЛОГИИ И ЭСТЕТИКЕ С. Н. БУЛГАКОВА

Статья посвящена анализу онтологического и эстетического аспектов философии имени С. Н. Булгакова в контексте идей философии русского платонизма.

Ключевые слова: слово, онтология, эстетика, платонизм, философия имени.

Традиция русского христианского платонизма объединяет ряд ярких мыслителей, каждый из которых вносит определенный вклад в рассмотрение эстетической проблематики. Однако несомненно, что у истоков концепции всеединства стоит творчество Владимира Соловьева – в его трудах закладываются основы как онтологии, так и теснейшим образом связанной с ней эстетики философии всеединства. Поэтому прежде чем говорить об особенностях онтологических и эстетических взглядов С. Н. Булгакова, следует обратиться к их общему истоку – идеям Соловьева.

В философии Соловьева обнаруживается главная черта, отличающая эстетику русского платонизма – стремление к онтологизации, придание красоте объективного характера. Ключевая для философии всеединства идея единства Красоты, Добра и Истины фактически переносит эстетику в сферу онтологической проблематики: понятие красоты рассматривается в русле центральной онтологической проблемы платонизма – взаимодействия идеального и чувственно воспринимаемого миров. При этом источник истинной красоты обнаруживается в Божественной Премудрости: «...красота оказывается в системе Соловьева важнейшим признаком прогрессивной реализации божественного замысла творения мира, то есть объективным показателем степени воплощения предвечных идей, или их совокупности – «всемирной идеи». Соловьев практически дословно повторяет главный тезис неоплатонической эстетики: “красота в природе есть воплощение идеи”»¹.

Еще один момент учения Соловьева, оказавший существенное влияние на характер русской платонической эстетики, касается понимания идеи: именно в его работах впервые возникает образ идеи как некой умозрительной сущности. «Носитель идеи, или идея как субъект, есть лицо»² – это утверждение положило начало пониманию идеи как идеального лица – *лика, эйдоса*, которое в дальнейшем становится характерным для философии всеединства. Образное, эйдетическое понимание идеи позволяет ее представителям установить связь между зримыми вещами и метафизическими сущностями, между Космосом и Логосом, между объективным миром и субъективным мышлением. Сближение идеи, вида, образа является дополнительным фактором «онтологизации эстетики», в результате которого она приобретает как бы «трансцендентный» характер: подлинная, незамутненная красота помещается за границей материального бытия, ее проявления в чувственном мире оказываются лишь мерцанием, отсветом идеальной гармонии.

Обращаясь к истории философии всеединства, можно также заметить, что проблема образа-лика-лица возникла в ней раньше, чем проблема смысла-слова-имени. Для Соловьева язык был несомненным средством выражения индивидуального духовного содержания и оказывался в поле его зрения преимущественно в связи с анализом тех или иных художественных произведений. При этом эстетическая значимость текста связывалась им с идеей, образом, который раскрывался за менее значимой словесной формой.

Однако в начале XX века в русской религиозной философии обнаруживается интерес к проблеме слова. Значительную роль сыграли здесь внешние обстоятельства. Главным побудительным мотивом здесь выступил имяславческий спор, остро поставивший вопрос об онтологическом статусе имени. Другим побудительным фактором явилось динамичное развитие философии языка на Западе и оживление вопросов, связанных с филологической проблематикой. Можно сказать, что философия имени в трудах русских платоников задается этими ориентирами: с одной стороны, поддержкой имяславия, с другой – противостоянием субъективистским тенденциям западной философии языка. И то и другое направляет русских философов на путь онтологизации слова, придания ему статуса «объективного бытия». Этот процесс начинается уже в работах Павла Флоренского, который уделяет большое внимание проблеме имени собственного. Имя для него не знак, не маркировка, оно имеет собственную сущность, обладающую активностью и накладывающую некоторый отпечаток на своего носителя. Имя связано для о. Павла с определенным образом: «Когда складываются в типический образ наши представления, то имя завивается в самое строение этого образа, и выделить его оттуда удастся не иначе, как разрушая самый образ»³. В своей концепции имени Флоренский делает серьезный шаг в сторону метафизического реализма, в то же время в его взгляде на язык серьезную роль играют культурологическая и антропологическая составляющие. Объективность слова для него – это, скорее, объективность культурной ментальности: «Я не могу, не разрывая своих связей с народом, к которому принадлежу, а через свой народ – с человечеством, – не могу изменять устойчивую форму слова и сделать внешнюю форму его индивидуальной, зависящей от лица...»⁴. Объективность слова, его устойчивость определяется здесь культурно-историческими традициями, его эстетическая выразительность раскрывается в произведениях литературы – не случайно в работе «строение слова» приводится большое количество поэтических текстов. Привлечение поэзии отражает свойственный Флоренскому интерес к субъективной стороне слова, к его связи с жизнью души. Весьма показательны его рассуждения о семеме, содержательном значении слова: «...нам важно высказать то, что **мы** хотим высказать, нам нет дела до общего

или даже всеобщего этимологического значения слова, коль скоро этим словом не выражается именно **наше** заветное... Но именно поэтому, что семема безусловно непринудительна, вполне неустойчива, моя, вечное мое проявление, она не дана в чувственном восприятии...»⁵. Истоки смысла связываются здесь с глубинами человеческой личности, с ее самораскрытием. При этом смысл не укладывается полностью в рамки внешней, объективной формы, а как бы витает между словами.

В концепции Павла Флоренского слово антиномично, оно и субъективно и объективно, и устойчиво и текуче, и скрыто и явлено. Оно всегда элемент живой и неповторимой речи, представляющей собой двуединый процесс «...взаимодействия энергии индивидуального духа и энергии народного общечеловеческого разума»⁶.

Концепция Флоренского во многом базируется на культурологических антропологических основаниях. Однако антропология его как представителя платонической традиции имеет связь с космологией. Как отмечает А.Я. Кожурин, «Человек для Флоренского включен в некие родовые и этнические общности, а с другой стороны, родственен, «равномощен» миру как целому, является микрокосмом»⁷. Связь человека и мира оказывается не менее существенной, чем связь человека и культуры, так что человек «оказывается конспектом мира, а мир – раскрытием человека»⁸. Именно эту космологическую линию активно развивает С. Н. Булгаков. Взаимоотношения человека и Космоса, как воплощенного софийного замысла Творца, становятся краеугольным камнем его учения об имени – онтологизация слова выстраивается преимущественно на этом основании.

Установка на объективизм и онтологизацию слова носит осознанный и последовательный характер. Так же, как и у Флоренского, она связана с позицией по проблеме имяславия: последняя глава «Философии имени» носит богословский характер и посвящена, по сути, вопросу почитания Имени Бога, предшествующие ей главы подводят под нее широкий философский фундамент. Так же важной и осознанной задачей для Булгакова было противодействие психологизму и конвенционализму западной философии языка. На страницах книги он неоднократно подчеркивает негодность психологического и субъективистского подходов: «Слово в существе своем совершенно не может быть истолковано психологически, в психологических термини-

нах»⁹. Это бессилие психологии объясняется тем, что слово не случайная маркировка смысла, а объективное явление, отражающее внутреннюю сущность вещей: «слово так, как оно существует, есть удивительное соединение космического слова самих вещей и человеческого о них слова...»¹⁰. Вслед за Флоренским Булгаков обнаруживает антиномичность слова, однако антиномия разворачивается не в плоскости культурологии: «индивидуум – общность», а космологически: «человек – природа».

Интерес к космосу, природе, материи – отличительная особенность философии Булгакова, однако его «материализм» является относительным, это материализм в рамках идеализма, он подчинен платоническим установкам и ограничен ими. Поэтому связь между словом и миром выстраивается им через посредство таких понятий, как смысл, идея, форма.

Устойчивость, неизменность слова как объективного явления во многом связана для Булгакова с понятием формы: «Слово есть определенная форма, реализуемая разными путями, но первоначальным материалом имеющая артикулируемый органами речи звук»¹¹. То есть слово, хотя и может существовать идеально или «ноуменально» в мышлении, возникает все же в «материи» звука, и возможности артикуляции накладывают отпечаток на его форму. Материя оказывается предзаданным условием возникновения идеальной формы. Однако особенность слова заключается в том, что материя, будучи условием возникновения формы и средством ее актуального проявления, не является для слова «достаточным наполнением». Возникает некоторый парадокс: первоначально Сергей Булгаков обращается к аристотелевской схеме нераздельности формы и материи, на что указывает Бонецкая: «Термины метафизики Аристотеля, которыми активно пользуется Булгаков, свидетельствуют о его сознательной ориентации здесь на перипатетизм. И никакой антитезис не в состоянии уравновесить, смягчить данное перипатетическое представление: “Имя не существует невоплощенно”»¹². Но замкнутая схема «форма – материя» оказывается недостаточной для описания такого сложного объекта, как слово, и требует усложнения: кроме идеальной формы и звуковой материи слово в качестве «необходимого содержания» несет в себе смысл. Смысл так же тесно связан с формой, как форма с материей звука: «Значение имеет *всякое слово*, нет слов бессмыс-

ленных, слово есть смысл»¹³. Булгаков не проводит границы между значением и смыслом – смысл рассматривается как сущность значения, однако эта трактовка является очевидно недостаточной в работе, претендующей на философский анализ слова, – сам собой встает вопрос об онтологическом статусе «значения-смысла». В поисках ответа на этот вопрос о. Сергей обращается к платонической концепции и терминологии: «Язык имеет также и вспомогательные слова, смысл которых понятен лишь в контексте речи; оставляя пока в стороне такие слова, чтобы не усложнять вопроса, мы должны сказать, что всякое слово означает *идею*...»¹⁴. Уже то, что слово «идея» выделено курсивом, показывает, что автор употребил его не в расхожем значении мысли, случайно посетившей чью-то голову, а как философский термин, дальнейшее изложение вопроса; приводимые далее цитаты из Тимея служат подтверждением этого.

Правомерность отождествления смысла слова и идеи представляется весьма спорной, на это указывает, в частности, А.М. Камчатнов: «С.Н. Булгаков, к сожалению, не только не подверг философскому анализу соотношение понятий идеи вещи и смысла слова, но и вообще их не различает»¹⁵. Подменяя понятие смысла понятием идеи, Булгаков, по сути, приходит к утверждению: форма слова вмещает в себя идею – происходит столкновение близких по смыслу понятий аристотелизма и платонизма: платоническая идея (в отличие от смысла) – это неизменная форма, противостоящая хаосу, аристотелевская форма всегда идеальна. Соединение двух идеальных сущностей никак не может происходить по принципу оформления одного другим. К использованию столь сложной и уязвимой логической конструкции приводит стремление избежать субъективизма, исключить конвенционализм и произвол личности из числа факторов, влияющих на возникновение и даже в какой-то степени на употребление слов. Смысл слишком очевидно связан с индивидуальным сознанием, идея же – объективна, она выражение внешнего мира, основа софийного замысла и космического бытия. Вследствие этого идея оказывается предпочтительнее, а смысл вводится постольку, поскольку его упоминание помогает «смягчить» парадоксальное соединение формы слова с идеей вещи. Сергей Булгаков обходит вопрос о взаимоотношении формы и идеи, не желая признавать в форме слова условную конвенциональную

единицу – знак. Основываясь на схеме Аристотеля, он в то же время не приемлет логически вытекающего из нее номинализма: и форма слова, и смысл, который ею выражается, оказываются в равной степени объективными идеями и в этом качестве стремятся к слиянию и тождеству.

Говоря о том, что существует «столько же слов, сколько и идей с их бесконечными оттенками и переливами»¹⁶, о. Сергей ставит перед собой достаточно сложную задачу. Доказать это утверждение труднее, чем опровергнуть, один только факт наличия различных языков ставит его под сомнение. И все же он идет по этому пути, выстраивая концепцию неизменного онтологического ядра слова и апеллируя к теории единого протоязыка. Таким способом он подходит к решению проблемы взаимоотношений мышления и материальной реальности – слово трактуется как выражение объективной истины имире. «Слова, как первоэлемент мысли и речи, суть носители мысли, выражают идею как некоторое качество бытия, простое и далее неразложимое. Это самосвидетельство космоса в нашем духе, его звучание»¹⁷ – слово, мысль, идея, космос соединяются здесь в крепчайший узел, так что слово выступает как прямое выражение истины бытия, сущности мира.

Таким образом, Сергей Булгаков ясно выражает и обосновывает в рамках своей метафизики онтологичность слова, его связь с объективным миром, с космосом. Однако при этом обозначается другая проблема – проблема роли человека в формировании языка. Антропологический аспект порой кажется совершенно несущественным в его рассуждениях о слове: «не мы говорим слова, но слова, внутренне звуча в нас, сами себя говорят»¹⁸. И. Б. Роднянская указывает на сходство этой установки с центральной идеей Хайдеггера: «не люди говорят языком, а язык говорит людям и людьми»¹⁹. Действительно, в обоих случаях языку придается объективное значение, однако разными путями: Хайдеггер онтологизирует язык как некое органическое порождение человеческого духа, Булгаков утверждает слово как проявление в человеке космической энергии: «В словах говорит себя космос, отдает свои идеи, раскрывает себя. Слово как мировое, а не человеческое только слово есть идеация космоса»²⁰. Можно вполне согласиться с тем, что здесь «человек выполняет миссию рупора вещей»²¹.

На некоторую слабость антропологии в системе Сергея Булгакова указывает В. В. Зеньковский: «Для

Булгакова же самое важное в человеке то, что он “центр мироздания”, что природа “только в человеке познает себя”...»²². В соответствии с такой установкой субъектом языка в «Философии имени» оказывается скорее некий «мирочеловек», чем конкретный индивидуум. О. Сегрий стремится разрешить сложный антропологический вопрос, прибегая к антиномическому принципу, но постоянно утверждаемое первенство космического слова приводит к тому, что роль человека в жизни слова и языка остается достаточно пассивной и всякое отступление от «заданного» рассматривается как вредный «психологизм». Он мало обращает внимания на то, что слово используется не только для описания внешнего мира, но и для описания мира внутреннего, душевного, что оно часто является инструментом рефлексии и способом межличностного общения.

В русле отмеченной ранее тесной взаимосвязи учения о бытии и эстетики в русской платонической философии эстетическое рассмотрение имени у Булгакова определяется его онтологическими установками. В эстетике также утверждается ценность объективности: «объективная красота есть исключение преднамеренности и рациональной целесообразности, она не знает нашего «почему», но лишь повелительное *так есть*»²³. В наибольшей степени такая красота присуща поэзии, причем о. Сергей отдает предпочтение ее малым формам – в небольших по объему поэтических произведениях слово может обнаружить всю свою значимость, весомость. Поэзия также привлекает Булгакова тем, что ей присуща «непринужденность», – поэт должен быть ведом музой, стихи не придумываются, а прозреваются в стихии языка; они «сами себя сочиняют». Поэт мыслится здесь как медиум, он подобен Пифии, лишь передающей, транслирующей идеации Космоса. Можно заметить, что подобные представления в век символизма носились в воздухе, они составляли часть мифологии поэтического творчества. Характерным является известное высказывание А. Ахматовой: «Стихи диктует голос, а я лишь записываю».

Поэзия в представлении Булгакова доносит до нас высшую истину не только о языке, но и о мире. В ней слово обретает символическую глубину и силу реальной сущности, она представляет собой «незаменимый материал для постижения не только покровов слова, его анатомии, эмбриологии, но и самой жизни слова, его мистики и магии»²⁴. Связь поэзии и древней магии неоднократно под-

черкивается Булгаковым: красота для него – это не только объективная реальность, но и реальная сила, способная изменять мир.

Высоко оценивая поэзию, о. Сергей значительно меньше внимания уделяет прозе, ее эстетическая ценность представляется не столь значительной. Главный недостаток прозы – большая свобода автора, возможность произвольного определения объема текста, отступлений от темы. Проза часто страдает «пустословием», причина которого – желание высказать и показать собственную индивидуальность: образ автора стремится затмить образ мира, и слово лишается «свежести космического рождения». Проза эгоистически использует слово для решения собственных задач, часто оставаясь к нему равнодушной: «только в поэзии слово есть цель, а не средство...». Именно прозаическим текстам Булгаков приписывает наклонность к штампам – слова здесь только расхожий материал для болтовни с читателем. При-

зная достижения русского классического романа, Булгаков все же утверждает, что «обширность объема свидетельствует или о слабости формы, или же о ее громоздкости»²⁵.

Обращение к античным источникам, к традиции греческого идеализма позволяет Сергею Булгакову занять независимую позицию по отношению к течениям западной философии – его попытки противостоять общему субъективистскому уклону, отчетливо наметившемуся в европейской мысли XX века, вызывают уважение. Однако выбранный им путь космологического оправдания языка дает мало возможностей для понимания «человеческого измерения» слова и его творческих потенций. Открытое нам космическое слово-идея есть раскрытие объективной, мало зависящей от человека реальности. Согласно Булгакову, подлинная поэзия, обладая высшей степенью воздействия на самого поэта, на слушателей, на мир, в то же время не выражает индивидуальности художника.

Примечания

- ¹ Бычков В. В. Русская теургическая эстетика. – М., 2007. – С. 61.
- ² Соловьев В. С. Статьи. – СПб., 1994. – С. 70.
- ³ Флоренский П. А. Имена. – М., 2007. – С. 122.
- ⁴ Флоренский П. А. У водоразделов мысли. – М., 1990. – С. 233.
- ⁵ Там же, с. 237.
- ⁶ Там же, с. 234.
- ⁷ Кожурин А.Я. Философия культуры П.А. Флоренского//Проблемы культуры в русской философии II половины XIX — начала XX века. СПб., 2001, http://anthropology.ru/ru/texts/kozhurin/cult_04.html.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Булгаков С. Н. Философия имени. – СПб., 1999. – С. 32.
- ¹⁰ Там же, с. 38.
- ¹¹ Там же, с. 17.
- ¹² Бонеецкая Н. К. Русский Фауст и русский Вагнер / С. Н. Булгаков: pro at contra. Т. 1. – СПб. – С. 859.
- ¹³ Булгаков С. Н. Философия имени. – СПб., 1999. – С. 18
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Камчатнов А. М. Акт номинации и его метафизические предпосылки // Образ мира и структура целого. Лосевские чтения. – М., 1999. – С. 261.
- ¹⁶ Булгаков С. Н. Философия имени. – СПб., 1999. – С. 18.
- ¹⁷ Там же, с. 21.
- ¹⁸ Там же, с. 34.
- ¹⁹ Роднянская И. Б. Схватка С. Н. Булгакова с Иммануилом Кантом на страницах «Философии имени» // Булгаков С. Н. Первообраз и образ: соч. в 2-х томах. Т. 2. – СПб., 1999. – С. 8.
- ²⁰ Булгаков С. Н. Философия имени. – СПб., 1999. – С. 39.
- ²¹ Бонеецкая Н. К. русский Фауст и русский Вагнер. / С. Н. Булгаков: pro at contra. Т. 1. – СПб. – С. 877.
- ²² Зеньковский В. В. История русской философии. – М., 2001. – С. 855.
- ²³ Булгаков. Философия имени. С. 225.
- ²⁴ Там же, с. 222.
- ²⁵ Там же, с. 217.

WORD AS AN OBJECTIVE REALITY IN ONTOLOGY AND AESTHETICS OF S.N.BULGAKOV

The article is devoted to the analysis of ontologicistic and aesthetic aspects of philosophy named for S.N. Bulgakov in the context of ideas of Russian platonism philosophy.

Ж.В. ЛАТЫШЕВА, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения ГОУ ВПО «Владимирский государственный университет», г. Владимир; докторант кафедры социальной философии Поморского государственного университета, г. Архангельск
Тел. 8 910 7738285; +7 9066144293; joan_lat@mail.ru

АНАЛИЗ ОСНОВАНИЙ ПОВСЕДНЕВНОГО ЗНАНИЯ В ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕАЛЬНОСТИ П. БЕРГЕРА И Т. ЛУКМАНА

В статье раскрывается специфика трактовки мира повседневности П. Бергером и Т. Лукманом. Выявляются и анализируются такие структуры повседневного сознания, как зоны релевантности, интерсубъективность и темпоральность. Показывается значение важнейших характеристик, участвующих в формировании повседневного знания. Указывается на принципиальную роль языка как средства накопления социального знания и трансцендирования к целостной социальной реальности.

Ключевые слова: повседневное знание, интерсубъективность, ситуация лицом-к-лицу, язык.

Питер Бергер и Томас Лукман являются авторитетными представителями феноменологической социологии XX века и вместе с тем выступают основателями социального конструктивизма. Будучи учениками Альфреда Шюца, создателя феноменологии социального мира, они разрабатывают проблематику феноменологической социологии знания – дисциплины, основы которой были заложены М. Шелером, развиты К. Мангеймом, Р. Мертоном, Т. Парсонсом, Т. Гейгером, В. Старком и др. Предметом этой дисциплины, по мнению Е. Д. Руткевича, выступает «возникновение и функционирование различных форм мышления и знания в том или ином социально-культурном контексте. К этим формам относятся религиозные и философские учения, научные теории, политические идеологии, художественные произведения и стили искусства и т. д.» [2, с. 3].

Однако П. Бергер и Т. Лукман, по нашему мнению, несколько иначе видят содержание и задачи социологии знания. Согласно исходным идеям социального конструктивизма, важно раскрыть предпосылки и способы построения людьми социальной реальности, в основании чего должна лежать их рецепция реальности. Пространство рецепций и их субъективная интерпретация, согласно феноменологии естественной установки, формируются в процессе социального интерсубъективного взаимодействия в предельно широком пространстве жизненного мира. Поэтому для авторов очевидно, что интеллектуальные, художественные, религиозные, идеологические и тому подобные феномены знания не выступают в роли краеугольных камней разрабатываемой ими дисциплины, так как эти феномены продуцируются лишь немногими членами общества. Ученые считают, что «социология знания прежде всего должна заниматься тем, что люди «знают» как «реальность» в их повседневной, не- или дотеоретической жизни» [2, с. 31]. Другими словами, основной интенцией социологии знания должна выступать пове-

дневная, а не теоретическая реальность, а основной нозмой – повседневное, а не теоретическое знание. «Это именно то знание, представляющее собой фабрику значений, без которого не может существовать ни одно общество» [2, с. 31].

Поэтому в настоящей статье мы хотели бы исследовать специфику трактовки П. Бергером и Т. Лукманом компонентов и процессов повседневного сознания, выступающих предпосылками формирования повседневного знания и создания социальной реальности, а также обозначить наиболее перспективные для социальной теории идеи феноменологической социологии знания.

Прежде всего нужно отметить, что усилия авторов направлены на разработку поставленной впервые Э. Гуссерлем проблемы жизненного мира (*Lebenswelt*). Однако их понимание гуссерлевского термина, как и понимание феноменологической социологией в целом, существенно иное. Согласно основоположнику феноменологии, жизненный мир – это мир не феноменологической, а естественной установки. Это «мир «наивной» жизни, «наивной» субъективности, предшествующей научной объективности, но вместе с тем это и «сфера первоначальных очевидностей», сфера интенциональной конституирующей деятельности трансцендентальной субъективности» [1, с. 67]. То есть априорные докатегориальные, допредикативные характеристики существования, так же как и универсальная индуктивность, «обнаруживают себя в повседневном опыте» [4, с. 158]. Кроме того, жизненный мир, как считает Э. Гуссерль, тождествен трансцендентальной интересубъективности и целостному миру монад [3].

Отличие в позиции феноменологической социологии в отношении рассматриваемого понятия состоит в том, что востребованным ею оказался не трансцендентально-феноменологический аспект, а дофеноменологический, «наивный». А. Шюц в свое время прогнозировал, что «... эмпирические социальные науки найдут свое подлинное основание не в трансцендентальной феноменологии, но в конститутивной феноменологии естественной установки»¹. Поэтому, как утверждают П. Бергер и Т. Лукман, разрабатывая социологию знания, необходимо осуществлять социальное конструирование реальности, которое важно начать именно с выявления объективаций субъективного содержания и смыслов, различных процессов субъективности, создающих жизненный мир, повседневную реальность.

П. Бергер и Т. Лукман констатируют, что мир человеческого сознания состоит из множества реальностей, среди которых высшей является повседневность. Она конституирована «порядком объектов, которые были обозначены как объекты до моего появления на сцене» [2, с. 41] и объективирована разговорным, повседневным языком.

Принципиально важно и ценно то, что реальность повседневной жизни не представляется авторам чем-то аморфным, нерасчлененным и хаотичным, неким потоком нерелексивного сознания. В мире повседневности социальные мыслители усматривают несколько зон, кругов, сфер, степень значимости и близости которых по отношению к «я» распределена следующим образом. Во-первых, исходная сфера повседневности, сфера «здесь-и-сейчас», как её называют П. Бергер и Т. Лукман, фокусируется вокруг тела человека и его непосредственных переживаний настоящего. Далее, ближайшая для человека зона – та, в которой возможны прямые физические взаимодействия с окружающим миром. Располагаясь в этой зоне, сознание индивида следует практическим соображениям. Кроме этого, повседневная реальность включает в себя и другие, более отдаленные зоны, но они становятся освещенными для сознания только благодаря прагматическому или непосредственному интересу, а при отсутствии оных остаются темными и непонятными.

Анализируя сферы повседневной жизни индивида, П. Бергер и Т. Лукман развивают идею А. Шюца о различных *зонах релевантности*, т.е. зонах различной практической значимости «подручного» (А. Шюц) знания. Именно прагматический интерес, по А. Шюцу, преобладает в пространстве обыденной жизни, поэтому «селективная функция интереса организует для меня мир в области большей или меньшей релевантности»². А. Шюц считает, что интересы человека гетерогенны и подчас не согласуются между собой. Поэтому сам человек должен выбрать ту ситуацию, ту социальную роль, которую в данный момент он считает важнее, и как раз этот выбор упорядочивает мир, формируя зоны релевантности.

Основатель феноменологической социологии выделяет четыре области релевантности, определяя центром человеческого пространственно-временного континуума актуальное «здесь» его тела и актуальное «сейчас» его потока сознания. Пер-

вичная область релевантности включает в себя относительно небольшой запас четкого и понятного знания, необходимого для взаимодействия с нужной в данное время частью повседневного мира. Следующая зона, окружающая первичную, наполнена более расплывчатыми и туманными знаниями и служит для формирования условий и способов воплощения задач первичной зоны. Зоны меньшей практической значимости характеризуются меньшей ясностью и конкретностью наличного знания вплоть до всего лишь знакомства или представления о чем-то. Так, Шюц говорит о существовании относительно иррелевантных зон, т. е. зон, не имеющих в данный момент отношения к кругу интересов субъекта. И, наконец, наличествует полностью иррелевантная область, проявляющая себя как область ничем не подкрепленных мнений, верований, домыслов, предрассудков, даже абсолютного неведения, которая никаким образом не может повлиять на замыслы и действия человека в его повседневном существовании [6, с. 126]. Таким образом, мы видим близость позиций А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, которые обнаруживают и подчеркивают значимость истока повседневной реальности – зоны «здесь-и-сейчас», а также показывают иерархию сфер интересов и предпочтений человека.

Важнейшим понятием феноменологической социологии П. Бергера и Т. Лукмана является восходящее к Э. Гуссерлю понятие *интерсубъективности*. Интерсубъективность, с точки зрения Гуссерля, – это интенциональное, в которое проецируется другое «я», «...априорно-идеальная общность, составляющая трансцендентальную предпосылку любого эмпирического сообщества» [7, с. 11]. Другой, по Гуссерлю это Alter Ego, – это определенное свойство трансцендентального я, его модус. Конституирование трансцендентально-интерсубъективной социальности возможно, как считает основоположник феноменологии, с помощью аналогизирующей апперцепции (аппрезентации), механизмом которой является эмпатия (вчувствование) – «созерцательное проникновение в душевную жизнь другого» (Э. Гуссерль). Но так как объектом исследования феноменологической социологии является мир натуралистической установки, мир повседневного, а не трансцендентального сознания, то и «место опыта чистого сознания трансцендентального Эго в ней занимает опыт социального отношения – опыт встречи (encounter) с чу-

жим сознанием как соучастником в определенном смысле» [7, с. 26]. Другими словами, интерсубъективность в свете социологии естественной установки и, в частности, подхода П. Бергера и Т. Лукмана – это не отражение других монад «...в моей изначальной сфере, как мне аподиктически данной монаде» [5, с. 26], а интерсубъективность реальности повседневной жизни. Интерсубъективное повседневное существование – это ощущение жизни в общем для многих мире, это перманентная взаимосвязь с другими сознаниями, с другими субъективными установками и значениями, которые принимаются или отвергаются в процессе взаимоотношений. То есть в рамках повседневного существования возникает повседневное интерсубъективное знание – «... знание, которое я разделяю с другими людьми в привычной самоочевидной обыденности повседневной жизни» [2, с. 44].

Ученики А. Шюца особо подчеркивают важность *темпоральной структуры* повседневности как одной из основных особенностей интерсубъективности повседневной жизни. Темпоральность, согласно автору этого термина, Э. Гуссерлю, – это внутренняя временность сознания, основа его конститутивной деятельности. Развивая данное понятие в контексте феноменологической социологии, П. Бергер и Т. Лукман считают, что фундаментом интерсубъективности повседневной жизни выступает стандартное время. «Стандартное время можно понять как пересечение космического времени и существующего в обществе календаря, основанного на временных циклах природы и внутреннего времени...» [2, с. 49]. Это значит, что стандартное время состоит из разных уровней темпоральности, причем эти уровни не имеют синхронного существования. Исследователи утверждают, что темпоральный «каркас» повседневности носит объективно-принудительный характер: он навязывает определенный порядок событий, который человек не в силах изменить и с которым он вынужден считаться. Кроме того, темпоральность подразумевает историчность человеческого существования – она организует в определенную цепь вехи жизненного пути, причем помещает эти вехи в обширный исторический контекст, создавая тем самым конкретную реальность конкретной человеческой ситуации. Иными словами, ученые указывают на принципиальную необходимость участия темпоральной характеристики в формирова-

нии собственной идентичности «я» в обыденной жизни. «Лишь в рамках этой временной структуры повседневная жизнь сохраняет для меня свой акцент реальности. Так, в случаях, когда я по той или иной причине могу быть «дезориентирован» (скажем, если в результате автомобильной катастрофы я потеряю память), я чувствую почти инстинктивное стремление «переориентировать» себя в рамках темпоральной структуры повседневной жизни. Я смотрю на свои часы и пытаюсь вспомнить число. Уже только благодаря этим действиям я снова возвращаюсь в реальность повседневной жизни» [2, с. 51].

Каковы же сущностное ядро и основные характеристики интерсубъективной повседневности с позиции П. Бергера и Т. Лукмана?

Важнейшей составляющей социальных повседневных взаимосвязей, их квинтэссенцией является, по нашему мнению, восприятие людей друг другом *в ситуации лицом-к-лицу*, когда между индивидами осуществляется особая коммуникация. Данная коммуникация представляет собой «впитывание», интерпретацию, а также обмен различной информацией, идущей как от внешней системы выразительности другого (мимика, жесты и т. д.), так и вытекающей из высказываний этого другого. Принципиальность наличия именно ситуации лицом-к-лицу в повседневном социальном взаимодействии состоит в том, что «...никакая другая форма социальной взаимосвязи не может с такой полнотой воспроизвести свойства субъективности... Только здесь субъективность другого является эмпатически «близкой». Все прочие формы связи с другими людьми в той или иной степени являются «отдаленными» [2, с. 52–53].

Несмотря на то, что взаимодействие лицом-к-лицу предстает как самая «близкая» форма общественной взаимосвязи, она нуждается в использовании особых *схем типизации* как средств организации потока ощущений и восприятий контактирующих сторон. Типизация, как толкует этот термин Н.М. Смирнова, – это «идентификация с тем, что уже было, срывание покровов новизны и узнавание тождественности феномена с тем типом, к которому он “приписан” [6, с. 121]. Например, можно типизировать свою собеседницу как «женщину», «бухгалтера», «жительницу города», т.е. воспринимать её как определенный тип человека. Кроме того, возможно саму конкретную ситуацию взаимодействия с другим встроить в ряд

подобных ситуаций, т.е. типизировать. Именно схемы типизации позволяют не только понимать друг друга, но и оказывают воздействие на характер социальной взаимосвязи.

Схемы типизации могут видоизменяться. Это происходит в тех случаях, когда информация, исходящая от другого человека, начинает противоречить ранее выбранным схемам типизации. Подобная корректировка носит взаимный характер: «типизации другого подвергаются вмешательства с моей стороны так же, как мои – вмешательства с его стороны. Другими словами, две схемы типизации вступают в непрерывные переговоры в ситуации лицом-к-лицу» [2, с. 56].

Следующей важной характеристикой социального взаимодействия в повседневности выступает степень *анонимности* обоюдных восприятий людей. Большая или меньшая выраженность анонимности обусловлена следующими причинами. Во-первых, чем ближе, непосредственнее контакт с кем-либо, тем меньше проявляется момент анонимности. Так, более близким является взаимодействие в ситуации лицом-к-лицу, чем взаимодействие с людьми или знание о них вне опыта живого общения, например, с современниками. Во-вторых, степень анонимности в восприятии другого зависит от того, насколько регулярно повторяются с данным другим ситуации лицом-к-лицу, от большей или меньшей вероятности возникновения таких ситуаций и т.д. В-третьих, анонимность связана с наличием определенных степеней интереса или интимности восприятия. И, наконец, в-четвертых, анонимность формируется при отсутствии желания индивидуализировать, конкретизировать другого.

Таким образом, ученые приходят к выводу, что «социальную реальность повседневной жизни можно понять в континууме типизаций, анонимность которых возрастает по мере их удаления от «здесь-и-сейчас» ситуации лицом-к-лицу. На одном полюсе континуума находятся те другие, с которыми я часто и интенсивно взаимодействую в ситуациях лицом-к-лицу... На другом полюсе – крайне анонимные абстракции, которые по самой своей природе никогда не могут стать доступными взаимодействию лицом-к-лицу» [2, с. 59]. Это значит, что структура общества складывается из всего множества типизаций, которые формируют специфическое повседневное знание, житейский опыт как своеобразный банк рецептов, образцов и моделей,

пригодных к использованию в различных ситуациях и обстоятельствах.

Реальность повседневности обретает свою подлинную действительность через объективацию, т. е. через различные виды и системы обозначений. Одним из основных механизмов процесса объективации выступает, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, сигнификация – «осознание человеком знаков» [2, с. 62], всегда отсылающих к субъективности, выражающих субъективные смыслы или намерения. Социологи верно подмечают специфику знаковых объективаций, которая состоит в том, что «они объективно доступны другим людям за пределами проявления субъективных интенций «здесь-и-сейчас». Для знаков характерна «отдаленность» от непосредственных проявлений субъективности и опосредованное присутствие субъекта» [2, с. 63–64].

Важнейшей знаковой системой социума исследователи справедливо считают *язык*, поэтому его изучение позволяет адекватно понять повседневную реальность.

Язык может выражать субъективность собеседников во время диалога и, как никакая другая знаковая система, сближать их. Но он, также в отличие от иных знаковых систем, в состоянии более радикально дистанцироваться от конкретной ситуации лицом-к-лицу, представ вместилищем и транслятором бесчисленного множества человеческих знаний, опыта, смыслов и т.д. Возникая в сфере повседневной жизни, язык в течение всего жизненного пути человека объективирует и типизирует его опыт, а значит, делает его анонимным и пригодным к использованию другими людьми. Тем самым язык осуществляет очень важную функцию по созданию и накоплению социального знания.

Язык выполняет еще одну значительную, и даже грандиозную, как мы считаем, работу – трансцендирование к целостной реальности посредством преодоления сферы «здесь-и-сейчас» и интегрирования отдельных областей реальности. «Выходы за пределы (трансценденции) имеют пространственное, временное и социальное измерения. Благодаря языку я могу преодолеть разрыв между моей зоной манипуляции и зоной манипуляции другого; я могу привести в соответствие мою и его биографические временные последовательности; я могу беседовать с ним о людях и группах, с которыми у нас не было взаи-

модействия лицом-к-лицу. В результате этих трансценденций язык может «создать эффект присутствия» множества объектов, которые в пространственном, временном и социальном отношении отсутствуют «здесь-и-сейчас» [2, с. 68–69]. Причем, как замечают П. Бергер и Т. Лукман, трансцендирование и интегрирование может осуществляться также и вне непосредственной беседы с кем-либо. «Благодаря лингвистической объективации, даже когда я говорю «с самим собой» в уединенном размышлении, в любой момент весь мир может предстать передо мной» [2, с. 69]. Трансцендируя в социальном измерении, язык актуализирует и объединяет прошлое, настоящее и будущее.

Важнейшей особенностью языка является конструирование символической реальности, максимально дистанцированной от сферы «здесь-и-сейчас», т.е. построение таких символических систем, как наука, философия, религия, искусство. Данные символические системы язык «встраивает» в повседневную реальность в качестве её объективных элементов, насыщая обыденный мир знаками и символами.

Язык создает «семантические поля» и «смысловые зоны», в рамках которых избирательно накапливается человеческий опыт, формируется один из основных, на наш взгляд, элементов социального конструирования реальности – социальный запас знания. Социальный запас знания – это знание «моей ситуации и её пределов» [2, с. 72], а также практическое «рецептурное» повседневное знание. Социальный запас знания выполняет жизненно необходимые функции по упорядочению и прояснению повседневности: распределяет знания по степени значимости какой-либо сферы повседневности, предлагает различные схемы типизации людей и всевозможных событий общественной и природной жизни, обеспечивает возможности и методы объединения разобщенных сегментов субъективного знания. Тем не менее, как отмечают П. Бергер и Т. Лукман, несмотря на усилия, прилагаемые для рационализации повседневной реальности, она все-таки остается, по большому счету, непознанной. «Мое знание повседневной жизни напоминает инструмент, прорубающий дорогу в лесу и проливающий узкую полоску света на то, что находится впереди и непосредственно рядом, а со всех сторон дороги обступает темнота» [2, с. 77]. Но то,

что для одного человека оказывается темным и непонятным, для другого выступает практически значимым, профессионально необходимым и глубоко осмысленным. Таким образом, организуется сложная система социального распределения знания, обеспечивающая многообразие и полноту знания в обществе.

Итак, рассмотрев феноменологию социального повседневного знания в контексте подхода П. Бергера и Т. Лукмана, можно сделать ряд выводов.

Социальная реальность целостна, полифонична и даже плюралистична. Исходной и доминирующей в ней является сфера повседневности. Повседневная социальная реальность организована в виде зон практической значимости – релевантности, образующихся вокруг центра «здесь-и-сейчас» непосредственных переживаний человека. Данная реальность носит интересубъективный характер и обладает темпоральностью. Ключевой во взаимоотношениях людей в повседневном мире выступает ситуация лицом-к-лицу, в полном объеме позволяющая «схватить» субъективные значения другого, базирующаяся на схемах типизации, которые обеспечивают взаимные понимание и влияние. Особую роль в общественном взаимодействии играет степень анонимности восприятий людей, выступающая мерой востребованности каких-либо ситуаций, знаний, ценностей субъективным интенциональным пространством повседневности человека.

Социальная реальность формируется путем интересубъективного выбора, т.е. избирательного притяжения или неприятия в процессе человеческих взаимосвязей независимых друг от друга социальных конструктов – смыслов и значений, актуальных для различных людей и социальных общностей. В этом свете важнейшие функции осуществляет язык как основной вид знаковой объективации обыденного мира.

Посредством языка человеческий опыт максимально отделяется и отдалается от ситуации непосредственного живого общения, ситуации лицом-к-лицу. Язык выступает мощнейшим средством объективации, типизации и анонимизации опыта, чем создает общественное знание, готовое к применению. Кроме того, язык – форма социального трансцендирования путем приведения к единству разрозненных сфер реальности.

Таким образом, именно знания повседневного мира являются, согласно П. Бергеру и Т. Лукману, основой конструирования динамической социальной реальности. Именно они, и это принципиально важно, делают общество человеческим продуктом, выступают источником, из которого вырастает общество как объективная реальность и формируется человек как порождение общества. И это, по нашему мнению, означает, что при исследовании многообразных сфер общественной жизни необходимо помнить о её истоке и опираться на знания повседневности как на одно из фундаментальных начал любых теоретических построений в области социологии знания.

В своей теории феноменологи усиливают человеческую составляющую, что, несомненно, придает свежесть и ценность данной теории. Авторы полагают, что социальная реальность является результатом творческой деятельности интересубъективного человеческого сознания, а человека трактуют как одновременно активного создателя социума и его «невольника», попавшего в зависимость от сконструированных им же идей, смысловых универсумов, социальных институтов и т.д. Поэтому дальнейшие перспективы развития наук об обществе П. Бергер и Т. Лукман справедливо связывают именно с гуманистическим их измерением, выражающимся в осмыслении человеком плодов своей деятельности и дальнейшем творении и преобразовании им мира.

Примечание

¹ Schutz A. Collected Papers. Vol. 1. P. 149. Цит по: Смирнова Н.М. От социальной метафизики к феноменологии «естественной установки» (феноменологические мотивы в современном социальном познании) [Текст] / Н. М. Смирнова. – М.: ИФРАН, 1997. – С. 77.

² Schutz A. On Phenomenology and Social Relations. P. 100. Цит по: Смирнова Н. М. От социальной метафизики к феноменологии «естественной установки» (феноменологические мотивы в современном социальном познании) [Текст] / Н. М. Смирнова. – М.: ИФРАН, 1997. – С. 124.

Библиографический список

1. Бабушкин В.У. О природе философского знания: Критика современных буржуазных концепций [Текст] / В.У. Бабушкин. – М.: Наука, 1978. – 207 с.
2. Бергер П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания [Текст] / П. Бергер, Т. Луман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
3. Гуссерль Э. Картезианские размышления.: Пер с немец. Д.В. Складнева, вступ. статья Я.А. Слина [Текст] / Э. Гуссерль. – СПб.: Наука, Ювента, 1998. – 315 с.
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология [Текст] / Э. Гуссерль // Вопросы философии № 7, 1992. С. 136–176.
5. Гуссерль Э. Парижские доклады [Текст] / Э. Гуссерль // Логос № 2, 1991. С. 6–30.
6. Смирнова Н.М. От социальной метафизики к феноменологии «естественной установки» (феноменологические мотивы в современном социальном познании) [Текст] / Н. М. Смирнова. – М.: ИФРАН, 1997. – 222 с.
7. Смирнова Н.М. От трансцендентальной феноменологии к феноменологии социальной реальности: мировоззренческие основания «Великого синтеза» [Текст] / Н. М. Смирнова // Феноменологические исследования. Обзор основных идей и тенденций. Ежегодник. – Владимир-Белмонт, № 2, 1998. – С. 7–34.

Z.V. LATYSHEVA

ANALYSIS OF EVERYDAY KNOWLEDGE BASES IN THE THEORY OF SOCIAL CONSTRUCTION OF REALITY BY P. BERGER AND T. LUCKMANN

The article reveals the specifics of everyday realm interpretation by P. Berger and T. Luckmann. Such everyday consciousness structures as relevance zones, intersubjectivity and temporality are detected and analyzed. The meaning of crucial characteristics taking place in everyday knowledge formation is shown. The principal role of language as a means of accumulating social knowledge and transcendence is pointed out.

Key words: everyday knowledge, intersubjectivity, face-to-face situation, language.

Г.Ф. НАЗАРОВА, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры логики, философии и методологии науки философского факультета Орловского государственного университета
Тел. 8 910 209 86 16; sa57la@rambler.ru

Т.В. СЕРЕГИНА, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой логики, философии и методологии науки философского факультета Орловского государственного университета
Тел. 8 903 637 54 72; sa57la@rambler.ru

ГУМАНИЗАЦИЯ И ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ – МАГИСТРАЛЬНЫЙ ПУТЬ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ СОВРЕМЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО И ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССОВ

Статья посвящена роли и значению гуманизации и гуманитаризации высшего образования – совершенствованию преподавания гуманитарных наук, научных исследований преподавателей, аспирантов и студентов на основе их теоретико-методологической разработки, а на практике – активного взаимодействия научных структур с практическими работниками и организациями образования региона.

Ключевые слова: система образования, высшее образование, гуманизация, гуманитаризация, духовность, личность, воспитание, образование, духовно-нравственное воспитание, единство духовного, душевно-нравственного, эстетического и интеллектуального воспитания, глобализация, бифуркация, культура, культура преподавания и общения, провинциальная культура, молодежь, социализация, самореализация, творческая активность, мораль, нравственные ценности, свобода.

Техногенное общество обострило проблему разлада между интеллектуальным и чувственным началами в человеке, сформировало бездушный, жестокий тип личности, человек-компьютер. Чисто рациональное развитие личности привело к опасным тенденциям: массовое распространение потребительского подхода к жизни, нарастающая деградация высших, духовных чувств; противоречие между глобальностью технического взлета и ограниченностью функционирующего человеческого сознания, нарушено равновесие между гуманитарными и техническими науками; углубление конфронтации общества с природой; разрушение оптимистического мировосприятия, нарастание трагического мироощущения и эгоцентризма; размывание устойчивых смысловых ориентиров.

Одним из путей решения этих проблем является гуманизация и гуманитаризация научного знания, усиление этого процесса в образовании.

В 2009 году проект «Гуманитарная составляющая современного высшего образования» (руководитель – Г.Ф. Назарова) вошел в аналитическую ведомственную целевую программу «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» и был продлен на 2011 год.

Созданный в ходе реализации проекта инструментарий был одним из первых опытов, доказывающих возможность повышения научного уровня преподавания гуманитарных наук, научных исследований преподавателей, аспирантов и студентов на основе его теоретико-методологической разработки, а на практике – активного взаимодействия научных структур с практическими работниками и организациями образования региона.

Предполагаемыми путями получения результата были: деятельность НИИ проблем провинциальной культуры по исследованию гуманитарной составляющей современного высшего образования, работа лаборатории социальных исследований в рамках данной проблематики (проведение конкретно-социологических исследований), разработка учебно-методических материалов, создание программ учебных дисциплин, методических рекомендаций кафедр, научно-методических пособий, публикация монографий, систематическое проведение региональных научно-практических семинаров по проблемам нравственно-эстетического воспитания личности, организации работы с молодежью; создание научно-методической документации – положений, научных концепций, научных концепций лабораторий, составление перспективных исследовательских проектов лабораторий; проектирование и проведение фестивалей научного творчества студентов, научных конференций, научных семинаров и т.д.; организация взаимодействия кафедр философского факультета с кафедрами, научными лабораториями всех факультетов ОГУ, учреждениями системы образования.

Целью данного проекта явилось *определение места и роли гуманитарных наук в системе научного знания и высшего образования в условиях техногенной цивилизации*. Была предпринята попытка исследования отрицательных последствий существования техногенного общества: разлада между интеллектуальным и чувственным началами в человеке (сформирован тип личности: «человек-компьютер»), потребительского подхода к жизни; деградации высших духовных чувств; нарушения равновесия между гуманитарными и техническими науками; углубления конфронтации общества с природой; разрушения оптимистического мировосприятия; нарастания трагического мироощущения и эгоцентризма; размывания устойчивых смысловых ориентаций.

Целеполагание данного проекта неизбежно привело к необходимости решения следующих исследовательских задач:

- доказать, что гуманизация и гуманитаризация научных знаний важнейшая черта современной науки и образования;
- обосновать явление духовности как главного основания гуманизации и гуманитаризации;
- проанализировать место культуры межличностного общения в системе «преподаватель–студент», «студент–преподаватель»;
- проявить роль национальной культуры, особенности национального менталитета в процессе гуманизации и гуманитаризации системы образования;
- исследовать национальные духовно-нравственные традиции образования как философско-педагогические основы современного образования России;
- показать единство интеллектуального, нравственного и эстетического в формировании современной личности;
- выявить роль философии и философских дисциплин в становлении личности молодого специалиста.

Результатами реализации первого этапа проекта (январь–июнь 2009 г.) стали:

1. Публикация монографии Д.В. Гусева «Религиозно-философские традиции образования в культурном наследии Орловщины (из опыта просветительно-педагогической деятельности православной церкви во второй половине XIX века)»
2. Деятельность НИИ «Проблем провинциальной культуры» по исследованию личности в условиях социокультурного плюрализма
3. Работа лаборатории социальных исследований в рамках данной проблематики
4. Разработка учебно-методических материалов: методических рекомендаций кафедр, научно-методических пособий, обеспечивающих исследовательскую работу преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов
5. Систематическое проведение региональных научно-практических семинаров по проблемам нравственно-эстетического воспитания личности, организации работы с молодежью
6. Создание научно-методической документации – положений, научных концепций, научных концепций лабораторий, разработка перспективных исследовательских проектов лабораторий

7. Проектирование и проведение фестивалей научного творчества студентов, научных конференций, научных семинаров и т.д.

8. Организация взаимодействия кафедр философского факультета с кафедрами, научными лабораториями всех факультетов ОГУ, учреждениями системы образования.

На стадии второго этапа реализации проекта (июль–декабрь 2009 г.) были получены следующие результаты:

1. Проведены научные конференции: II Всероссийская конференция «Основные направления работы с молодежью в современных условиях (на примере Центрального региона)», III Международная конференция «Булгаковские чтения».

2. Опубликованы научные статьи по данной проблематике в журналах из списка ВАК: Чернышенко В.В. «Экзистенциальные проблемы современных молодежных субкультур», Чернышенко В.В. «Элитарная культура и современная молодежная субкультура: экзистенциальный аспект».

3. Изданы модернизированные учебные программы: Назарова Г.Ф., Чернышенко В.В. «Молодежные субкультуры», Назарова Г.Ф. «Философские проблемы глобалистики», Назарова Г.Ф. «История материальной культуры и хозяйства».

4. Изданы монографии и учебно-методические пособия: Назарова Г.Ф. «Гуманитарная составляющая современного высшего образования» (монография), Серегина Т.В. «Личность в условиях социокультурного плюрализма» (монография), Назарова Г.Ф., Серегина Т.В., Гусев Д.В., Кононова Е.С., Хохлова Е.И. «Материалы для самостоятельной работы по обществознанию» (Учебно-методическое пособие), Черносвитова И.А. «Мораль и религия» (учебное пособие); защищены диссертации: Ермолиной Ю.В., научный руководитель Г.Ф. Назарова, канд. филос. наук, доцент, «Магия как культурно-религиозный феномен»; Гревцевой А.А., научный руководитель – Назарова Г.Ф., канд. филос. наук, доцент, «Постмодернистская парадигма культуры глобализирующегося мира».

5. Проведены социологические исследования среди студентов вузов г. Орла (сентябрь–октябрь 2009 г.).

Анализ материала позволяет сделать следующие выводы:

§ Из 1258 человек 621 (49,4%) считают, что образование дает возможность добиться успеха в жизни – прагматическое, рациональное отношение к получению знаний и образования.

- Получение качественного образования как главную проблему современной молодежи отмечают 83 человека (6,6%).
- Финансовая и жилищная проблема и проблема дальнейшего трудоустройства стоят на 1-м и 2-м местах.
- Решающим фактором для достижения желаемого в жизни на первом месте – деньги – 499 человек (39,6%), связи и знакомства – 494 человека (39,27%), хорошее образование – 463 человека (36,8%).
- Ранжирование ценностей: 1) значимость любви, 3) уважение, 4) значимость знаний, 5) значимость самореализации, 6) значимость безопасности, значимость гармонии и порядка.
- 833 (67,3%) человека считают, что современная молодежь не обладает духовностью.
- Духовной атмосфере страны необходимы позитивные перемены – 1131 человек (89,9%).
- Современная система образования не формирует духовность молодежи – 704 человека (55,9%).
- Самое эффективное средство возрождения духовности – образование и воспитание – 360 человек (28,6%).
- Сохранение традиционной русской культуры – 236 человек (18,8%).
- Повышение роли культуры и интеллигенции в обществе – 288 человек (22,1%).
- Уровень знаний современного студента определяется на удовлетворительную оценку – 642 человека (51%).
- Духовность как важную компоненту личности определяют на 2 балла 418 человек, на 3 – 370 (свыше 60%).
- Общительность – 5 баллов – 732 человека (58,2%).
- Профессионализм – 3 балла – 447 человек.

Достижениями третьего этапа проекта явились (январь–июнь 2010 г.):

1. Проведены научные конференции: IV Международная конференция «Булгаковские чтения», III Всероссийская конференция «Основные направления организации работы с молодежью (на примере Центрального региона)», «Трансформация политической культуры: состояние и перспективы».

2. Проведен научный семинар «Проблемы толерантности в современном мире».

3. Опубликованы научные статьи по данной проблематике: Гусева Д.В. «Философия человека в культурно-историческом контексте», Гусева Д.В. «Репрезентативность эсхатологических мотивов в менталитете молодежи», Кононовой Е.С. «О надежде и отчаянии как категориях культуры. Проблема кризиса культуры в русской религиозной философии начала XX века (на примере Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и П.А. Флоренского)», Бойко А.А. «Наследие философии русского космизма в формировании толерантности современной молодежи», Овичинникова В.В. «Анализ современной молодежи с позиции методов критического рационализма Карла Поппера», Серегиной Т.В. «Социокультурный плюрализм как основание современной культуры», Серегиной Т.В. «Проблема духовности современной студенческой молодежи», Серегиной Т.В. «Гуманитарные исследования М.М. Бахтина», Зубовой М.В. «Структура философской коммуникации», Зубовой М.В. «Философская коммуникация как основа социальной коммуникации», Родиной В.А., Серегиной Т.В. «Личность в мире Интернета», Родиной В.А. «Молодежь в киберпространстве», Хоптяной В.С., Серегиной Т.В. «Включение элементов метафизики в структуру научного знания в концепции Т. Куна», Терехова С.В. «Роль молодежи в процессе становления информационного общества», Чернышенко В.В. «Молодежные субкультуры – своеобразие и тенденции развития», Назаровой Г.Ф. «Кризис техногенной культуры: личность и образования», Назаровой Г.Ф., Чернышенко В.В. «Экзистенциальный дискурс молодежных субкультур», Назаровой Г.Ф. «Ценностные основания современного высшего образования в России», Назаровой Г.Ф. «Культурная глобализация – сущность явления, своеобразие».

4. Разработаны новые программы по гуманитарным дисциплинам: «Аналитическая философия XX века и наука» (для магистров), «Человек и кризис современной цивилизации» (для магистров), «Философия сознания» (для магистров), «Методология гуманитарного познания: современная дискуссия» (для магистров), «Философия науки постпозитивизма» (для магистров), «Антропология духовной жизни» (для магистров), «Юридическая антропология» (для магистров), «Молодежные субкультуры», «Гражданское и патриотическое воспитание молодежи», «Духовно-нравственное воспитание молодежи», «Молодежные конфликты».

5. Написаны и защищены дипломные работы: Королевой Н.Н. «Социально-антропологический анализ процесса формирования духовной культуры личности в системе высшего профессионального образования», научный руководитель – к. соц. наук., доц. Павлова И.В., рецензент – к. филос. наук., доц. Назарова Г.Ф.; Сырцевой А.Г. «Социально-антропологический анализ стиля жизни студенчества», научный руководитель – к. соц. наук., доц. Павлова И.В., рецензент – к. филос. наук., доц. Серегина Т.В.

По результатам четвертого этапа проекта (июль–ноябрь 2010 г.):

1. Проведена международная научная конференция «Русский космизм: прошлое, настоящее и будущее» (ноябрь 2010 г.), по итогам которой будут опубликованы научные статьи, монография, в которых ведущие место отведено проблеме эволюции русской и мировой культуры, цивилизации.

2. Опубликована коллективная монография «Образование, наука, культура».

Теоретико-методологическая разработка научно-исследовательского проекта «Гуманитарная составляющая современного высшего образования» и его практическая реализация позволяют сделать следующие выводы:

- Обозначены основные идеи и методы практической реализации проекта «Гуманитарная составляющая современного высшего образования», которые озвучены как противоречия, сложности в социально-экономическом, политическом и духовном развитии России, являющейся частью мирового глобализирующегося пространства, отражают процесс мучительного перехода современной цивилизации от техногенной к антропогенной культуре. Техногенное общество обострило проблему разлада между интеллектуальным и чувственным началами в человеке, сформировало бездуховный тип личности: человек-компьютер. Чисто рациональное его развитие привело к опасным тенденциям (массовое распространение потребительского подхода к жизни, нарастающая деградация высших духовных ценностей, нарушение равновесия между техническими, естественными и гуманитарными науками, разрушение оптимистического мировосприятия и т.д.).
- В условиях глобальной нестабильности и модернизации российского социума востре-

бован иной тип личности. Необходимы люди, умеющие быстро приспосабливаться к любым изменениям, способные профессионально работать в нескольких специальностях, сохраняющие самообладание в ситуации социально-психологической неопределенности и т.д.

- Современное образование в России ещё недостаточно готово выполнить инновационные задачи, потому что оно в значительной степени рационализировано, вербализовано, из него ушло чувственное, эмоциональное основание, что приводит к распространению профессионально-компетентного, но не способного к творчеству в контексте высокого гуманизма индивида.
- Сегодня, как никогда, задача учить творчеству, воспитывать самостоятельную личность является главной в процессе образования. Ее решение возможно только на основе воссоединения образования, просвещения, науки и культуры. Поэтому только гуманизация и гуманитаризация научного знания, образования, усиление этих процессов в воспитании смогут сформировать высоко-нравственную, духовно-развитую и физически здоровую личность – гражданина России, способного к высококачественной профессиональной деятельности и моральной ответственности за принимаемые решения.
- Данное исследование является актуальным для ГОУ ВПО «Орловский государственный университет», обеспечивающего социально-гуманитарную подготовку специалистов самого разного профиля, обладающих теоретическими знаниями в области профессиональной этики и способных к их практическому применению.
- Область применения результатов настоящего проекта – система высшего образования; региональный и муниципальный уровень управления образованием.
- Научные результаты работ по проекту могут быть использованы в публикациях следующих типов: комплексные и целевые региональные и муниципальные программы развития образования; монографии; учебные пособия для системы повышения квалификации руководящих кадров в сфере образования, а также при проведении курсов повы-

шения квалификации, лечь в основу диссертационных исследований.

- Результаты, полученные в ходе выполнения проектов, могут послужить основой для эффективного формирования у студентов духовно-нравственных качеств, основ творческой деятельности; достоверность и обоснованность полученных в ходе выполнения настоящего проекта в 2009–2010 годах научных результатов подтверждается в защищенных диссертациях, научных статьях, аналитических материалах, монографиях, а также комплексной программе методик их применения на практике.
- Общество также до сих пор не осознало значения красоты и добра для своего успешного развития. Оно не связывает успехи в экономической и социально-политической сферах с решением проблем нравственно-эстетического воспитания. Наглядными примерами подобного утверждения являются откат от реформы по гуманизации и гуманитаризации образования в России, сокращение количества часов по этике, эстетике, отсутствие их как обязательных дисциплин в образовательных стандартах даже в гуманитарных высших учебных заведениях.
- В настоящее время на первый план выдвигаются не столько тонкости, оттенки формирования глубокой духовности, сколько спасение ее как таковой.
- Формирование духовности в системе высшего образования основано в первую очередь на глубоком освоении студентами курса философии. Только философия способствует формированию таких личностных качеств, как достоинство, независимость, нравственная дисциплина, цельность, свободомыслие, без которых ныне человеческая цивилизация не сможет себя сохранить.
- Для выполнения высшей школой своего предназначения – формирования интеллекта нации – необходимо осмысление системы «педагог – студент» с позиций различных видов гармонии.
- Какому уровню развития личности должна соответствовать духовная элита общества? Из множества предлагаемых сегодня классификаций уровней развития личности мы отдали предпочтение следующей:

- а) первый уровень – личности как таковой нет, человек – объект управления, мораль отсутствует;
- б) второй уровень – человек догматического склада, внешней морали;
- в) третий уровень – люди здравого смысла, в определенных пределах им доступно творчество;
- г) четвертый уровень – одаренные, талантливые люди с высоким творческим потенциалом;
- д) пятый уровень – гении.
- К сожалению, до сих пор высшая школа воспроизводила личности первого и второго уровней, в лучшем случае – третьего, и как исключение – четвертого, которые сформировались, скорее, вопреки вузовскому образованию.
- Только через преодоление разрыва между идеальным и реальным образами студента и преподавателя, только через переход системы «преподаватель – студент» на качественно новый уровень функционирования с новым типом гармонии возможна переориентация вуза на личность четвертого уровня. Ведущая роль в этом глубинном процессе принадлежит педагогу – важнейшему элементу системы «преподаватель – студент», поэтому именно ему необходима поддержка и помощь в духовных исканиях.

G. NAZAROVA, T. SERYOGINA

HUMANIZATION AND HUMANITARIZATION OF HIGHER EDUCATION – THE MAIN WAY OF INCREASING THE LEVEL OF MODERN EDUCATION AND EDUCATIONAL PROCESSES

The article is devoted to the role and significance of the humanization and humanitarization of the higher education: to the perfection of the humanities teaching level, teachers', postgraduates', students' research work on the basis of its theoretical and methodological elaboration, and in practice on the active cooperation of the scientific representatives with practical workers and local educational organizations.

Key words: System of education, higher education, humanization, humanitarization, spirituality, personality, upbringing, education, spiritual and moral education, unity of spiritual, emotional, moral, aesthetic and intellectual education, globalization, bifurcation, culture, the culture of teaching and communication, provincial culture, youth, socialization, self-realization, creative activity, morality, moral values, freedom.

Т.Ю. ПАВЕЛЬЕВА, кандидат исторических наук, доцент
Московского государственного технологического университета
Тел. (499) 972-94-72; pavelieva@yandex.ru

ЭКСТЕРНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАУЧНЫХ ШКОЛ

В статье рассматривается влияние экстернальных, а именно экономических, политических, социальных и культурных, факторов на становление и развитие научных школ.

Ключевые слова: традиции в науке, научное сообщество, научная школа, экстернальные факторы.

Исследование развития научных школ подразумевает, в первую очередь, выделение тех факторов, которые данное развитие определяют. В философии науки уже долгое время не затихают споры по поводу того, какие факторы детерминируют как развитие науки вообще, так и научных школ, в частности. Можно выделить крайние позиции в решении указанной проблемы: это так называемый экстерналистский подход, исходящий из положения, что именно внешние факторы являются в процессах развития науки определяющими, и интерналистский подход, делающий акцент на внутренних источниках этих процессов. В частности, первый подход представлен в модели Т.Куна, а второй – в эволюционной модели К.Поппера. В экстерналистской модели процесс развития научного знания трактуется как процесс радикального изменения способа видения и понимания действительности, происходящий в результате внешнего для логики научного познания воздействия. В интерналистской – развитие научного знания объясняется, исходя из внутренних для него факторов.

Безусловно, любая односторонняя модель (а экстернализм и интернализм именно такие модели) обедняет и огрубляет процесс развития научного познания. Тем не менее, «обе эти модели оказались довольно продуктивными с точки зрения описания процесса изменения науки, став ярким выражением различных подходов в понимании природы научного познания и определив своеобразные полюса, в движении между которыми стали вестись эпистемологические изыскания» [1]. Таким образом, эти модели создавали одномерный или двумерный (при учете обоих подходов) образ развития научного познания.

На наш взгляд, применительно к научным школам решение проблемы факторов их развития еще более усложняется. Как уже отмечалось, при конституировании научной школы важно учитывать три составляющие: социально-культурные условия ее формирования, внутреннюю логику научного знания и социально-психологические факторы, детерминирующие поведение ученых, входящих в данную школу.

Таким образом, внешние и внутренние условия (факторы) влияют на формирование и развитие научных школ сразу по нескольким направлениям, а именно:

- конкретно-исторические условия предопределяют появление и развитие научных школ: научные школы как организационная форма развития науки появляются на определенных этапах развития общества и этому есть свои причины; однако есть и внутренняя логика изменения организационных форм научного знания и важно также принимать во внимание. Речь в данном случае идет не о формировании конкретной школы, а о факторах, влияющих на процесс появле-

ния научных школ вообще и изменении их организационных структур в дальнейшем развитии;

- целый ряд факторов экстернального плана детерминирует процесс появления именно данной конкретной школы (например, сюда могут относиться социально-экономические, политические и пр. факторы); аналогично имеют место и интернальные факторы, определяющие появление этой школы;
- экстернальные и интернальные условия и факторы влияют на процессы складывания научного коллектива в такой школе;
- наконец, экстернальные и интернальные факторы влияют на личность ученого научной школы.

Остановимся более подробно на экстернальных факторах формирования научной школы. Начнем с их влияния на становление научной школы как особой организационной формы производства и трансляции научных знаний.

Научные школы в истории науки возникают не сразу, а на конкретных исторических этапах развития. В этом плане можно утверждать о социально-культурной обусловленности развития способов фиксации, хранения и передачи знания вообще и научного знания, в частности. Так, в определенный период в обществе возникает потребность в трансляции знаний (в том числе знаний научных) через такую организационную форму как школа.

Создание первых постоянных форм образования вызвало в жизни потребность в устойчивых формах передачи знаний. Именно школа выступила той организационной формой, в которой трансляция знания от учителя к ученикам была весьма эффективной. При этом такая передача знаний строилась на авторитете самого учителя.

Благодаря тому, что античность открыла институт школы, она дала возможность европейскому разуму постепенно рефлексировать, фиксировать результаты этой рефлексии и, тем самым, интенсивно развиваться. Хотя, если проанализировать историю научных (а точнее, научно-образовательных) школ в тот период, то практически весь V в. до н.э. уходит на формирование самого института школы, что позволяет сделать вывод: указанная форма выработки и трансляции научных знаний приживается постепенно. Каждая научная школа в тот период формировалась под прямым воздей-

ствием идей, личностных характеристик ее основателя – выдающегося мыслителя, способного привлечь в свои ряды учеников.

Впоследствии школу стали рассматривать не как презентацию личности учителя, а как хранение премудрости в виде текстов. Именно в текстах, как считалось, и была отражена мудрость. Вот почему так долго существовали школы Платона и Аристотеля, в которых была сосредоточена премудрость их создателей в виде текстов. Последние являлись важнейшими источниками знаний о мире и методах его познания не только для академиков и перипатетиков в период античности, но и для философов западного и восточного средневековья. Однако другие школы античной философии, например, стоиков и эпикурейцев оказались не способны создать и культивировать подобного рода тексты, поэтому они постепенно угасали.

Отметим, что научная школа как хранительница авторитетных текстов – явление, свойственное, главным образом, средневековью, что, в общем-то, созвучно и всему пафосу средневековой культуры.

В дальнейшем именно разрушение основ авторитарного знания станет основным лозунгом в новоевропейских научных школах, что также является отражением общемировоззренческих принципов того периода. Отсюда и возникновение новой роли научных школ как исследовательских коллективов.

Завершение процесса когнитивной институционализации научного знания приводит к процессам его социальной институционализации. Автономизация самого научного знания в рамках человеческого сообщества требует его включения уже в систему государственных институтов и учреждений. «Так частная школа времен античности и независимый средневековый университет переходят постепенно к полной их зависимости не просто от государства, но от системы специально создаваемых финансируемых и контролируемых государством институтов, вне которых научная деятельность или невозможна, или лишена смысла» [2].

Влияние экономических и политических факторов на процессы становления научных школ еще более усиливается в тех случаях, когда последние формируются, развиваясь на базе государственных вузов или научно-исследовательских институтов.

В истории общественной мысли есть немало примеров, когда мыслители стремились выразить протест по поводу влияния государства на науку и образование [3]. Однако развитие науки идет по пути все большего воздействия на нее экстернатальных факторов. Это относится и к научным школам. Меняются под влиянием указанных факторов не только организационные модели научных школ (сравните: научные школы в античности и в современную эпоху), но и сами научные задачи, поставленные перед школой, а также методы и способы их решения. В ряде случаев именно социально заданные цели формируют ту или иную научную школу (например, таковы школы И.В. Курчатова, А.Н. Туполева, С.Н. Федорова и пр.). В этой связи важно проследить, как изменяются цели научных школ в истории общественного развития.

Если обратиться к истории античности, то в разных, к примеру, философских школах их цели формулировались и обосновывались по-своему. Однако было и нечто общее в этих целях – дать всестороннее образование ученикам, научить их творчески мыслить, что нашло отражение в понятии «пайдейя». «Пайдейя» – понятие, введенное древнегреческими философами (V в. до н.э.), – означало образование и воспитание как формообразование человека через овладение культурой, универсальным знанием и добродетелями, составляющими сущность его бытия. Основные идеи пайдейи нашли отражение в учении софистов. Они полагали, что добродетель не дается от рождения и не зависит от благородства крови, но основывается только на знании, которое может быть получено в школе.

Подобные идеи развивались и Сократом, который утверждал, что связь знания и добродетели обязательна, добродетель основывается на знании истинных ценностей и должна стать краеугольным камнем всякого воспитания и образования.

Платон представил пайдейю как смысл жизни не только души, но и политики и государства. Высокая мораль государства – основа его силы, поэтому необходимо создать новый тип воспитания и образования, предполагающий полное равновесие между властью и высокой культурой граждан. Воспитание нравственности есть одновременно строительство государства. Пайдейя рассматривалась как образование молодежи с помощью изучения различных наук, но главное в ней – это «человеческие вопросы».

Нельзя не отметить, что уже в модели научной школы, предложенной Платоном, цели образования во многом были подчинены целям государства. Образование дается людям для их эффективного использования в соответствии с потребностями государства. При этом, конечно, не исключается, напротив, предполагается, развитие личности.

Новый акцент в понимании пайдейи появился в трудах Аристотеля. Он считал, что в каждой научной школе существуют два пути – научное познание и образование. Пайдейя предполагает способность выносить правильные суждения, наряду с «внедрением добрых нравов, философии и законов». Вместе с тем Аристотель, как и Платон, полагал, что люди должны быть подготовлены для подходящего им места в жизни и им нужно помочь развить свойства, необходимые для решения соответствующих задач. Хотя он и говорит о развитии личности как цели научной школы, но эта цель во многом определена государством.

В трудах Цицерона и Сенеки рождается близкое пайдейе понятие «humanitas» – человечность. За этим стояло более глубокое определение сущности научной школы, не сводимой только к технологии передачи и усвоения знания, но включающей также специфически человеческий способ его целостного преобразования на пути «возрастания к гуманности» [4].

В дальнейшем сформировались различные подходы к определению целей научной школы, причем не все они исходили из представления о ней как о целерациональной системе, имеющей автономные цели.

Насколько сейчас цели научных школ автономны от влияния общества? На наш взгляд, осмысление этого вопроса упирается в более общую проблему – насколько вообще наука автономна от общества в своих целях и задачах.

Переход науки на постнеклассическую стадию знаменуется тем, что в научном сообществе, да и обществе вообще, происходит осознание, что цели науки должны пройти апробацию на соответствие целям самого общества. Это не исключает автономности науки и ее организационных структур, но предполагает легитимизацию ее целей в обществе.

Институциональная трактовка науки синтезирует нормы и организацию, социологические и аксиологические измерения научных занятий: наука – социальная инфраструктура, крепящаяся на воплощении политико-юридических, гражданско-нрав-

ственных, когнитивно-методологических императивов. Научная школа, с одной стороны, может быть достаточно автономна в выборе целей исследования, но, с другой, – даже общая логика развития науки (выдвижение в ней на первый план той или иной проблемы) может быть рассмотрена как экстернальный фактор для развития данной конкретной школы. Еще более заметно социальное влияние на развитие научной школы в том случае, если сама школа формируется, исходя из задач, поставленных перед ней со стороны внешних для нее структур (например, государства).

На этапе формирования науки как социального института научные школы еще больше попадают в зависимость от государства и пр. социальных структур.

Каким же образом государство влияет на научные школы? Для этого есть целый ряд способов и механизмов, среди которых особую значимость имеют финансовые механизмы. Рассмотрим влияние последних на современные научные школы на конкретном примере.

Еще в 1996 году в Министерстве науки и технической политики Российской Федерации родилась идея поддержать такие уникальные научные образования, как ведущие научные школы страны. Все это вылилось в соответствующий Указ президента России, которым устанавливались гранты для молодых докторов наук и для ведущих научных школ. Был создан специальный Совет по грантам Президента Российской Федерации. В этой связи было сформулировано и определение ведущей научной школы: «сложившийся коллектив исследователей различных возрастных групп и научной квалификации, связанных проведением исследований по общему научному направлению и объединенных совместной научной деятельностью» (сегодня в среднем российская научная школа – это коллектив из 25 человек).

Данный Совет отбирает и сами ведущие школы. Так, в 2008 году было отобрано 650 научных школ, по своей численности их научный состав – это 3,8% от общего числа научных работников в стране. 200 миллионов рублей в год выделяется государством на поддержку научных школ.

Кроме того, сами исследования формируются во многом также по заказу государства. Так, в настоящее время в России существует Федеральная целевая программа (ФЦП) «Исследования и разработки по приоритетным направлениям науч-

но-технологического комплекса России на 2007–2012 годы». Это крупнейшая научно-техническая программа, к выполнению которой привлечены лучшие научные силы страны. Примерно 14% бюджетного финансирования, которое идет по этой ФЦП, приходится на те контракты, которые выполняются под руководством лидеров ведущих научных школ.

В этой связи следует отметить, что большинство развитых стран ежегодно расходуют на поддержку науки около 2–2,5% от ВВП (Россия за последнее десятилетие – 0,3% от ВВП). В США это более 100 млрд. долларов в год.

Государственное, как и любое другое социальное регулирование по отношению к деятельности научных школ имеет свои пределы. Нельзя забывать, что научная школа – это (даже в рамках институционально оформленной научной школы) достаточно автономный коллектив ученых, и эта автономность во многом предопределена самими целями научной деятельности, ее спецификой.

Говоря о влиянии экстернальных факторов на развитие научных школ, отметим и процессы обратного влияния данных школ на жизнь самого общества. Так, экономическая эффективность деятельности научных школ может выражаться в следующих моментах: повышение производительности труда; сбережение рабочего времени; уменьшение потребления сырья, изнашивания техники; создание принципиально новых экономических возможностей и пр.

Одновременно результаты деятельности научной школы нельзя свести к экономическим эффектам (на что так уповают те, которые стремятся всеми силами включить современную российскую науку в структуру рыночных отношений). Сам институт науки, а тем более научной школы не является частью рынка. Риск в познавательном контексте и риск в материально-экономическом смысле – совершенно разные понятия; государственные и экономические сферы расценивают неудачный результат исследования однозначно негативно, хотя в общем когнитивном контексте он может иметь позитивное значение.

В настоящее время развитие многих научных школ рассматривается в качестве основы инновационной системы общества (куда входят наряду с наукой техника, технология, производство, сбыт и потребление производимых в обществе разнообразных товаров и услуг). Современные развитые

государства имеют основой своего существования и развития не просто экономику, а инновационную экономику, производство товаров и услуг в которой в существенной степени основано и зависит от систематического использования во всех звеньях экономической системы научных знаний. И в этом плане научные школы рассматриваются как инкубатор по производству таких знаний.

Влияние научных школ на развитие инновационной экономики требует не только значительного уровня их финансово-материального обеспечения со стороны государства и частного бизнеса, но и соответствующего организационного обеспечения. Научная школа – это самоорганизующаяся система, двумя главными контролирующими параметрами которой выступают, с одной стороны, экономическое (материально-финансовое) обеспечение и социальный заказ со стороны общества, а с другой – свобода научного поиска.

Помимо экономических факторов на развитие научных школ оказывают влияние и факторы политические. Одним из ярких примеров в истории отечественной науки является период, когда осуществлялось непосредственное грубое вмешательство государства в развитие научных школ в области генетики, информатики. Эти примеры подтверждают недопустимость подобного вмешательства в развитие науки и научных школ.

Между тем, политическое влияние на развитие научных школ может быть не только непосредственным, но и опосредованным. Влияние политико-административных структур на ситуацию в науке реализуется, в первую очередь, через государственную политику в области науки. Опять же при этом возникает проблема управления научной деятельностью. Управлять наукой и ее научными школами можно лишь в весьма специфическом смысле – обеспечивая материально-технические условия для научных исследований и коммуникаций, оперативно поддерживая перспективные направления, создавая благоприятную социальную среду для деятельности ученых.

Как и в случае с экономикой, отношения научных школ и политики имеют две стороны:

1. Политическое значение научных школ (их влияние на властные структуры). Действительно, авторитет научной школы может быть так высок (как в рамках самой страны, так и за ее пределами), что не считается с высказываниями лидера

или участников этой школы, в том числе и по политическим вопросам, нельзя.

Кроме того, для государства наличие авторитетных научных школ в стране – это элемент государственного престижа.

Научное знание, разрабатываемое научными школами, может использоваться в разных политических целях, в том числе и для повышения национальной безопасности. Сама исходная постановка задач и конечная цель исследований могут оказаться политически ангажированными.

2. Влияние политико-административных структур на положение дел в науке, о чем говорилось ранее.

Отдельно следует выделить здесь влияние факторов со стороны действующего права на формирование и дальнейшее развитие научных школ. Функционирование научной школы, как и научного сообщества в целом, эффективное регулирование взаимоотношений между его членами, а также между наукой, обществом и государством осуществляются с помощью специфической системы научных ценностей, научно-технической политики общества и государства, а также соответствующей системы законодательных норм (патентное право, хозяйственное право и пр.).

Наконец, нельзя не выделить и культуру в целом в качестве экстерналичного фактора развития научной школы. В свою очередь, и сама научная школа может быть представлена как культурное явление.

Влияние культур на научную школу распространяется по разным направлениям. Укажем среди базисных направлений на нормативное и мнестическое. Нормативное направление влияния выражается в том, что культурное поле в том или ином срезе исторического времени задает обществу систему ценностей, оценок, критериев и норм, применительно к научной деятельности – это и стандарты рациональности, идеалы научности и пр. Мнестическое направление влияния состоит в том, что культура выступает носителем, хранителем и транслятором социально значимой информации. Поэтому научная школа не только вырабатывает, но и транслирует всю систему накопленных в этой области знаний.

Научная школа представляет собой одну из ячеек культурного континуума социальной жизни. Однако она имеет и ряд специфических свойств, которые придают ей самобытное значение. Науч-

ная деятельность в такой школе новационно заострена. Научная школа выделяется из остальной культуры своей динамикой, имеет собственные задачи.

Среди уровней социокультурной обусловленности деятельности научной школы выделяются:

- социокультурная природа научного познания (социальный характер научной деятельности, сама научная школа функционирует на базе социальных предпосылок – языка, коммуникативных структур, исходных знаний);
- социокультурная обусловленность (социальные и культурные факторы не только служат фундаментом для «выращивания» научных знаний, но и проникают в их содержание) – выбор научных проблем, выдвижение гипотез, способы обоснования, стандарты понимания, принятие базисных онтологических принципов;
- социокультурная детерминация (социокультурный контекст может полностью подчинять себе научное познание); деятельность научной школы – это продолжение культуры исследовательскими средствами.

Культура выступает как обширный резервуар смыслов, как совокупность идей, интуиций, мировоззренческих универсалий, которые воспроизводят сам дух эпохи, ее целостный интеллектуально-эмоциональный климат и которые оказывают самое непосредственное влияние на формирование и развитие научных школ. Научные школы отражают основные черты самосознания конкретной культурной традиции. Полученное в ходе научной деятельности в таких школах знание должно быть встроено в общий социокультурный контекст.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что формы влияния экстерналичных факторов на возникновение и развитие научных школ могут быть: прямые (открытые, непосредственные) – например, социальный заказ, и скрытые (латентные, опосредованные). Понятие о латентной социальной детерминации имеет своей целью показать не прямой характер воздействия общества на научные школы, которые весьма автономны в своей деятельности. При этом важно уйти от вульгарно-социологических представлений в трактовке социальной обусловленности деятельности научной школы.

Социальные и культурные факторы проникают

в содержание деятельности научной школы. Они влияют на формирование научных идей, возникновение той или иной научно-исследовательской программы. Данные факторы разными способами оказывают влияние на постановку и выбор научных проблем, выдвижение гипотез, способы обоснования, стандарты понимания, принятие базисных онтологических принципов [5]. Примеры из истории науки демонстрируют известную согласованность процессов, происходящих в разных областях культуры. Так, идеи, близкие к тем, которые были представлены в теории относительности А.Эйнштейна, наполняли культурную атмосферу конца XIX – начала XX вв. Например, «непосредственно предшествовавшее работам А.Эйнштейна выступление известного австрийского ученого Э.Маха имело далеко выходящий за рамки науки необыкновенный культурно-общественный резонанс» [5].

Но это отнюдь не свидетельствует о том, что научные идеи, возникающие в школе, есть лишь социальные конструкции. Для того чтобы подчеркнуть сложность и неоднозначность влияния экстерналичных факторов на возникновение и дальнейшее развитие научных школ следовало бы согласиться с теми авторами, которые вводят особое понятие «социокогнитивные феномены» [6]. В частности, к ним относятся: картина мира, стиль научного мышления, в том числе и научная школа. Поэтому говорить о четких причинно-следственных связях между общим культурным контекстом и конкретным временем возникновения той или иной научной школы не приходится.

Еще раз подчеркнем, в большинстве случаев научная школа начинается с появления ученого-лидера, способного не только продуцировать новые идеи, но и сплотить вокруг себя творческий коллектив. Безусловно, появление такого ученого-лидера тоже имеет социальные причины (хотя опять же прямой причинно-следственной зависимости здесь нет).

Нельзя не отметить, что и сам контекст открытия нового содержит и социальную составляющую. В этом плане интересен феномен повторных открытий. Фр. Гальтон писал, что повторные научные открытия делаются тогда, «когда яблоки созрели, они готовы упасть» [7]. В истории науки большинство фундаментальных открытий делались несколькими учеными, которые, работая в разных странах, приходили к одинаковым резуль-

татам. «И коль скоро дело обстоит так, что фундаментальные открытия делаются почти одновременно разными учеными, то в этом, наверно, есть какая-то историческая закономерность» [8].

Кроме того, создание научных школ – это потребность самой науки, необходимость для деятельности ученых. Научное сообщество нуждается в постоянных контактах, трансляции знаний, обмене информацией, взаимной оценке трудов, а, следовательно, в формировании научных школ, направлений, творческих коллективов. Сложность задач, методов исследования требуют коллективного труда, что хорошо вписывается в возможности научной школы.

Научная школа может быть устойчивым и жизнеспособным образованием только в условиях: обеспечения известной самостоятельности, самостоятельности, самоорганизованности ученых, определяющих в силу творческих потенций будущее науки; гарантированности постоянного контакта со старшими поколениями ученых, представляющих имеющиеся направления, опыт, традиции и формы научного поиска.

Рождение научной школы как исследовательского коллектива определяется моментом формирования группы ученых, реализующих исследовательскую программу. И здесь, безусловно, важны социальные и социально-психологические факторы, влияющие на процессы становления данного коллектива. Также и прекращение существования последнего может быть связано с несколькими причинами:

- истощенность или дезактивация исследовательской программы;
- отсутствие организаторских способностей главы школы, из-за которых происходит распад ее коллектива;
- деятельность исследовательского коллектива вышла из-под контроля лидера;

- смерть главы школы; деятельность школы может продолжиться, если найдется достойный преемник.

Таким образом, с одной стороны, коллектив научной школы – относительно автономная социальная группа; с другой стороны, – деятельность ученых открыта для внешних социальных влияний и социального контроля. Важное следствие социальной зависимости науки – это опасность потери наукой ее внутренней свободы.

Можно говорить об относительной замкнутости научной школы, ее собственных задачах, саморегуляции. Но важно видеть и ее родство, общность с другими научными школами, с социокультурным пространством в целом. В само основание научной школы входит широкий круг факторов. Так, через картину мира научная школа связана с общим культурно-историческим контекстом, эта связь пронизывает ориентиры научного мышления. Научная школа не может отгородиться и от ценностно-этических вопросов. Она должна рассматриваться как часть общего культурно-мировоззренческого замысла, о чем в свое время писал Э. Гуссерль, считавший, что научные школы вырастают из смыслов самой жизненной практики, из жизненного мира повседневности [9].

Как справедливо отмечают многие авторы, научная школа воплощает в себе переход от индивидуальных форм научной деятельности к коллективным [10]. Для возникновения школ в определенной области науки необходимо, чтобы развитие научных знаний здесь достигло такого уровня, когда для их дальнейшего развития с необходимостью требуются совместные усилия, коллективный творческий труд, а потребности в координированном научном труде не удовлетворяются существующими формальными или неформальными объединениями ученых.

Библиографический список

1. Агафонова Н.В. Развитие науки как формирование концептуальных объектов / В кн. Философия науки и научно-технической цивилизации. – М., 2005. – С. 177–178.
2. Исторические типы рациональности. Т.2 /Отв. ред. П.П. Гайденко. – М., 1996. – С. 153.
3. Так, в свое время Жан Антуан Кондорсе в «Докладе об общей организации народного образования» (1792), выдвигая проект построения системы образования в стране, считал необходимым оградить школу от влияния государства и политического влияния. Проект не был принят якобинцами, как не удовлетворявший революционным требованиям.

4. Философские проблемы образования и педагогики / Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук. – М., 2006. – С. 595.
5. Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки. – М., 2005. – С. 486–487, 497.
6. Огурцов А.П. Институционализация идеалов научности // Идеалы и нормы научного исследования. – Минск, 1981. – С. 65–90; Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Огурцов А.П. Отечественная философия науки: Предварительные итоги. – М., 1997. – С. 310–314.
7. Galton F. English Men of Science. – L., 1874.
8. Купцов В.И. Природа научного открытия // Природа научного открытия. – М., 1986. – С. 9.
9. Гуссерль Г. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Философия как строгая наука. – Новочеркасск, 1994. – С. 49–100.
10. Школы в науке: Сборник / Под ред. С.Р. Микулинского, М.Г. Ярошевского, Г. Креба, Г. Штайнера. – М.: Наука, 1977. – 523 с.

T. YU. PAVELEVA

**EXTERNALITIES FACTORS OF FORMATION AND DEVELOPMENT
OF SCIENTIFIC SCHOOLS**

The article examines the impact of economic, political, social and cultural factors on the formation and development of scientific-educational schools.

Key words: traditions in science, academia, research school externalities factors.

*С.В. СТАРКИН, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
Тел. 8-920 043 99 73; starkinserge@mail.ru*

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ КОНЦЕПТА «СТРАТЕГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА» В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА США

В данной статье рассматривается ряд теоретических вопросов, связанных с формированием американского разведывательного сообщества после завершения второй мировой войны. Автор исследовал становление ряда таких концептов аналитической разведывательной работы, как «текущая» и «стратегическая» разведка. Особое внимание уделено дискуссиям среди американского истеблишмента по вопросам реформирования разведывательной работы в условиях начала «холодной войны».

Ключевые слова: разведывательное сообщество США, разведывательный анализ, информационно-аналитическая деятельность, стратегическая разведывательная информация, текущая информация, предупреждающий анализ.

После завершения второй мировой войны в США получили свое окончательное оформление внешнеполитические концепции, возлагавшие на страну глобальную ответственность за события в мире, однако изначально ни конгресс, ни Белый дом не представляли, как с ней справляться. Для американского истеблишмента возникла необходимость критическим взглядом оценить специальные меры военного времени, предпринятые Франклином Рузвельтом до своей смерти в апреле 1945 года. Гарри Трумэн позже вспоминал, что, когда он стал президентом, его твердым убеждением было то, что «устаревшая структура системы национальной безопасности США должна быть незамедлительно реорганизована»¹. В сентябре 1945 года объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) указал военному министру Генри Стимсону и министру военно-морских сил Джеймсу Форресталю на срочную необходимость проведения реформы разведки: «Последние события в сфере новых вооружений подняли важность наличия эффективной разведывательной системы на небывалую высоту. Провал в создании такой системы в настоящее время может привести к национальной катастрофе»².

Вопрос был не в том, модернизировать разведку или нет, а в том, как это делать. Чиновники администрации Трумэна имели разные мнения об уроках войны и об адекватных методах, которыми разведка должна поддерживать политиков и военное руководство. Мнения разительно отличались друг от друга, и лишь немногие чиновники обладали интуицией, необходимой для того, чтобы оценить весь спектр новых возможностей страны. Тем не менее в начале 1946 года администрацией Трумэна было принято три ключевых решения, касающихся послевоенной разведки. Закон о национальной безопасности 1947 года ввел эти решения в силу, именно они определили направления развития американских разведслужб на десятилетия вперед.

Первое решение было принято самим Трумэном. Он не желал повторения Перл-Харбора. С его точки зрения, атаку японцев можно было предотвратить, «если бы

была координация информации внутри правительственных структур». Такой координации в 1941 году, конечно, не было, отмечал Трумэн: «В те дни военные не знали всего, что знал госдепартамент, а дипломаты не имели доступа к данным военных и военно-морских служб»³.

В послевоенных условиях Трумэн хотел быть уверенным в том, что вся информация, доступная правительству США по любому вопросу, относящемуся к национальной безопасности, будет проанализирована соответствующим образом⁴. Однако в кругах разведывательного истеблишмента не было единого концептуального понимания аналитических разведывательных задач, хотя озабоченность президента была вполне понятна. Сам президент хотел иметь ежедневную сводку, которая бы освободила его от чтения постоянно скапливающихся кип телеграмм, докладов и т.д. Многие документы были важными, другие дублировали друг друга или сообщали противоречивые данные⁵. Трумэн хотел, чтобы разведка ежедневно готовила «текущую разведывательную информацию», содержащую сведения, представляющие для него непосредственный интерес.

Трумэн не мог поручить координирующую функцию Уильяму Доновану и его Управлению стратегических служб, которое было расформировано 1 октября 1945 года. Он одобрил план объединенного комитета начальников штабов, предполагавшего создание независимого «центрального» агентства для «синтеза ведомственной развединформации на стратегическом и национальном уровнях»⁶. Новая система разведки была принципиально новой для Вашингтона. Ее высшим достижением стала возможность передачи информации высшим гражданским и военным руководителям и аналитическая функция по синтезированию «национальной развединформации» из массы имеющихся данных. На Директора центральной разведки был возложен контроль этого синтеза. Пост ДЦР был номинально отделен от функции принятия политических решений, а поэтому (по крайней мере, в теории) гарантировал качество развединформации, поступающей наверх.

По намерению автора этого плана, заместителя начальника военно-морской разведки Сидни Сойерса, ДЦР должен был отчитываться перед кабинетом министров для обеспечения того, чтобы «ни одно ведомство не могло оказать негативное влияние на качество производимой разведин-

формации». Как объяснял адмирал Сойерс, «оценка информации не является точной наукой, необходимо предпринять все защитные меры с тем, чтобы не дать возможность какому-либо ведомству интерпретировать информацию так, чтобы она казалась подходящей для подтверждения ранее одобренной политики или предвзятых мнений»⁷.

К декабрю 1945 года многие высшие чиновники администрации согласились с этой концепцией роли разведслужб⁸. По существу, Сойерс считал, что президент и его ключевые советники должны иметь систему индикаторов для оценки развединформации и политических советов, поступающих из ведомств. Такую перспективу могло обеспечить лишь наличие независимой разведслужбы. Ценилась объективность, но основной целью была независимость от ведомственных взглядов на политику национальной безопасности.

В январе 1946 года президент Трумэн назначил адмирала Сойерса первым Директором центральной разведки. Будучи руководителем небольшой межведомственной центральной разведывательной группы (ЦРГ), ДЦР должен был «организовать сопоставление и оценку развединформации по вопросам национальной безопасности и должно распространение в Правительстве итоговой стратегической политической развединформации»⁹. Трумэн также сделал Сойерса личным советником по разведке, возложив на его службу обязанность по резюмированию ежедневного информационного потока, поступающего в Белый дом.

Центральное бюро докладов, структурное аналитическое подразделение Центральной разведывательной группы (ЦРГ), появилось в послевоенной кадрово-административной чехарде одновременно с назначением Сойерса, в январе 1946 года. В июле того же года Бюро было переименовано в Бюро исследований и оценок (ORE), а в октябре – в Бюро докладов и оценок (ORE). Под этим именем оно просуществовало до ноября 1950 г.

Обращаясь к теоретическим наполнениям дефиниций «текущая» и «стратегическая» разведка, следует указать, что директива № 3 Совета национальной безопасности от 13 января 1948 г. определила «текущую разведку» как «точную разведывательную информацию, добытую из всех видов источников и представляющую интерес для лиц, принимающих решения, которая может быть использована ими незамедлительно»¹⁰.

Президентская директива от 22 января 1946 года, декларировавшая создание ЦРГ, никоим образом не упоминала о текущей разведке. Директива предписывала ЦРГ «осуществление сопоставления и оценки разведывательной информации, относящейся к национальной безопасности, и ее распространение среди государственных ведомств»¹¹. Более того, на первом совещании Национального разведывательного комитета (NIA) 5 февраля 1946 г. с участием госсекретаря, военных министров и представителя президента госсекретарь Бирнс выступил с возражениями против президентской идеи о текущих разведывательных сводках от ЦРГ, заявив, что обеспечение президента информацией по внешнеполитическим вопросам является прерогативой госсекретаря¹².

Позже Бирнс отправился к Трумэну и просил его пересмотреть решение. Аргументы госсекретаря заключались в том, что подобная информация не является разведывательной информацией в полном смысле этого слова. Президент Трумэн согласился с этим доводом, но указал, что он нуждался в сведениях именно такого рода. Отсюда возникла инициатива создания ежедневных сводок, которые должны отвечать критерию актуальности. Госдепартамент подготовил собственный краткий обзор, и, таким образом, на столе президента оказались одновременно две сводки¹³.

Этот компромисс был отражен в директиве NIA № 1 от 8 февраля 1946 года, определившей функции ЦРГ. Директива предписывала Группе «обеспечение президента, государственный департамент, министерств обороны и ВМС разведывательной информацией по стратегической национальной политике»¹⁴. В директиве Комитета № 2, изданной в тот же день, было дано указание директору ЦРГ «обеспечить приоритет в подготовке ежедневных сводок, содержащих фактические сообщения о значительных событиях в разведывательной сфере и действиях, относящихся к национальной безопасности и событиям за рубежом для нужд президента...»¹⁵. Адмирал Сойерс, составивший обе директивы, продолжал считать, что основной сферой ответственности ЦРГ должен быть процесс производства стратегической разведывательной информации, относящейся к вопросам национальной безопасности. В меморандуме для Комитета Сойерс указывал, что преимущественной функцией ЦРГ по актуализации разведки будет подготовка и распространение окон-

чательных оценок возможностей и намерений иностранных государств, затрагивающих национальные интересы США¹⁶.

На практике такой подход оказался недействующим. При отсутствии каких-либо аналитических комментариев или заключений по достоверности фактов первые ежедневные сводки для президента принесли мало пользы, а лишь вносили путаницу. Например, алармистский доклад по передислокации советских войск в Восточной Европе на следующий день был опровергнут информацией из другого источника. В связи с этим в декабре 1946 года было принято решение сопровождать ежедневные сводки аналитическими комментариями. Кроме того, в июне 1946 года по инициативе Центрального бюро докладов для президента были подготовлены еженедельные сводки, признанные более глубокими и обоснованными по сравнению с ежедневными.

Подобная коллизия первоначально коснулась и обязанностей ЦРГ в сфере подготовки разведывательной информации по национальной политике и стратегическим вопросам. Члены разведывательного сообщества не могли согласиться с процедурой подготовки такого типа разведывательной информации. Большинство участников дискуссии были уверены в том, что вопросы, решаемые национальной разведкой, должны координироваться между всеми членами разведывательного сообщества. Кроме того, считали они, «национальная разведка» должна базироваться на всей имеющейся информации, исходя из которой должна проводиться оценка намерений, планов и возможностей других стран в отношении США. Такая информация должна быть особо ценной для правительственных органов, занимающихся разработкой внешнеполитической стратегии.

Расхождения крылись в деталях. Высокопоставленные члены сообщества разведки и политики вели бескомпромиссную полемику по большинству аспектов подготовки и оценки информации, включая следующие вопросы: кто должен составлять аналитические документы? каким образом и в каком объеме разные службы должны участвовать в данном процессе? как должны регулироваться разногласия? Очевидно, что некоторые из этих вопросов отражали реальные противоречия, относящиеся к выбору оптимального пути организации и осуществления деятельности разведывательного сообщества, а другие касались озабоченностей

бюрократической процедурой и исключительным правом таких нововведенных магистратур, как директор центральной разведки.

Дефиниция «разведывательная информация по национальной политике и стратегическим вопросам» предполагала привлечение полномочий директора центральной разведки, что оспаривалось другими членами сообщества. Директор центральной разведки Ванденберг в конце концов получил одобрение Национального разведывательного комитета (NIA) по данному определению в феврале 1947 года. Оно носило общий характер и принесло мало пользы в решении многочисленных проблем, возникавших на рабочем уровне. Дефиниция обозначала стратегическую разведку как «межведомственную по существу, которая требуется президенту и другим высокопоставленным руководителям для определения политики в сфере национальной безопасности»¹⁷. Таким образом, данный вид разведки обуславливает межведомственный подход по широкому спектру вопросов, превосходящих исключительную компетенцию отдельных разведывательных служб.

Заместитель Директора ЦРУ Рей Клайн писал в своих мемуарах, что ЦРУ первоначально не координировало разведывательную деятельность и оценочные заключения разведки; они находились под бдительным присмотром ведомственных разведок видов вооруженных сил, госдепартамента и ФБР. Когда осуществлялись попытки подготовить согласованные оценки на национальном уровне на основе имеющейся информации, то процесс согласований был бесконечным, полным разногласий; правил было меньше, чем исключений. Каждый из правительственных органов, занимавшихся разработкой политики, использовал свои собственные разведывательные возможности. Таким образом, предвоенный хаос повторялся в большей степени¹⁸.

Таким образом, большая часть разведывательной информации, подготовленной Бюро исследований и оценок (ORE), не была согласована с другими агентствами; не всегда эта информация базировалась на совокупных данных, имеющихся в распоряжении правительства США. Ежедневные и еженедельные информационные сводки были нескоординированным продуктом и, подобно другим материалам, подготовленным ORE, не содержали информации, полученной техническими разведывательными службами (в частности, службой радиотехнической разведки - РТР)¹⁹. «Обзор

мировой обстановки», распространявшийся на ежемесячных совещаниях Совета национальной безопасности, после двух выпусков стал продуктом ORE²⁰. Внутриведомственные узкоспециальные публикации, такие как «Служебная записка по специальному анализу и разведке», редко согласовывались с другими агентствами. Напротив, серия специальных оценок, подготовленная ORE, была согласована, но тем не менее подверглась критике за включение повседневных тактических вопросов, не имевших отношения к стратегии национальной безопасности.

Любое письменное распоряжение Центральной разведывательной группы с учетом практического интереса президента к ежедневным сводкам готовилось на основе ограниченных источников Центрального бюро докладов, что в итоге означало доминирование мнения сотрудников Бюро и уровня их осведомленности при подготовке текущей разведывательной информации. Соответственно уровень разведывательной информации по оценке национальных вопросов понизился до заурядных документов. В служебной записке ЦРГ откровенно говорилось, что «специальные оценки ORE выполняются по особым вопросам по мере необходимости и в пределах возможностей отдела после удовлетворения текущих потребностей в разведывательной информации». Отмечалось, что «многие значительные события, заслуживающие внимания со стороны ORE для специальных оценок, остались необработанными, потому что приоритетом была подготовка текущей разведывательной информации, а также нехватка персонала и неполноценная первичная информация»²¹.

Аналитики Центральной разведывательной группы, а затем ЦРУ были вынуждены уравнивать конкурирующие потребности в текущей разведывательной информации и информации по стратегическим вопросам. Директива NIA № 5 определила факультативную ответственность — «проведение исследовательских и аналитических действий, которые могут быть более эффективными при их централизованном выполнении»²². На практике это значило, что аналитики стали кроме прочего отвечать за подготовку базовых исследований, масштабных политических и экономических анализов. Для выполнения этой расширенной задачи наряду с региональными отделениями были образованы отделения функционального анализа по экономике, науке, транспорту и картографии.

Примечания

- ¹ Truman, Harry S. *Memoirs, Vol. II, Years of Trial and Hope*. Garden City, NY: Doubleday, 1956. – P. 46.
- ² Establishment of a Central Intelligence Agency Upon Liquidation of OSS. Joint Chiefs of Staff to Secretary of War Henry Stimson and Secretary of the Navy James Forrestal. 19 September 1945. Washington, DC: Government Printing Office, 1996. P. 41.
- ³ Truman, Harry S. *Memoirs, Vol. II, Years of Trial and Hope*. Garden City, NY: Doubleday, 1956. – P. 56.
- ⁴ Ibid.
- ⁵ Darling, Arthur B. *The Central Intelligence Agency: An Instrument of Government to 1950*. University Park: The Pennsylvania State University Press, 1990. – P. 81.
- ⁶ Establishment of a Central Intelligence Agency Upon Liquidation of OSS. Joint Chiefs of Staff to Secretary of War Henry Stimson and Secretary of the Navy James Forrestal. 19 September 1945. Washington, DC: Government Printing Office, 1996. – P. 41.
- ⁷ Central Intelligence Agency. Sidney Souers to Clark M. Clifford. 27 December 1945. – P. 157–58.
- ⁸ Warner, M. McDonald J. K. *US Intelligence Community Reform Studies since 1947*. Strategic Management Issues Office. Center for the Study of Intelligence. Washington, DC. April 2005.
- ⁹ Truman, Harry S. to the Secretary of State, the Secretary of War, and the Secretary of the Navy. 22 January 1946. – P. 178–79.
- ¹⁰ United States Department of State, *Foreign Relations of the United States 1945–1950, Emergence of the Intelligence Establishment*. Washington, DC: US Government Printing Office, 1996. P. 1,110.
- ¹¹ Presidential Directive on Coordination of Foreign Intelligence Activities // United States Department of State, *Foreign Relations of the United States 1945–1950, Emergence of the Intelligence Establishment*. P. 178, 179.
- ¹² Warner, Michael. *The CIA Under Harry Truman*. Washington, DC: Central Intelligence Agency, 1994. – P. 29–32.
- ¹³ Darling, Arthur B. *Op.cit.* – P. 81, 82.
- ¹⁴ National Intelligence Authority Directive № 1. Policies and Procedures Governing the Central Intelligence Group. 8 February 1946 // United States Department of State, *Foreign Relations of the United States 1945–1950*. – P. 329–31.
- ¹⁵ National Intelligence Authority Directive № 2. Organization and Functions of the Central Intelligence Group. 8 February 1946 // United States Department of State, *Foreign Relations of the United States 1945–1950*. – P. 331–333.
- ¹⁶ Memorandum From the Director of Central Intelligence to the National Intelligence Authority, 7 June 1946 // United States Department of State, *Foreign Relations of the United States 1945–1950*. – P. 361.
- ¹⁷ Minutes of the 9th Meeting of the National Intelligence Authority, 12 February 1947 // United States Department of State, *Foreign Relations of the United States 1945–1950*. – P. 492.
- ¹⁸ Cline, Ray S. *Secrets, Spies, and Scholars: Blueprint of the Essential CIA*. Washington, DC: Acropolis Books, 1976. – P. 91, 92.
- ¹⁹ Smith, Jack R. *The Unknown CIA*. Washington: Pergamon-Brassey's, 1989. – P. 34–35.
- ²⁰ Jackson, George S. *Office of Reports and Estimates, 1946–1951. Miscellaneous Studies, HS MS-3, vol. 3*. Washington, DC: Central Intelligence Agency, 1954. – P. 279–287.
- ²¹ Ibid.
- ²² National Intelligence Authority Directive № 5. Functions of the Director of Central Intelligence, 8 July 1946 // United States Department of State, *Foreign Relations of the United States 1945–1950*. – P. 392.

Библиографический список

1. Central Intelligence Agency. Sidney Souers to Clark M. Clifford. 27 December 1945. – P. 157–58.
2. Cline, Ray S. *Secrets, Spies, and Scholars: Blueprint of the Essential CIA*. Washington, DC: Acropolis Books, 1976.
3. Darling, Arthur B. *The Central Intelligence Agency: An Instrument of Government to 1950*. University Park: The Pennsylvania State University Press, 1990.
4. Establishment of a Central Intelligence Agency Upon Liquidation of OSS. Joint Chiefs of Staff to Secretary of War Henry Stimson and Secretary of the Navy James Forrestal. 19 September 1945. Washington, DC: Government Printing Office, 1996.
5. Jackson, George S. *Office of Reports and Estimates, 1946–1951. Miscellaneous Studies, HS MS-3, vol. 3*. Washington, DC: Central Intelligence Agency, 1954.
6. Smith, Jack R. *The Unknown CIA*. Washington: Pergamon-Brassey's, 1989.
7. Truman, Harry S. *Memoirs, Vol. II, Years of Trial and Hope*. Garden City, NY: Doubleday, 1956.
8. Truman, Harry S. to the Secretary of State, the Secretary of War, and the Secretary of the Navy. 22 January 1946.
9. United States Department of State, *Foreign Relations of the United States 1945–1950, Emergence of the Intelligence Establishment*. Washington, DC: US Government Printing Office, 1996.

10. Warner, M. McDonald J. K. US Intelligence Community Reform Studies since 1947. Strategic Management Issues Office. Center for the Study of Intelligence. Washington, DC. April 2005.
11. Warner, Michael. The CIA Under Harry Truman. Washington, DC: Central Intelligence Agency, 1994.

S.V. STARKIN

**ON THE FORMULATION OF THE CONCEPT OF STRATEGIC INTELLIGENCE IN THE
CONTEXT OF FORMATION OF THE U.S. INTELLIGENCE COMMUNITY**

This article discusses a number of theoretical issues related to the formation of the American intelligence community after the Second World War. The author studied the emergence of some of these concepts of analytical intelligence work, as «current» and «strategic» intelligence. Particular attention is paid to the debate among the American establishment on the reform of intelligence work in the beginning of the Cold War.

Key words: USA Intelligence Community, Intelligence Analysis, analytic production process, warning analysis, intentions analysis, Analyst-Policymaker Relations.

*В.С. ХОПТЯНАЯ, ассистент кафедры логики,
философии и методологии науки
Орловского государственного университета
Тел. 8 953 816 10 16; NeAlisaVN@yandex.ru*

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ МЕТАФИЗИКИ В РАЗВИТИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ К. ПОППЕРОМ

В статье рассматриваются взгляды британского философа Карла Поппера на роль метафизики в развитии научного знания. Автор рассматривает функции философии по отношению к науке, выделенные К. Поппером. Проводится сравнительный анализ взглядов на роль метафизики в развитии науки представителей неопозитивизма и К. Поппера как представителя постпозитивизма.

Ключевые слова: метафизика, философия, наука, демаркация, верификация, фальсификация.

Общей установкой позитивизма и неопозитивизма является положение, отвергающее познавательный статус метафизики. В его рамках не признается синтезирующая и эвристическая функции, выполняемые философией для развития конкретно-научного знания. В работах постпозитивистов произошел пересмотр роли метафизики в развитии науки. Как известно, философия в западной традиции отождествлялась с метафизикой. Представители позитивизма также рассматривали метафизику как учение о первичных основах бытия или о сущности мира.

Рассмотрение данной проблемы в отечественной и зарубежной литературе встречается у Дж. Агасси, Б.С. Грязнова, А.В. Леснова, Н.Ф. Овчинникова, В.Н. Садовского, Н.С. Юлиной.

Реабилитация метафизики в ее взаимоотношении с наукой начинается с британского философа Карла Поппера. Его взгляды были сформулированы в работе «Логика научного открытия», вышедшей в 1959 году, где философ большое внимание уделял влиянию метафизики на динамику научного знания. С начала своей творческой деятельности философ полемизировал с неопозитивистами, Л. Витгенштейном, М. Шликом, Р. Карнапом, Г. Рейхенбахом.

Необходимо отметить, что К. Поппер не только отстаивал право метафизики на существование, но и сам создал метафизическую концепцию. Г. Сколимовский в работе «Карл Поппер и объективность научного знания» выделяет в его творчестве два периода: методологический и метафизический. Название первого связано с тем, что философа интересуют проблемы приобретения и накопления знания, логика научного открытия и рост знания. Второй период связан непосредственно с созданием им метафизической концепции трех миров. Н. С. Юлина в статье «Философия Карла Поппера» отмечает, что творческое развитие мыслителя прошло путь: «...от «технических» логико-методологических проблем к метафизически-космологической проблематике анализа научного знания для решения глубинных философских вопросов» [11, с. 16].

В.Н. Садовский выделяет два периода в творчестве мыслителя: с конца 20-х и до начала 60-х гг. и 60–90-е гг. XX в. [9, с. 130] На первом этапе научной деятельности философ обратился к проблеме демаркации: «Проблему нахождения критерия, который дал бы нам в руки средства для выявления различия между эмпирическими на-

уками, с одной стороны, и математикой, логикой и «метафизическими» системами, – с другой, я называю, – проблемой демаркации. Эта проблема была известна уже Юму, который предпринял попытку решить ее. Со времени Канта она стала центральной проблемой теории познания» [7, с. 55]. Необходимо подчеркнуть, что философ часто полемизировал с представителями Венского кружка, называя интересующую их проблему значения научных и философских высказываний псевдопроблемой. Он предлагал обратиться именно к проблеме демаркации.

Представители неопозитивизма придерживались широко распространенного взгляда на индуктивный метод науки как подлинно научный. В истории философии этот метод был распространенным в эмпиризме Ф. Бэкона, Д. Локка, махизме, неопозитивизме. Например, согласно представителю Венского кружка, Г. Рейхенбаху именно с помощью этого метода в науке достигается истина, научные знания четко отделяются от заблуждений. К. Поппер выступает против того, что наука должна использовать индуктивный метод и восходить от наблюдения, констатации фактов к обобщениям. Участники Венского кружка придерживались индуктивного метода и выдвигали верификацию в качестве критерия демаркации. Согласно философу, основной метод критической проверки теории это фальсификация.

К. Поппер отмечает, что отказ от метода индукции, устраняет черты науки, которые считаются для нее наиболее характерными. Стирается граница, отделяющая науку от метафизических систем. Главной причиной отказа от индуктивного метода послужило то, что он не устанавливает отличительной особенности эмпирического, неметафизического характера теоретических систем. Иначе говоря, индуктивный метод не дает подходящего критерия демаркации.

Согласно философу, позитивисты обычно интерпретируют проблему демаркации натуралистически. Вместо того чтобы выдвинуть соглашение относительно этой проблемы, они стремятся открыть различие между наукой с одной стороны, и метафизикой – с другой, исходя из того, что различие между этими областями знания заложено в природе вещей. Философ отмечает: «Они постоянно пытаются доказать, что метафизика по самой своей природе есть не что иное, как бессмысленная болтовня – «софистика и заблуждение», по

выражению Юма, – которую правильнее всего было бы «бросить в огонь»» [7, с. 67]. По его мнению, все позитивисты ставят перед собой не просто цель – поиск демаркации между метафизикой и наукой, а уничтожение метафизических систем вообще, их упразднение. Именно для этого применяется термин «бессмысленный». Достаточно вспомнить Л. Витгенштейна: «Большинство предложений и вопросов, высказанных по поводу философских проблем, не ложны, а бессмысленны. Поэтому мы вообще не можем отвечать на такого рода вопросы, мы можем только установить их бессмысленность. Большинство вопросов и предложений философов вытекает из того, что мы не понимаем логики нашего языка. (Они относятся к такого рода вопросам, как: является ли добро более или менее тождественным, чем красота?) И не удивительно, что самые глубочайшие проблемы на самом деле не есть проблемы» [2, с. 18–19]. Подобные идеи в дальнейшем встречаются у Р. Карнапа: «...*мнимые предложения этой области являются полностью бессмысленными*. Тем самым достигается радикальное преодоление метафизики, которое с более ранних антиметафизических позиций было еще невозможным» [1, с. 69].

Философ отмечает взаимосвязь между ведущим научным методом, применяемым позитивистами и проблемой разделения метафизики и науки. Для демонстрации такой связи он приводит позицию Л. Витгенштейна относительно того, что любое имеющее значение высказывание должно быть сводимо к атомарным высказываниям, представляющим собой описание действительности. Для Л. Витгенштейна критерием демаркации является верифицируемость, выводимость предложений из наблюдения. К. Поппер отмечает, что такой критерий является одновременно и слишком узким и слишком широким. Он исключает из науки почти все, что для нее характерно – законы, не исключая астрологию, наукой не являющуюся. В стремлении уничтожить метафизику, логические позитивисты уничтожают и естественные науки, законы которых также не сводимы к элементарным высказываниям о чувственном опыте. Тем не менее, сами неопозитивисты признавали негативные стороны верификации. Например, Р. Карнап, отмечал, что при помощи данной процедуры нельзя верифицировать научные законы, нельзя говорить об их истинности.

В ходе проводимого анализа, философ приходит к выводу: индуктивистский критерий демаркации не может проводить границу между наукой и метафизикой, и должен приписывать им равный статус. Он отмечает: «Дело в том, что, согласно вердикту, выносимому на основании позитивистской догмы значения, и наука и метафизика представляют собой системы бессмысленных псевдовысказываний. Поэтому вместо того, чтобы изгнать метафизику из эмпирических наук, позитивизм, наоборот, ведет к внедрению метафизики в сферу науки» [7, с. 66]. По его мнению, критерий демаркации следует рассматривать как соглашение, или конвенцию. В качестве такого критерия он предлагает фальсификацию – опровержимость, проверяемость теории.

Согласно Леснову А.В., фальсификационизм ориентирован не столько на проблему динамики науки, сколько на проблему демаркации знания. По его мнению, в концепции философа можно выделить внешние и внутренние причины развития научного знания, к последним относится фальсификационизм. Первые причины рассматривает И. Лакатос: «...Поппер считал, что (с позитивной стороны) (1) главные внешние стимулы создания научных теорий исходят из ненаучной «метафизики» и даже из мифов...и, что (с негативной стороны) (2) факты сами по себе не являются такими внешними стимулами: фактальные открытия целиком принадлежат внутренней истории...» [3, с. 215].

К. Поппер отвергает индукцию и верифицируемость в качестве черты разделяющей метафизику и науку. Сторонники этих критериев характерную черту науки видят в обоснованности и достоверности, а особенность ненауки, метафизических систем – в недостоверности. Но полная обоснованность научных высказываний невозможна, а частичное подтверждение эмпирическими данными не может отделить науку от ненауки. О научности свидетельствует не подтверждаемость научных утверждений опытом, а их опровергаемость.

Философ уточняет: «...некоторую систему я считаю эмпирической или научной только в том случае, если она может быть проверена опытом. Эти рассуждения приводят к мысли о том, что не верифицируемость, а фальсифицируемость системы должна считаться критерием демаркации. Другими словами...для эмпирической научной системы должна существовать возможность быть опровергнутой опытом...» [7, с. 63]. Необходимо

отметить, что фальсифицируемость является только критерием демаркации, но не критерием осмысленности. Метафизика исключается из науки, но не дискредитируется как бессмысленная. В.Н. Садовский подчеркивает: «Попперовский критерий фальсифицируемости отличает теоретические системы эмпирических наук от систем метафизики (а также от конвенционалистских и тавтологических систем), не утверждая при этом бессмысленности метафизики, в которой — с исторической точки зрения — можно усмотреть источник, породивший теории эмпирических наук» [9, с. 35].

Тем не менее, в литературе встречается критическое отношение к позиции философа. Немецкий философ К. Хюбнер пишет: «...попперовский строгий критерий демаркации научного и ненаучного не может быть соблюден, поскольку этот критерий опирается на неоправданную уверенность в том, что всегда можно разделить эмпирически фальсифицируемое и эмпирически нефальсифицируемое» [10, с. 212]. А.В. Леснов отмечает, что против фальсификационизма выступает фактор времени: для выполнения процедуры фальсификации необходимо проведение ряда экспериментов, которые не могут быть сделаны сразу после выдвижения теории. Таким образом, теории до определенного времени являются не научными, а гипотетически-научными. Также критику фальсификационизма мы встречаем у В.Н. Садовского. Он подчеркивает: «...принцип фальсификации вступает в противоречие с действительностью: научное сообщество часто вынуждено сохранять отвергнутые теории до создания более успешных теорий, что, впрочем, вынужден признать и сам Поппер; принцип фальсификации не поддается фальсификации и т. п.» [7, с. 20].

Термин «метафизика» К. Поппер понимает неоднозначно. Он использует его и для обозначения не научных систем, и для обозначения догматической части науки, возникающей в результате возведения устаревшей научной теории в непроверяемую истину. Также термин «метафизический» он применяет к определенного вида высказываниям, называя их экзистенциальными. Естественнонаучные теории и законы могут быть выражены в форме отрицаний строго экзистенциальных высказываний, высказываний о несуществовании. Философ, опираясь на предложенный им критерий демаркации, рассматривает экзистенциальные высказывания как неэмпирические, или

метафизические. Они не могут быть фальсифицированы, так как они не относятся к ограниченной пространственно – временной области.

Несмотря на то, что экзистенциальные предложения нефальсифицируемы, К. Поппер не считает их бессмысленными в отличие от логических позитивистов. Экзистенциальные предложения входят в язык науки и имеют смысл. Они выполняют полезную роль, увеличивая эмпирическое содержание теории, обогащая теорию и увеличивая степень ее фальсифицируемости. Он уточняет: «...изолированное экзистенциальное утверждение никогда не фальсифицируемое, но, будучи включено в контекст других утверждений, экзистенциальное утверждение в некоторых случаях может увеличивать эмпирическое содержание всего контекста: оно может обогатить теорию и увеличить степень ее фальсифицируемости или проверяемости. В этом случае теоретическая система, включающая данное экзистенциальное утверждение, должна рассматриваться скорее как научная, а не метафизическая» [7, с. 96].

Философ допускает существование различных уровней проверяемости теории. Имеются теории, проверяемые в высшей степени, проверяемые в меньшей степени и совсем не проверяемые. Последние относятся к разряду метафизических. Следовательно, между научными теориями и метафизическими имеется целая гамма теорий различной степени проверяемости. Даже те теории, которые возникли, как метафизические могут развить проверяемые следствия и перейти в класс научных теорий.

К. Поппер постоянно подчеркивает то большое значение, которое имеет метафизика для прогресса науки. В работе «Предположения и опровержения» он отмечает, что любой миф может получить дальнейшее развитие и сделаться проверяемым. Почти все научные теории возникли из мифологических или метафизических систем. Более того, научная деятельность должна начинаться с критического обсуждения мифов. Философ сравнивает гелиоцентрическую систему Коперника и неоплатоновский культ Солнца, современный и античный атомизм, взгляды Парменида и Эйнштейна. Он уточняет: «Поэтому я чувствовал, что, если некоторая теория оказывается ненаучной, или «метафизической» (как мы могли бы сказать), из этого вовсе не следует, что она не важна, не имеет

никакого значения, является «бессмысленной» или «абсурдной» [8].

По мнению философа, во все периоды развития науки метафизика стимулировала выдвижение научных идей и развитие научных теорий. Он отмечает: «Является фактом, что чисто метафизические и, следовательно, философские идеи имели величайшее значение для космологии. От Фалеса до Эйнштейна, от древнего атомизма до Декартовых рассуждений о материи, от умозрительных спекуляций Гильберта, Ньютона, Лейбница и Бошковица по поводу сил до рассуждений Фарадея и Эйнштейна относительно полей и сил метафизические идеи указывали путь вперед» [7, с. 40].

Философ подчеркивает, что научные исследования и открытия невозможны без веры в некие идеи, которые часто бывают неоправданными с точки зрения науки и в этом смысле метафизическими. Его позиция активно критиковалась логическими позитивистами. Например, Г. Рейхенбах подчеркивает: «...тезисы, защищаемые в книге Поппера, представляются мне совершенно несостоятельными... Мы не имеем никакого права на метафизическую веру, и если мы удовлетворимся попперовским решением этой проблемы, то это будет означать конец всей научной философии» [7, с. 7].

В.Н.Садовский в работе «Карл Поппер и Россия» отмечает, что философ выдвигает концепцию метафизических исследовательских программ, которые оказали большое влияние на развитие науки. Они способны подвергаться критике, но не могут быть подтверждены или проверены. К таким программам К. Поппер относит теорию естественного отбора Дарвина. Она не является проверяемой, поэтому не может считаться научной, но она может улучшаться под влиянием критики. Отголоски этой концепции мы можем найти в представлении о парадигме Т. Куна, научно – исследовательских программах И. Лакатоса.

Вслед за К. Поппером, Т. Кун говорит о интегрирующей, регулятивной, эвристической функции метафизики в развитии науки. В его концепции метафизика начинает играть еще большую роль в развитии научного знания. Если К. Поппер подчеркивал эвристическую функцию метафизики, преемственность идей метафизики наукой, то согласно Т. Куну элементы метафизики включены в парадигму в виде образцов и предписаний, которыми руководствуется ученый. Необходимо отме-

тить, что Т. Кун не считал необходимым определение критерия демаркации.

Термин И. Лакатоса научно-исследовательская программа сформировался под влиянием лекций К. Поппера, где упоминался термин метафизическая исследовательская программа [9, с. 141]. Внешнее влияние метафизики на науку, преемственность, у И. Лакатоса превращается во внутреннюю основу научно-исследовательской программы – жесткое ядро. Метафизика превращается в существенную часть рациональной реконструкции науки. Проблема демаркации И. Лакатоса почти не интересует: «...я иду гораздо дальше в стирании различий между «наукой» и «метафизикой», в смысле, который придан этим терминам Поппером; я даже воздерживаюсь от употребления термина «метафизический». Я говорю только о научных исследовательских программах, твердое ядро которых выступает как неопровержимое, но не обязательно по формальным, а, возможно, и по методологическим причинам, не имеющим отношения к логической форме» [4, с. 152].

В статье «Все люди – философы: как я понимаю философию» К. Поппер подчеркивает, что философия никогда не отделялась и не может отделиться от частных наук. Вся европейская наука выступает наследницей философских размышлений античных мыслителей о космосе, миропорядке. Общими источниками размышлений всех ученых и философов являются Гомер, Гесиод и досократики. Решающая проблема всей философии – проблема познания универсума выросла из рассмотрения структуры универсума. Даже после разделения науки и философии они остаются тесно связанными. Для философского исследования характерным остается критическое исследование науки, ее открытий и методов.

Несмотря на вышесказанное, мы считаем, что понимание метафизики К. Поппером не вышло за рамки позитивистской традиции. Для характеристики научного знания он вводит понятие эмпирической науки, которая наиболее полно воплощена в физике. К ней философ предъявляет следующие требования: «Во-первых, она должна быть синтетической, то есть описывать непротиворечивый, возможный мир. Во-вторых, она должна удовлет-

ворять критерию демаркации, то есть не быть метафизической системой, и описывать мир возможного опыта. В-третьих, она должна отличаться каким-либо образом от других таких систем, как изображающая именно наш мир опыта» [7, с. 14]. Следовательно, мыслитель поддерживает общую тенденцию позитивизма: знание необходимое ученому дано в опыте. Метафизика, обращенная к сверхчувственным сущностям, не попадает в область научного знания и не является необходимой для его развития.

Философ подчеркивает, что он терпимо относится к метафизике, тем не менее, подобно всем позитивистам четко противопоставляет ее науке. Критерий демаркации необходим для того, чтобы определить область науки. Знание, принадлежащее области метафизики не интересует философа, а ее познавательный статус затрагивается им лишь в контексте рассмотрения проблем эмпирической науки. Таким образом, реабилитация метафизики философом является поверхностной. Он признает эвристическую функцию философии по отношению к генезису научного знания, но не упоминает роль метафизики по отношению к развитию эмпирической науки. Во взглядах мыслителя прослеживается позитивистская позиция: подлинное знание о мире может быть получено как результат только научного познания. А.В. Леснов подчеркивает: «...в эпистемологии Поппера место метафизики ограничено» [5, с. 136].

Итак, К. Поппер отвергал принятую неопозитивистами дискредитацию метафизики: он настаивал на осмысленности философских проблем. Философ не разделял одну из центральных установок логического позитивизма, заключающуюся в том, что первостепенной задачей философии является анализ значений слов и терминов языка. Помимо эвристической функции философии, он большое внимание уделяет ее мировоззренческой функции. Необходимо отметить, что фальсификация является только критерием демаркации науки и метафизики, а не осмысленного и бессмысленного знания. Наука и философия в концепции развития научного знания К. Поппера были тесно связаны. Он вернул интерес позитивистов к метафизике и философским проблемам науки.

Библиографический список

1. Аналитическая философия: Становление и развитие. (Антология) [Текст] / М.: «Дом интеллектуальной книги», «Прогресс – Традиция», 1998. – 528 с.

2. Витгенштейн, Л. Философские работы [Текст] / Л. Витгенштейн. – М.: «Гнозис», 1994. – 520 с.
3. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции. Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки [Текст] / И. Лакатос. – М.: Прогресс, 1978. – с. 203–269.
3. Лакатос, И. Методология исследовательских программ [Текст] / И. Лакатос. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 384 с.
4. Леснов, А.В. Гомологичность философии науки Карла Р. Поппера. [Текст] : дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. / Леснов Александр Владимирович. – М., 1997. – 160 с.
5. Поппер К.Р. Все люди философы: как я понимаю философию. [Электронный ресурс] /К.Р. Поппер// [сайт] Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Popp/vse_lydi.php
6. Поппер, К. Р. Логика и рост научного знания: избранные работы [Текст] / К. Р. Поппер. – М.: Прогресс, 1983. – 606 с.
7. Поппер К.Р. Предположения и опровержения: рост научного знания. [Электронный ресурс] / К.Р. Поппер// [сайт] Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/popper/01.php
8. Садовский В.Н. Карл Поппер и Россия. [Текст] / В. Н. Садовский. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 280 с.
9. Хюбнер, К. Критика научного разума: Перевод с немецкого. [Текст] / К. Хюбнер. – М.: ИФРАН, 1994. – 326 с.
10. Юлина Н.С. Философия Карла Поппера [Текст] / Н.С. Юлина // Философия науки: Проблемы рациональности. – 1995. – Вып. 1. – С. 14–42. – Библиогр. – С. 43.

V.S. HOPTYANAYA

RETHINKING THE ROLE OF METAPHYSICS IN THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE K. POPPER

In article sights of British philosopher Charles Popper at a metaphysics role in development of scientific knowledge are considered. The author considers philosophy functions in relation to a science, allocated with K.Popper. The comparative analysis of sights at a metaphysics role in development of a science of representatives of neopositivism and K. Poppera as representative of postpositivism is carried out.

Key words: metaphysics, philosophy, a science, demarcation, verification, falsification.

А.А. БЕЛЬСКАЯ, кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой журналистики и связей с общественностью
Орловского государственного университета
Тел. (4862) 550-518; aa_bel@mail.ru

ИМЯ НАТАЛЬЯ В КОНТЕКСТЕ РОМАНА И.С. ТУРГЕНЕВА «РУДИН» И ТЕЗОИМЕННЫЕ ГЕРОИНИ А.С. ПУШКИНА

В статье рассматриваются особенности формирования микротекста имени Наталья в творчестве Пушкина и в романе Тургенева «Рудин». Исследование семантической и функциональной специфики поэтонима позволяет установить аналогии, общность/различие в изображении мотивировки поведения, поступков, психологии, событий жизни, судеб тезоименных героинь писателей и в системе авторских оценок.

Ключевые слова: Наталья, поэтоним, микротекст, тезоименные героини, семантика, функция, аналогия, идеальный женский тип.

Романы И.С. Тургенева тесно связаны с культурой XIX века в целом и антропонимической действительностью того времени, в частности. Отличительной особенностью поэтики «Рудин» (1855) является небольшое количество персонажей, которых писатель идентифицирует и локализует во времени и пространстве посредством антропонимов. Имена второстепенных персонажей и эпизодических лиц выполняют в романе, как правило, номинативно-назывательную функцию, центральных героев – характеристически-оценочную. В настоящее время исследования в области литературной антропонимики становятся всё более актуальными. Начало им положила ставшая на сегодняшний день классической монография В.Н. Топорова о «Бедной Лизе» (1995). Затем последовали работы А.Ф. Белоусова «"Вовочка"» (1996), А.Б. Пеньковского «Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении» (1999), В.Г. Щукина «Верин текст русской литературы: заметки к теме» (2005), Е.В. Душечкиной «Светлана. Культурная история имени» (2007) и др. (5; 9; 17; 22, с. 52–65). Обращаются учёные (С.М. Аюпов, С.Б. Аюпова, В.А. Мысляков, В.К. Мершавка и Н. Чернышова) к рассмотрению антропонимики романа «Рудин». В поле их зрения оказываются, прежде всего, имена главного героя Дмитрия Рудина (3, 4, 16) и его оппонента Африкана Пигасова (15, с. 63–82). Отдельные наблюдения над женской ономастикой романа даются С.М. Аюповой. Однако признать данную проблему исследованной всесторонне нельзя (Аюпова С.М. И.С. Женская ономастика романа И.С. Тургенева «Рудин» в контексте произведения // Язык и литература в поликультурном пространстве. Материалы региональной научно-практической конференции «Язык и литература в поликультурном пространстве». Выпуск 2. – Бирск: Изд-во Бирск. гос. соц.-пед. акад., 2005. – С. 294–296).

Наша цель – рассмотреть личное имя главной героини «Рудина», учитывая разные факторы: этимологию, семантику, ассоциативный фон, функцию – и выявить общность/

различие её личности, судьбы и тезоименных героинь А.С. Пушкина.

«Натальин текст» отечественной литературы изучен мало. Между тем носительницами имени Наталья/Наташа являются многие героини русских писателей. Так, Тургенев в романе «Рудин» называет главную героиню Натальей (Наталья Алексеевна Ласунская), именем, которое является, пожалуй, одним из самых значимых в жизни и в творчестве Пушкина. Напомним, что одна из первых возлюбленных поэта – Наталья Кочубей, последняя – Наталья Николаевна Гончарова; в семье поэта было три Натальи (жена, дочь¹, тёща); первое дошедшее до нас пушкинское стихотворение – «К Наталье» (1813); через два года появляется стихотворение «К Наташе»; героиня баллады «Жених» (1825) – Наташа; главная героиня «Графа Нулина» (1825) – Наталья Павловна; младшая дочь Кочубея в «Полтаве» (1829) – Наталья; в неоконченном романе об арапе Петра Великого невесту Ибрагима зовут Наталья Гавриловна (Наташа). Кроме того, имя Наталья поэт намеревался дать главной героине «Полтавы», известной как Мария, а Татьяна Ларина в черновиках «Евгения Онегина» названа Наташей («Ее сестра звалась Наташей»). Окончательный авторский выбор имени героини (Татьяна) обусловлен, по мнению Б.М. Гаспарова, тем, что оно «сохраняло просто-народно-провинциальную коннотацию» и «было свободно от нежелательных ассоциаций с амплуа “ingenue”, которыми у Пушкина был первоначально окружен образ “Наташи”» (7).

Действительно, в одном из ранних стихотворений («К Наталье») Пушкин, назвав лирическую героиню Натальей, изображает её кокетливой, легкомысленной, ветреной девушкой. Продолжение этого женского психотипа можно обнаружить в пушкинской поэме «Граф Нулин» в образе молодой помещицы Натальи Павловны. Демонстрируя верность мужу, она отвергает графа, но не отличается при этом нравственной безупречностью. Наталья Павловна вольна в нравах и изменяет мужу с молодым соседом Лидиным. Авторское отношение к данному женскому типу определяется комическим снижением образа героини. Иной психотип представлен в образе Наташи в балладе «Жених»: женственность сочетается в ней с твердостью и решительностью характера, «неженская душа» – со смелостью и способностью к героическим поступкам. «Краса-девица» Наташа, бе-

зусловно, входит в галерею идеальных женских образов Пушкина.

Заметим, что имя Наталья появляется в русской литературной традиции задолго до Пушкина и сразу приобретает определённый семантический код. В отечественную словесность оно входит с исторической повестью Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» (1792). Взяв сюжет из русской старины, писатель представляет в лице Натальи тип женщины «с чувствительной, тонко чувствующей душой, с тревожным сердцем, взволнованными романтическими настроениями, исканием чего-то иного» (18,723), с внутренней борьбой между любовью и долгом, с чувством вины и одновременно с силой и твердостью характера. В основе повести лежит сюжет о неравной любви, преодолевающей сословные преграды и чудесным образом получающей счастливое завершение.

Позже имя Наталья встречается в поэзии П.А. Катенина (баллада «Наташа», 1814), К.Ф. Рылеева (дума «Наталья Долгорукая», 1823), И.И. Козлова (поэма «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая», 1828) и в прозе С.Н. Глинки (религиозно-нравственная повесть «Образец любви и верности супружеской, или Бедствия и добродетели Натальи Борисовны Долгорукой, дочери фельдмаршала Б.П. Шереметьева», 1815). Из перечисленных авторов первым в отечественной литературе создаёт балладу, в которой представлен «героический» образ народной героини по имени Наташа, П.А. Катенин. Его героиня, беззаветно любящая родину и своего суженого, после его гибели не ропщет («Свято небо ей благое, / Воля Божия свята») и умирает во сне «к жизни с милым». Баллада завершается в тот момент, когда героиня переходит из одной реальности в другую, более возвышенную и более героическую. Выбор имени героини – Наташа – сюжетно оправдан, ибо жених её погибает «в день Бородина» и одновременно в день памяти мученицы Натальи (26 августа по ст. стилю). В отличие от П.А. Катенина, К.Ф. Рылеева, С.Н. Глинки, И.И. Козлова привлекает историческая личность княгини Натальи Борисовны Долгорукой. Кстати, И.И. Лажечников в своём незаконченном четвёртом историческом романе «Колдун на Сухаревой башне» тоже собирался изобразить подвижническую жизнь княгини, ставшей своего рода предтечей декабристок. Все русские литераторы того времени, героизируя образ этой женщины и жизнь, полную страда-

ний, самоотречения, являющую образец высокой жертвенности, христианской любви, аккумулируют в своих текстах разные грани её личности: К.Ф. Рылеев – стойкость и закалённость в минуту трагических испытаний, жертвенность и преданность мужу-изгнаннику; С.Н. Глинка – супружескую верность и самоотверженную любовь; И.И. Козлов – духовный подвиг, обретение в результате тяжелейших жизненных испытаний и страданий высочайшей истины. По сути дела, именно те произведения, в которых фигурируют вымышленные или исторические героини по имени Наталья/Наташа, задают в середине 1810-х – 1820-е годы программу этического поведения русской женщины, осмысляемого как самоотверженное и героическое.

Что касается Пушкина, то в науке неоднократно отмечалось особое место в его жизни и творчестве имени Наталья (11, 20–31). Некоторые учёные считают, что оно играет поистине фатальную роль для поэта, ибо это имя его жены, из-за которой он дрался на дуэли и был смертельно ранен. А.А. Илюшин считает, что имя Наталья в русской литературе – это «бородинское» имя. Связывая полюбившееся Пушкину ещё с отрочества имя с Бородинской битвой, состоявшейся 26 августа, т.е. в Натальин день, учёный полагает, что «Натальино-бородинский миф», своеобразно трансформировавшись, глубоко отражается и в стихах поэта, и в его прозе как некое подсознательное предчувствие своей судьбы. По мнению исследователя, Наташи из произведений П.А. Катенина, А.С. Грибоедова, Л.Н. Толстого «тоже небезотносительны к трагедии 1812 – их имена тоже “бородинские”» (2, стб. 43). Стоит согласиться с учёным, что во многих текстах присутствует идущее от П.А. Катенина соотнесение имени Наталья с Бородинской битвой («Имениница Наташа! / В день твой, в день Бородина...»). Вместе с тем, поэтоним Наталья обладает в отечественной словесности более широким ассоциативным фоном, обусловленным как национальной культурой, так и литературной традицией. Нельзя не заметить, что отношение Пушкина к данному имени претерпевает эволюцию: от первоначальной отрицательной коннотации до героической семантики в балладе в народном духе «Жених», в которой фольклорная фабула включена в обыденную среду, а героиня воплощает национальные черты: покорность родительской (Божественной) воле, нравственное не-

приятие преступления, духовная активность, чувство правды и справедливости. М. Кукулевич и Л.М. Лотман считают, что Пушкин, нарекая купеческую дочь Наташей, устанавливает посредством имени связь между своей героиней и героиней баллады П.А. Катенина. Несмотря на отсутствие прямых параллелей между сюжетами баллад, писатели сходятся в трактовке характера своих Наташ как характера «героического». Правда, балладу «Наташа» учёные признают источником лишь начальных набросков «Жениха» и полагают, что в дальнейшей работе над текстом Пушкин отходит от текста предшественника и имя Наташа, скорее, связывается в сознании поэта с героиней исторической повести М.Н. Карамзина «Наталья, боярская дочь». «В пользу этого предположения», считают исследователи, «говорит» то, что целый ряд лирических сцен III главы «Евгения Онегина», которую Пушкин создаёт одновременно с «Женихом», напоминают аналогичные сцены в «Наталье, боярской дочери» (зарождение любви героини, ее разговор с няней и пр.). Недаром в черновой редакции своей баллады поэт три раза называет героиню Татьяной, а Татьяну Ларину в черновом плане романа – Наташей. «Нам кажется, – пишут М. Кукулевич и Л.М. Лотман, – что оба имени в равной степени являлись для Пушкина символом „старины или девичьей“ и тем самым подчеркивали народный русский колорит романа и баллады» (13, с. 72–91).

Следует отметить, что «Татьяна» и «Наталья» не просто созвучные имена (у обоих есть сегмент “*am*”), они – онимы, которые часто сопрягаются в творчестве Пушкина. В науке существуют различные объяснения притяжения у поэта героинь с именами Татьяна и Наталья (14, с. 111–118). Так, Б.М. Гаспаров сближает Татьяну Ларину («Евгений Онегин») и Наталью Павловну («Граф Нулин») на основании двойственности их авторской характеристики: традиционно-почвеннической и куртуазной. Учёный признаёт, что сочетание западной «фальбалы» и деревенского «здоровья» у Натальи Павловны имеет комически-поверхностный характер и несравним с той серьёзностью, с которой нарисован образ Татьяны. Между тем учёный настаивает, что «схема», по которой строится образ героини «Евгения Онегина», в такой же мере напоминает черты героини «Графа Нулина», в какой обнаруживаются сходства в сюжетной развязке двух произведений. «Двойственность образа “рус-

ской женщины” – воспитанницы французского “пансиона” и “хозяйки” патриархального склада, карамзинской “милой дамы” и шишковской “барыни”, – пишет Б.М. Гаспаров, – была глубоко укоренена в творческом мире Пушкина, по крайней мере, в годы его зрелости. Эта двойственность в полной мере проявилась в обрисовке героини его романа и ее отношения к Онегину» (7). В.А. Кошелев, соотнося героинь, носящих столь значимые в отечественной словесности имена, как «Татьяна» и «Наталья», сравнивает пушкинскую Татьяну Ларину и мифологизированную в русской литературе княгиню Наталью Борисовну Шереметьеву-Долгоруковую, учёный полагает, что их образы объединяет специфически национальная черта – верность не любимому, но соединенному судьбой мужу. Поскольку пушкинская Татьяна поступает в соответствии с литературным образцом, то она, по мнению исследователя, сопоставима с жёнами декабристов (12, с. 28–37).

Надо согласиться, что двух пушкинских героинь – Татьяну Ларину и Наталью Павловну из «Графа Нулина» – роднит построение их образов и противоречивое «двуединство» облика. В свою очередь, Татьяна Ларина и Наташа из «Жениха» обладают общими чертами: потребность любви, нравственная стойкость, достоинство. Между тем нельзя забывать, что каждое имя – это «тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность» (20, с. 211). Соответственно, сами по себе имена «Татьяна» и «Наталья» выражают разные грани «духовного и душевного» строения личности, в том числе литературных героев. Очевидно, что в образах Татьяны Лариной и Натальи Павловны из «Графа Нулина» запечатлены различные женские психологические типы, а Татьяне Лариной и Наташе из «Жениха» присущи специфические авторские характеристики и оценки. Несмотря на то, что в процессе работы над «Женихом» имя Наталья/Наташа теряет у Пушкина свою амбивалентность и приобретает народную, героическую семантику, оно не содержит той национальной и социальной информации, что имя Татьяна. Оно не просто «приятно, звучно», но и навеивает «воспоминанья старины иль девичьей». Для понимания духовной сущности Татьяны важен исконный смысл её имени (от греч. *Tατιανή*, *Tατιάνα* – «устроительница», «учредительница»). «Русская душою» Татьяна предстаёт охранительницей высокой нравственности, учредительницей

старинных форм национального быта и бытия, устроительницей семейного уклада, дома в традиционных национальных представлениях. Что касается героини «Жениха», то при выборе её имени Пушкин, скорее всего, руководствуется корневым значением ионима. Купеческая дочь Наташа выступает у поэта олицетворением «рода», носителем родовых прав, родовой чести и таких качеств «народа», как сила характера, мужество, нравственное достоинство. В нелёгкой схватке с судьбой Наташа одерживает победу и из жертвы превращается в разоблачителя, обвинителя и судью жениха-разбойника. Следовательно, в пушкинском понимании именам «Наталья» и «Татьяна» присущ каждому свой культурологический смысловой оттенок.

Вслед за Пушкиным, в русской литературе появляется целый ряд сильных, самоотверженных героинь по имени Наталья/Наташа: жертвенно любящая сына и глубоко страдающая Наталья Степановна (повесть Н.Ф. Павлова «Ятаган», 1835); чувственная Наталья Дмитриевна, открыто проявляющая свои чувства Наталья Васильевна из «Барона Рейхмана» (сборник повестей М.С. Жуковой «Вечера на Карповке», 1837–1838); протестующая и прямо заявляющая свои права на жизнь и счастье Наташа (повесть В.А. Сологуба «Воспитанница», 1846); не желающая мириться с бесправным положением и обличающая пороки жениха Наташа (повесть М.М. Достоевского «Господин Светелкин», 1848) и др.

Как видно, к середине 1850-х годов, когда Тургенев начинает работать над «Рудинным», в отечественном литературном пространстве формируются весьма разнообразные характерологические признаки имени Наталья, и в контекст тургеневского романа оно входит не свободным от разного рода коннотаций, складывающихся в процессе истории существования данного литературного имени, в том числе в текстах Пушкина. Примечательно, что у Тургенева, как и у поэта, встречается два противоположных типа героинь с именем Наталья²: Наталья Петровна Исаева (пьеса «Месяц в деревне», 1850–1855) и Наталья Алексеевна Ласунская (роман «Рудин», 1855). В образе Натальи Петровны, воспылавшей страстью к молодому учителю своего сына Беляеву, Тургенев точно так же, как Пушкин в образе Натальи Павловны из «Графа Нулина», развенчивает женские добродетели. Подобно поэту, Тургенев вскрывает про-

тиворечивость характера носительницы имени Наталья. Правда, двойственность личности тургеневской героини иная, чем у героини «Графа Нулина». Будучи человеком нравственных принципов, Наталья Петровна под влиянием любовного увлечения совершает безнравственный поступок: она эгоистично разрушает чувства своей соперницы Верочки к Беляеву. Хотя для Натальи Петровны любовь не просто развлечение (в комедийном плане это представлено Пушкиным в «Графе Нулине»), в то же время она оценивает своё чувство как болезнь («кажется, я схожу с ума») и осуждает себя за недостойные поступки («комедия, которую я разыграла с Верой, меня возмутила»). В Наталье Петровне, доминантами личности которой являются стихийное, природное начало и изломанная душа, отсутствует целостность. Напротив, героиня «Рудина» – Наталья Ласунская – личность цельная: женственная и волевая, способная к искренней любви и жертвенности, уверенная в своих словах и действиях. В её образе автор не развенчивает, а утверждает значимость «честной, страстной и горячей натуры» женщины (19, с. 294). Как видно, в различных пушкинских и тургеневских текстах имя Наталья имеет неоднозначное аксиологическое значение и семантику. В «Рудине» оно так же, как у Пушкина в «Женихе», освобождается от негативной коннотации и приобретает свойства типичного имени положительной героини. Конечно, Тургенев не творит образ Натальи Ласунской с опорой на прецедент, причём ни на пушкинский, ни на изначальный – карамзинский. Н.М. Карамзин, наметивший в героине «Натальи, боярской дочери» черты натуры романтической, самоотверженной, истинно народной, закрепляет за именем Наталья целый ряд положительных характеристик и изображает в своей повести «восхитительную гармонию» чувств героев. Судьба Натальи Ласунской не напоминает судьбу карамзинской Натальи, как, впрочем, и судьбу пушкинских «положительных» Наташ. В «Рудине» отсутствуют прямые параллели с сюжетом, сюжетными ситуациями баллады «Жених», за исключением, пожалуй, ситуации искушения героини ложным женихом: Дмитрий Рудин с его «умничающей, идейной, сочиненной» любовью (Ю.И. Айхенвальд) предстаёт не тем, кем кажется Наталье («...я в вас обманулась...»). На индивидуальность пушкинской и тургеневских героинь указывают, в частности, разные формы их имени: полное имя Ната-

лья – у Тургенева, деминутив Наташа – у Пушкина. Однако, несмотря на то, что у тезоименных героинь писателей не похожи индивидуальные судьбы и характеры их реализуются в разных сюжетных ситуациях, единое имя вскрывает общность их душевного склада: все они – люди природной стихии и всем им присущ поиск чего-то нового.

Заметим, что в списке и в плане «Рудина» Тургенев называет главную героиню именем Маша, но впоследствии меняет его на Наталью. Происходит это, скорее всего, потому, что в образе романной героини писатель запечатлевает иной тип женщины, чем в повестных Машах. Само собой разумеется, смена имени свидетельствует об общем изменении авторской концепции образа. Заметим, что имя Марья/Маша неизменно ассоциируется у Тургенева со страданиями, горькой судьбой женщины. В окончательном варианте «Рудина» автор использует имя, которое апеллятивно мотивировано в тексте: мощнейшим стимулом в жизни Натальи Ласунской является её природная сила и стойкость.

Одни специалисты по ономастике производят имя Наталья от древнееврейского мужского имени Натан (נְתַנִּים) – «дарованный» или «утешение»; другие полагают, что возникает оно в первые века христианства и образовано от латинского «natalis» – родной, а также от латинского названия праздника Рождества «Natalis Domin» – день Рождества, рождения и означает «родная», «к рождению относящаяся, природная». Считается, что Наталия (Наталья) – это «блистательное имя»: «И фатальное, подвластное небу, и очень земное, витальное, определенное личной жизнью носительницы <...> несет в себе не столько сентиментальную доброту, сколько добротность, сакраментальную веру, что добро, особенно в женщине, всегда преодолевает зло. Имя это в равной степени и женственное, и женское, несущее напоминание о предназначении продолжательницы рода, матери, жены, но и – украшательницы жизни, гармоничного антипода мужчины» (10, с. 134; 139–140). Думается, в сочетании в имени Наталья «неба» и «земли» – «ключ» к пониманию сущности тургеневской героини, в которой соединятся жертвенность и женственность, стремление к общественно полезной деятельности и личному счастью. В свою очередь, в гармоничной противоположности Натальи Ласунской главному герою – Дмитрию Рудину – и, соот-

ветственно, в приоритете женского, родового, природного начала над мужским умозрительным, рефлектирующим – «ключ» к пониманию функции образа главной героини в романе. В «Рудине» возникает традиционная для последующих романов Тургенева оппозиция *сильная женщина/слабый мужчина*. В каждом романе ей присуща своя специфика. Понять особенность данной оппозиции в «Рудине» помогает имя героини. Ещё П.А. Флоренский замечает, что «в имени живет не только семема его, но и морфема» (20, с. 113). Симптоматично, что в романе Тургенева в качестве содержательно-тематических доминант выступают понятия, в которых тот же корень, что и в имени Наталья, – «натура» и «нация». Так, Рудин изображён «гениальной», но лишённой «натуры» личностью. Он вдохновляет Наталью «музыкой красноречия», толкованиями «о свободе, о жертвах», о необходимости «надломить упорный эгоизм своей личности», покоряет энтузиазмом, «честным стремлением к истине и сознанию», но боится «живой» жизни, относится к ней абстрактно, отвлечённо, пасует перед «таинственно-живым» чувством любви. По словам Лежнева, в Рудине «натуры-то собственно в нем нет». Кроме того, «несчастье» героя состоит в том, что «он России не знает» (19, с. 348–349), т.е. оторван от национальной почвы. Напротив, доминантными чертами личности Натальи являются «натура» (воля, чувства, сила) и связь с национальной/природной почвой. Соответственно, у Тургенева чрезвычайно значима информационно-стилистическая функция имени, которое мотивировано в контексте романа и представляет внутреннюю характеристику героини (особенности характера, нравственные качества), репрезентируя статические, постоянные признаки её личности.

Следует отметить, что именные антропонимы у Тургенева не просто называют женские персонажи, но и формируют и раскрывают их образы. Это в полной мере относится как к имени главной героини, так и к имени её матери (Дарья Михайловна Ласунская). Значение имени героини – Дарья, являющегося простонародной формой имени Дария, т.е. женским аналогом мужского имени Дарий (от др.-перс. *داریوش* – владетель блага), означает «сияющая, побеждающая», «повелительница», апеллятивно мотивировано в тексте. Дарья Михайловна в пору молодости «сияет» красотой и пользуется большим успехом в свете: «Поэты

писали ей стихи, молодые люди в нее влюблялись, важные господа волочились за ней» (19, с. 247). В зрелом возрасте Дарья Михайловна продолжает жаждать знаков внимания, побед и поклонения окружающих, и, судя по её рассказам, можно «подумать, что все замечательные люди последнего десятилетия только о том и мечтали, как бы повидаться с ней, как бы заслужить ее расположение». Победное, повелительное начало в структуре личности героини усиливает её отчество – Михайловна, в котором, по наблюдению С.Б. Аюповой, «актуализирована сема – покровитель». Желание Дарьи Михайловны покровительствовать отчётливо проявляется в её отношении к Рудину. Гордясь своей «находкой», Дарья Михайловна думает только о том, как будет покровительствовать ему, «выведет» в свет и завоюет новые похвалы. Пытается Дарья Михайловна повелевать также своей дочерью, что, впрочем, ей не удаётся, ибо у Натальи «страсти... сильные и характер тоже ой-ой!» (19, с. 303). Полюбив Рудина, Наталья готова на «насильственное расторжение» связей с семьёй, не боится «гнева» матери. Наталья мечтает о подвиге, о жертве. Показательно, что имя героини – Наталья – в сочетании с отчеством – Алексеевна (от др.-греч. *Ἀλέξω* – «защищаю») означает «родное» – от «природного» до «народного» – «защищающая». Не случайно героине важно видеть в избраннике не только возлюбленного, но и наставника, человека. Рудин не выдерживает испытание любовью, не оправдывает надежд Натальи, и она если не разоблачает, то обвиняет избранника в малодушии (сцена у Авдюхина пруда). Необыкновенную внутреннюю силу Наталья проявляет после разрыва с Рудиным: она стойко переносит разочарование в первой любви, и её «наружное спокойствие» сбивает с толку даже Дарью Михайловну. Очевидно, что в структуре имени центрального персонажа романа – Наталья Алексеевна Ласунская – функцию предикации выполняют ионим и патроним, причём, «доминантным» является личное имя, позволяющее обнажить внутреннюю логику связи между его сферой и сферой судьбы героини, а фамилия Ласунская, носительницами которой выступают различные по душевному устройению мать и дочь, – «второстепенный» компонент.

Что касается главной героини романа, то в связи с её образом автор развивает пушкинскую традицию «идеального» женского типа. В характере

Натали Ласунской прослеживаются ассоциации с «идеальными» литературными героинями поэта. Полагаем, что образ Натали Ласунской, знающей «наизусть всего Пушкина» (19, с. 280), раскрывается на основе национального архетипа – Татьяны Лариной. Подобно пушкинской героине, Натали Ласунская приближена к природе, её началам и в своей жизни руководствуется не доводами разума, а чувствами. Интересна мысль М.О. Гершензона, что в творчестве Тургенева, рассматривающего человека как «природу» и как «личность», чётко выделяются два типа: рефлектирующая личность с разорванно-болезненным сознанием и цельная природная натура (героиня как данность). Именно такой «природной натурой» является Натали, которая, как и Татьяна Ларина, живёт не «умом ума», а «умом сердца» (8, с. 87). Немало общего в структуре личности героинь и их образе их жизни в родительском доме до приезда избранника. Подобно Татьяне, Натали в «семье своей родной казалась девочкой чужой». Как и Татьяна, Натали чувствует «глубоко и сильно, но ... тайно» и жизнь её до встречи с возлюбленным протекает как духовно насыщенная праздность. Хотя мир Татьяны Лариной «космичнее» (звёзды, луна, зори), чем Натали Ласунской, но она тоже тонко чувствует природу. Оба писатели моделируют портреты своих героинь, этическую и эстетическую стороны их личности не только через отношение к природе, но и по книгам. Своеобразие внутреннего мира Татьяны раскрывается посредством круга её чтения, а глубокое проникновение героини в мир Онегина происходит благодаря знакомству с его любимыми книгами. Аналогичная ситуация воссоздана в тургеневском романе. Натали Ласунская знает «наизусть всего Пушкина» (С.VI, 280). Рудин весь погружён «в германскую поэзию, в германский романтический и философский мир». Он и Натали читает на немецком языке гётевского «Фауста», Гофмана, «Письма» Беттины, Новалиса, увлекаая её за собой в «заповедные страны»: «Неведомые, прекрасные, раскрывались они перед ее внимательным взором; со страниц книги, которую Рудин держал в руках, дивные образы, новые, светлые мысли так и лились звенящими струями ей в душу, и в сердце ее, потрясенное благородной радостью великих ощущений, тихо вспыхивала и разгоралась светлая искра восторга...» (С. VI, 290). В науке неоднократно отмечалось, что в «Рудине» Тургенев

использует «онегинскую» фабулу: разочарованный, рефлектирующий дворянин приезжает из Петербурга в усадьбу; здесь он встречает молодую барышню, воплощающую в себе «родное», «национальное»; она первая, руководствуясь чувством, делает шаг навстречу счастью и получает охлаждающий ответ избранника; история их взаимоотношений заканчивается расставанием и разочарованием. «Онегинская» фабула выступает в романе неким интертекстуальным фоном, которая осложняется любовным треугольником. Вместе с тем судьба Натали Ласунской лишь отчасти «повторяет» судьбу Татьяны Лариной.

«Тургеневским девушкам», галерею которых начинает главная героиня «Рудина», присущи основные качества пушкинской Татьяны – инстинкты самосознания, самобытности, самостоятельности» (И.А. Гончаров). Между тем прав Л.И. Шестов, что в отношении к женщинам и любви Тургенев «гораздо дальше от Пушкина, чем это принято думать». При внешнем сходстве тургеневских идеальных женщин с Татьяной Лариной они созданы «не по образу и подобию» пушкинской героини. У поэта Татьяна является «весталкой, приставленной охранять священный огонь высокой нравственности». У Тургенева женщина – «вдохновительница, руководительница и даже судья над мужчиной» (21, с. 21). Действительно, Тургенев не создаёт своих героинь по образу и подобию Татьяны. Писатель, в частности, отступает от пушкинской традиции обрисовки женского характера как воспитанницы французского «пансиона» и «хозяйки» патриархального склада. Будучи «дочерьми Татьяны», тургеневские героини олицетворяют дух и настроения другой эпохи. Они самостоятельны, независимы и устремлены к «великой цели». Для большинства из них избранник – не только возлюбленный, но и учитель жизни, задающий ценностные ориентиры. Недаром в романах Тургенева, помимо традиционных «онегинских» ситуаций: «усадебная любовь», идейный спор (Рудин – Пигасов), – присутствует чисто тургеневская ситуация идейного влияния, ученичества. Для Натали Ласунской Рудин становится «наставников, вождем», который воодушевляет «новыми, светлыми мыслями», побуждает её к внутренней работе (19, с. 290). Она, в свою очередь, предъявляет избраннику требования высокой нравственности и общественного служения. Недаром ситуация любовного rendez-vous, являющаяся сюжет-

но-композиционным центром повествования в тургеневском романе, неизменно сводится к тому, что писатель «ставит своего центрального героя перед ожиданиями, обращенными на него любящей его сильной, нравственно цельной и возвышенной женской натуры, готовой поверить ему и пойти за ним на страдания и жертвы ради предполагаемых у него высоких идеальных целей и устремлений, а поведение героя на “tendez-vous”, проверка его способностей ответить на эти ожидания и становится для Тургенева главным художественным способом обнаружения общественной и индивидуальной значимости героя, его гражданского и личного достоинства» (6, с. 553–554). Как правило, тургеневский герой не выдерживает испытание любовью, а героиня не только переживает разрыв с избранником как личную драму отвергнутой любви (подобно Татьяне), но и разочаровывается в нём как духовном наставнике и слугителе «общему благу». Показательна гневная отповедь Натальи Рудину: «<...> я не о том плачу, о чем вы думаете... Мне не то больно: мне больно то, что я в вас обманулась <...> Покориться! Так вот как вы применяете на деле ваши толкования о свободе, о жертвах, которые... <...> Но, верно, от слова до дела еще далеко, и вы теперь трусили... <...> кого я встретила здесь? Малодушного человека» (19, с. 324–326). Надо согласиться с И.Ф. Анненским, что тургеневская женщина, «даже не властвуя», «всегда смела или, по крайней мере, сильна» (1, с. 150). Соответственно, тургеневские героини обладают иными личностными чертами, чем Татьяна Ларина. Они не стремятся, подобно пушкинской героине, стать только «верною супругой», им важно быть помощницей мужчины «в великом деле его жизни». Наталье Ласунской, помимо скрытой Татьяниной страстности, глубины чувств, искренности и способности к самопожертвованию, присущи также твёрдость, постоянная «внутренняя работа мыслей», «совершенно честная и прямая» душа (19, с. 336). Главными для Натальи являются ценность самостоятельного, индивидуального постижения мира и активная жизненная позиция. Не удивительно, что Наталья не становится покорной дочерью своей матери, которая советует ей «слушаться» всегда материнских советов и никогда не забывать, что она – Ласунская и её, Дарьи Михайловны, – дочь (в отличие от Татьяны, которая по-детски наивно оправдывает своё замужество «заклинаниями» и

мольбами матери: «Меня с слезами заклинаний / Молила мать...»). Не желая ничего слышать о господине Корчагине, «светском льве, чрезвычайно надутым и важным», к которому очень благоволил Дарья Михайловна, Наталья выходит замуж за Волынцева, который «любит её от души» (19, с. 345; 351). Думается, различия индивидуальных черт пушкинской и тургеневской героинь обусловлены, наряду с неповторимостью понимания писателями женской «идеальности», тем, что Татьяна является носителем греческого имени, а Наталья – римского имени, и, значит, оно больше сопряжено со свободой, активностью, силой характера. Симптоматично, что доминантными качествами тургеневской героини являются нравственный максимализм, решительность, бескомпромиссность, которые отсутствуют в Татьяне Лариной, но есть в пушкинской Наташе из «Жениха». Таким образом, имя тургеневской героини создаёт широкие ассоциации для читателя.

Принято считать, что, обманувшись в Рудине, Наталья Ласунская «принуждена уступить обстоятельствам и внешне примириться с ними» (19, с. 567). Одной из таких «уступок» учёные называют её замужество. Представляется, что оно наполнено в семантике романа другим смыслом. Следуя в определённой степени парадигме тех качеств, которые были связаны с литературным именем Наталья/Наташа: самоотверженность, жертвенность, героическое, – Тургенев использует его в индивидуальной эмоционально-смысловой интенции. У писателя коннотативное значение имени Наталья близко к его толкованию священником Павлом Флоренским: «Наталия – честное имя, но жизнь трудная». Примечательно, что после расставания с Рудиным в сюжетной линии тургеневской героини особое значение приобретает мотив «света-тьмы»: «Вспомнила Наталья свое детство, когда, бывало, гуляя вечером, она всегда старалась идти по направлению к светлomu краю неба, там, где заря горела, а не к темному. Темна стояла теперь жизнь перед нею, и спиной она обратилась к свету...» (19, с. 339). Любовь в конечном итоге приводит героиню к познанию двух амбивалентных категорий: *свет/тьма*. Разрыв с Рудиным нарушает привычное отношение Натальи к миру, смещает обращённость к свету. Наталья страдает «мучительно». Между тем она, по утверждению автора, способна к возрождению: «Много еще предстояло ей тяжелых дней, ночей, бессонных,

томительных волнений; но она была молода – жизнь только что начиналась для нее, а жизнь рано или поздно свое возьмет» (19, с. 341). «Победа» жизни сказывается в том, что Наталья становится женой и, как утверждает Лежнев, «счастлива» в браке. Именно судьбы Натальи и Лежнева, предпочитающих Дом, спокойную семейную жизнь, проясняют основную оппозицию романа – *приют/бесприютность* и авторские слова в финале романа: «Хорошо тому, кто в такие ночи сидит под кровом дома, у кого есть теплый уголок... И да поможет Господь всем бесприютным скитальцам!» (19, 368). Мысль о бесприютности, одиночестве человека в мире уравнивается в романе, наряду с признанием «бесконечности» человека во времени и «безграничности» в пространстве (Рудин), мотивами «смирненной прозы» бытия: дом, кров, семья (Наталья, Лежнев). Соответственно, для автора одинаково значимыми являются как интеллектуальные, нравственные запросы героини, так и её витальная сила. Хотя Тургенев не показывает семейного счастья Натальи, вместе с тем её имя соотносится в тексте не только с ценностно-значимым («свет», «светлые мысли», «благородная радость великих ощущений», «святая искра восторга», «способна понять самопожертвование: она сама умеет пожертвовать со-

бою»), но и с природным, порождающим (от лат. *natalis* – относящийся к рождению) и потому истинным. В сюжете героини получают развитие (правда, с разным наполнением) почти все ключевые мотивы романа: поэзия/драма первой любви, разочарование/превращение (в конце романа Рудин – повстанец, Наталья – жена), национальное/природное, дом/бездомность. Следовательно, имя Наталья является существенным элементом не только характерологии, но и сюжетостроения.

Итак, в «Рудине» Тургенев включается в формирование микротекста имени Наталья в русской литературе (позже его употребляют С.Т. Аксаков в повести «Наташа», Ф.М. Достоевский в романе «Униженные и оскорблённые», Л.Н. Толстой в романе-эпопее «Война и мир», В.В. Крестовский в «Петербургских трущобах», И.А. Гончаров в «Обрыве», Б.К. Зайцев в «Золотом узоре», И.А. Бунин в «Суходоле» и «Натали», М.А. Шолохов в «Тихом Доне» и др.). Исследование семантической и функциональной специфики поэтонима позволило не только установить аналогии между образами тезоименных героинь Пушкина и Тургенева, но и выявить общность/различие писателей в изображении мотивировки их поведения, поступков, психологии, событий жизни, судеб, а также в системе авторских оценок.

Примечания

¹ Кстати, в 1876 году дочь Пушкина Наталья Александровна передаст Тургеневу письма отца к матери для публикации, чем вызовет недовольство братьев.

² Имя Наталья встречается у Тургенева также в «Степном короле Лире» (Наталья Николаевна) и в замысле политического романа «Natalia Karovna» («Наталья Карповна»).

Библиографический список

1. Анненский И. Символы красоты у русских писателей // Анненский, И. Книги отражений [Текст]. – М.: Наука, 1979.
2. Антропонимия // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Рос. акад. наук, ИНИОН / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин [Текст]. – М.: Интелвак, 2001.
3. Аюпов С.М. Эволюция тургеневского романа 1856–1862 гг. [Текст]. – Казань: КазГУ, 2001.
4. Аюпова С.Б. Философия и мифология имени героя в романе И.С. Тургенева «Рудин» // Ономастика Поволжья: Материалы X Международной научной конференции. Уфа, 12–14 сентября 2006 г. [Текст]. – Уфа: БГПУ, 2006.
5. Белоусов А.Ф. «Вовочка» // Антимир русской культуры: Язык. Фольклор. Литература [Текст]. – М.: Ладомир, 1996.
6. Виноградов И. Духовные искания русской литературы [Текст]. – М.: Русский Путь, 2005.
7. Гаспаров Б.М. Финал «Евгения Онегина» [Текст]. Электронная публикация. URL: <http://www.ruslibrary.ru/default.asp?trID=261>.
8. Гершензон М. Мудрость Пушкина [Текст]. – М.: Книгоиздательство писателей, 1919.
9. Душечкина Елена. Светлана. Культурная история имени [Текст]. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007.
10. Имя – судьба [Текст]. – М.: Современный писатель, 1993.

11. Илюшин А.А. «Бородинское» имя жены Пушкина // Война 1812 года и русская литература. Исследования и материалы [Текст]. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1993.
12. Кошелев В.А. Татьяна Ларина и «русская традиция» // Проблемы современного пушкиноведения [Текст]. – Псков, 1991.
13. Кукулевич М., Лотман, Л.М. Из истории русской баллады Пушкина «Жених» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. АН СССР. Ин-т лит. / Отв. ред. Д.П. Якубович. Т. 6 [Текст]. – М.; Л.: АН СССР, 1941.
14. Медриш Д.Н. «Ее сестра звалась Наташа» [Текст] // Русская речь. – М., 1993. – № 2. – С. 111–118.
15. Мершавка В и Чернышова Н. Психология создания художественного типа [Текст] // Развитие личности. – М., 2008. – № 3.
16. Мысляков В.А. Белинский и Тургенев. Об антропонимике романа «Рудин» // И.С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества [Текст]. – Л.: Наука, 1990.
17. Пеньковский А.Б. Нина: Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. Изд. второе, доп. [Текст]. – М.: Индрик, 2003.
18. Сиповский В.В. Очерки из истории русского романа. – Т. 1. – Вып. 2 (XVIII век) [Текст]. – СПб.: Типография СПб. Т-ва Печ. и Изд. Дела «Труд», 1910.
19. Тургенев И.С. Рудин [Текст] // Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 28-ми тт. С. Т. 6. – М. –Л.: АН СССР, 1964.
20. Флоренский П.А. Имена [Текст] // Флоренский П.А. Соч. В 4-х т. Т. 3 (2). – М.: Мысль, 1999.
21. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности [Текст]. – М.: АСТ, 2000.
22. Щукин В.Г. Верин текст русской литературы: заметки к теме [Текст] // Славянские Чтения IV. – Daugavpils-Rezekne, 2005.

A.A. BELSKAYA

**NAME NATALIA IN THE CONTEXT OF TURGENEV'S NOVEL «RUDIN»
AND PUSHKIN'S TEZONAME CHARACTERS**

Article is devoted to the features of creation of the micro text for the name Natalia in Pushkin's art and in Turgenev's novel «Rudin». The research of semantics and functional peculiarities of the poetonym let single out parallels, similarities/differences in depiction of motives of behavior, actions, psychology, life events and fates of the tezoname characters of the authors as well as in authors' evaluation systems.

Key words: Natalia, poetonym, micro text, tezoname characters, semantics, function, analogy, ideal women type.

О.Н. ВЕСЕЛОВА, соискатель кафедры русской литературы
XX–XXI веков и истории зарубежной литературы
Орловского государственного университета
Тел. 89536205042; Veselov_roman@bk.ru

ОТ РАСКОЛЬНИКОВА К ЛОГИНУ (ГЕРОИ РОМАНА СОЛОГУБА КАК ПРЕЛОМЛЕНИЕ ОБРАЗОВ ДОСТОЕВСКОГО)

В данной статье герой раннего романа Сологуба «Тяжелые сны» Логин рассматривается в сопоставлении со своим литературным предшественником – героем романа Достоевского «Преступление и наказание» Раскольниковым. При этом выявляются моменты сходства рассматриваемых образов, а также отмечаются различия, связанные с принадлежностью авторов к разным литературным направлениям.

Ключевые слова: Достоевский, Сологуб, Раскольников, Логин, герой, литературный предшественник.

«Преступление и наказание» – величайший роман, признанный шедевр мировой литературы, поражающий многослойностью содержания и бескрайней глубиной заложенного в нем философского смысла. Даже само название его репродуцирует полемику вокруг многочисленных социальных и политических теорий¹, среди которых не последнее место занимают мальтузианство, с его призывом к сокращению рождаемости², кетлеанство, выводящее среднестатистическую потенцию к преступлению³, прудонизм, провозглашавший «право силы»⁴, фурьеризм, развивавший «теорию всемирного единства»⁵, и, конечно же, анархизм⁶. «Задуманное первоначально в форме исповеди Раскольникова» [12, 353], «Преступление и наказание» представило нигилизм «не как жалкое и дикое явление, а в трагическом виде, как искажение души, сопровождаемое жестоким страданием» [19, 102]. Осмысление писателем сложнейших процессов в области духовной и нравственной жизни личности как движение к «разомкнутости и разъединенности с человечеством» в дальнейшем позволило автору романа противопоставить идеям утилитарной этики общеобязательный нравственный закон, воплощенный в личности Иисуса Христа.

В центре «психологического отчета одного преступления», как определял сам Ф.М. Достоевский замысел своего романа, оказывается герой нового типа – «мыслящий» интеллигент-разночинец, Родион Романович Раскольников. Этот персонаж возводит свою «мечту» о высшей социальной справедливости на «идейный» уровень. Эта «идея», изначально преследующая прогрессивные, гуманные цели, вступает в непримиримое противоречие с выбранными для ее осуществления чудовищными, античеловеческими и антихристианскими средствами.

Герой, представленный Достоевским в романе «Преступление и наказание», был во многом нов для русской литературы того времени. Страхов отмечал: «Раскольников не есть тип. То есть он не настолько своеобразен, не представляет таких определенных и органически связанных между собою черт, чтобы его образ носился перед нами, как живое лицо. В частности же – это не есть тип нигилистический, но видоизменение того типа настоящего нигилиста, который всем более или менее знаком и который всех раньше и всех метче был угадан Тургеневым в его Базарове» [19, 111].

Раскольников, в отличие героев русской классической литературы, мучается не от осознания надуманного метафизического греха – он виновен в реальном убийстве. Оттого его мучения и страдания приобретают совершенно иной масштаб: они намного глубже, трагичнее и оправданнее, например, переживаний Онегина или Печорина. Более характерны они для героев западноевропейской литературы, что подчеркивалось самим Достоевским в черновых материалах к роману: «Для полноты лица его пленяет роль затаенного существа, тайны, Унгерна, Sbogar, Ускока и проч. Но потом сам смеется над этим»⁷ [8, 7, 86]. Как отмечает Г.М. Фридлендер: «Близкие Раскольникову психологические мотивы можно найти и во французском реалистическом романе 30–40-х годов XIX в. у молодых героев Бальзака и Стендаля – Растиньяка («Отец Горио», 1835) и Жюльена Сореля («Красное и черное», 1830) <...> В Англии Э. Бульвер в романе «Юджин Арам» (1831), основанном на действительном происшествии, случившемся в середине XVIII в., рассказал о судьбе молодого ученого, которого нужда и мечты о великом научном открытии привели к преступлению, сходному с преступлением Раскольникова. Э. Гаскел в своем более позднем социальном романе «Мэри Бартон» (1848), <...> ярко обрисовала историю падшей женщины и картину нравственных мук рабочего-убийцы Бартона после совершенно им убийства фабриканта Карсонса. «Последний день приговоренного к смерти» (1829) В. Гюго и его же прочитанные Достоевским летом 1862 г. в Италии «Отверженные» (1862), затрагивавшие близкие автору вопросы и остававшиеся в годы создания «Преступления и наказания» литературной злобой дня, также сыграли определенную, более или менее заметную роль для процесса формирования и развития социальной и философско-этической проблематики «Преступления и наказания» [21, 5, 542].

По средствам своего преступления Раскольников решает преодолеть самый важный – духовный барьер. Герой Достоевского фактически ставит себя на место Бога, имеющего право решать, кому следует жить, а кому нужно умереть, и тем самым отрицает веру и самого Бога. Но в отличие от Базарова, который так и умирает с неверием в душе⁸, Достоевский в конце романа после тяжелых испытаний совестью и каторгой все-таки приводит своего героя к Богу. Именно содеянное

помогает осознать Раскольникову губительность его беспредельного эгоцентризма.

Внутренний мир Раскольникова, как и его литературных предшественников, полон противоречий, раздвоен. Герои русской классической литературы искали истину, нравственный идеал, делали выбор в пользу добра или зла. У Раскольникова вследствие совершения им реального преступления, внутренняя раздвоенность максимально обостряется. Это подчеркивается автором даже на уровне фамилии героя: он не просто раздвоен, он расколот в своем внутреннем мире на две половины: темную и светлую.

В литературоведении существует несколько интерпретаций фамилии главного героя романа «Преступление и наказание». Наиболее распространена точка зрения, связывающая слово «раскол» с раздвоением натуры, этическим расколом между самоотверженной любовью Раскольникова к окружающим, его чуткостью к несчастьям других, желанием поделиться последним и кровавым преступлением, посягательством на человеческую жизнь⁹. Другая, не менее популярная интерпретация, связывает фамилию героя Достоевского с «раскольничеством»¹⁰, выступающим как символ упрямства героя, его одержимости одной мыслью, фанатичной веры в собственную идею. А.Л. Бем в работе «Личные имена у Достоевского»¹¹ признает возможными оба эти толкования.

Многие литературоведы указывают на необходимость комплексного толкования имени и фамилии главного героя «Преступления и наказания». Так, известный достоевковед С.В. Белов в комментарии к роману связывает имя Раскольникова, Родион, с родиной, породившей его мать-землей. Сопоставляя это толкование с отчеством и фамилией героя (Родион Романович Раскольников), исследователь отмечает: «вполне возможно прямое толкование: раскол родины Романовых <...>» [3, 27].

В неразрывной связи с именем рассматривает фамилию героя Достоевского в своей обстоятельной статье и Б.Н. Тихомиров¹², который выявляет «семантическую кофликтность имени и фамилии» Родиона Раскольникова, отражающую столкновение «двух стихий» внутри героя, борьбу в его натуре двух противоположных начал. При этом имя Родион (употребляющееся в романе как Родя, Роденька, Родька) связывается Тихомировым, исходя из народной этимологии, с семантикой род-

ства, которая отражает «неразрывную связь с окружающими людьми» [20, 36]. Комплексное толкование имени и фамилии Родиона Раскольникова приводит исследователя к убедительным выводам: «Если имя героя выражает <...> «центробежное» начало в его душевной жизни, его родство, внутреннюю неразрывную связь с людьми, то фамилия, с очевидностью, указывает на начало прямо противоположное, «центростремительное» – «раскол» в самом широком смысле слова, то есть разъединение людей, разрушение, распадение человеческих связей. Причем оба начала – страстная жажда сращения, братства со всеми людьми и устремленность к крайнему индивидуализму, отразившиеся в имени и фамилии героя – одинаково активны, равносильны в той борьбе, которая совершается в душе Раскольникова» [20, 38].

При этом нельзя не отметить, что значение и происхождение имени Родион традиционно связывается с русской формой греческого имени Иродион («герой» или «житель Родоса» [16, 124]) и даже греческим *rodon* – «роза» [16, 189].¹³ Следует отметить, что имя Иродион носил св. апостол от семидесяти, родственник апостола Павла, который был обезглавлен в Риме в 67 году и который упоминается в послании к римлянам: «Приветствуйте Иродиона, сродника моего» (Рим. 16:11). Таким образом, можно говорить о том, что семантика имени Родион носит характер определенной исключительности. Подобные аналогии с именем главного героя романа Достоевского не лишены оснований прежде всего потому, что значение имени Василий, которое Раскольников носил в черновиках, этимологически происходит от *василевса* (др.-греч. *βασιλευς* – «царь») и означает – царский, царственный. Можно с большой долей вероятности предполагать, что для Достоевского был особенно важен аспект некоего подвижничества, что привело к тавтограмматическому выбору имени: Родион Романович¹⁴ Раскольников¹⁵. Б.Н. Тихомиров отмечает по этому поводу следующее: «Представляется, что изменение имени, появление противоположных по смыслу, «конфликтных» имени и фамилии сопровождало общее изменение авторской концепции главного героя в ходе работы Достоевского над романом. В творческой истории «Преступления и наказания» есть важная веха, датируемая концом ноября 1865 года, когда, по словам самого писателя, он «все сжег» и «начал сызнова»: «новая форма, новый план

увлек» его (см. письмо А.Е. Врангелю от 18 февраля 1866 года). Именно в это время в черновых набросках герой впервые и получает новое имя – Родион Раскольников» [20, 36].

Таким образом, можно согласиться с выводом В. В. Беляева о том, что «пристрастие Достоевского к семантически отмеченным именам и фамилиям объясняется, по-видимому, тем, что выраженное таким образом отношение автора к носителю имени обладает весьма повышенной суггестивностью, поскольку такое имя доносит авторскую характеристику героя как бы исподволь, постепенно» [4, 136].

Из огромной галереи характеров, гениально воплощенных в произведениях русской классики серебряного века, герою романа «Преступления и наказания» близок персонаж Сологуба «Тяжелые сны» – Василий Маркович Логин. Критика, как прижизненная, так и современная, не раз отмечала в «Тяжелых снах» очевидные отголоски «Преступления и наказания». Без сомнения, главных героев этих произведений роднит немало общих черт.

Показательным, прежде всего, является тот факт, что Сологуб дает герою своего первого романа «Тяжелые сны» имя Василий, обозначая тем самым его исключительность¹⁵.

Раскольникова и Логина сближает также целый комплекс психологических особенностей. Этим героям присущи мечтательность, замкнутость, отдаленность от реальной жизни, склонность к внутренней рефлексии, а также неустанные поиски истины и смысла жизни.

Вот как характеризует Раскольникова его товарищ по университету Дмитрий Прокофьевич Разумихин: «Угрюм, мрачен, надменен и горд; в последнее время (а может, гораздо прежде) мнителен и ипохондрик. Великодушен и добр. Чувств своих не любит высказывать и скорей жестокость сделает, чем словами выскажет сердце. Иногда, впрочем, вовсе не ипохондрик, а просто холоден и бесчувствен до бесчеловечия <...> Ужасно иногда не разговорчив! <...> Никогда не интересуется тем, чем все в данную минуту интересуются. Ужасно высоко себя ценит и, кажется, не без которого права на то» [8, 6, 165].

Почти то же самое, но в особой манере, говорит о Логине городской голова Баглаев: «Умный человек! Надменный! Все один! Он, брат, нас презирает, и за дело; мы свиньи!» [18, 107]. Среди

сослуживцев по гимназии Василий Маркович слыл «человеком беспокойным, неуживчивым» [18, 26].

Логин, как и Раскольников, сосредоточен на осознании собственной обособленности, чуждости среде, исключительности. Сам Сологуб в письме от 15 ноября 1895 года к Л.Я. Гуревич так охарактеризовал центрального героя романа «Тяжелые сны»: «Современный человек, живущий более книжными и отвлеченными интересами, потерявший старые законы жизни, усталый, развинченный и очень порочный, Логин ищет истины и предчувствует ее, ищет сознательно <...> Жизнь его и есть вся непрерывное искание истины, но на всех путях ищет ее тщетно, потому что истина не покупается трудом, а дается даром и вдруг, как девичья любовь <...> Искание – бессознательное и мимовольное – истины совершается во всех людях, и где нет этого искания, там мертвое и самодовольное лицемерие» [17, 119].

Исключительная сосредоточенность на собственном внутреннем мире, мучительная саморефлексия, непримиримое неприятие реальности также сближают главных героев романов «Преступление и наказание» и «Тяжелые сны». Первичность внутренних процессов для персонажей Достоевского и Сологуба обуславливает ключевую для понимания глубинной сущности этих произведений роль снов. Совершенно не случайно поэтому, что незадолго до совершения преступления Раскольников видит сон-предостережение [8, 6, 46–49]. Безмерная жалость к невинно забитой лошади свидетельствует о первичности гуманных свойств его натуры. Бред, обморок и тяжелый болезненный сон постоянно сопровождают душевные муки героя Достоевского уже после совершенного им убийства. А сон, увиденный Раскольниковым во время болезни на каторге [8, 6, 419–420], раскрывает бессмысленность и тяжкие последствия своеволия, способствуя тем самым искреннему раскаянию и воскресению героя.

Ирреальность и призрачность жизни для Логина подчеркнута автором в самом названии романа. Центральный герой постоянно находится в состоянии мучительного полусна. В жизни провинциального городка, где царит социальная несправедливость и произвол властителей, герою сложно отличить тяжелые сны от реальности. Иллюзорными кажутся учителя-преступники (Молин), отцы-садисты (Дубицкий), проклинаящие собственных детей матери (Зинаида Романовна Кульчицкая).

Именно сны Логин воспринимает как подлинную реальность. Описание подобного измененного сознания героя становится специфическим сологубовским приемом. Тяжелые сны, кажущиеся реальностью, терзают в романе не только Логина, но и еще двух героинь: Клавдию Кульчицкую и Анну Ермолину. По замыслу автора, это свидетельствует о мучительном поиске ими истины. Ф. Ницше в своем знаменитом труде «Так говорил Заратустра» писал: «Избегайте встречи с теми, кто плохо спит и бодрствует ночью! <...> Днем ты должен найти десять истин: иначе ты будешь искать истину ночью, а душа твоя останется голодной. <...> Надо обладать всеми добродетелями, чтобы спать хорошо. <...> Нищие духом, они способствуют сну» [14, 44–46].

Достоевский, а вслед за ним и Сологуб, особо подчеркивают двойственность своих героев. Доброта и великодушие Раскольникова сочетаются с угрюмостью и высокомерием. «Точно два противоположные характера поочередно сменяются» [8, 6, 165], – говорит о Раскольникове Разумихин.

Ум, сострадание, жажда справедливости уживаются в натуре Логина с глубокой внутренней порочностью. На протяжении всего романа двойственность героя актуализируется на разных уровнях: в отношении к детям, к своей возлюбленной, к природе. Зачастую Логин мыслит антиномиями. «Душа колебалась, как на качелях» [18, 24], «жизнь колебалась как дощатый мост на шатких устоях» [18, 28], – пишет Сологуб о своем герое. В этом смысле показательна история мальчика Ленки, бежавшего из богадельни от жестоких истязаний. Логин не только спасает несчастного от смерти в лесу, но и наперекор всему обществу оставляет подростка у себя на воспитание. Василий Маркович, не опасаясь гнева влиятельных лиц города, открыто заявляет, что в дальнейшем намеривается отдать простолюдина на обучение в гимназию. Однако эти благородные и прогрессивные поступки сочетаются в душе Логина с порочными, сластолюбивыми, нередко окрашенными садизмом желаниями по отношению к своему воспитаннику.

Именно двойственность многие исследователи справедливо называют «главной психологической особенностью» [15, 11] героя романа «Тяжелые сны». Шаткость внутренних устоев Логина обосновывает его нравственные искания, его душевные метания между светом и тьмой, бытием и небытием. Л. А. Колобаева, на наш взгляд очень

точно, называет раздвоение моральных ориентиров, свойственное герою Сологуба, «психологизмом качелей» [9, 87].

Противоречия, царящие в душе Логина, настолько непримиримы, что его сознание раскалывается на две половины. Злоба и порок персонифицируются в образе трупа, мучающего героя в тяжелых снах, от которых Логин мечтает избавиться во что бы то ни стало.

Переломным моментом в жизни Логина, способствующим превращению «мечтателя» в «парадоксалиста», становится ненавистная ему служба в провинциальном городке с его грубыми нравами, бюрократическим диктатом, скукой, отсутствием возможностей для интеллектуального и духовного роста. Захолустная жизнь угнетает героя, еще глубже загоняя его в нравственное «подполье». Логина задевают повсеместно царящие чиновничий произвол (Мотовилов заставляет свидетелей по делу Молина менять показания) [18, 83], низкопоклонство (Оглоблин пишет слащавые стихи в честь Мотовилова) [18, 156], взяточничество (инспектор Крикунов берет взятки) [18, 78], социальные контрасты (учителя гимназии по-разному относятся к детям из богатых семей и к простолюдинам) [18, 112], бездушное отношение родителей и педагогов к детям (Дубицкий муштрует собственных детей) [18, 62]. В такой среде Логин мучается, его преследует «непрерывное зло жизни». Автор усиливает это впечатление, предлагая в своем романе по отношению к самоощущениям героем собственной жизни такие пугающе-негативные эпитеты, как «бессмысленная», «больная», «глупая», «дикая», «жестокая», «злая», «злая», «мертвая», «темная». Логин оказывается буквально окруженным злом, что приводит его к неутешительному выводу: «На мне отяготела жизнь» [18, 32].

Логину, так же, как и Раскольникову, положение кажется безвыходным: «Служба учительская мне опротивела, капиталов у меня нет. Никаких путей перед собой я не вижу, – и ищу для себя опору в жизни...» [18, 32]. «Бездна казалось ему непроходимой» [18, 24], – констатирует автор.

Герой Сологуба пытается найти жизненные ориентиры с помощью разума. Интеллектуальное превосходство Василия Марковича признают многие персонажи романа. Помещик Ермолин, отец Анны, с уважением называет его: «Умственный человек» [18, 67]. Подобно Раскольникову, Логин

создаёт свою теорию достижения высшей справедливости – теорию общественного прогресса. Однако эта мечта быстро разбивается, натываясь на ограниченность, косность и тупость даже самых прогрессивных жителей городка, первоначально заинтересовавшихся замыслами героя. Логин быстро осознает невозможность достижения всеобщего благоденствия. И тогда разум подсказывает ему чудовищные мысли, созвучные идеям Раскольникова: «Если жизнь зло, то почему непозволительно отнимать ее у других?»; «Мы – хищники, мы обожаем борьбу, нам приятно кого-нибудь мучить» [18, 181]. При помощи подобных стихийно-позитивистских аргументов герой пытается оправдать собственный индивидуализм.

Стремясь к поиску ответов на главные жизненные вопросы, к преодолению раздвоенности и обретению счастья с Анной Ермолиной, Логин начинает особенно остро ощущать зло. Почетный попечитель гимназии Мотовилов, подчинивший себе весь город, представляется Василию Марковичу воплощением пошлости, своенравия и порока: «Со всеми злыми думами и воспоминаниями связывался один ненавистный образ – Мотовилова. Злоба к Мотовилкову подымалась, как дьявольское одержание, и мстительное чувство яростно боролось с внушениями рассудка» [18, 225].

У Логина возникает идея убийства всеобщего мучителя как способа избавления от собственной порочности: «Уже давно чувствовал он к Мотовилкову странное отвращение. Лицемерною казалось Логину вся его повадка. <...> Наконец, самого имени Мотовилова не мог слышать Логин без раздражения» [18, 42].

Само изображение Сологубом убийства в романе «Тяжелые сны», без сомнения, является аллюзией к «Преступлению и наказанию» Достоевского. Совпадают описанные в этих произведениях орудия преступления (топор), способ его совершения (удар по голове) и проявленная при этом особая жестокость (нанесение бессмысленных ударов уже после гибели жертвы): Раскольников «изо всей силы, ударил раз и другой все обухом, и все по темени» [8, 6, 63]; «Злоба и ненависть овладели Логиным. Опять взмахнул топором, еще, и еще» [18, 230].

Преступления, совершенные героями Достоевского и Сологуба для восстановления жизненной справедливости, влекут за собой гибель невинных людей. Случайной жертвой Раскольникова становится Лизавета, такая же «униженная и оскорб-

ленная», как и те, кому всегда сострадал герой. Нечаянно погублен был Логиным и невольный свидетель убийства Спиридон.

Совершенные преступления не приносят героям ни практической пользы, ни облегчения, ни душевного спокойствия. «Подлое, гадкое. Низкое дело» [8, 6, 65], – вот как сам Раскольников

называет содеянное. Логин понимает: «Как это было жестоко – это кровавое дело, – и как, по видимому, бесцельно!» [18, 233]. Тем самым писатели демонстрируют, что никакие, даже самые высокие, цели не способны оправдать бесчеловечных средств, избранных для их осуществления.

Примечания

¹ См.: «Весь роман сосредоточивается около одного поступка, около того, как родилось и совершилось некоторое действие и какие повлекло за собою последствия в душе совершившего. Так роман и называется; на нем надписано не имя человека, а название события, с ним случившегося. Предмет обозначен вполне ясно: дело идет о преступлении и наказании». Страхов Н.Н. Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание // Страхов Н.Н. Литературная критика: Сборник статей. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. – С. 111.

² См.: «Взгляды Мальтуса критически обсуждались в кружке петрашевцев. Иронический отзыв Лебедева о Мальтусе как о «друге человечества» отражает отношение к нему самого Достоевского». Фридлендер Г.М. Примечания // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 15 т. – Л.: Наука, 1989. – Т. 6. – С. 655.

³ См.: «...представители указанного направления утверждали, что проституция и преступления неизбежны во всяком обществе: определенный процент лиц всегда был и неизменно будет осужден в нем на то, чтобы служить средством удовлетворения соответствующей общественно-психологической потребности. К подобному научно неправомерному выводу из статистических наблюдений Кетле склонялись не только Бокль и Вагнер, но и критик демократического журнала «Русское слово» В.А. Зайцев, с которым Достоевский резко полемизировал в 1860-х годах в своих статьях и своем художественном творчестве». Фридлендер Г. М. Примечания // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 15 т. – Л.: Наука, 1989. – Т. 5. – С. 538.

⁴ В «Дневнике писателя» Достоевский называет статьи и брошюры Прудона «формулой политического социализма». Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 15 т. – Л.: Наука, 1994. – Т. 12. – С. 154.

⁵ См.: «Фурьеризм – система мирная: она очаровывает душу своей изящностью... Привлекает к себе она не желчными нападками, а воодушевляя любовью к человечеству. В системе этой нет ненавистей... Реформы политической фурьеризм не полагает: его реформа – экономическая. Она не посягает ни на правительство, ни на собственность...» Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т.– Л.: Наука, 1978. – Т. 18. – С. 133.

⁶ Об отношении Достоевского к анархистам см.: Лурье Ф.М. Нечаев: Созидатель разрушения. – М.: Молодая гвардия, 2001. – 432 с.

⁷ См. также: Недзвецкий В.А. Родион Раскольников и Жан Сбогар // Достоевский: дополнения к комментарию. – М.: Наука, 2005.

⁸ Страхов справедливо указывает, что «Базаров никаким образом не совершил бы так и такого дела». Страхов Н.Н. Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание // Страхов Н.Н. Литературная критика: Сборник статей. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. – С. 111.

⁹ См.: Аскольдов С. Психология характера у Достоевского // Достоевский Ф.М. Статьи и материалы / Под ред. А.С. Долинина. – Л.: – М., 1924. – Сб. 2.

¹⁰ Раскол – общественно-религиозное движение, не принявшее церковных реформ XVII века и вставшее в оппозицию к официальной православной церкви. Сторонников этого движения называли старообрядцами или раскольниками. С. В. Белов, М. С. Альтман указывали на особое значение этого исторического события для Достоевского, который называл русский раскол «крупнейшим явлением в нашей исторической жизни». Белов С.В. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: комментарий. – М.: УРСС, 2010. – 240 с.; Альтман М.С. Достоевский. По вехам имён. – Саратов: Изд-во СГУ, 1975. – 280 с.

¹¹ См.: Бем А. Личные имена у Достоевского // Сборник в честь на проф. Л. Милетич. – София, 1933. – С. 409–433.

¹² См.: Тихомиров Б. Н. Почему Родион Раскольников? // Русская речь. – 1986. – № 2. – С. 35–39.

¹³ См.: «Символика различных видов розы и её элементов многообразна. Красная роза — христианский символ земного мира... восторг, стыдливость, стыд, желание, объятие, страсть, материнство, смерть, мученичество. Белая роза — чистота, девственность, духовность, абстрактная мысль, тишина...» Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1987–1988. – Т. 2. – С. 387.

¹⁴ Отчество Раскольникова происходит от имени Роман (лат. Romanus), означающего «римский», «римлянин». Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. – М.: Сов. Энциклопедия, 1966. – С. 190.

¹⁵ См.: «Конечно, не следует забывать и об особом звучании, о звуковых повторях в имени, отчестве и фамилии героя. Вполне очевидно, что звуковой упор в сочетании этих трех слов делается на Р, причем такой упор, который создает впечатление рокочущего звука: РА-РА-РА – Родион РОманович Раскольников». Горбаневский М.В. Тринадцать ступенек в доме Раскольникова // Горбаневский М.В. Ономастика в художественной литературе. – М., 1988. – С. 29–39.

¹⁶ По данным В.Д. Бондалетова, самыми частыми мужскими именами к концу XVII века были: Иван, Федор, Василий, Григорий, Петр, Андрей, Семен, Степан, Михаил, Никита: «Частота их употребления в известной мере «программировалась» святыми». Бондалетов В.Д. Русская ономастика. – М.: Просвещение, 1983. – С. 109.

Библиографический список

1. Альтман М.С. Достоевский. По вехам имён. – Саратов: Изд-во СГУ, 1975.
2. Аскольдов С. Психология характера у Достоевского // Достоевский Ф.М. Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. – Л.; М., 1924. – Сб. 2.
3. Белов С.В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: комментарий. – М.; УРСС, 2010.
4. Беляев В.В. К вопросу о латентной семантике антропонимов в художественной прозе Ф.М. Достоевского и Итало Звево // Античный мир и археология. – Саратов: Изд-во СГУ, 1986. – Вып. 6. – С. 35–145.
5. Бем А. Личные имена у Достоевского // Сборник в честь на проф. Л. Милетич. – София, 1933. – С. 409–433.
6. Горбаневский М. В. Тринадцать ступенек в доме Раскольникова // Горбаневский М. В. Ономастика в художественной литературе. – М., 1988. – С. 29–39.
7. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 15 т. – Л.: Наука, 1989–1996. – Т. 5, 6, 12. Дальнейшие ссылки делаются по этому изданию с указанием тома и страницы.
8. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л.: Наука, 1972–1985. – Т. 6, 7, 18. Дальнейшие ссылки делаются по этому изданию с указанием тома и страницы.
9. Колобаева Л.А. Русский символизм. – М.: Изд-во МГУ, 2000.
10. Лурье Ф. М. Нечаев: Созидатель разрушения. – М.: Молодая гвардия, 2001.
11. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. энциклопедия, 1987–1988. – Т. 2.
12. Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послесловие В. М. Толмачева; Примеч. К.А. Александровой. – М.: Республика, 1995.
13. Недзвецкий В.А. Родион Раскольников и Жан Сбогар // Достоевский: дополнения к комментарию. – М.: Наука, 2005.
14. Ницше Ф. Соч.: В 2 т. – М.: «Мысль», 1990. – Т. 2.
15. Павлова М.М. Между светом и тенью // Сологуб Ф. Тяжелые сны: Роман; Рассказы. – Л.: Худож. лит., 1990. – С. 3–16.
16. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. – М.: Сов. Энциклопедия, 1966.
17. Сологуб Ф. Переписка с Л.Я. Гуревич и А.Л. Волынским // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1972 год. – Л., 1974.
18. Сологуб Ф. Тяжелые сны: Роман; Рассказы / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. М. Павловой. – Л.: Худож. лит., 1990.
19. Страхов Н.Н. Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание // Страхов Н. Н. Литературная критика: Сборник статей. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. – С. 96–124.
20. Тихомиров Б.Н. Почему Родион Раскольников? // Русская речь. – 1986. – № 2. – С. 35–39.

O. N. VESELOVA

FROM RASKOLNIKOV TO LOGIN (THE HEROES OF SOLOGUB'S NOVEL AS THE DEGREE OF REFRACTION IMAGES DOSTOEVSKY)

In this article, the hero of the early Sologub's novel «Tjagolue snu» Login is considered in comparison with his literary predecessor, the hero of the novel of Dostoevsky «Pryestupleniye i nakazaniye» Raskolnikov. The author of the article reveals similarities of the considered images, as well as their differences connected with the fact that the works of these authors belongs to the various literary movements.

Key words: Dostoevsky, Sologub, Raskolnikov, Login, a hero, a literary predecessor.

О.Е. ДЕНИСОВА, аспирант кафедры русской литературы
XX–XXI веков и истории зарубежной литературы филологического
факультета Орловского государственного университета
Тел. 8-920-803-53-77, d.olga@mail.ru

«ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭМОЦИИ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ПОЭТА- ЭМИГРАНТА Ю.Б. СОФИЕВА (проблема творческого мастерства)

Цель данной статьи – проследить процесс работы талантливого поэта над художественным словом и путь к творческому мастерству. Историческое восприятие культурных памятников оставило глубокий след в сознании Ю.Б. Софиева. Описание соборов и монастырей становится одним из основных аспектов в творчестве автора. Сопоставляя варианты художественных текстов, допустимо утверждать о поиске выражения художественной идеи ярче и полнее.

Ключевые слова: «исторические эмоции», вариант художественного текста, художественное слово, художественная форма, творческое мастерство.

Ю.Б. Софиев (Бек-Софиев, 1899–1975 гг.) – писатель-эмигрант, автор стихотворных книг «Годы и камни» [Софиев: 1936] и «Парус» [Софиев: 2003], дебютировал в коллективном сборнике белградских поэтов «Гамаюн» (1923 г.) и в журнале «Звено» (1927 г.). Его произведения публиковались в сборниках «Союза молодых поэтов и писателей Франции» и в «Ковчеге», а также в эмигрантской периодике («Современные записки», «Числа», «Русские записки», «Новый журнал», «Новоселье», «Дни», «Последние новости» и др.). Ю.Б. Софиев участвовал в литературных объединениях: «Кочевье», «Зеленая лампа», «Перекресток». Как поэт и руководитель «Союза молодых...» он являлся заметной фигурой в литературном процессе русского зарубежья. После издания его книги «Годы и камни» в парижской печати появились литературно-критические отзывы Г. Адамовича, М. Цетлина, Ю. Мандельштама, В. Яновского и Г. Струве. Имя Ю.Б. Софиева является заметным среди поэтов русского зарубежья начала 20 века, его творчество занимает важное место для понимания феномена эмигрантской поэзии, для выявления ее характерных особенностей, тем, значимых содержательных аспектов и компонентов.

Наиболее ярко и выразительно в творчестве поэта-эмигранта представлены памятники архитектуры эпохи Средневековья и Возрождения. Интересуясь не только светской историей, Ю.Б. Софиев обращает особое внимание на религиозную культуру. В его художественном мире изображено не мало сюжетов, которые описывают соборы, монастыри, церкви. Строительство средневекового собора становится одним из ключевых для выстраивания наиболее сильных образных рядов автора. Опираясь на историю западной культуры, поэт приходит к глубоким философским проблемам высокого общечеловеческого смысла. Объектом нашего исследования являются художественные тексты, имеющие варианты. Наиболее ярко путь к творческому мастерству писателя-эмигранта отражают две пары произведений. Первая пара (художественный текст и два варианта – «Дубровник»: «Рагуза» и «Эдакую тишину...») изображает монастырь святого Франциска. Вторая пара (художественный текст и его вари-

ант) – «Он дышит едкой известью и пылью...» и «Каменщик и химера» описывает строительство средневекового собора. Литературоведческие наблюдения над вариантами позволяют проследить процесс работы талантливого поэта над художественным словом и путь к творческому мастерству.

Стихотворение «Дубровник» (назовем этот текст основным, каноническим) вошло в книгу «Парус» (1975 г.), изданную в 2003 году [2, 46–48], его прототекст «Рагуза» напечатан в журнале «Круг» в 1936 году [3, 131–132], а фрагмент «Дубровника» («Эдакую тишину...») до настоящего времени не опубликован [4]. Переезды из страны в страну, из города в город оставляли воспоминания у Ю.Б. Софиева. Интерес к истории тех стран, где он оказывался, отразился в его художественном творчестве. Автор в своих заметках отмечал, что «шалел от „исторических эмоций“, свойственных моей натуре, на каждом шагу натываясь на оставленные историей следы». Историческое восприятие города пронизывает все стихотворение «Дубровник». В художественном произведении отражаются мельчайшие исторические подробности. В мемуарных заметках «Разрозненные страницы» Ю.Б. Софиев писал: «В начале IV века н.э. славяне и авары разрушали романские города Далмации. Бежавшие жители Эпидавра основали несколько севернее от покинутого города новое поселение на высокой скале, выходящей в открытое море, в то время отделенной от земли узким морским проливом. Так по преданию возникла Рагуза, принявшая впоследствии славянское имя Дубровник». Автор выносит в заглавие обоих вариантов художественного текста название города. Поэт упоминал: «Древний город из белого камня ошеломил меня своей величавой красотой, архитектурными памятниками, по преимуществу эпохи итальянского Возрождения, необычайным богатством нежнейших акварельных тонов моря, гор, неба и самого воздуха» [5]. В стихотворении «Дубровник» прослеживается мотив высоты («Отсюда даль лесных долин / Видна мне»). В заметках автор отмечал: «Старый город, как многие средневековые города Европы, туго стянут каменным поясом мощных крепостных стен и башен (выделено нами – О.Д.) <...>». Произведение отражает это описание:

Пятнадцать башен боевых

На стенах стерегут Дубровник (выделено нами – О.Д.).

Разделяя художественный текст «Дубровник» на две части, автор рисует сам город (I часть) и описывает архитектурный памятник – монастырь святого Франциска (II часть), обе части выделены графически. Фрагмент канонического текста «Эдакую тишину...» мало привлекателен с точки зрения литературоведческого анализа, поэтому большое внимание на нем не концентрируется. Для нас он важен как показатель творческого искания поэта, который стремится ярче и точнее выразить свою идею. Первоначальный вариант «Рагуза» существенно трансформировался в стихотворение «Дубровник». Вторая часть основного текста соотносится с первой частью прототекста, первая часть «Дубровника» полностью отсутствует в первоначальном тексте «Рагузы». Два художественных текста схожи по проблематике и по ритмометрической структуре. Ярче и полнее художественная идея выражена в окончательном варианте стихотворения «Дубровник».

Художественное время в тексте отражает историю и современность: взгляд лирического героя ретроспективный – из современности в историю. В стихотворении прошлое доминирует над настоящим: «Память камням отдана...». Созерцая средневековый монастырь, лирический герой представляет живой взгляд священника:

Смотрит на нас с полотна

Средневековый епископ.

Художественное пространство в произведении описано образом прошлого – монастырь святого Франциска. Он как часть церковной культуры изображен через обитателей («средневековый епископ», монах-францисканец) и рукотворные образы: стены, колоннады, плиты, иконы. В тексте художественное пространство концентрически сужается: стены монастыря – колонны собора – сам монастырь. Замкнутость изображается через мелкие художественные детали: капюшон монаха и водоем. Капюшон закрывает лицо францисканца, водоем как сооружение человеческих рук ограничен камнями. Завершает описание отраженный в водоеме капюшон францисканца. При изображении монастыря проявляются особенности ритмического рисунка: пять строк написаны с пиррихием на первой стопе (20, 23, 26, 33, 36), в этих строках встречаются образы епископа, изображенно на «полотне», икон мадонн, плит, водоема и капюшона. Создавая ограниченность и замкнутость художественного пространства монастыря, автор

использует приглушенные темные тона. Цветовая гамма также пространственно ограничена: лирический герой смотрит вдаль сквозь «синюю прорезь окна», отраженный в воде цвет неба выражен метафорой «синий эмалевый глянec». Искаженный розовый цвет присутствует при описании икон мадонн, тем самым создается эффект неестественности: «У розоватых мадонн/ Плавают жаркие свечи». Важен глагол «плавают», характеризующий не только активный процесс горения, но и раскрывающий глубинный смысл веры – внутреннее горение, жертвенность любви. Яркий оранжевый цвет, выраженный имплицитно («зреющие апельсины»), контрастирует с темной цветовой гаммой монастырских образов.

Описание монастыря в каноническом тексте соотносится с воспоминаниями Ю.Б. Софиева в «Разрозненных страницах», где он отмечал: «Тих и прекрасен внутренний двор этого монастыря, покрытый зеленым ковром подстриженной травы, с растущими апельсиновыми деревьями, обнесенный стройными арками клуатра». В «Дубровнике» лирического героя окружают «В темно-зеленой листве / Зреющие апельсины», он вместе со спутницей идет «... по траве / Вдоль колоннады длинной».

Покой и умиротворенность жизни монастыря передается образом тишины, усиленным паронимической аттракцией:

21. Этакую ТИШИНу

22. Кто же им дал в уТЕШеНье?

Разговорно-сниженная форма местоимения «этакая» в строке, по своему ритмическому строению (3-х-стопный дактиль с пропуском ударения на первой стопе – 3.2.0) соотносимой с 4, 7, 17, 20 стихами, нарушает стилистическое единство вертикального контекста. В этом вопросе звучит ирония, передающая отрицание замкнутости и статичности жизни [6]. Примечательно, что в прототексте «Рагуза» лирический герой восхищается умиротворенностью монастыря: «Эдакую тишину/ Дал же господь в утешенье!», используя восклицательную конструкцию.

Замкнутому миру монастыря противопоставлен мир природы как внутри монастыря, так и за его пределами. С миром природы связано изображение динамических образов: моря, полета голубей, оживляющих мерную, неторопливую жизнь монастыря. Сквозь ограниченность пространства прорываются живые естественные интонации. Мир

природы за пределами монастыря широк и просторен. Переходя от пристального взгляда из монастыря («Синяя прорезь окна») к прямому всеохватывающему, всеобъемлющему взгляду на город («Там, за стеною простоР, / ГоРод и белые башни»), автор меняет ритмометрические модели. Безграничное художественное пространство вне монастыря включает звуковые образы: «Рокот пРибоя всегдашний», «Дымят паРоходные тРубы». Наблюдается звуковая урегулированность: аллитерация звука «р». Описывая землю и находящийся на ней город, показывая простор и безграничность, автор устремляет взгляд лирического героя вдаль, постепенно переходящий вверх, высь. Сближаются земля, море и небо («Синяя линия гор / Рокот прибоя всегдашний»). К трем стихиям (земля, вода, воздух) добавляется четвертая – «В солнечном озаренье» (огонь). Слияние природных стихий символизируют сближение двух лирических героев-спутников – мужчину и женщину. Эмоционально-субъективное начало пронизывает всю вторую часть стихотворения «Дубровник»: «Рядом идем по траве», «Мы подошли к окну», «Вместе следим без слов». Два природных начала: мужское и женское сливаются в совместное «мы». Единство, состоящие из противоположностей, охватывает все художественное произведение – замкнутый (искусственный) мир монастыря и открытый (естественный) мир природы; «водоем из камней» в монастыре и безграничное море; живой «полет голубей» и их отражение в водоеме. Последнее четверостишие первой части «Дубровника» отражает водную и воздушную природные стихии:

И чайка на крыле скользит

В адриатические воды.

А в небе рвется и летит

Густой и черный дым *свободы* (выделено нами. – О.Д.).

Рифмуются слова «воды – свободы», свобода устремлена «в небо». Однако ее негативная характеристика «густой и черный дым» олицетворяет дым корабля, уходящего «в закат». В последних строках второй части стихотворения, посвященных человеческой душевной свободе, описываются природные образы неба и солнца:

Вместе следим без слов

В солнечном озаренье

Перистых облаков

Медленное движенье.

На фоне противоположных природных стихий, сливающихся воедино, проявляется единство мужского и женского начала. Взгляд лирических героев, устремленный вдаль, ступенчато переходит ввысь, в небо. Однако вверху, на фоне безграничного пространства, взгляд встречает преграды: «перистые облака». Замыкающийся круг природных стихий пытается разорвать взгляд человека, однако и он пресекается. Ритмический рисунок последних строк, написанных дольником, отражает напряженность этой борьбы. Характерная для многих произведений Ю.Б. Софиева, устремленность вверх здесь проявляется как стремление к душевной свободе. Порыв вырваться за рамки бренности человеческой жизни сливается с природными образами воды и неба. Примечательно, что сближение природы и человека отражается в ритмической организации первой части канонического текста, которая полностью отсутствует в первоначальном варианте. Доработанная часть включает четыре четверостишия. Первый и последний катрены имеют одинаковую систему рифмования – перекрестную (аВаВ), в них описывается природа. Вторая и третья строфы имеют кольцевую систему рифмования: вторую строфу «окольцовывает» – мужское окончание (аВВа), в третью – женское (ВааВ). Образы природных стихий, которые представляет замыкающийся круг, и формальные рифменные особенности создают эффект единства мужского и женского начала.

Таким образом, первоначальный художественный вариант «Рагуза» существенно трансформируется в канонический текст «Дубровник»: вторая часть прототекста исключается, первая дорабатывается: вносятся дополнительные образные характеристики, полностью отсутствующие в «Рагузе». В доработанном тексте представлены рукотворные образы (иконы мадонн, полустертые плиты) и природные (водоем из камней, зреющие апельсины). Все эти детали ярче и выразительнее описывают образ монастыря. В художественном произведении «Дубровник» появляется новая часть, полнее отражающая идею стихотворения, которая связана с раскрытием и утверждением гармонического единства человека с природой. Эта неразрывная слитность не признает пределов, канонов и догм, свойственных монастырской жизни. Не в прошлом, а в настоящем поэт утверждает красоту, вольность и радость бытия. В земной любви – в притяжении душ и соприкосновении

тел – он видит черты возвышенности и величия. Влюбленным, пронизанным «солнечным озарением», доступны глубинные таинства природы.

Вторая пара художественных текстов – «Каменщик и химера» (исходный, подготовительный текст) – опубликован в сборнике «Эстафета» в 1948 году [7, 33] (назовём этот текст первым вариантом); другой (основной, канонический) – «Он дышит едкой известью и пылью...» – напечатан в сборнике стихов Союза молодых поэтов и писателей, вышедшем в Париже в 1929 году [8, 27] (это второй вариант текста). Парадокс заключается в том, что прототекст (вариант I) был опубликован позже доработанного (канонического) текста (вариант II). Оба текста написаны пятистопным ямбом: первый вариант состоит из пяти строф, а во втором остаётся только три четверостишия. Совершенствуя первоначальный вариант, поэт исключает из заголовочного комплекса стихотворения название «Каменщик и химера» и посвящение («Посвящается А.Р.»), а также первый и последний катрены. В прототексте описание собора являлось доминирующим: величественно-плавное движение жизни концентрировалось вокруг храма, выраженного метафорой-приложением: «История медлительно течёт // У каменного корабля-собора». В абсолютном начале текста (начало стихотворения, строфы и строки) развёрнутой метафорой, включающей два эпитета (один из них в превосходной степени), поэт подчёркивал устремлённость средневекового культового здания вверх – к небу (выделим в описании аллитерацию – повтор звука «Л»): «Вот арок стрелечатых Легчайший взЛёт». Для архитектурных сооружений, построенных в готическом стиле, характерно стремление ввысь, в духовную высоту. Собор, являясь сосредоточением духовных и физических сил человека (небо недостижимо без земной опоры), казался монументально-величественным и порывисто-устремлённым. Антитезой выступает город (обратим внимание на иную звуковую урегулированность): «ПРизёмлился Под чеРеПицей гоРод». Примечательно, что оба ключевых образа вынесены в рифму: «город – собора».

Вторая исключённая из канонического варианта строфа была последней (пятой) в прототексте и являлась своеобразным эпилогом, раскрывающим авторский замысел. Взошедший «на шаткие леса» мастер-творец воплощает «через ночь и тьму // Земное человеческое счастье». Важно, что

именно в этой строфе проявляется нарушение метрической инерции: на фоне предшествующих 16-ти строк пятистопного ямба появляется единственная в тексте (17-я) шестистопная строка, характеризующая напряжённость борьбы: «Но вопреки ему (изваянию-химере. – *О.Д.*) и вопреки всему <...>». В противоборстве добра и зла торжествует светлое начало. Упрощённость разрешения конфликта и художественная «облегчённость» воплощения идеи заставили поэта отказаться от этой строфы в окончательном варианте.

При последующей художественной обработке существенно трансформируются оставшиеся строфы первого варианта. Меняется последовательность их расположения: третье четверостишие первого стихотворения открывает канонический текст. При этом отброшен первый стих, почти с публицистической открытостью характеризующий героя: «В суровой бедности он жизнь влачит <...>»; вводится новая строка, дополняющая описание трудовой деятельности: «Цементом связывает кирпичи». Художественный эффект этого четверостишия связан с тем, что появившиеся – кажущиеся: «Не чувствует (и мы не различим)» – крылья «за огрубелыми плечами» каменщика наполняют процесс созидания духовной сущностью. Важно, что в первой строфе-экспозиции особая (охватная) форма рифмования (АвВА) на фоне последующих перекрёстных (аВаВ); при этом в рифмопару попадают противопоставленные образы «пылью – крылья». Сохраняя свою позицию в текстах, существенно изменяется вторая строфа. Описание работы строителя («... Бьёт мерно молотом. Крошит резцом <...>» – пятая строка) заменяется пространственной характеристикой, выраженной метафорой: «Как высоко он – в небе голубом!». Мотив высоты дополняет духовно-нравственную характеристику героя-созидателя.

Поэт подчёркивает, что основными чертами образа каменщика являются не только профессиональное мастерство и высокие нравственные качества («Простой, упорный в малом и большом <...>»), а прежде всего – вера, его духовная наполненность и устремлённость, отсюда новая замена: «Очищенный молитвой и постом <...>». Примечательно, что в характеристике героя его анонимность («безвестный») заменяется христианскими добродетелями: «Смиранный каменщик средневековья». О.Э. Мандельштам отмечал: «Самый скромный ремесленник, самый последний

клерк владел тайной солидной важности, благочестивого достоинства, столь характерного для этой эпохи. <...> Нет равенства, нет соперничества, есть сообщничество сущих в заговоре против пустоты и небытия» [9, 21–22]. Духовность («тайна солидной важности»), присущая «каменщику средневековья», проявляется в стихотворении Ю.Б. Софиева. Таким образом, при доработке текста образ строителя собора обретает цельность характера, а его описание художественную выразительность.

В первоначальном и последующем текстах сохраняется образ химеры. В изобразительном искусстве скульптурные изображения фантастических чудовищ, олицетворяющих пороки, силы зла и т. п., составляли часть убранства соборов, построенных в готическом стиле. Особенно известны химеры у оснований башен собора Парижской Богоматери. Это фантастические и жутковатые фигуры с крыльями летучих мышей, козлиными рождками или змеиными головами, лебедиными шеями или орлиными когтями – аллегорические воплощения человеческих грехов. Они отпугивали от Нотр-Дам своих собратьев, нечистых демонов [10].

Отказываясь от названия «Каменщик и химера», для номинации образа, противопоставленного строителю-созидателю, поэт вводит перифразу «каменное изваяние»; при этом сохраняется описание мимики («Но, высунув язык на мир глядит <...>») и состояния («злое <...> изваянье») химеры. Оттачивая семантику глаголов, автор подчёркивает, что зло, вырываясь из настоящего («подтачивает, глит»), стремится охватить будущее («разрушит и ислит»). Избегая упрощённости проблематики (как это было в прототексте), Ю.Б. Софиев вводит в трагически напряжённый финал образ «любовь», дважды повторённый в тексте (примечательна рифмопара второй строфы «с любовью – средневековья»).

Таким образом, стремясь к воплощению художественного замысла, поэт тщательно вырисовывает образ строителя собора, при этом убирает упрощённые характеристики и прямолинейные оценки, усиливает духовную устремлённость героя. При раскрытии оппозиции «каменщик – химера» торжествует тёмное начало, однако духовная основа человека и собора, выраженная образом «любовь», остаётся непоколебимой. Примечательно, что в акмеизме проявляется соотноше-

ние литературно-художественного творчества с процессом строительства. Так, О.Э. Мандельштам отмечал: «Акмеизм – для тех, кто, обуянный духом строительства, не отказывается малодушно от своей тяжести, а радостно принимает её, чтобы разбудить и использовать архитектурно спящие в ней силы» [9, 19]. При сравнении двух вариантов текста допустимо утверждать, что Ю.Б. Софиев, «обуянный духом строительства», создает стихотворное произведение, кропотливо и плодотворно работая над образным словом.

Обобщая наблюдение над художественными текстами можно предположить о том, что взгляды поэта изменялись. С одной стороны, в стихот-

ворении «Он дышит едкой известью и пылью...» автор изображает строительство средневекового собора через духовный порыв. С другой стороны, стихотворение «Дубровник» он негативно относится к религиозному аскетизму, противопоставляя ему богатство и многообразие окружающей жизни. Говоря о творческом мастерстве Ю.Б. Софиева, можно отметить отдельные художественные детали, играющие важную роль при описании некоторых фрагментов и дополняющие смысл всего стихотворения. Значительное место занимают ритмометрические особенности; в поэтических произведениях автора отчетливо проявляются работа над художественной формой.

Библиографический список

1. Софиев Ю.Б. Годы и камни. / Софиев Ю.Б. – Париж: Объединение поэтов и писателей, 1936.
2. Софиев Ю.Б. Парус: Стихи. Составители Софиев И.Ю., Чернова Н.М. Предисловие Софиева И.Ю. / Софиев Ю.Б. – Алматы, 2003. – [Изд. 2, дополненное].
3. Круг. Вып. 1 – 1936.
4. Из неопубликованного.
5. Простор № 7, 1994. Разрозненные страницы.
6. Тюрин Г.А. Обложко Е.А. Ученые записки Орловского государственного университета. Т. IV. Серия: Литературоведение. Русская поэзия: проблемы поэтики и стиховедения / Научный редактор М.В. Антонова. Орел: Издательство Орловского государственного университета, ООО Полиграфическая фирма «Картуш», 2006. 116 с.
7. Эстафета: Сборник стихов русских зарубежных поэтов. Под редакцией И. Ясен, В. Андреева, Ю. Терапиано. – Париж – Нью-Йорк, 1948.
8. Сборник стихов. – Париж: Союз молодых поэтов и писателей, 1929. – Вып. 1.
9. Мандельштам, О.Э. Утро акмеизма. Избранное. / О.Э. Мандельштам – М.: СП Интерпринт, 1991.
10. Электронный ресурс: <http://ru.wikipedia.org/>.

O.E. DENISOVA

«HISTORICAL EMOTIONS» IN POET-EMIGRANT J. B. SOFIEV'S ART WORLD (problem of art mastery)

The purpose of given article – to track process of work of the talented poet over an art word and a way to creative skill. The historical perception of cultural monuments has left a deep trace in J. B. Sofieva's consciousness. The description of cathedrals and monasteries becomes one of the basic aspects in creativity of the author. Comparing variants of art texts is admissible to confirm about search of expression of art idea more brightly and more full.

Key words: «historical emotions», a variant of the art text, an art word, the art form, creative skill.

Я.О. ДЗЫГА, кандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры русской литературы XX века
Московского государственного областного университета
Тел. 8 903 775 22 65; disava@yandex.ru

ОБРАЗ РОССИИ В ЭМИГРАНТСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ШМЕЛЕВА И К.Д. БАЛЬМОНТА

Статья посвящена сравнению образов России в творчестве Шмелева и Бальмонта периода эмиграции. Исследование показывает, что у прозаика и поэта они во многом совпадают. Под влиянием Шмелева в бальмонтовском образе появляются устойчивые черты православной духовности. Приоритет природного перед бытовым отличает представления о России поэта и прозаика.

Ключевые слова: Шмелев, Бальмонт, эмиграция, образ России.

Если расцвет таланта автора «Богомолья» в годы изгнания никто не оспаривал, то наследие зрелого Бальмонта долгое время недооценивалось. Мнение Б.К. Зайцева об «упадке» и «слабости» позднего творчества поэта [1, с. 188] для многих было приоритетным. На сегодняшний день аргументированно доказано, что это положение устарело и требует серьезной корректировки [2, с. 15].

Предметом анализа данной статьи является образ России в эмигрантском творчестве Шмелева и Бальмонта, эволюция мотива Родины у каждого из двух писателей и влияние на него внелитературных факторов.

Поэт-символист и реалист «знаньевского» типа на родине не были знакомы. Эмиграция не только «растрепала» внутренние силы вынужденных изгнанников по принципу притяжения-непритяжения новой России, но и свела в одной человеческой и творческой плоскости вчерашних художественных оппонентов. Личное знакомство Шмелева и Бальмонта, добрососедские (на даче в Капбретоне), а потом и дружеские отношения переросли в искреннюю творческую заинтересованность, так что «<...> со второй половины 20-х годов они выступают как единомышленники» [3, с. 13]. Доминантной объединяющей темой творчества обоих художников стала Россия. Возможно, не без влияния Шмелева в ее прочтении у Бальмонта появляются православные мотивы и образы.

«Россия в Русском сердце – всюду» [4, с. 35], – эти слова поэта мог бы сказать и прозаик. Бальмонт признавался: «Мне было не однажды даровано высокое счастье <...> слышать, как самый русский из современных русских писателей говорит – как он может говорить о России» [2, с. 361]. Многие из посвященных Родине стихов либо вызваны впечатлениями от произведений Шмелева, либо посвящены ему, либо в нем нашли «исходную точку». Так, после очередного вечера, проведенного в семье Шмелевых, у имевшего репутацию «космополита» Бальмонта родились проникновенные строки о России: «Узнай все страны в мире, // Измерь пути морские, // Но нет вольней и шире, // Но нет нежней – России» [4, с. 8].

Для Шмелева родное было приоритетным и до эмиграции. Мобилизованный на фронт молодой солдат Жданов, герой рассказа «Три часа» (1915), терпеливо ждет, когда в окне поезда покажутся родные места: «<...> Пусть хоть болотина, где косили, пусть ручейшко, где когда-то лошадь поили, пусть хоть столбик на поле, неведомо для чего стоящий» [5: 322]. Ценность большой и малой Родины значительно выросла для героев и самого автора на чужбине. Так, в воспоминаниях малолетнего героя «Бого-

молья» (1931) даже воздух родного двора «<◇> пахнет как будто радостью» [5; 8, с. 34].

Ситуация вынужденного изгнания не только актуализировала образ России в творчестве писателей-эмигрантов, но и придала ему драматическое, а порой и подчеркнуто трагическое звучание. В «Солнце мертвых» (1923) Шмелева изображение поруганной России и ее униженного народа прочитывается как «обвинительный акт» человечеству. Хронологически и пространственно ограниченная история здесь уступает место «системе бытия», превосходящей по драматизму библейский Апокалипсис. Передавая свои впечатления от прочтения шмелевского произведения, И.А. Ильин писал: «<...> У меня нет такого чувства, чтобы это было “произведение”, или “произведение искусства”, или Ваше “сочинение”. А есть чувство, что это оно само, сама бездна первозданная, сама беда Божия!» [6, с. 21]. «Мучительная книга» [2, с. 164], – аттестовал «Солнце мертвых» Бальмонт.

В эмигрантском сборнике стихотворений поэта с символическим названием «Марево» (1922) апокалиптические ассоциации тоже связаны с мыслью о губительности времени попрания законов и разрушения устоев. Об этом стихотворения «Кровь и огонь», «Возмездие», «Российское действо», «Заснувший страх». Строки последнего прямо переключаются с эпикеей Шмелева: «Благая Воля, ужас был в избытке. // Терзаемых от гибели избавь, // И прекрати невыносимость пытки, // Где явь есть сон, и страшный сон есть явь» [4, с. 440].

Переживания о судьбе покинутой Родины, предощущение опасностей и бедствий, ей грозящих, в поэзии Бальмонта воплотились в символический образ набата: «Безвозвратно кончен день вчерашний. // Воплотился в яви жуткий сон. // С вечеровой высокой грозной башни // Бьет набат, в пожаре небосклон» [4, с. 407]. С сигналом тревоги связаны представления художника о роли поэтического слова и высокой миссии поэта в годы страшных испытаний, которые воплощаются одновременно в образах набата и благовеста: «Лишенный Родины, меж призраков бездушных, // Непонимающих, что мерный мудрый стих // Всемирный благовест средь сумраков густых, // Один люблюсь я на звенья строк послушных» [4, с. 425]. Немного позже в посвященном Шмелеву стихотворении «Песня дня и ночи» (1928) Бальмонт прибегает к аналогичным образам: «Мы оба в пламенах заката, //

На рубеже тяжелых лет, // На срывах ската вопль набата, // Разлитых зарев медный бред» [4, с. 86]. Начиная со сборника «Марево», в творчестве поэта наблюдается «<...> явственный стилевой «сдвиг» в сторону обнаженной публицистичности <...>» [7, с. 34], – заявили В. Куприяновский и Н. Молчанова.

Шмелев находил свои «глаголы осужденья» для описания «величия-ужаса» российской трагедии. Как русский человек и патриот писатель многократно высказывался на страницах эмигрантской печати, облекая слова гнева, боли, утешения и надежды в публицистические выступления. Главное достоинство России, по Шмелеву, в духовном величии ее народа: «Опаляющим огнем веры зажжем душу свою и народа душу, – и отвалим от гроба камень, дадим волю живым ключам. Как загорится тогда Россия, Живого Бога познавшая!» [5; 6, с. 572].

У обоих писателей запечатленная в сердце Россия вырастает прежде всего из воспоминаний. «Сладко в память заглянуть» [4, с. 60], – с грустью констатирует лирический герой Бальмонта. Мотив ностальгической памяти о прошлом один из ключевых в творчестве прозаика и поэта. Для автора «Богомолья» и «Лета Господня» это атмосфера детства, свет православия, мир чарующей русской природы, дорогие сердцу приметы прочного московского быта. Для влюбленного в целый мир поэта, в первую очередь, – неброский северный пейзаж.

«Родимая Мать», «родимая сторона», «Едиственный Край», «мой край», «Отчий Дом», – любовно именует Россию Бальмонт, как и Шмелев, выделяя приметы православной духовности в качестве знаковых для страны. В связи с темой России в творчестве Шмелева и Бальмонта возникают мотивы поруганных святых, греха и семантически связанные с ними мотивы вины, ответственности, сыновнего долга. При этом характер катастрофы осознается писателями в евангельских масштабах, что находит отражение в библейских аллюзиях: «О, Русский колокол и вече, // Сквозь бронзу серебра полет. // В пустыне я – лишь вскрик Предтечи, // Но Божий Сын к тебе идет» [4, с. 33]. Шмелев писал о смуте «последней истории российской» в статье «Крестный подвиг» (1924): «Это не из того Апокалипсиса. Это – из нашего. Это – Она, терновым венцом венчанная» [5; 6, с. 551].

Противовесом жестокому безвременью и у

Шмелева, и у Бальмонта является то, что согревает каждую человеческую жизнь, – тепло и ласка домашнего очага. Образ дома, любовно воссозданный Шмелевым в автобиографической дилогии, в творчестве Бальмонта обретает дорогие сердцу черты родителей. Духовно-душевный облик «хозяина благого», весельчака и фантазера Сергея Ивановича Шмелева сравним с описанием единственного и любимого отца из одноименного стихотворения Бальмонта: «Воспоминания, как зерна светлых четок, // Перебираю я, сдвигая к кругу круг, // И знаю, что всегда ты божески был кроток, // Как тишь твоих полей, как твой зеленый луг» [4, с. 60].

Символична последовательность поэтических произведений сборника «В раздвинутой Дали» (1929) Бальмонта: «Мать», «Отец», «Я». Торжественный пафос стихотворения «Я» – во всеобъемлющей и жертвенной любви к России: «Я меру яблочек взял от яблонь всех садов, // Я видел Божий Куст. Я знаю ковы Змия. // Но только за одну я всё принять готов, – // Сестра моя и Мать! Жена моя! Россия!» [4, с. 63]. Жизнеутверждающий настрой заключительной строфы стихотворения «Судьба» – закономерное следствие внешней и внутренней биографии поэта: «Судьба дает мне ведать пытки, // На бездорожье нищету. // Но в песне – золотые слитки, // И мой подсолнечник – в цветку» [4, с. 76].

У страстных поклонников солнца Шмелева и Бальмонта указанный символический образ одинаково активно включается в создание образа России. Природное и духовное значения образа солнца сосуществуют в художественном мире романа «Лето Господне» (1927–1948): «Два солнца ходят по русскому небу: солнце планетарное, дававшее нам бурную весну, каленое лето, прощальную красавицу-осень и благодатную белую зиму; и другое солнце, духовно-православное, дававшее нам весною – праздник светлого, очистительного Христова Воскресения, <...> в стужу – обетованное Рождество и духовно-бодрящее Крещение» [8, с. 382].

Таким же предстает солнце в цикле из четырех стихотворений Бальмонта, посвященных «Лету Господню» и его автору: «Весь мир наш измененный плох, // Он крик и стон, и вздох усталый, // Но я с тобою, мальчик малый, // И к нам подходит добрый Бог. // Взглянул – и синевою вышней // Заходит в солнечный Он свет, // А мы глядим в колодец лет // Под зацветающею вишней» [2, с. 298].

Как важная составляющая образа дома и родины солнце заливает страницы «Богомолья». Оно сопровождает героев на протяжении дня, влияет на их настроение, щедро одаривая радостью и весельем. Для маленького Вани солнце – сама жизнь, размеренно текущая на родном дворе. Оно так естественно в нее вписано, что ребенок совсем не удивлен рассказом отца о том, как дедушка пил чай с солнцем: «Да... дней семь-восемь в году всего и заглянет сюда к нам в щель. Дедушка твой, бывало, всё дожидается, как долгие дни придут... чай всегда пил тут с солнышком, как сейчас мы с тобой. И мне показывал. <...> А теперь я тебе. Так вот всё и идет... <...>» [5; 8, с. 36].

Мечта о возвращении на Родину – лейтмотив жизни и творчества прозаика и поэта в эмиграции. Любовь к родному солнцу – синоним любви к России. Об этом строки письма Шмелева к О.А. Бреддиус-Субботиной: «Бог даст, <...> – мы увидим родное солнце. Хочу верить» [9, с. 386]. Об этом и поэтические грёзы Бальмонта: «Солнце – мертвым даже светит. // Солнце мертвых нас заметит. // Позовет нас в час веселый // На родные наши доли!» [2, с. 374].

В сознании изгнанников дореволюционное прошлое предстало настолько идеализированным, что мотив возвращения на Родину в их творчестве может прочитываться как мотив возвращения в рай: «В тех днях, когда по далям луга // Светился златом изумруд, // И так любили все друг друга, // Что луч оттуда светит тут» [2, с. 179].

Распадение жизни на благословенное «до» и горькое «после» по-своему отразилось в художественном мире писателей-эмигрантов: антитетически противопоставлены пространственные («здесь» и «там») и временные («тогда» и «теперь») категории. В описании «чужого воздуха» неприветливой Европы у Шмелева и Бальмонта обнаруживается концептуальное единодушие. Оба сходятся в неприятии европейской узости, упраздняющей понятие духовности и низводящее бытие до заурядного существования. В описании чуждых ценностей у писателей одинаково возникают мотивы жизненной пошлости, тщеславия, преклонения перед разумом и попрания веры. «Взгляните на великие города – точные отражения нашей жизни, – на эти торжища человеческого стада, рвущегося за мясом жизни! Нет уже духа жива <...>» [5; 6, с. 568], – с горечью констатирует Шмелев. Ему вторит Бальмонт: «Здесь вежливо холодно к бесу

и к Богу, // И путь по земным направляют звездам. // Молю Тебя, Вышний, построй мне дорогу, / / Чтоб быть мне хоть мертвым в желаемом там» [4, с. 43].

В создании образа России Шмелев и Бальмонт не обходятся без фольклорных образов Жар-птицы, бабы Яги, волшебного града Китежа. Образы одного ряда, они получают разное наполнение в творчестве двух писателей. Так, у Шмелева они становятся пугающими знаками страшной «интернациональной сказки»: «Сказка ли это? Это же подлая быль поработанной Руси, где миллионы душ пущены на навоз для неведомой жатвы будущего!» [5; 6, с. 572].

И для Шмелева, и для Бальмонта образ России немислим без памяти о величии ее главного города – Москвы [10].

В обращении к историческому прошлому – залог надежды на грядущее возрождение России. Показательно, что из числа лиц, просиявших в историческом и культурном прошлом страны, прозаик и поэт часто выделяют одни и те же персоналии. В «великом сонме Святых России» у Шмелева особо отмечены Сергей Радонежский, Тихон Задонский, Серафим Саровский; в числе гениев государственной мысли – Александр Невский, Калита, Дмитрий Донской, Петр I; в ряду «одаренных творчеством» – Пушкин, Достоевский, Толстой, Чехов. У Бальмонта это Сергей Радонежский, Серафим Саровский, князь Олег, Петр I, Ермак, герои войны 1912 года; в литературе – Фет и Пушкин: «Ты вскрикнул: «Пушкин!» Вот он, светлый бог, // Как радуга над нашим водоемом. // Ты в черный час вместишься в малый вздох. // Но

завтра – встанет! С Молнией и громом!» [4; 5, с. 155–156]. Для обоих писателей Пушкин – олицетворение гения русского народа, самой России. Надломленный годами эмиграции, но не потерявший надежды на заветное возвращение, Шмелев писал Ильину: «Жду России – судорожно <...> хватаюсь за Пушкина» [11, с. 128].

Еще одна примета одаренности народа – богатый «мыслью» и «мощью» русский язык. И для прозаика, и для поэта великолепие родного языка не только свидетельство духовного величия России, но и залог ее грядущего воскресения. По Шмелеву, слово творящее – великая сила, в ней связь поколений и преемственность культуры, Правда Слова Божья. В недрах «могучего», «красивого», «творческого», «самородного» русского языка, по мнению Бальмонта, таится загадка русской души. Полиглот и эстет, искушенный прелестью многих языков, поэт с восторгом писал Шмелеву: «Какие есть русские слова! Объединение (для души)» [2, с. 60].

Как показал проведенный анализ, образы России у Шмелева и Бальмонта периода эмиграции во многом перекликаются. Главными сопрягающими элементами здесь являются любовь к утраченной Родине, условия эмиграции и дружеское общение художников. Изменения, происходящие с образом России в творчестве автора «Богомолья», могут расцениваться как усиление национального начала. В прочтении того же образа у Бальмонта появляются новые, усиленные общением со Шмелевым черты православной духовности. Приоритет природного перед бытовым отличает представления о России обоих русских писателей.

Библиографический список

1. Зайцев Б.К. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 6 (доп.). – М.: Русская книга, 1999. – 555 с. – ISBN 5-268-00446-8.
2. Константин Бальмонт – Ивану Шмелеву. Письма и стихотворения. 1926–1936 / Сост., вступ. ст., коммент. Л.М. Азадовского, Г.М. Бонгард-Левина. – М.: Наука; Собрание, 2005. – 431 с. – ISBN 5-02-034252-1.
3. Куприяновский П.В., Молчанова Н.А. Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба. – Иваново: Изд-во «Иваново», 2001. – 469 с. – ISBN 5-85229-038-6.
4. Бальмонт К.Д. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 4. – М.: Книжный Клуб *Книголек*, 2010. – 464 с. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы. – ISBN 978-5-904656-82-9.
5. Шмелев И.С. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 4. – М.: Сибирская Благовонница, 2008. – 574 с. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы. ISBN 978-5-91362-064-4.
6. Ильин И.А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1927-1934). – М.: Русская книга, 2000. – 560 с. ISBN 5-268-00485-9.
7. Куприяновский П.В., Молчанова Н.А. К.Д. Бальмонт и его литературное окружение. – Воронеж, ФГУП ИПФ «Воронеж», 2004. – 198 с. ISBN 5-89981-328-8.
8. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. Кн. 1. – М.: Русская книга, 1996. – 560 с. – ISBN 5-268-01393-9.

9. Шмелев И.С. Переписка с О.А. Бредиус-Субботиной. Неизвестные редакции произведений. Т. 3 (доп.). Ч. 1. – М.: РОССПЭН, 2005. – 792 с. – ISBN 5-8243-0424-6.
10. Дзыга Я.О. «Одно лишь слово нужно мне: Москва» (Столица в художественном сознании И.С. Шмелева и К.Д. Бальмонта) // X Виноградовские чтения. Москва и «московский текст» в русской литературе XX века. – М.: МГПУ, 2007. – С. 28-36. – ISBN 978-5-243-00222-6.
11. Ильин И.А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1935–1946). – М.: Русская книга, 2000. – 576 с. – ISBN 5-268-00487-5.

Y.O. DZUGA

THE IMAGE OF RUSSIA IN EMIGRANT WORKS OF I.S. SHMELEV AND K.D. BALMONT

The article deals with comparison of the images of Russia in works of Shmelev and Balmont in the emigration period. The research shows that the prose writer and the poet have the images coincided in many things. Stable features of orthodox spirituality have been appearing in Balmont's image under the influence of Shmelev. The priority of Nature over Everyday life distinguishes ideas of the poet and the prose writer about Russia.

Key words: Shmelev, Balmont, emigration, the image of Russia.

*М.М. КАТКОВА, соискатель кафедры русской литературы
XX–XXI веков и журналистики МПГУ
Тел. 8 919 761 20 43; katkova_mm@yahoo.com*

УЧЕНИЕ Н. ФЁДОРОВА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ТВОРЧЕСТВО А. ПЛАТОНОВА В РЕЦЕПЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КРИТИКОВ

В статье рассматривается влияние философских идей Н. Фёдорова на мировоззрение А. Платонова и художественное воплощение этих идей в произведениях писателя в рецепции англоязычных критиков.

Ключевые слова: А. Платонов, философия Н. Фёдорова, рецепция, англоязычное литературоведение.

Многие англоязычные исследователи давно отметили связь творчества Платонова с философией Н. Фёдорова, оказавшей влияние на мировоззрение писателя. Такие англоязычные слависты как Э. Тески, Т. Сейфрид в своих работах детально проработали истоки философского мировоззрения писателя, ибо без глубокого изучения фёдоровских идей невозможно дальнейшее рассмотрение его творчества и в частности двух основных произведений писателя романа «Чевенгур» и повести «Котлован». На протяжении последних двух десятилетий англоязычные платоноведы видели разное проявление фёдоровского учения в творчестве Платонова в зависимости от того, какими научными подходами они пользовались при рассмотрении данного вопроса.

Одной из первых монографий о влиянии работ Фёдорова на писателя Платонова была работа «Platonov and Fyodorov: The Influence of Christian Philosophy on a Soviet writer» (1982) (Перевод здесь и далее – М.К.: «Платонов и Фёдоров: влияние христианской философии на советского писателя») английской исследовательницы Эйлин Тески. Интересно то, что, несмотря на заявленную в названии тему, исследовательница не говорит о собственно христианском влиянии идей Фёдорова на Платонова. Особое внимание она уделяет влиянию идей А. Богданова на раннее творчество писателя: идея значимости работы в жизни человека, в возможность усовершенствования мира общими усилиями, а также вера в технику как основное «оружие» борьбы человека со стихией. Учение Богданова, по мнению Тески, впоследствии было критически осмыслено Платоновым, который начал принимать учение Н. Фёдорова, воссоздавая свое понимание революции в свете фёдоровской веры в физическое «бессмертие» и идеи «воскрешения отцов», которое с точки зрения Платонова произойдет при контроле природы с помощью научных знаний. Исследовательница показала сходство идей Богданова и Фёдорова и проанализировала влияние данных идей на становление творческих взглядов писателя, который с ее точки зрения «объединил» революционную теорию Богданова с метафизическим учением христианского философа-мистика. В то же время Тески считает, что отношение Платонова к данным идеям претерпело изменение в конце 20-х годов XX века, когда его вера в возможности человечества сменилась разочарованием. Исследовательница приходит к выводу о переосмыслении писателем идеи «бессмертия» и «воскрешения», которые для него уже не связаны с научным прогрессом и борьбой человечества со стихией природы. [7, р. 94–101] Надо отметить, что работа Тески была первым исследованием на английском языке о философии Н. Фёдорова и ее влиянии на творчество Платонова, по-

этому несмотря на важные выводы в ней присутствует некая схематизация философских идей Платонова.

Тема влияния философии Фёдорова на становление художественного мировоззрения писателя занимает важное место в работах американского слависта Томаса Сейфрида, который решительно подчеркивает, что Платонов имеет свою собственную идиосинкразическую позицию внутри данного интеллектуального контекста: «His worldview is complex and sometimes contradictory, eluding reduction to any single doctrine or set of intellectual influences. Even the ideas one finds in his works that were popular in the late 1910s and 1920s in Russia tend to sound there in ways peculiar to Platonov.» («Его мировоззрение сложное и иногда противоречивое, избегает любого подражания какой-то одной доктрине или какого-то одного интеллектуального влияния. Идеи, которые можно найти в его работах и которые были популярны в конце 1910–1920-х гг. в России, приобретают свою собственную значимость в работах Платонова.») [5, p. 35]

Несмотря на то, что утопическая философия Фёдорова, основанная на идее православной соборности, воспринимается Сейфридом как «эксцентричная теория» [5, p. 47–49] в силу ее «вульгарного материализма» и определенной научной наивности, исследователь говорит о влиянии этой теории на становление «онтологической» философии писателя – идеи о «бессмертии» и «воскрешении».

По Фёдорову основной философской и моральной дилеммой, с которой сталкивается человечество является физическая смерть, факт, что живя в материальном мире, мы умираем от материальных причин и Платонов усвоил эту фёдоровскую мысль, по мнению исследователя. Человечество замкнуто в порочном круге воспроизводства потомства, которое вместо того, чтобы возобновлять жизнь только увековечивает смерть, которая держит людей в состоянии враждебности и разобщенности. Более того, для Фёдорова данный замкнутый круг порождает телеологическую слепоту, с которой люди гнались за технологическим прогрессом, пренебрегая своими предками.

Фёдоров был убежден в братских отношениях между людьми, поскольку они произошли от единого «природного отца», но подчинение законам энтропии – неизбежному свойству всех вещей к распаду и смерти – приводит их к трагическому

пренебрежению своими предками и к отчуждению друг от друга. Подобно Марксу Федоров хотел изменить мир и первой задачей человечества видел воздержание от сексуальных взаимоотношений, приводящих к размножению, и, следовательно, лишь увековечивающих природный порочный круг. Вместо этого люди должны восстать против «слепой силы природы» и осознать свое положение в качестве сыновей умерших отцов. Эта фёдоровская идея отказа от полового влечения и воспроизведения потомства повлияла на Платонова и проявилась в ряде его произведений, убежден исследователь, хотя здесь он просто констатирует влияние, не приводя конкретных примеров.

Повторяющиеся темы сиротства, подчинения враждебному материальному миру, сомнамбулическое состояние, в котором существуют голодающие и изнуренные платоновские персонажи, – все это отсылает нас к идеям Фёдорова с точки зрения Сейфрида. [5, p. 51] Именно в фёдоровском учении исследователь видит истоки одного из основных мотивов Платонова – мотива смерти. И если тема «воскрешения», пронизывающая практически все работы Платонова, постепенно утрачивает свой первоначальный смысл – писатель отказывается от предложенной Фёдоровым утопии и от надежды на воскрешения мёртвых, – то сопутствующие данной теме мотивы смерти, одиночества, памяти продолжают существовать в произведениях писателя.

Иллюстрируя влияние Фёдорова на «онтологическую» философию Платонова, американский исследователь обращается к роману «Чевенгур», который, по его мнению, буквально «изобилует фёдоровскими идеями» [5, p. 52]. Роман открывается изображением социально-маргинальных персонажей – «необразованных» или «неученых» по Фёдорову – борющихся за выживание в условиях жестокой засухи. Главный герой произведения Саша Дванов, осиротевший после самоубийства отца, странствует по провинциальной России в поисках смысла. Пестрая лента персонажей, объединенных нелепым усилием построить коммунистическую утопию в богом забытых степях, усиливает ощущение одиночества и заброшенности перед лицом враждебной природы, то, что Фёдоров констатировал как человеческую трагедию. Проект, который они осуществляют, объединяясь в радикально эгалитарное и исключительно мужское сообщество, и который призван защитить их

от внешнего воздействия, восходит к фёдоровским указаниям изменения природы человеческого существования. Однако дальнейшая участь подобных философских идей в романе чрезвычайно иронична, считает исследователь. Чевенгурский проект терпит неудачу из-за приближения зимы и вторжения бандитского казачьего отряда в город. Дванов «возвращается» к своему отцу, но, не воскресив его, а утопив себя в том же озере. Сейфрид говорит о том, что подобное отчаяние по поводу проектов Фёдорова присутствует и в более поздних произведениях писателя, в частности в произведении «Джан» (1933–35) [6, 110–126] Таким образом, американский славист делает вывод об отказе Платонова от предложенного Фёдоровым утопического видения мира.

Интересное прочтение фёдоровских тем в романе «Чевенгур» предложил американский славист Элиот Боренштейн, занимающийся исследованием русской литературы и культуры с позиции теории гендера. В своей работе «Men without women: masculinity and revolution in Russian fiction 1917–1929» (2000) («Мужчины без женщин: маскулинизм и революция в русской литературе») он приходит к выводу, что в основе повторяющейся в романах писателя темы безграничной жажды героями утопии и темы смерти, сопровождаемой мотивом одиночества и памяти, находятся внутрисемейные отношения, в частности отношения сыновей и отцов. Главу, посвященную анализу «Чевенгура» исследователь обозначил как «Chevengur. Buried in the Family Plot», что обыгрывает основную тему романа с сопутствующими ей мотивами – смерти и памяти, так как слово *plot*, с одной стороны, означает сюжет художественного произведения, с другой – место на кладбище, что в сочетании со словом *family* приобретает значение – семейное кладбище. Таким образом, название главы приобретает каламбурное значение – «Чевенгур. Похороненные на семейном кладбище.» [4, p. 226]

Сравнивая героев Платонова с революционными героями И. Бабеля и Ю. Олеши, Боренштейн подчеркивает, что мужчины в чевенгурском коллективе – не бунтующие сыновья, а сироты, у которых нет семьи, чтобы отвергать ее. Поэтому платоновские герои не соперничают с отцами (за исключением Прокофия Дванова), а продолжают оплакивать своих погибших родителей. Таким образом, исследователь полагает, что, несмотря на то, что платоновские персонажи в Чевенгуре ста-

вят товарищеские отношения выше семейных связей, преобладание мужского коллектива является «не столько результатом осмысленного идеологического выбора, сколько своего рода компенсацией отсутствия родителей в их жизни.» [4, 249] Надо отметить, что подтверждение идеи американского слависта о приобретении социума взамен отцов можно найти в тексте самого писателя. «И жизнь прочих была безотцовщиной – она продолжалась на пустой земле без того первого товарища, который вывел бы их за руку к людям, чтобы после своей смерти оставить людей детям в наследство – для замены себя. У прочих не хватало среди белого света только одного – отца <...>» [2, с. 290] Платоновские прочие были лишены отцовского руководства до того, как они стали членами общества, а чевенгурские идеологи заменяют им их семьи социально-утопическим порядком, в котором они мало нуждаются. Именно поэтому оценка другого американского слависта Эрика Наймана, рассмотревшего роман Платонова с точки зрения психоанализа и определившего отношения товарищей внутри Чевенгура как гомозотические, представляется довольно грубым упрощением, хотя прочтение текста во фрейдистском ключе предоставляет исследователю такую возможность.

Тема воскрешения отцов в романе, по мнению Боренштейна, утрачивает собственно фёдоровский смысл и также сопровождается постоянными платоновскими мотивами. В романе присутствует ощущение смерти и, едва вступив в жизнь, Саша Дванов озабочен ею. Исследователь называет подобное стремление героя некрофилическим и связывает его с эмоциональной привязанностью к отцу. Именно это чувство, полагает Боренштейн, заставляет Дванова принять революцию, понимаемую им как «конец мира». Объединяя революцию со смертью, Дванов осознает через нее свою связь с умершим отцом чувствуя свое одиночество и «несовершенство» в этом мире и, в конечном счете, идет путем своего отца, то есть путем самоубийства.

Мотив одиночества и сиротства в романе рассмотрел английский переводчик текстов Платонова Роберт Чандлер. Хотя в статье Чандлера нет прямого указания на учение Н. Фёдорова, но совершенно понятно, что исследуя основные мотивы творчества Платонова, он подспудно выражает свое отношение к учению философа. По мне-

нию Чандлера в романе «всплыло удивительное обилие богатого и, большей своей частью – болезненного материала, которым писатель не до конца владел» [3, с. 178]. Поэтому стремление главного героя к смерти исследователь воспринимает как знак душевного нездоровья. [3, с. 179]

Таким образом, следует отметить, что все англоязычные исследователи в разной степени отмечают влияние философии Н.Фёдорова на становление творческого мировоззрения А. Платонова. При всем разнообразии научных подходов к платоновским текстам исследователи приходят к схожим выводам – несмотря на то, что утопическое учение Фёдорова было переосмыслено писателем, оно оказало большое влияние на творческие взгляды писателя. Так Т. Сейфрид, отмечая влияние идей мистического философа Фёдорова на творчество Платонова, говорит об отсутствии рациональности, строгих критерий общественной пользы данной философии, но в то же время, – об ее одухотворенной нравственной целесообразности. Надо отметить, что англоязычные исследователи Платонова говорят об эксцентричности философского утопического учения Фёдорова возможно потому, что оно чуждо конкретным социальным реконструкциям общества, поскольку является синтезом религиозных и естественнонаучных идей, в которых акцент с идеального утопическо-

го государства смещается на «утопического» человека, приобретая скорее антропологический аспект, нежели социальный. Именно поэтому социальная утопия А. Богданова с ее идеей технического совершенства будущего и исключением духовно-мистического начала является более понятной для исследователей (Э.Тески, Т. Сейфрид), которые говорят более о влиянии идей Богданова на раннее творчество Платонова, нежели о философии Фёдорова. Таким образом, мистико-философские прозрения Н. Фёдорова (а следовательно и традиция русской утопии и многие христианские идеи Ф.М. Достоевского, который предвосхитил идеи Фёдорова, пытаясь отыскать гармонию между уровнем технических достижений человечества и духовным статусом людей) остаются в некоторой степени непонятными для англоязычных исследователей. Вероятно это происходит оттого, что философия Фёдорова остается довольно сложной для рационального познания. Так американский исследователь творчества Платонова и автор первой критической статьи о писателе на Западе А.Киселев (подписано А. Александров), впервые отметив факт знакомства писателя с работами русского философа-мистика Н. Фёдорова, отметил: «Философия Н. Фёдорова, чьим последователем, в той или иной мере, был Андрей Платонов, очень сложна и нелегко воспринимается сознанием». [1, с. 135]

Библиографический список

1. Александров А. «О повести «Котлован» А. Платонова» // GRANI № 77, October 1970. – С. 134–143.
2. Платонов А. Чевенгур. – М., 1988. – 413 с.
3. Чандлер Р. Сиротство: Саша Дванов и Назар Чагатаев // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып.6. – М., ИМЛИ РАН 2005. – С. 178–182.
4. Borenstein, Eliot Men without women: masculinity and revolution in Russian fiction 1917-1929. – London: Duke University Press, 2000. – 346 pp.
5. Seifrid T. A Companion to Andrei Platonov's The Foundation Pit. – Boston, 2009. – 196 pp.
6. Seifrid T. Andrei Platonov. Uncertainties of Spirit. – Cambridge, 1992. – 288 pp.
7. Teskey A. Platonov and Fyodorov: The Influence of Christian Philosophy on a Soviet writer. – Amsterdam, 1982. – 182 pp.

M.M. KATKOVA

Article under discussion illustrates reception of influence of N.Fyodorov's philosophical ideas on A. Platonov's world-view and artistic realization of these ideas in the writer's works by English-speaking critics.

Key words: A. Platonov, N. Fyodorov's philosophy, perception, English-speaking critics.

Л.Н. КОЛЕСНИКОВА, кандидат филологических наук, доцент
 Орловского государственного университета, член-корреспондент
 Международной академии наук педагогического образования,
 член Российской риторической ассоциации, член Союза журналистов России
 Тел.: 8(4862) 74-42-17 (дом.), моб.: 89616229635; kolesnikova7@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ИМИДЖ СОВРЕМЕННОГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Статья посвящена актуальной педагогической проблеме – формированию образа (имиджа) современного преподавателя, оказывающего благотворное воздействие на аудиторию.

Ключевые слова: имидж, образ, педагог-ритор, риторическая личность, имиджелогия.

Профессиональный имидж современного преподавателя – это одна из актуальных педагогических проблем, решение которой свидетельствует о профессиональной компетентности и профессиональной культуре преподавателя. Внешний вид человека, его речь, манеры, культура общения и поведения создают **индивидуальный образ личности** и оказывают определенное (положительное или негативное) **воздействие** на окружающих. Термин **имидж** получил распространение во всем мире и привнес практически во всех языковых культурах. Этимологическое понятие имиджа восходит к французскому *image*, что означает образ, представление, изображение. Имидж (англ. *image*) – образ, т.е. визуальная привлекательность личности, самопрезентация, конструирование человеком своего образа для других. По В.И. Далю, образ – это вид, внешность, фигура, портрет и он связан со временем. В современном понимании **имидж** – это сложившийся в массовом сознании и имеющий характер стереотипа эмоционально-окрашенный **образ** кого-либо или чего-либо.

Существуют две точки зрения по поводу возникновения имиджа. Одни авторы уверены в том, что имидж личности интересовал людей с незапамятных времен и соответствующий имидж фиксировали прозвища: *Ярослав Мудрый, Иван Грозный, Карл Великий* и т.д. Другие полагают, что слово «имидж» в нынешнем его понимании стали употреблять лишь с развитием телевидения. Мы думаем, что само «понятие» имиджа существовало испокон веков, и это отражено в народной мудрости, например, в известных пословицах: «По одежке встречают, по уму провожают» и «Встречают по одежке, провожают по манерам». Однако активно использовать термин имидж стали, действительно, в последние годы XX века. Дейл Карнеги в свое время вполне справедливо писал: «Люди судят о нас на основании того, как мы выглядим, что мы делаем, что и как мы говорим». В настоящее время проблеме имиджа изучают во всем мире различные ученые: английский специалист по деловому общению П. Берд, Л. Браун, Д. Ягер. В России – академик В.М. Шепель, Л.К. Аверченко, Н.В. Муравьева, И. Криксунова, Л.Н. Колесникова и др. Имидж изучается в психологии, социологии, рекламной деятельности, в педагогике, в педагогической риторике, в общей риторике. В отечественной науке формируется **имиджелогия** как новая отрасль современного человековедения. В.М. Шепель в своей книге «Имиджелогия: секреты личного обаяния» отмечает, что имиджелогия – это наука и искусство нравиться людям. Это помогает избежать оскорбительных конфликтов. Личное обаяние можно рассматривать как гарантийный фактор здорового образа жизни» [Шепель, 2002: 79].

Существует несколько подходов к исследованию имиджа. Мы рассматриваем *имидж преподавателя* с позиций педагогической риторики, основоположником которой является древнеримский философ-ритор Квинтилиан (42–118 гг. н.э.), писавший в своем сочинении «О воспитании оратора», что учителем может быть высокообразованный человек и только тот, кто любит детей, понимает и изучает их. Учитель должен быть сдержанным, тактичным, знать меру похвал и наказаний, *являть собой пример нравственного поведения* для учеников. Основная мысль в учении Квинтилиана заключается в следующем утверждении: «Прежде чем стать хорошим оратором, стань сначала хорошим человеком».

Современный преподаватель не может не быть ритором, оратором, ибо он транслирует свои знания через свою речь, слово, речевое общение и поведение. В речи выражен весь человек: его нравственность, ум, чувства, отношение к собеседнику. Перефразируя мысль Квинтилиана, можно утверждать: *«Прежде чем стать преподавателем, надо стать сначала хорошим человеком»*. Тем, как педагог общается с учащимися, он их воспитывает. Поэтому каждое слово педагога, его взгляд, жест, обращение к ученику – все должно быть подчинено задаче воспитания человека высокой культуры. Культура педагогического общения складывается на основе многих известных условий, в том числе на умении вести гармонизирующий диалог с аудиторией, умении *проявить свои лучшие качества*: спокойствие, доброжелательность, обаяние, умение нравиться и умение вместе с аудиторией приходиться к определенным выводам и решениям. Эталон строгости и недоступности не говорит о профессиональной культуре педагога. «Крик – это самый верный признак отсутствия культуры человеческих отношений» (В. А. Сухомлинский). Поэтому для каждого преподавателя важно иметь свою концепцию стиля поведения и свой профессиональный педагогический имидж.

В педагогическом общении значимо воспитание собственным поведением, ибо *внешность, улыбка, взгляд, речь, голос, позы, походка*, – все движения педагога оказывают *воспитательное воздействие*. Вследствие этого надо всегда держать форму: любезность и приветливость, обаяние и забота должны быть стилем педагогического поведения. Сегодня востребован *демократи-*

ческий стиль общения – диалог равных собеседников. Движущая сила личности в воспитательном процессе состоит в том, что только личность может воспитать личность, только характером можно образовать характер. Как справедливо указывал К.Д. Ушинский, личность воспитателя значит все в деле воспитания. К.Г. Юнг, видный психоаналитик XX века, подтверждает эту мысль: «Никто не в состоянии воспитать личность, если он сам не является личностью». *Личность преподавателя* создает в аудитории особую ауру, атмосферу, которая в зависимости от психологического склада и этико-эстетических установок индивида, благоприятствует или не благоприятствует творческому общению, активному восприятию и пониманию. Эффективность преподавания предопределяется общей гармоничностью склада педагога и в первую очередь позитивностью его Я-концепции; преподаватель учит, прежде всего, *к о з о-т о*, и только во вторую очередь *ч е м у- т о*.

Имидж современного педагога как представление о его внутреннем облике отражен в словах В.В. Давыдова, который, будучи президентом Российской Академии образования, однажды на открытии съезда учителей сказал: «Я знаю, что здесь собрался *цвет* учительства... и вижу, что этот цвет – серый». Исследования, проведенные В.Н. Черепановой, показывают, что в списке десяти необходимых для педагога качеств сами учителя отводят современному имиджу лишь восьмое место [Красношлыкова 2002: 23]. Учащиеся ставят имидж педагога на почетное второе место, формулируя тем самым свой социальный заказ, так как *«Никто не может ничему научиться у человека, который не нравится»* (Ксенофонт). Надо знать и помнить о том, преподавателя всегда объективно оценивает только его аудитория: она «быстрее подмечает недостатки, чем достоинства» (Цицерон). И, если аудитория уважает и любит преподавателя, значит, есть за что. Поэтому *положительный имидж* очень важен для педагога, так как является одним из критериев его *профессиональной пригодности*.

Мы вводим в науку термин *педагог-ритор*, ибо современный педагог не может не быть ритором, т.е. человеком, способным научить, убедить и воспитать аудиторию своим словом и нравом, своим речевым поведением. Воспитание – это культурно-образовательный процесс на протяжении всей человеческой жизни. В современном вузе

происходит воспитание личности на аудиторных и внеаудиторных занятиях, в которых важную роль играет педагог-ритор, как эталонная модель, образец, пример для подражания. Имидж педагога складывается в процессе восприятия другими людьми его **внешности, характера, нрава, особенностей поведения и манеры общения**. Имидж связан с самой **личностью** педагога-ритора, с его этическими или нравственными, интеллектуальными, эмоционально-чувственными, эстетическими и психологическими характеристиками, проявляющимися в вербальном и невербальном общении.

У имиджа каждого человека есть элементы, достающиеся ему по наследству от природы: рост, телосложение, черты лица и т.д. Свои врожденные физические особенности можно подчеркнуть или замаскировать одеждой, прической, умелым макияжем и т.п. Интеллигентный человек производит впечатление, что в нем все гармонично и уравновешено: начиная от цвета и опрятности костюма и кончая обращением с окружающими и манерой поведения. Вспомним мысль А.С. Пушкина: «Быть можно умным человеком и думать о красе ногтей».

Имидж педагога-ритора складывается в процессе восприятия другими людьми его внешности, особенностей поведения и манеры общения.

Можно выделить два основных уровня имиджа:

а) *уровень формирования имиджа*, то есть анализ тех причин, которые задают то, что, в конечном счете, мы воспринимаем, когда слушаем и видим говорящего человека;

б) *уровень реализации*, воплощения имиджа, то есть анализ тех компонентов, из которых складывается то, что мы воспринимаем [Муравьева, 1998: 28].

Педагогико-риторический подход к имиджу позволяет рассматривать его в рамках риторического канона, наблюдаемых особенностей образа говорящего. Обычно выделяют три аспекта имиджа:

а) *лингвистический* или собственно речевой: речь оратора в этом случае рассматривается, исходя из трех основных понятий: нормы, «приемы» (+), «ошибки» (-);

б) *паралингвистический*: рассматриваются основные характеристики голоса (интонация, звучность, темп, тембр), исходя из тех же понятий;

в) *кинетический*: анализируются мимика – жест – поза, исходя из понятий «уместно/неуместно».

Н.В. Муравьева высказывает сомнение в том, что «сегодня в рамках русской культуры неясно, насколько «портретный» аспект является важной составляющей имиджа» [Муравьева, 1998: 28]. Под портретной характеристикой понимается телосложение ритора, особенности лица, одежда, макияж и так далее. Однако мы, следуя народной мудрости, думаем, что и сегодня «по одежке встречают, по уму (по манерам) провожают». Поэтому мы выделяем также **портретно-предметно-именной аспект имиджа**, в котором анализируются:

- воздействие внешнего вида,
- специфика преподаваемой учебной дисциплины,
- воздействие имени преподавателя,
- качества характера (нрава) педагога,
- его речевое поведение и воздействие – вербальное и невербальное.

Внешний облик преподавателя (как и любого человека) воспринимается, как правило, *в связи с характером и именем человека*, с учетом его деловых и прочих социальных и нравственных качеств. Так, например, студенты Орловского государственного университета (далее читать – ОГУ) отмечают, что **внешность и характер педагога** оказывает на них определенное **воздействие**. Студенты вспоминали, что давали учителям (за их характер и внешний вид) такие клички, как: «*Клюшка с Шайбой*» – так называли двух неразлучных «учительниц-подруг», одна из которых была очень высокой и худой, другая — полной и невысокого роста; «*Бегемот*», «*Лысый*», «*Колобок*», «*Кролик*», «*Кубышка*», «*Крыса*», «*Селедка*», «*Слюнявый*».

На учащихся оказывает большое воздействие **имя и характер** педагога. Некоторые из студентов вспоминали, что давали учителям и такие клички: «*Марго*» (от имени Маргарита); завуча школы звали Зинаида Григорьевна, а школьники (у них еще жива генетическая память о последней войне с немецким фашизмом) прозвали ее за жестокий характер – «*Зингер*» – по ассоциации с названием *немецкой* швейной машинки. Учителей называли также: «*Перчик*» – за острый язык, «*Кулек*» – за жадность.

Можно выделить также **предметно-именной аспект имиджа**. Очень часто прозвища педаго-

гам дают по названию или *специфике предмета* преподавания, учитывая также их характер и внешний облик преподавателя. Так, например, студенты ОГУ вспоминали, что преподавателя литературы они называли «*Пушкин*», учителей по физике, биологии и химии – «*Молекула*», «*Инфузория*», «*Ландыш*»; учителя немецкого языка – «*Гитлер*», учителя по географии – «*Глобус*», учителя по труду – «*Наждак*». Преподавателя по культурологии, этике и этикету студенты называют «*наша Культур-Дама*».

В свое время Н. А. Добролюбов правильно заметил: «*Учителями должны быть лучшие люди общества*». Подобные мысли находим и в Сборниках Древней Руси «Пчела», содержащих множество изречений о житейской мудрости и добродетели, которые могут быть сегодня отнесены к правилам практической и педагогической риторики, например: «учить должно не столько «словом», сколько личностью учителя и примером «добротного жития», соответствием мудрых слов хорошим делам», «Уча учи нравом, а не словом; кто словом мудр, а дела его несвершена, тот хром есть...» или «Учитель нравом да покорит ученика, а не словом» [Аннушкин, 1994: 43]. Слово «нрав» имело несколько значений и понималось как: характер, душевные качества, внутреннее свойство человека, манеры общения, стиль поведения, образ жизни и т.д.

Мы провели среди 300 студентов 2-х и 3-х курсов разных факультетов анонимное анкетирование. Студенты должны были дать положительные и отрицательные характеристики современного педагога. 99% студентов из числа анкетированных написали, что (цитируем): «*В первую очередь, преподаватель должен быть хорошим человеком*». «*Внешний вид педагога должен соответствовать его профессии; преподаватель должен быть опрятным, аккуратным, должен быть образцом для подражания. Одежда должна быть не вызывающей, особенно, если педагог молодой*». «*Педагог должен быть интеллигентным, обаятельным и привлекательным, разносторонне развитым человеком, выделяющимся в студентах личностью, ценящим их таланты, знающим психологию людей, умеющим находить «общий язык» с аудиторией, обладающим богатым внутренним миром, духовным и душевным человеком, другом и помощником*». Студенты написали также, что «*педагог должен уметь владеть собой и словом*. Речь должна быть эмо-

циональна, хорошо восприниматься. Преподаватель должен *увлечь, заинтересовать* своим рассказом слушателей, быть веселым, остроумным, уметь владеть ситуацией и мгновенно перестраиваться, если это нужно». К отрицательным и непрофессиональным качествам характера личности преподавателя студенты отнесли – «*злость, нетерпимость, незнание своего предмета, непонимание, корысть, выбор «любимчиков», предвзятое отношение к студентам*».

Одна из составляющих имиджа – **манеры и культура общения** – то, как происходит взаимодействие с другими людьми. **Именно в процессе общения складывается целостный образ человека**. Риторика гласит: «Мы слушаем не речь, а человека, который говорит». Студенты заявили единогласно, что стиль общения преподавателя должен быть **демократичным**, а не авторитарным. Демократичный стиль общения предполагает человека мудрого, доброго, душевно красивого, что, несомненно, проявляется в его речевом поведении, в его голосе. «Голос — подлинное зеркало души». Важно не только ЧТО мы говорим, но и КАК. Важную информацию несут вздохи, паузы, нервный кашель, междометия, различные невольные вопросы. Иногда они означают больше, чем слова.

Каким же **голосом** должен обладать педагог-ритор?

Студенты на этот вопрос ответили таким образом (цитируем): «педагог должен не повышать голос на учащихся, не кричать на них: не срывать, преподаватель не должен кричать, повышать голос без видимых на то причин; обладать хорошей дикцией, уметь правильно говорить. Намного легче понять человека, да и вообще слушать, если у него хорошо поставлен голос. Он знает, где сделать паузу, где повысить или понизить голос, на что сделать акцент, как лучше выразить мысль».

Педагог должен владеть собой и своим голосом. «Высокий» голос, резкий – раздражает, утомляет. Располагает к диалогу душевный голос, мягкий: Платон не случайно писал: «*Говорить – это значит что-то делать и создавать*». Педагог должен создать атмосферу доброго, творческого сотрудничества, духовного общения, делать учащихся соучастниками творческого процесса познания, должен учить их мыслить. Аристотель в «Риторике» отметил: «Речь слагается из трех элементов: из самого оратора, из предмета, о

котором он говорит, и из лица, к которому он обращается: оно-то и есть конечная цель всего» («Античные риторика, 24»). Цель оратора – захватить, «победить многоголовую гидру» (А.П. Чехов), увлечь аудиторию темой и содержанием речи. помня о том, что «каждый слышит то, что он понимает» (Гете) и, следовательно, надо максимально заботиться о *доступности речи*, обеспечивая ее *понимание*, т.е. быть обаятельным, уметь «баять» – говорить. Важно, чтобы информация «дошла» до студента, была им осмыслена и прочувствована, пережита. Известно, что можно знать прописные истины: «Не убий!», «Не укради!», а действовать вопреки им.

От речевой культуры педагога зависит эффективность умственного труда учащихся, рациональное использование времени на занятиях, эстетическое, нравственное и интеллектуальное воспитание и формирование общей речевой культуры студентов. Преподаватель самой своей личностью, поведением и культурой общения должен способствовать развитию личности каждого учащегося, развитию ее самосознания, мысли и речи, помня о том, что студент – это личность, субъект диалога культур, требующий к себе уважительно-го, достойного отношения. Еще Сократ справедливо заметил: «кто добр, тот и мудр», «учить может только тот, кто нравится ученику», к кому, как к магниту, «тянутся» студенты, к кому на занятия «ходят с охотой», с кем всегда интересно». **Ментальная модель сознания преподавателя – сделать студента лучше во всех отношениях.** Так, например, студенты ОГУ, после зачета, признались преподавателю, что под его влиянием некоторые из них (цитируем) «бросили курить, пить, стали уважать девушек-одноручниц, научились не бояться аудитории, научились высказывать и отстаивать свою точку зрения, научились культурно общаться и вести себя достойно».

Следовательно, формирование имиджа современного педагога складывается из формирования всей совокупности черт его личности: качеств характера, внешнего облика, внутренней культуры, умения общаться с аудиторией и общей культуры поведения.

Многолетний опыт преподавательской деятельности убедил нас в том, что педагог-ритор не имеет права приходить на занятия без *дружелюбной улыбки*. Это своеобразный *эмоциональный старт*. Преподаватель своим видом и словом

должен показать студентам, что он рад встречи с ними, что он любит их. Приветствие должно быть бодрым и жизнеутверждающим, например: *«Здравствуйте! Рад(а) нашей новой встречи! Как настроение! ... Как дела?... У нас с вами очень интересная проблема...»*.

Сегодня необходимо учить и воспитывать «без насилия», на субъект-субъектной, диалогической основе. Современный профессиональный преподаватель – тот, к кому, как к магниту, «тянутся» студенты, как они написали (цитируем): «...к кому на занятия *ходишь с удовольствием, с охотой!*». Современный профессиональный педагог-ритор – это интеллигентный, толерантный, аристократичный и обаятельный человек.

В связи с этим, современная высшая педагогическая школа, по нашему убеждению, должна **комплексно** формировать **личность профессионала: человека – личность преподавателя, педагога и ритора одновременно**, т.е. профессионала, способного помочь формированию личности учащегося своим собственным примером, своей речью и средствами преподаваемой учебной дисциплины, например, средствами языка и литературы. Е.П. Белозерцев полагает, что должен быть сформирован «сначала учитель, а потом уже филолог» [Белозерцев, 2002: 11]. Думаем, что сегодня жизненно необходимо комплексно, одновременно формировать в вузе и **человека, и психолога, и специалиста-предметника, и педагога-ритора**, т.е. – **профессионала**. Современный преподаватель-профессионал – это **риторическая личность** – воздействующая и эффективно взаимодействующая с аудиторией.

Основными параметрами риторической личности современного педагога являются:

- ✓ этические (моральные, нравственные),
- ✓ интеллектуальные,
- ✓ эстетические качества и оценки личности.

Нравственно-этическая оценка связана с моральным обликом педагога. Доверие аудитории можно завоевать, если она считает, что перед ней *человек порядочный, т.е. честный, справедливый, совестливый, добрый*.

Интеллектуальная оценка связывается с богатством мыслей оратора, его образованностью, компетентностью, способностью аргументировать, рассуждать и находить мыслительные ходы. Интеллект говорит о знании оратором предмета речи и способности воздействовать Словом

и Нравом, о способности к взаимодействию с аудиторией. Интеллект связан с *речевым поведением* преподавателя, т.е. с *обаянием, харизмой, интеллигентностью*.

Эстетическая оценка связана с отношением к *исполнению речи*: ясности и «доходчивости» выражаемых мыслей, слов, жестов, мимике, телодвижений, красоте звучания голоса, его тембра, тона, «громкости»/ «тихости», «полетности», разнообразии интонаций и т.д. Эстетическая оценка связана также с *внешним обликом и личным обаянием*. Современный педагог-ритор (в идеале) должен соответствовать философско-риторическому и эстетическому принципу А.П. Чехова: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

Профессиональный имидж современного педагога-ритора *благоприятно воздействует* на аудиторию. Об этом свидетельствуют многочисленные отзывы студентов в проведенном анонимном опросе на тему «Что бы вы сказали своему любимому преподавателю».

Приведем лишь некоторые из них: «*От Вас исходит свет!*», «*От Вас излучается доброта!*», «*У Вас очень хорошая аура!*», «*Вы заряжаете нас положительной энергией и вселяете уверенность в себе!*», «*Вы всегда очаровательны, можете поднять настроение!*»; «*Ваша улыбка и хорошее настроение поднимают также настроение окружающим*», «*У Вас потрясающая улыбка, располагающая к общению*».

Студенты написали, что их любимые преподаватели всегда производят хорошее впечатление, потому что они интеллигентны и обаятельны: «*Вы всегда производите хорошее впечатление!*», «*Вы очень интеллигентны*», «*Вы так обаятельны!*», «*У Вас всегда гармоничный образ*», «*Вы умны и обаятельны*».

Студенты обратили внимание на положительное влияние внешнего вида педагога-ритора, отметили даже такие детали: «*У Вас приятный внешний вид*», «*У Вас красивый цвет волос и аккуратная прическа*», «*Вы одеты всегда со вкусом*», «*Вы одеваетесь всегда элегантно, с иголочки*», «*У вас есть свой стиль – это здорово*».

Многие отзывы студентов были посвящены профессиональным качествам преподавателя: «*Вы очень умный, и даете свои знания нам*», «*Ваши лекции всегда очень интересные и занимательные*», «*На вашем предмете мы очень комфортно*

себя чувствуем» (отмечается такое важное качество преподавателя, как умение создать благоприятную обстановку на занятиях).

«*Вас приятно и интересно слушать*» (подмечено ценное качество педагога-ритора: «Оратор не тот, кто охотно говорит сам, а тот, кого приятно слушать»): «*Вы знаете очень много интересного*», «*С Вами очень интересно на лекциях*», «*Вы умеете и можете легко общаться*», «*Вы можете выслушать и понять человека*», «*С Вами всегда хочется поговорить*», «*Вы остаетесь остроумной в любой ситуации*».

Таким образом, современный профессиональный педагог-ритор воспринимается студентами как *явление* в аудитории. Преподаватель уходит из аудитории, а студенты еще надолго сохраняют в своей памяти его образ и долго размышляют над тем, что услышали, поняли, почувствовали и осознали, выходят после лекции обновленными: «*После Ваших лекций еще дня два «отходишь», размышляя о жизни и о себе*»; «*Вы замечательный педагог*», «*С Ваших занятий не хочется уходить*», «*Спасибо, что Вы есть!!!*».

Следовательно, формирование имиджа современного педагога складывается из формирования всей совокупности черт его личности: качеств характера, внешнего облика, внутренней культуры, умения общаться с аудиторией и общей культуры поведения.

Современная риторическая личность преподавателя отражает отечественный педагогический идеал как целостный личностно-профессиональный феномен.

Современный профессиональный имидж преподавателя – педагога-ритора – это образ обаятельного, интеллигентного, знающего, успешного и гармоничного человека, риторической личности, благоприятно воздействующей на аудиторию и продуктивно с нею взаимодействующей.

Профессиональный имидж будущего преподавателя можно сформировать в ходе преподавания в вузе таких учебных дисциплин, как общая и частная (педагогическая) риторика, ораторское искусство, речевая коммуникация, профессиональная педагогическая этика, профессиональный педагогический речевой этикет, педагогическое общение, имиджология, профессиональная этика и этикет, культурология и межкультурная коммуникация, профессиональная риторическая культура преподавателя и др.

Библиографический список

1. Аверченко Л.К. Практическая имиджелогия. – Новосибирск. 2001.
2. Аннушкин В.И. Хрестоматия по риторике. Пермь, 1994.
3. Белозерцев Е.П. Профессиональная подготовка учителя-филолога. – М., 2002.
4. Колесникова Л.Н. Обаяние личности как категория риторики. – Орел, 1998.
5. Колесникова Л.Н. Языковая личность в аспекте диалога культур. – Орел, 2001.
6. Колесникова Л.Н. Риторическая личность преподавателя-филолога в контексте профессиональной культуры. В 3-х томах. – Орел, 2007.
7. Красношлыкова О.Г. Имидж педагога – условие успешной профессиональной деятельности. – Кемерово, 2002.
8. Сухомлинский В.А. О воспитании. – М., 1973. – С. 48.
9. Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии // Педагогические сочинения: В 6 т. – Т. 6.
10. Шепель В.М. Имиджелогия: секреты личного обаяния. – М., 2002.

L.N. KOLESNIKOVA

PROFESSIONAL IMAGE OF MODERN TEACHER

The summary Article is devoted an actual pedagogical problem? To formation of an image (image) of the modern teacher having salutary influence on an audience.

Key words: image, an image, the teacher-ritor, the rhetorical person, имиджелогия

*КВАК ХЕ МИ, аспирант Московского государственного педагогического университета
seabeau001@hanmail.net*

ТЕМА ПЕТЕРБУРГА В ТВОРЧЕСТВЕ К.И. ЧУКОВСКОГО

В статье исследуются рецепция и образное отражение петербургской темы в ранней критике и К.И. Чуковского и первой стихотворной сказке «Крокодил».

Ключевые слова: К.И. Чуковский, «Крокодил», Петербург, петербургская тема.

В 1905 году, в одном из первых писем жене после переезда в Петербург, Чуковский так описывал свои ощущения: *«Больше ни одной зимы моя нога в Одессе не будет...<...> Только здесь можно быть литератором. Сколько я читаю – ужас что такое»* [11, с. 66–67] (здесь и далее цитируемый текст дается курсивом. – **Х.К.**)

По утверждению И. Лукьяновой, Чуковский «попал в среду, к которой стремился, где мог дышать, <...> где хотел бы жить и работать; <...> «Самые названия петербургских улиц, площадей, переулков, связанные так или иначе с писателями, вызывали во мне бурную радость»», – приводит она признание начинающего литератора. [6, с. 72] Более трех десятилетий спустя уже известный всей стране детский писатель почти с дословной точностью подтвердит свою преданность переименованному в Ленинград городу, и назовет его местом своего писательского рождения: *«Я родился в Ленинграде и прожил там всю жизнь. Я люблю его любовью писателя, потому, что в нем каждый камень насыщен нашей русской литературной историей. В нем каждая улица – цитата из Пушкина, из Некрасова, из Александра Блока, из Анны Ахматовой»* [13, с. 10].

Очевидно, что восторг первых впечатлений от Петербурга был вызван у Чуковского творческим подъемом и мечтами о литературной карьере, но также в значительной мере литературный Петербург стал почвой, взрастившей его критический и литературный талант, источником его вдохновения, культурным пространством, определившим содержание и вектор литературного творчества. Можно с известной долей уверенности сказать, что Чуковский вслед за Некрасовым и другими любимыми им писателями постепенно превратился в петербургского литератора. Петербургская тема, захватившая Чуковского еще при чтении классиков и так же, как и их, неотступно влекущая будущего писателя своей непреодолимой двойственностью, драматическими противоречиями между великим замыслом и результатом, стала одним из лейтмотивов его творчества. Однако радость первой встречи постепенно начинает сочетаться у Чуковского с размышлениями о духовных и этических деформациях, нашедших отражение в петербургской поэзии и культурном сознании горожан.

Эмоциональная окрашенность мыслей и оценок петербургской жизни в раннем творчестве Чуковского формировалась под сильным влиянием литературной образности, почерпнутой им у русских классиков. В литературно-творческом воображении автора тема города наделялась устойчивым комплексом тем, мотивов и эстетических оценок. Кроме того, надо отметить, что тема влияния города и городской среды на литературный процесс была довольно популярна в начале XX века. Не мог остаться в стороне и Чуковский. Поработав в Петербурге в течение трех последующих лет в качестве литературного критика и написав ряд статей о творчестве петербургских

литераторов, молодой критик издает сборник «От Чехова до наших дней» (1908), где в предисловии первоначально выделяет три тематических раздела: «Город и мещанство», «Ложный индивидуализм» и «Кризис индивидуализма». Нетрудно убедиться, что выделенные Чуковским темы напрямую связаны с петербургской темой в русской литературе, еще ранее получившей развитие у Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Толстого. Причем в 1907 году, т.е. за год до появления сборника Чуковского, те же вопросы были подробно рассмотрены в известной работе Р.В. Иванова-Разумника «История русской общественной мысли» [5, с. 197]. И Чуковский, хотя и написал довольно язвительную статью в адрес этой работы [10, с. 451], все же использовал высказанные в ней наблюдения в своих последующих публикациях.

В предисловии к 3-му изданию сборника он намечает три основные черты «послечеховской» литературы, еще более конкретизируя предмет своего внимания: «власть города», «пышная мещанственность» и «кризис этического индивидуализма» [1, с. 21], под которым Чуковский понимал энтропию личности, утрату этической полноты и целостности, некий «распад» полноценного внутреннего переживания бытия на отдельные, не связанные между собой «обрывки» желаний, эмоций и впечатлений. И мещанственность, и этическая энтропия являются для Чуковского следствием «власти города» не только над человеком, но и литературой, о чем он пишет, анализируя творчество петербургских литераторов К. Бальмонта, В. Брюсова, А. Блока и др. И хотя тему «города» критик не ограничивает только Петербургом, все же основное внимание он уделяет анализу влияния на литературу петербургской городской среды.

Нетрудно заметить, что уже в ранних критических статьях Чуковского тема Петербурга становится одной из ведущих. В поле зрения начинающего критика оказываются, как правило, те устойчивые темы и мотивы, которые в прошлом неоднократно развивались писавшими о Петербурге классиками.

К. Чуковский определил, что склонность к мещанству, под которым он понимал тяготение к материальной выгоде и пошлости, является доминантой характера петербургского обывателя. Эта склонность, по мнению критика, сформировала его «склад ума». Мещанство – это опосредованная

отсылка к петербургской теме, так как отношение автора к мещанству есть эмоционально-идеологическое отношение к городу. Порожденные городским мещанством «неглубокость и легкость чувства сделались непрменным свойством городского человека. Город разбил нашу душу на тысячу частей, и, естественно, каждая часть стала от этого меньше». [6 т., с. 41]. Все это, по мнению Чуковского, сообщило литературе некое новое качество, изменения в содержании, поэтике, стиле. «Краткость современных художественных произведений, их торопливость, их склонность к эффектам, экзотичность их форм, рассчитанность их приемов, ловкость их манеры, их тенденция к стилизованности, их импрессионистский дух и порою их мишурность – все это, – убежден Чуковский, – создано в городе, городом и для города» [6 т., с. 30].

Столь сильный акцент на особой значимости городской атмосферы не случаен. Чуковский указывает на наличие в петербургском культурном пространстве еще одной существенной его части. «Умышленный город» создает пространство, которое не просто охватывает человека и культуру, но каким-то круговым «сдавливанием» принуждает к формам жизни торопливой, поверхностной, склоняет к жизни внешней в ущерб жизни внутренней.

Не менее важна также характерная для петербуржца деформация в восприятии времени. Городское пространство «умышленного города» сжимается и сжимает во времени человека, живущего в Петербурге: «Идешь по улице. На минуту задумываешься. Мелькнет красивое лицо. На минуту влюбляешься. Тебя толкнут. На минуту сердисься. Тебе улыбнутся. На минуту радуешься. Вот повседневные чувства городского человека» [6 т., с. 41]. Чуковский обращает внимание на уникальную способность русских поэтов отражать подобную «мозаичность» впечатлений городского жителя. В числе первых, кто отличился данным умением, критик называет К. Бальмонта, в поэзии которого, по мнению Чуковского, нашла отражение ежеминутная подвижность и переменчивость обитателей города: «Всю быстроту и изменчивость восприятий, всю душевную подвижность, всю эластичность городских душ он [Бальмонт. – Х. К.] первый отразил с такой полнотой в торопливой и капризной своей поэзии». [6 т., с. 44] Анализируя творчество

Бальмонта, Чуковский делает вывод: *«Итак, поверхностность чувства, торопливость образов, изменчивость, хаотичность, безумие настроений, иллюзионизм – все эти черты принадлежат отнюдь не Бальмонту, а всей городской поэзии...»* [6 т., с. 48].

Городская жизнь, навязывающая горожанам бытие в его хаотичности, заставляет сталкиваться с неожиданными и таинственными приключениями. Подобный подход к городу как к чему-то загадочному и необъяснимому представлен в ряде повестей Н.В. Гоголя. Недаром они названы автором петербургскими. Гоголевский Петербург выступает городом необычайных превращений, которые совершаются на фоне тяжелого, прозаического быта. Ю.М. Лотман отмечает, что подобное отношение к северной столице заставляет воспринимать ее как «пространство, в котором таинственное и фантастическое является закономерным» [7, с. 215]. Еще раньше эту мысль высказал Чуковский: *«Газеты, ежедневно приучающие нас к чуду, делающие для нас нормой ненормальное, обыденным необычное; телефоны, театры, фабрики, кинематографы и, главное, городские улицы, навязывающие нам бытие в его хаотичности, безумии множественности, испестрили нашу жизнь до чрезвычайности»* [6 т., с. 41]. Все эти черты, характерные для описания Петербурга в русской литературе, позже найдут отражение и в литературном творчестве автора. И одной из первых в ряду подобных текстов Чуковского стала его знаменитая сказка «Крокодил».

В литературоведении уже отмечалось сходство сказки Чуковского с произведениями, связанными с петербургской темой. Историк детской литературы М.С. Петровский указал на него, сопоставив «Крокодила» Чуковского с сатирической повестью Ф.М. Достоевского «Крокодил, необыкновенное событие или пассаж в Пассаже». Необычайное совпадение касалось как образов главных героев, так и городского пространства, в котором они обитали. *«...Будто Крокодил Чуковского, вернувшись в Африку, рассказывает там своим собратьям – о крокодиле Достоевского!»* [8, с. 38], – восклицает исследователь. Более того, продолжает Петровский: *«Перекресток Невского и Садовой у Пассажа, где выставлен крокодил Достоевского, станет местом действия в сказках К.И. Чуковского»* [8, с. 39]. Едва ли такое совпадение можно назвать

случайным. Тем более, что крокодил Достоевского и крокодил Чуковского предстают жертвами города, в который они попадают. У Достоевского животное изображено *«<...> в большом жестяном ящике в виде как бы ванны, накрытой крепкою железною сеткой, а на дне его было на вершок воды. В этой-то мелководной луже сохранился огромный крокодил, лежавший, как бревно, совершенно без движения и, видимо, лишившийся всех своих способностей от нашего сырого и негостеприимного для иностранцев климата»* [4, с. 246].

У Чуковского Крокодил, повествуя о жизни зверей в зоосаде (в восприятии читателя изображение зоосада и «крепкой железной сетки» ассоциируются без труда), описывает своего племянника сходным образом: *«А ныне там передо мной, / Изумченный, полуживой, / В лохани грязной он лежал / И, умирая, мне сказал...»* [11, с. 107]. Нетрудно убедиться, что сходство в изображении места, положения и состояния персонажей в подробных комментариях не нуждается. Персонажи повести Достоевского и сказки Чуковского гибнут в несвободной, чуждой и противоестественной среде, что характерно для героев, существующих в пространстве Петербурга.

О.Г. Дилакторская отмечает, что «Достоевский, строя образ Крокодила, формирует его как образ пространственных значений, что способствует восприятию этого образа как фантастического» [3, с. 303]. У Достоевского, по мнению исследовательницы, образ Крокодила отмечает собой границу между реальным и фантастическим планами. Такие фантастико-символические характеристики образа-символа постоянно провоцируют неожиданные ситуации и повороты в сюжете, намечая, как правило, разнообразные возможности для развития сюжетного действия и толкования образов повести. Та же тенденция намечается и в сказке Чуковского.

Петербург Чуковского, подобно Петербургу Пушкина и Гоголя, предстаёт, с одной стороны, реальным, обычным городом с улицами, проспектами и домами, с другой – фантастическим, ирреальным.

Если у Пушкина по улицам скакал Медный всадник (*«За ним повсюду Всадник Медный / С тяжёлым топотом скакал»* [9, с. 672]), у Гоголя гулял Нос (*«Дверцы отворились; выпрыгнул, согнувшись, господин в мундире и побежал вверх»*

по лестнице. Каков же был ужас и вместе изумление Ковалева, когда он узнал, что был собственный его нос!» [2, с. 45], то у Чуковского фантастический Крокодил не только разгуливает по Петербургу, но и курит трубку, разговаривает с прохожими и устраивает восстание против жителей города.

Таким образом, сказка Чуковского во многом продолжает традицию классической русской литературы, согласно которой Петербург воспринимается как пространство, где образное единство реального и фантастического оказывается устойчивым свойством.

Библиографический список

1. Берман Д.А. Корней Иванович Чуковский. Библиографический указатель. – М., 1999.
2. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М., 1978.
3. Дилакторская О.Г. Петербургская повесть Достоевского. СПб., 1999.
4. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. М.: Худ. лит., 1956.
5. Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. СПб., 1907.
6. Лукьянова И.В. Корней Чуковский. М.: Молодая гвардия [Серия: Жизнь замечательных людей], 2006.
7. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // История и типология русской культуры. Издательство СПб., 2002.
8. Петровский М.С. Крокодил в Петрограде // Книжки нашего детства. СПб., 2006.
9. Пушкин А.С. Избран. соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1978.
10. Чуковский К.И. Мещанин против мещанства // Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 6. М., 2002.
11. Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 1: Произведения для детей. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001.
12. Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. Т. 14: «Письма. 1903– 1925». М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2002.
13. Чуковский К.И. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 1: Произведения для детей. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001.
14. «Я люблю Ленинград любовью писателя...» // www.chukfamily.ru

KVAK KHEMI

ST. PETERSBURG THEME IN K.I. CHUKOVSKY'S WORKS

The article under discussion considers reception and figurative reflection of St. Petersburg theme in K.I. Chukovsky's literary criticism and his first poetic tale "Crocodile".

Key words: K.I. Chukovsky, "Crocodile", St. Petersburg, St.Petersburg theme.

Ю.В. МАРИНИНА, секретарь Общества любителей русской словесности, аспирантка Литературного института им. А.М. Горького, кафедра теории литературы и литературной критики
Тел. 8-916-055-06-32; serenity_love@mail.ru

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО НАСЛЕДИЯ Л.П. КАРСАВИНА (На примере исповедального произведения «Noctes Petropolitanae», 1922 год)

В настоящее время творческое наследие Л.П. Карсавина рассматривается именно с точки зрения его философских и религиозных взглядов, а также анализируются его работы как историка-медиевиста. Существует лишь небольшое количество литературоведческих исследований, анализирующих произведения Л.П. Карсавина с точки зрения жанрового и языкового своеобразия его работ. Именно поэтому тема данной статьи является актуальной.

В данной статье анализируется исповедальное произведение Л.П. Карсавина «Петербургские ночи». Это одно из ключевых произведений для понимания духовного и творческого пути философа.

Задача данной статьи состояла в том, чтобы показать важность жанрового слияния с художественной литературой в творчестве Л.П. Карсавина для выражения его философского мировоззрения.

Ключевые слова: творческое наследие Л.П. Карсавина, жанры философии, исповедальный роман, религиозная философия Серебряного века, духовная культура России.

Историк-медиевист и философ Лев Платонович Карсавин (1882–1952) является одним из ярких представителей русского культурного ренессанса начала XX в. Произведению «Петербургские ночи» («Noctes Petropolitanae»), написанному в 1922 году, сам Карсавин придавал особенное значение: «Эта маленькая книжонка – самое полное выражение той метафизики, которая совпала с моей жизнью, совпавшей с моей любовью» [1]. С. Хоружий, исследователь творчества философа, считал эту работу серьёзным философским трудом, дающим начало зарождающемуся философскому мировоззрению Карсавина. «К тому были веские причины, и не только в области мысли. Последние два петроградских года Карсавина – время смятения чувств, ворвавшейся в его жизнь личной драмы, и «Ночи» его выражают не один только философский опыт. Уже названьем своим, напоминающим о «Русских ночах» Одоевского, о «Санкт-петербургских вечерах» Жозефа де Местра, они отсылают нас к романтической традиции произведений полухудожественного-полуфилософского жанра, к литературе свободных раздумий, не чуждых и личного, исповедального элемента. Сообразно жанру, в книге, помимо метафизики, присутствует и романтический, лирический план, где перед нами проходят переживания любящего. Вся книга – философские и лирические монологи героя, обращенные к Любви и к любимой» [2]. «Петербургские ночи» представляют собой исповедальное произведение, ряд откровений, запечатленных белыми ночами. В этом произведении Карсавин облекает свои мысли в художественную форму.

Текст книги разделён на девять глав, которые названы не главами, а ночами. Глава внутри произведения подразумевает собой структурно обособленное целое с чёткими границами, следовательно, обозначение «главы» подразумевает некую замкнутость текста. А «ночи», хотя каждая из них имеет свою тему, свободно перетекают одна в другую. Выбор формы и стиля изложения текста Карсавин объясняет в предисловии к книге: «Автор, очевидно, старается изложить свои идеи в художественной форме. Отсюда проистекает делание на ночи» [1]. Предисловие к изданию, помещенное в начало повествования, представляет собой скрытый диалог с воображаемым издателем, жанрово восходящий к лермонтовскому предисловию к «Герою нашего времени». «Выпуская в свет «Noctes Petropohtanae», издатель, отличный от автора, позволяет себе и даже считает нужным предпослать ей несколько замечаний. Содержание этой предлагаемой вниманию просвещенных читателей метафизики любви совершенно несвоевременно. «С точки зрения господствующего и донныне мужественно хранимого русским образованным обществом мировоззрения единственным оправдывающим издателя обстоятельством может служить только его искреннее желание сохранить для потомства поучительный образец современных нам антинаучных построений и безответственных мистических исканий. И это тем более, что издатель не преувеличивает достоинств данного произведения ни со стороны его формы, ни со стороны содержания» [1], – читаем мы у Л.П. Карсавина.

В «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова обращение к читателю дано в таком же стилистическом ключе: «Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики. Но обыкновенно читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападок, и потому они не читают предисловий» [3]. Стилистическая близость обоих предисловий позволяет считать предисловие к «Noctes Petropohtanae» близким к предисловию лермонтовского романа, где рассказчик соотносится с героем своего времени, несущим в себе его нравственные пороки. Также приём обращения к читателю от имени воображаемого издателя позволяет Л.П. Карсавину не только взглянуть со стороны на свой текст, но и полностью отстранить-

ся от авторства текста, чтобы читатель не столь явно ассоциировал создателя произведения с его героем. Читатель по складу своего восприятия часто ищет в характере героя книги черты характера писателя и события из жизни героя, а также его размышления и философские взгляды пытается соотнести с тем, что в реальности переживает автор. Кроме того, приём добавления предисловия от вымышленного издателя придаёт тексту некую таинственность, вносит интригу. Временем исповеди рассказчик избирает именно «Петрополитанскую» ночь. Замена Петербурга, Петрограда на Петрополь не случайна, она является аллюзией к написанному в 1918 году О.Э. Мандельштамом стихотворению:

«На страшной высоте блуждающий огонь!
Но разве так звезда мерцает?
Прозрачная звезда, блуждающий огонь, –
Твой брат, Петрополь, умирает! [4].

Предчувствие конца города заставляет как О.Э. Мандельштама, так и Л.П. Карсавина называть город его первым именем – Петрополь. «В «ночах» же форма, несомненно, мешает ясному развитию и убедительному обоснованию излагаемых в них мыслей. Она позволяет чаще и больше, чем следует, апеллировать к чувству и «таинственному постижению», за которым, может быть, ничего, кроме неразделенной страсти к поэзии, и не кроется» [1], – писал Л.П. Карсавин.

Вымышленный издатель Карсавина хоть и чужд автору, но в то же время «он, отличный от него, всё же есть и сам автор, составляя с ним двуединство» [1]. Это замечание напрямую связано с идеей произведения, где любовь есть нераздельно-неслиянное единство двух влюблённых, а весь мир состоит из сплочённых друг с другом противоречий. Таким образом, предисловие плавно перетекает в «Первую ночь», то есть в первую главу книги: «Погас, наконец, – как всегда предательски-неожиданно – мертвый свет электричества, и при колеблющемся мерцании жалкого ночника в чреватой тишине собираю я чувства свои и мысли» [1]. Ночь первая у Л.П. Карсавина обозначена датой: «1921. 9 октября. Петербург». Первые строки исповеди являются аллюзией к тютчевскому «Silentium!»: «Но как высказать себя, как выразить то поющее, что не может быть спето, ту муку, которая должна разрешиться в само-

обнаружении и бессильна себя обнаружить? Не знаю, найду ли слова, сумею ли внутреннюю песнею речи освободить себя от непереносного томления духа» [1]. Сравним этот фрагмент с «Silentium» Ф. Тютчева:

«Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь
Взрывая, возмутишь ключи,
Питайся ими – и молчи...» [5].

Первая ночь – это гимн любви к Ночи: «Успокой же меня, тихая Ночь, первая ночь моих излиятий, молчаливая и полная дум, живая в шуме метели за окнами, в слабом писке где-то в углу бегающих мышей! Любовью полно мое сердце. И слезы благодарной радости туманят мои глаза, когда вспоминаю, Любовь, о последнем даре твоём. Уже миновало откровение, и свет, озарявший всю душу, стал незримым. А все еще ощущаю я благоухание, и кажется, будто чувствую где-то в самой глубине моей тихое прозябание того, что тогда явилось. Живет во мне тайною жизнью это мгновение и словно ждет нового, ведомого ему мига, чтобы опять озарить и зажечь всю душу мою...» [1]. Нужно отметить особенный поэтизированный, ритмический язык «Петербургских ночей», свойственный скорее художественным произведениям, нежели философским трудам.

Среди литераторов существует мнение, что обе книги жанрово являются именно эпистолярными романами и обращены к одному и тому же лицу, скрытому адресату – Е.Ч. Скржинской, историку и медиевисту, ученице Л.П. Карсавина и известного историка И.М. Гревса, «которого оба считали своим учителем и духовным наставником» [6].

Был ли Л.П. Карсавин влюблен в Елену Чеславовну или речь идет о любви-уважении к ней и к И.М. Гревсу, не так важно. Важно то, что крушение мира начинается с крушения любви, которая для философа – «радость и печаль мировой души в томимой Любовью природе и в нас» [6].

Рассматривая «Петербургские ночи» с точки зрения жанра, можно сделать предположение, что этот текст имеет жанровые особенности, свойственные дневнику, поскольку автор описывает каждую «ночь», делится мыслями, чувствами, философскими размышлениями. По мнению Бориса

Хазанова, писатель в своём творчестве приходит к жанру дневника, когда «ему надоело играть в прятки, надоело толкаться среди вымышленных героев, в искусственной, изобретенной среде, он хочет вернуться к самому себе, как хозяйке хочется уйти от гостей в соседнюю комнату и посидеть там одной. В самом деле, в дневнике писатель намерен быть только самим собой. Он возвращается к собственной личности, если угодно – пытается убедить себя в том, что он существует как личность; он решил быть правдивым до конца, но не в том смысле, который имеют в виду, говоря о правде искусства, а в буквальном смысле: правдивым перед самим собой. <...> Привычка распоряжаться языком как материалом, отбирать слова и строить фразу подводит писателя... Он хотел уйти к себе, но и там его подстерегает литература. <...> Дневник не «сочиняют». Дневник «пишут». Но любое писательство для писателя более или менее приближается к сочинительству. Дневник, ничего не попишешь, есть квазилитературный жанр. Сама биография литератора со временем становится — и с этим тоже ничего не поделаешь – органической частью его творчества. Вся жизнь начинает выглядеть как функция литературы, и можно, в конце концов, сказать, что не сочинитель сотворил свои тексты, а тексты – рукописи и книги – сочинили сочинителя» [7].

«Своеобразие дневника связано с его пограничным положением между рукописной и печатной литературой. Бытование дневника в рукописной форме не мешало ему оставаться литературным жанром и участвовать с другими на равных в литературном процессе. Большинство авторов никогда не считало письменную форму дневника неким изъяном. Мало того, в начале XX века В.В. Розанов расценивал рукописность как громадное эстетическое преимущество» [8]. Продолжая жанровый анализ «Петербургских ночей», можно выделить характеристики, свойственные жанру эссе. Границы этого жанра довольно размыты, иногда его определяют как записки, наброски, раздумья. Обратимся к определению жанра: «Эссе (франц. «essey» – опыт, набросок) – жанр философской, литературно-критической, историко-биографической, публицистической прозы, сочетающий подчеркнуто индивидуальную позицию автора с неприкрытым изложением» [9].

К эссе обращаются прежде всего такие писатели, творчеству которых свойственно лиричес-

кое начало, стремление к самовыражению, самораскрытию личности. Жанр эссе требует свободного владения темой и определенной смелости (самобытности, непохожести на других) во взглядах и суждениях. И это вполне соответствует сути творчества Л.П. Карсавина. Ученик Л.П. Карсавина А.А. Ванеев писал: «Религиозно-философская мысль Л.П. Карсавина почти не поддается пересказу, поскольку она не сводима к системе, концепции или доктрине, а представляет собой как бы весьма широкий угол зрения, обращенный на христианское осмысление истории, жизни и отношения между Богом и человеком» [10]. «Мы говорим: философское эссе, поэтическое эссе, критическое или публицистическое эссе. В самом деле, эссе все идет на пользу. Более того, смешение жанров и есть его главный принцип. Оно может размышлять о философских предметах, но не в рамках академической философии. Оно может толковать о предметах исторических, но без ссылок на авторитеты. Оно размышляет о литературе, но вне правил той или иной литературной школы. Эссеист говорит только от себя и за себя» [11]. Рассматривая «Петербургские ночи», можно сде-

лать вывод, что в жанровом отношении текст представляет собой сочетание дневника и эссе, поскольку каждая дневниковая запись может одновременно быть эссеистической формой изложения мыслей.

Заключение. В «Петрополитанских ночах» («Петербургских ночах») Л.П. Карсавин отступает от строго философских канонов и научного языка. Напротив, перед нами произведение возвышенное, поэтическое, соответствующее определенному поэтическому настроению. Это поэтическое настроение отражено в жанровых особенностях «Петрополитанских ночей», в их бытовании на грани художественной литературы и философии. Л.П. Карсавин – не только философ, но и поэт, оставивший потомкам и поэтические произведения. В концлагере Абезь, где философ закончил свою жизнь, он писал сонеты и терцины, а посредством «Петрополитанских ночей» продолжил жанровую традицию русской литературно-эссеистической философии. В интертекстуальном плане – и содержательно, и формально – «Петрополитанские ночи» Л.П. Карсавина связаны с «Русскими ночами» В.Ф. Одоевского.

Библиографический список

1. Карсавин Л.П. *Saligia. Noctes Petropolitanae.* – М.: АСТ, 2004.
2. Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. – СПб.: Аллтейя, 1994.
3. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени. – М.: АСТ, 2008.
4. Мандельштам О.Э. Полное собрание поэзии в одном томе. – М.: Альфа-поэзия, 2010.
5. Тютчев Ф.И. Избранное // Библиотека Мошкова. [URL: <http://www.az.lib.ru>]
6. Корзун В. П., Свешников А. В. Третий угол (И. М. Гревс в пространстве переписки «Из двух углов»). – М., 1996.
7. Хазанов Б.М. Дневник сочинителя [URL:<http://magazines.russ.ru/october/1999/1/hasanov.html>]
8. Егоров О.Г. Литературный дневник XIX века (История и теория жанра): Дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01: – М., 2003.
9. Советский энциклопедический словарь. – М., 1987 .
10. Ванеев А. А. Два года в Абези. – Брюссель: Изд-во «Жизнь с Богом», 1990.
11. Любинский А. На перекрестье. – СПб.: Аллтейя, 2007.

THE GENRE UNIQUENESS OF L. KARSAVIN'S RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL HERITAGE (On an example of confessional novel «Noctes Petropolitanae» 1922)

At present the creative heritage of L. Karsavin is considered precisely from the standpoint his philosophical and religious views, also studied his work as a historian-medievalist. The topic of the article is important in virtue of existence a small amount of philological works which analyze L. Karsavin's creativity from the point of a genre peculiarity and linguistic characteristics. In this article confessional novel «Noctes Petropolitanae» by L. Karsavin is considered. This is one of the key works for understanding the spiritual and creative path of the philosopher.

The main task of this article consisted in highlighting the importance of confluence of the religious and philosophical content with the genre of fiction in L. Karsavin's works for expression of his outlook

Key words: L. Karsavin's creative heritage, genres of Philosophy, confessional novel, religious philosophy of the silver age, spiritual culture of Russia.

Н.А. МАРТЫНОВА, кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
Орловского государственного института экономики и торговли,
Тел. 8(4862) 43-29-17, 8-910-302-38-77; natmart79@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА ИМЕНОВАНИЯ ИНОКУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ ПРИ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Данная статья посвящена рассмотрению инокультурных реалий в процессе межкультурной коммуникации. Межкультурная коммуникация рассматривается как особый вид общения, предполагающий диалог культур. Номинация при межкультурной коммуникации представляет собой специфический процесс именования, отличающийся от традиционно выделяемых.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, первичная номинация, вторичная номинация, диалог культур, реалия.

Межкультурная коммуникация – явление весьма многостороннее и изучается различными дисциплинами. Межкультурная коммуникация может трактоваться в широком и узком смысле. В широком понимании межкультурную коммуникацию рассматривает культурология. Культурология изучает межкультурную коммуникацию как диалог культур и тех общественных формаций, которым эти культуры принадлежат. Анализируя разные культуры, культурология обосновывает законы, характерные для многих культур, и выявляет черты и особенности, являющиеся уникальными и существующие только в одной отдельно взятой культуре. Мы рассматриваем межкультурную коммуникацию как “обращение языка в область иноязычной культуры” [2; с. 148].

Термин “номинация” употребляется в лингвистической литературе как для обозначения отношения между звуковым комплексом и денотатом, так и для обозначения самого звукового комплекса, при помощи которого производится обозначение. Сущность номинации состоит в создании наименования (номинанта) объектов реальной действительности (номинатов) и закреплении за словесными знаками определенного содержания.

В “Лингвистическом энциклопедическом словаре” номинация делится на первичную и вторичную.

“Изначальные или первичные процессы номинации – крайне редкое явление в современных языках: номинативный инвентарь языка пополняется в основном за счет заимствований или вторичной номинации, т. е. использования в акте номинации фонетического облика уже существующей единицы в качестве имени для нового обозначаемого” [6; с. 336].

Вторичная номинация характерна для всех уровней системы языка и его функционирования. По мнению Н.Н. Болдырева и Л.В. Бабиной, вторичные номинации обусловлены самой природой языка: “Они связаны с ограниченностью средств языкового выражения и с необходимостью передачи неисчерпаемого концептуального содержания” [1; с. 79].

Оба уровня номинации, как отмечает М.В. Никитин, “составляют разные значения одной языковой единицы, хотя бы и находящиеся в деривационном отношении, когда производное вторичное значение производится от первичного по определенным

моделям (правилам)” [3; с. 125]. Производность на основе ассоциативных связей объясняет тот факт, что вторичные наименования, как правило, всегда мотивированы, т.е. имеют осознаваемую носителями языка внутреннюю форму.

В сфере вторичной номинации различаются два принципиально различных способа отображения действительности и отнесения смыслового (понятийно-языкового) содержания наименования к обозначаемым объектам.

Первый способ вторичной номинации, достаточно простой и прозрачный, состоит в том, что здесь имеет место не прямое отображение внеязыкового объекта, опосредуемое “предшествующим” значением слова, те или иные признаки которого играют роль внутренней формы, переходя в новое смысловое содержание. Это выражается в самостоятельной номинативной функции такого рода номинативно-производных значений слов.

Второй способ вторичной номинации осложняется подключением к процессу наименования комбинаторно-синтезирующей деятельности сознания и соответствующей языковой техники. Сформировавшееся понятийно-языковое содержание таких наименований соотносится с внеязыковым рядом не автономно, а косвенно, что находит выражение в несамостоятельной номинативной функции таких косвенно-производных значений слов [4; с. 129–131].

Разделение номинации на первичную и вторичную является традиционным и характерно для внутрикультурного общения. А так как мы имеем дело с межкультурной коммуникацией, которая противопоставляется монокультурному и внутрикультурному общению, то можно сказать, что в данном случае мы имеем дело с иным типом номинации, отличным от традиционно выделяемых.

Номинация в процессе межкультурной коммуникации отличается от первичной и вторичной номинации на уровне самой структуры номинации.

При первичной прямой номинации в процессе участвуют три компонента:

- действительность (сфера денотации);
- смысл (сфера сигнификации);
- имя (звукоряд, получающий членение в соответствии с устройством плана выражения языкового кода).

В процессе вторичной номинации всегда имеет место взаимодействие четырех компонентов:

- действительность;
- понятийно-языковая форма ее отражения;

- переосмысливаемое значение языковой формы, опосредующее отнесенность нового смысла к действительности;
- языковая форма в ее вторичной функции названия [4; с. 159].

При номинации инокультурных реалий наблюдаются следующие компоненты:

- действительность;
- понятийно-языковая форма, отражающая национально-культурную действительность;
- трансформация и адаптация концепта, отражающего действительность, для восприятия носителями другой культуры;
- создание новой языковой формы средствами языка другой культуры.

Следовательно, номинация инокультурных реалий отличается от первичной и вторичной номинации по самой структуре.

Первичная номинация идеализирует материальный мир, т.е. имеет дело с реальностью. Вторичная номинация материализует мышление [4; с. 159], т.е. имеет дело только с концептом. Так же как и вторичная номинация, именование инокультурных реалий имеет дело с концептом, но концепт этот относится к другой культурной системе (чужой культуре).

Таким образом, можно утверждать, что при именовании в процессе межкультурной коммуникации мы имеем дело с особым видом номинации – номинацией инокультурных реалий, так как она отличается не только структурой от традиционно выделяемых видов коммуникации, но и протекает в условиях межкультурной коммуникации, которая отличается от внутрикультурной коммуникации.

Структура процесса номинации и характер общения не единственные признаки, по которым номинация инокультурных реалий выделяется в отдельный тип.

При первичной номинации происходит идеализация материального мира, а при вторичной номинации – материализация мышления.

Первичная номинация используется для означивания объективной действительности, а вторичная номинация используется для означивания абстрактных понятий. Номинация инокультурных реалий именуется объективную реальность, отобранную в сознании адресанта и чуждую адресату.

Первичная номинация представляет собой перевод материального в идеальное (реального материального предмета в предмет номинации), в то

время как вторичная номинация имеет дело с уже идеализированной реальностью – концептом. Формирование знака в процессе номинации происходит в два этапа: 1) форма знака соотносится непосредственно через чувственное восприятие с предметным рядом, с конкретными ситуациями и событиями объективной реальности; 2) мы имеем дело с психическими образованиями: отражение предмета, явление в виде идеального предмета не на уровне индивида, а на уровне данной языковой общности. На первом этапе процесс именования представлен первичной номинацией. Второй этап соотносится с вторичной номинацией. Номинация инокультурных реалий, так же как и вторичная номинация, имеет дело с психическими образованиями (идеализированной реальностью), но на уровне отдельно взятого индивида, имеющего потребность описать инокультурную реальность средствами своего языка.

К основному признаку первичной номинации относится произвольность формируемого языкового знака, вторичная же номинация и номинация инокультурных реалий формируются на основе ассоциаций с уже имеющимися языковыми знаками.

Первичная номинация направлена на формирование характеризующих знаков, а вторичная номинация и номинация инокультурных реалий направлены на формирование индивидуализирующих знаков. К характеризующим знакам относятся имена нарицательные, обозначающие классы предметов. Индивидуализирующие знаки – это имена собственные (названия лиц, имена животных, географические названия, имена общественных явлений, названия книг, журналов и т.д.) и “квази-собственные” (названия периодов истории, культурных и политических движений, имена исторических личностей, героев и мест, изображаемых в литературе, а также названия изделий, продуктов питания и т.д.).

Первичная номинация относится к языковой номинации и имеет узуальный характер употребления, вторичная номинация и номинация инокультурных реалий, как правило, относятся к речевой номинации и имеют окказиональный характер употребления. Первичная номинация, как правило, немотивирована, вторичная номинация и номинация инокультурных реалий мотивированы и в них четко прослеживается связь с другими более знакомыми именованиями.

Основные признаки процесса именования пред-

ставлены в коллективной монографии “Языковая номинация: общие вопросы” (1977, с. 34):

1. Именуемый предмет должен именоваться таким именем, которое не вызывало бы ассоциаций.

2. “Интенция именования является тем основным моментом, благодаря которому наше сознание во время восприятия нового предмета находит смысл, значение (т.е. признак наименования) и помещает его среди знакомых переживаний”. Акт наименования, по утверждению Д.Н. Узнадзе, возможен лишь тогда, когда ощущение становится восприятием, т.е. когда удастся объединить имеющиеся ощущения на основе какого-нибудь значения. Между представлениями наименованного объекта и слова, следовательно, должен появиться обязательно некий средний член, называемый значением воспринимаемого объекта наименования, который руководит выбором имени.

3. Функцию репрезентации значения нового наименования, как правило, берет на себя представление какого либо определенного предмета, одного из видов его рода, представление по ассоциации, по форме, функции и т.п.

4. Основой наименования может быть не только четкое представление именуемого объекта действительности, но и чувства, эмоциональное состояние именуемого субъекта (ср. всевозможные метафорические переносы при прямой и косвенной номинации).

Первый признак релевантен только для первичной номинации, так как вторичная номинация строится на ассоциации со знакомым предметом. Номинация инокультурных реалий с одной стороны берет за основу ассоциацию со знакомым предметом, но с другой стороны должна сделать акцент на инаковость описываемого явления.

Что касается второго признака, то он имеет место только при первичной номинации.

При вторичной номинации и при номинации инокультурных реалий в процессе наименования между реальной действительностью и конечным результатом процесса именования присутствуют два компонента (подробнее об этом говорится при анализе компонентов процесса первичной, вторичной номинации и номинации инокультурных реалий).

Функцию репрезентации значения нового наименования берет на себя представление какого либо определенного предмета при вторичной номинации и при номинации инокультурных реалий.

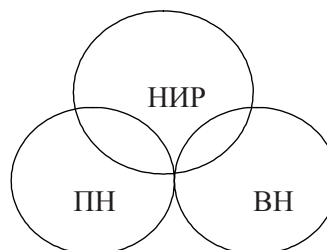
Четвертый признак относится ко всем трем видам номинации, так как именование чувств и эмоционального состояния возможно как при первично и вторичной номинации, так и при номинации инокультурных реалий.

В монографии “Языковая номинация: общие вопросы” (1977, с. 147) представлены факторы, способствующие появлению в языке того или иного слова, а так как слово – это конечный результат именования, то можно предположить, что это факторы, способствующие появлению в языке той или иной номинации:

- 1) опыт;
- 2) лингвистическая техника;
- 3) человеческая психология и роль отдельного индивида;
- 4) роль общества;
- 5) влияние внешних условий;
- 6) номинация и языковая система;
- 7) взаимоотношения языка, мышления с окружающей действительностью.

Но для номинации инокультурных реалий в добавление ко всем этим факторам нужен еще один – необходимость описания иноязычной культуры и необходимость именования явлений этой культуры.

Рассмотрение видов номинации приводит к выводу, что “общая типология может быть представлена не в виде дихотомического дерева, но в виде многомерного пространства с пересекающимися признаками” [5; с. 293]:

где, НИР – номинация инокультурных реалий;
ПН – первичная номинация;
ВН – вторичная номинация.

Библиографический список

1. Болдырев Н.Н., Бабина Л.В. Вторичная репрезентация как особый тип представления знаний в языке // Филологические науки. – 2001, № 4. – С. 79–86
2. Кабакчи В.В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации. – СПб.: Изд-во «Союз», 2001. – 480 с.
3. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Науч. центр проблем диалога, 1996. – 165 с.
4. Языковая номинация (виды наименований) (под ред. Б.А. Серебrenникова, А.А. Уфимцевой). – М.: Наука 1977. – 357 с.
5. Языковая номинация (общие вопросы) (под ред. Б.А. Серебrenникова, А.А. Уфимцевой). – М.: Наука 1977. – 358 с.
6. Языкознание. Большой Энциклопедический словарь (гл. ред. В.Н. Ярцева) 2-е изд. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. – 685 с.

N.A. MARTYNOVA

THE PECULIARITIES OF THE NOMINATION OF REALIAS BELONGING TO THE OTHER CULTURES IN THE PROCESS OF CROSS CULTURAL COMMUNICATION

This article is devoted to the analysis of the nomination of realias belonging to the other cultures in the process of cross cultural communication. We treat cross cultural communication as a special type of interrelation so the nomination in the process of cross cultural communication is different from the traditional types of nomination.

Key words: cross cultural communication, primary nomination, secondary nomination, dialogue of cultures, realia.

Н.А. ОЩЕПКОВА, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Калужского института туристского бизнеса филиала Российской международной академии туризма
Тел. 89206151653; n-oshepkova@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОПИСАНИЯ АРГУМЕНТАТИВНОСТИ

Прагма-диалектический подход идентифицирует английские слова и выражения, которые крайне важны для реконструкции аргументативного дискурса. Он предоставляет исследователю набор инструментов для того, чтобы дать обоснованный анализ языковых элементов, которые важны для оценки аргументации.

Цель статьи заключается не только в перечислении известных индикаторов аргументации и точек зрения, таких как “для” и “поэтому”, “причины этого”. Необходимо также помнить об индикаторах других важных элементов аргументативной дискуссии, таких как антагонизм, концессии, опровержения, контрдоводы и отношения между аргументами. Модель критической дискуссии имеет теоретическую основу классификации индикаторов языковых средств аргументативности.

Ключевые слова: прагма-диалектика, аргументативный дискурс, речевой акт, индикатор, тезис–аргумент–вывод, контртезис–контраргумент–контрвывод.

Прагмалингвистика нацеливает на изучение разнообразных языковых элементов всех уровней: лексического, грамматического, просодического, выражающих различные аспекты акта речи и способных служить признаками аргументативности. Ряд языковых средств с аргументативным значением выражают это значение контекстно свободно. Это, прежде всего, экспозитивные глаголы, комиссивные глаголы, выражающие согласие, несогласие, возражение, отказ, опровержение и т.д., наречия, местоимения с противительным значением, междометия, фразеологические сочетания с негативным значением и т.д. Языковые средства других уровней (морфология, синтаксис, фонетика) являются контекстно-обусловленными.

Лексические средства описания аргументативности.

К **глагольным** средствам, маркирующим аргументатив, можно отнести: 1) глаголы, выражающие согласие/несогласие, соглашение/несоглашение: *to offer, to suggest, to propose, to accept, to decline, to deny; to persuade* (англ.), *offrir, proposer, accepter, rejeter, avancer, produire* (франц.), *vorschlagen, beantragen, vorbringen, aufstellen, ablehnen, abschlagen* (нем.),

2) экспозитивные глаголы: *to agree, to protest, to explain, to conclude, to reason, to argue* (англ.), *approuver; être d'accord, partager l'opinion, protester, expliquer, conclure, réfléchir, raisonner, discuter* (франц.), *erklären, erläutern, einwilligen, einverstanden sein, streiten, denken, urteilen, schließen, folgern* (нем.) и др.

К средствам выражения согласия относятся: *yes, nice, sure* (англ.), *très bien, oui, parfaitement, c'est parfait, c'est superbe, bien sûr* (франц.), *ja, gewiß, natürlich, selbstverständlich, freilich*, (нем.), несогласия – *no, wrong, nonsense* (англ.), *Non,*

irrégulièrement, incorrectement, fausement, absurdité, galimatias (франц.), *nein, unregelmäßig, falsch, unrichtig* (нем.).

Высказывания **прохибитивного характера** либо закрывают обсуждаемую тему (что может быть ошибкой):

I don't want to talk about it (англ.), *Je ne veux pas parler de cela* (франц.), либо налагают запрет на определенный тип поведения:

Don't start blaming me (англ.), *Cessez de dire des absurdités* (франц.).

Наиболее близко к глаголам по аргументативной семантике находятся **адверсативные союзы и наречия с противительным значением**: *but, yet, still, only, nevertheless* (англ.), *mais, et, encore, seulement* (франц.), *und, aber, nicht nur, noch, bis* (нем.) и т.д. Можно считать, что адверсативные союзы являются сильными формальными маркерами контртезисных высказываний.

Традиционно такие союзы как *“but”, “and”* считались показателями отношений между предложениями, отображающими положение дел. В концепции «радикального аргументативизма» О. Дюкро эти союзы являются индикаторами аргументативных отношений [7, сс. 315–322]. Аргументативными считаются все высказывания, которые ведут, часто имплицитно, к определенному выводу. Аргументация не ограничивается определенным типом деятельности, она является перманентной чертой использования языка. Союзы *“and”* и *“but”* используются во всех типах дискурса, но их использование определенным образом аргументативно ограничено: *“and”* не может соединить две посылки с несовместимыми понятиями:

Go see that movie: It is poorly directed and very well acted. В данном случае уместнее было бы употребить союз *“but”*.

По мнению других специалистов, союз *“but”*, имея противительное значение, не всегда может быть элементом средств аргументатива. Только из контекста становится ясно прагматическое назначение тех или иных языковых средств с отрицательным аргументативным значением. Так, О.А. Ревенко, основываясь на понятии контекста, «привязывает» языковые средства выражения противительности к конкретным аргументативным конституентам (тезис-аргумент-вывод, контртезис-контраргумент-контрвывод) и, тем самым, устанавливает их прагматическое назначение в структуре аргументативного дискурса. «

Глаголы с противительным значением, адверсативные союзы, союзные наречия с противительным значением входят в логико-семантическую структуру контртезиса и, соответственно, контрвывода» [5, с. 125].

Контекстуальная обусловленность употребления союзов подразумевает диалогичность. Противоречия двух точек зрения (О.А. Ревенко и О. Дюкро) снимаются, если понимать контекст в широком смысле, как полифоническое мышление [6].

С языковой точки зрения тезис, как правило, не маркирован, аргумент вводится при помощи эксплицитно/имплицитно выраженных **причинных наречий** (*поэтому*, англ.: *because, for, as*, франц.: *parce que, puisque*, нем.: *deshalb, darum, weil, da*), вывод (*таким образом*, англ.: *thus, so, therefore, hence*, франц.: *c'est pourquoi, ainsi*, нем.: *deswegen, darum, so*). Контртезис маркируется адверсативными союзами, наречиями, которые функционируют, как правило, с имплицитно причинными союзами. Контр-вывод определяется на основании функционально-прагматической направленности контр-тезиса и контр-аргумента и маркируется теми же средствами, что и вывод.

Аргументация тесно связана с системой оценочных и квалификационных значений (например, авторская модальность или имплицитная положительная оценка). О. Дюкро, исследуя **операторы** (operators): *little, a little, almost, barely, hardly* (англ.), *pas mal, presque, a peine* (франц.) приходит к выводу, что через такие лексические единицы аргументативность входит в семантическую структуру предложения. Операторы позволяют дать ориентировку к определенному выводу, который не может быть сделан только исходя из информативного содержания предложения:

There were twenty people. So the party was a success.

There were almost twenty people. So the party was a success. (1)

There were barely twenty people. So the party was a success. (2)

Употребление оператора в (2) создает эффект иронии, которая в свою очередь ведет к негативному выводу. В данном случае возможны ошибки. Позитивные и негативные «оценочные» аспекты использования операторов О. Дюкро называл аргументами.

В концепции О. Дюкро, предполагающей, что

аргументативность есть ингерентная черта предложения, лингвистические предикаты такие как “to be expensive”, “to work” в предложениях типа “This restaurant is expensive”, “John worked more than Peter” всегда аргументативно ориентированы. Называя что-либо “expensive”, мы имеем в виду определенный вывод. В этом смысле употребление предикатов сравнимо с топосами Аристотеля:

*The less expensive a thing, the better deal it is. VS
The more expensive a thing, the less a good deal it is.*

Топос ведет к определенному выводу в конкретной речевой ситуации. О. Дюкро приходит к следующему выводу: аргументативные операторы выполняют двоякую функцию: 1) они информируют, идет ли речь о прямом топосе “The more x, the more y” или о конверсивном топосе “The less x, the less y”. В данном случае речь идет о правильном применении схемы рассуждения в процессе аргументирования. 2) Операторы позволяют судить об аргументативной силе высказывания [7, с. 315–322].

Подход радикального аргументативизма О. Дюкро прослеживается в концепции анализа структуры аргументативного дискурса Ф. Хенкеманс [8]. Автор убедительно показывает, что существует возможность определить вид структуры аргументации при наличии в аргументе лексических единиц, имеющих квалификационное значение, модальное значение, коннекторов. По мнению Ф. Хенкеманс лексические единицы типа “even”, “anyway” могут служить показателями «сочинительной» и «множественной» аргументации, соответственно. Маркерами *множественной* аргументации являются: *by the way, incidentally, while apart from, needless to add that, сочинительной: this to thing combined, lead to the conclusion that, when it is also remembered that, in addition to the fact, as well as the fact that, подчинительной: since because, because* [7, с. 18).

Следующий важный элемент аргумента – **модальность**. Аргументативная деятельность ориентирована либо на доказательство истины, либо на убеждение побудить человека к действию. Первый тип деятельности связан с алетической модальностью, второй – с акциональной модальностью. Глаголы с противительным значением могут быть разбиты на группы в зависимости от их алетической, либо акциональной номинативной ориентацией.

Глагольную группу с **алетической модальностью** образуют: *to refute, to disprove, to rebut, to disapprove, to contradict, to convict* (англ.), *démentir, contredire, accuser* (франц.), *verneinen, bestreiten, widersprechen, beschuldigen, anklagen*, (нем.) и др. Глагольная группа с **акциональной модальностью** включает глаголы: *to refuse, to reject, to decline, to repel* (англ.), *abschlagen, widerlegen* (нем.).

Языковые показатели модальности, доказывает, что подобные лексические единицы могут служить действенным инструментом в оценке структуры аргументации. В частности, среди прагматических ключей определения структуры аргументативного дискурса выделяются **модальные наречия**: *possibly, probably, certainly, модальные прилагательные: possible, probable, certain, possible, eventual, модальные глаголы: can, must, и глаголы suppose, believe, think*. Мы добавляем к этому списку *il est possible, nettement* (франц.), *möglich, bestimmt* (нем.), модальные прилагательные: *défini, déterminé, fixé* (франц.), *möglich, eventual* (нем.), модальные глаголы: *pouvoir, vouloir* (франц.), *können, wollen* (нем.), и глаголы *suppose, believe, think* (англ.), *estimer, penser* (франц.), *meinen, glauben, annehmen* (нем.). Все перечисленные модальные слова и выражения показывают степень уверенности говорящего в приемлемости выдвигаемой точки зрения (эпистемическая модальность). Модальные слова, таким образом, служат показателями иллокутивной силы высказывания. Вышеуказанные подходы предполагают включение модальности в структуру речевого (РА) акта аргументирования.

Синтаксические средства

Внимательное изучение категорий РА аргументации и средств их выражения позволяет вскрыть существенные закономерности употребления языковых единиц, углубить их семантический анализ. Например, формально-грамматический анализ выделяет в предложении лишь грамматический субъект – подлежащее, синтаксическая семантика – семантический (реальный) субъект. При прагмалингвистическом анализе выделяется протагонист (исполнитель действия, говорящий) и источник информации (автор высказывания). Возможное расхождение этих трех субъектов объяс-

няет многие оттенки значения и закономерности употребления целого ряда речевых индикаторов [1, с. 560] (ср. «полифония» О. Дюкро). Например, французские союзы *car* (ибо) и *puisque* (потому что) синонимичны и во многих контекстах взаимозаменяемы: *Sortons car (puisque) il fait beau temps – Пойдем прогуляемся, поскольку погода хорошая.* Однако в контексте *A: Ce qu'il fait beau aujourd'hui! B: Eh bien, sortons' (car, puisque) il fait beau aujourd'hui* союз *puisque* вполне приемлем, так как *car* менее допустим, по крайней мере без специфической иронической интонации. [1, с. 560] О. Дюкро объясняет это тем, что *car* выражает совпадение говорящего и источника информации, тогда как *puisque* может выражать причинную связь и при их расхождении, что как раз имеет место во втором случае (*Погода хорошая – Что ж, пойдем прогуляемся, раз погода хорошая.*) Оба союза различаются прагматически своей соотносительностью с участниками коммуникации. Подобные аспекты необходимо учитывать при критическом анализе аргументативного дискурса (АД).

К синтаксическим средствам оформления АД относятся различные коммуникативные типы предложения, вводные конструкции, косвенное употребление коммуникативных типов предложения.

Повествовательное предложение может восприниматься не как простое аргументирование, а выражать дополнительные прагматические оттенки: отказ, упрек, недовольство и др. В свою очередь вопросительное предложение может употребляться в качестве средства побудительности, выступая в роли аргумента. При этом аргумент, выраженный вопросом, часто более категоричен. Утверждение может быть выражено разными типами вопросов: риторическими, рефлексивными, фразеологическими структурами. Говоря об анализе структуры РА, необходимо помнить, что в прямых РА собственное и прагматическое значение совпадают, в косвенных РА они расходятся.

Составные части сложного предложения выполняют в структуре аргумента вполне определенные функции (тезис, основание, вывод и т.д.). Здесь необходимо вернуться к проблеме анализа *коннекторов*. Изучение аргументативных стратегий не должно сводиться только к структурированию эксплицитных частей процесса ар-

гументации, таких как уточнение, уступка, объяснение, оправдание. В процессе семантического анализа коннекторов, таких как, *следовательно, значит* аргументативные стратегии выводятся на прагматическую ступень.

Аргументативная грамматика В. Ло Качио рассматривает АД как форму использования языка, управляемую набором синтаксических правил. Использование схем АД (профилей) происходит согласно прагматических правил. В. Ло Качио проводит анализ синтаксической формы АД, средств вербальной презентации аргументации, маркеров оговорки, ограничителей, идентифицирует их функции в структуре аргумента и контраргумента [7, с. 329–339].

Определяя предмет исследования аргументации, мы отмечаем, что аргументация рассматривается нами как дисциплина, описывающая правила ведения критической дискуссии. Эффективность же достижения цели аргументативного сообщения напрямую связана со способами ведения критической дискуссии, что, в свою очередь, является предметом исследования риторики. Риторические техники должны рассматриваться как структурный компонент АД. Таким образом, мы включаем риторический анализ в анализ структуры АД. Аргументация является семантическим наполнением структуры. Лингвистическое наполнение происходит в ориентации на риторический каркас.

Риторические техники частично совпадают с аргументационными схемами. Анализ АД, его микро- и макроструктуры, с позиции аргументации и с позиции риторики осуществляется на основе топосов (оснований для выбранной посылки). Наиболее употребительными основаниями в процессе рассуждения являются: рассуждение на основе причинно-следственных отношений, рассуждение на основе авторитета, рассуждение на основе аналогии.

Что касается способов убеждения, т.е. собственно риторических средств, то диалектика Аристотеля определяла их как этос, пафос и логос. Этос и пафос традиционно относились к неаргументативным средствам убеждения, логос – к аргументативным.

Аргументативный способ основан на соблюдении логических правил вывода умозаключений. Подобная тактика носит название «тактика логической демонстрации» [3, с. 113]. Неаргумента-

тивный способ связан с несоблюдением как правил вывода умозаключений, так и аналогии. Это речевая тактика «паралогической демонстрации» [3, с. 113].

Логическая демонстрация представлена функционально-аргументативной моделью С. Тулмина [9]. Паралогическая демонстрация предполагает использование фигур речи, предназначенных для украшения стиля, словесной орнаментации, в качестве аргументов в цепи обоснования тезиса. Таким образом, в область преднамеренных ошибок, т.е. в паралогику, входят: 1) фигуры конструкции (порядок слов, инверсия, противопоставление); 2) фигуры слов или тропы (метафора, синекдоха, метонимия, аллегория, ирония, сарказм и др.); 3) фигуры мысли (гипербола, литота, градация).

В основе паралогического приема находятся аргумент к этосу – прием убеждения, основанный на общности морально-этических норм говорящего и адресата, и аргумент к пафосу – прием, вызывающий чувства и эмоции. Аргументация в АД с коммуникативно-прагматической установкой убедить коммуниканта в приемлемости выраженного мнения широко использует аргумент к этосу, поэтому, по мнению некоторых исследователей, аргументация, направленная на убеждение аудитории, является «паралогическим» приемом, так как она учитывает особенности данной аудитории и опирается не на логику [3, с. 113]. Подобная точка зрения противоречит позиции представителей прагматической школы, которые выступают против соединения аргументации с риторическими приемами. Однако приходится признать, что призывы к чувствам, авторитету, мнению большинства как средства аргументации используются

довольно часто в аргументативной практике и в большинстве случаев использование этих средств эффективно. Именно поэтому мы допускаем употребление наряду с логическим рассуждением риторических приемов убеждения, установив при этом некоторые ограничения.

Н.Н. Добрякова также придерживается мнения о необходимости компромисса между риторикой и аргументацией: «... необходимо разграничивать аргументацию с четко представленной логической схемой построения рассуждения (логической демонстрацией), усиливаемой риторическими средствами убеждения, и убеждение, в основе которого находится паралогическая демонстрация или риторические приемы построения убедительной речи» [2, с. 41]. В качестве риторических стратегий, имеющих прагматические цели, автор отмечает следующие стратегии: стратегия «максимального аргументативного сообщения», контрастная стратегия, стратегия драматического доказательства, имиджевая стратегия, стратегия драматизации кризисной ситуации, стратегия демонстрации действенности законопроекта, контрастно-аксиологическая стратегия, регулятивно-аксиологическая стратегия [2]. На наш взгляд, оправданность использования той или иной стратегии с точки зрения прагматической лингвистики зависит от того, насколько правильно употребляется аргументативная схема рассуждения (рассуждение на основе авторитета, на основе причинно-следственных связей, на основе аналогии и т.д.), являются ли различного рода апелляции достаточным обоснованием тезиса, не уклоняется ли автор от обязанности доказывания своей точки зрения, используя риторические приемы.

Библиографический список

1. Гак В.Г. Языковые преобразования [Текст]. – М.: Школа языка русской культуры, 1998. – 768 с.
2. Добрякова Н.Н. Аргументативное сообщение как единица политической речи. Прагматический и интеракционный аспекты анализа: Дис. канд. филол. наук [Текст]. – СПб., 2003. – 201 с.
3. Клюев Е.В. Риторика. Учебное пособие для высших учебных заведений [Текст]. – М.: Издательство ПРИОР, 1999. – 272 с.
4. Ощепкова Н.А. Стратегии и тактики в аргументативном дискурсе: прагматический анализ убедительности рассуждения: Дис. канд. филол. наук [Текст]. – Калуга, 2004. – 210 с.
5. Ревенко О.А. Диалог-спор в лингвистической теории аргументации (на материале совр. англ. языка): Дис. канд. филол. наук. [Текст]. – Красноярск: Красноярск, гос. ун-т, 1999. – 187 с.
6. Фанян Н.Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура: Автореф. дис. докт. филол. наук. [Текст]. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2000. – 49 с.
7. Eemeren F.H. van, R. Grootendorst, F. Snoeck Henkemans. Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments. [Текст]. – Mahwah (N.J.): Erlbaum, 1996. – 424 p.

8. Henkemans A.F. Analyzing Complex Argumentation. The Reconstruction of Multiple and Coordinatively Compound Argumentation in a Critical Discussion. [Текст]. – Sic Sat, Amsterdam, 1992. – 170 p.
9. Toulmin St. The Uses of Argument. [Текст]. – London, Cambridge: Cambridge University Press, 1958. – 415 p.

N.A. OSHEPKOVA

ARGUMENTATIVE LANGUAGE USAGE

A Pragma-Dialectical Study identifies English words and expressions that are crucial for reconstruction of argumentative discourse. It provides the analyst with a set of instruments for giving a well-founded analysis of the elements that are relevant for the evaluation of the argumentation.

The scope of the article is not restricted to the well-known relational indicators of argumentation and standpoints, such as “for” and “therefore, “my reason for this is,” but extends to indicators of other important elements of argumentative discourse, such as antagonism, concessions, rebuttals, counterarguments, and relations between arguments. Model for critical discussion constitutes an appropriate theoretical framework for classifying the indicators of argumentative language use.

Key words: Pragma-Dialectical Study, argumentative discourse, speech act, indicator, thesis-argument-conclusion, counterthesis-counterarguments-counterconclusion.

Е.В. ПАВЛОВА, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, заместитель директора по учебной и научной работе Калужского института туристского бизнеса филиала Российской международной академии туризма
E-mail: pavlovaelen@yandex.ru

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ЭТНИЧЕСКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ ПОВЕДЕНИЯ

В статье отражены способы реконструкции древнейших элементов народного знания о мире посредством ситуативного анализа моделей поведения, получающих языковую реализацию в фольклорных текстах.

В этом случае семантический (символический) язык фольклора рассматривается как особый язык, единицей которого является не слово, а типизированный традиционный смысл, включающий в себя этнически маркированные признаки. При этом используется методика соотнесения фольклорных данных с общекультурным контекстом: от анализа фольклорного материала – к фактам этнической действительности, в частности – рассматриваются общие и ареальные различия в представлении такого элемента севернорусской народной культуры, как брачный выбор.

К анализу привлекаются фольклорные тексты «закрытых», труднодоступных территорий Пинеги, Кулоя, Печоры, а также тексты, записанные на побережье Белого моря, землях, издавна подверженных западному влиянию.

Ключевые слова: язык фольклора, элементы традиционной этнической культуры, языковая модель поведения, ситуативный анализ, этнически маркированный смысл.

Практически все современные интерпретации культуры выделяют ее этнический компонент. Этническая культура представляет собой «образ мира, упорядоченную и сбалансированную схему космоса, ту призму, через которую человек смотрит на мир», своеобразный образ мироздания, который находится в области бессознательного и осмысливается членами этноса фрагментарно. Вся культура человечества представляет собой совокупность этнических культур, которые отличаются от культур национальных. Различие это строится на несовпадении определений этноса и нации. В настоящее время этот вопрос решается в науке неоднозначно. Среди различительных признаков, положенных в основу характеристики этих понятий, для нас важным является следующий: «нация предполагает государственно-правовое регулирование, общее и одинаковое для всех граждан», тогда как «локальный этнос не нуждается в государственности, поскольку этническое единство... исходно основывается на самобытных, стихийно сложившихся обычаях и бессознательных представлениях – архетипах» [2, с. 112–113]. Мы опираемся на тезис, согласно которому регулирующую и регламентирующую функции внутри этноса выполняет не государственность, а традиционная духовная культура.

К наследуемым фактам духовной культуры можно отнести идеи, верования, эмоции, отношения, а также нравы, обычаи, особенности общения и социального поведе-

ния людей, то есть «все свойственные данному народу способы видения, понимания и преобразования мира» [4 с. 16]. Перечисленные элементы этнической духовной культуры содержат в себе своеобразные предписания, руководства к действию, которые принимаются всеми членами этноса и фиксируются в различных формах духовной культуры – акциональных (обряды и ритуалы), ментальных (верования и представления) и вербальных, в том числе и в языке фольклорных текстов.

В этнографии и культурологии, а также в современной этнолингвистической практике выявление этнокультурной информации наиболее часто осуществляется путем анализа акциональных и ментальных форм. Однако Э. Сепир утверждал, что большая часть культурного фонда сохраняется в более или менее четко определенной языковой форме. Он писал: «само собой разумеется, что содержание языка неразрывно связано с культурой». Пословицы, заклинания, стандартизированные молитвы, народные предания, песни, родословные – это лишь некоторые из внешних форм, используемых языком как средства сохранения культуры [6, с. 243]. Таким образом, важным источником реконструкции элементов духовной культуры являются лексика, фразеология, паремиология, фольклорные тексты, отражающие язык этноса.

Достаточно актуальной и практически неразработанной является методика этнолингвистического описания фольклора, предполагающего семантический анализ языковых фактов и их этнокультурную интерпретацию, то есть выявление определенной совокупности смыслов, которые имеют ценностную маркированность в рамках данной этнической культурной традиции.

По мнению Л.Н. Виноградовой, при реконструкции древней славянской духовной культуры фольклор должен рассматриваться не как искусство слова, а как элемент традиционной культуры, то есть в этом случае необходим «семиотический подход к фольклорным фактам, учитывающий их внетекстовые связи, ритуально-магические и социально-бытовые функции» [3, с. 102].

В русле этнолингвистического направления фольклорный язык рассматривается как особый язык, единицей которого является не слово, а традиционный смысл. «Семантический язык фольклора, – пишет П.П. Червинский, – это язык тради-

ционных смыслов... Смысл, передаваемый словом (*дуб, дорога...*), в модели мира, обряде..., лирической песне – всякий раз иной и вместе с тем единый традиционный смысл». Смысл в данном случае понимается не как значение, а как отраженный в слове волевой импульс (В. Тэрнер), актеяние (Н.И. Толстой), элемент модели мира (В.Н. Топоров) [8, с. 26]. Эти типизированные традиционные смыслы включают в себя этнически различительные признаки, позволяющие делать вывод об этнокультурном своеобразии тех или иных народных представлений. Однако на основании фольклорных фактов система традиционных представлений этноса может быть воссоздана лишь условно, поскольку фольклорная картина мира – это «особая фольклорная реальность, выраженная с помощью языка традиционного народного творчества» [5, с. 15], и поэтому она может не совпадать в полной мере «с системой значений всего этнографического комплекса» [3, с. 106]. Осознание этого позволяет Н.И. Толстому, Л.Н. Виноградовой и другим ученым рассматривать фольклор как вторичный источник для реконструкции древнеславянской духовной культуры (первичными, по мнению Н.И. Толстого, являются обряды, верования, представления). В связи с этим результаты лексико-семантического анализа языка фольклора требуют соотнесения с историческим фоном, с результатами культурологических и этнографических исследований. Л.В. Виноградова пишет о двух методиках соотнесения фольклорных данных с общекультурным контекстом: поиск связей в направлении от этнографической реальности к интерпретации фольклорного текста и обратнонаправленный поиск, который осуществляется реже [3, с. 106]. Нами реализуется второй подход: от анализа фольклорного материала – к фактам действительности.

Реконструкция элементов этнической духовной культуры Русского Севера осуществляется нами на материале «Пятиречия» О.Э. Озаровской (первая его публикация состоялась в 1931 году), которое представляет собой единое художественное произведение со своеобразной пятичастной организацией материала. «Пятиречие» включает 50 подлинных фольклорных текстов разных жанров, записанных О.Э. Озаровской в ходе экспедиций в Архангельскую губернию в 1921–1925 годах. Все произведения сборника распределены по пяти темам: «Сказки о верной любви», «Любовные изме-

ны и утехи», «Волшебные сказки», «Сказки о матери», «Сказки о труде». Героями произведения являются пять сказителей, волею судьбы встретившиеся на берегу северной реки Пинеги и в течение пяти дней вынужденного ожидания парохода развлекавшие собравшихся на берегу людей сказками, песнями, былинами. Каждый сказитель (их подлинные имена О.Э. Озаровская приводит в научном комментарии к сборнику) – уроженец одной из пяти севернорусских территорий: Поморья, Пинеги, Кулоя, Мезени и Печоры. По замыслу Озаровской, каждый сказочник представляет фольклор своей территории с его этноспецифическими чертами и особенностями мировидения коренных жителей.

Важным в этом случае представляется выявление связи фольклорного языка с реальными представлениями жителей Русского Севера начала XX века. На основе текстов «Пятиречия» предпринята попытка выделения таких значимых фрагментов духовной культуры, как «жизнь девушки от рождения до замужества», «брачный выбор», «семейная жизнь» и других. Выявление смыслов и их интерпретация осуществляется путем анализа частотных лексем, обладающих антропокультурной и этнокультурной маркированностью, а также путем выявления языковых моделей поведения, зафиксированных в фольклорных текстах.

Под моделью поведения мы понимаем совокупность характерных для представителей этноса действий, оценочных суждений и отношений применительно к значимому фрагменту традиционной духовной культуры. Мысль Б.Л. Уорфа о том, что «поведение людей... очевидно, многими путями соотносится лингвистически обусловленным микрокосмом» [7, с. 64], позволяет заключить, что поведенческие модели могут быть выявлены и описаны не только этнографическими или психологическими методами, но и методами лингвистики. С точки зрения лингвистического понимания, модель поведения (языковая модель поведения), определяется нами как совокупность типичных, традиционно регламентированных ситуаций (признаковых, субъектно-объектных, предикатных, оценочных), реализующих в тексте ту или иную микротему.

Рассмотрим такой элемент традиционной народной культуры, как брачный выбор, и выделим те его этнические признаки, которые характерны для пяти севернорусских территорий, представлен-

ных в «Пятиречии». Мотив выбора суженого встречается в «Пятиречии» в двадцати двух текстах из пятидесяти. Наиболее частотным данный мотив оказывается в текстах «закрытых», труднодоступных территорий (кулойских, пинежских, печорских).

К описанию были привлечены все тексты «Пятиречия» с микротемой «выбор жениха/невесты» независимо от их жанровой принадлежности, включая авторский текст сборника.

Указанный фрагмент духовной культуры представлен в произведении в нескольких вариантах, на основе которых выделен ряд поведенческих моделей. При их определении учитывались следующие параметры: кто выбирает? (субъект выбора) и на основании каких условий выбирает? (критерии выбора). Субъектами выбора жениха/невесты в «Пятиречии» являются родители, сын, дочь, «вольный человек» (как правило, им является социально значимая личность: богатый купец, царь, князь, царевич, «королевишна»), а также некая божественная сила – предопределение. К критериям выбора относим сословную принадлежность и материальную обеспеченность, личные качества человека (внешнюю привлекательность, трудолюбие, хозяйственность, верность) и характер отношений (любовь, взаимную симпатию под.).

В текстах «Пятиречия» представлены следующие модели поведения при осуществлении брачного выбора:

1. «Выбор осуществляется по воле родителей на основе критерия сословной принадлежности».
2. «Суженый или суженая даются по божественному предопределению».
3. «Жених (социально значимая личность – царь, царевич, князь, богатый купец) выбирает себе невесту за ее личные качества».
4. «Сын или дочь делают свой выбор самостоятельно без учета мнения родителей».

Коротко опишем последовательность действий по реконструкции данного фрагмента духовной культуры.

На первом этапе определяется база анализа, то есть вычленяются все тематически закреплённые контексты и в их пределах выявляются ситуации, соотносимые с действиями, оценками, объектно-субъектными отношениями.

Так, в мезенской сказке «Укрощение строптивой» представлена четвертая поведенческая модель: «Сын самостоятельно выбирает себе не-

сту без учета мнения родителей». Эта модель реализуется следующими ситуациями:

– ‘намерение сына’: *Нать мне жона и работница в хозяйство;*

– ‘намерение матери’: *Я тебе, Ванюшко, невесту приберу-то;*

– ‘сопротивление сына’: *Нет, маменька, это уж оставьте.*

– ‘волеизъявление сына’: *Мне жить, мне и выбирать. Сам выберу!;*

– ‘сопротивление матери’: *Да как?! Стары люди всегда уж так дельвали. Можешь ле выбирать?;*

– ‘убеждение (мать убеждает сына)’: *Понимает ле мушшина обиходну роботу? Нать, штоб была и пряха, и ткея, и жнея, и в дому обиходна, и к людям уцлива, и тебе повинна, и мне починна;*

– ‘волеизъявление матери’: *Я выберу!;*

– ‘сопротивление сына и преодоления запрета’: *Нет, маминька, я сам. Не люблю я из чужих рук смотреть!;*

– ‘смирение матери’: *Мать и перечить боле не стала.*

Отдельно выделены ситуации с оценочным значением:

он был нравной; бедну сам не возьмешь; ты ведь бедной (о сыне);

богата; дак не на радость!; она робить нице не хочет: ни пресь, ни ткать, ни жать, ни косить, ни корова обредить, ни трава носить. Только знат на своем поставит (о нерадивой невесте),

а также ситуация ‘предостережения’:

Ты с ей напозоришься!

Подобное выделение ситуаций осуществлялось и на основе других текстов, содержащих рассматриваемую модель.

Далее составляется типизированный сценарий, единый для всех текстов с данной микротемой и выявляются ситуации общие, которые являются моделиобразующими, типичными, и ситуации вариативные. Наличие дополнительных ситуаций, а, следовательно, и дополнительного прагматического содержания в том или ином произведении позволяет выявлять дифференциальные смыслы, различающие реализацию поведенческой модели в текстах разных территорий.

Дальнейшая реконструкция предполагает семантический анализ выявленных ситуаций, в ре-

зультате которого осуществляется лингвокультурная интерпретация полученных сведений.

Так, в сказке «Укрощение строптивой» ситуации сопротивления матери и ее попыток удержать сына от самостоятельного выбора реализованы тремя видами предложений:

– двусоставными с обобщенным значением: *Стары люди всегда уж так дельвали;*

– сложноподчиненными со значением долженствования, вводимого модальным словом «нать»: *Нать, штоб была и пряха, и ткея, и жнея, и в дому обиходна, и к людям уцлива, и тебе повинна, и мне починна;*

– вопросительными предложениями риторического характера со значением убеждения либо предостережения: *Да как?! Можешь ле выбирать?; Понимает ле мушшина обиходну роботу?*

Особенностью этих предложений является либо безличность, бессубъектность («*нать, штоб ...*»), либо наличие или предполагание абстрактного субъекта со значением «каждый», «любой»: (*стары люди, мушшина*). Значение обобщенности подчеркивается употреблением наречия времени *всегда*, словоформой *дельвали* (вместо *делали*), где суффикс *-ыв-* имеет значение типичного, неоднократно повторяемого действия, и другими языковыми маркерами. Перечисленные языковые факты формируют смысл некой изначальной установленности, зафиксированного в сознании предписания, которое не может быть оспорено и которому нужно следовать. Твердое намерение матери придерживаться установленных правил реализуется в ее прямом позиционировании, выраженном посредством употребления форм 1-ого лица: *Я выберу!* При этом восклицание формирует дополнительную экспрессию высказывания.

Те культурные смыслы, которые транслируются через рассматриваемые ситуации, могут быть «раскодированы» также с помощью «развертывания» неполных предложений. Например, придаточные предложения *тебе повинна, мне починна* могут быть восполнены так: хорошая жена должна быть послушна мужу и почтительна по отношению к свекрови.

Вопросительные предложения *Можешь ле выбирать?; Понимает ле мушшина обиходну роботу?* эксплицитно представляют следующую информацию: в обязанности мужчины не входит работа по дому, а значит, он не может сам выб-

рать себе невесту, поскольку не сможет определить ее способности в этой области.

Ситуации с подобным прагматическим содержанием характерны для большинства пинежских и печорских текстов «Пятиречия». В них волеизъявление и запрет родителей в выборе невесты или жениха, как правило, не преодолеваются детьми. Реализация рассматриваемой языковой модели в поморских и мезенских текстах (мы относим их к «открытым», подверженным западному влиянию территориям) значительно отличается: в них широко представлены ситуации намерения детей и преодоления родительского запрета. Особенностью языковой реализации этих ситуаций в мезенских текстах является совмещение бессубъектных форм («*Мне натъ, мне жить, мне выбирать*») и форм 1-ого лица («*Я сам. Не люблю я из чужих рук смотреть*»). Следует отметить что текстам «закрытых» территорий свойственны ситуации с бессубъектным представлением намерения детей, для поморских текстов характерно прямое обозначение модуса говорящего. Из этого следует, что мезенские тексты фиксируют промежуточную ситуацию: несмотря на то, что дети стремятся выйти за рамки социально предписанного поведения («*Нет, маменька, это уж оставьте*») влияние традиционных представлений на их сознание остается достаточно сильным.

Анализ других моделей поведения показал, что фольклорные тексты реализуют не только традиционно положительные поведенческие модели-образцы, но и антимодели, демонстрирующие схемы недопустимого поведения, что особенно характерно для поморских текстов. Следует отметить, что модели «неправильного» поведения постепенно могут становиться нормой под влиянием меняющихся социальных условий. Таким условием, отраженным в поморских и мезенских текстах, можно считать возрастающую к концу XX века ориентацию на личность и ее индивидуальные потребности.

В результате этнолингвистического анализа «Пятиречия» было установлено, что в языке рассмотренных текстов зафиксированы следующие смыслы: определяющая роль родителей в судьбе детей, большая зависимость дочери по сравнению с положением сына (в пинежских и кулойских текстах); вера в божественное предопределение выбора суженого (в кулойских текстах); возможность самостоятельного выбора невесты (но не жениха) без учета мнения родителей (в поморских и мезенских текстах). Эти смыслы являются достаточно устойчивыми для текстов, записанных на одной территории. Однако следует отметить, что признаком поведенческой модели является не только устойчивая повторяемость, но и ее массовое приятие [1, с. 9]. В «Пятиречии» мы сталкиваемся с тем, что люди старшего поколения (родители) преимущественно воспринимают транслируемые стереотипы в качестве нормы, тогда как люди молодого возраста (дети) часто выражают неприятие этой нормы. При этом факты, зафиксированные в фольклорных текстах сборника, свидетельствуют, что на рубеже XIX–XX веков осуществлялся общий отход от прежних норм и установление новых. Наиболее ярко это отражено в поморских текстах. В частности, анализ языковой реализации моделей брачного выбора, выявленных на фольклорном материале «Пятиречия», отражает начавшийся процесс смены традиционных представлений о выборе невесты и жениха. Если в более ранние периоды к таковым можно было отнести послушание, подчинение старшим, то в начале XX века ценностными приоритетами становятся свобода выбора, самостоятельность решений, внимание к эмоционально-чувственной сфере человеческих отношений.

Таким образом, в фольклорных текстах «Пятиречия» зафиксированы общие черты и ареальные различия в отношении севернорусского крестьянства к значимым фрагментам духовной культуры.

Библиографический список

1. Байбурин А.К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения / Под ред. А.К. Байбурина. – Л.: Наука, 1985.
2. Бородай Ю. От этнического многообразия к национальному единству // Россия на новом рубеже. – М., 1995.
3. Виноградова Л.Н. Фольклор как источник для реконструкции древней славянской духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. – М.: Наука, 1989.
4. Червинский П.П. Семантический язык фольклорной традиции. Ростов, 1989.

5. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.
6. Петренко О.А. Этнический менталитет и язык фольклора. – Курск, 1996.
7. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Под ред. А.Е. Кибрика. – М.: Прогресс, 1993.
8. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // «Зарубежная лингвистика». Вып. I. – М., 1999.

E. PAVLOVA

**RECONSTRUCTION OF THE ETHNIC ELEMENTS OF SPIRITUAL CULTURE BASED
ON THE ANALYSIS OF LINGUISTIC BEHAVIOR**

The article describes the ways of reconstruction of the ancient elements of folk knowledge about the world through a situational analysis of behavior. The described models of behavior receive language implementation in folklore texts.

In this case, the unit of the semantic (symbolic) language of folklore, considered as a special language, is not a word but the typified traditional sense, which includes ethnically-marked indications.

Here we use the technique of correlating folklore data with a common cultural context: thus the general and areal distinctions in representation of such element of the north Russian national culture as marital choice are considered.

Folklore texts of the «closed», remote territories of Pinega, Kuloja, Pechora, and also the texts which have been written down at the coast of the White Sea, the territories which have been influenced by Western culture for a long time, are under the analysis.

Key words: folklore language, elements of traditional ethnic culture, language model of behavior, the situational analysis, ethnically marked sense.

Н.А. ПЕРЕВЕРЗЕВА, кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Орловского государственного института экономики и торговли
Тел. 8 920 284 68 45; natalja.pereverseva@rambler.ru

МЕТАФОРА, СРАВНЕНИЕ, СИНЕСТЕЗИЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ МЕТАФОРЫ

В статье рассматриваются теоретические вопросы метафоризации и метонимизации. Анализируются термины синестезия и сравнение как разновидности метафоры, предлагается подход к определению данных понятий как средств словообразования на лексико-семантическом уровне в рамках немецкой обиходно-разговорной речи.

Ключевые слова: метафора, метонимия, сравнение, синестезия, лексическое наполнение, лексико-семантическое словообразование.

Термин метафора греческого происхождения (*metaphora*) и значит перенос. Подразумевается перенос наименования с одного предмета на другой, если этот перенос оправдан какими-то критериями. Между обоими понятиями, то есть между понятием, с которого переносится наименование (основное понятие) и тем, на которое переносится наименование (переносное понятие), должно иметь место что-либо общее, связывающее, что оправдывает этот перенос. Это может быть внешняя схожесть предметов (реже – внешний контраст) или внутренняя схожесть, а также схожесть функции [27, 28].

Метафора представляет собой неиссякаемый источник пополнения словарного состава языка. Благодаря ей возникают как новые словарные единицы, так и синонимы к уже существующим единицам основного словарного фонда [19, 20, 21, 22]. Однако, как отмечает Д.Н. Шмелев, «семантическая природа различных метафорических переносов, в общем, не исследована» [18, с. 127].

С помощью метафоры какой-то предмет, будучи новым, или новое явление могут получить объективно обусловленное и становящееся узуальным наименованием. При этом очень часто этимология такого узуального наименования затемнена. Так, *der Rücken* ведет свое «происхождение» от *Krummholz* (коряга), *Kreuz*. В индоевропейских языках *Schultz* имело значение «предмет для копки, лопата». Не поэтому ли немецкое *Schulterblatt* имеет русское соответствие «лопатка» как спинная часть скелета.

Следует отметить, что в немецком и русском языке узуальными стали многие медицинские термины, обозначающие метафорически какую-то часть тела, организма человека. Обычно это композиты, но есть и корневые слова: *Mandel* – миндалина, *Zement* – цемент зуба, *Krone* – коронка зуба, *Linse* – линза (в глазу), *Segel* – серебряный парус, *Blase* – волдырь, *Becken* – таз, *Lymphknoten* – лимфатический узел, *Adamsapfel* – адамово яблоко, *Rachenhöhle* – полость рта, *Augapfel* – глазное яблоко, *Glaskörper* – стекловидное тело, *Lungenflügel* – крыло легкого, *Nierenkelch* – почечная лоханка, *Herzklappe* – сердечный клапан, *Hodensack* – мошонка, *Knochengerst* – скелет, *Schlüsselbein* – ключица, *Nasen-, Keilbein-, Stirnhöhle* – полость носа, *Brustkorb* – грудная клетка. Только с органами слуха связано несколько метафор: *Ohrmuschel* – ушная раковина, *Ohrläppchen* – мочка уха, *Gehörgang* – слуховой проход, *Trommelfell* – барабанная перепонка, *Hammer* – молот, *Labyrinth* – лабиринт, *Eustachische Röhre* – евстахиева труба и т.д. [10].

В известной мере наличие такого большого количества узуальных метафор, относящихся к человеку, могло повлиять на стремление носителей языка и дальше образовывать метафоры для номинации человека в его лексико-семантическом поле словами неодушевленной направленности [15, с. 43].

С помощью метафоризации иногда возникают длинные ряды синонимов временного (стилистического, поэтического) или длительного характера (как результат лексико-семантического словообразования). Это имеет место тогда, когда перенос основного понятия на другое, уже имеющее свое наименование, существующее объективно в лексиконе, происходит по каким-то объективным или объективным причинам. То есть, если первая функция служит созданию новых основных понятий, то вторая функция создает новые парные к основным словам слова-заменители, уточнители временного или постоянного характера, которые часто отражают определенное отношение говорящего к предмету разговора, к денотату. Это отношение носит в метафоре оценивающий характер. В каждом высказывании каждый элемент не только значит, но и оценивает. Эта оценка не только формирует предметное значение, но ей принадлежит творческая роль в изменении значений и приращение смыслов [14, с. 46; 16, 17; 11, с. 130–131].

В качестве иллюстрации к вопросу о синонимии на базе метафоры можно взять существительное *Kopf*. Это существительное входит сейчас в основной словарный фонд, являясь, однако, в диакроническом плане метафорой: *Kopf* значило «чаша, сосуд» (*Trinkschale, Becher*). Возможно, что свою роль сыграло уже существовавшее, но все это остается в рамках затемненной этимологии. Итак, в своем основном стилистически нейтральном значении *Kopf* – это голова, то есть важнейшая часть живого организма, вместилище мозга. Именно поэтому, видимо, это понятие часто участвует в метафоризации существующих наименований во многих языках, где нужно поименовать что-то важное, выдающееся, центральное. Так, в русском языке об умном, инициативном человеке говорят «он голова», «он светлая, умная голова» и т.п. Важность хлеба как продукта питания подчеркивается в поговорке «хлеб всему голова». Идея разума, ума, важности, первоначности заложена во многих употреблениях этого существительного или его формы «голова»: городской голова, глава города, головной институт и т.п.

В немецком языке *Kopf* как часть человеческого тела может быть также перенесено на самого ее владельца: *er ist ein kluger Kopf*. Это существительное может метонимически употребляться официально как синоним к «человеку»: *pro Kopf der Bevölkerung*. Неодушевленные предметы, напоминающие по форме голову, могут именоваться счетные единицы (*drei Köpfe Wirsing*), что часто соответствует русскому «голова сахара», «головка лука» и т.п. Это существительное входит в переносном значении во многие композиты: *Pfeifenkopf, Brückenkopf, Schraubenkopf* и т.п. Известный обратный словарь Э. Матера содержит 85 композитов с основным словом *Kopf*, обозначающих неодушевленные предметы (RW), то есть *Kopf* (голова) как объект номинации дает практически неограниченные возможности для создания новых слов.

В обиходно-разговорном лексиконе зафиксировано большое количество основных единиц, в семантике которых выбор признаков для переосмысления лежит на виду. Это и внешний вид головы, и ее функции как органа мышления. Основную роль здесь играет восприятие работы мозга как деятельности. Являясь же вместилищем мозга, голова воспринимается как своего рода тара. Отсюда метафоры *Gehirnkasten, Grützkasten, Hirnkasten, Verstandskasten, Karton* и т.п. По внешнему виду и местоположению голова характеризуется как *Birne, Dach, Deckel, Giebel, Globus, Kohlrabi, Kürbis, Rübe, Keks, Nuss, Tomate, Wirsing* и др.

Если основная масса коллоквиальной метафоризированной лексики содержит в своем значении уничижительную коннотацию, то в лексико-семантическом поле «голова человека» есть метафора положительной и даже высокой оценочности. Это *Gedankengenerator, Gedankenkondensator, Batterie* и др.

Само собой разумеется, что, являясь своего рода омонимичной формой, однословная метафора требует для своей реализации контекст, в котором компоненты сочетания выступают только в одном предложенном значении, уточняя то слово, которое несет двойное значение – метафору. Иногда же метафора не ограничивается одним образом, а реализует несколько образов, связанных между собой единым, центральным, стержневым стволом. Такая метафора называется развернутой. Так, человека невысокого роста называют *eine halbe Portion* или *ein abgebrochener Riese*. Стержневыми словами являются в обоих случаях

метафоры существительные. Связь дополнительных образов с центральными можно назвать, как считает И.Р. Гальперин, метонимическими связями развернутой метафоры [4, с. 126].

Типологические исследования метафоры и метонимии на материале западноевропейских и некоторых восточных языков [3] показали, что метафора и метонимия – это уникальные и универсальные семантические процессы, присущие всем языкам, но с определенными ограничениями в зависимости от специфики каждого из них [3, с. 145; 33].

Объектом рассмотрения в теоретических вопросах о метафоре и метонимии является слово, поэтому они рассматриваются как номинативные знаки [1; 5]. По традиции метафора и метонимия рассматриваются соответственно как перенос значения на основе сходства или подобия признаков в понятийном отражении обозначаемого объекта и в сигнификате переосмысливаемого слова (13, с. 94) или по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию.

Само собой разумеется, что создание новых слов и значений путем метафоры, процесс не простой, в нем есть стадия промежуточности. Нового слова еще нет, но уже употребление стало привычным, начинает входить в норму. На месте «речевой» появляется «языковая» метафора. Она в отличие от «речевой» называется еще «поэтической». Речевая метафора обычно оригинальна, свежа, тогда, как языковая приобретает признаки штампованности. Языковая метафора представляет собой результат действия тенденции к экономии языковых средств выражения, типичной для обиходно-разговорной и известной в германистике как «закон бережливости» этих средств (*Ausdruckssparsamkeit*), исследованием которых занимались многие германисты, видевшие большую «экономичность» лексико-семантического словообразования по сравнению с морфологическим. И именно здесь создатель слов опирается не на чувственно воспринимаемую структуру, систему родственных связей, а на абстрактный принцип сходства, смежности, аналогии [6]. И, конечно же, большую роль при этом играет языковая традиция. Языковая же традиция – это компонент контекста, под которым понимается информация, не выраженная языковыми знаками, но существующая в реальной действительности [9].

В лексико-семантическом словообразовании действует вещественная аналогия, в основе которой лежат понятийные, смысловые ассоциации и ассоциации по форме [9, с. 145–147]. Так, принятие пищи по аналогии с заправкой автомобиля бензином (*tanken*) называется *Tanken*:

«...für die Essen und Trinken eine Art Tanken war» [34, с. 88].

В последние годы вообще отмечается проникновение в быт технической метафоры, которая, по наблюдениям Е.В. Розен, «употребляется сегодня в различных стилях речи» [11, с. 131].

Как считают немецкие лингвисты Д. Фаульзайт и Г. Кюн в своей работе о стилистических средствах и возможностях немецкого языка, метафора «покоится на схожести между двумя предметами или явлениями. Эта схожесть представляет собой объективную основу, на которой наименование одного понятия может быть перенесено на другое понятие. Следовательно, метафорическое выражение следует воспринимать в переносном смысле. Цель этого переноса заключается в конкретизации какой-либо мысли, в сжатии высказывания, в характеризовании лиц, предметов и явлений, в выделении какого-то существенного признака (именно того, который является общим для основного и переносного понятия) и далее в чувственно-экспрессивном усилении высказывания» [23].

Некоторые лингвисты придерживаются той точки зрения, что метафорический перенос возможен при подобии значения [32, с. 204], другие видят условия возникновения метафоры в наличии ассоциативных связей между обозначаемыми [31, с. 87, 164].

«Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой дает только стилистическое определение метафоры как тропа, состоящего в употреблении слов и выражений в переносном смысле на базе сходства, аналогии и т.д. [2, с. 231]. Лингвистический энциклопедический словарь практически повторяет эти определения: «Метафора – троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и так далее. Для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [8, с. 296], что в принципе не противоречит дефиниции Г.Хирта, данной еще в 1909 г.: метафора – пе-

ренос значения в другую понятийную сферу чисто мыслительным посредством «durch rein gedankliche Vermittlung» [25, с. 29].

Как указывает Ф. де Соссюр, «аналогия предполагает образец и регулярное подражание ему». Он же писал; «аналогическая форма это такая форма, которая образована по образцу одной или нескольких других форм согласно определенному правилу». И далее, «аналогия действует в направлении большой регулярности и стремится унифицировать методы словообразования...» [12, с. 150–151].

Можно утверждать, что любое познание начинается со сравнения окружающих нас объектов, явлений и т.д., именно это позволяет нам понимать метафору в речи и языке. Любую метафору можно развернуть в сравнение: Наш командир орел, скала, кладезь опыта = смелый как орел, крепкий как скала, опытный как собравший в себе весь опыт. Исходя из этого, можно утверждать, что метафора – это свернутое, сжатое сравнение. Однако, как считают многие лингвисты, метафора – это не просто сравнение, пусть и свернутое. Метафора всегда богаче простого сравнения, она содержит отношения предметно-логического значения и значения контекстуального, основанного на сходстве признаков двух понятий [4, с. 125]. Н.И. Кондаков пишет, что «сравнение – один из приемов ознакомления с предметом в тех случаях, когда определение понятия невозможно или не требуется». [7, с. 498].

Вышесказанное позволяет утверждать, что метафора – это не просто сравнение. Сравнение было и остается лишь стилистическим средством. В дальнейшем под метафорой понимается в данном исследовании лексическая метафора (метафора лексикализованная, метафора мертвая, метафора окаменевшая, метафора привычная, метафора стертая), то есть, по определению «Словаря лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, это «слово (выражение) или значение слова, которое первоначально возникло путем метафорического переноса» [2, с. 231–232].

Синестезия представляет собой один из видов метафоры, при котором для создания представления используются два различных чувственных восприятия; одно из них имеет переносное значение, например, *seidene Stimme*. Здесь представление покоится на осязательном и слуховом восприятии, причем осязательное представление является переносным (сравнение – мягкость). Если мо-

мент сравнения носит субъективно-эмоциональный характер, то синестезия представляет собой одноразовое, окказиональное образование. Но некоторые синестезии переходят при наличии наглядности в общеупотребительные. Например, в русском языке «кричащие расцветки», «веселенькая расцветка», «светлые тона» и т.п. и в немецком „schreiende Farben“, „kalte Töne“. По мнению Э.Г. Ризель, синестезия выражается обычно через атрибутив в виде метафорического эпитета к существительному, в более редких случаях синестезия имеет место между субъектом и предикатом – *seine Stimme leuchtete auf* – перенос из акустической в оптическую сферу [30, с. 154].

Анализ имеющегося материала показывает, что обиходно-разговорной речи немецкого языка свойственны различные типы синестезии. Синестезия может быть выражена атрибутивным словосочетанием:

– с переосмысленным определяющим (метафорический атрибут) + существительное в прямом значении:

„Ich bin ein ungehobelter Mensch.“ [29, с. 21].

„Kürzlich sah ich seine abgelegte Braut wieder.“ [29, с. 43].

В первом случае атрибут полностью соответствует русскому «неотесанный (о человеке)». Во втором *abgelegt* имеет значение «оставленная» или, как в русском – «брошенная» (невеста). Нами отмечено, что в немецкой обиходно-разговорной речи практически не образуются метафоры данного вида с прилагательными и очень редко с причастиями вторыми. Среди которых уже лексикализованными являются *abgebrüht* (опытный, ловкий, хитрый), *abgedngt* (брошенный о человеке), *abgenagt* (худой, обгрызенный), *abgerystet* (одетый просто, без бывающих излишеств), *abgetakelt* (без украшений и привлекательной одежды), *aufgetakelt* (в полном наряде), *ausgekocht* (опытный) и некоторые другие. Они могут употребляться как предикатив – *er ist ausgekocht*, *abgenagt* и т.д.

– с переосмысленным определяемым существительным + прилагательное в основном значении:

«Haben Sie mich verstanden, Sie trübe Tasse!» (26, с. 147).

Этот вид метафоры очень распространен и активно пополняет коллоквиальный лексикон. Для иллюстрации можно привести несколько примеров из лексико-семантического поля «девушка»: *wilde*

Hummel, flotte Bürste, flotter Dampfer, rascher Koffer, leckeres Paketchen, keusches Etui, stramme Kiste, scharfe Bürste, schräger Dampfer, vergammelte

Schnalle, durchgebrannte Glühbirne и т.д., где дан широчайший спектр самых разнообразных человеческих качеств [24, с. 109 – 110].

Библиографический список

1. Азнаурова Э.С. Стилистический аспект номинации словом как единицей речи [Текст] / Э.С. Азнаурова // Языковая номинация. Виды наименований. – М., 1977. – С. 21–37.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. [Текст] / О.С. Ахманова // – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
3. Гак В.Г. К проблеме гносеологических аспектов семантики слова [Текст] / В.Г. Гак // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: Научная конференция «Вопросы описания лексико-семантической системы языка», 16–18 ноября, 1971. Тез. докл. – М., 1971. – Ч. 1. – С. 48–51.
4. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка [Текст] / И.Р. Гальперин // – М.: Изд. лит. на иностр. языках, 1958. – 459 с.
5. Губарев В.П. Проблема семантики разноформленных знаков прямой и косвенной номинации современного немецкого языка [Текст] / В.П. Губарев // Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. – М., 1981. – 20 с.
6. Колеватов В.А. Социальная память и познание [Текст] / В.А. Колеватов // – М.: Мысль, 1984. – 190 с.
7. Кондаков Н.И. Логический словарь [Текст] / Н.И. Кондаков // – М.: Наука, 1971. – 658 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / Отв. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
9. Малинин Б.А. Текстобразование и контекстуально-аналогическое образование [Текст] / Б.А. Малинин // Структура и функции межфазовых единиц. – Пятигорск: ПГПИИЯ, 1988. – С. 140–148.
10. Петров В.В. Научные метафоры. Природа и механизмы функционирования [Текст] / В.В. Петров // Философские основания научной теории. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1985. – С. 59–70.
11. Розен Е.В. Новые слова и устойчивые словосочетания в немецком языке [Текст] / Е.В. Розен // – М.: Просвещение, 1991. – 192 с.
12. Соссюр Ф. де., Курс общей лингвистике [Текст] / Ф. де. Соссюр // М.: Едиториал УРСС, 2004, – 256 с.
13. Телия В.Н. Метафора как модель и ее смысловые механизмы [Текст] / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 174–186.
14. Фигуровский И.А. Введение в общее языкознание [Текст] / И.А. Фигуровский // – М.: «Просвещение», 1969. – 232 с.
15. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка [Текст] / Н.М. Шанский // – М.: Просвещение, 1964. – 327 с.
16. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. [Текст] / В.И. Шаховский // – Волгоград: ВГПИ, 1983. – 94 с.
17. Шаховский В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи [Текст] / В.И. Шаховский // Вопросы языкознания. – 1984. – № 6. – С. 26–34.
18. Шмелев Д.Н. Современный русский язык [Текст] / Д.Н. Шмелев // – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
19. Black M. Models and metaphor – Ithaca – N.Y.: Harper& Row, 1962. – 212 p.
20. Black M. More about metaphor // Metaphor and thought. / Cambridge: Cambredge Univ. Press, 1979. – P. 47–59.
21. Davidson, D. Metaphora // Teksty. Warszawa: Panstv. Wyd – wo nauk, 1980. – N 6 (54). – P. 22–31.
22. Davidson D. What metaphors mean // Reference, truth and reality. – Boston: Academic Press, 1980. – P. 13–22.
23. Faulseit D., Kühn G. Stilistische Mittel und Möglichkeiten der deutschen Sprache. – Halle (Saale): VEB Verlag Sprache und Literatur, 1961. – 283 S.
24. Faulseit D. Gutes und schlechtes Deutsch. – Lpz.VEB Bibliographisches Institut. – 1972. – 154 S.Lakoff, G., Johnson M. Metaphors we live by. – Chicago: Univ. of Chicago, 1980. – 242 p.
25. Hirt H. Etzmologie der neuhochdeutschen Sprache. – München: E. Gras-Verlag, 1909. – 348 S.
26. Hofé G. Roter Schnee. – Brl.: Verlag der Nation, 1974. – 512 S.
27. Lakoff G., Johnson M. The ubiquity of metaphor. – Amst. – Phil.: John Benjamins, 1985. –148 p.
28. Levin S. The semantics of metaphor. – Baltimore – London: Univ. Park Press, 1977. – 114 p.
29. Plötze H. Fluchtweg. – München: Wilhelm Goldmann Verlag. – 1980. –160 S.
30. Riesel E. Abriss der deutschen Stilistik. – М.: Verlag f. fremdsprachige Literatur, 1954. – 403 S.
31. Schippan Th. Einführung in die Semasiologie. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1972. – 246 S.
32. Ullmann St. Grundzüge der Semantik. Die Bedeutung In sprachwissenschaftlicher Sicht. – Berlin: Akademie der Wissenschaften der DDR, 1967. – 312 S.

33. Villard M. Les universaux metaphoriques: Etudes contrastive de la metaphore en japonais et. en francais suivi de Conception de la metaphore en Japan. Beme: H.Lang, 1984. – 310 p. (Publ. univ. europ. – Sero 21. Linguistique. – V 01. 34.)
34. Wery E. Sie hieß Cindy. – München: Wilhelm Goldmann Verlag. – 1981. – 191 S.

N.A. PEREVERSEVA

METAPHOR, COMPARISON, SYNESTHESIA AS A METAPHOR VARIETY

In article deals with theoretical questions of metaphor and metonymy. The author analyzes the terms of synesthesia and comparison as metaphor varieties and offers the approach to consideration of the given concepts as word-formation means at a lexico-semantic level within the limits of German informal conversation.

Key words: metaphor, metonym, synesthesia, comparison as metaphor varieties, lexical filling (vocabulary), a lexico-semantic world-building.

Т. В. ПЛАТОНОВА, аспирант кафедры русской литературы XX–XXI веков и истории зарубежной литературы филологического факультета Орловского государственного университета
Тел. 8(929)-059-01-90; tanya-orel@inbox.ru

МЕСТО СРАВНЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ А. И. КУПРИНА

Особенности художественной речи Куприна всегда привлекали внимание исследователей. А. А. Волков, Т. В. Ошарова, В. Н. Афанасьев, Л. А. Качаева, В. Н. Айдарова и др. изучали различные аспекты его манеры письма (точность, ясность изложения, использование различных пластов лексики, наличие фольклорных элементов и пр.). Интересен и аспект, связанный с изучением роли сравнений в художественной речи писателя. В данной статье описаны несколько видов сравнений, а также определены их функции в ряде произведений Куприна («Суламифь», «Как я был актёром», «Гамбринус», «Гранатовый браслет», «Белый пудель»).

Ключевые слова: художественная речь, сравнение, виды сравнений, литературный шаблон, роль сравнений, образ сравнения, объект сравнения, автор, персонаж, портрет.

Вопросу о языке художественных произведений Куприна уделяли внимание как писатели-современники, так и исследователи его творчества. И. А. Бунин в воспоминаниях о Куприне, созданных в год смерти писателя, называл его язык «метким и без излишества щедрым...», отмечал «свободу, силу, яркость повествований» как одно из достоинств произведений Куприна [6]. К. И. Чуковский писал о хорошем знании Куприным языка представителей разных социальных слоёв и об умении автора отражать эти знания в своих произведениях: «...с жокеем он умел вести разговор, как жокей, с поваром – как повар, с матросом – как старый матрос ... Ибо в том и заключалось его честолюбие: знать доподлинно, не из книг, не по слухам, те вещи и факты, о которых он говорит в своих книгах» [22].

К языку произведений Куприна обращались и многие исследователи его творчества. А. А. Волков указывал на «точность и ясность» языка Куприна, вслед за К. И. Чуковским писал о «богатстве разговорной лексики людей различных социальных категорий», которые удалось запечатлеть автору. Исследователь заметил и соблюдение Куприным «художественного такта», который проявляется в том, что автор «избегал использования этнографизмов в языке, даже в произведениях, дающий местный колорит юга России» [11, с. 44]. Т. В. Ошарова развивала эту мысль и отмечала «стремление Куприна освободиться от художественного немотивированного употребления иностранных слов», «привычных штампов» за счёт поиска новых слов [21, с. 39–40].

В. Н. Афанасьев называет язык писателя «простым, ясным и гибким» [3, с. 92]. Также он отмечает, что каждый из героев Куприна имеет свой язык. Например, в «Поединке» выведено тридцать с лишним офицеров одного полка, и каждый из них изъясняется своим, сугубо индивидуальным языком [3, с. 92].

Л. А. Качаева, вслед за В. Н. Афанасьевым, отмечает «богатство, тонкость и пластическую силу художественных описаний автора». По мнению исследовательницы, Куприну удаётся использовать «огромные возможности русской общенародной речи

для создания запоминающихся образов и картин. Его манеру письма, его слог узнаёшь так же, как слог И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. М. Горького» [8, с. 20].

В. Н. Айдарова полагает, что Куприн в своих произведениях использовал «все виды устного народного творчества – пословицы, поговорки, сказки, песни, причитания, устоявшиеся в устной народной речи образные сравнения, эпитеты, отдельные слова и сочетания слов, т.е. то, что отражает специфику, манеру и самый тон говорения». Причём эти элементы «вводились автором не механически, а в соответствии с идеей и задачами произведения...» [2, с. 36].

Л. Н. Михеева уделяет внимание употреблению сравнений в прозе писателя (повести «Поединок»), отмечая их «лаконичность, ёмкость по мысли, точность... неординарность, неожиданную образность, эмоциональную оценку» [16, с. 17]. Как и Л. А. Качаева, она указывает на продолжение и развитие Куприным традиций Тургенева, Чехова (а также устного народного творчества) [16, с. 12].

П. Н. Берков рассматривает эволюцию художественного языка Куприна, который складывался вначале под влиянием шаблонов романов 70–80-х годов прошлого века («Поединок»), затем языка интеллигенции 90-х годов, отличавшегося обилием иностранных слов, взятых из газетных и журнальных статей. Способствовала этому репортёрская работа Куприна с середины 90-х годов, которая дала ему очень много в отношении усвоения литературной техники, но не приучила к соблюдению чистоты языка. Потому он полагает, что критики справедливо упрекали Куприна в «анекдотичности», т.е. в использовании литературных шаблонов, особенно, в ранних произведениях («Куст сирени» (1894), «Святая любовь» (1895), «Чары» (1897) и др.). Справедливым упреком языковой манеры письма Куприна он считает и «автобиографичность». Сам писатель ощущал эту особенность своей манеры и дал ей специальное обозначение – «граммофон», т.е. искусственное звучание голоса [5].

По мнению П. Н. Беркова, автору вполне удалось это преодолеть. Уже в зрелом творчестве он замечает новизну его художественной речи. Исследователь отмечает, что изучение Куприным Пушкина и других классиков русской литературы во второй половине 90-х годов сразу заметно отразилось на языке его произведений: почти исчез-

ли слова «интеллигентского жаргона». При построении фразы Куприн думает о ее музыкальном звучании. Становится разнообразнее и строже выбор эпитетов, точнее сравнения, короче предложения. Характерной особенностью сравнений он считает «неожиданность сопоставления и отдаленность сравниваемых вещей» [5]. Исследователь полагает, что «сравнения Куприн «выбирает» из ряда возможных по принципу «неожиданности». П. Н. Берков приходит к выводу, что стиль писателя развивался «в борьбе за содержательность литературы, в неприятии художественных шаблонов и штампов, в серьезном внимании к «мелочам» литературной техники» [5].

Таким образом, внимание языку произведений Куприна уделяли как современники (И. А. Бунин, К.И. Чуковский), так и исследователи его творчества более позднего времени (А. А. Волков, П. Н. Берков, В. Н. Афанасьев, В. Н. Айдарова, Л. А. Качаева, Л. Н. Михеева, Т. В. Ошарова). Практически все они отмечали постепенное совершенствование языка художественных произведений писателя, его точность, ясность, гибкость, стремление к преодолению литературных шаблонов, необычность художественных средств, которая, в частности, проявлялась в выборе сравнений.

Свою художественную позицию Куприн обозначил в десяти «заповедях» для писателей-реалистов. В них он, в частности, затрагивал и вопросы, связанные с языком художественных произведений: «... дай сочное восприятие виденного тобою... Найди образные незатасканные слова, лучше всего неожиданные... Изгони шаблонные выражения... Всегда живописуй, а не веди полицейского протокола... Ничего лишнего... Живописуй образ речью самого говорящего... и др.» [12, с. 277–278]. Также он указывал на необходимость предельной реалистичности изображения, а в качестве главного положения выдвигал следующее: «работай, ... пока не добьешься того, чего надо» [12, с. 278].

Куприну принадлежат также статьи, заметки, выступления о творчестве писателей, поэтов, в которых он так или иначе затрагивал вопросы о стиле художественных произведений, отстаивая при этом традиции реалистического направления.

В статье «Солнце поэзии русской» (1899) А. И. Куприн даёт высокую оценку языку А. С. Пушкина: «... язык пушкинской поэзии благоухает для нас неувядающим ароматом, и звенит, и блещет лучшими перлами неистощимой со-

кровищницы русского языка...» [13, с. 72]; а силу таланта поэта видит в народности его языка: «...язык пушкинской поэзии есть язык русского народа, а народ, говорящий и мыслящий таким языком, – бессмертен» [13, с. 75].

Статьи, заметки, очерки-воспоминания Куприн посвящал и Л. Н. Толстому («О том, как я видел Толстого на пароходе «Святой Николай»» (1908), «Наше оправдание» (1910), «Толстой» (1928)). При этом называл его «величайшим из мастеров прихотливого, непокорного, великолепного русского слова» [13, с. 447].

Чаще всего в публикациях и выступлениях А. И. Куприн обращался к А. П. Чехову («Антон Чехов. Рассказы» (1900), «Памяти Чехова» (1904, 1905), «О Чехове» (1910) и др.). Так, в статье «Памяти Чехова» (1905) он отмечает, что на фоне перемен в социальной жизни, искусстве «...благодаря тонкому, солнечному языку чеховской речи кажется нам волшебной музыкой, слышанной во сне» [12, с. 94]. А искусство «чеховской речи» в том, что он «вместе с замечательной простотой и скромностью фразы сумел соединить ее изысканное разнообразие, непостижимую гибкость оборотов, изящную и благородную смелость формы, точность и новизну эпитетов – всю эту неувыдаемую прелесть» [12, с. 95].

Среди писателей реалистического направления выделял он и И. Бунина как «тонкого стилиста», способного «необычайно разнообразно и оригинально» строить фразы [13, с. 151]. В целом, как отмечает П. Н. Берков, даже в замечаниях о языке писателей Куприн проявляет себя как художник слова, поскольку «в большинстве случаев они имеют образный характер» [5].

Таким образом, вопросу о языке художественных произведений Куприн уделял немалое внимание. Писателя волновала точность языка, его самобытность, красота, мощь, умение передавать мельчайшие детали и описывать их, минуя штампы. Для реализации этих задач Куприн использовал различные средства, одним из которых является сравнение. В языке Куприна сравнение используется для характеристики персонажей в произведениях, передачи колорита времени, а также с целью стилизации.

Как отмечает Д. И. Александрова [1, с. 54], при характеристике сравнений важно учитывать 3 фактора: с чем сравнивается (образ сравнения), кто сравнивает (автор, персонаж), что лежит в основе

сравнения (т.е. что именно выделяется во внешнем облике, поведении, характере, судьбе персонажа). В связи с чем она предлагает классифицировать сравнения на антропоморфические, зооморфические и др.

Так, при характеристике персонажей, их портретном описании чаще всего используются антропоморфические сравнения (с людьми, частями человеческого тела, именами), а также сравнения с предметами материальной культуры, являющимися плодом человеческой деятельности.

Антропоморфические сравнения в прозе Куприна проводятся по половому, возрастному, профессиональному признаку. Например: «...с денщиками собачится, как кухарка...» («Гранатовый браслет») [15, с. 334–335]. Проводится сравнение женщины с мужчиной. Есть примеры и сравнения мужчины с женщиной. При описании царя Соломона из повести «Суламифь»: «Руки царя были нежны, белы, теплы и красивы, как у женщины...» («Суламифь») [15, с. 199]. Таким образом, подчеркиваются гендерные признаки персонажей.

Использование антропоморфических сравнений позволяет автору передавать манеру поведения персонажей, помогает при описании их внешнего облика, а также даёт возможность показать и внутренний мир персонажей, их чувства, переживания, обратить внимание на мысли, намерения, бессознательные побуждения, т.е. служат одним из средств раскрытия психологии. Например: «Ходит за ней, как привидение» («Гранатовый браслет») [15, с. 336].

Антропоморфические сравнения могут выполнять и эмоционально-оценочную функцию, т.е. выражать авторское отношение. Например: «Он ослабил, как идиот, сплюнул и утёр нос рукой» («Гамбринус») [15, с. 141]. Передаётся негативная авторская оценка. Сравнение подчёркивает ограниченность персонажа через его поведение. В данном случае оно имеет значение «человек, который страдает врождённым слабоумием» [20, с. 236].

Человек чаще всего выступает «объектом сравнения» у Куприна. При этом немалое внимание автор уделяет портретному изображению персонажей, в связи с чем встречаются сравнения, которые позволяют показать эстетический идеал времени, описываемого в произведении: «Ты стройна, точно кобылица в колеснице фарао-

новой ...» («Суламифь») [15, с. 228]. Описание внешности выполняет и функцию передачи колорита времени.

При создании портретов героев Куприн часто делает акцент на изображении лица человека. Такой выбор не случаен, поскольку «детали внешности, особенности черт лица могут стать той Изюминкой, по которой мы легко можем понять и особенности психологии, поведения персонажа», при этом сравнение позволяет «Внешние черты какого-нибудь человека сделать доступными внутреннему взору собеседника, передать субъективный образ предмета описания. Сравнение даёт возможность индивидуализировать облик человека» [19, с. 86].

При этом важна любая деталь (цвет кожи, форма лица, выражение лица): «*Но (эфиопы) чёрные, как сапог, и даже блестят*» («Белый пудель») [14, с. 104]. «Образное выражение ... получает смуглая кожа – признак, как правило, не свойственный русскому человеку», а потому в «русском языковом сознании... соединяется в... образе: *как Испожное голенище*» [19, с. 88]. Т. е. данный пример является устойчивым сравнением. «Устойчивые сравнения представляют собой такую фигуру речи, которой пользуются все говорящие на данном языке и которая обычно является результатом многовекового употребления» [17, с. 7]. Они близки к устной народной речи и напоминают пословицы и поговорки. В. Н. Айдарова полагает, что «пословично-поговорочные выражения превращаются в средства индивидуализации речи представителей народа» [2, с. 37].

«Образной индивидуализации подвергаются эмоциональные, психологические особенности, проявляющиеся в выражении лица» [19, с. 88]: «*Лицо его было, как грозная туча*» («Как я был актёром») [15, с. 105]. В данном случае сравнение позволяет передать состояние (раздражение, негодование) персонажа.

Однако чаще автор делает акцент на глазах, «которые являются проводником из мира человеческой души во внешний, зримый мир» [19, с. 91]. Глаза служат для «образной индивидуализации отдельных черт лица» [19, с. 89]. Например: «*Глаза же у царя были темны, как самый тёмный агат...*» («Суламифь») [15, с. 199]. В данном случае сравнение характеризует глаза по цвету. Для этой же цели используются и сравнения, предназначенные для описания губ, ресниц.

Продуктивна группа сравнений, предназначенная для изображения объектов (при этом сами объекты олицетворяются): «*Эти крутые узкие улицы, чёрные от угольной пыли, к ночи всегда становились липкими и зловонными, точно они потели в кошмарном сне*» («Гамбринус») [15, с. 124]. Сравнение ярко характеризует жизнь «дна» общества в южном портовом городе, который изображается автором «как бы в вертикальном разрезе» [10, с. 328]. Таким образом, сравнения позволили А. И. Куприну создать широкую обобщенную картину русской жизни на рубеже веков. Эту особенность творчества писателя в данный период отмечают такие исследователи, как В. Н. Афанасьев [4, с. 163], Ф. И. Кулешов [10, с. 328].

Сравнения с материальными предметами, являющимися плодом человеческой деятельности, встречаются и при портретном описании персонажей: «*Ты прекрасна... как завесы в храме Соломоновом*» («Суламифь») [15, с. 221]. В данном случае проводится параллель между внешней и внутренней красотой героини (выступающей олицетворением гармоничного сочетания физической и духовной красоты). Т. е., по Куприну, истиной красотой наделяются люди гармоничные, с естественным поведением. Такое понимание красоты оказывается близким к чеховскому, утверждавшему, что «в человеке всё должно быть прекрасно». Не случайно многие исследователи творчества Куприна, например, А. А. Волков [7], В. Н. Афанасьев [4, с. 158], В. Этов [24, с. 201], отмечают влияние на писателя А. П. Чехова и сближают их творчество в подходе к изображению человека. В. Н. Айдарова [2, с. 57], Л. В. Крутикова [9, с. 39] называют Куприна последователем «чеховской школы», отмечая общность их индивидуальной творческой манеры.

Автор вкладывает в уста своих героев разные тропы, в том числе и сравнения, например, с материальными объектами (предметами) с целью выражения говорящим своего отношения к собеседнику, побуждения к действию; а также как средство словесного изображения цвета и др. Создание колорита времени особенно ярко можно наблюдать на примере повести «Суламифь»: «*Ты прекрасна, как шатры Кидарские...*» («Суламифь») [15, с. 221]. Через сравнение передается восхищение героя красотой своей возлюбленной. О чём бы он ни рассказывал, в его речи неизменно возникает образ любимой.

Другой пример: «...помощник пристава... тёмно-красный, как очень спелый томат» («Гамбринус») [15, с. 140]. Использование подобного сравнения в художественной прозе Куприна не следует считать случайным, поскольку автор большое внимание уделял цвету, о чём заявлял в своих десяти «заповедях» для писателей-реалистов: «...опиши цвет совершенно точно, каким ты его видишь» [12, с. 277].

Многочисленна в произведениях Куприна и группа **зооморфических** сравнений (сравнения с животными). Большинство из них указывают на способ совершения действия, т. е. на манеру поведения, проявляющуюся в той или иной ситуации: «...съёживается, как молодая кошка» («Суламифь») [15, с. 220]. Возможно и указание на характер человека, его внутреннее состояние. Зооморфические сравнения, как и антропоморфические, также передают авторское отношение к персонажам и отношение персонажей друг к другу.

Когда автор хочет указать на трусость, то использует традиционное сравнение с зайцем: «...живу точно заяц – всякого опасуюсь» («Белый пудель») [15, с. 101]. Когда автор хочет показать низость поступка персонажа (предательство по отношению к своему царю), то использует сравнение с шакалом: «... он робко, точно испуганный шакал, стал выползать из комнаты» («Суламифь») [15, с. 245]. Не случайно такие сравнения обычно употребляются А. И. Куприным при характеристике отрицательных персонажей.

Кроме рассмотренных ранее, в художественной прозе писателя можно выделить и другие группы сравнений (с растениями, природными явлениями, небесными телами и пр.).

Сравнения с растениями, металлами, водоёмами встречаются реже, например, в бытовой зарисовке (создании картины южного кабачка): «В нравах этого заведения почиталось особенным шиком, сидя вдвоём-втроём, так уставлять стол пустыми бутылками, чтобы за ними не видеть собеседника, как в стеклянном зелёном лесу» («Гамбринус») [15, с. 128]. Автор через сравнение передаёт атмосферу разгула в кабаке и указывает на особенности нравов посетителей.

А. И. Куприн вообще с особой пристальностью описывал среду, быт. Это подчёркивают и исследователи его творчества. Так, Е. Шкловский отмечал: «По его [Куприна] произведениям детальнейшим образом можно представить стиль жизни

того времени» [23, с. 2]. Л. А. Качаева в свою очередь называла Куприна «мастером реалистического изображения быта» [8, с. 22]. Одним из средств, служащих для реализации этой задачи, и является сравнение, позволяющее характеризовать различные стороны жизни общества (особенности быта, культурной жизни и пр.).

Для выражения состояния, чувств персонажей, а также их взаимоотношений используются и **ситуативные** сравнения. Они немногочисленны у Куприна. Например: «Одно имя царя Соломона, произнесенное вслух, волновало сердце женщин, как аромат пролитого мирра...» («Суламифь») [15, с. 199].

В повести «Суламифь» встречается несколько одинаковых сравнений, причём как в речи персонажей, так и в эпиграфе произведения: «Положи меня, как печать, на сердце твоём, как печать на мышце твоей» («Суламифь») [15, с. 244]. Эпиграф («Положи мя яко печать на сердце твоём, яко печать на мышце твоей...») взят Куприным из «Песни песней» – лирического произведения, которое приписывается древнееврейскому царю Соломону, жившему в X веке до н. э. Вторая часть эпиграфа («...зана крепка яко смерть любовь, жестока яко смерть ревность: стрелы её – стрелы огненные») в художественной обработке Куприна также встречается уже в финале повести, в речи Соломона, и выражает основную идею произведения. Таким образом, в данных примерах сравнение служит не только средством раскрытия мировоззрения персонажей, их чувств, переживаний (следовательно, средством создания образов), а выступает и как часть идейно-композиционной основы произведения.

Есть также и похожие по содержанию сравнения, переходящие из одного произведения в другое. О «полюбившихся сравнениях Куприна» писал и исследователь [5]. Например: «Любовь же бедной девушки из виноградника и великого царя никогда не пройдёт и не забудется, потому что крепка, как смерть...» («Суламифь») [15, с. 226] // «...потому что крепка, как смерть, любовь...» («Суламифь») [там же, с. 247] // «Та, про которую сказано – «сильна, как смерть» («Гранатовый браслет») [там же, с. 336]. По мнению М. Нахратовой, антитеза «любовь – смерть» становится знаком романтизации персонажей и характеризует не столько отношения,

сколько личность. Главным для Куприна в любви остаётся её созидательная сила, побеждающая смерть [18, с. 67]. Похожую позицию выражает В. Этов: «Любовь и смерть – «эстетические мерила» человека в мире Куприна» [24, с. 201].

В произведениях Куприна есть случаи, в которых несколько сравнений следуют друг за другом, причём их можно найти только в речи персонажей. Такой приём используется для украшения, создания образности речи: «...он (анфракс) красен, как кровь, как вечерняя заря, как распутившийся цветок граната... как твои губы, моя Суламифь...» («Суламифь») [15, с. 223].

Таким образом, в художественных произведе-

ниях А. И. Куприна используются разнообразные сравнения (антропоморфические, зооморфические, ситуативные и пр.) при создании портретов, картин жизни представителей разных слоёв общества, характеристике того или иного персонажа, для передачи колорита времени, для украшения и образности речи. При этом употребление тех или иных сравнений часто связано с выражением авторской позиции. Тем самым подтверждается одна из десяти «заповедей» Куприна для писателей-реалистов: о необходимости тщательной работы над стилем, выбором художественных средств, в том числе и сравнений: «Красочные сравнения должны быть точны...» [12, с. 278].

Библиографический список

1. Александрова Д. И. Сравнение как способ создания художественного образа в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» [Текст] // РЯШ. – 2005. – № 3. – С. 54–57.
2. Айдарова В. Н. Устная народная речь в произведениях Куприна [Текст] // Русская речь. – 1976. – № 6. – С. 36–40.
3. Афанасьев В. Певец простого человека [Текст] // Литература в школе. – 1970. – № 5. – С. 90–93.
4. Афанасьев В., А. И. Куприн. Критико-биографический очерк [Текст] / В. Афанасьев. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Художественная литература, 1972. – 175 с.
5. Берков П. Н., А. И. Куприн [Электронный ресурс] / 1956. – Режим доступа: <http://www.kuprin.de/rutxt/berkov.txt>, свободный. – Загл. с экрана.
6. Бунин И. А. Куприн [Электронный ресурс] / 1938. – Режим доступа: http://kuprin.gatchina3000.ru/16_bunin_o_kuprine.htm, свободный. – Загл. с экрана.
7. Волков А. А. Творчество А. И. Куприна [Текст] / А. А. Волков. – М.: Советский писатель, 1962. – 432 с.
8. Качаева Л. А. «Купринская» манера письма [Текст] // Русская речь. – 1980. – № 2. – С. 20–25.
9. Крутикова Л. В. А. И. Куприн [Текст] / Л. В. Крутикова. – Л.: Просвещение, 1971. – 119 с.
10. Кулешов, Ф. И. Творческий путь Куприна 1883-1907 [Текст] / Ф. И. Кулешов. – 2-е изд., пер. и доп. – Минск: Изд-во БГУ, 1983. – 351 с.
11. Куприн А. И. Забытые и несобранные произведения [Текст] / вступит. статья проф. А. Волкова; подгот. текста, примечания и материалы к биографии Э. М. Ротштейна / А. И. Куприн. – Пензенское обл. изд-во, 1950. – 325 с.
12. Куприн о литературе [Текст] / Составитель Ф. И. Кулешов. – Минск: Изд-во БГУ, 1969. – 454 с.
13. Куприн А. И. Собрание сочинений [Текст]: [в 9 т.]. Т. 9. – М.: Художественная литература, 1973. – 336 с.
14. Куприн А. И. Собрание сочинений [Текст]: [в 5 т.]. Т. 2. – М.: Правда, 1982. – 448 с.
15. Куприн А. И. Собрание сочинений [Текст]: [в 5 т.]. Т. 3. – М.: Правда, 1982. – 416 с.
16. Михеева Л. Н. «Меткий и без излишества щедрый». О языковой манере автора «Поединка» [Текст] // Русская речь. – 1990. – № 4. – С. 12–19.
17. Мокиенко В. М. Словарь сравнений русского языка [Текст] / В. М. Мокиенко. – Санкт-Петербург: «Норинт», 2003. – 608 с.
18. Нахратова М. Ключевое слово любовь в повести Куприна «Гранатовый браслет» [Текст] // РЯШ. – 2003. – № 4. – С. 64–67.
19. Огольцева Е. В. Лицо человека в зеркале сравнения [Текст] // РЯШ. – 2006. – № 5. – С. 86–91.
20. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] / Российская академия наук. – 4-е изд., доп. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. – 944 с.
21. Ошарова Т. В. В творческой лаборатории Куприна [Текст] // Филологические науки. – 1996. – № 4. – С. 28–42.
22. Чуковский К. И. Куприн [Электронный ресурс] / Собрание сочинений. – Т. 5. – Современники. Портреты и этюды. – М.: Терра-Книжный клуб, 2001 г. – Режим доступа: <http://www.chukfamily.ru/Kornei/Prosa/Kuprin.htm>, свободный. – Загл. с экрана.
23. Шкловский Е. На сломе эпох: А. Куприн и Л. Андреев [Текст] // Литература: Первое сентября. – 2001. – № 11. – С. 1–3.
24. Этов В. Четыре урока Куприна [Текст] // Литературная учёба. – 1984. – № 4. – С. 199–207.

T.V. PLATONOVA

THE ROLE OF COMPARISONS IN ARTISTIC SPEECH OF A. I. KUPRIN

The features of Kuprin's artistic speech always drew attention of researchers. A. A. Volkov, T. V. Osharova, V. N. Afanasev, L. A. Kachaeva, V. N. Aidarova and other researchers studied the different aspects of his writing manner (appropriateness, perspicuity of exposition, use of various vocabulary, folkloric elements, etc). There is an interesting aspect related to consideration of the role of comparisons in the writer's artistic speech. In the present article a few kinds of comparison are described and their functions are identified for some works of Kuprin («Sulamif», «As I was an Actor», «Gambrinus», «The Pomegranate Bangle», «The White Poodle»).

Key words: artistic speech, comparison, a kind of comparison, a literary template, the role of comparisons, a form of comparisons, the object of comparison, an author, a character, a portrait.

*О.С. СТРЕЛКОВА, аспирант кафедры русской литературы
филологического факультета Курского государственного университета
Тел. 344898, 89045255927; farysa@rambler.ru*

ЖАНР РАССКАЗА О ЧУДЕСАХ НА СТРАНИЦАХ КУРСКОЙ ДУХОВНОЙ ПЕРИОДИКИ XIX — НАЧАЛА XX вв.

Произведения в жанре рассказов о чудесах занимает существенное место среди общего объёма материалов «Курских Епархиальных ведомостей». Статья основана на анализе художественных особенностей таких текстов. Изучение рассказов о божественных чудесах будет способствовать построению целостной системы представлений о духовной жизни народа и всестороннему осмыслению такого явления культурной жизни России, как духовная литературная традиция.

Ключевые слова: рассказ, духовная проза, провинциальная периодика, духовенство, епархиальные ведомости.

Среди прозаических текстов, публикуемых «Курскими епархиальными ведомостями», особое место занимают небольшие рассказы с установкой на достоверность и нравственным итогом. Как правило, это рассказы о чудесах, чудесном спасении, исцелении, силе молитвы, обретении веры и т.п. Большая часть таких произведений – репринты из других региональных (реже столичных) духовных изданий.

Подобные публикации трудно отнести к литературному жанру: во-первых, они не конституируют себя как художественный текст, а во-вторых, многие из них представляют собой кальку с устного рассказа.

Устные рассказы о божественных чудесах, зафиксированные в духовной периодике – культурный феномен, рожденный в прихрамовой среде и практически не привлекавшийся к научно-исследовательскому анализу. Причина этого в том, что достоверный рассказ о христианском чуде – явление, стоящее вне привычной классификации, и вместе с тем в силу свой идеологической направленности, обращенное к достаточно ограниченному кругу читателей, объединенных принадлежностью к среде проповедников и верующих. Тем не менее, это каноническое произведение, принадлежащее христианской культуре, генетически связанное с народной сказочной прозой и традициями древнерусской литературы. Духовной периодикой зафиксирован факт существования и активного бытования таких произведений.

Несмотря на устное происхождение рассказов о божественном чуде, следует понимать, что любые фиксации устного текста «не в состоянии полностью соответствовать оригиналу». При передаче устного текста в письменной традиции «происходят содержательные, формальные и функциональные изменения – в зависимости от того, о каком историческом периоде и о какой области культуры идет речь» [7, с. 71]. Поэтому диахронические отношения устного и письменного текстов необходимо рассматривать в аспекте включения устного текста в систему публицистических жанров с учетом прагматических задач издания.

Характерные для организации таких текстов формулы: «перескажу вам услышанное», «об этом многие говорили» и т.д., следует рассматривать, как прием «сообщения о сообщении», который призван способствовать эффекту повышения степени

объективности. Публицистическая направленность свидетельств о «божественных чудесах» заключалась в следующих аспектах: это стремление духовной периодики утвердить в сознании читателя мысль о том, что бытие Божье имеет реальное подтверждение и этот факт противостоял нигилистическим настроениям, бытующим в обществе. Помимо этого, для духовной периодики второй половины XIX в. публикация подобных рассказов была чрезвычайно значимой в свете противостояния апокрифическим повествованиям, народному духовному стиху, рассказам, созданным в сектантской среде и т.д.

С помощью «рассказов о чудесах», тиражируемых духовной периодикой, церковь настаивает на фактографическом, подтвержденном многочисленными свидетелями, содержании данных материалов, дистанцируясь, вместе с тем, от апокрифического творчества «калик перехожих», странников и страниц.

Обращаясь к жанровым особенностям рассказов о божественном чуде, следует отнести их к произведениям устно-письменной традиции. Рассказы о христианских чудесах представляют собой безавторское повествование – в газетных публикациях содержится указание не на автора, а на того, кто предоставил, «услышал» рассказ, который, в свою очередь, ссылается на собственно «рассказчика». В некоторых случаях публикация в периодической печати представляла собой не что иное, как фиксацию устного текста, которая сопровождалась указанием на то, от кого и где был услышан рассказ. Например: «*В 1866 году, на другой год по окончании курса семинарии, мне пришлось быть в Святогорске, Харьковской губернии*» («Из дневника приходского священника» КЕВ, 1891, № 26). Такая «маркировка» текста принципиально важна именно для публикаций в периодике, ибо служит подтверждением достоверности материала. Семантическим ядром этого жанра является установка на достоверность, реальность происшедшего события. Отсюда такие жанровые признаки, как указание места и времени события, точный перечень его участников, с именами и фамилиями, и т.д. В качестве доказательства достоверности изложенного могут вводиться сноски: «*Упомянутый здесь Владыка есть Преосвященный Симеон, Епископ Минский и Туровский, которому и посвящается сей рассказ*» («Пчелы» КЕВ, 1896, № 39).

Характерен приём «сообщения о сообщении»: «*В Севастополе живет на покое генерал С. Ив. П-ков, с которым я прошлым летом нередко беседовал. В одну из наших бесед маститый воин рассказал мне следующее событие из своей жизни*» («Милостыня» КЕВ, 1891, № 28).

Основная идейная функция жанра – «утверждение морально-этических норм христианства или идеи, возникшей под влиянием воодушевленного отношения к вере» [9, с. 287], убеждение адресатов в реальности божественного бытия. Как правило, «риторический уровень организации текста есть структурная экспликация прагматики этого текста», что характерно для устного народного рассказа [2, с. 77], и, зачастую, установка на достоверность изложенных событий осуществляется посредством риторических элементов: вводных слов и предложений, интонации, частиц, повторов.

В рассказах о божественном чуде часто создается детализированный фон происходящего, призванный подтвердить реальность случившегося. «*С высокой и почти отвесной скалы открывался великолепный вид. У подножия скалы приютилась обитель, она видна была, как на ладони. За обителью, в нескольких сажнях от нея, струился голубой Донец; за ним тянется обширный хвойный лес; а там дальше, выделяясь из темно-зеленой массы хвойных игл, белеют в разные стороны церкви, сверкая в небесном своде, как дальняя звездочки. Чудная местность!*» («Из дневника приходского священника» КЕВ, 1891, № 26). Картиной не только детализируется фон повествования, но и создается психологический эффект. «*Созерцая её с высоты скалы, душу объедают сладостныя мысли и чувства: чувствуешь себя как бы освобожденным от тягот мирской жизни, возвышаешься и паришь над всеми ея низменностями*». В способе создания образа, как пейзажного, так и портретного, присутствует так называемая «иконизация», которая свойственна духовной литературе в целом, это некая попытка говорить о религиозных предметах литературным языком.

Во многих публикациях, в целях большей убедительности, сохраняется, передается ситуация рассказывания истории о божественном чуде. Это, как правило, ситуация «коммуникативного коридора» (термин С.Б. Адоньевой), когда случайные собеседники делятся информацией, которую считают нужным передать другим людям в момент

откровенности, возникшей в процессе диалога со случайными людьми.

В рассказах о чудесах зачастую имеет место прямая цитация, которая как «тип создания текста демонстрирует не только полное сохранение традиционного представления, но и полную веру в него. <...> В тексте не содержится оценка, отсутствует также рациональная мотивировка» [8, с. 218].

Безавторское повествование призвано сместить внимание читателя от повествователя к тому, чьи слова он транслирует. Такая анонимная трансляция сводит к минимуму ощущение посредника, и читатель, получая данную информацию, может реализовать её дальше по принципу того же «коммуникативного коридора». Это обстоятельство также свидетельствует о жанровой близости данных текстов к произведениям устного творчества. Опираясь терминологией С.С. Аверинцева, можно было бы отнести эту духовную прозу к «дорефлексивному традиционализму», который тем и характерен, что литература на этой стадии не конституирует себя как литературу. «Действие риторического принципа в них, хотя никоим образом не исключено, однако непоследовательно и необязательно. Они могли дольше всего удерживать признаки предыдущей, дорефлексивной стадии; они послужили для подспудного вызревания и накопления возможностей следующей, уже не традиционалистской стадии» [1, с. 113].

Доминирует очень распространённый в христианской литературе сюжет обращения грешника на праведный путь. Собственно рассказы о чудесах не открывают ничего нового, они традиционны и даже стереотипны, однако цель их не в том, чтобы расширить горизонты, они призваны утвердить в сознании читателя мысль о том, что бытие Божье имеет подтверждение здесь и сейчас в наше время, что свидетели «чудес» живут среди нас. В беллетризованных рассказах о чудесах, зафиксированных провинциальной духовной периодикой, имеет место безоговорочная вера в излагаемое толкование жизненных событий и в этом проявляется несомненное сходство с фольклором.

Божие вмешательство представлено в ключе народного понимания, что обнаруживает близость рассказов о чудесах в духовной периодике к фольклорной не сказочной прозе. Например, рассказ «Из дневника сельского священника» (КЕВ, 1890, № 24) – повествование о Божьей каре, которая обрушилась на богатого крестьянина после его

отказа быть церковным сторожем, сославшись на крайнюю занятость. После этого пожар в одну ночь превратил его из самого зажиточного человека в селе в бедняка, в результате погорелец раскаялся. Произведение демонстрирует, что божья кара не вымысел, она может настичь каждого. Это зафиксировано в наше время, здесь и сейчас, неким «сельским священником», который традиционно остался анонимен. Авторская позиция в данном случае предельно близка к народному толкованию божьей воли. Возмездие, изображенное в рассказе, отражает собственно народное, наивное представление о Боге, как о некой персонифицированной грозной силе, способной вредить, мстить за малейшее и случайное оскорбление.

В целом, можно говорить о том, что публикации КЕВ о чудесах, явлении божьей воли и чудодейственных исцелениях отразили один из интереснейших аспектов духовной, религиозной культуры второй половины XIX в. В рассказах о чудесах, опубликованных в КЕВ (как и во всей духовной периодике того времени), отразились процессы взаимовлияния устной культуры определенной среды, опирающейся на народную традицию в целом, и собственно религиозной культуры.

«Устная традиция сообщения о христианском чуде послужила толчком для создания собственно литературных произведений, активно использующих приемы устного рассказа, но ориентированных на другой способ подачи информации. Кроме того, литературное произведение, основываясь на сюжете о чудесном явлении, задается принципиально другой целью: не только рассказать о чуде, но внушить читателю назидательную идею» [5, с. 27].

В художественном оформлении данных произведений активно используются приемы устных рассказов о божественных чудесах, в частности, в них создается атмосфера непосредственной сопричастности к чуду, воспроизводится эффект неожиданности и очевидности случившегося, дается установка на достоверность и т.д. Однако, это произведения совершенно другого жанра, на что указывают и их авторы, которые замечают: «решил написать об интересном и поучительном случае». Показательно, что в данных рассказах, несмотря на их «неустное» происхождение, также прослеживается апокрифическая традиция толкования чудесного явления.

К собственно литературным произведениям можно отнести, так называемые, «приходские пре-

дания». Такие сочинения получили распространение в XIX веке. «Сельские церковно-приходские летописи, авторами-составителями которых были приходские священнослужители, отражали известные священникам-летописцам сведения по истории прихода и обыденную жизнь приходской округи второй половины XIX – начала XX века. Надо отметить, что сведения по истории (особенно первоначальной) прихода часто носили легендарный характер, ибо основывались, прежде всего, на местных преданиях» [4]. Фундаментальное исследование по данной теме представляет книга В.К.Сokolовой «Русские исторические предания» (1970). Это первая работа, в которой обстоятельно рассмотрены сюжеты, познавательная, идейная и художественная ценность преданий, обобщено то, что сделано в их изучении.

«Приходское предание», опубликованное «Курскими епархиальными ведомостями» в № 30–32 1894 года, представляет собой жизнеописание блаженного Иакова, и несомненно, наследует традициям житийной литературе древней Руси. Даются ссылки на записи достоверных событий: смотритель Новочеркасского духовного училища иеромонах Иннокентий (1853 г.), 1863 г., записки при Болховицкой церкви. Таким образом, присутствует отсылка к другим авторитетным источникам, формула «пересказа со слов», характерная для рассказов о божественных чудесах, в «Приходском предании» трансформируется – перед нами художественно обработанное сочинение, с опорой на исторические факты. Но по сути, это тот же приём «маркировки» текста, подтверждающий достоверность материала.

Текст имеет черты топонимического предания, т.е. произведения устной народной прозы в котором разъясняется происхождение названий географических объектов. *«А уж какая красота Божья эти горы и сказать нельзя! Белые, чистые, стоят, словно бы снегом посыпаны. Внизу Донец плывёт; за Донцом – луг широкий зелёный; озёрца малые, лески по местам синеют... Тут же и город; с давних пор зовётся Белгородом: улицы чистые да широкие, храмы Божия благолепные, крестами на солнышке сияют. – Да, славная сторонка наш Белгородский край! Всего, всего тут вдоволь... И всё от Господа!»* Название отчасти объяснено за счёт ассоциативного ряда «белый», «чистый», «благолепный».

Из приведённого фрагмента можно заключить, что в отличие от топонимических преданий фольклора, где доминирует познавательная функция и потому не важны художественно-изобразительные средства, приходское предание отличается именно тяготением к выразительности и красоте слова.

Тема Белгородской земли осмысливается на уровне общероссийской значимости: *«В древнее время на том месте, где теперь наша Белгородщина, была голая степь: и был тут край русского царства. По этой степи бродили татары и грабили места и города, которые были ближе к краю русского царства: Рильск, Курск, Путивль и др.»*, но *«с тех пор, как устроили Белгород, стало татарам опасно нападать на Русь...»*. От панорамы Белгородской земли и краткого экскурса в историю, автор приходит к необходимости поведать о жизни блаженного Якова, поскольку *«осталась, однако, и живёт до сих пор какая-то грубость в народе»*. Мало ходят в церковь, ссорятся, бранятся. А между тем есть человек, на которого следует равняться – блаженный Яков. Проблематика произведения раскрывается в словах: *«Наш мир и тишина в земле нашей; нужды и скудости большой нет; ссориться нам как будто и не из-за чего! А между тем, ежели правду говорить, так и ныне грешим мы не мало: ссор и обид довольно, а черных и бранных слов и того больше! Отчего бы это?...»*

Рассматривая «Приходское предание» с точки зрения художественной формы: детали предметной выразительности, композиционные и стилистические, необходимо отметить, что сюжета как такового в произведении нет – перед нами связанное только риторическим намерением автора последовательность фактов. Композиция образа центральной фигуры повествования – блаженного Якова – строится на его портретной характеристике и демонстрации его поступков, вполне возможно хроникально не упорядоченных, во всяком случае, на это нет прямого указания. Автор «Приходского предания» не ставит цель очертить какую-то цепь поступков блаженного и тем самым доказать его богоизбранность. Факт богоизбранности Якова не вызывает у ни малейшего сомнения. Персонаж каноничен: *«Был он человек простой, скорее бедный, чем богатый, учен был не очень много, а между тем прожил жизнь свою как дай Бог всякому. Он ничего не имел; но когда надо было помочь ближнему у него оказы-*

валось больше средств, чем у иных богачей, потому что он помогал охотно и от всего своего горячего сердца. Он жил как нищий, не имел ни крова, ни пристанища, и одевался в рубище; однако не только не роптал, но был счастливее самых счастливых и всю жизнь свою, делом и словом прославлял Господа. Он был слаб, как дитя; но тем сильнее любил Бога, как Отца, а соседей и ближних как родных братьев. Он не был учён; но мог бы всякого поучить (и поучал) исполнению воли Божьей». Уточняется его происхождение, но единственно для того, чтобы усилить эффект достоверности излагаемого: «Лет полтора ста тому назад жили в селе, что возле Белгорода супруги Максим Данилович и Ксения Максимовна, однодворцы. Были они хозяева хорошие и жили состоятельно. ... домик стоял как раз ввиду церкви». И было у них трое сыновей. Яков был средний. Точно указывается дата смерти Якова: «1-го октября 1788-го года Иаков мирно скончался, имея от роду всего тридцать лет». «Указания на место, время и участников действия организуют общий универсум рассказа для говорящего и слушателя. Они подготавливают почву для реализации установок текста. Чем точнее указания на время и место, тем «длиннее» связь между коммуникантами» [3].

В «Приходском предании» тесно сплетены мотивы устного народного творчества и традиции христианских рассказов о чудесах. С одной стороны скрупулезная точность, указания места, имён и дат, а с другой стороны почти сказочная интонация, избыток символов и намёков («домик... ввиду церкви», трое сыновей и т.д.). Портрет – основной способ создания образа блаженного. В начале мы видим Якова ребёнком: «славный это был мальчик! Лицом красив, телом строен, глазки ясные, говорить начнёт – так бы его и слушал. А уж сколько тих, скромн и вежлив – того и сказать нельзя».

«Только стал мальчик подрастать – стали примечать, что с ним твориться что-то особенное». Обратим внимание, автор говорит «особенное», а не «странное» или «непонятное». Портрет Якова на иконе в церкви: «Это изображение представляет наглядно всю внешнюю и внутреннюю жизнь Иакова он изображен здесь человеком средних лет, с лицом, какое бывает у самых строгих постников – измождённым суровой жизнью, постом, бдением и непрестан-

ной молитвою. Волосы его длинные; видно, что он никогда их не стриг за всё время своего подвига. Глаза его, глубоко ввалившиеся, смотрят на богомольца и посетителя с особым выражением постоянной кротости. На плечах его – обыкновенная холстинная рубаха, обвязанная поясом: это всё, что у него было собственного за всю его недолгую жизнь. В общем от изображения Иакова как бы веет добродушием, смирением и кротостью, добродетелями, особенно усвоенными юродивым». Портретная характеристика является основным средством создания образа, через портрет раскрывается внутренняя, глубинная суть. Причины, побудившие мальчика всецело обратиться к духовному, полностью отрицая земное, так и не раскрыты. Нет никаких предпосылок к его богоизбранности, эти причины неисповедимы и автор даже не пытается их анализировать. Просто констатируется, что «сделался он молчалив выше меры; от сверстников начал сторониться; в пище, питье и одежде начал наблюдать скудость и убожество. После стал совсем уходить из села...». В тексте присутствует единственное указание на причину перемен, произошедших с мальчиком, и звучит оно скорее, как авторская догадка, нежели достоверный факт, – желание самого Якова, его добрая воля. «Он не был болен ни телесною, ни душевною болезнью. Он только казался безумным, потому что по собственной воле сделался юродивым Христа ради дабы тем легче и удобнее было ему наставлять ближних своих на пути закона Божия, с которого они легко сбивались». Смысловая нагрузка этого элемента заключается в том, что если святым стал один из нас, каждый может, следуя его примеру, возвыситься духовно и стать, по меньшей мере, ближе к Богу. Черты, дополняющие облик главного героя, и доказывающие его святость: «Возле него лесной птицы – не перечесть», «питался он по большей части ягодами и корешками, которые особенно искусно умел находить в лесу и поле». Таким образом, выстраивается аналогия со словами Нагорной проповеди: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их». (Матф.6:26).

Далее автор рассказывает о том, что было свойственно для Якова, характеризует его через поступки, как, например: просил милостыню в богатых домах, отдавал её «в избу, где была нужда»

и быстро убежал; любимым занятием блаженно было пение псалмов, автор подчёркивает ревностное отношение Якова к молитвенным собраниям в храме, и то, как он плакал над плохими свечами, и то, как молился и как горевал по поводу прерванной обедни. Всё это призвано укрепить в читателе уверенность, что перед нами действительно «божий» человек, хотя никаких «чудес» в повествовании пока не упоминается. Перед нами просто человек, который *«от всей души и всем помышлением любил Бога и Его святой закон»*.

В произведении есть элементы конфликта, когда повествуется о поступках Якова. Автор отмечает, что помимо всего прочего Якову дано творить чудеса и предвидеть будущее, доказательство тому некоторые случаи из жизни юродивого. *«В конце лета или в начале осени 1780 года»* некий вор замыслил украсть сено. Яков заградил собою путь. Похититель бил Якова кнутом, но тот не отступил. В результате вор раскаялся и *«поклонившись ему и собравшемуся миру, сам рассказал о своём преступлении»*. Однажды Яков остался в горячей избе, но огонь не тронул дом, сгорела только крыша. *«Тогда все поняли, что Иакову, не смотря на кажущееся мало-разумие, известно будущее»*. Автор называет это даром «прозорливости» – вводя это понятие, он абстрагирует читателя от суеверного, возможно, языческого понимания предвидения будущего. То есть Яков не предсказывает будущее, не гадает – он предвидит, прозревает через своё пребывание в Боге. Очевидно, что для достижения большего художественного эффекта, лексический уровень «Приходского предания» детально проработан.

В характеристике Якова звучит мысль, что юродивый умел видеть величие Божье в красоте родной природы. Это принципиально важный тезис, который связывает воедино первые части повествования, посвящённые Белгородской земле, с жизнью святого и, тем самым, обеспечивает целостность повествования. От рассказов о божественных чудесах приходское предание в первую очередь отличает именно установка на «мифологизацию» (термин И.Е. Ивановой [5]) или иконизацию малой родины, что является знаковым явлением для провинциальной духовной периодики XIX века. Причём, если для произведений ду-

ховной прозы XIX в. неким «сакральным локусом» было нечто существенно удалённое (например, Константинополь в «Сказании...» инок Парфения), то в «Приходском предании» иконизируется именно Белгород. Образ родного города приобретает символическое значение. «Освоение города и вообще жизненного пространства по образно-символическим уровням есть «иконизация» мира, имеющая первообразом для архитектуры Горний Град, столь же центральный для архитектуры, как изображение Пантократора для живописи» [6, с. 50].

Часть посвящённая «чудесам», которые творил Яков звучит очень сухо и проходит как-то вскользь. Говорится, что после молитвы на могиле юродивого вернулось зрение крестьянину А.М. Сюсареву, рассудок и язык возвращён крестьянину А. Хотенко. Автор не прибегает к детализации или пафосу, ограничиваясь простой констатацией факта. Также упоминается, что *«Иаков и после своей блаженной кончины в сновидениях является верующим для того, чтобы твёрже насадить в них семена веры и надежды на Бога»*. Таким образом, происходит смещение внимания от собственно «чуда» в его понимании в рассказах о чудесах к произведению, в центре которого – личность – в данном случае святого.

Нравственный итог «Приходского предания» звучит в духе жанров красноречия: *«Господь воздвиг нам для подражания в добродетели и укреплении в любви взаимной и в уповании постоянном людей, подобных юродивому Иакову. Ещё ли не бесконечны к нам щедроты Господни? Ещё ли рука его не отверзта для нас? Ещё ли лице его к нам – не по делам нашим, но по его великой милости?»*

Региональная духовная периодика зафиксировала бытование произведений направленных на формирование представлений о достоверности бытия Божия. Рассказы о божественных чудесах и произведения в жанре приходского предания генетически связаны с традициями фольклорной не сказочной прозы, но представленные в курской духовной периодике XIX века, они включались в систему идеологических и публицистических задач издания. Свойства художественности таких текстов позволяют говорить об их близости к произведениям духовной прозы XIX в.

Библиографический список:

1. Аверинцев С.С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М.: Наука, 1986. – С. 104–116.
2. Адоньева С.Б. Этнография севернорусских причитаний // Бюллетень фонетического фонда русского языка. Приложение № 7: Обрядовая поэзия Русского Севера: плачи. Санкт-Петербург – Бохум, 1998. С. 63–85.
3. Веселова И. С. О степенях достоверности фольклорного рассказа. // Русский фольклор в современных записях [электронный источник]. URL: http://www.folk.ru/Research/veselova_dostovernost.php (дата обращения: 04.02.2011)
4. Добренский С.И. Церковно-приходские летописи второй половины XIX – начала XX века. // БГ-Знание.Ру [электронный ресурс] URL: <http://bg-znanie.ru/article.php?nid=31673> (дата обращения 23.01.2011)
5. Иванова И.Е. Фольклор в системе журналистских жанров: мифосмыслы и мифотворчество (по материалам провинциальной – тверской – периодики XIX в.). Автореферат дис. ... докт. филолог. наук. – Тверь, 2006. 46 с.
6. Игумен Александр (Федоров). Образно-символическая система композиции древнерусского города. – СПб., 1999. – 210 с.
7. Неклюдов С.Ю. Самобытность и универсальность в народной культуре (к постановке проблемы) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. Отв. ред. Л.О. Зайонц. Сост. В.В. Абашев, А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 124 с.
8. Овчинникова О.В. Что нам стоит дом построить: Традиционная крестьянская культура как основа построения современных русских популярных текстов и культурной практики. – Tampere, 1998. – С. 218.
9. Соколова В.К. Русские исторические предания. – М.: Наука, 1970. – 346 с.

STRELKOVA O.S.

SHORT STORIES ABOUT MIRACLES IN «THE KURSK DIOCESAN GAZETTE»

Works in the genre of short stories about miracles take a significant place among the total amount of material «The Kursk Diocesan Gazette». The article is based on an analysis of specific such texts. The study short stories about Christian miracles will contribute to building a coherent system of ideas about the spiritual life of Russian province and comprehensive understanding the phenomenon of cultural life in Russia as spiritual literary tradition.

Key words: short stories about miracles, Christian prose, clergy, provincial periodicals, diocesan gazette.

Т.А. ТРАФИМЕНКОВА, кандидат филологических наук,
преподаватель русского языка Брянского медицинского колледжа
имени академика Н. М. Амосова
Тел. 8 920 838 50 27; tanya-bryansk@yandex.ru

НОМИНАЦИИ ПОЛЕВЫХ ЦВЕТУЩИХ РАСТЕНИЙ КАК ФРАГМЕНТ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Статья посвящена рассмотрению функционирования номинаций полевых цветущих растений в русской языковой картине мира.

Дается сравнительно-сопоставительный анализ данной лексико-семантической группы как самостоятельной в различных лексикографических изданиях, начиная с древности и заканчивая современными семантическими словарями. В статье проведены наблюдения за употреблением номинаций небольшой группы цветущих растений в русской литературе и их представлением в русской лексикографии: толковой, этимологической, сочетаемостной, тематической. Обращается внимание на ассоциативные реакции, которые они вызывают у русского человека.

Все приводимые доводы подтверждаются иллюстративным материалом, отобранным из художественных текстов.

Ключевые слова: номинация, семантический словарь, языковая картина мира, художественный текст, ассоциативная реакция.

*Есть на полях моей родины скромные
Сестры и братья заморских цветов:
Их возрастила весна благовонная
В зелени майских лесов и лугов.*

И. Бунин.

Цветы являются неотъемлемой частью русской языковой картины мира. В восприятии человека цветок – это нечто гораздо большее, чем просто красивое природное явление. В мире людей – их культуре и взаимоотношениях – цветы приобретают особое значение. Они становятся олицетворением радости, нежности, изящества, выражением любви, благодарности, уважения.

Образы цветов, воплощаясь в различных формах и видах культуры (живописи, мифологии, обрядах, традициях, религиозных представлениях и т. д.), находят свое выражение в языке. Поэтому вполне закономерно, что в современных идеографических словарях выделяется лексико-семантическая группа слов, объединенных общим понятием «цветы». Если обратиться к истории лексикографии, то интересно отметить, что впервые данная ЛСГ была выделена во втором издании «Словаря, содержащего употребительнейшие и нужнейшие слова в общежитии на Французском, Немецком и Российском языках, в пользу начинающих учиться сим языкам...» И.А. Гейма, вышедшем в 1819 году. Конечно же, истоки выделения данной лексико-семантической группы относятся к более древнему периоду и связаны с именем древнеэллинистского философа и ученого, ученика и друга Аристотеля, Феофраста (372–288 гг. до н.э.), который в своем «Исследовании о растениях» цветущие растения рассматривает

только с точки зрения времени их цветения, указывая лишь на то, что они бывают одного вида или могут иметь несколько различных видов. [18, с. 172].

Авторы современных идеографических и семантических словарей последовательно выделяют цветы в отдельную лексико-семантическую группу, но придерживаются различных подходов в их классификации. Так, в «Идеографическом словаре русского языка» О.С. Баранова в разделе «Систематика растений» рассматриваются цветущие растения в соответствии с их принадлежностью к той или иной семантической категории – подряду: лилииды, магнолииды, ранункулиды, карифиллиды, дилленииды, розиды, астериды. В свою очередь, в подрядах цветы распределяются по семействам. Например, лилейные (лилия, тюльпан, гиацинт), лютиковые (лютик, горичвет, дельфиниум), астровые (астра, маргаритка, ромашка, георгин, цинния, ноготки) и т. д. Разделение цветущих растений на садовые, лесные, луговые и полевые в словаре отсутствует и связано, по-видимому, с тем, что не всегда можно четко определить ареал распространения того или иного растения. Так, например, в «Биологическом энциклопедическом словаре» сказано, что незабудка насчитывает до 30 видов, среди которых встречаются обитатели лесов, лугов, болот, степей и высокогорий [3, с. 397].

Тем не менее разделение цветущих растений на садовые, лесные, луговые и полевые все-таки находит отражение в «Семантическом словаре русского языка» Н.Ю. Шведовой, где в группе травянистые растения выделяется подгруппа «декоративные растения; цветы садовые и полевые», в которой подробно перечисляются названия растений, относящиеся к указанной подгруппе. В «Тематическом словаре русского языка» (Саяхова Л.Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В.), вышедшем в 2000 году, в разделе «Природа» в самостоятельную подгруппу выделяются цветковые растения, но перечень их названий приводится далеко не полный, хотя деление на садовые, полевые и лесные цветы условно сохраняется (группы номинаций отделены пробелом).

Надо сказать, что житейские представления о цветущих растениях могут не совпадать с научной ботанической классификацией, так как специалистами под этим понятием понимаются только те растения, цветы которых можно использовать в качестве украшений, подарков.

Как отмечается специалистами-биологами, цветковые растения выделяются специалистами-ботаниками на основе наличия у этих растений особого органа размножения, имеющего вид венчика из лепестков, окружающих пестик и тычинки (т.е. цветка) [8, с. 91]. Согласно этой классификации, к разряду растений покрытосеменных (цветковых) будут относиться как деревянистые цветущие растения – деревья (яблоня, вишня и т.д.), кустарники (смородина, шиповник, роза и т.д.), так и травянистые цветковые растения – одуванчик, незабудка, чертополох, клевер и т. д. В данной статье мы ограничимся рассмотрением последних.

Номинации цветковых растений довольно широко употребляются в обиходной и художественной речи. Это связано с тем, что у цветов есть удивительное свойство – они одним лишь своим видом могут сказать все то, что человеку не всегда удается облечь в слова. Именно поэтому цветы – наиболее частые образы в поэзии и прозе многих авторов.

Сколько надежд, радости, счастья, теплоты встреч, песен, грусти и тоски скрыто за простыми, всем известными названиями: незабудка, василек, ромашка, одуванчик, колокольчик.

Все это полевые цветы, пестрое и благоухающее разноцветье которых служит источником вдохновения для многих русских поэтов. Так, например, для В. Брюсова цветы – это не просто красивые цветущие растения, а живые существа, которые могут ронять «жемчуг крупных белых слез», «спать в тени берез», быть стройными, словно молодые девушки. Об этом он пишет в стихотворении «Фиалка» (1912):

Цветики убогие северной весны,
Веете вы кротостью мирной тишины.
Ландыш клонит жемчуг
Крупных белых слез,
Синий колокольчик спит в тени берез.
Белая фиалка высится стройна,
Белая ромашка в зелени видна.
Здесь иван-да-марья, одуванчик там,
Желтенькие звезды всюду по полям.

На поле можно встретить и такой цветок, как незабудку – «травянистое растение с мелкими голубыми цветками» [15, т. 7, с. 875].

В языке художественной литературы незабудка пользуется большой популярностью. Как отмечает В.В. Виноградов, название этого цветка резко выделяется из всех других русских существи-

тельных по своему морфологическому составу, по приемам своего образования. Оно образовано от императивной формы (с отрицанием): не забудь [5, с. 197]. По свидетельству М. Фасмера, незабудка – калька немецкого *vergissmeinnicht* [17, т. 3, с. 59]. О возможном западно-европейском калькировании этой номинации говорит и П.Я. Черных [19, 567].

Впервые номинация незабудка в лексикографической литературе была зафиксирована в конце XVIII века в «Словаре Академии Российской» (1793): «*Незабудочка*, ки, с. ж. или *Не забудь меня*. *Myosotis arvensis*. Травя однолетняя, имеющая стебель простой, листки копиевидные, шероховатые; цветочки маленькие, светло-голубые, по середине коих находятся желтые чешуйки, преграждающие отверстие в цветочную трубочку; семена шероховатые. Растет в Европе по сухим полям» [15, т. 3, с. 59]. О вхождении названия этого цветка в литературно-языковой обиход в последней четверти XVIII века свидетельствует его употребление в языке сочинений Г.Р. Державина и Карамзина. Так, например, у Г. Державина есть стихотворение, которое называется «Незабудка», содержащее такие строки: «Милый *незабудка* цветок! / Видишь, друг мой, я, стена, / Еду от тебя, мой светик: / Не забудь меня».

Упоминает этот цветок в своих повестях и Карамзин: «Дельрив садится в лодку, наполненную розами, миртами и *незабудками*» (Повести г. Жанлис. ч. 1. Вольнодумство и набожность. М., 1816, с. 112).

Поэты XVIII–XIX веков продолжили воспевание в своих произведениях этого, на первый взгляд, не очень бросающегося в глаза цветка. Так, П.А. Вяземский в послании «И.И. Дмитриеву» (1822) пишет: «Вплети бессмертья *незабудки*! / Венок свой с розами любви. . .». Здесь незабудка становится в один ряд с розой, а в венке символизирует бессмертие. Сходный мотив звучит и в стихотворении М.Цветаевой, для которой венок незабудок – это память сердца: «Памятью сердца – венком незабудок / Я окружила твой милый портрет. / Днем утоляет и лечит рассудок, / Вечером – нет».

Дорогим для любящего сердца цветком стала незабудка у М.Ю. Лермонтова: «Цветок печальный с этих пор / Любви дорог; сердце бьется, / Когда его приметит взор. / Он *незабудкою* зовется... («Незабудка»).

Такие образы, вероятнее всего, опираются на легенду о возникновении этого цветка. Древнегре-

ческая легенда гласит: «Ликас и Эгле были самой красивой парой из всех пастухов и пастушек Аркадии, а их любовь и верность вошли даже в поговорку. Но вот однажды Ликас получает строгое приказание от отца немедленно воротиться домой и вступить в наследство, оставленное ему умершим дядей».

Настает минута разлуки. Ликас крепко жмет руку Эгле и нежно ее обнимает. Возволнованная до глубины души, Эгле не может воздержаться от слез, и несколько крупных капель из ее чудных светло-синих глаз катятся на лежащую у ее ног траву. Каждая из этих слез превращается в голубой цветок. Это были первые незабудки. Эгле срывает их и молча передает своему возлюбленному» [4, с. 599].

Лексическая единица «незабудка» упоминается и в прозе. Например, в романе И. Гончарова «Обрыв» мы читаем: «...распахнулась дверь и перед ним предстала... Полина Карповна, закутанная, как в облака, в кисейную блузу... в прозрачной шляпке с колосьями и *незабудками*» (ч. 2, 16). С. Т. Аксаков в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» пишет: «Неизвестно откуда возьмутся несвойственные горам травы, цветы, кусты и деревья, *незабудки*, дикий нарцисс, кукушкины слезки, тальник и березка».

Как мы видим из приведенных примеров незабудка встречается в произведениях многих поэтов и писателей, но нельзя не обратить внимания на тот интересный факт, что название этого цветка отсутствует в языке А.С. Пушкина (согласно данным «Словаря языка Пушкина») и в языке Ф.И. Тютчева (по данным «Поэтического словаря Тютчева» А.Л. Голованевского). Может быть, поэтому в «Русском ассоциативном словаре» на незабудку даны всего 3 реакции: нравится, цветы, цветок. По-видимому, большинство участников эксперимента имеют самое общее представление об этом цветке [9, т. 2, с. 495].

Как и незабудка, очень близок человеку и скромный темно-голубой полевой цветок василька, растущий во ржи и других злаках.

Взгляды на происхождение данной номинации у лингвистов расходятся. Так, М. Фасмер и Преображенский принимают греческое происхождение, в то время, как Брюкнер смело допускает в русском слове преобразование из польского *bazylika*, якобы потому что польское *Bazyli* соответствует русскому Василий [17, т. 1, с. 277].

Н.М. Шанский же считает, что *василек* обязан своим названием древнерусскому переоформлению греческого *basilikon* «царский» (цветок, растение), суффиксального производного от *basileus* «царь» [18, с. 34]. Родовое латинское название *Sentaurea* древнегреческие ученые Гиппократ, Теофраст и Диоскорид связывали с мифическим кентавром Хироном. Кентавр нашел, что сок василька обладает драгоценными свойствами заживлять раны и исцелил им свою рану, нечаянно нанесенную отравленной стрелой Геркулеса. Именно с этих пор, якобы, получило растение название Центаура, т. е. цветок Кентавра. Кентавр, как гласит предание, впоследствии пожертвовал собой и, отказавшись от бессмертия, ушел вместо Прометей в царство мертвых. И лишь небесно-синие цветки каждое лето напоминают о нем. Поэтому цвет василька избран писателями в качестве символа верности и постоянства.

Василек был хорошо известен в Древней Греции. В стихотворении Мелеагра «Вступление к венку» читаем: «Фаний с ним сочетал венчики синих циан». В русском языке, по данным П.Я. Черных, название цветка известно с XVIII в. И отражено в словаре Поликарпова (1704, 39): василек – «зеле». Он же склоняется к исконному (по ассоциации с Василий) происхождению этого слова [20, 135].

В России известна история, связанная с именем великого русского баснописца И. А. Крылова. Рассказывают, что когда в 1823 г. с Крыловым случился сильный апоплексический удар, императрица Мария Федоровна (мать Александра I), почитавшая его творчество, прислала ему букет цветов и переселила для поправки здоровья к себе в Павловск, сказав: «Под моим надзором он скорее поправится». Такое внимание глубоко тронуло Крылова и после того, как поправился, он написал басню «Василек», в которой под видом увядающего цветка изобразил себя, а под видом солнца – императрицу: «В глуши расцветший василек / Вдруг захирел, завял до половины / И, голову склоня на стебелек, / Уныло ждал кончины».

Дикий василек, по мнению жука, недостоин, чтобы его пригрели и оживило солнышко, но тем не менее: «...солнышко взошло, природу осветило, / По царству Флорину рассыпало лучи / И бедный василек, завянувший в ночи, / Небесным взором оживило».

Подаренный букетик Крылов бережно засушил,

часто им любовался и завещал, чтобы, когда он умрет, букет этот был положен с ним. Говорят, что так и было исполнено.

Глядя на синие васильки, невольно вспоминаешь крестьянку Акулину из рассказа И.С. Тургенева «Свидание»:

– И-и, какой вздор, моя любезная: в чем нашла страх! Что это у тебя, – прибавил он, подвинувшись к ней, – цветы?

– Цветы, – уныло отвечала Акулина. – Это я полевой рябинки нарвала, – продолжала она, несколько оживившись, – для телят хорошо. А это вот череда – против золотухи. Вот поглядите-ка. Какой чудный цветик; такого чудного цветика я еще отродясь не видала. Вот незабудки, а вот – маткина душка... А это вот я для вас, – прибавила она, доставая из-под желтой рябинки небольшой пучок голубеньких васильков, перевязанных тоненькой травкой – хотите? (И. Тургенев. Свидание)

Уже в этих репликах Акулины отражается один из фрагментов языковой картины мира, в которой представлены цветы: это, прежде всего, их практическая направленность, но при этом не забывается и эстетическая.

Любовь Акулины к полевым цветам подчеркивает чистоту и красоту ее души, близость к природе, наблюдательность и поэтичность, а василек в рассказе выступает символом нежной, сильной, самоотверженной, но несчастной любви, преданной невинности, хрупкости любящей девушки.

Современный поэт Александр Краснов посвятил васильку стихотворение «Василек осенний». В нем он говорит о красоте этого полевого цветка, своими лепестками способного украсить Рай: «Василек осенний, спи и вспоминай, / Ты ушел на небо не сухой былинкой, / Лепестки украсят твой зеленый Рай».

Сергей Есенин, обращаясь к своей сестре Шуре, в стихотворении «Я красивых таких не видел» употребляет очень необычную метафору: «Ты – мое васильковое слово», передающую нежность, любовь поэта по отношению к лирической героине, которая, по-видимому, является источником вдохновения автора, а для поэта С. Гордеева васильки являются олицетворением бескрайних просторов Родины – России: «Роса и дождь их оросили. / Они свежи и хороши. / Глазами синими России / Глядят в полях из спелой ржи».

В «Русском ассоциативном словаре» Ю.Н. Караулова и др. на номинацию «василек» дается 3

реакции: пшеница, ромашка, Вася. Так как василек – это «однолетнее сорное растение семейства сложноцветных с красивыми темно-голубыми или светло-синими цветками, растущее преимущественно во ржи» [15, т. 2, с. 58], то вполне естественно, что первые две реакции вызваны местом произрастания этого растения на поле, где можно также встретить пшеницу и ромашку. Последняя же реакция указывает на то, что название растения и его цветка переходит в разряд собственных имен и часто употребляется как уменьшительно-ласкательное к мужскому имени – Вася.

В русском языке активно функционируют существительное с уменьшительно-ласкательным суффиксом – василечек – и производное прилагательное от номинации «василек» – васильковый. Последнее очень часто употребляется в сочетании с существительными: васильковый веночек («Не на ваших ли ланитах / Усмехаются лилеи, / И на челах, льном блестящих, / Васильковые веночки» Г. Державин К Грациям), васильковые глаза («Я хотел бы... / Видеть девушку под окном, / Чтоб с глазами она васильковыми / ... Успокоила сердце и грудь» С. Есенин Листья падают).

Но не только васильки привлекают к себе внимание. Проходя мимо поляны, на которой цветут ромашки, невозможно остаться равнодушным.

По своему происхождению номинация *ромашка*, как указывает Н.М. Шанский, исконно русская и является суффиксальным производным от слова роман, кроме того, известно еще и заимствование из ботанической латыни *anthemus romana* (буквально – «ромашка римская») [20, с. 275].

По мнению П.Я. Черных, ромашка известна в русском языке с XVIII в. По-видимому, правы этимологи, возводящие это слово к ботаническому латинскому термину *anthemus romana*. Слово ромашка, очевидно, произведено от роман, как например, кармашек от карман [19, 2, 122].

Поэтому следует с большой осторожностью принимать этимологию Н.М. Шанского, но и П.Я. Черных не дает однозначного ответа на происхождение этого слова.

Существует народное предание, согласно которому ромашка похожа на чудесный, все видящий глаз. Оно находит отражение и в поэтической речи, например, в стихотворении М Дудина, посвященного этому полевому цветку: «Ромашка, излучая свет, / На солнышко похожая, / Бежит везде за нами вслед, / Своя, а не приходящая. / До поздней осени на

нас / Бросает взгляды смелые / Ее веселый желтый глаз / Через ресницы белые».

Поэт активно использует олицетворение, тем самым очеловечивая растение: цветок «бросает взгляды смелые» «через ресницы», «бежит за нами вслед». В то же время ромашка сравнивается с небесным светилом, ласково названным солнышком. От этого ее образ становится еще милее и притягательнее.

Но ромашкой не только любуются, издавна молодые девушки используют ее цветки для шуточного гадания – «любит – не любит». Об этом очень поэтично говорит Я. Полонский: «... А она в открытом поле / Сорвала себе цветок / И лепечет, обрывая / Каждый белый лепесток: / «Любит – нет – не любит – любит» / И, оборванный кругом, / «Да», – сказал цветок ей томным, / Сердцу внятному языком».

Вполне естественно, что «любит – не – любит» – это только одна из ассоциаций, которые вызывает ромашка. Среди других реакций на эту номинацию можно встретить следующие: цветок, девочка, клевер, поле, расцвести [9, т. 2, 736]. Что касается сочетаемости, то с существительным ромашка часто можно встретить в употреблении разные части речи: прилагательные (полевая, лечебная, красивая, лекарственная, крупная, желтая, луговая, белая), глаголы (спряталась, сорвали, цветет, гадать). Очень часто цветок ромашки ассоциируется с весной, лугом, лесом, солнцем, летом [12, с. 152].

Вообще, номинация «ромашка» многозначна. Это не только «травянистое растение семейства сложноцветных с одиночными цветками, белыми по краям и желтыми в середине» и «цветок этого растения», но и «лекарственный настой на таких цветках», «порошок из сушеных цветков, используемый как средство против блох, клопов», «высушенные цветки, употребляемые как лечебное средство» [15, т. 12, с. 1454]. Все эти значения не только известны, но и употребляются писателями в художественных произведениях. Например, М. Горький пишет: «А блоха-то все кусала его... Увы! Где нужна персидская ромашка, там ничто самые роскошные цветы риторики» («Грустная история»). У А. Куприна мы читаем: «[Ефим Андреевич] перед обедом неизменно выпивал серебряную чарочку ромашковой настойки» («Однорукий комендант»).

На лугу и на лесной поляне, в глухом овраге и на берегу речки всегда приветливо встречают нас

синие, голубые или белые цветки колокольчиков. Они чаруют своим изяществом и неброской расцветкой. Смотришь на колокольчики и кажется, что у них есть душа, наивная, открытая, доверчивая. Что-то удивительно родное, русское таится в этих нежных милых цветах. Наверное, никто из поэтов не сказал о колокольчиках лучше, чем А.К. Толстой: «Колокольчики мои, / Цветики степные! / Что глядите на меня, / Темно-голубые? / И о чем звоните вы / В день веселый мая, / Средь некошеной травы / Головой качая?»

Номинация «колокольчик» вызывает ассоциации, в первую очередь, с самим цветком и другими цветами (василек, одуванчик); различными цветовыми гаммами (светлый, серебристый, синеголубой, синенький), а потом уже возникает представление о предмете, который звонит, и все, что связано с этим – дорога, животные, школа и др. [9, т. 2, с. 26].

Интересно отметить тот факт, что в БАС в качестве первого значения к номинации «колокольчик» дается все-таки «маленький колокол», а значение растения указывается лишь вторым. Кроме этого, существует еще одно значение, в котором данная лексическая единица употребляется только во множественном числе – «оркестровый ударный инструмент, состоящий из ряда настроенных металлических пластинок, расположенных в плоском ящике двумя рядами» [15, т. 5, с. 1178].

Ни М. Фасмер, ни П.Я Черных, ни Н.М. Шанский в своих словарях не дают этимологии этого слова, по-видимому, предполагая прозрачность его происхождения (колокол – колокольчик, по форме цветка).

Исконно русской является лексическая единица *одуванчик*, называющая цветок, растущий не только на полях, но и в местах поселений людей, на лесных опушках. *Одуванчик* – приставочно-суффиксальное производное от слова дуть и названный так за свойство семян разлетаться от малейшего дуновения ветра [17, т. 3, с. 124].

Поэтесса Елена Благодина эту особенность называет вьюгой: «Ветер дунул неосторожно- / Облетел одуванчик мой. / Посмотрите, вьюга какая / В середине жаркого дня! / И летят пушинки, сверкая, / На цветы, на траву, на меня». Наверное, только одуванчик может похвастаться тем, что из цветущих растений он один приближен к небу. Это очень точно подметила Юнна Мориц:

Как во сне, в тишине раскаленной,
Оглянувшись на землю родную,
Одуванчик из бездны зеленой
Полетел, не дыша, в голубую.

...

Он всегда это знал за собою,
Совершал этот путь многократно:
Из зеленого – в голубое,
И обратно, туда – и обратно!

Интересный вывод можно сделать, если понаблюдать за сочетаемостью лексической единицы «одуванчик» в художественной литературе. Выделяется даже антонимическая пара: летний одуванчик – осенний («Есть осенние одуванчики, они много меньше летних и крепче их, и по одному сидят на ножке, а часто штук по десять» М. Пришвин *Времена года*).

Часто в речи одуванчик ассоциируется с человеком, что находит отражение в устойчивом сочетании – Божий одуванчик – «о женщине очень преклонных лет» [16, с. 342]. Здесь, как мы видим, происходит нарушение родовой соотношенности, так как номинация мужского рода используется для обозначения лица женского пола.

Нечасто в художественной литературе встретишь упоминание о чертополохе. Вероятно, это связано с тем, что чертополох – это «народное название колючих сорных растений семейства сложноцветных» [15, т. 17, с. 963] и с ним связаны только отрицательные реакции – вонючий, колючка [9, т. 2, с. 945].

Но для некоторых авторов, например, в частности, для поэтессы Натальи Прониной именно он навеивает воспоминания о детстве, о «малой родине»:

Малиновый огонь чертополоха
Медовая пушистенькая кисть.
Когда от боли мне не сделать вздоха
Молю я детство милое: «приснись!»
Приснись мне поле рыжее от зноя,
И воздуха дрожанье надо мной.

...

Где шмель гудит торжественно и глухо
Чертополох мой царственный расцвел.
Как будто он один на этом поле
И для меня зажег свою свечу.
Так пахнет медом! Нет терпенья боле
К нему, к нему душистому лечу!

Другой поэт, Николай Заболоцкий, употребляет очень интересное сравнение: букет чертополоха –

это пожар, «образ мироздания», пыланье неоконченной битвы, «полыханье поднятых мечей» («Чертополох»).

Номинации, называющие полевые цветущие растения активно употребляются носителями языка, писателями и поэтами в их художественных произведениях, переходят в жанры фольклора: «Стоят в поле сестрички: / Желтый глазок, белые реснички» (О. Тарнопольская); «Эй, звоночки, синий цвет,- /С язычком, а звону нет» (В. Фетисов); «Я шариком пушистым / Белею в поле чистом, /А дунул ветерок,- / Остался стебелек» (Б. Тимофеев), становятся предметами народных песен («Ромашки спрятались, завяли лютики...» слова И. Шафрана, музыка Е. Птичкина).

Таким образом, номинации полевых цветущих растений, употребляясь как в устной речи, так и в языке художественной литературы различных жанров, представляют собой один из фрагментов языковой картины мира в целом. Рассмотрев отношение к данным лексическим единицам носителей языка и проанализировав их в системе толковой, этимологической, тематической лексикографии, можно сделать вывод, что данный фрагмент языковой картины мира и вся она в целом не ограничивается только словесным изображением. На словесное «изобразительное полотно» накладывается целая сеть языковых смыслов: ассоциативных, сочетаемостных, фразеологических.

Библиографический список

1. Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка [Текст] / О.С. Баранов. – М.: Русский язык, 2007. – 659 с.
2. Бернштейн С.И. Словарь языка Пушкина: В 4-х т. [Текст] / С.И. Бернштейн. – М.: Азбуковник: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 2000.
3. Биологический энциклопедический словарь [Текст] / Под общей ред. М.С. Гилярова. – М.: Советская энциклопедия, 1986. – 831 с.
4. Брэм А. Жизнь растений [Текст] / А. Брэм. – М.: Эксмо, 2010. – 976 с.
5. Виноградов В. В. История слов: Ок.1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связ. [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Русский язык, 2000. – 486 с.
6. Гейм И.А. Словарь, содержащий самые употребительнейшие и нужнейшие слова в общежитии на Французском, Немецком и Российском языках, в пользу начинающих учиться сим языкам [Текст] / И.А. Гейм. – М., 1819. – 567 с.
7. Голованевский А.Л. Поэтический словарь Ф.И. Тютчева: свыше 6000 слов и фразеологических словосочетаний [Текст] / А.Л. Голованевский. – Брянск: Изд-во Брянского гос. ун-та им. акад. И.Г. Петровского, 2009. 970 с.
8. Грин Н., Стаут У., Тейлор, Д. Биология в 3-х т. [Текст] / Под общей ред. Р. Сопера. – М.: Мир, 1993. – Т. 1. – 368 с.
9. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь в 2-х т. [Текст] / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева [и др.]. – М.: АСТ: Астрель, 2002.
10. Нет, весь я не умру: Шедевры русской лирики [Текст]. – Калуга: Золотая аллея, 1999. – 480 с.
11. Русский ассоциативный словарь. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть 2. [Текст] / Под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина и др. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – 324 с.
12. Русский ассоциативный словарь. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть 3. [Текст] / Под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина и др. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – 212 с.
13. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений [Текст] / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998. – 807 с.
14. Саяхова Л.Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В. Тематический словарь русского языка [Текст] / Под общей ред. В.В. Морковкина. – М.: Русский язык, 2000. – 560 с.
15. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти томах [Текст] – М. –Л., 1950–1965.
16. Словарь фразеологизмов [Текст] / Под ред. И.В. Федосова, А.Н. Лапицкого, – М.: ЮНВЕС, 2004. – 608 с.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х томах [Текст] / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1986.
18. Феофраст. Исследования о растениях [Текст] / Феофраст. – Рязань: Александрия, 2005. – 578 с.
19. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. [Текст]. – М.: «Русский язык», 1999. – Т. 1. – 624 с.
20. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка [Текст] / Под ред. С.Г. Бархударова. – М.: Просвещение, 1975. – 543 с.

T. A. TRAFIMENKOVA

**THE NOMINATION OF WILD BLOOMING PLANTS AS A FRAGMENT
OF THE RUSSIAN LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD**

The functioning of the nominations of wild blooming plants in the Russian linguistic picture of the world is under consideration in the article.

There is a comparative analysis of this lexico-semantic group as an independent one in different lexicographical editions from the ancient times to the modern semantic dictionaries. The article observes use of the nominations of a small group of the blooming plants in the Russian literature and their realization in the Russian lexicography: explanatory, etymological, combinative, topical. Special attention is drawn to the associative reactions which they provoke in Russian people.

All the given arguments are confirmed with illustrations from artistic Texts.

Key words: a nomination, a semantic dictionary, a linguistic picture of the world, an artistic text, associative reaction.

С.Р. ТУМАНОВА, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка медицинского факультета
Российского университета дружбы народов
Тел.: 8-916-077-67-48, 8-495-379-61-66 (дом.); svetla-tumano@yandex.ru

«ВРЕМЯ, ВРЕМЯ, КАК ВЕТЕР, ШАПКУ РВЁТ С ГОЛОВЫ...»

(К проблеме художественного времени в лирике
А.Т. Твардовского)

В статье анализируется важность проблемы художественного времени как в литературе вообще, так и в творчестве Твардовского, в частности. Рассматривается своеобразие концепции времени в лирике поэта на разных этапах его творчества. Анализируются наиболее характерные произведения по теме.

Ключевые слова: лирика, хронотон, время, память, жанр, философия.

Пространство и время как формы существования объективного мира с античных времён становятся объектами изучения многих наук. В этом двуединстве время всегда являлось ведущей категорией. Актуализация проблемы времени – одной из сложнейших в современном мире – по-своему объясняется учёными в разных областях знания. Время, возможно, содержит в себе разгадку принципов организации жизни во вселенной, почему и остаётся «одной из наиболее ревниво охраняемых природой онтологических проблем» [18, с. 5]. Изучение времени является как бы защитным механизмом человека в его страхе перед смертью. И сама смерть оказывается одной из категорий времени, закрывая счёт дней жизни каждого человека. Утрата непосредственного восприятия времени, связи с природной жизнью может также компенсироваться вниманием к проблеме времени, времятворчеством и времятолкованием.

Есть ещё одна важная причина усиления внимания к понятиям времени, опыта, переживания, знания и т.д., а именно необходимость обращений к прошлому опыту. «В свою очередь тематизированный мир прошлого предстаёт как презентация тех проблем, которые важны сегодня, он актуализирует потребность в историческом знании; этот мир воспринимается как часть собственной предыстории, он переживается воспринимающим человеком, что непосредственно связано с ожиданием будущего» [13, с. 4–5]. Между осознанием времени и процессами памяти установлена прямая связь: «Восприятие времени невозможно исследовать без учёта памяти, которая органически включена в этот процесс воспроизведения времени» [18, с. 1].

Проблема времени – это и проблема сохранения традиций, и проблема историзма в литературе.

Таким образом, множество аспектов проблемы времени в XX и начале XXI столетия свидетельствует о необходимости её изучения. «Познать время и овладеть временем – это задачи, решение которых имеет важнейшее значение для развития человеческой культуры, общества и личности» [5, с. 3].

Художественное время имеет свою специфику, а отсюда и сложность его изучения. Время неотделимо от пространства. Поэтому чаще всего при характеристике одного из компонентов не обходятся без другого. «Художественное время и художественное пространство, – пишет И. Роднянская, – важнейшие характеристики худо-

жественного образа, организующие композицию произведения и обеспечивающие его восприятие как целостной и самобытной художественной действительности» [14, стб. 772].

История изучения художественного времени не имеет столь глубоких корней, как история изучения времени вообще. Начало её некоторые учёные относят к 10–20-м годам XX столетия (В. Чередниченко), другие называют ещё более позднее время – 40–50 годы (Ф.П. Фёдоров). Так или иначе, проблема эта встаёт перед учёными со всё более настойчивой необходимостью разрешения. Если проследить основные вехи её изучения, то в первую очередь необходимо назвать труды М.М. Бахтина, который впервые вводит в литературоведение термин «хронотоп»: «Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть хронотопом (что значит в дословном переводе – «время-пространство»)» [4, с. 234]. В работах М.М. Бахтина на огромном историко-литературном материале доказывается, что «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов».

Вехой в разработке теории художественного времени стали работы Д.С. Лихачёва. В них утверждается важность проблемы художественного времени: «Литература в большей мере, чем любое другое искусство, становится искусством времени. Время – его объект, субъект и орудие изображения» [7, с. 5]. Учёный определяет конкретные подходы к изучению времени в литературе, среди них выделяя главный аспект: «Художественное время – это не взгляд на проблему времени, а само время, как оно воспроизводится в литературных произведениях, времени как художественного фактора литературы» [7, с. 6]. В то же время он отмечает, что «художественное время — явление самой художественной ткани литературного произведения, подчиняющее своим художественным задачам и грамматическое время, и философское его понимание писателем» [7, с. 7]. Говоря о различных авторских возможностях в отношении изображаемого времени, о субъективности восприятия времени, мы ставим вопрос о глубоком изучении времени как важной стороны того мира, который создаёт писатель в своём произведении: «На очереди – история художественного времени, история времени в художественной литературе» [7, с. 15].

Начиная разговор об особенностях художественного времени в творчестве того или иного писателя, следует отметить, что художественное время часто оказывается востребованным самой структурой художественного произведения или всего творчества в целом, необходимым условием для раскрытия особенностей образного мышления писателя. Время в системе координат творчества А.Т. Твардовского не только занимает одно из первых мест, но и является контрапунктом всего его творчества.

Идея времени владеет поэтом на протяжении всего его творческого пути. Постоянное ощущение себя в круговороте событий («Время, время, как ветер, шапку рвёт с головы...»), или ещё острее – на огневом рубеже (недаром появляется образ бегущего дня – огневого вала), или «в центре вселенского мира», где сливаются в едином образе пространство и время, в высшей степени характерно для всего творчества поэта от первых его стихотворных зарисовок до последних произведений, полных философских раздумий о жизни. «Понять Твардовского, – записал в дневнике Фёдор Абрамов, – понять эпоху во всём драматизме, сложности и противоречивости» [6, с. 102]. Однако это была эпоха не только Твардовского, но и Ахматовой, Пастернака, Заболоцкого, Исаковского и многих других, столь непохожих друг на друга поэтов. Тем не менее, все они выразили время, преломляя его через свою индивидуальность, внося особенность своего восприятия его бега. Наполняя поэзию пространственными и временными параметрами, художник обретает, с одной стороны, чувство единения с историей, слияния с рекой жизни, с другой – ощущает уникальность, вычлененность себя из общего потока литературного и жизненного процесса. Но никто из них не смиряется с этими, по определению Тютчева, «угнетателями и тиранами человечества» – пространством и временем. Каждый вступает в бой с ними и обязательно побеждает.

Твардовский, с его взглядом на жизнь как сиюминутное существование, включающее всё прошлое и будущее, с его пониманием творчества как меры вечности, вписывается в общий поток поэзии, становясь его каплей и его энергией одновременно.

Художественное время включает в себя время самого произведения, обозначенное грамматической формой глаголов, хотя «время действия и вре-

мя авторское и читательское создаются совокупностью многих факторов: среди них – грамматическим временем только отчасти» [8, с. 11]. На него могут накладываться все пласты прошлого, в виде воспоминаний, или будущего в виде мечтаний, или какие-либо другие отступления от реальности (сон, видения и т.п.). Как указывают философы, «трём модусам времени (прошлому, настоящему, будущему) соответствуют три состояния сознания: память (или воспоминание), созерцание, ожидание (или творчество)». Непременными составляющими становятся время написания произведения, связывающее его с историческим временем, а также время восприятия читателем или слушателем, часто придающее произведению новое звучание, благодаря чему оно и становится вечным.

Проблема художественного времени в творчестве Твардовского затрагивалась в ряде работ. Одной из первых обратила внимание на эту актуальную проблему Г. Умывакина. Определяя чувство времени у Твардовского как «едва ли не самое главное» в его «мироощущении и поэтическом мышлении», она считает, что «в мире Твардовского утратить память – значит снять с себя всякую ответственность за свою жизнь, за время, значит лишиться этот мир ценности, исторической правдивости, художественной нравственности» [17, с. 77].

Очень важными в методологическом отношении являются работы А.В. Македонова, всесторонне анализирующего творчество Твардовского. Так, ещё в 1981 году, подводя итоги изучения творчества поэта, А.В. Македонов выделяет среди новых проблем вопрос изучения «его художественной системы (например, проблемы времени)» [8, с. 12]. А среди первых задач изучения творчества поэта называет анализ сквозных ключевых мотивов: «Дорога», «дом», «память», «слияние мотива домов-дорог с мотивами памяти и движущегося незавершённого настоящего, дневникового многопластового времени, с новой поэтикой сочетания прошлого, настоящего и будущего» [8, с. 12].

Частично эти планы А.В. Македонов реализовал в книге «Творческий путь Твардовского. Дома и дороги». Он показал синтетизм тем и жанров поэзии Твардовского, создавшего «жанр Дневника Эпохи, человека эпохи, его Записной Книжки и Беседы, соединяющей все степени реальности и обобщенной лирической, эпической, драматической хроники дней и далей и разговора-размышле-

ния» [9, с. 362–363]. В монографии «Свершения и кануны», в которой обобщается анализ поэтики русской советской лирики в период с конца 30-х до конца 70-х годов, А.Македонов на примере наиболее ярких образцов лирики Твардовского разных лет прослеживает развитие и становление особенностей хронотопа. «Расширение лирического пространства было неотделимо от расширения лирического времени. Оно достигло небывалой многоплановости: прошедшее, настоящее, будущее совмещались друг с другом так, как они никогда раньше не совмещались; система лирического времени совмещалась с новым типом соотношений «я» с лирическими героями, персонажами, теми или другими явлениями объективного мира» [10, с. 357], – заключает своё исследование Македонов.

Большой интерес для нас представляют работы А.И. Павловского. Анализируя особенности ощущения Твардовским времени, автор обращает внимание на значение памяти в творчестве поэта как «исторического опыта народа, рассредоточенной в душах современников, подобно живой пульсирующей энергии» [11, с. 172]. Отмечая особенности философской тенденции творчества Твардовского, Павловский утверждает её своеобразность: «В поэтическом мире А.Т. Твардовского эти важные идеи и вечные темы оказываются, тем не менее, отмеченными новизной и интеллектуальной заразительностью, так как, будучи художником остросоциального мышления, человеком, всецело погружённым в дела своего дня и века, своего общества, он преломляет их применительно к своему времени» [11, с. 176].

Особое значение для изучения проблемы времени вообще и в творчестве Твардовского, в частности, приобретают исследования В.М. Акаткина. В книге «Ранний Твардовский: Проблемы становления» вопрос о соотношении старого и нового в раннем творчестве Твардовского автор определяет как «вопрос об изображении жизненного процесса, его движущих сил и противоречий, о соотношении различных граней единого времени – прошлого, настоящего и будущего» [1, с. 70]. А сама постановка проблемы художественного времени рассматривается В. Акаткиным как выход к проблеме историзма – одной из важнейших в современном литературоведении и ещё недостаточно разработанной на материале поэзии XX века. В книге «Дорога и память. О Твардовском» В. Акаткин раскрывает творчество Твардовского в клю-

чевых словах-символах «дорога» и «память», определивших, прежде всего, его существование во времени и пространстве. Пристально рассматривая Твардовского-художника сквозь призму его времени, исследователь приходит к выводу о единстве и цельности сознания поэта на протяжении всего творческого пути: «Чрезвычайно ответственное отношение к слову, к человеку, к истории помогло ему создать произведения, адекватные эпохе, победить творческой гармонией хаос бытия, совместить в живом переживании прошлое, настоящее и будущее» [2, с. 52].

«Поэт – ровесник любому поколению» когда-то сказал Твардовский. Книга В.М. Акаткина «Александр Твардовский. Служение и противостояние» – серьёзный, заинтересованный разговор равнодушного человека, сопрягающего гений великого поэта с проблемами современности и таким образом подтверждающего слова поэта о «ровеснике».

Анализируя эпоху 20–40 годов прошлого века, утверждая, что тема памяти – определяющая в творчестве Твардовского, автор говорит об опасности отрицания прошлого: «Это наши иваны, не помнящие родства, бывшие бунтари, облагороженные зарубежными фондами и рыночными добавками, по-прежнему сбрасывают с корабля современности всё советское» [3, с. 10].

Размышления известного философа и историка Михаила Гефтера о роли Времени и Пространства (именно так с заглавной буквы писал он эти слова, важнейшие в поэтическом дискурсе Твардовского: пространство – дом и дорога, сопряжённые со временем – памятью, сроками и мгновеньями) применительно к осознанию жизни России, её истории и политики приводят его к мыслям о влиянии хронотопа на отношение к жизни и смерти: «Тревожное отношение к потоку времени, несопоставимому с краткостью человеческого существования, и жажда охватить взором российские просторы, таящие в себе угрозу человеку, рождали общую тональность – и не только поэтического слова, но образности вообще, столь характерной для русского самосознания со времен Пушкина» [16, с. 22]. Именно таковым оказывается хронотоп творчества Твардовского с его постоянными образами, суживающимися до малой родины («малый дом со мною»), избы, где он родился («Из той избы») и расширяющимися до простора всей страны, земли и далее – космоса, где летал аппарат,

давший миру «без перевода» русское слово «спутник» и куда полетел Гагарин, так похожий на «тех моих ребят», отдавших жизни за родину и во имя мира и постоянно находящихся в пути, в дороге («в свой космос хлопцы делали разбег»).

Память стала главным мотивом творчества Твардовского на многие годы утверждается Гефтером: «И ныне, особенно теперь, у грядущего в демиургах – память» [16, 153]. И так же как Твардовский он соединяет будущее с прошедшим, создавая своеобразную формулу «Будущее прошлого» [16, 153]. Философия философа и поэта оказываются взаимопроникающими, взаимодополняющими в этом сложном переплетении. Особое отношение Гефтера к памяти как «арене сражения, где схватываются забвенье и воспоминание» [16, 188], оказывается актуальным и для поэта. Приравнивая память к совести, которая «угрызает», Гефтер-философ переключается с поэтом, который умирает каждый раз со своими героями («как будто мёртвый, одинокий, как будто это я лежу»), так как понимает «невозможность забвенья, неизбежное ощущение как бы себя в них, а их в себе» [16, 193].

На первом этапе творчества концепция времени Твардовского складывается из многих компонентов. Желание сделать стихи интересными для «простых, не искущённых в литературном отношении людей» [15, т. 1, с. 22], работа селькором, потребность вырваться из ограниченного сельского быта – всё это способствует формированию устойчивого интереса Твардовского к современности. Поэтому в триединстве: прошлое, настоящее и будущее преобладает настоящее с отчётливым противопоставлением его прошлому и несомненной устремлённостью в будущее. Настоящее время доминирует на начальном этапе, однако в лирике Твардовского всегда выявляется трёхплановая конструкция, так как для его мировоззренческой позиции, характерно «постижение мира в его закономерном природном и социальном развитии и включённости человека в историческое время», «понимание человека как творца истории, творца своего времени» [12, с. 9].

Хронотоп ранней лирики Твардовского очевиден: смоленская деревня в период крутого перелома 20–30-х годов. Настоящее не существует без прошлого, оно вырастает из него, и в то же время они отталкиваются друг от друга, настоящее пытается превзойти, а поэтому отрицает прошлое. Время, счастливое и трагичное, по-своему прелом-

ляясь, входит и в сознание, и в максимально приближенные к жизни произведения молодого поэта. Начало творческой биографии Твардовского приходится на середину 20-х годов, и путь поэта в литературу типичен для новой волны молодой советской поэзии. Огромные социальные сдвиги и экономические преобразования в стране, коренная ломка всех отношений в деревне, а отсюда и самый сложный процесс становления новой психологии крестьянина – всё это определяло особенность времени.

«Проблема старого и нового в искусстве – одна из вечных и непреходящих, но с особой остротой она встаёт в переходные эпохи. Их поляризация – следствие активного отношения людей к миру, показатель ускоренного движения времени» [1, с. 67]. Вместе с тем отрицание прошлого, а значит и отказ от памяти явились лишь данью времени. Подспудно живёт в сознании поэта необходимость помнить о своих корнях. И он, сначала лишь в отдельных стихотворениях, а потом всё чаще и чаще использует память не только как инструмент воссоздания картин прошлого, но и как нравственную потребность осознания своего места в жизни.

Многообразие жанровых форм лирики Твардовского этого периода связано непосредственно со структурой художественного времени. Настоящее, в которое, так или иначе, в плане противопоставления или сопоставления, входило прошлое и будущее, требовало воплощения в самых разнообразных жанровых структурах, порой смешанных, не имеющих жанровой чистоты. Тогда и возникает название «Сельская хроника». В нём смыкаются поиски Твардовского в построении структуры художественного времени и жанрообразования. Ведь слово хроника можно отнести к определению жанра, и в то же время оно вместе со словом сельская определяет хронотоп этого периода лирики Твардовского

«Хроника призвана запечатлеть факты времени для потомства, в центре её – время как субъект исторического процесса» [19, стб. 333]. Исходя из этого определения жанра хроники, данного в литературной энциклопедии, можно сказать, что в центре «Сельской хроники» Твардовского (равно как и позднее «Фронтальной хроники», а также цикла «Из лирики этих лет», являющегося своего рода хроникой, но на новом витке развития лирической мысли Твардовского) – живое время, сегодняшний день. Так поэт явно стремится во

всём закрепить своё чувство времени, остановить мгновение.

Весь комплекс средств художественной выразительности поэзии Твардовского подчинён в это время изображению сегодняшнего дня. Повествовательность, сюжетность первых стихотворений Твардовского были обусловлены, в первую очередь, работой начинающего поэта как селькора, задачами, которые ставила перед ним газета, – запечатлеть отдельные моменты из жизни новой советской деревни. Стихотворения этого времени наполнены деталями – приметам нового времени.

Характерно в этом смысле написанное шестнадцатилетним Твардовским стихотворение «Родное». Уже в нём можно отчётливо проследить, как конкретно воплощается художественное время у Твардовского. В деталях, выписываемых поэтом, нет ничего лирического, но они пронизаны спокойным, добрым чувством человека, осознающего себя хозяином земли. Отсюда в первых двух строфах стихотворения – признаки вечного, постоянного – это черты природы и крестьянского быта: «тягучий запах конопли», «тихий вид родной земли», «осенние сумерки», «затихнувшие сени, где пахнет залежью пеньки» [15, т. 1, с. 32].

Во второй строфе появляется формально настоящее время: «я вижу», «я иду», – говорит Твардовский, но пока ничто не указывает на конкретное историческое время.

В третьей строфе появляется первый намёк: «тихо светит в избе какой-то новый свет». Этот намёк постепенно раскрывается далее: «Крестьянская газета», которая содержит «ворох мужиковских дум» – это сугубо новое.

В пятой и шестой строфах будущее время выражено не просто глаголами будущего времени: «проскрипит», «закуёт», «придёт», а самим новым содержанием его: новое отношение к труду видим мы в словах «трудоваго размах», «читальня». Будущее придёт на смену прошлому и настоящему так же, как «доклад продуманный застелет старинку тёмную в селе».

Таким образом, уже в одном из самых ранних стихотворений Твардовского проявляется присущее всей его лирике соединение настоящего с прошлым и будущим, и в этом триединстве – преобладание ощущения сегодняшнего дня, времени самого поэта. Стихи Твардовского этих начальных лет как бы захлёбываются от нахлынувшей новизны творческой вокруг него жизни.

Схема «старое-новое», выявленная главным образом как антиномия, используется Твардовским и при создании психологических портретов. Герои этих произведений заняты самым прозаическим трудом, который сам по себе является принадлежностью времени – настоящего времени. Однако просматриваются и исторические корни героев. Все они тесно связаны с прошлым. Их жизнь как бы делится надвое. Твардовский часто изучает своих героев в экстремальные моменты, на грани жизни и смерти, когда надо подвести итог прожитой жизни. Поразительно, что Твардовского в эти годы особенно привлекают старики. Что в этом? Желание прожить с ними жизнь, чтобы обогатиться их опытом? Или начало более глубокого исследования вечных проблем жизни и смерти? Скорее всего, проистекает это из раннего осознания поэтом себя частью всего живущего на земле, а отсюда и внимание к людям, приближающимся к порогу вечности. Но, так или иначе, многие образы, которые разовьются впоследствии, берут начало в 20–30 годы.

Так, стихотворение «Перевозчик» во многом симптоматично для раннего Твардовского. Ведь мотив перевоза станет одним из главных в его творчестве, приобретая всё новые и новые оттенки – вплоть до образа последнего перевоза – смерти (цикл «Памяти матери»). Поэтому и образ перевозчика не прост, не однолинеен. Жизнь в прошлом, мы видим лишь её результат. Вечность в стихотворении символизирует природа. Вспомним близкое по времени стихотворение «Родная картина». Время как будто не движется, бесконечное пространство подчёркивает вечность природы. Так и здесь: между жизнью природы и жизнью человека нет прямой параллели, нет противопоставления, но есть внутреннее философское, глубинное сравнение. Протяжённость во времени передаётся замедленностью действия: «стада неторопливых волн» [15, т. 1, с. 38]. И перевозчик, кажется, живёт вечно, но время идёт и доказательством этому служит то, что он «как пена сед». И тогда возникает вопрос: в чём смысл жизни, в данном случае – долгой жизни одинокого человека? Нет у него ни внуков, ни своей избы, работа трудная, неблагодарная: «Всю жизнь он правил попере́к неустающего течения». Да и люди не всегда правильно оценивают его труд: «А кто-то скажет: – То-то жизнь, малина – жизнь у перевоза...». И совсем ещё юный поэт задумывается над, казалось

бы, чужой ему судьбой: а помощь людям разве не даёт права на память? «Тогда помянут ли добром, // Не говоря о лучшей славе» [15, т. 1, с. 38].

Итак, стихотворение о сегодняшнем дне никому не известного человека включает и воспоминания о его прошлой жизни, и размышления о будущей и уже посмертной его судьбе. Юный поэт задумывается о самой главной силе в борьбе со смертью – о памяти, которая в его сознании будет играть главную роль, особенно в годы войны и первые послевоенные годы.

Временные и пространственные параметры художественной реальности в произведениях Твардовского военных лет постепенно изменяются, главным образом за счёт углубления такой категории, как память. Пространство в его стихотворениях уже не замыкается на изображении Смоленщины, а время не ограничивается противопоставлением настоящего прошлому. Его хронотоп вбирает в себя всё новые и новые стороны бытия. Война в этом смысле становится особенно важным рубежом в сознании Твардовского. Он принимает в своё творчество людей армии, не забывая при этом и своих корней, и всей истории, лежащей за плечами народа, частицей которого он всегда себя ощущал.

Мотив памяти в годы войны у Твардовского имеет множество аспектов. И среди них едва ли не самый важный – воспоминание о мирной жизни до войны. Признаки мирной жизни соединялись с войной, переносились на описание военных событий, как будто поэт хотел постепенно привыкнуть и приучить читателя к неестественному для человека состоянию войны, что свидетельствовало о переходности сознания Твардовского: «Не дым домашний над посёлком, / Не скрип весёлого крыльца, / Не запах утренний сенца / На молодом морозце колком» [15, т. 2, с. 27]. Если в первой части стихотворения, несмотря на отрицание, мы чувствуем энергию времени, ощущаем движение жизни, так как слышим и видим всё вокруг глазами недавнего хозяина своего малого родного клочка земли, то во второй части время как бы замирает, как и всё живое в предчувствии беды. И дым костра – это не домашний дым – символ уюта и жизни, а другой зловещий символ вынужденного бродяжничества (потеря дома была для Твардовского самым страшным в жизни человека). Иной и звук у войны, его издаёт не «весёлое крыльцо» под ногой человека, а «звон пули», предвеща-

ющий смерть. И «недвижный, остекленевший» воздух это не «молодой морозец колкий», который, сбежав по «весёлому крыльцу», ощутит хозяин и займётся своей работой. Как в замедленной съёмке, представляется нам этот «день, ползущий в лес по лыжням», день, который может принести только беду и который, кажется, не кончится никогда. У времени, ведь, есть свойство замедляться, когда человеку плохо и бежать в радости. Так вступает в противоречие память о мирной жизни и военная реальность.

Память о мирном времени, о малом родном клочке земли – постоянная тема стихотворений Твардовского периода войны. Неслучайно многие из них написаны в жанре послания, который вмещает свободное движение времени, следующее за потоком сознания автора. Одно из них послание «Земляку» [15, т. 2, с. 56]. Настоящее, прошедшее и будущее переплетаются, взаимопроникают и постоянно сосуществуют в сознании поэта. Прошлое предстает, прежде всего, в воспоминаниях детства: о деревьях, что «садил» отец, о могилах прадедов, но ещё большей воспоминания мимолетные: «ты день встречал когда-то, почуяв солнце заспанной щекой», «на крыльце одною нянчил брата и в камушки играл другой рукой» [15, т. 2, с. 56]. Твардовский выступает как поразительно чуткий и тонкий психолог. Действительно, образы прошлого складываются из отдельных, порою даже разобщённых черт. И это чаще всего положительные эмоциональные образы. Однако конкретные воспоминания становятся обобщёнными, когда речь идёт о том, что всё разрушено, попорано чужой вражеской рукой. Так из прошлого действие переходит в настоящее, даже сиюминутное: «И там теперь сидит солдат немецкий, // И для него огонь горит в ночи» [15, т. 2, с. 56]. Но ни солдат-земляк, ни сам поэт не могут представить, что это продлится долго и не только потому, что они уверены в своих силах. Враг – «бродяга полумира» – он не хозяин, для него на советской земле нет ничего святого. Поэтому он «гость недолгий». Всё зло, которое совершит враг: «по окнам прострочит из пулемёта, // Отцовский садик срубит на дрова... // Он опоганит, осквернит, отравит // На долгий срок заветные места» [15, т. 2, с. 57] – как бы уже в прошлом, хотя и употребляются глаголы будущего времени. И уже окончательно поэт прозревает в будущее, когда говорит: «И даже труп свой мерзкий здесь оставит» [15, т. 2, с. 57]. Он в

этом убеждён, как убеждён и в том, что «идёшь ты нынче к дому своему». Таким образом, будущее присутствует в настоящем, но оно невозможно без прошлого. Тяжесть воспоминаний об утраченном прошлом помогает приблизить будущее.

Особо следует сказать о цикле «Стихи из записной книжки». В нём отозвались все аспекты памяти, разрабатываемые Твардовским в годы войны: память о мирном довоенном детстве («У Днепра»), память о войне («За Вязьмой») и память о самой памяти («Две строчки»), причём развитие её идёт по степени усложнения. В этих произведениях действует принцип открытости времени и пространства, усилившийся в послевоенном творчестве. Такая структура, дающая возможность читателю как бы стать участником происходящего, позволяет создать жанр дневника или записной книжки, как он определён самим поэтом в названии цикла. Чувство времени в этих стихах особенно обострено. Стихотворение «Две строчки» из этого цикла представляет собой лирическую миниатюру и звучит как симфония, в которой перекликаются разные голоса и сливаются в одну стройную мелодию. В стихотворении, может быть, впервые за всю войну так отчётливо звучит лирическое «я» поэта. Здесь проявляется, концентрируется всё мастерство Твардовского-лирика. Яркость, конкретность, зримость образов и тончайшие переходы и оттенки чувств соединяются в произведении. Упоминание о том, что сюжет этого стихотворения взят из записной книжки, сразу же относит его в прошлое. Запись сделана в прошлом о событии, которое предшествовало ей. Таким образом, Твардовский удаляется в глубь памяти. Но описание самого события благодаря точности деталей: тело погибшего лежало «неумело», оно было «по-детски» маленьким, мороз «прижал» шинель, «далёко шапка отлетела», лёд за полу «придержал» – переносит читателя в прошлое и делает его свидетелем происходящего. Оборвав описание на полуслове, Твардовский возвращает читателя к действительности. «Большая», «жесточкая» война не уничтожила памяти о «незамеченной» Финской войне, а колоссальные жертвы Великой Отечественной не заслонили собой «той судьбы далёкой». Напротив, может быть, именно сегодняшние размышления поэта о жизни и смерти не были бы полны без этой мысли о несостоявшейся судьбе мальчика, оборванной всё равно какой войной. Твардовский трижды повторяет слово

«маленький». Маленький, убитый – тема многих произведений Твардовского периода войны и послевоенных лет. В этом же стихотворении тема павших концентрируется в лирическом раздумье. Поэт не сторонний наблюдатель, он живёт в своих героях и умирает вместе с ними:

Как будто мёртвый, одинокий
 Как будто это я лежу,
 Примёрзший, маленький, убитый
 На той войне незначимой,
 Забытый, маленький лежу. [15, т. 2, с. 121].

Концепция времени у Твардовского за весь послевоенный период, меняясь в частностях, остаётся постоянной в главном: время действия его произведений – сегодня, которое вбирает в себя прошлое и будущее и выходит в вечность. Однако настоящего нет без прошлого, поэтому память становится ведущей категорией в образной системе Твардовского на долгие годы, трансформируясь и тематически: от конкретных воспоминаний с точными деталями, именами и т.д. до обобщённой памяти чувств; и структурно: от прямых воспоминаний о случившемся событии до сложных ассоциативных воспоминаний, характерных исключительно для мировосприятия Твардовского.

В стихах о павших почти всегда обнаруживается соединение двух начал: трагического и оптимистического. Определяя хронотоп в таких произведениях, мы видим, что от чередования прошедшего и настоящего времени – через будущее – поэт выводит свою мысль к ощущению вечности бытия, как вечна сама память о погибших на войне. Жанр лирического размышления, который использует поэт для реализации проблемы памяти, требовал и такого построения времени, течение которого подчиняется потоку сознания человека – с возвратами в прошлое, скачками в будущее, с выходом в вечность.

Художественное время, обусловленное содержанием стихотворений, не распадается, а напротив, сливается в мгновение настоящего, которое превращается в вечность. Форма стихов варьируется поэтом: это и обращения, и призывы. Память выступает теперь не только как механизм воспроизведения прошлого, но и как нравственная категория, часто она как бы растворяется в произведениях о современности.

Но память Твардовского не только воскрешала образы погибших воинов-братьев, она была на-

правлена на осознание всего исторического прошлого России в свете трагических событий войны. История, всё её богатство естественно трансформировались в сознании поэта в дыхание сегодняшнего дня. Построение времени в одном случае осложняется углублением в прошлое и выходом в бесконечное будущее, в другом случае время становится как бы объединяющим центром, вокруг которого строится вся композиция произведения.

Время и пространство, становясь стержнем произведений Твардовского, всегда подчинены главной цели каждого конкретного произведения и по воле автора могут как бы сжиматься или расширяться. В послевоенные годы в лирике Твардовского заметно распространение такого явления, как цикличность, что связано и с поисками в области жанрообразования, отсюда и усложнённая структура хронотопа. Всё это наиболее отчётливо наблюдается при анализе цикла «Памяти матери», который становится одной из вершин и связующим звеном всех творческих исканий поэта. В нём объединяются и завершаются поиски жанровых форм в лирике, доходит до высокой степени развитие лирического сознания автора, особую жанрообразующую роль, наконец, играет хронотоп. Построение времени в этом сложном, многосоставном произведении служит, с одной стороны, глубинному раскрытию образа матери – конкретного родного человека с его особенной судьбой, и обобщённого образа матери – символа родины – с другой стороны. Многослойность времени, что соответствует многослойности самой жизни, позволяет поэту свободно переходить от одного образа к другому, тем самым он создаёт произведение, вбирающее основные жанры лирики – от лирического рассказа до песни. Он вмещает в себя и покаяние сына за всех детей, которые оставляют родительский дом в юности, и рассказ о трагических событиях в жизни матери, как человека своего времени, попавшего в водоворот истории, и воспоминание о песне, и, наконец, описание похорон матери – последнего прощания:

В краю, куда их вывели гуртом,
 Где ни села вблизи, не то что города,
 На севере, тайгой запертом,
 Всего там было – холода и голода [15, т. 3, с. 156].

Но за конкретным содержанием стоит огромная философская тема жизни и смерти. Цикл ста-

новится вершинным достижением Твардовского по глубине лирической мысли, по способам выражения трагического чувства прощания всех и каждого с самым дорогим человеком и по силе осознания смысла человеческого существования.

Для мировосприятия Твардовского очень важна такая форма выражения художественного времени, как преемственность поколений. Только осознание жизни как процесса, а человека – как необходимого звена в человеческой общности даёт поэту понимание взаимосвязи всех жизненно важных явлений. Наиболее ярко это проявилось в стихотворении, посвящённом полёту Гагарина, в словах о судьбе «тех моих ребят», которые, вылетая на задание во время войны, «в свой космос делали разбег», и чья доблесть «отразилась в доблести твоей» [15, т. 3, с. 142].

Размышляя о назначении поэта, смысле поэтического творчества, Твардовский раскрывает ещё одну грань создаваемого им метафорического образа времени. Одна из особенностей изображения времени – его олицетворение, превращение в некий символ, который как бы расслаивается. С одной стороны, становится более абстрактным, с другой – конкретизируется в определённых категориях: час, день, срок, эпоха, время.

Многогранность проблемы художественного времени, требует рассмотрения её и в связи с важнейшей философской проблемой жизни и смерти – актуальной для всех этапов творчества поэта.

Таким образом, в творчестве Твардовского идея времени, неся в себе особенности каждого его периода, становится организующим и ведущим началом. Рассматривая поэзию Твардовского на фоне сегодняшнего быстрого времени, можно подтвердить его слова о том, что настоящий поэт всегда «ровесник любому поколению». И прошедшее столетие со дня рождения, отмеченное в 2010 году, не мешает нам понимать и ценить созданное Твардовским, ибо само «время, скорое на расправу», возвращает нам поэта, гражданина и мыслителя, оно не убило ни его поэзии, ни его живой мысли:

Глядь – поглядь,
За каким-то минучим сроком –
И у времени с языка
Вдруг срывается ненароком
Из того же стихика –
Строка. [15, т. 3, с. 200].

Библиографический список

1. Акаткин В.М. Ранний Твардовский: Проблемы становления. – Воронеж, 1986. – 210 с.
2. Акаткин В.М. Дорога и память: О Твардовском. – Воронеж, 1989. – 192 с.
3. Акаткин В.М. Александр Твардовский. Служение и противостояние: Статьи. Воронеж, 2006. – 260 с.
4. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 234–407
5. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. – Киев, 1984. – 207 с.
6. Крутикова Л. Фёдор Абрамов об Александре Твардовском: (По материалам личного архива Ф. Абрамова) // Север. – 1987. – № 3. – С. 83–109
7. Лихачёв Д.С. Поэтика художественного времени // Лихачёв Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы – СПб., 2001. – 566 с.
8. Македонов А.В. Итоги и задачи изучения творчества А.Т. Твардовского // Проблемы типологии творчества: А.Т.Твардовский, М.В. Исаковский, Н.И. Рыленков: Респ. сб. науч. тр. – Смоленск, 1981. – С. 3–20
9. Македонов А.В. Творческий путь Твардовского: Дома и дороги. – М., 1981. – 366 с.
10. Македонов А. Свершения и кануны: О поэтике русской советской лирики 1930–1970-х годов. – Л., 1985. – 357 с.
11. Павловский А.И. Советская философская поэзия. Очерки. – Л., 1984. – 178 с.
12. Притыкина О.И. Время субъекта художественного творчества в свете диалектики индивидуального и социального // Пространство и время в литературе и искусстве. Теоретические проблемы. Классическая литература: Сборник, 1987. – С. 6–11.
13. Проблемы комплексного изучения человека: Материалы к Всесоюзной конференции. – Вып. 1: Аналитический обзор. – М., 1988. – 36 с.
14. Роднянская И.Б. Художественное время и художественное пространство // Кр. лит. энцикл. – М., 1978. – Т. 9. – Стб. – 772–780 с.
15. Твардовский А.Т. Собр. соч. в 6-ти томах. – М., 1966–1971 гг.

16. Твардовский А.Т., Гефтер М.Я. XX век. Голограммы поэта и историка. Сост.: Е.И. Высочина. – М., 2005. – 496 с.
17. Умывакина Г. Опыт анализа образа времени в лирике Твардовского 30-х годов // Вопросы филологии и методики исследования: Сборник. – Воронеж, 1975. – С. 62–77.
18. Чередниченко В.И. Типология временных отношений в лирике. Тбилиси, 1986, 140 с.
19. Эпштейн М.Н. Хроника // Кр. лит. энцикл. Т. 8. – М., 1975. – Стб. 333.

S.R. TUMANOVA

**«TIME, TIME LIKE THE WIND BLOWS A HAT OFF MY HEAD...»
(ON A CONCEPT OF TIME IN A. T. TVARDOVSKY'S LYRIC POETRY)**

The article analyzes the significance of a concept of time in fiction in general and in Tvardovsky's literary work in particular. The originality of the concept of time at different stages of the poet's work is considered. Most topical poems are examined.

Key words: lyric, chronotope, time, memory, genre, philosophy.

В.В. ВИНОКУРОВ, кандидат философских наук, доцент кафедры философии религии и религиоведения МГУ им. М.В. Ломоносова
relig@philos.msu.ru

КОНЦЕПЦИЯ ДИНАМИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ РЕЛИГИИ РЕНЕ ЖИРАРА: БЛИЗНЕЦЫ

(ЧАСТЬ ВТОРАЯ)

Недостатком классической феноменологии религии являлась статичность ее основных структур. В статье сделана попытка анализа и интерпретации основных понятий динамической модели феноменологии религии. С точки зрения автора, религию в границах феноменологии можно определить как совокупность реальных отношений, действий и институтов, возникших и выстроенных вокруг неизвестной и, возможно, только воображаемой сущности – силы X. Во второй части работы показано, что эта сущность X в процессе ритуального кризиса обретает силу инстинкта.

Ключевые слова: религия, феноменология религии, ритуал, ритуальный кризис, жертвоприношение, священная сила, священное, святое, близнецы.

Автономизация индивида

Общество без ритуалов – это общество автономных от священной силы индивидов или считающих себя таковыми. В политологических, философских и психологических исследованиях достаточно подробно рассматривался генезис автономного человека, правда, уже автономного не от священного, но от других индивидов и весьма слабо интегрированного в общество. Это становление «человека – массы». Жирар, рассматривая механизмы сакрального насилия, также уделяет этому процессу внимание. Это процесс формирования социальных «близнецов». В этом процессе индивиды становятся одинаковыми и неразличимыми, при этом резко отрицают эту самую одинаковость и неразличимость и стремятся ее преодолеть и из нее выбраться. Бытовыми примерами подобных процессов являются начавшиеся как безобидные споры, которые переходят в ссоры и драки. Примерами споров – словесных поединков – изобилуют античные трагедии.

Динамика развития процесса спора связана с постепенной утратой в процессе спора его предмета, утратой собственно того, из-за чего возникло соперничество. Предмет спора постепенно растворяется в самом процессе и в конечном итоге исчезает. Динамика установки смещается с предмета спора на само действие, на само соперничество. В процессе спора предмет может быть сломан, но это не приведет к окончанию процесса, а, наоборот, может и стимулировать его. Этот момент характеризует запуск механизма мимесиса – уподобления. Каждый спорит лишь потому, что не согласен с другим. Каждый зеркально парирует удар другого. Борьба идет не за что-то, чем реально можно обладать и владеть, а за «правоту», «правду» или другие иде-

алы. Но поскольку эта «правда» у каждого своя, то нет разницы между правдой и ложью. Есть спор – это единственная динамическая реальность, имеющая ценность, которая здесь остается. В этом споре важно победить, пусть даже любой ценой. А это, в свою очередь, борьба за власть. Власть – это та реальность, которая делает индивидов неразличимыми, близнецами с внешней точки зрения и врагами – с внутренней. В этом процессе индивиды зеркально подражают друг другу, при этом не осознают сам момент подражания. Этот момент от них скрыт, поскольку его осознание связано с выходом за пространство спора, точно так же как кантовская проблема правой и левой руки предполагает для их совмещения выход за пределы трехмерного пространства [7, 152].

В процессе спора предмет, из-за которого он начался, исчезает, он замещается чем-то другим, а именно желанием победить. Так заявляет о себе насилие. Надо отдать должное проницательности Жирара в его критике фрейдистского понимания этого процесса. В основе психоанализа Фрейда находится влечение, но манифестация последнего, напротив, укореняет влечение в предмете, из-за которого возникает соперничество. Оно не самодостаточно, оно приковано к предмету. Это верно, если оставаться в границах фрейдистского психоанализа.

Утрата значений и феномен близнецов

Однако механизм трагедии спора и возникновение в нем социальных близнецов Жирара может быть продолжен, усилен и отчасти глубже, отчасти иначе обоснован. Для этого можно обратиться к концепции греха бл. Августина и к его «Исповеди». Не является ли сам человек носителем этой глубокой близничной двойственности? В психологическом аспекте анализ этой трансформации можно реконструировать, анализируя фрагмент «Исповеди» св. Августина. Речь идет о фрагменте произведения, в котором Августин описывает свои переживания, связанные с пребыванием в Карфагене, он описывает динамику любви и желания обладания. Как известно, Августин по профессиональному образованию ритор и в своем произведении для выражения своих мыслей, чувств и переживаний широко использовал свое понимание и искусство риторики. Он пережил целый хаос психологических переживаний, он «мутил источник дружбы грязью похоти», «ринулся в любовь и жаж-

дал ей отдаться», «весело надевал на себя путы горестей», «искал, что бы полюбить», «любя любовь». Здесь можно видеть утрату предмета любви и возникновение нового предмета устремлений. Он изящно резюмирует эти переживания риторическим выражением: «Я еще не любил и любил любить» [1, 34].

С точки зрения риторики эта фигура определяется как оксюморон. Суть ее заключается в том, чтобы хаотичное, неупорядоченное нагромождение противоречивых смыслов резюмировать изящной формулой. Это резюмирование происходит за счет введения абсолютного противоречия внутрь выражения. Возникающая риторическая фигура определяется как оксюморон. Оксюморон – это фигура, состоящая из двух слов, одно из которых содержит в смысловом ядре элемент, являющийся отрицанием смыслового ядра другого слова [5, 219]. Однако здесь отрицательный элемент смысла скрыт, и оно достигается не за счет прямого противопоставления, а за счет усиления одного из элементов. Например, такие метафоры, как «живая смерть», «черное солнце», содержат прямое внутреннее противопоставление, но выражение «любил любить» такого прямого отрицания не содержит.

Построение риторической фигуры основывается на отклонении от нормы. Самый простой вариант – это повтор внутри фразы определенного слова для привлечения к нему внимания. Эта фигура известна как усиление. В приведенном примере нормальным высказыванием будет выражение: «Я люблю Тебя». Если усилить сказуемое в этом выражении, то мы придем к формуле «Я люблю, люблю тебя». С точки зрения Августина, эти высказывания существенно различны, в скрытом виде второе содержит смысл, отрицающий само ядро высказывания. Это видно, если последовательно проводить дальнейшее усиление сказуемого: «Я люблю, люблю, люблю тебя» и т.д. При переходе к предельному бесконечному усилению сказуемого мы получим выражение: «Я люблю, люблю, люблю...». Предмет любви здесь уже утрачен и перенесен на саму любовь. Здесь, на наш взгляд, и возникает «близнец». Резюмируя это бесконечное предложение, получаем искомое выражение Августина, который «любил любить», но «не любил», то есть любил свою собственную любовь, а не кого-то другого. Вместе с устремлением к предмету любви возникает и зеркальное его отторже-

ние. Иными словами, мы пришли к отрицанию нормального выражения, и «любил любить» означает «не любил». Тем самым утверждение становится парадоксальным отрицанием, демонстрируя зависимость от своего собственного переживания, а это круг. В теологическом плане Августин решил эту проблему в пользу прямого развития чувств, противопоставив его круговой, циклической схеме, которая ведет к разрушению личности. Весь механизм запускается в силу того, что любовь оказывается смешанной с желанием обладания любимым. По выражению Августина, с «адским дыханием желания».

Произведение, в которое включен этот фрагмент, называется «Исповедь». Грех, в котором кается Августин, грех гордыни. Гордыня – это не следствие преувеличения гордости, по крайней мере, не только и не столько. Отчасти это так, но все-таки скрытым остается сам парадокс этого состояния и изменений, происходящих внутри индивида. Грех, согласно Августину, есть «отклонение воли» от блага. Развитие гордыни начинается с переноса чувства любви к кому-то на саму любовь. Если любовь есть проявление воли, то к ней примешивается желание, которое искажает замысел и смысл самой любви, формируя триаду: любить, желать, иметь. Формируется желание обрести власть над предметом любви, подчинить его себе. В желании выражается воля к власти, отношению господства и подчинения, по сути, политическое отношение. Обладание предметом любви приводит к утрате им значения предмета любимого и желанного. Если в этом процессе предмет – «Другой» обезличивается, то встает вопрос: что происходит с самим субъектом?

Наиболее интересным в этом фрагменте исповеди Августина является появление в его контексте и в динамике сюжета inferнального момента, который Августин фиксирует опять-таки риторическим выражением «живая смерть». Для того, чтобы эта динамика развивалась, необходимо, чтобы к любви добавилась не просто еще одна составляющая – желание, но Августин говорит об «адском дыхании желания», то есть о мутации самой воли, затрагивающей ее природу, о демонизации воли, о ее разрушении. В данном случае слово «демон» используется как производное от *daiw* (лат. *divido*) – «делить».

Это понимание согласуется с христианским пониманием греха гордыни, который связан с па-

дением Ангела Света – Люцифера во тьму, после которого стал он князем тьмы, но не утратил имени Ангела Света. Здесь налицо противоречие между именем и сущностью, он разделен. Демоны, согласно богословским воззрениям, это те, кто претерпел «преображение наоборот», изменение природы в другую сторону. Почти все они когда-то были ангелами. Но их природа претерпела изменение, правда, не до конца. Причем они сами изменили свою природу вследствие своего желания, по своей воле. Они сделали свой выбор. Имя, данное источнику всякой гордыни, Люцифер, «несущий свет». Именно Люцифер, персонифицирует главный из семи «смертных грехов» – гордыню. В христианской теологии именно грех гордыни порождает все прочие и скрывается за ними. Демонизация воли в приведенном отрывке из Августина – это грех вожделения, похоти, находящийся под покровительством другого падшего ангела – Асмодея. Имя ангела производится от еврейского слова «разрушать». Асмодей – «ангел-губитель» и одновременно «палач Бога», «носитель суда». Его характер отличается ревностью, сладострастием и своеобразным милосердием, по крайней мере, сочувствием. Он дает людям то, чего (как он знает) они будут лишены в будущем, поскольку в рае им будет отказано [9, 51].

Ключевым моментом является разделение души. Что под ним можно понимать? Разделение и разрушение «Я», где «Я» понимается как разумная часть души. Душа понимается прежде всего как целостность способностей человека, основными из которых являются воля, память, рассудок, эмоции, воображение. Отчасти они объединены сознательно, на основе «Я», отчасти нет. Разрушение «души» – это разделение этой целостности, разрушение отношений между ними. В пределе деструкции «Я» индивид остается наделенным этими способностями, но разумно не соединяет их. В этом смысле его «Я» уничтожено, но он не стал безумцем. Теперь он осуществляет синтез своих способностей бессознательно или, точнее, бессознательно берет на себя функцию защиты целостности «Я», а это более архаичная и, следовательно, более примитивная способность. Но именно в силу своей примитивности она более сильная, более энергичная, более действенная, более грубая, более механичная.

Активизируются более архаичные пласты нашей психики, соответствующие архаичные плас-

ты сознания и, следовательно, магия, миф и ритуальный символизм. Магическое основано на принципе подобия, а значит, на механизме имитации и подражания, и здесь действительно таятся корни и механизм мимемиса – подражания. Но при этом замещении воображение приобретает силу инстинкта, питаемую энергией тела, оно приобретает соматическую энергию.

Еще Д. Н. Овсяннико-Куликовский обращал внимание на то, что подобный механизм – «желание стимулирует результат, а результат стимулирует желание» – характерен для экстатических культов и состояний. Например, экстаз порождает исполнение гимна, а исполнение гимна порождает экстаз. В Ведах Сома выступает как божество экстаза, опьянения и пения. Опьянение Сомой, напитком – это опьянение «жидким огнем», ведущим к воспламенению души, «изливается из уст потоком речи, рождает гармонию ритма, творит поэтические образы и всем этим вместе развивает дальше охватившее человека состояние экстаза» [8, 56]. В то же время Овсяннико-Куликовский замечает, что санскритское слово *kavi* обозначало вдохновенного жреца и поэта, оба значения можно соединить в образе кудесника, который орудует речью и магическими формулами, и речь его – его оружие.

Изготовление магических формул сравнимо с ковкой оружия, что заставляет вспомнить *ковы, оковы, коварство, козни, ковать ковы*. Тем самым подчеркивается глубокая двойственность этого дара. Эта этимология восходит к санскритскому глагольному корню *ku* – кричать [8, 52–54]. Тем самым мы видим, что даже одно слово аккумулирует двойственность, хорошее и дурное растут из одного корня, крик боли и крик торжества. Однако, согласно Жирару, «жертвенный кризис» имеет своей основой смешение этой двойственности и невозможность разделить одно от другого, когда эти феномены воспринимаются как близнецы.

Известный со времен Аристотеля силлогизм «Все люди смертны» автономный индивид решает иначе, чем простым признанием: «Я человек» и, следовательно, «Я смертен». Нет, иное решение предлагает экзистенциальный вариант: «Я не всякий!» Растворение во всякой «всяковости» – это путь к смерти. И, по-видимому, Жирар прав в том, что достижение определенной критической массы существования в обществе таких индивидов запустит механизм подобия, механизм «войны

всех против всех», где все в силу стремления к отличию друг от друга достигают прямо противоположной цели – все в своей ненависти становятся друг другу подобны. А это и есть механизм мимемиса – подражания. Причем подражания, возникающего в результате противоположного устремления, а потому для самого индивида неясного, неожиданного и, в случае обнаружения, страшного. И это также механизм автономизации, но автономизации толпы, массы. Индивид достигает цели, но какой ценой, более того, это достижение призрачно, поскольку неустойчиво.

Уже Витгенштейн обращает внимание на феномены, которые **симметричны и имеют тенденцию объединяться в замкнутые регулярные структуры** [2, 81 (5.3.15)]. Вскрытие этих структур – одна из задач феноменологии религии. Трагизм этой ситуации и пытался описать концепцией близнецов французский антрополог Рене Жирар.

Французский антрополог генезис этих ритуальных ситуаций определяет как возникновение и развитие «жертвенного кризиса». Жерар говорит о двойственной природе крови, одна природа – чистая, другая – нечистая, одна – яд, другая – лекарство, «нет ничего более несхожего, чем эти две капли крови, но нет и ничего более схожего» [6, 54]. Именно их смешение и запускает механизм кризиса – смешение хорошего с дурным, например, смесь греха и покаяния. Если покаяние освобождает от греха, то последний не так уж и страшен.

*Не каюсь, он прощенным быть не мог,
А каяться, грешить желая все же,
Нельзя: в таком сужденье есть порок.*

Данте Алигьери. Божественная комедия.
(Песнь XXVII, 118) [3, 192]

Согласно Эккартсгаузену, «тленная субстанция» связана со свойствами крови и находится в ней. С нашей точки зрения, если рассматривать это высказывание как метафору, то речь идет именно о насыщении воображения силой инстинкта [10, 126].

Выход из ситуации жертвенного кризиса либо в том, чтобы сплотиться вокруг другого, либо соединиться с другими. Но возможны и оба решения одновременно, а именно сплотиться против другого, объединившись со всеми. И вот только здесь запускается механизм замещения – механизм жертвоприношения. Механизм жертвоприношения основан на принципе замещения, когда одно полагается вместо другого.

Индивиды должны стать одинаковыми, близнецами хотя бы с одной, находящейся вне их точки зрения. На внешней позиции по отношению к спорщикам находится либо кто-то, либо что-то, нечто «Х», которое замещает предмет спора. Но это «Х» и есть то, что поглощает их различия. В этом стирании оно черпает свою жизненную энергию. Оно – автономно. И его автономизация возможна за счет лишения индивидуальных черт других, за счет превращения их в одинаково безликую толпу, в массу. Масса имеет только вес, тело. Серебро и свинец на его весах весят одинаково, а значит, одинаково и стоят, поскольку и то и другое измеряется в килограммах. Индивид перед угрозой превращения в массу в своем порыве удержать собственную, теперь уже ускользающую, индивидуальность стремится выделиться и, в свою очередь, автономизироваться. Он до поры до времени борется. И эта борьба будет дорого ему стоить. Он стремится внести различия в уже гомогенную безразличную среду, он чувствует, что ее необходимо взорвать. Но его стремление сосредоточено на том, чтобы быть заметным и замеченным, обратить на себя внимание и быть увиденным.

Смысл кризиса, вызванного смешением чистого с нечистым, заключается в полном стирании культурных различий, в разрушении самой культуры, в манифестации насилия. Суть жертвенного кризиса заключается в том, что становится невозможно достичь посредством ритуала восстановления однажды нарушенного равновесия, невозможно провести обряд очищения, когда кровь жертвы не способна остановить действие механизма «кровь за кровь», а только усиливает, укрепляет и расширяет его. Жиран усматривает в этом действие механизма мимезиса – подражания, зеркального отражения нанесенного удара или пролитой крови. Всякий раз, как равновесие восстанавливается, оно тут же нарушается зеркальным ударом, и обратное восстановление, в свою очередь, ведет к нарушению, так же как ссора (ослабленный вариант жертвенного кризиса) лишь до поры до времени связана со своим предметом, на который претендуют, по крайней мере, два человека одно-

временно, но в конечном итоге она направляет все силы на себя саму. Добровольная жертва должна положить конец действию этого механизма. Если же кризис развивается, он ведет к стиранию различий, к обезличиванию и впадению в качественно недифференцируемую одинаковость и во всеобщность насилия. Это состояние он прозорливо определяет как разновидность близнечного мифа, как рождение если не биологических, то социальных близнецов [7, 78–79].

Следует высказать еще одно соображение относительно концепции миметического насилия Рене Жирана. Анализ мифотем он строит преимущественно на материале трагедий, а культовому аспекту придает подчиненную роль, маскирующую и замалчивающую феномен «жертвенного кризиса» и связанного с ним механизма миметического насилия. Но трагедия и имеет своим предметом ситуацию нарушения механизма культа, когда культ «пошел не туда», и именно культовая «ошибка» ведет к развитию всего сюжета. Но, как замечает Л.Ф. Воеводский, культовая практика связана с развитием нравственных качеств, необходимых древнему обществу. И из «Государства» Платона мы знаем, что мужество, смелость было тем, что, с одной стороны, востребовано (общество нуждается в воинах и стражах), а с другой стороны, оно было тем, что должно быть врожденно, хотя бы в задатках. Культ – механизм, порождающий столь необходимое нравственное качество. Но, как показал еще Л.Ф. Воеводский, вместе с этим качеством порождается грубость и дикость [3]. И решение одной задачи порождало задачу другую, как их разделять, как вместе с силой, храбростью и мужеством получить такое, чтобы культурные различия не стирались. И здесь можно согласиться с концепцией «жертвы отпущения», которую Жиран предлагает как культовый механизм, способный завершить «жертвенный кризис», когда вся агрессия агонизирующего общества сосредоточивается на одной жертве и «всеобщее насилие» трансформируется в «насилие единодушное». Но история религии придает этому механизму гораздо большие масштаб и значение, как тому элементу, который способен жертвенный кризис предотвратить.

Библиографический список

1. Августин А. Исповедь. – М.: Канон+. ОИ «Реабилитация», 2005. – С. 34.
2. Витгенштейн Л. Дневники 1914 – 1916. (Под общей редакцией В.А. Суровцева)//Людвиг Витгенштейн. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009.

3. Воеводский Л.Ф. Каннибализм в греческих мифах. Опыт по истории развития нравственности. – С.-Петербург: Типография В.С. Балашева, 1874.
4. Данте А. Божественная комедия. – М.: Изд-во худ. л-ры, 1967. – С. 192.
5. Дюбуа Ж., Пир Ф., Тринон А., Клинкаберг Ж.-М., Мэнге Ф., Эдлин Ф. Общая риторика. – М.: Прогресс, 1986. – С. 219.
6. Жирар Р. Насилие и священное. – М.: Новое литературное обозрение, 2010.
7. Кант И. Прологомены. М.-Л.: ОГИЗ, 1934.
8. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Опыт изучения вакхических культов индоевропейской древности в связи с ролью экстаза на ранних ступенях развития общественности. –Одесса: Типогр. П.А. Зеленаго, 1883. – С. 56.
9. Сад демонов – Nortus daemonum. Словарь инфернальной мифологии Средневековья и Возрождения. (Автор-составитель А.Е. Махов). – М.: Intrada, 2007. – С. 51.
10. Экартсгаузен К. Облако над святилищем. – СПб.: Императорская типография, 1804.

V. V. VINOKUROV

**THE CONCEPTION OF THE DYNAMIC PHENOMENOLOGY OF RELIGION:
TWIN (PART SECOND)**

The deficiency of classic phenomenology of religion was the statically state of its main structures. In article is made the attempt of analysis and the interpretations of the base concepts of the dynamic model of the phenomenology of religion. From the point of view author, Religion in the borders of phenomenology can be determined as set of real relations, of actions and institutes, who appear and are arranged round unknown and, possibly, the only imagined essence – force X. In the second part of work is shown, what this essence X in the process of ritual crisis purchases the force of instinct.

Key words: religion, phenomenology of religion, ritual, ritual crisis, sacrifice, holy force, numen, twins.

А. ГОЛУБОВ, протоиерей,
 клирик Св. Николаевского собора г. Нью-Йорка
 Приходов Московского Патриархата в США,
 доктор философии (США, г. Нью-Йорк)
 asgolubov@gmail.com

РУССКАЯ ЗАРУБЕЖНАЯ ЦЕРКОВЬ: ПРОБЛЕМЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ В ИНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматриваются проблемы становления, развития и современного состояния Русской Православной Церкви за границей. Сохранение русской идентичности в условиях инокультурной среды, показывает автор, во многом зависит от канонического единства Русской Зарубежной Церкви с Московским Патриархатом.

Ключевые слова: Церковь, русская эмиграция, культурная идентичность, православная духовность.

В 2010 году Русская Православная Церковь за границей (РПЦЗ) отмечала историческую дату – 90 лет со дня своего основания.

В рамках одной человеческой жизни девятистолетие – это почти полностью прожитая человеческая жизнь, в конце которой человек успел прийти к некоторой мудрости, к пониманию основных моментов своего бытия, «что всему свое место под небом: время рождаться, и время умирать; время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время войне, и время миру; и если какой человек ест и пьет и видит доброе во всяком труде своем, то это – дар Божий» (Екк. 3, 1–2, 4–5, 8, 13).

Сегодня сам факт бытия РПЦЗ говорит о том, что если после 90-летнего сложнейшего пути через весьма непростые исторические сплетения событий, народов, культур, религий и тяжелейших подчас жизненных обстоятельств в Церкви есть новое поколение молодежи, которому можно нечто сказать и передать и которое может нечто осмыслить, значит, поистине «жив Господь: и жива душа наша» (1 Цар. 20, 3; 1 Цар. 25, 26; 4 Цар. 2, 4; 4 Цар. 4, 30).

История РПЦЗ ждет своего не только многогранного изучения, но и осмысления. Однако сам процесс «осмысления» руководится Духом Святым. Не просто осмысление, но именно благодатное осмысление, по благодати Духа Святаго, поможет нам не только рассмотреть пройденный исторический путь РПЦЗ, но и осмыслить ее современное состояние, а также наметить некие вехи на будущее.

Перед нами основной объективный факт, который нам предстоит осмыслить: очевидность бытия и пройденного исторического пути РПЦЗ. Она – есть, она – жива, она уже прошла некий отрезок пути из прошлого в настоящее, который обязательно и непременно приведет ее в некое еще не осуществившееся будущее.

В изучении и осмысливании исторического пути РПЦЗ нам не подобает брать пример с протестантской «теории ветвей», с протестантского же дробления по конфессиональным и деноминационным признакам, как это часто происходит у нас в Америке не только среди протестантов, но и среди православных, и не только мирян. Для нас недостаточно воспринимать РПЦЗ как некий феномен церковной жизни, как

феноменально воспринимаемую юрисдикционную церковную структуру. Наоборот, нам, исходящим из православного понимания Церкви как единого мистического Тела Христова, более подобает прийти к пониманию РПЦЗ как к некоему ноумену, как ноуменальной, мыслимой, церковной и православной реальности, охватывающей и объединяющей всех православных, духовно укорененных именно в русской церковной традиции, но проживающих вне России, за ее внешними рубежами.

Нас подчас стремятся убедить в том, что есть некое «абстрактное», «чистое», так сказать, «генерическое» православие, что существует некая «абстрактная», «генерическая» православная церковь, лишенная всех внешних этнических признаков и характеристик. Но в таком нас могут убеждать только сектанты, только те, кто хотел бы рассматривать и себя, и нас как разновидность типичной американской протестантской секты, которая, вечно дробясь, все более и более теряет признаки Церкви Христовой.

Мы понимаем, однако, что такого вообще не может быть, как не может быть «абстрактной», «генерической» Святой Руси, как не может быть «абстрактного», «генерического» народа, как не может быть и «абстрактного» «генерического» Христа.

Потому в церковном смысле совершенно верно и канонически вполне оправданно, что церковное единство наше обретается именно в Русской Православной Церкви, возглавляемой Святейшим Патриархом Московским и всея Руси. Но в такой же мере верно и канонически оправданно то, что РПЦЗ в рамках известного *Акта о Каноническом Общении* «самостоятельна в делах пастырских, просветительных, административных, хозяйственных, имущественных и гражданских, состоя при этом в каноническом единстве со всей Полной Русской Православной Церкви» [4].

К этому необходимо добавить еще один существенный момент. В США, в самосознании собственно американского народа и американского государства, давно отказались от бытовавшей ранее белой англо-саксонско-протестантской парадигмы (WASP – White Anglo-Saxon Protestant) понимания Америки как всеобщего «плавильного котла» (American melting pot paradigm). Ее сменила новая парадигма многонационального, многокультурного, многоэтнического и многоконфессионального плюралистического государства,

которая не только не противоречит пониманию 34 апостольского правила именно в традиционном для Православной Церкви духе, но и вполне соответствует внутреннему самосознанию РПЦЗ.

Существуя в инокультурном пространстве, РПЦЗ неизменно осознавала себя и русской, и зарубежной, но более всего – Церковью Христовой, той самой Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церковью, которую исповедуем в Символе православной веры. Именно эти три аспекта ее самосознания позволили Церкви не только выжить, но и приумножиться и с верностью Христу исполнить принятое от Него по апостольской преемственности посланничество: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28. 19–20).

Первым очевидным определением той церковной структуры под несколько несозвучной аббревиатурой РПЦЗ является ее «русскость». Она – «Русская». Для всех нас, выросших в Америке в условиях «холодной войны», это русское самосознание, присущее РПЦЗ как некая очевидность и как определяющий момент ее бытия, как раз и является мерой ее свидетельства, *мартирии*, и исповедничества как во внутреннем подвиге окормления своей паствы, так и во внешнем миссионерском подвиге, в стремлении привлечь к себе новых людей, приходящих ко Христу «от Запада, и Севера, и моря, и Востока».

В исторических условиях минувшей эпохи из самых недр русского духа, из Русского зарубежья, впервые раздался призыв: «Быть русским – значит созерцать Россию в Божьем луче, в ее вечной ткани, ее непреходящей субстанции и любовью принимать ее как одну из главных и заветных святынь своей личной жизни. Быть русским – значит верить в Россию так, как верили в нее все русские люди, все ее гении и ее строители. ... Россия держалась и строилась памятью о Боге и пребыванием в Его живом и благодатном дуновении. ... На этом воззрении воспитывались целые поколения русских людей» [1].

Эти же воззрения позволили РПЦЗ сохранить паству свою в верности однажды намеченному пути, в верности своему самосознанию и своей самоидентичности. РПЦЗ родилась вследствие определенной исторической реальности, прочувствованной, пережитой и осмысленной многими людьми как субъективно и лично, так и в их

совокупности и общности, объективно приведшей преосвященных архипастырей к определенным выводам и действиям на основании пережитого жизненного опыта.

Известное Постановление № 362 от 7/20 ноября 1920 года [3], принятое Высшим Церковным Управлением Православной Российской Церкви под председательством Патриарха Тихона, в совместном присутствии Священного Синода и Высшего Церковного Совета, отображающее свободное и соборное слово Русской Церкви, возникло не из пустоты, не из церковно-канонической абстракции, а из живого опыта исторической реальности последних десятилетий бытия Российской Империи. Из живой реальности Алеутской и Северо-Американской епархии, которую возглавлял с 1898 по 1907 год будущий Патриарх Тихон в условиях обширнейшей православной миссии на территории двух неправославных государств – Соединенных Штатов Америки и Канады. В основу Постановления № 362 также лег и живой церковный опыт духовной нашей миссии в Китае, зародившейся с конца 1685 г., а также Японской духовной миссии, непосредственно связанной с миссионерским подвигом Архиепископа Николая (Касаткина).

Предшествовал Постановлению № 362 также и вопрос о митрополичьем округе, поставленный еще на Соборе 1682 года, созванном при царе Федоре Алексеевиче и Патриархе Иоакиме. Предпосылки вырабатывались Предсоборным Присутствием 1906–1907 гг., деятельностью в феврале 1916 года Особой комиссии при Святейшем Синоде под председательством митрополита Московского Макария (Невского), внесшей на рассмотрение Синода проект разделения Империи на митрополичьи округа, которые возглавлялись бы митрополитами Петроградским, Московским, Киевским, Литовским (Виленским), Казанским, Восточно-Сибирским и Западно-Сибирским. Этой темой затем занимался Предсоборный Совет 1917 г., создавший «Положение о церковно-соборном окружном управлении». И, наконец, на Всероссийском Соборе к этой теме обратился Отдел о Высшем Церковном Управлении под руководством митрополита Тифлисского Кирилла (Смирнова). Так было в плане церковно-административном.

А в плане переживаемой людьми жизненной реальности случилось так, что «о дне же том и часе никто не знает» (Мф. 24. 36). В суровые дни, месяцы и годы всеобщего обвала и общероссийс-

кой государственной катастрофы, затем и гражданской войны, в скорби, в великом потрясении почти незамеченным прошло зарождение РПЦЗ. В начале мая 1919 года на территории действия Белой армии, в Ставрополе-Кавказском, состоялся Южно-Русский Церковный Собор, который образовал Временное Высшее Церковное Управление на Юге России, объединившее под своим началом несколько южно-русских епархий.

Однако после поражения генерала Врангеля в 1920 году почти 150 тысяч россиян вынужденно и навсегда покинули пределы Отечества. Эвакуировавшиеся с армией генерала Врангеля русские епископы в ноябре 1920 года приняли решение о создании Русского Высшего Церковного Управления за границей. Председателем РВЦУ за границей стал митрополит Антоний (Храповицкий).

В 1921 году по приглашению Сербского Патриарха Димитрия РВЦУ за границей переехало в город Сремски Карловцы, где состоялся в 1921 году Русский Всеаглический Церковный Собор, подтвердивший свое каноническое подчинение Святейшему Патриарху Тихону.

В «Положении о Высшем Русском Церковном Управлении за границей», принятом Русским Всеаглическим Церковным Собором», принятом РВЦУ 13/26 ноября 1921 года, в частности, говорилось: «Управление делами Русской Православной Церкви за границей принадлежит Наместнику Святейшего Патриарха Всероссийского совместно с Русским Заглическим Синодом и Церковным Советом. ... Во всех своих действиях Высшее Церковное Управление за границей руководствуется положениями, изложенными в определении Всероссийского Церковного Собора о Священном Синоде и Высшем Церковном Совете, принятом 7 декабря 1917 года» [2].

Ко времени основания РПЦЗ сама Русская Церковь, восстановив патриаршество и наметив пути в будущее, как и новые начала административного управления, созрела к принципиально новым формам своего вселенского бытия.

Современное состояние церковных дел подчеркивает весьма важное участие личности, как и личное принятие ответственности за общее дело, в жизни Церкви и в деле воспитания будущих поколений. Необходимо с самых юных лет бережно и сознательно вкладывать в человеческие души семена любви к России, любви к Церкви, любви к Богу, любви ко всему тому самому лучшему, что

в сокровищнице своего внутреннего бытия и делаения унесли из России в эмиграцию те, кто на кораблях отплывал в неведомое будущее в конце гражданской войны.

Важно, что дело русского православного воспитания не было пущено на самотек, а в условиях эмиграции это был изрядный подвиг. Благодаря любви и жертвенности русской эмиграции, а в некоторых случаях и большому терпению РПЦЗ не стала церковно-общественным институтом, ко-

торый постигался интеллектуально и академически отвлеченно. Это было и есть живое общение с той Россией, которая не отвлеченно, но в полноте своего бытия присутствовала совсем рядом, в живом общении с храмом, в живом общении со Христом.

В сегодняшней секулярной ситуации 90-летие исторического бытия РПЦЗ как никогда актуально и назидательно как для России, так и для всего Русского мира.

Библиографический список

1. Ильин И.А. Почему мы верим в Россию // Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – Джорданвилл, 1991. – С. 328, 330.
2. Положение о Высшем Русском Церковном Управлении за границей, принятое Русским Всеагличным Церковным Собором // Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. – М., 2007. – С. 239–240.
3. Постановление № 362 Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего Церковного Совета Православной Российской Церкви о мероприятиях на случай прекращения своих церковно-административных функций // Кострюков А.А. Русская Зарубежная Церковь в первой половине 1920-х годов. Организация церковного управления в эмиграции и его отношения с Московской Патриархией при жизни Патриарха Тихона. – М., 2007. – С. 237–239.
4. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/155920.html>

GOLUBOV A., *protopriest*

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ABROAD: PROBLEMS OF EXISTENCE WITHIN A DIFFERENT CULTURAL SPACE

The article is devoted to the problems of establishment, development and current status of the Russian Orthodox Church Abroad. According to the author, maintaining Russian identity in a different cultural space largely depends on canonic integrity of the Russian Church Abroad and the Moscow Patriarchy.

Key words: Church, Russian immigration, cultural identity, Orthodox spirituality

И.В. ЛЕВИТ, кандидат философских наук,
докторант кафедры философии религии и религиоведения
Санкт-Петербургского государственного университета
ingalevit@gmail.com

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КОНСЕРВАТИВНОГО ПРОТЕСТАНТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Консервативный протестантизм представлен в современной Германии прежде всего Евангелическим движением. Евангелическое движение объединяет многочисленные динамично развивающиеся религиозные организации и группы в рамках реформатской традиции, которые играют все более заметную роль в религиозной жизни страны. В статье рассмотрены течения внутри консервативного протестантизма и проанализированы типологии этих течений, существующих в немецкоязычной литературе.

Ключевые слова: Евангелическое движение, евангеликане, протестантский фундаментализм, консервативное христианство, Немецкий Евангелический Союз, движение пятидесятников, движение харизматиков.

Консервативный протестантизм представлен в современной Германии Евангелическим движением¹. Несмотря на его малочисленность в сравнении с традиционными церквями, число сторонников Евангелического движения (ЕД) активно растет, тогда как традиционные церкви вынуждены констатировать сокращение своих рядов. Евангелическое движение – сложный и многогранный феномен, привлекающий к себе внимание как специалистов, так и средств массовой информации. Практики экзорцизма, глоссолалии, прорицания и сеансы массовых исцелений, борьба с преподаванием теории эволюции в школах и с историко-критическим методом исследования Библии, осуждение гомосексуализма, феминизма, абортот приводят к тому, что для части немецкого общества и некоторых исследователей евангеликане² представляются единой массой, неотличимой от фундаменталистов [13].

Несмотря на значительную «серую зону», где фундаментализм пересекается с консерватизмом, ЕД как исторически, так и по сути (теологические воззрения, политические амбиции и т.д. [5; 6]) не является фундаментализмом³.

Для понимания сути ЕД и его научной оценки принципиальное значение имеет констатация его разнородности. Теолог евангеликанен Ст. Хольтхаус подчеркивает, что состав движения так разнообразен, что часто нелегко поверить, что речь идет о направлении внутри одного движения [8, 44].

В современной немецкоязычной литературе (англоязычная литература о ЕД в Германии малочисленна) существует несколько типологий ЕД⁴.

Первая типология, на которой мы остановимся, принадлежит евангеликанину по исповеданию, пастору и теологу Фридриху Юнгу (Dr. Friedrich Jung). В его книге «Немецкое Евангелическое движение» [9] предложен «взгляд изнутри» на ЕД. Эта книга на настоящий момент является наиболее полной и подробной работой, посвященной ЕД. Ф. Юнг выделяет четыре течения внутри ЕД, каждое из которых имеет собственные исторические корни. Первое течение – Евангеликане, связанные с Евангелическим Союзом Германии (Deutsche Evangelische Allianz (DEA)) (Allianz-

Evangelikale). Они берут свое начало в пиелистских традициях свободных (Freikirchen)⁵ и традиционных церквей Германии, также течение вошло в себя элементы англосаксонского ЕД. Евангелический Союз (DEA) позиционирует себя как объединение (сеть) христиан различных протестантских церквей. DEA входит во Всемирный Евангелический Союз (World Evangelical Alliance (WEA)). Евангелический Союз – самая старая, представительная и многочисленная организация евангеликан в Германии (1,3 мил. человек, 1100 организаций на местах [13,11]). Датой основания DEA можно считать 1846 год, когда Евангелический Союз (Evangelischer Bund) севера Германии принял теологическую базу и вступил в WEA. Начиная с середины 60-х годов прошлого века, можно говорить о расцвете ЕД в Германии. В рамках DEA или в тесной связи с ним работает целый ряд организаций (320 организаций в разной степени сотрудничают с Союзом) от Евангелического радио (с 1959 г., цель радиовещания – проповедь Евангелия) и миссионерской организации «Hilfe für Brüder» («Братская помощь», цель организации – помощь в финансировании евангелического образования в странах Третьего мира) до объединений по профессиям («Christliche Fachkräfte International»), «Konferenz evangelikaler Publizisten») и молодежных объединений («Studentenmission in Deutschland»). [3; 5, 380–382; 9].

Второе течение, выделяемое Ф. Юнгом, – Движение Приверженцев (Bekennnis Bewegung⁶). Несмотря на меньшую в сравнении с первым течением численность, это движение характеризует большая активность, как теологическая, так и общественная. Возникновение этого движения стало реакцией на опубликование работы Рудольфа Карла Бульмана (нем. Rudolf Karl Bultmann) «Новый завет и мифология. Проблема демифологизации новозаветного провозвестия» («Neues Testament und Mythologie», 1941). Работа Бульмана вызвала множество протестов среди консервативных теологов, которые в 1966 году организовали движение «Kein anderes Evangelium» (Нет другому Евангелию). Характерной чертой этого движения является концентрация на изучении и следовании вероучению. Они являются активными участниками дебатов с либеральными теологами по вопросам историко-критического метода в библеистике, экуменического движения, теории эволюции, морали, биоэтики и современного стиля жизни.

Перу евангеликан-приверженцев принадлежит целый ряд деклараций, носящих ярко выраженный консервативный характер. Напр., Düsseldorf Eklerung, направленная против историко-критического метода в библеистике, Berliner Ökumene Erklärung, выражающее критическое отношение к экуменическому движению, и т.д. Также получили широкую известность многочисленные акции приверженцев, например, против изменений в законах (против смягчения закона «О распространении порнографии», против расширения легальных оснований для абортов) или против новых учебников по религиоведению для школ. Успехов акции не имели [5; 8; 9; 15]. Последние 15 лет в движении приверженцев ведутся дебаты о создании отдельной церкви. Пока вопрос остается открытым. Евангеликане-приверженцы активно сотрудничают с Евангелическим Союзом [9].

Третье течение – Евангеликане-пятидесятники (Pfingst-Evangelikale), к ним Юнг относит и харизматиков. Вместе они являются второй по численности группой в ЕД. Они стали особо заметным явлением с конца XX века. Положение пятидесятников и харизматиков в евангелическом движении Германии принципиально отличается от ситуации в других странах. Движение Приверженцев категорически не принимает пятидесятнические и харизматические общины, общение между представителями Евангелического Союза и пятидесятниками также не имеет регулярного характера. Эта ситуация имеет свои исторические причины. Появившись в США в начале XX века преимущественно в общинах чернокожих американцев, практика «крещение Святым Духом» и следовавшие за ней экстатические явления, такие как глоссолалии, пророчества, исцеления и видения, быстро оформилась в движение, которое молниеносно получило распространение в США, Англии и Скандинавии, затем в Германии. Рост пятидесятнических общин в начале XX века в Германии вызвал волнение среди представителей традиционных церквей, и в 1909 году была принята Берлинская декларация, которая определила природу происхождения экстатических явлений у пятидесятников «не сверху, а снизу», т.е. не от Св. Духа, а от демонов [2, 20]. Движение было приравнено к оккультизму. Германия надолго оказалась закрытой для пятидесятнического движения. Для многих евангеликан это решение не потеряло силу и сегодня.

Харизматики отделились от пятидесятников в 60-х годах XX века и первоначально оставались в рамках традиционных деноминаций. Были и по сей день существуют харизматики среди лютеран, кальвинистов, баптистов, методистов и т.д., большая группа харизматиков есть в католической церкви [17]. С 90-х годов прошлого века начали основываться отдельные церкви харизматиков, т.е. начался процесс «воцерковления» новой деноминации. Общее число пятидесятников и харизматиков посчитать сложно, однако известно, что «Союз пятидесятнических общин» объединяет 35 тыс. членов. Число харизматических групп и организаций внутри традиционных церквей и свободных церквей, самостоятельно практикующие исцелителей, пророков и визионеров фактически не подается учету [8, 48]. Несмотря на теологические расхождения и расхождения в богослужении, все исследователи относят пятидесятников и харизматиков к ЕД [8; 9; 17]

Четвертый тип. Независимые евангеликане. Большую группу независимых евангеликан составляют этнические немцы, переселившиеся в Германию с территорий, входивших в состав Советского Союза. Находящиеся под влиянием пиетизма баптисты и менониты составляют сплоченные общины, которые характеризуются высокой вовлеченностью прихожан в жизнь общин, набожностью и религиозностью. Посещение богослужений в этих общинах одно из самых высоких в Германии. Эти общины не чувствуют себя связанными ни с одним из современных течений внутри ЕД. Они решительно отвергают пятидесятников и харизматиков, с Движением Приверженцев они не имеют исторических связей, с Евангелическим Союзом они идут лишь на осторожные контакты, считая их разновидностью экуменического движения. Независимые евангеликане организовали целый ряд собственных миссионерских центров, которые готовят миссионеров для территории бывшего Советского Союза (Friedensstiftung, Friedensbote, LOGOS, и т.д.) [9]. Отдельно Ф. Юнг говорит о фундаментализме среди немецкоязычных евангеликан, связывая его только с теологическими вопросами и в первую очередь с отношением к Святому Писанию. Евангеликан, разделяющих в теологических вопросах фундаменталистские позиции, можно найти во всех течениях ЕД [9]. Юнг утверждает, что фундаментализм немецких евангеликан не имеет политических амбиций. Если по

поводу политических амбиций евангеликан на настоящий момент с позицией Юнга можно согласиться⁷, то ограничить фундаментализм лишь кругом теологических проблем невозможно.

Типология течений внутри ЕД, предложенная Юнгом, аргументированна и достоверна, в ней прослеживаются корни возникновения течений и указаны существующие противоречия внутри ЕД. Также представляется оправданным выделение фундаменталистских настроений внутри существующих течений (на основе теологических воззрений). Это позволяет избежать ложных ассоциаций, возникающих при попытках вывести фундаменталистов в самостоятельное течение внутри ЕД.

Следующая типология, которую мы рассмотрим, также принадлежит перу теолога-евангеликана Стефана Хольтхауса, она дана в работе «Евангеликане. Факты и перспективы» [8]. Ст. Хольтхаус выделяет три течения внутри ЕД:

- Евангеликан, связанных с Евангелическим Союзом (DEA) (Alianz-Evangelikale).
- Евангеликан-харизматиков. К ним он относит членов общин пятидесятников и харизматиков. Давая название течению, он сделал акцент не на исторической преемственности, а на современном положении вещей. Харизматическое движение растет более интенсивно и, как следствие, вызывает больший общественный резонанс.
- Движение Приверженцев (Bekennnis Bewegung). Хольтхаус указывает, что их часто называют фундаменталистами, он отставляет для них название «Движение Приверженцев», считая его «лучшим и более полным» [8, 44–57]. Так как типология и оценка течений Хольтхауса в целом совпадают с типологией и оценкой Юнга, книгу которого он цитирует, мы не будем говорить о ней подробно. Обратим внимание на два момента: Хольтхаус не пишет о «независимых евангеликанах» как об отдельной группе, хотя и упоминает в книге об их существовании. Также он говорит в основном об американском фундаментализме [8, 39], не заостряя внимания на фундаментализме внутри немецкого ЕД. Большинство авторов, пишущих о ЕД, повторяют типологию, предложенную Ф. Юнгом, выделяя евангеликан, связанных с Альянсом, Движение Приверженцев, Движения пятидесятников и харизматиков [напр., 14, 23–26].

Несколько иначе расставляет акценты в своей типологии Райнер Хемпельман [5; 6; 7] (Dr. Reinhard Hempelmann). Он выделяет следующие типы евангеликан в немецком языковом пространстве:

- Классический тип, связанный с Евангелическим Союзом, а также с традиционными и свободными церквами. Они являются основным течением среди евангеликан и связаны с «дофундаменталистским» движением Евангелического Союза.
- Фундаменталистский тип. Им присуще представление о непогрешимости Библии, они разделяют позиции Чикагской декларации и находятся в резкой оппозиции к либеральной теологии, особенно к историко-критическому методу библеистики, а также отвергают эволюционное учение.
- Тип, ориентированный на вопросы исповедания (Der bekenntnisorientierte Typ). В основном это теологи, которые хотят продолжить традиции вероисповедания ранней церкви и реформации, и разделяющие их взгляды миряне. Все они объединены вокруг «Kein anderes Evangelium» und der «Konferenz Bekennender Gemeinschaften».
- Миссионерско-диаколический тип. Приверженцы миссионерской работы и социальной ответственности христиан, считающих, что проповедь и диакония неразрывно связаны. Этот тип мало представлен в немецкоязычном пространстве.
- Тип пятидесятников и харизматиков. Их отличительным признаком является набожность (религиозность), основанная на крещении Святым Духом и даруемым им (согласно их представлениям) дарах. При этом он подчеркивает, что в рамках этих типов существует множество «надконфессиональных» и «межконфессиональных» движений. Здесь очень важно не ошибиться, возможны ложные ассоциации с экуменическим движением. Все «межконфессиональные» связи происходят внутри ЕД [6, 8].

Типология, предложенная Хемпельманом, сохранила достоинства типологии, сформированной на основании исторической преемственности и используемой Юнгом и др. Можно оспорить фундаменталистский тип, выделенный у него в отдельное течение, т.к. он не существует как отдельное направление ЕД, а рассеян внутри других. Пользу-

ясь предложенными Хемпельманом критериями, можно произвольно причислять к фундаменталистскому крылу фактически любое течение внутри ЕД, против чего выступает сам исследователь [7, 243]. Отдельно остановимся на книге журналистов Оды Ламберехет (Oda Lamberecht) и Кристиана Баарса (Christiana Baarsa) «Миссия Царство Божье. Христианские фундаменталисты в Германии» [13]. В ней журналисты относят всех евангеликан к фундаменталистам, выделяя в отдельное течение пятидесятников и харизматиков на основании отличий в формах богослужения. Авторы пишут: «...мы причисляем большинство евангеликан к христианским фундаменталистам» [13, 15]. Необходимо отметить, что мнение журналистов во многом отражает распространенное в немецком обществе мнение о евангеликанах. На формирование общественного мнения влияют освещаемые в средствах массовой информации факты борьбы евангеликан против эволюционной теории (например, дискуссии вокруг учебника, написанного с креационистских позиций [10; 11; 12], сеансы массовых исцелений⁸ и массовые акции, подобные Christenval в Бремене⁹). Эта типология слишком категорична даже для журналистского расследования: она не принимает во внимание сложность и многосторонность изучаемого явления.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что фактически мы имеем дело с двумя основными подходами к типологии евангеликан. В одном ЕД полностью приравнивают к фундаментализму. Этот подход не подходит для научного исследования, т.к. не отражает ни исторических, ни фактических реалий, хотя и заслуживает внимания и анализа сам по себе как отражение существующих в обществе настроений.

Второй вид типологии ЕД (проиллюстрированный на примере работ Юнга и Хемпельманом) позволяет понять теологическую и мировоззренческую специфику течений, которые задают формы их сегодняшней социальной активности и т.д. Конфессионально ангажированным в работе Юнга надо признать сведение фундаментализма среди евангеликан лишь к теологической проблеме. Несомненно, имеющий теологические корни фундаментализм охватывает гораздо более широкие области онтологических, антропологических, социальных и проч. воззрений евангеликан. Проиллюстрированное на примере работ Хемпельмана

выделение фундаментализма в отдельное течение в ряду остальных течений, имеющих исторические корни в Германии, также может привести к необъективности оценки ситуации в ЕД.

Примечания

¹ Статья написана при поддержке программы «Partnerschaft mit Hochschulen in Mittel- Ost- und Südosteuropa sowie den Ländern der GUS» Deutschen Akademischen Austauschdienst (DAAD) в Friedrich-Schiller-Universität Jena, AG Biologiedidaktik.

² В немецком языковом пространстве по отношению к членам евангелического движения употребляется термин «evangelikal», в отличие от «evangelisch», – термина, традиционно входящего в название различных лютеранских церквей (например, Евангелическая церковь Германии (Evangelische Kirche in Deutschland). В русскоязычной литературе термин «евангелический» употребляется для обоих направлений [1], также наименование «евангельские христиане» используется для деноминаций, традиционно относящихся к ЕД (напр., Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов), также в публицистике употребляют термин «евангелики» (напр., <http://news.invictory.org/issue10650.html>). В этой работе используется термин «евангеликане».

³ Приравнение евангеликализма к фундаментализму исторически неверно. Корни евангеликализма уходят в пиелизм, методизм и Движение пробуждение. Его предшественники – библейские и миссионерские общества, объединившиеся в 1846 году в Лондоне во Всемирный Евангелический Альянс (WEA). С точки зрения исторического развития евангеликализм может быть оценен как «дофундаменталистское движение», включающее в себя самый широкий спектр форм благочестия. Фундаменталистское движение является не продолжением евангелического, а новым современным феноменом, возникшим из «сужения» евангелического наследия [7, 243].

⁴ Для англосаксонского ЕД существуют другие типологии. Напр., для ЕД в США [4], для УД в Великобритании [16].

⁵ Свободные церкви (Freikirchen) – независимая от государства христианская церковь. Основным признаком является полная независимость от государства и свободное членство в общине. Например, баптистские или менонитские церкви.

⁶ Das Bekenntnis переводится с немецкого языка как исповедание, вероисповедание, вероучение, исповедь (есть и другие значения). В русском языке термин «исповедник» имеет устоявшееся значение. Термин «ортодоксальное» отражает суть этого течения, но также имеет устоявшиеся ассоциации в русском языке. Во избежание путаницы и ложных ассоциаций название движения перевели как «Движение Приверженцев».

⁷ Существующая политическая партия «Partei Bibeltreuer Christen» (Партия Верных Библии Христиан»), которая не обладает политическим весом и не пользуется особой поддержкой среди евангеликан [8, 84–86].

⁸ <http://www.heilingrooms.de/> на сайте предлагается помощь в исцелении от различных болезней с помощью молитвы, медицинскую помощь создатели сайта не отвергают. Сайт полон историй об исцелениях.

⁹ <http://www.christival.de/> на сайте расположены информация и фотоотчет с прошедших фестивалей.

Библиографический список

1. Гомес Алан. Евангелические христиане и отрицание ада (часть 1) [Текст] // [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа <http://www.apologetika.ru/pdfs/c035a.pdf> свободный. – Загл. с экрана.
2. Beyer, Werner. Nach 100 Jahren: Versöhnung unter Evangelikalen. [Текст] // *ideaSpektrum*. № 3, 2009. С. 20.
3. Cochlovius, Joachim. Evangelische Allianz. С. 650–656. [Текст] // *Theologische Realenzyklopädie*, Bn. 10, Berlin, De Gruyter, 1982. – 813 с.
4. Green, J. The American Religious Landscape and Political Attitudes: A Baseline for 2004 (Akron, OH: University of Akron's Ray C. Bliss Institute of Applied Politics) [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: https://www.uakron.edu/pages/bliss/docs/Religious_Landscape_2004.pdf свободный. – Загл. с экрана.
5. Hempelmann, Reinhard. (Hrsg.) *Handbuch der evangelisch -missionarischen Werke, Einrichtungen und Gemeinden*. Stuttgart: Christliches Verlagshaus, 1997. – 416 с.
6. Hempelmann, R. *Evangelikale Bewegungen. Beiträge zur Resonanz des konservativen Protestantismus*. [Текст] // *EZW-Texten*, N206, 2009.
7. Hempelmann, R. *Evangelikalismus ist nicht Fundamentalismus* [Текст] // *Materialdienst Jahresverzeichnis* № 7, 2008. С. 243–245.
8. Holthaus, S. *Die Evangelikalen. Fakten und Perspektiven*. St. Johannis -Druckerei, 2007. – 108 с.
9. Jung; F. *Die deutsche Evangelikale Bewegung. Grundlinien ihrer Geschichte und Theologie*. [Текст] // [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.evangelikale-bewegung.de/> свободный. – Загл. с экрана.
10. Junker R., Scherer S. *Evolution. Ein kritisches Lehrbuch*. Giessen: Weyel Lehrmittelverlag, 6 Изд., 2006. – 328 с.
11. Kutschera, U. *Evolutionsbiologie*. Stuttgart: Verlag Eugen Ulmer. 3 Aufl., 2008. – 312 с.

12. Kutschera, U. (Hg) Kreationismus in Deutschland. Fakten und Analysen. Münster: Lit-Verlag, 2007. – 345 с.
13. Lambrecht, O., Baars, Ch. Mission Gottesreich – Fundamentalistische Christen in Deutschland. Berlin: Ch. Links Verlag, 2009. – 245 с.
14. Sackmann, D. „Wäre Jesus ein Evangelikaler...“ С. 23–36. [Текст] // Tidball D. Reizwort evangelikal: Entwicklung einer Frömmigkeitsbewegung. Stuttgart: Edition Ruprecht, 1999. – 400 с.
15. Scheerer Reinhard. Bekennende Christen in den evangelischen Kirchen Deutschlands 1966-1991. Geschichte und Gestalt eines konservativ-evangelikalen Aufbruchs. – Frankfurt am Main: Haag und Herchen, 1997. – 176 с.
16. Tidball D. Reizwort evangelikal: Entwicklung einer Frömmigkeitsbewegung. Stuttgart: Edition Ruprecht, 1999. – 400 с.
17. Zimmerling P., Charismatische Bewegungen. Göttingen: UTB GmbH / Vandenhoeck Ruprecht Gm, 2009. – 293 с.

I.V. LEVIT

THE MAIN DIRECTION OF CONSERVATIVE PROTESTANTISM IN MODERN GERMANY

Evangelical movement in Germany is a group of dynamically developing religious organizations that play a considerable role within the protestant tradition and significantly influence German religious life. The diversity of evangelical associations deserve a most thorough analysis. The paper deals with the diversity of evangelical associations and the analysis of the Evangelical movement typology in German-language literature.

Key words: Evangelical movement, evangelical, protestant fundamentalism, conservative christianity, The German Evangelical Alliance, The Pentecostal Movement, The Charismatic movement.

В.В. ПЕТРУНИН, кандидат философских наук, доцент кафедры
 религиоведения и теологии Орловского государственного университета
 petrunin@list.ru

ЦЕРКОВЬ И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается проблема взаимоотношений Московского Патриархата и современных масс-медиа. Автор показывает, что собственная информационная политика Церкви может анализироваться в контексте миссионерской деятельности Московского Патриархата. Взаимодействие Церкви с масс-медиа других религиозных организаций должно опираться на четкие богословские определения пределов взаимоотношений с инославием и иноверием. Важнейшим основанием для взаимоотношений Церкви и светских средств массовой информации служит социальное учение русского православия.

Ключевые слова: Церковь, средства массовой информации, миссионерская деятельность, социальное учение русского православия.

В современном мире наличие собственных информационных ресурсов является необходимой составляющей для успешного функционирования любых политических и социальных институтов. Не исключением выглядят и религиозные организации, которые также осознают важную роль средств массовой информации (СМИ) в современном мире¹. Данное обстоятельство заставляет религиозные институты не только развивать собственный медийный потенциал, но и активно сотрудничать со светскими СМИ. В полной мере это касается и Русской Православной Церкви (РПЦ), которая в постсоветский период стала самостоятельной фигурой в информационном пространстве тех стран, которые находятся на ее канонической территории.

Вместе с тем, обращаясь к теме взаимоотношений Церкви и СМИ, необходимо учитывать неоднородность современного медийного пространства. Исходя из этого, мы можем выделить три группы непосредственного взаимодействия Московского Патриархата и СМИ: 1) масс-медиа, принадлежащие РПЦ, 2) СМИ других религиозных организаций и 3) светские масс-медиа.

Для каждой группы Церковь должна придерживаться определенной стратегии, обусловленной сотериологической перспективой своего служения. Говоря о собственных СМИ РПЦ, стоит отметить, что здесь основная задача определяется миссионерской деятельностью Церкви. Заявляя о спасении рода человеческого как о главной своей миссии, РПЦ в последнее время стала уделять особое внимание собственным масс-медиа, посредством которых эта миссия может быть более успешной. Сегодня Церковь выстраивает собственный медийный холдинг, состоящий из теле- и радиоканалов, печатных и электронных СМИ, деятельность которых координирует Синодальный информационный отдел. Данный Отдел был создан 31 марта 2009 года решением Священного Синода РПЦ. «Основной задачей Синодального информационного отдела является формирование единой информационной политики Русской Православной Церкви, координация работы информационных подразделений епархий и синодальных учреждений, а также взаимодействие с православными и светскими СМИ» [5]. Одним из первых проектов Синодального информационного отдела, осу-

ществленным совместно с Google, стал запуск официального канала РПЦ на видеохостинге YouTube².

Решению проблемы обеспечения единства подходов в освещении тех или иных значимых событий в жизни самой Церкви, общества и государства подчинено наделение Синодального информационного отдела правом присвоения грифа «Рекомендовано к печати». С 1 сентября 2011 года в церковной системе распространения должна присутствовать лишь та продукция СМИ (печатная, кино-, видео-, аудио- и др.), которой присвоен данный гриф. Особенно актуальным представляется это для масс-медиа, находящихся на канонической территории РПЦ, но вне пределов Российской Федерации. Церковные СМИ должны представлять внешнему миру единый взгляд Церкви, позволяющий четко ориентировать медиа-потребителя во всем сегодняшнем информационном многообразии.

Кроме Синодального информационного отдела вопросами информационной политики РПЦ занимается Комиссия по вопросам информационной деятельности Церкви и отношений со СМИ Межсоборного присутствия РПЦ. Данный орган создан 27 июля 2009 года на заседании Священного Синода РПЦ, проходившем в Киеве. Основная цель Межсоборного присутствия заключается в «содействии высшей церковной власти Русской Православной Церкви в подготовке решений, касающихся наиболее важных вопросов внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви», кроме того, «задачей Межсоборного присутствия является предварительное изучение вопросов, рассматриваемых Поместным и Архиерейским Соборами, а также подготовка проектов решений по этим вопросам. Решения по предложениям Межсоборного присутствия могут приниматься также Священным Синодом» [4]. Таким образом, наличие в Межсоборном присутствии особой комиссии, занимающейся информационной политикой РПЦ, прямо указывает на ту важную роль, которую отводит СМИ Священноначалие Московского Патриархата.

Вторая группа – СМИ других религиозных организаций. Взаимодействие РПЦ с данными структурами должно опираться на ясные богословские положения об отношении к инославным и иноверным конфессиям. В настоящий момент единственным официальным документом по данному воп-

росу являются «Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославиям», принятые в 2000 году на Юбилейном Архиерейском соборе Московского Патриархата.

В этом документе речь идет о богословских принципах межхристианского диалога. Одной из задач этого диалога является «объяснение инославным партнерам экклезиологического самосознания Православной Церкви, основ ее вероучения, канонического строя и духовной традиции» [2, с. 178]. К выполнению данной задачи необходимо привлечь как собственные СМИ, так и рассмотреть различные варианты сотрудничества с медийным пространством других христианских конфессий.

Подобных документов, касающихся отношения Церкви к иноверным конфессиям, например исламу или буддизму, не существует, что затрудняет выработку общей позиции РПЦ во взаимоотношениях с этими религиозными организациями, а соответственно и с их медийными структурами.

Еще большую проблему представляет для РПЦ активная информационная деятельность новых религиозных движений (НРД). Церковь, называя некоторые из этих движений сектантскими, зачастую проигрывает им на медийном поле, особенно в международном масштабе. Данный факт объясняется тем, что зачастую головные структуры многих НРД находятся за пределами канонической территории Московского Патриархата.

Третья группа – светские СМИ. В эту группу можно отнести как государственные СМИ, так и частные информационные структуры. Необходимый фундамент для взаимодействия с ними дают «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». В данном документе содержится 15 глава – Церковь и светские средства массовой информации, в которой определена официальная позиция Московского Патриархата в отношении светского медийного пространства.

Исходя из социальной доктрины РПЦ, мы можем сказать, что Церковь понимает огромную роль СМИ в современном мире, с уважением относится к труду журналистов, подчеркивая при этом, что «информирование зрителя, слушателя и читателя должно основываться не только на твердой приверженности правде, но и на заботе о нравственном состоянии личности и общества» [3, с. 95]. Церковь, следуя своей нравственной миссии в современном мире, особо говорит о не-

допустимости пропаганды насилия, вражды, ненависти, национальной, социальной и религиозной розни, греховной эксплуатации человеческих инстинктов.

РПЦ готова к сотрудничеству со светскими масс-медиа в просветительной, учительной и общественно-миротворческой деятельности. Данное взаимодействие предполагает взаимную ответственность. Вместе с тем в результате взаимодействия Церкви и светских СМИ могут возникать конфликты. РПЦ особо подчеркивает, что «в случае хуления имени Божия, иных проявлений кощунства, систематического сознательного искажения информации о церковной жизни, заведомой клеветы на Церковь и ее служителей» Священноначалие вправе «по соответствующем предупреждении и после как минимум одной попытки вступить в переговоры, предпринять следующие действия: прекратить взаимоотношения с соответствующими СМИ или журналистом; призвать верующих бойкотировать данное СМИ; обратиться к органам государственной власти для разрешения конфликта; предать каноническим прещениям виновных в греховных деяниях, если они являются православными христианами» [3, с. 97].

Таким образом, в силу того, что религиозная проблематика остается важным фактором современного политического пространства [1, с. 216–223], мы можем говорить о неизбежности конфликта между светскими СМИ, как государственными, так и частными, и Церковью. РПЦ, говоря о возможных конфликтах со светскими СМИ, прямо указывает, что основной причиной такого конфликта является исключительная ориентация современного медийного пространства на секулярные ценности.

Особый интерес в этом случае вызывает ситуация конфликта, в которой одной из сторон явля-

ются СМИ, принадлежащие государству. Данные медийные структуры призваны в том числе озвучивать официальную позицию государственной власти по тем или иным социально-политическим проблемам, волнующим общество. Информация, ставшая причиной конфликта СМИ и РПЦ, вполне может отражать позицию государства. Т.о., конфликт с государственными СМИ может перерасти в конфликт с государственной властью. В этом случае Московский Патриархат может реализовать свое право на гражданское неповиновение светской политической власти. Социальная концепция РПЦ говорит, что причиной осуществления такого права должна стать ситуация, когда государство «принуждает православных верующих к отступлению от Христа и Его Церкви, а также к греховным, душевредным деяниям» [3, с. 20].

Вместе с тем Московский Патриархат готов сотрудничать со светскими СМИ, демонстрирующими уважение к миссии Церкви и ее нравственным идеалам.

Таким образом, в сегодняшней ситуации, когда информационная политика играет активную роль в обеспечении геополитического статуса современных государств, необходимость наличия собственного медийного ресурса обязательна и для религиозных организаций в силу важности донесения до человека иного мировоззренческого взгляда на происходящие события. РПЦ подчеркивает свою прямую обязанность доводить до человека свою точку зрения на происходящие в мире события, основанную на христианских ценностях. Данное обстоятельство заставляет Московский Патриархат не только усиленно развивать собственный медийный потенциал, но и сотрудничать со светскими СМИ и медиа-структурами других религиозных организаций.

Примечания

¹ Например, Римская Католическая Церковь, подчеркивая важную роль масс-медиа в современном мире, прямо говорит о том, что информационная система должна придерживаться определенных ценностей и нравственных принципов в своем функционировании, т.к. передача информации посредством СМИ есть общественное служение, имеющее этическое измерение. См.: Компендиум социального учения Церкви. – М.: Паолине, 2006. – С. 273–275. Церковь Христиан Адвентистов Седьмого Дня России в своей социальной доктрине также признает важную роль СМИ в современном мире и подчеркивает необходимость осознания масс-медиа своей нравственной ответственности перед человеком и обществом. См.: Основы социального учения Церкви Христиан Адвентистов Седьмого Дня России. – М.: Б. и., 2009. – С. 78–84.

² Римская Католическая Церковь также активно использует в своей деятельности информационный потенциал современных Интернет-технологий. Ватикан имеет свою страничку в социальной сети Facebook, официальный канал на видеохостинге YouTube и новостной портал в микроблогинге Twitter.

Библиографический список

1. О социальной концепции русского православия / Под общ. ред. М.П. Мчедлова. – М.: Республика, 2002.
2. Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию // Церковь и общество. Диалог русского православия и римского католичества глазами ученых. – М.: ИНТЕРДИАЛЕКТ+, 2001. – С. 172–196.
3. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. – 2000. – № 8. – С. 5–105.
4. Положение о Межсоборном присутствии Русской Православной Церкви. URL: www.patriarchia.ru/db/text/705054.html (дата обращения 30. 09. 2011)
5. Синодальный информационный отдел. URL: www.patriarchia.ru/db/text/602595.html (дата обращения 30. 09. 2011).

V.V. PETRUNIN

THE CHURCH AND MASS MEDIA: THE PROBLEM OF RELATIONS

The article deals with the problem of relationships between the Moscow Patriarchate and contemporary mass media. The author demonstrates that public communications policy of the Church can be considered in terms of missionary work of the Moscow Patriarchate. Interaction of the Church with mass media of other religious organizations must be based on clear theological definitions of interaction limits with heterodoxy and unorthodoxy. Social doctrine of the Russian orthodoxy is the most important foundation of relationships between the Church and secular mass media.

Key words: Church, mass media, missionary work, social doctrine of the Russian orthodoxy

Епископ Воскресенский САВВА
(Михеев Александр Евгеньевич),
 викарий Московской епархии, кандидат богословия,
 докторант общецерковной аспирантуры и докторантуры имени
 святых равноапостольных Кирилла и Мефодия,
 соискатель кафедры Церковного Искусства
 avvasavva@mail.ru

АРХИТЕКТУРА БОГОЯВЛЕНСКОГО СОБОРА АВРААМИЕВА МОНАСТЫРЯ В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ ЭПОХИ ИВАНА ГРОЗНОГО

В статье анализируется художественно-символическая программа времени правления Иоанна Грозного, воплотившаяся в целом ряде памятников искусства, в том числе в Богоявленском соборе Ростовского Авраамиева монастыря. Основная цель этих произведений – вписать события русской истории той эпохи в контекст Священной истории.

Ключевые слова: Символ, архитектура, икона, Иван Грозный, Небесный Иерусалим.

Богоявленский собор Ростовского Авраамиева монастыря был построен по заказу царя Иоанна IV в 1553–1555 гг. Этот храм стал одним из первых сооружений, возведенных в честь взятия Казани. Таким образом, он входит в череду художественных памятников, отразивших в себе переломные моменты русской истории XV–XVI вв.

При Великом князе Иване III происходит грандиозная реконструкция Московского Кремля. Возводятся заново все соборы, а также стены и башни Кремля. Архитектурная программа должна была ответить на новый вызов времени. Москва из столицы удельного княжества превратилась в столицу объединенных русских земель, в одно из самых могущественных государств своего времени. Кроме того, Москва на тот исторический период стала единственным свободным православным государством. Заключение греками Флорентийской унии с католиками и последовавшее вскоре после этого падение Константинополя под ударами турок, по мысли людей той эпохи, возлагали на Русь особую историческую миссию – хранить истинную веру.

Художественно-символическая программа эпохи Ивана III была продолжена при Василии III и Иване IV. Идея византийского наследства обрела наиболее законченную форму в послании псковского инок Филофея Василию III. Он писал, что во всей Вселенной существует лишь один православный царь, а Москва – Третий и последний Рим.

Эпохальным событием середины XVI века стало венчание на царство юного Ивана IV, состоявшееся 16 января 1547 года. В контексте концепции «Москва–Третий Рим» акт венчания на царство русского царя приобрел вселенский характер. Впоследствии, в 1561 году, он был подтвержден собором греческих иерархов во главе с Константинопольским патриархом. Обретение царя стало в глазах современников зримым фактом богоизбранности и особой исторической миссии Руси и русского народа.

События русской истории XVI века в глазах современников находили свой сакральный первообраз в Священной истории. Сравнивая Москву с Римом, царя Ивана

Грозного сопоставляли с Константином Великим. Одновременно Москву, Московское царство уподобляли Израиллю, а Московского самодержца называли Новым Авраамом, Моисеем, Гедеоном, Иисусом Навином.

Идеи о Москве как о Новом Иерусалиме и об избранном русском народе определяли художественно-символическую программу времени Ивана IV. В библейском контексте, к примеру, описывался поход на Казань. При этом в словах книжников русский царь предстает орудием промысла, а события современности свидетельствуют о богоизбранности русского народа.

Победоносный поход на Казань 1552 года стал одним из центральных событий своего времени. Вокруг него было создано наибольшее количество различных художественных произведений, символическая программа которых отличается уникальностью [9, 173]. В этих произведениях мы найдем целый ряд общих идей.

Основная цель большинства произведений – не просто описать события, но и найти их сакральный архетип. История Руси вписывалась в контекст мировой и Священной истории.

Подобные идеи, к примеру, лежат в основе замысла большинства икон, написанных для домово́й церкви русских князей и царей Благовещенского собора Московского Кремля после опустошительного пожара 1547 года.

Эти иконы, названные Ф.И. Буслаевым «богословски-дидактическими», возможно, были написаны по заказу митрополита Макария и протоиерея Благовещенского собора Сильвестра псковскими и новгородскими иконописцами. К сожалению, большая часть их утрачена, но сохранились их имена: «Троица в деяниях», «Верую», «Хвалите Господа с небес», «София Премудрость Божия», «Достойно есть», «Страшный Суд», «Обновление храма Христа Бога нашего Воскресения», «Страсти Господни в евангельских притчах» [10, 164].

В дошедшей до нас так называемой «Четырехчастной иконе» мы видим, как иконописцы, используя сложный аллегорический язык, создали грандиозный образ мировой истории от сотворения мира до конца времен и наступления царства Будущего века. Эта икона, являясь своего рода квинтэссенцией программы всего ансамбля, дает нам код, позволяющий прочесть художественно-символическую программу всей эпохи середины XVI века. Икона многократно становилась предметом

специальных исследований, поэтому существует целый ряд ее интерпретаций [10, 165].

Икона состоит из четырех больших клейм: «И почи Бог в день седьмой», «Придите людие триипостасному Божеству поклонимся», «Во гробе плотски», «Единородный сыне». Повествование клейм охватывает события от «Предвечного совета» и отослания Бога Сына на землю для искупления грехов человеческих до Его воплощения, крестных страданий и вознесения к Богу Отцу. Каждое клеймо составлено из многочисленных сюжетов, где наряду с традиционными изображениями появляется большое количество символическо-аллегорических иллюстраций текстов Ветхого и Нового Заветов, богослужебных песнопений и творений святых отцов.

Таким образом, икона содержит в себе изложение основных догматов православия и повествует о божественном домостроительстве. Кроме того, в левом нижнем клейме мы видим символическое соединение Священной истории и истории Руси.

На верхней части этого клейма изображен Савоаф в Славе, окруженный сонмом ангелов. Ниже представлены изображения «Благовещения», «Рождества Христова» и «Крещения». В нижнем ряду представлены в молении лики святых: пророки, апостолы, мученики, святители, праведные жены и мужи, славословящие трисоставное божество. Внизу этого регистра перед фигурами святых на земле представлены коленопреклоненные фигуры людей «живых существ». В группе справа среди старцев и мужей, одетых в дорогие узорчатые платья, изображен юноша в отороченных мехом шапке и шубе, за старцами – коленопреклоненные женщины, одна из них на первом плане с младенцем на руках. О.И. Подобедова, исследовавшая эту икону, предположила, что юношу и женщину можно отождествить с Иваном IV и его женой Анастасией с царевичем на руках [7, 160–161].

Косвенным доказательством этого предположения можно считать тот факт, что в 1551 году царь обратился к заседавшему тогда Стоглавому собору с вопросом, допустимо ли изображение на иконе в композиции «придите, людие, трисоставному божеству поклонимся» в нижнем ряду «царей и князей и святителей и народа, которые живы существе», и получил утвердительный ответ.

Таким образом, через фигуру царя в сакральное пространство иконы символически входила и русская история.

Схожее изображение можно видеть и на написанной несколько позже иконе «Богоматерь Тихвинская», которая также находится в Благовещенском соборе Московского Кремля. В центре нижнего клейма этого образа представлено моление Ивана IV перед образом прославленной святыни. Похожие изображения есть и в других памятниках эпохи, например в росписи храма Успения в Свяжске, где портреты Ивана IV и митрополита Макария входят в состав композиции «Великий Вход».

В таком важнейшем памятнике эпохи, как царское место из Успенского собора Московского Кремля, мы видим другой пример символического вхождения царя в сакральное пространство Священной истории. Только теперь в качестве действующего лица фигурирует не его образ, а он сам.

Царское место, созданное «в лето 7060 (1551) месяца Сентеврия в 1 день» [4, 68–69], – монументальное сооружение высотой в 6,5 метра, выполненное из дерева и обильно украшенное резьбой. Фактически это одновременно и архитектурное сооружение, и скульптура, и икона.

Архитектурные формы царского места призваны были выразить широкий круг ассоциаций, связанных с представлениями о святости, власти, царственности. Первоисточником для них является киворий – шатер, навес на колоннах. В христианской традиции он устанавливался над алтарными престолами, амвонами, отмечая святость места. Кроме того, сень над царским местом можно соотнести как с шатром Моисея, так и с храмом Гроба Господня.

В качестве прототипа Царского места можно указать трон Соломона (3 Цар. 10:18–20), которому подражали троны византийских императоров. Подобно тронам древних владык, царское место опирается на изображения четырех зверей, размещенных под его углами. Число четыре может символизировать весь видимый мир, сакральным центром которого является Иерусалим. Одновременно изображения четырех зверей можно прочесть как символы четырех царств [11, 50], о которых говорит библейский пророк Даниил (Дан. 7:1–28). Согласно христианским толкованиям, четвертое, «Ромейское царство» должно смениться уже царством будущего века, «царством святых Всевышнего» (Дан. 7:17–18). Райские мотивы на царском месте представлены многочисленным растительным орнаментом и изображениями райских птиц.

В четырех круглых медальонах на дверцах помещен отрывок из «Сказания о князьях владимирских», в котором излагается легенда о происхождении великих князей от брата римского императора Августа по имени Прус. Согласно сказанию, Прус был родственником Рюрика, а Владимир Мономах получил царские регалии от византийского императора Константина Мономаха.

Барельефы, украшающие царское место, также иллюстрируют сюжеты «Сказания о князьях Владимирских».

Таким образом, различные символы и фрагменты исторических сочинений, обрамлявшие фигуру царя, создавали вместе своего рода живую, пространственную икону, в которой земная история связывается с идеей богоизбранности царской власти.

Моделирование символического пространства истории в эту эпоху не ограничивается только плоскостью иконы. Так называемые многопридельные храмы, широкое распространение которых берет начало в середине XVI века, дают нам пример пространственной иконы, включившей в себя окружающий храм ландшафт.

Композиция подобных храмов кардинально отличается от предшествующей ей традиции. Начиная с первых веков храмостроительства Храм представлял собой единый цельный объем. Акцент делался на внутреннем пространстве. При этом в течение своего существования храм мог обустраиваться дополнительными объемами, в которых помещались придельные престолы. Однако дополнительные приделы устраивались обычно либо в дьяконнике, либо на хорах. Устройство новых приделов носило обетный характер и не было связано с первичным замыслом храма. Общий вид и художественный образ храма складывались в течение длительного времени.

Богоявленский собор Авраамиева монастыря стал одним из первых памятников, в котором многопридельность становится основой композиционного замысла [3, 104]. Структура здания, сохраняя цельность и центричность, становится сложной, многосоставной. Подобно иконам, архитектурный образ храмов этого времени становится повествовательным. Важным элементом художественного образа здания становится окружающее его пространство. Значительно увеличивается значимость внешнего образа здания. Символическая программа интерьеров храма выходит вовне, включая окружающее пространство в единый, симво-

личный образ. Через посвящения престолов чудо Божоявления связывается с событиями земной истории Руси или с ее героями.

В следующем за Авраамиевым Соборе Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву, архитектурная композиция благодаря ярко выраженной центричности отличается еще большей ясностью и симметрией. В Покровском соборе мы видим, что новой пространственности храма соответствует и живая пространственная икона – «Шествие На Осляти», символизировавшее въезд Иисуса Христа в Иерусалим. Это действие, известное с середины XVI века, шло от Успенского собора через Спасские ворота к Входуиерусалимскому приделу Покровского собора.

Основой многопридельности этого каменного собора была та же идея пространственного выражения многопрестольности, что и в соборе Авраамиева монастыря. Оба храма не имеют аналогов и достоверных предшественников. Однако в отличие от ростовского собора храм на Красной площади являет нам пример центрального сооружения. Девять отдельно стоящих столпов, каждый из которых сохранял при этом значение самостоятельного храма, объединены в единый объемно-пространственный ансамбль. Подобный композиционный прием был абсолютным новшеством в русской архитектуре.

Эти два храма лежат в основе двух типологических групп многопридельных храмов, которые затем будут существовать параллельно на протяжении 1550–1560-х гг. Первая начинает свое существование в пределах Ростовской епархии со строительства собора Авраамиева монастыря и названа нами условно «традиционным типом многопридельного храма» или храмами «с приделами». Вторая складывается при строительстве собора Покрова на Рву и объединяет постройки, условно названные памятниками «круга собора Покрова на Рву».

Оба храма строились по государеву обету. Становление и распространение храмов подобного типа непосредственно связано с Казанской победой [2, 21]. Через посвящения престолов храм связывается с историческими событиями той эпохи. Выбор посвящений обусловлен прежде всего волей заказчика. Он мог быть связан с его молитвой о предстательстве определенному святому или с памятью о событии, совершившемся в день церковного праздника, которому посвящался вновь устроенный престол.

Как и на иконах и фресках этого времени, где мы видим множество дополнительных к основному сюжету изображений, посвящения престолов связываются в определенную программу.

Программа посвящения престолов Авраамиева монастыря связана с главной реликвией обители – с жезлом преподобного Авраамия, игравшим, согласно преданию, в Казанском походе роль палладия. Согласно житию преподобного Авраамия, этот жезл вручил ему для сокрушения языческого идола Велеса явившийся святому на реке Ишне апостол Иоанн Богослов. Позднее жезл, имевший форму трости, получил завершение в виде шестиконечного креста.

Кроме главного престола в честь Божоявления в шатровом приделе на юго-востоке храма находится престол преподобного Авраамия, в церкви-колокольне на юго-западе – престол Иоанна Богослова, а в бесстолпном приделе на северо-западе – престол Иоанна Предтечи. Апостол Иоанн Богослов и преподобный Авраамий связаны событиями из жития преподобного Авраамия, а Иоанн Предтеча – святой покровитель самого царя Ивана IV.

Собираясь в Казанский поход, Иван IV взял с собой жезл преподобного Авраамия. В этом акте можно увидеть параллель символично-художественной программе главного храма монастыря: в руках царя этот жезл символически соединял в единое целое Священную историю, историю Руси прошлого и настоящего. Сам же царь выступал в роли творца истории как продолжения Священной истории.

Данная интерпретация монастырского ансамбля находит свою живописную параллель в иконе «Благословенно воинство небесного царя» – одной из самых масштабных икон своего времени.

Эта икона уникальна. Известно лишь одно ее повторение, происходящее из Чудова монастыря. Сама же икона, висящая ныне в Третьяковской галерее, некогда располагалась в Успенском соборе Московского Кремля рядом с царским местом.

Большинство исследователей связывают ее создание также со взятием Казани в 1552 году. Символический характер иконы позволяет интерпретировать ее и конкретно-исторически – как образ Казанского похода, так и более широко – как символ земной церкви, члены которой подобны воинам Христовым, свидетелям истинной веры.

На иконе представлено шествие воинов к Горнему Иерусалиму, изображенному в левой части

иконы в виде града, на фоне которого изображена Богоматерь с Младенцем Христом, вручающим венцы ангелам, летящим с ними навстречу воинам. Горнему Иерусалиму противостоит горящий «град лукавого», изображенный правом верхнем поле иконы.

Пешие и конные воны, предводительствуемые архангелом Михаилом, движутся тремя группами. Всадники верхнего и нижнего рядов изображены в нимбах. В центре находится фигура всадника большего размера в царских одеждах, в руках которого изображен крест.

Название иконы – это цитата стихир 5-го гласа, посвященная мученикам. Оно перекликается с посланием в Свяжск митрополита Макария, в котором подвиг русских воинов в борьбе с Казанским царством уподоблялся мученическому подвигу. Согласно тексту послания, они получают от Бога венцы мучеников за христианство в небесном Иерусалиме, т.е. в Раю.

Опираясь на это послание, ряд исследователей рассматривают икону как аллегория победоносного возвращения в Москву русского воинства из покоренной Казани, отождествляемого с горящим градом. Москва при этом уподобляется Иерусалиму. Воины без нимбов – участники похода, воины с нимбами – русские святые князья (Александр Невский, Дмитрий Донской и др.), а также святые воины вселенской церкви: Георгий, Дмитрий Солунский и др. К сожалению, на иконе не сохранилось надписей. Поэтому атрибуция большинства персонажей носит гипотетический характер.

Пространственную параллель данной иконы мы находим в интерьере Архангельского собора Московского Кремля. В интерьере собора объединены образы погребенных там князей и образы князей, прославленных в сонме святых. Вместе они образуют непрерывную цепь, шествие сквозь время в направлении Небесного Иерусалима. Предводителем Церкви воинствующей, богоизбранного народа также является Архангел Михаил, изображение деяний которого составляет один из главных циклов росписи. Это торжественное шествие направлено непосредственно к алтарю. Как замечает исследовательница росписи Т.Е. Самойлова, находясь в храме, и заказчик – Иван IV, и его современники не могли не ощущать свою причастность к этому небесному собранию верных, мысленно соединяясь с изображенными пред-

ками царя, воспринимая ритм шествия и совершая с ними путь к алтарю [9, 170].

Другим существенным новшеством системы росписи Архангельского собора является изображение в центре западной стены Рая. Обычно в этом месте располагался «Страшный Суд», изображение которого в Архангельском соборе находится в узком северном прясле западной стены.

Благодаря этому, как и в иконе «Благословенное воинство», мы видим здесь грандиозный образ земной истории, заверченный явлением Царствия небесного.

Тем самым история приобретает четко выраженный эсхатологический характер. Нелишне напомнить, что многие деяния царя Иоанна Грозного воспринимались современниками именно в эсхатологическом контексте [12, 70]. В эсхатологическом ключе икона «Благословенное воинство» прочитывается так же, как противостояние между «Небесным Иерусалимом» (Откр. 21.10–21) и Вавилоном (Откр. 18. 2–6, 18–20).

Ключевой фигурой в иконе «Церковь воинствующая» является фигура центрального всадника с крестом в руках. Существуют самые разные интерпретации этого персонажа. Одни считают его Владимиром Мономахом, другие – Константином Великим [5, 324], третьи – Иваном Грозным [5, 193]. Наличие нимба не обязательно, в данном случае является знаком святости. Согласно византийской традиции, любой царь изображался с нимбом, символизирующим харизму царского чина. В росписях Благовещенского и Архангельского соборов Московского Кремля нимбами наделены все русские князья, в том числе неканонизированные. Кроме того, всадник изображен в царских одеждах. Золотой венец на его голове напоминает шапку Мономаха в ее первоначальном виде.

Образ Константина Великого в данном контексте носит более универсальный характер, так как именно он является родоначальником земной истории Христианского царства. С другой стороны, Иван Грозный – первый русский царь, поднявший крест Христов как орудие победы в конце времен. Крест в руках царя – это и орудие мученичества, и «оружие непобедимое», сокрушающее врагов. Одновременно это и конкретная реликвия – животворящее древо.

По мнению Кочеткова [5, 193], это мог быть легендарный крест «Животворящего древа», который участвовал в Казанском походе и который был с Дмитрием Донским на Куликовом поле.

Кроме того, в различных текстах этого времени Иван Грозный часто сравнивается с равноапостольным Константином. Поэтому возможно допустить амбивалентность интерпретации центральной фигуры иконы «Благословенное воинство». Исходя из этого, крест в его руках возможно сопоставить и с железом преподобного Авраамия, который был увенчан крестом. В таком виде он напоминал также царскую инсигнию, игравшую роль скипетра, с которой часто изображались византийские императоры.

Таким образом, сравнительный анализ целого ряда художественных памятников, связанных с победоносным походом Ивана Грозного на Казань, дает нам возможность понять художественно-символическую программу эпохи. В них утверждалась неразрывная связь Руси с историей древних царств и богоустановленность самодержавной власти московских царей, наследников Рима и Византии. Художественное пространство этих памятников вбирало в себя события русской истории, образуя своего рода символический фон для земных деяний.

Библиографический список

1. Баниге В.С., Милорадович А.Н. Памятник Казанской победы в Ростове (Богоявленский собор Авраамиева монастыря XVI века) // КСИА. – Л., 1974. – Вып. 139. – С. 118–126.
2. Баталов А.Л. Богоявленский собор ростовского Авраамиева монастыря и многопридельные храмы Северо-Восточной Руси второй половины XVI в. // История и культура Ростовской земли: Тез. докл. науч. конф. Ростов, 1991. С. 21–23.
3. Баталов А.Л. Идея многопрестольности в московском каменном зодчестве середины – второй половины XVI в. // Русское искусство позднего средневековья: Образ и смысл: Сб. – М., 1993. – С. 103–141.
4. Забелин И.Е. Трон или Царское место Грозного в Московском Успенском соборе // Отчет Императорского Российского Исторического музея имени императора Александра III в Москве за 1907 год. – М., 1908. – С. 68–69.
5. Квливидзе Н.В. Благословенно воинство Небесного Царя // Православная энциклопедия. – М. – Т. 5. – С. 324–325.
6. Кочетков И.А. К истолкованию иконы «Церковь воинствующая»: («Благословенно воинство небесного царя») // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л., 1985. – Т. XXXVIII. – С. 185–209.
7. Подобедова О.И. Московская школа живописи при Иване IV – М., 1972. – 197 с.
8. Пуцко В.Г. Крест прп. Авраамия Ростовского // История и культура Ростовской земли. – Ростов, 1995. – С. 96–104.
9. Самойлова Т.Е. Ведущие аспекты программы росписи Архангельского собора // Искусство средневековой Руси: Сб. статей. – М., 1999. – С. 150–180.
10. Сарабьянов В.Д. Символично-аллегорические иконы Благовещенского собора и их влияние на искусство XVI в. // Благовещенский собор Московского Кремля. М., 1999. – С. 164–217.
11. Соколова И.М. Мономахов трон. Царское место Успенского собора Московского Кремля. – 80 с.
12. Юрганов А.Л. Опричнина и Страшный Суд // Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. – М., 2003. – С. 68–115.

BISHOP SAVA (MIKHEYEV)

THE ARCHITECTURE OF THE EPIPHANY CATHEDRAL OF ST. ABRAHAM MONASTERY IN THE CONTEXT OF ART-SYMBOLIC PROGRAMM OF IVAN THE TERRIBLE'S EPOCH

In this article is analyzed the art-symbolic program during the reign of Ivan the Terrible. This project is embodied in a great variety of art monuments as well as in the Epiphany Cathedral of St. Abraham monastery at Rostov the Great. The main purpose of these monuments is to include Russian history events of that epoch into Sacred history.

Key words: Ivan the Terrible, icon, architecture, Heavenly Jerusalem, symbol.

С.М. САНЬКОВА, доктор исторических наук, профессор
s_sankova@mail.ru

РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ДЕЛЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ М. Н. КАТКОВА*

В статье рассматриваются некоторые идейные установки и консервативно-педагогические взгляды М. Н. Каткова, направленные на развитие церковно-приходских школ в системе образования и воспитания народа Российской империи в период правления Александра III.

Ключевые слова: М.Н. Катков, Русская Православная Церковь, образование, воспитание, церковно-приходские школы

Имя редактора и издателя «Русского вестника» и «Московских ведомостей» Михаила Никифоровича Каткова долгие годы ассоциировалось с эпитетами «реакционер» и «идеолог контрреформ» эпохи Александра III, что не располагало к детальному анализу его взглядов на различные аспекты внутривластной жизни России. В постсоветский период на волне всплеска интереса к отечественному консерватизму личность Каткова оказалась востребованной, причем не только среди историков, но и педагогов. Дело в том, что помимо публицистической и издательской деятельности Катков был одним из разработчиков так называемой «образовательной контрреформы» и автором «классицизма» в русском гимназическом образовании. Все свои идеи относительно среднего образования Катков проверил на практике, учредив «Лицей цесаревича Николая». Именно опыт деятельности этого учебного заведения вкупе с теоретическим наследием публициста по вопросам образования стали предметом ряда исследований в области педагогики [1, 2, 13]. Я, в свою очередь, хочу обратить внимание на один из аспектов образовательных взглядов Каткова, оставшийся до сих пор в тени – его позицию по вопросам организации народного начального образования и роли в нем Русской Православной Церкви.

Активно продвигая университетскую реформу в эпоху царствования Александра III, Катков не забывал и о других уровнях образовательной системы. Еще большее значение, чем подготовке новой интеллигенции, Катков придавал образованию и воспитанию народа, который он характеризовал как «материк государства». В одной из статей, посвященной церковно-приходским школам, публицист предостерегает: «Если с прямого пути сойдут лишь некоторые классы общества, так называемая интеллигенция, то в благоприятное время сама жизнь еще как-нибудь исправит зло и создаст новую интеллигенцию. Но если помутятся здравый смысл народа и народная совесть, если поколеблется материк, то исправление трудно и тяжкие катастрофы станут неизбежными» [5, с. 643].

Для народного образования Катков предлагал развивать уже имеющиеся институты начального образования, такие как церковно-приходские школы, а не создавать что-то новое, на что потребуется время, и, таким образом, дело всеобщего образования будет откладываться во времени. Важным дополнением к начальной школе Катков считал создание сети «народных библиотек», где заинтересованные лица могли

© С.М. Санькова

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Проект 10-01-00040а.

бы заниматься самообразованием [5, с. 645–646]. Подобные идеи он высказывал еще в 1882 г.: «Предоставление сельских школ духовенству есть самое простое, естественное и правильное разрешение великой задачи начального народного образования. В России числится свыше 40 000 церквей и монастырей, и при них состоит священнослужителей, окончивших курс в духовных семинариях (иереев и диаконов), до 70 000 лиц. Таким образом, правительство может сразу открыть десятки тысяч народных школ и поставить над ними десятки тысяч вполне готовых учителей, которые, конечно, будут в состоянии обучать деревенских детей Закону Божию, грамоте, письму и счету и которые не отучат, но приучат их к церкви» [4, с. 447].

Как видим, издатель «Московских ведомостей» напрямую связывал народное образование с делом церковного воспитания. Полемизируя с изданиями, выступавшими против господства церкви в начальных народных школах (в первую очередь с газетой «Голос»), он заявлял: «Русская церковь неразрывно связана с Русским государством. Противопоставлять Русскую церковь Русскому *земству*, – не в смысле Валуевских земских учреждений, а в смысле Русского народа, – может только человек, старающийся *намеренно* смутить публику, представляя ей, под видом Русского *земства*, лишь известного рода «деятели...». А затем какая же это *история* доказывает, будто бы *нигде* (!) не процветала *развивающая* школа в руках духовенства без участия какого-то общества и будто бы такая школа не может «наделить питомца своего ни *верными идеалами* (!), ни *возможностью найтись среди искушений* и устоять против них». И как будто церковь, которая есть одно с православным народом, не есть общество!» [4, с. 448].

Полагая вклад церкви в образование и воспитание общества весьма значимым, Катков обращал внимание и на необходимость ответной поддержки государством и обществом церкви, поддержки в первую очередь не материальной, а духовной. В 1885 г. в статье «Славянские первоучители» Катков писал: «Не позолотой храмов, не блеском облачений можем мы достойно прославить нашу церковь; не это одно должны мы приносить ей за благодать ее действия среди нас, но и лучшее, что дано человеку, – нравственные силы наши, наш умственный труд» [6, с. 166].

В воспоминаниях о Каткове, написанных 10 лет спустя после смерти публициста, В.С. Соловьев отмечал «искренность и глубину его религиозных убеждений» и «высокое понимание им христианских идей». Он вспоминал, как Катков «горячо говорил о необходимости церковных преобразований, о ненормальном положении у нас богословской науки...» [8, с. 75]. Соловьев также упоминает о плане Каткова, относящемся к 1884 г. и предполагавшем «преобразование католической иерархии в России через замену епископов-поляков хорватами и чехами» [8, с. 77]. Все это свидетельствовало об озабоченности Каткова состоянием Русской Православной Церкви и об осознании существовавшего спектра проблем в этой сфере.

В частности, Катков констатировал «появившийся в народе индифферентизм» по отношению к церкви, основную причину которого он усматривал в реорганизации 1896 г., упразднившей часть церковных приходов в сельской местности. Восстановление части приходов в царствование Александра III вселяло в Каткова надежду, что эта мера в совокупности с развитием церковно-приходских школ обеспечили бы «религиозное воспитание, по крайней мере, подрастающего поколения» [6, с. 120–121].

В то же время обеспокоенность Каткова вызывала и ситуация в церковных образовательных учреждениях, которые, по его мнению, зачастую выпускали священников, недостаточно подготовленных к пасторскому служению. Полагая, что и в духовных семинариях необходимо вводить более глубоко элементы классицизма, Катков в письме к Московскому митрополиту Иоанникию отмечал: «Не обязаны ли мы готовить для нашей церкви борцов и учителей, сильных наукой, а не фельетонистов и нигилистов, каких в таком изобилии давали нам протасовские или, вернее сказать, киселевские семинарии» [3, с. 9]. Катков признавал недостаток священников, подготовленных к проповеднической деятельности, в которой еще нуждались многие окраины Российской империи, в особенности Сибирь. Православная миссионерская деятельность, по мнению Каткова, была в равной степени важна как для церковной, так и для государственной жизни. «Россия есть носительница православия, – рассуждал он, – и вселенское православие исповедуется в России как *Русская вера*. Эту тесную связь между православием и

русскою национальностью признают и сами инородцы» [5, с. 560].

Каткова не могло не волновать положение, сложившееся к тому времени в России, когда другие религиозные конфессии, которые, в отличие от Православной Церкви, не подлежали контролю со стороны российской государственной власти, активно использовали сложную ситуацию, в которой находилось православие. «По смыслу основных законов Русского государства, – отмечал Катков, – религии нехристианские только терпимы, а между тем частные постановления о тех или других инородцах берут их религию под прямое покровительство законов» [5, с. 561]. Особые его опасения вызывала деятельность католических миссий, так как они имели прямое подчинение фактически другому государству. В этой связи требования ограничения в правах той или иной конфессии, которые разделял Катков, имели целью не столько выделить Православную Церковь, сколько добиться ситуации, когда все конфессии будут иметь равные обязанности перед государством, на территории которого они

осуществляют свою деятельность. При этом за православием Катков, безусловно, сохранял статус государственной церкви, но не потому, что она «исповедуется большинством, а потому, что она присутствовала... при рождении нашего государства... и сопутствовала нам во всех превратностях нашего бытия» [8, с. 14], подчеркивая тем самым, что подобное ее положение определяется всем ходом исторического развития России. «Мы убедимся, – писал он в одной из передовиц 1882 г. по поводу газетной критики деятельности московского митрополита Макария, – если оглянемся на нашу историю, что русскому иерарху свойственно быть патриотом, ибо православный иерарх не знает другой земной власти, кроме единой. Начальники церкви на Руси, паса овец и агнцев стада Христова, всегда полагали священным долгом своим служить к утверждению православной государственной власти как оплота и охраны церкви на земле. Сильная же правительственная власть в свою очередь должна защищать церковь и ее иерархов от нападков Прессы» [4, с. 294].

Библиографический список

1. Бугаева В.Н. Консервативно-педагогическая концепция М.Н. Каткова. Автореферат дис. ... кандидата педагогических наук. – Смоленск, 2007.
2. Измествьева Г.П. Споры в российской печати 60-х годов XIX века о классическом образовании // Вопросы истории. – 2003. – № 2. – С. 157–162.
3. Катков М.Н. Классицизм и духовная школа. (Письмо Каткова к митр. Иоанникию (Рудневу) Московскому // Богословский вестник. – 1913. – Т. 1. – № 1. – С. 9.
4. Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». – М.: Издание С.П. Катковой, 1898. – 1882 год.
5. Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». – М.: Издание С.П. Катковой, 1898. – 1884 год.
6. Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». – М.: Издание С.П. Катковой, 1898. – 1885 год.
7. Митрохина С.А. Просветительские позиции Каткова – редактора газеты «МВ» (1851) // Вестник университета Российской академии образования. – 2005. – № 4. – С. 125–134.
8. Соловьев И.И. Незабвенной памяти Михаила Никифоровича Каткова. (Краткий биографический очерк). – М., 1903. – С. 14.

S.M. SANKOVA

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH ROLE IN BUSINESS OF NATIONAL EDUCATION IN REPRESENTATION OF M. N. KATKOV

In article some ideological installations and conservative-pedagogical sights of M.N.Katkov directed on development of church-parish schools in an education system and education of the people of the Russian empire In board of the Alexander III are considered.

Key words: M.N.Katkov, Russian Orthodox Church, formation, education, church-parish schools

*А.И. ТЮРИН, аспирант кафедры философии религии
и религиоведения философского факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
mail@artemtyurin.com*

ИЗБРАННЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО СПОРА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И РЕЛИГИИ МЕЖДУ ЕГИПТОЛОГИЕЙ И КРИПТОИСТОРИЕЙ

В статье производится сопоставление различных теорий о происхождении древнеегипетской цивилизации, затрагивающих религиозные аспекты и разработанных как египтологами, так и теоретиками криптоистории в XIX–XX вв. Выявляются значительные сходства, позволяющие говорить о влиянии одних теорий на другие. Сходства обнаруживаются, в частности, между теориями криптоисторическими, популярными в современности, и давно ушедшими в архив египтологии.

Ключевые слова: Древний Египет, происхождение религии, криптоистория, египтология, противостояние теорий.

Рост интереса к теме тайн древних цивилизаций в современном обществе привёл к популяризации нетрадиционных, оппозиционных по отношению к науке концепций, относящихся к т.н. альтернативной истории или криптоистории. Особенно широкое распространение это явление получило применительно к древнеегипетской цивилизации. Концепции египетской криптоистории, отображённые в литературе и документальных фильмах, существуют не только независимо, но и в качестве составной части мировоззрения ряда новых религиозных движений, в корне различающихся по своим верованиям. Немалое внимание вопросам криптоистории уделяют средства массовой информации. Это привело к тому, что даже при весьма скудных знаниях о древней истории основы криптоисторических концепций известны едва ли не каждому. Сегодня можно говорить о том, что эти концепции оказывают влияние на очень широкий круг людей.

Что же касается реакции науки, в частности египтологии, на подобного рода концепции, то её реакцию можно охарактеризовать, безусловно, как критическую, порой даже агрессивную. Но при этом специалисты чаще всего предпочитают не вдаваться в детальные подробности исследований, касающихся спорных моментов, ограничиваясь поверхностной аргументацией в пользу несостоятельности криптоисторических концепций. Такая реакция позволяет апологетам криптоисторического подхода выдвигать свою критику методов и теорий египтологии. Последнюю обвиняют также в мировоззренческой предвзятости и пренебрежении к ряду источников. Сложившаяся ситуация создаёт почву для философского и религиоведческого исследования.

Начать следует с того, что египетская криптоистория имеет в своей сути не только идею о том, что древнеегипетская цивилизация гораздо древнее, чем полагает наука, но и о том, что знания и возможности Древнего Египта были существенно выше, чем нам кажется. Всё это непременно сводится к теории об аллохтонном происхождении египетской цивилизации, иными словами, к утверждению о том, что цивилизация была принесё-

на в Египет извне. Принципиально важным для адептов криптоистории является также вопрос, откуда именно в Египет была принесена цивилизация. Сегодня они в основном отстаивают вариант с некой неизвестной развитой, но давно погибшей цивилизацией, а в XIX–XX вв. в этой роли выступала Атлантида Платона.

Назвать конкретного автора теории о подобной связи Атлантиды и Египта не представляется возможным, особенно принимая во внимание то обстоятельство, что теория связана с памятниками античной и эллинистической эпох. Следует предположить, что теория начала активно обсуждаться после оформления египтологии как науки в XIX веке. На фоне вспыхнувшего общего интереса к древности вопрос об Атлантиде стал волновать специфических исследователей. Здесь стоит вспомнить опубликованную в 1882 году работу американского конгрессмена Игнатиуса Донелли «Атлантида: мир до потопа», в которой, в частности, приводится десять аргументов в пользу того, что Египет обязан своей культурой колонии атлантов. Кроме того, автор приводит цитаты из работ исследователей Ренана и Роулинсона, сводящиеся к тому, что в Египте не было архаической эпохи или, по крайней мере, нет никаких свидетельств о раннем периоде дикости или варварства [2, с. 312–314, 318–319].

До обнаружения первых памятников архаического додинастического Египта оставалось чуть больше десятилетия, но за эти и предшествующие годы концепция безархаического Египта снискала немало последователей и широко отразилась в литературе, особенно в религиозно-философской. Так, в своей знаменитой «Гайной доктрине» (1888) Е.П. Блаватская, уже критикуя Ренана и обвиняя его в стремлении «скрыть истину путём умалчивания о древних анналах Божественных Царей, нежели это совместимо со строгою честностью» [1, с. 426–427], по сути, отстаивает ту же теорию, апеллируя к представлениям египтян о древней истории, выраженным в «Айгюптиаке» Манефона и Туринском папирусе. Эти два документа – единственные из всех дошедших до нас древнеегипетских исторических хроник, где присутствует хронология додинастического периода. Сведения об этом периоде, содержащиеся в труде Манефона, подвергались сомнению ещё его переписчиком Евсевием из Кесарии (ок. 260–340 гг.), знаменитым своей «Церковной историей». Правда, Евсевия смущало не само наличие династий богов, по-

лубогов и духов мётвых, а насчитывающий более двух десятков тысяч лет период их правления, ведь это не согласовывалось с библейским повествованием. Евсевий предлагал считать год за месяц, чтобы всё встало на свои места [8, с. 7–9]. Предложенный Евсевием вариант, лишённый всяких оснований, не принимался египтологами всерьёз, но до сих пор остаётся непонятным, чему равен год в этом периоде хроник и является ли он постоянной величиной. Так или иначе, доверие хроникам для эпохи Блаватской можно считать более или менее допустимым, но едва ли с таким возвеличиванием, которое ею демонстрируется: «Эти синхронистические таблицы, помимо того факта, что они были искажены Евсевием с нечестною целью, никогда не преступали за пределы времени Манефо. Хронология Божественных Царей и Династий, подобно хронологии возраста человечества, всегда находилась в руках жрецов и сохранялась в тайне от невежественных масс» [1, с. 427]. Что же касается вопроса о происхождении египетской цивилизации, то здесь Блаватская не просто разделяет теорию об Атлантиде, но и вписывает её в доктрину семи Рас. «Египет гораздо древнее Европы, в том виде, как она начертана сейчас на карте. Атлантидо-арийские племена начали заселять его, когда британские острова и Франция даже ещё не существовали. [...] Позднейшие племена с ещё большим количеством арийской крови в них, нежели в их предшественниках, прибыли с Востока и завоевали её у народа, само имя которого потеряно для потомства, исключая в Священных Книгах» [1, с. 873]. При этом династии Богов, Полубогов и Героев являются, по мнению Блаватской, Три Раса [1, с. 429]. Интересно, что фрагмент о военном вторжении с Востока напоминает теорию, обретшую популярность в свете археологических открытий У.М. Флиндерса Питри от 1895 года, до которого Блаватская, увы, не дожила.

В 1894–1895 гг. археологи У.М. Флиндерс Питри (1853–1942) и Джеймс Э. Квибелл (1867–1935) исследовали три некрополя возле египетских селений Нагада и Баллас. Среди найденных вещей не было ничего такого, что обычно составляло заупокойный инвентарь. Да и сами найденные останки, лежавшие на боку в скорченном положении, являли собой не встречавшийся ранее тип погребения. Благодаря этим наблюдениям Питри сделал заключение о том, что древнее население Нагады и Балласа не было египетским, а принад-

лежало к некоей «новой расе», которая вторглась в Египет из Ливии. Питри датировал погребения эпохой VIII–IX династий, но эта догадка не подтвердилась из-за открытий, сделанных Жаком де Морганом (1857–1924), главой Египетской Службы Древностей, в некрополе Нагады годом позже. Один из найденных сосудов, возможно, принадлежал супруге фараона Нармера – это стало отправной точкой для исследований археологического материала, показавших, что «новая раса» принадлежала к додинастическому населению Египта, изначальной родиной которого была, по мнению де Моргана, Азия [3, с. 125–126]. Исследование египетской архаики началось, при этом научная теория об аллохтонном происхождении египетской цивилизации стала обретать серьёзные очертания и завладела умами исследователей. Итак, Питри был вынужден изменить свою точку зрения, столь отчётливо сформулированную: «По-прежнему остаётся вопрос о связях, установленных между Новой Расой и Амореями. Сходства слишком близки, чтобы быть случайными, они лишь подтверждают точку зрения, уже давно выдвинутую. Амореи были белым народом, как и Ливийцы; их облик на египетских памятниках схож, и оба народа были великими строителями дольменов. На этом основании профессор Сейс предположил, что они являются ветвями одной расы, и их портрет давно убедил меня в вероятности этого. Отсюда и решение вопроса об идентичности керамики Аморея и той, особой, что принадлежала Новой Расе, они обе являются частями одной и той же инвентарной традиции. То, что они отвечают независимо, показывают волнообразные ручки сосудов, более поздние разновидности которых, от эпохи, когда Новая Раса шла на Сирию из Египта, были найдены в Палестине. Но и в Сирии, и в Египте они берут начало от одного типа. Это возможно лишь при условии, что вторжение Аморея в Сирию было частью того же движения на восток, что и вторжение Новой Расы в Египет» [9, с. 64]. Концепция Питри несколько раз менялась, неизменным оставалось лишь положение о военном вторжении этой расы в Египет. Для нас же более принципиален следующий аспект религиозных отношений, имевших, по представлению Питри, место между представителями вторгнувшейся расы и местным населением. Династическая раса поклонялась Хору, а родовым богом народа Ану (местного населения) являлся Сет, поэтому отношения

были крайне враждебными. Питри считал, что на булаве царя Скорпиона изображена временная победа народа Ану над инородцами, о чём свидетельствуют чибисы с переломанными крыльями, повешенные на штандартах Сета и Мина [3, с. 127–128].

И всё же Питри был до конца жизни убеждён, что Египет обязан письменностью, навыками каменного строительства и принципами организации общества пришельцам из горного Элама, т.е. «династической расе» [3, с. 128]. Исследование этого вопроса стало предметом не только археологических, но и антропологических изысканий. В пользу теории об аллохтонном происхождении «династической расы» говорили прежде всего необычные антропометрические данные найденных останков. Самой известной работой на эту тему стала статья «Династическая раса в Египте» профессора анатомии Египетского университета в Каире д-ра Дугласа Э. Дерри в *Journal of Egyptian Archaeology* за 1956 год. В ней рассказывается, как в первом десятилетии XX века экспедиционными группами д-ра Джорджа Рейзнера было раскопано несколько могильников додинастического периода в Нубии и эпохи IV–VI династий в районе Гизы. Сравнительный анализ останков привёл к неожиданному открытию, что «строители пирамид были иной расы, нежели народ, потомками которого они, как предполагалось, должны были бы быть». Согласно рассуждениям Дерри, династический народ не мог прийти с юга, т.к. не содержал никаких негроидных элементов. Маловероятно, что этот народ пришёл с запада, ведь пересечь пустыню тогда было чрезвычайно трудно, к тому же никаких признаков этого народа к западу от Египта не было обнаружено. Его следов не было обнаружено и в Дельте, что, скорее всего, было бы, если бы этот народ пришёл с севера. Таким образом, наиболее вероятным регионом, откуда могло быть осуществлено вторжение, оказывался восток. Также серьёзный контраст между двумя расами показали останки, найденные в 1909–1910 гг. на кладбище неподалёку от Каира на восточном побережье долины Нила, относящиеся к позднему додинастическому периоду и эпохе I династии. Дерри сделал заключение о «присутствии доминирующей расы, возможно немногочисленной, но существенно превосходящей коренное население интеллектуально; расы, которая принесла в Египет знание о каменном строительстве, скульптуре, изобразительном искусстве, рельефах и, преж-

де всего, письменности: отсюда огромный скачок от примитивного додинастического Египта к передовой цивилизации Древнего мира» [7].

Эти исследования стали плацдармом для ещё более подкреплённой различными доводами теории о военном вторжении в Египет «династической расы», описанной археологом, профессором египтологии Лондонского университета Уолтером Б. Эмери в его труде «Архаический Египет» (1961). Эмери делает акцент на феномене «скачка», т.е. неких кардинальных изменений, которые якобы произошли в Египте примерно за 3400 лет до н.э. и в результате которых страна перешла из состояния развитой неолитической культуры к государственности, возникли письмо и монументальная архитектура. Всё это, по мнению Эмери, было достигнуто за сравнительно короткое время, т.к. не имелось почти никаких данных, которые свидетельствовали бы о длительном переходном или подготовительном периоде и послужили бы историческим фоном для развития письма и архитектуры [6, с. 36–37]. Здесь необходимо отметить, что на современном этапе имеется уже совершенно иная картина, свидетельствующая скорее в пользу плавного перехода. Но тогда эта концепция, как и теория «династической расы», переживала свой апофеоз и была выражена Эмери в таких словах: «Как бы то ни было, но к концу четвёртого тысячелетия до н.э. уже существовал народ, традиционно известный как «последователи Хора», составлявший цивилизованную аристократию или правящую элиту, в руках которой оказалась весь Египет. Теория существования этой «расы господ» базируется на открытии чисто анатомического характера. Так, в могилах позднего додинастического периода в северной части Верхнего Египта были найдены останки людей, черепа которых имели больший размер, а тела были длиннее, чем у местного населения. И это различие столь разительно, что любое предположение, будто этот народ ведёт своё происхождение от тех же предков, что и более раннее население Египта, просто невозможно» [6, с. 38]. Действительно, известное ещё из памятников староегипетского языка понятие *Smsw Hr* (спутники или последователи Хора) подходило сюда ещё в свете предположений Питри о противостоянии культов двух богов. Однако теория о вторжении «династической расы» ещё к середине века начала постепенно рушиться, а вместе с ней и эта привязка понятий. К при-

чинам этого следует отнести исследования американского археолога Генри Фрэнкфорга, показавшего важную роль культурных контактов между Месопотамией и Египтом, нанеся тем самым удар по теории о вторжении [5, с. 69], а затем и проникновение в антропологию Египта популяционной генетики [3, с. 133], показавшей, что те особые додинастические останки принадлежат представителям местного населения.

Теперь обратимся к криптоисторической литературе. В 1953 году в Швейцарии была впервые опубликована книга инструктора по йоге Элизабет Хейч под названием «Посвящение». Книга получила большую популярность, была переведена на несколько европейских языков и издавалась в разных странах мира. Следует также отметить, что пик популярности книги в России пришёлся на первое десятилетие XXI века. В той части книги, которая касается мировой истории, Хейч пишет, что когда-то на Земле жила раса людей, совершенно отличная от всех земных рас. Своей божественной чистотой эта раса заслужила право называться «Сынами Бога». В то же время на Земле жили и другие существа. Их тела были более «материальными», чем тела Сынов Бога, и они стояли на низшей ступени развития. Их дух был подавлен, и они полностью отождествляли себя со своим организмом. Они жили в джунглях, сражаясь с дикой природой, животными и себе подобными. Эти существа и были предками современных людей. Раса сынов человеческих является гибридом этих двух рас. Континент, некогда служивший обителью Сынов Бога, был полностью уничтожен. Некоторые из Сынов Бога построили огромные корабли и отплыли от обречённого континента, отправившись на восток, север, юг, а те, кто взял курс на запад, приплыли в Египет. Благодаря своим знаниям, мудрости и любви они скоро завоевали сердца аборигенов и стали их вождями. Им поклонялись, их почитали как богов и полубогов [4, с. 180–183].

Сравнив представленную Хейч интерпретацию с вышеизложенными теориями, мы можем совершенно обоснованно предположить, что Хейч просто синтезирует теорию Блаватской и теорию «династической расы». Но, как и Блаватская, если смотреть на это таким способом, Хейч также использует для своих интерпретаций те теории, которые господствовали в египтологии на момент написания книги. Это, разумеется, не означает, что идеи Хейч могли разделить египтологи той эпохи, кото-

рые тогда уже, кстати, столкнулись с отцом альтернативной египтологии Р.А. Шваллер де Любичем.

На современном этапе в египтологии принято придерживаться автохтонной теории происхождения египетской цивилизации, но об окончательном утверждении именно такого происхождения египетской цивилизации говорить пока рано.

Статистический анализ выявил значительные различия между додинастическим и раннединастическим населением юга и севера Египта, при этом окончательный ответ на вопрос о времени и причине формирования этих различий до сих пор не получен. Основной точкой зрения является продолжительное изолированное существование мелких популяций в различных экологических нишах в самом Египте [3, с. 37].

Египтология становится всё более зависимой от других наук, поэтому одной из основных тенденций развития египетской криптоистории как области знания является оспаривание данных различных научных исследований, касающихся египтологии, через специалистов в соответствующих науках. Но такие материалы изучают лишь интересующиеся спором криптоистории с египтологией, а криптоистория сильна своей распространённостью в СМИ и литературе для широкого круга читателей. И вот здесь в качестве заключения необходимо отметить, что, в отличие от египтоло-

гии, криптоистория с середины XX века так и не шагнула вперёд по части своих фундаментальных основ, таких как теория происхождения египетской цивилизации, которая известна в первую очередь своими религиозными памятниками. С другой стороны, криптоистории это и не нужно, ведь аллохтонные теории ещё имеют теоретическую возможность подтвердиться. Явно негативным следует признать тот факт, что на современном этапе для широкой аудитории, особенно в России, где актуальные научно-популярные египтологические издания фактически отсутствуют, изливаются криптоисторические концепции, имеющие явные сходства с теориями, давно ушедшими в архив египтологии. Всё новыми тиражами издаётся старая литература, в то время как новая литература, в частности по египетской криптоистории, либо просто не переводится на русский язык, либо издаётся в переводе очень низкого качества.

Так или иначе, приведённое сопоставление показало, насколько много общего было у ряда криптоисторических и египтологических теорий до середины XX века. Тогда целый ряд трудов по египтологии содержал самые невероятные допущения и смелые утверждения, которые наверняка повлияли на авторов криптоисторических концепций. В силу объективных причин такая традиция в египтологических трудах прервалась.

Библиографический список

1. Блаватская Е.П. Тайная доктрина. Том 2. – М.: Эксмо; Харьков: Фолио, 2010. – 944 с.
2. Донелли И. Атлантида: мир до потопа. – Самара: Агни, 2004. – 444 с.
3. Крол А. Египет первых фараонов. – М.: Издательство «Рудомино», 2005. – 224 с.
4. Хейч Э. Посвящение. – М.: ООО Издательский дом «София», 2004. – 448 с.
5. Шеркова Т. А. Рождение Ока Хора: Египет на пути к раннему государству. – М.: Практикс, 2004. – 376 с. (Historia rerum).
6. Эмери У. Б. Архаический Египет. – СПб.: Журнал «Нева»; ИТД «Летний Сад». 2001. – 384 с.
7. Derry D. E. The Dynastic Race in Egypt // Journal of Egyptian Archaeology. Vol. 42 (Dec., 1956), pp. 80–85.
8. Manetho. / With an English Translation by W. G. Wadell. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1964.
9. Petrie W.M.F., Quibell J. Naqada and Ballas. L., 1896.
10. Wilkinson T.A.H. Early Dynastic Egypt. L., 2001.

A.I. TYURIN

SELECTED ASPECTS OF THE HISTORICAL DISPUTE OVER THE ORIGINS OF ANCIENT EGYPTIAN CIVILIZATION AND RELIGION AMONG EGYPTOLOGY AND ALTERNATE HISTORY

This article contains a comparison of different theories about the origin of ancient Egyptian civilization involving religious issues, developed by Egyptologists and by theorists of alternate history of the XIX–XX centuries. Significant similarities were revealed that suggest the influence of some theories to others. Similarities were found in particular between the theories of alternate history that are popular in modern times and theories that have gone to the archives of Egyptology long time ago.

Key words: Ancient Egypt, origins of religion, alternate history, Egyptology, confrontation of theories.

*Т.Г. ЧЕЛОВЕНКО, кандидат педагогических наук, доцент,
заведующий кафедрой религиоведения и теологии Орловского
государственного университета, эксперт в области теологии
chelovenko@inbox.ru*

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА П. РИКЁРА

На примере религиоведческой герменевтики П. Рикёра рассматриваются возможности интегративного дискурса, соединяющего различные конкретно-научные подходы и методологии-интерпретации в исследовании религии как духовного и социокультурного явления. Интегративный характер рикёровской «эпистемологии нового понимания» актуален своим универсальным характером познавательной деятельности, учитывающей и охватывающей всю сферу суждения: предикативную и допредикативную, акты веры, желания и устремления, практические цели и ценностные ориентации.

Ключевые слова: универсальная религиоведческая герменевтика, священное, символы, феноменология религии, психоанализ, феноменология духа, герменевтическая феноменология религиозного события.

К постановке проблемы. Исследования религии, в основу которых положен «неклассический идеал рациональности», требуют особого профессионализма. «Человеко-размерные» рефлексивные методы исследования не должны привести к излишней схематизации и теоретизации религиозных явлений, дабы не превратить знания о религии в «музей понятий» (термин П. Рикёра), но в то же время не должны продуцировать построение наукообразных иррационалистических теорий магико-герметического толка. Поэтому рикёровский дискурс нельзя понимать как текст или язык. Дискурс для Рикёра – это категория для обозначения всей практики человечества, это *конкретный срез культуры* (выд. – Т.Ч.), в эпистемологическом плане понимаемый как структура смыслового и символического единства, цель которого – общая стратегия поиска скрытых символических смыслов [2; 129–130].

Общетеоретическая установка на понимание религии через рефлексивность религиозного феномена осуществляется у него в культурно-феноменологическом духе, поскольку описывает религиозный феномен через соотнесение с его объектом, как он обозначен и дан в культуре и в вере, в ритуале и мифе [2; 394]. Феноменология религии в этой культурно-феноменологической парадигме действительно позволяет увидеть религию такой, какой она представляется религиозному опыту отдельного человека. Но сегодня истолкование и применение феноменологического метода расширены настолько, что вполне корректно говорить об «авторских» феноменологиях Платона, Аристотеля, Лейбница, Фихте или Гегеля. Гораздо сложнее понять таких мыслителей, как П. Рикёр, которые вступают в критический диалог с феноменологией «изнутри» самой феноменологии. Трудно, например, ответить на вопрос, что значит феноменологическая герменевтика Рикёра, описывающая или/и интерпретирующая религию. Ответить на этот вопрос можно, взглянув на его герменевтическую концепцию с точки зрения интегративных стратегий, актуальных для современной науки именно потому, что они позволяют рассматривать феноменологическую очевидность не только как

интерсубъективное наблюдение, но и как содержание живого переживания, данного в опыте и концептуализированного в рефлексии.

* * *

Особое внимание Рикёра к религиозному опыту объясняется его стремлением создать обобщающую концепцию современного человека. Структура религиозного опыта, особенности выражения его вербальной части языковыми средствами, а также переживаемое в опыте – это сфера применения интегративных познавательных технологий, создавших уникальный рикёровский дискурс и его универсальную религиозоведческую герменевтику.

Рикёр, как представитель религиозно-феноменологической мысли, следует персоналистической традиции. Для него понятие личности не только самое фундаментальное в философии, не только место рождения значений, дающих начало культурным смыслам, но и системообразующий фактор его религиозно-феноменологических взглядов, поскольку свою задачу он видит в выработке метода анализа человеческой субъективности как творца мира культуры.

Постклассический дух рикёровской феноменологии религии, на которой мы специально остановимся ниже, придают его общефилософские установки.

Рикёр в своей концепции выделяет семантический, рефлексивный и экзистенциальный планы, поскольку они являются общими для всех герменевтик. Соединение этих планов требует интегративных подходов, которые он разработал в своей «новой эпистемологии понимания».

Придавая большое значение языку, благодаря которому выражается всякое онтическое и онтологическое понимание, Рикёр в семантике находит системообразующую ось соотнесения для всей совокупности герменевтического поля [3; 314]. Это значит, что семантический подход у Рикёра обеспечивает герменевтике контакт с различными методологиями.

Рикёр далее соотносит семантический и рефлексивный планы. Он стремится рефлексивными методами «узнать» различные символические формы, поскольку чувства, переживания, страсти всегда выражены символически. Рефлексию он связывает непосредственно с интерпретацией. Интерпретация, согласно Рикёру, есть работа

«мышления, которая состоит в расшифровке смысла, спрятанного в очевидном смысле, в раскрытии уровней значения, заключённых в буквальном значении» [3; 315].

Выход в экзистенциальный план понадобился Рикёру, потому что у него «я могу» всегда предшествует «я думаю». Человек, осуществляя связь времён, вначале является существующим, а его «бытие-в-мире» – первичным. Поскольку через язык человек открывает с помощью интерпретации своей жизни, что он утверждён в бытии, Рикёр изменяет трактовку рефлексии: «субъект, который, интерпретируя знаки, интерпретирует себя, больше не является Cogito: это – существующий, который через истолкование своей жизни открывает, что он находится в бытии до того, как полагает себя и располагает собой» [2; 42].

Этот «тяжёлый путь» самопонимания и потребовал новой эпистемологии, «эпистемологии нового понимания», где самопонимание всегда опосредовано знаками, символами и текстами. Отсюда такое большое значение, которое мыслитель придавал герменевтике, открывающей «интерпретированное бытие», а значит, рефлексии, без которой невозможно прийти к онтологическим корням бытия: «промежуточный этап в движении по направлению к существованию, говорил он, – это рефлексия, т.е. связь между пониманием знаков и самопониманием человека. Именно через самопонимание мы имеем шанс познать сущее» [2; 48].

Процесс самопонимания Рикёр начинает с прививки герменевтики к феноменологии, «взятой не только на уровне теории значения, ... но и на уровне Cogito...»¹. Перестраивая рефлексивную философию, он открывает новое измерение существования. Рассматривая вслед за Гуссерлем сознание как феномен, вносящий в мир значения и смыслы, интенцию он рассматривает не как мыслительный акт, а как акт воли, мыслительное содержание которого необходимо вывести, а не рассматривать как нечто изначальное.

Рикёр выявил два способа обоснования герменевтики путём обращения к феноменологии. Первый путь развивает идеи Хайдеггера и Гадамера, рассматривая понимание не как способ познания, но как способ бытия. Герменевтика здесь уже не метод. Уходя из сферы традиционной гносеологии и заколдованного круга субъектно-объектных отношений, она ставит вопрос о бытии, которое существует понимая. Вопрос об историчности, про-

тивостоянии наук о культуре естествознанию, наконец, об истине перестаёт быть вопросом о методе, но становится проблемой проявления бытия для бытия, чьё существование заключается в понимании бытия. Рикёр назвал это «революцией», приведшей к онтологии понимания.

Второй путь сочленения герменевтики с феноменологией даёт «органон» для обоснования исторических наук: это онтология понимания в её соотнесении с эпистемологией интерпретации, исходящей из семантического, рефлексивного и экзистенциального планов. Рикёр «прививает» герменевтику к феноменологии, соотносит с персонализмом, структурализмом, психоанализом, религией, стремясь осмыслить повествовательные функции культуры. Феноменология религии понимается у Рикёра как особый вид интерпретации, находящий своё место в целостном учении о человеке только в единстве с двумя другими герменевтиками (психоанализом и феноменологией духа).

Особый уровень интеграции, реализуемый Рикёром, – это соединение феноменологии и экзистенциализма. Вводя принцип сопричастности индивида Божественному бытию и бытию других людей, мыслитель преодолевает релятивность, исходящую от субъективного трансцендентализма. Соединяя феноменологию и экзистенциализм, он развивает марселевскую идею «воплощённого существования» [2; 52–57].

Понимание сложности человеческого опыта, его двойственного характера привело Рикёра к признанию его «непрозрачности» и, соответственно, невозможности знать о человеке «всё». Рикёр считает возможным исследовать не только то, что следует за экзистенциальной изначальностью (исходя из воображения, эмоции, переживания и т.п.), но и саму экзистенциальную ситуацию, способ существования, в котором укоренён субъект. В результате этой операции Рикёр обнаруживает область бессознательного, то, что принимается субъектом как необходимость. Поэтому в качестве универсальной основы своей религиозной герменевтики Рикёр видит герменевтику, но не столько как метод познания, сколько как способ бытия, рассматривая её в онтологической плоскости. В этом его взгляд на герменевтику отличается от традиционной трактовки герменевтики Шлейермахером и Дильтеем, понимавшими её как философскую дисциплину в духе традиционной

эпистемологии, но это же сближает его с пониманием герменевтики в духе христианской традиции.

Рикёр усматривает выход из антитезы историзма и феноменологизма в герменевтике символов. Компаративистский анализ символов привёл его к раскрытию в них нескольких уровней опыта и выявил в конечном итоге «связанность, демонстрируя нечто вроде символической системы» [2; 370].

Герменевтика символов тематизирована у Рикёра в герменевтике священного. Поскольку в символах происходит осуществление интенции означивания, постольку в феноменологии религии существует «истина» символов. Для символов священного это значит, что символ никогда не бывает произвольным и никогда не бывает пустым². Наполненность символа отличается от пустоты знаков. Феноменологическое понимание символа даёт основание говорить об онтологическом значении символов священного. Символы – это как бы язык бытия. Именно эта философия языка, говорит Рикёр, свойственна феноменологии религии: «она возвещает не столько о том, что язык проговаривается людьми, сколько о том, что язык говорит в людях, что люди рождаются внутри языка, в лучах Логоса, “который изливает свой свет на любого человека, входящего в мир”» [2; 396].

Священное, согласно Рикёру, имеет эсхатологическое значение. Оно является абсолютom и для сознания, и для существования. К таким выводам Рикёр приходит через особое понимание священного как человеческого усилия и как желания быть⁴. Но такое понимание возможно в контексте онтологического горизонта, что мы наблюдали в феноменологии религии ван дер Леува и Элиаде. «Как феноменология она есть всего лишь описание ритуала, мифа, верования, то есть форм поведения, языка и чувствования, с помощью которых человек устремляется к «священному». Но если феноменология может оставаться на этом описательном уровне, то включение в работу интерпретации рефлексии ведёт дальше: понимая себя в знаках священного и посредством их, человек радикальнейшим образом, насколько это возможно, отказывается от самого себя; эта утрата значительнее той, к которой ведут психоанализ и гегелевская феноменология, берём ли мы их по отдельности или в совместимом усилии; археология и телеология обнаруживают *arche* и *telos*, которые

ми субъект может овладеть, понимая их; но этого не происходит со священным, которое заявляет о себе в феноменологии религии; на уровне символа священное – это *альфа* всякой археологии и *омега* всякой телеологии; этими альфой и омегой субъект не владеет; священное вызывает к человеку и в этом воззвании заявляет о себе как то, что распоряжается его существованием, поскольку полагает его абсолютно – и как усилие, и как желание быть» [2; 55–56]. Рикёровская феноменология становится онтологической феноменологией, поскольку отождествляет бессознательное (не-волевое) с понятиями «жизненный мир», «бытие».

Первоначально герменевтика понималась Рикёром как расшифровка символов, имеющих двойной смысл: буквальный и иносказательный³, но его герменевтическая концепция священного потребовала иных подходов.

В интерпретации, считает Рикёр, всегда присутствуют две герменевтики, воспроизводящие дуализм символов, которые имеют два разнонаправленных вектора: один – в сторону архаических образов, другой – к будущему, возможному. *Agchz* с необходимостью сопряжена с *telos*. Эти разнонаправленные интерпретации человеческого сознания объединяются Рикёром через эсхатологию, проявленную в феноменологии религии. Тема феноменологии религии, рассуждает Рикёр, это «не-что», подразумеваемое в ритуальном действии, мифическом слове, мистическом чувстве. Задача феноменолога заключается в том, чтобы выделить этот «объект» многочисленных интенций поведения, говорения и эмоций. Этот искомый объект и есть «Священное», имеющий для исследователя-феноменолога интенциональный характер [2; 395].

Рикёр выделяет психоаналитические и религиозные символы, и следовательно, два вида герменевтической интерпретации. «Демистифицирующая» герменевтика, согласно Рикёру, вскрывает подлинную природу самих символов, а «восстанавливающая» герменевтика стремится к постижению заключенного в символах смысла. Примером демистифицирующей герменевтики может служить психоанализ Фрейда, который стремится посредством расшифровки смыслов вскрыть «работу» бессознательного, т.е. первоначальные инстинкты, желания и склонности человека. Восстанавливающая же герменевтика по своей сути близка к философии религии, так как для нее символом является тот язык, в котором выражается откро-

вление. Позднейшая вера в символы – это, собственно, не наивная вера, а просвещенная, отрефлектированная вера, которая принципиально отличается от веры наивной, утверждает Рикёр.

Сама по себе герменевтика не может быть универсальной, справедливо говорит мыслитель, но она может способствовать раскрытию тех связей человека с миром, которые имеют форму веры, но веры особой – символической. В отличие от первичной веры символическая вера является рациональной, так как она опосредована нашей критической рефлексией. Исследователи творчества Рикёра подчеркивают, что в его концепции язык символов оказывается, в сущности, конституирующим началом мира, человеческой культуры, а герменевтика – способом освоения этого мира (Вдовина).

Таким образом, герменевтическая концепция священного имеет интегративные особенности. Отталкиваясь от герменевтики символов, она выявляет «связность, демонстрируя нечто вроде символической системы» [2; 370] и раскрывая затем в парадигме классической феноменологии религии несколько уровней опыта или представлений. Здесь используется компаративистский анализ символов в рамках описательной феноменологии. Собственно рикёровская герменевтика священного/символов, вступая в диалог с другими дисциплинами (психоанализом, лингвистической семантикой, феноменологией), «дешифрует» двойной смысл символов, тем самым реализуя и демонстрируя разнообразные функции интерпретаций [2; 333].

В заключение надо отметить, что интегративные стратегии, разрабатываемые Рикёром, продиктованы его стремлением выйти из «заколдованного круга» субъектно-объектной проблематики. Направление его поиска – выявление глубинных связей исторического бытия с совокупным бытием, а в религиоведении – преодоление антитезы историзма и феноменологизма. Признав изначальность существования «горизонта мира», он создаёт «эпистемологию нового понимания», весьма продуктивную для исследований религиозного априори в постклассической науке.

В своём синтезе Рикёр преодолевает дистанцию между познающим разумом и реально сущим самим по себе, которое он обозначает как «интерпретированное бытие». Рикёр вводит в иррациональные компоненты познания рациональные способы

интерпретации, реализуя, как говорит Вдовина, особый тип «научной объективности»⁵. Его отношение к пониманию как к способу существования интерпретированного бытия делает необходимым синтез герменевтики и структурной антропологии, герменевтической интерпретации фрейдизма и, разумеется, герменевтики и феноменологии. Соединяя идеи различных школ и направлений, он пытается преодолеть противоречия системы, которые привели не только современную философию, но и науку о религии к конфликту интерпретаций, в основе которого кризисные отношения между объективизмом и субъективизмом, натурализмом и антропологизмом, сциентизмом и антисциентизмом.

Интегративные познавательные стратегии Рикёра строят вокруг таких понятий, как смысл, истина, символ, расширительно толкуя герменевтику и открывая дорогу новому дискурсу религиозных исследований, который сегодня уже называют рикёровской концепцией феноменологии религии⁶. В основе его инноваций лежит единство методологий-интерпретаций (археологии, телеологии, эсхатологии и соответствующих им дисциплин – психоанализа, феноменологии духа и феноменологии религии), каждая из которых, как подчёркивает сам Рикёр, имеет право на существование, только дополняя друг друга и взаимодействуя друг с другом, преодолевая атомизацию знания. Переводя скрытый смысл в очевидный, мыслитель создаёт методологическую основу для универсальной религиозной герменевтики, включающей в себя различные конкретно-научные подходы (лингвистический, психологический, феноменологический), которые не смогла объединить классическая феноменология религии.

Иногда П. Рикёра относят к мыслителям, чьё творчество выражает постмодернистское понимание «религии/веры без религии» (Ж. Деррида). С этим можно согласиться, если поставить его в ряд мыслителей, кто вечную жизнь рассматривают через призму человеческой рациональности⁷. Рикёр отмечал, что субъект через истолкование знаков и символов интерпретирует то, что он находит и полагает в себе [1; 2]. Священное для него – это человеческое усилие и желание быть. И здесь останавливается каждый философ, и религиозный в том числе. Здесь предел для философского понимания/обнаружения Абсолюта. Дальше начинается вера в Откровение и теологическое познание.

Но всё же несомненной заслугой Рикёра является его «участное» отношение к духовно-религиозной составляющей человека, которую он включает в общую концепцию современного человека, что сразу показало масштаб его замысла. Историческое бытие с совокупным бытием он связывает благодаря герменевтической феноменологии религиозного события [5], в центре которого – человеческая личность. В религиозном событии, в силу его изначально целостного характера, он видит «объект», где нет места для конфликта интерпретаций. Его максима герменевтического истолкования «Верить, чтобы понимать; понимать, чтобы верить» своеобразным образом выражает когнитивную парадигму теологии культуры, которая гласит: «чтобы приблизиться к бытию в познании, нужно воспользоваться и объективным, и субъективным опытом. А это возможно потому, что как субъективность, так и объективность коренятся в том, что трансцендирует их, т.е. в самом-бытии» [4; 23–24].

Примечания

¹ Значения с двойственным смыслом Рикёр внедряет в семантическую область. Отказываясь от однозначности, обоснованной Гуссерлем в «Логических исследованиях», он сопрягает многозначные значения с самопознанием. При этом проблематика *Cogito* трансформируется, обогащаются его исследования благодаря герменевтическому методу; см.: Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – Москва: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002. С. 49–51.

² Рикёр трактует символ в духе феноменологии религии Элиаде, который проводит мысль о символизме как фундаментальном, отличительном признаке религиозного языка (см.: Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. – Москва: Ладомир, 1999).

³ Если исходить из наличия разных «уровней» смысла (смысла непосредственного и смысла сокровенного), то такое строение сознания признавали и Маркс в своём учении об идеологии как «ложном сознании», и Фрейд в учении о символах сновидений. Подобное строение присутствует и в религиозной и магической символической слова. Возможность многозначности и на уровне интерпретаций подтверждает интерпретация языковых символов в феноменологии религии, психоанализ и герменевтическая феноменология П. Рикёра.

⁴ В феноменологии религии понятие воли как способности к деятельности является одним из центральных не только в концепции Рикёра, но и в концепции Шелера.

⁵ Идеи Рикёра перекликаются с проблемой «индивидуальной объективной реальности», которую предложено осмысливать как целостность, обусловленную телесностью, генетическими, личностными, культурными, языковыми параметрами восприятия индивида. В этом случае сознание обуславливается социальными, культурными и даже научными процессами (см.: Бескова И.А., Герасимова И.А., Меркулов И.П. Феномен сознания. – Москва: Прогресс-Традиция, 2010). Это требует особой рефлексии, способной универсальным образом схватывать всю совокупность опытного отношения к действительности и взаимодействие различных факторов (ощущения, мышления, воображения, абстрагирования, редукции, эмоции, интеллектуальной интуиции и т.д.).

⁶ О месте феноменологии религии Рикёра в постклассическом религиоведении см.: Пылаев М.А. Западная феноменология религии. Теоретико-методологические основания и перспективы построения религиоведения как науки о святом. – Москва: РГГУ, 2006.

⁷ Среди них известные представители христианской теологии, предвосхитившие те или иные аспекты теологии постмодернизма. См., например, «Столп и утверждение Истины» (1914) П. Флоренского, «Звезду искупления» (1921) Ф. Розенцвейга. «Религия без религии» – это разумная, моральная интерпретация веры, возникшая ещё задолго до постмодернизма и даже модернизма (Иоганн Экхарт, Августин Блаженный, Кант, Гегель, Кьеркегор, Хайдеггер, Бонхоффер, Левинас и т.д.)

Библиографический список

1. Рикёр П. Герменевтика и психоанализ. Религия и вера. – Москва: Искусство, 1996.
2. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – Москва: «КАНОН-пресс-Ц»; «Кучково поле», 2002.
3. Рикёр П. Существование и герменевтика // Феномен человека: Антология. – Москва: Высшая школа, 1993.
4. Тиллих П. Мужество быть // Избранное: Теология культуры. – Москва, 1995.
5. Greisch J. Paul Ricoeur. L'itinérance du sens. Grenoble. 2001.

T.G. CHELOVENKO

INTEGRATIVE PECULIARITIES OF P. RICOEUR'S RELIGIOUS PHENOMENOLOGICAL DISCOURSE

The author analyzes P. Ricoeur's phenomenological hermeneutics and considers the possibilities of integrative discourse which combines various scientific approaches and interpretation methodologies in studying religion as a spiritual, social and cultural phenomenon. In author's view, integrative characteristics of Ricoeur's "epistemology of new knowledge" are particularly important for understanding of religion, as they reveal the universal character of cognition, encompassing the whole sphere of reasoning: predicative and ante-predicative, various acts of faith, desire and aspiration, practical goals and value orientation.

Key words: universal hermeneutics of religious studies, the Sacred, symbols, phenomenology of religion, psychoanalysis, phenomenology of the spirit, hermeneutic phenomenology of religious existence.

*Протоиерей С.Н. ХУДОВЕКОВ, директор Православной гимназии
№ 1 г. Смоленска, кандидат богословия
Тел. +79107134846, (4812) 218833; a.ja.189@mail.ru*

ОРИГЕН И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

В статье рассматривается влияние различных элементов эллинистической педагогики на религиозно-педагогическую систему выдающегося представителя доникейского христианства Оригена. Тесная связь Оригена с современной ему античной культурой благодаря его авторитету оказывает заметное влияние на развитие христианства в III–V вв. н.э.

Ключевые слова: христианство, эллинистическая педагогика, александрийская школа, Ориген.

Греческая культура, как никакая другая, может быть названа по преимуществу педагогической. Традиция пайдеи и ее основные принципы пронизывают всю греческую античность [2, с. 23–25] Уже по этой причине мы не можем оставить в стороне тему пайдеи, исследуя творчество Оригена, выдающегося церковного писателя III в. н.э., с наибольшим интересом по сравнению с другими относившегося к эллинистическому наследию. Александрийская среда оставалась греческой и в римскую эпоху, в Александрии преобладала греческая культура и греческая образованность, и римские юноши в меньшей степени, чем еврейские, вынуждены были адаптироваться к этой среде [6, с. 13].

Задача данной небольшой работы – восстановить особенности эллинистического воспитания, которые прямо или косвенно заимствуются Оригеном, а через него впоследствии оказывают опосредованное влияние на христианскую богословско-педагогическую традицию.

Попадая в Александрию II–III века н.э., мы оказываемся в окружении людей, буквально помешанных на значимости образования. Только в такой среде возможно наличие «странствующих лекторов», переходящих из города в город для чтения лекций в гимназиях. Дополнительным фактором, повышающим значимость образования, был александрийский Мусейон и огромная библиотека при нем. Мусейон и задумывался как центр образования и оставался этим центром в эпоху расцвета александрийской богословской школы. Большое количество интеллектуалов – носителей знания (не будем забывать и о тщеславных проходимцах, принимающих вид экспертов) само по себе предполагало повышенный уровень предложения педагогических услуг, но, судя по отзывам современников, спрос на такие услуги и сам по себе был немалым.

Было бы ошибкой думать, что подобный интерес наблюдался только в Александрии. Оставался и продолжал пользоваться славой образовательный центр в Афинах. Нам доступны сведения о крупных педагогических центрах в Малой Азии (Смирна, Родос) и на Ближнем Востоке (Тир, Бейрут). Уже это дает возможность предположить, что по периметру расселения греков в эпоху эллинизма такие центры существовали повсеместно, хотя качество обучения в них заметно различалось по степени приближения к метрополии или удаленности от нее. Покинув Александрию и перебравшись в Кесарию Палестинскую, а затем в Тир, Ориген отдаляется от *alma mater*, но продолжает находиться в той же эллинистической среде с аналогичным интересом к образованию и образованности, и именно по этой причине его труды столь востребованы и столь заметны.

Итак, Ориген живет в том культурном периоде, для которого пайдейя настолько важна, что служит синонимом цивилизации. Приведем здесь красноречивую цитату из книги А.-Н. Марру:

«Достаточно отметить, какое все более высокое место занимает в греческой мысли понятие образования. Платон ... и Аристотель не рассуждают об образовании иначе, нежели в рамках политических проблем; напротив, эллинистические философы с удовольствием посвящают ему отдельные трактаты, *peri paideias* или *peri paidon agogus*: после Аристиппа, сыгравшего роль предшественника, приходит очередь учеников Аристотеля, Теофраста и Аристоксена, и великих стоиков, этих лидеров эллинистической философии, Клеанфа, Зенона, Хрисиппа, а также и других – Клеарха из Сол и Клеомена.

Для людей этой эпохи индивидуальная культура, в том виде, в каком ею возможно овладеть при помощи классического образования, предстает как «ценнейшее из благ, данных смертным»: формула, взятая у Платона, принадлежит Менандру; она впоследствии постоянно повторяется в течение восьми столетий, вплоть до тех отдаленных, но верных наследников, каковы язычник Либаний или святой Григорий Назианзин.

Первое из благ – в некотором роде единственное благо. Приведу один характерный анекдот: после взятия Мегар Деметрий Полиоркет решил возместить философу Стильпону ущерб, который тот потерпел при разграблении города; он просил философа составить приблизительный список утраченного. Тот ответил, что ничего не потерял из того что ему принадлежало, поскольку никто не лишил его культуры, *paideia*, поскольку с ним остались его красноречие и его знания: *logos* и *epistymu*» [3, с. 144].

Традиционная греческая пайдейя начиналась с семи лет переходом мальчика с женской половины дома на мужскую. Вплоть до 14 лет он получал начальное школьное образование, куда входил традиционный набор предметов: арифметика, геометрия, музыка, астрономия. Далее наступал черед эфебии, времени, традиционно служившего подготовкой к взрослой жизни. Это время разнообразных военных и спортивных упражнений, поэтому большая часть обучения проходила в гимназии, который и является символом эфебии. Если в других античных городах эфебия начиналась в 18–19 лет, то в Египте, который для греков всегда

был покоренной, колониальной страной, эфебия приходится точно на 14 лет [3, с. 147].

«Затерянные в варварских странах, греки требуют от эфебии прежде всего не столько подготовки своих сыновей к определенной профессии, например военной, сколько посвящения в греческую жизнь, и прежде всего чтобы они вошли во вкус атлетических упражнений, представляющих собой ее наиболее яркую черту. Фактор эллинизма, тем самым эфебия, становится в колониальных странах фактором аристократизма. В Египте римской эпохи видно, как начавшееся при Птолемах развитие достигло своего предела – эфебия стала официальным учреждением, включенным в новую муниципальную систему. Ее роль заключается в том, чтобы посвятить юных эллинов в спортивную жизнь, которая сделает из них по-настоящему цивилизованных людей, отличных от местного населения, этих *Aiguptioi* (можно уже понимать – «коптов»), презираемых как варваров; поэтому она начинается в четырнадцать лет, на пороге отрочества. Но если предположить, что собственно эфебия длится лишь один год, то ее результаты ощущаются потом в течение всей жизни: десять или четырнадцать лет спустя прежние одноклассники объединены в товарищества, *airesis*. Для греков это привилегированная аристократия – те, кто может в официальных заявлениях вслед за собственным именем и таковым же предков по мужской линии указать «прежний ученик гимнасия», *apo gymnasiou, ek gymnasiou...* Фактор эллинизма, – замечает далее Марру, – эфебия становится мощным инструментом эллинизации – грек тот, кто получил греческое образование. Поэтому, когда первосвященник Ясон хочет ввести эллинизм в Иерусалиме, первое его действие – создание из среды юной знати корпуса эфебов, которые, надев *petasos*, занимались бы в гимназии атлетическими упражнениями» [3, с. 156–157].

Каким было отношение Оригена к эллинистическому образованию и как оно повлияло на него самого? Отец Оригена, Леонид, сам христианин и пример для своего сына, является учителем риторики. К этой же профессии готовит себя Ориген в юные годы, и ею он добывает пропитание своей семье после смерти отца. Но есть и более очевидные свидетельства. В письме к своему бывшему ученику, Григорию Неокесарийскому, Ориген пишет следующее:

«Прирожденная способность к пониманию, если с нею соединяется упражнение, как ты знаешь, может обнаружить деятельность, которая ведет к возможному, если можно так назвать, завершению того, над чем кто хочет упражняться. Итак, твое дарование может сделать тебя совершенным римским юристом и эллинским философом тех школ, которые считаются знаменитыми. Но я желал бы, чтобы ты воспользовался всею силою своего природного дарования в последней цели для христианства; ради этого я хотел бы, чтобы ты по возможности взял и из философии Эллинов то, что может служить для христианства как бы общеобразовательными науками (*ta encyclicia mathymata*) или пропедевтикой, и из геометрии и астрономии то, что может быть полезным для изъяснения священных писаний, чтобы то, что сыны философов утверждают относительно геометрии, музыки, грамматики и риторики и астрономии, как вспомогательных для философии, они могли сказать и о самой философии по отношению к христианству» [5, с. 53].

Здесь четко зафиксированы два типичных для античной педагогики педагогических приема. Это, во-первых, понимание учебы как «технэ» (*techne*), то есть набора навыков, обуславливающих мастерство. Сам термин, применимый прежде всего к прикладным видам деятельности, распространен также и на образование в целом. Существует «технэ» философии, поэтики, риторики, не говоря уже о медицине или архитектуре. Всему этому можно научиться, пойдя через определенный ряд стадий обучения, возникших в результате многолетнего опыта преподавания данной дисциплины. Отметим также, что в ряде областей, прежде всего в сакральной сфере, *технэ* уступает место мистерии, так как здесь отсутствует категория общедоступности.

Во-вторых, Ориген использует принятое в античности разделение на пропедевтическое и основное образование. Основным в его глазах является богословие, соединенное со стоико-платонической философией. Пропедевтикой к нему становится весь круг античных образовательных дисциплин, тот же самый, что служил «подготовительным» и для философской школы.

Об одной из причин, в соответствии с которой такая пропедевтика являлась необходимой, становится общее для стоиков и платоников представление о постепенном раскрытии разумных сил че-

ловека, выраженное в седмичных числах. Об этом упоминает Григорий Неокесарийский в благодарственной речи Оригену, говоря о своем первом обращении к Священному Писанию: «Я считаю... немаловажным признаком священного и дивного промысла обо мне именно это стечение обстоятельств, которое может быть так расчислено по годам, чтобы, с одной стороны, все, что предшествовало этому (14 лет) возрасту, насколько оно состояло из дел заблуждения, могло быть отнесено на счет моей незрелости и неразумия и чтобы священное слово напрасно не было вверено душе, еще не владеющей разумом, но, с другой стороны, чтобы, когда она сделается уже способной к разумной деятельности, она не была лишена если даже и не божественного и чистого разума, то по крайней мере страха, сообразного с этим разумом, и чтобы человеческий и божественный разум одновременно достигли господства во мне...» [1, с. 24–25]. Итак, по господствовавшему представлению, принятому основными философскими школами, разумная сила в человеке, или как ее называли стоики, «владеющая» (*to ygeponikon*) [7, с. 599–601], достигает своего развития в 14 лет, и с этого момента человек способен не только к пассивному усвоению знаний, но и к собственно интеллектуальной деятельности.

Этот важный момент нередко забывается сегодня, когда современная христианская педагогика ищет в трудах Отцов Церкви подробных педагогических указаний, которые помогли бы решить проблемы школьного и семейного воспитания, и с удивлением обнаруживается, что таких указаний крайне мало, их практически нет. Отцы Церкви занимаются воспитанием «взрослого» человека, то есть достигшего «разумного» состояния. Все что происходит до этого момента, то есть до 14-летнего возраста, является второстепенным, зависит скорее от должного уклада жизни и должных примеров для подражания среди взрослых. Почти не упоминаются примеры детских или подростковых «бунтов», за исключением, быть может, жития преп. Марии Египетской. Разумеется, это не значит, что таких примеров не было, но общий строй жизни греко-римской цивилизации, наделяя правами только взрослого человека, лишал такие «бунты» морального оправдания. С другой стороны, строгий водораздел «до 14 лет» и «после» способствовал стабилизации воспитательного процесса, ясно показывая, почему необходим авторитет

взрослых. Все это сильно отличается от современных представлений, старающихся предельно уменьшить возраст, во время которого складывается большинство личностных характеристик.

Отметим особенности в преподавании ряда дисциплин. В арифметике преподаватель принципиально избегал практических задач, сводя преподавание на абстрактный уровень. Древность благодарит Пифагора за то, что он сумел первым подняться в арифметике над потребностями торговли. При этом за каждым числом закрепляется символическое значение, пришедшее из пифагореизма, своего рода теология числа, разумеется языческая. Особый интерес вызывала астрономия, но прежде всего потому, что в эллинистической культуре она неотделима от астрологии, популярность которой постоянно растет в позднюю античность. Таким образом, эллинистическая школа не может быть названа светской, обучение в ней имеет специфический характер, с элементами языческой религиозности и герметизма. С другой стороны, тяготение к абстрактному изучению предметов давало возможность широких обобщений, возводящих пропедевтические науки к богословию, как впоследствии мы это видим на примере свидетельства Григория Неокесарийского о его обучении в школе Оригена в Кесарии.

Другим важным вопросом является соотношение гуманитарных и математических дисциплин. Если в эпоху высокой античности это соотношение было примерно равным, то затем баланс все более и более нарушается в сторону словесных дисциплин. Астрономия пользуется большой популярностью, поскольку ее преподает не специалист в этой области, а грамматик, и преподает по стихотворному труду Арата из Сол, жившего в III веке до н.э. Созвездия в этой книге описаны антропоморфически, ее вторая часть наполнена множеством народных предрассудков. Объяснения текста носят также сугубо литературный характер. Та же ситуация и с другими математическими предметами, которые постепенно вытесняются из школьной программы словесностью. При этом математика не исчезает, но уходит из общего в профессиональное образование.

«Значимый факт, – пишет Марру, – Теон из Смирны в начале II века н.э. счел необходимым написать обобщающий трактат о математике в пяти книгах (арифметика, планиметрия, стереометрия, астрономия и «музыка») под заглавием «Математические знания, полезные для понимания

Платона». Как он сам объясняет в предисловии, многие люди, желающие изучать Платона, не имели возможности в детстве должным образом заниматься математикой.

Еще более значимо свидетельство неоплатоников эпохи Поздней империи: они слишком верны положениям «Государства», чтобы не поддерживать энергично необходимость «предварительной очистки» разума, *prokatharsia*, с помощью математики; но юноши, сидящие за партами в их школе, получили лишь строго словесное образование, и теперь приходится по капле цедить эту элементарную науку в рамках их школы. Я приведу для примера собственный опыт Прокла, чьи годы учения нам хорошо известны... Его начальное образование было чисто словесным – грамматика и риторика, только после своего обращения к философии он приступил к изучению математики под руководством Герона, в то же самое время как начал изучать Аристотелеву логику под руководством Олимпиодора» [3, с. 256–257].

Суммируя экскурс в историю эллинистического образования, мы увидели ряд ключевых моментов, необходимых для понимания интеллектуальной составляющей духовного воспитания личности согласно Оригену. Мы выяснили причину, по которой собственно интеллектуальное образование начинается с 14 лет, а также ряд особенностей античной школы, включая тяготение к абстрагированному преподаванию, преобладание словесных предметов над математическими и наличие обобщений религиозно-философского характера, откуда уже рукой подать до сакрализации тех или иных элементов знания (неопифагорейская и неоплатоническая традиция). Также мы увидели у Оригена типичные методы эллинистического воспитания, которые он переносит в христианскую среду.

Ориген, как мы видим, обобщая и осмысляя античную педагогическую традицию, не старается разорвать с ней, но, будучи сам с ней тесно знаком (в качестве преподавателя риторики), инкорпорирует ее отдельные элементы в христианскую систему воспитания. Благодаря авторитету великого александрийского мыслителя на несколько столетий отложен конфликт между Церковью и античной культурой, что, в свою очередь, привело к формированию нового мощного пласта культуры – культуры византийской, чья связь с античной предшественницей в виде множества заимствований бесспорна для современных исследователей.

Библиографический список

1. Григорий Неокесарийский. Похвальное слово Оригену. – М., 1998. – 56 с.
2. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека (эпоха великих воспитателей и воспитательных систем). В 3-х тт. Т. 2. – М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1997. – 335 с.
3. Марру А.И. История воспитания в античности (Греция). – М.: ГЛК Ю.А. Шичалина, 1998. – 280 с.
4. Отцы и учителя Церкви III века. Антология. Т. 2. – М., 1996. – 440 с.
5. Творения святого Григория Чудотворца, епископа Неокесарийского / пер. проф. Николая Сагарды. – Петроград: Типография М. Меркушева, 1916. – 324 с.
6. Bousset D. W. Judisch-christlicher Schulbetrieb in Alexandria und Rom: Literarische Untersuchungen zu Philo und Clemens von Alexandria, Justin und Irenaus (Gottingen: Vandenhoeck. & Ruprecht, 1915)- 388s. Цит. по: PHILADELPHIA SEMINAR ON CHRISTIAN ORIGINS, Volume 17 (1978–79), интернет-версия. Psc017.
7. Lampe G.W.H. A Patristic Greek Lexicon. – Oxford, 1976. – 1568 p.

S.N. KHUDOVEKOV

ORIGEN AND HELLENISTIC EDUCATION

In article influence of various elements of the Hellenistic education on religious-pedagogical system of the outstanding representative early Christianities, Origenes, is considered. The Origen's close connection with modern to it ancient culture thanking his authority appreciable impact on Christianity development in III-V AD makes centuries.

Key words: Christianity, Philosophy, the Hellenistic Education, the Alexandrian school, Origen.

*А.П. АЛЕКСАНДРОВА, кандидат филологических наук, доцент кафедры
английской филологии Орловского государственного университета
arnold71@inbox.ru*

АМЕРИКАНСКИЙ ФЕДЕРАЛИЗМ КАК ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВА

В данной статье рассматривается американский федерализм как форма разделения власти; описываются особенности федерализма, предлагается небольшой обзор истоков и причин возникновения федеральной формы правления в США и её эволюции.

Ключевые слова: федерализм, Конституция США, национальное правительство, штаты, полномочия.

Одной из особенностей американской правовой системы является тот факт, что она организована на федеральной основе. Федерализм представляет собой разделение власти; это такая форма организации правительственной и правовой систем, при которой центральное общенациональное правительство распределяет власть между государственными образованиями (штатами).

Штаты наделены определенной юридической и политической самостоятельностью, хотя и не обладают государственным суверенитетом и правом на выход из федерации. Они равноправны и имеют свои конституции, свое гражданство, свое законодательство и исполнительные органы, собственные системы права и судебные системы и т.д. Штаты обладают широкими полномочиями в области управления образованием, здравоохранением, землепользованием, внутренней торговлей, поддержания общественного порядка, организации и проведения выборов, определения системы местного самоуправления и др. Однако согласно ст. 6 Конституции США конституции штатов должны соответствовать федеральной Конституции и законы федерации обладают верховенством по отношению к законам штатов.

В соответствии с Конституцией штаты отказались от некоторых полномочий, делегируя их национальному правительству, а некоторые сохранили за собой; к тому же есть и общие полномочия. В сфере общих полномочий приоритетным является национальное законодательство. Конституция также включает правила того, как штаты должны взаимодействовать между собой, а также гарантии того, как должны взаимодействовать штаты и национальное правительство.

Американскую федеральную систему можно охарактеризовать следующим образом:

1. Федерализм предусматривает разделение юридических полномочий между национальным правительством и правительствами штатов.
2. Штаты подчинены национальному правительству в вопросах, связанных с внешней политикой и торговлей между штатами.
3. Федерализм способствует взаимодействию между национальным правительством и правительствами штатов в рамках программ, касающихся образования, стро-

ительства дорог, охраны окружающей среды и здравоохранения, безработицы и проблемы безопасности.

4. Верховный суд США выступает в качестве правового арбитра федеральной системы в случаях возникновения конфликтов между национальным правительством и правительствами штатов.

5. Граждане США находятся одновременно под властью и национального правительства, и правительства штата, на территории которого они живут. И такое «двойное гражданство» дает им больше прав и привилегий.

Принцип американского федерализма оказал серьезное влияние на историю США. С момента своего основания (более 200 лет назад) он претерпел огромные изменения, а его влияние продолжается и сегодня. Дебаты между федералистами и анти-федералистами по поводу ратификации Конституции в конце 1780-х годов привели к спорам, касающимся прав и полномочий государства по отношению к федеральному правительству.

Мнение отцов-основателей Американской Конституции относительно федерализма разделилось. Одни поддерживали Александра Гамильтона, выступавшего за власть федерального правительства, – концепция национального превосходства. Другие отстаивали точку зрения Томаса Джефферсона, говорившего о необходимости передачи власти штатам. Сторонники Джефферсона считали, что «деспотичное» национальное правительство может поставить под угрозу свободу личности, поэтому должно иметь ограниченные полномочия. Эта борьба между национальным превосходством и правами штатов усиливалась с течением времени.

На протяжении всей истории США баланс власти между национальным правительством и правительствами штатов менялся. Власть национального правительства над правительствами штатов в целом расширилась за счет решений Верховного суда, конституционных поправок, распоряжений и федеральных законов. Девятнадцатый век характеризуется негативной реакцией на усиление власти национального правительства. Двадцатый век повлиял на рост мощи национального правительства в рамках федеральной сис-

темы, который был инициирован событиями, связанными с двумя мировыми войнами, Великой депрессией, «холодной войной» и движениями за гражданские права. Начиная с администрации Р. Никсона до администрации Р. Рейгана и Дж. Буша (Старший), однако, «Новый федерализм» стремился вернуть власть штатам. Год 1996-й (время правления президента Б. Клинтона) определяется как период «Деволуция – Революция», так как больше полномочий, касающихся экономического положения и социального обеспечения, было предоставлено правительствам штатов. К 1997 году вмешательство национального правительства в дела штатов было сведено до минимума (“New Federal Order”, 1997).

В начале двадцать первого века вопрос о национальной безопасности (в связи с террористическими угрозами) и защите прав личности тесно связан с федерализмом.

Некоторые аналитики рассматривают федерализм как противоядие от чрезмерной централизации, способствующее усилению демократии и препятствующее чрезмерной централизации политической власти.

В целом США сравнительно децентрализованная федерация, в которой штаты обладают большими правами, и сегодня наблюдается дальнейшее расширение их полномочий в осуществлении многих социальных программ при одновременном усилении финансовой зависимости штатов от федерального центра.

Много лет тому назад судья Верховного суда США Луис Брандейс Д. писал, что штаты являются «социальными лабораториями», в которых можно экспериментировать, решая различные социальные и экономические проблемы, не подвергая весь народ опасности. Этот взгляд на федерализм актуален сегодня, как никогда прежде. Если правительство Соединенных Штатов выработает инновационные и эффективные решения проблем, связанных с преступностью, образованием, социальным обеспечением, то правительства штатов его поддержат. Насколько эффективно будут решаться эти проблемы, и как будут использованы эти возможности, определит будущее американского федерализма.

Библиографический список

1. Александрова А.П. Федерализм в США. – Орёл, 2009.
2. Boyd E. American Federalism, 1776 to 1997: Significant Events. January, 1997.
3. Connie S. White. We The People. HOLT, RINEHART and WINSTON. New York, 1987.
4. Drake, Frederick D, Nelson, Lynn R. Teaching about Federalism in the United States. ERIC Digest. // ERIC Clearinghouse for Social Studies/Social Science Education Bloomington IN. May, 2002.
5. Elowitz L. Introduction to Government. New York: HarperCollins Publishers, 1992.
6. Federalism. Cambridge, Mass., The Belknap Press of Harvard University Press, 1993. 473 p.
7. Stepan, A. Federalism and Democracy: Beyond the U.S. Model. Journal of Democracy 10. 1999.
8. U.S. Library of Congress. Congressional Research Service. Federalism: Key Episodes in the History of the American Federal System, by Sandra Osbourn. CRS Report 82-139 GOV. Washington, 1982.

A.P. ALEXANDROVA

AMERICAN FEDERALISM AS A FORM OF THE STATE LEGAL SYSTEM

The article deals with U.S. federalism as a form of the separation of powers; a brief review the peculiar features of American federalism, its origins, causes, and development is suggested in it.

Key words: federalism, U.S. Constitution, national government, states, powers.

Ю.В. БЫСТРОВА, кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовного права и уголовного процесса
Орловского государственного университета
Тел. 8 910 301 54 42; zukova57@mail.ru

ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРЫ БОРЬБЫ С КОММЕРЧЕСКИМ ПОДКУПОМ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

В статье рассматриваются понятия «государственного заказа», «государственных закупок», способы размещения государственных заказов, их преимущества и недостатки. Также рассматриваются проблемы, связанные с коммерческим подкупом («откаты»), возникающие в процессе проведения государственных закупок. Предлагаются меры профилактического воздействия на «откаты», которые существенно уменьшат данное явление.

Ключевые слова: государственная закупка, государственный заказ, конкурс, аукцион, котировка, откат, коммерческий подкуп, взятка.

Получение госзаказа для многих компаний – существенный фактор успеха деятельности, а для некоторых и способ выживания и существования на рынках. Действительно, госзаказы не только в период кризиса, но и в благополучное время являются существенным подспорьем для бизнеса. Однако процедура их получения не проста. Ради получения крупного государственного заказа подрядчики готовы «откачивать» необходимую сумму тем, кто пролоббировал их интересы.

В широком понимании государственный заказ – это потребность органов государственного управления в товарах, работах и услугах, которая удовлетворяется за счет средств бюджетов и внебюджетных фондов, то есть благодаря отчислениям налогоплательщиков¹. Это, например, строительство и ремонт школ, приобретение лекарств для пенсионеров и инвалидов, покупка оргтехники для чиновников, разработка и производство новых образцов вооружений и военной техники. В узком смысле госзаказом называют конкретный перечень товаров, работ и услуг, которые закупаются конкретной государственной структурой².

Существует три основных способа размещения государственного заказа – конкурс, аукцион и запрос котировок³.

Но наиболее любопытными являются первые два способа. В первом случае заказчик обязан опубликовать информацию о проведении конкурса в официальном печатном издании и на официальном сайте о закупках не менее чем за 30 дней до момента вскрытия конвертов с заявками участников. При проведении аукциона заказчик обязан дать официальную информацию в СМИ за 20 дней до окончания подачи заявок. Участники, в свою очередь, обязаны написать заявку и представить конкурсную документацию, которая, в частности, должна содержать описание функциональных характеристик товара, место, условия и сроки его поставки, максимальную стоимость контракта, цену единицы товара (услуги), порядок и форму его оплаты.

Принципиальное отличие двух этих видов размещения госзаказов состоит в том, что при проведении конкурса победителем признается лицо, которое предложило лучшие условия, а в случае аукциона выигрывает тот, кто предложил наименьшую цену

товара или услуги. По сути проведение конкурса несколько сложнее, поскольку победителя определяет конкурсная комиссия. Схема выглядит идеально, учитывая то, что участников оценивают пять беспристрастных членов закупочной комиссии и что условия для всех участников одинаковы. Однако в современной российской действительности ситуация выглядит совершенно иначе.

Ни для кого не секрет, что в России законы – это одно, а их фактическое применение в реальной жизни – это совсем другое. И система получения государственных заказов в данном случае исключением не является. Федеральный закон, принятый в 2005 г., «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» был призван сделать механизм распределения государственных заказов прозрачным и упразднить ставшие уже чуть ли не традиционными для России «откаты». Но, как показывает практика, фактически никаких реальных изменений не произошло и система «откатов» продолжает работать, как и прежде.

Как показывает практика, 10–20% от суммы тендера – это стандартный размер «отката». Этого не скрывают и сами чиновники. По словам заместителя руководителя Федеральной антимонопольной службы России Андрея Цариковского, чаще речь идет о 10%⁴. Иного мнения придерживается начальник Управления контроля за размещением госзаказа ФАС Михаил Евраев, который заявил, что «...размер отката в госзакупках может достигать 50% от стоимости заказа». И этот фактор заметно влияет на стандартную схему получения бюджетных средств.

Само понятие «откат» на языке уголовного права звучит как «взятка» или «коммерческий подкуп». Откат – это денежные средства или материальные ценности, передаваемые лицу, принимающему решение либо влияющему на принятие решения в организации-покупателе о приобретении товаров и/или услуг, по негласной договоренности с представителем компании-поставщика, предлагающим эти товары или услуги⁵. Однако с точки зрения уголовного процесса получение и дача взятки сложно доказуемы. Поэтому и доказать получение отката весьма сложно. На практике можно предложить следующую схему борьбы с откатами: внутренне расследование – увольнение – иск.

Как показывает практика, самый простой способ «обойти» официальную процедуру проведения торгов – не сообщать о них. В таком случае количество участников сводится к одному – тому, кого персонально информируют о существующем заказе. При таком варианте в целях маскировки информацию о конкурсе публикуют «задним числом» либо размещают на малоизвестном ресурсе. К примеру, известны случаи, когда информация о проведении конкурса на размещение госзаказа «публиковалась» на сайтах, которые большую часть времени не работали «по техническим причинам», или в газетах, выходящих малым тиражом. Также известны случаи сговора с обслуживающим персоналом крупных электронных тендерных площадок, при которых формально объявление о проводимом тендере размещалось на сайте-площадке в день официального открытия приема заявок на участие в конкурсе и закрывалось в день прекращения приема заявок, но фактически появлялось на сайте перед самым закрытием тендера.

Другим распространенным «обходным» путем является отстранение участников от конкурса по формальным причинам. Поскольку правила заполнения документации построены на соблюдении различных нюансов, придраться, образно говоря, к любой запятой не составит труда. Вот один из характерных примеров. В конце 2008 г. в Федеральную антимонопольную службу обратилась производственная компания «Аквариус» с жалобой на действия Пенсионного фонда РФ, который не допустил ее к аукциону на поставку серверов. Это было связано с тем, что программные средства управления, предложенные компанией, произведены не ею и требуют установки дополнительного оборудования. Однако в условиях аукциона этого не было оговорено. В результате рассмотрения жалобы Комиссия установила, что по формальным причинам к аукциону не была допущена еще одна компания. То есть изначально две компании из четырех, подавших заявки, не допустили к участию в аукционе. Эта ситуация очень хорошо иллюстрирует, как легко можно устранить конкурентов, чтобы госзаказ получила «нужная» компания⁶.

Представители власти констатируют, что со вступлением в силу закона о госзаказах эта сфера стала менее коррумпированной благодаря введению процедуры аукционов. Ранее у государствен-

ных ведомств была возможность расписывать условия конкурсов столь детально, что в результате к торгам допускалась всего одна компания. Сейчас у заказчиков появилось право требовать от победителя торгов предоставления экономической гарантии обеспечения обязательств (банковская гарантия, страхование ответственности, денежные средства) в размере до 30% от стоимости контракта. Так что некоторые положительные изменения в этой области действительно произошли. Как отмечалось, в первом полугодии 2008 г. экономия бюджетных средств на госзаказе составила 117 млрд. руб.⁷. При этом подчеркивается: ситуация изменилась благодаря тому, что чиновникам сложнее стало влиять на процесс получения госзаказов.

Впрочем, большинство аналитиков сомневается в том, что проблему коррупции можно решить лишь административными мерами. По мнению научного руководителя Высшей школы экономики Евгения Ясина, главным недостатком государственных закупок является то, что они всегда получаются более дорогими, чем закупки, осуществленные на основе рыночных операций. Поэтому необходимо вносить изменения в законодательство.

Ещё один момент, который нужно отметить, – это то, что среди закупаемых для государственных нужд товарно-материальных ценностей иногда обнаруживаются весьма странные для госструктур потребности. Например, в Костромской области образовательное учреждение для детей-сирот захотело приобрести престижное авто Subaru Impreza, изначальная стоимость которого составляла более 600 тыс. руб. Аналогичная история произошла в ханты-мансийском лесхозе, которо-

му для осмотра лесоразработок потребовался джип «Toyota Land Cruiser 120». А филфак Санкт-Петербургского университета объявил запрос котировок на поставку для нужд факультета рома, джина, водки, текилы и прочих напитков (всего более 130 литров; правда, в отличие от иных деятелей филфак готов был расплачиваться не бюджетными деньгами, а за счет средств, «полученных от предпринимательской и иной приносящей доход деятельности»). Но самый шокирующий случай – 2007 г., администрация Смольного объявляла тендер на закупку шампуров для шашлыка авторской работы, пять наборов которых стоили около полумиллиона рублей. В это же время для гостиницы «Смольнинская» планировалось закупить продукты – панировочные сухари по 2 тыс. руб. за кг, дыни по 432 руб. за кг, корицу по 1200 руб. за кг⁸.

Со всеми этими правонарушениями, которые происходят в данной сфере, необходимо бороться различными способами, применяя комплексные меры профилактики. Среди них можно предложить следующее – постоянно вносить изменения в законодательство, которые диктуются практикой применения данного нормативного акта. Данные изменения должны охватывать следующие направления: необходимо создать комплексную систему управления рисками госзакупок, сформулировать конечные цели закупок, детально, более подробно прописать права и обязанности поставщика и госзаказчика на всех этапах аукциона, ввести дополнительные меры ответственности за «откаты», оценивать и понимать все издержки, связанные с прохождением торгов. Данные направления приведут к снижению «откатов» в сфере госзакупок и стабилизации экономики.

Примечания

¹ Электронный юридический словарь. [Электронный ресурс] // <http://www.jur-words.info/>

² Савельев В. А. Словарь юридических и экономических терминов [Текст]. Курск., 2007. С. 21.

³ Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [Текст] (в редакции 03.11.2010 № 290-ФЗ).

⁴ Побочные эффекты госзакупок // Газета «Коммерсант» от 16.04.2010. С.3. [Электронный ресурс] <http://www.zagolovki.ru/smi/kommersant>

⁵ Электронный юридический словарь. [Электронный ресурс] // <http://www.jur-words.info/>

⁶ Официальный сайт ФАС РФ [Электронный ресурс]: <http://www.fas.gov.ru/>

⁷ Отчет ФАС РФ за 2008 г. Электронный ресурс]: <http://www.fas.gov.ru/>

⁸ «Откат по закону»/«The Chief»/ [режим доступа] <http://www.sostav.ru/articles/2008/09/18/ko3/>

Библиографический список

1. «Откат по закону»/«The Chief»/ [режим доступа] <http://www.sostav.ru/articles/2008/09/18/ko3/>
2. Отчет ФАС РФ за 2008 г. Электронный ресурс]: <http://www.fas.gov.ru/>
3. Официальный сайт ФАС РФ [Электронный ресурс]: <http://www.fas.gov.ru/>
4. Побочные эффекты госзакупок // Газета «Коммерсант» от 16.04.2010. С.3. [Электронный ресурс] <http://www.zagolovki.ru/smi/kommersant>
5. Савельев В. А. Словарь юридических и экономических терминов [Текст]. Курск, 2007. С. 21.
6. Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [Текст] (в редакции 03.11.2010 № 290-ФЗ).
7. Электронный юридический словарь. [Электронный ресурс] // <http://www.jur-words.info/>
8. Электронный юридический словарь. [Электронный ресурс] // <http://www.jur-words.info/>

J.V. BYSTROVA

**PREVENTIVE MEASURES AGAINST COMMERCIAL BRIBERY IN THE PUBLIC
PROCUREMENT**

The article considers the concept of «public order», «public procurement», the ways of placement of state orders, their advantages and disadvantages. Is also considered issues related to commercial bribery («kick»), arising in the course of public procurement. Offered measures of a preventive impact on the «kickbacks», which significantly reduce this phenomenon.

Key words: «state procurement», the»state order» the»competition», «auction», «price», «back», «commercial bribery», «bribe».

*Н.Ю. ДАВЫДОВА, аспирант кафедры истории государства
и права Орловского государственного университета
natasha_she@list.ru*

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ АВТОРСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ПРАВА XVIII – НАЧАЛА XX В.

Статья раскрывает специфику формирования в России авторских правоотношений. Выявляются основные этапы развития авторского права. Анализируются особенности правового регулирования авторских отношений в России XVIII – начала XX в. Акцентируется внимание на административно-правовом регулировании авторских правоотношений, преобладавшем в России на протяжении длительного периода.

Ключевые слова: авторские правоотношения, история авторского права, цензура.

Институт авторского права является одним из важных институтов в сфере интеллектуальной собственности и существует главным образом для того, чтобы позволить обществу иметь широкий доступ ко всем достижениям интеллектуальной творческой деятельности, а также вознаграждать и защищать тех, кто способствует возникновению и распространению этих достижений. Несмотря на то, что реформы 90-х гг. XX в. и принятие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации знаменовали собой существенный шаг вперед в сфере правового регулирования авторских правоотношений, нерешенным остается целый ряд проблем. Полагаем, что поиск наиболее эффективных путей их решения должен идти с учетом закономерностей эволюционирования авторских правоотношений в истории России, поскольку многие пробелы в их современном правовом регулировании имеют глубокие исторические корни.

Авторские правоотношения – «следствие действия права как социального и государственного института»¹ – формировались в России как разновидность общественных отношений, возникших в результате нормативного регулирования деятельности различных субъектов в связи с созданием и распространением различных продуктов интеллектуальной деятельности.

Следует сразу же оговориться, что история авторского права в России является более короткой, нежели история авторского права многих зарубежных стран. Несмотря на то, что история авторского права в России, как и в других государствах, неразрывно связана с появлением и развитием книгопечатания, правовое регулирование отношений, связанных с производением и распространением книгопечатной продукции, долгое время оставалось в зачаточном состоянии.

Характерным является и то обстоятельство, что долгий период авторские правоотношения рассматривались как специфичные отношения собственности. Очевидно, это в первую очередь связано с тем, что с появлением полиграфии книга стала объектом купли-продажи, и на этом этапе авторское право было направлено прежде всего на обеспечение интересов издателей. Несмотря на то, что книгопечатание появилось в России еще в середине XVI века, первые связи между правом собственности на книги и личностью автора стали устанавливаться только век спустя.

Отметим, что в начале XVIII в. правовое положение литераторов было достаточно ограниченным, поскольку литературный труд имел почти исключительно казенный характер. При Петре I особую актуальность приобрел перевод иностранных книг, который рассматривался как дело государственной важности. Именно поэтому правительство стало поощрять свободу переводов, а для упорядочения труда переводчиков устанавливался постоянный контроль над их деятельностью, для чего в штате различных казенных заведений была учреждена соответствующая должность. По существу, переводчики являлись государственными служащими и получали за свой труд жалование, которое не зависело от объема переводов и было весьма небольшим. Но именно в этот период определились основные формы выплаты вознаграждения, сохранявшиеся на протяжении столетия. Обычно гонорар выдавался деньгами, отдельными оттисками изданного произведения, книгами. При этом никаких четких ставок авторского вознаграждения не существовало. Фактически в этот период правомочия автора были весьма ограниченными, правовая защита права собственности и авторского права на литературное произведение не предполагалась. В содержание таких правоотношений не включались и права авторов на другие объекты интеллектуальной собственности. Долгое время в содержание авторских правоотношений не включались права авторов на другие объекты, кроме литературных произведений.

Однако именно в начале XVIII века в России начинают формироваться авторские правоотношения в связи с попытками определения авторского права на книгу. Отметим, что данный процесс шел крайне медленно, поскольку основную массу литературных произведений составляли иностранные книги в оригинале либо в переводе. Развитие авторских правоотношений тормозилось тем обстоятельством, что книг отечественных авторов было немного. Примечательно, что правовое регулирование отношений, возникающих по поводу авторских прав на книги, долгое время регулировалось нормами так называемого цензурного права. Маркировка книг в этот период производилась как цензурный контроль. Хотя фактически маркировать книги и другие печатные издания стали лишь во второй половине XVIII века в типографиях Академии наук и Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. Следует отметить, что маркировкой

занимались не только государственные учреждения, но и частные книготорговцы. На выпускаемых ими книгах ставились различные издательские марки или личные знаки, например в виде монограмм.

Поскольку в XVIII в. издание книг являлось государственной монополией, охрана правоотношений, возникающих в процессе книгоиздания, стала осуществляться с помощью системы привилегий. Привилегии в этот период времени имели только казенный характер. Исключительным правом на издание и продажу произведений печати в течение нескольких лет пользовались Санкт-Петербургская Академия наук, Сенат, который печатал в своей типографии правительственные документы, и Синод, контролировавший выпуск церковной литературы.

Таким образом, в XVIII – начале XIX в. авторские правоотношения возникали по инициативе определенного органа и характеризовались неравенством сторон. По своему характеру такие правоотношения были скорее не гражданско-правовыми, а административно-правовыми. До 1771 г. книгоиздательское дело, которое традиционно обуславливает начало развития авторского права, считалось в России государственной монополией. Во второй половине XVIII века расширяется практика сдачи в аренду казенных типографий и постепенно легализуется частное книгоиздание. В частные руки передаются типографии Артиллерийского и инженерного корпуса, Сената, Московского университета, Рижского магистрата. В период правления Екатерины II в 1771 г. была выдана первая привилегия на печатание книг в Петербурге на иностранных языках. В это же время была введена цензура на иностранную литературу. Однако при этом было запрещено печатать книги на русском языке, чтобы не затрагивать интересы государственной монополии.

Очевидно, что в России регулирование авторских отношений, непосредственно связанных с произведением и распространением литературных произведений, возникло не в целях защиты круга интересов книготорговцев и издателей и тем более авторов.

В 1776 году и в последующие три года разрешение осуществлять издательскую деятельность получили многие книготорговцы и типографщики. Особенностью этой привилегии было разрешение самовольно перепечатывать русские и иностран-

ные книги, которые выпускались в России другими издателями, и охрана от несанкционированных перепечаток изданий, впервые вышедших в их типографиях.

Указ о вольных типографиях в 1783 году был первым шагом к изменению метода правового регулирования авторских правоотношений, поскольку создал угрозу государственной монополии в издательской сфере. В то же время законодательная база не совсем четко определяла объем издательских прав частных лиц и казенных заведений. Это закономерно привело к возрастанию невольного контрафакта среди держателей частных типографий. Также указ не запрещал типографиям перепечатывать те книги, которые были уже выпущены другой типографией, что стало обычной практикой для частных типографий. После восшествия на российский престол императора Павла в книгоиздательском деле произошли некоторые изменения. Император, отказавший от курса на «просвещенное» дворянство, взятого его матерью, ужесточил цензуру, приказал закрыть все частные типографии, оставив только казенные, запретил ввозить в Россию иностранные книги. Такие инициативы опять усилили административный характер авторских правоотношений.

Таким образом, первоначально защите подлежали имущественные интересы казенных учреждений, наделенных правом вести издательскую и книготорговую деятельность. Для этой цели использовались персонализация изданий и привилегии, которые государство использовало как цензурное средство. Привилегии выдавались только благонадежным типографщикам и книготорговцам. Нарушение прав, предоставленных привилегиями, наказывалось в административном порядке: контрафактные экземпляры книг уничтожались, а виновные в контрафакции подвергались штрафу. Переводчики и писатели, как казенные, так и частные, за свой труд...

Первоначально переводчики в качестве гонорара брали несколько экземпляров переведенных книг, а затем стали требовать денежной оплаты своего труда, и руководство типографий было вынуждено перейти на другую форму оплаты. Во второй половине XVIII в. была установлена полистная форма выплаты гонорара в денежном эквиваленте. В это же время стали заключаться первые издательские договоры. Сохранились сведения о таких ранних договорах. В частности, в сво-

ем исследовании Н.Н. Доцик описывает договор, заключенный в 1768 г. Сторонами по этому соглашению выступили Ф.А. Эммин и петербургский книгопродавец С.Л. Копнин. Данный договор отличается тщательностью и детальностью разработки. В нем четко прописывалось, какие именно произведения продаются, каким тиражом и на какую сумму их следует издавать, определялись сроки выплаты гонорара, который назначался по цене каждого отпечатанного экземпляра без переплета. Всего по сделке Эммину полагалось 10 тысяч рублей, из которых большую часть (8000 рублей) он получил в качестве аванса. В целом условия договора были невыгодны для Копнина, так как из трех произведений, указанных Эммином, было закончено лишь одно. Однако известность Эммина как писателя внушала доверие книготорговцу². И это не единственный известный пример. В 1791 г. между переводчиком П. Кильдюшевским и издателем В.С. Сопиковым был заключен договор на перевод произведения Ж.Ф. Лагарпа. По договору В. С. Сопиков приобрел «совершенное право собственности» на рукопись перевода, который он мог «печатать или продать, как ему угодно». Со своей стороны П. Кильдюшевский обязался не печатать перевод «и никому другому позволения на то не давать»³. В целом размеры вознаграждения в зависимости от сложности переводимого текста колебались в пределах от 5 до 8 рублей за лист. Иногда по договору платилась определенная сумма за весь перевод сочинения. Переводчикам пьес гонорар начислялся не с листа, а с акта.

Новый способ оплаты литературного труда прижился и был достаточно эффективен. Очевидно, платить авторам с листа могли только те издатели, которые либо получали дотации, либо сами обладали достаточно крупным капиталом. Большинство издателей и книгопродавцев из-за недостатка постоянных оборотных средств по-прежнему вплоть до самого конца XVIII и даже в первой четверти XIX века выплачивали авторское вознаграждение книгами из своих лавок⁴.

Дирекция Сухопутного шляхетского кадетского корпуса разработала стандартные ставки авторского вознаграждения. Так, по штату 1761 г., служащим корпуса, занимавшимся литературным творчеством «в свободные часы», а также постоянным авторам, печатавшим свои произведения за казенный счет, выдавалось по 100 экземпляров

сочиненной или переведенной ими книги «на календарной бумаге». Если книга сочинялась на иностранном языке, а затем печаталась в типографии корпуса в русском переводе, то ее автору и переводчику назначалось также по 100 экземпляров. Штатные сочинители и переводчики, уволенные от «положенных должностей» в корпусе, получали только 12 экземпляров³. В 1768 г. администрация Сухопутного кадетского корпуса решила сократить число выдаваемых в счет вознаграждения экземпляров до двадцати, тем самым надеясь воспрепятствовать продаже авторских экземпляров по сниженным ценам, подрывавшей монополию корпуса. В это же время с авторами начали рассчитываться деньгами.

Небольшие суммы гонораров заставляли литераторов искать другие источники доходов, а отсутствие правовых норм, регулирующих отношения между издателями и авторами, создавало условия для издательского произвола.

В определенной степени упорядочению авторских правоотношений способствовала издательская деятельность Академии наук. В частности, в 1755–1764 гг. при Академии выпускался научно-литературный журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие». Редактор Г.Ф. Миллер первым стал платить сотрудникам журнала авторское вознаграждение. В 1758–1766 гг. при Академии наук возникла новая типография, в которой печатались книги, предназначенные «как для удовольствия народного, так и для прибыли казенной».

Следует отметить, еще в начале XIX века основную роль в книгоиздании и книготорговле по-прежнему играли типографии. В 1813 г. в России было 55 казенных типографий, наблюдался рост частных типографий. В этот период появляются первые крупные книгоиздатели, такие как В.А. Плавильщиков, имевший книжный магазин, библиотеку и типографию. Растет число и влияние периодических изданий, в том числе общественно-политических журналов. Первым из них был «Вестник Европы» Н.М. Карамзина, с 1812 году в Петербурге стал издаваться исторический и политический журнал «Сын Отечества».

Именно в начале XIX века наметился переход от административно регулируемых авторских правоотношений к равноправным гражданским правоотношениям. В частности, Министерство народного просвещения взяло на себя охрану авторов

от произвола издателей. В 1816 г. был принят первый правовой акт, защищающий права авторов. Распоряжением Министерства народного просвещения было определено, что при представлении рукописи на цензуру для последующего ее напечатания должны были прилагаться доказательства прав издателя, полученные от автора, то есть вопрос о правах издателя впервые был поставлен в зависимость от авторского права создателя произведения – автора.

Таким образом, и в европейских странах, и в России авторские правоотношения первоначально формировались в связи с необходимостью нормативного регулирования права на использование литературных произведений. Впоследствии круг объектов авторских правоотношений расширился, включив в себя музыкальные, художественные и другие виды произведений.

В начале XIX века назрела необходимость кодификации архаичного и запутанного российского законодательства. Сложившаяся ситуация послужила поводом для создания кодификационной комиссии под руководством М.М. Сперанского – видного юриста и общественного деятеля. Полное собрание законов Российской империи было подготовлено и напечатано в 1830 г. На основе подготовленного материала Сперанский составил «Свод законов Российской империи» в 15 томах, который вступил в силу с 1 января 1835 г. Действующее гражданское законодательство было систематизировано в 9-м, 10-м и 11-м томах Свода законов. Впервые было установлено право собственности на результаты интеллектуального творчества, что в дальнейшем послужило основой для формирования авторского и патентного права⁵.

Поскольку авторские правоотношения долгое время носили административный характер, то значительную роль в их регулировании сыграло цензурное законодательство, предусматривавшее возможность широкого вмешательства государства в процесс правового регулирования авторских правоотношений.

Первым прогрессивным актом, содержащим специальные нормы, регулирующие содержание и формы авторских правоотношений, в сфере авторского права, несомненно, был Цензурный устав, утвержденный 22 апреля 1828 г., содержавший специальную главу «О сочинителях и издателях книг», а в качестве приложения к нему – «Положение о правах сочинителей»⁶. Согласно этому Положе-

нию сочинитель или переводчик книг имел «исключительное право пользоваться всю жизнь свою изданием и продажей оной по своему усмотрению как имуществом благоприобретенным». Срок авторского права был установлен в течение жизни автора и 25 лет со дня его смерти, после чего произведение «становилось собственностью публики». Защита авторского права ставилась в зависимость от соблюдения цензурных правил, поскольку «печатавший книгу без соблюдения правил Цензурного устава лишался всех прав на оную»⁷.

В дальнейшем, с принятием новых положений о правах сочинителей в 1830, 1845, 1848 и 1875 годах, решались вопросы об охране статей в журналах, частных писем, хрестоматий, права на музыкальную и художественную собственность, а срок защиты авторского права после смерти автора был увеличен вначале до 35 лет в 1830 году, а затем до 50 лет в 1875 году. Только в 1877 году из Цензурного устава были изъяты правила об авторском праве.

Однако роль цензуры оставалась значимой для нормативного регулирования авторских правоотношений вплоть до начала XX века. В качестве примера приведем выдержку из телеграммы, отправленной Орловскому губернатору Балясному К.А. из Брянска от полицеймейстера Четыркина: «Гимназистка Обуховская в классах гимназии продает ученицам песни и стихи революционного содержания, между коими есть и против личности Государя Императора в оскорбительных выражениях»⁸.

Цензура в сложное предреволюционное время принимала различные меры для воспрепятствования распространению многих произведений. Как свидетельствует копия рапорта Елецкого уездного исправника в Департамент полиции Министерства внутренних дел из Канцелярии Орловского губернатора, «в г. Ельце у некоторых интеллигентных лиц появилась басня в рукописях под заглавием «Ослы и Лев»... есть слухи, что она будто бы принадлежит перу русского писателя Л.Н. Толстого и вышла негласно в свет.». Ответ вице-губернатора: «... предписано Елецкому уездному исправнику принять зависящие от него меры к воспрепятствованию распространения среди населения подведомственной ему местности упомянутой басни, как появившейся в обращении без разрешения подлежащей цензуры»⁹.

Первый самостоятельный закон об авторском

праве был принят Государственным Советом Российской империи 20 марта 1911 г.¹⁰. Он содержал Общую часть, в которой раскрывались основные понятия — круг охраняемых объектов, срок действия авторского права, вопросы правопреемства, возможные нарушения авторских прав и средства защиты и т.п., а также отдельные главы, посвященные авторским правам на литературные, музыкальные, драматические, художественные, фотографические произведения. В отдельной главе содержались основные правила и условия издательского договора. В целом этот нормативный акт был более прогрессивным по сравнению с ранее действующими нормативными актами, регулирующими авторские правоотношения. Закон 1911 г. обеспечивал лучший уровень защиты для существовавшего тогда состояния технического развития, включая внушительные положения о соответствующих принудительных мерах воздействия. Что же касается международных отношений в области авторского права, то Российская империя имела двусторонние отношения с такими европейскими странами, как Франция и Бельгия. Закон в значительной степени способствовал тому, чтобы авторские правоотношения стали равноправными отношениями сторон. В частности, Законом «Об авторском праве» вводились изменения в с. 217 Устава Гражданского судопроизводства, в соответствии с которыми дела о нарушениях авторского права могли начинаться, по усмотрению истца, или в том окружном суде, в ведомстве коего последовало нарушение сего права, или в том, коему подсуден ответчик по месту жительства.

В развитии авторских правоотношений определенную роль сыграло то, что в 70-е годы XIX века в России началось формирование системы авторских обществ. Первыми для защиты своих прав объединились драматурги, которые по инициативе великого драматурга А.Н. Островского учредили 29 ноября 1870 г. «Собрание русских драматических писателей».

21 октября 1874 года на основе этого Собрания было учреждено «Общество русских драматических писателей», ставшее первым в истории России авторско-правовым обществом со своим уставом. Председателем Общества был избран А.Н. Островский. В момент основания в Общество входил 81 член, в т.ч. такие известные писатели, как И.С. Тургенев и Н.С. Лесков.

Несмотря на противоречивый и сложный путь

становления и развития дореволюционного авторского права, все вышеуказанные законодательные акты сыграли положительную роль в совершенствовании авторских правоотношений.

В заключение отметим, что после Октябрьской революции 1917 г. все законодательство Рос-

сийской империи, в том числе Закон об авторском праве, было отменено. Последовавший после этого ряд декретов был направлен на обеспечение свободного использования произведений. По сути, Советское правительство стало создавать вновь нормы, регулирующие авторские правоотношения.

Примечания

¹ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. – М.: Юристъ, 2003. – С. 381.

² Доцик Н.Н. Авторское право России: XVIII – нач. XX вв: Дис. ... канд. Юрид. наук. – М., 2000. – С. 64.

³ Там же.

⁴ Доцик Н.Н. Возникновение авторского права в России // Вестник Московского университета МВД России. – 2007. – № 3. – С. 140.

⁵ Толстая А.И. История государства и права России: Учебник. – М.: Юстицинформ, Омега – Л, 2010. С. 136–137.

⁶ Устав о цензуре : [Утв. 22 апр. 1828 г. : С прил. Штатов и Положения о правах сочинителей]. – СПб.: Деп. нар. прос., 1829.

⁷ Ястребова Е.Ю. К вопросу об истории охранительных правоотношений в сфере авторского права России XIX – начале XX в. // История государства и права. – 2007. – № 22. – С. 23.

⁸ ГАОО, ф. 580, ст. 1, д. 4474, л. 43, л. 46, л. 49. Канцелярия Орловского губернатора. Дело о революционном настроении народных масс; о деятельности революционных партий, о распространении нелегальной литературы и прочее.

⁹ ГАОО, ф. 580, ст. 1, д. 4060, л. 102 – 102 (об). Материалы о распространении в губернии басни «Ослы и Лев», приписываемой Л.Н. Толстому.

¹⁰ Закон об авторском праве. С изложением рассуждений и материалов, на коих он основан / Сост.: Коптев Д.А. – СПб.: Изд. юрид. кн. магазина Н.К. Мартынова, 1911.

Библиографический список

1. ГАОО, ф. 580, ст. 1, д. 4060, л. 102 – 102 (об). Материалы о распространении в губернии басни «Ослы и Лев», приписываемой Л.Н. Толстому.
2. ГАОО, ф. 580, ст. 1, д. 4474, л. 43, л. 46, л. 49. Канцелярия Орловского губернатора. Дело о революционном настроении народных масс; о деятельности революционных партий, о распространении нелегальной литературы и прочее.
3. Доцик Н.Н. Авторское право России: XVIII – нач. XX в: Дис. ... канд. Юрид. наук. – М., 2000. – 180 с.
4. Доцик Н.Н. Возникновение авторского права в России // Вестник Московского университета МВД России. – 2007. – № 3. – С. 139–140.
5. Закон об авторском праве. С изложением рассуждений и материалов, на коих он основан / Сост.: Коптев Д.А. – СПб.: Изд. юрид. кн. магазина Н.К. Мартынова, 1911. – 444 с.
6. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: Учебник. – М.: Юристъ, 2003. – 512 с.
7. Толстая А.И. История государства и права России: Учебник. – М.: Юстицинформ: Омега – Л, 2010. – 320 с.
8. Устав о цензуре : [Утв. 22 апр. 1828 г. : С прил. Штатов и Положения о правах сочинителей]. – СПб.: Деп. нар. прос., 1829. – 101 с.
9. Ястребова Е.Ю. К вопросу об истории охранительных правоотношений в сфере авторского права России XIX – начале XX в. // История государства и права. – 2007. – № 22. – С. 23.

N.Y. DAVIDOVA

ON THE EVOLUTION OF COPYRIGHT LAW RELATIONS IN THE HISTORY OF RUSSIAN LAW XVIII-EARLY XX CENTURIES

The article reveals the specifics of the formation in Russia, copyright law relations. Identifies the main stages in the development of copyright. The peculiarities of legal regulation of copyright relations in Russia XVIII-early XX centuries. Attention focuses on the administrative and legal regulation of copyright relations prevailing in Russia for a long period.

Key words: copyright law relations, the history of copyright, censorship.

А.В. МЕРКУЛОВА, кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданского права и гражданского процесса
Орловского государственного университета
Тел. 8(4862) 74-50-75

МАТЕРИНСКИЙ КАПИТАЛ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Статья посвящена теоретическим и практическим вопросам, связанным с использованием материнского капитала, анализу Федерального закона № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», внесению предложений по его совершенствованию.

Ключевые слова: материнский капитал, направления использования средств материнского капитала, субъекты права на материнский капитал.

Демографическая проблема в современной России является одной из самых острых социальных проблем.

В Российской Федерации законодательно закреплён принцип государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства. В силу ст. 38 Конституции РФ «материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Забота о детях, их воспитание - равное право и обязанность родителей». Таким образом, конституционно-правовыми нормами обязанность по обеспечению прав детей возложена как на родителей ребенка, так и на государство.

Одной из действенных мер государственной поддержки семьи и повышения рождаемости стало предоставление материнского (семейного) капитала при рождении второго ребенка. Соответствующий Федеральный закон № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (далее – Закон № 256-ФЗ) [1] вступил в силу 1 января 2007 года, в ч. 3 ст. 7 которого законодатель установил перечень допустимых направлений использования материнского (семейного) капитала, а именно:

- 1) улучшение жилищных условий;
- 2) получение образования ребенком (детьми);
- 3) формирование накопительной части трудовой пенсии для женщин.

Жесткая законодательная регламентация использования материнского капитала вызвала оживленные дискуссии в обществе. Ссылаясь на то, что, разрешая тратить материнский капитал на обучение ребенка, на пенсию матери и долгосрочной перспективе, не всегда учитываются текущие потребности, научные и общественные деятели предложили расширить установленный перечень. Заметим, что законопроекты о направлении материнского капитала на покупку автомобиля, на лечение и реабилитацию ребенка-инвалида, на предоставление младенцам высокотехнологичной медицинской помощи были отклонены. Ряд законопроектов о размещении материнского капитала на счете в банке для получения дивидендов, оплате материнским капиталом образования не только ребенка, матери, но и отца; поддержке семей, где рождается двойня-тройня находятся в стадии рассмотрения. Предложения о направлении средств (части средств) материнского капитала не только на оплату обучения, но и содержания ребенка в образовательном учреждении уже рассмотрены и утверждены: «Это может быть как детский сад, так и любое образовательное учреждение, которое реализует основную общеобразовательную программу дошкольного образо-

вания или основные образовательные программы начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования».

Несмотря на пристальное внимание к проблемам, связанным с использованием материнского капитала как со стороны законодателя, так и со стороны практикующих юристов, многие вопросы не получили надлежащего научного обоснования и надлежащей законодательной регламентации.

Обратимся к некоторым из них.

Первоначальная редакция ч. 4 ст. 10 Федерального закона № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», согласно которой «жилое помещение, приобретенное с использованием средств (части средств) материнского капитала, оформляется в общую собственность родителей, детей (в том числе первого, второго, третьего ребенка и последующих детей) и иных совместно проживающих с ними членов семьи с определением размера долей по соглашению» подверглась критике в юридической литературе. Исследователями обращалось внимание на неопределенность в определении круга лиц, относящихся к «иным совместно проживающим членам семьи». [2] Действительно, такая формулировка закона приводила к необходимости включать в состав собственников жилья не только родителей и детей, но и дядей, бабушек, дедушек и прочих родственников, прописанных на данной жилплощади. К тому же, в различных отраслях права (семейное, жилищное) члены семьи определяются по-разному. Так, в ст. 2 СК РФ определено, что семейное законодательство регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи: супругами, родителями и детьми (усыновителями и усыновленными), а в случаях и в пределах, предусмотренных семейным законодательством, между другими родственниками и иными лицами. Согласно ст. 31 ЖК РФ «к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и в исключительных случаях иные граждане могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены собственником в качестве членов своей семьи». Исходя из жилищных правоотношений, членом семьи может являться и лицо, не име-

ющее родственных и иных семейных связей с собственником (например, лицо, находящееся в фактических брачных отношениях и не являющееся родителем ребенка).

Со 2 августа 2010 года норма пункта 4 статьи 10 Закона № 256-ФЗ звучит так: «Жилое помещение, приобретенное (построенное, реконструированное) с использованием средств (части средств) материнского (семейного) капитала, оформляется в общую собственность родителей, детей (в том числе первого, второго, третьего ребенка и последующих детей) с **определением размера долей по соглашению.**»

Такая трактовка также представляется не совсем удачной. И вот почему.

Во-первых, исключив «прочих родственников» из текста статьи, предоставив тем самым, возможность совершения сделок по выкупу долей у зарегистрированных в квартире родственников, законодателем не разрешен вопрос об определении размера долей по соглашению. Никаких ссылок на то, каким документом должно производиться оформление помещения в общую собственность и по соглашению каких лиц, закон не содержит. Исходя из принципа свободы договора, стороны вправе заключить как предусмотренный, так и не предусмотренный законом и иными правовыми актами договор. *Во-вторых*, не обозначен временной промежуток, в течение которого определяется круг лиц (состав семьи), в чью собственность будет оформляться помещение. Возможно, состав семьи должен определяться на момент оформления помещения в собственность. *В-третьих*, не учитываются все возможные изменения в составе семьи. Так, закрепляя, что «в случае смерти лица право на приобретение квартиры переходит по наследству», без внимания законодателя остаются иные изменения в составе семьи: выбытие из жилого помещения в связи с переездом на другое постоянное место жительства, расторжение брака, прекращение семейных отношений и др.

Нуждаются в совершенствовании и нормы, касающиеся определения субъекта, имеющего право на дополнительные меры государственной поддержки.

Правом на дополнительные меры государственной поддержки (ст. 3 Закона № 256-ФЗ) обладают:

- женщина, имеющая гражданство Российской Федерации, родившая (усыновившая)

второго или последующих детей начиная с 1 января 2007 года;

- мужчина, имеющий гражданство Российской Федерации, являющийся единственным усыновителем второго или последующих детей, если решение суда об усыновлении вступило в законную силу, начиная с 1 января 2007 года;
- отец (усыновитель) ребенка независимо от наличия гражданства Российской Федерации в случае прекращения права на дополнительные меры государственной поддержки женщины, родившей (усыновившей) детей, вследствие, например, смерти, лишения родительских прав в отношении ребенка, в связи с рождением (усыновлением) которого возникло право на получение материнского капитала, совершения в отношении ребенка (детей) умышленного преступления;
- несовершеннолетний ребенок (дети в равных долях) или учащийся по очной форме обучения ребенок до достижения им 23-летнего возраста, при прекращении права на дополнительные меры государственной поддержки отца (усыновителя) или женщины, являющейся единственным родителем (усыновителем) в установленных Федеральным законом случаях.

Таким образом, право на материнский (семейный) капитал возникает первоначально у женщины, родившей или усыновившей детей, и только в случае прекращения права у неё (смерть, лишение родительских прав) это право возникает у других лиц.

Итак, право на материнский капитал зависит, *во-первых*, от количества рождений (усыновлений) детей: «второго или последующих детей», *во-вторых*, от даты рождения (усыновления): «начиная с 1 января 2007 года»; *в-третьих*, от характера родительских отношений: кровного биологического родства (отец, мать), либо социального отцовства и материнства (усыновитель, отчим); *в-четвертых*, от личности родителя (усыновителя) и др.

Согласно законодательному подходу право на материнский капитал зависит только от количества рождений (усыновлений) детей, а не от реального количества живых детей. Так, если женщина родила двух детей, но один из них умер, при рождении второго ребенка и истечении трех лет после

его рождения она имеет право на материнский капитал. Несмотря на исключительность таких случаев, не следует «привязывать» право на получение материнского капитала к количеству рождений детей, ведь подобная ситуация может возникнуть и при отмене усыновления, если женщина уже получила сертификат, а может, и реализовала это право.

Представляется, что с критерием количества детей, скорее, следует связать размер материнского капитала чем больше детей, тем больше размер материнского капитала. К сожалению, реалии сегодняшнего дня свидетельствуют о снижении заинтересованности семей рожать (усыновлять) третьего и последующего детей, рассуждая, что «чем больше детей, тем меньшая сумма на них приходится».

Требует уточнения ч. 3 ст. 3 Закона № 256-ФЗ, согласно которой «право женщин... прекращается в случаях смерти женщины, объявления ее умершей, лишения родительских прав в отношении ребенка, *в связи с рождением которого возникло право на дополнительные меры государственной поддержки*, совершения в отношении своего ребенка (детей) умышленного преступления, относящегося к преступлениям против личности, а также в случае отмены усыновления ребенка, *в связи с усыновлением которого возникло право на дополнительные меры государственной поддержки*». Целесообразно включить в перечень оснований и ограничение в родительских правах (ст. 64 СК РФ), поскольку в силу ч. 1 ст. 65 СК РФ родительские права не могут осуществляться вопреки интересам детей, так как обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей; при осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. При этом исключить из текста слова «в отношении ребенка, в связи с рождением (усыновлением) которого возникло право на дополнительные меры государственной поддержки», поскольку и лишение родительских прав, и отмена усыновления в отношении любого ребенка (а не только того, в отношении которого возникло право на материнский капитал) негативно характеризует личность, свидетельствует о ее склонности к ненадлежащему исполнению обязанностей родителя (усыновителя) по отношению к детям.

До настоящего времени не решен вопрос о правовом режиме средств материнского (семейного) капитала, например, при разделе совместно нажитого имущества. Включение соответствующих норм в закон № 256-ФЗ, на наш взгляд, позволит избежать споров между родителями о судьбе материнского капитала в случае расторжения брака. А пока не ясно, как быть, если сертификат выдан матери детей, а дети согласно соглашению либо судебному решению будут проживать с отцом. Возможны следующие пути решения. При установлении режима средств материнского капитала

как меры поддержки исключительно женщины супруг не сможет претендовать на них. В случае определения материнского капитала как средств поддержки семьи, супруг вправе получить свою долю, в частности, при направлении материнского (семейного) капитала на улучшение жилищных условий. Имеется и третий вариант решения проблемы: право на семейный капитал «следует» за детьми. Иными словами, право на распоряжение материнским капиталом принадлежит тому родителю, с которым проживают дети.

В заключение хотелось бы выразить надежду на то, что обозначенные в данной статье вопросы

будут приняты во внимание законодателями.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 01.07.2011) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».
2. Артемьева, Н.В. Оформление жилого помещения в общую собственность в соответствии с Федеральным законом «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [Текст] // Нотариальный вестник, 2010 № 4.

A.V. MERKULOVA

THE PARENT CAPITAL: QUESTIONS OF THE THEORY AND PRACTICE

Article is devoted the theoretical and practical questions connected with use of the parent capital, the analysis of the Federal law № 256-FZ «About additional measures of the state support of the families having children», to entering of offers on its perfection.

Key words: the parent capital, directions of use of means of the parent capital, legal subjects on the parent capital.

*С.Т. САЗИН, аспирант Орловского государственного университета,
руководитель Следственного управления Следственного Комитета
Российской Федерации по Орловской области
Тел. (4862) 42-28-81; sledkomorel@yandex.ru*

СЛЕДСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ США, ГЕРМАНИИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОСНОВНОЙ ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Статья посвящена деятельности следственных органов США, Германии и Российской Федерации по обеспечению защиты прав и свобод человека и гражданина. Автор указывает на особенности в подходе к деятельности следственных органов стран по защите прав и свобод человека и гражданина, отмечает ее приоритетные направления и считает необходимым продолжить усовершенствовать законодательное регулирование данного вопроса.

Ключевые слова: следственные органы, Следственный комитет РФ (СК РФ), прокурорский надзор, Федеральное Бюро Расследований (Federal Bureau of Investigation), Федеральное ведомство уголовной полиции Германии («Federal Criminal Investigation Bureau»), механизм защиты прав и свобод человека и гражданина.

Функционирование следственных органов Российской Федерации в современных условиях предполагает необходимость изучения особенностей организации и деятельности соответствующих органов в некоторых зарубежных странах. Немаловажное значение здесь играет информация о странах, имеющих богатые правовые традиции и поддерживающих с Россией тесные контакты в различных сферах общественной жизни. С этой точки зрения первостепенный интерес представляют вопросы правового регулирования и практики работы некоторых следственных органов, принадлежащих к англосаксонской и континентальной системам права. Рассмотрим их на примере ведущих стран Запада, а именно исследуя соответствующие данные о Соединенных Штатах Америки, а также Федеративной Республики Германии. Сопоставим механизм защиты прав и свобод человека следственными органами данных стран с российским.

Выбор этих стран не случаен, он обусловлен следующими факторами:

во-первых, США и Германия являются наиболее яркими представителями своих систем права и добились значительных успехов в борьбе с преступностью;

во-вторых, для использования зарубежного опыта целесообразно изучить страны как со схожими правовыми системами (Российский и германский уголовные процессы с некоторыми оговорками однотипны и причисляются к смешанному), так и отличными (США относится к англосаксонской системе права с состязательным уголовным процессом).

Данные обстоятельства позволяют провести сравнительно-правовой анализ данных правовых систем с российской применительно к такому виду деятельности следственных органов, как предварительное расследование, в целях выработки путей адаптации положительного зарубежного опыта защиты прав и свобод человека и гражданина в российских условиях.

Наиболее сходной с российской системой органов, осуществляющих предварительное расследование, является германская система. Следственные органы ФРГ, как и СК РФ, схожи по своему правовому статусу и положению в системе правоохранительных органов. В отличие от Германии в США система органов, осуществляющих предварительное расследование преступлений, сильно дифференцирована, так как центрального ведомства, наделенного традиционными полицейскими функциями, не существует [3, с. 83].

Основным источником как германского, так и российского уголовно-процессуального права являются законы (Уголовно-процессуальный кодекс), чем достигается нормативная определенность, урегулированность уголовно-процессуальных отношений на законодательном уровне. В уголовном процессе США значительное место занимает использование прецедента в качестве источника уголовно-процессуального права. Преимущества прецедентной системы усматриваются в ее гибкости. В отличие от России правовая регламентация расследования преступлений в данных странах представляет собой предписания открыто публикуемых законодательных и иных правовых актов. Поэтому такой подход к определению правового режима расследования преступлений имеет профилактический характер, ибо каждому гражданину понятно, в каких ситуациях и объектом каких оперативно-розыскных и следственных процедур он может стать в случае противоправного поведения [3, с. 103].

В США и Германии, так же как и в России, повышенное внимание уделяется выработке правил о недопустимости доказательств, полученных незаконным путем. Все это подчеркивает приоритет прав человека в деятельности следственных органов РФ, США, ФРГ [1, с. 315].

Отсутствие формального возбуждения уголовного дела в США и Германии способствует более быстрому и эффективному расследованию преступлений. Дознание в данных странах представляет собой предварительную проверку, которая по своему содержанию сравнима с доследственной проверкой, предусмотренной УПК РФ. Различие между ними заключается в том, что полиция наделена правом производства следственных действий, которые по российскому законодательству возможны только после возбуждения уголовного дела. Отличительной чертой законодательства

данных стран по вопросам расследования преступлений является его исключительная рациональность, стремление к экономии сил и средств, отсутствие дублирования и параллелизма.

Мировая практика борьбы с преступностью давно отказалась от попыток решения задачи раскрытия каждого преступления и достижения 100-процентной раскрываемости. Практическая реализация этого постулата исключила заинтересованность в укрытии преступлений от учета, необоснованные переводы нераскрытых преступлений в категорию раскрытых и другие манипуляции статистикой [4].

В РФ, к сожалению, еще присутствует такая методика оценки деятельности следственных органов, что приводит к негативным последствиям. Но в последнее время наблюдается тенденция перехода к более совершенным методам мониторинга эффективности работы СК РФ [2].

В США и Германии, как и в России, повышенное внимание уделяется применению мер уголовно-процессуального принуждения в ходе предварительного расследования преступлений. Это довольно непростой вопрос, связанный с риском нарушения законных прав и интересов граждан – участников процесса. Поэтому очень важно всестороннее и детальное регулирование на законодательном уровне основания и порядка их применения, предусмотрены существенные процессуальные гарантии свобод личности в уголовном судопроизводстве.

В ходе предварительного расследования преступлений следователи США и Германии, на которых возложены функции по расследованию преступлений, меньше всего занимаются составлением процессуальных документов и заботятся о соблюдении процессуальной формы – протоколы допросов свидетелей, потерпевших, подозреваемого представляют собой простые заметки, наброски. Однако в случаях, когда действия следователей затрагивают интересы граждан, они должны быть санкционированы судьей. К их числу относятся такие следственные действия, как предварительный арест, обыск и другие следственные действия, связанные с ограничением личной свободы граждан. Такая организация расследования преступлений обеспечивает значительную экономию, рациональное использование сил и средств. Как представляется, по сравнению с этими странами в России чрезмерно усложнен механизм ре-

ализации уголовного закона, что не способствует быстрому и эффективному расследованию преступлений.

Ведущим следственным органом США является Федеральное Бюро Расследований (ФБР). Оно является основным правоохранительным ведомством в структуре Министерства юстиции США. Основная задача ФБР – защищать США и права американских граждан, гарантированные Конституцией Соединенных Штатов. Основные усилия ФБР сосредоточены на предотвращении террористических актов против граждан США и расследовании нарушений федерального законодательства [8].

К подследственности ФБР отнесено большинство преступлений, преследуемых по федеральным законам. Расследуя нарушения законов, связанных с обеспечением национальной безопасности США, ФБР действует как орган контрразведки. Проводя оперативные мероприятия и расследования общеуголовных преступлений и по делам организованной преступности, ФБР выступает как орган уголовного розыска.

Помимо ФБР в США расследование ведут и множество других федеральных служб, а также независимые друг от друга полицейские учреждения, которые подчиняются либо властям штата, либо местным властям.

Однако действия ФБР не всегда являлись достаточными для расследования преступлений. В последнее время сложность поставленных перед следственным органом задач перешла на более высокий уровень, чем когда-либо в истории. Для этого приходится использовать новые актуальные подходы для предотвращения преступлений. Действуя в рамках четко определенных конституционных, правовых и политических границ, ФБР проводит расследование, попутно накапливая знания и понимание возможных угроз и случаев нарушения прав и свобод человека и гражданина и информируя национальные силы безопасности [5].

В отличие от США и России в ФРГ одним из наиболее значимых следственных органов является прокуратура. Деятельность прокуратуры регулируется Федеральным законом о судах, Уголовно-процессуальным кодексом, Положением об организационной структуре прокуратуры и Правилами внутреннего распорядка прокуратуры.

Основной задачей прокуратуры в ФРГ является осуществление уголовного преследования. Про-

куратура решает, достаточно ли в каждом конкретном случае оснований для возбуждения уголовного дела. Прокуратурой производятся следственные действия: допрос обвиняемого, свидетелей, экспертов; дача распоряжений о производстве обыска, об изъятии вещественных доказательств. Только прокурор может принимать решение об окончании расследования путем предъявления публичного обвинения или прекращения дела [5].

Наряду с прокуратурой в ФРГ также действует Федеральное ведомство уголовной полиции Германии («Federal Criminal Investigation Bureau»). К числу его основных задач относится не только координация охраны порядка в соотношении с бюро уголовного расследования отдельных штатов Америки, но и проведение расследования серьезных преступлений, в частности, когда в это вовлечены другие страны. К основным задачам Федерального ведомства уголовной полиции Германии относятся:

- координация действий между федерацией и государственными полицейскими силами (особенно государственные власти уголовного расследования) и с иностранными органами, занимающимися расследованиями;
- сбор и анализ сведений о преступлениях, управляя базой данных всех важных преступлений и преступников INPOL;
- расследование случаев терроризма или случаев, имеющих политическую мотивацию в других сферах, таких как наркотики, оружие, и финансово-экономические преступления;
- защита федеральных свидетелей;
- идентификация и систематизация изображений и информации, касающейся жертв детской сексуальной эксплуатации, подобно Национальному Центру для Эксплуатируемых Детей в Соединенных Штатах.

Таким образом, следственные органы Федеративной Республики Германии аналогично следственным органам США обеспечивают соблюдение прав человека и гражданина, а также законодательства данной страны.

Основным следственным органом Российской Федерации является Следственный комитет РФ (СК РФ).

Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации» № 403 ФЗ одной из основных задач СК РФ определяет обеспечение законности при производстве предварительного след-

ствия и защиты прав и свобод человека и гражданина [6].

Основными составляющими деятельности Следственного комитета Российской Федерации по защите прав и свобод человека и гражданина являются:

- повышение уровня ведомственной нормативно-правовой регламентации деятельности следователей по обеспечению прав граждан – участников уголовного процесса;
- оптимизация деятельности следователей СК РФ, исключающая возможность нарушения прав и свобод человека и гражданина;
- взаимодействие СК РФ с другими государственными и общественными организациями, осуществляющими правозащитные функции;
- повышение роли руководителей СК РФ в обеспечении процессуального контроля;
- законодательная регламентация и ведомственное нормативно-правовое регулирование указанных выше проблем, решение которых требует разработки концептуальных положений о направлениях совершенствования, в частности уголовно-процессуального законодательства [7].

В результате анализа деятельности основных следственных органов США, ФРГ и России следует отметить, что данные государственные учреждения носят правовой характер и имеют кон-

ституционное значение. Несмотря на то, что основу каждого из представленных следственных органов составляет их индивидуальность (учреждение и работа с учётом особенностей страны), общим основополагающим принципом их функционирования является обеспечение охраны прав и законных интересов физических и юридических лиц.

Обеспечение прав человека и основных свобод стало одной из основных целей современного государства и вошло в список первостепенных международных обязательств, которые открывают путь нациям к полноценному международному общению. Важность этой проблематики для современного общества велика, поэтому она неизбежно является предметом исследования для многих ученых.

Практически во всех демократических государствах, где человек признан главной ценностью, существуют различные правоохранительные органы, суть деятельности которых сводится к одной цели – обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, прежде всего от преступных посягательств, обеспечение правопорядка, соблюдение законодательства не только гражданами, но и организациями и государственными органами. Деятельность правоохранительных органов устанавливается и санкционируется государством в порядке, предусмотренном законом. Правоохранительная деятельность в целом является одной из постоянных функций государства.

Библиографический список

1. Автономов А. С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учеб. – М.: ТК Велби, Проспект, 2007. – С. 315.
2. Бастрыкин А.И. Лица с особым правовым статусом должны отвечать за преступления, как все. «Российская газета» Столичный выпуск № 5334 (255) от 11 ноября 2010 г. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/11/11/bastrykin.html>
3. Ларичев В. В. Предварительное расследование преступлений в США и Германии: Дис. ... канд. юрид. Наук. [Текст] – Москва, 2004. – С. 83, 103.
4. Сухарев А.Я. Права человека и правозащитная деятельность государств». [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: http://www.prokнадzor.ru/analit/show_a.php?id=731&pub_name=%CF%D0%C0%C2%C0+%D7%C5%CB%CE%C2%C5%CA%C0+%C8+%CF%D0%C0%C2%CE%C7%C0%D9%C8%D2%CD%C0%DF
5. Хашем Т.А., Зарубежный опыт. Сравнительный анализ уголовного процесса России, Англии, Франции, США и Германии. [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.prokнадzor.ru/analit/>
6. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 22.12.2010) «Российская газета», № 296, 30.12.2010.
7. Указ Президента РФ от 14.01.2011 № 38 «Вопросы деятельности Следственного комитета Российской Федерации» (вместе с «Положением о Следственном комитете Российской Федерации»).
8. Федеральная система правоохранительных органов [Электронный ресурс]: [сайт]. Режим доступа: <http://www.agentura.ru/dossier/usa/sistema/>

S. T. SAZIN

**INVESTIGATING BODIES OF THE USA, GERMANY AND THE RUSSIAN FEDERATION AS
THE MAJOR TOOLS OF PROTECTION OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOM**

The Article is devoted activity of investigating agencies of the USA, Germany and the Russian Federation aimed at safeguarding the protection of human rights and freedoms. The author indicates the peculiarities of the approach to the activity of investigating agencies of the countries directed on the protection of human rights and freedoms, marks its priorities and considers it necessary of continue improving legislative regulation of this problem.

Key words: investigating agencies, Investigative Committee of Russian Federation, Directorate of Public Prosecutions, Federal Bureau of Investigations, Federal Criminal Investigation Bureau, mechanism of the protection of human rights and freedoms.

*И.Р. СУЛТАНОВ, кандидат политических наук, доцент,
руководитель Центра изучения европейского права и европейской
интеграции Башкирского государственного университета
Тел. +7-917-4794818; ilshatsultan@list.ru*

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА И АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена актуальным вопросам международного права. Международные интеграционные организации играют все более существенную роль в развитии международного права. Особенно интенсивно внедрение новых институтов международного права происходит с развитием интеграционных объединений. Исследование рассматривает вопрос перспектив международного сотрудничества в контексте влияния на него интеграционных объединений.

Ключевые слова: международные интеграционные организации, сближение международного и национального права, экономическое межгосударственное сотрудничество, международные интеграционные процессы, европейское право.

Зарубежные исследователи справедливо отмечают, что «многие аспекты правовой интеграции СНГ в сравнении с ЕС недоразвиты, но ряд других обстоятельств делает интеграцию в СНГ более устойчивой, чем в ЕС» [1, с. 154]. Это дорогое признание, подтверждающее, что далеко не только правовые достижения влияют на уровень и успешность реальной интеграции. Как известно, именно экономическая составляющая образует основу международной интеграции. И даже недоразвитое правовое оформление не становится препятствием для всеохватных и устоявшихся экономических связей [2]. В СНГ интеграция строится не от договоров к экономике, а от экономики к праву. Видимо по этой причине, что бросается в глаза, учредительные договоры СНГ и даже ЕВРАЗЭС очень короткие и удовлетворяются всего 20–30-ю лаконичными статьями¹. Тогда как соглашения западных интеграционных блоков представляют из себя тома. Так, только договор об учреждении Евросообщества содержит 314 статей, а еще десятки протоколов и деклараций к ним. Соглашение о НАФТА – более 2200 статей. Видимо органическое единство (СНГ), сложившееся естественным путем в рамках единого некогда государства, не требует столь высокой юридической конкретности и проработанности, как западные альянсы, идущие от формально-юридического единства к реальной интеграции (ЕС и НАФТА) [3].

Приоритет экономических интересов в деле объединения подтверждает и сам учредительный Договор стран СНГ о создании Экономического Союза, где в статье 26 мы находим, что государствами СНГ делается установка на «признание необходимости достижения единообразного регулирования экономических отношений» [4, с. 74–75]. Там же предусмотрены и конкретные меры для членов Союза. К их числу относятся «разработка модельных актов, регулирующих хозяйственные взаимоотношения»; и, еще более конкретно – «проведение работы по координации и сближению действующего национального законодательства...» [4, с. 78].

Но, как мы отмечали и в этом, поистине интеграционном соглашении, не обошлось без оговорок, которыми интеграционный потенциал соглашения оказался существен-

но снижен. Имеется в виду «осторожная» норма статьи 30-й, которой государствам нежелаящим участвовать в интеграционных процессах в полном объеме, разрешалось принять на себя только часть обязательств, причем без объяснения причин. На примерах ЕС, СНГ, ЕВРАЗЭС, НАФТА, можно видеть, что диалектика внутрисоюзных отношений проявляется в том, что интеграционные шаги «наднациональных» структур встречают крайне осторожное отношение к себе со стороны государств – членов. Это отношение в ЕС получило название евроскептицизм. Он является реакцией на те или иные элементы глобализации и опасений утраты суверенитета.

Государства, вступая в состав интегрирующихся союзов, с одной стороны рассматривают интеграционные группировки как средство коллективной защиты от тех элементов глобализации, которые способны нанести ущерб национальным интересам. С другой стороны сами интеграционные сообщества уже по определению становятся активными проводниками основных идей глобализации. Как справедливо заключается В.М. Шумиловым, «региональная интеграция является проявлением глобальной тенденции. Она активно осуществляется на всех континентах, во всех «центрах экономической силы» – в Европе Северной Южной Америке Азии» [5, с. 180]. В этом – диалектика интеграционного движения.

Что касается культурной, языковой, «цивилизационной» [5, с. 180–181]. близости, то здесь преимущества СНГ очевидны. Видимо это последствия перехода единого государства к статусу международной организации, а не наоборот, как в ЕС – от разрозненных государств к более близкому конфедеративному союзу. Необходимо отметить, что в СНГ региональная правовая система еще сохранена [6]. В ЕС она лишь создается.

Экономическая взаимозависимость стран – членов также намного более велика, чем в ЕС. Всё это объективно влечет и правовое оформление либо на публичном (межгосударственном) либо, что значительно чаще, на частнопроводимом уровне, то есть хозяйственные соглашения между частными компаниями иными юридическими лицами. В СНГ, как мы уже ссылались на специалистов, «основным компонентом правового пространства являются именно национальные правовые системы и – пока в небольшом количестве – региональные международные договоры, которые в

принципе тоже должны действовать как часть национальной правовой системы» [7, с. 43].

Добавим, что по степени уже имеющейся близости национальных законодательств страны СНГ намного опережают ЕС в силу исторических причин. Государства бывшего Советского союза, имевшие единое законодательство и после распада СССР, уже в рамках СНГ развивают свои правовые системы примерно в одном направлении. Проблемы, с которыми сталкиваются новые государства, очень близки и находят в основном идентичные решения. Напомним, что переход на рыночные основы хозяйствования, приоритет частнопроводимых институтов, демонополизация экономики и т.п. требует аналогичных методов разрешения. Поэтому государства не только одинаково решают их, но и нередко заимствуют у наиболее продвинутых соседей. Интеграции правовых систем государств СНГ способствуют единые во многом сохранившиеся правовые традиции и само законодательство, например уголовное или трудовое. Специалисты отмечают, что «значительные отклонения от этих традиций (не имеющих идеологического налета) редки и, как правило, случайны – в силу спорадического влияния, оказываемого западными консультантами [8, с. 42] и находят мало сторонников среди профессиональных юристов» [7, с. 43]. Для унификации СНГ довольно активно использует издание модельных (рекомендательных) законодательных актов (Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ). Например, упомянем Хартию социальных прав и гарантий граждан независимых государств от 29 октября 1994 г., рекомендательный законодательный акт «Миграция трудовых ресурсов в странах СНГ» от 13 мая 1995 г. и др.

Значительно смелее поступает ЕВРАЗЭС. Его учредительный договор не только заявляет о необходимости сближения национальных законодательств, но и конкретизирует их подведомственность. Вопросы «сближения, унификации национального законодательства Д.С. и приведения его в соответствие с договорами, заключенными в рамках ЕврАзЭС в целях реализации задач Сотрудничества» четко отданы в ведение Межпарламентской Ассамблеи. Она, видимо по опыту СССР, уполномочена разрабатывать «Основы законодательства в базовых сферах правоотношений» (с утверждением Межгоссоветом). И прямо установлено, что «типовые проекты», которые она

принимает, становятся «основой для разработки актов национального законодательства».

В отличие от этих трех сообществ учредители НАФТА еще более конкретны в постановке целей и задач своей организации, в числе которых и сближение, и унификация законодательств государств-членов. Основными целями НАФТА, официально заявленными в соглашении об его образовании, являются: снятие барьеров в торговле и содействие свободному движению между странами товаров и услуг; установление справедливых условий конкуренции в рамках зоны свободной торговли; значительное увеличение возможностей для инвестирования в странах-членах соглашения; обеспечение эффективной защиты прав интеллектуальной собственности в каждой из стран; урегулирование экономических споров; создание перспектив будущего многостороннего регионального сотрудничества. Естественно, что все они требуют унификации национального права в перечисленных выше отраслях сотрудничества. Например, статья 302 (Ликвидация тарифов) обязывает каждое из трех государств унифицировать, т.е. «постепенно ликвидировать свои таможенные пошлины на товары...» [9]. Или норма статьи 309 (импортных и экспортных ограничений), запрещающая за некоторым исключением, «в какой-либо форме ограничения, требований экспортных цен и т.п. [10] Сближение как специально выделенная задача НАФТА не фигурирует в тексте договора, но предельно конкретно предписывается в каждой отрасли, где только предполагается тарифно-торговое сотрудничество.

При этом, нельзя не заметить, что запрещая государствам-членам дискриминацию внутри, т.е. в отношении взаимных товаропоставок и инвестиций, НАФТА устанавливает протекционистские правила против внешних производителей (в частности, в текстильной промышленности и автомобилестроении).

Международно-правовая практика знает немало способов сближения и унификации национальных законов. Например, «неофициальную кодификацию и унификацию правовых норм в международной экономической системе осуществляет, в частности, Международная торговая палата (создана в 1920 году, находится в Париже). В частности, она разработала единые своды в разных отраслях (унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов, правила по инкас-

со, Международные правила толкования торговых терминов – ИНКОТЕРМС» [11, с. 261]. В некоторых странах (Испания, Ирак, Украина) правила ИНКОТЕРМС введены как обязательные и включаются во внешнеторговые договоры.

Аналогичной деятельностью занимаются и региональные интеграционные организации, деятельность которых требует порой еще более глубокой унификации национальных правовых порядков. Ясно, что успех интеграции был бы невозможен без сближения национальных законодательств и унификации правовых понятий, принципов и норм. Осуществляется она в интеграционных альянсах несколькими способами. Основной – это заключение традиционных межгосударственных соглашений и издание единых актов, требующих приведения к единообразию внутренних правил регулирования. В некоторых сообществах (например, в ЕС) такие акты наделяются даже повышенной нормативной силой по сравнению с типичными межгосударственными организациями.

Можно упомянуть, например, регламенты, директивы и «решения» ЕС. Весьма эффективны в деле сближения, гармонизации и унификации национальных норм межгосударственные суды интеграционных объединений. В Том же Евросообществе суд не раз указывал на несоответствие внутренней нормы интеграционной. Благодаря тысячам таких заключений и правотолкований за 50 лет были сформулированы важнейшие принципы Евросообщества, в частности верховенства европрава над национальным. Экономический Суд СНГ также вносит свою лепту в унификацию национальных законов, норм и понятий. Например, решение №С-1/14-96 от 11 сентября 1996 года по даче толкования понятий «беженец», «мигрант», «вынужденный переселенец», решение № С-1/2-96 от 26 января 1996 года по толкованию ст. 6 Соглашения о взаимном признании прав на возмещение вреда и т.п.

Возможны и специальные процедуры, весьма эффективные в этом деле. Например, преюдициальная процедура в ЕС, означающая, что каждый национальный суд обязывается перед вынесением своего решения запросить суд Евросообщества о применимости в первоочередном порядке соответствующей интеграционной нормы. Другой пример – так называемое «прямое действие» европейских регламентов и «решений», благодаря которому их унифицирующий результат достигается

значительно быстрее, чем у традиционных дипломатических соглашений, требующих довольно длительной имплементации. Следующим способом полезным для сближения норм национального права следует причислить нормы и акты мягкого права. Это совместные программы, проекты, «стратегии», совместные хартии. С их помощью формулируются ориентиры, которые, как показывает практика ЕС, в дальнейшем получают свое уже юридическое закрепление. «Развитие международной жизни требует все более активного нормативного регулирования. Разработка соответствующих договоров занимает много времени. Поэтому на помощь приходят резолюции международных конференций, являющиеся актами «мягкого права». Они быстрее формируются, государства соглашались с ними легче, чем с жесткими обязательствами по договорам» [12, с. 27].

Случается, что интеграционные органы берут за основу нового правового стандарта внутреннюю норму какого-то государства-члена. Это заметно облегчает «усвоение» и принятие остальными членами нового акта. У Еврокомиссии, как основного правотворческого органа, вошло в практику правило закладывать в основу интеграционного акта правила и правовые традиции как можно большего количества государств-членов. Это дает больше шансов, что она не окажется чувствительной для государств-членов и самое главное, не будет отвергнута ими на стадии голосования. А такое в практике случается не так уж редко. Скажем в качестве примера, что имплементационная дисциплина даже в ЕС оставляет желать лучшего.

Исследователь Ю. Кудрявец, справедливо отмечает, что «процесс совершенствования методов имплементации норм международных актов во внутреннее законодательство государств в настоящее время еще не завершён» [13, с. 63]. В процессе осуществления реализации и дальнейшего развития международной интеграции и сотрудничества появляются новые формы и способы имплементации, что обуславливает необходимость использовать опыт международной унификации, накопленный прежде всего Европейским экономическим сообществом и Союзом Независимых Государств.

Так, прибалтийские государства, лишь менее 10-ти лет назад вступили в Евросоюз, уже довольно массово нарушают единые для всех предписания. Только в отношении Эстонии Еврокомиссия

возбудила уже 16 дел о нарушениях [14] в результате того, что она не сумела своевременно принять 32 директивы Европейского союза. В целом же, по состоянию на январь 2007 года Эстонией не было принято 32 директивы. Даже наиболее концептуальные интеграционные директивы не всегда принимаются государствами надлежаще. Директивы об электричестве 1996г. и 2003 г. «Об общих правилах функционирования внутреннего рынка электроэнергии» не имплементированы правительствами вовремя. Та же судьба постигла и известную генеральную директиву о газе 2003 г. («Об общих правилах функционирования внутреннего рынка природного газа»). Все они содержат правовые установки и ориентиры общие для всех государств – членов. Однако далеко не все государства – члены проявили исполнительность и имплементировали ее до 1 июля 2004 года, как было заложено, а сделали это лишь под большим нажимом Брюсселя к 2006 году [15]. Примеры можно продолжить. Они дают основание заключить, что даже в таких передовых и наиболее успешных с точки зрения унификации группировках процессы сближения правовых систем происходят далеко не безоблачно. И здесь наиболее успешным оказывается то региональное сообщество, где налажена система контроля за их исполнением, где он возлагается не только на межгосударственные структуры, но и на сами государства и их внутренние органы, которые для наилучшей организации требовалось бы вплести в общую административную вертикаль. Неплохой пример для такой организации дела демонстрирует Европейское сообщество, где каждый административный уровень несет свою долю ответственности за имплементацию и реализацию самих целей интеграции. Многоуровневое правительство, как сегодня именуют эту вертикаль, начиная от регионов, затем национальных правительств и заканчивая брюссельскими структурами власти, смягчает противоречия типичные для отношений государств с органами всего альянса.

Тем не менее, несмотря на эти традиционные противоречия, право Евросообщества за десятилетия своей правотворческой активности «скопировало» целый ряд своих норм и принципов из права ФРГ. Назовем, например, т.н. принцип верности интеграционному союзу, берущий своё происхождение от национального принципа верности федерации. Другое правило также вошло благодаря суду

ЕС в число правовых материй ЕС – принцип верховенства интеграционного права над правом государств. Прообразом его также стал немецкий принцип статьи 31 немецкой Федеральной конституции, который гласит, что «федеральное право имеет преимущество перед правом земель» [16, с. 31]. Оттуда же и такие известные принципы федерализма в устройстве ЕС, как принципы субсидиарности (вспомогательности) или пропорциональности (достаточности).

Нельзя не остановиться и на другом источнике правовых норм и принципов, берущийся в основу региональных правовых стандартов. Это нормы Генерального соглашения о тарифах и торговле 1947 г. и соглашения ВТО 1995 г. К их числу следует отнести, например, национальные нормы о недискриминации товаров и услуг, поступающих из других

государств союза. В обязательном порядке унифицируются национальные нормы о конкуренции, правило национального режима для бизнеса из соседних государств, в частности, корпоративного права, неограниченного перемещения и провоза грузов через границы и т.п. Говоря коротко – это нормы, обеспечивающие свободное перемещение товаров, инвестиций, услуг и трудовых ресурсов. Все эти нормы почти без исключения можно найти и в учредительных соглашениях СНГ, ЕВРАЗЭС, договорах всех Евросообществ и, конечно НАФТА.

Иными словами, творчество в деле изобретения собственных, новаторских инструментов для сближения, гармонизации и унификации национальных норм и принципов ничем не ограничено и в интеграционных союзах успешно реализуется в самых разных формах.

Примечание

¹ Имеется в виду только уставные акты, не включая протоколов и деклараций к ним, например: Протокол к Соглашению о создании Содружества Независимых Государств от 21 декабря 1991 г., Алма-Атинская декларация от 21 декабря 1991 г., Устав Содружества Независимых Государств от 22 января 1993 г., документы, узаконивающие иные институциональные формы сотрудничества, в частности, тот же Договор о создании Экономического Союза от 24 сентября 1993 г., Договор между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 г., Договор об образовании Сообщества России и Беларуси от 2 апреля 1996 г., Договор о Союзе Беларуси и России от 2 апреля 1997 г., Устав Союза Беларуси и России от 23 мая 1997 г., программные документы СНГ (Концепция экономического интеграционного развития Содружества Независимых Государств, одобрена Решением Совета глав государств Содружества от 28 марта 1997 г.), Соглашение о гарантиях прав граждан государств – участников Содружества независимых государств в области пенсионного обеспечения, заключенное 13 марта 1992 г., о трудовой миграции и социальной защите трудящихся-мигрантов от 15 апреля 1994 г., о сотрудничестве в области охраны труда от 9 декабря 1994 г., о порядке разработки и соблюдения согласованных норм и требований по охране труда к взаимопоставляемой продукции от 12 апреля 1996 года, о порядке расследования несчастных случаев на производстве, происшедших с работниками при нахождении их вне государства проживания от 9 сентября 1994 г., о взаимном признании прав на возмещение вреда, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанным с исполнением ими трудовых обязанностей от 9 декабря 1994 г., Хартия социальных прав и гарантий граждан независимых государств от 29 октября 1994 г., и др.

Библиографический список

1. Katlijn Malfliet, The Commonwealth of independent states: towards supranationalism? // F.J.M.Feldbrugge, ed., Law in Transition.
2. См. Калачян К.К. Экономическая интеграция государств-участников Содружества Независимых Государств на фоне глобализации мировой экономики (международно-правовые проблемы). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.
3. См. А.В. Архангельский. Международно-правовые основы обеспечения коллективной безопасности государств-участников СНГ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.
4. Бюллетень международных договоров 1995. № 3. Октябрь.
5. В.М. Шумилов. Международное экономическое право// Московский журнал международного права № 2 (42), 2001.
6. Р.Ш. Давлетгильдеев. Международно-правовое сотрудничество государств-участников Содружества Независимых Государств в области труда и социального обеспечения. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1998.
7. В.Н. Фисенко, И.В. Фисенко / Хартия сотрудничества в рамках Содружества независимых государств // Московский журнал международного права, 1993, № 3.

8. Weitz R., Lucas M.R. // Цит. по раб. Фисенко В.Н., Фисенко И.В. Хартия сотрудничества в рамках Содружества независимых государств // Московский журнал международного права 1993, № 3.
9. Преамбула Договора об учреждении Евразийского экономического сотрудничества // http://www.tamognia.ru/laws/law_657.html
10. Статья 7 Договора об учреждении Евразийского экономического сотрудничества.
11. Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА) (North American Free Trade Agreement, NAFTA) http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/ekonomika_i_pravo/html
12. Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА)> Текст Соглашения (НАФТА)//<http://translate.google.ru/translate>
13. <http://www.international.gc.ca/trade-agreements-accords-commerciaux/agr-acc/nafta-alena/texte/index>.
14. Шумилов В.М. Международное право: учеб. – М.: ТК Велби, 2007.
15. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: учеб. Для студентов юрид. фак. и вузов / И.И. Лукашук; Рос. Акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2007.
16. Ю. Кудрявец Некоторые проблемы реализации норм международных правовых актов во внутреннем праве государств// Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999, № 3.
17. «Еврокомиссия возбудила в отношении Эстонии 16 дел»// Regnum. 29 января 2007// [http:// www.regnum .ru/ news/ 773327.html](http://www.regnum.ru/news/773327.html)
18. Annual Report on the implementation of the Gas and Electricity Internal Market, Brussels, 5.1.2005. COM (2004)863 final, p.3.
19. Основной закон Федеративной Республики Германии// Конституции государств Европейского Союза. Под. Ред. Л.А.Окунькова. М.: Издательская группа ИНФРА М – Норма. 1997.

I.R. SULTANOV

THE INTERRELATION OF THE INTERNATIONAL AND THE INTERNAL LAW AND THE ACTUALITY OF THE ISSUE IN THE GLOBALIZATION ERA

The article is devoted to the current issues of the international law. International integration organizations today are playing a more significant role in the development of the international law. The integration of new institutes of the international law is occurring more rapidly due to the development of the integration organizations. The research looks at the issue of the international cooperation prospects in the context of the influence of the integration associations upon it.

Key words: international integration organizations, the approximation of the norms of international and domestic law, interstate economic cooperation, international integration processes, European law, International law.

*Р.Ю. ЧЕПРУНОВ, аспирант кафедры конституционного и административного права Орловского государственного университета
Тел.: 89103038772, (4862) 43-58-21; roman88@orel.ru*

ПРОБЛЕМНЫЙ ХАРАКТЕР МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИ-СТАБИЛИЗАЦИОННОГО ИНСТИТУТА

В статье рассматривается проблема функционирования местного самоуправления как идеологического стабилизационного института. Основное внимание уделено дисбалансу между провозглашаемыми функциями и реально сложившимися возможностями современного самоуправления в Российской Федерации.

Ключевые слова: местное самоуправление, «суверенная демократия», идеология, социальная стабильность, доверие населения.

В Российском государстве после распада СССР был провозглашен идеологический вакуум как некое состояние отсутствия единой, мощной идеологии, своеобразного преемника коммунистической идеологии. Идеология (греч. *ιδεολογία*, от греч. *ιδέα* – прообраз, идея; и *λογος* – слово, разум, учение) – система концептуально оформленных взглядов и идей, в которой осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, а также либо санкционируются существующие в обществе формы господства и власти (консервативные идеологии), либо обосновываются их преобразования (радикальные, революционные идеологии)¹. Сама по себе система концептуально оформленных взглядов и идей имеет только потенциальную функциональность, для того чтобы она «работала» в реальном обществе, необходимо наличие определённых социальных институтов, функцией которых было бы распространение таковых идей и взглядов. Причём под распространением совсем не обязательно понимать процесс, аналогичный пропагандистскому. В ходе проведения курса либеральных реформ после распада Советского государства предполагалось, что деидеологизация всех сфер социальной действительности будет идти наряду с формированием развитого гражданского общества с его классическими социальными институтами: некоммерческими организациями, политическими партиями, профсоюзами, органами самоуправления, которые выступают в качестве сподвижников формирования новых идеологических ценностей, характерных для демократического общества. Но этому состояться было не суждено, оказалось, что формирование гражданского общества в государстве, где этого общества никогда не было, – это процесс, занимающий не одно десятилетие. А коль так, то идеологическая функция так и не нашла своей реализации, что привело к состоянию «аномии», выражающемуся в возрастании масштабов девиантного поведения и как его крайней формы – преступности, росте числа самоубийств, усилении индивидуального и группового эгоизма, всеобщего равнодушия, потере преемственности между поколениями. Естественно, подобное состояние дел в обществе нежелательно для государства, ибо оказывает серьёзное дестабилизирующее воздействие. Поэтому вмешательство государства в процесс формирования новой идеологической системы было лишь вопросом времени, задача выбора подходящего института тоже особенной проблемы не составляла. Достаточно было обратиться к традиции российской государственности, в соответ-

ствии с ней таким институтом должны были стать органы местного самоуправления, которые со времён царской России были мощным регулятором, стабилизирующим и идеологизирующим общественные отношения. Здесь кроется одно из противоречий российской государственности, а именно: почему органы местного самоуправления на деле в качестве основной реализуют государственно-идеологическую и социально-стабилизирующую функцию. Логично предположить, что если бы местное самоуправление было самостоятельной управленческой системой, то она должна была бы периодически входить в оппозицию государственному управлению. На деле же диалектика российского варианта местного самоуправления свидетельствует о том, что оппозиционный характер местного самоуправления допускается только в условиях общественного подъёма. В условиях реакции или переходного периода развития общества местное самоуправление как независимый от государства институт трансформируется в разновидность местного государственного управления. При этом продолжает сохраняться спекуляция на категории «воля народа». Какое управление может осуществлять подобная система? С. Ю. Витте, анализируя реформу 1864 г., писал: «Положение 1864 года пыталось совместить несогласимые вещи и тем одновременно удовлетворить сторонников и противников земского самоуправления. Первым предлагались внешность и надежды на будущее, в угоду вторым компетенция земских учреждений была определена крайне эластично»². То есть земства, провозглашенные органами местного самоуправления, были независимы и управляли только до той поры и в тех пределах, в которых им это позволяла государственная власть. Большевицкая власть изначально давала такое определение Советам – «создаются вне всяких законов, продукт самобытного творчества, проявление самодеятельности народа»³. А в последующем поставила Советы под контроль партийной структуры, лишив управленческой свободы. В 90-х годах государственная власть вообще по своему желанию на время упраздняет представительное начало местного самоуправления, без которого о самоуправлении говорить абсурдно, ставя власть на местах под контроль местных администраций. Потому впоследствии, возродив представительство на местах, государственная власть сделала именно местное самоуправление идеологической

основой демократического преобразования.

В рамках реализации идеологической функции перед органами местного самоуправления стоят следующие экстраполированные органами государственной власти задачи: укрепление суверенной демократии, поддержание социальной стабильности и высокого уровня жизни. Суверенная демократия – понятие, неоднократно прослеживаемое в публичных выступлениях политических лидеров Российской Федерации, а также в Посланиях Президента РФ Федеральному Собранию РФ. Согласно определению, данному заместителем руководителя Администрации Президента России В. Ю. Сурковым, суверенная демократия – это образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими⁴.

Политолог В. В. Иванов, посвятивший суверенной демократии десятки статей и колонок, предложил такое ее толкование: «Суверенной демократией можно назвать и политический режим, и применяемую режимом политическую технологию. С технологической точки зрения суверенная демократия предполагает самостоятельный отбор демократических институтов, их форматов, сроков внедрения и реформирования и т. д. Суверенно-демократический тот режим, который, развивая демократию, одновременно отстаивает собственную самостоятельность и, соответственно, самостоятельность государства настолько, насколько это целесообразно и возможно в современном мире. Владислав Сурков противопоставляет суверенную демократию управляемой демократии. И это логично, если рассматривать управляемую демократию как практикуемую западными государствами технологию решения конкретных политических, экономических и пр. задач посредством «демократизации» – внедрения или прямого навязывания определенного набора западных институтов. Управляемой демократией также можно называть политический режим в стране, успешно подвергнутой “демократизации”»⁵.

В октябре 2006 г. Институт проблем международной безопасности РАН издал антологию «Концепции и определения демократии», согласно которой нынешняя, либеральная, демократия высту-

пает только одним из многочисленных вариантов демократической системы. Авторы, таким образом, рассматривают суверенную демократию как одну из форм демократии наряду с либеральной⁶.

Но, несмотря на это, термин «суверенная демократия» так до сих пор однозначно не принят и критикуется, как надуманный и бессмысленный, Д. А. Медведевым, М. С. Горбачевым и М. М. Касьяновым, а также рядом зарубежных официальных лиц.

Например, 15 июля 2006 года американская газета «Вашингтон пост» опубликовала статью «Суверенная демократия», в которой, в частности, было написано, что «суверенная демократия» – термин, придуманный Кремлем, который призван донести два сообщения: первое, что текущий политический режим в России является демократией, и второе, что это утверждение должно быть принято на веру, и точка⁷. 21 июня 2009 года американский историк Ричард Пайпс заявил, что он не знает, что такое «суверенная демократия»: «я не понимаю этого термина, – или есть демократия, или нет». Демократия в России, по его мнению, существует только наполовину, и если название «суверенная демократия» именно это отражает, то это «очень хорошее тогда название. Думаю, что половина демократии»⁸.

Можно спорить о содержательности и самостоятельности термина «суверенная демократия», но значение его составляющих, а именно суверенитета и демократии, в юридической науке уже довольно давно и прочно сформировалось. В целом перед местным самоуправлением стоит задача укрепить именно эти две составляющие или, иначе говоря, на собственном примере показать гражданам Российской Федерации преимущества подобного политического устройства. Сама суть местного самоуправления в классическом её понимании есть оплот демократичности, тот кит, на котором стоит самоуправление, – это самостоятельность, то есть известная независимость в решении вопросов местного значения от внешнего воздействия органов государственной власти и других органов местного самоуправления, а также защита от неправовых форм воздействия на принятие решений внутри муниципальных образований и возможность на основании демократических процедур самостоятельно, под свою ответственность осуществлять формирование системы органов местного самоуправления и правовой основы функционирования муниципальных образований. А что такое, в свою очередь, самостоятель-

ность в принятии решений, как не базис суверенитета? Органы местного самоуправления как никто близки к населению, и та реклама, которую они смогут сделать подобному политическому устройству, должна оказать более полное и быстрое влияние на граждан, нежели подобный пример, исходящий от органов государственной власти. Первая составляющая такой рекламы – это предоставление возможности гражданину повлиять на решение насущного для него вопроса. Для большинства населения государство и его управленческая система предстают абстрактным институтом, соприкосновение с которым осуществляется в опосредованных формах, таких как уплата налогов, взаимодействие с правоохранительными органами и так далее. Реальны же для граждан их непосредственные потребности, которые часто невозможно реализовать индивидуальным путём, например, отсутствие школы для детей в районе проживания или мест для проведения досуга. Возможность удовлетворить такие потребности для граждан создаёт демократическое местное самоуправление, люди, вовлеченные посредством него в организацию, например, местной инфраструктуры, необходимой им самим, таким образом, приобретают и связь с государством, включаясь в общую систему управления и впитывая идеологическую основу демократического устройства.

Если же демократическое самоуправление, реализуя суверенную волю народа, способно обеспечить реальный примат такой воли в решении вопросов местного значения над волей государственных чиновников, то у граждан формируется важный идеологический аспект восприятия себя как единственного источника власти, что провозглашается в качестве ещё одного базиса демократии. Понимание гражданином возможности влиять на принятие важных для него самого решений и ощущение защищенности таких решений порождают очень важное в демократичном обществе явление, а именно личную инициативу, без которой демократия от идеального своего состояния смещается к искаженным эгалитарным или олигархическим формам.

Следующая составляющая идеологического закрепления идеалов демократии и суверенитета – непрофессиональное участие граждан в деятельности самостоятельного субъекта власти. Здесь присутствует несколько важных идеологических моментов. Во-первых, в демократии чем больше субъектов власти, тем полнее представлены ин-

тересы всего народа, тем полнее сама демократия и тем развитее система сдержек и противовесов между ними. Таким образом, граждане в органах местного самоуправления состоят в независимой властной структуре, способной реализовать свою волю даже в пику государственной власти, осуществляя тем самым принцип демократического плюрализма, и способной контролировать через систему сдержек и противовесов деятельность органов государственной власти. Это создаёт у населения необходимое в демократической идеологии понимание широкой доступности власти и, как следствие рост доверия к властным решениям как к результату свободного диалога всех возможных взглядов и мнений. Во-вторых, непрофессиональный характер участия – это своеобразная школа власти, способная научить граждан механизмам её реализации без полного в них вовлечения, что способствует росту правовой и политической культуры, с одной стороны, а с другой стороны, разрушает имидж управленческих органов как бюрократических, выхолощенных структур.

Таким образом, местное самоуправление, реализуя свою управленческую деятельность, должно осуществлять и распространение идеалов, вложенных в понятие «суверенной демократии», путём практического вовлечения населения в их реализацию. Проблема здесь состоит лишь в том, что практическая реализация управленческих функций местного самоуправления далеко отстоит от идеального её представления, что неизбежно мешает и реализации идеологической функции. Выше говорилось о важности для формирования идеологии наличия у населения возможности реально влиять на решение актуальных местных вопросов. Исходя из материалов аналитических исследований Института современного развития, посвященных реформе местного самоуправления, следует, что компетенция муниципалитетов друг с другом и с субъектом Федерации оказалась разграниченной лишь отчасти. Можно говорить о том, что сегодня существует ограниченный перечень общих для всей страны вопросов, которые относительно самостоятельно решают поселения (например, благоустройство), и более широкий перечень вопросов, которыми достаточно автономно занимаются городские округа. Однако абсолютное большинство вопросов решается муниципалитетами под началом и совместно с вышестоящим уровнем публично-властной системы⁹. Из такого поло-

жения дел явствует, что идеологическая функция осуществляется не через практическую деятельность по решению насущных вопросов, а через нормативное закрепление потенциальной возможности такого решения. Достаточность такого идеологического влияния зависит от степени доверия населения к нормативным решениям органов власти. По данным опросов среди фокус-групп, проведенных Институтом современного развития, многие представители органов местного самоуправления говорят об аполитичности населения. Это относится ко всем поколениям – как к старшему, так и к молодому. При этом некоторые эксперты отметили, что молодежь иногда интересуется возможным ресурсом местной власти в целях осуществления предпринимательской деятельности. Однако в целом она «аполитична» и существования местного самоуправления практически не замечает¹⁰. Это вполне закономерный итог понимания ограниченности возможности влиять на решение насущных проблем через органы местного самоуправления.

Говорить о степени защищенности местных решений от воздействия государственных структур в ситуации, когда механизмы реального государственного контроля вышли далеко за рамки, установленные Федеральным законом № 131-ФЗ, по меньшей мере необдуманно. По сути, органы местного самоуправления оказались переподчинены контролирующим органам, усмотрение которых приобрело определяющее значение. Помимо этого явно обозначилась тенденция давления на глав местного самоуправления, материалы о которой изобилуют в СМИ последних лет и посвящены мониторингу фактов давления на глав муниципальных образований, подготовленного комиссией Общественной палаты по местному самоуправлению и Центром политической конъюнктуры России и представленного 27 августа 2009 года. Как, например, отмечает газета «Трибуна», «в рамках сбора информации для мониторинга комиссия обнаружила в 2008 году 81 факт давления. Это значительно больше, чем за тот же период минувшего года, что, впрочем, объяснимо. В стране, лишенной демократических традиций, органы местного самоуправления не могут не вызывать раздражения. Давление, как правило, выражается в принуждении глав местного самоуправления к отставкам. Примерно 70 процентов руководителей сельского самоуправления отдали свои полномочия вышестоящему уровню. Свои посты вынуждены были покинуть не менее 50 глав местного

самоуправления»¹¹. Публично проводимая линия на повышение автономии дала обратный эффект: муниципалитеты стали признаваться ответственными за решение большинства вопросов, являющихся, по сути, государственными (от образования до пожарной безопасности). И это несмотря на отсутствие необходимых средств, реальных регулирующих возможностей и права самостоятельно принимать ключевые решения¹². Такое положение дел скорее подавляет индивидуальную инициативу граждан.

Что же касается потенциальной возможности местного самоуправления идти наперекор государственной воле или контролировать государственную деятельность, то такая возможность в специфике российской государственности так и не реализовывалась на практике. Потому маловероятно, что вера в неё находится на достаточном уровне для формирования демократической идеологии посредством местного самоуправления. Да и к тому же показательно, что муниципальная автономия в действительности оказалась очень ограниченной (а во многих случаях – даже условной). Отношения по принципу «начальник–подчиненный» остались распространёнными между главами субъектов Федерации и главами районов, городских округов; между главами районов и поселений. Особенно вертикальные отношения сложились по линии «регион – муниципальный район». Через функциональную необходимость, стереотипы деятельности, финансовую зависимость, совместное решение задач, выполнение переданных полномочий в большинстве регионов произошло огосударствление муниципальных районов. Районные администрации стали по факту территориальными органами администрации субъекта Федерации.

Восприятие местного самоуправления как своеобразной политической школы имеет место, хотя часто на деле приводит не к повышению уровня правовой и политической культуры, а к формированию некомпетентных местных администраций или представительных органов.

Конечно же, степень обострённости перечисленных проблем в деле укрепления идеологии суверенной демократии на местах варьируется от субъекта Федерации к субъекту, но в целом находится на тревожном уровне для решения идеологических задач местного самоуправления. Не меньшую озабоченность вызывает и задача поддержания социальной стабильности. На вопрос, что нужно людям для отказа от бунта, революций, беспорядков и про-

чих дестабилизирующих общество явлений, существует три самых популярных ответа: во-первых, стабильно высокий уровень жизни, во-вторых, ощущение защищенности от всякого рода угроз, в-третьих, «вера в царя» или открытый кредит доверия власти. Московский Институт экономики города в одном из своих исследований так отзывается о доверии: «...ключевые элементы работы с нашими гражданами – это доверие и уважение. Доверие, которое нужно формировать между всеми участниками городского коммуникативного пространства, и уважение к партнеру, без которого доверие невозможно и о котором так легко забывают многие организаторы взаимодействия с населением»¹³. Для местного самоуправления как идеологическо-стабилизационного института приоритетным будет удовлетворение именно потребности в доверии, причём доверие власти – это именно потребность общества, существование которого без легитимной власти маловероятно, будет соответствовать идеалам демократического общества.

Как уже говорилось ранее, органы местного самоуправления как никто близки к населению, и связывают его с государственной властью, реализуя удовлетворение насущных потребностей населения и выступая для него своеобразной школой власти. Соответственно доверие к государственной власти прямо пропорционально соотносится с доверием к власти на местах или к местному самоуправлению, что верно и в обратном отношении. Доверие же к местному самоуправлению в силу его сравнительной ограниченности как управленческого института за 20 лет существования Российской Федерации шло на спад, что во многом было верно и в отношении доверия к власти государственной. Вызван такой спад был всё теми же проблемами неустроенности инфраструктуры поселений, отсутствием финансовых средств решения местных проблем, низкой привлекательностью должностей в органах муниципальной власти и так далее. Причём сниженное в итоге доверие к органам местного самоуправления сегодня показывает удивительную инертность, несмотря на данные статистики, сообщающие об улучшении состояния дел в муниципальных образованиях и передаваемые средствами массовой информации, уровень доверия населения к местному самоуправлению не спешит расти. Причины того могут крыться в, пожалуй, равном недоверии населения и к органам СМИ, и органам местного самоуправления, а

может, и в незначительном характере позитивных изменений, но так или иначе, а для восстановления подорванного доверия и поддержания как следствие социальной стабильности нужны, похоже, принципиально иные методы, нежели выбранные сегодня, или же качественно большие результаты. В этом контексте часто говорят о проблеме закрытости власти в аспекте неумения органов местного самоуправления предоставлять информацию о позитивных тенденциях в решении местных проблем и заинтересовывать ею адресата.

Помимо этого по-прежнему актуальна и тесно связана с первой проблема «пожелтения» местных СМИ, выражающаяся в прочно сформировавшейся тенденции ориентации на скандальные новости, создание анти-героев. Это в совокупности формирует общественное мнение об органах местного самоуправления как о недостойной доверия структуре. Против такого положения дел местным самоуправлением реализуется политика, направленная на более тесное общение харизматичных местных лидеров с населением, выражающаяся в проведении публичных слушаний, дискуссий, «круглых столов» по актуальным местным проблемам, что в итоге должно дать пусть искусственное, но тем не менее ощущение близости каждого гражданина к местной власти. Несмотря на кажущуюся правильность такого курса, он, по сути, никак не влияет на первопричины снижения доверия, которые в то же время выступают и причинами его инертности сегодня. Оказывается, что выполнить задачу поддержания социальной стабильности в условиях финансовой ограниченности, перегруженности контролирующим воздействием со стороны государственной власти, формального характера компетенционной самостоятельности, сформировавшегося негативного имиджа, повлекшего во многом аполитичность населения, органам местного самоуправления ничуть не легче, чем задачу продвижения идеалов суверенной демократии.

В рамках поддержания социальной стабильности необходимо заботиться и об уровне жизни населения, эта задача органов местного самоуправления не случайно была отделена от поддержания социальной стабильности, причина тому – принципиально иной характер воздействия, отличный от идеологического, необходимый для её выполнения. Здесь стоит скорее говорить о финансовых и управленческих ресурсах местного самоуправления, что в рамках восприятия органов местного само-

управления как идеологического института приоритетного значения не имеет, но тем не менее без выполнения этой задачи оказание идеологического влияния было бы невозможно, ибо неизбежен был бы отказ от института местного самоуправления как такового в силу его бесполезности. Проблем в этой области у муниципальных образований едва ли не больше, чем во всех прочих. Взять хотя бы находящуюся у всех на слуху проблему распределения налоговой массы, которая при нынешнем положении дел практически не оседает в местном самоуправлении по причине попадания большинства налогов, выплачиваемых юридическими лицами, в бюджеты субъектов Федерации и федеральный бюджет, что, в свою очередь, означает отсутствие всякой связи между финансовыми активами органов местного самоуправления и экономическим развитием поселения. Подобное положение дел в других странах с давней традицией местного самоуправления признавалось бы, как минимум, странным. При этом, как ни удивительно, на органах местного самоуправления лежит задача обеспечения населения рабочими местами, что влечет за собой способствование образованию всё новых предприятий на территории поселений, налоги с которых, к сожалению, в бюджет поселения напрямую не попадают.

В итоге получается, что в Российской Федерации сложилась парадоксальная ситуация. Предполагается, что местное самоуправление способно выступить как идеологически-стабилизационный институт, причём в качестве распространяемой им идеологии понимается идеология суверенной демократии, а в качестве стабилизационной задачи – поддержание социальной стабильности путем обеспечения высокого уровня жизни для населения. На деле же оказывается, что на своем примере местное самоуправление показать преимущества демократической идеологии не способно, ибо само базовым её принципам соответствует не вполне, а точнее – только формально. Поддержать социальную стабильность не способно по причине ограниченности и компетенции, и ресурсов, и квалифицированных кадров, и доверия населения, и всего того, что не позволяет местному самоуправлению стать действительно самостоятельной властной силой, а не проводником государственной идеологии и усмирителем дестабилизирующих настроений в обществе.

Таким образом, очевиден проблемный характер осуществления органами местного самоуправ-

ления своих основных функций, в том числе идеологической функции, которая традиционно в нашем государстве признается едва ли не самой главной функцией местного самоуправления. Для изменения существующего положения дел представляется разумным разработать систему мер преодоления основных проблем местного самоуправления. Среди таковых у органов местного самоуп-

равления, как идеологического института, на первых позициях находятся отчужденность местного самоуправления от населения, недоверие населения органам местного самоуправления, нечеткое разграничение полномочий между уровнями власти, недостаточная квалификация муниципальных кадров, усложненный механизм межбюджетных отношений, и это только верхушка айсберга.

Примечания

¹ Семигин Г. Ю. Идеология [Текст] // Новая философская энциклопедия. Т. 2. – М.: Мысль, 2000.

² Витте С. Ю. Самодержавие и земство [Текст]. – СПб., 1908. – С. 73–74.

³ Ленин В. И. Сочинения. Издание четвертое. Т. 10 [Текст]. – С. 217–218.

⁴ Национализация будущего [Текст] // Журнал «Эксперт». № 43(537). – 20 ноября 2006 года.

⁵ Иванов В.В. Статья «Суверенная демократия и sovereign democracy» [Электронный ресурс] // <http://www.suverenitet.ru/>

⁶ Фененко А. В. Концепции и определения демократии [Текст]. – 2006.

⁷ Masha Lipman. Putin's «Sovereign Democracy» [Текст]. The Washington Post. – July 15, 2006.

⁸ Интервью с Р. Пайпсом на радиостанции «Эхо Москвы» [Электронный ресурс] // <http://echo.msk.ru/>

⁹ Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003–2008 гг. Аналитический доклад Института современного развития [Электронный ресурс] // <http://www.riocenter.ru/>

¹⁰ Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003–2008 гг. Аналитический доклад Института современного развития [Электронный ресурс] // <http://www.riocenter.ru/>

¹¹ Материалы газеты «Трибуна» [Электронный ресурс] // <http://www.tribuna.ru/>

¹² Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003–2008 гг. Аналитический доклад Института современного развития [Электронный ресурс] // <http://www.riocenter.ru/>

¹³ Зендриков К.Ю. Общественные информационные кампании на местном уровне: теоретические зарисовки и практические рекомендации [Текст]. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2005.

Библиографический список

1. Витте С. Ю. Самодержавие и земство [Текст]. – СПб., 1908. – С. 73–74.
2. Зендриков К.Ю. Общественные информационные кампании на местном уровне: теоретические зарисовки и практические рекомендации [Текст]. – М.: Фонд «Институт экономики города», 2005.
3. Иванов В.В. Статья «Суверенная демократия и sovereign democracy» [Электронный ресурс] // <http://www.suverenitet.ru/>
4. Интервью с Р. Пайпсом на радиостанции «Эхо Москвы» [Электронный ресурс] // <http://echo.msk.ru/>
5. Ленин В. И. Сочинения. Издание четвертое. Т. 10 [Текст]. – С. 217–218.
6. Материалы газеты «Трибуна» [Электронный ресурс] // <http://www.tribuna.ru/>
7. Национализация будущего [Текст] // Журнал «Эксперт». – № 43 (537). – 20 ноября 2006 года.
8. Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003–2008 гг. Аналитический доклад Института современного развития [Электронный ресурс] // <http://www.riocenter.ru/>
9. Семигин Г. Ю. Идеология [Текст] // Новая философская энциклопедия. Т. 2. – М.: Мысль, 2000.
10. Фененко А. В. Концепции и определения демократии [Текст]. – 2006.
11. Masha Lipman. Putin's «Sovereign Democracy» [Текст]. The Washington Post. – July 15, 2006.

R.U. CHEPRUNOV

PROBLEM CHARACTER OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION AS IDEOLOGICALLY-STABILIZATION INSTITUTE

In the article the problem of functioning of local self-government as ideological stabilization institute is considered. The basic attention is given a disbalance between proclaimed functions and really developed possibilities of modern self-management in the Russian Federation.

Key words: local self-government, «sovereign democracy», ideology, social stability, trust of the population.

В.А. АНДРИЕШ, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и технологий дошкольного образования
Орловского государственного университета
Тел. 8 910 827 7188; vaandr2009@yandex.ru

УСЛОВИЯ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГОВ В ВУЗЕ СРЕДСТВАМИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТЕСТИРОВАНИЯ*

Статья посвящена характеристике условий повышения качества профессиональной подготовки педагогов в вузе средствами педагогического тестирования: внедрение в образовательный процесс вуза авторской модели повышения качества профессиональной подготовки студентов средствами педагогического тестирования; управление познавательной деятельностью будущих педагогов; реализация лично ориентированного подхода в организации педагогического тестирования; обеспечение положительной мотивации студентов к процедуре тестирования.

Ключевые слова: педагогическое тестирование, профессиональная подготовка, контроль качества профессиональной подготовки, лично ориентированный подход.

Одной из традиционных и неизменно актуальных проблем в современной педагогической теории и практики является проблема повышения качества профессиональной подготовки будущих педагогов.

Теоретико-методологические основы профессиональной подготовки педагогических кадров представлены в трудах Е.П. Белозерцева, Е.Н. Богданова, О.С. Гребенюка, И.В. Дубровиной, И.А. Зимней, Ю.Н. Кулюткина, А.К. Марковой, Г.Б. Сухобской и др. Разработке содержательных аспектов профессиональной подготовки педагогов посвящены исследования Н. Аккерман, А.Н. Ганичевой, В.И. Гребенникова, В.И. Зацепина, О.Л. Зверевой, И.В. Власюк, Т.Ю. Гущиной, Г.И. Куцебо, С.Г. Краморенко, П.П. Пивненко, О.А. Шостакович и др. Вместе с тем, вопросы повышения качества профессиональной подготовки будущих педагогов остаются остроактуальными и практически значимыми.

Согласно анализу взглядов различных авторов (С.И. Архангельский, В.П. Беспалько, Ю.К. Бабанский, С.Я. Батышев, С.М. Василевский, Г.И. Вергелис, Л.С. Выготский, А.Н. Небаба, П.И. Пидкасистый) к основным средствам повышения качества профессиональной подготовки студентов, наиболее часто применяемым в высших учебных заведениях, относятся учебные (деловые) игры, создание проблемных ситуаций, решение педагогических задач, модульный контроль, педагогическое тестирование и др.

© В.А. Андриеш

* Исследование выполнено в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013 годы»

Особое место среди них занимает педагогическое тестирование, очевидными достоинствами которого являются универсальный охват всех стадий процесса обучения; высокая степень объективности, позитивное стимулирующее воздействие на учебную деятельность обучающихся, возможность его использования для контроля знаний, умений и навыков, и, как следствие, для повышения качества профессиональной подготовки студентов в целом (В.С. Аванесов, В.П. Беспалько, Д.В. Люсин, Б.У. Родионов, А.О. Тагур, М.Б. Чельшкова и др.).

Теоретический анализ литературы и проведенное на факультете педагогики и психологии ГОУ ВПО «Орловский государственный университет» опытно-экспериментальное исследование (2006–2009 гг.) позволяют определить условия повышения качества профессиональной подготовки педагогов средствами педагогического тестирования. В их числе – разработка и внедрение в образовательный процесс вуза модели повышения качества профессиональной подготовки студентов средствами педагогического тестирования; управление с помощью предложенной модели познавательной деятельностью студентов, предполагающей систематическое и планомерное применение педагогического тестирования в образовательном процессе вуза как средства контроля и оценки качества профессиональной подготовки обучающихся; реализация личностно-ориентированного подхода в организации педагогического тестирования обучающихся; обеспечение положительной мотивации студентов к применению педагогического тестирования. Обоснуем значимость реализации в вузе каждого из названных условий.

Разработка и внедрение в образовательный процесс вуза авторской модели повышения качества профессиональной подготовки студентов средствами педагогического тестирования.

Модель повышения качества профессиональной подготовки студентов в вузе средствами педагогического тестирования представляет собою дидактическую систему, включающую ряд взаимосвязанных компонентов: целевого, методологического, средств повышения качества профессиональной подготовки обучающихся, педагогических условий, технологического, контрольно-оценочного и критериального (рис. 1).

Предназначение целевого компонента модели заключается в целеполагании каждого этапа обу-

чения. От него зависит результативность всего дальнейшего процесса обучения. Под результативностью, в данном случае, понимается степень достижения студентами социально значимых дидактических целей, которые должны быть сформированы у выпускника вуза. Методологический компонент определяется совокупностью подходов, на базе которых организуется педагогическое тестирование в высшей школе. В контексте настоящего исследования в него вошли системный, личностно-ориентированный, компетентностный и технологический подходы.

Следующему компоненту – средства повышения качества профессиональной подготовки обучающихся, – в отличие от традиционной методики обучения, характерна вариативность форм, обеспечивающая управление познавательной деятельностью студентов, к которым в настоящем исследовании относятся учебная (дидактическая) игра, проблемные ситуации, педагогические задачи, модульный контроль и педагогическое тестирование. Оптимальное соотношение организационных форм, методов, средств индивидуальной и коллективной учебной деятельности обеспечивает поэтапное формирование у студентов необходимых знаний, умений и навыков. Однако, основной упор делается на педагогическое тестирование как средство повышения качества профессиональной подготовки обучающихся.

Очень важен технологический компонент, обеспечивающий логику организации педагогического тестирования на всем этапе изучения той или иной дисциплины. В своей структуре он имеет целевой, содержательный, организационно-деятельностный и контрольно-оценочный блоки. Контрольно-оценочный компонент определяет виды, формы и способы организации педагогического тестирования. В частности, были определены следующие виды тестового контроля: текущий, промежуточный, итоговый. Чрезвычайно важным моментом разработанной модели является установление активной обратной связи (на основе результатов педагогического тестирования), осуществляемой преподавателем между конечным и промежуточными этапами учебной деятельности. Здесь уточняются цели и содержание обучения, пересматриваются подходы к выбору организационных форм и методов профессиональной подготовки студентов.

Управление познавательной деятельностью

Рисунок 1 – Модель повышения качества профессиональной подготовки студентов в вузе средствами педагогического тестирования

студентов, предполагающее систематическое и планомерное применение педагогического тестирования в образовательном процессе вуза как средства контроля и оценки качества профессиональной подготовки обучающихся.

Данное условие нашло свое отражение в двух аспектах. С одной стороны, оно было реализовано в учебном процессе путем органичного сочетания лекционного и семинарско-практического методов обучения. Так, изучение основных вопросов дисциплины «Семейная педагогика и домашнее воспитание детей раннего и дошкольного возраста» проходит в форме классических лекций с использованием мультимедийных технологий. Семинарско-практическая работа со студентами нашла свое отражение в использовании деловых игр, занятий-реклам, занятий-аукционов, выполнении творческих профессионально-ориентированных заданий, разборе проблемных педагогических ситуаций. Так, например, семинар по теме «Становление семейной педагогики как науки» был проведен в форме деловой игры – «Научная педагогическая конференция». При этом студенты брали на себя роль ученых, руководителей научных лабораторий, практических работников и готовили сообщения на 4–5 минут, в которых раскрывали взгляды педагогов прошлого о домашнем воспитании, о проблемах семейной педагогики на современном этапе, о тенденциях ее дальнейшего развития. Пока одни участники конференции выступали, остальные фиксировали основные идеи сообщений для того, чтобы на основе этих записей «издать» сборник тезисов материалов конференции. Такая форма работы давала возможность студентам увидеть данную проблему в развитии, выработать свое видение и отношение к ней, взглянуть на проблему с позиции современных условий. Занятия-аукционы предоставляют широкие возможности для творческого самовыражения студентов. Например, для обсуждения студентам была предложена проблема «Педагогическая поддержка семей с детьми». Предварительно за 1–2 недели до проведения занятия, студенты знакомятся с литературой по проблеме, делятся на творческие группы и составляют программу работы с семьями социального риска (неполными, многодетными, молодыми семьями). На аукционе продаются свидетельства на проекты, которые получают те группы студентов, чья программа окажется наиболее интересной и рациональной. Такое

выполнение учебных заданий в подгруппах обусловило необходимость установления дружеских, взаимоотношений друг к другу и т.п. Организация работы в микрогруппах (по 4–5 человек) с назначением экспертов по оценке деятельности каждого студента с «включением» игровой профессиональной ситуации была направлена на развитие рефлексии собственной деятельности и поведения. Апробация подобных форм занятий показала, что их использование позволяет управлять учебно-познавательной активностью студентов, создать на занятиях элемент состязательности, стимулировать обучающихся на глубокое осмысление проблем, выносимых на обсуждение, способствует формированию умения принятия групповых и индивидуальных решений, их обоснования. Тот факт, что от знаний каждого студента в творческой группе зависит общая оценка команды, способствует развитию у него личной ответственности за качество своей индивидуальной подготовки.

Второй аспект данного условия заключается в том, что наряду с активными формами применялось и педагогическое тестирование, которое проводилось систематически на всех видах занятий, за исключением лекционных, что способствовало гарантированному достижению поставленных целей обучения. Основными видами тестового контроля выступили текущий, промежуточный и итоговый. Во время текущего контроля, проводимого на каждом семинарском и практическом занятиях, педагогическое тестирование применялось в форме письменного опроса по пройденной теме. Во время промежуточного контроля педагогическое тестирование проводилось в форме письменного опроса по пройденному модулю в рамках самостоятельной работы под руководством преподавателя. Во время итогового контроля, осуществляемого на зачете, педагогическое тестирование использовалось как письменный опрос по всем пройденным темам дисциплины. По результатам систематического контроля уточнялись цели и содержание обучения, пересматривались подходы к выбору организационных форм и методов обучения.

Осуществление лично ориентированного подхода в организации педагогического тестирования обучающихся.

Проанализировав взгляды различных авторов по вопросам лично ориентированного обучения в высшей школе (А.Н. Майоров, Е.И. Машбиц, А.Н. Небаба, П.И. Образцов, Ю.М. Орлов,

В. Сериков), были выделены следующие аспекты применения педагогического тестирования в контексте личностно ориентированного подхода:

- предоставление свободы выбора – задачи обучения должны учитывать не только требования государственного образовательного стандарта, учебной программы той или иной дисциплины, но и запросы, интересы и устремления студентов, что одновременно позволяет реализовывать индивидуальный и дифференцированный подходы;

- максимально возможное снятие внешнего контроля – минимизация применения наград и наказаний за результаты тестирования способствует формированию внутренней мотивации при наличии интересных тестовых заданий с высоким мотивационным потенциалом. Внешние награды и наказания (оценочные показатели) применялись не для контроля, а для информирования студентов об успешности их деятельности, об уровне их профессиональной компетентности. Это выражалось в определении перспектив обучения: студентам посредством оценки, полученной за выполнение теста, указывались перспективы его развития, возможности продвижения вперед, будущие уровни достижений и целей. Важное место в реализации данного условия занимал и стиль сообщения педагогической оценки студентам за результаты выполнения тестов. Преподаватель не просто аргументировал полученные результаты, но при этом демонстрировал гуманное и уважительное отношение к личному достоинству обучающихся.

Еще одним условием, оказывающим непосред-

ственное влияние на повышение качества профессиональной педагогической подготовки студентов, является *обеспечение положительной мотивации обучающихся к применению педагогического тестирования.*

Формирование внутренней положительной мотивации возможно путем создания ситуации успеха в учении. Для этого при проектировании педагогических тестов важно предусмотреть градацию учебного материала с учетом зоны ближайшего развития для групп студентов с разным уровнем подготовки и учебными навыками. Другими словами, речь идет о создании банка данных с педагогическими тестами разной степени сложности, применение которых позволяет осуществлять контроль одного и того же учебного материала с учетом уровня знаний, способностей и возможностей обучающихся. Следовательно, результаты текущей тестовой диагностики дают возможность оценить знания и умения студентов, распределить их в подгруппы по степени подготовки, а значит, дифференцировать процесс обучения. Итоговое тестирование, в свою очередь, позволяет объективно оценить уровень подготовки студентов с учетом разработанных преподавателем критериев оценки.

Резюмируя сказанное, важно отметить, что только комплексное воплощение всех вышеописанных условий может способствовать повышению качества профессиональной подготовки будущих педагогов средствами педагогического тестирования.

Библиографический список

1. Аванесов В.С. Основы научной организации педагогического контроля в высшей школе: учеб. пособие / В.С. Аванесов. – М.: Исследовательский центр. – 1989. – 214 с.
2. Андриеш В.А. Результаты опытно-экспериментальной работы по повышению качества профессиональной подготовки студентов в вузе средствами педагогического тестирования / В.А. Андриеш // Научные исследования в образовании. – 2008. – № 9. – С. 3–9.
3. Архангельский В.И. Лекции по теории обучения в высшей школе / В.И. Архангельский. – М., 1974. – 166 с.
4. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирования личности / В.Г. Асеев. – Волгоград: ВолГУ, 2001. – 84 с.
5. Батышев С.Я. Профессиональная педагогика: учебник для студентов, обучающихся по педагогическим специальностям и направлениям / С.Я. Батышев. – М.: Ассоциация «Профессиональное образование», 1999. – 204 с.
6. Беспалько В.П. Педагогика и прогрессивные технологии обучения / В.П. Беспалько. – М.: ИРПО, 1995. – 336 с.
7. Виленский М.Я. Технологии профессионально-ориентированного обучения в высшей школе / М.Я. Виленский, П.И. Образцов, А.И. Уман. – Орел, 2004. – 64 с.
8. Зеер Э.Ф. Личностно ориентированное профессиональное образование / Э.Ф. Зеер. – Екатеринбург, 1998. – 97 с.
9. Люсин Д.В. Основы разработки и применения критериально-ориентированных педагогических тестов: учебное пособие для слушателей курсов повышения педагогической квалификации – М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов. – М., 1993. – 355 с.

10. Майоров А.Н. Теория и практика создания тестов для системы образования: Как выбирать и использовать тесты для целей образования / А.Н. Майоров – М.: Народное образование, 2000. – 351 с.
11. Небаба А.Н. Формирование готовности студентов к развитию учебной деятельности : 13.00.08 «Теория и методика профессионального образования»: автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. пед. наук / Анна Николаевна Небаба. – Ростов-на-Д., 2003. – 27 с.: Библиогр. : 27 с.
12. Оценка качества профессионального образования / Под общей редакцией В.И. Байденко, Дж. Ван Занворта. – М., 2001. – С. 40-63.
13. Педагогика: учеб. пособие для студ. пед. вузов и пед. колледжей / Под ред. П.И. Пидкасистого. М.: Педагогическое общество России, 1998. – 280 с.
14. Управление познавательной деятельностью учащихся / Под ред. П.Я. Гальперина и Н.Ф. Талызиной. – М.: МГУ, 1972. – С. 260–273.
15. Raven, J. Quality of Life, the Development of Competence, and Higer Education. Higer Education, 13, 3193–404, 1984.

V.A. ANDRIESH

CONDITIONS OF IMPROVEMENT OF QUALITY OF VOCATIONAL TRAINING OF PEDAGOGICS IN HIGH SCHOOL MEANS OF PEDAGOGICAL TESTING

Article is devoted the characteristic of conditions of improvement of quality of vocational training of pedagogics in high school by means of pedagogical testing: introduction in educational process of high school of author's model of improvement of quality of vocational training of students by means of pedagogical testing; management of informative activity of the future teachers; realization of the lichnostno-focused approach in the organization of pedagogical testing; maintenance of positive motivation of students to testing procedure.

Key words: pedagogical testing, vocational training, the vocational training quality assurance, the lichnostno-focused approach.

М.Ю. АРТЕМОВ, учитель русского языка и литературы школы
«Президент» г. Москвы, аспирант кафедры методики преподавания
русского языка и литературы
Московского государственного областного университета
Тел: 8-926-101-80-29, mikhail-artyomov@yandex.ru

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕТОДА ПРОЕКТОВ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена истории метода проектов и его анализу. В ней метод проектов рассматривается как учебный метод в системе языкового образования. В статье представлены основные этапы развития метода проектов и классификация проектов, составленная Е.С. Полат, также классификация этапов проектной деятельности, составленная Е.С. Антоновой. Сопоставление данной интерпретации и проверенных научных источников, приведённых в статье, позволяет сделать вывод о преимуществах и ошибках применения метода проектов в педагогической практике на современном этапе.

Ключевые слова: проект, проекция, метод проектов, способности, готовности, педагогическая технология, компетенция, коммуникативная компетенция, коммуникативно-деятельностный подход.

В современном мире человеку очень важно успешно реализоваться, научиться ставить перед собой задачи, уметь решать их. Успешного человека отличает прежде всего умение организовывать коммуникацию, потому что грамотно организованная коммуникация открывает перед ним большие возможности. Умению правильно и быстро вступать в коммуникацию, правильно её организовывать способствует языковое образование. Идеологи современного образования в новых государственных стандартах предлагают дать ученику больше самостоятельности в процессе обучения, сделать так, чтобы ученик самостоятельно приходил к решению задачи путём проб и ошибок, потому что именно так можно воспитать самостоятельного и успешного человека. Помочь ученику стать самостоятельным, каждый день совершать открытия для себя может метод проектов. Говоря о языковом образовании, которое является базой для всего учебного процесса, следует отметить, что метод проектов может сделать его более качественным, так как его основной задачей является развить у учащихся интерес к исследовательской деятельности. Изучая язык с позиции исследователя, самостоятельно делая выводы и обобщая знания, учащиеся становятся оспособленными грамотно и самостоятельно выстраивать коммуникацию, а значит, обязательно будут успешными людьми в современном обществе.

Метод проектов не является изобретением современной педагогики. Он возник еще в 20-е годы прошлого столетия в США. Основателем этого педагогического метода считается американский философ-прагматик, психолог и педагог Джон Дьюи (1859–1952), хотя в своих работах он не использовал слово «проект». В книге «Школа и общество» он писал: «С точки зрения ребенка самый большой недостаток школы происходит от невозможности для него свободно, в полной степени использовать опыт, приобретенный вне школы, в самой школе. И, наоборот, с другой стороны он оказывается неспособным применить в повседневной жизни то, чему научился в

школе» [3, 8]. Дьюи говорит о том, что школа должна быть «ячейкой общественной жизни», он выступает за полную реорганизацию школы, ликвидацию классно-урочной системы, внедрение трудовой деятельности, которая способна воспитать в ребёнке полноценного члена общества. «Мы должны относиться к работам по дереву и металлу, ткачеству, шитью, стряпне как к потребностям жизни, <...> как к средству показать детям основные нужды общества и способы удовлетворения их, – ведь только такой общественный характер физического труда преобразует школу из места где учат уроки, в настоящую ячейку общественной жизни» [3, 9]. Таким образом, Дьюи предлагает преобразовать школьную систему обучения в процесс получения практических знаний самими учениками. Он предполагал, что эти знания в дальнейшем будут подкреплены теоретически. Чтобы выполнять работу подобного рода, нужно иметь в ней личную заинтересованность, об этом учёный говорит в первую очередь: «Всякое мышление, каково бы оно ни было, если оно только мышление, проходит фазу оригинальности, оригинальность – значит личный интерес к вопросу, личная инициатива в отношении к представлениям, доставленным другими и искренность при их проведении до проверенного вывода» [4, 177]. Говоря другими словами, Дж. Дьюи организовывал трудовые школы, где дети получали возможность применять полученные знания на практике или через практику могли бы прийти к теоретическим знаниям. Его попытка научно описать этот процесс положила начало проектной методологии. Дж. Дьюи считал, что в организации обучения следует исходить из четырех «инстинктов учащегося»: инстинкта делания, исследовательского, художественного и социального инстинктов. Идея «конструктивного» обучения Дж. Дьюи была поддержана профессором Колумбийского университета Ч.Р. Ричардсом, который первый употребил термин «проектное обучение».

В 1911 году Бюро Воспитания США узаконило термин «проект», и он стал все более прочно укрепляться в американской педагогике. Универсальное использование метода проектов обусловило его новое определение, которое дал педагог, философ, друг и коллега Дж. Дьюи профессор педагогике учительского колледжа при Колумбийском университете Уильям Херд Килпатрик. Он утверждал, что проект, это «всякая активность, всякая деятельность детей, которая ими выбрана

свободно и поэтому выполняется охотно, от всего сердца» [6]. Ребенку может принести пользу только та деятельность, которая выполняется с большим увлечением. Поэтому достоинство всякого проекта определяется степенью заинтересованности учащихся. В дореволюционные годы С.Т. Шацкий пытался решить задачу всестороннего развития ребенка в процессе его разнообразной деятельности – посильного физического труда, игры, занятий искусством. Анализируя опыт своей работы, С.Т. Шацкий делает вывод: «Итак, канву материальную, дисциплинирующую и опытную дает физический труд, обслуживающий детей и посильный для них» [8, 33]. С.Т. Шацкий считал, что сочетание всех видов деятельности определяет полноту жизни детей, ее разносторонность, содержательность, обеспечивает всестороннее развитие детей. Встав на путь прогрессивной педагогики, С.Т. Шацкий, как и его американские коллеги, боролся с тем, чтобы ребёнок получал лишь теоретические сведения, которые чрезвычайно сложно интериоризируются, если утеряна их связь с практикой. Качественное своеобразие новой школы Шацкий видел в ее стремлении исследовать социальные факторы в воспитательном процессе. «В общем, характеризуя новые направления, мы можем определенно сказать, что переходим от педагогики индивидуальной к педагогике социальной. И это глубоко правильно» [8, 40]. Согласно взглядам С.Т. Шацкого, научный подход к педагогике начинается там, где воспитание строится на основе познанных фактов воздействия среды, где корни конфликтных ситуаций, возникших в школе, ищут не только в жизни детских коллективов, но и в окружающей социальной среде. Известный педагог утверждал, что, занимаясь обучением и воспитанием детей только в стенах школы, мы обрекаем усилия педагогов на неудачу, так как воспитательные действия, не поддержанные самой жизнью, будут либо отброшены учащимися, либо будут способствовать воспитанию тех, кто соглашается с установками педагогов, но поступает им вопреки.

Для изучения процесса взаимодействия школы и социальной среды, а также разработки других актуальных вопросов школы были организованы опытные станции. Одним из таких учреждений и была «Первая опытная станция по народному образованию», которую возглавил С.Т. Шацкий. Он хотел создать школу, которая выступала бы орга-

низатором, контролером и регулятором воздействия среды на ребенка. Заметим, что именно такую функцию определяли для педагога в стенах школы и Джон Дьюи и Уильям Килпатрик. Такая школа организовывала учебно-воспитательный процесс, учитывая ценный опыт ребенка и его возрастные особенности. Дети получали глубокие и прочные знания, которые использовали в общей полезной деятельности, а впоследствии и в жизни. «Мы – товарищи детей, мы должны делать все, что делают дети, не должны цепляться за свой авторитет, чтобы не подавить ребят. Мы должны самым точным образом подчиняться всем правилам, которые вырабатывают дети» [8, 45], – трудно оспаривать верность этих слов, принадлежащих выдающемуся педагогу.

Говоря современным языком, опытная станция Шацкого представляла собой первое в стране и мире научно-производственное педагогическое объединение. Этот опыт нашел продолжение в деятельности члена-корреспондента АПН СССР Ш.А. Амонашвили. Несмотря на то, что С.Т. Шацкий был прогрессивным педагогом своего времени, детально описал ту школу, которая должна была стать «центром детской жизни», создал такую школу на базе «Первой опытной станции», его метод не стал универсальным, не стал развиваться после его смерти. На наш взгляд, это произошло потому, что С.Т. Шацкий был человеком своего времени, а советское время диктовало командную систему как в политике, так и в образовании, не ушёл от этого и С.Т. Шацкий. По его мысли, учитель, преподаватель – ключевая фигура перестройки школы. Широкий кругозор и высокая нравственность делают педагога личностью. Без такой личности нет школы. Личный пример педагога оставляет след у молодых людей на всю последующую жизнь. Если следовать этой идее, получается, что образовательный процесс замыкается на учителе, на его личности. Но если мы говорим о самостоятельности, которую должен проявлять ребёнок при решении проблемы, об исследовании, которое он должен совершить, чтобы получить желаемый результат, то роль учителя должна быть совершенно иной: он должен лишь руководить деятельностью, организовывать её, а не замыкать на себе, на своей личности. И тогда центром образовательного процесса станет ребёнок, который будет способен самостоятельно решать поставленные перед ним задачи.

В 1931 году Постановлением ЦК ВКП (б) метод проектов был осужден, а его использование в школе – запрещено. В СССР метод проектов возродить в школе не торопились, а в англоговорящих странах – США, Канаде, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии – применяли активно и весьма успешно. В Европе он прижился в школах Бельгии, Германии, Италии, Нидерландов, Финляндии и многих других стран. Разумеется, со временем произошли изменения: сам метод развивался, идея приобрела технологическую поддержку, появились подробные педагогические разработки, позволяющие научно описать этот метод. Впоследствии метод проектов успешно интегрировался в структуру образовательных методов. Но суть его остается прежней – стимулировать интерес учеников к знанию и научить практически применять эти знания для решения конкретных проблем вне стен школы.

После того, как в 30-е годы прошлого столетия столь прогрессивный и многообещающий метод проектов был исключён из советских школ и запрещён к использованию, о нём не вспоминали вплоть до 80-х годов XX века, и намечавшийся прогресс отечественного образования был заморожен на долгие годы, а сама Россия в своём педагогическом развитии отброшена назад почти на 60 лет. Но в 80-е годы, в период перестройки об этом методе вспомнили, как и о многом другом, забытом когда-то. Именно тогда среди педагогов начал появляться интерес к трудам С.Т. Шацкого, его коллег, разрабатывавших когда-то передовые образовательные технологии, которые были впоследствии запрещены, как антисоветские. Говоря о нынешнем состоянии среды образования, следует сказать, что метод проектов как образовательная технология получил научное освещение в современном ракурсе в трудах профессора Евгении Семёновны Полат, и практическое применение в её профессиональной преподавательской деятельности. Она, также, как когда-то Дж. Дьюи и С.Т. Шацкий, указывает на практическую направленность любого проекта, на конкретный результат, который должен быть достигнут с помощью проектной деятельности. «В основу метода проектов положена идея, составляющая суть понятия «проект», его прагматическая направленность на результат, который можно получить при решении той или иной практически или теоретически

значимой проблемы. Этот результат можно увидеть, осмыслить, применить в реальной практической деятельности» [5, 35]. Профессор Е.С. Полат занималась методикой изучения английского языка, и проектное обучение она начала внедрять именно на своих уроках английского языка. Такое обучение стало приносить хорошие результаты. Тогда профессором Полат Е.С. этот метод был описан с научной точки зрения.

Наиболее полной классификацией проектов в современной отечественной педагогике является классификация, предложенная в учебном пособии Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркиной и др. Она может быть применена к проектам, используемым в преподавании любой учебной дисциплины. В данной классификации по нескольким критериям выделяются следующие разновидности проектов:

Основания классификации	Разновидность проектов
По методу, доминирующему в проекте	исследовательские творческие приключенческие, игровые информационные практико-ориентированные
По характеру координирования проекта	с явной координацией со скрытой координацией
По характеру контактов	внутренние (региональные) международные
По количеству участников	личностные (индивидуальные) парные групповые
По продолжительности проведения	краткосрочные средней продолжительности долгосрочные

В своей статье «Метод проектов» профессор Е.С. Полат выделяет пять основных требований к использованию метода проектов в современном образовательном процессе:

1. Наличие значимой в исследовательском, творческом плане проблемы/задачи, требующей интегрированного знания, исследовательского поиска для ее решения (например, исследование демографической проблемы в разных регионах мира; создание серии репортажей из разных концов земного шара по одной проблеме; проблема влияния кислотных дождей на окружающую среду, пр.).

2. Практическая, теоретическая, познавательная значимость предполагаемых результатов (например, доклад в соответствующие службы о демографическом состоянии данного региона, факторах, влияющих на это состояние, тенденциях, прослеживающихся в развитии данной проблемы; совместный выпуск газеты, альманаха с репортажами с места событий; охрана леса в разных местах, план мероприятий, пр.);

3. Самостоятельная (индивидуальная, парная, групповая) деятельность учащихся.

4. Структурирование содержательной части проекта (с указанием поэтапных результатов).

5. Использование исследовательских методов, предусматривающих определенную последовательность действий:

- определение проблемы и вытекающих из нее задач исследования (использование в ходе совместного исследования метода «мозговой атаки», «круглого стола»);
- выдвижение гипотез их решения;
- обсуждение методов исследования (статистических методов, экспериментальных, наблюдений, пр.);
- обсуждение способов оформления конечных результатов (презентаций, защиты, творческих отчетов, просмотров, пр.);
- сбор, систематизация и анализ полученных данных;
- подведение итогов, оформление результатов, их презентация;
- выводы, выдвижение новых проблем исследования.

Е.С. Полат утверждает, что «В основе метода проектов лежит развитие познавательных навыков учащихся, умений самостоятельно конструировать свои знания, умений ориентироваться в информационном пространстве, развитие критического и

творческого мышления» [5, 42]. Из этого утверждения следует, что ученик должен стать исследователем сам, а не просто ограничиваться готовыми знаниями, которые ему сообщит учитель. Именно эта способность самостоятельно добывать и классифицировать знания позволяет ученику ориентироваться в современном информационном пространстве. Профессор Кансайского университета в Японии Ханс Ли, который многие годы изучал и внедрял метод проектов по обучению английскому языку как второму не только в своём университете, но и в японских средних школах, тоже выделяет деятельностную основу проектного обучения языку как ведущую. «В рамках проекта учащиеся работают небольшими группами в течение определённого времени над рядом задач с целью создания конечного продукта. Такая работа может способствовать совместному обучению, творческому мышлению и самостоятельному исследованию» [7, 3]. Профессор Ли делает акцент на исследовательской проектной деятельности. Если разобраться, то в обучении языку, исследовательская деятельность является необходимым элементом обучения. Ханс Ли ещё в начале своей статьи («What can project work achieve in the Asian teaching context?») говорит о том, что главное отличие проектного обучения от стандартного в том, что ученик должен знать, какой продукт деятельности он получит по завершении работы над проектом, поскольку проектная деятельность, это деятельность, нацеленная на конкретный результат. Е.С. Полат, тоже упоминая о конечном продукте деятельности в проектном обучении иностранному языку, делает акцент на то, что люди, будь то взрослые или дети, работая над проектом, должны обязательно научиться мыслить самостоятельно, именно это должно усилить результативность работы. «Чтобы добиться такого результата, необходимо научить детей или взрослых студентов самостоятельно мыслить, находить и решать проблемы, привлекая для этой цели знания из разных областей, умения прогнозировать результаты и возможные последствия разных вариантов решения, умения устанавливать причинно-следственные связи» [5, 40]. Таким образом, учёные дают нам чёткое представление о самом методе проектов в сфере образования, о применении этого метода в обучении иностранному, в частности английскому языку, описывают этапы, из которых должен состоять проект, если мы будем

применять его для обучения английскому языку как иностранному.

Е.С. Полат упоминает термин «педагогическая технология», поясняя его значение следующим образом. «Если говорить о методе проектов как о педагогической технологии, то эта технология предполагает совокупность исследовательских, поисковых, проблемных методов, творческих по самой своей сути» [5, 41]. Но технология – это совокупность средств и методов, то есть определённый алгоритм деятельности. Если рассматривать работы Е.С. Полат и Ханса Ли именно с точки зрения описания технологии проектной деятельности, то можно сказать, что они очень глубоко и подробно описывают сами проекты, созданные учащимися, требования к проектной деятельности, этапы проектной деятельности, но саму технологию никто из них не описывает. А между тем именно педагогическая технология является методологическим обеспечением любой деятельности, включая и проектную. Нужна своего рода универсальная формула, методический алгоритм, опираясь на который, учитель всегда сможет правильно и продуктивно организовать любую проектную деятельность учащихся, в том числе и в обучении родному языку. Языковое образование, как уже упоминалось выше, невозможно без коммуникации, а поскольку обучение языку, это обучение компетенциям, то, прежде всего, мы должны говорить о коммуникативной компетенции.

В методике преподавания русского (родного) языка к разработке технологии коммуникативно-деятельностного подхода обратилась профессор Антонова Е.С. В её учебном пособии об этом подходе говорится как об эффективном основании преподавания русского языка в средней школе. «Во всех современных дефинициях методику преподавания русского языка учёные-методисты связывают с деятельностью двух субъектов педагогического процесса: учителя и ученика<...> Поэтому первым принципиальным основанием методики как науки является деятельностный подход...» [1, 14].

Как мы видим, учёные из разных стран, изучающие разные области методического знания обращаются к деятельностному подходу и ставят его во главу угла. Е.С. Антонова в своей разработке коммуникативно-деятельностного подхода к обучению русскому языку опирается на понятие «акт деятельности», введенное методологом Г.П. Щедровицким. Научная новизна теории Е.С. Антоно-

вой заключается в том, что «акт деятельности» становится единицей процесса обучения, которая позволяет технологически точно описать деятельности учения и обучения.

Е.С. Антонова, вслед за Г.П. Щедровицким, представляет педагогическую сферу человеческих отношений как производство. «Понятие акта деятельности может быть использовано учителем для точного представления всех компонентов своей профессиональной деятельности<...>. Это также даёт возможность совершенствовать своё педагогическое «производство»...» [1, 92] Таким образом, учитель как производитель имеет дело с особым материалом – сознанием, в котором продвижение в развитии представлено такими ментальными организованностями, как эпистемы (знания о знаниях и умениях), и путём воздействия на этот материал своими профессиональными средствами получает продукт – продуктивно развивающееся сознание с обновляемыми (изменяющимися) способностями и готовностями, оснащенное пониманием способов их приобретения. Именно такой процесс, по концепции Е.С. Антоновой, и является актом образовательной деятельности, в результате которой происходит целенаправленный рост и становление ученика как самостоятельной личности.

При работе над проектом ученик под руководством учителя учится использовать акт деятельности как средство достижения намеченной цели. Переходя от одного этапа к другому, он меняет виды деятельности. Так на первом этапе основным видом деятельности ученика является планирование. Он должен определиться, **что** он будет делать и **как** он будет это делать. На следующем этапе работы основным видом ученической деятельности является исполнение запланированного. И, наконец, на заключительном этапе деятельности ученик должен сравнить тот продукт, который у него получился при работе над проектом с тем продуктом, создание которого он запланировал в самом начале своей работы. Совершенно очевидно, что между этими продуктами будет разница, и тогда в силу вступает новый вид деятельности – анализ. Такой ученик, который совершил анализ проделанной работы, произвёл рефлексию над ней, становится деятелем, способным самостоятельно выполнять учебные задачи.

Учебный проект предполагает смену видов и этапов деятельности, согласно «акту деятельнос-

ти». Е.С. Антонова рассматривает пять этапов коллективной проектной деятельности:

1. Поисково-исследовательский этап, на котором учащимся предстоит определить тему проектной деятельности, выбрать предполагаемый продукт, форму его презентации, определить своё место в коллективном проекте.

2. Технологический, где учащиеся должны описать предполагаемый продукт, подобрать материалы и средства для исполнения этапов работы, продумать критерии оценки продукта.

3. Практический, на котором учащиеся должны исполнить запланированные действия, делая рефлексивные остановки после каждого этапа проектной деятельности.

4. Аналитико-корректировочный этап, где учащиеся должны сравнить полученный продукт с запланированным, отразить способы достижения цели, внести необходимые изменения.

5. Итоговый этап, на котором следует представить результат проекта, ход его достижения и способы исполнения.

Со сменой этапов работы над проектом, должны меняться и виды деятельности учащихся. Так, первому этапу соответствует вид ученической деятельности по анализу ситуации в тематической сфере, выявлению противоречий, определению проблемы, постановке цели, выделению из неё конкретных задач, подбору авторитетных источников, то есть все действия, которые необходимы для планирования своей работы. Второму этапу соответствует представление продукта и оформление его, определение критериев оценки продукта и способов его создания. На третьем, практическом этапе должна проходить самостоятельная работа над продуктом, поэтапная реализация проекта, рефлексия промежуточных ситуаций и способов достижения цели. Четвёртый этап предполагает проверку результата на соответствие цели и начальным представлением о ней, анализ компонентов акта деятельности, иллюстративного материала. На пятом этапе учащиеся должны выполнять деятельность по представлению продукта своего проекта и взаимной оценке работ участников проекта.

Новые стандарты образования предлагают два продуктивных вида учебной деятельности: исследовательская деятельность и проектная деятельность. Трудно представить современную школу без проектной деятельности. Проект в силу своей эффективности и соответствия требованиям Стан-

дарта школ России медленно, но верно выходит на первый план и скоро станет одним из основных видов учебной деятельности в школах России.

Отсутствие методологической базы проектной деятельности, приверженность учителей современной школы к старым «советским» методам преподавания, неспособность работать в рамках коммуникативно-деятельностного подхода ведёт к превратному пониманию проекта, как вида деятельности и, как следствие, неправильному его

применению. Например, С.В. Столбунова в своей лекции «Метод проектов на уроках русского языка» методически неверно определяет виды и этапы проектной деятельности, которую выполняют ученики совместно с учителем. Она предлагает рассмотреть «Технологическую карту проекта».

Мы видим, что данная карта искажает представление о проектной деятельности на уроках русского языка, которая, почему-то, названа проективной¹, что в корне неверно. Этапы только на-

Этап проектной деятельности	Алгоритм деятельности учащихся	Алгоритм деятельности учителя
1. Поисково-исследовательский: краткая формулировка задачи, поиск и анализ проблемы	Выбор вида проектной деятельности из предложенного руководителем (урок-концерт или иллюстрированный сборник стихов). Знакомство с целями и задачами выбранного вида проектной деятельности: в ходе анализа литературных образцов осознать красоту и величие родной земли, сформировать индивидуальное отношение к героическому прошлому своей Родины. Материал: тексты, предложенные в учебнике-хрестоматии. Анализ тематики, проблематики, использование художественно-образительных средств. Подбор литературных произведений по данной теме	Формулирует цели и задачи. Руководит деятельностью учащихся. Формирует идею проекта исходя из потребностей и реально доступных ресурсов. Руководит аналитической работой с литературными образцами. Помогает систематизировать материал, сделать выводы о значении и индивидуально-авторском восприятии родной земли
2. Технологический – выполнение запланированных тренировочных упражнений	Лингвистическая работа: подбор эпитетов, сравнений, метафор, сочинение стихотворений на заданные рифмовки. Художественно-оформительская работа: выполнение набросков иллюстраций к сборнику	Контролирует, корректирует выполнение заданий
3. Практическая реализация проекта: подбор материалов, инструментов и приспособлений для исполнения работы	Самостоятельная работа над созданием литературно-поэтического текста. Создание иллюстративного материала для поэтических текстов. Распределение ролей (художники-оформители, технический редактор) и оформление проектов	Консультирует, направляет, стимулирует творческую активность детей
4. Внесение необходимых изменений	Литературная правка: работа с орфографией и пунктуацией, работа со стилистикой и смысловой наполняемостью стихотворного текста	Контролирует, координирует, корректирует деятельность учащихся
5. Заключительный этап (презентация проекта)	Представление своего проекта; самооценка проекта и взаимооценка работ участников проекта	Помогает готовить презентацию, помогает сделать выводы о значении проективной деятельности

званы автором, но их содержание отсутствует. И учителю, к которому попадает такая карта в виде методических рекомендаций становится непонятно, какой ряд задач должен ставиться перед учащимися на каждом этапе проекта. В графах таб-

лицы, где как бы представлен алгоритм деятельности ученика и учителя, собственно алгоритм отсутствует, а то содержание, которым наполнены эти графы, правильнее было бы сделать содержанием этапов. Автору следовало бы учесть,

что согласно акту деятельности, у ребёнка меняются виды деятельности на каждом этапе его работы, и понятие алгоритма деятельности здесь не совсем уместно. Таким образом, описание видов деятельности учащихся также отсутствует у автора данной методики.

Метод проектов в истории своего развития и применения прошёл путь длиной практически в столетие. И за это время, зародившись как трудовая деятельность в школе, методология Дж. Дьюи, ставившая цель воспитать социально развитого и подготовленного к жизни человека, претерпела качественные изменения. Метод проектов сегодня

стал востребован, наконец, как один из продуктивных видов учебной деятельности, рекомендованной современными образовательными стандартами школ России. Но, несмотря на это, проектная деятельность в школах ещё довольно слабо развита, не отрегулирована и не описана методически. Поэтому её путь в современном языковом образовании только начинается, и задачей методистов и учителей, которые берут на себя труд внедрять метод проектов в школьную практику, является разработка поэтапного анализа проектной деятельности ученика и правильная методическая организация её этапов.

Примечание

¹ ПРОЕКЦИЯ (от лат. *projectio* — бросание вперед).

1. Психологический механизм, заключающийся в бессознательном приписывании субъектом имеющихся у него неосознаваемых мыслей, переживаний, черт и мотивов другим людям.

Впервые использовавший это понятие З. Фрейд рассматривал в качестве содержания П. социально неприемлемые желания и тенденции, вытесненные субъектом. П. выступала у Фрейда как один из механизмов психологической защиты (см. Защита психологическая) от осознания наличия у себя этих тенденций. Наиболее широкое понимание П. определяет ее как обусловленность восприятия человеком предметного мира и др. людей собственными потребностями и личностными чертами.

2. Методический принцип, лежащий в основе особого класса психодиагностических методик — проективных методик или техник (см. Тесты проективные). Для этого класса методик характерна неопределенность стимульного материала или инструкции, приводящая к активному включению испытуемого в процесс их интерпретации и выполнения задания. Через механизм П. на эти процессы оказывают влияние личностные черты и мотивы испытуемого. Особенности интерпретации человеком объективно неоднозначных событий и ситуаций и приписывания определенных черт и мотивов персонажам, действующим в этих ситуациях, позволяют делать диагностические заключения о структурах личности испытуемого, обусловивших именно такую, а не иную интерпретацию. (Д. А. Леонтьев.) [2, 352]

Библиографический список

1. Антонова Е.С. Методика преподавания русского языка: коммуникативно-деятельностный подход: учебное пособие. — М.: КНОРУС, 2007. — 464 с.
2. Большой психологический словарь Под ред. Мещерякова Б.Г., Зинченко В.П. — М.: Прайм-Еврознак, 2003. — 672 с.
3. Дьюи Дж. Школа и общество. — М.: торг. дом А. Печковский, 1907. — 58 с.
4. Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления. — М.: «Мир», 1915. — 254 с.
5. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина, М. В. Моисеева, А. Е. Петров. — М.: Академия, 2002. — 272 с.
6. Педагогическая логия. 2003/04 учебный год. Метод проектов в школе // Спец. прилож. к журналу «Лицейское и гимназическое образование», вып. 4. 2003.
7. Hans Lal Kansai Gaidai University, Japanhanslal@kansaigaidai.ac.jp. — 8 с.
8. Шацкий С.Т. Пед. соч. в 4-х тт., т.2. М.: 1964. — 562 с.

M.U. ARTEMOV

HISTORICAL AND CRITICAL ANALYSIS OF PROJECT WORK IN A SYSTEM OF LINGUISTIC EDUCATION

The article deals with project work history and its analysis. The project work is considered there as an educational one in the system of linguistic education. The article shows the basic stages of project work development, project classification by E.S. Polat and project activity stepwise classification by E.S. Antonova. Comparing this interpretation with reliable science-based sources presented in the article we can make the conclusions about advantages and deficiencies of this pedagogical method.

Key words: project, projection, project work, abilities, readiness, pedagogical technology, competence, communicative competence, communicative through activity method.

Г.В. БАКАЛДИНА, кандидат педагогических наук,
доцент Орловского государственного технического университета
Тел.: 8910 203 73 99, bakaldina.galina@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ПРОПЕДЕВТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ БАУХАУЗА И ВХУТЕМАСА

В статье рассматриваются пространственные представления как существенное профессиональное качество личности дизайнера. Раскрываются возможности пропедевтики в формировании пространственного мышления студентов. Обозначен вклад педагогов Баухауза и ВХУТЕМАСа в формирование основ пропедевтической модели обучения будущих дизайнеров композиционному формообразованию.

Ключевые слова: пространственное мышление и пространственные представления дизайнера, метод абстрактного композиционного моделирования, пропедевтика, пропедевтические концепции Баухауза и ВХУТЕМАСа.

Практика показывает, что осознание смысла пространства в качестве основного формообразующего компонента (так называемое «пространствопонимание») и приобретение опыта работы с ним являются одними из важнейших задач в обучении проектированию будущих средовых дизайнеров. В связи с этим важнейшим профессиональным требованием к дизайнеру среди других, не менее существенных качеств личности, становится высокий уровень пространственного мышления и пространственного представления, которые входят в число значимых общепрофессиональных компетенций будущего дизайнера.

Психологи рассматривают пространственное мышление как специфический вид мыслительной деятельности, проявляющейся в особенностях материала, с которым оперирует мышление, и его содержанием. Средовой дизайнер в своей профессиональной деятельности должен ориентироваться в видимом или воображаемом пространстве, уметь анализировать пространственные свойства и отношения реальных объектов. Психологи указывают, что решение таких задач опирается не на слово (понятие), а на зрительный образ (представление), а процесс пространственного мышления по своему содержанию протекает в образной форме в результате различных преобразований представлений. Такой образ рассматривается как оперативная единица пространственного мышления. Создание такого образа есть результат особой интеллектуальной деятельности, требующей специальных навыков и умений, наличия выработанных установок внимания, определенной культуры видения. Вызывает сомнения, что всеми этими качествами обладают студенты на начальном этапе их профессиональной подготовки.

Д.Л. Мелодинский, анализируя изъяны учащихся, приступающих впервые к проектированию, в отношении пространственного мышления указывает на два момента. Во-первых, бедность представлений (образов памяти) – их запас недостаточен для свободного воображения и получения новых образов. Во-вторых, отсутствие навыков и умений оперирования с образами, их трансформации, взаимодействия начальных и промежуточных образов [2, с. 147]. Таким образом, развивать пространственные представления и пространственное мышление студентов необходимо с самых первых этапов их обучения.

Выделение пространства как категории формообразования, поиск дидактических способов активного нацеливания учащихся на понимание и ощущение пространства, овладение приемами работы с ним было впервые апробировано представителями формальной школы.

«Метод абстрактного композиционного моделирования» был разработан еще в 20-е годы прошлого века в первых школах дизайна – германском Баухаузе и советском ВХУТЕМАСе. Это пропедевтические курсы ВХУТЕМАСа «Графика» (А. Родченко), «Цвет» (А. Веснин и Л. Попова), «Объем» (А. Лавинский и А. Бабичев), макетный метод моделирования Н. Ладовского, курс объемно-пространственной композиции В. Кринского и Н. Докучаева. В Баухаузе на основе абстрактного композиционного моделирования строились фор-курсы Иоханеса Иттена, Ласло Мохой-Надя, Йозефа Альберса, курс основ формообразования и аналитического рисунка Василия Кандинского [2, 3, 4, 9, 10].

Одним из важнейших принципов преподавательской деятельности в первых школах дизайна было «очищение художественного образа» от лишних декоративных элементов, доходя до простейших форм. В обеих школах преподавателями был провозглашен курс на первоэлементы: линия, геометрическая форма, цвет, фактура, движение и взаимодействие этих простых форм. Приветствовались учебные упражнения и задания, направленные на абстрагирование от реальности, т.е. ее проявление в виде геометрических композиций из простейших фигур [3, с. 105].

Признанный лидер Баухауза Вальтер Гропиус полагал, что реализовать целостную систему художественно-творческого воспитания на первом этапе обучения призвана пропедевтика, ибо только она свое учебное содержание, доступное учащемуся, берет в отношении к целому, и если членит единый предмет на изолированные части для поэтапного изучения, то ни в коем случае не теряет из виду эту изначальную целостность. Им была разработана «концентрическая модель обучения», которая включала в себя все важнейшие компоненты проектирования и технологии, чтобы дать ученику сразу же проникнуть взором в полную сферу его будущей деятельности. Последующее обучение в большой мере наделяло это знание жизнью и глубиной; оно отличалось от «подготовительного обучения» только уровнем и основа-

тельностью, но не сущностью» [2]. Предварительный или пропедевтический курс (Vorkurs), был введен Вальтером Гропиусом в практику первоначального обучения в Баухаузе для всех студентов, независимо от их дальнейшей специализации.

Йозеф Альберс писал: «Академическое изучение методов работы и их практического применения обогащает знания, совершенствует технику, но не развивает творческой инициативы. Умение по-настоящему творчески мыслить и необходимая для открытий увлеченность появляются (по крайней мере, у начинающих) во время свободных опытов с материалами, во время работы, не связанной с выполнением какого-либо обязательного задания. Тогда человек не чувствует принуждения, не подвержен никаким влияниям, свободен от всяческих предрассудков. Именно свободное экспериментирование, не отягощенное предварительно теорией, а не выполнение специального задания, требующего определенной подготовки, дает желаемые результаты, придает уверенность в себе» [3, с. 106].

Заслуга разработки в Баухаузе первой учебной программы основ композиции в пропедевтической интерпретации принадлежит Иоганнесу Иттену. В его практике при овладении тем или иным элементом композиции акцент делался в первую очередь не на умозрительный анализ, а на чувственную практику. Иттен считал правильным изучение выделенного композиционного средства осуществлять в следующей последовательности: сначала прочувствовать, пережить, затем понять и, наконец, синтетически воплотить. В связи с этим опыт Иттен стремился передать не с помощью научных понятий, а через «особые модели» – композиции, сохраняющие чувственную визуальную форму, но, в то же время, отвлеченные от конкретной сюжетной основы. Этими упражнениями Иттен положил начало особой форме художественного обучения, которая утвердилась в методике Баухауза и по-разному в дальнейшем использовалась, приспособлялась для проработки многообразных композиционных тем [2, с. 35].

Пропедевтический курс Мохой-Надя охватывал весьма широкий спектр тем, связанных с формообразованием. Д.Л. Мелодинский [2, с. 38] замечает, что до Мохой-Надя никто в западных школах в пропедевтическом цикле не отводил пространству такого внимания. Педагог рассматривает «Пространство» как полноценную компози-

ционную категорию, такую же по значению, как и объемная форма, и даже больше. Такое отношение к пространству означало шаг вперед в осознании выразительных средств формы, стимулировало в отношении к нему поиск новых выразительных возможностей материалов и конструкций.

Мохой-Надя полагал, что свойства пространства, его возможности вступать в различные композиционные связи с объемом и создавать при этом такие отношения, которые могут различным образом переживаться эмоционально, должны непременно учитываться и направляться художником на достижение художественной выразительности. По его мнению, «пространственное проектирование – это в первую очередь не вопрос строительных материалов... Главное средство формообразования всегда лишь само пространство, и только исходя из его законов формообразование может быть успешным» [2, с. 38].

Следует отметить, что композиционную пропедевтику в первых школах дизайна отличала четкий методический принцип движения обучаемого «от абстрактного к реальному». Согласно этому принципу в процессе обучения студент двигался к реальному объекту от абстрактных объемных или плоскостных композиций, либо от отвлеченной композиции с заданными параметрами. Наиболее показательно данный прием иллюстрирует «Психоаналитический метод» Н. Ладовского. Ладовский не ограничивался отдельными упражнениями, а создал достаточно стройную методическую систему поэтапной работы над заданием, следуя которой обучаемые пошагово двигались от абстрактной композиции, детализируя ее и уточняя ее, вводя новые параметры, к реальному объекту. Произошел отказ от традиционной работы над формой с помощью графических средств – проектирование стало вестись в объемном моделировании на макетах. Программа обучения была построена таким образом, что предусматривала не только постепенное усложнение в «отвлеченных» заданиях пространственных форм, но и постепенное усложнение объединенных в учебном задании художественно-композиционных и функционально-конструктивных требований [3, с. 106]. С.О. Хан-Магамедов отмечает, что психоаналитический метод Ладовского преследовал цель развить у студента с самых первых дней пребывания в вузе объемно-пространственное мышление [8]. Дальнейшее развитие «Психоаналитический метод»

Н. Ладовского получил благодаря В. Кринскому, который выстроил его в стройную систему упражнений для студентов, в дальнейшем получивший название курс «Объемно-пространственная композиция». Данный курс сегодня является базовым в пропедевтике многих архитектурно-дизайнерских школ. Именно с этого момента композиция получила определенный уровень объективизации, оценки и описания, а в итоге и преподавания.

Усилиями педагогов Баухауза и ВХУТЕМАСа были четко обозначены принципиальные моменты пропедевтического курса. Произошел отказ от изобразительности и выход на более высокий уровень обобщения и объективизации положений формообразования, вытекающих из природы задействованных материалов и их конструктивных возможностей. Большое внимание стало уделяться «пространству» как основному формообразующему фактору. В качестве главного принципа обучения и воспитания был выдвинут метод, который позволял выводить учащихся на профессиональный уровень творчества. Пропедевтика определила активно-творческую, практическую форму организации учебного процесса. На смену репродуктивно-пассивным заданиям пришли композиционные упражнения активно-действенного характера. Впервые в обучении основам композиции было применено макетирование, свободное экспериментирование с бумагой. Это позволило сделать более эффективным изучение пластических качеств формы, развить объемно-пространственное мышление учащихся.

В современной методике обучения основам композиции макетирование является важнейшей сферой учебной предметно-практической деятельности, стимулирующей способность чувственного познания и формирования сенсорной культуры студента. С самых ранних лет человек растет и развивается в предметной среде. Привычное для него восприятие окружающего предметного мира – это восприятие объемных форм. Именно поэтому на начальных этапах проектирования, макет, как объемная форма ближе, естественней и более доступен в процессе восприятия для студентов. Макетная практика, благодаря непосредственному восприятию объекта, прямому контакту с ним, путем непосредственных предметных действий с ним на деле оказываются действенным дидактическим средством обогащения чувственной практики будущего среднего

дизайнера, развития у него пространственной формы мышления.

Гропиус, утверждал, что рисунок и живопись, несомненно, есть наиболее ценные средства индивидуального самовыражения, но бумага и карандаш, кисть и акварель недостаточны, чтобы развить чувство пространства, столь необходимое для свободы выражения. Следовательно, по его мнению, студента следует с самого начала обучения познакомить с трехмерными экспериментами, а именно, с композицией в пространстве вместе со всевозможными упражнениями в материале [3].

Д.Л. Мелодинский [2] обращает внимание на особую функцию отвлеченных макетных этюдов как дидактического материала в усвоении профессионально-композиционной грамоты. По его мнению, это уникальный, незаменимый никакими другими средствами язык общения преподавателя и учащегося, который сочетает одновременно наглядно выраженный творческий поиск композиционного решения с контролем того учебного поля, где этот поиск осуществляется по заранее запрограммированной модели. Аналогичную мысль высказывает Т.А. Тимофеева. Она считает, что если теоретический материал по основам композиции есть логическое построение объективных закономерностей, то композиционные упражнения, выполненные в макете – это перевод логических рассуждений в образную форму со своей субъективной, творческой трактовкой. Поэтому наглядность макета проявляется не только в наглядности органам чувств, а еще и в том, что чувственное восприятие связано с определенными теоретическими знаниями по объемно-пространственной композиции. И макет выступает носителем композиционных закономерностей [8, с. 15].

Современная теория и практика профессионального обучения дизайнерской деятельности строится на основе многих принципов и положений, сформированных в практике формальных школ, в том числе и пропедевтической модели. Сегодня в дизайн-образовании пропедевтика рассматривается как комплекс педагогических технологий, охватывающих спектр специальных теоретических и практических дисциплин, дающих теоретические знания и практические навыки владения методом, проектным языком, композиционным формообразованием [4, с. 42]. Мы рассматриваем пропедевтику – как приемы и средства «формальной» композиции, которые должны помочь студентам овладеть методикой пространственного проектирования на ранних этапах обучения. Следует уточнить, что речь идет не о формализованной или формалистической композиции, а об скорее условной композиции. В данном контексте под «формальной композицией» подразумевается «неизобразительная» композиция, т.е. не представляющая изображение реальных предметов, без имитации действительности, абстрагированная от изображений конкретных объектов дизайна.

По мнению О.В. Чернышова [10] одной из важнейших задач практического курса формальной композиции является понимание взаимоотношений знания, понимания, чувствования и практического умения как основных составляющих элементов творческого процесса. Такая методическая установка, по нашему мнению, позволяет целенаправленно выстраивать учебный процесс, а также свести до минимума вероятность бесконтрольного субъективизма, сугубо личных вкусовых предпочтений и образных стереотипов.

Библиографический список

1. Ефимов А.В. Дизайн архитектурной среды [Текст] / Г.Б. Минервин, А.П. Ермолаев, В.Т. Шимко, А.В. Ефимов, Н.И. Щепетков, А.А. Гаврилина, Н.К. Кудряшов. – М., 2004. – 504 с.
2. Мелодинский Д.Л. Школа архитектурно-дизайнерского формообразования [Текст] / Д.Л. Мелодинский. – М., 2004. – 312 с.
3. Михайлов С.М. Становление универсального проектного метода в первых школах дизайна – БАУХАУЗе и ВХУТЕМАСе в 1920-е гг. / С.М. Михайлов, А.С. Михайлова [Текст] // Мир науки, культуры, образования. – 2008. – № 5(12). – С. 104–106.
4. Новикова Я.В. Пропедевтический подход к многоуровневой подготовке дизайнеров / Я.В. Новикова [Текст] // Вестник новгородского государственного университета. – 2008. – № 48. – С. 41–43.
5. Основы архитектурной композиции [Текст] / Н.Г. Стасюк, Т.Ю. Киселева, И.Г. Орлова. – М., 2004. – 96 с.
6. Степанов А.В. Объемно-пространственная композиция [Текст] / А.В. Степанов, В.И. Малыгин, Г.И. Иванова и др. – М., 2004. – 256 с.

7. Устин, В.Б. Композиция в дизайне. Методические основы композиционно-художественного формообразования в дизайнерском творчестве [Текст] / В.Б. Устин. – М., 2006. – 239 с.
8. Учебное макетирование в МАРХИ [Текст] / Т. А. Тимофеева. – М.: Ладыя, 1997. – 48 с.
9. Хан-Магомедов, С. О. Психоаналитический метод Н. Ладовского во ВХУТЕМАСе-ВХУТЕИНе (Объединенные левые мастерские. Психотехническая лаборатория) [Текст] /С.О. Хан-Магомедов. – М., 1993. – 198 с.
10. Чернышов О.В. Формальная композиция. Практикум по основам дизайна [Текст] /О.В. Чернышов. – Минск, 1999. – 312 с.

G.W. BAKALDINA

**DEVELOPMENT OF SPATIAL REPRESENTATION IN PROPAEDEUTICAL BAUHAUS
AND VHUTEMAS**

The article deals with the spatial representation of a material professional quality of the individual designer. Disclosed the possibility of propedeutics in shaping students' spatial thinking. Denotes the contribution of the Bauhaus teachers and VHUTEMAS to lay the groundwork for propaedeutic model train future designers composite formation.

Key words: spatial thinking and spatial representation of the designer, the method of abstract compositional modeling propaedeutics, propaedeutical concept of the Bauhaus and Art Workshops.

*А.Н. БАЧУН, старший преподаватель, соискатель кафедры
методики преподавания русского языка и литературы
Московского государственного областного университета
Тел. 89854434432*

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ УЧАЩИХСЯ К РЕАЛИЗАЦИИ АТД

В работе рассматриваются компоненты готовности учащихся к алгоритму тестовых действий, критерии её формирования, анализируются различные позиции учащегося в акте коммуникации, который позволяет выстроить процесс учения. Представлены также этапы формулирования мысли и его аспекты в процессе порождения речи, конечным результатом которого является создание текста.

Ключевые слова: алгоритм тестовых действий, акт коммуникации, восприятие речи, внешняя речь, внутренняя речь, вторичная коммуникативная деятельность, комплексный анализ текста, первичная коммуникативная деятельность, продуцирование речи, речевое взаимодействие, речемыслительные умения, рефлексия, текстоцентрический подход.

В соответствии с последним поколением Стандарта Министерства образования РФ стратегической целью в изучении русского языка является развитие и совершенствование способности к речевому взаимодействию, формирование у старших школьников основ речемыслительной культуры, базовой составляющей которой становится готовность учащихся к реализации АТД (алгоритма текстовых действий) на основе межпредметных связей. Готовность к реализации алгоритма текстовых действий в этом случае проявляется в формировании языковой личности. По мнению Караулова Ю.Н., обширный опыт преподавания языка позволяет говорить о трёх способах представления языковой личности, которые связаны с идеями о трёхуровневости процессов восприятия и понимания. Так, мотивационный, тезаурусный и вербально-семантический уровни языковой личности в схеме смыслового восприятия выделяют побуждающий, формирующий и реализующий уровни [1, с. 51].

В целях активного и осознанного накопления старшими школьниками опыта эффективных текстовых действий по единым алгоритмам на материале разного предметного содержания целесообразно проведение системной формирующей работы с учётом приведённой структуры. Учащиеся обращаются к тем мыслительным процессам, при помощи которых они нашли решение, делая это с помощью рефлексии, которая становится важнейшей характеристикой мышления [2, с. 29]. Организация понятийной рефлексии обучающихся неизбежно приведёт к оценке общих характеристик своей речемыслительной деятельности при изучении школьных предметов, в первую очередь русского языка, создаст необходимый ракурс проектирования и реализации целостного образовательного процесса с позиций формирования основ речемыслительной культуры.

Критерии сформированности названной готовности соответствуют её компонентам:

- 1) рефлексивный предполагает наличие сознательного стремления учащегося к овладению языками, мотивированного желанием стать сильной языковой личностью в области русского и иностранного языков, стать «мастером текстов»;
- 2) теоретический обеспечивает уровень знаний для эффективных текстовых действий;

3) практический позволяет реализовать умения использовать текстовые действия разных типов, формируя устойчивый навык.

Важнейшей стороной нового отношения к изучению курса родного языка в школе является деятельностный подход. Его реализация представляется тем интегрирующим средством, которое способно связать в единое целое языковое и речевое содержание курса. В соответствии с этим подходом организация учебного процесса осуществляется с учётом структуры любого вида сознательной деятельности: мотив (цель, замысел), ориентировка, планирование, реализация замысла, контроль. [3, с. 79] Так как любое содержание обучения состоит из двух блоков – знаниевого и деятельностного, что фактически означает: знать – это освоить и информацию, и способы её получения, нами взят за основу методологический подход Е.С. Антоновой к выделению ряда учебных «деятельностей» на уроке русского языка, которые получают название-образ, характеризующий общие для любой учебной дисциплины речемыслительные умения: «автор-оратор», «автор-писатель», «писарь», «адресат-слушатель», «адресат-читатель», «исследователь», «критик» [2 с. 104]. Эти учебные деятельности распределены по названным выше компонентам акта деятельности учителя и позволяют учителю-словеснику соотнести содержание учебной деятельности с конкретным компонентом акта деятельности, то есть урока, для которого и создаётся конспект. Другими словами, технология формирования готовности к АТД строится на обобщённых сведениях об уроке русского языка как акте деятельности, что может быть представлено в виде таблицы, схемы максимально обобщённого материала для освоения учениками программы. Этот материал не составит труда наполнить конкретными дидактическими упражнениями и заданиями, которые в большом количестве имеются в арсенале методики преподавания русского языка.

Учитель, осуществляя свою методическую деятельность по принципу производства, предоставляет возможность ученикам познакомиться с образцами деятельности, которые включают, помимо языковых, коммуникативных и речевых умений, умение исследователя. Это, несомненно, помогает учащимся вырабатывать навык самоорганизации деятельности учения.

Моделирование на уроке исследовательской ситуации, ситуации производства знаний и умений

способствует овладению учеником способами изучения учебного материала. Именно так рождаются знания, которые ученик как бы самостоятельно «добывает» на уроке [2 с. 105]. При создании этой методики мы опирались на исследования Давыдова В.В., Репкина В.В., Антоновой Е.С., которые служат материалом для методически верной организации планируемого урока (четверти, года), а затем используются учителем на уроке для обобщения, рефлексии и выводов, сделанных учениками, о способах их деятельности учения.

Психологами развивающего обучения предложен алгоритм действий учеников на уроке-исследовании:

- 1) восстановить предметную ситуацию в её существенных для решения чертах;
- 2) выделить существенные черты этой ситуации, что делает её доступной для переноса в речевой и далее в умственный план;
- 3) разделить в связи с этим этап материализованного действия на две последовательные части – обычного изображения и изображения схемы;
- 4) изменить подход к анализу задачи, который должен идти от вопроса задачи к системе понятий;
- 5) восстановить предметную ситуацию;
- 6) выделить её существенные черты (схематизировать);
- 7) выполнить поэтапно эту схему на основе конкретных данных задачи;
- 8) решить задачу по схеме.

Говоря о готовности ученика к АТД, учитель должен использовать акт деятельности, акт коммуникации, познакомить учащегося с позициями, которые он занимает на уроке – «оратор», «слушатель», «писарь», «писатель», «критик», «исследователь», «организатор коммуникации». [2, с. 105] Это позволяет выстроить деятельность учения, которая способна повысить эффективность изучения любого школьного предмета. И учитель, и ученик на уроке выступают как «ораторы» и «слушатели», поэтому, создавая ситуацию коммуникации, в которой рождается знание, они оба должны понимать, что делать в позиции «оратора» и в позиции «слушателя».

В каждой ситуации участник акта деятельности имеет цель, продукт в виде письменного или устного сообщения, материал (информация по теме или текст как результат речевого действия), языковые средства, которые он использует для конструирования содержания, составления плана/текста. Так, «организатор коммуникации» определяет тему общения и организует процесс комму-

никации, а, например, «критик» анализирует содержание информации и способ её предъявления, работает с текстом в виде резюме или рецензии, устанавливает соответствие текста замыслу автора и в конечном итоге осуществляет комплексный анализ текста.

Выступает ли учитель деятелем в своей профессиональной деятельности? Нередко он является исполнителем, то есть не осуществляет указанные выше действия, так как ожидаемый результат (продукт) и цель сформулированы в Государственной программе, материал, средства и сам процесс изменения подготовлен для него методиком (имеются в виду опубликованные методические рекомендации в помощь учителю для каждого года обучения, по которым учитель предпочитает готовиться к уроку). Такой учитель обычно уклоняется от весьма сложной работы по сравнению полученных результатов, чтобы в дальнейшей работе воспользоваться ими при подготовке к новым урокам. Такой «организатор коммуникации», лишённый стремления модернизировать собственный подход к процессу обучения, не сможет научить действиям на уроке и своих учеников.

Готовность к АТД обеспечивают четыре вида речевой деятельности: говорение, слушание (аудирование), чтение, письмо.

Коммуникативные действия, как правило, осуществляются при помощи речи. В таком общении можно выделить две позиции:

- говорящий/пишущий или автор (производитель речи);
- слушающий/читающий или адресат (воспринимающий речь).

Производство (продуцирование) речи в науке принято называть первичной коммуникативной деятельностью (ПКД), а восприятие речи – вторичной коммуникативной деятельностью ВКД) [4].

Формулирование мысли проходит два основных этапа. Вначале мысль формулируется во внутренней речи, которая отличается сжатостью (так называемым «телеграфным стилем, то есть предельной лаконичностью, высокой степенью неполноты, почти абсолютным отсутствием выражения связности и даже такими элементами организации, которые считаются речевыми ошибками). На этом этапе достаточно, чтобы человек сам осознал свою мысль.

Второй этап формирования мысли – это её выражение во внешней речи, цель которой заключается в том, чтобы сделать мысль понятной для

других людей, а саму речь – приемлемой для них. На этом этапе вышеперечисленные качества внутренней речи должны быть устранены, так как они препятствуют пониманию мысли. Переход от внутренней речи к внешней письменной или внешней устной речи осуществляется различным образом. Это связано с тем, что процесс порождения речи может быть рассмотрен в соответствии с различными его предметными приложениями:

- лингвистический аспект проявляется в осмысленном сочетании языковых единиц по правилам определённого языка;
- логический аспект оказывает особо большое влияние на выбор и сочетаемость слов, их расположение в предложении, на порядок следования предложений, а также на другие стороны речи;
- эмоциональный аспект обращает внимание на такие факторы, как тон и тембр голоса, выбор экспрессивных средств (синонимов, антонимов, эпитетов, метафор и др.);
- социокультурный аспект непременно находит отражение в речи, а через это и во многих сторонах её формальной организации, например, в правилах обсуждения определённых тем, ведении дискуссии, спора и т.п.;
- этический аспект используется не только при отборе средств речевого этикета, но и содержания речи и способов его выражения.

Стремление облегчить или (реже) усложнить восприятие и понимание речи влияет на её скорость, на длину предложений, их структуру и пр.

Учёт адресата требует использования хорошо известной ему лексики, объяснения незнакомых слов, дозирования информационной нагрузки и т.д.

Ситуацией общения, в том числе способа коммуникации, определяются различные свойства речи, такие, как применение звуков либо букв, громкость голоса, использование стилевых ресурсов языка и многое другое вплоть до формата листа (в письменной речи).

Цель коммуникации определяет факт вступления в речевое взаимодействие. Имеет значение также тема общения, содержание, способы реализации выражения мысли, а также длительность речи, то есть то, что мы называем основными характеристиками высказывания.

За исключением редких случаев, таких, как запись самого себя, выражение мысли предполагает, что существует некто, кто должен или может

понять речь и выраженную ею мысль. На этом основании различаются коммуникативные роли общающихся. Тот, кто выражает мысль, называется автором речи (или адресантом) в теории коммуникации, продуцентом – в теории лингвистики, автором – в художественной литературе. Тот, кто воспринимает речь, именуется реципиентом. Он может быть прямым адресатом речи, третьим лицом или косвенным адресатом. Прямой адресат – это все те, кому целиком предназначена информация, сообщаемая автором речи. Прямым адресатом может быть: 1) одно лицо или несколько конкретных лиц; 2) более или менее широкий круг лиц, определяемый по тем или иным признакам (профессии, возрасту, религиозным верованиям др.). Третьим лицам информация не предназначена, но они по тем или иным причинам становятся её реципиентами. Косвенный адресат возможен лишь при устном общении, когда автор речи, прямо обращаясь к одному лицу, предполагает, что его слышит также другой человек, которому предназначена информация или её часть.

При формировании готовности к АД используется текст в качестве иллюстрации, наблюдения, осмысления и анализа функционирования языковых единиц различных уровней, а при формировании коммуникативной компетенции главное внимание уделяется самому тексту, его свойствам, характеристикам и структуре. Текст может состоять как из одного предложения, так и из нескольких, расположенных в определённой последовательности. Независимо от объёма текст должен иметь основные признаки:

- завершённость, смысловую законченность, которая обеспечивает раскрытие замысла;
- связность, которая проявляется в расположении предложений в последовательности, отражающей логику развития мысли, а также в определённой структурной организованности, которая оформляется с помощью лексических и грамматических средств языка;
- стилевое единство;
- цельность, которая реализуется во вместе взятых завершённости, связности и стилевом единстве.

Текстоцентрический подход обусловлен функциями текста в учебнике как основном средстве обучения в школе. Текст – центральный компонент структуры языкового учебника, именно через текст реализуются все цели обучения в их комплексе: коммуникативная, образовательная, воспитательная.

Таким образом, утверждение в методике преподавания русского языка текстоцентрического подхода обусловлено функциями текста в учебном процессе и учебнике, его ролью и статусом (текст является единицей обучения, единицей содержания обучения, единицей контроля).

Чтобы появился текст, говорящий должен проделать большую мыслительную работу адресата (адресанта, критика, организатора коммуникации), Иначе говоря, мы учим занимать позиции. Естественно, учащийся должен осознать, что входит в алгоритм действий:

- понять свои потребности (мотивы);
 - оформить их в мысль, которая заключает в себе цель «сообщить», и (или) «узнать», и (или) «воздействовать»;
 - представить цель образами, словами, понятиями, то есть из мышления перевести их во внутреннюю речь;
 - мысленно создать образ адресата, то есть определить его языковую компетенцию;
 - создать речевое произведение, адекватное пониманию адресата (слушателя/читателя), то есть из внутренней речи перевести информацию во внешнюю;
 - произнести или записать получившийся текст.
- Восприятие речи (позиция адресата/слушателя/читателя) – ВКД – описывается так:
- 1) фаза акустического принятия потоков речи (зрительного восприятия знакового изображения – у читателя), спонтанное включение механизма понимания;
 - 2) сверка акустических/зрительных блоков с эталонами, имеющимися в сознании;
 - 3) антиципация (предвидение – по ситуации, по контексту, по ассоциациям);
 - 4) расшифровка маркировок (фонетических, графических, словообразовательных, лексических, грамматических связей);
 - 5) целостное осмысление всего содержания;
 - 6) фаза проектирования ответного речевого акта и (или) реального действия.

За последние десятилетия восприятие речи становится одной из актуальнейших проблем современной науки. Речь привлекает к себе внимание представителей самых различных областей знаний, таких, как психология, физиология, логика, лингвистика, теория связи и другие. При решении своих специфических задач каждая наука в то же время затрагивает и общие вопросы, изучение которых важно для каждой из этих дисциплин.

Основной проблемой при исследовании речи является, во-первых, установление логической схемы процесса восприятия, то есть системы правил, по которой осуществляется речевой приём, во-вторых, определение механизма сопоставления поступающего в анализатор сигнала с эталонным, записанным в памяти.

Для процесса учения особенно важен уровень внутренней речи, определяющий порождение текста, понимание речевого события и собственно развитие связной речи. При подробном изучении схем первичной и вторичной коммуникативных деятельностей мы видим трудности различения мыслительных и речевых операций, поэтому в педагогическом речеведении появилось понятие «речемыслительные умения».

Педагогическое и психологическое сообщество уже активно пользуется этим термином, но, к сожалению, определения его нет даже в словаре «Педагогическое речеведение», где мы находим только определение понятия «речемыслительный процесс» – «ход мысли, последовательная смена интеллектуально-речевых действий, побуждаемых теми или иными мотивами и соотносённых с целью. [5, с. 200] Мы поддерживаем необходимость употребления этого термина в первую очередь потому, что советская методическая наука не разрабатывала вопросы, связанные с развитием мышления, игнорируя проблемы мотивации и целеполагания. Речь, признавалось, базируется на мыслительных процессах, но каковы пути их взаимодействия – описанию не поддавалось. И хотя существовал уже фундаментальный труд Л.С. Выготского «Мышление и речь» (1934), выводы его большинством методистов не принимались в расчёт. Только достижения психолингвистики, лингвопрагматики, методики преподавания русского языка в последние десятилетия позволили вскрыть и описать связи механизмов мыслительных операций с механизмами речевых действий.

Результатом сложной работы по пониманию, осуществляемой на уровне внутренней речи, становится понятие, форма знания, которая прочно закрепляется в сознании ученика и является залогом его успешной деятельности. На уровне чистого мышления остаются идеи и образы, имеющие во внутренней речи свои формы выражения.

Так формируется речевой навык, позволяющий правильно понимать и правильно говорить (писать), то есть осуществлять и первичную, и вторичную коммуникативные деятельности.

Поиски учёных в области мыслительного и ре-

чевого развития привели к созданию теории ориентировочной основы действия П.Я. Гальперина, которую можно назвать первой серьёзной попыткой технологизировать обучение с позиций речемыслительных процессов.

П.Я. Гальперин и его коллеги исходили из того, что самым общим механизмом приобретения новых знаний и умений является образование условных связей. В результате исследований стало понятно, что для правильного использования этого механизма в обучении необходимо учесть следующее обстоятельство: условная часть базируется лишь в том случае, если реакция получает подкрепление, поскольку действия ученика регулируются психическим отражением их предметных условий, а при обучении ещё и образцами того, что и как должно быть сделано. В этих действиях различаются две основные черты: ориентировочная (включающая контроль) и исполнительная. Согласно исследованиям П.Я. Гальперина и А.В. Запорожца, для характеристики самой ориентировочной части решающее значение имеет совокупность обстоятельств, на которые фактически ориентируется ученик при выполнении задания. Именно проговаривание условий задачи (задания), выделение в них понятий, существенных для её решения, построение отношений и связей между данными условиями и составляют ориентировочную основу дальнейших действий ученика.

Знание о вещах складывается в результате действий с этими вещами. Сами действия по мере их формирования становятся умениями, а по мере автоматизации – навыками. Вот почему тип организации и поэтапное формирование предметных действий образуют стержневой процесс усвоения новых знаний, умений и навыков [6, с. 441–470].

Чтобы управлять процессом усвоения знаний, умений и навыков, необходимо раскрыть учащимся те стороны действительности, которые являются содержанием данной науки и на которые учащиеся должны ориентировать свои действия при её изучении. При этом учителю важно понимать, что специалистам-учёным предмет их науки уже дан, в то время как начинающему усваивать науку он только задан. Это означает, что для ученика усвоение каждого нового явления (понятия, правила и т.п.) становится исследованием. А вербализация (проговаривание) учеником процесса усвоения является одним из важнейших условий обучающей ситуации:

- для учителя – возможность контролировать алгоритм действий, осуществляемых учеником;
- для учащихся – перевод внешней речи во

внутреннюю, организующую структуры сознания в соответствии со структурой усваиваемого понятия.

Следовательно, этапы обучения, по которым целесообразно организовать урок, согласно теории П.Я. Гальперина, имеют следующий порядок:

1) ориентировка в условиях деятельности: целеполагание, определение возможного (представление в сознании) результата, средств;

2) выработка плана действия с опорой на результаты ориентировки: определение материала, способов и порядка операций для достижения поставленной цели;

3) осуществление этого плана: выполнение учеником своих действий с одновременным проговариванием (комментарием);

4) контроль: сравнение идеального результата с полученным, соотнесение его с целью.

Все четыре этапа обязательны для продуктивного изучения любой темы по русскому языку: это и есть модель коммуникативно-деятельностной технологии, адаптированная для методики развития связной речи.

Если мы сопоставим экспериментально обоснованные утверждения психологов и теоретические положения психолингвистов, то получим полезные для методики преподавания русского языка понятия речемыслительных умений учащихся.

Итак, в современном образовательном процессе особое значение приобретает практика как способ развития коммуникативных умений, то есть

деятельностный подход. Центральным вопросом осуществления коммуникативно-деятельностного подхода – способы внедрения принципов коммуникативной системы обучения, в которой важное место занимает готовность к реализации АТД. Поскольку развитие речи – главная задача обучения русскому языку в школе – является методическим принципом и неотъемлемым компонентом каждого урока русского языка, постольку языковое образование закономерно воспринимается как лингвориторическое образование. Отличительной чертой последнего является не просто традиционное для школьных программ провозглашение развития речи принципом обучения языку, а признание паритетности лингвистического и риторического образования, установление между этими сферами чётких и педагогических эффективных взаимодействий. Технологично организация урока строится на обобщённых сведениях об уроке русского языка как акте деятельности, а приведенные в данной работе учебные деятельности, распределённые по названным выше компонентам акта деятельности учителя, представляют основу максимально обобщённого материала для усвоения учащимися программы. И успешному достижению главной цели изучения русского языка – развитие и совершенствование способности к речевому взаимодействию, безусловно, способствует формирование готовности учащихся к реализации алгоритма текстовых действий, которое ещё требует разработки специальной методики.

Библиографический список

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., КомКнига, 2006.
2. Антонова Е.С. Методика преподавания русского языка: коммуникативно-деятельностный подход: учебное пособие. – М.: КНОРУС, 2007.
3. Пузанкова Е.Н., Киселева Н.И. Формирование языковой способности учащихся начальной и средней школы на основе реализации принципа преемственности при обучении русскому языку. Монография, Ч. 1. – Орёл, 2008.
4. Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. – М., Наука, 1987.
5. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник под ред. Ладыженской Т.А., Михальской А.К. – М., Флинта, Наука, 1988.
6. Гальперин П.Я. Развитие исследований по формированию умственных действий / Психологические науки в СССР. Т. 1. – М., 1959.

A.N. BACHUN

THE FORMATION OF STUDENTS, PREPAREDNESS FOR THE TEST ACTIONS ALGORITHMS

This work discusses components of students preparedness for the test actions algorithm, criteria of shaping this aptitude. The article analyses various stances of a student in a communication act, which allows to organize the process of learning. Stages of phrasing and its aspects in the process of speech production, which results eventually in the text creation, are also described in the work.

Key words: test actions algorithm, communication act, speech perception, social speech, inner speech, secondary communication activity, complex analysis of texts, primary communication activity, speech production, talk exchange, speech and intellectual competence, reflection, textcentric approach.

*Н.И. БОЧАРОВА, кандидат педагогических наук, доцент,
профессор, заведующая кафедрой здоровья ребёнка
Орловского государственного университета
Тел. 89051680401; bochar07@mail.ru*

К ВОПРОСУ О РАЗРАБОТКЕ СОДЕРЖАНИЯ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ТЕХНОЛОГИЙ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ УЧАСТНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ*

В статье представлены некоторые результаты исследования по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)». В краткой форме рассматриваются основные данные мониторинга психофункционального и психологического состояния студентов и преподавателей вуза, результаты оценки влияния стрессогенных факторов образовательного процесса на здоровье его участников. Особое внимание уделяется обоснованию научно-организационных основ функционирования отдельно взятого факультета на здоровьесберегающей основе.

Ключевые слова: стресс, адаптация, состояние здоровья, психофункциональное состояние, стрессогенный фактор, профессиональная подготовка, модель, качество образования.

Осмысление проблемы здоровьесбережения в системе вузовского образования, анализ научных исследований и практики свидетельствуют о том, что здоровьесберегающая деятельность может рассматриваться как резерв повышения качества образования.

Актуальность темы исследования определяется противоречием между необходимостью продуктивного использования образовательного пространства вуза в сохранении здоровья участников образовательного процесса и невозможностью его обеспечить из-за отсутствия целостного организационно-управленческого, психолого-педагогического и медико-физиологического подходов к здоровьесбережению. Важность изучения данной проблемы усиливается в ситуации, когда рассматриваются вопросы вузовской подготовки студентов, овладевающих педагогическими и психологическими специальностями. Это обусловлено тем, что важной составляющей их будущей профессиональной деятельности является работа по охране и укреплению здоровья детей в образовательных учреждениях.

Разработка и внедрение содержания и технологий такого подхода позволит, с одной стороны, минимизировать воздействие негативных аспектов образовательной среды на психологическое и соматическое здоровье участников образовательного процесса и оптимизировать процесс обучения в вузе, а с другой – разработать и реализовать программу формирования культуры здоровья студента – будущего педагога и психолога.

© Н.И. Бочарова

* Исследование выполнено в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013 годы»

Анализ научных исследований и практического опыта позволяет определить современное учреждение высшего профессионального образования как динамичную систему, характеризующуюся, с одной стороны, относительной автономностью, с другой – интеграционными процессами и многообразием связей с образовательными, медицинскими, социокультурными учреждениями региона, России и мирового сообщества. Здоровьесберегающая деятельность отдельно взятого вуза, в нашем случае Орловского государственного университета, осуществляется в конкретных условиях, которые определяются социокультурной средой, экологической ситуацией региона, а также традициями вуза, спецификой содержания и технологий его образовательной деятельности, контингентом преподавателей и студентов, материальной базой, особенностями управления образовательным процессом.

Изучение и анализ данных факторов предшествовали разработке и внедрению мониторинга, который ориентирован на выявление влияния образовательной среды на различные аспекты (психологический, физиологический, педагогический, социальный) состояния здоровья участников образовательного процесса вуза, а также выявление особенностей адаптации студентов к учебному процессу.

Исследование проведено на базе факультета педагогики и психологии Орловского государственного университета. В нём приняло участие всего 532 студента и 56 преподавателей.

В процессе создания и реализации системы мониторинга было организовано взаимодействие специалистов в области физиологии, педагогики и психологии.

Цель исследования: улучшение качества образования за счёт повышения уровня здоровья и изменение ценностных ориентаций его участников.

Основные задачи проекта:

1) создание целостной системы мониторинга психофункционального состояния обучающихся и преподавателей с учетом экологических и социально-экономических рисков;

2) мониторинг образовательной среды с точки зрения ее влияния на состояние здоровья участников образовательного процесса вуза;

3) изучение влияния стрессогенных факторов образовательного процесса на здоровье студентов и преподавателей;

4) изучение особенностей адаптации студентов к учебному процессу;

5) разработка научно-организационных основ деятельности подразделений вуза по предупреждению заболеваний и выработке положительных ценностных ориентаций участников образовательного процесса;

6) разработка научно-методических основ обучения студентов и преподавателей стратегиям поведения, обеспечивающим устойчивость к негативным социальным влияниям;

7) развитие у студентов и преподавателей способности к распознаванию и оценке рискованных ситуаций, а также формированию правильного поведения в них;

8) разработка научно-методического обеспечения процесса формирования позитивной студенческой и преподавательской субкультуры;

9) разработка и внедрение в учебно-воспитательный процесс факультета педагогики и психологии программ профессиональной подготовки студентов к деятельности по оздоровлению детей в образовательных учреждениях разного типа.

В основу исследования положен комплекс валидных и надежных методов, адекватных объекту, цели и задачам исследования: теоретический анализ и синтез, эмпирические методы: изучение документации, наблюдение, беседа, тестирование, анкетирование; экспериментальные методики: пульсометрия, измерение АД (артериального давления), методика электроэнцефалографии с использованием аппаратно-программного электроэнцефалографического комплекса фирмы «МИЦАР» (г. Санкт-Петербург), методики «Оценка физического состояния», «Определение биологического возраста», «Оценка нервно-психического напряжения» с применением компьютерных диагностических программ Effecton Studio (г. Москва, 2008).

Не имея цели анализа всех полученных результатов исследования, обобщённо остановимся на изложении некоторых из них.

Анализ состояния физического и функционального здоровья первокурсников позволяет отметить, что большой процент студентов имеют *уровень физического и функционального здоровья* низкий и ниже среднего. Результаты оценки физического здоровья позволяют сделать вывод о проявлении тенденции к его снижению от начала к концу обучения, что является крайне неблагоприятным показателем влияния условий обучения в вузе на здоровье студентов.

Исследования позволили получить объективную картину психофункционального состояния первокурсников в период их адаптации к обучению в вузе. В связи с тем, что процесс адаптации обучающихся к образовательной среде непрерывный, в исследование были включены студенты разных лет обучения [1, 2].

Анализ данных по выявлению *типа стрессоустойчивости* показал, что 90% студентов относятся к типу «А». Такие люди испытывают постоянное напряжение сил, проявляют неустойчивость к стрессам, тяжело адаптируются к окружающей среде. И всего 10% студентов относятся к типу «Б»: такие люди обладают высокой стрессоустойчивостью, им бывает легче адаптироваться к окружающей среде (см. рис. 1).

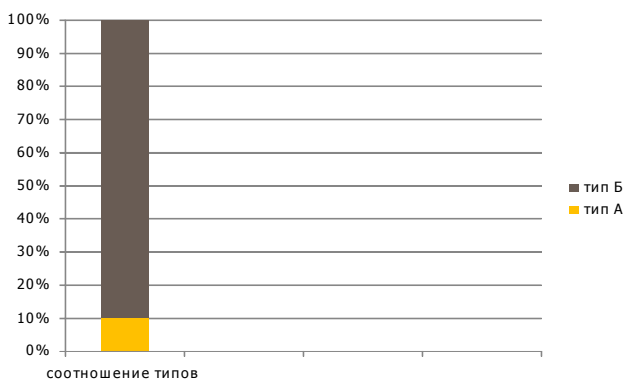

Рис. 1. Типы стрессоустойчивости

Расчет *адаптационного потенциала* по формуле Баевского Р.М. показал, что у 56% студентов отмечена удовлетворительная адаптация, а у 44% студентов наблюдается напряжение адаптационных механизмов. Неудовлетворительная адаптация и срыв адаптационных механизмов не выявлены ни у одного студента (см. рис. 2).

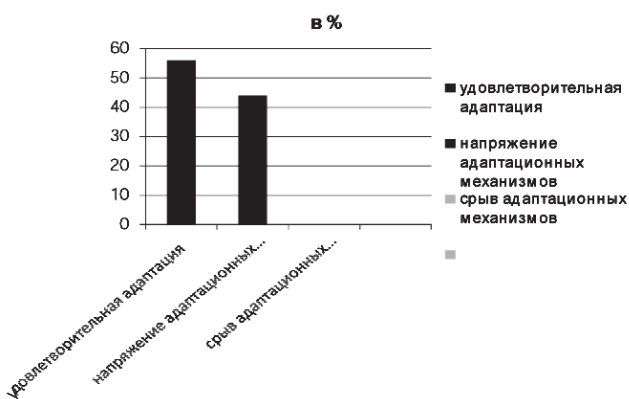

Рис. 2. Адаптационный потенциал

Показатели электроэнцефалограммы позволяют выделить некоторые особенности адаптации первокурсников: тревожность, психологическую неустойчивость, одновременно сочетающуюся с готовностью к общению, неагрессивные особенности студентов, ограниченные возможности социальной адаптации [1].

Проведенное комплексное исследование психофункционального и психологического состояния студентов позволяет заключить, что процесс их адаптации к образовательной среде зависит от психофизиологического статуса и протекает поразному. По состоянию здоровья студенты факультета находятся в «зоне риска». Более половины из них пребывают в, так называемом, третьем состоянии, т.е. имеют все предпосылки для развития серьезных болезней. Субъективно большинство студентов дают своему здоровью хорошую оценку. Об этом свидетельствуют данные психологического тестирования. Однако объективные данные говорят об обратном. Студент пока еще «держится на плаву» за счет резервных возможностей своего организма, не замечая неблагоприятных сдвигов в состоянии здоровья. Полученные нами данные наглядно демонстрируют тенденцию к ухудшению здоровья и снижению резервов организма от начала к концу обучения в вузе [2].

На данном этапе нами были получены и проанализированы результаты *мониторинга психофункционального и психологического состояния преподавателей*.

Преподаватели были разделены на группы по принципу стажа профессиональной деятельности. Нами выделено четыре группы:

- первая группа преподавателей со стажем профессиональной деятельности до 7 лет. Мы её условно обозначили «МС» (молодые специалисты);
- вторая группа – опытные специалисты со стажем профессиональной деятельности от 8 до 13 лет. Группа обозначена «ОС-1»;
- третья группа – опытные специалисты со стажем профессиональной деятельности от 14 до 20 лет. Группа обозначена «ОС-2»;
- четвёртая группа – профессионалы. Стаж их профессиональной деятельности от 20 лет и выше. Группа обозначена «ПФ».

Изучение особенностей психофункционального состояния преподавателей с помощью методики *электроэнцефалографического исследования*, позволяет отметить, что сильнее утомляются

молодые специалисты (МС) в связи с началом профессиональной деятельности, но их характеризует в целом положительный эмоциональный настрой. В группе опытных специалистов получены данные, свидетельствующие о высокой адаптированности к профессиональной деятельности. В группе преподавателей-профессионалов зафиксирован рост эмоциональной напряженности в связи с ухудшением состояния здоровья [1].

Методика «Трудовой стресс» (Ч.Д. Спилбергер). Установлено, что для молодых специалистов максимальным стрессогенным воздействием обладает необходимость переходить от вынужденных периодов пассивности и безделья к интенсивным нагрузкам. Для опытных преподавателей со стажем до 13 лет – необходимость выполнять новые или совершенно незнакомые задания.

Для преподавателей со стажем свыше 13 лет – несправедливость в оплате труда и распределении материальных поощрений, отсутствие времени для удовлетворения личных нужд и отдыха.

По мнению педагогов группы «МС», профессиональные стрессоры воздействуют на них реже, чем на преподавателей других подвыборок. Чаще других испытывают на себе воздействие стрессогенных ситуаций преподаватели группы «ОС-2» (от 14 до 20 лет).

Стрессоустойчивость преподавателей изучалась с помощью методики Щербатых Ю.В. Сопоставительный анализ выраженности отдельных составляющих стрессоустойчивости испытуемых разных групп, позволяет утверждать, что повышенной реакцией на обстоятельства, на которые человек не может повлиять в принципе, отличаются преподаватели группы «ОС-2» и «ОС-1» (ср. зн. -28,6 и 27,0 соотв.).

Склонность все излишне усложнять даже в ситуациях, не дающих на то оснований, выражена у испытуемых группы «ОС-2» (ср. зн. -27,5). Различия показателей испытуемых групп «МС» и «ОС-2» по шкале «склонность все излишне усложнять» достоверны ($p < 0,05$). Наибольшая предрасположенность к психосоматическим заболеваниям обнаружена у преподавателей группы «ОС-2» (ср. зн. -23,5), наименьшая – у молодых специалистов (ср. зн. -16,9).

В целом, преподаватели со значительным стажем трудовой деятельности (группа «ОС-2») чаще других испытывают на себе отрицательное воздействие стресс-факторов, обладают повышенной

стрессочувствительностью. Таким образом, многолетняя педагогическая деятельность выступает фактором снижения стрессоустойчивости специалистов [3].

Полученные в исследовании данные в дальнейшем были использованы для разработки стратегий и методов работы по оптимизации учебной и профессиональной деятельности студентов и преподавателей вуза, а также оказания адресной психологической помощи в профилактике и купировании учебных и профессиональных стрессов, смягчении и преодолении их негативного влияния на участников образовательного процесса.

Информационно-аналитическая деятельность, проведенная на первом этапе, позволила осуществлять прогноз и текущую коррекцию отклонений в психофизическом состоянии и поведении участников образовательного процесса и разработать модель функционирования факультета педагогики и психологии на здоровьесберегающей основе.

Разработанная модель организации учебно-воспитательного процесса основана на идее интеграции деятельности всех участников образовательного процесса и видов учебной и профессиональной деятельности.

При составлении теоретической модели мы исходили из определения, что она представляет собой совокупность логически взаимосвязанных абстрактных понятий, описывающих предметную область изучения. В нашем случае это – организация учебно-воспитательной работы факультета педагогики и психологии. В качестве элементов модели выступают теоретические конструкты, которые находятся в строго определенных связях и отношениях друг с другом (см. рисунок 3).

Концептуальная составляющая модели разрабатывалась на основе методологии личностно-деятельностного подхода, согласно которому студент и преподаватель должен не просто усваивать информацию о сущности здорового образа жизни, особенностях стресс-факторов образовательного процесса, а, находясь в активной деятельностной позиции, воспринимать полученные знания как личностную ценность и руководствоваться ими в своей жизнедеятельности, в том, числе в процессе обучения в вузе. Данная стратегия как методологическая основа образовательного процесса в вузе предусматривает наличие цели, условий, методов, приемов и средств достижения, этапов конкретной практической деятельности и предполагает

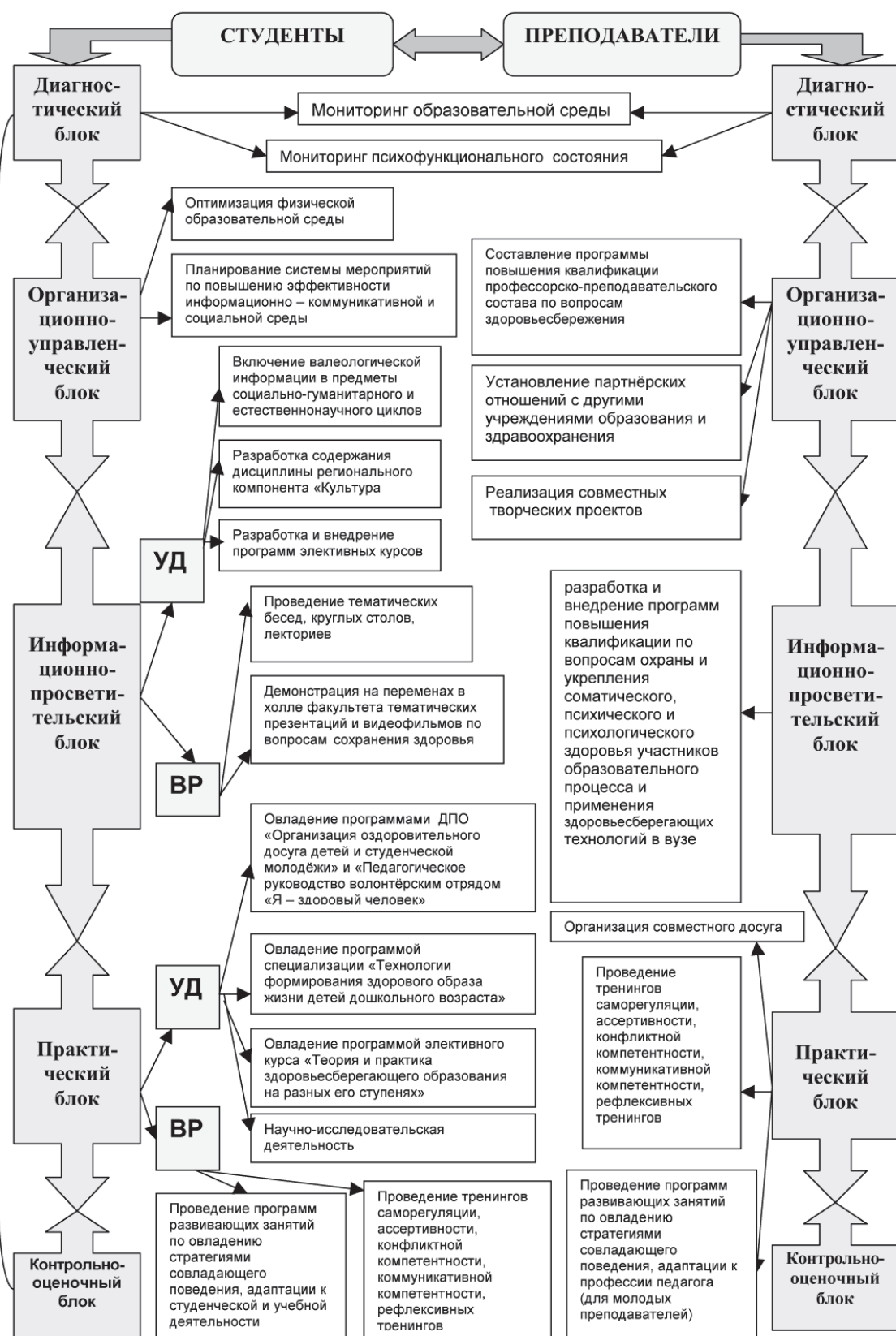

Рис. 3. Модель функционирования факультета педагогики и психологии на здоровьесберегающей основе
 Условные обозначения: УД – учебная деятельность; ВР – воспитательная работа;
 ДПО – программы дополнительного профессионального образования.

осуществление определенных психолого-педагогических действий, способствующих осознанию участниками образовательного процесса ценности здорового образа жизни, обогащению опыта здоровьесберегающей деятельности и противодействия возможным негативным воздействиям образовательной среды.

Разрабатывая *содержательную составляющую модели*, мы исходили из того, что формирование установки на здоровый образ жизни в образовательном процессе вуза будет эффективным, если сознание студента и преподавателя обретет *здоровьесцентрический тип*, когда он не только «знает», но и «воспринимает», «мыслит», «ведет себя» в соответствии с нормами здорового образа жизни.

В целях этого в образовательном процессе вуза должны соблюдаться три основных условия:

1. Обеспечение сознательного усвоения участниками образовательного процесса необходимого объема теоретических знаний и навыков, связанных с осуществлением здорового образа жизни и противодействия возможным негативным влияниям образовательной среды;

2. Формирование отношения участников образовательного процесса к здоровому образу жизни как личностной ценности;

3. Активное вовлечение студентов и преподавателей в комплекс психолого-педагогических мероприятий профилактического и обучающего содержания.

Приняв эти положения как доминантные, мы разработали содержание модели, представляющей совокупность *четырёх блоков*:

Первый блок – диагностический. Это комплекс мероприятий по мониторингу образовательной среды с точки зрения её влияния на состояние здоровья участников образовательного процесса, психофункционального состояния студентов и преподавателей. Данный блок лежит в основе организации всей системы работы факультета по здоровьесбережению участников его образовательного процесса. С учётом полученных данных о состоянии образовательной среды (самобытности, оценки стрессфакторов) и выявленных психофизиологических групп студентов и преподавателей планируется реализация всей системы организационно – управленческих, информационно-просветительских и практических мероприятий, проводимых на факультете.

Обозначенная работа завершается повторным диагностическим блоком, который мы обозначили как *контрольно-оценочный*. Он направлен на отслеживание эффективности проведённой работы и завершает полный цикл модели.

Второй блок – организационно-управленческий. Его содержание предусматривает работу по планированию и реализации комплекса организационно – управленческих мероприятий. Он связан с принятием и реализацией комплекса организационно-управленческих мер по оптимизации физической образовательной среды (оформления интерьера помещений, создания рекреативных зон, улучшения условий труда и обучения, закупки оборудования и пр.), планированию системы мероприятий по повышению эффективности информационно-коммуникативной и социальной среды (разработка и внедрение современных подходов к обеспечению доступной и оперативной информацией участников образовательного процесса, совершенствование функций контроля и учёта результатов труда, соблюдения работниками санитарно-гигиенических правил и норм, осуществление функции координации деятельности всех участников образовательного процесса и других специалистов (работников профилактория, медпункта ОГУ и пр.).

Содержанием блока является также составление программы повышения квалификации профессорско-преподавательского состава по вопросам здоровьесбережения, а также разработка и включение в учебный план цикла дисциплин для студентов разных курсов обучения. Данный модуль направлен и на установление партнёрских отношений с другими учреждениями образования и здравоохранения, реализации совместных творческих проектов.

Третий блок – информационно-просветительский. Он направлен на повышение уровня информированности участников образовательного процесса в области здоровьесбережения. В силу этого, основной целью его реализации выступает психолого-педагогическое просвещение и дифференцированная профилактическая работа, ориентированная на конкретные группы студентов и преподавателей, различающиеся уровнем своего психофункционального состояния.

Информационно-просветительская работа с преподавателями предусматривает разработку и внедрение программ повышения квалификации по вопросам охраны и укрепления соматического,

психического и психологического здоровья участников образовательного процесса и применения здоровьесберегающих технологий в вузе; организацию тематических круглых столов и семинаров; проведение лекториев, выставок литературы; составление памяток и информационных буклетов.

Информационно-просветительская работа со студентами преимущественно направлена на формирование когнитивного компонента установки на здоровый образ жизни и предусматривает следующие направления работы: учебную деятельность (УД), воспитательную работу (ВР).

Учебная деятельность предусматривает:

- включение валеологической информации в предметы социально-гуманитарного и естественнонаучного циклов с целью формирования сознательного отношения студентов к здоровому образу жизни как социальной и личностной ценности;

- разработку содержания дисциплины регионального компонента «Культура здоровья». В рамках данного курса осуществляется целостное формирование представлений студентов о роли здорового образа жизни в жизнедеятельности современного человека, а так же умений производить самооценку состояния здоровья и разрабатывать личностно-ориентированные оздоровительные – коррекционные программы;

- разработку и внедрение программ элективных курсов «Здоровьесберегающие технологии в дошкольном образовательном учреждении», «Здоровьесберегающие технологии в образовательном процессе учреждения среднего профессионального образования» и др.

Воспитательная работа включает проведение тематических бесед и круглых столов, лекториев, демонстрацию на переменах в холле и рекреационных залах факультета тематических презентаций и видеофильмов по вопросам сохранения здоровья.

Четвёртый блок – практический. Основной целью планирования и реализации мероприятий этого блока выступает профилактическая и коррекционно-развивающая работа, ориентированная на особенности конкретных групп студентов и преподавателей, различающихся уровнем психофункционального состояния.

Он предусматривает сначала овладение студентами и преподавателями стратегиями поведения, обеспечивающими устойчивость к стресс-факторам образовательной среды и реализацию комплекса востребованных коррекционно-развивающих

мероприятий. А затем – активное включение участников образовательного процесса в содержательную деятельность по моделированию и реализации программ здорового образа жизни и психологического противодействия возможным негативным воздействиям образовательной среды.

Данный блок аналогично предыдущему в работе со студентами реализуется в двух направлениях: учебной деятельности (в том числе научно-исследовательская) и воспитательной работе.

Учебная деятельность (УД) предусматривает овладение студентами программами дополнительного профессионального образования «Организация оздоровительного досуга детей и студенческой молодёжи» и «Педагогическое руководство волонтерским отрядом «Я – здоровый человек», программой специализации «Технологии формирования здорового образа жизни детей дошкольного возраста», содержанием элективного курса «Теория и практика здоровьесберегающего образования на разных его ступенях». В ходе изучения данных программ осуществляется разработка и защита проектов, направленных на организацию оздоровительного досуга, агитацию молодежи в пользу здорового образа жизни. Содержанием данных программ является активное вовлечение студентов в выполнение групповых проектов, имеющих ярко выраженный здоровьесберегающий и здоровьесформирующий характер.

Содержанием профилактического направления является и вовлечение студентов в научно-исследовательскую деятельность, ориентированную на изучение проблем здорового образа жизни и технологий здоровьесберегающей деятельности образовательных учреждений.

Воспитательная работа (ВР) предполагает проведение тренингов саморегуляции, асертивности, конфликтной и коммуникативной компетентности, рефлексивных тренингов и др., реализацию программ развивающих занятий по овладению стратегиями совладающего поведения, адаптации к студенческой жизни и учебной деятельности и т.д.

Содержанием воспитательной работы является также организация конкурсов на лучший тематический видеоролик, созданный студентами, подготовка волонтерского отряда «Я – здоровый человек» к выступлениям перед студентами и школьниками с тематической программой, привлечение студентов, получающих дополнительную специальность «Организация досуговой деятельности де-

тей и студенческой молодёжи», к проведению факультетского дня здоровья, участие в акциях «Мы – за здоровый образ жизни», физкультурно-спортивных мероприятиях.

В работе с профессорско-преподавательским составом данный блок предусматривает организацию совместного досуга. Правильно организованная досуговая деятельность способствует сплочению педагогического коллектива, принятию коллективом каждого своего члена и принятию каждым преподавателем других. Это повышает ощущение социальной надежности, уверенности в себе. Кроме того, проведение совместного досуга обеспечивает компенсацию негативных воздействий образовательной среды на педагогов позитивными.

Важным направлением коррекционно-развивающей работы выступает проведение тренингов саморегуляции, ассертивности, конфликтной ком-

петентности, коммуникативной компетентности, рефлексивных тренингов и др.; программ развивающих занятий по овладению стратегиями совладающего поведения, адаптации к профессии педагога (для молодых преподавателей).

Содержание модели положено в основу программы и паспорта сохранения и укрепления здоровья участников образовательного процесса факультета педагогики и психологии Орловского государственного университета «Факультет педагогики и психологии – территория здоровья».

Модель применима к условиям высшего учебного заведения, осуществляющего подготовку студентов по педагогическим и психологическим специальностям, а также может быть адаптирована к условиям вуза любого профиля. На решение данной задачи направлен разработанный авторским коллективом алгоритм функционирования модели в режиме «отчуждаемых технологий».

Библиографический список

1. Бочарова Н.И., Добророднова, О.В., Карякина, С.Н., Лактионова, О.И., Осадчая, Е.А. Образовательная среда и здоровье участников образовательного процесса вуза: Монография [Текст] / Н.И. Бочарова. – Орёл: ГОУ ВПО «ОГУ», 2010. – 158 с.
2. Карякина С.Н. Характеристика учебного стресса студентов младших и старших курсов высшего учебного заведения [Текст] / С.Н. Карякина // Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. – 2010. – № 3 (37), часть 2. – С. 210–215.
3. Осадчая Е.А. Анализ данных мониторинга психофункционального состояния студентов факультета педагогики и психологии Орловского государственного университета [Текст] / Е.А.Осадчая // Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. – 2010. – № 3 (37), часть 2. – С. 262–270.

N.I. BOCHAROVA

The results of the analytic governmental purpose-oriented program «The development of the higher education scientific potential (2009–2010)» are given in the article. We give the brief main data about the students' and professors' psychofunctional and psychological status. Also the estimated value of the stress factor influence upon the health of the educational process members is given. We give a special attention to the reasoning of the faculty's health-caring scientific and organizational foundation.

Keywords: stress, adaptation, health status, psychofunctional status, stress factor, professional education, model, quality of education

*И.В. ВИСКОВА, преподаватель Московской финансово-юридической академии; аспирантка кафедры методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета
Тел. 8 903 178 83 24; tuppence@yandex.ru*

ОТ ЛОГИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО К КОММУНИКАТИВНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОМУ ПОДХОДУ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ (из истории становления методики морфологии)

В статье представлен анализ некоторых аспектов истории отечественной методики морфологии с точки зрения изменения тенденций обучения. В общих чертах дана история развития методики изучения грамматики от М.В. Ломоносова до наших дней, рассказано об учебных пособиях, использованных на разных этапах становления методики морфологии, о научных взглядах известных исследователей-методистов. Также в статье автор подробно останавливается на коммуникативно-деятельностном подходе, соответствующем содержанию современных стандартов образования.

Ключевые слова: методика морфологии, часть речи, логико-грамматический подход, коммуникативно-деятельностный подход, языковая личность.

Методика преподавания русского языка как теоретическая наука прошла сложный путь становления и продолжает развиваться. В общих чертах методологическое содержание курса русского языка как учебной дисциплины определилось только к концу XX века.

В XIX веке не существовало единого подхода к школьной программе по русскому языку, и только в 1870-е годы появились первые программы, по которым можно было обучать школьников.

Еще М.В. Ломоносов понимал, что грамматика имела огромное значение для развития литературного языка и играла важную роль для образования учащихся. Именно грамматика являлась надежным средством в овладении теорией русского языка, и обучение детей родному языку без грамматики было бы бессмысленно. Поэтому опубликование «Российской грамматики» в XVIII в. явилось началом подлинно научной постановки преподавания русского языка в школе.

Так как филологическая деятельность М.В. Ломоносова является «исходной вехой всей лингвистической, а впоследствии и методологической науки» [4, 24], под влиянием его грамматических идей появились школьные грамматики А.А.Барсова, Е.Б. Сырейщикова, П.Соколова, В.П. Светова и др., которые периодически переиздавались.

В 1811 году появляется «Опытный способ к философическому познанию русского языка» И. Тимковского, представляющий собой содержание занятий по русскому языку в отечественной школе. Тимковский предлагал использовать эту методическую рекомендацию после изучения «Российской грамматики» М.В. Ломоносова или в совокупности с ней.

В 1831 г. А.Х. Востоков издал две учебные грамматики русского языка, краткую («Сокращенная русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях») и полную («Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная»), неоднократно переиздававшуюся в XIX в.

Методические взгляды К.Д. Ушинского заслуживают особого внимания.

Ушинский предлагал изучать язык в совокупности с грамматикой, одновременно не допуская, чтобы грамматика становилась единственной целью, которую необходимо достичь при изучении русского языка. Ученый выдвинул «принцип непрерывной связи теории и практики, знаний и навыков в педагогической работе учителя» [4, 27].

Знания в области теории должны приобретаться учениками естественным путем – «посредством наблюдения за живыми фактами родного языка, не допуская при этом никакого заучивания, тем более зубрежки правил» [4, 27].

Одной из основных заслуг Ушинского в области методики является то, что он не только разрабатывал методические принципы школьного обучения грамматике, но и описал методы, которыми должен пользоваться учитель.

Ф.И. Буслаев «считал, что гимназический курс русского языка должен изучаться дифференцированно: на низшей и высшей ступени обучения» [4, 25].

«На первой, низшей ступени отечественная грамматика, в связи с практическими упражнениями, предполагает две цели: образование и развитие детских способностей (общая грамматика) и безошибочное употребление русского языка словесно и письменно (частная грамматика). На высшей ступени грамматика является наукою: здесь выступает сравнительное и историческое языкознание в связи с чтением церковнославянской, древнерусской и новой литературы» [2, 258].

В книге «О преподавании отечественного языка» Буслаев использует практические приемы для осмысления частей речи и частей предложения, отказываясь от формального развития мышления школьника: работа над мышлением ребенка должна быть материальна, вещественна, надо учить мыслить на конкретном содержании [2].

Буслаев противопоставляет свою систему предшествующим, находит недостатки в грамматиках Востокова и Греча, замечая, что оба филолога рассматривают грамматику только с научной стороны, не учитывая личность учащегося. Мысль, что развитие личности – необходимое и важнейшее условие усвоения грамматики – является «краеугольным камнем всей методики» [2, 20]. Систему учащиеся постигают через «мышление, действие, ощущение», как совокупность того, что выражается языком.

Одно из важных мест грамматика занимает в методической системе И.И. Срезневского.

Срезневский утверждал, что ребенок «может

с успехом начать трудиться для своего образования и умом и памятью самостоятельно и начать заниматься науками как науками» [4, 29].

В 1871 году выходит в свет труд «Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте», где Срезневский говорит, что «разделение слов языка на разряды, различение так называемых «частей речи» основано ... на требовании разума» [5, 87]. Он считал, что детям нужно объяснять только то, что можно объяснить разумно, и нельзя приучать их к «искусственной раскладке» слов на части речи. Срезневский сомневался в правильности обычного распределения слов по частям речи, говоря, что нельзя причислить к какой-либо части речи какое-то слово только потому, что оно может употребляться в значении той части речи [5].

Срезневский, как и Буслаев, «осуждал формализм в преподавании грамматики, требовал, чтобы учитель постоянно проявлял заботу о сознательном усвоении грамматических явлений русского языка в единстве их формы и содержания» [4, 30].

Таким образом, начавшаяся еще в первой половине XIX века прогрессивная линия в методике преподавания русского языка получила свое продолжение в следующие десятилетия в трудах таких замечательных ученых-методистов, как Л.И. Поливанов, В.Я. Стоюнин, В.П. Шереметевский, Н.Ф. Бунаков и др. [4, 30].

Цели и принципы обучения родному языку, которые открыл Шахматов, связанные с ориентацией на живую речь и поэтапным усвоением знаний, используются и в современной практике.

«В первые годы революции преподавание русского языка в школе находилось под большим влиянием решений Первого Всероссийского съезда учителей русского языка, отразивших мысли прогрессивных методистов» [4, 32]. Господствующим стало формально-грамматическое учение академика Ф.Ф. Фортунатова.

В конце 20-х годов XX века появились два варианта программ: один – для городской школы, другой – для сельской. Грамматический материал был представлен в программах без всякой системы и в крайне ограниченном объеме. Но, начиная с 1927 года, благодаря А.М. Пешковскому в программах была восстановлена в правах грамматика.

В 20-х гг. были широко распространены учебники, основанные на формально-грамматической точке зрения на язык, – пособия С. Горюхова (1922), П.А. Дуделя (1924), А.М. Пешковского (1925, 1926), С.И. Абакумова (1923, 1929 и 1930), Ф.А. Фридлянд, Е.Г. Шалыт (1924), А.Б. Шапиро

(1925), Д.Н. Ушакова (1926) и др. Они были различны по содержанию, включали грамматику, орфографию и пунктуацию (иногда – развитие речи). Способом изложения материала служил метод наблюдения над языковыми фактами.

А.М. Пешковский настаивал на высоком теоретическом уровне в преподавании русского языка, предлагал ввести научный принцип, который мог быть основан на знании грамматической теории [4].

1945–1960 гг. названы в отечественной методике «периодом преодоления методологических ошибок в языкознании и ошибочных влияний в методике русского языка» [4, 32].

С 1960 года начинается «период совершенствования учебно-воспитательной работы советской школы», издается программа, по которой основной материал должен изучаться в IV–VII классах [4, 32].

Методисты А.В. Текучев и Л.П. Федоренко пришли к разрешению вопроса частнометодических методов обучения русскому языку, а профессор Т.А. Ладыженская создала методическую систему развития устной и письменной речи [3].

Позже работы отечественных методистов (М.Т. Баранова, В.И. Лебедева, В.П. Озерской, М.М. Разумовской и др.), а также исследования психологии и педагогической психологии (Н.И. Жинкина, С.Ф. Жуйкова, Н.А. Менчинской, В.В. Давыдова и др.), заставили обратиться к проблемам развивающего и дифференцированного обучения.

Пройдя в своем развитии многообразные этапы, методика подошла к последнему на сегодняшний день – альтернативно-поисковому – коммуникативно-деятельностному подходу, при котором происходит создание условий для самореализации учащихся: «... в настоящее время в качестве основополагающих ценностей преподавания выдвигается гуманизация процесса обучения русскому языку, уважение к личности обучаемого, а главной целью педагогического процесса становится воспитания языковой личности школьника» [1, 15].

Таким образом, объектом методики обучения русскому языку становятся «педагогические процессы учения-обучения, воспитания и развития языковой личности школьника», а «предметом... учебно-воспитательный процесс изучения русского языка». [1, 18]. К началу XXI века тенденции личностно-ориентированного подхода были зафиксированы учеными-методистами во многих научных исследованиях, а вслед за этим было обозначено поле поиска подходящих технологий для реализации названного подхода. Основные концептуальные положения методической науки были сформулированы в Стандартах школ России первого поколения. Обучение на основе коммуникативно-деятельностного подхода к обучению русскому языку вполне соответствует современным вызовам общества, что и нашло отражение в требованиях Стандартов образования уже последнего (третьего) поколения.

Библиографический список

1. Антонова Е.С. Методика преподавания русского языка: коммуникативно-деятельностный подход: учебное пособие / Е.С. Антонова. – М.: КНОРУС, 2007. – 464 с.
2. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. Вступ. статья «Акад. Федор Буслаев и его значение для школы», с. 3–28, ред. и комментарии проф. Е.Н. Петровой. Л., Учпедгиз, Ленингр. отд-ние, 1941. – 248 с.
3. Донская Т.К., Карамышева С.Н. Краткие очерки истории методики преподавания русского языка. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2002. – 113 с.
4. Лапатухин М.С. Методика русского языка в средней школе. – Калинин, 1974. – 324 с.
5. Срезневский И.И. Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте. Из бесед И.И. Срезневского. Спб., тип Акад. наук, 1899.

I.V. VISKOVA

FROM THE LOGICAL-GRAMMATICAL APPROACH TO THE COMMUNICATIVE ACTIVITY APPROACH (from the history of forming the methods of morphology)

The article presents material from the history of national science methodology. In general, given the history of the development methodology of teaching Russian language from MV University to the present day, told about the manuals, operating at different stages of development of science, of scientific views known to the researchers, methodologists. Also in the article, the author dwells on the communicative activity approach, the appropriate content of modern education standards.

Key words: morphology technique, part of speech, the logical-grammatical approach, the communicative activity approach, language person (consciousness).

*С.В. ДЕРЕПАСКО, доцент кафедры домоведения и сервиса
факультета технологии, предпринимательства и сервиса
Орловского государственного университета
Тел. 8 (4862) 76-38-15*

*В.Н. ПРАВДЮК, доктор педагогических наук, декан факультета
технологии, предпринимательства и сервиса
Орловского государственного университета
Тел. 8 (4862) 76-12-06*

ПРИНЦИПЫ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ ОТРАСЛЬ «ДИЗАЙН»

В статье рассматриваются принципы подготовки педагога профессионального обучения отрасль «Дизайн». Приводятся особенности сочетания в обучении дидактических и профессиональных принципов на примере дисциплины «Культура дома».

Ключевые слова: педагог профессионального обучения, «отрасль дизайн», культура дома, принципы.

Актуальность подготовки будущего педагога профессионального обучения определяется в первую очередь доказательством исключительно важной роли начального и среднего профессионального образования для России как уникальных, находящихся в тесной, неразрывной взаимосвязи между собой ветвей профессионального образования, наиболее приближенных к реальному сектору экономики. Современная экономическая ситуация в России предъявляет высокие требования к качеству профессионального образования, предоставляемого образовательными учреждениями. Дальнейшее развитие общества невозможно без совершенствования профессионального образования, без его перехода на новый уровень. Профессиональные учебные заведения становятся основным каналом подготовки молодого пополнения квалифицированной рабочей силы, воспроизводства дипломированных работников, выступая, как составная часть общей системы образования и как звено народнохозяйственного комплекса страны.

В ходе исследования, проводимого на факультете технологии, предпринимательства и сервиса Орловского государственного университета, нами выявлено **противоречие** между потребностью в целенаправленной эффективной подготовке будущего педагога профессионального обучения, в том числе бакалавра, ориентированного на обучение учащихся основам дизайна и традиционной системой подготовки.

Качества, необходимые педагогу профессионального обучения, специфичны, прежде всего, в силу уникальности требований, предъявляемых к этой специальности. Эта специфика учтена вузовскими учебными программами. В подготовке преподавателей используются педагогические технологии обучения и воспитания, методы воспитательной работы и частные методики обучения. В настоящее время на факультете готовят педагогов профессионального обучения специальность 050501 (по отраслям), в частности – дизайну с умениями и навыками проектирования, творческого конструирования и оформления. Подготовка педагога профессионального обучения осуществ-

ляется путем глубокой интеграции дисциплин психолого-педагогического и инженерно-технического компонентов образования, их взаимопроникновения и взаимообогащения, охватывает как, педагогические, так и производственные технологии.

Развивающийся в нашей стране рынок труда мастеров – дизайнеров требует предельной ясности, точности и объективности в определении профессиональной пригодности будущего специалиста к творческому труду, развитие у них профессиональной компетентности. Не смотря на внедрение в вузовскую подготовку бакалавров и магистров профессионального образования, будущий педагог профессионального обучения получает системное образование, состоящее из трех интегрированных компонентов: психолого-педагогической, отраслевой подготовки и подготовки по рабочей профессии.

В настоящее время в подготовке будущего педагога на факультете больше внимания уделяется научно-исследовательской, инновационной и иной творческой деятельности преподавателей и студентов. Это дает возможность идти в ногу с изменениями, происходящими в сфере профессионального образования, в основе которых лежит идея развития личности, подготовки специалистов не только к конкретной профессиональной деятельности, но и формирование готовности к освоению новых знаний, приобретению многофункциональных умений, что обеспечивает профессиональную мобильность.

В целом, подготовка будущего педагога ведется на основе: политехнического подхода к формированию содержания технологической подготовки молодежи; ознакомления ее с современными и перспективными технологиями преобразования материалов, энергии и информации с применением экономических, экологических, предпринимательских и профориентационных знаний; с методами освоения общетрудовыми умениями и навыками, с этикой трудовых отношений; овладения жизненно необходимыми технологическими знаниями и умениями, в том числе культурой труда, поведения и бесконфликтного общения; творческого и эстетического развития студентов; профессионального самоопределения и социально-трудовой адаптации молодежи.

Это позволило нам обратить внимание на основные принципы подготовки педагога профессионального обучения, которые предусмотрены в

разработанной модели подготовки педагога профессионального обучения по отрасли «Дизайн»: как общедидактические, так и общепрофессиональные, способствующие учитывать особенности личности студента к освоению выбранной педагогической профессии.

Основные общедидактические принципы: научность, последовательность, перспективность, связь теории с практикой, индивидуальность подхода, доступность, наглядность.

Принцип научности предполагает, прежде всего, строгий отбор научных сведений о культуре вообще и культуре труда, эстетической и дизайнерской культуре в частности. Студенты знакомятся с различными трудовыми процессами, технологиями, трудовыми действиями в дизайне. Они осваивают научные основы культуры современного дома, дизайна, создания комфортного интерьера жилища, ландшафтного дизайна, основы межличностных отношений и культуры общения с использованием вербальных и невербальных средств и др.

Обучение студентов проводится на научно обоснованном доступном для них материале, подтвержденном практикой. Принцип научности соблюдается преподавателями не только в сообщении новых знаний, но и в ходе проведения со студентами творческих и различных видов самостоятельной работы. При реализации принципа научности необходимо доводить знания до научных понятий, например: «домашний менеджмент», «высокая культура дома», «этика быта» и другие понятия, требующие конкретного осмысления, для более глубокого изучения учебного материала и расширения кругозора.

Имея прямое отношение к содержанию образования, принцип научности определяет требования к разработке учебных планов, учебных программ и учебников. В ходе учебного процесса преподавателю требуется использовать дополнительный материал, отражающий современные технологии в создании, например, индивидуального жилья в условиях города или села; материал, содержащий сведения об инновационных технологиях в области дизайна. Последовательное осуществление принципа научности означает ориентацию процесса обучения на формирование у студентов концептуального видения окружающего пространства и создание его адекватного и реалистического образа в соответствии с социумом.

Принцип доступности преподаватель соблюдает как при сообщении новых знаний, так при формировании практических навыков. Он учитывается при организации экскурсий на выставки, предприятия, при планировании и проведении наблюдений, а также для организации самостоятельной творческой деятельности студентов. Содержание дисциплины «Культура дома», разработанной Дерепаско С.В., отвечает требованиям дидактики. Принцип доступности способствует формированию интереса студентов к объекту изучения, развитию его любознательности, творческой самостоятельной активности. Творчески выполненные курсовые работы, студенты используют при подготовке дипломных работ.

Принцип наглядности имеет место в процессе обучения на теоретических и практических занятиях, во внеаудиторной работе в мастерских, специализированных кабинетах, в исследовательской работе и на экскурсиях. Обучение проводится с демонстрацией натуральных объектов, с иллюстрацией цветных учебных таблиц, макетов и других наглядных пособий (схем, слайдов и т.п.). Наглядность в обучении основана на такой закономерности процесса познания, как его движение от чувственного к логическому, от конкретного к абстрактному. Наблюдения показали, что научные понятия и закономерности легче усваиваются студентами, если подкрепляются конкретными фактами в процессе сравнения, проведения аналогий и т.д.

По мере возрастания абстрактности в обучении необходимо использовать разные виды наглядности: естественную, например, на занятиях по ландшафтному дизайну (предметы объективной реальности и действия с ними), экспериментальную – на занятиях домашнего и офисного дизайна (опыты и эксперименты), объемную (макеты, фигуры) – в обучении архитектурному дизайну, изобразительную (картины, фотографии, рисунки) на занятиях по рисунку, звукоизобразительную (кинофильмы, телепрограммы), звуковую (магнитофонные записи), символическую и графическую (графики, схемы, формулы) – в ходе изучения инженерной графики, словесную (образные словесные описания фактов и действий) – на всех видах занятий.

В дисциплине «Культура дома» имеется ряд разделов: «основные функциональные зоны жилого пространства», «цветовое оформление интерьера жилых помещений», «световой дизайн жилья»,

«текстиль в интерьере жилых помещений», «декоративное оформление жилого пространства» и другие, которые предъявляют особые требования к видам наглядностей, это: разнообразность экспозиций, письменный или аудио комментарий, эффективность, экономичность, целесообразность тех или иных решений, и другое. Такие разделы, например: «экология жилья», «флористика, фитодизайн, ароматерапия жилья» при подборе наглядного материала требуют сведений об окружающем жилище внешнем пространстве (городская или сельская зоны), о соответствии предложений проживающим в данном доме, об индивидуальных восприятиях, о соответствии чертам характера и многое другое.

В данном случае можно с уверенностью сказать, что будущий педагог профессионального обучения должен так владеть основами психолого-педагогических знаний, чтобы с помощью наглядных пособий и наглядного материала он мог объяснить различные ситуации по проблеме изучаемой темы; уметь развивать у своих учеников навыки абстрактного мышления, анализа и сопоставления.

Принцип последовательности, преемственности и систематичности обусловлен объективно существующими этапами познания, взаимосвязью чувственного и логического, рационального и иррационального, сознательного и бессознательного.

Систематичность и последовательность позволяют прогнозировать темп усвоения того или иного учебного материала, его сопоставимость и ценность. Считаем, что системный подход к обучению, способствовал четко подготовить учебный материал по дисциплине «Культура дома»: создан целостный учебно-методический комплекс по дисциплине, разработано учебное пособие «Культура дома» и разработан наглядный материал. При этом нам удалось вычлениить в изучаемом материале ведущие понятия и категории, установить их связи с другими понятиями и категориями, раскрытия их генезиса. Так в ходе изучения дисциплины «Культура дома» у студентов формируются не только знания, умения и навыки, но и повышается интерес. В начале, они знакомятся с социальными и нравственными предпосылками здорового образа жизни, а в дальнейшем они осознанно воспринимают вербальные и невербальные средства общения и формирования межличностных отношений, приступая к детальному изучению оформле-

ния своего дома и поддержанию его в экологическом состоянии.

Принцип преемственности тесно связан с принципом последовательности и межпредметной связи. Особая роль в этом взаимодействии принадлежит *межпредметным связям*. Считаем, что дисциплина «Культура дома» тесным образом связана с психологией, экологией, рисунком и живописью; а такие разделы, как «Флористика. Фитодизайн. Ароматерапия» – с основами биологии и медицинских знаний; изучение семейного бюджета экономических проблем семьи, структуры семейных доходов и расходов связаны с предварительным ознакомлением с основами экономических знаний, менеджментом и т.д. Межпредметные связи в обучении студентов имеют большое значение, в зависимости от курса, на котором проходят занятия, педагог учитывает уровень этих связей (низкий, средний и высокий), что позволяет ему правильно разработать конспект занятий и применять методы, способствующие осознанному восприятию новых знаний и активизировать их самостоятельную деятельность.

Одновременно с вышеназванными дидактическими принципами обучения мы учитываем и другие: *перспективности, единства группового и индивидуального обучения, соответствия обучения индивидуальным особенностям, связи теории с практикой, оптимальности*.

Кроме этого, обращаем внимание, что в нашей модели представлены *общеспециализированные принципы* – это группа принципов, отвечающих требованиям подготовки будущего педагога по отрасли дизайн: *профессиональной направленности, интеграции и дифференциации в обучении дизайну, творческого воспитания, социально-адаптационный, коллективного сотрудничества, культуры дизайна, культуры окружающей среды*. Кратко остановимся на некоторых из них.

Принцип профессиональной направленности в целом позволяет студентам разобраться в требованиях, предъявляемых к подготовке педагога профессионального обучения, его знаниям, умениям и навыкам в области дизайна.

Принцип интеграции и дифференциации в обучении дизайну взаимодействует с дифференциацией образовательных предметов в вузе в соответствии со специальностью, который в свою очередь, предполагает правильное соотношение теоретического и практического обучения образо-

вательным дисциплинам. В нашем случае данный принцип полностью раскрывается в дисциплине «Культура дома».

Принцип творческого воспитания предусматривает хорошую постановку творческого развития в обучении, которое начинается с первого курса, когда студенты изучают «рисунок», «химию цвета», «физику цвета» и другие дисциплины. В нашем исследовании рассматривается творческое развитие на основе трудового воспитания студентов с одной стороны как будущего педагога профессионального обучения и, с другой, как дизайнера, где особенности его трудового воспитания тесно связаны с развитием творческого мастерства в дизайне. В ходе такого воспитания студенты получают знания по основам современной технологии и организации дизайнерской деятельности.

Принцип коллективного сотрудничества способствует взаимосвязи вуза и профессионального учебного заведения. Будущие педагоги проходят свою педагогическую практику в профессиональных учебных заведениях. Там, как правило, они под руководством педагогов – наставников осваивают методы организации занятий с учащимися, но и проводят педагогический эксперимент. Хотим отметить, что союз: студент – преподаватель профессионального учебного заведения – учащиеся, позволяет студентам приобрести первый педагогический опыт и представить достойные творческие проекты, которые реализуются в их выпускных дипломных работах.

Принцип социально-адаптационный учитывается преподавателями вуза в процессе ознакомления студентов с будущей профессией. Социальная значимость профессии повышается, если она отвечает современным потребностям общества, престижна, носит творческий характер, высоко оценивается материально. Поэтому очень важно этот принцип учитывать в курсе «Введение в специальность».

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что процесс подготовки будущего педагога профессионального образования по отрасли «дизайн» проводится на основе сочетания общедидактических и общепрофессиональных принципов, которые дополняют друг друга. Это позволяет проводить подготовку будущего педагога профессионального обучения так, чтобы оно носило целостный системный характер, в сочетании с отраслевой направленностью.

Библиографический список

1. Дерепаско С.В., Е.А. Бубнова Культура дома [Текст] / Учебно-методическое пособие для студентов вузов. Орел: ОГУ, полиграфическая фирма «Картуш», 2009. – 143 с.
2. Дерепаско С.В., Федин Н.Л. Эстетика и дизайн офиса [Текст] / Учебно-методическое пособие. – Орел: ОГУ, полиграфическая комп. «Апрель-М», 2010. – 56 с.
3. Правдюк В.Н., Дерепаско С.В. О подготовке специалистов на факультете технологии, предпринимательства и сервиса. [Текст] / Материалы XIV Международной конференции по технологическому образованию школьников «Проблемы технологического образования в школе и вузе». конференции / Под ред. Ю.Л. Хотунцева. – М.: МИОО, 2008. – С. 421–423.
4. Правдюк В.Н. Особенности подготовки специалистов на факультете технологии предпринимательства и сервиса. [Текст] / Сборник статей преподавателей Орловского государственного университета. // Теоретические и практические аспекты научно-исследовательской деятельности ученых ОГУ: Ч. 2. – Орел, 2009. – С. 193–196.
6. Слостенин В.А. Профессионализм педагога: акмеологический подход / Педагогическое образование и наука № 4, 2002. – С. 4–9.
7. Слостенин В.А., И.Ф. Исаев, Е.Н. Шишнянов и др. [Текст] / Педагогика: Учеб. пособ. для высш. пед. учеб. Заведений [Текст] / Под ред. В. А. Слостенина. – М.: Изд. центр «Академия», 2002. – С. 3–58.

S.V. DEREPASKO, V.N. PRAVDUK

**PRINCIPLES OF PREPARATION OF THE TEACHER OF VOCATIONAL TRAINING
BRANCH «DESIGN»**

In article principles of preparation of the teacher of vocational training on branch «design» are considered. Features of a combination in training of didactic and professional principles on a discipline example «Culture of the house» are resulted

Key words: the teacher of vocational training, «branch design», culture of the house, principles, the contradiction.

*И.Н. ИВАНЕНКО, директор лицея № 39 г. Орла
Тел. 8(4862) 76-12-25*

ВВЕДЕНИЕ ФГОС КАК ОСНОВА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ВОСПИТАНИЯ НАЧАЛЬНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается эксперимент по введению образовательных стандартов начального общего образования второго поколения, методологической основой которых является системно-деятельностный подход к обучению и воспитанию обучающихся.

Ключевые слова: реализация образовательной программы, системно-деятельностный подход, методологическая основа.

Муниципальная гимназия № 39 г. Орла с сентября 2010 г. вступила в эксперимент по введению ФГОС начального общего образования второго поколения.

Главным в ФГОС является реализация трёх требований к личностным результатам, метапредметным, предметным, к структуре основной образовательной программы и её реализации.

В основе стандартов лежит системно-деятельностный подход к обучению и воспитанию обучающихся. Системно-деятельностный подход является методологической основой стандартов. Задача школы – достигать не только знаниевого уровня, но и компетентностного.

В ОУ работают 11 учителей начальных классов: из них 4 учителя высшей и 6 первой категории.

Направляет работу этих учителей учитель высшей категории, отличный методист, кандидат педагогических наук, заместитель директора по учебно-воспитательной работе Новосёлова Г.Д. Учителя начальных классов совершенствуют своё методическое мастерство в рамках предметного методического объединения. Руководит работой МО опытный учитель, учитель высшей категории Ерохова Л.А. Всего в 1–4-х классах обучается 285 учащихся (11 классов-комплектов).

Начальная школа располагается в отдельном блоке здания гимназии, включающем в себя 10 учебных кабинетов, 2 спальни, игровую и туалетные комнаты.

Ученики начальных классов имеют отдельный вход в столовую, спортивный зал, автономные выходы из здания гимназии.

К основному корпусу ОУ пристроен бассейн, располагающий малым спортивным залом. На территории гимназии имеются игровые и спортивные площадки для детей младшего школьного возраста, а также рекреационные зоны, в которых растут деревья и кустарники.

Наша гимназия занимается только в первую смену, поэтому вторая половина дня предоставлена для развития творческих способностей, дарований и талантов учащихся, в том числе и для учащихся начальных классов. У нас эффективно встроена система дополнительного образования.

Ученики младшего школьного возраста занимаются в предметных кружках, клубах и секциях, проводимых учителями гимназии.

Кроме того, на базе гимназии функционируют филиалы художественной школы № 2, школы искусств имени Кабалевского с филиалами изобразительного искусства, хоре-

ографии, вокального и инструментального. Ученики укрепляют своё здоровье в спортивных секциях и филиалах ДЮСШ г. Орла, занимаются баскетболом, футболом, легкой атлетикой, большим теннисом, каратэ и рукопашным боем, шахматами и шашками в стенах нашей школы. С большим желанием ученики начальной школы посещают занятия в бассейне. Техническим творчеством наши дети занимаются в школьных кружках, приходят к нам специалисты городского центра технического творчества в качестве руководителей кружков, а также мы занимаемся и в самом центре. Специалисты центра «Ракурс» ведут кружковые занятия по изобразительности и фотографии.

Учителя начальных классов активно участвуют в методической, опытно-экспериментальной и исследовательской деятельности, являются постоянными участниками экспериментальных площадок «Оптимизация гуманитарного образования Орловской области», «Роль сетевого взаимодействия и освоения форматов ВКС связи как этап деятельности инновационного учреждения».

Учителя младшей школы успешно осваивают новейшие образовательные технологии, включая ИКТ, что обеспечивает высокий уровень знаний и компетентности учащихся. Около 80% детей учатся без троек, в целом достойно выступают в городских олимпиадах, например, по русскому языку Белова Екатерина (учитель Русанова Е.Н.), Белоусова Екатерина (учитель Пенькова Т.Г.) и математике Агапиева Виктория (учитель Русанова Е.Н.), по английскому языку Столяров Александр (учитель Иваненко И.А.), Грязнов Е. (учитель Шабалина Г.М.). В 2009 г. ученики Новосёловой Г.Д. были награждены дипломами за участие в областном конкурсе исследовательских работ, они являются участниками Российской заочной конкурс-олимпиады в рамках национальной образовательной программы «Интеллектуально-творческий потенциал России». В 2010 г. её ученик Кондрашкин Артём – лауреат Всероссийского конкурса «Интеллект-экспресс», Бережной Ярослав – лауреат городского конкурса проектно-исследовательской деятельности «Этот удивительный мир растений». Учителя гимназии 1–4-х классов накопили серьёзный опыт по духовно-нравственному воспитанию, которое осуществляется на основе системы воспитательной деятельности гимназии и программы «Юность России».

Я очень благодарен Управлению образования и молодёжной политики Департамента образования, культуры и спорта за то, что нам доверили важнейший эксперимент и направили на учёбу в Академию повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования.

На основании приказа Департамента образования, культуры и спорта № 1280 от 26.07.2010 и рекомендаций, полученных на курсах АПК и ППР уже летом мы смогли подготовить основную образовательную программу и представить её в ОИУУ и в отдел общего образования Управления образования администрации г. Орла. К началу учебного года был разработан учебный план, Галина Дмитриевна совместно со Светланой Викторовной Звекковой разработали рабочие учебные программы, а планы индивидуального профессионального развития составили все учителя, была разработана Программа воспитательной деятельности, ядром которой является духовно-нравственное воспитание, составлены методические рекомендации учителям, и проведено ознакомление с ними. УМК, необходимые для введения ФГОС, мы подобрали еще в феврале 2010 г. Серьезно мы относимся к комплектованию библиотеки необходимыми методическими пособиями. Продумана система информационной поддержки и сопровождения, обеспечивающая введение ФГОС.

На основании приказа Управления образования администрации г. Орла в гимназии был издан приказ № 102/1-Д от 16.08.2010 г. «Об организации работы по подготовке введения федерального образовательного стандарта начального общего образования в муниципальной гимназии № 39 г. Орла».

Был подготовлен и утвержден План-график введения ФГОС начального общего образования в муниципальной гимназии № 39 г. Орла. Разработано Положение о рабочей группе по введению и реализации начального общего образования в гимназии № 39, состоящей из директора гимназии, трёх заместителей по УВР, заместителя директора по ВР, руководителя МО учителей начальных классов, учителей гимназии, участвующих в эксперименте. На заседании научно-методического совета были рассмотрены, проанализированы основная образовательная программа, учебный план, учебные рабочие программы, план воспитательной деятельности. После прохождения экспертизы эти документы были утверждены приказом директора гимназии.

Своевременную и эффективную помощь в составлении документов мы получили со стороны Управления образования и молодёжной политики Департамента образования, культуры и спорта в лице Гомозова В.В., работников ОИУУ Потуровой Л.В., Сотниковой Т.П., начальника отдела общего образования Управления образования администрации г. Орла Скульбеды Е.П., главного специалиста отдела общего образования Управления образования администрации г. Орла Шелудченковой И.Г.

Были внесены коррективы и изменения в план работы научно-методического совета и методического объединения учителей начальных классов, разработан план методического объединения учителей начальной школы по подготовке кадров к реализации ФГОС, индивидуальный план профессионального развития учителя начальных классов, направленные на применение новейших технологий, обеспечивающих системно-деятельностный подход в обучении учащихся младших классов, совершенствование воспитательной деятельности, и прежде всего духовно-нравственного воспитания. Со всеми учителями были проведены семинары и инструктажи об особенностях ФГОС второго поколения начальной общеобразовательной школы, а также собрания родителей учащихся 1–4-х классов, на которых мы говорили о специфике новых стандартов, особенно заинтересовали родителей вопросы внеурочной деятельности.

Спланирована и осуществляется курсовая переподготовка учителей в ОИУУ, городском центре повышения квалификации учителей, организовано обучение учителей и на рабочем месте.

Учителя гимназии обеспечивают системно-деятельностный подход в обучении учащихся начальной школы, помогают детям овладевать технологиями получения – добывания знаний. Об этом говорит опыт работы учителей школы, посещения уроков всех учителей, в частности учителей, приступивших к обучению по новым стандартам, и групповые приёмы работы.

Учителя гимназии овладели технологиями уровневой дифференциации, информационными, личностно ориентированного обучения, деятельностного метода, системно применяют парные.

Наша практика показывает, что важное значение для нравственного формирования школьников имеют организация учебного процесса, формы оценки знаний, оценочные суждения, характеризующие

отношение школьников к учению и своим товарищам, так чтобы сильные стороны каждого ученика были осознаны им самим и его товарищами. Это создаёт благоприятное эмоциональное состояние школьника в коллективе, что является одним из условий его успешного нравственного развития.

Уроки наших учителей отличаются разнообразием коллективных действий и переживаний, накоплением опыта нравственных взаимоотношений. Наши дети приучаются к самостоятельной работе, для успешного осуществления которой ученики соотносят свои усилия с усилиями товарищей, учатся слушать и понимать своих товарищей, сопоставлять свои знания со знаниями остальных, отстаивать мнение, помогать и принимать помощь. На уроках дети переживают вместе острое чувство радости от самого процесса получения новых знаний, огорчения от неудач, ошибок.

Традиционные подходы к нравственному образованию школьников в основном и выстраивались на передаче готового нравственного опыта. В условиях перехода на новые ФГОС мы решаем проблему обогащения нравственного опыта учащихся путём внедрения более продуктивных педагогических технологий: системно-деятельностного подхода, личностно ориентированного обучения, способствующих актуализации собственной деятельности учащихся по решению поведенческих, этических и эстетических проблем в духовно-нравственной практике.

Нравственное начало пронизывает всю практическую деятельность ребёнка, его мотивационную, эмоциональную и интеллектуальную сферы. На это мы и опираемся при выборе методов и приёмов духовно-нравственного воспитания младших школьников на каждом этапе урока.

Отлажена система воспитательной деятельности, основой которой является концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности, которая включает в себя обеспечение духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России.

Ориентированием духовно-нравственного воспитания, его основой является воспитание патриотизма, социальной солидарности, гражданственности, осмысление ценности семьи, труда и творчества, значимости научных знаний и научной деятельности, уважение к религиозным конфессиям, понимание роли искусства в жизни человечества,

знание литературы, любовь к родной природе и осознание общечеловеческих ценностей. Духовно-нравственное развитие и воспитание учащихся нашей гимназии является основой философии нашего образовательного учреждения, его концепцией. Поэтому наш коллектив своей приоритетной задачей считает воспитание, обеспечение социальной педагогической поддержки, становление и развитие высоконравственного, ответственного, творческого, инициативного, компетентного гражданина России.

У нас не было сложностей в организации внеурочной деятельности, т.к. у нас одна смена и в течение многих лет прорабатывалась основательная система дополнительного образования с привлечением ресурсов школы искусств имени Кабалевского, художественной школы № 2 г. Орла, сети ДЮСШ города. Школа располагает хореографическим классом, изостудией, плавательным бассейном, стадионом, в микрорайоне гимназии находится центр технического творчества.

Естественно, что внеурочную деятельность организуют и сами учителя. Это: «Интеллектуальный клуб «Хочу все знать» (Новосёлова Г.Д.), «Мир деятельности» (Новосёлова Г.Д.), «Занимательная математика» (Звекова С.В.), «Умники и умницы» (Звекова С.В.), «Введение в народную культуру»

(Новосёлова Г.Д., Звекова С.В.), «Здоровячок» (Звекова С.В.), «Культура общения» (Новосёлова Г.Д.). Но более 50% внеурочной деятельности проводится вне аудиторий. Это спортивные танцы (Чулкова Е.Ю.), плавание в школьном бассейне (Филатов А.А., Мнацканов Р.С.), шахматная школа (Случевский В.М.), «Смотрю на мир глазами художника» (Белоносова Г.Г.)

В гимназии ведётся работа по созданию оптимальных материально-технических условий: мы имеем необходимое количество классов и учебных помещений, мебели, компьютеров, соблюдаются санитарно-гигиенические условия, планируется до конца учебного года подключить к системе Интернет компьютер в начальной школе, приобрести мультимедийную установку.

Ведётся внеурочная работа по созданию информационно-образовательной среды: учителя начальных классов активно работают в школьном информационном центре и методическом кабинете начальных классов, располагающем компьютером.

Выступление заместителя директора по УВР Новосёловой Г.Д. и посещение уроков и занятий внеурочной деятельности покажут вам, как мы осуществляем работу по духовно-нравственному воспитанию.

I.N. IVANENKO

THE INTRODUCTION OF THE FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARD (FSES) AS A BASE OF THE IMPLEMENTATION OF THE SPIRITUAL AND MORAL DEVELOPMENT OF THE PRIMARY GENERAL EDUCATION

The article deals with the experiment on introduction of the educational standards of the general education of the second generation; the methodological base of these standards is a system-activity approach to education and upbringing of students.

Key words: the realization of the educational program, a system-activity approach, a methodological base.

Н.А. ИЛЬИНА, кандидат педагогических наук, профессор,
заведующая кафедрой математики и информационных технологий
Орловского государственного университета

Тел. 8(4862) 74-50-75

Е.В. КУЗНЕЦОВА, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры менеджмента и маркетинга
Орловского государственного университета

Тел. 8(4862) 74-50-75

ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРЕННИХ АУДИТОВ В СТРУКТУРНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В статье рассматриваются вопросы организации и проведения внутренних аудитов в структурных подразделениях как одного из механизмов, обеспечивающего качество предоставления образовательных услуг в университете. Уделяется внимание организации работы Комиссии по контролю качества в структурном подразделении, рассматриваются виды аудита и технология их организации на каждом из этапов.

Ключевые слова: аудит, аудит качества, внутренние аудиты (проверки), система менеджмента качества.

Сегодня процесс развития образования и общества ставит перед образовательными учреждениями задачу по созданию механизмов, обеспечивающих качество оказываемых образовательных услуг. Одним из таких механизмов является построение системы менеджмента качества (далее СМК) в вузе, в задачи которой входит организация внутренних аудитов в структурных подразделениях Орловского государственного университета.

Словосочетание «аудит качества» вошло в наш обиход сравнительно недавно. Ранее слово «аудит» ассоциировалось с финансовыми проверками и бухгалтерским учетом. Но теперь ясно, что аудит играет ключевую роль в разработке, внедрении и, что особенно важно, в поддержании системы менеджмента качества в университете в рабочем состоянии.

Слово аудит само по себе означает проверку, ревизию. Проверка предполагает, что существует некий эталон, по отношению к которому осуществляется проверка. Обычно таким эталоном для СМК служат международные стандарты серии ИСО 9000.

Внутренние аудиты являются высшей формой контроля руководством системы менеджмента качества деятельности университета. Они проводятся для того, чтобы определить соответствие деятельности и результатов в области качества тому, что было запланировано, заявлено требованиями ИСО 9001:2000. Результаты внутренних проверок служат основой входных данных для анализа со стороны руководства и позволяют университету декларировать свое соответствие ИСО 9000. Поэтому немаловажен вопрос, как правильно запланировать, организовать и провести проверки, а затем проанализировать их результаты.

Все в мире имеет свойство изменяться и устаревать, в том числе и система менеджмента качества (СМК) университета. Для того чтобы поддерживать СМК в рабочем состоянии и постоянно повышать эффективность ее функционирования проводятся внутренние проверки (далее – проверки). Организация, координация, руководство системой

проверок возложено на представителя руководства по качеству университета, директора центра менеджмента качества и уполномоченных по качеству в структурных подразделениях.

Внутренние проверки на факультете (институте) проводятся со следующими целями:

- оценка эффективности функционирования СМК подразделения и определение возможностей и путей ее улучшения;
- выявление несоответствий в СМК (процедурах, процессах, продукции) установленным требованиям;
- определение всех причин выявленных несоответствий (основных, дополнительных, сопутствующих);

- проверка и оценка эффективности корректирующих мероприятий по результатам предыдущих проверок.

Аудит на факультете (институте) осуществляется Комиссией по контролю качества в структурном подразделении на основании документированной процедуры СМК – ДСМК ОГУ 1.07.01-2007 «Внутренние аудиты (проверки) СМК» и Положения «О комиссии по качеству в структурных подразделениях» – П ОГУ 1.03.04-2011

Различают три вида аудита (проверок) качества: аудит, ориентированный на результат; аудит, ориентированный на процесс; аудит, ориентированный на СМК. Классификация аудитов представлена на рисунке 1.

Рисунок 1 – Классификация аудитов в ОГУ

Аудит, ориентированный на результат

Этот вид аудита предназначен для оценки качества подготовки выпускника, с определенным объемом освоенных знаний, умений, сформированных компетенций. В ходе аудита взаимосвязано анализируется соответствие качества подготовки абитуриентов, студентов, выпускников требованиям потребителей (преподавателей, руководства университета, работодателей).

Основными целями этого вида аудита качества являются:

- контроль качества знаний, сформированных умений, компетенций в соответствии с государственными образовательными стан-

дартами высшего профессионального образования;

- доказательство стабильности процесса их подготовки;
- обеспечение выводов по результатам конечных испытаний (промежуточных, итоговой государственной аттестации, степени удовлетворенности работодателей).

Аудит, ориентированный на процессы

Данный вид аудита предназначен для оценки качества способа или процесса обучения и воспитания будущих специалистов. В процессе проведения аудита анализируется соответствие качества процесса рабочим планам, программам, ин-

струкциям, нормативной документации, а также соответствие абитуриентов, студентов, выпускников на выходе требованиям потребителей. В этом случае, также как и при аудите качества подготовки выпускника, одновременно рассматривается действенность, целесообразность и состояние элементов СМК в университете.

К числу важнейших целей аудита, ориентированного на процессы, относятся:

- разработка и соблюдение необходимых документированных процедур, обеспечивающих качества процесса (п. 2.03-2.08 сети процессов ОГУ);
- анализ процесса подготовки (учебных занятий, расписания, промежуточной аттестации, организация и проведение экзаменов и зачетов и т.п.);
- определение «узких мест» процесса, выявление их причин.
- выработка плана корректирующих и предупреждающих действий.

Аудит, ориентированный на СМК

Этот вид аудита предназначен для оценки эффективности всей системы качества. В ходе аудита анализируется соответствие всех документов (методических, рабочих инструкций, положений др. нормативной документации), предъявляемым требованиям, а также соответствие проводимых мероприятий по обеспечению качества в подразделениях ОГУ предписаниям на всех стадиях цикла подготовки специалиста.

Основными целями аудита, ориентированного на СМК, являются:

- определение фактического состояния системы качества (решение задачи предполагает сбор информации о состоянии дел в структурном подразделении университета по основным и обеспечивающим процессам);
- выявление отклонений (эта задача решается путем сопоставления реально достигнутых результатов работы структурного подразделения с планами, стандартами, нормативами);
- «активирование» правильного отношения сотрудников университета к существующим предписаниям (при оценке функционирования СМК в структурном подразделении могут возникать проблемы, связанные с психологией человека, поскольку любая информация рассматривается через призму личного восприятия, а поэтому приобретает субъективную окраску, снижению уровня субъективизма способствует привлечение персонала подразделе-

ния к разработке критериев оценки функционирования системы менеджмента качества).

Внутренний аудит представляет собой очень сложный, трудоемкий и ответственный процесс, включающий в себя три основные стадии: подготовка к аудиту; проверка на месте; подготовка отчета об аудите и плана корректирующих действий.

Для проведения внутреннего аудита системы качества его необходимо подготовить и спланировать. На факультетах и институтах эту работу выполняет Комиссия по качеству, которую возглавили деканы или зам. деканов, прошедшие соответствующую подготовку на курсах повышения квалификации. Были разработаны и утверждены центром менеджмента качества планы проведения аудитов на факультете, подготовлены методические рекомендации в помощь аудиторам, где были представлены основные наблюдаемые единицы, подлежащие проверке, карты процессов, составлена программа аудита. В соответствии с Положением о комиссии по качеству в структурных подразделениях аудиты проводятся не реже 1 раза в месяц)

В самом начале проверки проводится беседа, в ходе которой аудиторы выявляют готовность структурного подразделения организации на предмет его работы в соответствии с картами процессов и процедурами системы качества. Аудит проводится по программе, которая позволяет получить информацию о наличии документации системы качества на рабочих местах, работу по этой документации, записи по качеству, требуемые системой. Если в ходе аудита обнаруживаются несоответствия, то аудиторы оформляют протоколы регистрации несоответствий, в которых указываются выявленные несоответствия.

После завершения аудита структурных подразделений и оформления всех протоколов регистрации несоответствий ведущий аудитор готовит отчет, в котором указывается область проверки, требования, по которым проводилась проверка и статистика по выявленным несоответствиям. Этот отчет подписывается председателем Комиссии по качеству в структурном подразделении и представляется представителю руководства по качеству, либо директору ЦМК.

Также ведущий аудитор совместно с представителями подразделений, в которых были выявлены несоответствия, готовит план корректирующих мероприятий по исправлению выявленных несоответствий. Ответственными за выполнение корректирующих действий указанных в плане являются пред-

ставители (руководители) подразделений, в которых выявлены несоответствия, но никак не члены Комиссии, которые обнаружили эти несоответствия.

После устранения несоответствий представители подразделений сообщают председателю Комиссии об устранении несоответствий, а члены Комиссии внутренних аудитов проверяют реальность и эффективность предпринятых действий. Если корректирующие действия действительно были выполнены, то председатель и члены Комиссии делают отметки о завершении корректирующих действий в протоколах регистрации несоответствий и в плане корректирующих действий.

Техника проведения аудита, виды деятельности, которые может проверять аудитор зависят от личного опыта и квалификации аудитора. Поэтому очень важно правильно подобрать членов группы аудиторов, так как успех аудита зависит от уровня коммуникативности всех участников, умения собирать, анализировать информацию, делать объективные выводы.

Внутренние аудиты, как и другие виды проверок, имеют как достоинства, так и недостатки. К числу достоинств относятся знание особенностей функционирования структурного подразделения и персонала, работающего в нем, знание каналов коммуникаций, в том числе специфических, знание лидеров коллектива, чья информация может быть наиболее полезной при аудите, отсутствие дефицита времени при аудите, возможность более глубокой проверки подразделений и др.

Возможные недостатки: предвзятость членов Комиссии по отношению к отдельным сотрудникам факультета (института), болезненное восприятие

критики со стороны внутренних аудиторов, относительно низкий уровень подготовки аудиторов и др.

Несмотря на то, что методика проведения внутренних аудитов очень подробно описана в стандарте ГОСТ Р ИСО 19011, сам процесс проведения аудита достаточно сложный. Прежде всего, нужно понимать, что это работа с людьми. В ходе работы могут возникать спорные, конфликтные ситуации. В этой связи аудитору, как никому другому, нужно уметь строить эффективный коммуникационный процесс, достойно отвечать на возражения, оперируя фактами, а также проявлять терпение. Следовательно, чтобы осуществлять аудиторскую деятельность, нужно не только иметь знания и умения в данной области, но и постоянно их совершенствовать.

В заключение хотелось бы отметить, что аудитор должен всегда помнить, что цель аудита – не наказать, а помочь персоналу устранить недостатки в своей работе.

В наше время стиль руководства людьми в рамках аудита должен отличаться индивидуальным подходом к человеку, сложившейся ситуацией, быть нацеленным на достижение консенсуса и установление связей.

В деятельности структурных подразделений постоянно происходят какие-то изменения и аудитор должен помнить, что работа по совершенствованию системы менеджмента качества не должна носить периодический характер. Чтобы системе качества в подразделении поддерживать в рабочем состоянии, возникает необходимость в ее непрерывном улучшении.

Библиографический список

1. ГОСТ Р ИСО 19011–2003. – Рекомендации по аудиту систем менеджмента качества и/или окружающей среды.
2. ГОСТ Р ИСО 9001–2001. – Системы менеджмента качества. Требования
3. Сеть процессов системы менеджмента качества Орловского государственного университета
4. ДСМК ОГУ 1.07.01-2007 «ДСМК. Внутренние аудиты (проверки) СМК»
5. Положение «О комиссии по качеству в структурных подразделениях» – П ОГУ 1.03.04-2011
6. Скобара В.В. Аудит: методология и организация. – М.: Инфра-М, 2005г.

ILINA N.A., KUZNETSOVA E.V.

THE ORGANIZATION OF INTERNAL AUDITS IN STRUCTURAL DIVISIONS OF THE ORYOL STATE UNIVERSITY

In article questions of the organization and carrying out of internal audits in structural divisions, as one of fur-nizmov of granting providing quality educational a mustache-meadow at university are considered. The attention of the organization of work of the Commission on quality assurance in structural division is paid, kinds of audit and technology of their organization on everyone their stages are considered.

Key words: audit, quality audit, internal audits (checks), quality management system.

Н.Е. КОПЫТОВА, кандидат химических наук, доцент кафедры информатики и информационных технологий Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина
Тел. 8 910 7516792; nkopytova@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ КОМПЕТЕНТНО-РАЗВИВАЮЩЕЙ МОДЕЛИ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА ВУЗОВ*

В статье рассмотрена методология и принципы построения компетентно-развивающей модели повышения квалификации профессорско-преподавательского состава вузов. В качестве ведущих методологических подходов обоснованы: системный, синергетический, ресурсный, акмеологический, контекстный, компетентностный и личностно-развивающий. Основные идеи данных подходов и особенности образования взрослых послужили основанием для выделения принципов построения модели повышения квалификации преподавателей вузов.

Ключевые слова: методологические подходы, повышение квалификации, обучение взрослых, принципы организации, профессорско-преподавательский состав вузов, компетентностно-развивающая модель.

В новых социально-экономических и социокультурных условиях развития общества начала XXI века система повышения квалификации профессорско-преподавательского состава (ППС) вузов приобрела новые функции:

- методолого-ориентационную, обеспечивающую формирование нового ценностного и профессионального сознания преподавателя, его методологической культуры, ориентации в новых парадигмах и концепциях образования в «интеллектно-информационной цивилизации» (А.И. Субетто) XXI века;
- компенсаторно-развивающую, связанную с наращиванием научно-педагогической компетентности, с приобретением новых профессиональных знаний и умений и развитием профессионального мастерства педагога, его готовности к работе в новых условиях обучения;
- опережающе-моделирующую, обеспечивающую опережающий характер содержания и технологий повышения квалификации, позволяющий моделировать новые образовательные программы и системы;
- креативно-личностную, предполагающую активное саморазвитие и самосовершенствование личности преподавателя в процессе повышения квалификации, формирование жизненно и профессионально значимых качеств личности, обеспечивающих творческую самореализацию педагога как человека и как специалиста;
- профилактическую, связанную с профилактикой ситуаций кризисного развития карьеры, что достигается путем профессиональной переподготовки и формирования духовной зрелости педагога, которая обеспечивает психологическую стабилизацию педагогического сообщества.

© Н.Е. Копытова

*Исследование выполнено в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, проект № 2010-1.2.1-102-016-041

И.А. Шаршовым и Л.Н. Макаровой проведен анализ проблемных зон повышения квалификации педагогических кадров, который показал, что сложившаяся ситуация в высшей школе привела к возникновению противоречия между потребностями общества в интеллектуально развитых, свободных и ответственных конкурентоспособных специалистах, способных творчески работать в постоянно меняющихся социально-экономических условиях, и имеющимся уровнем профессионально-педагогической квалификации ППС, обеспечивающего подготовку компетентного специалиста нового типа [1].

Решение данного противоречия возможно при разработке многоуровневой компетентностно-развивающей модели повышения квалификации ППС, в процессе реализации которой должна осуществляться функция «двойного опережения». Ее суть состоит в том, что для того, чтобы формировать необходимые компетенции у студентов, ППС вуза должен быть сам готов к реализации компетентностно-ориентированных образовательных программ.

Проблема становления компетентностно-ориентированной системы повышения квалификации ППС теоретически разработана в работе [2]. Однако разработки модели повышения квалификации, реализующей функцию «двойного опережения» и способствующей оптимизации профессиональной деятельности педагогов для работы по ФГОС ВПО третьего поколения в настоящее время отсутствуют.

Нами разрабатывается компетентностно-развивающая модель повышения квалификации ППС, которая построена с учетом базовых вариантов и региональных особенностей и представляют собой открытую, сложную, динамическую образовательную систему.

Проектирование проводилось на основе метода моделирования, который является важным методом научного познания и используется для изучения отдельных, специально выделяемых сторон объекта, в том числе его скрытых свойств, отражает признаки, факты, связи, отношения в виде простой и наглядной формы, удобной и доступной для анализа и выводов [3].

Цель создания модели представлена двумя группами задач:

- модель обеспечивает получение информации для организации процесса повышения квалификации ППС;

- предоставляет возможность практического использования результатов исследования.

В качестве ведущих методологических подходов, на основе которых осуществлялось моделирование, были выбраны системный, синергетический, ресурсный, акмеологический, контекстный, компетентностный, личностно-развивающий.

Из анализа ведущих идей системного подхода следует, что повышение квалификации ППС может рассматриваться как одна из сложных, динамичных, саморегулирующих открытых систем, функционирование которой возможно только при наличии обратной связи между системой и средой, следовательно, дальнейшее рассмотрение этой системы необходимо с позиции синергетического подхода.

С позиции синергетического подхода модель повышения квалификации ППС представляет собой самоуправляемую целостную систему, обеспечивающую свое развитие за счет активного использования как внутренних ресурсов, так и возможностей, определяемых условиями внешней среды. Взаимодополнение элементов системы ресурсами обеспечивает возникновение синергетического эффекта. Поэтому закономерным при разработке модели повышения квалификации ППС является использование идей ресурсного подхода.

Сущность организации модели повышения квалификации на основе идей ресурсного подхода заключается в создании таких условий взаимодействия их субъектов, благодаря которым развитие будет максимально возможным для каждого обучающегося. В связи с этим приоритетность ресурсного подхода в условиях нестабильности внешней среды заключается в том, что жестко определить желаемый результат невозможно. Нельзя ориентироваться по заданным образцам на конечный результат; по отношению к обучающемуся как развивающейся системе их не может быть. В этой связи имеет смысл говорить об устойчивости целесообразной направленности развития. При таком подходе знания и умения не являются целью – это лишь средство для становления и развития современного преподавателя.

Исходя из акмеологического подхода, система повышения квалификации ППС должна создать все условия для реализации совершенствования личности педагога, рассматривая его не как идеальный образ, а как постоянное движение к идеалу через соотношение реальных характеристик

деятельности педагога с оптимальной моделью самоорганизации. Преподаватель не просто реализует себя, совершая выбор между способами педагогической деятельности, он качественно преобразует себя, переосмысливает профессиональные ожидания, ищет возможности для развития профессионально-значимых качеств.

В тесной связи с идеями акмеологии находится контекстный подход. Применение контекстного подхода к целям и условиям повышения квалификации ППС показывает, что с его помощью можно решить целый ряд задач: сформировать целостное представление о профессиональной деятельности; развить познавательные и профессиональные мотивы; выработать системное профессиональное мышление, овладеть социальными навыками взаимодействия и общения, индивидуального и коллективного принятия решений.

Если контекстный подход предстает как способ формирования специально организованной среды, наиболее адекватной задачам обучения и профессиональной деятельности преподавателя вуза, то компетентностный подход включает совокупность общих положений, определяющих логику образовательного процесса, ориентированного на развитие системного комплекса осведомленности, умений, смысловых ориентаций, адаптационных возможностей, опыта и способов преобразовательной деятельности с получением конкретного продукта в процессе повышения квалификации ППС.

С позиции компетентностного подхода мы можем рассматривать процесс повышения квалификации ППС как системную реконструкцию ключевых профессиональных компетенций специалиста (И.А. Зимняя) и как системное явление при анализе качества профессиональной подготовки преподавателя вуза. Корректно составленные профили компетенций являются основой для разработки образовательных программ повышения квалификации ППС.

Повышение профессиональной квалификации может быть охарактеризовано с позиций лично-ориентированного подхода, который в последнее время все чаще называют лично-развивающим.

Признаками данного подхода применительно к повышению квалификации ППС являются: направленность инновации на профессиональную самореализацию педагога; личностные свойства пре-

подавателя и личные цели самосовершенствования как системообразующий фактор повышения квалификации; субъект-субъектный характер отношений с фасилитатором; субъектная образованность и индивидуальные особенности как основа повышения квалификации и инновации педагога.

Способствуя лично-профессиональному развитию, повышение квалификации ППС становится важным фактором профессионального самоопределения преподавателя, которое в современном образовательном процессе осуществляется через:

- оценивание реализуемой им образовательной программы в контексте личностных смыслов, мотивов и ценностей;
- личную ответственность за качество образования и достигаемые результаты;
- включенность в процессы проектирования и индивидуальной коррекции целей и задач, содержания и способов деятельности.

Реализация лично-развивающего подхода позволяет обеспечить более широкие возможности проектирования индивидуальных траекторий повышения квалификации ППС, организовать условия для включения специалиста в вариативную образовательную среду, интегрирующую различные программы и режимы обучения, активизирующие его непрерывное становление.

Подчеркнем, что процесс обучения взрослого человека должен быть организован в виде совместной деятельности обучающегося и преподавателя на всех этапах: планирования, реализации, оценивания и коррекции. По мнению С.И. Змеева, обучающемуся принадлежит ведущая роль, так как взрослый человек стремится к самореализации, самостоятельности, самоуправлению [4]. Конечной целью образования взрослых является формирование личности, активно, компетентно и эффективно участвующей в экономической, социальной и личной жизни.

Основные идеи рассмотренных методологических подходов и особенности образования взрослых послужили основанием для выделения принципов построения модели повышения квалификации ППС.

В качестве ведущих нами обоснованы следующие принципы:

- *обучающе-исследовательский* принцип, сущность которого состоит в том, что организация процесса обучения носит форму при-

общения к научно-исследовательской деятельности. Практическая реализация этого принципа способствует осуществлению личностно-развивающего подхода к развитию профессионализма;

- принцип *индивидуализации* ориентирует систему повышения квалификации на разработку каждым преподавателем собственной программы и стратегии деятельности в конкретных условиях учреждений профессионального образования, а также позволяет создать целостное представление о качествах личности специалиста-профессионала как важнейшего результата функционирования системы повышения квалификации;
- принцип *осознанной перспективы* определяет новое отношение обучающихся к принятию и осознанию комплексной цели обучения как личностно значимой, устанавливает поэтапную программу действий по реализации данной цели с указанием интегрированных и частных целей каждого этапа обучения и ожидаемого результата;
- принцип *индивидуальной траектории развития личности* реализует идею о необходимости выявления базовых ресурсов у каждого обучающегося, моделирования возможных изменений в его творческом и интеллектуальном развитии и организации учебно-профессиональной деятельности каждого обучающегося таким образом, чтобы обеспечить максимальную реализацию его возможностей;
- принцип *действенности* подразумевает, что обучение должно организовываться на основе проблемного подхода к усвоению знаний с использованием современных педагогических технологий;
- принцип *временной эффективности* требует учета временных затрат, необходимых для освоения конкретного вида деятельности, а также учета временного интервала закрепления профессиональных умений и навыков;
- принцип *положительной обратной связи* учитывает тот факт, что достижения обучающихся рассматриваются не с точки зрения соответствия некоторому заданному образцу, а с точки зрения полноты реализации собственных возможностей, обеспечиваемых индивидуальными ресур-

сами. Следовательно, оценка достижений основана на сравнении с самим собой «бывшим», на анализе изменений, появившихся в субъектном опыте, на выявлении степени использования имеющихся у него базовых возможностей;

- принцип *гибкости* требует создания адаптивной модели повышения квалификации, включающей систему определения исходного состояния обучаемого и корректировку обучающих программ в зависимости от уровня подготовленности обучаемого и предполагаемого конечного результата;
- принцип *опоры на опыт* реализует идею использования имеющегося опыта ППС как одного из источников обучения, а также определяет взаимосвязь познавательных процессов и логики становления личности в структуре конкретной профессиональной деятельности;
- принцип *разносторонности методического консультирования* предполагает консультирование педагогов по выбору оптимальных путей и методов достижения поставленных целей с учетом индивидуальных особенностей каждого обучающегося;
- принцип *приоритета самостоятельного обучения* определяет основным видом учебной работы самостоятельную деятельность обучающихся;
- принцип *совместной деятельности* предусматривает совместную деятельность обучающегося с обучающим, а также с другими обучающимися по организации процесса обучения на всех этапах;
- принцип *системности обучения* предусматривает соблюдение соответствия целей, содержания, форм, методов, средств обучения и оценивания результатов обучения;
- принцип *контекстности обучения*, в соответствии с которым обучение, с одной стороны, преследует конкретные, жизненно важные для обучающегося цели, ориентировано на выполнение им социальных ролей или совершенствование личности, а с другой стороны, строится с учетом профессиональной, социальной, бытовой деятельности обучающегося и его пространственных, временных, профессиональных, бытовых факторов;
- принцип *актуализации результатов обучения* предполагает безотлагательное при-

менение на практике приобретенных преподавателями знаний, умений, навыков, личностных качеств и ценностных ориентаций.

Для реализации разрабатываемой компетентностно-развивающей модели недостаточно формального обучения ППС, вуз должен стимулировать обучение своих преподавателей и иметь устойчивую тенденцию к саморазвитию. Необходимо развитие мотивации преподавателей на непрерывное повышение квалификации; организация постоянно действующих программ повышения квалификации ППС; организация практики обмена опытом и тиражирования позитивных педагогических, методических приемов.

Процесс развития ППС в вузах должен рас-

сматриваться как непрерывное образование каждого преподавателя на протяжении всей работы в организации и включать разнообразные виды деятельности и формы обучения. Значительное место должно занимать обучение на рабочем месте, включающее в себя создание новых учебных курсов, освоение нового оборудования или приобретение новых знаний по предмету.

Предлагаемая компетентностно-развивающая модель повышения квалификации профессорско-преподавательского состава вузов, разработанная на основе рассмотренных методологических подходов и организационных принципов, позволяет учитывать индивидуальный опыт личности и предыдущие этапы подготовки и повышения квалификации.

Библиографический список

1. Шаршов И.А., Макарова Л.Н. Проблемные аспекты повышения квалификации научно-педагогических кадров / Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – Вып. 10 (90). – С. 7–11.
2. Подчалимова Г.Н. Компетентностно-ориентированное повышение квалификации профессорско-преподавательского состава вуза // Повышение профессиональной компетентности работников образования: актуальные проблемы и перспективы решения. – М., 2010. – С. 42–47.
3. Образцов П.И. Психолого-педагогическое исследование: методология, методы и методика. – Орел: ПФ «Картуш», 2007. – 248 с.
4. Змеев С.И. Андрагогика: основы теории, истории и технологии обучения взрослых. – М.: ПЕР СЭ, 2007. – 272 с.

N.E. KOPYTOVA

METHODOLOGICAL APPROACHES AND PRINCIPLES OF COMPETENCE-DEVELOPED MODEL OF UNIVERSITY FACULTY ADVANCED TRAINING

The article describes the methodology and principles of competence-developed model of university faculty advanced training. The leading methodological approaches are scientifically grounded: systemic, synergistic, resource, acmeological, context, competence and personal and developmental. The main ideas of these approaches, especially education of adults, serve the basis for principles formulation of university faculty advanced training model.

Key words: methodological approaches, advanced training, training of adults, principles of organization, university faculty, competence-developed model

*Н.Е. ЛЫСЕНКО, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
иностраных языков экономического факультета
Орловского государственного аграрного университета
Тел. 89102052850; n.lysenko@inbox.ru*

РАЗВИТИЕ ПРИЁМОВ ЗАПОМИНАНИЯ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО И ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКОВ

В статье исследуются особенности процесса запоминания разноязычного учебного материала в студенческом возрасте и апробируется методика развития приёмов запоминания терминов и спецтекстов.

Ключевые слова: произвольное запоминание, произвольное запоминание, мнемические приёмы, способность к запоминанию, мультимедийные средства обучения.

Согласно результатам анкетирования студентов, одной из причин, снижающих мотивацию к изучению иностранного языка, является «плохая память». Преподаватели, наоборот, сталкиваются с проблемой «злоупотребления» памятью, когда осмысленное запоминание подменяется механическим заучиванием. Возникает необходимость анализа классических и современных подходов к проблеме влияния языкового обучения на развитие памяти в юношеском возрасте и разработке методики запоминания терминов и текстов по специальности. Обучающий и констатирующий эксперименты проводились на материале русского и английского языков со студентами-нефилологами в 2010–2011 гг. Теоретический анализ включал следующие вопросы:

1. Проблема «плохой памяти» и «информационной перегрузки».
2. «Паралелограмма» развития памяти в юношеском возрасте.
3. Структура процесса запоминания.
4. Влияние предметов «Русский язык», «Иностранный язык» на развитие приёмов запоминания.
5. Анализ приёмов запоминания слов и текстов.
6. Влияние компьютерных обучающих программ на процесс запоминания.
7. Пути совершенствования приёмов запоминания слов и текстов.

Память занимает особое место среди познавательных процессов, являясь своеобразным посредником и объединяя их в единое целое. Она позволяет фиксировать, сохранять и использовать в поведении полученную информацию. В состав памяти входят такие процессы, как запоминание, узнавание, воспроизведение, забывание. От успешности запоминания зависит качество остальных компонентов.

Л.С. Выготский считает, что природные силы памяти не могут быть увеличены или уменьшены никакими средствами, кроме тех, которые ведут непосредственно к расслаблению или восстановлению нервной системы [2, с. 136]. Однако процессы памяти, т.е. запоминание, сохранение и воспроизведение, легко могут быть улучшены при помощи упражнений и воспитания. И первый эффект воспитания памяти заключается именно в улучшении запоминания. Поскольку психологическая память означает связь, устанавливаемую между одной и другой реакциями, то чем большим количеством ассоциаций человек располагает, тем легче устанавливается новая ассоциация, и, как следствие, повышается качество специальной памяти. Так, в результате

экспериментальных исследований было выявлено, что испытуемый в результате нескольких недель упражнений в заучивании бессмысленных слогов сократил время для заучивания 12 слогов с 56 повторений до 25 и другой – с 18 до 6. Таким образом, запоминание – это деятельность, и необходимо вырабатывать специальные навыки и умения запоминать.

В этом аспекте представляют интерес исследования генетической предрасположенности к способности к запоминанию, описанные Т. Зинченко [с. 152]. Близнецам предлагали заучивать слова, а через некоторое время просили их воспроизвести. Оказалось, что степень генетической предопределенности памяти не есть величина постоянная, она меняется с возрастом. У дошкольников умение хранить что-либо в памяти зависит от той наследственности, которую они получили, у школьников эта зависимость куда слабее, а у взрослых она почти не ощутима. Т. Зинченко делает вывод о том, что психологическая основа памяти задана генетически, но в процессе развития память становится частью сложной функциональной системы, которая определяется уже не наследственными задатками, а средой, окружающей человека, и его действиями, направленными на развитие памяти.

Существует также проблема информационной перегрузки учащихся. С точки зрения Дж. Миллера, именно длина списка слов, а не количество информации в нём представляет трудность для заучивания. Для связного текста длина обобщённых символов в среднем составляет пять слов. В самих текстах, напротив, плотность материала, т.е. количество мыслей и фактических данных на единицу объёма, влияет на полноту и точность запоминания. Согласно исследованиям А.А. Смирнова, сжатое изложение с фактическими данными запоминается лучше, чем пространное изложение [8, с. 64]. Основными механизмами, препятствующими перегрузке, являются отказ от приёма информации. «Задача человека, заучивающего материал, – пишет Миллер, – заключается в том, чтобы выбрать для запоминания небольшое количество символов, содержащих много информации, которые бы обеспечивали восстановление при пересказе всех подробностей исходного материала» [6, с. 101]. Группирование и перекодирование материала является мощным орудием для увеличения количества перерабатываемой человеком информации.

Тем не менее многие исследования взаимосвязи процессов развития памяти и обучения иностранному языку имеют дискуссионный характер, в частности, возрастная зависимость, т.к. память оказывается максимальной в самом начале детского развития. В процессе обучения она становится слабее. Т.Зинченко приводит факты, свидетельствующие в пользу раннего обучения иностранным языкам [6, с. 148]. В Америке и Германии был осуществлен педагогический эксперимент, в ходе которого изучение иностранного языка шло в дошкольном учреждении. Лейпцигские результаты показали, что два года обучения в дошкольном возрасте дали значительно большие результаты, чем семилетнее обучение этому же языку в средней школе. Эффективность овладения иностранным языком повышается по мере того, как изучение сдвигается к раннему возрасту. Раннее изучение родного языка способствует успешности в изучении иностранного вследствие положительного переноса знаний и умений, самодисциплины. Но вместе с тем ребёнок, который легче усваивает иностранные языки, не может усваивать систематизированные знания из области географии, а школьник в девять лет, который с трудом усваивает иностранные языки, с лёгкостью овладевает географией, взрослый же превосходит ребёнка в памяти к систематизированным знаниям. На основании этих наблюдений Л.С. Выготский делает вывод, что развитие памяти – сложный процесс, который не может быть представлен в линейном разрезе. С изменением возрастной ступени изменяется не только структура самой функции, которая обозначается как память, сколько изменяется характер тех функций, с помощью которых происходит запоминание, изменяются межфункциональные отношения, которые связывают память с другими функциями.

А.Н. Леонтьев прослеживает еще одну из важнейших линий развития памяти – переход от непосредственного запоминания к опосредованному [4, с. 97]. В исследованиях учёного принимали участие испытуемые различных возрастных групп. В первой серии им предъявлялся ряд из пятнадцати слов, которые надо было воспроизвести. Во второй серии испытуемым также предъявлялся ряд из пятнадцати слов и предлагалось использовать картинки как вспомогательное средство для запоминания. Третья серия отличалась от второй только большей трудностью как словесного ряда,

так и подбором картинок, рассчитанных на более сложные формы связи их с запоминаемым материалом. Общая закономерность, которая была выявлена, состояла в следующем: начиная с дошкольного возраста, темп развития запоминания с помощью внешних средств значительно превысил темп запоминания без помощи картинок. Наоборот, начиная со школьного возраста, повышение показателей опосредованного запоминания происходило быстрее, чем дальнейшее возрастание непосредственного запоминания. У взрослых отмечалось дальнейшее возрастание продуктивности опосредованного запоминания. Эта закономерность была передана графически и получила название «параллелограмма развития». Таким образом, чем старше человек, тем менее он нуждается во внешних опорах и в состоянии запомнить предлагаемые слова с помощью внутренней логической организации, укладывая их в определённую логическую структуру и «кодируя» их в определённые смысловые группы. Задание «запомнить» сливается с необходимостью «понять», что приводит к более высоким результатам. Необходимость понять и запомнить, кроме того, является осознанной потребностью, т.е. работает произвольная память. Таким образом, произвольная и произвольная память являются не только двумя основными видами памяти, но и двумя ступенями её исторического развития.

В студенческом возрасте индивид овладевает более сложными формами логического абстрактного мышления, а в связи с этим более высоким уровнем произвольной и произвольной памяти. По своему содержанию запоминание и воспроизведение становятся более обобщёнными: дословное запоминание и воспроизведение занимают гораздо меньше места, чем в младшем школьном возрасте. Изменяется и характер протекания процессов памяти. В обобщённом виде схема осмысленного запоминания состоит из следующих этапов [5]:

- осознание цели запоминания;
- понимание смысла запоминания;
- анализ материала;
- выявление наиболее существенных мыслей;
- обобщение;
- запоминание этого обобщения.

В то же время существует точка зрения, что произвольное запоминание значительно прочнее произвольного. А.Р. Лурия выделяет следующие

факторы успешности произвольного запоминания: 1) характер цели деятельности (задача); 2) характер деятельности (степень её сложности и активности); 3) условия протекания деятельности и эмоциональная окрашенность. А.А. Смирнов считает, что «запоминание материала, включенного в активную деятельность в качестве только её отправного пункта и данного поэтому в готовом виде, осуществляется поэтому с меньшим успехом, чем запоминание материала, найденного самостоятельно в итоге активной деятельности», т.е. произвольного запоминания [8, с. 99]. Эксперименты ученого показали, что эффективность запоминания слов в игре или другой общественной деятельности для всех возрастов выше, чем в условиях лабораторного эксперимента. Также студентам предлагалось придумать свои примеры по аналогии с фразами на орфографические правила, предложенные преподавателем. Оказалось, что фразы, данные экспериментатором, воспроизведены в меньшем количестве, чем фразы, составленные самими испытуемыми. Преимущество произвольного запоминания над произвольным при отсроченном воспроизведении оказалось значительнее, чем при непосредственном, иногда более чем в 2 раза. Приведённые данные доказывают, что успешность удержания в памяти материала в высокой степени зависит от характера цели деятельности, от поставленной перед субъектом задачи. Это подтверждают и другие эксперименты учёного. Испытуемым предлагалось три вида работы над словами: подбор к предложенным словам дополнительных слов на ту же букву; подбор аналогичных по свойствам слов; подбор слов, связанных с предложенными по содержанию. Число удержанных в памяти слов в результате выполнения второго и третьего задания вдвое превосходило число слов, удержанных после выполнения первого задания. Аналогичные данные были получены при исследовании сохранения сложного осмысленного материала. Испытуемым предлагались разные виды работ с рядом смысловых отрывков: в одних случаях они должны были три раза повторить отрывки, в другом – разобраться в них с помощью предложенного им плана. Работа над анализом содержания отрывков с помощью предложенного логического плана показала, что и ученики, и студенты удержали значительно больше материала, чем при механическом, хотя и трёхкратном повторении отрывков. Более того, при

отсроченном воспроизведении студенты припомнили больше деталей, чем на опросе сразу после опыта. Т.о, чем сложнее интеллектуальная деятельность, тем больше запоминается тот материал, работе над которым она была посвящена.

Зависимость продуктивности запоминания от условий протекания деятельности была раскрыта в эксперименте Б.В. Зейгарник. «Эффект Зейгарник» состоял в преимущественном запоминании прерванной структурной деятельности по сравнению с законченной, что объяснялось продолжающимся состоянием напряжения в результате прерванного намерения выполнить начатую деятельность [6, с. 115]. Проведённые исследования показали, что незаконченные действия припоминались в два раза чаще, чем законченные. Поэтому произведения с острым сюжетом и неразрешённой фабулой лучше запоминаются, и это запоминание прочно держится, пока произведение не дочитывается до конца. Зависимость продуктивности запоминания от объёма материала, его однородности и последовательности запоминания отразилась в феноменах, получивших название «эффект длины», «эффект привычности» и «эффект края» (по Г. Эббингаузу).

Для произвольного запоминания характерно наличие мнемической установки – направленности субъекта на запоминание материала. Мнемическая установка опирается на познавательную и активизирует процесс понимания. Разные мнемические установки вызывают различную ориентировку в материале, в его содержании, структуре, языковой форме и обуславливают выбор соответствующих способов запоминания, в том числе и мнемических приёмов. Под мнемическими приёмами понимаются искусственные приёмы, способствующие запоминанию [7, с. 406]. Выбор установки зависит от вида материала. Согласно исследованиям А.А. Смирнова, большое количество фактических данных в тексте затрудняет понимание и усиливают установку только на запоминание. Описательные тексты, в которых отсутствует логический стержень, богаты фактическими данными. Поэтому описания служат благоприятной почвой для возникновения установки на полное, детализированное и точное запоминание. Противоположность описаниям представляет объяснительный материал. Для него характерен единый логический стержень, который пронизывает значительную часть содержания. Некоторые детали

могут быть опущены без ущерба для усвоения содержания. Поэтому объяснительный материал связан с установкой на понимание. Особое место по сравнению с описаниями и объяснениями занимает повествовательный материал. Единый логический стержень в том виде, в каком он имеется в объяснительном материале, в повествовании отсутствует. Но связь между событиями должна быть осмыслена очень хорошо. Следовательно, доминирует установка на понимание. В научном повествовании количество фактических данных велико, в художественном – незначительно. Поэтому установка на запоминание стимулируется разными видами повествования в разной степени.

Реализация мнемической установки осуществляется за счёт использования мнемических приёмов. Их оценка в методике двояка: 1) положительная благодаря развитию процесса осмысленного запоминания, мышления (А.Р. Лурия, Л.С. Выготский); 2) отрицательная из-за искусственности, оторванности от реальной жизни, траты времени, доминированием задачи «запомнить», в то время как понимание еще не осуществилось. (А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский, А.А. Смирнов). Так, в экспериментах по запоминанию изолированных слов А.Р. Лурия предлагал испытуемым искусственную модель логического кодирования запоминаемого материала. Испытуемые объединяли слова в одну смысловую систему в форме рассказа. Согласно полученным данным, ряд из 10 элементов испытуемые запоминали с одного раза и могли легко воспроизвести через неделю [4, с. 78]. Процесс осмысленного запоминания приближается к процессу логического мышления с той разницей, что приёмы мышления направлены не только на то, чтобы усвоить связи и соотношения элементов, но и на то, чтобы сделать эти элементы доступными для сохранения в памяти.

Процесс развития логического запоминания можно сравнить с этапами изучения книги. При чтении выделяются её основные, значимые положения, заносятся в конспект, который в дальнейшем сокращается и превращается в логическую схему книги. Процесс усвоения материала может считаться законченным после того, как содержание длинной статьи или книги может быть уложено в краткую, но содержательную схему. Опытный читатель не нуждается в промежуточных фазах и ограничивается пометками или может

обойтись вовсе без них. Мнемическая деятельность приобретает опосредованный характер, приближаясь к мыслительной.

Процесс овладения иностранным языком также можно сравнить с этапами изучения книги. С точки зрения А.А. Леонтьева [3], переход с одного языка на другой не может произойти путем одномоментного переключения старых правил на новые: человек не может сразу заговорить на новом языке. Он должен пройти через ступень опосредованного владения иностранным языком; опосредствующим звеном выступает система правил родного языка. Конечным звеном автоматизации новых правил является установление прямой связи между коммуникативным намерением и системой правил иностранного языка. Иностранные слова органично вливаются в независимую от русской понятийную базу.

А.В. Ярмоленко было выявлено, что способность к запоминанию иностранных слов связана с особенностями памяти – зрительной или слуховой, словесно-логической или наглядно-образной [10]. Согласно Л.С. Выготскому, «педагогические выводы из учения о типах памяти заключаются в том правиле, которое предписывает педагогу пользоваться разными путями. Чем более различными путями войдет реакция в нервную систему, тем прочнее там она удержится. Наиболее приемлемо применять все способы запоминания поочередно. Так, при изучении иностранного языка видят слово, написанное перед ними, слышат его произнесенным, сами повторяют его и записывают, этим обеспечивая точность и лёгкость усвоения» [2, с. 135].

В настоящее время активно изучается проблема влияния компьютерных технологий на процессы овладения языком, в том числе и на процессы запоминания (М.А. Бовтенко, П.В. Сысоев, М.Н. Евстигнеев, Ж. Хармер и др.). В педагогической общественности активно обсуждается вопрос о начале обучения быстрому набору текста на клавиатуре в младшем школьном возрасте наряду с обучением письму. М.А. Бовтенко рассматривает компьютерную лингводидактику как область лингводидактики, изучающую теорию и практику использования компьютерных технологий в обучении языку [1, с. 7]. К технологическим и методическим преимуществам мультимедийных средств обучения он относит комплексное мультисенсорное воздействие на различные каналы восприятия

путем использования текста, звука, мультимедиа, видео. К компьютерным программам, эффективность которых при изучении языка доказана практически, учёный относит обучающие программы; библиотечные программы; домашние программы (игры); комплексные программы (тренажеры клавиатуры, справочные программы). Обучающие игры служат средством мотивации студентов, имитируют реальные коммуникативные ситуации, развивают дух соперничества. С точки зрения П.В. Сысоева, М.Н. Евстигнеева [9], Интернет-общение должно рассматриваться как полноценный вид человеческого общения, требующее отдельных методик обучения. Джереми Хармер в рамках теории нейролингвистического программирования (NLP) выделяет пять знаковых систем (primary representational systems) – зрительную, слуховую, двигательную, обонятельную, вкусовую (ВАКОГ), исследуя влияние доминирующей системы на поведение человека при восприятии информации [с. 46]. Так, на языковом занятии с использованием Интернета поведение студентов с преобладанием визуального восприятия (visual learners) отличается от поведения студентов-кинестетиков (kinaesthetic learners). Студентам, у которых доминирует визуальный канал, необходимо показать алгоритм действий перед погружением в Интернет, в то время как кинестетики сразу, без предварительной демонстрации, приступают к выполнению задания. Автор также рассматривает теорию множественного интеллекта (Multiple intelligences theory), тесты для самодиагностики, обосновывает зависимость способа предъявления учебного материала от преобладающего типа интеллекта [11, с. 46–51].

На основе изученного теоретического материала были разработаны задания в рамках констатирующего и обучающего экспериментов со студентами-нефилологами в 2010–2011 гг. Экспериментальная работа базировалась на следующих методах исследования: анализ научной литературы, наблюдение, устная беседа, анкетирование, статистическая обработка данных. В эксперименте принимали участие студенты 1–3 курсов экономического факультета по специальностям «Бухгалтерский учёт, анализ и аудит» (107 человек), «Финансы и кредит» (12 человек); магистры менеджмента и экономики (68 человек); аспиранты (15 человек); студенты факультета агротехники и энергообеспечения по специальности «Технология об-

служивания и ремонт машин в АПК» (7 человек), «Электрификация и автоматизация сельского хозяйства» (24 человека), всего 233 человека, из них 114 человек в экспериментальной (специалисты-бухгалтеры 1–3 курсов и механики 2 курса) и 119 человек в контрольной группах. В ходе эксперимента решались следующие задачи: 1) выявление зависимости успешности изучения русского и иностранного языков от возраста обучаемых; 2) определение объёма памяти студентов при запоминании русских и английских слов; 3) выявление случаев положительного переноса знаний из курса русского языка, психологии, спецпредметов; 4) определение эффективности использования интерактивных обучающих игр и фильмов в процессе обучения иностранному языку; 5) определение эффективности разработанной методики запоминания терминов и текстов по специальности.

Согласно полученным данным в ходе анкетирования было выявлено: 20% студентов начинают изучение русского языка с 4–5 лет в детском саду; 40% – в подготовительной группе с 6 лет; 40% – в первом классе с 7 лет. Изучение иностранного языка начиналось позже: с 3–5 классов (90%); до школы с репетитором (10%). 10% студентов, которые начинали языковое обучение значительно раньше, чем остальные, не показали лучшего владения иностранным языком. Возможно, причина кроется в недостаточной самодисциплине, низкой мотивации. Напротив, при хорошей успеваемости по русскому языку возрастает вероятность успешного изучения иностранного (85% опрошенных), что можно объяснить положительным переносом знаний, наличием языковой интуиции.

Результаты опроса относительно индивидуальных качеств памяти таковы: 7% испытуемых оценивают свою память как «плохую» («не запоминаю»), 85% как «среднюю» («учебный материал запоминаю с трудом, интересный – легко»), 8% как «хорошую» («тренирую»). При экспериментальном измерении объёма памяти использовался материал на русском и английском языках с целью выявить разницу в процессах запоминания. Выявлено, что хорошая память на русские и иностранные слова в равной степени у 10% студентов. Через дробь обозначаются сначала русские, затем английские слова, которые воспроизвели студенты (7/7, 8/8). Термины на русском языке лучше запоминают 15% студентов (7/4, 8/6, 9/6); большинство обучаемых – 65% – обладают средней памятью

на русские и английский термины в равной степени (4/5, 5/5); плохо запомнили русские слова, в отличие от английских, 10% испытуемых (3/5). Было выявлено, что в числе испытуемых с хорошей памятью оказалось немало студентов с низкой успеваемостью по иностранному языку. Согласно опросу относительно ведущего канала восприятия, у 32% преобладает зрительное восприятие («могу вспомнить надпись на афише», «вспоминаю иллюстрацию»); запоминание «на слух» происходит у 30% испытуемых («слушаю учителя, делаю другие уроки и запоминаю», «лучше концентрируюсь перед прослушиванием»); моторная память развита у 25% («запоминаю, когда прописываю»); смешанная – у 11% студентов (читаю текст, переписываю, проговариваю, представляю). На вопрос «какие приёмы и законы запоминания вы знаете?» студенты назвали приём ассоциаций (50%), систематическое повторение (30%), закон «края» (3%), проговаривание (5%), систематическое заучивание стихотворений (2%), составление плана текста (3%), развешивание листочков со словами по квартире (2%). Количество студентов с ответом «ничего не помню» составило всего 5%.

На вопрос об использовании приёмов запоминания были получены следующие ответы: учат слова и тексты по блокам, повторяют несколько дней 60% студентов; напевают под гитару, как «песню» 1%; ходят и учат 2%; учат слова в контексте 19%; используют аудиокниги и обучающие игры 15% и даже изобретают собственный метод типа «учить по алфавиту», «сделать свою аудиозапись и прослушивать её» 3% обучаемых. При этом лучше запоминается содержание аудиокниг со звуковыми спецэффектами, богатой интонацией диктора, в отличие от монотонного изложения. Следовательно, у студентов преобладают классические приёмы запоминания – запоминание по блокам, повторение; запоминание слов в контексте; запоминание при помощи технических средств.

Изучение уровня сформированности способности к запоминанию терминов и спецтекстов на русском и английском языках продолжилось в рамках констатирующего эксперимента. Выявлено, что умение выделять ключевые слова в тексте развито у студентов в меньшей степени, чем умение составлять план (37% правильных ответов). Умение перифраза предложений также развито недостаточно, о чём свидетельствуют результа-

ты выполнения практических заданий и ответы «хорошистов»: «Легче заучить наизусть, чем перифразировать текст».

Различие при запоминании разноязычного материала выявилось в количестве повторений и необходимости прописывания: для заучивания терминов и спецтекстов на русском языке требуется 2–3 прочтения, студент ориентирован на «запоминание до мелочей»; для заучивания английских терминов и предложений требуется более 5 повторений, прописывание и/или проговаривание; студент ориентирован на понимание общего содержания текста. Легче запоминается материал, который «интересен», «на слуху», «связан с жизнью», а вот научные тексты «трудны и скучны». Студентка описала случай непроизвольного запоминания, когда учебный материал «врезался в память». Ее мама – бухгалтер, папа – водитель, поэтому тема «инвентаризация» и «командировочные удостоверения» запомнилась легко и надолго.

При проведении обучающего эксперимента для понимания и запоминания содержания спецтекста на иностранном языке эффективным оказалось предъявление материала по соответствующей тематике на русском языке на предтекстовом этапе и изложение его содержания также на русском языке в форме лекции на послетекстовом этапе. Текстовый этап включал выделение ключевых слов и ключевых предложений; перифраз ключевых предложений; вопросно-ответные упражнения. Ключевые слова использовались при составлении схем по содержанию текста в качестве домашнего задания. Понимание проверялось спустя две недели после экспериментального занятия при помощи тестов и пересказа на иностранном языке по домашней схеме. Выявлено, что предложенный комплекс заданий позволил повысить уровень понимания и воспроизведения спецтекста студентами экспериментальной группы на 12% по сравнению с испытуемыми в контрольной группе (с 65% до 77%).

При использовании мнемических приёмов для запоминания терминов (в среднем 20–30 слов и словосочетаний), в частности, метода группировки по тематическим и морфологическим признакам была выявлена искусственная направленность приёмов. В контрольной и экспериментальной группах количество правильно воспроизведенных слов было равным. Студенты предпочитали заучивание слов по блокам.

Стоит проанализировать результаты эксперимента, полученные при использовании мультимедийных обучающих игр (English Platinum 2000) и фильмов (Mercedes Benz Legend). В игре студентам предъявлялись слова с картинками, озвучивались, затем следовало задание указать на картинку, которой соответствовало произнесенное слово и написать его. Студенты в контрольной и экспериментальной группах показали примерно равные результаты (80% правильно названных слов). Некоторые студенты переписывали слова для заучивания с экрана монитора в тетрадь, т.к. «картинки отвлекали», а некоторые учили слова сразу с экрана монитора. Согласно результатам опроса, 55% обучаемых считают, что легче запомнить слова/предложения при использовании бумажного, а не электронного носителя. Словарь легче вести от руки, чем печатать, т.к. «поиск букв на клавиатуре занимает много времени». Затем студентам предлагалось устно воспроизвести слова на английском языке. Сразу после игры были выявлены незначительные различия в количестве правильно воспроизведённых слов между студентами контрольной и экспериментальной групп (7 и 9 правильно названных слов из 12 предложенных соответственно). На основе полученных данных можно предположить, что при использовании мультимедийных средств, где присутствуют элементы игры и развлекательности, у студентов с низкой успеваемостью повысился интерес к выполняемой деятельности, возможно, азарт, и поэтому, помимо произвольного, активно шло непроизвольное запоминание, что привело к хорошим результатам. Кроме того, появилась внешняя мотивация – дух соперничества и соревновательности.

Однако студентам экспериментальной группы предлагалось дополнительное задание на перифраз и составление предложений с теми же словами с установкой на отсроченное воспроизведение. Выявлено, что при устном опросе испытуемые экспериментальной группы показали лучшие результаты по сравнению со студентами контрольной группы (в среднем 11 и 8 правильно названных слов из 12 соответственно).

Однако использование отдельных мнемических приёмов, даже с применением интерактивных игр, оказалось менее продуктивным по сравнению с результатами комплексной методики запоминания учебного материала, включающей традиционные предтекстовый, текстовый, послетекстовый эта-

пы. После выполнения заданий на перифраз слов и предложений из учебного фильма, заполнения пропусков в предложениях, составление схемы текста и выполнения рисунка на основе содержания фильма количество правильно воспроизведенных слов составило 80% даже у слабых учащихся. По схеме и рисунку все испытуемые в экспериментальной группе сумели воспроизвести основное содержание фильма по сравнению с 66% в контрольной группе.

Проведённый эксперимент позволяет сделать следующие выводы:

1. Продуктивность запоминания русских и английских терминов при однократном предъявлении отличается незначительно.
2. Для запоминания терминов на русском и иностранном языках наиболее эффективен приём повторения по блокам.
3. Лучшее понимание и запоминание спецтекста на иностранном языке достигается при

выполнении комплекса заданий: выделение ключевых слов, перифраз, обобщение материала на русском языке, составление схемы по содержанию текста.

4. Мультимедийные обучающие игры целесообразно использовать в качестве дополнительного, а не основного средства для запоминания терминов с установкой на отсроченное воспроизведение.
5. Использование мультимедийных средств обучения способствует лучшему запоминанию иностранных слов у студентов с низкой успеваемостью.

Несомненно, многие вопросы в данном исследовании, например, способы повышения эффективности мультимедийных обучающих программ для запоминания учебного материала, пока остаются открытыми. В дальнейших публикациях будет продолжен анализ полученных в ходе эксперимента результатов.

Библиографический список

1. Бовтенко М.А. Компьютерная лингводидактика: учебное пособие [Текст] / М.А. Бовтенко. – М.: Флинта, 2005 – 216 с.
2. Выготский Л.С. Педагогическая психология [Текст] / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика-Пресс, 1999 – 536 с.
3. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики [Текст] / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
4. Лурия А.Р. Внимание и память [Текст] / А.Р. Лурия. – Изд. Московского университета, 1975. – 105 с.
5. Зяблицева М.П. Моментальные приёмы запоминания – мнемотехника разведчиков [Текст] / М.П. Зяблицева. – Ростов н/Д: Феникс, 2005 – 160 с.
6. Зинченко Т. Память в экспериментальной и когнитивной психологии [Текст] / Т. Зинченко. – СПб.: Питер, 2002 – 320 с.
7. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Психология: учебник для студ. высш. пед. учеб. заведений [Текст] / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. – М.: Академия, 2001. – 512 с.
8. Смирнов А.А. Проблемы психологии памяти [Текст] / А.А. Смирнов. – М.: Просвещение, 1966 – 420 с.
9. Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н. Методика обучения иностранному языку с использованием новых информационно-коммуникационных Интернет-технологий: учебно-методическое пособие [Текст] / П.В. Сысоев, М.Н. Евстигнеев. – Ростов н/Д: Феникс; М: Глосса-Пресс, 2010 – 182 с.
10. Ярмоленко, А.В. Способность к многоязычию. [Текст] / А.В. Ярмоленко, Л.: Ун -т. им. А.А. Жданова, 1962. – 120 с.
11. Harmer, Jeremy The practice of English language teaching: Pearson Education Limited, 2006 – 370 p.

N.E. LYSENKO

DEVELOPMENT OF MEMORIZING METHODS OF EDUCATIONAL MATERIAL WHEN LEARNING THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

In the article special features of memorizing of multilingual educational material in student years are considered and the methodology of memorizing methods development of terms and texts on specialty is tested.

Key words: intentional memorizing, unintentional memorizing, mnemonic methods, ability to memorize, multimedia educational means.

Л.Н. МАКАРОВА, доктор педагогических наук, профессор кафедры общей педагогики и образовательных технологий Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина
Тел. 89051219304; tako20@tamb.ru

И.А. ШАРШОВ, доктор педагогических наук, профессор, начальник управления методологического обеспечения основной деятельности Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина
Тел. 89537016005; silans@mail.ru

ВАРИАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПЕДАГОГОВ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА*

В статье обоснована необходимость изменения повышения квалификации педагогов в условиях модернизации дополнительного образования детей. Выявлены основные проблемы, решение которых необходимо в модернизированной системе повышения квалификации. Раскрыта сущность вариативной модели повышения квалификации педагогов дополнительного образования, разработанной на основе интеграции двух методологических подходов: компетентностного и личностно-развивающего. Показана взаимосвязь компетентности и саморазвития педагога.

Ключевые слова: вариативная модель, повышение квалификации, педагог дополнительного образования детей, личностно-развивающий подход, компетентностный подход, уровневая структура.

Процесс преобразования и совершенствования современной педагогической системы учреждений дополнительного образования детей предполагает поиск новых идей, подходов, технологий, форм и методов организации профильного обучения с целью профессионально-творческого саморазвития субъектов на основе их внутренних мотивов, системы ценностей и будущих профессиональных целей. Эффективным средством решения указанной задачи является профильное обучение – средство дифференциации и индивидуализации обучения, позволяющее за счет изменений в структуре, содержании и организации образовательного процесса более полно учитывать интересы, склонности и способности учащихся, создавать условия для обучения старшеклассников в соответствии с их профессиональными интересами и намерениями в отношении продолжения образования.

Профильное обучение направлено на реализацию личностно ориентированного учебного процесса, на обеспечение преемственности между общим и профессиональным образованием. При этом существенно расширяются возможности выстраивания учеником индивидуальной образовательной технологии.

Педагоги дополнительного образования согласно Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года и Национальной образовательной инициативы «Наше будущее» должны обеспечить:

© Л.Н. Макарова, И.А. Шаршов

* Исследование выполнено при поддержке аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)», проект № 3.1.2 / 5935 «Разработка и апробация моделей профильного обучения в учреждениях дополнительного образования детей»

циативе «Наша новая школа» в своей профессиональной деятельности должны *не только организовывать профильное обучение учащихся, но и в определенной степени способствовать реализации ФГОС общего образования*. Следовательно, необходим поиск новых моделей, способствующих оптимизации повышения квалификации педагогов дополнительного образования для реализации профильного обучения с учетом ФГОС общего образования [1]. Разрабатываемая модель должна способствовать разрешению следующих проблем:

1. Одна из них – развитие готовности педагогов УДОД к самостоятельным системным изменениям в своей профессиональной деятельности, ориентированной на целенаправленное получение и совершенствование профессиональных компетенций в продолжение социально активной жизни. Суть повышения квалификации глобально определена в опережающей подготовке педагогических кадров для работы в условиях профильного обучения учащихся с учетом ФГОС общего образования. Это предполагает владение не просто некоторыми навыками работы со все возрастающими по объему и усложняющимися по содержанию информационными потоками, а способность с их помощью «добывать» это новое знание, самостоятельно выстраивая целостный познавательный процесс в окружающей информационной среде.

2. В процессе повышения квалификации должны быть созданы условия для перехода обучающегося из положения пассивного слушателя в состояние активного субъекта в отношении роста своей профессиональной компетентности, т.е. для профессионально-творческого саморазвития каждого педагога УДОД. В связи с этим возникает проблема организации обучения педагогических кадров на основе интеграции двух методологических подходов, значительно отличающихся друг от друга: компетентностного и личностно-развивающего. С одной стороны, повышение квалификации должно обеспечить каждому педагогу условия для вхождения в профессиональную культуру, для саморазвития и самореализации, а с другой – создать педагогические условия для овладения им прагматически значимыми компетенциями, необходимыми для успешной профессиональной деятельности.

3. Из предыдущей проблемы следует необходимость разработки вариативных компетентнос-

тно-развивающих технологий конструирования индивидуальных образовательных программ в соответствии с образовательными потребностями разных категорий слушателей. Особенности содержания данных программ для педагогических кадров УДОД являются его опережающий характер по отношению к общему образованию; необходимость обеспечения многообразия, вариативности и гибкости, их оперативного отклика на социально-экономические потребности, предъявляемые к практике дополнительного образования, профессиональной деятельности педагогов, уровню их профессиональной культуры и личностно значимых качеств. Кроме этого каждая программа должна заканчиваться конкретным продуктом (результатом), разработанным слушателем в ходе обучения в условиях повышения квалификации.

4. Следующая проблема связана с выполнением поставленной Президентом России Д.А. Медведевым задачи привлечения на работу в систему образования специалистов без профильного педагогического образования. Безусловно, нужно расширять круг социальных связей и общения учащихся, особенно в условиях профильного обучения, но в связи с этим необходима специальная подготовка в системе повышения квалификации выпускников непрофильных вузов, ориентированных на работу в учреждениях дополнительного образования. Это в первую очередь касается подготовки по педагогике, психологии и частным методикам. Следовательно, для данной категории слушателей необходима разработка образовательных программ, содержательно отличающихся от повышения квалификации людей, получивших профессиональное педагогическое образование.

5. Принципиально важными становятся правила отбора педагогических условий проектирования и наполнения информационной среды конкретного УДОД, увеличение уровня открытости и доступности разнообразной информации; актуализируется задача удовлетворения и обслуживания конкретных информационных потребностей всех участников образовательной деятельности: «...очень важно научиться пользоваться всеми новыми технологиями. Это задача номер один не только для учащихся, но и для учителей – вся переподготовка и повышение квалификации должны быть ориентированы на использование современных технологий» (Д.А. Медведев). В связи с этим актуальной является проблема недостаточно эф-

фактивного использования современных информационно-коммуникационных технологий, цифровых образовательных ресурсов в процессе повышения квалификации педагогических кадров, связанного с недостаточным уровнем подготовки педагогов УДОД в области ИКТ и др.

Разрешение данных проблем возможно при разработке вариативной компетентностной модели повышения квалификации педагогов УДОД, способствующей оптимизации повышения их квалификации для реализации профильного обучения с учетом ФГОС общего образования.

В настоящее время главная особенность обучения взрослых заключается в возрастающей роли самого обучающегося в организации процесса своего учения [2]. Педагог УДОД обладает достаточным уровнем самосознания, собственным опытом, пониманием цели обучения и путей реализации полученных знаний, умений и навыков, личностных качеств и ценностных ориентаций, наконец, достаточно высоким уровнем ответственности для того, чтобы активно участвовать в диагностике своих образовательных потребностей, в планировании результатов обучения, реализации, оценивании и коррекции учебного процесса повышения квалификации.

В связи с этим возникает проблема организации обучения педагогов дополнительного образования на основе интеграции двух методологических подходов, значительно отличающихся друг от друга: компетентностного и личностно-развивающего.

С одной стороны, разрабатываемая модель повышения квалификации должна обеспечить каждому педагогу условия для вхождения в профессиональную культуру, для саморазвития и самореализации (это идеи личностно-развивающего подхода), а с другой – создать педагогические условия для овладения им прагматически значимыми компетенциями, необходимыми для успешной профессиональной деятельности (принципиальные позиции компетентностного подхода).

Задача развития субъектной активности педагогов УДОД в системе повышения квалификации является приоритетной по многим обстоятельствам. Субъектность не дается природой, она развивается в условиях социальной жизни, в процессе общения и взаимодействия, воспитывается целенаправленно, если педагоги ставят перед собой такую задачу (Н.Е. Щуркова). Личностное поведение, безусловно, характеризуется свободой

выбора или, по выражению М.М. Бахтина, личность – это «субъект поступания», субъект свободного социального действия. Но человек не детерминируется жестко его социальным статусом или ролью, наиболее целостной характеристикой человека как субъекта может служить жизненная позиция как личностное (и профессиональное) свободное самоопределение. Свои позиции необходимо постоянно отстаивать и утверждать, используя арсенал ценностных ориентаций, нравственных и мировоззренческих убеждений, моральных и этических норм, исходя из принципов самостоятельности и ответственности личного выбора и достоинства.

В условиях внутренней детерминации действий и в ситуациях свободного выбора становление субъекта происходит путем саморазвития. Субъект развития/саморазвития может рассматриваться как объект воздействий и самовоздействий в процессе прогрессивных личностно-профессиональных изменений. Важно, что в осуществлении процесса профессионально-творческого саморазвития субъект способен усилить или нейтрализовать (то есть изменить, если необходимо) примененные к нему воздействия [3].

Субъектная активность – это не просто выражение своего «Я», своих желаний и потребностей, это и обогащение видением другого субъекта, сопряжение своих интересов с окружающими; это способность человека осознавать себя носителем знаний, воли, отношений, производить осознанный выбор в системе межличностных отношений в вузе, осмысливать связи и возможности развития своего «Я» во взаимодействии.

Проявлением субъектной активности педагога дополнительного образования являются целеустремленность, ответственность, предприимчивость, настойчивость, инициативность, креативность, критичность мышления, самоорганизация, рефлексивность. В процессе повышения квалификации важно еще умение не только производить свободный выбор, но и предвосхищать результат своих действий, планировать, оценивать и корректировать производимое на уровне стратегии, опять же во взаимодействии с процессами профессионально-творческого саморазвития других субъектов. Вышеназванные качества выполняют системообразующую роль в развитии профессиональной компетентности педагогов УДОД в условиях повышения квалификации.

Профессиональную компетентность педагогических кадров системы дополнительного образования необходимо рассматривать с нескольких позиций:

- как личностную и социальную ценность, определяющую ресурсный потенциал конкретного образовательного учреждения;
- как систему внутренней организации профессиональных знаний, умений и навыков, проявляющихся в способности оперировать различными видами педагогической деятельности;
- как результат реализации профессионально-личностного потенциала педагога;
- как процесс профессионально-творческого саморазвития, результатом которого является позитивная динамика продуктивности профессионально-педагогической деятельности.

Специфика компетентности как определенного типа профессиональной готовности состоит в том, что она имеет деятельностный и личностно-мотивационный характер и приобретает в ситуациях реального решения профессиональных проблем (И.А. Зимняя). Не вызывает сомнений, что профессиональная деятельность педагогов УДОД зависит от их личностных особенностей, сформированных конкретных компетентностей и от внешних условий. Эти компетентности проявляются в каждой конкретной профессиональной ситуации, определенным образом организуя деятельность педагога и придавая ей специфические качества в зависимости от уровня сформированности этих компетентностей [4].

Но и сама профессиональная деятельность оказывает влияние на совершенствование имеющихся и формирование новых компетентностей педагога УДОД, которые могут являться результатом продуктивного переосмысления собственных профессиональных действий, достижением новой профессиональной квалификации и т.д. Сфера компетенций может объективно расширяться, если у педагога есть профессионально-личностный рост, и может оставаться прежней, если педагог не ориентирован на более высокие результаты своего труда, т.е. «педагогическая компетентность как экзистенциальное свойство является продуктом саморазвития специалиста в профессиональной среде» [5, с. 35] и формируется в контексте личностных смыслов и индивидуальности преподавателя.

Разделяя точку зрения А.Я. Данилюка, Н.К. Сергеева, В.В. Серикова, мы считаем, что компетентностный опыт, так же как и личностный, и творческий, нельзя задать преподавателю в виде инструкции или алгоритма, поскольку последние дают знание, ориентировочную основу действия, а не сам опыт выполнения. «Передать» компетентность педагогу дополнительного образования посредством обычного учебного процесса в системе повышения квалификации, в котором он выступает объектом научения, а не субъектом собственного образования, невозможно: вне соответствующей личностной позиции педагог не может овладеть компетентностью.

Для становления профессиональной компетентности в условиях повышения квалификации педагогов УДОД необходим учебный процесс особого рода, в котором имеют место совместное приобретение знаний, решение поставленных задач и постановка новых, овладение новыми способами мышления, классификация и свертка информации в удобные базы данных, умение отстаивать собственную позицию, определение индивидуальной образовательной траектории, сохранение и развитие собственной индивидуальности.

Следовательно, мы трактуем компетентность как субъектный опыт, собственный почерк специалиста, как саморазвивающуюся форму образованности, что проявляется в стремлении к саморазвитию в своей профессиональной области, в развитии мотивации и способности к решению типичных и проблемных профессионально значимых задач, возникающих в реальных ситуациях научно-педагогической деятельности, с использованием знаний, профессионального и личностного опыта, потенциала своей индивидуальности.

Исходя из вышесказанного, каждый педагог дополнительного образования в процессе повышения квалификации должен создать и развить свою компетентность как продукт индивидуального профессионально-творческого саморазвития. Следовательно, компетентность является продуктом личностно-развивающего, а не знаниевого образования. Адекватный мотив для овладения компетентной деятельностью – это саморазвитие, создание самого себя как профессионала, способного рассматривать результативность решения профессионально значимых задач через призму собственного роста.

Таким образом, разработка и реализация вариативной модели повышения квалификации педаго-

гов УДОД должна способствовать устранению противоречия между необходимостью повышения качества образовательного процесса в системе дополнительного профессионального образования за счет ориентации на конечный результат, представленный в компетентностном формате, и неразработанностью организационно-педагогических условий развития субъектной активности педагогов дополнительного образования, обеспечивающих эффективность процесса формирования их профессиональной компетентности.

Действительно, если в личностно-развивающем подходе рассматривается индивидуальное поле педагога, в компетентностном подходе обосновывается развитие его профессионального опыта, то в предлагаемой модели повышения квалификации педагогов УДОД их деятельность рассматривается как личностно осмысленный процесс становления профессионально значимых компетентностей. При реализации данной модели выделяются два взаимосвязанных блока целей:

- становление саморазвивающейся личности;
- формирование и совершенствование социально-профессиональных компетентностей.

Причем компетентности педагога рассматриваются как предметно-процессуальная основа профессиональных действий и поступков, а саморазвитие выступает социально-процессуальной основой личностного роста педагога УДОД в профессии.

Структура разрабатываемой вариативной модели повышения квалификации педагогов дополнительного образования детей включает три уровня, ориентированных на разные категории слушателей.

Первая категория – педагоги и методисты УДОД, ориентированные на совершенствование профильного обучения учащихся с учетом интеграции ведущих идей компетентностного и личностно-развивающего подходов. Основная задача – научиться выстраивать дополнительные образовательные программы по своим направлениям с учетом формирования необходимых компетенций, определенных в ФГОС общего образования. Кроме того, каждая программа должна заканчиваться конкретным продуктом (результатом), разработанным слушателем в ходе обучения в условиях ПК. Это возможно при реализации специально разработанных вариативных компетентностно-разви-

вающих технологий конструирования индивидуальных образовательных программ в соответствии с образовательными потребностями разных категорий слушателей. Особое внимание следует уделить развитию информационной культуры педагогов УДОД.

Вторая категория слушателей – сотрудники УДОД, не имеющие специального педагогического образования, но реализующие различные модели профильного обучения. Для них необходимо разработать специфические компетентностно-развивающие программы в соответствии с ФГОС общего образования, но с усиленным акцентом на подготовку по педагогике, психологии и частным методикам, профессиональной этике и педагогической риторике. Важно разработать технологии обучения данной категории слушателей с учетом их хорошей специальной подготовки.

Третья категория – педагоги, реализующие профильное обучение в условиях интеграции общего и дополнительного образования в конкретном общеобразовательном учреждении. Повышение квалификации данной категории слушателей также имеет свою специфику, связанную с преодолением «слабых» стороны организации дополнительного образования на базе общеобразовательных школ: *во-первых*, отсутствие нормативно-правовой, материально-технической базы; *во-вторых*, зависимость школьного дополнительного образования от базового общего образования, а именно: происходит подмена программ дополнительного образования программами базового предметного цикла; *в-третьих*, дополнительное образование в школах осуществляется теми же кадрами, т.е. учителями-предметниками, которые, как правило, выстраивают эту работу по классно-урочному принципу, перенося в учебный процесс традиционные-школьные методы, приемы обучения.

Особое внимание при реализации разработанной модели следует обратить на преодоление слабой ответственности слушателей курсовой подготовки и руководителей всех уровней управления за внедрение знаний и технологий, полученных в ходе курсовой подготовки, в практику работы учреждений дополнительного образования. Для этого необходимо разработать послекурсовое, в том числе дистанционное, сопровождение педагогических кадров УДОД для всех категорий слушателей.

Библиографический список

1. Шаршов И.А., Макарова Л.Н. Проблемные аспекты повышения квалификации научно-педагогических кадров // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – Вып. 10 (90). – С. 7–11.
2. Змеев С.И. Образование взрослых и андрагогика в России: достижения, проблемы и перспективы // Педагогика. – 2009. – № 7. – С. 32–39.
3. Шаршов И.А. Профессионально-творческое саморазвитие: методология, теория, практика. – М.; Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – 400 с.
4. Вербицкий А.А., Ларионова О.Г. Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы интеграции. – М.: Логос, 2009. – 336 с.
5. Сериков В.В. Природа педагогической деятельности и особенности профессионального образования педагога // Педагогика. – 2010. – № 5. – С. 29–37.

L.N. MAKAROVA, I.A. SHARSHOV

**VARIATIVE MODEL OF TEACHERS QUALIFICATION IMPROVEMENT:
ESSENCE AND STRUCTURE**

The article proves a need in changes in the sphere of teachers' qualification improvement in conditions of additional education for children modernization.

The basic problems that are needed to be solved in the modernized system of advanced training are revealed. It reveals the essence of variative model of teachers' qualification improvement in the sphere of additional education based on the integration of two methodological approaches: competence and personal–developmental. The interconnection between competence and self-development of an educator is shown.

Key words: variative model, qualification improvement, additional education teacher, personal–developmental approach, competence approach, level structure.

*Ю.В. МАКАРОВА, ассистент кафедры андрагогики и акмеологической педагогики, социальный факультет Орловского государственного университета
Тел. 8-920-818-98-39; belochka11@list.ru*

РАЗВИТИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

Владение исследовательской культурой является необходимой характеристикой современного специалиста по социальной работе. В статье рассматривается научно обоснованная и экспериментально проверенная модель формирования исследовательской культуры специалиста по социальной работе в процессе вузовского обучения.

Ключевые слова: культура личности, профессиональная культура, исследовательская культура специалиста по социальной работе, исследовательская деятельность, моделирование, модель.

В современном российском обществе возникает практическая необходимость в дифференцированной социальной поддержке различных групп населения, каждая из которых имеет свои жизненные трудности, проблемы и социальные запросы. Профессиональная деятельность специалиста по социальной работе направлена на оказание компетентной социально-психолого-педагогической помощи людям, гуманизацию социокультурной среды их обитания, повышение эффективности процесса социализации, воспитание и развитие детей, подростков, молодежи.

Многоплановый характер профессиональной деятельности в сфере социальной работы предъявляет высокие требования к культуре специалиста, его творческим способностям, компетентности, выдвигает в качестве приоритетной исследовательскую функцию. Так, для комплексного решения социальных проблем специалисту по социальной работе необходимы конкретные представления о целях, ценностях, идеалах, нормах, традициях социального творчества и инновационного развития, т.е. всего того, что включает в себя культура личности.

Культура личности является результатом жизненного пути человека, и она постоянно складывается в процессе его физического, психического, социального, духовного развития. Составной частью общей культуры личности является профессиональная культура.

Профессиональная культура – это образ жизни в профессии, совокупность гуманистических действий, взглядов, мыслей, санкционированных требованиями профессионального стандарта, этических норм, сложившихся в конкретных социальных условиях.

Профессиональная культура специалиста по социальной работе, – это интегральная характеристика личности специалиста, осознающего свою роль в системе социальной защиты населения, владеющего основами профессиональной деятельности и обладающего способностью и готовностью реализовать себя в работе с различными категориями клиентов в соответствии с профессионально-этическими нормами. Значимыми составляющими профессиональной культуры студента, будущего со-

циального работника, являются: профессионально-этическая культура; социально-педагогическая культура; исследовательская культура; организационно-управленческая культура¹.

Исследовательская культура предполагает освоение будущими специалистами методологией исследования, что позволяет обосновывать и оказывать на практике интегративную поддержку, и своевременно оказывать помощь людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Таким образом, процесс формирования исследовательской культуры у будущих специалистов по социальной работе становится доминирующим в системе профессиональной подготовки.

Исследовательская культура специалиста по социальной работе представляет собой личностную характеристику, которая проявляется повседневно и формируется в опыте исследовательской деятельности, а также включает в себя ценностное отношение к профессиональной и исследовательской деятельности, умения и навыки научного познания, а также обеспечивает самоопределение и самореализацию личности в разрешении проблем социальной работы.

Базовым компонентом развития исследовательской культуры специалиста по социальной работе является профессиональная подготовка. В свою очередь, важным компонентом профессиональной подготовки является исследовательская деятельность студентов – и с точки зрения становления профессионализма, и с позиции формирования ключевых компетенций, а также с позиции гармоничного развития личности будущих специалистов по социальной работе. Исследовательская деятельность – это, прежде всего, интеллектуальная деятельность, связанная с мышлением, как процессом включенности в целенаправленную познавательную деятельность. Она строится в опоре на развитое научное мышление, определяющее мировоззрение будущего профессионала. В рамках исследовательской деятельности закладываются основы научной организации труда, формируются необходимые аналитические качества, востребованные в профессиональной деятельности.

Эффективное развитие исследовательской культуры специалистов по социальной работе в вузе возможно при наличии определенного комплекса организационно-педагогических условий:

- развитая информационно-образовательная

среда вуза, объединяющая студентов, аспирантов, преподавателей;

- информационно-методическое обеспечение исследовательской деятельности студентов;
- взаимодействие кафедр и центров практики, обеспечивающих участие студентов в исследовании и решении социальных проблем региона;
- направленность процесса профессиональной подготовки на преобразование мотивационной сферы и стимулирование студентов к исследовательской активности;
- включение во все виды учебной и внеучебной деятельности практико-ориентированных исследовательских заданий.

Выбор выделенных в нашем исследовании организационно-педагогических условий обусловлен необходимостью формирования у студентов исследовательской мотивации, активизации познавательной деятельности, развития исследовательских умений и навыков.

Для выявления возможностей вуза в формировании исследовательской культуры у будущих специалистов по социальной работе были изучены: ГОС, учебные планы, программы обучения, проведены беседы с преподавателями, выпускниками вуза, специалистами – практиками, работающими в учреждениях социальной защиты населения.

На основе полученных материалов и с учетом вышеизложенных теоретических представлений о сущности исследовательской культуры специалиста по социальной работе, нами спроектирована многофункциональная педагогическая модель её формирования в процессе профессиональной подготовки в вузе (схема 1).

Данная модель формирования исследовательской культуры у будущих специалистов по социальной работе в процессе профессиональной подготовки в вузе включает целевой, содержательный, технологический и оценочно-результативный блоки; отражает комплекс социально-педагогических условий, обеспечивающих эффективность процесса.

Для успешной организации исследовательской деятельности в учебное и внеучебное время нами было выдвинуто следующее условие: овладение студентом методикой научного исследования, адекватной поставленным перед ним творческим или проблемным ситуациям и достигнутому уровню его научного мышления, должно осуществляться поэтапно. Так, реализованная многофункцио-

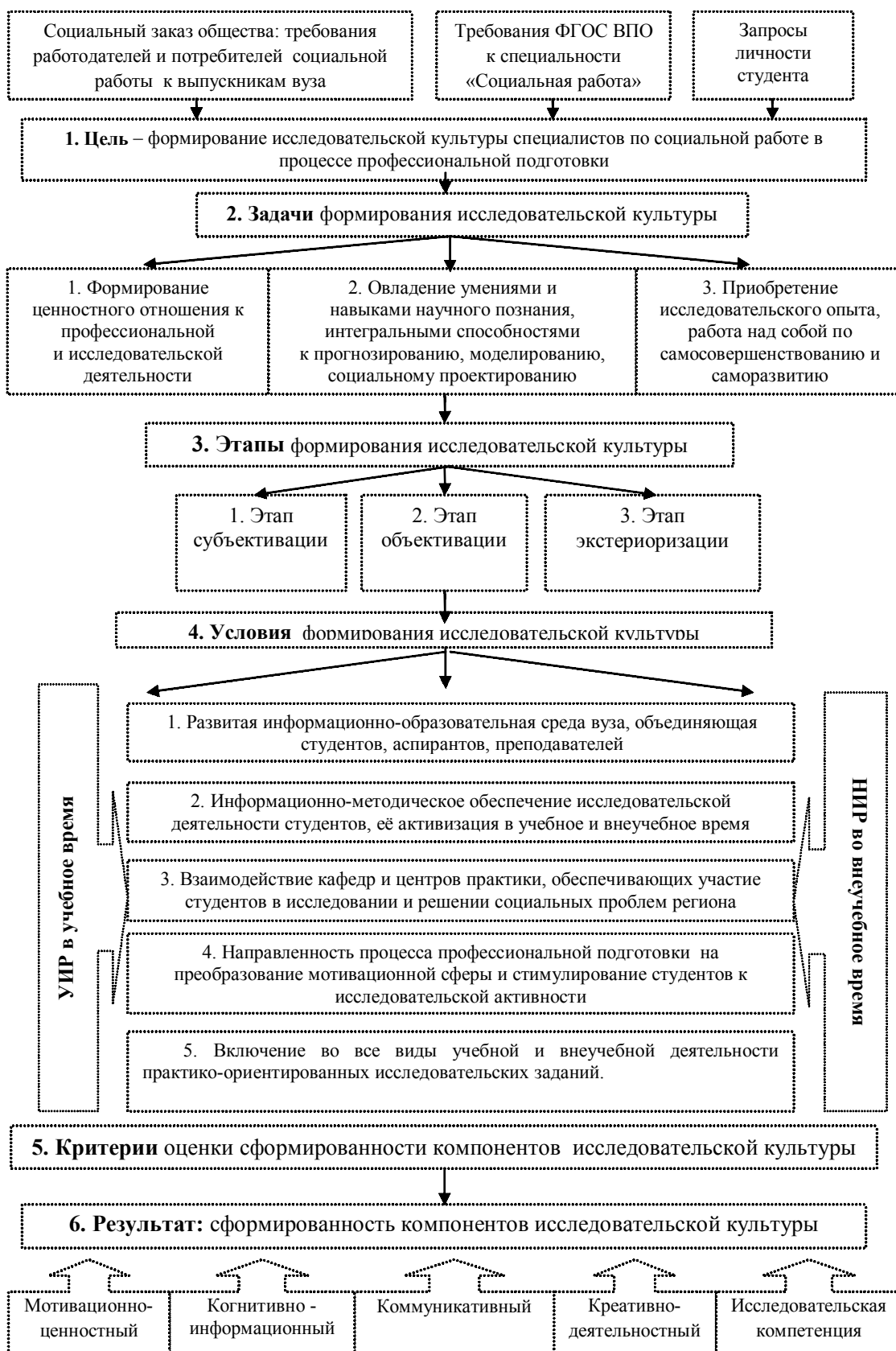

Схема 1. Педагогическая модель формирования исследовательской культуры у будущих специалистов по социальной работе в процессе профессиональной подготовки в вузе.

нальная педагогическая модель формирования исследовательской культуры специалистов по социальной работе в процессе профессиональной подготовки в вузе соотносится с фазовым характером учебной деятельности, включает в себя ряд этапов: *субъективации, объективации и экстерииоризации*.

На первом этапе происходит генерирование исследовательских идей и идеальное преобразование объекта (субъективация); на втором материализация идеальных построений в знаковом материале исследования (объективация), что соотносимо с содержанием исследовательской направленной деятельности. Но исследовательская деятельность студентов этим ограничивается. В ней представлен еще один этап – заключительный, выполняющий функцию развертывания знаковой структуры исследования в экстерииоризованном действии, материальное воплощение замысла (реализация) и представление презентация его результатов. На заключительном этапе происходит корректировка объекта деятельности, его контроль, проверяется на практике реальность замыслов, целесообразность исследовательских решений.

Для этапа субъективации (охватывает 1–2 курс) характерно относительно успешное решение простых профессиональных ситуаций на основе собственного опыта и опыта близких людей, поэтому в качестве профессионально-ориентирующих средств мы использовали ценностно-психологические игры (ЦПИ), круглые столы, тематические встречи, пресс-конференции, брифинги. Также на данном этапе в рамках УИР были использованы следующие формы исследовательской деятельности: реферирование конспектирование, аннотирование, составление тезисов; подготовка обзоров по новинкам литературы; выступление с докладами и сообщениями на семинарах; выполнение научно-исследовательских работ в период учебной практики. На этапе субъективации формируется осознанное отношение к овладению основами исследовательской деятельности, первичное накопление опыта исследования проблем социальной сферы; овладение методами и методикой исследовательской деятельности.

Следующий этап формирования исследовательской культуры в процессе профессиональной подготовки у будущих специалистов по социальной

работе – *объективации* (3–4 курс). Целью этого этапа является развитие когнитивно-информационного и коммуникативного компонентов исследовательской культуры у будущих специалистов по социальной работе, путем сочетания учебно-исследовательской и научно-исследовательской работы. Среди них: реферирование научных изданий, работа с литературой; курсовое проектирование; подготовка публикаций по результатам проведенных исследований; участие в студенческих конференциях и олимпиадах; активная исследовательская работа в научно-исследовательских группах, лабораториях, кружках в рамках работы Научного студенческого общества; участие в социально-проектной, волонтерской (добровольческой) деятельности. В рамках указанных форм исследовательской деятельности происходит усиление творческого, самостоятельного, заинтересованного и ответственного участия студента в образовательном процессе, развитие коммуникативных навыков и умений; обогащение исследовательского опыта.

Целью этапа *экстерииоризации* (4–5 курс) является преимущественное развитие креативно-деятельностного компонента исследовательской культуры, а также творческого мышления и исследовательского опыта. На формирующем этапе исследовательская деятельность студентов отличается активными самостоятельными научно-исследовательскими изысканиями и комплексными исследовательскими работами, направленными на разрешение проблем клиентских групп оптимальным способом. Это находит свое отражение в рамках дипломного проектирования, участия студента в организации работы научно-исследовательских групп. Результатом этапа является наличие четких представлений о будущей профессии, формирование индивидуального стиля исследовательской деятельности и творческого уровня развития исследовательской культуры.

Таким образом, разработанная нами многофункциональная педагогическая модель формирования исследовательской культуры специалистов по социальной работе в процессе профессиональной подготовки в вузе позволит студентам приобрести научно-исследовательские знания, овладеть навыками их применения для решения профессионально важных задач.

Примечание

¹ Варгина, Наталья Алексеевна Формирование профессиональной культуры социального работника в процессе непрерывной практики в вузе: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.08 Москва, 2006.

Библиографический список

1. Варгина Наталья Алексеевна Формирование профессиональной культуры социального работника в процессе непрерывной практики в вузе: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.08 Москва, 2006.

J.V. MAKAROVA

DEVELOPMENT OF RESEARCH CULTURE IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL TRAINING OF EXPERTS IN SOCIAL WORK

The research culture is necessary for the modern social worker. This article describes of multipurpose pedagogical model of formation of research culture social worker in the process of professional training.

Key words: culture of the person, professional culture, research culture of social worker, research activities, modelling, model.

М.В. МАЛЯВКИНА, аспирант кафедры русского языка Орловского государственного университета, заместитель директора по воспитательной работе Орловского музыкального колледжа
Тел. (8 953 814 46 47)

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ ОСНОВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СПЕЦИАЛЬНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается вопрос комплексного развития личности будущих музыкантов-педагогов в системе отечественного профессионального образования на основе духовно-нравственного развития личности обучающихся. Данный подход обоснован как современными требованиями общества, так и традициями музыкальной культуры России. При этом духовность определяется в контексте религиозной культуры государства. Это позволяет сформировать у студентов изначальное понимание смыслов музыкального искусства, педагогической деятельности и частной жизни.

Ключевые слова: духовность, музыкальное образование, ценность, культура, профессионализм.

Современная практика музыкального образования, переживающего в течение последних десятилетий системный кризис, показывает, что профессиональная подготовка музыкантов-педагогов сегодня в большинстве случаев сводится к передаче специальных знаний, хотя, требования к духовно-нравственному совершенствованию обучающихся являются обязательными как для педагогической стороны профессии, так и для её музыкальной составляющей. Согласно определению профессиональной компетентности как интегральной характеристики деловых и личностных качеств специалиста, отражающей уровень знаний, умений и опыта, достаточных для осуществления цели данного рода деятельности, а также *нравственную позицию специалиста* [2, 354], будущим музыкантам-педагогам необходимо иметь чёткие нравственные ориентиры, являющиеся базовыми в формировании профессионализма.

Данная позиция обоснована исторически, поскольку учитель в России всегда являлся проводником нравственности, а музыкант – носителем идеи духовности искусства, рассматривая творчество как отображение Идеального (или Божественного) мира. Эти же взгляды были характерны для системы отечественного музыкального образования, начиная с момента его возникновения и вплоть до событий Октябрьской революции 1917 года, и были обусловлены влиянием на русское музыкальное искусство традиций Православной культуры.

Понимание творчества как служения высшим идеалам сохранялось и в советское время, несмотря на то, что религиозные ценности стали носить метафорический характер. Музыка в этот период должна была отображать уже не Совершенство Божественного мироздания, а красоту природы, гражданского мира и человеческих отношений.

Тем не менее, выдающиеся русские музыканты современности указывают на необходимость отображения именно Высших смыслов в музыке. Так, В.А. Берлинский, основатель Государственного квартета имени А.П. Бородина, высказал мысль о том,

что художник выполняет долг перед человечеством, поскольку задачей искусства является хранение Вечных ценностей, а не «обслуживание преходящего и временного». Лучшие музыкальные произведения он сравнивает с «Божьими посланиями», поскольку в них заключён огромный запас творческой преобразующей энергии. Эти послания адресованы людям и передаются через чей-нибудь Божий дар особенными художественными путями. Они помогают человеку познавать жизнь [4, 40–47].

В диалоге с музыковедом В.М. Теплитской он так же назвал отличительные черты русской исполнительской школы, сопоставив их с русской культурной традицией в целом. Главное здесь – поиск Истины. С его точки зрения, русскую исполнительскую традицию характеризует наличие этического пафоса – утверждать идеалы, к которым относятся идеалы *благородства, чистоты, преданности, любви*. Это накладывает колоссальную ответственность на современных исполнителей, которая должна выражаться в требовательности к себе. Он сопоставил деятельность музыканта и артиста с миссионерством [4, 59–69].

Данный подход соответствует отношению к миру музыки и великих русских композиторов прошлого, в частности П.И. Чайковского, который утверждал, что невозможно сочинять музыку, не чувствуя в душе Бога [6, 594–599].

Отсюда следует мысль о том, что профессиональный музыкант, являясь проводником творческой мистической энергии, заложенной в музыкальном произведении должен быть способен силой своей души воспринимать и воплощать эти идеалы в звуках. То есть его душа должна сама быть высоко организована (или духовна).

Таким образом, возникает необходимость специальной подготовки музыкантов-педагогов в учреждениях профессионального образования на основе становления их духовно-нравственной позиции. Сегодня необходимо построение такой системы музыкального образования, которая позволит рассматривать музыкальную деятельность с философской точки зрения – как часть культуры, как способа и результата человеческой деятельности [3, 6]. Воспитание студентов музыкальных учебных заведений лежит помимо всего прочего в плоскости философии, а следовательно – миропонимания и культуры, которое должно быть основано прежде всего на ценностном отношении к

жизни, на стремлении приблизиться к идеалу, в данном случае – идеалу духовно-нравственному и профессиональному.

Решение поставленной задачи предполагает изначальное определение самой системы ценностей, в рамках которой могла бы формироваться духовно-нравственная культура будущих специалистов. Понимание духовного роста как приближения к Идеальному или Божественному миру позволяет определить профессиональные ценности музыканта-педагога как берущие начало в религиозной культуре. Данный подход основан, в том числе, на исследованиях современных учёных И.В. Метлика, Е.В. Шестуна, О.Л. Янушквичене и др., которые считают, что главным ценностным ориентиром русской национальной культуры являются христианские заповеди Православия.

Задачей системы образования, таким образом, становится перенесение православных традиций, в новые условия инновационного обучения, а также создание современных концепций, теорий, методов, средств и форм в работы с молодёжью на основе духовно-нравственного развития студентов.

Попытка решения данной проблемы была осуществлена в рамках подготовки студентов Орловского музыкального колледжа, где в учебно-воспитательный процесс, начиная с 2007 года, были внедрены две экспериментальные программы образовательного курса «Основы профессиональной и духовно-нравственной культуры музыканта-педагога» и студенческого социального проекта «Россия нашего времени».

Целью программы «Основы профессиональной и духовно-нравственной культуры музыканта-педагога» стало формирование у студентов профессионально-значимых и духовно-нравственных ориентиров и необходимого в профессиональной и духовной сферах жизни мировоззрения, являющихся основой личности музыканта-педагога и фундаментом его профессиональной деятельности. Достижение цели планировалось осуществлять путём приобщения обучающихся к профессиональным и духовным (религиозным) ценностям, раскрываемым в традициях Православия и отечественном музыкальном наследии. Главной задачей профессионально-нравственного воспитания, таким образом, стало раскрытие студентам цели и смысла человеческой жизни и профессиональной деятельности, а также указание путей и средств к достижению выдвигаемых целей.

Образовательный курс разрабатывался с учётом раскрытия для студентов четырёх смыслов: *будущей профессиональной деятельности (1 этап); будущей частной жизни (2 этап); своих обязанностей (3 этап); и своего жизненного выбора (4 этап)*. В связи с этим курс был представлен четырьмя разделами, соответствующими всем годам обучения.

В I разделе – «Мои представления», решалась задача самоопределения личности студента в духовной и профессиональной сферах деятельности путём повышения уровня мотивации к достижению поставленных целей. Задача II и III разделов, «Мои стремления» и «Мои обязанности», состояла в том, чтобы способствовать развитию обучающихся в системе национальных духовных и культурных ценностей. В IV разделе – «Мой выбор», осуществлялось формирование, как профессиональной мобильности выпускника, так и воспитание в нём нравственного отношения к жизни, способности нести ответственность за качество своего труда не только перед собой, но и перед обществом в целом. Студенты, заканчивая учебное заведение, должны были сделать вывод о том, что главная цель жизни – быть человеком *нравственным*, ибо только такая позиция может обеспечить достойное профессиональное и личное будущее каждому.

Таким образом, в процессе реализации программы «Основы профессиональной и духовно-нравственной культуры музыканта-педагога» были созданы условия для усвоения студентами теоретических знаний, направленных на формирование необходимого им в профессиональной и духовной сферах жизни мировоззрения.

Развитие необходимых музыканту-педагогу духовно-нравственных качеств осуществлялось в процессе воспитательной работы в рамках студенческого социального проекта «Россия нашего времени». Программа студенческого социального проекта «Россия нашего времени» была создана органом студенческого самоуправления колледжа – студсоветом. Целью проекта стало формирование нравственности, патриотизма, гражданской и профессиональной ответственности студентов путем приобщения к духовным (религиозным) и культурным традициям Отечества.

Обучающиеся, совместно с администрацией колледжа, запланировали предстоящую деятельность, которая включала в себя: определение идеи

и цели проекта, его задачи, программу, календарно-тематический план мероприятий, имеющиеся ресурсы для реализации целей. Выбор темы социально-значимой деятельности, постановка актуальности проблемы, направления работы и её организационные формы были определены инициативной группой студсовета, стоящей во главе реализации студенческого социального проекта.

По замыслу, годичный цикл обязательных мероприятий включал в себя такие этапы как: составление календарного плана (работа инициативной группы), сбор информации по теме (изучение научной литературы; исследование национальной культуры – экскурсионные поездки по историческим и святым местам в рамках экспедиции «Святые места России»), опрос общественного мнения (конкурс творческих работ), обсуждение темы в коллективе (студенческая конференция), анализ работы (обобщение материалов), подведение итогов (круглый стол по теме).

Реализация программы проекта была рассчитана на 4 учебных года, каждому из которых соответствовала своя тема, это: «Герой нашего времени», «Семья в России XXI века», «Гражданин своего времени» и «Национальная культура России».

Таким образом, идея проекта предусматривала поэтапное осмысление студентами проблем идущих от осознания СЕБЯ, как творческой и духовно-нравственной личности, к осмыслению понятия СЕМЬИ, как места становления и развития человека к пониманию РОДИНЫ, как гражданского общества людей, искренне любящих своё Отечество – патриотов. Возможность раскрытия смыслов понятий СЕБЯ, СЕМЬИ и РОДИНЫ предоставляется человеку в духовном пространстве отечественной КУЛЬТУРЫ, в том числе – музыкальной. Поэтому завершающей темой проекта стало обращение к проблеме преодоления кризиса культуры.

В результате экспериментальной работы были определены положительные перспективы развития духовно-нравственной культуры будущих музыкантов-педагогов на основе православных традиций, поскольку произошедшие изменения в мировоззрении обучающихся повлекли за собой формирование у студентов важных моральных и профессионально-значимых качеств.

Исследование мировоззренческих ориентаций участников эксперимента, показало, что за 4-х летний период они изменили свои представления о духовных и профессиональных ценностях, а миро-

понимание остальных обучающихся осталось фактически на прежнем уровне. Эти эксперименталь-

ные данные представлены (в виде среднего балла по 10-бальной шкале) в следующей таблице:

№	Утверждения	Средний балл в экспериментальной группе		Средний балл в контрольной группе	
		в начале	в итоге	в начале	в итоге
1.	Будущему музыканту-педагогу необходимо изучать Православную культуру России, <i>а не только отечественную художественную культуру.</i>	4.4	9.8	4.1	4.4
2.	Поиск смысла жизни следует вести на основе религиозного, <i>а не материального понимания мира.</i>	4.3	9.5	3.5	3.7
3.	Нравственные ориентиры гражданина российского общества должны быть основаны на ценностях Православной культуры, <i>а не на индивидуальных представлениях личности о морали.</i>	3.7	9.2	4.3	5.0
4.	Значение профессии музыканта-педагога заключается в том, чтобы на профессиональном уровне передавать красоту мироздания через музыкальные звуки, сохраняя духовную культуру общества, <i>а не в том, чтобы просто качественно транслировать слушателям музыкальный текст.</i>	4.7	10.0	5.1	7.2
5.	Современный человек должен обладать следующими душевными качествами: милосердием, кротостью, преданностью, любовью к ближним, целомудрием, умением прощать обиды, <i>а не только внутренними свойствами воспитанного человека: уважительным отношением к окружающим, терпимостью, вежливостью, избеганием конфликтов.</i>	6.2	9.8	6.2	6.9
6.	Молодому человеку необходимо нести ответственность перед обществом (и Богом) за качество своей учебной и профессиональной деятельности, <i>а не только хорошо учиться и работать.</i>	5.0	10.0	5.5	5.8
7.	Молодому человеку необходимо уметь анализировать свою учебную деятельность, заниматься профессионально-нравственным самообразованием и самовоспитанием, <i>а не только успешно осваивать учебный план в рамках расписания занятий.</i>	4.9	10.0	4.8	7.2
8.	Главная ценность гражданина России – служение людям, <i>а не обретение благ для себя.</i>	3.8	9.4	4.0	4.4
9.	Современный человек должен руководствоваться в жизни призывами совести, <i>а не соображениями личной выгоды.</i>	5.0	10.0	4.7	4.7

Показательно, что студенты, участвовавшие в эксперименте, изменили своё отношение к традициям Православной культуры, посчитав религиозные заповеди более значимым ценностным ориентиром в профессионально-нравственном развитии музыканта-педагога, чем общепринятые в современном обществе материалистические взгляды на моральные и профессиональные ценности. Появление духовно-нравственных ориентиров у студентов сделало их активность в профессиональном самоопределении гораздо выше. У них появились планы творческой реализации,

вектор развития которых был направлен на достижение высокого уровня профессионализма и на личное участие в судьбе отечественного музыкального искусства.

Таким образом, развитие музыкального образования в России на основе богатейших отечественных культурных и религиозных традиций, является в настоящее время чрезвычайно актуальным и перспективным направлением деятельности. Положительный результат применения образовательных принципов православной педагогики достигается путём их интеграции с современными

научными подходами, методиками и технологиями.

Принятие данной позиции способствует сохранению преемственности поколений в музыкальной

среде, и направляет творческие силы обучающихся

к поиску Вечных ценностей в музыкальном искусстве.

Библиографический список

1. Метлик И. В. Формирование мировоззрения старшеклассников в процессе освоения религиозных знаний: автореф. ... канд. пед. наук / И.В. Метлик. – М., 1998.
2. Общая и профессиональная педагогика: Учебное пособие для студентов педагогических вузов / Под ред. В.Д. Симоненко. – М.: Вентана-Граф, 2006.
3. Сизова, Е.Р. Профессиональная подготовка специалистов в системе классического музыкального образования: автореф. док. пед. наук / Е.Р. Сизова. – М. – 2008.
4. Теплитская В.М. Дар бесценный. Диалоги с В.А. Берлинским / В.М. Теплитская – Центр духовного возрождения Черноземного края, 2004.
5. Трухов В.Е. Педагогический аспект православно-ориентированной среды в отечественном образовании: дис. ... канд. пед. наук / В.Е. Трухов. – В. Новгород 2004.
6. Фортунато М. Роль П.И. Чайковского в истории церковного пения. Духовное завещание П.И. Чайковского / М. Фортунато (протоиерей) // Гимнология. Материалы Международной научной конференции «Памяти протоиерея Дмитрия Разумовского» (к 130-летию Московской консерватории), 30 сентября 1996 г.
7. Шестун Е.В. Православные традиции духовно-нравственного становления личности (историко-теоретический аспект): автореф. дис. док.пед. наук / Е.В. Шестун. – Казань, 2006.
8. Янушкявичене О.Л. Историко-педагогический анализ становления и развития теории духовного воспитания подрастающих поколений: автореф. док. пед. наук / О.Л. Янушкявичене. – М., 2009.

M.V. MALJAVKINA

SPIRITUALITY AS A BASIS OF VOCATIONAL TRAINING OF STUDENTS IN SPECIAL MUSIC EDUCATIONAL INSTITUTIONS

This article deals with the problem of complex personal enhancement of prospective music masters in national vocational education system on the basis of spiritual and moral development of the person trained. This strategy is proved by both modern societal requirements and traditions of Russian music culture. In this case spirituality is defined as a part of state religious culture. It allows to generate students elemental understanding of spirit of musical art, pedagogical activity and private life.

Key words: spirituality, music education, value, culture, professionalism.

*О.В. МИНАКОВА, старший преподаватель кафедры психиатрии
и наркологии медицинского института
Орловского государственного университета
Тел. 8 (4862) 420091; olga-minakova@rambler.ru*

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА НА ОСНОВЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Компьютерные технологии усиливают профессиональную мотивацию студентов, т.к. позволяют интенсифицировать учебный процесс за счет изменения характера деятельности студента и преподавателя. Мотивация познавательной деятельности создается методами эмоционального стимулирования, учета личных учебных достижений студентов и осознания ими успешности собственной деятельности.

Важную роль в этом играет система рейтингов, которая дает возможность осуществить планомерный мониторинг конкретного предметного образовательного процесса за счет учета личных учебных достижений студентов, осознания успешности собственной деятельности, создания психологически комфортных условий обучения.

Ключевые слова: профессиональная мотивация, компьютерные технологии в обучении, рейтинговый контроль знаний.

Сформированные положительные мотивации к профессии врача у учащихся в школьные годы, основанные на предметных компетенциях и внешней привлекательности профессии, находят свое развитие в вузе в процессе формирования профессиональных компетенций. Результатом такого подхода к обучению должны стать соответствующие ценностные и ответственные отношения студентов к содержанию, процессу и результатам обучения в социальном, профессиональном и нравственном контекстах.

Понятие мотивации используется в современной педагогике и психологии в двояком смысле: как обозначающее систему факторов, определяющих поведение (сюда входят потребности, мотивы, цели, стремление), и как характеристика процесса, который стимулирует и поддерживает поведенческую активность человека на определенном уровне. Мотивацию, таким образом можно определить как процесс побуждения человека к деятельности для достижения целей, характеризующейся внутренней и внешней направленностью, как совокупность причин психологического характера, объясняющих поведение человека, его активность, направленность на определенную деятельность.

Мотивация, являясь важным фактором регуляции активности человека, его поведения, деятельности, связана, прежде всего, с удовлетворением его потребностей и представляет совокупность стойких мотивов, имеющих определенную иерархию. Она объединяет все устойчивые мотивы человека, определяющие его совокупную деятельность. Мотивация включает совокупность побуждений, направляющих какую-либо конкретную деятельность.

Профессиональная мотивация – система иерархии мотивов, определяющих позитивное или негативное отношение к избранной профессии. Студенты, нацеленные на получение знаний и профессии, характеризуются целеустремленностью, сильной во-

лей, высокой трудоспособностью и обязательностью, стремлением получить необходимые практические профессиональные навыки. Мотивы и отношение к профессии в целом влияют на эффективность учебы студентов, что существенно сказывается на общем уровне профессиональной подготовки. К мотивам учебной деятельности можно отнести: направленность на получение знаний, профессии, диплома.

В поддержании этого критерия важную роль играют компьютерные технологии. Новые информационные технологии в учебном процессе являются мощным активизирующим средством. Их использование в естественнонаучном образовании позволяют интенсифицировать учебный процесс и делать его более результативным, т.к. изменяется характер взаимодействия субъектов образовательного процесса в сторону их большей индивидуализации и практической направленности.

Высокий уровень компетентности преподавателя вуза в области образовательных технологий является одним из ключевых условий эффективности процесса их проектирования и реализации в условиях инновационного образовательного процесса в вузе. В деятельности преподавателя доминирование переходит от информационно-контролирующих функций к координационно-управленческим функциям. В деятельности студента акцент смещается с пассивного потребления и заучивания информации на интерпретацию и создание знаний, их творческое осмысление и применение в реальных ситуациях. Мы широко использовали активные формы организации учебного процесса и развивающие технологии, такие как: межпредметные семинары, проблемно-исследовательские и игровые технологии, а также метод разработки проектов и сценариев. В систему самостоятельных работ студентов вводились интегрированные задания, требующие установления межпредметных связей и содержащие социально-значимые и лично-значимые проблемы.

Компьютеризация обучения позволяет не только выбрать логику изложения учебной информации, но и дает возможность сочетать тексты и графическую информацию со звуком и кинофрагментами. В обучающих компьютерных программах мультимедийные средства отображают сложные для наглядного плоскостного изображения органы и системы человеческого организма, модели молекул, механизмы реакций. В обучении

дисциплинам медицинских специальностей положительно зарекомендовали следующие виды компьютерных технологий: презентации, обучающие программы, компьютерное тестирование. Использование компьютерных технологий в процессе изучения учебных дисциплин в основном проходит в два этапа: 1 – ознакомительный, который предполагает изучение современных компьютерных технологий; 2 – содержательный, в ходе которого студенты применяют в учебной практике полученные ими знания.

Развитие, расширение личной образовательной среды обучения студентов происходит не только за счет приращения обязательной учебной информации, но и за счет внешних образовательных сред (интернет, дополнительная учебная и научная литература, исследовательская деятельность). Студенты составляют базы информационных ресурсов по дисциплинам, подбирают литературу и дополнительные учебные материалы, создают презентации к докладам, результатам лабораторных работ, рефератам. Также компьютерные технологии можно использовать для демонстрации химического эксперимента при обобщении и закреплении изученного материала.

Таким образом, обучение с помощью компьютеров дает наибольший эффект, в случае вовлечения студентов в активную когнитивную деятельность по осмыслению и закреплению материала, применению знаний в ходе решения познавательно-ситуационных задач. Компьютерные обучающие программы позволяют студентам выполнять тренинговые упражнения, оказывают оперативную помощь в виде подсказок, разъяснения типовых ошибок и т.п. Усиление мотивации к изучению учебного материала осуществляется на основе различных приемов: связи изучаемого материала с жизнью, акцентирования внимания на главном, значении этого материала для сохранения здоровья и окружающей среды.

Значительно повышает уровень мотивации к учебной деятельности рейтинговый контроль знаний. Рейтинг студентов представляет собой индивидуальную оценку качества подготовки студентов. Подсчет рейтинга складывается из учета различных видов учебной деятельности студентов: лекции, лабораторные работы, самостоятельная работа, коллоквиумы, итоговый контроль – экзамен или зачет, а также оценке подлежат посещаемость занятий, выполнение домашних заданий,

работа с базами данных, обязательная работа над ошибками, допущенных в ходе выполнения контрольных и самостоятельных работ. Рейтинговый контроль позволяет стимулировать повседневную систематическую работу студента, в большей степени оценить их индивидуальные возможности, сделать оценку на экзамене более прогнозируемой. Качественную работу по рейтинговой оценке знаний можно осуществлять, как нам представляется, лишь в условиях компьютерных технологий, свободного владения ими как студентами, так и преподавателями.

Система рейтингов дает возможность осуществить планомерный мониторинг конкретного предметного образовательного процесса. Успешному осуществлению мониторинга способствует применение тестовых заданий и ситуационных задач, что

позволяет активизировать познавательную активность и мотивацию к познанию, т.е. эффективность образовательного процесса в целом.

Мотивация к профессии врача повышается за счет осознания значимости знаний для будущей профессии, как на непрофильных дисциплинах, так и на профессионально-направленных, за счет освоения определенных объемов теоретических знаний и приобретения практических навыков.

При таком подходе важную роль играет мотивация познавательной деятельности, которая создается методами эмоционального стимулирования, учета личных учебных достижений студентов, за счет осознания успешности собственной деятельности, создания психологически комфортных условий обучения.

O.V. MINAKOVA

PROFESSIONAL MOTIVATION FORMATION OF MEDICAL SCHOOL STUDENTS ON THE BASIS OF COMPUTER TECHNOLOGIES

Computer technologies increase professional motivation of students as they give opportunities to intensify educational process by changing the character of students' activity. Motivation of cognitive activity is created by the methods of emotional stimulation, stock taking calculating of students' personal academic achievements and by their understanding the successfulness of their own activity.

An important role in it is fulfilled by the system of ratings which provides opportunities to carry out systematic monitoring of a concrete subject studying owing to personal academic achievements of students, awareness of their own activity, creating psychologically comforting conditions for educational process.

Key words: professional motivation, computer technology in teaching, rating knowledge control.

В.А. МИТРАХОВИЧ, кандидат педагогических наук, доцент,
начальник научно-исследовательской лаборатории (совершенствования
учебно-воспитательного процесса) Санкт-Петербургского военного
инженерно-технического института Военной академии тыла
и транспорта им. генерала армии А.В. Хрулёва
Тел. +79219751887; +79650309137; V_mitrakhovich@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ КОНТРАКТНОЙ СЛУЖБЫ

В статье рассматривается педагогическое сопровождение формирования профессионализма у военнослужащих контрактной службы. Предназначена широкому кругу читателей, интересующихся вопросами, связанными с педагогическим сопровождением формирования профессионализма в различных видах социума.

Ключевые слова: профессионализм военнослужащего контрактной службы; педагогическое сопровождение формирования профессионализма у военнослужащих контрактной службы.

Вопрос профессионализации Вооружённых Сил России вот уже на протяжении почти двух десятилетий является предметом острых политических дискуссий в обществе, позитивные и негативные тенденции развития государства закономерно демонстрируют необходимость и готовность Вооружённых Сил к кардинальным изменениям в своей структуре, направлениях деятельности, содержании профессиональной подготовки, в системе воспитания в соответствии со спецификой воинского социума.

Анализ процесса профессионализации военнослужащих контрактной службы говорит о существовании педагогических проблем, связанных с педагогическим сопровождением военнослужащих данной категории в процессе их профессионально-личностного роста. На сегодняшний день ресурсы системы педагогического сопровождения формирования профессионализма у военнослужащих-контрактников не достаточно задействованы: отсутствует чёткое и точное понимание термина «профессионализм военнослужащего контрактной службы», а также понимания самой категории «педагогическое сопровождение формирования профессионализма у военнослужащих контрактной службы». Поэтому знание, понимание и использование командирами и начальниками всех управленческих звеньев вышеуказанных терминов в своей военно-профессиональной деятельности имеет важное теоретико-прикладное значение.

Профессионализм военнослужащего контрактной службы – это интегративное качество, свойство личности, социальное явление, определяющее продвижение военнослужащего-контрактника к собственной вершине в воинском труде, формирующееся в процессе его военно-профессиональной деятельности в условиях воинского социума, и как результат имеет целостное развитие личности военнослужащего-контрактника, воина-профессионала, постоянно самосовершенствующегося в своей военно-профессиональной деятельности, высокоэффективно, творчески и на высоком уровне осуществляющего свой воинский труд в любых условиях и ситуациях.

Толковый словарь С.И. Ожегова [9, с. 774] и словарь В. Даля [4, с. 124] определяют **сопровождение** как «действие по глаголу «сопровождать» – «провождать, сопутствовать, идти вместе с кем-либо для проводов, провожатым; следовать». Соответ-

ственно, «сопроводитель» – тот, кто сопровождает, – «проводник, провожатый, попутчик». Приставка «со-» в слове изначально предполагает реализацию в процессе сопровождения объединения действий и усилий провожатого и сопровождаемого. Сопровождение реализуется непосредственно в совместной деятельности, что принципиально отличается от процесса управления, который может быть осуществлён извне и дистантно, без оказания непосредственной помощи, личного участия и заботы.

В Современном толковом словаре русского языка [11, с. 775] сопровождение – то, что сопровождает какое-либо явление, действие. В ситуации реального путешествия сопровождение становится чрезвычайно желательным и даже необходимым в том случае, когда путникам предстоит идти по незнакомому и опасному маршруту. Проводником же традиционно становится некто более опытный, знающий дорогу, знакомый с особенностями и трудностями предстоящего пути; тот, кто может обеспечить в дороге удовлетворение потребностей и безопасность путников. Несмотря на все опасности и возможные неожиданности в пути, сопровождающая сторона берёт на себя определённые обязательства и несёт ответственность за своих подопечных.

Следовательно, существенной исходной характеристикой педагогического сопровождения военнослужащих-контрактников в формировании профессионализма является необходимость быть ему «провоженным» в процессе профессионально-личностного роста.

М.И. Рожков [10] под педагогическим сопровождением понимает процесс, содержащий комплекс целенаправленных последовательных педагогических действий, обеспечивающих включённость ребёнка в значимое для него событие и стимулирующих его саморазвитие на основе рефлексии происходящего.

Следовательно, педагогическое сопровождение всегда бинарно по деятельности и предполагает сочетание деятельности педагога и самостоятельности воспитанника (в нашем случае офицера, командира любого управленческого уровня и военнослужащего-контрактника). Но у военнослужащего-контрактника степень его самостоятельности должна определяться рамками законодательных документов органов военного управления (уставы, приказы, директивы и т.д.). Поэтому в системе профессионального образования контрактников этот аспект должен оговариваться.

Н.М. Борытко [1, с. 77; 2, с. 14–15], опираясь на выводы Е.И. Казаковой и А.П. Тряпицыной [6, с. 123–125] отмечает, что педагогическое сопровождение это создание и развитие разносторонних условий для принятия субъектом развития (воспитанником) оптимальных решений в различных ситуациях жизненного выбора, взаимодействие педагога и воспитанника, направленное на разрешение возникающих проблем развития воспитанника... Идеология этого понятия заключается в том, чтобы не ограждать субъекта от трудностей, не решать его проблемы, а создавать условия для совершенствования им осознанного, ответственного и самостоятельного выбора на собственном жизненном пути... [Цит. по: 7, с. 23] Педагогическое сопровождение имеет характер непрерывности, комплексности и опосредованности (в некоторых случаях даже – нарочитой отстранённостью) оказываемой помощи.

В рамках процесса профессионально-личностного роста военнослужащих-контрактников такая постановка цели особенно важна, так как военнослужащим в воинском труде, в любых условиях и ситуациях, порой в экстремальных, с риском для собственной жизни приходится делать осознанный выбор тех или иных практических действий выполнения определённых задач по своему предназначению в интересах обеспечения обороны и безопасности личности, общества и государства. Следовательно, необходимо создать такие условия для профессионально-личностного роста военнослужащих-контрактников, чтобы они могли научиться самостоятельно справляться с ситуацией выбора, которая в реальной боевой обстановке может носить характер непредсказуемости и экстремальности.

А.Н. Копейкин [7, с. 24] на основе обобщения различных подходов к трактовке термина «педагогическое сопровождение» применительно к системе профессионального образования говорит о том, что сопровождение – это процесс взаимодействия педагога и обучающегося, предполагающий помощь педагога в преодолении трудностей, продуктивном решении задач будущего милиционера путём создания оптимальных условий для его профессионально-личностного саморазвития.

По мнению И.А. Липского [8, с. 280] проблема педагогического сопровождения развития личности человека на пути его жизнедеятельности носит комплексный характер, и, следовательно, обуславливает потребность в её структуризации на основе уровневого подхода. Данный подход, в свою

очередь, предполагает вычленение в ней категорий всеобщего, особенного и отдельного, выступающих ступенями изучения данной проблемы (основание общности).

По основанию *механизма реализации* педагогического сопровождения профессионально-личностного роста военнослужащих-контрактников эта проблема носит социальный характер, так как возникает на уровне механизмов взаимодействия в воинском социуме. По основанию *формы существования* данная проблема относится к комбинированным, то есть она одновременно выступает во временной, пространственной и институциональной формах. По *сущностному* основанию данная проблема может быть отражена посредством системно-структурных, процессуальных и деятельностных характеристик. И, наконец, по основанию *содержания* данная проблема может быть проанализирована опять-таки с использованием категорий «всеобщее—отдельное—единичное». Совокупность этих и некоторых других оснований в их последовательном применении и обеспечивает комплексный анализ проблемы педагогического сопровождения формирования профессионализма у военнослужащих контрактной службы.

На уровне всеобщего педагогическое сопровождение обуславливается категорией «взаимодействие». При этом **взаимодействие** как философская категория [12, с. 81] отражает процессы воздействия различных объектов друг на друга, их взаимную обусловленность, изменение состояния, взаимопереход, а также порождение одним объектом другого. Взаимодействие представляет собой вид непосредственного или опосредованного, внешнего или внутреннего отношения, связи. Свойства объекта могут проявиться и быть познанными только во взаимодействии с другими объектами. Именно взаимодействие определяет отношение причины и следствия. Каждая из взаимодействующих сторон выступает как причина другой и как следствие одновременного влияния противоположной стороны. Взаимодействие обуславливает развитие объектов. Любой объект можно понять и определить лишь в системе отношений и взаимодействия с другими окружающими объектами, их частями, сторонами и свойствами. Познание вещей означает познание их взаимодействия и само является результатом взаимодействия между субъектом и объектом.

В социально-педагогические целенаправленные взаимодействия в процессе воинского труда входят: *коллективное целеполагание* (является своеоб-

разным критерием сформированности воинского коллектива и его созидательной жизнеспособности); *предметность* (то, во имя чего осуществляется взаимодействие); *коммуникативная процессуальность* (вербальное и невербальное взаимодействие в процессе коллективного целеполагания и планирования предстоящей военно-профессиональной деятельности; взаимодействие при осуществлении выработанных и принятых воинским коллективом планов, подведении итогов и анализе воинского труда); *отношения ответственной зависимости* (взаимосвязь субъектов и объектов военно-педагогического процесса, обусловленная необходимостью и стремлением к достижению целей, предполагающая совместность, то есть объединение усилий всех военнослужащих, дифференциацию усилий в соответствии с содержанием и формой организации военно-профессиональной деятельности и взаимодополняемости военнослужащих-контрактников, их готовность помогать друг другу и брать на себя выполнение функций друг друга); *продуктивность* (выработка коллективных ценностей в результате взаимодействия); *результативность* (развитие отношений военнослужащего-контрактника к миру и с миром, к себе и с самим собой, т.е. подготовка зрелой, активной личности воина-профессионала, способной к воинскому труду и гражданскому функционированию в обществе).

Ф. Энгельс определял взаимодействие как конечную причину всего существующего, за которой нет других более фундаментальных определяющих свойств. Учитывая социальный характер проблемы, ведущей, базовой становится категория «социальное взаимодействие», под которым понимается процесс непосредственного или опосредованного воздействия социальных объектов друг на друга, в котором взаимодействующие стороны связаны циклической причинной зависимостью [3, с. 993].

Следовательно, педагогическое сопровождение на этом уровне общности представляет циклическое непосредственное и опосредованное воздействию людей друг на друга в условиях социума (социальность) с целью гармонизации отношений индивидов, участвующих во взаимодействии между собой и с этим социумом (педагогичность) в определенном пространстве (пространственность) и во времени (временной характер) [8, с. 281].

В процессе такого взаимодействия осуществляется профессионально-личностное развитие военнослужащего-контрактника во время выполнения обязанностей военной службы, которое проявляет-

ся в чередовании конкретных жизненных и социальных ситуаций воинской службы. Это позволяет считать такое сопровождение функциональной координацией следствий этих воздействий, то есть системой действий, и имеет *общей целью* именно профессионально-личностный рост военнослужащих-контрактников среди других членов воинского коллектива. Здесь реализуется процесс его качественных и количественных изменений, возникновения новых образований, форм деятельности и жизнедеятельности, социальных взаимосвязей и т.д. Поскольку военнослужащий-контрактник на пути своего профессионально-личностного развития не изолирован от других членов воинского коллектива, а находится с ними в процессе социального общения, постоянного взаимодействия, совместного движения вперёд (прогрессивное развитие) или назад (регрессивное развитие), постольку члены воинского коллектива постоянно находятся рядом с ним, то есть сопровождают этот процесс.

В процессе сопровождения военнослужащего-контрактника он сам и его окружение занимают определённые социальные позиции, ячейки социального пространства со своими функциями по отношению друг к другу. Действуя в рамках этих ролей, каждый из них выполняет своего рода «социальный заказ», выполняя предписанную ему общественными ожиданиями функцию воина-профессионала, функцию защитника Отечества.

Так, С.В. Дёмочкин [5], рассматривая социально-педагогическое сопровождение профессионального становления курсантов высших военных учебных заведений говорит, что это совместные действия (взаимодействие) сопровождающего (командно-преподавательский состав) и сопровождаемого (курсант) в рамках системы, процесса, вида деятельности по отношению друг к другу в их социальном окружении, осуществляемое во времени и пространстве в соответствии с присущими им ролями. С точки же зрения практики социально-педагогическое сопровождение – это система видов профессиональной деятельности, сущность которых заключается в оказании помощи курсанту в процессе его взаимодействия с социальной военной средой, конкретным воинским социумом.

Таким образом, на уровне всеобщего сопровождения профессионально-личностного развития военнослужащего-контрактника представляет собой педагогическое сопровождение, где осуществляется его социальное взаимодействие с окружающим его воинским социумом, в процессе прохож-

дения им воинской службы, в разнообразных личных и профессиональных ситуациях воинского труда. Такое сопровождение может носить различный характер, который в каждом конкретном случае определяется категорией «отдельное» (морально-психологическое, медицинское, научное, социально-педагогическое).

На уровне отдельного одним из таких видов сопровождения становится педагогическое сопровождение, которое, с одной стороны, несёт в себе черты социального взаимодействия, но, с другой стороны, имеет свою специфику, проявляющуюся, в первую очередь, в специфике функций окружающих человека других людей. Эта специфика заключается в педагогическом характере сопровождения, целью которого становится целенаправленное развитие личности сопровождаемого, осуществляемое посредством специальных педагогических систем (образования, просвещения, воспитания, обучения, подготовки) в их институциональном (структурном) оформлении [8, с. 282]. При этом существуют конкретные социальные роли, которые, например, по отношению к военнослужащему-контрактнику проявляются в воинском социуме как роли «старшины воинского подразделения», «психолога части», «командира подразделения», «наставника», «преподавателя предмета боевой подготовки» и др.

Педагогическое взаимодействие в воинском социуме – процесс (система, вид деятельности), происходящий между военным педагогом (командиром, начальником, офицером) и военнослужащим-контрактником в ходе военно-педагогической работы, во времени, в конкретных институтах воинского социума и направленный на развитие личности военнослужащего-контрактника. Педагогическое взаимодействие выступает как развивающийся и развивающий процесс, способствующий становлению личности контрактника и совершенствующий личность военного педагога при неперменной руководящей роли авторитетного военного педагога.

Взаимодействие становится педагогическим, когда военный педагог выступает как наставник. В рамках этого педагогического взаимодействия и осуществляется педагогическое сопровождение профессионально-личностного развития военнослужащего-контрактника, если само это взаимодействие рассматривать с точки зрения его пространственно-временных и содержательно-целевых характеристик.

В педагогическом сопровождении функция развития человека конкретизируется в более частных функциях, соответственно присущим функциям той

или иной педагогической системы. Более того, по мере детализации эти функции также конкретизируются до тех пор, пока не достигнут характера технологии действия, то есть педагогической технологии.

Таким образом, педагогическое сопровождение развития человека в воспитании отражает управляемую сторону процесса их развития в системе социального и педагогического взаимодействия с другими людьми. Неуправляемая сторона этого процесса связана с деятельностью тех людей и институтов социума, которые сознательно или бессознательно игнорируют воспитательную функцию в прогрессивном направлении её реализации, а также в тех случаях, когда этот процесс изначально имеет негативную направленность [8, с. 286].

В аспекте нашего исследования педагогическое сопровождение военнослужащих-контрактников в процессе их профессионально-личностного роста включает в себя систему отношений его субъектов. Субъектами такого педагогического сопровождения являются: командиры и начальники различных управленческих звеньев, сослуживцы, преподаватели предметов боевой подготовки, психолог части, офицеры и служащие отдела по работе с личным составом, наставники, старшина воинского подразделения, друзья и другие структурные элементы воинского социума. Педагогическое сопровождение предусматривает взаимодействие всех служб и специалистов воинской части, призванных обеспечивать военную профессиональную подготовку военнослужащих-контрактников.

Таким образом, *смысл* педагогического сопровождения воинского труда военнослужащего-контрактника будет состоять в том, чтобы научить военнослужащего-контрактника в ситуациях выбора решать свои проблемы *самостоятельно*. Следовательно, задачами этого процесса становится создание условий педагогического сопровождения военнослужащего-контрактника в рамках взаимного уважения автономии каждого из субъектов общения, образование единого пространства для успешного достижения конечного результата – профессионально-личностного роста военнослужащего-контрактника.

Анализ нашей опытно-экспериментальной работы говорит об очевидной необходимости создания системы педагогического сопровождения формирования профессионализма у военнослужащего-контрактника во время воинского труда, которая могла бы непрерывно обеспечивать профессионально-личностное развитие военного специалиста, готового к любым жизненным и профессиональным трудностям.

Этот процесс характеризуется как основополагающими преобразованиями в целом, так и проявлением новых свойств и характеристик военного профессионального образования. Но самое главное должно состоять в проявлении у военнослужащего-контрактника во время выполнения обязанностей военной службы потребности в саморазвитии и самопознании и готовности непрерывно изменяться как профессионально, так и лично.

Педагогическое сопровождение профессионально-личностного роста военнослужащих контрактной службы может проводиться на нескольких уровнях, каждый из которых отличается и имеет свою специфику.

Первый уровень – это организация педагогического сопровождения в воинской части (на корабле) в целом. Основными субъектами являются: командир воинской части (корабля) и его заместители, офицеры управления, штаба, начальники служб. Содержание социально-педагогической деятельности субъектов на данном уровне включает: выработку общей стратегии развития педагогического потенциала воинского социума в формировании профессионализма у военнослужащих-контрактников в воинской части на учебный год и ближайшую перспективу; координацию деятельности основных субъектов данного процесса; анализ уровня сформированности профессионализма у военнослужащих-контрактников; своевременную корректировку процесса профессионально-личностного роста военнослужащих-контрактников; обобщение его результатов; выработку мер по его совершенствованию; систематическое обучение должностных лиц теории и практике организации процесса профессионально-личностного роста военнослужащих-контрактников.

Второй уровень – это организация педагогического сопровождения в микросоциуме, т.е. непосредственно в подразделении (в батальоне, роте), которое является центром педагогической работы. Именно в воинском подразделении происходит непосредственная организация социально-педагогического воздействия на военнослужащих-контрактников, как в учебное, так и во внеучебное время, в предвыходные и выходные, предпраздничные и праздничные дни. Основными субъектами являются: командир воинского подразделения и его заместители, командиры взводов (батарей), старшина.

Третий уровень – это педагогическое сопровождение, субъектами которого являются руководители учебных занятий, должностные лица ответственные за проведение тех или иных мероприя-

тий боевой подготовки на основе использования педагогического потенциала воинского социума. Каждый из них участвует в процессе профессионально-личностного роста военнослужащих-контрактников путём обеспечения механизма социальных отношений «обучаемый-педагог» прежде всего личной примерностью в деятельности внутри воинского социума в ходе военно-образовательного процесса; включения военнослужащих-контрактников в социальную деятельность, формирования у них социальных потребностей и социальных способностей, а также профессионально-важных качеств, необходимых для воинского труда; участия в проведении воспитательных мероприятий и передаче собственного опыта социальных отношений внутри воинского социума, накопленного в воинском труде.

Четвертый уровень – педагогическое сопровождение самосовершенствования военнослужащих-контрактников. Данный уровень включает самостоятельную работу военнослужащих-контрактников по своему профессионально-личностному росту; перевоспитанию отдельных негативных качеств и привычек поведения; самоконтроль военнослужащих данной категории за степенью социальных отношений внутри воинского социума.

Педагогическое сопровождение формирования профессионализма у военнослужащих-контрактников рассматривается нами как система, как целостная деятельность офицера подразделения, в рамках которой могут быть выделены два обязательных взаимосвязанных компонента:

- *педагогический* компонент заключается в систематическом отслеживании педагогического статуса военнослужащих-контрактников и динамики развития их уровня профессионализма в воинском труде. Реализация данного компонента предполагает оказание помощи военнослужащим-контрактникам в овладении профессиональными знаниями, умениями, навыками по своей военно-учётной специальности;
- *технологический* компонент включает в себя создание специальных социально-педагогических условий для оказания помощи военнослужащим-контрактникам, имеющим проблемы в профессионально-личностном росте. Реализация данного компонента в деятельности субъектов процесса сопровождения направлена на взаимодействие всех участников педагогического процесса в воинской части с це-

лью преодоления проблем в профессионально-личностном развитии в воинском труде.

В соответствии с этими основными компонентами процесса сопровождения его содержание наполняется конкретными формами и направлениями социально-педагогической работы. В самих направлениях, сформулированных в общем виде, нет ничего нового. Однако каждое направление обретает свою специфику, получает конкретные формы и содержательное наполнение, включаясь в единый процесс сопровождения.

Роль *командного состава* сводится к чёткой и последовательной ориентации военнослужащих контрактной службы на определённые пути профессионально-личностного развития. Его задача – создавать условия для продуктивного движения военнослужащих указанной категории по тем путям, которые выбирают они сами в соответствии с рекомендациями наставников: помогать делать осознанный личный выбор, конструктивно решать возникающие проблемы и конфликты, осваивать индивидуально значимые и ценные методы познания, общения, понимая себя и других. Иначе говоря, деятельность командного состава во многом задаётся той социальной, педагогической системой, в которой реально находится контрактник и которая ограничена рамками социальной военной среды. С нашей точки зрения, эта заданность и ограниченность профессиональных возможностей и, соответственно, профессиональных обязанностей военного педагога принципиально важна, так как позволяет ему чётко осознать своё место и в жизни воинского социума воинской части, и в жизни воинского коллектива, и в жизни конкретного военнослужащего-контрактника, построить систему своей военно-профессиональной деятельности.

Педагогическое сопровождение формирования профессионализма у военнослужащих-контрактников включает в себя выявление и использование субъектного опыта самого военнослужащего-контрактника, раскрытие способов его мышления, повышение его военно-профессиональной мотивации и улучшения качества подготовки военных специалистов, выстраивание индивидуальной траектории профессионально-личностного развития через реализацию образовательной программы по боевой подготовке с учётом личностных и профессиональных потребностей.

Этот процесс не ставит своей целью активное направленное воздействие на те социальные условия, в которых живёт военнослужащий-контрак-

тник. Цель сопровождения и реалистичнее, и прагматичнее – создать в рамках объективно существующей социальной военной среды условия для максимального в данной ситуации профессионально-личностного развития.

Следовательно, и основной задачей педагогического сопровождения формирования профессионализма у военнослужащих-контрактников будет создание условий для максимально успешного развития конкретного военнослужащего контрактной службы. Социальная военная среда выдвигает ряд требований, норм и жёстких правил, которые военнослужащий-контрактник должен усвоить, принять и реализовать в своем поведении и общении в процессе воинского труда. Невозможно предложить один общий алгоритм решения таких проблем. В каждом индивидуальном случае он должен решаться с учётом приоритета внутреннего мира и значения некоторой необходимой и достаточной системы

предъявляемых ему требований со стороны военно-образовательной и нормативной среды. Гарантом справедливого и продуктивного решения является педагогическое сопровождение, в процессе которого командный состав, окружающий военнослужащего-контрактника, находит наилучшее сочетание приспособления социальной военной среды к нему и его к социальной военной среде.

Таким образом, педагогическое сопровождение формирования профессионализма у военнослужащих-контрактников в условиях воинской части представляется нам чрезвычайно перспективным направлением с точки зрения осмысления целей и задач конкретной модели педагогической деятельности командиров и начальников различных управленческих звеньев, офицеров воинских подразделений, которая может быть внедрена и успешно реализована не в единичном авторском исполнении, а как массовая технология социально-педагогической работы.

Библиографический список

1. Борытко Н.М. Система профессионального воспитания в вузе [Текст]: Учеб.-методич. пособие / Н.М. Борытко / Науч. ред. Н.К. Сергеев. – М.: АПКИПРО, 2005. – 120 с.
2. Борытко Н.М. Этическое воспитание [Текст] / Н.М. Борытко. – Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2006. – 32 с. (Сер. «Актуальные проблемы современного воспитания». Вып. 7.).
3. Всемирная энциклопедия. Философия [Текст]. – М.: АСТ; Минск: Харвест, 2001. – 1312 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого русского языка [Текст] / В. Даль. Т. I, II. – М.: Русский язык, 1982.
5. Дёмочкин С.В. Социально-педагогическое сопровождение профессионального становления курсантов высших военных учебных заведений [Электронный ресурс] / С.В. Дёмочкин // Ярославский педагогический вестник. Серия «Гуманитарные науки». – Ярославль, 2009. – № 1. – С. 87–89. – [Режим доступа: http://vestnik.yspu.org/releases/2009_1g/19.pdf, 06.04.2011].
6. Казакова Е.И., Тряпицына А.П. Диалог на лестнице успеха: Школа на пороге нового века [Текст] / Е.И. Казакова, А.П. Тряпицына. – СПб, 1997. – С. 123–125.
7. Копейкин А.Н. Педагогическое сопровождение боевой подготовки будущих милиционеров [Текст] / А.Н. Копейкин: Дис. ... канд. пед. наук. – Астрахань, 2007. – 179 с.
8. Липский И.А. Педагогическое сопровождение развития личности: теоретические основания [Текст] / И.А. Липский // Теоретико-методологические проблемы современного воспитания: Сб. науч. тр. / Под ред. Н.К. Сергеева, Н.М. Борытко. – Волгоград, 2004. – С. 280–287.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: АЗЪ, 1996. – 928 с.
10. Рожков М.И. Организация воспитательного процесса в школе [Текст] : учеб. пос. для студентов высших учебных заведений / М.И. Рожков, Л.В. Байбородова. – М.: Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС», 2000. – 256 с.
11. Современный толковый словарь русского языка [Текст] / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – М.: Ридерз Дайджест, 2004. – 960 с.
12. Философский энциклопедический словарь [Текст]. – М., 1983. – С. 81.

V.A. MITRAKHOVICH

PEDAGOGICAL ESCORT THE FORMING OF MILITARY CONTRACT SERVICEMEN PROFESSIONALISM

The article deals with the pedagogical escort the forming of military contract servicemen professionalism. The article is intended for reading public that is interested in the problems connected with the pedagogical escort the forming professionalism in various kinds of strata.

Key words: military contract servicemen professionalism; pedagogical escort the forming of military contract servicemen professionalism.

*И.В. ОСИПОВА, кандидат педагогических наук, доцент
Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского
Тел. 8 (4862) 75-12-25*

РАБОТА СО «СЛОВАРЁМ ЯЗЫКА ПУШКИНА» В ШКОЛЕ

В статье показаны особенности работы с лингвистическими словарями на уроках русского языка в школе, представлена методика работы со «Словарём языка Пушкина».

Ключевые слова и фразы: лексикография; лингвистические словари; язык Пушкина; строение словаря; обогащение лексикона; урок-исследование.

Мир перешагнул рубеж XXI века в условиях бурно развивающегося научного прогресса, требующего от человека умения легко и осознанно ориентироваться в потоке быстро накапливающейся и постоянно увеличивающейся информации. Несомненно, важную роль в этом процессе играет владение компьютером. Однако великая сеть всемирной паутины – Интернет, где можно найти любые сведения, есть не что иное, как электронный аналог разнообразной по познавательным функциям справочной литературы, увы, часто не лучшего качества. Но есть и останется навсегда огромное количество словарей, в нашем случае лингвистических, которые служат образцом истинно научной справочной литературы.

Бесспорным является утверждение, что филологическая образованность – показатель культуры общества в целом и каждого человека в отдельности. Овладение родным языком в его литературной форме вовсе не простое дело. Нельзя раз и на всю жизнь обучиться всем нормам литературного языка: их очень много и они постоянно меняются. Только регулярное обращение к всевозможным словарям и справочникам позволит постоянно совершенствовать свою речевую культуру. Особо следует подчеркнуть, что работа над пополнением словарного запаса и совершенствованием грамматического строя речи учащихся, основанная на знаниях о богатстве и разнообразии лексики русского языка, невозможна без обращения к лингвистическим словарям.

По мнению Л.А. Новикова, «учебную лексикографию по сравнению с академической можно определить как лексикографию меньших форм и большей обучающей направленности» [1, с. 8]. Школьные программы ориентированы на ознакомление со структурой и содержанием различных лингвистических словарей, на формирование умений ими пользоваться при выполнении различных упражнений, включая изложения и сочинения. Однако данный лингвистический аспект усвоения родного языка требует продуманной методической интерпретации. Работа со словарями носит в школе несистематический характер, что снижает позитивную роль лексикографических познаний учащихся. Безусловно, эффективны методические приемы обучения пользования словарями, электронными в том числе, знакомство с историей их создания, особенностями работы по составлению различных словарей. Названные лексикографические знания и умения способствуют обогащению лексикона учащихся и упорядочению процесса его пополнения благодаря минимизации, свойственной словникам учебных словарей.

Иллюстрируя вышесказанное, приводим фрагменты урока-исследования, направленного на формирование языковой, лингвистической и коммуникативной компетенций учащихся на основе работы со «Словарем языка Пушкина». Цель урока – повторить сведения по лексикографии, уже имеющиеся у школьников, совершенствовать

умение работать с различными лингвистическими словарями, познакомить со строением и особенностями «Словаря языка Пушкина», развивать способность анализировать языковые средства, определять их выразительную функцию в тексте.

Ход урока

I. Словарно-лексическая пятиминутка.

Задание по микрогруппам. Определите по толковым словарям и словарю-справочнику лингвистических терминов лексическое значение слов *лексикон, лексикография*.

II. Беседа с учащимися

1. Какие лингвистические словари вы знаете? Каково их назначение? С чего начинается знакомство с новым словарем?

2. Из каких частей состоит словарная статья в толковом словаре?

3. Какую роль выполняют цитаты и пометы?

4. Какими лингвистическими словарями вы пользуетесь довольно часто?

5. Какие затруднения вы испытываете при работе с литературными текстами XVIII–XIX веков?

III. Слово учителя

В ответе на последний вопрос вы определили главную трудность в анализе литературных произведений прошлых веков – непонимание значения слов, устаревших в современном языке, а также изменивших свое значение. Чтобы разрешить эту проблему, нам следует обратиться к словарям языка писателей, в которых фиксируется индивидуальная речь выдающихся художников слова в её письменной разновидности. Сегодня мы познакомимся со «Словарем языка Пушкина».

IV. Анализ стихотворного текста

Прежде, чем вы услышите доклад о строении и содержании пушкинского словаря, прочитайте эпиграф к уроку и прокомментируйте его.

У каждого века	Своя хула.
Своя дискотека.	Былин великих
Песни свои.	Колокола.
Ритмы свои.	Свои пророки.
У каждого века	И свой расчет.
Свои бои.	Все изменяется.
Свои Гомеры.	Все течет.
Свои Нероны.	Меняет Время
Свои победы.	Краски картин...
Свои уруны.	А Пушкин – один.
Свои святые.	Пушкин – один.
	С. Островой.

- Какова тема стихотворения?
- В каких строках выражена основная мысль?
- Почему именно эти строки были взяты как эпиграф к уроку?
- Какой литературный прием используется для утверждения основной мысли? (Антитеза, противопоставление).
- Какую выразительную функцию выполняет лексический повтор? (Это анафора, которая придаёт чеканность стихотворному ритму).
- Какая стилистическая фигура лежит в основе синтаксического строя стихотворения? (Синтаксический параллелизм).

V. Доклад ученика

Несомненно, поэтический гений А.С. Пушкина есть отражение богатства его словарного запаса, огромных познаний в области человеческого бытия, его величайшей взыскательности к художественному слову. Выход в свет четырехтомника «Словарь языка Пушкина» (1956–61 гг.) под редакцией В.В. Виноградова стал ярким, значимым событием в культурной жизни нашей страны.

К сожалению, в первом издании пушкинского словаря не была зафиксирована его богатая поэтическая фразеология, анализ которой важен для глубокого и образного восприятия творчества великого поэта. Однако этот пробел был восполнен выходом книги А.Д. Григорьевой и Н.Н. Ивановой «Поэтическая фразеология Пушкина». Эта книга стала очень полезным дополнением к пушкинскому словарю. [2, с. 116–118].

Современный вариант названного словаря – это его второе издание, дополненное «Новыми материалами к Словарю Пушкина» (М., 1982), приведенными в разделе «Дополнения к словарю». Это наиболее полный и теоретически разработанный словарь языка писателя. В нем описывается более 20000 слов русского языка, встречающихся в художественных и публицистических произведениях А. С. Пушкина, а также в его письмах и деловых бумагах.

Структура словарной статьи в пушкинском словаре строится так же, как в толковых словарях. В первом издании словаря содержится алфавитный список всех слов, засвидетельствованных в основном тексте академического собрания сочинений и писем великого поэта, дается толкование различия в значениях сравнительно с современным русским языком, приводятся иллюстрации из текстов

Пушкина, отмечается хронологическая последовательность употребления слова. В конце словарной статьи указываются все формы данного слова, имеющиеся в текстах, места, где оно употреблено. 544 777 слов – общий объём всех пушкинских текстов, включая поэтические, прозаические, драматические и переписку.

Во втором издании также для каждого слова разработана словарная статья, в которой показано число случаев его употребления в текстах Пушкина, сформулированы его значения, проиллюстрированные цитатами и снабженные полным перечнем словоупотреблений, содержащим указание на грамматические формы и ссылки на все тексты, в которых встречается данное слово; отдельно показано функционирование слова в составе фразеологических сочетаний. Каждый том содержит также приложения, в которых представлен справочный аппарат книги. Специально для 2-го издания был составлен «Алфавитный указатель стихотворений».

«Словарь языка Пушкина» можно рассматри-

вать и как частотный словарь, так как в нем указано количественное употребление каждого слова словарного состава языка поэта. Основное ядро пушкинского словаря составляют наиболее употребительные слова того времени (8 тысяч самых частотных слов составляют примерно 95% пушкинского текста, остальные 13 200 – всего 5% употреблений, т.е. наиболее редкие слова). Это даёт представление не только об особенностях лексикона писателя, но и о языке его эпохи.

Книга «Словарь языка Пушкина» представляет собой не только лексикографический памятник, но и будет интересна филологам, а также всем, кто интересуется русским языком и его историей.

VI. Исследовательская работа со «Словарем языка Пушкина»

Учащиеся по микрогруппам получают карточки с текстами из пушкинских произведений и с помощью и электронного словарей анализируют с точки зрения современного литературного языка указанные в текстах слова, относящиеся к устаревшей лексике.

Библиографический список

1. Новиков 1974 – Л.А. Новиков. Учебные словари, их специфика и типы// Русский язык в национальной школе. 1974. № 1.
2. Потиха, Розенталь 1987 – З.А. Потиха, Д.Э. Розенталь Лингвистические словари и работа над ними в школе: Пособие для учителя. М., 1987.
3. Словарь языка Пушкина: в 4-х т. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. – 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М.: «Азбуковник», 2000.
4. Н.Д. Григорьева – Н.Н. Иванова «Поэтическая традиция Пушкина»// М.: «Наука», 1969.

I. V. OSIPOVA

WORKING WITH “PUSHKIN’S LANGUAGE DICTIONARY” IN SCHOOL

The features of working with linguistic dictionaries at the classes of Russian in school and the methodic of Working with «Pushkin’s language dictionary» are shown in this article.

Key words and phrases: lexicography, linguistic dictionaries, Pushkin’s language, the structure of dictionary, the enrichment of vocabulary, research lesson.

Е.А. РАЛЬКОВА, преподаватель
Тульского государственного технологического колледжа
Тел. 9606005365; ralkova-e-a@yandex.ru

САМООЦЕНИВАНИЕ УЧЕБНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ КАК ЛИЧНОСТНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ УЧАЩЕГОСЯ

Статья посвящена проблеме оценивания учебных достижений учащихся с точки зрения компетентностного подхода. Особое внимание уделяется такой компетенции, предусмотренной «Стандартами второго поколения», как положительная адекватная самооценка учащегося. В ходе анализа существующих подходов к исследуемой проблеме делается вывод о необходимости формирования готовности учащихся к самооценке в учебном процессе.

Ключевые слова: самооценка, готовность к самооценке, учебные достижения, образовательные компетенции, учебные достижения.

Любой происходящий в природе и обществе процесс, любая деятельность человека приводит к определенному результату. Поэтому не случайно современная педагогическая наука традиционно уделяет внимание результатам учебной деятельности учащихся, а точнее, всего учебного процесса. Оценочная деятельность, согласно теории учебной деятельности, порождается потребностью ученика или учителя получить информацию о том, соответствует или нет качество предметных знаний и умений учащегося требованиям программы [2].

В педагогических исследованиях, проводимых в последние годы в Западной Европе, используется компетентностный подход к оценке результатов образования. Как отмечают зарубежные авторы, компетенции «включают в себя широкое разнообразие умений и навыков, помогающих людям адаптироваться в изменяющемся обществе» [10]. Отечественные педагоги, активно развивая в последнее время это направление, рассматривают «ключевые компетенции», характеризующие способность личности мобилизовывать в деятельности свои знания и умения, а также обобщенные способы выполнения действий» [6].

А.В. Хуторской выделяет в рамках компетентностного подхода понятие «образовательные компетенции» – качества ученика, развиваемые в ходе его образовательной деятельности. «Образовательная компетенция – это совокупность взаимосвязанных смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков и опыта деятельности ученика, необходимых, чтобы осуществлять личностно и социально значимую продуктивную деятельность по отношению к объектам реальной действительности» [13]. В связи с необходимостью усиления воспитательного и развивающего компонента образования некоторые авторы [6; 13] предложили в качестве нового «интегративного конструкта» ввести компетенции в образовательные стандарты.

Данное требование учтено в недавно принятых «Стандартах второго поколения», которые предполагают в процессе изучения всех без исключения предметов формировать у выпускников «универсальные учебные действия (т.е. образовательные компетенции) как основу умения учиться». Программа формирования универсальных учебных действий (личностные и метапредметные результаты) предусматривает в сфере личностных универсальных учебных действий создание внутренней позиции школьни-

ка на уровне положительного отношения к школе, а также широкой мотивационной основы учебной деятельности, включая социальные, учебно-познавательные и внешние мотивы. В регулятивной сфере планируется освоение учениками всех типов универсальных учебных действий, включая способность принимать и сохранять учебную цель и задачу, планировать ее реализацию, контролировать и оценивать свои действия. Формируя коммуникативные универсальные учебные действия, выпускники научатся учитывать позицию собеседника и адекватно передавать информацию, организовывать и осуществлять сотрудничество с учителями и сверстниками [11, с. 14–18]. В «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» отмечено, что «важнейшей целью современного отечественного образования и одной из приоритетных задач общества и государства является воспитание, социально-педагогическая поддержка становления и развития высоконравственного, ответственного, творческого, инициативного, компетентного гражданина России» [3, с. 12].

Нетрудно заметить, что указанные выше тенденции требуют большего внимания к личностным качествам ребенка и их формированию средствами образовательного процесса.

Стремясь расширить предмет оценивания, некоторые авторы, в частности педагоги Санкт-Петербурга [1; 7], стали использовать понятие «учебные достижения», которое кроме предметных знаний, умений и навыков учащихся включает развитие их познавательных возможностей и положительное отношение к учению [1]. Само слово «достижения» характеризует, по нашему мнению, то, чего достиг ученик в процессе учения не только в образовательном, но и в личностном плане.

Поскольку учебные достижения – это интегративное целое, включающее в себя результаты обучения, развития и воспитания в системе личностно ориентированного образования, то возникает необходимость предоставить ребенку субъектную роль в процессе их оценивания. Новые образовательные стандарты требуют создания условий, необходимых для «формирования положительной адекватной самооценки на основе критерия успешности реализации социальной роли «хорошего ученика» [11, с. 15].

Еще в 1968 году А.И. Липкина и Л.А. Рыбак обращали внимание на то, что «активность уча-

щихся всячески поощряется тогда, когда она в той или иной форме обнаруживается в процессе усвоения. Что же касается учета результативности этого процесса, определения и оценки его качества, то здесь эта активность не только не предусматривается, а, наоборот, всячески подавляется» [8]. И в настоящее время проблема подготовки учащихся к включению их в оценочную деятельность не может считаться решенной.

Согласно «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России» воспитание обучающихся должно обеспечить «готовность и способность к духовному развитию, нравственному самосовершенствованию, самооценке, пониманию смысла своей жизни и др.» [3, с.12].

На этом фоне особенно заметным становится противоречие между потребностью в формировании у учащихся упомянутой готовности и реально существующими традиционными способами (средствами, приемами, принципами) оценивания результатов обучения, осуществляемыми без участия ребёнка.

Со словом «самооценка» привычно ассоциируется явление «оценки человеком себя по какому-то отдельному свойству или способности, либо – оценки потенциала в целом» [12].

В самооценке отражается то, что ребенок узнает о себе от других, его возрастающая собственная активность, направленная на осознание своих действий и личностных качеств [8].

Самооценка в учебной деятельности, как отмечает А.В. Захарова, – это «оценка субъектом деятельности процесса и результата работы, своих возможностей и способностей. Важное условие ее формирования – постоянный анализ своей деятельности, результатов, достигаемых в ней, и размышления над способами работы» [5].

Если мы ведем речь о специфической деятельности самооценивания учащихся в учебном процессе, уместно вспомнить о том, что любая деятельность предполагает наличие готовности к ее выполнению.

Готовность является предпосылкой успешной деятельности [9]. Она характеризует психологическое соответствие субъекта определенным требованиям.

По мнению О.В. Михайлова, готовность к деятельности следует понимать как «многомерное и многокомпонентное системное образование, име-

ющее сложную динамическую структуру, интегральную характеристику человека как индивида, личности и субъекта деятельности, обеспечивающую взаимосвязь внутреннего состояния человека с внешними ситуационными условиями, а также с предстоящими задачами и целями деятельности» [9].

Под готовностью к самооценке мы будем понимать такое состояние личности учащегося, которое характеризуется совокупностью индивидуально-личностных качеств и опыта, направленных на осуществление деятельности самооценивания в учебном процессе.

По нашему мнению, готовность учащегося к самооценке как личностное новообразование включает в себя три составляющих ее блока: личностный, когнитивный и практический.

Личностный блок готовности к самооценке складывается из наличия у учащегося потребности в самооценке и интереса к ней, определенный уровень самостоятельности и активности учащихся. Очевидно, что интерес к самооценке нельзя сформировать в отрыве от интереса к самому себе. Поэтому готовность учащихся к самооценке предполагает наличие самоинтереса, а также осознание себя как ценности.

Когнитивный блок обеспечивается наличием у учащихся понятия о самоконтроле, самооценке – ее сущности, специфике, видах и путях осуществления, возможностях ее формирования и совершенствования.

К элементам практического блока относятся умения и навыки, необходимые для осуществления самооценки (навыки целеполагания и самоконтроля, умение анализировать свои действия, сравнивать полученные результаты с учебными резуль-

татами товарищей), составляющие в совокупности основу моделей учебного поведения.

Формированию у учащихся готовности к самооценке в учебном процессе способствует выполнение учебных заданий, выстроенных таким образом, что остается пространство для субъектного позиционирования, проявления учеником своего «учебного поведения» [4].

Например, задания, выполнение которых предусматривает несколько путей решения поставленной задачи, наличие неоднозначного правильного ответа, возможность обсуждения путей достижения цели и полученных результатов в паре или группе. А также коллективно-творческие задания, способствующие формированию и развитию у учащихся коммуникативных навыков, опыта выбора, принятия решений и освоения разных социальных ролей.

Если ученик осознает важность личностных приращений как результата учебного процесса, и у него сформированы качества, позволяющие осуществлять самооценку своих учебных достижений на уроке (готовность), то в этом случае самооценка становится фактором личностного роста ребенка.

Учебный процесс при этих условиях воспринимается ребенком как путь к себе через науку и образование.

Оценить успешность и продуктивность этого пути, положительную или отрицательную динамику продвижения по выбранной траектории возможно только тогда, когда учебные достижения учащихся рассматриваются в первую очередь как реальный результат успешного решения задач воспитания личности средствами учебного процесса.

Библиографический список

1. Гладкая И.В. Оценка образовательных результатов школьника. – СПб.: КАРО, 2008. – 144 с.
2. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. – М., 1996.
3. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. – М.: Просвещение, 2009. – 23 с.
4. Заславская О.В. Обучение как фактор формирования и развития воспитательной системы школы. – Тула: ТО ИРО, 1997. – 187 с.
5. Захарова А.В. Психология учения старшекласников. – М.: Знание, 1986. – № 9. – 64 с.
6. Зеер Э.Ф., Павлова А.М., Сыманюк Э.Э. Модернизация профессионального образования: компетентностный подход. – М.: Моск. психолого-социальный институт, 2005. – 216 с.
7. Илюшин Л.С. Ориентация педагога на личностные достижения учащихся в общеобразовательной школе. Дис. ... канд. пед. наук. – СПб., 1995. – 212 с.
8. Липкина А.И., Рыбак Л.А. Критичность и самооценка в учебной деятельности. – М.: Просвещение, 1968. – 144 с.

9. Михайлов О.В. Готовность к деятельности как акмеологический феномен. Дис. ... канд. психол. Наук – М., 2007. – 166 с.
10. Оскарссон Б. Базовые навыки как интегрирующий фактор учебного плана. – М., 2001. – 180 с.
11. Планируемые результаты начального общего образования / Под. ред. Г.С. Ковалевой, О.Б. Логиновой. – М.: Просвещение, 2009. – 120 с.
12. Психология. Словарь / Под. общ. ред. А.В. Петровского, М.Т. Ярошевского. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
13. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно ориентированной парадигмы образования. – «Народное образование», 2003. – № 2. – С. 58–64.

E.A. RALKOVA

**SELF-EVALUATION OF EDUCATIONAL ACHIEVEMENTS AS PERSONALITY
COMPETENCE OF STUDENTS**

The article covers the problem of evaluation of students' educational achievements from the point of view of competence approach. The article pays attention to such competence as positive adequate self-evaluation of students. In the course of study of different approaches to this problem we can draw a conclusion about necessity of forming preparedness for students' self-evaluation in process of study.

Key words: self-evaluation, preparedness for self-evaluation, educational achievements, educational competence, educational achievements.

*О.Е. САЛЬНИКОВА, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры социально-педагогических технологий
Тульского института повышения квалификации и профессиональной
переподготовки работников образования
Тел. 8-905-621-38-73; oesalnik@yandex.ru*

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ВОСПИТАНИЯ В СТРАНАХ УСТОЙЧИВОЙ ДЕМОКРАТИИ (на примере школ Канады)*

Статья посвящена продуктивному опыту гражданского воспитания учащихся в странах устойчивой демократии в целях установления полезных аналогий и создания в современной российской школе атмосферы гражданско-правового партнерства. В качестве предмета исследования выступает исторический аспект гражданского воспитания в Канаде, т.к. некоторые уникальные аспекты политической жизни Канады заслуживают специального внимания как фактор и фон развития гражданского воспитания.

Ключевые слова: гражданское воспитание, гражданско-правовое воспитывающее пространство, гражданская культура, гражданственность.

Решение множества проблем в жизни страны во многом зависит от уровня сформированности гражданской позиции подрастающего поколения. Гражданско-правовое воспитание учащихся является приоритетным направлением воспитания во многих странах мира и относится к числу новых, но активно развивающихся направлений образовательной политики. Осмысление практики гражданского воспитания в настоящее время вызвано потребностями педагогической науки, социальными ожиданиями общества и государства.

Канадский опыт в области теории и практики образования играет важную роль в работе по укоренению в России таких ценностей, как гражданское самосознание, политическая терпимость и активность. Сегодня важно ответить на следующие вопросы: каково современное состояние гражданского воспитания и перспективы его развития в Канаде? как историческое развитие и политическая ситуация в стране влияют на развитие гражданского воспитания? чем может быть полезен для российской стороны опыт гражданских отношений субъектов образовательного процесса в школах Канады? насколько пригодится нам опыт разработки канадских социологов, политологов и педагогов в области гражданского воспитания? Наша статья призвана ответить на один из подобных вопросов: какова история становления и развития гражданского воспитания в Канаде?

Некоторые аспекты политической жизни Канады являются уникальными и поэтому заслуживают специального внимания как фактор и фон развития гражданского воспитания. Канада – относительно молодая страна, основу которой заложили колонии Британии и Франции. В отличие от США здесь не было войны за независимость. Канада постепенно получила суверенитет от Британии и приняла свою Конституцию совсем недавно. Часто отмечается, что «в основе политической системы Канады лежат принципы конформизма и коллективизма, соблюдения закона, а также взвешенности, что

отличает ее от других политических культур» (1).

Из-за существующих значительных разногласий между англоязычными и франкоязычными группами канадцев национальная идентичность в стране достаточно слабая, и Канада принадлежит к одной из самых децентрализованных федераций в мире. Несмотря на это, культурологи отмечают, что «расположение небольшого количества населения в неблагоприятных природных условиях и на границе с великой супердержавой предопределило сильную предрасположенность населения к групповым или коллективным действиям» (1). Глубокий интерес к коллективной безопасности и защищенности, вероятно, является одной из причин того, что Канада разработала более широкую, чем, например, в Соединенных Штатах, сеть социальной защиты и создала систему общественного здравоохранения (1).

Идея необходимости обучения людей выполнению их политических и социальных ролей была заложена в систему образования Канады еще до Конфедерации как необходимое условие социального и гражданского благополучия. Неудивительно, что эта идея с тех пор проявлялась в различных вариантах в теории и практике. Ретроспективный анализ развития образования в Канаде позволил проследить и осмыслить в имеющемся опыте содержание основных компонентов гражданского воспитания в ракурсе становления гражданственности.

В первые декады XX века общее образование в Канаде рассматривалось как закономерная сфера попыток «инициации» молодых людей для их гражданской роли. Доминировали две главные цели: первая заключалась в выработке персональных качеств и характеристик «хорошего» гражданина, вторая состояла в формировании чувства «быть канадцем». Понятие «быть канадцем» обычно ассоциировалось с национализмом и про-британскими ассимиляционными настроениями (2).

Главные черты гражданского образования получили дальнейшее развитие в период с 1920 по 1950-е годы. Последствия первой мировой войны, возрастающая национальная автономия и патриотизм, сложные условия труда, вторая мировая война и идеи американского прогрессивного образования (например, Дьюи) привели к повышенному вниманию в обществе и в образовании к персональной ответственности, которая ассоциировалась с демократической гражданственностью. Школы в определенной мере были затронуты этими процес-

сами. Одним из примеров может служить внедрение, хоть и в ограниченном виде, ученических советов, расширение деятельности скаутов и других детских внешкольных организаций. Это изменение, согласно Осборну, послужило деполитизации гражданского образования с помощью некоторого сужения его задач и фокусирования на определенных ключевых концепциях, таких как «конфликт и власть» и «политическое участие» (4).

Проблемы, возникшие из-за «тихой» революции в провинции Квебек, претензии коренных жителей на землю, иммиграция, возрастающая зависимость канадской экономики от американской, участие Канады в международных инициативах по сохранению мира, введение канадского Билля о правах и свободах во второй половине XX века – все это заострило внимание к проблемам гражданского образования. Возрастали многовекторность канадского общества, его разнообразие, плюрализм, глобальная ориентация, конфликтный характер, что отображало важный переход от предыдущих особенностей. В этот период был разработан новый канадский учебный план по гражданскому образованию, который послужил основой для исследования сути культурного многообразия канадского общества, отношений между франкоязычным и англоязычным населением, канадско-американских отношений, роли Канады в мировом сообществе. Однако среди педагогов появилось растущее ощущение недостаточности и непродуктивности старых подходов к гражданскому обучению, которые концентрировались исключительно на знании о гражданстве.

С 1960-х гг. федеральное правительство пыталось содействовать двум ключевым концепциям канадской идентичности: твердая двуязычная политика с двумя основными национальными группами (франкоязычные и англоязычные канадцы) и сохранение прочной многокультурной общины, в которой культурное разнообразие страны с большим количеством иммигрантов поддерживается как часть «культурной мозаики» (а не ассимилируется в одну «массу» в «кипящем котле»). Новая учебная программа «Изучение Канады» была разработана с учётом природы канадского культурного разнообразия, франко-английских отношений, канадско-американских отношений и возрастающей роли Канады в мировом сообществе, что обеспечивает основу для дальнейшего рассмотрения и исследования понятия гражданства в новом свете.

С середины 80-х гг. XX в. меняются методы гражданского воспитания. Это связано с быстрой урбанизацией и прибытием новых иммигрантов неевропейского происхождения, что вызвало необходимость обучения школьников таким демократическим основам и ценностям, как толерантность, разрешение конфликтных ситуаций и межкультурное взаимопонимание (1). Внимание, уделявшееся гражданскому образованию в канадских школах в 70–80-е годы, было весьма неоднозначным. В некоторых случаях характерные черты гражданского воспитания, основанного на многовекторности и новых подходах, появились в новых учебных программах и положили, согласно Осборну (4), начало направлению, которое формировало новую концепцию гражданского образования. «Были тщательно проанализированы и изучены такие темы, как разнообразие наций и культур, права человека, глобальное взаимопонимание и активное участие учащихся в процессе обучения, развивавшиеся одновременно с инновационными методиками, такими как интерактивное обучение и др. К сожалению, однако, в большинстве школ гражданское воспитание вообще игнорировалось. Вместо этого акцент делался на практических навыках учащихся в подготовке их к будущей профессии, умению «быть продуктивными специалистами» в глобальной экономике (4).

С 1990-х гг. новые проблемы, связанные с глобальным экономическим соревнованием, начали влиять на гражданское воспитание. Усиленное внимание к предпринимательству и качеству производства стали оказывать влияние на гражданское воспитание в канадских школах (3). Цели производства нередко конфликтуют с более гуманистическими концепциями гражданства. В то же время возрастающая незаинтересованность и неучастие в формальных политических процессах, в особенности заметные среди молодёжи, дают повод выступать за возвращение к старым акцентам в образовании, снова заостряя внимание на вопросах функционирования государственной системы и механизмов выборов (1).

Педагогическая наука Канады на протяжении всего развития уделяла большое внимание проблемам гражданского воспитания подрастающего поколения, анализировалось и уточнялось понятие «гражданственность», определялась структура гражданственности, выделялись цели, разрабатывались содержание и техноло-

гии гражданского воспитания школьников.

Современный канадский опыт гражданского воспитания обогащает представления о роли и месте ученика и учителя в построении гражданско-правового пространства образовательного учреждения на всех его уровнях – в учебной, внеклассной образовательной и внеучебной сферах. Практика гражданского воспитания в Канаде направлена на усиление социальных акцентов, повышение самостоятельности школьников, развитие их паритетного взаимодействия, самоуважения, заинтересованности в успешном сотрудничестве с педагогами и между собой. В основе понимания и принятия ребенка как носителя особого культурного мира лежит отношение к ребенку как к целостной личности, находящейся в процессе становления.

Гражданское воспитание в Канаде включает в себя элементы политико-правовых и социологических знаний, правовое воспитание, гражданские ценности, а также навыки критического мышления, сотрудничества и разрешения конфликтов, общения, ведущего к пониманию. Канадский опыт показывает, как важно отказаться от идеологической обработки личности и ориентироваться на гражданское воспитание в духе общечеловеческих и гуманистических ценностей.

Таким образом, анализ зарождения и становления гражданского воспитания в Канаде позволил установить зависимость целей, принципов, содержания, форм, методов гражданского воспитания от социально-экономических и политических отношений. Канадский опыт в области теории и практики гражданского воспитания важен для совершенствования методов образования и управления образовательной системой в России, он сообщает новый импульс инновационной деятельности педагогов по стимулированию гражданской активности учащихся и созданию в современной школе атмосферы гражданско-правового партнерства. Однако фрагментарное или селективное усвоение канадских традиций и особенностей гражданского воспитания школьников (рыночные отношения без деловой этики, правовые нормы и институты либеральной демократии без усвоения гражданской культуры) опаснее для становления гражданского общества в России, нежели сохранение ценностного ядра национальной культуры, его постепенная адаптация к потребностям экономической и политической модернизации.

Библиографический список

1. Карен Мунди, Бикмор К., Гиз К., Эванс М., Мейерс Дж. Гражданское воспитание в Канаде: исторический и политический контекст / Гражданское воспитание и демократизация России: Материалы межд. научно-практ. конф. – М., 2004.
2. Кларк и Кейс. Четыре цели гражданского воспитания // в кн. под ред. П. Кларк и Р. Кейс: Канадская антропология социальных наук. Vancouver. – Simon Fraser University Press, 1997. – С. 17–27.
3. Ichilov O. (Ed.). (1998). Citizenship and citizenship education in a changing world. London: The Woburn Press.
4. Osborne K. (2001). Democracy, democratic citizenship, and education. In Portelli, J.P. & Solomon, R. P. (2001). The erosion of democracy in education. Calgary: Detselig Enterprises.

O.E. SALNIKOVA

HISTORY OF CIVIC EDUCATION DEVELOPMENT IN STABLE DEMOCRACY COUNTRIES (BASED ON THE EXAMPLE OF CANADIAN SCHOOLS)

The article covers the productive experience of civic education in stable democracy countries for the purpose of establishment of useful analogies and creation of atmosphere of civic legal partnership in present Russian school. Historical aspect of civic education in Canada is a subject of research, because some unique features of Canada political life serve as a factor and a background for development of civic education.

Key words: civic education, civic legal space, civic culture, public spirit.

О.Б. САМОЙЛЕНКО, старший преподаватель
Академии ФСО России
Тел. 9038824407; samojlenkoleg@yandex.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ВОЕННОМ ВУЗЕ

В статье рассматриваются аспекты, связанные с организацией самостоятельной работы в военном вузе в контексте компетентностного подхода в системе высшего профессионального образования. Предлагается определение понятия «профессиональная компетентность будущего военного специалиста». Представлен краткий анализ сущностной характеристики самостоятельной работы обучающихся, а также комплекс организационно-педагогических условий самостоятельной работы курсантов, способствующих формированию их профессиональной компетентности.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, самостоятельная работа, самостоятельная учебная деятельность, военный вуз, организационно-педагогические условия.

Решение задач, обозначенных в Концепции модернизации российского образования [3], «невозможно без повышения роли самостоятельной работы над учебным материалом, усиления ответственности преподавателей за развитие навыков самостоятельной работы» – отмечалось в инструктивном письме Минобразования РФ от 27.11.02 № 14-55-996 «Об активизации самостоятельной работы студентов высших учебных заведений». Увеличение доли самостоятельной работы по отношению к аудиторным занятиям требует соответствующей реорганизации учебного процесса, модернизации учебно-методических комплексов, разработки новых дидактических подходов для глубокого самостоятельного освоения учебного материала.

Сочетание актуальности, связанной с повышением роли самостоятельной работы обучающихся, с необходимостью реализации компетентностного подхода в образовании, заявленной в Стратегии модернизации образования [8], позволяет говорить о том, что существует социальный заказ на формирование профессиональной компетентности специалистов как интегративного качества личности и рассматривать самостоятельную работу будущих специалистов в качестве одного из средств формирования их профессиональной компетентности [6, с. 66].

Проблема организации самостоятельной работы в процессе профессиональной подготовки в вузе будущих специалистов с целью формирования их профессиональной компетентности рассматривалась с различных позиций, однако анализ психолого-педагогических литературных источников позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на существенный интерес ученых и полученные результаты [2, 7, 9–12], она по-прежнему остается актуальной.

Актуальность указанной выше проблемы обусловлена следующими основными факторами:

- возрастанием объема научно-технической информации, быстрым старением современных знаний, дифференциацией и интеграцией гуманитарных, инженерных и специальных наук в условиях научно-технического прогресса;
- изменениями социально-экономических условий в государстве, а также тенденциями в образовании, связанными с необходимостью формирования профессиональной компетентности будущих специалистов;
- отсутствием однозначности в выборе подходов к формированию профессиональной компетентности будущих специалистов средствами организации самостоятельной работы;
- недостаточной разработанностью теоретических основ, а также содержательного и методического аспектов процесса формирования профессиональной компетентности будущих специалистов средствами самостоятельной работы, отражающих его сущность и возможности совершенствования в условиях современного высшего профессионального образования.

Историко-педагогический анализ понятийного аппарата проблемы формирования профессиональной компетентности будущих специалистов средствами самостоятельной работы позволяет проследить ее эволюцию, сформировать адекватное понимание современного состояния и научно обоснованные перспективы ее дальнейшего развития.

При этом *формирование профессиональной компетентности* в контексте рассматриваемой тематики следует трактовать как специально организованный процесс личностного становления будущего специалиста с помощью средств самостоятельной работы, а *самостоятельную работу* – как средство организации учебно-познавательной деятельности будущих специалистов во внеаудиторное время, осуществляемой без непосредственного участия преподавателя, в ходе которой, обучающиеся самостоятельно выполняют учебно-познавательные задания с целью развития знаний, умений и профессионально важных качеств личности.

Следует отметить, что под *профессиональной компетентностью будущего военного специалиста* мы понимаем совокупность личностно-деятельностных новообразований, представляющих собой сбалансированное сочетание необходимого

набора частных конструктов (знаний, умений, навыков, компетенций) и профессионально значимых личностных качеств, характеризующих способность (готовность) к осуществлению успешной военно-профессиональной деятельности, а также профессиональному саморазвитию в измененных условиях (с учетом тенденций изменения временного и пространственного аспектов).

В настоящее время учебный процесс в вузе все в большей мере приобретает характер самостоятельного учебного труда обучающихся, организуемого и управляемого преподавателем на основе новейших методов и средств обучения. В этой связи наряду с совершенствованием методики преподавания важнейшими задачами вузов являются рациональная организация, планирование, контроль и дальнейшая активизация самостоятельной работы обучающихся, которая играет исключительно важную роль в формировании профессиональной компетентности современного высококвалифицированного специалиста [4, 6].

Остановившись на сущностной характеристике самостоятельной работы курсантов в процессе формирования их профессиональной компетентности, следует отметить, что понятие «самостоятельная работа», хотя и обрело достаточно прочный статус в дидактике, все же приходится констатировать, что оно по-прежнему является многогранным и неоднозначным по своему определению. Многозначность понятия «самостоятельная работа» объясняется сложностью этого педагогического явления, наличием в нем многих относительно разных сторон, каждая из которых в ракурсе обучения может стать предметом специального изучения. Кроме того, наблюдается отождествление понятий «самостоятельность», «самостоятельная деятельность», «самостоятельная работа», «самостоятельная подготовка», «самообразование» и др. [5, 9].

По мнению И.А. Зимней «самостоятельная работа» есть всегда внутренне мотивированная деятельность, выполнение которой, требует достаточно высокого уровня самосознания, рефлексивности, самодисциплины, личной ответственности и приносит удовлетворение как процесс самосовершенствования и самопознания. Для самого обучающегося самостоятельная работа должна быть осознана как свободная по выбору, внутренне мотивированная деятельность, предполагающая осознание цели своей деятельности, принятие

задачи, придание ей личностного смысла, подчинение выполнению этой задачи других интересов и форм своей занятости, самоорганизацию во времени и самоконтроля в выполнении. В предстоящей профессиональной деятельности специалист не может руководствоваться только внешними стимулами и мотивами, поэтому для его профессионального становления важно еще в вузе формировать внутренние (ценностные) мотивы деятельности. Необходимые предпосылки формирования ценностных мотиваций, в частности, стремление к познанию, пополнение ценностного багажа, содержатся в организации познавательной деятельности обучающихся в вузе [9, с. 61].

Самостоятельная работа обучающегося, рассматриваемая как деятельность, представляет собой многостороннее явление. Деятельность является производством материальных и духовных ценностей, разнообразных форм общения людей, преобразованием социальных условий и отношений, а также развитием самого человека, его знаний, умений и способностей. Деятельность выступает как процесс воплощения сущностных сил индивида в предметных формах, в которых запечатлеваются знания и умения, идеи и мотивы, ценности и средства, то есть весь многообразный мир человеческой культуры [5]. В деятельностном контексте самостоятельная работа приобретает определение, в соответствии с которым – это работа, организуемая самим обучающимся в силу его внутренних познавательных мотивов, в наиболее удобное, рациональное с его точки зрения время, контролируемая им самим в процессе и по результату деятельность на основе опосредованного системного управления ею со стороны преподавателя [9, с. 62]. Однако, здесь уместно будет заметить, что время, выделяемое курсантам в военном вузе для самостоятельной работы регламентировано распорядком дня.

Опираясь на положения о самостоятельной работе как целенаправленной, внутренне мотивированной и структурированной самим субъектом по процессу и результату деятельности, следует согласиться с утверждениями Е.Н. Трущенко [9] о том, что самостоятельная работа является значимым фактором формирования профессиональной компетентности будущего специалиста и способствует развитию важных профессиональных умений и личностных качеств. Именно в процессе самостоятельной работы курсанта более всего проявляется его

самостоятельность, мотивация, самоорганизованность, самоконтроль и целенаправленность.

Понятие «самостоятельная учебная деятельность» рассматривается как процесс отражения и преобразования в сознании обучающихся явлений объективной действительности. Основания для такой формулировки дают многочисленные исследования мышления и деятельности (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов и др.) в их многозначности и вместе с тем целостности интегративных характеристик и полученные в свете этих характеристик результаты анализа процесса мышления и индивидуального познания обучающихся, выяснение взаимосвязи и единства мышления и знания как компонентов познавательного процесса.

П.И. Пидкасистый в своей работе [5, с. 57] отмечает, что главный признак самостоятельной учебной деятельности в системе обучения, выражающий ее сущность, заключается вовсе не в том, что обучающийся работает без непосредственного участия и помощи преподавателя, а в том, что цель его деятельности одновременно сочетает в себе функцию перевода информации в знания и умения и функцию управления этой деятельностью. Отсюда стержнем самостоятельной учебной деятельности является, по сути, полное совпадение содержания цели деятельности (целеполагания) с целью управления этой деятельностью (целеосуществления). С позиции этого процесса самостоятельная работа как средство организации учебного или научного познания обучающегося выступает в двуедином качестве: как объект его деятельности (т.е. учебное задание, которое он должен выполнить) и как форма проявления им определенного способа деятельности по выполнению соответствующего учебного задания в целях получения нового знания или углубления и упорядочивания уже имеющихся знаний.

Стоит отметить, что «генетической клеточкой» и «цементирующим ядром» самостоятельной работы является учебно-познавательная задача [5, с. 58], предлагаемая обучающемуся в конкретной ситуации обучения (усвоения), которая выступает как предмет его учебной деятельности. В качестве такой задачи в учебном процессе всегда должна выступать учебная проблема. Это связано с тем, что учебный материал, передаваемый по тому или иному каналу обучения, может быть включен в структуру учебной или научной дея-

тельности обучающихся в форме системы учебно-исследовательских задач, выбор которой определяется особенностями объекта познания и самой структурой познавательной деятельности.

В соответствии с представлениями Е.Л. Белкина, Л.П. Коренева и др. исследователей в дидактике под самостоятельностью, как важным личностным качеством, понимают систему навыков сознательной самоорганизации, а в качестве самостоятельной деятельности рассматривают деятельность обучающегося, которую он совершает без непосредственной помощи и указаний преподавателя, руководствуясь сформированными ранее представлениями о порядке и правильности выполнения операций. Цель самостоятельной деятельности обучающихся в обучении состоит как в усвоении знаний, так и в формировании умений, навыков и способностей по их использованию в новых условиях на новом учебном материале [1, с. 8].

Следует иметь в виду, что, как и любой вид учебного труда, самостоятельная работа остается нейтральной по отношению к характеру познавательной деятельности обучающихся без четкой предварительной формулировки частно-дидактической цели работы, которая должна быть достигнута, и познавательных задач, решаемых в ходе выполнения самостоятельной работы. В свою очередь частно-дидактическая цель и познавательные задачи, которые преподаватель формулирует для каждого конкретного вида и типа самостоятельной работы, должны создавать предпосылки для регуляции умственной активности обучающихся, вовлечения их в планируемую познавательную деятельность, управления ею.

Учитывая необходимость развития интеллектуальных возможностей обучающихся, их подготовку к непрерывному самообразованию, преподаватель должен изменять частно-дидактические цели самостоятельных работ, формулировки познавательных задач, степень их трудности и сложности на разных этапах обучения. Такого рода изменения должны быть научно-обоснованными, постепенными и строго регламентированными.

Представленный подход к пониманию сущности самостоятельной работы в процессе профессиональной подготовки требует от преподавателя заранее предусматривать характер познавательной деятельности обучающихся на каждом этапе формирования их профессиональной компетентности и управлять этим процессом.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что в дидактике до сих пор не сложилось однозначного понимания сущности самостоятельной работы, следовательно, есть основания говорить о сложности и многомерности данного понятия. При рассмотрении данной категории нельзя абсолютизировать один или несколько признаков, так как это порождает односторонний взгляд на природу самостоятельной работы, поэтому, соглашаясь с мнением Л.П. Якушкиной, считаем, что понятие «самостоятельная работа» необходимо рассматривать как целостную систему действий педагога и обучающихся, раскрывать его через совокупность признаков, отражающих диалектическое единство внутренней и внешней сторон, которые в реальном учебном процессе практически неотделимы [12].

Изучение состояния исследуемой проблемы в педагогической теории и практике позволяет сделать вывод о том, что необходимый уровень профессиональной компетентности будущих специалистов требует целенаправленных усилий по ее формированию, в том числе направленных на построение соответствующей системы.

Построение системы формирования профессиональной компетентности курсантов, как будущих военных специалистов, средствами самостоятельной работы становится наиболее эффективным, если в качестве педагогического базиса использовать сочетание нескольких подходов. Определить те подходы, которые в настоящее время являются приоритетными, позволяет осмысление ведущих функций и тенденций развития образования.

На наш взгляд, наиболее предпочтительным следует считать комплексное использование следующих подходов:

– *деятельностного*, позволяющего рассмотреть особенности профессиональной деятельности будущих военных специалистов, выявить виды самостоятельной работы, определить характер деятельности преподавателя и обучающихся в процессе формирования профессиональной компетентности курсантов средствами организации самостоятельной работы;

– *контекстного*, сущность которого заключается в осуществлении процесса формирования профессиональной компетентности в контексте будущей профессиональной деятельности, например, посредством решения конкретных профессиональных задач в процессе самостоятельной работы;

– *компетентностного*, в соответствии, с которым профессиональная подготовка курсантов в военном вузе должна учитывать то, что будущий специалист должен приобрести опыт творческой, исследовательской и социально-оценочной деятельности, которые формируются, прежде всего, в процессе самостоятельной работы курсантов;

– *личностно-ориентированного*, построенного на основе признания курсанта активным субъектом в процессе самостоятельной работы, учета его индивидуальных особенностей;

– *системного*, основанного на всестороннем и целостном рассмотрении педагогической системы как определенной совокупности взаимосвязанных средств, методов и процессов, необходимых для создания организованного и целенаправленного обучения;

– *технологического*, предполагающего проектирование процесса формирования профессиональной компетентности у будущих военных специалистов с целью гарантированного достижения дидактических целей исходя из заданных исходных установок (социальный заказ, образовательные ориентиры, цели и содержание обучения).

Следует подчеркнуть, что именно технологический подход к организации самостоятельной работы курсантов военного вуза в процессе формирования их профессиональной компетентности представляется нам ключевым из представленных выше подходов и ориентирован на поиск наиболее рациональных способов гарантированного достижения поставленных целей.

Также при построении вышеуказанной системы в организации самостоятельной работы курсантов необходимо руководствоваться следующими принципами:

- научности и прикладной направленности обучения;
- наглядности;
- последовательности и систематичности;
- соответствия обучения возрастным и индивидуальным особенностям обучающихся;
- сознательности и творческой активности;
- продуктивности и надежности обучения.

Эффективность функционирования системы формирования профессиональной компетентности будущих военных специалистов средствами самостоятельной работы будет зависеть от соблюдения в вузе комплекса организационно-педагогических условий самостоятельной работы курсантов

(СРК), способствующих формированию их профессиональной компетентности.

В качестве основных компонентов комплекса организационно-педагогических условий самостоятельной работы курсантов следует выделить: информационно-методическое и материально-техническое обеспечение СРК, готовность преподавателей к осуществлению эффективной организационно-методической деятельности, направленной на функционирование и совершенствование процесса СРК, а курсантов – к продуктивной самостоятельной работе.

Информационно-методическое обеспечение СРК включает следующие условия:

– применение дидактических комплексов информационного обеспечения (ДКИО) учебных дисциплин, в которые интегрированы: материалы лекций и других видов занятий, в том числе презентации, структурированные по модулям; программное обеспечение, позволяющее работать с приложениями комплекса; средства динамической визуализации; электронные учебники и пособия; автоматизированные информационные системы; задания для самостоятельной работы; комплекты тестовых заданий и др.

– обеспеченность в необходимом количестве основной и дополнительной учебно-методической литературой из библиотечного фонда вуза, в том числе учебниками, пособиями и методическими рекомендациями для самостоятельной работы курсантов при изучении учебных дисциплин;

– применение учебно-познавательных задач, дифференцированных по степени сложности, способствующих активизации самостоятельной познавательной деятельности курсантов;

– использование технологических карт, определяющих траекторию самостоятельной учебно-познавательной деятельности курсантов.

Материально-техническое обеспечение СРК включает:

– наличие аудиторного фонда для самостоятельной работы курсантов, оборудованного персональными компьютерами с соответствующим современному уровню развития программным обеспечением;

– оснащенность учебных аудиторий необходимым оборудованием и наглядными средствами обучения (приборами, макетами, стендами и др.).

Готовность преподавателей к осуществлению эффективной организационно-методичес-

кой деятельности, направленной на функционирование и совершенствование процесса СРК с целью формирования их профессиональной компетентности, включает следующие условия:

- готовность к разработке и модернизации ДКИО учебных дисциплин;

- технологический подход к организации СРК;

- использование приемов активизации самостоятельной учебно-познавательной деятельности курсантов, в том числе готовность к разработке и применению комплекса учебно-познавательных задач;

- владение преподавателем приемами организации СРК, требующими от него высокого педагогического мастерства и особых личностных качеств;

- установление и реализация межпредметных связей в системе смежных учебных дисциплин;

- организация контроля СРК, способствующего выявлению недостатков и созданию механизмов их устранения, формированию обратной связи для выработки корректирующих действий;

- планомерное консультирование курсантов по вопросам организации самостоятельной работы (при подготовке к занятиям, выполнении расчетно-графических работ, написании рефератов и т.д.), а также по вопросам, вызывающим затруднения в их самостоятельном разрешении;

- целенаправленное управление самостоятельной познавательной деятельностью курсантов на всех этапах формирования их профессиональной компетентности;

- обеспечение мотивационно-ценностного отношения курсантов к усвоению содержания учебных материалов в процессе их самостоятельной работы посредством развития их внутренней и внешней мотивации, а также путем выбора образовательной траектории;

- осуществление мониторинга процесса формирования профессиональной компетентности курсантов, в том числе педагогического тестирования, направленного на выявление уровня сформированности профессиональных компетенций.

Личностно-деятельностная готовность курсантов к продуктивной самостоятельной работе включает такие условия как:

- информационная готовность курсантов (умение работать с приложениями ДКИО);

- способность курсантов эффективно работать с литературными источниками;

- осознание курсантами целей самостоятельной работы, ее значимости в процессе формирования профессиональной компетентности, мотивация к усвоению содержания учебного материала в контексте будущей профессиональной деятельности;

- рациональное распределение бюджета времени на самостоятельную работу;

- готовность курсантов работать в команде при подготовке к семинарским занятиям, проводимых методом малых групп, т.е. к совместной деятельности под руководством лидера, направленной на решение общей учебно-познавательной задачи;

- готовность курсантов к индивидуальной самостоятельной работе и отчетности перед преподавателем о ее результатах.

Таким образом, рассмотренные выше теоретические аспекты организации самостоятельной работы как средства формирования профессиональной компетентности будущих специалистов в военном вузе дают возможность сформулировать следующие основные выводы:

- актуальность названной проблемы, прежде всего, обусловлена повышением требований к уровню профессиональной компетентности будущих специалистов средствами самостоятельной работы в связи с изменениями социально-экономических условий в государстве и тенденциями в образовании, а также недостаточной разработанностью проблемы в теории и практике педагогики;

- главный признак самостоятельной работы заключается не в том, что обучающийся занимается без непосредственного участия и помощи преподавателя, а в том, что в его деятельности сочетаются функция перевода информации в знания, умения и функцию управления этой деятельностью;

- роль самостоятельной работы в процессе формирования профессиональной компетентности будущих специалистов определяется педагогическим ресурсом, реализация которого способствует повышению качества профессиональной подготовки;

- для построения системы формирования профессиональной компетентности курсантов средствами самостоятельной работы в качестве педагогического базиса целесообразно использовать полилатеральный комплекс, представляющий сочетание деятельностного, контекстного, компетентностного, личностно-ориентированного, системного и технологического подходов;

– эффективность функционирования системы формирования профессиональной компетентности будущих военных специалистов средствами самостоятельной работы будет зависеть от правильного вы-

бора и соблюдения в вузе комплекса необходимых организационно-педагогических условий самостоятельной работы курсантов, способствующих формированию их профессиональной компетентности.

Библиографический список

1. Белкин Е.Л., Коренев Л.П., Теребулина Н.А. Педагогические основы организации самостоятельной работы студентов в вузе [Текст] : Учебное пособие. – Орел: Орловский филиал Московского института приборостроения, 1989. – 65 с.
2. Еременко, Т.А. Формирование профессиональной компетентности будущих педагогов дизайна средствами самостоятельной работы [Текст] : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Челябинск, 2008. – 182 с.
3. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года // Модернизация российского образования. Документы и материалы. – М.: Изд-во ВШЭ, 2002. – С. 263–282.
4. Образцов П.И., Самойленко, О.Б. Роль самостоятельной работы в процессе формирования профессиональной компетентности будущих специалистов. [Текст] // Проблемы современной дидактики: теория и практика: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 27 октября 2009 г. В 3 ч. Часть 2. / под ред. Л.М. Белогуровой Н.М. Фатяновой. – Белгород: Изд-во БелРИПКППС, 2010. – С. 11–15.
5. Пидкасистый П.И. Организация учебно-познавательной деятельности студентов [Текст]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во «Педагогическое общество России», 2005. – 144 с.
6. Самойленко О.Б. Место и роль самостоятельной работы в процессе формирования профессиональной компетентности будущих специалистов. [Текст] // Совершенствование физической, огневой и тактико-специальной подготовки сотрудников правоохранительных органов: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции 24 июня 2010 г. В 2 ч. Часть 2. / под ред. С.Н. Баркалова, А.В. Кателкина. – Орел: ОрЮИ МВД России, 2010. – С. 66–69.
7. Самостоятельная работа в современном российском вузе: проблемы и перспективы развития [Текст]. / Материалы международной научно-практической конференции 11–12 ноября 2004 г. – Орел: ОГУ, полигр. фирма «Картуш», 2005. – 278 с.
8. Стратегия модернизации содержания общего образования. Материалы для разработки документов по обновлению общего образования. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2001. – 96 с.
9. Трущенко Е.Н. Организация самостоятельной работы студентов вуза на основе компетентностного подхода к профессиональной подготовке специалистов [Текст] : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Москва, 2009. – 168 с.
10. Фоменко Л.Б. Обучение студентов технического вуза стратегиям самостоятельной работы с использованием новых информационных технологий [Текст] : автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Ижевск, 2006. – 24 с.
11. Черемисина В.Г. Организация самостоятельной работы курсантов военного вуза в процесс изучения предметов естественнонаучного цикла [Текст] : автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Кемерово, 2008. – 22 с.
12. Якушкина Л.П. Технология организации внеаудиторной самостоятельной работы студентов в вузе [Текст] : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08. – Орел, 2007. – 210 с.

O.B. SAMOJLENKO

THEORETICAL ASPECTS OF ORGANIZING INDEPENDENT WORK AS A MEANS OF FUTURE EXPERTS PROFESSIONAL COMPETENCE FORMATION IN MILITARY HIGH SCHOOL

The aspects of organizing independent work in military high school using competence approach in the higher vocational training system are considered in the article. The definition of the «future military expert professional competence» concept is offered. The brief analysis of trainees' independent work intrinsic characteristic is held. Besides, the complex of cadets' independent work organizational-pedagogical conditions dominating their professional competence is presented.

Key words: professional competence, independent work, independent educational activity, military high school, organizational-pedagogical conditions.

*Л.А. СТАХНЕВА, доктор психологических наук, профессор кафедры
общей и возрастной психологии
Орловского государственного университета
Тел. 89616222826; Stahneva@inbox.ru*

СУБЪЕКТНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматриваются основные подходы к изучению проблемы развития субъектности личности. Особое внимание уделяется становлению субъектности в студенческом возрасте. Дается анализ психолого-педагогических трудностей и условий, обеспечивающих развитие субъектности студентов.

Ключевые слова: личность, субъект, субъектность, рефлексия, локус контроля, развитие.

Проблема психологии субъекта, развития субъектности личности является в настоящее время одной из актуальных в современной отечественной психологии. Интерес к данной проблеме обусловлен рядом причин.

Во-первых, в связи с изменением социальной ситуации развития (социально-экономическим, идеологическим кризисом), новыми ориентирами в социализации, которые по своей сути являются достаточно противоречивыми, а существование в условиях изменяющегося общества представляет зону риска, субъектность рассматривается как качество личности, обеспечивающих адаптацию к новым социальным условиям, требующим гибкости мышления и поведения.

Во-вторых, в связи с кризисом современной системы образования особую актуальность приобретает проблема методологического и методического сопровождения современного образования. Модернизация образования предполагает, что обновление содержания будет происходить на основе компетентного подхода. Проблема развития личностных и профессиональных компетенций – это проблема развития субъектности личности. В современных психолого-педагогических исследованиях субъектность рассматривается как условие успешного профессионального становления будущего специалиста.

В-третьих, сложившейся методологической ситуацией в современной психологии. Гуманистические тенденции в отечественной психологии связаны с разработкой нового направления – психологии субъекта. Постановка проблемы развития субъектности личности связана с изучением самодетерминации развития, с рассмотрением вопросов об основных источниках и движущих силах психической активности человека, управления человеческими ресурсами. Проблема развития субъектности личности – это проблема психических ресурсов, возможностей человека управлять логикой своей судьбы.

Субъектность в современной психологии определяется как системное качество личности, связанное с активно-преобразующими свойствами и способностями: способностью к самостоятельному жизнетворчеству, способностью производить изменения в мире и в самом себе; как качественно новый уровень развития личности. Субъектность проявляется, с одной стороны, в растущем самосознании личности, с другой – в продуктивном освоении различных видов деятельности. Высшим уровнем развития субъектности личности является продуктивная творческая деятельность.

Проблема развития субъектности личности исследуется в разных аспектах. Фе-

номенологический аспект связан с рассмотрением специфики, структуры, критериев, показателей, детерминант, механизмов развития и саморазвития субъектности. Раскрывая природу субъекта, А.В. Брушлинский, К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова указывают, что личность как субъект характеризуется определенными свойствами: высоким уровнем активности, способностью к саморегуляции, целеполаганию, умением формировать адекватную мотивацию. Личность как субъект жизни представляет своеобразный интеграл функциональных возможностей (свойств, качеств, ролей) и одновременно достижений человека. Наиболее важными свойствами личности как субъекта жизни являются активность и сознание, интегративность. Активность и сознание представляют жизненно функциональные высшие способности. Активность включает инициативу и ответственность, семантический интеграл (притязания, саморегуляция, удовлетворенность – неудовлетворенность), а также способы проектирования, моделирования пространства своей активности/

Изучение становления субъектности в онтогенезе представлено в работах В.И. Слободчикова, В.В. Селиванова, Н.Х. Александровой, Е.А. Сергиенко и др. В.И. Слободчиков считает, что одной из важнейших задач современной психологии является изучение путей становления не просто активного, а самостоятельного существа (в онто- и профессиогенезе), способного не только участвовать в деятельности, но и проектировать ее и управлять ею, и значит становиться подлинным субъектом своей жизни. Онтогенез субъектности человека, имеющий разные формы на разных этапах жизни, всегда связан с совладанием собственным поведением, реакциями, внутренними состояниями, с целеполаганием и проектированием хода развития собственных способностей.

Исследования по развитию субъектности в онтогенезе показывают, что развитие человека происходит по пути наращивания с возрастом субъектности и преодоления «объектности» тотальной зависимости человека от внешних условий. Становление личности как субъекта – результат интериоризации общественного опыта. Но исходная детерминация развития личности как субъекта проистекает из его собственной активности. Развитие субъектности в онтогенезе связано с такими личностными характеристиками, как идентичность, уровень самопринятия, особенности Я-об-

раза, тип локализации уровня субъективного контроля. Развитие и саморазвитие субъектности представляет процесс поиска личностью смысловых оснований и построения способов реализации найденных смыслов.

Детерминация внешнего и внутреннего в становлении личности как субъекта является сложной и противоречивой. Процесс развития субъектности представляет совокупность разных процессов: самопознания, самоопределения, самосовершенствования, самоактуализации, самореализации. Важным фактором становления личности как субъекта, несомненно, является мыслительная активность, поскольку появление субъектности в онтогенезе неразрывно связано с возникновением познавательного объекта. Мышление и сознание представляют специфический тип детерминации, который обеспечивает возможности развития активности субъекта.

Особый интерес вызывает проблема становления субъектности в юношеском возрасте – одним из сложных и противоречивых периодов развития. Юность на пороге XXI столетия характеризуется тенденцией к медленному взрослению. Жизненные задачи в юношеском возрасте – самоопределение, выбор смысла жизни, индивидуальной линии поведения, саморазвитие идентичности (Я-концепции, профессионального самосознания, ценностных ориентаций). Решение этих возрастных задач определяет важную жизненную стратегию – принятие на себя ответственности за свои действия и их последствия. Психологическая зрелость в юношеском возрасте предполагает личностное и профессиональное самоопределение, принятие ответственности за свою жизнь, самопонимание и принятие себя, осмысленность индивидуального бытия, способность к пониманию и принятию других. Важнейшим структурным компонентом субъектности в юношеском возрасте является представление о себе в будущем. Согласованная система ценностных ориентаций рассматривается как важнейшая предпосылка успешной самореализации человека, развития его субъектности. Ценностные ориентации, жизненные цели интегрируются в систему представлений о будущем – жизненную перспективу. Субъектность рассматривается как одно из проявлений способности студента к преобразованию себя в учебной и профессиональной деятельности. Становление субъектности в студенческом возрасте определяется личностной готов-

ностью к избранной деятельности и степени ее освоения, коммуникативной, эмоциональной компетентностью, способностью находить ресурсы своего личностного и профессионального роста. При несогласованности ценностных ориентаций, отсутствии жизненной перспективы, неопределенности жизненного выбора возникает феномен «временной некомпетентности», что вызывает определенные трудности в становлении личности как субъекта жизнедеятельности.

В современных психолого-педагогических исследованиях [2, 3, 7, 9] субъектность рассматривается как фактор успешности в учебной, профессиональной деятельности и в различных аспектах социальной адаптации; как детерминанта устойчивости личности к негативным социальным воздействиям, к деструктивному влиянию профессиональной деятельности; как системное качество личности, обеспечивающее жизнеспособность, профессиональную и личностную продуктивность.

Исследование компонентов субъектности (школьников, студентов, педагогов) представлено в работах Е.Н. Азлецкой (2001), А.Ф. Березина (2002), Е.Н. Волковой (1998), Е.В. Крутых (2006), Ф.Г. Мухаметзяновой (2002), и др. В качестве критериев субъектности у студентов рассматриваются показатели социально-психологической адаптации, ответственности. В исследованиях показано, что становление субъектности студентов в процессе обучения в вузе носит противоречивый характер. Для юношей по сравнению с девушками характерен более выраженный рост показателей субъектности в процессе обучения. Дефицит развития личностных и регуляторных компонентов субъектности сказывается на учебной успешности первокурсников.

Развитие субъектности у студентов сопряжено с повышением доли самостоятельности и ответственности, самоорганизации и саморегуляции, определяется наличием высокого уровня осознанности целей обучения. Вместе с тем констатируется неготовность многих студентов быть субъектом учебной деятельности, что проявляется в отсутствии собственных ценностей, понимания своей жизни; низкой мотивации учебно-профессиональной деятельности. В процессе адаптации молодежи наблюдается ряд противоречивых тенденций. Одна часть молодежи считает, что у нее появилось больше возможностей использовать свои способности и знания. Другие недооценива-

ют значение профессионализма, поскольку возросший инфантилизм среди молодежи, продолжающаяся опека родителями выросших детей, авторитарность образования – все это не побуждает студентов реализовывать свои возможности в учебно-профессиональной деятельности. В изменившейся социальной ситуации растут тенденции падения честного труда, потребительские настроения. Большинство абитуриентов не имеют ясного представления о будущей работе, о ее задачах, средствах, а имеющиеся «представления о профессиональной деятельности неструктурированы, во многом нереалистичны».

По данным диссертационного исследования А.Ф. Березина (2003), низкий уровень организованности и самостоятельной активности характеризует прежде всего российских студентов. Исследования самосознания студентов, развивающихся в различных культурах, показывают, что в качестве наиболее противоречивой характеристики студентов в отечественной выборке выделяется отсутствие связи высоких показателей мотивации достижения и любви к порядку. Российские студенты даже при наличии высокого уровня мотивации достижений придают низкое значение планированию деятельности и ее самостоятельной организации. Сравнительный анализ субъектности студентов с разными профессиональными профилями, позволил установить, что студенты-гуманитарии в наименьшей мере ориентированы на формирование личной организованности, что вызывает определенные трудности в преодолении интеллектуальных нагрузок и сохранению работоспособности на стабильном уровне. В ходе эмпирических исследований было выявлено, что для юношей по сравнению с девушками характерен более выраженный рост показателей субъектности в процессе обучения.

Ведущей деятельностью в студенческом возрасте является учебно-профессиональная, психологическую структуру которой составляют когнитивные процессы (внимание, память, мышление, рефлексия, речь) и звенья осознанной произвольной регуляции (принятие и удержание цели, выделение значимых условий и признаков выполнения деятельности, планирование, адекватность и оптимальность способов выполнения, контроль исполнительских действий и результата, коррекция выполняемой деятельности). Для успешной учебной деятельности необходимо обладать общей

способностью к самостоятельной организации и управлению своей учебной деятельностью, саморегуляцией.

Саморегуляция в условиях учебно-профессиональной деятельности проявляется в произвольности действий, осознанности, ответственности, способности к целеполаганию. Саморегуляция как психологическое явление – это процессы выдвижения целей активности и управление достижением этих целей. Процессы саморегуляции – это внутренняя целенаправленная активность человека, которая реализуется системным участием самых разных процессов, явлений и уровней психики. Любой структурно-функциональный дефект (недостаточная реализация какого-либо функционального компонента) процесса регуляции существенно ограничивает эффективность в самых различных видах деятельности. Успешность построения саморегуляции в учебной деятельности зависит от развития регуляторно-когнитивных структур. Недостатки развития внимания и памяти, интеллектуальных операций препятствуют формированию эффективной саморегуляции учебной деятельности у учащихся любого возраста.

В исследованиях В.И. Моросановой (2005) была выявлена взаимосвязь между осознанной саморегуляцией и продуктивностью учебной деятельности. Развитие произвольной саморегуляции находит отражение в системе субъектных качеств, таких, как самостоятельность, ответственность, инициативность, уверенность в своих силах. Существенное влияние на формирование индивидуального стиля саморегуляции имеет тип акцентуированного характера. Так, например, при тревожном типе акцентуации эффективный стиль встречается крайне редко, а при циклотимическом типе акцентуации неэффективный стиль развивается чаще, чем эффективный. Знание особенностей стиля саморегуляции, стиля учебной деятельности позволяет студентам исправлять недочеты в организации своей деятельности и тем самым повышать ее эффективность. Вместе с тем наблюдается слабая связь между саморегуляцией и системой ценностных ориентаций.

Таким образом, осознанная саморегуляция представляет своеобразный психологический механизм развития субъектности личности. Исследования осознанной саморегуляции выводят психологию субъекта в конкретно-психологический план. О мере субъектности человека говорит не

столько характер содержания самосознания, сколько то, в какой степени развита его регулирующая роль в процессах его жизнедеятельности.

В работе О.А. Конопкина и Г.С. Прыгина [4] выделены следующие группы студентов в зависимости от уровня сформированности саморегуляции. Группу «автономных» образуют студенты, которые способны самостоятельно, независимо от посторонней помощи учиться, могут правильно оценить свои возможности при постановке и принятии цели, проявляют собранность, настойчивость в достижении этой цели, обладают чувством ответственности за выполняемую работу. Учащиеся «автономного» типа достигают более высоких академических результатов и более адекватно оценивают результаты своей учебы. Группа «зависимых» характеризуется несформированностью самостоятельности. Этим студентам необходимы помощь, напоминания, поощрения и постоянный контроль со стороны преподавателей. Процессы осознанной саморегуляции характеризуются структурно-функциональными дефектами звена «субъективная модель значимых условий деятельности», низкой эффективностью использования информации, необходимой для оптимального достижения поставленной цели, неадекватными критериями успешности выполнения деятельности, недостаточным уровнем сформированности звена «субъективная программа исполнительных действий». Группу «неопределенных» – составляют учащиеся, у которых примерно в равной степени выражены характеристики и первого и второго типов. Характеристика «автономности-зависимости» является как бы «сквозной», потому что она затрагивает работу всех звеньев психической регуляции.

В целом становление субъектности студентов в процессе обучения в вузе носит противоречивый характер. Это выражается, с одной стороны, в росте показателей личностных и регуляторных компонентов субъектности от первого к пятому курсу и повышению их интегрированности, с другой – в низкой мотивации принятия на себя ответственности, нежелания применять имеющиеся регуляторные умения. В качестве психологических барьеров, затрудняющих развитие субъектности личности, можно выделить: субъектный опыт, характерными особенностями которого являются неадекватная Я-концепция, характерологические черты (нерешительность, мнительность, слабОВО-

лие, экстернальность); преобладание психологических защит в проблемных ситуациях; недостаток информации о самом себе; непонимание стоящих перед личностью задач и проблем; недооценку собственных возможностей; неадекватность моральных установок (беспомощность, преуменьшение заслуг, боязнь осуждения, критики, низкий порог терпимости и др.). Другим, не менее важным ограничением является наличие гиперактивных познавательных схем (способов интерпретации реальных событий), которые включают оценку внешней ситуации, собственного Я, будущих событий. Саморазрушение субъектного начала – это результат деструктивного мышления (негативного образа самого себя, деструктивных ожиданий, иррациональных убеждений).

Несомненно, что социальный фактор в развитии человека как субъекта является определяющим, но не решающим. Усвоение социального опыта субъективно. Потенциалы для развития в условиях изменяющегося общества определяются не только объективной ситуацией, но и отношением человека к ней, тем, как он ее воспринимает и переживает. Специфическое в развитии проявляется в том, что внутреннее (субъективная сфера) является не менее важным фактором, детерминирующим развитие личности как субъекта. Человек – не только объект, но и субъект социализации, поскольку в социализации содержится не только механизм воздействия общества на индивида, наполнения его социальным опытом, но и механизм образования, наполнения и (функционирования) самого этого опыта.

Основу психологических трудностей в становлении субъектности образует противоречие между требованиями современной социальной ситуации и отсутствием необходимых психических ресурсов для социальной, профессиональной адаптации и самореализации. Социально-психологические трудности становления субъектности в юношеском возрасте обусловлены многими факторами:

во-первых, особенностями современной социальной ситуации развития;

во-вторых, последствиями кризиса системы образования;

в-третьих, феноменологическими особенностями развития субъектности (гетерохронностью развития, противоречивостью психологической структуры личности, особенностями интрапсихических процессов).

Современная социальная ситуация развития характеризуется изменением доминирующих источников развития. Основным источником развития личности, формирования ее социально-культурного опыта становятся электронные средства информации, телевидение и Интернет – виртуальная, эмоционально опосредованная информация, которая всегда более высоко замотивирована, поскольку выбирается подростком самостоятельно, на основе сложившихся у него интересов. Переход к виртуальной реальности начинает заменять объективную реальность, что предполагает взаимодействие человека не с реальными объектами, а с симулякрами. Спецификой современного информационного общества является преимущественно пассивное получение знаний. Экранная зависимость блокирует собственную познавательную деятельность, что непосредственно сказывается на когнитивном развитии подрастающего поколения. Д.И. Фельдштейн (2010) в качестве негативных тенденций в развитии дошкольников, младших школьников, подростков выделяет: снижение уровня когнитивного развития, энергичности, социальной и коммуникативной компетентности, дефицит произвольности, нарушения в эмоциональной сфере. У молодежи в когнитивном развитии наблюдается доминирование образно-эмоциональных паттернов мыслительной деятельности. Все это создает определенные психолого-педагогические трудности в развитии субъектных качеств: самостоятельности мышления, рефлексии, адекватной самооценки, саморегуляции.

Психолого-педагогические трудности в развитии субъектности студентов обусловлены рядом противоречий, связанных с кризисом современной системы образования:

- между технологиями обучения, ориентированными на формирование словесно-логического, теоретического мышления и доминирования у современных учащихся образно-эмоциональных паттернов мыслительной деятельности (как результата воздействия средств массовой информации).
- между вербально-логическими технологиями обучения и когнитивным стилем мышления учащихся. У большинства студентов доминируют образно-эмоциональные паттерны мыслительной деятельности, а традиционные образовательные технологии ориентированы на сферу радио, развитие словесно-логического мышления;

- между когнитивным стилем мышления учащихся и стилем изложения учебной информации в учебнике, а также преподавателем;

Вышеуказанные противоречия вызывают когнитивный диссонанс, трудности в усвоении учебного материала. Учебный процесс, ориентированный на вербально-логические технологии обучения, не обеспечивает необходимой мотивации к усвоению учебного материала. Современное методическое сопровождение образования не соответствует специфике информационного общества и тем изменениям, которые наметились в когнитивной сфере учащихся. Поэтому методологически неверно делать упор на развитие вербально-логического мышления, вербально-логическое изложение материала. Лекция в традиционном виде становится сегодня фактически непродуктивной. В практике формирования личностных и профессиональных (субъектных) компетенций необходимо учитывать доминирующие когнитивные стили мышления учащихся, использовать технологии, связанные с визуализацией подачи информации, технологии формирования практического интеллекта.

Становление субъектности студентов в процессе учебно-профессиональной деятельности представляет сложную теоретико-эмпирическую проблему. Разработка учебных технологий в условиях информационного общества является одним из приоритетных направлений. Особое внимание в современных психолого-педагогических исследованиях уделяется разработке моделей обучения, направленных на активизацию внутренних условий развития субъектных качеств студентов (активность, самостоятельность, рефлексивность, саморегуляция, ответственность, интернальный локус контроля, способность к сотрудничеству).

Оптимизация процесса обучения в условиях информационного общества должна быть направлена:

- во-первых, на использование технологий, связанных с визуализацией подачи информации;
- во-вторых, использование технологий, воздействующих на сферу бессознательного;
- в-третьих, необходимо учитывать когнитивный стиль учащихся. Актуальны и необходимы технологии, делающие опору на собственную когнитивную активность личности за счет системной постановки на каждой лекции и семинаре заданий на обобщение, сравнение, систематизацию.

Степень содействия развитию субъектности студента определяется уровнем организации обра-

зовательного процесса вуза. Более высокий уровень характеризуется тем, что сам студент становится организатором своей деятельности, самостоятельно решает и определяет план своих действий, свободен в выборе форм, методов и средств, необходимых для реализации учебной деятельности.

Обучение студентов, основанное на субъектном подходе, составляет внутренняя мотивация познавательной деятельности, которая характеризуется особыми свойствами:

- основные акценты в этой деятельности должны делаться на уже сформированные запросы и интересы обучаемых;
- основной целью этой деятельности следует считать развитие у обучаемых внутренней потребности в знаниях;
- в ходе этой деятельности информация (содержание учебного материала) должна превращаться в лично значимое для обучаемого достояние.

Подводя итоги сказанному, можно сделать следующие обобщения.

Субъектность как предмет психологического исследования представляет новый аспект в изучении человека, новое понимание детерминации развития; расширение представлений о содержании активности как факторе детерминации психики. Характеристика субъектности позволяет представить человека не как деятеля-исполнителя, а как пристрастного сценариста своих действий. Наиболее важными свойствами личности как субъекта жизни являются активность и сознание, интегративность – жизненно функциональные высшие способности

Субъектность – многогранное образование, которое формируется под влиянием внутренних и внешних факторов окружающей среды. Активность и сознание – ведущие факторы в развитии субъектности. Субъектность человека проявляется в активной роли внутренних условий развития. Развитие субъектности – развитие мотивационно-смысловой сферы (процесс поиска личностью смысловых оснований и построения способов реализации найденных смыслов). Развитие субъектности связано с когнитивной сферой. Показателями сформированности субъектности являются растущее самосознание, продуктивное освоение различных видов деятельности. Высший уровень субъектности – продуктивная творческая деятельность.

Активность личности как субъекта раскрывается через развитие ее способности к «движению», ускорению, перспективе. Среди внутренних условий, детерминирующих развитие субъектности, следует выделить мыслительную активность, поскольку мышление и сознание представляют специфический вид детерминации, который обеспечивает возможности саморазвития субъектности. Человек обладает способностью создавать репрезентации будущего.

Субъектность проявляется в сформированности представлений человека о своем будущем. Затрудняет развитие субъектности несогласованность ценностных ориентаций, недостаточно сформированная иерархия ценностных ориентаций; неопределенность жизненного выбора, рассогласование того, чего человек хочет добиться в будущем и того, что он будет для этого предпринимать. Согласованная система ценностных – важнейшая предпосылка успешной самореализации человека, развития его субъектности.

Формирование гармоничной образовательной среды является одним из условий развития механизмов субъектности. В процессе обучения необходимо использование технологий по развитию свойств субъекта познания и самопознания как основу психологической готовности к саморазвитию субъектности. Обучение студентов, основанное на субъектном подходе, составляет внутренняя мотивация познавательной деятельности, которая характеризуется особыми свойствами:

- основные акценты в этой деятельности должны делаться на уже сформированные запросы и интересы обучаемых;
- основной целью этой деятельности следует считать развитие у обучаемых внутренней потребности в знаниях;
- в ходе этой деятельности информация (содержание учебного материала) должна превращаться в лично значимое для обучаемого достояние.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. – М., 1999. – 224 с.
2. Байрамкулова В.Ф. Субъектность личности как детерминанта успешности студентов к влиянию деструктивных организаций. – Автореф. дис. ... канд пед. наук. – Ставрополь, 2004.
3. Белых Т. В. Психологические закономерности динамики субъектных свойств в структуре индивидуальности. – Автореф. дис. ... доктора. психол.н. – Ставрополь, 2004.
4. Конопкин О.А., Прыгин Г.О. Связь учебной успеваемости студентов с индивидуально-типологическими особенностями их саморегуляции // Вопросы психологии. 1984. № 3. – С. 42–52.
5. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. – М.: Школа-Пресс, 1995.
6. Тумшайс О.С. Субъектность в системе психологических условий личностно-профессионального развития студентов вуза. – Автореф. дис. кандпед. наук. – Смоленск, 2006.
7. Моросанова В.И., Аронова Е.А. Саморегуляция и самосознание субъекта // Психологический журнал, 2008. Т 2. № 1. С. 14–22.
8. Мухаметзянова Ф.Г. Субъектность студента высшего педагогического учебного заведения: теория и практика. – Автореф. дис.д-ра пед. наук. – Киров, 2002.
9. Фельдштейн Д.И. Психолого-педагогические проблемы построения новой школы в условиях значимых изменений ребенка и ситуации его развития // Вопросы психологии. – № 3. – 2010. – С. 47–56.

STANNEVA L.A.

SUBJECTIVITY AS AN OBJECT OF PSYCHOLOGICAL RESEARCH

The article reviews the main approaches to the problem of subjectivity of the individual. Particular attention is paid to the formation of subjectivity in the student's age. The analysis of psychological and educational difficulties and conditions for the development of subjectivity students.

Key words: identity, subject, subjectivity, reflection, locus of control, development.

О.В. ФИЛАТОВА, кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы Орловского государственного университета
Тел. 8 920 816 32 13; ov_filatova@mail.ru

И.Ю. ГНЕЗДИЛОВА, магистр педагогики кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы социального факультета Орловского государственного университета
Тел. 8 903 637 66 13; lady.gnezdilova@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ В КОНТЕКСТЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

В статье рассматриваются основные аспекты деятельности социальных и воспитательных структур пенитенциарной системы. Содержание деятельности специалистов пенитенциарных социальных и воспитательных служб в настоящее время и в контексте развития УИС РФ до 2020 г. определяет современные подходы к профессиональной подготовке магистров для работы в пенитенциарных учреждениях.

Ключевые слова: компетенции, компетентностный подход, пенитенциарные учреждения, пенитенциарная социальная работа, воспитательная работа в пенитенциарных учреждениях.

Взятый в настоящее время курс на гуманизацию уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, реформирование уголовно-исполнительной системы потребовали приведения условий отбывания наказаний в соответствии с международными нормами, а также проведения адекватных коренных преобразований в организации исправительного процесса с осужденным.

Исправление – противоречивый процесс изменения сложившихся стереотипов сознания и поведения осужденных, представляющий собой целенаправленное, а иногда и жесткое управление их жизнедеятельностью. Исправление выступает как цель и результат перевоспитания и как процесс самовоспитания, саморазвития личности [4]. Степени изменения личности вполне сопоставимы с общечеловеческими нормами, поскольку не существует отдельно взятой морали для правонарушителей и для законопослушных граждан. Тем не менее, процесс исправления имеет ряд отличительных особенностей.

Специфика процесса исправления, во-первых, состоит в том, что он происходит в рамках исполнения уголовного наказания. Степень правовой регламентации процесса перевоспитания зависит от вида наказания и органа, его исполняющего. Правовой характер требований способствует выработке у осужденного привычки исполнять законы дисциплинированно и ответственно. Юридические нормы определяют и права осужденных.

Во-вторых, особенностью процесса исправления является и его продолжительность, определяемая сроками уголовного наказания, назначаемого судом. Длительная изоляция осужденного от общества приводит к нарушению социально полезных связей и отношений, препятствующих адекватному восприятию действительности.

В-третьих, следует отметить влияние на осуждённых окружающей их социальной среды. Сосредоточение криминогенной части осужденных, например, подростков в одном месте также создает основу для формирования специфической системы межличностных отношений, основанных на традициях и субкультуре уголовного мира, растлевающего личность. Предпринимаемые попытки оградить несовершеннолетних осужденных от влияния взрослой криминальной среды (содержание в следственных изоляторах для несовершеннолетних), приносит определенные положительные результаты. Тем не менее, полного искоренения влияния уголовной субкультуры на осужденных избежать не удастся.

Следует учитывать также, что воспитательное воздействие на личность осужденного носит сугубо индивидуальный характер. Это обусловлено различной степенью социальной дезадаптации и целым рядом индивидуальных особенностей каждого из них.

Одной из важнейших задач пенитенциарного учреждения является ресоциализация – социально контролируемый процесс целенаправленного воздействия на правонарушителя посредством комплекса государственно-правовых, общественных, воспитательных мер для изменения его асоциальных установок, ценностных ориентаций, коррекции противоправного поведения, обеспечивающей в итоге устойчивость социализации личности.

В этой связи первоочередными задачами исправительных учреждений становятся: создание необходимых условий для умственного, духовного, нравственного, психологического, физического развития каждого воспитанника, его ресоциализации, формирование у него потребностей в активном участии в производительном труде и иной общественно-полезной деятельности, способности противостоять асоциальному окружению.

Таким образом, исправление и перевоспитание осужденных – сложный и многогранный процесс, который предусматривает активное использование различных средств, методов и форм воспитательного воздействия на осужденных.

Решение этих задач возложено на социальные и воспитательные службы во взаимодействии со всеми подразделениями и службами исправительного учреждения.

Согласно ст. 9 УИК воспитательная работа рассматривается в качестве одного из основных средств исправления осужденных. Она призвана сформировать у них уважительное отношение к человеку, обществу, труду, нормам и традициям человеческого общежития, повысить их образовательный и культурный уровень. Постановка этих полезных для осужденного и общества целей не означает, что они будут полностью достигнуты за время отбывания наказания. Тем не менее, целенаправленная деятельность по их достижению, как показывает практика, приносит позитивные результаты.

В уголовно-исполнительном законе содержатся два принципиально важных положения. Во-первых, участие осужденных в воспитательных мероприятиях учитывается при определении степени их исправления, что стимулирует их положительное поведение, результатом которого может быть применение мер поощрения вплоть до условно-досрочного освобождения.

Во-вторых, воспитательная работа должна проводиться с учетом индивидуальных особенностей личности, характера и обстоятельств совершенных преступлений. Привлечение осужденного к воспитательной работе не всегда носит добровольный характер, распорядком исправительного учреждения могут быть предусмотрены воспитательные мероприятия, участие в которых обязательно для осужденных.

Воспитательная работа организуется администрацией исправительных учреждений на основе детальных планов, учебно-педагогических рекомендаций и иных документов, разрабатываемых в соответствующих структурах уголовно-исполнительной системы, призванных сделать процесс воспитательного воздействия на осужденных комплексным и эффективным. В тех же целях содействие в проведении воспитательных мероприятий могут оказывать общественные объединения (ст. 23 УИК). В исправительных учреждениях осуществляется нравственное, правовое, трудовое, физическое и иные виды воспитания осужденных к лишению свободы. К иным видам воспитательного воздействия относится эстетическое, экономическое и экологическое воспитание.

Уголовно-исполнительным законодательством (ст. 110 УИК) закрепляется принцип дифференциации воспитательной работы с осужденными. Требование дифференцированного подхода вытекает как из сложившейся практики исполнения лишения свободы, так и из ратифицированных Россией международно-правовых договоров, определяющих стандартные правила обращения с осужденными. Так, если в исправительных колониях общего и строгого режимов воспитательные мероприятия проводятся, как правило, в клубах и общежитиях, то в тюрьмах и помещениях камерного типа колоний особого режима они организуются по камерам, что, естественно, сужает выбор методов воспитательной работы. Разный набор воспитательных мероприятий проводится, к примеру, в исправительных учреждениях закрытого типа (колониях общего, строгого, особого режимов, тюрьмах) и колониях-поселениях.

Воспитательная работа проводится в трех основных формах:

- 1) индивидуальной;
- 2) групповой;
- 3) массовой.

При этом широко применяются психолого-педагогические методы воздействия на отдельных осужденных и их группы.

Наиболее эффективной формой воспитательно-го воздействия является индивидуальная работа с осужденными, которая проводится на основе изучения личности осужденного, с учетом обстоятельств совершенного им преступления, возраста, образования, профессии и других индивидуальных особенностей, с учетом научно-методических рекомендаций, вырабатываемых психологией и педагогикой.

Основными этапами процесса исправления пенитенциарных учреждениях являются [4, там же]:

1. Подготовительный этап.

При поступлении к месту отбывания наказания на основе полученных документов осужденного и беседы с ним проводится педагогическая диагностика. Выясняется, что представляет собой осужденный как личность, причины его девиантного поведения, позитивные аспекты личности, отношение к решению суда, к отбыванию наказания и др. Полученные данные позволяют воспитателям определить цели и задачи перевоспитательной работы на начальный и последующий периоды срока наказания, особенности взаимодействия с осуж-

денным и возможности их реализации. На этой основе определяется вариант (методика) реализации функционирующей в данном пенитенциарном учреждении технологии перевоспитания каждого осужденного. Затем следует планирование реализации воспитательной деятельности с прибывшим осужденным.

2. Этап непосредственной реализации.

Реализация технологии начинается с деятельности по оказанию помощи осужденному в адаптации в новых для него условиях. В работе с рецидивистом учитываются особенности его вхождения в среду и возможности возникновения конфликта между ним и коллективом, группой и другими осужденными. В этом случае и характер педагогической деятельности имеет свое, специфическое содержание, определяемое средой и опытом воспитателей.

Не менее значима в решении задач исправления и ресоциализации осужденных деятельность социальных служб учреждения.

Деятельность социальных служб исправительных учреждений регламентируется уголовно-исполнительным законодательством и соответствующими инструкциями Министерства юстиции федеральной земли. Каждое уголовно-исполнительное учреждение имеет в штате определенное количество профессиональных социальных работников. Кроме того, все сотрудники общей службы исполнения наказаний в период обучения проходят специальный курс по организации социальной работы с осужденными. Таким образом, количество работников, способных проводить социальную работу с осужденными, не ограничивается только сотрудниками, получившими специальное образование. В соответствии с Уголовно-исполнительным кодексом, учреждения, исполняющие наказания, обязаны сотрудничать с внешними институтами федеральной земли. Их задача – приблизить систему исполнения наказаний к общественности и тем самым увеличить возможности интеграции осужденных в общество. Социальная служба учреждения, исполняющего уголовные наказания, тесно сотрудничает с такими службами и организациями социальной помощи, как биржа труда, кассы помощи по болезни, социальные учреждения, консультационные службы для правонарушителей, организации общего и профессионального образования, терапевтические учреждения, жилищные общины и учреждения, службы помощи условно

осужденным и досрочно освобожденным, суды для несовершеннолетних, консультанты по погашению долгов (исков), комитет по делам иностранцев.

В соответствии с должностными обязанностями специалист по социальной работе или социальный педагог помогает осужденным понять и преодолеть возникшие трудности, стремится поставить осужденного в такие условия, при которых он был бы в состоянии сам решать свои проблемы. Специалист по социальной работе занимается также с заключенными под стражу, находящимися в учреждениях, исполняющих наказания для несовершеннолетних.

При осуществлении своих обязанностей специалист по социальной работе или педагог в сотрудничестве с другими служащими вносит свой вклад в решение главной задачи исполнения наказаний. Для того чтобы мероприятия по социальной работе с осужденными не пересекались с мероприятиями других служб, они согласуют с ними свою деятельность. Специалист по социальной работе или педагог используют методику социальной работы как для отдельных осужденных, так и для групп и общин.

Концепция развития УИС РФ до 2020 года [3] предполагает «развитие в единстве и взаимосвязи социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными в новых видах исправительных учреждений в направлении обеспечения ресоциализации осужденных, освоения ими основных социальных функций как необходимого условия исправления и успешной адаптации в обществе после освобождения».

Рассмотренные нами аспекты деятельности воспитательных и социальных служб современных исправительных учреждений и требования модернизации пенитенциарной системы, отраженные в Концепции развития УИС РФ до 2020, года приводят нас к необходимости обоснования новых подходов к системе подготовки социально-педагогических кадров для современной и модернизированной в будущем пенитенциарной системы России. Предполагается, что решение основных задач пенитенциарных учреждений потребует интеграции ряда профессиональных функций воспитательных и социальных служб. Очевидна также необходимость в специальной профильной подготовке высококвалифицированных кадров для решения поставленных задач.

Современные ФГОС ВПО уровня бакалавриата и уровня магистратуры разработаны в соответствии со стратегическими целями развития высшего профессионального образования [5], потребностями обучающихся, общества и рынка труда и реализуют компетентностный подход к подготовке специалиста. В компетентностной модели специалиста цели образования связываются не только с выполнением конкретных функций, но и с интегрированными требованиями к результату образовательного процесса. Компетентностный подход [1] охватывает наряду с конкретными знаниями и навыками такие категории, как способность, готовность к познанию, социальные навыки и другие характеристики.

Такая сфера профессиональной деятельности как пенитенциарная система является одной из наиболее чувствительной к требованиям специалиста, работающего в ней, особенно в период современных реформ.

Узкая профилизация профессиональной деятельности в условиях двухуровневой системы будет происходить именно на уровне подготовки магистров [2]. Рассмотрев содержание деятельности специалистов воспитательных и социальных служб пенитенциарных учреждений и перспективы реформирования УИС РФ, мы пришли к выводу о необходимости формирования у выпускников магистратуры по направлению подготовки 050400 «Психолого-педагогическое образование» ряда важнейших компетенций, обеспечивающих их успешное профессиональное функционирование в учреждениях пенитенциарной системы России. Выпускников магистратуры предполагается ориентировать, на работу в следственных изоляторах и исправительных учреждениях со спецификой контингентом, а так же во вновь создаваемых структурах, предполагающий процесс исправления и перевоспитания, не связанный с изоляцией от общества. Поэтому в программе их подготовки, особое внимание будет обращено на формирование следующих компетенций [4]. (см. табл.).

Таким образом, современная модель социально-педагогической деятельности в пенитенциарном учреждении, основываясь на компетентностном подходе, предполагает реализацию профессиональных функций магистра социальной педагогики, обладающего набором необходимых компетенций.

Таблица

№ п/п	Компетенции	Профессиональные характеристики
1	Профессиональные	
	<p>общепрофессиональные</p> <p><i>в области педагогической деятельности</i></p> <p><i>в области научно-исследовательской деятельности</i></p>	<ul style="list-style-type: none"> – готов осуществлять профессиональную коммуникацию в пенитенциарной системе (ОПК-1); – способен осуществлять профессиональное и личностное самообразование, проектировать дальнейшую профессиональную карьеру (ОПК-2); – способен применять современные методики и технологии организации образовательного процесса в пенитенциарных учреждениях (ОПК-3); – готов использовать современные технологии диагностики и оценивания качества образовательного процесса в условиях пенитенциарной системы; (ПК-1) – способен формировать образовательную среду и использовать свои способности в реализации задач инновационной образовательной политики в условиях пенитенциарной системы; (ПК-2) – способен руководить исследовательской работой; (ПК-3) – способен анализировать результаты научных исследований и применять их при решении конкретных образовательных и исследовательских задач в условиях пенитенциарной системы; (ПК-4) – готов использовать индивидуальные креативные способности для оригинального решения исследовательских задач в условиях пенитенциарной системы; (ПК-5) – готов самостоятельно осуществлять научное исследование с использованием современных методов науки; (ПК-6) – готов самостоятельно осуществлять научное исследование с использованием современных методов науки (ПК-7)
	<i>в области методической деятельности</i>	<ul style="list-style-type: none"> – готов к разработке и реализации методических моделей, методик, технологий и приемов обучения, к анализу результата их использования в пенитенциарных учреждениях (ПК-8); – готов к систематизации, обобщению и распространению методического опыта (отечественного и зарубежного) в системе пенитенциарных учреждений (ПК-9)
	<i>в области управленческой деятельности</i>	<ul style="list-style-type: none"> – готов изучать состояние и потенциал управляемой системы и её макро- и микроокружения путем использования комплекса методов стратегического и оперативного анализа (ПК-10); – готов исследовать, проектировать, организовывать и оценивать реализацию управленческого процесса с использованием инновационных технологий менеджмента, соответствующих общим и специфическим закономерностям развития управляемой системы (ПК-11); – умеет организовывать командную работу для решения задач развития пенитенциарного учреждения, реализации опытно-экспериментальной работы (ПК-12); – умеет использовать индивидуальные и групповые технологии принятия решений в управлении пенитенциарным учреждением, опираясь на отечественный и зарубежный опыт (ПК-13)
	<i>в области проектной деятельности</i>	<ul style="list-style-type: none"> – готов к осуществлению педагогического проектирования образовательной среды, образовательных программ и индивидуальных образовательных маршрутов (ПК-14);

№ п/п	Компетенции	Профессиональные характеристики
		<ul style="list-style-type: none"> – способен проектировать формы и методы контроля качества образования и воспитания осужденных, а также различные виды контрольно-измерительных материалов, в т.ч. на основе информационных технологий и применения зарубежного опыта (ПК-15); – готов проектировать новое учебное содержание технологии и конкретные методики обучения воспитанников ВК и осужденных (ПК-16)
	<i>в области культурно-просветительской деятельности</i>	<ul style="list-style-type: none"> – способен изучать и формировать культурные потребности и повышать культурно-образовательный уровень осужденных (ПК-17); – готов разрабатывать стратегии просветительской деятельности среди осужденных и сотрудников исправительных учреждений (ПК-18); – способен разрабатывать просветительские программы в целях популяризации научных знаний и культурных традиций (ПК-19); – готов к использованию информационно-коммуникативных технологий и СМИ, для решения культурно-просветительских задач (ПК-20); – способен формировать художественно-культурную среду в исправительном учреждении (ПК-21)

Библиографический список

1. В.А. Козырев, Н.Ф. Радионова, А.П. Тряпицына. Компетентностный подход в педагогическом образовании. Коллективная монография-СПб.: Изд-во Р Г П У им. А.И. Герцена, 2005. – 392 с.
2. В.А. Козырев, Н.Л. Шубина. К 59 Высшее образование России в зеркале Болонского процесса: Научно-методическое пособие. – СПб.: Изд-во Р Г П У им. А. И. Герцена, 2005. – 429с.
3. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р).
4. С.А. Ветошкин. Пенитенциарная педагогика в теории и практике. Монография/ (Научное издание). – Екатеринбург, 2004 г.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Направление подготовки 42-М-Социальная работа. Квалификация (степень) магистр/М., 2009 г.

O.V. FILATOVA, I.U. GNEZDILOVA

SOME ASPECTS OF PROFESSIONAL TRAINING OF SPECIALISTS FOR SOCIAL PEDAGOGICAL ACTIVITY IN THE PENITENTIARY INSTITUTIONS WITH IN THE FRAMEWORK OF THE COMPETENT APPROACH

The Article deals with the principal problem of social and educational activity of the penitentiary system. The matter of activity of specialists, working in social educational and penitentiary Institutions, nowadays and with in the framework of criminal executive code in Russian Federation till 2020, determines modern competent approaches of professional training of Masters for working in the penitentiary Institutions.

Key words: competence, competent, social activity, educational activity, penitentiary approach, penitentiary Institutions.

*Н.Г. ХМЫЗОВА, аспирантка кафедры теории
и методики профессионального обучения
Орловского государственного университета
Тел. 8-903-637-24-57*

*В.Н. ПРАВДЮК, доктор педагогических наук, доцент
Орловского государственного университета
Тел. 8-953-62-71-201*

ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ У БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

В статье рассматривается актуальность и необходимость формирования научного мышления у студентов для обеспечения их профессиональной подготовки в вузе и приобретения ими готовности заниматься научно-исследовательской работой в процессе профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессиональное образование, научные знания, методология исследований, информационные технологии, научно-исследовательская работа.

В современном мире в условиях постоянно нарастающего информационного потока, важными качествами квалифицированного специалиста являются: научная компетентность и общее развитие, которые создают необходимые предпосылки для творческой, созидательной, интеллектуальной деятельности. В связи с внедрением в образовательный процесс программ третьего поколения и переходом вузов на двухуровневую подготовку педагогов профессионального обучения: бакалавра и магистра, остро встает вопрос: какова должна быть их научная подготовка, какие основы научных исследований должны быть заложены при подготовке бакалавра, чтобы он мог преподавать в профессиональном учебном учреждении, в соответствии с требованиями к будущему специалисту, а также быть готовым продолжить учебу в магистратуре.

Опыт работы, накопленный в подготовке педагогов профессионального обучения по специальности 05.05.01 педагог (по отраслям) в Орловском государственном университете, по нашему мнению, может быть взят за основу. Поскольку подготовка такого специалиста еще продолжается, то есть смысл рассмотреть особенности формирования у студентов научно – исследовательской деятельности, с тем, чтоб данный опыт в будущем можно было бы перенести и на подготовку бакалавра.

Основными и наиболее важными формами профессионального образования в учебном процессе, охватывающими студентов в процессе обучения в университете, являются: учебно-исследовательская работа, курсовые работы, педагогическая, производственная и преддипломная практики. Дипломная работа и ее защита – заключительный этап подготовки молодых специалистов в ВУЗе, проверка приобретенных знаний и навыков, умения самостоятельно применять полученные знания и творчески работать.

Исходя из квалификационных профессиональных характеристик и предъявляемых требований, будущие педагоги профессионального обучения должны сочетать в себе профессиональные и общенаучные знания, которые они приобретают в вузе в ходе

участия в научно-исследовательской работе студентов (НИРС), при сборе исходного научного материала на педагогической практике, в процессе изучения научных основ ряда дисциплин. Это позволяет студентам использовать накопленные научные знания и опыт при выполнении курсовых и дипломных работ, продолжить повышение послевузовского образования.

Наше исследование направлено на разработку теоретической модели подготовки в вузе педагога профессионального обучения (по отраслям), обеспечивающей индивидуализацию научно-педагогического обучения; создание программно-методического комплекса по дисциплине «Основы научных исследований», и проектирование информационной среды обучения, для формирования научного мировоззрения студентов в их дальнейшей профессионально-педагогической деятельности. В эксперименте приняли участие 200 студентов факультета технологии, предпринимательства и сервиса.

В ходе констатирующего эксперимента были обозначены задачи, которые направлены для решения цели освоения дисциплины «Основы научных исследований» – это формирования научных знаний и осмысление научного подхода к творческому выполнению профессионально – педагогических задач:

- ознакомление с методологией научных исследований и применение её в будущей профессионально-педагогической и научно-педагогической деятельности;
- овладение студентами методами научного познания и применение их для углубления научных знаний и расширения научно-практического кругозора;
- обучение методам и приёмам самостоятельного поиска и решения творческих задач;
- развитие культуры научного труда, формирование личностных качеств исследователя (настойчивость, дисциплинированность, ответственность, усидчивость, внимательность и др.);
- внедрение достижений научно-технического прогресса в практику народного хозяйства с наименьшими затратами и наибольшей эффективностью.

Тестирование, проведенное по результатам обучения данной дисциплины показало, что следует усилить содержание обучения с философией, введением в профессиональную деятельность и с отраслевыми дисциплинами.

В результате исследования выявлены кри-

терии, позволяющие наиболее точно оценить уровень формирования научной и информационной подготовки студентов:

- умение использовать теоретические и практические знания, умения, навыки в ходе выполнении лабораторных и практических работ (владеть методикой, делать выводы, производить расчеты по полученным данным с использованием ТСО);
- своевременное, правильное выполнения практических заданий, сбор материала, подготовка отчета и многое другое;
- качество выполнения задания (осознанность, системность, полнота, аккуратность, наглядность, оформление);
- время, затраченное на выполнение задания (четкость, эффективность);
- самостоятельность выполнения задания (предварительная теоретическая подготовленность, знание методики выполнения задания, организованность, самодисциплина);
- творческий подход к решению поставленной задачи (осмысление цели, выбор метода, умения работать с вычислительной техникой, умение работать с приборами и оборудованием, рациональный подход к решению задач).

Эти и другие критерии были использованы в ходе наблюдения и оценки за работой студентов:

- на теоретических занятиях: по их активности на лекциях, семинарских занятиях, умение задавать вопросы, отвечать на вопросы преподавателя, подготавливать и выступать с рефератом, научным докладом, приводить примеры, анализировать, обобщать, делать выводы;
- на практических занятиях в ходе самостоятельной работы: творческий подход к решению поставленной задачи, самостоятельный выбор методики, работа с вычислительной техникой и на компьютере, умение работать с приборами и оборудованием, рациональный подход к решению задач;
- в процессе тестирования и анализа результатов контрольных работ в ходе промежуточной аттестации: оперативность, полнота ответа, аккуратность, самостоятельность;
- при защите курсовых и дипломных работ: анализ научно-педагогической литературы, постановка и результаты эксперимента, разработка методического материала, обобщение, выводы, предложения и презентация.

В настоящее время, ходе формирующего экс-

перимента нами осуществляются исследования по следующим направлениям:

– роль и место информационных технологий в образовательном процессе, что позволит в будущем перевести процесс профессиональной подготовки бакалавра и магистра на качественно новую ступень. В связи с этим организация и проведение теоретических, практических и лабораторных занятий будущих педагогов профессионального обучения (по отраслям) ведется с применением компьютерного моделирования, например: на занятиях по инженерной графике, строительному, архитектурному и ландшафтному дизайну, методике профессионального обучения, технологическому практикуму и другим дисциплинам;

– использование нетрадиционных форм и методов обучения, которые остаются актуальными, особенно при обучении психолого-педагогическим дисциплинам с целью развития познавательной активности студентов (конференции, исследование, бинарные, с применением Интернет — ресурсов, творческое проектирование, лекции-диалоги, компьютерные и блиц-игры и др.).

*По-нашему мнению применение педагогических информационных технологий позволит рационально развивать научный и творческий потенциал студентов. При этом у них происходит развитие информационной культуры — умения добывать из различных источников информацию, обрабатывать и целенаправленно работать с ней. Расширение предметных областей, усложнение и увеличение объёма информации привело к необходимости применения ИКТ не только в учебном, но и в воспитательном процессе, за счёт разнообразия форм внеаудиторной работы. Закономерно, что при подготовке и проведении самостоятельной работы всё шире используются информационные технологии, которые активизируют познавательную и творческую деятельность студентов. Ярким примером такой работы может служить проведение **недели профессионального мастерства**, в рамках которых проводятся разнообразные мероприятия:*

- презентации профессий
- научно-практические конференции
- смотры-конкурсы профессионального мастерства
- защита разработанных проектов
- внеаудиторные игровые мероприятия

Активное участие студентов во всех мероприятиях подтверждает их заинтересованность, позволяет реализовать свой научный потенциал, убедиться в правильности выбора будущей профессии. Следует подчеркнуть, что наивысший пик активности студентов в научной работе достигается в ходе подготовки ими дипломных работ. Поэтому, чем раньше студенты вовлечены в научную деятельность по проблеме своей дипломной работы, тем больше времени отводится на развитие его активности и формирование его компетентности как будущего педагога профессионального обучения. Мониторинг экспериментальной деятельности студентов за 2008–2010 годы позволил выделить **этапы активизации научно-познавательной деятельности** студентов и оптимальный срок — в течение трех лет с третьего по пятый курс:

1 этап — подготовка рефератов и курсовых работ по психолого-педагогическим и отраслевым дисциплинам, участие в НИРС, в научных конференциях;

2 этап — педагогическая практика (постановка и проведение эксперимента в условиях учебного учреждения, разработка учебно-методического, дидактического материала, наглядных пособий, участие в НИРС, в научных конференциях и др.), производственная практика (изготовление натурно-практического изделия), участие в недели науки;

3 этап — преддипломная практика (обобщение результатов исследования, написание и оформление выпускной работы, разработка презентации, завершение изготовления натурно-практического изделия, разработка учебно-методического, дидактического материала, наглядных пособий).

На ранних 1–2 курсах, студенты проходят адаптацию обучения в вузе и приобщаются к исследовательской деятельности. Как правило, это происходит с помощью преподавателей предметников, ведущих ученых факультета и кафедр, а также аспирантов. Эффективным оказывается, когда студенты вовлекаются в работу по тематике кафедры или преподавателей, где им изначально отводится определенная роль и задание, которое не мешает, а напротив, углубляет знания студентов. В качестве примера приведем опыт педагогического сотрудничества и научного взаимодействия студентов кафедры профессионального обучения, участвующих в кружке «методист», под руководством профессора В.Н. Правдюк, в кружке по информа-

ционных технологиям – руководитель профессор В.С. Никульников, в подготовке педагогов по отрасли «дизайн», где научное руководство осуществляют доценты С.В. Дерепаско и А.В. Завьялова и другие.

Опыт работы этих и других преподавателей факультета ТПС показал необходимость изменения содержательной части учебных программ будущих бакалавров, основанный на использовании информационных технологий, что значительно повысит эффективность аналитической и исследовательской работы.

Кроме вышеизложенного, в рамках нашего ис-

следования мы предполагаем, решить проблему сотрудничества с работодателем, который предоставляет техническую базу для научно – исследовательской работы студентов, что способствует повышению качества подготовки выпускников, оптимизации учебно-воспитательного процесса. Инновационные подходы к организации тесного сотрудничества с социальными партнёрами позволяют формировать качества, необходимые специалистам, что даёт возможность нашим выпускникам быть профессионально защищёнными и адаптированными в условиях современного рынка труда.

Библиографический список

1. Бабанский Ю.К. Проблемы повышения эффективности педагогических исследований / Ю.К. Бабанский. – М., 1982
2. Введение в научное исследование по педагогике / Под ред. В.И. Журавлева – М., 1988.
3. Загвязинский В.И. Методология и методика дидактического исследования / В.И. Загвязинский. – М.: Педагогика, 1982.
4. Кара-Мурза С.Г. Проблемы организации научных исследований / С.Г. Кара-Мурза. – М., 1981
5. Краевский В.В. Методология педагогического исследования: Пособие педагога-исследователя / В.В. Краевский. – Самара, 1994.
6. Кузнецов И.Н. Методика научного исследования / И.Н. Кузнецов. – Минск. 1997.
7. Методы системного педагогического исследования: Учеб. пособие. / Под ред. Н.В. Кузьминой. – Л., 1980.
8. Скаткин М.Н. Методология и методика педагогических исследований: В помощь начинающему исследователю / М.Н. Скаткин. – М., 1986
9. Образцов П.И. Психолого-педагогическое исследование: методология, методы и методика. – Учебное пособие. – О., 2007.
10. Правдюк В.Н. Активизация учебно-познавательной деятельности студентов со специализацией «Аграрная технология»: монография [Текст] – Орел: Труд, 2001. – 264 с.

N.G. HMYAZOVA, V.N. PRAVDUC

FORMATION OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE OF FUTURE TEACHERS OF PROFESSIONAL TRAINING

The urgency and necessity of formation of scientific intellection of students, for support of their professional training in high school and acquisition of their readiness to be engaged into scientific – research work in the course of professional work is considered in the article.

Key words: professional training, scientific knowledge, methodology of researches, information technology, scientific – research work.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

*О.Ю. АМЕЛИНА, учебный мастер кафедры дизайна, скульптуры и теории искусства, аспирант кафедры декоративно-прикладного искусства и технической графики
Орловского государственного университета
Тел.: (4862) 42-80-72, 8-905-856-59-35; ameloi@yandex.ru*

УЧЕБНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ В ПОДГОТОВКЕ ДИЗАЙНЕРА К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО СОЗДАНИЮ АНСАМБЛЯ ИНТЕРЬЕРА

Приведённые в статье вопросы не исчерпывают весь перечень проблем, связанных с обучением дизайнера текстиля, но именно они составляют ядро знаний и умений, которые необходимы профессионалу для формирования главной цели его работы – создания ансамбля интерьера изделиями текстильного дизайна. И одну из главных ролей в достижении этой цели играет учебное проектирование.

Ключевые понятия: профессиональная подготовка, учебный процесс, учебное проектирование, дизайн текстиля, ансамбль предметно-пространственной среды.

В современном мире всё активнее выступают на первый план вопросы создания художественно полноценной окружающей человека среды. Термином «среда» обозначается обстановка, в которой протекает деятельность человека. Существует очевидное разнообразие видов нашего окружения, среди которых интерьеры занимают особое место, так как могут существовать и оцениваться сами по себе, вне учёта протекающей в них жизни. В связи с этим актуально обучение специалистов, которые смогли бы профессионально решать различные вопросы организации и эстетизации различных интерьеров.

Дизайнер текстиля – специалист особого профиля, занимающийся проектированием изделий из текстиля для непосредственного их использования в интерьере.

Следует учитывать, что одним из важнейших условий полноценной реализации деятельности дизайнера текстиля является наличие эффективно действующей высшей школы, занятой подготовкой специалистов данного профиля.

Поэтому появление новых образовательных структур, специализирующихся в сфере профессиональной подготовки дизайнеров текстиля, связывается прежде всего с разработкой весьма чёткой организации учебного процесса.

«Учебный процесс – это большая сложная система, выражаемая бесконечным разнообразием состояний, поведения, отношений, связей составляющих её компонентов. Чтобы эта система была оптимальной и действительно развивалась, она должна быть рациональной, иметь необходимое научно-теоретическое обоснование и научную организацию» [1, с. 3].

Таким образом, образование должно быть ориентировано не на освоение какой-то конкретной дисциплины, а на создание условий для формирования специалиста, подготовленного к профессиональной деятельности по созданию ансамбля современного интерьера, и средством достижения этой цели является грамотно построенное учебное проектирование.

Учебное проектирование призвано научить студентов решать профессиональные задачи, дать знания о принципах текстильного дизайна, привить навыки реального проектирования наиболее характерных изделий текстиля. Учебное проектирование несёт большую ответственность, поскольку оно закладывает основание, на котором должен наращиваться весь дальнейший арсенал профессиональных знаний и умений, необходимый каждому практикующему дизайнеру.

Участие дизайнеров текстиля в процессе разработки внутреннего пространства интерьера «...заставляет их выходить за рамки узкоцехового текстильного мышления и создавать художественный текстиль, имеющий функции очень широкого диапазона» [3, с. 87]. Под художественным текстилем следует понимать все многообразие натуральных, искусственных и синтетических тканей, а также различных изделий на текстильной основе, которые предназначены для благоустройства и украшения интерьера.

Проблема формирования специалистов заключается в качественной профессиональной подготовке, осуществляемой в вузах. При этом сами программы дизайнерского образования непрерывно обновляются, совершенствуются. Но не стоит забывать практический и теоретический опыт исторически сложившейся профессиональной школы текстильного дизайна.

Высшая профессиональная текстильная школа создавалась в России не одно столетие (начало становления в XVII веке), и за эти годы сформировались особые требования к учебному проектированию.

Основы профессиональной подготовки дизайнеров текстиля по созданию ансамбля интерьера нашли отражение в практике ведущих старейших художественных учебных заведений России:

- МВХПУ (б. Строгановское)
- ЛВХПУ им. В. И. Мухиной
- Московский текстильный институт
- Институт им. Косыгина
- ХПУ им. М. И. Калинина

Изучение исторического опыта организации учебного проектирования текстильных изделий позволяет нам сделать вывод о том, что целью учебного проектирования является обеспечение профессиональной подготовки, которая заключается в том, чтобы дать студенту представление о дизайне текстиля как самостоятельной профессии, способной внутренне наполнение интерьера объединять в целостность по законам художественного единства.

Необходимость создания художественного единства интерьера различными видами искусства преследовалась давно. Но особо остро данный вопрос стал в XX веке, который создал новую пространственную концепцию и поставил задачу организации комплексной предметной среды и ансамблевого решения интерьера как основную задачу обучающего процесса.

Не случайно в 60-е годы XX века начинают появляться диссертации, занимающиеся исследованием различных вопросов эстетизации внутреннего пространства: применение в интерьере глиняных изделий, металлических изделий, изделий из стекла, текстильных изделий и т. д. Главная цель, которую преследовали эти диссертации, – не просто необходимость индивидуализировать типовые помещения, а стремление создавать предметно-пространственные ансамбли.

Для решения интерьерного пространства чаще всего в процессе учебного проектирования указывались лишь отдельные способы достижения гармоничности: учёт законов композиции, учёт законов колористики, методы формообразования и т. д. Но действительно универсальным инструментом решения этих задач является принцип комплексного подхода к процессу организации предметно-пространственной среды, иными словами – создание ансамбля интерьера.

Дизайн художественного текстиля за время своего развития обогатился различными идеями, творческими концепциями, методами и приёмами работы, которые, продолжая развиваться до сегодняшнего дня, имеют большие потенциальные возможности в процессе подготовки дизайнера текстиля во многих современных учебных заведениях в разных городах страны.

Современные высшие художественные учебные заведения, а также и ХГФ вузов стараются решать конкретные проблемы подготовки современных специалистов, соблюдая принцип много-

уровневого дизайнерского образования. На первом этапе обучения необходимо ввести студента в круг основных творческих проблем в области текстильного дизайна. На втором уровне обучения необходимо стимулировать студента на постоянный творческий поиск новых решений и подходов к работе. На третьем уровне обучения необходимо способствовать выявлению и развитию наклонностей студента в определённой области текстильного дизайна.

Учебное проектирование дизайнеров текстиля должно строиться как комплексная система, где проектно-художественное решение пространства дополняется и корректируется художественным решением текстильного наполнения.

В результате такого подхода к процессу учебного проектирования студент готовится к широте профессиональной деятельности, приобретая профессионально ценный опыт решения не только объектов текстильного дизайна, но и непосредственно самого интерьера.

Понимание специфики процесса создания текстильных изделий дает возможность студентам пройти все шаги от идеи до воплощения в жизнь объекта замысла.

Постоянная работа с тканями, способными приобретать самые разные структурные и визуальные характеристики; непосредственный контакт с текстильными объектами организации внутренних пространств формируют у дизайнера текстиля мир тактильных, зрительных, пластических ощущений.

Квалификационная характеристика дизайнера текстиля – это тот опыт, которым должен овладеть в ходе обучения учащийся. В ней даётся описание того, что учащийся «должен знать» и что «должен уметь» в итоге обучения.

Дизайнеры данного профиля подготовки для организации процесса проектирования должны:

- 1) знать основы проектирования текстильного наполнения интерьера;
- 2) освоить разнообразные виды техник художественного оформления текстильных изделий;
- 3) знать особенности изготовления текстильных компонентов как ручным, так и промышленным способами;
- 4) уметь непосредственно выполнять задуманный проект в материале.

В постепенном овладении этими знаниями и навыками состоит смысл обучения дизайнера текстиля. Эти знания и умения, по существу, обуслов-

ливают необходимость организации целостного, гармоничного, адекватного человеку предметно-пространственного окружения – ансамбля. Другими словами, дизайнер текстиля должен обладать профессионально-художественными навыками, включающими владение разнообразными техниками художественного оформления ткани, а также ориентироваться в вопросах организации пространства.

Таким образом, учебное проектирование способствует развитию специфических профессиональных навыков: умения анализировать особенности интерьера и использовать закономерности тканевого оформления для ансамблевого проектирования интерьера.

Особенностью учебного проектирования является постепенное внедрение в проектный процесс различных методов оформления тканей. В результате у студента складывается комплексное синтетическое отношение к дизайну текстиля, базирующееся на умении применять полученные навыки на практике. Поэтому набор и содержание задач учебного проектирования изменяются от курса к курсу, что обеспечивает закрепление полученных при обучении знаний и навыков.

Процесс формирования профессиональных навыков, умений и знаний должен быть основан на чётком видении образа современного специалиста и его профессиональной направленности. «Для формирования профессиональной направленности и готовности будущих специалистов необходимо соблюдать определённые требования. Прежде всего это соответствие содержания учебных материалов задач профессиональной подготовки... с использованием уже приобретённого опыта» [2, с. 214].

Одним из принципов дизайн-проектирования при создании ансамбля интерьера является обязательный учёт конкретных условий окружающей среды. В каждом конкретном случае эта среда различна, что будет сказываться на решении находящихся в ней предметов.

Многие ошибки в проектировании текстильных изделий происходят от того, что эти изделия создаются вне интерьера. Это ещё раз говорит о настоятельной необходимости комплексного проектирования – создания ансамбля предметно-пространственной среды. Такое проектирование даст возможность правильнее и быстрее решить задачу взаимосвязи отдельных предметов современ-

ного интерьера, поможет сэкономить художественные и материальные средства.

Принятая в результате предпроектного анализа направленность проектирования предопределяет в дальнейшем характер компоновки, выбор материалов, способы их обработки, стилистические и художественные приёмы организации пространства.

«Накопление опыта профессиональной деятельности требует соблюдения следующих условий: насыщенности активной профессиональной деятельностью каждого периода обучения (семестра, месяца, недели); комплексности аудиторной и внеаудиторной подготовки, их взаимосвязи, допол-

няемости и компенсированности; систематического наращивания сложности профессиональной деятельности, увеличения темпа накопления опыта в ней» [2, с. 213].

Важнейшим психологическим моментом, определяющим успех профессионального образования, является готовность к той или иной деятельности. Насколько осознанно обучающийся понимает роль и значение своей будущей деятельности, настолько ответственно он будет относиться к своему образованию. «Современный процесс обучения ... представляет собой организацию усвоения при сознательной, интенсивной активности самих учащихся» [2, с. 217].

Библиографический список

1. Архангельский С.И. Лекции по научной организации учебного процесса в высшей школе [Текст] / С.И. Архангельский. – М.: Высшая школа, 1976. – 200 с.
2. Бенедиктов Б.А., Бенедиктов С.Б. Психология обучения и воспитания в высшей школе [Текст] / Б.А. Бенедиктов, С.Б. Бенедиктов. – Мн.: Вышэйшая школа, 1983. – 224 с.
3. Бесчастнов Н.П. Графика текстильного орнамента (Печатный рисунок). Учебное пособие для вузов [Текст] / Н.П. Бесчастнов. – М.: МГТУ им. А.Н. Косыгина, 2004. – 431 с.
4. Бесчастнов Н.П., Журавлёва Т.А. Художественное проектирование текстильного печатного рисунка: Учебное пособие. [Текст] / Н.П. Бесчастнов, Т.А. Журавлёва. – М.: МГТУ, 2003. – 294 с.
5. Деркач А.А. Акмеологические основы развития профессионала [Текст] / А.А. Деркач. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО МОДЭК, 2004. – 752 с.
6. Закон Российской Федерации «Об образовании». Образование в документах и комментариях. – М.: Астрель, 2011. – 77 с.
7. Захаржевская Р.В. Декоративные ткани в квартире [Текст] / Р.В. Захаржевская. – Л.: Художник РСФСР, 1960. – 31 с.
8. Педагогика [Текст]: Учебное пособие для студ. пед. ин-тов / Ю.К. Бабанский, В. А. Слостёнин, Н. А. Сорокин и др.; под ред. Ю.К. Бабанского. – 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Просвещение, 1988. – 479 с.
9. Шимко В.Т., Гаврилина А.А. Типологические основы художественного проектирования архитектурной среды: Учеб. пособие [Текст] / В. Т. Шимко, А. А. Гаврилина. – М.: Архитектура. – 2004. – 104 с.

O. AMELINA

INSTRUCTIONAL ENGINEERING IN PREPARATION FOR THE PROFESSIONAL DESIGNER'S WORK TO CREATE AN ENSEMBLE OF INTERIOR

The questions mentioned in this article don't cover the whole list of problems connected with teaching a textile designer. But only these questions form the core of knowledge and skills which are very important for the professional in achieving the main aim of his work – creating an ensemble of interior by textile design products. And instructional engineering plays an important role in realizing this aim.

Key words: professional teaching, educational process, instructional engineering, textile design, ensemble of object-spatial environment.

*В.С. БАЛАКИН, аспирант кафедры декоративно-прикладного искусства и технической графики
Орловского государственного университета
Тел. 89066653971; Balakin86@mail.ru*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕЖПРЕДМЕТНЫХ СВЯЗЕЙ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ В ДЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ШКОЛЕ

Статья посвящена межпредметным связям в детской художественной школе, взаимосвязи дисциплин, их влиянию на жизнь учащихся, развитию способностей и навыков художественно-эстетических ценностей. Межпредметные связи составляют необходимое условие организации учебно-воспитательного процесса, отражают естественные взаимосвязи процессов и явлений окружающего мира. Межпредметные связи в школьном обучении являются конкретным выражением интеграционных процессов, происходящих в жизни общества.

Ключевые слова: межпредметные связи, детская художественная школа, учащиеся, воспитательный процесс, педагогика.

Современное общество понемногу переориентирует цели воспитания человека с настоящего научно-технического прогресса на осуществление возможностей и ценностей человека в нем. В последние годы наблюдается тенденция гуманизации социальных взаимоотношений. Более всего в этом нуждается сфера образования и воспитания. Исследования последних лет в области человекознания подтверждают, что главное назначение образования состоит в том, чтобы создать условия для свободного развития личности.

В исследованиях ряда ученых разработаны отдельные аспекты проблемы и теории становления интегрированного подхода в образовании.

Традиционно межпредметные связи в содержании обучения проходят на уровне учебного предмета и учебной информации. Однако научно обоснованное построение содержания требует отбора и структурирования учебной информации, что приводит к поэтапным технологическим вложениям в другое содержание образования.

Современная школа призвана научить ребенка познавательной мобильности, рациональному отбору, эффективному усвоению насыщенной информации.

Ведутся поиски в области интегрированных форм учебных занятий в детских художественных школах. Традиционная образовательная практика обучения проходит в рамках изолированных учебных предметов.

Анализ теории и практики художественного образования с позиции интегрированного воздействия на развитие учащихся позволяет выделить следующие противоречивые тенденции в современной педагогике и методике:

- провозглашенные цели развивающего обучения еще не связываются с развивающим потенциалом целостного изучения явлений природы и общества в содержании художественного образования;
- педагогические поиски в области организации интегрированных форм учебных занятий не всегда сочетаются с развивающим потенциалом межпредметных связей в художественном образовании.

Каждый учебный предмет, образовательная область вносит свой вклад в развитие личности и индивидуальности ученика, в формирование его мировоззрения, взглядов, убеждений. Если взять живопись и историю искусства, то они призваны раскрыть перед учащимися современную картину мира развития реалистического рисования.

В природе и обществе нет изолированных процессов. Нельзя понимать мир по отдельным независимым законам связей, явлений. В реальном мире все взаимосвязано, а в учебных предметах изучается с разных сторон. Закономерно возникает проблема интеграции, взаимных межпредметных связей в художественной школе.

Эти связи рассматривают взаимную согласованность учебных программ, обусловленную системой наук и дидактическими целями. Такое содержание отражает три признака взаимной обусловленности:

- выделение знаний или их элементов в учебных предметах, по-разному характеризующих реальные явления, объекты и процессы;
- указание способов связей, имеющих методический инструментарий, посредством которого выявляются возможные логические конструкции и методические приемы их реализации;
- направленность связи на развивающие функции обучения.

Таким образом, существование межпредметных связей обусловлено наличием трех признаков: смысловым соотношением, наличием способа реализации и указанием направления этих связей.

Педагогический аспект межпредметных связей как целостного явления впервые был исследован В.Н. Максимовой и получил свое развитие в исследованиях И.Д. Зверева, Г.И. Суравегина, Т.К. Александровой, А.В. Усовой и др. Педагогическая идея межпредметных связей возникла и развивалась под влиянием процессов интеграции и дифференциации научных знаний. Межпредметные связи обозначают начальный уровень интеграции.

Дидактическая теория межпредметных связей нашла широкое отражение в публикациях, где определены функции, виды межпредметных связей, их место в современной школе, средства их реализации, разработана методика планирования и проведения комплексных форм организации обучения и т.д. Общедидактические положения конк-

ретизируются в методиках обучения отдельным предметам. На страницах методических журналов все чаще появляются статьи, освещающие опыт учителей-предметников по реализации межпредметных связей. Усилению внимания к проблеме межпредметных связей педагогов, ученых и практиков способствовало включение в новые учебные программы школы по основным предметам специального раздела «Межпредметные связи», рекомендации которого активизировали творческие поиски учителей, стимулировали совершенствование их педагогического мастерства в плане овладения умениями по осуществлению связей с другими предметами на уроках и во внеклассной работе.

Развитие идей межпредметных связей отражено в работах Г.И. Батуриной, Ш.И. Ганелина, П.М. Иванова, П.Г. Кулагина, которые показали, что решение данной проблемы в школьном обучении происходило в зависимости от конкретно-исторических условий его развития.

Выделение в педагогической теории идеи межпредметных связей и ее трансформация в самостоятельную дидактическую проблему связаны с практическими и теоретическими поисками прогрессивных педагогов различных эпох – Я.А. Коменского, И.Г. Песталоцци, А. Дистерверга, К.Д. Ушинского. Они выделяли проблему межпредметных связей как обеспечение системы знаний учащихся о мире. Я.А. Коменский в своей «Великой дидактике» писал: «Все, что находится во взаимной связи, должно преподаваться в такой же связи».

К.Д. Ушинский дал психолого-педагогическое обоснование мировоззренческой роли межпредметных связей. Актуальной и перспективной явилась его идея о связи между предметами на основе ведущих идей и общих понятий. Рассматривая структуру науки, он отмечал, что «кроме специальных понятий, принадлежащих каждой науке в особенности, есть понятия, общие многим, а иные и всем наукам».

Идею интеграции в обучении К.Д. Ушинский считал одной из важнейших в формировании целостных и системных знаний. Его оценка значимости межпредметных связей в обучении оказала большое влияние на педагогов второй половины XIX – начала XX века.

Межпредметные связи были направлены на выработку трудовых и деловых умений и навы-

ков. Первые практические попытки создания системы образования на проблемно-комплексной, интегрированной основе были предприняты в 20-х гг. в Советской России С.Т. Шацким, С.Я. Рубинштейном и др.

Это направление получило в нашей стране возможность практической реализации и вошло в историю педагогики под именем «трудовой школы». Основным принципом организации процесса обучения в трудовой школе являлся «метод жизненных комплексов».

Идея синтеза образовательного материала вокруг общих объектов и явлений жизни и деятельности людей развивалась по принципу концентрации учебного материала вокруг педагогически и жизненно целесообразных центров.

Межпредметные связи повышают научный уровень обучения, отражая естественные взаимосвязи процессов и явлений окружающего мира, раскрывая его материальное единство. При этом развиваются диалектическое и системное мышление учащихся, гибкость ума, умение переносить и обобщать знания из разных предметов и наук. Без этих интеллектуальных способностей невозможно и творческое отношение человека к труду, решение на практике современных сложных задач, требующих синтеза знаний из разных предметных областей.

Таким образом, межпредметные связи составляют необходимое условие организации учебно-воспитательного процесса как комплексного подхода к обучению и усилению его единства с воспитанием. В учебной деятельности учащихся реализация межпредметных связей служит дидактическим условием ее активизации, систематизации знаний, формированию самостоятельности мышления и познавательного интереса.

Каждый урок в детской художественной школе дети называют уроком творческого вдохновения и радости, уроком хорошего настроения, уроком, на котором открываются секреты мастерства.

Неподдельный интерес к этим урокам стимулирует у детей развитие волевых качеств, мыслительных операций анализа и синтеза, побуждает детей к творческому самовыражению.

Важнейшей особенностью уроков в детских художественных школах является взаимосвязь предметов, таких как история искусства, рисунок, декоративно-прикладное искусство, живопись. Практически на каждом уроке детям приходится

работать с трафаретами, наглядным материалом, геометрическими фигурами. Дети применяют на практике знания, полученные на уроках в общеобразовательной школе. Так, в 1–2 классах ребята узнают о геометрических фигурах, их свойствах. А на уроке основ композиции применяют эти знания, выполняя геометрическую мозаику.

На занятиях по композиции учащиеся узнают, что такое ось симметрии, что может быть несколько осей симметрии в одной фигуре, учатся правильно работать с бумагой. Далее эти знания применяются при составлении орнамента.

Кроме того, необходимы знания истории искусства, навыки рисунка, чтобы правильно выполнить расчеты, сравнить, проследивается тесная взаимосвязь со всеми предметами детской художественной школы.

При анализе образца на занятиях по живописи и рисунку, декоративно-прикладному искусству большое внимание уделяется используемым материалам, их происхождению (например, истории возникновения бумаги, красок), происхождению необходимых для работы предметов (кистей, палитры). Обращаясь к истории возникновения матрешки, глиняной игрушки, мозаики, технология тесно переплетается с историей.

Знания ребенка о растительном и животном мире помогают при изготовлении цветков, фигурок животных на занятиях по скульптуре и декоративно-прикладному искусству и т.д. С большим интересом дети слушают легенды, посвященные разным цветкам, сами приносят на уроки интересные материалы из растений.

Уроки в детской художественной школе способствуют обогащению словарного запаса ребенка, т. к. ему приходится запоминать новые слова (коллаж, мозаика, барельеф, горельеф, орнамент и т. д.).

Часто дети стремятся помочь друг другу, показывают, как легче выполнить задание, ищут разные способы выполнения. Следовательно, под влиянием мотивации достижения успехов у детей в процессе работы формируются и совершенствуются такие личностные качества, как самостоятельность и трудолюбие, которые оказывают своеобразное влияние на развитие активности и инициативы, самоконтроля, адекватной самооценки, влияющих на статусное положение ребенка в группе сверстников.

Таким образом, уроки в детской художественной школе занимают важное место в системе раз-

вивающего обучения, художественно-эстетического и нравственного развития детей, решают не только частные задачи художественного воспитания, но и более глобальные – развивают интеллектуально-творческий потенциал ребенка.

Межпредметные связи в школьном обучении являются конкретным выражением интеграционных процессов, происходящих сегодня в науке и в жизни общества. Эти связи играют важную роль в повышении практической и научно-теоретической подготовки учащихся, существенной особенностью которой является овладение школьниками обобщенным характером познавательной деятельности. Обобщенность же дает возможность применять знания и умения в конкретных ситуациях, при рассмотрении частных вопросов как в учебной, так и во внеурочной деятельности, в будущей производственной, научной и общественной жизни выпускников.

С помощью многосторонних межпредметных связей не только на качественно новом уровне решаются задачи обучения, развития и воспитания учащихся, но также закладывается фундамент для комплексного видения, подхода и решения сложных проблем реальной действительности. Именно поэтому межпредметные связи являются важным условием и результатом комплексного подхода в обучении и воспитании учащихся.

Реализация идеи межпредметных связей в пе-

дагогике и методике преподавания тесно связана с методологическими воззрениями педагогов на проблему синтеза и анализа научного знания как конкретного выражения дифференциации наук. Теоретическое и практическое решение этой проблемы изменялось в соответствии с развитием общества, его социальным заказом педагогической науке и школе. Утверждение и упрочение предметной системы преподавания в современной школе неразрывно связаны с развитием идеи межпредметных связей.

При разработке системы межпредметных связей важно определить понятия, которые должны быть усвоены школьниками на каждом этапе обучения. Эти понятия нужно год от года усложнять, одновременно расширять их круг. Однако со многими из них школьники должны знакомиться ежегодно, что позволит им уяснить всю глубину, сложность, многозначность понятий.

Таким образом, обучение в детской художественной школе должно быть построено таким образом, чтобы формировать у учащихся способность воспроизводить ранее усвоенные знания для лучшего запоминания нового материала. Систематическое развитие педагогически целесообразных взаимодействий между разделами учебных предметов – одно из необходимых условий развития комплекса умений и художественных способностей у учащихся.

Библиографический список

1. Боярчук В.Ф. Межпредметные связи в процессе обучения. – Вологда, 1988. – 223 с.
2. Гурьев А.И. Межпредметные связи – теория и практика // Наука и образование. – Горно-Алтайск, 1998. – № 2. – 204 с.
3. Колпакова Г.И. Межпредметные связи – одна из форм активизации учебно-воспитательного процесса // Начальная школа. – 1989. – № 10–11. – С. 29–31.
4. Махмутов М.И. Современный урок. Вопросы теории. – М., 2002. – С. 37–40.
5. Петров А.В. Развивающее обучение: Монография. – Челябинск: Издательство ЧГПУ «Факел», 1997. – 261 с.

V.S. BALAKIN

USE OF INTERSUBJECT COMMUNICATIONS IN THE COURSE OF TRAINING OF SCHOOLBOYS AT CHILDREN'S ART SCHOOL

Article is devoted intersubject communications at children's art school, interrelation of disciplines, their influence on life of pupils, development of abilities and skills of artly esthetic values. Intersubject communications make a necessary condition of the organization of teaching and educational process, reflect natural interrelations of processes and the world around phenomena. Intersubject communications in school training are concrete expression of the integration processes occurring in life of a society.

Key words: intersubject communications, children's art school, pupils, educational process, pedagogics.

Л.А. КУЗНЕЦОВА, кандидат педагогических наук, доцент кафедры
декоративно-прикладного искусства и технической графики
Орловского государственного университета
Тел. 89202839054

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО КАК ИСТОК ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

В истории развития человечества изначальным видом изобразительного искусства стало декоративно-прикладное искусство. Доказательством тому могут служить наскальные рисунки с изображением сцен охоты, которые имели не только ритуальный, магический, а значит, и прикладной характер. По прошествии многих тысячелетий непрерывного процесса развития разных человеческих обществ из декоративно-прикладного искусства выделяются первые зачатки основных видов изобразительного искусства: графики, живописи, скульптуры, всё это подтверждает, что истоком изобразительного искусства является декоративно-прикладное искусство.

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство, первобытное искусство, каменный век, палеолит, мезолит, неолит, пещерные росписи, статуэтки, охотники на мамонтов, орудия труда и охоты, резьба и роспись по камню, кости, бивню мамонта.

Предпосылки к зарождению первобытного искусства появились в эпоху раннего палеолита в разных частях земного шара. Археологические, этнографические исследования указывают на создание первобытными людьми орудий труда из кремния, форма которых закрепляла в сознании человека интуитивное чувство формы. Вся история первобытного человека разделяется на три основных периода: палеолит (древнекаменный век – 2 млн. – 10 тыс. лет до н.э.), мезолит – 10–6 тыс. лет до н.э., неолит – 6–2 тыс. лет до н.э. Всевозможные орудия: каменные топоры, ножи, скребки – были удобны для работы, а также имели симметричную форму. В период палеолита появилось много типов каменных орудий. Из них самым распространённым было ручное рубило. Уже в эту эпоху человек меняет форму и вид предмета не только с целью создания практических орудий. Таковы небольшие каменные плиты с нанесёнными на них красочными полосками и пятнами и с выдолбленными чашечками, расположенными в определённом порядке (пещера Ля-Ферраси, Франция). Применяя для изготовления орудий кости животных, первобытные мастера стали замечать, что на них можно делать зарубки кремниевыми топорами. Постепенно из этих зарубок появился простейший орнамент, который представлял собой ритмически чередующиеся зарубки на костяных орудиях труда и охоты. Эти зарубки кроме декоративного значения имели вполне утилитарное назначение – они меньше скользили в руке. В начале позднего палеолита появляются росписи на стенах и потолках пещер, рельефы и круглая скульптура, гравированный рисунок на камне, роге и кости. Первобытный художник писал охрой – жёлтой, красной и коричневой, сажей и мергелем. Минеральные краски растирались на животном жиру. Круглая скульптура создавалась из мягких пород камня, рога и кости и всегда имела небольшие размеры. Рельеф вырезался или на отдельных камнях, или на стенах пещер, где использовались естественные выступы поверхности стен. Почти все сюжеты посвящены животным. Обычно это были изображения лошади, оленя, быка, носорога, бизона, льва, медведя. В эпоху

позднего палеолита встречаются на стенах пещер изображения рук; краской обводился контур руки, и рисунок заключался в круг, это свидетельствует о том, что это не случайные отпечатки, а магические знаки. До появления первых предметов декоративного искусства должны были пройти десятки тысяч лет развития первобытных обществ. Обнаруженные при раскопках находки многих стоянок позднего палеолита (35–10 тыс. лет до н.э.) выявили такой факт, что предметы искусства, найденные на различных территориях, имели определённые различия и отличительные черты, характерные для первобытных людей, проживающих в разных местах. Так, например, в пещерах Испании, Франции были обнаружены наскальные изображения, выполненные достаточно художественно, однако в подобных пещерах Германии, Чехии, Венгрии, Польши изображений не обнаружено. Зато на раскопках позднего палеолита в Чехии и Словакии были найдены статуэтки животных из обожженной глины. Однако обжиг глины на всей территории Европы не был известен вплоть до эпохи неолита (примерно 6–2 тыс. лет до н.э.). Эти и другие данные показывают, что первобытное искусство зародилось не на одной какой-то территории, а потом распространилось с постепенным расселением людей по планете. В эпоху позднего палеолита люди были расселены в пяти областях (европейская, средиземноморская, сибирско-монгольская, индокитайская и южноафриканская), и на всех этих территориях видны различия между памятниками первобытного искусства. Можно довольно убедительно говорить о самостоятельном зарождении искусства (примитивного искусства) в этих областях. Искусство зарождалось повсеместно и изначально было различно, так же, как были различны человеческие общины, различны люди этих общин, географические и экономические условия их жизни.

В период позднего палеолита (35–10 тыс. лет до н.э.) люди могли рисовать, лепить, резать по камню и кости, эти умения возникали повсеместно, где появлялось человеческое общество, не было определённого места, где искусство зародилось и разошлось по миру по мере его заселения людьми. К самым древним произведениям искусства позднепалеолитических охотников относятся статуэтки обнажённых женщин, или так называемые Венеры. Как правило, у этих статуэток нет лица, рук и ног (их не намечали), но зато чрезвычайно

рельефно изображены грудь, живот и бедра, то есть физические признаки, отличающие зрелую женщину, мать. Одна из таких статуэток была найдена в Моравии (Чехословакии), в Дольних Вестоницах-на-Дыйе. Древний мастер вылепил из мягкой податливой массы прекрасную нагую женскую статуэтку, которую затем обжёл на огне, так что она стала твёрдой, как камень. На раскопках стоянки в Дольних Вестоницах было сделано одно интересное открытие. Членом этого общества был мастер (скульптор); для своих работ он изобрёл особенно мягкую и податливую массу. Приготавливал её следующим образом: перемешивал золу от звериных костей с глиной и всё это – с животным жиром. Конечно, ему пришлось много подумать, пока он изобрёл такую смесь для формования, которая после обжига на огне затвердевала, превращаясь в камень, и хорошо сохраняла первоначальную форму.

Но это изобретение древнего художника не было единственным. Он сделал открытие, имеющее ещё более важное значение. На той же стоянке удалось обнаружить следы небольшого жилища, длиной всего в пять и шириной в четыре метра, которое стояло немного поодаль от других шалашей стоянки на пологом склоне недалеко от ручья. В центре этой хижины было круглое углубление для очага, обмазанное глиной и со сводом, то есть какая-то примитивная печь, какие известны только из жилищ самых древних земледельцев нового каменного века или неолита. Около печи лежали кучки формовочной массы и даже обожженные головы медведя и лисы. Из находки ясно: художнику из Вестониц уже было недостаточно обычного огня для обжига фигурок, и поэтому он изготовил для этой цели какую-то примитивную гончарную печь. Это единственная находка, свидетельствующая о том, что художник из общины охотников на мамонтов в эпоху позднего ориньяка (поздний палеолит, 35–10 тыс. лет до н.э.) не только изобрёл новую формовочную массу, но и стал первыоткрывателем и творцом гончарства. А неолитический человек изобрёл, собственно говоря, только новую форму обжига, освоив гончарное производство. Было бы интересно, при каких обстоятельствах вестоницкий мастер был вынужден так быстро покинуть свою мастерскую, почему он столь неожиданно прекратил работу и оставил всё в таком неубранном виде, в каком всё было обнаружено учёными. Интересен ещё один факт.

По-видимому, древний художник жил или хотя бы работал в хижине один, в некоторой обособленности от жизни всей стоянки. Может быть, ему для творческой работы нужен был покой, одиночество, или он хотел избежать людского любопытства. Также можно предположить, что если его художественные произведения предназначались прежде всего для потребностей охотничьей или другой магии, то, конечно, его изолированность признавалась другими членами общества, а его самого считали за человека уважаемого, хотя и немного таинственного. Был ли этот мастер одновременно и колдун, неизвестно; однако возможно, что некоторые скульптуры он мог выполнять для магических обрядов.

Человеческое стремление украсить своё тело наблюдалось уже в очень древние времена. На некоторых стоянках позднепалеолитических людей, около костра вестоничских охотников на мамонтов найдено много куч цветной глины. Они, наверное, служили для раскрашивания тела, что является самым древним способом украшения вообще. Но уже у ориньякских охотников встречаются и другие украшения тел, прежде всего различными ожерельями, которые изготавливались главным образом из раковин различных ископаемых моллюсков, в том числе и улиток, из зубов хищников либо из бус и валиков, вырезанных из бивня мамонта. Все части ожерелий, независимо от того, раковины или зубы, имеют просверленные отверстия, чтобы можно было их нанизывать. В немецком ориньяке около Могуча была найдена целая мастерская по изготовлению ожерелий; около сложенных валунов, которые, по всей видимости, служили рабочими столами, среди множества кремневых орудий было найдено много морских раковин, у которых была отрезана верхушка. Люди каменного века придавали художественный облик предметам повседневного обихода – каменным орудиям и сосудам из глины, хотя в этом не было необходимости. Зачем они так поступали? На этот счёт можно строить только предположения. Одной из причин возникновения искусства считают человеческую потребность в красоте и радости творчества, другой – верования того времени.

Первобытные люди украшали не только себя, но и свои жилища (пещеры). Многие помещения в пещерах столь богато украшены резьбой и роспи-

сью, что их смело можно считать какими-то первобытными святинями, где производились магические обряды. Для эпохи палеолита характерно развитие декоративного искусства; почти всюду люди стремились украсить одежду и предметы повседневного обихода. Больше всего до нас дошло орнаментированной посуды. По формам неолитических сосудов, а особенно по способу и разнообразию их украшения одна область отличалась от другой. Можно проследить развитие орнамента от простейших узоров на сосудах ямочно-гребенчатого типа (Восточная Европа) до превосходно сделанных и богато расписанных сосудов Египта и Триполья.

Человек стремился улучшить своё существование, свой быт доступными ему умениями и средствами, это явилось причиной возникновения у человека художественного инстинкта, который со временем развился в художественное чутьё, чувство. Изобразительные средства стали одним из таких средств. Поэтому в истории развития человечества изначальным видом изобразительного искусства стало декоративно-прикладное искусство. Доказательством тому могут служить наскальные рисунки с изображением сцен охоты, которые имели не только ритуальный, магический, а значит, и прикладной характер. В период мезолита происходят изменения в искусстве: изображаются многофигурные сцены. Теперь художник старается не только добиться внешнего сходства, он старается показать внутренний смысл происходящих событий. Создание динамичных сцен с определённым сюжетом свидетельствует о более глубоком и сложном отражении действительности в сознании человека. Постепенно, довольно медленно появляется гармоничная форма, появляется простейший декор (орнамент) у древнейших орудий труда, охоты и предметов быта. По прошествии многих тысячелетий непрерывного процесса экономического, культурного развития разных человеческих обществ, на рубеже неолита и начала бронзового века (4–3 тыс. лет до н.э.) появляются первые зачатки основных видов изобразительного искусства: графики, живописи, скульптуры. Постепенно развиваясь, изобразительное искусство, сохраняя тесную связь с декоративно-прикладным искусством, достигло высокого художественного уровня, например, в Древнем Египте, Древней Греции.

Библиографический список

1. Алексеев В.П., Пешерин А.И. История первобытного общества. [Текст]. – М., 1991.
2. Архитектура, изобразительное и декоративно-прикладное искусство с древнейших времён до эпохи Возрождения. [Текст]. Энциклопедия. Аванта+. Т. 7. – М., 2001.
3. Культурология – история мировой культуры. Под ред. Марковой, А.Н. [Текст]. – М.: Культура и спорт. ЮНИТИ, 1998.
4. Очерки истории искусства. Под ред. Г.Г. Поспелова, Н.Е. Григоровича. – М.: Советский художник, 1987. – 464 с.: ил.
5. Померанцева Н.А., Первобытное искусство. [Текст]. – М.: Белый город, 2006.
6. Тейлор Э.Б. Первобытная культура. – М., 1993.

L.A. KUZNETSOVA

ARTS AND CRAFTS AS FINE ART SOURCE

In the history of mankind arts and crafts became a primary kind of fine arts. Rock paintings with images of hunting scenes with had not only ritual, magic, but also applied character car serve as the proof of it. After many centuries of different communities, the early stages of major kinds of fine art start their development. For example, the first works of drawing, painting, and sculpture appear. All this confirms that arts and crafts are the source of fine art.

Key words: arts and crafts, primitive art, the Stone Age, paleolith, mesolit, late Stone Age, cave lists, statuettes, mammoths hunters, instruments of labor and hunting, carving and painting on stones, bones, and tusks of a mammoth.

*Д.А. ХВОРОСТОВ, кандидат педагогических наук,
доцент Орловского государственного университета
Тел.: (4862) 47-40-42, 8 910 304 69 99; aqua_storm@mail.ru*

ПРОЕКТНЫЕ РАБОТЫ В НАСЛЕДИИ АРХИТЕКТОРОВ ЗАХАРОВА И БАРАНОВСКОГО

История русской культуры очень богата выдающимися личностями, оставившими о себе память не только в живописи, литературе, науке, но и в архитектуре. Личность архитектора прошлых веков значима тем, что кроме глубочайших знаний строительных конструкций, сопротивления материалов, пропорций она включала в себя прекрасного художника. Один человек являл собой целый проектный институт. Кроме этого архитекторы прошлого были замечательными педагогами.

Ключевые слова: Барановский, Захаров, архитектор, градостроение, проектирование, педагогическая деятельность.

История русской культуры очень богата выдающимися личностями, оставившими о себе память не только в живописи, литературе, науке, но в «застывшей музыке» – архитектуре.

Личность архитектора прошлых веков значима тем, что кроме глубочайших знаний строительных конструкций, сопротивления материалов, пропорций она включала в себя прекрасного художника, проектировщика и, как сейчас принято говорить, «дизайнера». Один человек являл собой целый проектный институт. Разработка стиливого решения здания со всеми фасадами, лестницами, богатыми дверными группами, мебелью, светильниками, живописью, скульптурой, аксессуарами осуществлялась под руководством одного человека, а зачастую и им одним. Архитекторы обладали колоссальными знаниями и умениями не в одной строительной области, а в самых различных сферах. Это были уникальные, универсальные мастера своего дела. Создавалось единое, завершенное целое – архитектурно-интерьерная среда. Продуманное единство архитектурного образа фасадов и стиливого решения интерьеров превращало здание в настоящий шедевр.

Обратимся к истории. Замечательный русский архитектор Гавриил Васильевич Барановский родился 25 марта 1860 года в Одессе в семье коллежского секретаря Василия Ивановича Барановского. Учился в реальном училище в Одессе, по окончании которого поступил вольнослушателем на архитектурное отделение Санкт-Петербургской Академии художеств. Был отчислен по политическим мотивам и продолжил образование в Институте гражданских инженеров, который окончил в 1885 году.

Очень интересна история плодотворного творческого сотрудничества архитектора-дизайнера Г.В. Барановского с одним из самых богатых русских купеческих семейств – торговым домом Елисеевых.

Г.В. Барановский женился на дочери Григория Петровича Елисеева, главы торгового дома Елисеевых, после чего стал домашним архитектором Елисеевых.

Григорий Григорьевич Елисеев, младший сын Григория Петровича, владел несколькими доходными домами в Петербурге. От отца он унаследовал дома на Васильевском острове, по Биржевой линии и Биржевому переулку.

Елисееву принадлежал дом № 18 по Биржевой линии. Для увеличения доходности в 1887 г., еще при Г.П. Елисееве, Барановский надстроил над домом мансарды, сдаваемые под мастерские художников.

Этот дом часто называют «домом художников», потому что в разные времена там проживали мастера живописи А. Бегров, Е. Волков, М. Клодт, И. Крамской, братья Чернецовы.

Здесь находилась мастерская А.И. Куинджи. Квартира в Биржевом переулке с огромной, очень светлой мансардой-мастерской, из которой открывался величественный вид на город, на Стрелку Васильевского острова и Петроградскую сторону, привлекла внимание Куинджи. Мастерская оказалась очень удобной для работы. В этом доме А.И. Куинджи проживал с 1897 г. до своей смерти в 1910 г. В квартире в настоящее время открыт музей художника.

В Чернышевском переулке (ныне ул. Ломоносова) Г.Г. Елисеев купил в 1890 г. у гражданского инженера Н.С. Кудрявцева участок земли. В 1891–1892 гг. архитектор Барановский выстроил здесь новый пятиэтажный доходный дом. В 1904 г. Г.Г. Елисеев приобрел также доходный дом на Адмиралтейском канале, 17. Еще одна из работ Барановского – доходный дом Елисеева на набережной Фонтанки, 64 (1890).

Г.В. Барановский в 1893–1894 гг. занимался интерьерами квартиры в доме № 12–14, по Биржевой линии Васильевского острова, в котором Григорий Григорьевич Елисеев жил со своей семьей. Г. В. Барановский перестроил парадную лестницу и перепланировал бельэтаж квартиры. Интерьеры квартиры владельца были пышно оформлены в стиле поздней эклектики – использованы живописные плафоны, фризы, керамические панно, мозаики, позолота, зеркала, деревянная обшивка и лепнина.

В кабинете стены, потолок, оконные проемы, камин отделаны резными дубовыми панелями с мозаичными вставками. Столовая решена в стиле неоренессанса. Концертный зал украшают капризиды и сложный, причудливый ордер.

В 1920-е гг. дома Елисеевых были переданы Государственному оптическому институту (ГОИ).

Барановский реконструирует многочисленную недвижимость Елисеевых. Две его самые известные работы – Дом торгового товарищества «Братья Елисеевы» на Невском проспекте и

московский Елисеевский магазин на улице Тверской (совместно с В.В. Воейковым и М.М. Перетятковичем).

В 1901 году Барановский перестроил магазин Елисеевых в Москве на Тверской улице. Этот опыт оформления торговых помещений пригодился архитектору, когда Елисеевы решили возвести здание нового магазина в центре Петербурга, на участке, который с 90-х годов был их собственностью. Вся работа по проектированию и строительству нового торгового дома тоже осуществлял Г. Барановский. Сооружение комплекса зданий фирмы «Братья Елисеевы» на углу Невского проспекта и Малой Садовой улицы закончилось к 1905 году и стало самой известной работой Барановского. О достоинствах и недостатках импозантного во всех смыслах здания до сих пор спорят историки архитектуры.

Торговый дом представляет собой огромное трехэтажное здание, по высоте равное шестиэтажному зданию, он включает в себя большой торговый зал на первом этаже, театральный зал на втором и ресторан на третьем. Торговый зал оформлен с необычайной пышностью. Богато декорированы и фасады здания, при этом архитектор использовал здесь самые разные средства украшения: цветочные витражи оплетает металлическое кружево, здание венчает крыша причудливой формы с башенками, по обе стороны огромных окон торгового зала находятся аллегорические фигуры Промышленности и Торговли, Искусства и Науки, выполненные скульптором А. Адамсоном. Необычное оформление здания делает его запоминающимся, выделяет из общего ряда других зданий Невского проспекта.

С 1898 года Барановский официально главный архитектор всех предприятий Елисеевых.

С 1891 года Барановский – архитектор благотворительного Ведомства учреждений Императрицы Марии. Проектирует Глазную больницу в Петербурге.

Г.В. Барановский – автор, издатель и редактор журналов «Наше жилище» (1894–1895) и «Строитель» (1895–1905). Участвовал в составлении проекта строительного Устава.

Особая страница в творческой и профессиональной деятельности Г.В. Барановского – создание, редактирование и издание семитомной «Архитектурной энциклопедии второй половины XIX века», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1904 году. Эта

прекрасная, богато иллюстрированная и очень наглядная энциклопедия до сих пор остается замечательным помощником архитекторам и дизайнерам при работе над проектированием интерьеров.

Если обратиться к истории жизненного пути выдающегося русского архитектора Андреяна Дмитриевича Захарова, то мы увидим, что кроме архитектурных работ ему все время приходилось заниматься черчением и проектированием интерьеров и ландшафтов, вести преподавательскую деятельность.

Андреян (Адриан) Дмитриевич Захаров родился 8 (19) августа 1761 года на глухой окраине Санкт-Петербурга, близ устья реки Фонтанки, в семье чиновника Адмиралтейств-коллегии, прапорщика Дмитрия Ивановича Захарова. Несмотря на то, что семья была небогата, Захаров-отец сумел дать двум своим сыновьям хорошее образование. Оба они стали впоследствии профессорами и академиками. Яков Захаров прославился как крупный ученый в области химии и механики, основоположник научного воздухоплавания, а его младший брат Андреян – как гениальный архитектор.

21 апреля 1767 года, когда Андреяну еще не исполнилось 6 лет, отец определил его на казенный счет воспитанником в художественное училище при Академии художеств. С этого времени вся жизнь будущего архитектора тесным образом связана с Академией. Окончив художественное училище, Андреян Захаров поступил в Академию. Его преподавателями были выдающихся русские зодчие того времени профессора А.Ф. Кокоринов, А.А. Иванов и И.Е. Старов. Через два года после перехода в архитектурный класс, 13 сентября 1778 г., Захаров получает малую серебряную медаль за проект загородного дома, а 29 сентября 1780 г. удостоивается большой серебряной медалью за «архитектурную композицию, представляющую дом принцев». В ноябре 1781 г., Захарову была задана выпускная программа – разработать проект «факсала» (вокзала), предназначенного для отдыха и увеселений. За этот проект на выпускном экзамене в 1782 году Захаров получил большую золотую медаль, которая давала право на поездку за границу для совершенствования знаний, полученных в Академии.

В 1782 году, окончив Петербургскую Академию художеств, Захаров отправляется в Париж. Здесь он поступает в мастерскую к одному из ведущих французских архитекторов Ж.Ф. Шальгрёну.

Кроме Шальгрёна заметное влияние на творчество Захарова в период его пребывания во Франции оказал К.Н. Леду – кумир молодых французских архитекторов 1780-х гг. Его проекты поражали размахом градостроительных идей, монументальностью и целостностью архитектурных форм, сведенных к простым, обобщенным геометрическим объемам. Архитектурные идеи и приемы К.Н. Леду нашли яркое отражение в конкурсных проектах воспитанников Парижской Академии, за работой которых Захаров с интересом наблюдал. Недаром в последующие годы, уже будучи ведущим профессором Петербургской Академии, он пользовался опубликованными в начале XIX в. конкурсными проектами в качестве учебного пособия для своих учеников.

После четырех лет работы во Франции летом 1786 года А.Д. Захаров возвращается в Петербург, а со следующего, 1787 года он уже сам преподает архитектуру в Академии художеств. Его преподавательская деятельность не прерывалась до конца жизни. Почти одновременно с преподаванием Захаров занялся проектированием. Так, например, известно, что в 1789 г. он разработал проект училища для села Любучи Рязанского наместничества.

К 1792 г. относится первая по времени из известных графических работ архитектора – эскиз торжественной декорации по случаю заключения мира в Яссах в декабре 1791 г., ознаменовавшего победу русской армии и флота над Турцией. В 1794 году А.Д. Захаров становится академиком Петербургской Академии художеств. Тогда же он был назначен архитектором всех академических строений. В течение пяти последующих лет (1794–1799) Захаров проектировал отделку интерьеров, занимался устройством новых апартаментов для президента Академии художеств, руководил текущими ремонтными работами.

В конце 1799 г. по повелению Павла I А.Д. Захаров, сохраняя должность профессора Академии художеств, становится архитектором города Гатчины, где находилась загородная резиденция императора. Фактически он становится придворным архитектором, принимая деятельное участие в работах по перестройке Гатчинского дворца, в проектировании и строительстве многочисленных городских и дворцово-парковых сооружений. В качестве помощника с 1800 года у него работал А.Н. Воронихин, создавший впоследствии такие

выдающиеся произведения русской архитектуры, как Казанский собор и здание Горного института. Почти два года проработал Захаров в Гатчине. Целый ряд сооружений спроектировал Захаров для парка. Самым значительным был монастырь святого Харлампия. Осенью 1800 года начались работы по его возведению, но после смерти Павла I работы были прекращены. Захарову было разрешено закончить только те сооружения, которые близились к окончанию. Он успел создать лучший мост в парке – Горбатый мост, напоминающий венецианские мосты, а также Львиный мост, павильоны «Ферма» и «Птичник».

В 1801–1802 годах по указанию Александра I А.Д. Захаров совершил поездки в различные губернии для разработки на местах проектов военных училищ, составления проектов и смет для их строительства. Эта поездка сыграла большую роль в формировании собственного архитектурного почерка Захарова. В 1803 году, после возвращения в Петербург, он представил серию образцовых, или типовых, зданий для провинциальных городов. В числе составленных архитектором чертежей были проекты домов генерал-губернатора, гражданского губернатора, вице-губернатора, здания присутственных мест, тюрем, винных и соляных складов для губернских городов. В соответствии с образцовыми проектами Захарова сооружаются многочисленные различного назначения здания в Полтаве, Чернигове, Казани, Симбирске, Архангельске и многих других городах России.

С 1797 года А.Д. Захаров являлся профессором, а с 1803 года – ведущим (старшим) профессором архитектурного класса Академии художеств. Тогда же Захаров выполняет проект застройки Васильевского острова в Петербурге с перестройкой здания Академии наук (1803–1804), выполненный в традициях французской градостроительной школы. В это же самое время Захаров подготавливает проект архитектурного плана для Нижегородской ярмарки. А.Д. Захаров усиленно занимался составлением проектов, но, несмотря на освобождение от должности академического архитектора, он неоднократно привлекался к строительным работам уже в качестве эксперта и проектировщика. К наиболее значительным из этих работ относится осуществленный проект Литейной мастерской при Академии художеств (1805, не сохр.).

В том же 1805 году Захарова назначают главным архитектором Главного Адмиралтейства в

Петербурге вместо Ч. Камерона, исполнявшего эту должность с 1802 по 1805 г. В середине июля 1805 г. Захаров принял у Камерона все дела, в том числе чертежи и сметы. С этого времени и до последних дней жизни он руководил и направлял всю строительную работу. Чтобы справиться с огромным объемом работ, архитектору необходим был целый штат помощников, которых ему постоянно не хватало. Из-за этого Захаров вынужден был тратить массу времени на чертежи и проектные архитектурные отмычки.

Здание Адмиралтейства (1806–1823) в Петербурге – величайший памятник, шедевр русской архитектуры. Старое здание Адмиралтейства было построено в 1727–1728 годах архитектором И.К. Коробовым. Через сто лет было решено начать работы по его реконструкции. Подготовить проект и претворить его в жизнь поручили А.Д. Захарову, «Главных Адмиралтейств Архитектору». Получив задание капитально перестроить коробовское Адмиралтейство, Захаров с большим подъемом и энергией взялся за дело. Проект, составленный им, был утвержден императором, и 25 мая 1806 года на Адмиралтейском дворе вновь начались строительные работы. Задача, вставшая перед Захаровым, была чрезвычайно сложна. Ему предстояло не только переделать фасады, но и произвести перепланировку сотни помещений. Дело в том, что сама верфь нуждалась в коренной реконструкции. Кроме этого требовались новые помещения для только что учрежденного Министерства морских сил, в состав которого вошли и Адмиралтейств-коллегия, и вновь созданный Адмиралтейский департамент. Адмиралтейство по-прежнему должно было оставаться не только резиденцией морского ведомства «с его библиотекою, музеем и прочими к нему принадлежностями», но и производственным предприятием с кладовыми и кузницами. Совмещение действующей верфи со зданием, играющим главную роль в архитектурном ансамбле, было задачей весьма необычной, почти не имевшей прецедентов в истории мировой архитектуры. Кроме того, Захаров был стеснен планом старого Адмиралтейства, которое он изучил самым тщательным образом и которое решил по мере возможности не разрушать. Архитектор исключительно бережно отнесся к творению своего предшественника.

Захаров сам установил очередность предстоящих работ, разбив их на несколько этапов. Первый

– сооружение корпуса перед Зимним дворцом; второй – крыла главного корпуса до башни; третий – башня и т. д. В 1811 году в основном завершились работы по отделке восточной части Адмиралтейства, включая и Невский павильон, но здание в целом было еще далеко не окончено. Зодчий остро нуждался в хорошей мастерской, способной избавить его от черновой работы, в увеличении числа помощников.

Сохранив конфигурацию плана уже существовавшего здания, Захаров создал новое, грандиозное сооружение, придав ему величественный архитектурный облик и подчеркнув его центральное положение в городе (главные магистрали сходятся к нему тремя лучами). Предшественникам зодчего не приходилось создавать таких протяженных фасадов, какие имеет Адмиралтейство (главный фасад – 407 м, а каждый из боковых – около 172 м). В центре здания – монументальная ступенчатая башня со шпилем – знаменитая Адмиралтейская игла (высотой 72,5 м), ставшая символом города. Для создания скульптурного убран-

ства были привлечены лучшие русские ваятели того времени (Ф.Ф. Щедрин, И.И. Терехов, С.С. Пименов, В.И. Демут-Малиновский и др.). Строительство Адмиралтейства явилось вершиной творческого гения Захарова, шедевром русского зодчества.

Архитектор трудился, не жалея себя, не зная отдыха. Он буквально сгорел на работе. Андреян Захаров умер в Петербурге 27 августа (8 сентября) 1811 года, так и не успев завершить свое великое творение, которому суждено было стать выдающимся произведением не только в творчестве самого зодчего, но и во всей мировой архитектуре. Похоронен он был на Смоленском православном кладбище, рядом со своими родителями – Д.В. Захаровым (1732–1810) и Е.В. Захаровой (1740–1830). В 1936 году их прах и памятник были перенесены в Некрополь XVIII века (Лазаревское кладбище Александро-Невской лавры). Осталась на Смоленском кладбище только могила его брата – Якова Дмитриевича (1765–1836), химика, академика, основоположника научного воздухоплавания.

Библиографический список

1. Барановский Г.В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века. В 7 т. – М.: Арт-родник, 2006.
2. Барановский // Архитекторы-строители Петербурга-Петрограда начала XX века. Каталог выставки. – Л., 1982. – С. 21–22.
3. Горюнов В.С., Исаченко В.Г., Таратынова О.В. Гавриил Барановский // Зодчие Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века / Сост. В.Г. Исаченко; ред. Ю. Артемьева, С. Прохватаилова. — СПб.: Лениздат, 1998. – 1070 с.
4. Гримм Г.Г. Архитектор Андреян Захаров. Жизнь и творчество / Г.Г. Гримм. – М.: Гос. Архит. изд-во Акад. архит. СССР, 1940. – 68 с. + 106 ил. – (Мастера архитектуры русского классицизма).
5. Интерьер в русском искусстве. Сост. Володарский В.М. – М.: Искусство, 2002. – 208 с.
6. Таратынова О.В., Горюнов В.С. Новое о творчестве архитектора Г.В. Барановского // Вопросы истории, теории и практики архитектуры. Межвузовский тематич. сб. трудов. – Л., 1985. – С. 83–88.
7. Хворостов Д.А. Интерьер в картинах русских художников. Историко-культурное наследие. Российское научное издание. № 3. – Орел, 2010.
8. Хворостов Д.А. Эстетическое воспитание студентов отделения «Искусство интерьера». Ученые записки Орловского государственного университета. № 1. – 2010.
9. Хворостов Д.А. Интерьер в истории русского изобразительного искусства и современные компьютерные технологии. Вестник Орловского государственного университета. № 1. – 2011.
10. Шуйский В. К. Андреян Захаров / В.К. Шуйский. – СПб.: Стройиздат, 1995. – 220 с.

D.A. KHVOROSTOV

The history of Russian culture is very rich with the outstanding persons who have left about memory not only in painting, the literature, a science, but in architecture. The person of the architect of the last centuries is significant that except the deepest knowledge of building designs, resistance of materials, proportions it included the fine artist. One person showed the whole project institute. Besides, architects of the past were remarkable teachers.

Key words: Baranovsky, Zaharov, the architect, town-planning, designing, pedagogical activity.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»:

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, ректор Орловского государственного университета, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, действительный член Международной академии информатизации, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета, директор Орловского филиала Института содержания и методов обучения Российской академии образования, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

БЕЛЕВИТИНА Т.М. – ответственный редактор журнала «Ученые записки Орловского государственного университета»;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии) – кандидат филологических наук, начальник научно-исследовательского сектора Орловского государственного университета;

АЛЕКСАНДРОВА А.П. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Орловского государственного университета;

АЛЕКСЕЕВ А.П. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин философского факультета Московского государственного университета;

ЗАЙЧЕНКОВА М.С. – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка как иностранного, председатель докторского диссертационного совета по русскому языку и методике его преподавания Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ИВАНОВ А.Е. – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, директор НИИ филологии Орловского государственного университета;

ИСАЕВА Н.И. – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Белгородского государственного университета;

КАПУСТИН А.Я. – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов, вице-президент Российского отделения Ассоциации международного права;

КОЛЕСНИКОВА А.Ф. – доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры почвоведения и прикладной биологии, директор НИИ естественных наук Орловского государственного университета, заслуженный деятель науки РСФСР, действительный член Международной Российской экологической академии;

ЛЬВОВА С.И. – доктор педагогических наук, профессор, заведующая лабораторией обучения русскому (родному) языку

Института содержания и методов обучения Российской академии образования;

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по истории России Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы XX–XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ОСКОТСКАЯ Э.Р. – доктор химических наук, профессор, заведующая кафедрой химии Орловского государственного университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПАХАРЬ Л.И. – доктор философских наук, профессор Орловского государственного университета, академик Академии социальных наук, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ПИВЕНЬ В.Ф. – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической физики и математического моделирования Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

РЕПИН О.А. – доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой Самарского экономического университета;

СЕДОВ Е.Н. – доктор сельскохозяйственных наук, профессор, академик Российской академии сельскохозяйственных наук, заслуженный деятель науки РФ, заведующий отделом селекции семечковых культур ВНИИСПК;

СЕРЕГИНА Т.В. – кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, директор НИИ проблем провинциальной культуры Орловского государственного университета;

ТЕР-МИНАСОВА С.Г. – доктор филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета, почетный доктор Бирмингемского и Нью-Йоркского университетов;

ТЫРТЫШНИКОВ Е.Е. – доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель директора Института вычислительной математики Российской академии наук;

УМАН А.И. – доктор педагогических наук, профессор Орловского государственного университета, действительный член Международной педагогической академии;

ШАБАНОВ Н.К. – доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания изобразительного искусства Курского государственного университета, член Союза дизайнеров России, член Международной ассоциации изобразительных искусств им. И. А. Пюнеско.

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ГУМАНИТАРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ»

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, ректор Орловского государственного университета, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, действительный член Международной академии информатизации, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета, директор Орловского филиала Института содержания и методов обучения Российской академии образования, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

БЕЛЕВИТИНА Т.М. – ответственный редактор журнала «Ученые записки Орловского государственного университета»;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционной коллегии) – кандидат филологических наук, начальник научно-исследовательского сектора Орловского государственного университета;

АНТОНОВА М.В. – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории русской литературы XI–XIX веков Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

АРОНОВА С.А. – доктор экономических наук, доцент, декан факультета экономики и управления Орловского государственного университета;

БАХВАЛОВА Т.В. – доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

ГЕЛЛА Т.Н. – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, директор НИИ филологии Орловского государственного университета;

КРЮЧКОВА Т.Б. – доктор филологических наук, профессор, зам. руководителя научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН;

ЛИТВИН Ф.А. – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный деятель науки РСФСР;

МАРКОВИЧЕВА Е.В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Орловского государственного университета;

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по истории России Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

МИХАЛЬЧЕНКО В.Ю. – доктор филологических наук, профессор, академик Российской академии естественных наук и Российской академии лингвистических наук, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы XX – XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

НАЗАРОВА Г.Ф. – кандидат философских наук, профессор кафедры философии и культурологии Орловского государственного университета;

НИКИФОРОВ В.А. – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного и международного частного права, директор НИИ правовых проблем ОГУ;

НОВИКОВ С.Н. – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой декоративно-прикладного искусства и графики Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

ОБРАЗЦОВ П.И. – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой непрерывного образования и новых образовательных технологий Орловского государственного университета;

РЫМШИНА Т.А. – кандидат искусствоведческих наук, доцент кафедры дизайна Орловского государственного университета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

СЕРЕГИНА Т.В. – кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, директор НИИ проблем провинциальной культуры Орловского государственного университета;

ТЮРИКОВА Г.Н. – кандидат педагогических наук, профессор кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы, декан социального факультета, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

УМАН А.И. – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой общей педагогики Орловского государственного университета, действительный член Международной педагогической академии.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

В начале статьи помещаются инициалы и фамилия автора (авторов), название статьи, аннотация на русском языке объемом 40–50 слов.

Статья объемом 4–15 страниц формата А4 должна быть набрана в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.doc, *.rtf шрифтом Times New Roman Cyr, размером 14 pt, через один интервал, возможен формат *.pm6 или *.pm65.

Параметры документа: верхнее поле – 25 мм, нижнее – 25 мм, правое – 25 мм, левое – 25 мм. Нумерация страниц проставляется от центра, внизу страницы. Формулы помещаются в текст с использованием формульного редактора Microsoft Equation (Вставка – Объект – Создание – Microsoft Equation). Символы можно вставлять с помощью операции в Word (Вставка – Символ). Диаграммы располагаются в тексте с использованием программы Microsoft Excel (Вставка – Объект – Создание – Диаграмма Microsoft Excel). Рисунки и графики должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме, лучше применять штриховку (Формат автофигуры – Цвета и линии – Цвет – Способы заливки – Узор). Схемы создаются с помощью панели инструментов Рисование, фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi и прилагаться отдельными файлами.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».

В конце статьи должна быть надпись «Статья публикуется впервые», ставится дата и подпись автора (авторов). Подпись автора сканируется, сохраняется в формате *.tif или *.jpg и вставляется в файл. Инициалы и фамилия автора (авторов), название статьи и аннотация должны быть переведены на английский язык и размещены в конце статьи. Здесь же помещаются сведения об авторе (авторах) – ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, электронный адрес и контактные телефоны*.

Обязательным условием для публикации статьи является наличие в ней ключевых слов (5–6 наименований).

В редакционную коллегия статья передается качественно распечатанной на бумаге формата А4 и в электронном виде одним файлом на CD диске.

За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы).

Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

ВНИМАНИЕ: Статьи лиц, не имеющих ученой степени, заверяются также их научными руководителями.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ «ГУМАНИТАРНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ»

№ 6

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-29955 от 17.10.2007

Включен в каталог «Издания органов НТИ» ОАО Агентство «Роспечать» (почтовый индекс: 66005)

Ответственный редактор: *Белевитина Т.М.*
Компьютерная верстка: *Канатникова Л.Т.*
Дизайн обложки: *Никифоров А.В.*
Корректурa: *Гудкова А.А.*

Подписано в печать 10.12.2011 г. Формат 60x84 1/8. Печать оперативная. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman Cyr. Объем 58,31 усл. печ. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 112.

Отпечатано с готового оригинал-макета в редакционно-издательском отделе
ФГБОУ «Орловский государственный университет»
302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95. Тел./факс (4862) 74-45-08.